

83.3P1
С 481

СЛОВАРЬ

литературныхъ

ТИПОВЪ

Тончаровъ

809

C48-1

N 2250

10423

980

2564

cccc Xog

omd. XX a 128

845

22/2 42

5.0
10423
83.3P
6
1181
8P
23
84
K ПРОВЕРЕНО

СЛОВАРЬ

литературныхъ

ТИПОВЪ

Т 7 том. 9-10

Тончаровъ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. В. Г. БОЛННКОГО
В СЕРДЛОВСК

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

5

ТИПЫ

ГОНЧАРОВА

Редакція Н. Д. НОСКОВА

при сотрудничествѣ

С. И. Поварѣина и Н. А. Саввина.

9

Издателство „Словарь Лит. Типовъ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914.

№ 667266 ДК
Б. 992799 ДК

Государственный архив
Библиотечка
ака. В. И. Богданова
г. Свердловск

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

(Біографическая канва).

- 1812 г. 6 Юня¹⁾, въ Симбирскѣ, родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Отецъ писателя—дворянинъ, приписавшійся къ купеческой гильдіи, Александръ Ивановичъ Гончаровъ; мать—Евдокія Матвѣевна, урожденная Шахторина.
- 1819 г. Смерть отца.—Начало ученія.
- 1820 г. Пансіонъ за Волгой.—Учитель-священникъ, С. Θ. Троицкій.
- 1822 г. Москва. Иванъ и Николай Гончаровы—пансіонеры Коммерческаго училища²⁾.
- 1830 г. Увольненіе изъ училища, по прошенію матери, вслѣдствіе «трудной болѣзни» Николая Гончарова и «разстройства коммерческихъ дѣлъ».—Приготовленіе къ вступительному экзамену въ университетъ.—Закрѣтіе университета (по случаю холеры).
- 1831 г. Вступительный экзаменъ. Студентъ словеснаго отдѣленія. «Республика наукъ». Профессора: Давыдовъ, Надеждинъ, Павловъ, Погодинъ, Шевыревъ.—«Обаяніе поэзіи» Пушкина.
- 1832 г. Переводъ романа Еженя Сю для «Телескопа».—Посѣщеніе моск. университета Пушкинымъ.
- 1834 г. Окончаніе университетскаго курса со степенью «дѣйствительнаго студента».—На родинѣ. Симбирскъ и «домашнее баловство». Начало службы чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ (А. М. Загряжскомъ).
- 1835 г. Петербургъ. Служба въ департаментѣ внѣшней торговли.—Домъ Майковыхъ.
- 1837 г. Кончина Пушкина (см. въ «Спискѣ»—Пушкинъ).
- 1839 г. «Счастливая ошибка» (эскизъ къ «Обыкн. Исторіи»).
- 1846 г. Знакомство съ Бѣлинскимъ. Представленіе на его судъ «Обыкн. Ист.».
- 1847 г. «Обыкн. Ист.» появляется въ «Современникѣ».
- 1848 г. «И. С. Поджабринъ».—Отзывъ Бѣлинскаго о романѣ Гончарова. Кончина Бѣлинскаго.
- 1849 г. Поѣздка на родину. Симбирскъ. Идея «Обрыва». Эпизодъ изъ неоконченнаго романа, «Сонъ Обломова», появляется въ печати.
- 1851 г. Смерть матери.
- 1852 г. Командировка для исправленія должности секретаря при адмиралѣ Путятинѣ. Фрегатъ «Паллада». «Плаваніе по казенной надобности». Кронштадтъ. Портсмутъ. Пребываніе въ Лондонѣ.
- 1853 г. На «Палладѣ». Островъ Мадера. Атлантическіе тропики. Мысъ Доброй

¹⁾ См. въ «Спискѣ»—«Лѣтописецъ».

²⁾ См. Приложеніе 4-ое и въ «Спискѣ»—«Моск. Ком. училище».

- Надежды. Капштадтъ. Поѣздка по Капской колоніи. Ява. Сингапурь. Гонконгъ. Острова Бонинъ-Сима. Японія. Три мѣсяца на нагасагскомъ рейдѣ. Сѣдельные острова. — Поѣздка на купеческой шкунѣ по рѣкамъ Янце-Кіангу и Вусуну. Шанхай. Извѣстіе о разрывѣ сношеній Россіи съ Англійей и Турціей. Возвращеніе въ Нагасаки. — Начало восточной войны.
- 1854 г. Встрѣча Новаго года на фрегатѣ (Нагасаки). Переговоры съ японскими уполномоченными. — Ликейскіе острова. Островъ Люсонъ (Манилла). Портъ Піо-Квинто. Снова Нагасаки. — Корея. Островъ Гамильтонъ. — «Тоска по родинѣ». — Японское море. Татарскій проливъ. Императорская гавань. — Прощаніе съ «Палладой». Паровая шкуна «Востокъ». Плаваніе по Охотскому морю. — «Отечественный берегъ». Аянъ. Странствованіе по Сибири «то верхомъ, то на лодкѣ, а индѣ пѣшкомъ, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды подъ ногами». Якутскъ. Олекма. Киренскъ. Иркутскъ³⁾. Возвращеніе въ Петербургъ.
- 1855 г. Появленіе очерковъ «Фрегатъ Паллада» въ печати. — Литературные планы. Сближеніе съ Тургеневымъ.
- 1856 г. Переходъ на службу въ цензурное вѣдомство. Гончаровъ — цензоръ.
- 1858 г. Поѣздка за границу. Маріенбадъ. Работа надъ «Обломовымъ». Окончаніе романа. — Программа «Эпизодовъ изъ жизни Райскаго».
- 1858 г. Появленіе «Обломова» въ «Отеч. Зап.». Отзывъ Добролюбова въ «Современникѣ». Поѣздка за границу.
- 1859 г. Первая автобіографія (см. Прил. 4-ое).
- 1860 г. Разрывъ съ Тургеневымъ. Третейскій судъ.
- 1862 г. Редакторъ «Сѣверной Почты».
- 1863 г. Членъ совѣта по дѣламъ печати.
- 1864 г. Примиреніе съ Тургеневымъ.
- 1866 г. Берлинъ. Маріенбадъ. Баденъ. — Боткинъ и Тургеневъ. — Булонъ. Парижъ.
- 1867 г. Лѣтняя поѣздка за границу. — Выходъ въ отставку съ полной пенсіей и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.
- 1868 г. Киссингенъ. Усиленная работа надъ «Обрывомъ».
- 1869 г. Появленіе «Обрыва» въ «Вѣстн. Европы».
- 1872 г. «Милліонъ терзаній».
- 1874 г. «Черезъ двадцать лѣтъ».
- 1879 г. «Лучше поздно, чѣмъ никогда».
- 1880 г. «Литературный вечеръ». Уклоненіе отъ пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ по болѣзни.
- 1882 г. 35-лѣтіе литературной дѣятельности.
- 1883 г. Адресъ отъ имени русскихъ женщинъ.
- 1884 г. Первое «полное собраніе сочиненій» въ 8 т.
- 1887 г. «Изъ университетскихъ воспоминаній». «На родинѣ».
- 1889 г. «Нарушеніе воли».
- 1891 г. «Превратность судьбы», очеркъ (появился въ печати послѣ кончины автора). 15 Сентября 1891 г. скончался Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Его могила надъ обрывомъ Никольскаго кладбища Александро-Невской лавры.

³⁾ Подробности о путешествіи Гончарова м. въ «Спискѣ»: «Паллада» и «Японія». См. также Приложение 6-ое: «Гончаровъ-путешественникъ».

А.

А. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Арефьевъ, д-ръ.

А. А. Б. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Бутаковъ, А. А.

А., о. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Аввакумъ, архимандритъ.

Аввакумъ, о. («Черезъ 20-ть лѣтъ ; «Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Аввакумъ, архим.

Авдотья («Обрывъ»).—Уп. л. Прислуга Козловыхъ; «какой-то бурдой изъ кофе потчивала Марка Волохова.

Авдѣй («И. С. Поджабринъ»).—Слуга Поджабрина. «Низенькій, плѣшивый пожилой человѣкъ. Волосы у него на затылкѣ были съ просѣдью». «Каплялъ и энергически зѣвалъ «съ прибавочными звуками «ге-ге-ге!» «Храпѣлъ такъ, что за двѣ комнаты было слышно». Зажиточный: у него «одного платья рублей на семьдесятъ будетъ». О себѣ самомъ отзывался: «вѣстимо, человѣкъ, по-барски не умѣю». «Похожденій» барина не одобрялъ и называлъ ихъ «вздоромъ»; «ворчалъ», что Поджабринъ «деньги сорить», но не возражалъ.—«Не могу знать», было любимымъ отвѣтомъ А. «Отойди отъ зла и сотвори благо», думалось ему; однако, за Машу вступился:—«Что вы обижаете дѣвчонку-то?» Вѣдь и она человѣкъ: любить тоже»; «отеръ жесткой рукой дѣвушкѣ слезы, и «погладилъ ее по головѣ».—Человѣкъ хозяйственный: во время переѣзда на новую квартиру, «нагруженъ былъ мелочами, какъ верблюды. Одной рукой онъ обнялъ стѣнные часы; гири болтались и били его по животу. Между пальцами торчалъ маятникъ. Въ другой рукѣ была лампа. Сзади изъ кармановъ сюртука выглядывали два бронзовые подсвѣчника. Въ зубахъ онъ держалъ кисетъ съ табакомъ».—«Постой, стой! Экъ ты ломишь!»—кричалъ онъ направо и налево».—«Не ставь зеркала въ грязь-то. Погоди носить: надо посмотрѣть, пройдетъ ли. Гдѣ дворникъ? Да что-жъ онъ не отпираетъ? Господи, воля Твоя! Это сущая каторга». Потомъ, самъ же «внесъ кадочку съ пескомъ, корзинку съ пустыми бутылками, двѣ сапожныя щетки и кирпичъ». При переѣздѣ, онъ, какъ гончая собака, разъ сто взбѣжалъ и сбѣжалъ по лѣстницѣ. Тамъ поддержитъ уголокъ дивана или шкафа, тамъ дастъ полезный совѣтъ какъ обернуть мебель, верхомъ или низомъ». Очень дорожилъ квартирой, п. ч. въ ней было удобство всякое: и сарай особый и ледничекъ отъ хозяина даютъ», хотя въ послѣднемъ не было никакой необходимости для А—я. Вель счетъ вещамъ, подареннымъ Поджабринамъ Аннѣ Павловнѣ. Послѣ ухода маіора Стрекозы, «торжественно вышла на середину комнаты и спросилъ, «не прикажете-ли, баринъ, сходить за вещами» и взять ихъ обратно. Когда Поджабринъ задумалъ снова мѣнять квартиру, А. не выдержалъ:—«Помилуйте, началъ онъ,—Господи Создатель! Этакую квартиру оставлять! Удобство всякое»...—«Воля ваша, пожалуйте мнѣ расчесть».

Барина своего считалъ «пустоголовымъ», а о господахъ вообще отзывался: «Эти господа думаютъ, что у нихъ однихъ только есть сердце по той причинѣ, что они пьютъ ликеру». Ликеръ, по мнѣнію А., «мерзость» и «только тѣмъ хорошъ, что скоро разбираетъ»; удивлялся, какъ у господъ «горло не прожжетъ» отъ ликера. По собственнымъ словамъ А—я, онъ—человѣкъ непьющій. Когда А. рѣшилъ вмѣсто закуски выпить барскаго ликера («съ утра маковой росинки во рту не было), онъ «оглядѣлъ бутылку со всѣхъ сторонъ.—«Какая бутылка, раз-

суждалъ онъ, смѣючись: словно наша косушка, а ликёра прозывается! Три цѣлковыхъ за такую бутылку—а? Ну, стоить ли? Вотъ деньги-то сорять. —«Какая мерзость!—говорилъ онъ съ гримасой:—«А поди-жь ты».—Право, мерзость! По-немногу онъ «прикончилъ всю бутылку» и на требованіе Поджабрина подать рюмку ликера, сказалъ:—«Ликеры нѣтъ: вся вышла».—Вы выкушали послѣднюю рюмку». На подозрѣнія барина, отвѣтилъ:—«Стану я такую дрянь пить!» и «плюнуть».—Я еще отъ роду никакого вина не пивалъ».

Авелло («Фрег. Пал.»).—Испанецъ. Редакторъ манильской газеты и сборщикъ податей.

Авелло («Фрег. Пал.»).—Молодой испанецъ, сынъ редактора газеты, спутникъ Гончарова при осмотрѣ табачной фабрики въ Маниллѣ.

Авелло («Фрег. Пал.»).—Испанка, жена «редактора газеты — редактора». «Высокая, полная старушка, съ сѣдой головой, безъ чепца, съ блѣднымъ лицомъ, черными кротко мерцавшими глазами, съ ласковой улыбкой, вся въ блѣломъ: совершенно старинный портретъ, бѣжавшій со стѣны картинной галереи». Говорила лишь по-испански, т. ч. «опытъ объясненія» ея съ русскими путешественниками былъ безуспѣшенъ».

Аверна («Обломовъ»).—Уп. л. Портной, дворовый Обломовыхъ; перешивалъ курточку Ильюшѣ изъ отцовской фуфайки» (см. Обломова-мать).

Агапка («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Матросъ. «За двѣ чарки водки» взялся выучить писать» Фаддѣва и написалъ ему на «замавленной бумагѣ» «преуродливые азы».

Агафья («Обрывъ»).—Уп. л. Съ ней лишь ходила Марейнка на кладбище.

Агафья Матвѣвна Пшеницына-Обломова («Обломовъ»).—Чиновница; вдова коллежскаго секретаря, владѣлица дома на Выборгской, впослѣдствіи жена Ильи Ильича. Когда Обломовъ увидѣлъ въ первый разъ А. М. «ей было лѣтъ тридцать». «Она была очень бѣла и полна въ лицѣ, такъ что румянецъ, кажется, не могъ пробиться сквозь щеки. Бровей у нея почти совсѣмъ не было, а были на ихъ мѣстахъ двѣ немного будто припухлыя, лоснящіяся полосы, съ рѣдкими свѣтлыми волосами. Глаза сѣровато-простодушные, какъ и все выраженіе лица; руки бѣлыя, но жесткія, съ выступившими наружу крупными узлами синихъ жилъ». «Платье сидѣло на ней въ обтяжку: видно, что она не прибѣгала ни къ какому искусству, даже къ лишней юбкѣ, чтобъ увеличить объемъ бедръ и уменьшить талію. Отъ этого, даже и закрытый бюстъ ея, когда она была безъ платка, могъ бы послужить живописцу, или скульптору моделью крѣпкой, здоровой груди, не нарушая ея скромности». «У нея простое, но пріятное лицо, должно быть, добрая женщина!»—«Чиновница, а локти хоть бы графинѣ какой-нибудь; еще съ ямочками! «Есть въ ней, что-то такое...» подумалъ Обломовъ». На всякій вопросъ, не касавшійся какой-нибудь положительной, извѣстной ей цѣли, она отвѣчала усмѣшкой и молчаніемъ», «тупо выслушивала» его и «тупо» задумывалась. Эта «усмѣшка у нея была больше принятая форма, которою прикрывалось незнаніе, что въ томъ или другомъ случаѣ дѣлать», но «лицо ея принимало дѣльное и заботливое выраженіе, даже тупость пропадала, когда она заговаривала о знакомомъ ей предметѣ». «Запасъ мыслей и словъ у нея былъ невеликъ». Писать А. М. «отвыкла совсѣмъ»; на вопросъ Обломова, читаетъ-ли она что-нибудь, «поглядѣла на него тупо и молчала».—Газеты изъ трактира беремъ, такъ иногда братецъ вслухъ читалогъ», отвѣчала она. За всѣми дѣлами отсылала «къ братцу», но не могла сказать, гдѣ онъ служить: «въ канцеляріи, гдѣ мужиковъ записываютъ».—«Вамъ, м. б., съ братцемъ нужно поговорить?» спросила она Обломова... —«Да, вотъ, братца-то нѣтъ...», говорила она.—Вы бы поговорили съ братцемъ... —«Вы бы лучше съ братцемъ переговорили, отвѣчаетъ она Штольцу.

— «Что она дура, или плутовка?» подумалъ Штольцъ, встрѣтись съ А. М., но скоро «взглядъ пренебреженія, почти презрѣнія, который онъ кидалъ на нее, говоря съ ней, невольнo смѣнился взглядомъ любопытства, даже участія». А. М.

и Анисья «сразу, съ перваго взгляда, слова и движенія», «поняли и оцѣнили одна другую». Онѣ помѣнялись знаніями «въ хозяйственномъ дѣлѣ, не по одной только кулинарной части, но и по части холста, нитокъ, шитья, мытья бѣлья, платьевъ, чистки блондъ, кружевъ, перчатокъ, выведенія пятенъ изъ разныхъ матерій, также употребленія разныхъ домашнихъ лѣкарственныхъ составовъ, травъ—всего, что внесли въ извѣстную сферу жизни наблюдательный умъ и вѣковыя опыты!».

А. М. всегда за работой: «все что-нибудь гладить, толчетъ, третъ», «вертитъ ручку кофейной мельницы». У нея «работа всегда есть». «Она вѣчно на ногахъ, вѣчно въ заботѣ и движеніи». — «Некогда покладываться!» отвѣчала она на приглашеніе Обломова присѣсть. Кухня была истиннымъ палладіумомъ дѣятельности А. М.,—въ ней она «царствовала». «Славная», «великая хозяйка», по характеристикѣ Обломова: «пирогі такіе пекла, какіе «пеклись только, бывало, въ Обломовкѣ. По утрамъ «все время проводила на кухнѣ «въ будничномъ платьѣ». Когда Обломовъ сказалъ А. М., что «ей бы надо замужъ выйти», усмѣхнулась и отвѣтила:—«Кто меня съ дѣтьми-то возьметъ?». Лишь тогда, когда удалось «законное дѣло братца», А. М. «въ первый разъ узнала, что у ней есть только домъ, огородъ и щиплята, и что ни корица, ни ваниль не растутъ въ ея огородѣ; увидала, что на рынкахъ лавочки мало-по-малу перестали ей низко кланяться». «Тогда въ первый разъ въ жизни А. М. задумалась не о хозяйствѣ, а о чемъ-то другомъ, въ первый разъ заплакала не отъ досады на Акулину за разбитую посуду, не отъ брани братца за недоваренную рыбу; въ первый разъ ей предстала грозная нужда, но грозная не для нея,—для Ильи Ильича».

Обломовъ понравился ей съ перваго взгляда:—такихъ А. М. не видала,—но чувства своего «она ему никогда не высказывала, п. ч. не понимала сама и не умѣла». «Она не въ силахъ была не только пококетничать съ Обломовымъ, показать ему какимъ-нибудь признакомъ, что въ ней происходитъ». Такъ и позднѣе она «хотѣла бы сказать что-нибудь Андрею Ивановичу, поблагодарить его, наконецъ, выложить передъ нимъ все, все, что сосредоточилось и жило неисходно въ ея сердцѣ: онъ бы понялъ, да не умѣетъ она, и только бросится къ Ольгѣ, прильнетъ губами къ ея рукамъ и залетѣетъ потокомъ такихъ горячихъ слезъ, что и та невольно заплачетъ съ нею, а Андрей, взволнованный, поспѣшно уйдетъ изъ комнаты».

Предложеніе Обломова, «взять на себя заботу о его продовольствіи» и избавить его отъ всякихъ хлопотъ по хозяйству, А. М. приняла охотно; «радость разлилась у ней по лицу; она усмѣхнулась даже сознательно».

«Все ея хозяйство, толченье, глаженье, просѣванье и т. п.—все это получило новый, живой смыслъ: покой и удобство Ильи Ильича. Прежде она видѣла въ этомъ обязанность, теперь это стало ея наслажденіемъ. Она стала жить, по-своему, полно и разнообразно». «Но она не знала, что съ ней дѣлается, никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ». «Она какъ-будто вдругъ перешла въ другую вѣру и стала исповѣдывать ее, не разсуждая, что эта за вѣра, какіе догматы въ ней, а слѣпо повинувая ея законамъ». «Это какъ-то легло на нее само собой, и она подошла точно подъ тучу, не пятясь назадъ и не забѣгая впередъ, а полюбила Обломова просто, какъ будто простудилась и схватила неизлѣчимую лихорадку». «Она сама и не подозрѣвала ничего: если бъ это ей сказать, то это было бы для нея новостью—она бы усмѣхнулась и застыдилась». «Она молча приняла обязанности въ отношеніи къ Обломову, выучила фیزیономію каждой его рубашки, сосчитала протертыя пятки на чулкахъ, знала, какой ногой онъ встаетъ съ постели, замѣчала, когда хочеть сѣсть ячмень на глазу, какого блюда и по скольку сѣдаетъ онъ, веселъ онъ или скученъ, много спалъ или нѣтъ, какъ будто дѣлала это всю жизнь, не спрашивая себя, зачѣмъ, что такое ей Обломовъ, отчего она такъ суетится». Если бъ ее спросили, любить ли она его, она бы опять усмѣхнулась и отвѣчала утвердительно, но она отвѣчала бы такъ и тогда, когда

Обломовъ жилъ у нея всего съ недѣлю». «За что или отчего полюбила она его именно, отчего не любя, вышла замужъ, не любя дожидая до тридцати лѣтъ, а тутъ вдругъ какъ-будто на нее нашло?» «Она не думала, не сознавала всего этого». Когда однажды Илья Ильичъ спросилъ: — «Скажите, что если-бъ я васъ... полюбилъ?» Она усмѣхнулась. — «А вы бы полюбили меня?—опять спросилъ онъ». — «Отчего же не полюбить? Богъ всѣхъ велѣлъ любить. — «А если я поцѣлую васъ?—шепнулъ онъ, наклоняясь къ ея щекѣ, такъ что дыханіе его обожгло ей щеку. — «Теперь не святая недѣля,—сказала она съ усмѣшкой. — «Ну, поцѣлуйте же меня». — «Вотъ, Богъ дастъ, доживемъ до Пасхи, такъ поцѣлуемся,—сказала она, не удивляясь, не смущаясь, не робѣя, а стоя прямо и неподвижно, какъ лошадь, на которую надѣваются хомутъ. Онъ слегка поцѣловалъ ее въ шею. — «Смотрите, просыплю корицу; вамъ же нѣчего будетъ въ пирожное положить,—замѣтила она». — «Не бѣда!—отвѣчалъ онъ». «Что это у васъ на халатѣ опять пятно?—заботливо спросила она, взявъ въ руки полу халата. — Кажется, масло?—Она понюхала пятно. — Гдѣ это вы? Не съ лампадки ли накапало?—«Не знаю, гдѣ это я приобрѣлъ». — «Вѣрно, за дверь задѣли?—вдругъ догадалась Агафья Матвѣвна. — Вчера мазали петли: все скрипятъ. Скиньте, да дайте скорѣе, я выведу и замою: завтра ничего не будетъ». «Чувство Пшеницыной, такое нормальное, естественное, безкорыстное, оставалось тайною для Обломова, для окружающихъ ее и для нея самой». «Она не замѣчала» его, но если Обломовъ поѣдетъ въ театръ, или засидится у Ивана Герасимовича», А. М. не спалось: «чуть застучать на улицѣ, она подниметъ голову, иногда вскочить съ постели, отворить форточку и слушаетъ: не онъ ли? Если застучать въ ворота, она накинетъ юбку и бѣжитъ въ кухню, расталкиваетъ Захара, Анисью и посылаетъ отворить ворота». «Когда Обломовъ сдѣлался боленъ, она никого не выпускала къ нему въ комнату, устлала ее войлоками и коврами, завѣсила окна и приходила въ ярость» — «если Ваня или Маша чуть вскрикнуть или громко засмѣются?» «По ночамъ, не надѣясь на Захара и Анисью, она просиживала у его постели, не спуская съ него глазъ, до ранней обѣдни, а потомъ, накинувъ салопъ и написавъ крупными буквами на бумажкѣ: «Илья», бѣжала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь, помянуть за здравіе, потомъ отходила въ уголь, бросалась на колѣни и долго лежала, припавъ головой къ полу, потомъ поспѣшно шла на рынокъ и съ боязною возвращалась домой, взглядывала въ дверь и шопотомъ спрашивала у Анисьи: — «Что?» «Когда Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ мраченъ, едва говорилъ съ ней, не заглядывалъ къ ней въ комнату, не интересовался, что она дѣлаетъ, не шутилъ, не смѣялся съ ней—она похудѣла, на нее вдругъ палъ такой холодъ, такая нѣхоть ко всему». «Прежде, бывало, ее никто не видалъ задумчивой, да это и не къ лицу ей: все она ходитъ, да движется, на все смотреть зорко и видитъ все, а тутъ вдругъ, со ступкой на колѣняхъ, точно заснетъ и не двигается, потомъ вдругъ такъ начнетъ колотить пестикомъ, что даже собака залаетъ, думая, что стучатся въ ворота». Ея чувство къ Обломову «было въ самомъ дѣлѣ безкорыстно, потому что она ставила свѣчку въ церкви, поминала Обломова за здравіе затѣмъ только, чтобъ онъ выздоровѣлъ, и онъ никогда не узналъ объ этомъ. Сидѣла она у изголовья его ночью и уходила съ зарей, и потомъ не было разговора о томъ». «Любовь ея высказалась только въ безграничной преданности до гроба». На приглашеніе Обломова, ѣхать хозяйничать въ деревню, отвѣчала: — «Гдѣ родились, жили вѣкъ, тутъ надо и умереть!» Тоже самое она отвѣтила и Штольцамъ, звавшимъ ее, послѣ смерти Ильи Ильича, жить вмѣстѣ, подлѣ Андриюши». «Послѣ того, какъ Илья Ильичъ подписалъ заемное письмо Мухоярову, А. М. «ужасно измѣнилась, не въ свою пользу»: «глаза у ней впали», «въ лицѣ у ней» — глубокое уныніе». «Но не о себѣ», «вздыхаетъ она», «тужитъ не оттого, что ей нѣтъ случая посуетиться, похозяйничать широко», потолочъ корицу, положить ваниль въ соусъ, или варить густыя сливки, «а оттого, что другой годъ не кушаетъ этого ничего Илья Ильичъ, оттого, что кофе ему не берется пудами изъ лучшаго магазина, а покупается на

гривенники въ лавочкѣ; сливки приносить не чухонка, а снабжаетъ ими та же лавочка, оттого, что вмѣсто сочной котлетки, она несетъ ему на завтракъ яичницу, заправленную жесткой, залежавшейся въ лавочкѣ же ветчиной». Когда у ней вышли послѣдніе «семь гривенъ», и у Ильи Ильича «ничего не было», она пошла къ «братцу» и наивно сказала, что «въ домѣ денегъ нѣтъ». «Утромъ рано» «поѣхала къ мужниной родитѣ» «съ заботой, съ необычайной рѣчью и вопросомъ, что дѣлать и взять у нихъ денегъ».—«У нихъ много: они сейчасъ дадутъ, какъ узнаютъ, что это для Ильи Ильича. Если бъ это было ей на кофе, на чай, дѣтямъ на платье, на башмаки, или на другія подобныя прихоти, она бы и не заикнулась, а то на крайнюю нужду, до зарѣзу: спаржи Ильѣ Ильичу купить, рябчиковъ на жаркое, онъ любитъ французскій горошекъ»... Денегъ «ей не дали, а сказали, что если у Ильи Ильича есть вещи какія-нибудь, золотыя или, пожалуй, серебряныя, даже мѣхъ, такъ можно заложить, и что есть такіе благодѣтели, что третью часть просимой суммы дадутъ до тѣхъ поръ, пока онъ опять получить изъ деревни». «Этотъ практическій урокъ въ другое время пролетѣлъ бы надъ геніальной хозяйкой, не коснувшись ея головы, и не втолковать бы ей его никакими путями, а тутъ она умомъ сердца поняла, сообразила все и взвѣсила... свой жемчугъ, полученный въ приданое». «Вскорѣ за жемчугомъ достала она изъ завѣтнаго сундука фермуаръ, потомъ пошло серебро, потомъ салопъ»... Получивъ деньги отъ Обломова, «она выкупила жемчугъ и заплатила проценты за фермуаръ, серебро и мѣхъ, и опять готовила ему спаржу, рябчики, и только для виду пила съ нимъ кофе. Жемчугъ опять поступилъ на свое мѣсто. «Изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день тянулась она изъ силъ, мучилась, перебивалась, продала шаль, послала продать парадное платье и осталась въ ситцевомъ ежедневномъ нарядѣ, съ голыми локтями и по воскресеньямъ прикрывала шею старой затасканной косынкой». «Вотъ отчего она похудѣла», но Ильѣ Ильичу не сказала ни слова; «у ней доставало даже духа сдѣлать веселое лицо, когда Обломовъ объявлялъ ей, что завтра къ нему придутъ обѣдать» пріятели. «Обѣдъ являлся вкусный и чисто поданный: она не срамила хозяина», хотя всѣ «эти заботы» стоили ей «волненій, бѣготни, упрашиванья по лавочкамъ, потомъ безсонницы». Въ каждой обломовской копѣйкѣ А. М. «отдавала отчетъ Анисѣ», а объ этой тайнѣ (о закладѣ жемчуга), даже Анисѣ, не сказала. Не сказала и Штольцу, заявивъ, что Илья Ильичъ ей «ничего не должны,—ни копѣечки, они мнѣ не должны», «а что я закладывала серебро, жемчугъ и мѣхъ, такъ это я для себя закладывала. Маши и себѣ башмаки купила, Ванюшѣ на рубашки, да въ зеленныя лавки отдала. А на Илью Ильича ни копѣечки не пошло!» Все это она такъ скрыла, что даже Штольцъ только «вполовину, смутно прочелъ тайну жертвъ» А. М.—«Ни копѣечки, ей Богу, правда!—божилась она, глядя на образъ и крестясь».

«Добрая и кроткая». «Братца» слушалась во всемъ, но, когда дѣло коснулось Ильи Ильича, и Штольцъ сказалъ А. М.:—«Нѣтъ, я васъ прошу братцу до меня ничего не говорить, иначе Ильѣ Ильичу будетъ очень непріятно...»,—«послушно» отвѣтила:—«Такъ я не скажу имъ ничего!» Дала Штольцу свидѣтельство, что она никакой денежной претензіи на Обломова не имѣетъ». На упреки братца «вельможей», отвѣчала:—«Что вы, братецъ, меня бариномъ прекаете? Что онъ вамъ дѣлаетъ? Никого не трогаетъ, живетъ-себѣ. Не я приманивала его на квартиру; вы съ Михеємъ Андреевичемъ». Она и Михею Андреевичу нашла, что отвѣтить, когда Тарантьевъ, получивъ оплеуху отъ Ильи Ильича, заявилъ, что пришелъ не къ Обломову, а къ кумѣ:—«Богъ съ вами! Мнѣ васъ не надо, Михей Андреевичъ: вы къ братцу ходили, а не ко мнѣ. Вы мнѣ хуже горькой рѣдьки. Опиваете, обѣдаете, да еще лаетесь!» «Вдругъ» глубоко окунулась она въ тревоженія жизни и «познала ея счастливыя и несчастныя дни». Но она любила эту жизнь: несмотря на всю горечь своихъ слезъ и заботъ, она не промѣняла бы ее на прежнее, тихое теченье, когда она не знала Обломова. «Она отъ ужаса даже вздрогнетъ, когда вдругъ ей предстанетъ мысль о смерти;

хотя смерть разомъ положила бы конецъ ея невысыхаемымъ слезамъ, ежедневной бѣготѣ и еженощной несмыкаемости глазъ». «Она такъ полно и много любила: любила Обломова какъ любовника, какъ мужа, и какъ барина», но только позднѣе, когда Илья Ильичъ уже умеръ, «она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померло навсегда». Такимъ солнцемъ былъ дядя А. М. Илья Ильичъ. Не только самого Обломова А. М. считала «баринѣмъ», но даже участи своего сына отъ Ильи Ильича не равняла и не смѣшивала съ судьбою первыхъ дѣтей своихъ, хотя въ сердцѣ своемъ, можетъ быть, безсознательно, и давала имъ всеѣмъ равное мѣсто. Но воспитаніе, образъ жизни, будущую жизнь Андрюши она отдѣляла цѣлой бездной отъ жизни Ванюши и Машеньки.—«Тѣ что? Такія же замарашки, какъ я сама»,—небрежно говорила она:—«они родились въ черномъ тѣлѣ, а этотъ,—прибавляла она почти съ уваженіемъ объ Андрюшѣ и съ нѣкоторою, если не робостью, то осторожностью, лаская его:—этотъ—барченокъ!» При жизни Ильи Ильича «съ ужасомъ думала, какъ «этотъ баринъ» «будетъ ѣсть студень изъ лавочки»; послѣ его смерти, напрасно давалъ ей Штольцъ отчетъ въ управленіи имѣніемъ, присылалъ слѣдующіе ей доходы, все отдавала она назадъ, просила беречь для Андрюши.—«Это его, а не мое,—упрямо твердила она:—ему понадобится; онъ баринъ, а я проживу и такъ».

Послѣ того, какъ Штольцъ выручилъ Обломова «отъ воровскихъ долговъ» А. М. «жила и чувствовала, что жила полно, какъ прежде никогда не жила, но только высказать этого, какъ и прежде, никогда не могла, или, лучше, ей въ голову объ этомъ не приходило. Она только молила Бога, чтобъ онъ продлилъ вѣку Ильѣ Ильичу, и чтобъ избавилъ его отъ всякой «скорби, гнѣва и нужды», а себя, дѣтей своихъ и весь домъ предавала на волю Божию. За то лицо ея постоянно высказывало одно и то же счастье, полное, удовлетворенное и безъ желаній, слѣдовательно, рѣдкое и при всякой другой натурѣ невозможное. Она пополнила; грудь и плечи сіяли тѣмъ же довольствомъ и полнотою, въ глазахъ свѣтились кротость и только хозяйственная заботливость. Къ ней воротились то достоинство и спокойствіе, съ которыми она прежде властвовала надъ домомъ», у нея «завелся большой шкапъ, съ рядомъ шелковыхъ платьевъ, мантіій и салоповъ; чепцы заказывались на той сторонѣ, чуть ли не на Литейной, башмаки не съ Апраксина, а изъ Гостинаго двора, а шляпка—изъ «Морской!» «За разными покупками она ѣздила» на парѣ собственныхъ лошадей, но по прежнему глазъ А. М. «свѣтилъ» надъ Обломовымъ, «какъ око Провидѣнія», «сторожилъ каждое мгновеніе его жизни». «Надъ трупомъ мужа, съ потерю его, она, кажется, вдругъ уразумѣла свою жизнь и задумалась надъ ея значеніемъ, и эта задумчивость легла навсегда тѣнью на ея лицо. Выплакавъ потомъ живое горе, она сосредоточилась на сознаніи о потерѣ: все прочее умерло для нея, кромѣ маленькаго Андрюши. Только когда видѣла она его, въ ней будто пробуждались признаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостнымъ свѣтомъ и потомъ заливались слезами воспоминаній». «Она безпрекословно, даже съ нѣкоторою радостью, согласилась на предложеніе Штольца, взять» Андрюшу «на воспитаніе, полагая, что тамъ его настоящее мѣсто, а не тутъ, «въ чернотѣ», съ грязными ея племянниками, дѣтками братца». «Она была чужда всего окружающаго», на все отвѣчала достоинствомъ своей скорби и покорнымъ молчаніемъ», но она не по-прежнему смотрѣла «вокругъ безопасно перебѣгающими съ предмета на предметъ глазами, а съ сосредоточеннымъ выраженіемъ, съ затаившимся внутреннимъ смысломъ въ глазахъ. Мысль эта сѣла невидимо на ея лицо, кажется, въ то мгновеніе, когда она сознательно и долго вглядывалась въ мертвое лицо своего мужа, и съ тѣхъ поръ не покидала ея». «Навсегда осмыслилась ея жизнь»: «теперь уже она знала, зачѣмъ она жила и что жила не напрасно». Съ лѣтами она понимала свое прошедшее все больше и яснѣе и тайла все глубже, становилась все молчаливѣе и сосредоточеннѣе. На всю жизнь ея разлились лучи,

тихий свѣтъ отъ пролетѣвшихъ, какъ одно мгновеніе, семи лѣтъ и нечего было ей желать больше, нѣкуда идти».

Агашка («Обрывъ»).—Полуумная. «Ходила въ одномъ платьѣ по осеннему холоду». Марейника «дала ей какую-то изношенную душегрѣйку, которую выпросила въ дворнѣ у Улиты».

Агашка («Обрывъ»).—Уп. л. Слѣпая. Та самая, которая «любила на иву рубашки вѣшать», по словамъ Татьяны Марковны.

Агашка («Обыкн. Ист.»).—Дворовая Адуевой.

Аграфена Ивановна («Обыкн. ист.»).—«Первый министръ въ хозяйствѣ Анны Павловны», «первая ея ключница», толстая, «безъ малѣйшаго намека на талію» женщина. «Главною чертою въ ея характерѣ» было сердиться «на все и на всѣхъ». «Она никогда не была довольна, все не по ней; всегда ворчала, жаловалась». «У ней горе выражалось по своему»: «она не плакала». «Евсей прочно занималъ мѣсто въ сердцѣ А. («они блаженствовали десять лѣтъ»), но, при разставаніи съ нимъ, «пуще всего она сердилась на Евсея».—«Разиня», «пострѣлъ навязался», «пусть унесутъ васъ черти отсюда»,—бранилась она. При прощаньи съ Евсѣемъ, «лицо у нея позеленѣло» и «искривилось». «Она дала себя обнять, но не отвѣчала на объятіе». «Вынувъ изъ подъ передника», она сунула «ему мѣшокъ съ чѣмъ-то».—«То-то, чай, тамъ съ петербургскими-то гуляешь!—прибавляла она, поглядѣвъ на него искоса. И въ этомъ взглядѣ выразилась вся тоска ея и вся ревность». «Въ роковую для нея минуту» разставанья съ Евсѣемъ «характеръ ея обнаружился во всемъ своемъ пафосѣ». А. И., «наступая, суежилась по хозяйству». «Въ тотъ день съ ожесточеніемъ разлила чай, и вмѣсто того, чтобъ первую чашку крѣпкаго чаю подать, по обыкновенію, барынь, выплеснула его вонъ: «никому», дескать, «не доставайся» и твердо перенесла выговоръ. Кофе у ней перекипѣлъ, сливки подгорѣли, чашки валились изъ рукъ. Она не поставитъ подноса на столъ, а брякнетъ; не отворитъ шкапа и двери, а хлопнетъ». «Шнѣла по-змѣиному» и вытирала такъ чашку, «какъ будто хотѣла изломать ее въ куски. Когда же Евсей началъ умолять А. въ его отсутствіе «не играть въ дураки» съ Прошкой-озорникомъ» и повторялъ свои признанія въ любви къ ней, А. «не выдержала: у ней, наконецъ, горе обнаружилось въ слезахъ».—«Да отстанешь ли ты отъ меня, окаянный?—говорила она плача:—что мелешь, дуралей! Свяжусь я съ Прошкой! Развѣ не видишь самъ, что отъ него путнаго слова не добьешься? Только и знаетъ, что лѣзетъ съ ручищами...—«И къ вамъ лѣзъ? Ахъ мерзавецъ! А вы, небось, не скажете! Я бы его»...—«Полѣзъ-ка, такъ узнаешь! Развѣ нѣтъ въ дворнѣ женскаго пола, кромѣ меня? Съ Прошкой свяжусь! Вишь что выдумалъ! Подлібъ него и сидѣть-то тошно—свинья-свиньей! Онъ, того и гляди, норовитъ ударить человѣка, или сожрать что-нибудь барское изъ-подъ рукъ—и не увидишь!»—«Ужъ если, Аграфена Ивановна, случай такой придетъ — лукавый вѣдь силенъ—такъ лучше Гришку посадите тутъ: по-крайности, малый смирный, работающій, не зубоскаль»...—«Вотъ еще выдумалъ!—накинулась на него Аграфена:—что ты меня всякому навязываешь, развѣ я какая-нибудь... Пошелъ вонъ отсюда! Много вашего брата, всякому стану вѣшаться на шею: не таковская! Съ тобой только, такимъ лѣшимъ, попуталъ видно лукавый за грѣхи мои связался, да и то каюся... а то выдумалъ!» — «Богъ васъ награди за вашу добродѣтель! Какъ камень съ плечъ!—воскликнулъ Евсей».—«Обрадовался!—звѣрски закричала она опять:—есть чему радоваться—радуйся!—и губы у ней побѣлѣли отъ злости. —«Проклятый!—напутствовала А. лѣзжающаго Евсея, «глядя ему въ слѣдъ и утирая концомъ платка капавшія слезы».

Когда, черезъ восемь лѣтъ, Евсей вернулся въ Грачи, «она поглядѣла на него сбоку, исподлобья, но тотчасъ-же невольно измѣнила себѣ, размѣялась отъ радости, потомъ заплакала было, но вдругъ отвернулась въ сторону и нахмурилась». «Она едва дала ему обнять себя».—«Принесла нелегкая»,—говорила она сердито», «но въ глазахъ и въ улыбкѣ ея выражалась величайшая радость».—

«Ишь, усищи какіе отрастиль!»—сказала она. Гостинцы, привезенные Евсеємъ, «она схватила и проворно сунула, не поглядѣвъ» «въ шкапъ».

Адмираль («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Путятинъ.

Адуева, Анна Павловна («Обыкн. Ист.»).—Небогатая помѣщица деревни «Грачи». Мать Александра; была суевѣрна, вѣрила въ сны, въ примѣты, «въ снадобья и знахарей»; возмущалась, какъ это «любить до свадьбы, безъ обряда церковнаго, измѣняютъ»...—«Что это дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, какъ поглядишь! Знать скоро свѣтопреставленіе!»—воскликнула А. «Въ сердцѣ ея отжили всѣ чувства, кромѣ любви къ сыну». «Она живетъ, дышитъ только» Александромъ; «всякая» его «радость и горе—радость и горе для нея». Она думала «за него ежеминутно» и отводила «отъ него каждую заботу и непріятность». Она «день-деньской думаетъ о томъ, какъ-бы угодить вѣмъ» его «прихотямъ». «Не будь его, что-же ей дѣлать? Хотъ умирать!» Отправляя сына въ Петербургъ просила въ письмѣ Петра Иваныча взять Александра «на свое попеченіе»: «Присмотрите за нимъ, не балуйте ужъ слишкомъ-то, да и не взыскивайте очень строго, взыскать-то будетъ кому, взыщутъ и чужіе, а приласкать некому, кромѣ своего». «Ночью, вѣдь вы, я чай, въ одной комнатѣ будете спать,—Сашенька привыкъ лежать на спицѣ: отъ этого, сердечный, больно стонетъ и мечется; вы тихонько разбудите его да перекрестите: сейчасъ и пройдетъ, а лѣтомъ покрывайте ему ротъ платочкомъ: онъ его разбѣваетъ во снѣ, а проклятыя мухи такъ туда и лѣзутъ подъ утро». Просила также остерегать сына «отъ вина и отъ картъ» и не оставить «въ случаѣ нужды и деньгами». Называла себя только «приказчицей сына» и «видѣла свое счастье въ женитбѣ Александра: «женился-бы, послалъ-бы Богъ тебѣ дѣточекъ, а я бы нянчила ихъ»; «мнѣ бы, старухѣ, только оставалось радоваться, глядя на тебя». Въ разлукѣ съ сыномъ она «время считаетъ не мѣсяцами, не недѣлями»; при извѣстіи о возвращеніи Александра, «и не вспомнилась отъ радости»; не спала ночи и людямъ не велѣла спать: «неравно пріѣдетъ».—«Богъ одинъ знаетъ, что вытерпѣло мое материнское сердце, отпуская его на чужую сторону»,—писала она Петру Иванычу. Она «сердцемъ чуяла отдаленное горе» и уговаривала Александра остаться:—«Я не столько для себя самой, сколько для тебя-же отговариваю».—«Зачѣмъ ты ѣдешь? Искать счастья? Да развѣ тебѣ здѣсь не хорошо?» «Всѣ смотрятъ тебѣ въ глаза». Была очень встревожена, что Александръ вернулся похудѣвшимъ и грустнымъ:—«Что съ тобой случилось, голубчикъ ты мой, такимъ-ли я отпустила тебя?» «Старушка плакала и осыпала ласками Александра», и не умѣла объяснить причины перемѣны въ немъ.—«Видно хорошо смотрѣлъ за бариномъ: допустилъ до того, что онъ, голубчикъ мой, здоровье потерялъ!»—выговаривала она Евсею.—«Не умѣлъ сберечь сокровища», «извелъ родного племянника: работай, работай», «холопа нашель работать!»—неудовала А. П. на Петра Ивановича.—«На кого нынче надѣяться, коли и родные свои хуже дикаго звѣря?»—«Полъчись, голубчикъ!»—просила она сына и разспрашивала его о житѣ-бытѣ въ Петербургѣ, допытывалась «отчего онъ скучается»...—«Удобства всѣ есть», «пища правится и чинъ хорошій.. Чего-бы кажется? А скучаешь!»—«Безъ Бога, видно, ни на шагъ», и повезла Александра въ церковь; «не знала, что дѣлать», когда «Александръ пріѣхалъ «изъ церкви» домой еще скучнѣе, нежели поѣхалъ и прибѣгла къ помощи знахарки».—«Помни, что безъ вѣры нѣтъ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ»,—даетъ она совѣтъ Александру.—«Смиряться передъ Господомъ Богомъ: молись и въ счастья и въ несчастія, а не по пословицѣ «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится».—«Ну, я тебя не неволю»; «ты человекъ молодой; гдѣ тебѣ быть усердну къ церкви Божіей. «Не тужи: у тебя есть мать». «Пока во мнѣ останется хоть капелька крови, пока не высохли слезы въ глазахъ и Богъ терпитъ грѣхамъ моимъ, я ползкомъ дотащусь, если не хватить силъ дойти, до церковнаго порога; послѣдній вздохъ отдамъ, послѣднюю слезу выплачу за тебя, моего друга. Вымолю тебѣ и здоровье, и чиновъ, и крестовъ, и небесныхъ и земныхъ благъ». «Мнѣ самой ничего не надо. Отними Онъ у меня все: здоровье,

жизнь, пошли слѣпоту—тебѣ лишь подай всякую радость, всякое счастье и добро.—«Блюди, посты, мой другъ: это великое дѣло. Въ среду и пятницу Богъ простить, а въ Великій постъ—Боже оборони!»—«Не трать «попустому денегъ» на нищихъ, наставляла она сына—«по многу не давай». «Ихъ не удивишь. Они пропьютъ, да надъ тобой-же насмѣются».—«Береги деньги», «трать съ толкомъ». «Не мотай, не заводи лишнихъ прихотей». «Не заводи роскоши никакой», «но и не отказывай себѣ въ чемъ можно; захочетъ полакомиться—не скупись!»—«Береги пуще всего здоровье!» «Какъ заболѣешь, чего Боже оборони!—опасно, напиши... я соберу всѣ силы и приѣду»—«Не ходи ночью по улицамъ; отъ людей звѣрскаго вида удаляйся».—«Не предавайся вину—охъ, оно первый врагъ человѣка!»—«Берегись женщинъ», «на мужнихъ женѣ не зарься», «это—великій грѣхъ». «Если же тамъ какая-нибудь станетъ до свадьбы добираться—Боже сохрани! Не моги и подумать!» «Развѣ, что у начальника твоего или у какого-нибудь знатнаго да богатаго вельможи, разгорятся на тебя зубы и онъ захочетъ выдать за тебя дочь—ну, тогда можно». «Изъ любви къ сыну готова была даже покривить душой». Собирая Александра въ дорогу, «была—сама не своя:—такая пустота въ головѣ! «Въ горлѣ отъ слезъ все пересохло», но не забыла снабдить сына всѣмъ необходимымъ, показать что онъ везетъ съ собою:—«Вотъ простыни: дюжина». «Наволочки—вся дюжина тутъ». «Вотъ рубашки—три дюжины. Что-за полотно—заглядѣнь!» «Носковъ двадцать двѣ пары»... «Вотъ косыночки, вотъ платки: «славный полубатистъ». «Это хорошій фракъ»; «береги его, не всякій день таскай; сукно-то по шестнадцать рублей брали!» «Теперь жилеты—разъ, два, три, четыре. Двое брюкъ».

К р и т и к а: «Мать молодого Адуева и мать Наденьки—обѣ старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ, обѣ глупы и пошлы. А между тѣмъ, это два лица совершенно различныя: одна барыня провинціальная стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая барыня столичная, которая читаетъ французскія книжки, и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой. [Б ѣ л и н с к і й. Сочин., т. XI].

Адуева, Лизавета Александровна («О бы кн. И ст.»).—Жена Петра Ивановича. «Лѣтъ двадцати шести-семи». «Молода и хороша». У нея «свѣжесть лица, блескъ взоровъ, подъ которымъ трудно разсмотрѣть цвѣтъ глазъ ея—такъ тонули они въ роскошныхъ, трепещущихъ волнахъ свѣта», «пышныя плечи», «стройный бюстъ». По мнѣнію Александра Адуева,—Л. А.—«женщина въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова», «создана на радость, на счастье мужчины»,—«идеаль женщины». Онъ считаетъ ее «блистательнымъ исключеніемъ изъ толпы». «Жаловаться» на свою жизнь «она не имѣла права: всѣ наружныя условія счастья» «исполнялись надъ нею, какъ въ заведенной программѣ». Довольство, даже роскошь въ настоящемъ, «безпечность въ будущемъ—все избавляло ее отъ мелкихъ, горькихъ заботъ». «Всѣ ея желанія» предупреждались, лишь «о сердцѣ»—объ этомъ никогда и рѣчи не было со стороны мужа. «Лизавета Александровна вынесла только то грустное заключеніе, что не она и не любовь къ ней были единственною цѣлью его неутомимыхъ трудовъ—«рвенія и усилий». Онъ трудился и до женитьбы, еще не зная своей жены». «Л. А. чувствовала его умственное превосходство надъ всѣмъ окружающимъ и терзалась этимъ»:—«Разсудокъ—«это главное тамъ,—на заводѣ, можетъ быть, а вы забываете, что у человѣка есть еще чувство»,—говоритъ она мужу.—«Если-бъ онъ не былъ такъ уменъ»,—думала она, «я была бы спасена». «Онъ однимъ взглядомъ, однимъ словомъ могъ бы создать въ ней глубокую страсть къ себѣ: но онъ молчитъ, онъ не хочетъ». «Она пробовала возбудить въ немъ ревность, думая, что тогда любовь непремѣнно выскажется... Ничуть не бывало. Чуть опъ замѣтитъ, что она отмѣчаетъ въ обществѣ какого-нибудь молодого человѣка, онъ спѣшитъ пригласить его къ себѣ, обласкаетъ, самъ не нахвалится его достоинствами и не боится оставлять его наединѣ съ женой».

«При» разсужденіяхъ мужа на тему о любви, она тотчасъ-же разочаровывалась». «И въ положительныхъ цѣляхъ женщины присутствуетъ непременно любовь... Семейныя обязанности—вотъ ея заботы; но развѣ можно исполнять ихъ безъ любви?»—думалось Л. И.—«О, пусть я купила бы себѣ чувство муками, пусть-бы перенесла все страданія, какія неразлучны со страстью, но лишь бы жить полною жизнью, лишь бы чувствовать свое существованіе, а не прозябать!» «Всѣ дороги бездѣлки своего будуара—и весь этотъ комфортъ; которымъ у другихъ заботливая рука любящаго человѣка окружаетъ любимую женщину», казались ей «холодною насмѣшкой надъ истиннымъ счастьемъ». «Ей бы вмѣнили въ преступленіе эти невидимыя, неосязаемыя, безымянныя страданія, безъ ранъ, безъ крови, прикрытыя «бархатомъ», но «ея домашній міръ былъ не что иное, какъ крѣпость», «неприступная для соблазна», хотя и «въ ней встрѣчались на каждомъ шагу рогатки и патрули и противъ всякаго законнаго проявленія чувства». Л. И. «съ героическимъ самоотверженіемъ таила свою грусть».—«Я здорова, я ничего не чувствую»,—говоритъ она мужу, когда все, «съ изумленіемъ» глядѣли на нее, перемѣнившуюся отъ болѣзни. На предложеніе съѣздить въ Крымъ отвѣчаетъ, что ей «все равно, гдѣ ни быть» и предлагаетъ мужу «сократить расходы». На замѣчаніе Петра Иваныча, «почему это такъ занимаетъ» ее, отвѣчаетъ:—«Какъ же не занимать? Вѣдь я твоя жена! Ты же самъ училъ меня... а теперь упрекаешь, что я занимаюсь. Я дѣлаю свое дѣло». Когда Петръ Ивановичъ пожелалъ предоставить ей полную свободу, отвѣчала:—«Зачѣмъ мнѣ свобода? Что я стану съ ней дѣлать? Ты до сихъ поръ такъ хорошо, такъ умно распоряжался и мной, и собой, что я отвыкла отъ своей воли»; «мнѣ свобода не нужна». Рѣшеніе Ш. И. выйти въ отставку и продать заводъ встрѣтила возраженіемъ:—«Ради Бога никакой жертвы для меня! Чтобы ты пересталъ трудиться, отличиться, богатѣть—и для меня! Боже сохрани! Я не стою этой жертвы».—«Я была мелка для тебя, ничтожна, слаба, чтобы понять и оцѣнить твои высокія цѣли, благородные труды». «Я была брошена какъ камень на твоемъ пути; я мѣшаю тебѣ». Тая свою грусть, она находила въ то же время довольно силъ, чтобы утѣшать другихъ; «она слушала снисходительно іереміады Александра «и утѣшала» «его, со всею нѣжностію друга и сестры». «Ей это было вовсе не противно»; «въ племянникѣ она все-таки находила сочувствіе собственному сердцу, слышала въ его жалобахъ на любовь, голосъ нечуждыхъ ей страданій». «Она жадно прислушивалась къ стонамъ его сердца и отвѣчала на нихъ непримѣтными вздохами и никѣмъ невидимыми слезами. Она даже и на притворныя и приторныя изліянія тоски Александра находила утѣшительныя слова въ такомъ же тонѣ и духѣ». «Сильное чувство прячется»,—говорила она, но «не могла внутренно не согласиться съ племянникомъ, что чувство безъ всякаго проявленія какъ-то подозрительно, что, можетъ быть, его и нѣтъ, что если-бъ было, оно бы прорвалось наружу, что, кромѣ самой любви, обстановка ея включаетъ въ себѣ неизъяснимую прелесть». Она не понимала, какъ можно «краснѣть первой нѣжной любви» и была согласна съ Александромъ, что «любить значить—не принадлежать себѣ, перестать жить для себя, перейти въ существованіе другого, сосредоточить на одномъ предметѣ все человѣческія чувства—надежду, страхъ, горестъ, наслажденіе, любить значить жить въ безконечномъ». Она полюбила Александра, «какъ родная сестра»; «развѣ только мать могла бы такъ горячо принимать къ сердцу все, что до» него «касается, и та не сумѣла бы». «Ей удалось уже разъ укротить беспокойные порывы въ сердцѣ племянника «въ дѣлѣ любви» и она «знала, какъ обойтись съ оскорбленнымъ сердцемъ».—Судьба «всегда, будто нарочно, сведеть нѣжнаго чувствительнаго человѣка съ холоднымъ созданіемъ»,—говорила она ему. Она просила мужа поговорить съ Александромъ «о дружбѣ», «о сердцѣ да поласковѣ, повнимательнѣе». Жалѣя его она «поддерживала» въ немъ «надежду» сдѣлаться писателемъ, «разспрашивала» его «о занятіяхъ», «часто спорила съ нимъ, но еще чаще соглашалась».—«Кто осушалъ твои слезы и хныкалъ съ тобою вмѣстѣ?»—«Все—она»,—сказалъ Петръ Иванычъ Александру.

К р и т и к а: «На рубежѣ между довольными своей судьбой или, такъ или иначе, примирившимися съ нею, и женщинами, стремящимися впередъ—извѣдать невѣдомую, манящую къ себѣ, даль жизни, стоитъ жена Петра Ивановича Адуева, Елизавета Александровна». «Этотъ трогательный, цѣльный образъ—одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ образовъ гончаровскихъ женщинъ». [О стр о-го р с к и й. Этюды].

Адуева-невѣста («Обыкн. Ист.»)—«Невѣста Александра; богатая и хорошенькая». У нея двѣсти тысячъ приданого», «да сто отъ матери осталось» и «пятьсотъ душъ». На предложеніе Александра «ничего не сказала, только покраснѣла», а, когда онъ взялъ ее за руку, такъ пальцы ея точно играли на фортепiano въ» его «рукѣ... будто дрожали».

Адуевъ, Александръ Федоровичъ («Обыкн. Ист.»). — «Единственный сынъ» Анны Павловны, «двадцатилѣтній юшоша». «Бѣлокурый молодой человекъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силъ». У него была «мягкость линий лица, прозрачность и нѣжность кожи, пушокъ на подбородкѣ». Ему свойственны были «робкая застѣнчивость и граціозная неловкость движеній». Черезъ два года жизни въ Петербургѣ А. превратился въ молодого человека «съ изящными манерами, въ щегольскомъ костюмѣ». «Онъ очень измѣнился, возмужалъ». Походка стала «ровною и твердою». «Пушокъ замѣнился небольшими бакенбардами. Въ голосѣ прибавилось нѣсколько басовыхъ нотъ». «Въ глазахъ блистали самоувѣренность и отвага», выраженіе которой «не отталкиваетъ, а влечетъ къ себѣ». «Прежняя восторженность на лицѣ А. умѣрялась легкимъ оттѣнкомъ задумчивости, первымъ признакомъ закравшейся въ душу недоувѣрчивости». Приѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ, съ одной стороны, п. ч. его «влекло какое-то неодолимое стремленіе, жажда благородной дѣятельности»; съ другой, чтобы «пользоваться жизнью» — «ему и въ деревнѣ надоѣло одно и то-же.» Въ переводѣ дяди это значило: приѣхалъ «дѣлать карьеру и фортуна». — «Да, дядюшка, карьеру»... отвѣтилъ Александръ. «Романтикъ», полный «розовыхъ мечтаний». «Передъ нимъ разстидалось множество путей, и одинъ казался лучше другого. Онъ не зналъ, на который броситься. Скрывался отъ глазъ только прямой путь». «Будущность обѣщала ему много блеску, торжества; его, казалось, ожидалъ не совѣтъ обыкновенный жребій». «Жизнь отъ пеленъ ему улыбаема; мать лелѣяла и баловала его, какъ балуютъ единственное чадо; нянька нянькала надъ колыбелью, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знаетъ, что такое старость». «И старый котъ, Васька, былъ къ нему, кажется, ласковѣе, нежели къ кому-нибудь въ домѣ». «Профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко». «Пылкимъ воображеніемъ мечтатель» (мнѣніе Петра Ивановича), «онъ мечталъ «о пользѣ, которую принесетъ отечеству, о благородномъ трудѣ, о высокиихъ стремленіяхъ. «Всего болѣе онъ мечталъ о славѣ писателя». «Онъ думалъ, что» въ него «вложено свыше творческій даръ, и хотѣлъ повѣдать міру новыя невѣдомыя тайны». «Зачѣмъ я» «отвергну почетное назначеніе, къ которому призванъ?» Если «я погублю, что свыше вложено въ меня, то погублю и себя». У него «была горячая голова»; мечты онъ «принялъ за творчество и творилъ». «Я чувствую призваніе къ творчеству», говоритъ онъ. «Поэтъ заклеименъ особенною печатью: въ немъ таится присутствіе высшей силы». «Слава—вотъ истинная награда пѣвца». «Стихи его удивляли товарищей»; они «были недурны, мѣстами не безъ энергіи и всѣ проникнуты пылкимъ чувствомъ». «Онъ прилежно и многому учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ съ дюжину наукъ, да съ полдюжины древнихъ и новыхъ языковъ». Онъ зналъ: богословіе, гражданское, уголовное, естественное и пародное права, дипломатію, политическую экономію, философію, эстетику, археологію. Зналъ «по-французски, по-нѣмецки и немного по-англійски». «Онъ обладалъ даромъ слова». «Говорилъ высокими слогомъ о современныхъ успѣхахъ ума, о стремленіяхъ челоѣчества... о практическомъ направленіи вѣка». Выражался по словамъ Петра Ивановича «дико», говорилъ «какъ семинаристъ», но, по мнѣнію самого Александра, въ университетѣ «профессоръ эстетики такъ говорилъ и

считался самымъ краснорѣчивымъ профессоромъ»; впрочемъ, А. скоро же по приѣздѣ въ Петербургъ «началъ учиться владѣть собою, не такъ часто обнаруживалъ порывы и волненія и рѣже говорилъ дикимъ языкомъ». «Глядя на корабли, принесшіе намъ дары дальнихъ странъ, я подумалъ объ успѣхахъ современнаго человѣчества, я понялъ волненіе этой разумной дѣятельной толпы, готовъ слиться съ нею»,—такъ выражался А. «О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ онъ зналъ только по слуху». «Отъ этого будущее представлялось ему въ радужномъ свѣтѣ. Его что-то манило въ даль, но что именно, онъ не зналъ. Тамъ мелькали обольстительные призраки, но онъ не могъ разглядѣть ихъ; слышались смѣшанные звуки—то голосъ славы, то любви: все это приводило его въ сладкій трепетъ». Онъ вѣрилъ, что «дружба и любовь—это священные и высокія чувства, упавшія какъ-будто ненарочко съ неба въ земную грязь». «Дружба это второе PROVIDĒNІE». Онъ вполнѣ соглашался съ опредѣленіемъ дружбы одного французскаго романиста: надо «любить не тою фальшивою, робкою дружбою, которая живетъ въ нашихъ раззолоченныхъ палатахъ, которая не устоитъ передъ горстью золота, которая боится двусмысленнаго слова; но тою могучею дружбою, которая отдаетъ кровь за кровь, которая докажетъ себя въ битвѣ и кровопролитіи, при громѣ пушекъ, подъ ревомъ бурь, когда друзья лобзаются прокопченными порохомъ устами, обнимаются окровавленными объятіями... И если Пиладъ раненъ на смерть, Орестъ энергически прощаясь съ нимъ, вѣрнымъ ударомъ кинжала прекращаетъ его мученія, страшно клянется отмстить, и сдерживаетъ клятву, потомъ отираетъ слезу и успокаивается»... Александръ «готовъ былъ бы отдать всѣ деньги за одно привѣтливое слово друга». По его мнѣнію, «краснѣть отъ» «чистаго святого воспоминанія—это значить не признавать поэзіи». «Холодно издѣваться надъ тѣмъ, что есть лучшаго на землѣ»—«это преступленіе». «Душа жаждетъ выразиться, подѣлиться съ ближними избыткомъ чувствъ и мыслей, переполняющихъ ее; «одному грустно въ толпѣ», говоритъ онъ: «не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ». «Чувство» «просится наружу, требуетъ порыва, изліянія». По его мнѣнію, кто не удерживаетъ «въ груди своей благородный порывъ чувства», «того чловѣкъ съ сильными чувствами, кто чувствуетъ такъ, тотъ способенъ ко всему прекрасному и благородному». По мнѣнію Лизаветы Александровны Адуевой, А. «чувствительный, способный любить и заставить любить себя». «У него умъ не идетъ паравнѣ съ сердцемъ, вотъ онъ и виноватъ въ глазахъ тѣхъ, у кого умъ забѣжалъ слишкомъ впередъ, кто хочетъ взять вездѣ только рассудкомъ».—«Ты не всегда пользуешься рассудкомъ—жалъ! А малый порядочный», говорилъ А—у Пестръ Ивашчъ.—«Я никогда не перестану уважать въ васъ сердце», говоритъ ему Лизавета Александровна:—«чувство увлекаетъ васъ и въ ошибки, оттого я всегда извиню ихъ». «Жизнь, по убѣжденію А., «такъ хороша, такъ полна прелести, нѣги», «она какъ гладкое озеро» «полна чего-то таинственнаго, заманчиваго». «Что-жъ за жизнь, не забыться, а все думать, думать»... — «Я хочу жить», «не думая о томъ, ожидаетъ ли меня впереди бѣда, опасность или нѣтъ—все равно. Зачѣмъ я буду терзаться заранѣе горемъ, когда оно не настало?» «Онъ свои сужденія считалъ непогрѣшительными, мнѣнія и чувства непреложными». «Для» него «не было ничего на землѣ святѣе любви»; «любовь—все; его дѣятельность, цѣль все вертится около этого чувства». «Безъ нея жизнь не жизнь»: «жизнь безъ любви—деревянная жизнь»; «прозябаніе, а не жизнь!». «Прозябать безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви!» «Онъ любилъ Софью» маленькою любовью, въ ожиданіи большой». «Онъ мечталъ о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ и совершаетъ громкіе подвиги». «Гдѣ же любовь? О, любви, любви жажду!» восклицаетъ А.:—«и скоро-ли придетъ она? Когда настанутъ эти дивныя минуты, эти сладостныя страданія, трепетъ блаженства, слезы»... Онъ не признавалъ любви, которая «помнитъ себя», «которая ни на минуту не забудется», любви «внутренней хитростью». — «Для меня больше успія—любить всѣми силами души, хотъ и страдать, нежели быть любимымъ не любя, или любя какъ-то вполонину, для забавы». Онъ «потребо-

валъ бы отъ любимой женщины» «первенства въ ея сердцѣ. Любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ него; «всѣ они должны казаться ей невыносимы». Онъ «одинъ выше, прекраснѣе, лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не съ» нимъ, «для нея потерянный мигъ». Въ его «глазахъ, въ» его разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого». Для него «она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, расчетами; свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ презрѣть самую смерть—вотъ любовь!» «А я бы посвятилъ всю жизнь ей, я бы лежалъ у ногъ ея. Смотрѣть ей въ глаза было бы мнѣ закономъ. Я бы пѣлъ ея красоту, нашу любовь, природу». А. согласенъ съ тѣмъ, что «любить—значитъ подстергать каждый взглядъ любимаго существа»; «волноваться въ отсутствіи его роемъ мыслей, а при немъ не умѣть высказать ни одной, стараться превзойти другъ друга въ пожертвованіяхъ», «посвятить себя одному существу» «и жить, мыслить только для его счастья, находить величіе въ униженіи, наслажденіе въ грусти и грусть въ наслажденіи, предаваться всевозможнымъ противоположностямъ кромѣ любви и ненависти. Любить—значитъ жить въ идеальномъ мірѣ». «Какая отрада, какое блаженство», рассуждалъ онъ, «знать, что есть въ мірѣ существо, которое гдѣ бы ни было, что бы ни дѣлало, помнить о насъ, сближаетъ всѣ мысли, занятія, поступки,—все къ одной точкѣ и одному понятію—о любимомъ существѣ! Это какъ будто нашъ двойникъ!» «Двойникъ отказывается отъ собственныхъ ощущеній, если они не могутъ быть раздѣлены или приняты другимъ. Онъ любить то, что любить другой, и ненавидитъ, что тотъ ненавидитъ. Они живутъ нераздѣльно въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ: у нихъ одно духовное око, одинъ слухъ, одинъ умъ, одна душа». «Онъ вѣрилъ въ неизбѣжное назначеніе кого любить, въ симпатіи душъ». «Въ любви А.—жертва собственной слѣпоты и самыхъ мучительныхъ заблужденій сердца». «Онъ самъ дѣлаетъ изъ жизни пытку». Онъ «любилъ людей», «вѣрилъ въ ихъ достоинства, видѣлъ въ нихъ братьевъ».—«Счастье соткано изъ иллюзій, надеждъ, довѣрчивости къ людямъ, увѣренности въ самомъ себѣ, потомъ изъ любви, дружбы», говорилъ онъ. «Онъ думалъ, что «супружества безъ любви не должно быть»; что «нельзя жениться безъ увлеченія, безъ поэзіи любви, безъ страсти, рассуждать, какъ и зачѣмъ». Его «возмущаютъ неравные браки», «когда невѣсту влекутъ, какъ жертву, убранную цвѣтами и алмазами, и толкаютъ въ объятія пожилого человѣка, б. ч., некрасиваго съ лысиною». «Жениться нужно тому», говоритъ онъ, «кто еще не утратилъ блеска юношеской красоты, въ комъ и въ головахъ и въ сердцѣ—всюду замѣтно присутствіе жизни, въ глазахъ не угасъ еще блескъ, на щекахъ не остылъ румянецъ, не пропала свѣжесть—признаки здоровья; кто бы не истощенной рукой повелъ по пути жизни прекрасную подругу, а принесъ бы ей въ даръ сердце, полное любви къ ней, способное понять и раздѣлить ея чувства».—«Зачѣмъ и буду слѣдовать нелѣпымъ примѣрамъ»—жениться состарѣвшись, «когда истощишь «свѣжесть, здоровье», оплѣшивѣешь! — «Не хочу жепиться, какъ женится большая часть: наладилъ одну пѣсню: молодость прошла, одиночество наскучило, такъ надо жепиться!» «Я не таковъ». «Я попаду въ категорію счастливыхъ мужей». «Въ двадцать три года» онъ готовъ жениться на Наденькѣ Любецкой. Его не привлекаетъ «почетъ, стремленіе по пути почестей»: «грѣетъ ли это сердце? Отраднo ли душѣ, когда тебѣ нѣсколько человѣкъ поклоняются низко, а сами подумаютъ, можегъ быть: «чортъ бы тебя взялъ!» У него не было пристрастія къ деньгамъ: «—Деньги! говорилъ онъ. Зачѣмъ онѣ?»

«Александръ былъ избалованъ, но не испорченъ домашнею жизнью». «Любовь матери и поклоненіе окружающихъ подѣйствовали только на добрыя его стороны, развили, напимѣръ, въ немъ преждевременно сердечныя склонности, поселили ко всему довѣрчивость до излишества». Это же самое «расшевелило въ немъ и самолюбіе». «Мать, при всей своей нѣжности, не могла дать ему настоящаго взгляда на жизнь, и не приготовила его на борьбу съ тѣмъ, что ожидало его».

«Нужно было» «поменьше любить, не думать за него ежеминутно, не отводить отъ него каждую заботу и непріятность, не плакать и не страдать вмѣсто него, чтобъ и въ дѣтствѣ дать ему самому почувствовать приближеніе грозы, справиться со своими силами и подумать о своей судьбѣ—словомъ, узнать, что онъ мужчина». «Всѣ такія натуры, какова была его, любятъ отдавать свою волю въ распоряженіе другого. Для нихъ нянька—необходимость». «При другомъ воспитаніи и правильномъ взглядѣ на жизнь, онъ былъ бы счастливъ самъ и могъ бы осчастливить кого-либо еще». «Только нѣжная, дружеская рука могла ухаживать за этимъ цвѣткомъ». По мнѣнію матери, онъ «воспитанъ, и ловокъ, и хорошъ». По словамъ Петра Иваныча, «у него есть тактъ». «Онъ не навязывается, не ходитъ безъ зову; и, когда замѣтитъ, что онъ лишній, тотчасъ уйдетъ; и денегъ не проситъ: онъ малый покойный», «добрый, умный, порядочно-воспитанный». Мать свою обожаетъ: «отдалъ бы за нее жизнь». Когда «розовыя мечтанія» А. «столкнулись съ дѣйствительностью, у него болѣло и ныло сердце» отъ этихъ стычекъ и «самолюбіе страдало». Понемногу онъ сталъ «допускать мысль, что въ жизни видно, не все однѣ розы, а есть и шипы. Прежде онъ считалъ «службу»—«занятіемъ сухимъ», въ которомъ не участвуетъ душа». «Каждый день, каждый часъ, и сегодня, и завтра, и цѣлый вѣкъ бюрократическая машина работаетъ стройно, непрерывно, безъ отдыха, какъ будто нѣтъ людей,—одни колеса, да пружины». «Гдѣ же разумъ, оживляющій и двигающій эту фабрику бумагъ?» думалъ А., но вскорѣ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ сталъ одною изъ пружинъ машины». Прежде онъ вѣрилъ, что «поэтъ заклеиваетъ особенною печатью: въ немъ таится присутствіе высшей силы»; «онъ горячо возставалъ противъ смѣшенія ремесла и искусства»; но когда дядя досталъ ему переводъ статьи «О наземѣ» «для отдѣла о сельскомъ хозяйствѣ», А. хотя и «медленно, со вздохомъ, принялся за перо и началъ переводить». «Статьи его о сельскомъ хозяйствѣ» «обратили на себя вниманіе публики». По отзыву редактора, онѣ «обработаны прекрасно, въ нихъ есть мысль—все показываетъ «ученаго производителя», а не ремесленника». «Въ изящной прозѣ онъ былъ менѣе счастливъ»: онъ былъ «не созданъ жрецомъ изящнаго». Но онъ скоро утѣшился.—«Я дѣлаю дѣло», говорилъ онъ.—«Никто не упрекнетъ меня въ праздности. Утро я занятъ въ службѣ, а трудиться сверхъ того—это роскошь, произвольная обязанность». Скоро «ему дали порядочное мѣсто». Онъ «вдругъ поступилъ на старшій окладъ». «Начальникъ отдѣленія хвалитъ» его, «только говоритъ, что» онъ «разсѣянъ; то запятыхъ не поставитъ», то «забудетъ написать содержаніе бумаги». «Въ редакціи журнала А. тоже сдѣлался важнымъ лицомъ. Онъ занимался и выборомъ, и переводомъ, и поправкою чужихъ статей, писалъ и самъ разные теоретическіе взгляды о сельскомъ хозяйствѣ». Но его всего поглотила любовь къ Наденькѣ Любецкой. Эта любовь была «днями непрерывныхъ наслажденій». «Онъ былъ увѣренъ, что онъ одинъ на свѣтѣ такъ любить и любимъ»: «Я буду любить глубже, смѣлѣе», «не издѣваться надъ чувствомъ, не шутить и не играть имъ холодно», «и не сдергивать покрывала съ священныхъ тайнъ». «Я буду любить вѣчно и одпажды». «При взглядѣ на нее, у него «занимался духъ и колѣни дрожали и гнулись подъ» нимъ; онъ «готовъ былъ на всѣ муки, лишь бы видѣть ее». Онъ говорилъ, что «Наденька миритъ» его «съ жизнью». «Какъ прекрасна жизнь, какъ я счастливъ!» Онъ глядѣлъ на толпу, какъ могутъ глядѣть только герой, поэтъ и влюбленный, счастливый взаимной любовью». У него «праздничное лицо», во взорѣ «блещетъ гордость»;—смотреть «полководцемъ», по выраженію Петра Иваныча. «Въ походкѣ, взглядѣ, во всемъ обращеніи А. было что-то торжественное, таинственное». «Онъ велъ себя съ другими, какъ богатый капиталистъ на биржѣ съ мелкими купцами». «Съ Наденькой» онъ мечталъ «провести всю жизнь»: «какъ весело пройдемъ мы жизнь рука объ руку! Какъ будемъ горды, велики взаимной любовью»; «духъ замираетъ отъ одной мысли», что «Наденька—жена моя!» «Нѣтъ выше блаженства на землѣ»; «поцѣлуй Наденьки! О, какая высокая небесная награда!» «Могу ли я думать теперь о презрѣнной пользѣ?» «Какъ я люблю ее!» «Я

люблю, какъ никогда никто не любилъ: всёми силами души—ей все!»—«Глупѣ любить нельзя», возражаетъ Петръ Ивановичъ. Когда графъ Новинскій, по выраженію А., «какъ дикій звѣрь ворвался... и похитилъ все», А. попросилъ въ первый разъ у дядюшки его «холоднаго разума», и въ то же время готовъ былъ отомстить Наденькѣ. Онъ оплакивалъ свою «колоссальную страсть»; «рыдалъ «и лишь послѣ долгаго разговора съ теткой «уснулъ въ первый разъ покойно, послѣ многихъ бессонныхъ ночей». — «Все пошлости, все общія мѣста!» отзывается онъ о прошлой любви Наденьки.—Впрочемъ, прибавлялъ онъ еще съ большимъ презрѣніемъ:—ей простиительно: я слишкомъ былъ выше и ея, и графа и всей этой жалкой и мелкой сферы; не мудрено, что я остался неразгаданнымъ ей». По мнѣнію А., «измѣна самое горькое оскорбленіе, какое только судьба посылаетъ человѣку; есть ли еще мука сильнѣе?» Когда «страсть выдохлась въ немъ, истинная печаль прошла», «онъ создалъ себѣ искусственную грусть, игралъ, красовался ею и утопалъ въ ней». «Ему нравилось играть роль страдальца. Онъ былъ тихъ, важень, туманень, какъ человѣкъ, выдержавшій, по его словамъ, ударъ судьбы,—говорилъ о высокихъ страданіяхъ, о святыхъ, возвышенныхъ чувствахъ, смятыхъ и втоптаныхъ въ грязь». Свою любовь онъ называетъ «несчастной ошибкой сердца, которое требовало пищи». «Глядя на людей, связанныхъ любовью, не помнящихъ себя отъ восторга, онъ улыбался иронически: «онъ потерялъ уже способность любить». Дружба также разочаровала его; встрѣтаясь съ Поспѣловымъ, А. ждалъ отъ него «искренней, душевной бесѣды» «о золотыхъ дняхъ дѣтства, объ играхъ, о проказахъ», ждалъ сочувствія къ своимъ страданіямъ, но не нашелъ ни того, ни другого. Разочаровавшись въ своемъ другѣ, А. «низшелъ до жалкаго понятія «о дружбѣ». «Дружба», думалъ онъ, «глупость!» «Вчерашній другъ—сегодня врагъ». «Люди не способны возвышаться до того понятія о дружбѣ, какая должна быть». Онъ «перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію». «Онъ проникъ взглядомъ въ тайну жизни, конечно, не безъ мученій, но зато закалилъ себя противъ нихъ навсегда. Будущее ему ясно: онъ «окрылился,—онъ не ребенокъ, а мужъ». Разочарованный А., «привязался къ литературному «труду»:—«Что будетъ жизнь безъ труда», говоритъ онъ, «хоть въ гробъ ложись!» Редакторъ отзывается о немъ: «онъ не глупъ, но что-то не путемъ озлобленъ на весь міръ. «Въ какомъ озлобленномъ, ожесточенномъ духѣ пишетъ онъ! Вѣрно разочарованный! Самолюбіе, мечтательность, преждевременно развитіе сердечныхъ склонностей и неподвижность ума, съ неизбежнымъ послѣдствіемъ—лѣнью,—вотъ причины этого зла».

Юлію Павловну Тафаеву А. полюбилъ такой любовью, о какой «мечталъ»: «сознательной, разумной, но вмѣстѣ сильной, не знающей ничего внѣ своей сферы». «Только эта любовь ужъ не такъ пылка... «но за то прочна, можетъ быть, вѣчна!» — «Я не задыхаюсь отъ радости, какъ животное», «духъ не замираетъ, но во мнѣ совершается процессъ важнѣе, выше: я сознаю свое счастье, размышляю о немъ, и оно полнѣе хотя, можетъ быть, тише». Онъ думалъ жениться на Тафаевой, чтобы «пріобрѣсти право не покидать ее ни на минуту, не уходить домой... быть всюду и всегда съ ней. Быть въ глазахъ свѣта законнымъ ея обладателемъ... Она назоветъ меня громко, не краснѣя и не блѣднѣя, своимъ... и такъ всю жизнь! И гордиться этимъ вѣчно!» Но нельзя сказать, «чтобы онъ былъ счастливъ». Его «любовь начиналась страданіемъ». «Минутами онъ вѣрилъ въ возможность счастья и въ любовь Юліи. Въ другое время онъ вдругъ смущался въ пылу самыхъ искреннихъ изліяній»; «ему казалось, что вотъ, того и гляди, она измѣнитъ, или какой-нибудь другой неожиданной ударъ судьбы мигомъ разрушитъ великолѣпный міръ блаженства». «Вкушая минуту радости, онъ зналъ, что ее надо выкупить страданіемъ и хандра находила на него». Въ любви къ Юліи А. былъ деспотомъ. Онъ «ревновалъ: и какъ ревновалъ! Это не была ревность отъ избытка любви, но равнодушная, холодная, злая. Онъ тиранилъ бѣдную женщину изъ любви, какъ другіе не тиранятъ изъ ненависти». «Ему покажется, напримѣръ, что вечеромъ, при го-

стяхъ, она не довольно долго и нѣжно или часто глядитъ на него, и онъ осматривается, какъ звѣрь, кругомъ,—и горе, если въ это время около Юліи есть молодой человѣкъ, и даже не молодой, а просто человѣкъ, часто женщина, иногда — вещь. Оскорбленія, колкости, черныя подозрѣнія и упреки сыпались градомъ». «Онъ ревновалъ не къ красавцамъ, не къ достоинству ума или таланта, а даже къ уродамъ, наконецъ, къ тѣмъ, чья физіономія просто не правилась ему». Испытывая «муки ревности», онъ «смотрѣлъ на все въ увеличительное стекло и видѣлъ многое, что простымъ глазомъ не усмотришь». Убѣжденный «въ привязанности Юліи», онъ начинаетъ размышлять, «что влачить праздную, глупую жизнь». «Магическій кругъ, въ который была заключена его жизнь любовью, мѣстами разорвался, и ему вдали показались то лица пріятелей и рядъ разгульных удовольствій, то блистательные балы съ толпой красавицъ, то вѣчно занятой и дѣловой дядя, то покинутыя занятія». Онъ нападаетъ «на любовь»: «что это за любовь! кака-то сонная, безъ энергіи». — «Это ли любовь! гдѣ же тутъ симпатія душъ?» «А ужъ тутъ ли не тянуло душъ другъ къ другу: казалось, слиться бы имъ на вѣкъ, а вотъ поди-жь ты!» «Мучительная, убійственная скука точитъ его» сердце, онъ ищетъ свободы, признаетъ ее «великимъ благомъ». Онъ «бросился въ вихрь шумныхъ радостей», но «слабый организмъ тѣла и душа А., настроенная на грустный элегическій тонъ, не вынесли этихъ забавъ». «Измѣна въ любви», разочарованіе «въ дружбѣ заставили А. «презирать людей»; отсюда выводъ: «противно, гадко смотрѣть на людей, жить съ ними! Всѣ ихъ мысли, слова, дѣла все сиждется на песокъ. Сегодня бѣгутъ къ одной цѣли, спѣшаютъ, сбиваютъ другъ друга съ ногъ, дѣлаютъ подлости, льстятъ, унижаются, строятъ козни. а завтра и забыли о вчерашнемъ и бѣгутъ за другимъ. Сегодня восхищаются однимъ, завтра ругаютъ: сегодня горячи, нѣжны, завтра холодны». «Ужели я ошибался и въ завѣтныхъ вдохновенныхъ думкахъ, и въ темныхъ вѣрованіяхъ въ любовь, въ дружбу... и въ людей... и въ самого себя?» — «Что же жизнь?» «Онъ удивлялся, какъ могутъ люди веселиться, безпрестанно заниматься чѣмъ-нибудь, увлекаться каждый день новыми интересами. Ему странно казалось, какъ это всѣ не ходятъ сонные, какъ онъ, не плачутъ», «не говорятъ о тоскѣ и взаимныхъ страданіяхъ»: «одно тѣло наводитъ на нихъ заботу, а души и въ поминѣ нѣтъ!» — говоритъ онъ: «пустые, ничтожные люди, животныя!» Ему противны люди «своею низостью, мелкостью души». — «Я не сдѣлалъ людямъ зла!» — говоритъ А., — «я распахнулъ широкія объятія для людей» и отъ нихъ «требовалъ только должнаго, слѣдующаго мнѣ по всѣмъ правамъ». «Я пустилъ сокровища души своей по вѣтру, я отдалъ искренность сердца, первую завѣтную страсть — и что получилъ: горькое разочарованіе, узналъ, что все обманъ, все непрочно, что нельзя надѣяться ни на себя, ни на другихъ — и сталъ бояться и другихъ и себя». «Повѣрить людямъ, искать симпатіи, въ комъ? Разсыпать бисеръ передъ кѣмъ? Кругомъ низость, слабодушіе, мелочность», «кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей», говоритъ А. «Онъ избѣгалъ толпы»; «сидя въ своемъ кабинетѣ», «въ уединеніи» онъ «точно сотворилъ себѣ изъ ничего какой-то міръ и обрѣтался больше въ немъ, а на службу ходилъ рѣдко и неохотно, называя ее горькою необходимостью, необходимымъ зломъ или печальной прозой». «Бесѣдовать съ своимъ я было для него высшею отрадою». «Наединѣ съ собою только, человѣкъ видитъ себя, какъ въ зеркалѣ; тогда только научается онъ вѣрить въ человѣческое величіе и достоинство», говоритъ А. «Какъ жалокъ, напротивъ, кто не умѣетъ и боится быть съ собою, кто бѣжитъ отъ самого себя и всюду ищетъ общества, чуждаго ума и духа». «Онъ видѣлъ только мрачную сторону» жизни, «свѣтлой онъ не замѣчалъ». «Для него опустѣлъ цѣлый міръ и въ немъ самомъ холодъ, тоска». У него «не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды». «Въ двадцать пять лѣтъ онъ «потерялъ довѣренность къ счастью и къ жизни и состарѣлся душой. — «А все отъ любви», замѣчаетъ Петръ Ивановичъ. — «Ты дѣльный малый; можешь заняться чѣмъ-нибудь посерьезнѣе любви», но А. уже «никому и ничему не вѣрилъ, не забывался въ наслажденіи», «зная, что за этимъ насту-

пить скука, что наполнить душевной пустоты ничѣмъ нельзя». «Вѣрится чувству—оно обманетъ и только взволнуетъ душу». «Желать онъ боялся, зная, что часто, въ моменты достиженія желаемого, судьба вырветъ изъ рукъ счастье и предложитъ совсѣмъ другое, чего вовсе не хочешь», «а если и дастъ желаемое, то прежде измучитъ, истомитъ, унизитъ въ собственныхъ глазахъ»: «я ничего не хочу добиваться и искать; у меня нѣтъ цѣли, потому что къ чему повлечешься,—достигнешь—и увидишь, что все призракъ», говоритъ А. «Его пугалъ и періодическій приливъ счастья и несчастья въ жизни. Радостей онъ не предвидѣлъ, а горе все непремѣнно впереди, его не избѣжишь». «Всѣмъ, казалось ему, отпущена ровная доля и счастья и несчастья». «Радости для меня миповали, я къ нимъ охладѣлъ», замѣчаетъ онъ. «Человѣкъ счастливъ заблужденіями, мечтами и надеждами; дѣйствительность не счастливитъ». «Не лучше-ли жить безъ всякихъ надеждъ и волненій, не ожидая ничего, не искать радостей и» «не оплакивать потерь», говоритъ онъ. На предсказаніе Лизаветы Александровны Адуевой, что онъ женится, будетъ любить», отвѣчаетъ:—«Неужели вы думаете, что я вѣрю свое счастье женщинѣ, если-бъ даже и полюбилъ ее, чего быть не можетъ, или «что я взялся-бы сдѣлать женщину счастливой»? Нѣтъ, я знаю, что мы обманемъ другъ друга, и оба обманемся».—«Супружество не для меня. Я теперь не могу притвориться, когда разлюблю, я перестану быть счастливъ; не могу также не увидѣть, когда жена притворится; будемъ оба хитрить». Подъ вліяніемъ разочарованія А. перемѣнился и наружно. «Онъ похудѣлъ. Глаза впали. На щекахъ и лбу, появились преждевременныя складки» «отъ непрерывныхъ душевныхъ волненій». У него появилась какая-то лѣнь или медленность и неровность движеній, и матовый взглядъ, который сейчасъ высказывалъ, какое ощущеніе тревожило сердце его, или какая мысль шевелилась въ головѣ». «Онъ предался какому-то истуканному равнодушію, жилъ праздно, упрямо удалялся отъ всего, что только напоминало образованный міръ»; «въ образованномъ мірѣ, съ людьми, я сильнѣе чувствую невыгоды жизни», говорилъ онъ. «Онъ искалъ бесѣды съ желчнымъ, озлобленнымъ умомъ, съ ожесточеннымъ сердцемъ, и отводилъ душу, слушая злыя насмѣшки надъ судьбой; или проводилъ время съ людьми, неравными ему ни по уму, ни по воспитанію:—«Жизнь давно опротивѣла мнѣ»,—говоритъ А.—«и я избралъ себѣ такой быть, гдѣ она меньше замѣтна». У него «интересовъ въ жизни нѣтъ никакихъ»; «были да прошли, исчезли.—«Такъ все ничтожно; всѣ эти блага, вся пустошь жизни, и люди, и самъ». А. «затосковалъ». «Онъ допытывается у самого себя: могъ-ли бы онъ быть администраторомъ, какимъ-нибудь командиромъ эскадрона? Могъ-ли бы довольствоваться семейною жизнью? И видитъ, что ни то, ни другое, ни третье не удовлетворило-бы его». Онъ «ясно понималъ, что не имѣетъ права никого винить въ своей тоскѣ... Я самъ погубилъ свою жизнь. Я мечталъ о славѣ, Богъ знаетъ съ чего, и пренебрегъ своимъ дѣломъ; я испортилъ свое скромное назначеніе и теперь не поправлю прошлаго». «Какъ я сталъ мелокъ, ничтоженъ въ собственныхъ глазахъ, съ своей тоской, страданіями». У него явилось «горькое сознаніе, что онъ гордъ и безсиленъ.—«Чѣмъ-бы свое дѣло дѣлать, ты—то стоишь отъ измѣны дѣвченки, то плачешь въ разлукѣ съ другомъ, то страдаешь отъ душевной пустоты, то отъ полноты ощущеній: пу что это за жизнь? Вѣдь это пытка», говоритъ ему Петръ Ивановичъ.—«Я жалокъ, ничтоженъ!» признается самъ А. въ минуту отчаянія—«пѣтъ у меня сердца! Я жалокъ, нищъ духомъ!»—«У меня нѣтъ ни искры разсудка; я страдаю, гибну»; «я гадокъ самому себѣ; отъ людей можно скрыться, а отъ себя куда уйдешь?» «Одно только отрицательное утѣшеніе и осталось мнѣ, что я не обманулъ никого, не измѣнилъ ни въ любви, ни въ дружбѣ. «Онъ охладился болѣе и болѣе къ жизни, на все смотрѣлъ сонными глазами и желалъ только спокойствія, сна души».—«Я стремиться выше не хочу», отвѣчаетъ онъ дядѣ.—«Я хочу такъ остаться, какъ есть...»—«Стоитъ-ли хлопотать изъ чего-нибудь, любить, привязываться, ссориться, мириться,—словомъ жить? Не лучше-ли спать и умомъ и сердцемъ?»

«Какъ бы ни прожить, лишь бы прожить!» Всякій волею понимать жизнь, какъ хочеть». «Я изгѣдалъ всю пустоту и всю ничтожность жизни и глубоко презираю ее». «Дѣятельность, хлопоты, заботы, развлеченіе—все надоѣло мнѣ», «въ душѣ дико и пусто». «Пока въ человѣкѣ кипятъ жизненные силы», «пока играютъ желанія и страсти, онъ занятъ чувственно, онъ бѣжитъ отъ того успокоительнаго, важнаго и торжественнаго созерцанія, къ которому ведетъ религія», думаетъ А. «Онъ приходитъ искать утѣшенія въ ней съ угасшими, растроченными силами, съ сокрушенными надеждами, подъ бременемъ лѣтъ». «Если-бъ я могъ еще вѣрить въ это! Когда теплота вѣры не грѣетъ сердце, развѣ можно быть счастливымъ?» Петръ Иванычъ возбудилъ въ немъ «борьбу двухъ различныхъ взглядовъ на жизнь и не могъ «примирить ихъ; все превратилось» въ немъ «въ сомнѣніе, въ какой-то хаосъ». Онъ «утратилъ жизненные силы и состарѣлся въ двадцать девять лѣтъ», по въ концѣ концовъ рѣшилъ, что «самъ найдетъ свой путь и пойдетъ по немъ» «твердыми и ровными шагами». Онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ деревню. Въ деревнѣ, мало-по-малу, онъ «помирился съ прошедшимъ; оно стало ему мило». «Тяжкая школа, пройденная въ Петербургѣ и размышленія въ деревнѣ прояснили» ему «вполнѣ судьбу» его.—«Я теперь покоенъ, не терзаюсь, не мучусь»; «можетъ быть это спокойствіе проистекаетъ пока изъ эгоизма, чувствую, впрочемъ, что скоро взглядъ мой на жизнь уяснится до того, что я открою другой источникъ спокойствія—чище», пишетъ онъ теткѣ. Онъ уже «не сумасбродъ, не мечтатель, не разочарованный, не провинціалъ, а просто человѣкъ, какіхъ въ Петербургѣ много и какимъ-бы давно» ему «пора быть». Онъ «дошелъ уже до того рубежа, гдѣ кончается молодость и начинается пора размышленій, повѣрка и разборка есякаго волненія, пора сознанія». А. «стыдится вспомнить, какъ, «воображая себя страдальцемъ, онъ проклиналъ свой жребій, жизнь!»—«Какъ я поздно увидѣлъ, говорить онъ, «что страданія очищаютъ душу, что они дѣлаютъ человѣка сноснымъ и себѣ, и другимъ, возвышаютъ его». Онъ призналъ, «что не быть причастнымъ страданіямъ, значить не быть причастнымъ всей полнотѣ жизни». Онъ увидѣлъ, какъ необходимы «борьба и волненія для жизни, какъ жизнь безъ нихъ была-бы не жизнь, а застой, сонъ... Кончается борьба, смотришь—кончается и жизнь; человѣкъ былъ занятъ, любилъ, наслаждался, страдалъ, волновался, сдѣлалъ свое дѣло и, слѣдовательно, жилъ»; «все прожитое» имъ «до сихъ поръ, по его новому мнѣнію, было какимъ-то труднымъ приготовленіемъ къ настоящему пути, мудрепою наукою для жизни», и ему «жизнь начинается казаться благомъ, а не зломъ». Онъ краснѣетъ «за свои юношескія мечты», но признаетъ, что онѣ «залогъ чистоты сердца, признакъ души благородной, расположенной къ добру. Онъ говоритъ, что «молодость должна быть тревожна, кипуча, иногда сумасбродна, глупа, но что у всякаго мечты современемъ улягутся, какъ улеглись теперь» и у него. [Въ эпилогѣ романа А. «тридцать съ небольшимъ лѣтъ». «Онъ «перемѣнился»: «пополнѣлъ, оплѣшивѣлъ, сталъ румянь». У него «иногда уже колетъ» въ поясицѣ. «Онъ носитъ съ достоинствомъ свое выпуклое брюшко и орденъ на шеѣ». Онъ «коллежскій совѣтникъ», получаетъ «хорошее казенное содержаніе, посторонними трудами зарабатываетъ много денегъ» и «во время женится на богатой»: у невѣсты «пятисотъ душъ и триста тысячъ денегъ». На вопросъ Лизаветы Александровны, зачѣмъ онъ женится, отвѣчаетъ:—«Какъ зачѣмъ? Не все-же такъ пататься! Одиночество наскутило. Пришла пора» «усѣсться на мѣстѣ, основаться, обзавестись своимъ домкомъ, исполнить долгъ. Невѣста-же хорошенькая, богатая». На вопросъ, женится-ли онъ по любви, отвѣчаетъ словами Петра Иваныча:—«Женишься по любви—любовь пройдетъ и будешь жить привычкой; женишься не по любви—и придешь къ тому же результату: привыкнешь къ женѣ. Любовь любовью—а женитьба женитьбой!»—«Я иду наравнѣ съ вѣкомъ: пельзя-же отставать!» Онъ идетъ по слѣдамъ Петра Иваныча: сдѣлана имъ и «карьеря, и фортуна». Онъ «воспитанникъ школы дяди»: смотреть на вещи его глазами»].

К р и т и к а: 1) Родоначальникомъ А. на Руси Бѣлинскій считаетъ Владимира Ленскаго, по прямой линіи происходящаго отъ гётевскаго Вертера. «Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущность ихъ всегда будетъ та-же самая...» Бѣлинскій называетъ А. «романтическимъ звѣрькомъ» и причисляетъ его къ породѣ «людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервическою чувствительностью, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (susceptibilité)». А., по мнѣнію критика, принадлежитъ къ числу «дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ». «Всѣ несчастья его произошли оттого, что будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго» [Бѣлинскій. Соч., т. XI].

2) О. Миллеръ называетъ А. «своего рода «Митрофаномъ».. Для чего онъ ѣдетъ въ Петербургъ? Да онъ и самъ этого не знаетъ, онъ ѣдетъ искать «чего-то». «Молодому Адуеву профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко, т. е., разумѣется. они не лично къ нему это относили, но онъ это заключилъ изъ ихъ курсовъ; они ему рисовали такія мечтательно-неопредѣленные картины будущей дѣятельности, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ разыгравшагося воображенія, легко могъ найти себѣ видное мѣсто. Это были картины дѣятельности чисто-заоблачной, ради пользы и добра вообще, какой-то пользы и какого-то добра для всего человѣчества. И вотъ онъ самолюбиво мечталъ о подобной пользѣ, въ сущности только потѣшая этимъ и особеннымъ образомъ развивая свой доморощенный эгоизмъ, т. е. мечталъ, что выдвинется далеко изъ ряда, какими-то особенно блистательными успѣхами, и что на него будутъ съ уваженіемъ указывать пальцемъ. [Миллеръ. Русск. пис. послѣ Гоголя, т. II, 20].

3) «Передъ нами выросшій на почвѣ патріархальной усадебной жизни наивный юноша. Разложеніе патріархальнаго строя жизни заставляло его не довольствоваться своею ролью помѣщика средней руки, поселило въ немъ исканіе, хотя еще очень смутное, новыхъ формъ жизни. Университетъ съ его дюжиной наукъ придавалъ этому смутному исканію идеалистическую окраску. Въ этомъ даровитомъ юношѣ заключались, быть можетъ, превосходные задатки, но среда, въ которую онъ попадаетъ, оказалась совершенно негодной для ихъ развитія. Это среда буржуазно-чиновничья, съ ея сухимъ эгоистичнымъ практицизмомъ. [Н. К о р о б к а].

Адуевъ, Петръ Ивановичъ («Обыкн. Ист.»).—«Статскій совѣтникъ по чину», «заводчикъ по ремеслу»; (въ эпилогѣ романа—дѣйствительный статскій совѣтникъ, накануне представленія въ тайные и «директоръ канцеляріи»). «Онъ былъ не старъ, а что называется мужчина «въ самой порѣ», «между тридцатью пятью и сорока годами». Впрочемъ, онъ не любилъ распространяться о своихъ лѣтахъ», но «въ его манерѣ скрывать настоящія лѣта не видно было суетной претензіи нравиться прекрасному полу». «Онъ былъ высокій, стройный, пропорціонально сложенный мужчина», «человѣкъ крѣпкой и здоровой натуры», «съ крупными, правильными чертами смугло-матоваго лица, съ ровной красивой походкой, съ сдержанными, но пріятными манерами». «Такихъ мужчинъ обыкновенно называютъ *bel homme*». «Ни въ движеніи, ни въ словѣ нельзя было угадать мысли или характера П. И.—такъ все прикрыто было въ немъ свѣтскостью и искусствомъ владѣть собой». «Кажется, у него рассчитаны были и жесты и взгляды». «Въ лицѣ замѣчалась также сдержанность, т. е. умѣнье владѣть собой, не давать лицу быть зеркаломъ души. Онъ былъ того мнѣнія, что это неудобно и для себя и для другихъ. «Нельзя однако-жъ было назвать лицо его деревяннымъ: нѣтъ, оно было только покойно. Иногда лишь видны были на немъ слѣды усталости,—должно быть, отъ усиленныхъ занятій.—«Человѣку вездѣ надо работать,—и много работать.—даже до боли въ поясницѣ», говорилъ П. И. «Одѣвался онъ всегда тщательно, даже щеголевато, но не черезчуръ, а только со вкусомъ; бѣлье носилъ отличное; руки у него были полны и бѣлы, ногти длинныя

и прозрачные». «Рѣдко кто умѣлъ войти съ такой непринужденностью и достоинствомъ въ гостиную, какъ П. И.»—«Двадцати лѣтъ былъ отправленъ въ Петербургъ старшимъ братомъ, отцомъ Александра». «Онъ самъ нашелъ себѣ дорогу».—«Я сначала цѣлый годъ безъ жалованья служилъ», рассказывалъ опъ про себя. «Свое небольшое имѣніе онъ продалъ» и въ Петербургѣ «жилъ безвыѣздно семнадцать лѣтъ»; «служилъ при какомъ-то важномъ лицѣ чиновникомъ особыхъ порученій», «посилъ нѣсколько ленточекъ въ петлицѣ фрака» и «слылъ за дѣятельнаго и дѣловаго человѣка», «за человѣка съ деньгами». «Жилъ на большой улицѣ. занималъ хорошую квартиру, держалъ троихъ людей и столько-же лошадей». Приобрѣлъ «стеклянный и фарфоровый заводъ», который велъ совмѣстно съ тремя компаніонами.—«Я хорошо обставленъ и дѣла мои недурны», говоритъ онъ о себѣ. По его словамъ, «Адуевы всѣ не безъ головы». «Поклоняется положительнымъ цѣлямъ».—Много хорошаго сдѣлаешь съ талантомъ, говоритъ онъ племяннику, и «притомъ это—капиталъ». Рукописи Александра (у котораго П. И. не видѣлъ таланта) отдалъ лакею «обклеить перегородку», а остальные сжегъ въ каминѣ. Онъ врагъ «мечтательной жизни».—«Я не понимаю отчего пренебрегать скромнымъ назначеніемъ? И оно имѣетъ свою поэзію».—«Вотъ я статскій совѣтникъ по чину, заводчикъ по ремеслу, а предложи-ка мнѣ взамѣнъ званіе перваго поэта, ей Богу, не возьму!» Считается «самымъ дѣльнымъ чиновникомъ въ министерствѣ» и любитъ заниматься дѣломъ: «мы принадлежимъ къ обществу, которое нуждается въ насъ», говоритъ онъ. «Занимаясь, онъ не забываетъ и себя: дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онъ тоже любитъ». Онъ «не могъ представить себѣ безденежнаго горя»:—«Что-жъ за горе, если оно мѣднаго гроша не стоитъ?»—«Не проси у меня денегъ», говоритъ онъ племяннику, Александру, «это всегда нарушаетъ доброе согласіе между порядочными людьми». Онъ признаетъ, что деньги—это «пробный камень», о который «споткнется не одно чувство».—«Только деньги на умѣ, отзывается о П. И. его жена. «Однако, онъ не всегда думаетъ о службѣ, да о заводѣ»; онъ «знаетъ наизусть не одного Пушкина», «часто бываетъ въ театрѣ»; «онъ читаетъ на двухъ языкахъ все, что выходитъ замѣчательнаго по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, любитъ искусство, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ, фламандской школы—это его вкусъ». «О высокихъ цѣляхъ онъ разговаривать не любилъ, называя это бредомъ, а говорилъ сухо и просто, что надо дѣло дѣлать». «Думаетъ и чувствуетъ по земному», «оттого онъ вникаетъ во всѣ земныя дѣла, а между прочимъ, въ жизнь, какъ она есть, а не какъ-бы намъ хотѣлось. «Разсудительный, насмѣшливый и положительный человѣкъ». «Вѣрить въ добро и вмѣстѣ въ зло, въ прекрасное и прескверное». «Любви и дружбѣ тоже вѣрить, только не думаетъ, что онѣ упали съ неба въ грязь, а полагаетъ, что онѣ созданы вмѣстѣ съ людьми и для людей», «что ихъ такъ и надобно понимать», «а не заноситься, Богъ знаетъ куда». «Онъ допускаетъ возможность пріязни, которая отъ частыхъ сношеній и привычки обращается въ дружбу, но онъ полагаетъ также, что въ разлукѣ привычка теряетъ силу и люди забываютъ другъ друга».—«Друзьями я называю тѣхъ, съ кѣмъ чаще вижусь, которые доставляютъ мнѣ или пользу, или удовольствіе». По его мнѣнію, «надо разбирать, разсматривать и остерегаться людей», «не надѣяться ни на чью преданность». «Остерегаться не мѣшаетъ: если окажется негодяй—не обманешься, а порядочный человѣкъ—пріятно ошибешься», но въ то-же время необходимо «быть снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ. Это такое правило, безъ котораго ни себѣ, ни другимъ житья не будетъ».—«У всѣхъ» людей «есть что-нибудь дурное... а не все дурно и не всѣ дурны». Полагалъ, что «грусть» надо разсматривать «въ увеличительное стекло»: «легче перенесешь, когда вообразишь неприятность вдвое больше, нежели она есть», а «блаженство въ уменьшительное, чтобъ съ радости не одурѣть вдругъ, не вѣшаться всѣмъ на шею». По его мнѣнію необходимо «больше разсуждать, нежели чувствовать», «не давать воли сердцу»; «надо все разсматривать, все рассчитывать и обдумывать:—«Вездѣ» расчесть, «мой милый», говорилъ онъ Александру, —«а кто не

расчитываетъ, того называютъ по-русски безрасчетнымъ дуракомъ». — «Жениться надо съ расчетомъ, а не по расчету. Только расчетъ этотъ долженъ состоять не въ однихъ деньгахъ». «По расчету значить жениться для денегъ—это низко; по жениться безъ расчета—это глупо!»—«Умомъ надо дѣйствовать и съ близкими сердцу»: «внуши чѣмъ хочешь любовь, а поддерживай умомъ. Хитрость—это одна сторона ума; презрѣннаго тутъ ничего нѣтъ. «Я думаю простиительно защищать свое добро благородной хитростью; ею и въ военномъ дѣлѣ не пренебрегаютъ».—«Чтобы быть счастливымъ съ женщиной разумно, надо умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, по методу, если хочешь, чтобы она поняла и исполнила свое назначеніе. Надо очертить ея магическимъ кругомъ, не очень тѣсно, чтобы она не замѣтила границъ и не переступила ихъ, хитро овладѣть не только ея сердцемъ», а «умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобы она смотрѣла па вещи черезъ тебя, думала твоимъ умомъ». «Учреди постоянный контроль безъ всякой тираніи... да искусно, не замѣтно отъ нея и веди ее желаемымъ путемъ». «Жена была необходима ему», «наравнѣ съ прочими необходимостями жизни, необходима по привычкѣ». «Я очень къ ней привыкъ», признается П. И., «но это не мѣшаетъ» ему «дѣлать свое дѣло». Онъ окружалъ ее роскошью, всѣми наружными и, сообразными съ его образомъ мыслей, условіями счастья». Ограждая жену методически отъ всѣхъ уклоненій, которыя могли бы повредить ихъ супружескимъ интересамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не представилъ ей въ себѣ вознаградительныхъ условій за тѣ, можетъ быть, непривилегированныя закономъ радости, которыя бы она встрѣтила внѣ супружества». Эта «ужасная ошибка» «сдѣлана была не отъ незнанія, не отъ грубого понятія его о сердцѣ—онъ зналъ его, а отъ небрежности, отъ эгоизма». [И онъ когда-то «любилъ, бѣсновался, плакалъ»; «вѣдалъ искреннія изліянія»]. —«Любить страстно—«не великое достоинство»: «страсть, значить, когда чувство, влеченіе, привязанность, или что-нибудь такое, достигло до той степени, гдѣ ужъ перестаетъ дѣйствовать разсудокъ? Ну что-жъ тутъ благороднаго? Я не понимаю; одно сумасшествіе». «Любовь—любовью, а дѣло дѣломъ», говоритъ онъ. «Если я люблю, то люблю разумно, помню себя. «Дикая, животная» любовь «не помнитъ» себя, «а разумная должна помнитъ; въ противномъ случаѣ это не любовь», а «такъ, гнусность». По его мнѣнію, «нѣтъ одной идеальной любви». «Въ любви равно участвуютъ и душа и тѣло; въ противномъ случаѣ любовь не полна». «Разбери, какъ нелѣпа сама любовь: игра крови, самолюбіе»... О любви Александра къ Наденькѣ Любецкой отзывается: — «Охъ, эта мнѣ любовь въ 20 лѣтъ! Вотъ ужъ презрѣнная, такъ презрѣнная, никуда не годится!» «У чело-вѣка по твоему, только и дѣла, чтобы быть любовникомъ, мужемъ, отцомъ... а о другомъ ни о чемъ и знать не хочешь. Человѣкъ, сверхъ того еще и гражда-нинъ, имѣетъ какое-нибудь званіе, занятіе—писатель что-ли, помѣщикъ, солдатъ, чиновникъ, заводчикъ... А у тебя все это заслопаетъ любовь да дружба»...—«Вы помѣшались на любви, на дружбѣ, да на прелестяхъ жизни, на счастья: думаютъ, что жизнь только въ этомъ и состоитъ: ахъ, да ахъ! Плачутъ, хнычутъ, да любезничаютъ, а дѣла не дѣлаютъ!»—«Привязанности глубокой, симпатической нѣтъ, а есть одна привычка». «Вещественные знаки невещественныхъ отношеній»—кольцо и волосы Софьи, взятые на память Александромъ,—онъ выбросилъ въ окно; написаннымъ Александромъ Софьѣ письмомъ—закурилъ сигару; угѣшая Александра въ измѣнѣ Наденьки, П. И. говоритъ:—«Что-бы женщина не сдѣлала съ тобой, измѣнила, охладѣла»,—«вини природу, предавайся, пожалуй, по этому случаю философскимъ размышленіямъ, брани міръ, жизнь, что хочешь, но никогда не посягай на личность женщины ни словомъ, ни дѣломъ. Оружіе противъ женщины—списхожденіе, наконецъ, самое жестокое—забвеніе! Только это и позволяется порядочному чело-вѣку». «О любви женѣ онъ «никогда не говорилъ и у ней не спрашивалъ; на ея вопросы объ этомъ отдѣлывался шуткой, остротой или дремотой». «Мужа съ женой связываютъ общіе интересы, обстоятельства, одна судьба», говорилъ онъ. «Методичность и сухость его отношеній къ ней про-

стирались, безъ его вѣдома и воли, до холодной и тонкой тираніи надъ ея «сердцемъ». «За эту тиранію онъ платилъ ей богатствомъ. По мнѣнію жены П. И., у него «много ума и слишкомъ много умѣнья владѣть собой». Желая племяннику «добра», онъ говоритъ ему:—«Я никогда никого не отталкиваю», но и «не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла».—«Я предупреждаю тебя, что хорошо по моему мнѣнію, что дѣло», «постараюсь навести тебя на настоящую дорогу». П. И. «старался представить Александру жизнь, какъ она есть, чтобы» онъ «не забиралъ себя въ голову чего нѣтъ». «П. И. человѣкъ съ умомъ и тактомъ, не часто встрѣчающимся»; онъ «тонокъ, проицателенъ, ловокъ». Опъ «понималъ всѣ тревоги сердца, всѣ душевныя бури, по понималъ—и только! Весь кодексъ сердечныхъ дѣлъ былъ у него въ головѣ, но не въ сердцѣ». «Въ его сужденіяхъ объ этомъ видно было, что онъ говоритъ какъ-бы слышанное и затверженное, по отнюдь не прочувствованное. Онъ разсуждалъ о страстяхъ вѣрно, но не признавалъ надъ собой ихъ власти, даже смѣялся надъ ними»: «велика фигура—человѣкъ съ сильными чувствами, съ огромными страстями! Восторги, экзальтація: тутъ человѣкъ всего менѣе похожъ на человѣка и хвастаться нечѣмъ», говоритъ онъ. П. И. «былъ врагъ всякихъ эффектовъ», «искреннихъ изліяній», «не любилъ искреннихъ проявленій сердца, не вѣрилъ этой потребности и въ другихъ». «Чувство «у меня не просится» «наружу» «и не требуетъ» «порыва, изліянія», «да если-бъ и просилось, такъ я бы воздержался», замѣчаетъ онъ о себѣ.—«Надо спросить, умѣетъ ли человѣкъ управлять чувствами; если умѣетъ, то и человѣкъ», замѣчаетъ П. И.—«Вы отъ природы человѣкъ холодный... съ душой, неспособной къ волнсіямъ», говоритъ ему Александръ. «Ледянь до ожесточенія», опредѣляетъ его жена. «Блѣдное, безстрастное лицо показывало, что въ этомъ человѣкѣ немного разгула страстямъ подъ деспотическимъ правленіемъ ума, что сердце у него бьется или не бьется по приговору головы».—«Сколько ума, какое знаніе жизни, людей, умѣнье владѣть собой», удивляется Александръ.—«Надо умѣть и чувствовать, и думать, словомъ, жить одному», а «не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому что до нихъ никому нѣтъ надобности», говоритъ П. И. «Опъ спорить» «съ увѣренностью», «легко устраняетъ всякое противорѣчіе, и достигаетъ цѣли шутя, насмѣхаясь надъ чувствомъ, надъ сердечными изліяніями дружбы и любви». «Не вѣрять въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣрять въ домовыхъ». «Любовь», говоритъ онъ, «придетъ сама собой—безъ зову»; «для этого, какъ для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви—глупо». «Любовь—пріятное развлеченіе», по убѣжденію П. И., «только не нужно слишкомъ предаваться ему, а то выйдетъ вздоръ». «Любовь не главное въ жизни», «надо больше любить свое дѣло, нежели любимаго человѣка». Однако, когда «докторъ сообщилъ ему свои опасенія насчетъ здоровья» его «жены» и о «психологической причинѣ» этой болѣзни, «П. И., и если не по любви къ женѣ, то по чувству справедливости», «далъ бы Богъ знаетъ что, чтобы поправить зло». «Не одну ночь провелъ онъ безъ сна», «стараясь отыскать средства возстановить угасающія силы» жены. Онъ боялся, что «она убита безцвѣтной и пустой жизнью»; «терялся въ средствахъ, чувствуя, что для изобрѣтенія ихъ нужно больше сердца, чѣмъ головы». «А гдѣ ему взять его?» П. И. рѣшился на жертву: «подалъ въ отставку» и продалъ заводъ, который «принесилъ до сорока тысячъ чистаго барыша». — «Моя карьера кончена! Дѣло сдѣлаю», «долгъ исполненъ, жизнь пройдена съ честью, трудолюбиво»; «судьба не велитъ идти дальше!» сказалъ онъ. Онъ самъ, отпраздновавъ пятидесятилѣтній юбилей своей жизни, назвалъ эту жизнь «деревянной». При всѣхъ влачахъ, «страшно было видѣть на лицѣ этого», прежде «безстрастнаго и холоднаго, человѣка», «болѣе нежели заботливое, почти тоскливое выраженіе, хотя оно и имѣло свойственный П. И. характеръ». Дѣла подогвали здоровье П. И. — «Я хочу отдохнуть, успокоиться» «наелинѣ съ тобой», сказалъ онъ женѣ:—«Я не изъ желѣза созданъ», «я хочу жить не одной головой, во мнѣ еще не все застыло!»

К р и т и к а : 1) «Петръ Ивалычъ—не абстрактная идея, живое лицо, фи-

гура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотягь видѣтъ въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Ивановичъ по-своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было-бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, не способенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золь, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемеръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не общается, чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что общается, то непременно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и съ здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была спита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху—правда одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи—и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ».—«Петръ Ивановичъ выдержалъ отъ начала до конца съ удивительной вѣрностью». [Бѣлипскій, сочин., т. XI]. «Типичнымъ представителемъ буржуазно-чиновничьей среды является Адуевъ-дядюшка—человѣкъ, нелишенный извѣстныхъ данныхъ. Въ молодости онъ подобно племяннику мечталъ быть полезнымъ обществу, но въ итогѣ онъ дѣлаетъ карьеру и составляетъ состояніе, на это тратитъ всѣ свои силы, но не достигаетъ даже относительнаго личнаго счастья. Онъ подъ конецъ бросаетъ дѣла и карьеру, уѣзжаетъ въ Италію, чтобы спасти не вынесшую пошлости жизни жену. Это оказывается однако поздно, и дядюшка самъ чувствуетъ: въ немъ умерла вся душа, никакое живое чувство не можетъ найти въ ней мѣста, кромѣ привычки къ комфорту, одну изъ сторонъ которой составляетъ привычка къ жепѣ». [Н. Коробка]. З) Е. А. Ляпкѣй отмѣчаетъ, что «Александръ Адуевъ и Петръ Ивановичъ тождественны въ своей сущности и писаны, несомнѣнно, съ одного лица, только въ разные періоды жизни». «Тождественность эта прямо поразительна. Біографія Александра оказывается весьма схожею съ біографіей Петра Ивановича въ молодости. Дѣтство обоихъ проходитъ въ одинаковыхъ условіяхъ; они получаютъ одинаковое воспитаніе, учатся въ университетѣ и—каждый въ свое время—одинаково относятся къ наукѣ, искусству, литературѣ. Оба, опять-таки каждый въ свое время, влюбляются по нѣскольку разъ, сначала у себя на родинѣ, въ деревнѣ, гдѣ оба плачутъ надъ озеромъ, рвутъ желтые цвѣты, пишутъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ влюбленные письма, потомъ въ столицѣ то очаровываются, то падаютъ съ небесъ, «бѣснуются, ревнуютъ», накопецъ, остываютъ, становятся благоразумными и стараются забыть «глупости» молодыхъ лѣтъ. Въ итогѣ у обоихъ—крупный чинъ, орденъ на шеѣ, лысина, сѣдина на вискахъ и въ бакенбардахъ, хорошее состояніе, а главное—одинаковое отношеніе къ благамъ жизни, одно и то же міросозернаніе, вкусы, привычки... даже боль въ поясницѣ и манера выражаться, и та, по духу ближайшей родственницы, перешла отъ старшаго къ младшему. Одна и та же личность—въ два разные момента. Въ стремленіи сопоставить эти моменты, сдѣлать изъ нихъ большую и малую посылку для вывода.—«обыкновенная исторія»,—авторъ совершенно упустилъ изъ виду

необходимость исторической перспективы при обрисовкѣ развитія каждого изъ героевъ. Петръ Ивановичъ лѣтъ на пятнадцать, на двадцать старше Александра. Въ эти пятнадцать, двадцать лѣтъ русская жизнь—заклучимъ ее въ промежутокъ двадцатыхъ—сороковыхъ годовъ,—песмотря на всѣ преграды, все же значительно ушла впередъ въ смыслѣ умствсннаго и общественнаго самосознанія, въ смыслѣ отношенія къ кореннымъ явленіямъ своей современности. Эта сторона сама по себѣ совершенно не затронута въ романѣ, а между тѣмъ въ ней-то и слѣдовало искать раскрытія общественнаго значенія романа, какъ оно представлялось автору. Въ этомъ отношеніи Гончаровъ не далъ ни одного намска на смѣну поколѣній, на борьбу отживающихъ традицій съ новыми вѣяніями, на все то, что создаетъ неизбежную и вѣчную разницу традицій съ новыми вѣяніями, на все то, что создаетъ неизбежную и вѣчную разницу между отцами и дѣтьми, разницу, необходимость которой столько же коренится въ законахъ природы, сколько въ условіяхъ историческаго развитія общества. То, что мелькаетъ, какъ новое вѣяніе въ Александрѣ, въ свое время промелькнуло въ Петрѣ Ивановичѣ, и какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оставило послѣ себя слѣдъ въ воспоминаніяхъ, которыхъ впоследствии стыдились оба героя «Обыкновенной исторіи». Словомъ, историческая точка зрѣнія была чужда Гончарову, когда онъ писалъ этотъ романъ: его занимала не послѣдовательность въ развитіи тѣхъ или иныхъ общественныхъ типовъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ въ окружающей жизни, а собственные воспоминанія, попытка разобратъся въ томъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать, двадцать лѣтъ назадъ и чѣмъ сталъ, успокоившись отъ напрасныхъ стремленій и бесплоднаго романтизма юпошескихъ порывовъ». [Ляцкій, «Гончаровъ»]. 4) Адуевы—лимфатики,—люди, не знающіе сильныхъ страстей—ни добрыхъ, ни злыхъ, не отвлекаемые въ сторону никакими «мечтаніями»; не зная той жгучей тоски, которая такъ часто толкаетъ мечтателя на миражи и бесплодныя исканія, — Адуевы, Штольцы, Тушины медленно, но вѣрно пробираются къ пристани личнаго благополучія, гдѣ и успокаиваются, довольные собой и окружающими ихъ условіями жизни. Можно было бы ихъ назвать нѣмецкимъ терминомъ «филлстеры», если бы яркое, мастерское изображеніе людей этого типа въ лицѣ дяди изъ «Обыкн. Ист.» не давало основанія называть ихъ просто Адуевыми». [Венгеровъ. Сочин., т. VI]. 5) «Трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія, выразилось въ дядѣ—но это сознаніе только нарождалось, показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія—и понятно, что начало могло выразиться слабо, только кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ лицахъ и маленкихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника». [«Лучше поздно—чѣмъ никогда»].

Анимъ («Слуга»).—«Товарищъ» дворника. «Вмѣстѣ съ нимъ», вдвоемъ, принялись оправлять «мяпинника»-Антоня: «облили ему голову водой, намочили виски и темя уксусомъ, раздѣли и уложили».

Ансинья («Обломовъ»).—Птичница въ Обломовкѣ, жена Антона.

Акулина («Обломовъ»).—«Неповоротливая» А., прислуга Агафьи Матвѣевны, разжалованная изъ кухарокъ въ птичницы и огородницы (послѣ того, какъ хозяйство Обломова поступило въ вѣдѣніе Пшеницыной).

Алао Тосанно Ками Сама («Фрег. Пал.»).—Третій уполномоченный японскаго правительства. (См. полномочные). Въ широкой мантѣ съ широкими рукавами; шелковые панталопы продолжались па аршинъ далѣе ногъ. «Приданъ былъ», какъ и четвертый полномочный, «только для числа и болышей важности» посольства. «Онъ молча слушалъ старшихъ двухъ» и «просто засѣдалъ».

Александра («Фрег. Пал.»)—Якутка изъ Аява; молодая и, вѣроятно, въ якутскомъ смыслѣ, красивая, съ плоскимъ носомъ, съ узелъкими, по карими глазамъ, и яркимъ румянцемъ на широкихъ щекахъ. Принесла Гончарову «сары»—«сапоги на слона, съ запахомъ вспотѣвшей лошади и сала, которымъ они вымазаны».

Александра Васильевна («Обыкн. ист.»),—Знакомая А. П. Адуевой.

Александръ Павловичъ («Превр. судьбы»).—Императоръ. Когда Хабаровъ, «погруженный въ тяжелыя размышленія», «утлубился въ уединенную аллею» дворцоваго сада (въ Царскомъ Селѣ), вдругъ въ его грудь уперлась чья-то рука съ краснымъ обшлагомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался строгій голосъ:—«Кто ты? Зачѣмъ здѣсь? Какъ сюда зашелъ?!»—«Кто ты такой? грозно спросилъ императоръ». На отвѣтъ Хабарова замѣтилъ:—«Вѣроятно, выгнанный изъ полка за пьянство и гнусное поведеніе?» Принявъ поданныя Хабаровымъ документы,—«машинально» взглянулъ на «указъ объ отставкѣ», и «съ особеннымъ вниманіемъ остановился» «на рекомендательномъ письмѣ великаго князя (Константина Павловича).—«Что-жъ довело васъ до этого положенія?» спросилъ, «понизивъ тонъ, государь». «Выслушавъ» рассказъ Хабарова, «вынулъ платокъ и закрылъ имъ глаза».—Къ Дибичу! сказалъ А. П., указывая въ сторону дворца:—онъ узнаетъ мои повелѣнія! «Онъ отвернулся и пошелъ» отъ Хабарова «прочъ, закрывая глаза платкомъ».—По приказу А. П., Хабарову было пожаловано «пять тысячъ рублей ассигнаціями и велѣно дать ему въ Москвѣ «мѣсто смотрителя работъ при строящемся храмѣ Спасителя, въ память изгнанія французовъ».

Александръ Степанычъ (Обыкн. ист.). Отецъ невѣсты Александра Адуева. Со слезами на глазахъ выслушалъ «предложеніе» Адуева; «обнялъ» его «и сказалъ, что теперь можетъ умереть спокойно; что онъ знаетъ кому ввѣряетъ счастье дочери». Отдалъ Адуеву «двѣсти тысячъ приданого» и «всѣ свои пятьсотъ душъ» «въ полное распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы выплачивать ему восемь тысячъ ежегодно».

Алексѣевъ, Иванъ Алексѣевичъ («Обломовъ»).—«Пролетарій». Одинъ изъ двухъ самыхъ усердныхъ посѣтителей Обломова (см. Тарантьевъ). «Старый знакомый» Ильи Ильича, «неопредѣленныхъ лѣтъ, съ неопредѣленною фізіономіей, въ такой порѣ, когда трудно бываетъ угадать лѣта; некрасивъ и недурень, не высокъ и не низокъ ростомъ, не блондинъ и не брюнетъ. Природа не дала ему никакой рѣзкой, замѣтной черты, ни дурной, ни хорошей. Его многіе называли Иваномъ Ивановичемъ, другіе Иваномъ Васильевичемъ, третьи—Иваномъ Михайловичемъ. Фамилію его называли тоже различно». Обломовъ звалъ его Иваномъ Алексѣевичемъ Алексѣевымъ, а Захаръ выражался такъ:—«А у этого ни кожи, ни рожи, ни вѣдѣнія». «Угловатой черты», за которую можно было бы ущипнуться», не было ни «въ наружности, ни «въ манерахъ или характерѣ» А.—«Присутствіе его ничего» не придавало «обществу», такъ же какъ отсутствіе ничего» не отнимало. Остроумія, оригинальности и другихъ особенностей, какъ особыхъ примѣтъ на тѣлѣ, въ его умѣ» не было. Тарантьевъ называлъ А.—«Честная» душа, овца «овцой». Онъ былъ «какой-то неполный, безсильный намекъ на людскую массу, глухое отзвучіе, неясный ея отблескъ». Никогда не поймашь на лицѣ его слѣда заботы, мечты, чтобы показывало, что онъ въ эту минуту бесѣдуетъ самъ съ собою, или никогда тоже не увидишь, чтобы онъ устремилъ пылливый взглядъ на какойнибудь внѣшній предметъ, который бы хотѣлъ усвоить своему вѣдѣнію». Богатымъ его нельзя назвать, п. ч. онъ не богатъ, а скорѣе бѣденъ; но рѣшительно бѣднымъ тоже не назовешь, п. ч., впрочемъ, только, что много есть бѣднѣе его. Нужды не терпитъ, и денегъ ни у кого не занимаетъ, а занять у него и подавно въ голову никому не приходитъ». «Въ службѣ у него нѣтъ особеннаго занятія», и никто не можетъ опредѣлить «къ чему онъ имѣнно способенъ». «Онъ нигдѣ» не бывалъ: какъ родился въ Петербургѣ, такъ и не выѣзжалъ никуда; слѣдовательно, видѣлъ и слышалъ то, что знали и другіе. Со словъ другихъ передавалъ Обломову «новости», о томъ, какъ, «у Алексѣя Спиридоныча, сынъ-студентъ читалъ вслухъ» «про англичанъ, что они ружья да пороху кому-то привезли. Алексѣй Спиридонычъ сказали, что война будетъ». На вопросъ Обломова («кому же они привезли?») отвѣтилъ:—«въ Испанію, или въ Индію—не помню, только посланникъ былъ очень недоволенъ». «Какой посланникъ?»—«Вотъ ужъ это забылъ! сказалъ А., поднимая носъ къ потолку и стараясь вспомнить». Въ число «политическихъ новостей» включилъ газетную статью о томъ, что «земной шаръ

все охлаждается». «Когда-нибудь замерзнетъ весь, прибавилъ А. Послѣ восклицанія Обломова («Вона! развѣ это политика?»), «оторопѣлъ» и началъ оправдываться», что студентъ читалъ «все подь-рядъ» и «не сказали, когда кончится политика.—«Я знаю, что это литература пошла». Въ литературѣ въ числѣ «лучшихъ сочинителей» считалъ: Дмитріева, Карамзина, Батюшкова и Жуковскаго; Пушкина же называлъ «хеніемъ». Къ Обломову А. ходилъ «пить, ѣсть, курить хорошія сигары». Когда Обломовъ «молча дремалъ», А—а какъ-будто не было тутъ: онъ тоже молчалъ, дремалъ, или смотрѣлъ въ книгу, разглядывалъ, съ лѣнивой зѣвотой до слезъ, картинки и вещицы. Онъ могъ такъ пробыть хоть трой сутки». Во время бѣсѣды, А. былъ «всегда покорный и готовый слушатель и участникъ, раздѣлявшій одинаково согласнаго и «молчаніе, и разговоръ, и волненіе и образъ мыслей, каковъ бы онъ ни былъ у собесѣдника. Вполнѣ согласился съ Обломовымъ, что обломовскому старостѣ «не зачѣмъ было огорчать заранѣе» Илью Ильича своимъ допущеніемъ и въ утѣшеніе прибавилъ:—«Но какой же деликатности ждать отъ мужика. Этотъ пародъ ничего не понимаетъ». Придумать что либо для успокоенія Обломова такъ и не могъ, и сказалъ: — Надо подумать, Илья Ильичъ, нельзя вдругъ рѣшить, и замолчалъ надолго. Онъ былъ всегда «безотвѣтный, всему покорный и на все согласный»; даже когда къ обѣду забывали приготовить его любимое кушанье, онъ не обижался:—«Ничего-съ я все могу ѣсть», говорилъ А. Не разсердился и тогда, когда, предложивъ Обломову «очинить перышко», получилъ отвѣтъ Ильи Ильича:—«Очините, да и Богъ съ вами, подите куда-нибудь.—Я ужъ одинъ займусь, а вы послѣ обѣда перепишите письмо.—Очень хорошо-съ, отвѣчалъ А.—Въ самомъ дѣлѣ, еще помѣшаю какъ-нибудь»... «У него не было «ни враговъ, ни друзей, но знакомыхъ множество». Встрѣтится ему знакомый на улицѣ:—«Куда? спросить.—«Да, вотъ, иду на службу, или въ магазинъ, или провѣдать кого-нибудь.—Пойдемъ лучше со мной, скажетъ тотъ:—на почту, или зайдемъ къ портному, или прогуляемся, и онъ идетъ съ нимъ, заходитъ къ портному, и на почту, и прогуливается въ противоположную сторону отъ той, куда шель». Такъ Овчининъ, встрѣтя А., «двезъ его къ себѣ» и послалъ къ Обломову, съ приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ. На уговоры Ильи Ильича остаться у него обѣдать, не заставилъ себя долго просить. — Ужъ если оно такъ... я хорошо... какъ вы...» «Принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ, какъ ни бейся, не возбудишь никакъ духа вражды, мщенія и т. п. Чтѣ ни дѣлай съ ними, они все ласкаются». «Хотя про такихъ людей говорятъ, что они любятъ всѣхъ и потому добры, а въ сущности они никого не любятъ и добры только потому, что не злы». «Если при такомъ человѣкѣ подадутъ другіе нищему милостыню—и онъ броситъ ему свой грошъ, а если обругаютъ, или прогоняютъ, или посмѣются—такъ и онъ обругаетъ и посмѣется съ другими».

Алексѣй Наумичъ («Обломовъ»).—Уп. л. I, 9. Одинъ изъ дальнихъ родственниковъ Ильи Ивановича, проживавшій въ Обломовкѣ.

Алексѣй Петровичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Его «три губерпатора гнали, имѣнне было въ опекѣ, дошло до того, что никто займы не давалъ, хоть по міру ступай: а теперь выждалъ, вытерпѣлъ, раскаялся—какіе были грѣхи—и вышелъ въ люди»...

Алексѣй Спиридоничъ («Обломовъ»).—Уп. л. Знакомый Алексѣева.

Алиса («Фрег. Пал.»).—Англичанка. «Молодая служанка» въ отелѣ m-gs Вельчъ. «Какъ всѣ англійскія служанки, бросалась изъ угла въ уголъ, съ легкостью птицы летала по лѣстницѣ, тамъ отдавала приказаніе слугамъ, тутъ отвѣчала на вопросъ, мимоходомъ кому-нибудь улыбалась, или отмахивалась отъ черезчуръ настойчивыхъ любезностей какого-нибудь кругосвѣтнаго путешественника».

Алтаевъ, Владиміръ Петровичъ («Народинъ»).—Уп. л. Инженерный полковникъ. По словамъ Чучи, «онъ дороги да мосты строить». «Пузанъ такой».

Альфорадоръ («Фрег. Пал.»).—Чиновникъ, завѣдывающій однимъ изъ отдѣленій табачной фабрики въ Манилѣ (II, 1).

Альяновъ, Матвѣй Андреевичъ («Обломовъ»). Уп. л. Знакомый Овчинина и Обломова.

Амалія («И. С. Поджабринь»).—Сестра баронессы Цейхъ.

Англичанинъ («Фрег. Пал.»).—«Большой ростомъ, большой крикунъ, большой говорунъ», держитъ себя очень прямо, никогда не смотритъ подъ ноги, въ комнатѣ всегда сидитъ въ шляпѣ». За завтракомъ въ отелѣ m-gs Вельчъ только и говорилъ, что о «вчерашнемъ фейерверкѣ» (о загорѣвшихся у русскаго «натуралиста» цѣлой тысячи спичекъ).

Андрей («Обломовъ»).—См. Штольць.

Андрюша Обломовъ, см. Обломовъ, Андр.

Андрюшна («Обломовъ»).—Дворовый въ Обломовкѣ.

Анисья («Обломовъ»).—«Живая, проворная баба, лѣтъ 47-ми, съ заботливой улыбкой, съ бѣгавшими живо во всѣ стороны глазами, крѣпкой шеей и грудью и красными, цѣпкими, никогда не устающими руками. Лица у ней почти не было: только и былъ замѣтенъ носъ; хотя онъ былъ небольшой, но онъ какъ-будто отсталъ отъ лица, или неловко былъ приставленъ, и притомъ нижняя часть его была вздернута кверху, оттого лица за нимъ было незамѣтно: оно такъ обтянулось, выцвѣло, что о носѣ ея давно уже получишь ясное понятіе, а лица все не замѣтишь». Этотъ носъ былъ—«говорящій»,—такъ онъ и выставлялся «прежде всей ея особы», такъ и рдѣлъ «заботой, мыслями, намѣреніями,—такъ и говорилъ, «хотя языкъ» А. и молчалъ. Въ домѣ Ильи Ильича «знала рынокъ и кухню и участвовала въ убираніи комнатъ только разъ въ годъ, когда мыла полы». Послѣ того, какъ А. вышла замужъ за Захара, «она помогала» ему, и, «вообще нѣкоторые обязанности мужа она взяла на себя, частью добровольно, частью п., ч. Захаръ деспотически возложилъ ихъ на нее. Несмотря на то, что ея «опытность и тонкость соображеній» постоянно «подавлялись мрачною завистью и грубымъ высокомеріемъ мужа», «въ двѣ недѣли доказала мужу, что онъ — хоть брось; ея женскій глазъ и заботливая рука бодрствовали въ запущенныхъ покояхъ». Захаръ только отвернется куда-нибудь, А. «все приберетъ, потомъ окинетъ еще бѣглымъ взглядомъ всю комнату», подвинетъ куда-нибудь стулъ, задвинетъ полуотворенный ящикъ комода, стащитъ со стола и быстро скользнетъ въ кухню, слыша скрипучіе сапоги Захара». «Дѣлала все быстро, «въ три пріема» и, по отношенію къ мужу, съ такой обидной находительностью, такъ тихо, какъ дѣлають только съ дѣтьми, или съ совершено дураками». Когда Захаръ доказывалъ барину, что пыль сама «съ улицы собирается»—«не по десять же разъ мести»,—А. замѣтила, «вдругъ выглянувъ въ другой комнаты»:—«Да, ты, Захаръ Трофимычъ, напрасно сначала метешь, а потомъ со столовъ сметаешь: пыль-то опять и насыдетъ». Когда Захаръ «напускалъ холодъ» въ комнаты, «ласково» посовѣтовала:—«Ты, Захаръ Трофимычъ, напрасно прежде закрываешь трубу, а потомъ форточки открываешь: опять настудишь комнаты». Разобрала и разложила по мѣстамъ, лежавшіе у Захара вѣстѣ, чай, сахаръ, лимонъ, серебро», «ваксу, щетки и мыло, а на ругань мужа «кротко замѣтила»:—«А, чтобы чай не пахнулъ мыломъ». Въ другой разъ она указала ему двѣ-три дыры «на барскомъ платьѣ, отъ моли», и сказала, что «въ недѣлю разъ надо непременно встряхнуть и почистить платье». Когда же, однажды, Захаръ, по обыкновенію, сталъ пенять на барина, что тотъ бранитъ его понапрасну за таракановъ», т. к. «не онъ въ думалъ ихъ», А., «молча, выбрала съполки куски и завалѣвшіяся съ незапамятныхъ временъ крошки чернаго хлѣба, вымела и вымыла шкапы, посуду, и тараканы почти совсѣмъ исчезли»; въ другой разъ, когда З. «понесъ подносъ съ чашками и стаканами» и «разбилъ два стакана», А. «взяла подносъ у него изъ рукъ», и «такъ устала все, что ни одна чашка не шевельнулась, и потомъ показала ему, какъ взять подносъ одной рукой, какъ плотно придержать другой, потомъ два раза прошла по комнатѣ, вертя подносомъ направо и налево, и ни одна ложечка не пошевелилась на немъ».

Чѣмъ больше было работы, «тѣмъ бывала живѣе А.: все она двигается.

суетится, бѣгаетъ, работаетъ». «Изъ любви къ дѣлу», даже тогда, «когда Обломовъ не обѣдалъ дома, А. присутствовала въ кухнѣ хозяйки» (Пшеницыной), «бросалась изъ угла въ уголь, сажала, вынимала горшки, почти въ одно и то же мгновеніе отпирала шкапъ, доставала что надо и захлопывала прежде, нежели Акулина успеетъ понять въ чемъ дѣло». Чѣмъ больше прибавлялось работы, А. тѣмъ шире расправляла «свои руки, какъ орлица крылья». Встрѣтясь съ Агафѣей Матвѣевной, «съ перваго взгляда, слова и движенія» обѣ «поняли и оцѣнили одна другую». «Агафья Матвѣевна оцѣнила, что такое А. и какая она великая сподручица была ея хозяйственнымъ распоряженіямъ», а А. рѣшила, что «миновала назначеніе, что поприще ея—не кухня Обломова, не его холостое хозяйство, и стала дѣятельной помощницей «великой хозяйки—Пшеницыной». А. сопричислила себя къ дому Обломова, безсознательно раздѣлила неразрываемую связь своего мужа съ жизнью, домомъ и особой Ильи Ильича». Когда Обломовъ «попалъ въ тиски» (подписавъ заемное письмо Мухоярову), А. осталась одна «и на кухнѣ и въ огородѣ», «она и полы мѣла и стирала и за птицами ходила». Захаръ обращался съ нею «высокомѣрно», называлъ «дурой» и «солдаткой», но и ему ясно вдругъ стало, что А. «умнѣе его». Когда Обломовъ начиналъ «донимать» Захара «жалкими словами», онъ отвѣчалъ:—«Я позову А.: она все знаетъ...» и «повелительнымъ шепотомъ говорилъ» А...—«Поди ты къ барину: чтѣ ему тамъ нужно?» А. входила и гроза всегда разрѣшалась простымъ объясненіемъ. «Смѣтливая» А. поняла зачѣмъ Обломовъ прогналъ Захара гулять, а ее отправилъ на рынокъ (во время посѣщенія Обломова Ольгой); по на рынокъ не пошла; «добѣжавъ до перваго перекрестка, А. присѣла за плетень, къ канавѣ, и ждала что будетъ. Когда Ольга уѣхала и карета заворотила въ другую улицу, А. пришла домой и сказала, что она избѣгала весь рынокъ и спаржи не оказалось: «Трещала, какъ лучину шипала». Когда ильинскіе люди «взвели клевету», что Илья Ильичъ собирается жениться и сказали объ этомъ, по словамъ Захара, Анисьѣ, «въ пять минутъ успокоила Илью Ильича, сказавъ ему, что никто о свадьбѣ ничего не говорилъ: вотъ побожиться не грѣхъ и даже образъ со стѣны снять, и что она въ первый разъ объ этомъ слышитъ; говорили, напротивъ, «совсѣмъ другое, что баронъ, слышь, сватался за барышню»...—«Какъ баронъ!—вскочивъ вдругъ, спросилъ Илья Ильичъ, и у него поledenѣло не только сердце, но руки и ноги».—«И это вздоръ»—поспѣшила сказать Анисья, видя, что она изъ огня попала въ полымя:—это Катя только Семену сказала, Семень Марѣѣ, Марѣя переврала все Никитѣ, а Никита, сказалъ, что «хорошо, если бъ вашъ баринъ, Илья Ильичъ, посваталъ барышню»...—«Какой дуракъ этотъ Никита!—замѣтилъ Обломовъ».—«Точно что дуракъ, —подтвердила Анисья:—онъ и за каретой когда ѣдетъ, такъ словно спитъ. Да и Василиса не повѣрила, —скороговоркой продолжала она; прибавила, что ничего «и на свадьбу не похоже, а скорѣе на похороны, что у тетеньки (Ольги) все головка болитъ, а барышня (Ольга) плачуть да молчатъ; да въ домѣ и приданого не готовятъ; у барышни чулковъ пропасть нештопаныхъ, и тѣ не соберутся заштопать; что на той недѣлѣ, даже серебро заложили». Поклялась («вотъ «передъ Господомъ-Богомъ, сквозь землю провалиться»), «что обо всемъ этомъ въ первый разъ слышитъ» «и въ мысляхъ не думаетъ, не то, чтобы» болтать.—По словамъ Захара, померла въ холеру»; пока она была жива, такъ и онъ «не шатался» и «у него былъ кусокъ хлѣба».

Анна Борисовна («О б р ы в ѣ»).—Знакомая Бѣловодовой. См. кн. П ѣ р ь.

Анна Васильевна («О б р ы в ѣ»).—См. П а х о т и н а, А. В.

Анна Ивановна Тушина («О б р ы в ѣ»).—См. Т у ш и н а, А. И.

Анна Павловна («И. С. П о д ж а б р и н ѣ»).—Сосѣдка Поджабрина по квартирѣ. Прислала черезъ племянницу Ив. Сав. «розанъ и приглашеніе придти, «коли-де вамъ не скучно будетъ посидѣть съ больной». При свиданіи «поглядѣла на него довольно нѣжно и потупила глаза»; распросила, бываетъ ли часто Поджабринъ дома, часто ли бываютъ у него гости, заинтересовалась пѣною духовъ, которымъ былъ надушенъ его платокъ и завела «ученый разговоръ» о

театръ и книгахъ. Послѣ такого разговора перешла къ предметамъ болѣе нѣжнымъ: къ дружбѣ и любви.—«Что можетъ быть утѣшительнѣе дружбы!» сказала она, поднявъ глаза кверху. «Любовь», по мнѣнію А. П.,—«пагубное чувство»: «мужчины всѣ, такіе обманщики». На поцѣлуй Поджабрина отвѣтила поцѣлуемъ и, «закрывъ лицо руками», сказала:—«Давно-ли мы знакомы... и ужъ... При упоминаніи Поджабрина «о мужѣ, бывшемъ, по словамъ дворника, въ командировкѣ, вострепнулась, покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ» и пробормотала:—«Да... его послали... ничего... онъ долго не будетъ». Предупредила, что у нея «есть дядя,—онъ и опекунъ» и, встревожась, прибавила:—«Остерегайтесь, не показывайтесь при немъ». Стала неразлучна съ Поджабринымъ: у него «обѣдала, завтракала, словомъ, живмя жила». А. П. полюбила сидѣть и нѣжиться «на мягкомъ диванѣ» Поджабрина. На предложеніе взять одинъ изъ дивановъ къ себѣ, А. П. отвѣтила нервнѣе:—«Зачѣмъ... Къ такому дивану нуженъ и коверъ, а у меня нѣтъ... не всѣмъ рокъ судилъ счастье». На предложеніе взять и коверъ, попросила дать «на поддержаніе и зеркало, чтобы, хоть на время забыть удары судьбы»; затѣмъ замѣтила «полугнѣвно», что она такъ любитъ цвѣты, а Поджабринъ ихъ «все еще не собрался купить». Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ знакомства, «все вздыхала да свободно распоряжалась его добромъ», пока «не затмилась» «заря блаженства», и маюръ Стрекоза не перевезъ А. П. на другую квартиру.

Анна Павловна Адуева («Обыкн. Ист.»). См. Адуева А. П.

Анна Петровна («Обрывъ»).—«Актриса». «Милая женщина и хитрая, и себѣ на умѣ въ своихъ дѣлахъ»; когда «подходилъ ея бенефисъ, а пьесы не было, она и «вздумала сочинить сама»... За трагедію она не бралась: тутъ она скромно сознавалась въ своей несостоятельности. А за комедію взялась и въ недѣлю написала листовъ десять, но, «какъ ни билась, не дошла до конца». «Лица все разговариваютъ и не могутъ перестать, такъ и бросила», объяснила она.—По соображеніямъ, которые она высказывала «съ милой наивностью», «въ Горѣ отъ ума»—всѣ лица самыя обыкновенныя, говорятъ о самыхъ простыхъ предметахъ и случай взять простой: влюбился Чацкій, за него не выдали. Полюбили другого, онъ узналъ, разсердился и уѣхалъ. Отецъ разсердился на обоихъ, она на Молчалина—и все!.. И у Мольера, говорить, скупой-скупъ, Тартюфъ — подлый лицемѣръ. Можно даже, говорить, придумать похитрѣе, поинтереснѣе интригу. Словомъ, комедія ей казалась... мало серьезнымъ дѣломъ»...

Анна Петровна («Слуги»). — Уп. л. «Страстная охотница устраивать свадьбы».

Антипъ («Обломовъ»).—Дворовый изъ Обломовки.

Антипъ («Обрывъ»).—Уп. л. Отецъ Марины.

Антонъ (Антонъ Тихонъвъ) («Слуги»).—«Отпущенникъ изъ крѣпостныхъ». Брюнетъ лѣтъ сорока съ лохматой головой, съ здоровыми длинными мускулистыми руками, съ такими же здоровыми крѣпкими ногами». «Изъ себя видный»—«вылитый Илья Муромецъ». По словамъ А., раньше «у господъ служилъ» «при столѣ, съ господами тоже выѣзжалъ по гостямъ и по егерской части»; не смотря на свою громоздкость», «ходилъ тихо», «ступалъ мягко, осторожно», «какъ котъ» или «какъ волкъ»; «убиралъ комнаты неслышно», «дрова приносилъ, прижимая къ груди, какъ родныхъ дѣтей, и складывалъ каждое полѣно у печки, какъ перышко, какъ мать кладетъ дитя въ колыбель: ни одно полѣно у него не стукнетъ». Былъ «исправнымъ», «смирнымъ» слугой; «какъ по машинѣ исправлялъ свою немудренную службу». Изъ дома «отлучался рѣдко»; «никогда не заговаривалъ самъ, и на вопросы всегда отвѣчалъ тихо и робко», глядя на барина «покорно, почти со страхомъ, тупымъ апатичнымъ взглядомъ, изъ котораго не только не прорѣзывалось иглы, луча свѣта, но даже искры не было». На распросы барина о томъ, не пьетъ ли А., отвѣчалъ «уклончиво»:—«Нынче

курица и та пьеть», и, подь предлогомъ взять щетку, тихо ускользнулъ въ переднюю къ себѣ». Ходилъ «въ длинномъ, широкомъ нескладномъ сюртукѣ, очевидно, сшитомъ не по пемъ». «Никакихъ художествъ» не было за А., за исключеніемъ «исважныхъ уклоненій» отъ исправности и «употребленія» остатковъ барской закуски въ свою пользу; каждый разъ на требованіе барина подать, оставшуюся отъ другого дня, закуску, А. говорилъ:—«Сейчасъ», и шель къ буфету, какъ будто справиться», а потомъ возвращался и говорилъ тихо:— «...Тамъ нѣтъ-съ»... На распросы «стыдливо» отвѣчалъ, «потупивъ глаза»:— «Я... употребилъ» или—«употребилъ-съ». Когда же баринъ, оставляя «что-нибудь изъ закуски до другого раза», говорилъ А.:—«Вотъ это оставь мнѣ, не употребляй!» А. «не отвѣчалъ ни слова и не употреблялъ никогда». На свои именины собралъ у себя цѣлую компанію, а самъ «лежалъ навзничъ во весь свой гигантскій ростъ на постели, безъ чувствъ, со свѣсившимися на полъ ногами, съ открытымъ ртомъ и глазами. На другой день, на вопросъ барина о происшедшемъ, тихо сказалъ: «именинникъ былъ!»—«Ты часто такъ употребляешь?»—«Никакъ нѣтъ-съ: въ рѣдкость. Вотъ именины случились»...—«Ка-бы не пришли (гости) такъ я бы не того-съ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на святой, А. снова «употребилъ» и лежалъ въ растяжку на полу, діагонально: навзничъ, опять съ открытымъ ртомъ, съ закатившимися подъ лобъ зрачками, безъ чувствъ». На утро, узнавъ отъ барина, что воры обокрали квартиру, оглядѣлся кругомъ «съ недоумѣніемъ».—«Господи, Боже Ты мой—Господи! Господи Владыко!» говорилъ онъ, оборачиваясь около себя, тараща глаза и разводя руками; потомъ вдругъ заплакалъ и сталъ на колѣни.—«Самъ Христосъ видить: вѣдаю не вѣдаю, сударь. Виновать тѣмъ, что захмелѣлъ»... Онъ разсказалъ, что ходилъ въ балаганъ, тамъ, рядомъ съ нимъ сидѣли какія-то три личности, не то торговцы, не то служащіе у господъ. Сначала читали вмѣстѣ афишку, потомъ разговорились, потомъ гуляли около качелей, и наконецъ пошли въ трактиръ и его позвали, пили чай и прочее... Они спрашивали его кто онъ, гдѣ онъ живетъ, у кого служить. Каково ему на мѣстѣ, бываетъ ли баринъ дома, богатъ ли онъ? И все вывѣдали. А сами всё угощали меня и сами пили. Одинъ простился и ушелъ, а вмѣсто него пришли еще двое—и опять стали пить и пить» и меня угощать, пока «я къ вечеру очень охмелѣлъ,—заклучилъ А.—и... и... не помню, что было... какъ попалъ домой».

Антонъ Иванычъ («Обыкн. Ист.»).—Мелкопомѣстный помѣщикъ. Сосѣдъ Адуевой. «У него душъ двадцать заложенныхъ и перезаложенныхъ; живетъ онъ почти въ избѣ, или въ какомъ-то странномъ зданіи, похожемъ съ виду на амбаръ. Хозяйства дома онъ не держитъ. Нѣтъ человѣка изъ его знакомыхъ, который бы у него отобѣдалъ, отужиналъ или выпилъ чашку чая, но нѣтъ такъ-же человѣка, у котораго бы онъ самъ не дѣлалъ этого по пятидесяти разъ въ годъ». Онъ «на всѣхъ званныхъ обѣдахъ и вечерахъ, на всѣхъ домашнихъ совѣтахъ; безъ него никто ни шагу»: «сегодня онъ дѣлитъ будто-бы одно «горе», «завтра отъ поѣдетъ на свадьбу къ сосѣду—дѣлать радость, а тамъ къ кому-нибудь—исправлять должность повивальной бабки. «Съ виду онъ полный, потому что у него нѣтъ ни горя, ни заботъ, ни волненій, хотя онъ прикидывается, что весь вѣкъ живетъ чужими горестями и заботами». «Щеки его отекали отъ бездѣйствія и объяденія». «Онъ ничего не умѣетъ, ничего не знаетъ: ни въ судахъ хлопотать, ни быть посредникомъ, ни примирителемъ, ровно ничего. Но за то ему поручаютъ, напримѣръ, завезти мимоѣздомъ поклонъ отъ такой-то къ такому-то, и онъ непременно завезетъ и тутъ же, кстати, позавтракаетъ,—увѣдомить такого-то, что извѣстная-де бумага получена, а какая именно этого ему не говорятъ. Еще А. И. употребляютъ въ такихъ дѣлахъ, которыя считаютъ неудобнымъ поручить человѣку:—«Нельзя Петрушку послать!», говорятъ: «того и гляди, перевереть. Нѣтъ, ужъ пусть лучше А. И. съѣздитъ!»—«Чудакъ». При встрѣчахъ съ знакомыми всегда обыкновенно поздравляетъ ихъ съ чѣмъ-нибудь, или съ постомъ, съ весной, или съ осенью; если послѣ оттепели морозъ наступилъ, такъ

съ морозомъ, наступитъ послѣ морозу оттепель,—съ оттепелью». Если ничего подобнаго нѣтъ, то «онъ что-нибудь да выдумаетъ». Любить и никогда не отказывается покушать: на предложеніе Анны Павловны закусить, сейчасъ же соглашается. За столомъ оказываетъ «полную честь гомерическому завтраку». Послѣ завтрака онъ не прочь остаться и пообѣдать и отужинать». «Ни горе, ни радость не мѣшаютъ ему ѣсть раза по четыре въ день въ разныхъ мѣстахъ». Вѣрить въ сны, въ примѣты: «какъ можно безъ хлѣба и соли» встрѣчать? «Примѣта есть»... и, схвативъ (при встрѣчѣ Александра) «со стола ломоть хлѣба, положилъ на тарелку, поставилъ солонку и бросился» «къ двери». Встрѣтивши Александра Адуева, «Антонъ Иванычъ пошелъ посмотрѣть все-ли вытащили изъ кибитки, потомъ сталъ сзывать дворню здороваться съ бариномъ. Онъ всѣхъ разставилъ въ порядкѣ и училъ, кому какъ здороваться: кому поцѣловать у барина руку, кому плечо, кому только полу платя и что говорить при этомъ».—«Съ вами горя не чувствуешь, А. И.», «такъ умѣете утѣшить!» говорить Анна Павловна. «Къ присутствію А. И. всѣ очень привыкають». «А гдѣ-же А. И.?—спросилъ-бы всякій непременно съ изумленіемъ, если-бы его вдругъ не было гдѣ-нибудь на обѣдѣ или вечерѣ! Что съ нимъ? Да почему его нѣтъ? Тогда ужъ къ нему даже кого-нибудь и отправятъ депутатомъ провѣдать, что съ нимъ, не заболѣлъ-ли, не уѣхалъ-ли? И если боленъ, то и родного не порадуютъ такимъ участіемъ». Онъ «вѣчный жидъ». По мнѣнію Александра,—Антонъ Иванычъ «дуракъ», по мнѣнію Анны Павловны,—«благодѣтель, другъ нашъ».

Анютка («Обрывъ»).—Уп. л. Егорка потащилъ чемоданъ» (чтобы «смести» съ него пыль и паутину), но дорогой предварительно успѣлъ надѣть его на голову мимошедшей Анюткѣ, отчего она уронила кастрюльку со сливками».

Арина («Обрывъ»).—Уп. л. Дурочка. Ее боялась Марейнка.

Агманса («Обрывъ»).—Уп. л. Пахотинъ «купить брилліанты какой-нибудь Агмансе, экипажъ, сервизъ, ѣздитъ къ ней недѣли три, провожаетъ въ театръ, дѣлаетъ ей ужины, сзываетъ молодежь». Онъ «зимой» въ пять тысячъ сервизъ подарилъ на вечеръ А., а она его-то и забыла пригласить къ ужину».

Агманд («Литер. веч.»).—Уп. л. Француженка; одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Бебикова. По словамъ графа, m-me А. известна всей jeunesse dorée Петербурга и «состоитъ въ тѣсной зависимости отъ одного известнаго лица» и «весь городъ это знаетъ». По характеристикѣ барона, А. «очень живая, умная женщина», и онъ «бываетъ иногда у нея».

Артемій («Обломовъ»).—Графскій кучеръ, пріятель Захара. Когда Обломовъ (во время пріѣзда Ольги на Выборгскую) «прогналъ» Захара «гулять» и далъ ему двугривенный «на пиво», А. «остроумно догадался» и сказалъ Захару:—«Да не вздумалъ-ли самъ (Обломовъ) нализаться?—Такъ и тебѣ далъ, чтобъ не завидно было!»

Артистъ («Обыкновенист.»).—Скрипачъ; «худощавый нѣмецъ» «съ глубокой сильной душой, съ поэтической сильной натурой». «Онъ понимаетъ, что онъ едва замѣтное кольцо въ безконечной цѣпи человечества»; «ему знакомы страданія», «скорбь души» «понятна ему». Онъ «не отрывается отъ міра и не бѣжитъ отъ толпы; могущественно повелѣваетъ ею и гордится ея рукоплесканіями».

Архипычъ («Обыкновенист.»).—Дворникъ дома, въ которомъ жилъ Александръ Адуевъ.

Архипъ («Маймѣс. въ Петерб.»).—Дворникъ.

Архіерей («Слуги»).—Уп. л. По разказу Валентина, А., узнавъ отъ священника, что дьяконъ Никита «похваляется», будто бы понимаетъ Покаяніе (Апокалипсисъ), сказалъ:—«Дерзновенно!» Спросилъ дьякона:—«Ну-ка, дьяконе, скажи», «говорить, что значить блудница, о которой повѣствуетъ св. Іоаннъ Богословъ?..—«Ну, говори, коли понимаешь!» Когда же дьяконъ (см. Никита) отвѣтилъ и замолчалъ, спросилъ:—«А далѣе?» Въ отвѣтъ на молчаніе дьякона,

А. «посмотрѣлъ» на него и проговорилъ «важно», «словно въ церкви изъ алтара голосъ подаль:—«Всякій Еремѣй про себя разумѣй!»

Атласовъ («Фрег. Пал.»). — Исправникъ; «послѣдній потомокъ Атласова (см. «Списокъ»); встрѣтись съ путешественниками «въ лѣсу, на тундрѣ», «былъ такъ добръ, что нарочно ѣздилъ впередъ» «заготовить лошадей».

Афимья («Обрывъ»). — Уп. л. Дворовая. У нея, по словамъ Марейники, «никакой жалости нѣтъ: она живого (гусенка) готова (кошкамъ) бросить».

Афимья («Слуги»). — Уп. л. Свидѣтельница похищенной Валентина: «видала изъ дверей», какъ Валентинъ «ловилъ» дѣвушку «за руку».

Ача («Фрег. Пал.»). — Китайка. На кораблѣ, vezhimъ эмигрантовъ, среди женщинъ, А. «одна обращала на себя особенное вниманіе». «Не хороша собой, но лицо, однако-жъ, привлекательное». «На ней было широкое и длинное шелковое голубое платье, надѣтое какъ-то на плечо, въ родѣ цыганской шали, бѣлые, чистые шаровары; прекрасная, маленькая, но не до уродливости, нога» была обута «по-европейски». А. «сидѣла на станкѣ пушки, бойко глядѣла вокругъ и безпрестанно кокетничала ногой, выставляя ее на показъ». «Была бойкая женщина и говорила по-англійски почти какъ англичанка». Жила три года въ С.-Франциско и возвращалась обратно изъ Гонъ-Конга, на вербовавъ «женщинъ для какого-то магазина. На кораблѣ держалась какъ старшая, «въ родѣ начальницы».

Аеонька («Фрег. Пал.»). — Тунгузъ-охотникъ. «Бьетъ лосей и медвѣдей изъ ружья» съ кремнемъ, которое сдѣлалъ чуть не самъ, или, можетъ быть, вымѣнялъ въ старину у китобоевъ, и которое безпрестанно распадается», такъ что его чинять «всякій разъ», какъ А. «возвращается съ охоты. Когда же ему дали «хорошее двустольное ружье съ пистономъ», «онъ пошелъ въ лѣсъ и скоро воротился»: «Что-жъ ты?» спрашиваютъ. — «Возьмите, говоритъ, ружье: не умѣю изъ него стрѣлять». Когда того же А. спросили, чего онъ хочетъ «за труды» — «денегъ?» — «Нѣтъ», былъ отвѣтъ. — «Ну, коленкору, холста?» «Нѣтъ». — «Чего же?» — «Бутылочку». За «бутылочку» обѣщавъ принести «медвѣжьихъ шкуръ» и всегда норовилъ придти къ тому времени, когда командѣ раздавали «вино». Кто-нибудь поднесетъ и ему: онъ выпьетъ и не благодаритъ выпивши, не скажетъ ни слова, оборотится и уйдетъ». Доходилъ «въ своихъ охотничьихъ подвигахъ, черезъ лѣса и рѣки, и до китайскихъ и до нашихъ владѣній»; говорилъ «повемногу на всѣхъ языкахъ, больше смѣсю всѣхъ, между прочимъ, и нарѣчіями дикихъ».

Аянова, Ольга Ивановна-Олинька («Обрывъ»). — Дѣвочка, двѣнадцати лѣтъ. «Воспитывалась въ институтѣ на казенный счетъ». — «Олинька моя хорошеетъ», пишетъ о ней отецъ Райскому, «преуспѣваетъ въ благочестіи, благоправіи и наукахъ, институтскому начальству покорна, къ отцу почтительна и всякій четвергъ спрашиваетъ, скоро ли пріѣдетъ другой баловникъ, Райскій, поправлять ея рисунки и совать ей въ другую руку другую сверхштатную коробку конфетъ».

Аяновъ, Иванъ Ивановичъ («Обрывъ»). — Статскій совѣтникъ; ему «около сорока пяти лѣтъ». «Смугло-желтоватый цвѣтъ лица, красиво подстриженные, съ сильною просѣдью, волосы на головѣ и бакенбарды», «смышленный взглядъ, неглупыя губы». «Лицо отличается спокойствіемъ или скорѣе равнодушнымъ ожиданіемъ ко всему, что можетъ около него происходить». «На лицѣ его можно прочитать покойную увѣренность въ себя и пониманіе другихъ, выглядывавшее изъ глазъ». «Движенія» А. «умѣренны»; «рѣчь сдержанна». «Костюмъ безукоризненъ». — Вдовецъ; имѣетъ двѣнадцатилѣтнюю дочь. «Строевую службу (чиновника) прошелъ хорошо, протерши ляжку около пятнадцати лѣтъ въ канцеляріяхъ, въ должностяхъ исполнителя чужихъ проектовъ. Онъ тонко угадывалъ мысль начальника, раздѣлялъ его взглядъ на дѣло и ловко излагалъ на бумагѣ разные проекты. Мѣнялся начальникъ, а съ нимъ, и взглядъ, и проектъ: А. работалъ такъ же умно и ловко и съ новымъ начальникомъ, падъ новымъ проектомъ, и докладъ».

ныя записки его нравились всѣмъ министрамъ, при которыхъ онъ служилъ. Теперь онъ состоялъ при одномъ изъ нихъ по особымъ порученіямъ. По утрамъ являлся къ нему въ кабинетъ, потомъ къ женѣ его въ гостиную и, дѣйствительно, исполнялъ нѣкоторыя ея порученія»; «чаще всего встрѣчаешь его въ большей части гостиныхъ, утромъ—съ визитами, на обѣдахъ, на вечерахъ: на послѣднихъ всегда за картами». «По вечерамъ въ положенные дни онъ непременно составлялъ партію (у министра, «его сіятельства, моего партнера и милостивца»), съ кѣмъ попросить». — «У него былъ довольно крупный чинъ и окладъ—и никакого дѣла». — «Въ душѣ А. «не было никакого мрака, никакихъ тайнъ, ничего загадочнаго впереди и сами макбетовскія вѣдьмы затруднились бы оболести его какимъ-нибудь болѣе блестящимъ жребіемъ или отнять у него тотъ, къ которому онъ шествовалъ такъ сознательно и достойно: повиситься изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе и подъ конецъ за долговременную и полезную службу и «неусыпные труды», какъ по службѣ, такъ и въ картахъ—въ тайные совѣтники и бросить якорь въ портѣ, въ какой-нибудь нетлѣнной комиссіи или въ комитетѣ, съ сохраненіемъ окладовъ,—а тамъ волнуясь себѣ человѣческой океанъ, мѣняйся вѣкъ, лети въ пучину судьба народовъ, царствъ,—все пролетитъ мимо него, пока апоплексическій или другой ударъ не остановитъ теченіе его жизни». — Райскому онъ совѣтуетъ тоже «заняться дѣломъ». — «Трудъ—вотъ одно лѣкарство отъ пустоты: дѣло!» сказалъ А. внушительно. — «Какое дѣло, скажи, пожалуйста: это любопытно! Какъ какое?—Служи». Когда Райскій сказалъ, что ему пришла серьезная мысль—писать романъ», то А. засмѣялся. «Серьезная мысль!—повторилъ онъ:—«Ты говоришь «о романѣ, какъ о серьезномъ дѣлѣ!»—На вопросъ Р., почему онъ самъ не попробуетъ писать романъ, А. отвѣчаетъ:—«У меня есть, чтò писать. Я дѣло пишу...»—Опять ты хвастаешься «дѣломъ»! Я думаю, если ты перестанешь писать—вотъ тогда и будетъ дѣло,—замѣчаетъ Р.—«А романъ твой дастъ мнѣ окладъ въ пять тысячъ, да квартиру съ отопленіемъ, да чинъ, да?»—возражаетъ А.—«И ты, не стыдишься говорить это!»—возражаетъ Райскій. Когда мы очеловѣчимся?—«Я сталъ очеловѣчиваться», отвѣтилъ А., съ тѣхъ поръ, какъ началъ получать по двѣ тысячи и теперь понимаю, что вопросы о гуманности неразрывны съ экономическими». — По словамъ Райскаго, А. «храбрится этимъ циническимъ эгоизмомъ».

А.—«такъ себѣ: ни характеръ, ни безхарактерность, ни знаніе, ни невѣжество, ни убѣжденіе, ни скептицизмъ». «Незнаніе или отсутствіе убѣжденія облечено у него въ форму какого-то легкого, поверхностнаго всеотрицанія: онъ относился ко всему небрежно, ни передъ чѣмъ искренно не склоняясь, ничему глубоко не вѣря и ни къ чему особенно не пристращался. Немного насмѣшливъ, скептически, равнодушенъ и ровенъ въ сношеніяхъ со всѣми, не даря никого постоянной и глубокой дружбой, но и не преслѣдуя никого настойчивой враждой». «Пожилъ человекъ, знаетъ жизнь и людей», «скажетъ о немъ наблюдатель и если не отнесетъ его къ разряду особенныхъ, высшихъ натуръ, то еще менѣе къ разряду наивныхъ». А. говорилъ просто, свободно переходя отъ предмета къ предмету, «всегда зная обо всемъ, что дѣлается въ мірѣ, въ свѣтѣ, въ городѣ; слѣдилъ за подробностями войны, если была война, узнавалъ равнодушно о перемѣнѣ англійскаго или французскаго министерства, читалъ послѣднюю рѣчь въ парламентѣ и во французской палатѣ депутатовъ, всегда зная о новой пьесѣ и о тамъ, кого зарѣзали ночью на Выборской Сторонѣ. Зналъ генеологію, состояніе дѣлъ и имѣній и скандальную хронику каждаго большого дома столицы»; зная всякую минуту, чтò дѣлается въ администраціи, о перемѣнахъ, о повышеніяхъ, наградахъ,—зналъ и сплетни городскія: словомъ, зная хорошо свой міръ». — Ему интересно и извѣстно, что «Коко женился наконецъ на своей Eudoxie»; что «горбуна сбыли за границу съ его вѣдьмой»; что «на его мѣсто прочать въ министры князя И. В., а товарищемъ И. Б., что П. П. проигралъ 70,000», а X—е уѣхали за границу и т. п.; когда прошли слухи, что Бѣловодова сдѣлала «un faux pas, А. усердно «сталъ добиваться, какой именно». Не получая отвѣта, онъ «начать

ужь самъ сочинять ихъ (С. Н. и Милари) романъ: думалъ, не застали ли ихъ гдѣ-нибудь уединенно гуляющихъ». «Какая это chose?»—спрашивалъ онъ на ухо и вслухъ того, другого. «И, не получая опредѣленнаго отвѣта, самъ сталъ шептать, когда рѣчь зайдетъ о ней (о Софьѣ Николаевнѣ).—«Oui»,—говорилъ А.—«elle a poussé la chose trop loin sans se rendre compte. Elle a fait un faux pas...¹⁾», и пожималъ «значительно плечами, когда спросить, какой разъ». «Наконецъ, пишетъ онъ Райскому, я добился, что къ прежнему облачку, къ этому искомому мною», т. е. que Sophie a poussé la chose trop loin, прибавился, наконецъ и фактъ». «За мною ходить, видя, что я знаю кое-что. К. Р. и жена два раза звали объѣхать, а М. подпайваетъ меня въ клубъ, не проговорюсь-ли. Мнѣ это весело и я молчу». Вечера А. кончалъ всегда картами въ англійскомъ клубѣ или у знакомыхъ, а знакомы ему были всѣ». «Въ карты онъ игралъ безъ ошибки» и «обыгрывалъ почти всегда», хотя и «имѣлъ репутацію пріятнаго игрока, потому что былъ снисходителенъ къ ошибкамъ другихъ, никогда не сердился, а глядѣлъ на ошибку съ такимъ же приличіемъ, какъ на отличный ходъ. Потомъ онъ игралъ и по большой, и по маленькой, и съ крупными игроками, и съ капризными дамами». По его словамъ, онъ играетъ «для удовольствія»: «у меня никакихъ расчетовъ нѣтъ».—«Какой-то англичанинъ», по словамъ А., «вывелъ комбинацію, что одна и та же сдача картъ можетъ повториться лѣтъ въ тысячу только... А шансы? А характеры игроковъ, мапера каждаго, ошибки? Нѣтъ, въ картахъ не одно и то же».—«Не все равно играть, что тамъ (у тетокъ Бѣловодовой), что у Ивлевыхъ?»—«Оно правда»,—признается А. Райскому,—«совѣстно немного обыгрывать старухъ: Анна Васильевна бьетъ карты своего партнёра со слѣпа, а Надежда Васильевна вслухъ говорить, съ чего пойдетъ».—«Ну, чѣмъ ты сдѣлалъ?» спросилъ Райскій А—ва, когда они вышли отъ «тетушекъ».—«Сорокъ пять рублей выигралъ».—Опъ «игралъ» съ ними въ карты «два раза въ недѣлю». Лѣтомъ поселился «неподалеку» отъ ихъ дачи на «Каменномъ островѣ». Когда пріемы у старушекъ прекратились и онъ желалъ узнать: почему? Чтѣ собственно произошло?—то, толкнувшись въ «клубъ, къ Петру Ивановичу, тотъ уже издали, изъ-за газетъ, лукаво выглянулъ на него и улыбался: «знаю, знаю, зачѣмъ! Чтѣ дверь захлопнулась, оброкъ прекратился?» «Страсти», по мнѣнію А. «мѣшаютъ жить». «Софья Николаевна красавица, да еще и богатая невеста,—говорить онъ въ отвѣтъ на признанія Райскаго объ увлеченіи Бѣловодовой. — «Женись и конецъ всему».—«Коли не женишься, такъ не зачѣмъ и ходить».—Какое жалкое лѣкарство ты выбралъ отъ скуки—переливать изъ пустого въ порожнее съ женщиною, каждый день одно и то же». «Донъ-жуализмъ» Райскаго А. сравниваетъ съ особенностью своего помощника «въ отдѣленіи»: «тотъ ни одной чиновницѣ, ни одной горничной проходу не дастъ, т. е. красивой, конечно. Всѣмъ говоритъ любезности, подноситъ конфеты, букеты».—«Самъ А., «устроивъ свои дѣлишки, велъ покойную и беззаботную жизнь стараго холостяка». «Я блистаю спокойствіемъ и наслаждаюсь этимъ», говоритъ онъ о себѣ».—«Одно только нарушало его спокойствіе—это «закрытый» геморой отъ сидячей жизни. Въ перспективѣ представлялось для него тревожное событіе—прервать эту жизнь и побывать на водахъ».—«Новостей много»—пишетъ онъ Райскому.—«Поздравь меня: геморрой, наконецъ у меня открылся! Мы съ докторомъ такъ обрадовались, что бросились другъ другу въ объятія и чуть не зарыдали оба. Понимаешь ли ты важность этого исхода? На воды не надо ѣхать». «Родился, учился, выросъ и дожилъ до старости въ Петербургѣ, не выѣзжая далѣе Лахты и Ораніенбаума». «Онъ равнодушно смотрѣлъ сорокъ лѣтъ сряду, какъ съ каждой весной, отплывали за границу биткомъ-набитые пароходы, уѣзжали внутрь Россіи дилижансы, впоследствии вагоны, — какъ двигались толпы людей съ наивнымъ настроеніемъ дышать другимъ воздухомъ, освѣжаться, искать впечатлѣній и развлеченій. Никогда не чувствовалъ онъ подобной потребности. да и въ дру-

¹⁾ Переводъ см. въ концѣ книги: «Дополненія».

гихъ не признавалъ ся, а глядѣлъ на нихъ, на этихъ другихъ, покойно, равнодушно, съ весьма приличнымъ выраженіемъ. въ лицѣ и взглядомъ, говорившимъ: «Пусть-де ихъ себѣ, а я не пойду». «Чего лучше этого воздуха»—сказалъ Райскому А., «съ удовольствіемъ нюхнувъ въздухъ» «одной изъ большихъ улицъ Петербурга»,—«мокраго, вѣчно юнаго Петербурга»—какъ писалъ онъ Райскому. «А. — представитель большинства уроженцевъ универсальнаго Петербурга и вмѣстѣ то, что называется свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ принадлежалъ Петербургу и свѣту и его трудно было бы представить себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, кромѣ Петербурга, и въ другой сферѣ, кромѣ свѣта, т. е. извѣстнаго высшего слоя петербургскаго населенія». «Въ немъ отражались, какъ солнце въ зеркалѣ, весь петербургскій міръ, вся петербургская практичность, нравы, тонъ, природа, служба,—эта вторая петербургская природа и болѣе ничего». «На всякую другую жизнь у него не было никакого взгляда, никакихъ понятій кромѣ тѣхъ, какія даютъ свои и иностранныя газеты. Петербургскія страсти, петербургскій взглядъ, петербургскій годовой обиходъ пороковъ и добродѣтелей, мыслей, дѣлъ, и политики, и даже, пожалуй, поэзіи,—вотъ гдѣ вращалась жизнь его и онъ не порывался изъ этого круга, находя въ немъ полное до роскоши удовлетвореніе своей натурѣ».

К р и т и к а: 1) А. — «прямая противоположность Райскому»; это, собственно говоря, тотъ же дядюшка Петръ Ивановичъ, «дѣловая обломовщина» по выраженію О. Миллера («Русск. пис. послѣ Гоголя», II, 24). 2) Ср. Ура новъ и К а л ь я н о в ъ.

Б.

Б. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—**Болтинъ**.

Б. П. («Обрывъ»).—См. **П. Б.**

Б. Ш. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—**Шлиппенбахъ**, баронъ.

Б—инъ («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—**Болтинъ**.

Б. К. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—**Крюднеръ**, баронъ.

Баба-Городзаймонъ («Фрег. Пал.»).—**Баниось**; «рябоватый, съ умнымъ лицомъ», «съ выдавшеюся верхнею челюстью и большими зубами, похожими на клыки». «Быль, повидимому, очень добръ, живъ, общителенъ». Посѣтивъ вторично фрегатъ, совершенно «освоился», шутилъ, «звалъ» моряковъ по именамъ, спрашивалъ названія всего, что попадалось ему въ глаза, и записывалъ. «У него препрятная манера говорить: онъ говоритъ какъ женщина, такъ что, самые его отказы и противорѣчія смягчены этимъ тихимъ ласковымъ голосомъ». При сѣздѣ съ корабля, окликнулъ Гончарова и схватилъ за руку.—«А», «Баба, Adieu!» — «Adieu!» повторилъ и онъ. Быль отосланъ въ Едо съ письмомъ адмирала.

Бабушка («Обрывъ»).—См. **Татьяна Марковна**.

Бабушка («Обломовъ»).—Жила въ домѣ Пшеницыной. По словамъ Анисьи, съ Б. «говорить нельзя»: она кашляетъ да и на ухо грѣпка». По словамъ Агафьи Матвѣевны, «больная, еле ходитъ, и то въ церковь только; прежде на рынокъ ходила съ Акулиной, а теперь съ Николы перестала: ноги стали отекають и въ церкви-то все больше сидитъ на ступенькѣ».

Базиліо-донъ («Фрег. Пал.»).—Иезуитъ изъ предмѣстья Маниллы «въ черной рясѣ, въ черной шляпѣ, съ длинными-предлинными полями».

Basil, M-me («Обрывъ»).—Уч. л. Знакомая **С. Н. Бѣловодовой**.

Балакинъ («Обрывъ»).—Уч. л. «Ни одна умная дѣвушка не пойдетъ за него, а загляднѣе! Не зѣвай, и онъ будетъ счастливъ.. «Богъ дурака поваля кормить»,—найдетъ дуру съ богатствомъ», отзывается **Бережкова** о Б.

Баниось («Фрег. Пал.») или **гокейнсы**. — Старшіе въ японскомъ городѣ, послѣ губернатора и секретарей его, лица. См. **Баба-Городзай**, **Ойсаброски**, **Самбро** и **Хагивари-Матаса**.

Ваниось («Фрег. Пал.»).—«Напоминалъ какую-нибудь безусловно-добрую тетку, няньку, или другую женщину-баловницу, отъ которой ума и наставленій не жди, за-то варенья, конфетъ и потворства—сколько хочешь». Смотрѣлъ «очень ласково» «своимъ довольно тупымъ, простымъ взглядомъ».

Баронъ В. («Литер. веч.»).—Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа Бибикова, соперникъ графа, «какъ шекспировскій Яго», искавшій случая мстить ему». [Въ романѣ Валуева «Лоринъ—баронъ Рингшталь», см. Перечень: «Литер. вечеръ» и «Списокъ»: Валуевъ].

Барыня («Фрег. Пал.»).—Англичанка. «Толстая-претолстая», «лѣтъ со-рока пяти, съ большими, темными, медленно мигающими глазами, которые она поминутно обращала на капитана» (за обѣдомъ въ отелѣ Mrs Вельчь). «Она крѣпко была затянута въ корсетъ. Платье сидѣло на ней въ обтяжку, и обнаживало круглыя, массивныя плечи, руки и прочее, чѣмъ такъ щедро одарила ее природа. К у ш а л а она очень мало и чуть-чуть кончикомъ губъ брала въ ротъ маленькіе кусочки мяса, или зелень».

Барынька («Н а р о д и н ѣ»).—Попутница Гончарова отъ Москвы до Казани, сосѣдка по «дилижансу». Ыхала на уральскіе заводы какой-то смотрительницею и «все охала о предстоящемъ ей еще впереди длинномъ пути. Она боялась разбойниковъ и грозы, или «грожи», по ея выговору». Стонала она и отъ жара и отъ тѣсноты».

Вебиновъ («Литер. веч.»).—«Членъ одного совѣта» и предсѣдатель коммисіи по разнымъ преобразованіямъ», авторъ нѣсколькихъ «статей по финансовымъ и политико-экономическимъ предметамъ», «опыта дипломатическихъ мемуаровъ и того романа, который собрались слушать приглашенные въ домъ Уранова. Прежде занималъ дипломатическій постъ на югѣ Европы и провелъ молодые лѣта за границею». По признанію В. его романъ представляетъ «опытъ пера», «плодъ досуга»; онъ самъ «не ищетъ авторскихъ лавровъ», и ему поздно становится въ положеніе начинающаго, но ему «давно хотѣлось высказать нѣсколько идей, наблюденій, опытовъ и взглядовъ на нашу общественную жизнь».—См.—«Прототипы».

Бень («Фрег. Пал.»).—Англичанинъ. «Замѣчательный человѣкъ» въ Капской колоніи, гдѣ жилъ «съ раннихъ лѣтъ». «Высокій, плотный мужчина съ просѣдью»; «сложенъ плотно и сильно»; «шагаетъ крупно и твердо, какъ слонъ, въ гору-ли, подъ гору-ли все равно. Ысть много, какъ рабочий, пьетъ еще больше; съ лица красноватъ и лысъ». «Гражданскій инженеръ» и завѣдующій цѣлымъ округомъ; геологъ и естествоиспытатель. Любимымъ его занятіемъ была геологія; «вторая специальность В.—открытіе и описаніе ископаемыхъ животныхъ колоніи»; «третья и главная специальность его—прокладываніе дорогъ». «Если-бъ онъ не былъ гражданскій инженеръ и геологъ, то, конечно, былъ бы африканскій Рубини: у него изумительный фальцетто»; «отъ ученыхъ разговоровъ легко переходитъ къ шуткѣ». «Для геологическихъ изслѣдованій, частью изъ страсти къ путешествіямъ и приключеніямъ», «четыре раза» ходилъ за крайніе предѣлы колоніи». Составилъ «великолѣпную карту», надъ которой работалъ около пятнадцати лѣтъ» и прорубилъ «по окраинамъ скалъ» дороги.

Бережнова, Татьяна Марковна («Обрывъ»).—См. Татьяна Марковна.

Беттельгеймъ («Фрег. Пал.»).—Англискій миссіонеръ на Ликейскихъ островахъ. «Худошавый человѣкъ, съ еврейской физиономіей, не съ блѣднымъ, а вышвѣтшимъ лицомъ, съ руками похожими немного на птичьи когти; большой говорунъ. Въ немъ не было ничего привлекательнаго, да и въ разговорѣ его, въ тонѣ, въ разсказахъ, въ привѣтствіяхъ, была какая-то сухость, скрытность, что-то нерасполагающее въ его пользу». «Восемь лѣтъ прожилъ на Лю-Чу и «отправлялся въ Англію печатать книги св. писанія на ликейскомъ и японскомъ языкахъ. Жену и дѣтей онъ уже отправилъ въ Китай и самъ долженъ былъ отправиться туда же съ Перри (см. въ «Спискѣ»), который обѣщалъ взять его

съ собою, лишь только другой миссіонеръ прїѣдетъ на смѣну». «Говорилъ по-англійски, по-нѣмецки и весьма плохо по-шанпузски». О Лю-Чу отзывался, какъ о «прекрасномъ мѣстѣ», но жителей не хвалилъ, называя ихъ «шпіонами, картежниками и пьяницами»; говорилъ, что «они невѣжественны, грязны, грубы». Рассказывалъ о преслѣдованіяхъ католическихъ миссіонеровъ и о томъ какъ ликейцы недавно еще... «поколотили одного миссіонера не католическаго».— «Кого же это?»—«Меня, кротко и скромно отвѣтилъ Б. (но подъ этой скромностью таилось, кажется, не смиреніе).—Жители, дѣйствительно обнаруживали «знаки нерасположенія» къ Б., и одинъ по-англійски сказалъ про него:—«Bad man, very bad man (дурной, очень дурной человѣкъ)». Однако, по словамъ самого Б., онъ «безпрепятственно проповѣдуетъ ликейцамъ въ ихъ домахъ» и уже «ему удалось нѣсколько человѣкъ крестить». Во всемъ винилъ японцевъ, которые живутъ здѣсь подолгу и поддерживаютъ въ народѣ свою систему отчужденія отъ иностранцевъ, и между прочимъ ненависть къ христіанамъ».

Бонзмъ («Фрег. Пал.»).—Губернаторъ пролива (гонъ-конгскій губерн.) и полномочный отъ Англии въ Китаѣ. При вступленіи Б. на фрегатъ, «ему были отданы тѣ же почести, какими онъ встрѣтилъ русскаго «адмирала на берегу: играла музыка, палили изъ пушекъ».

Борисъ Павловичъ Райскій («Обрывъ»).—См. Райскій

Боровиковъ («Обрывъ»).—Уп. л. Соговарищъ Райскаго по школь. «Задрожить, запрыгаетъ и захихикаетъ», когда увидитъ, что Райскаго «ведутъ съчь».

Боцманъ («Фрег. Пал.»).—См. Терентьевъ.

Бочковы («Обрывъ»).—Уп. л. Трое сыновей Бочкова—«кутилы»; они «все собираютъ мужчинъ къ себѣ по вечерамъ, такихъ же, какъ сами, пьютъ, да въ карты играютъ. А на утро глаза у всѣхъ красные», — говоритъ о Б. Марвинька.

Бравинъ («На родинѣ»).—«Предводитель дворянства», «веселый собесѣдникъ и юмористъ». Когда-то состоялъ во главѣ отдѣльной масонской ложы, бывшей «въ губернскомъ городѣ» (Симбирскѣ). Онъ «былъ въ перепискѣ съ заграничными массонами и, вѣроятно, былъ не чуждъ не однихъ только всѣмъ открытымъ, благотворительныхъ, но и политическихъ цѣлей, какія входили въ секретный кругъ дѣятельности» «иностранныхъ и русскихъ масонскихъ ложъ». «Послѣ 14 декабря (1825 г.), Б. отвезли въ Петербургъ», «забравъ всю его переписку. Но важнѣйшая часть его бумагъ, за нѣсколько часовъ до обыска, говорятъ, была брошена въ прудъ въ его саду. Объ обыскѣ предупредилъ его полиціймейстеръ, его прїятель, и тѣмъ спасъ Б.». Въ Петербургѣ Б. продержали «около полугода, потомъ отпустили». По словамъ Якубова, Б. «воротился весь синій, даже почернѣлъ: его, слышно, подвергли тамъ секретно тѣлесному наказанію». Напуганный Б. «приникъ, притихъ и быстро превратился въ ультрашовиниста, надѣлъ маску», «при всякомъ случаѣ, когда нужно и не нужно», заявляя «о своей преданности престолу и отечеству»; пошилъ себѣ мундиръ и хвастался тѣмъ, что «брильянты отъ пожалованнаго ему, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 14-го декабря, перстня онъ раздѣлил между нѣсколькими своими дочерьми, чтобъ у каждой осталось воспоминаніе» о «милости». [Ср. въ «Спискѣ» — Бартаевъ, кн.].

Бурдалахова, Сенлетя («Обрывъ»).—Дьячиха, у которой жилъ Маркъ Вояховъ.

Бурминъ («И. С. Поджабринъ»).—Уп. л. Знакомый Поджабрина.

Буфетчинъ («Фрег. Пал.»).—Б. гостиницы въ Шанхаѣ, съ темно-коричневымъ лицомъ, «въ бѣлой чалмѣ, и съ зубами еще бѣлѣе», раздавалъ гостямъ кушанья, китайскимъ мальчишкамъ щелчки. Выдавалъ себя за бывшаго «купца» изъ Сингапура, хотя на самомъ дѣлѣ «онъ тамъ ѣздилъ съ маленькой каретой». Прошелъ цѣлую улицу рядомъ съ Гончаровымъ, «прося запомнить номеръ его кареты и не брать другой».

Бушковъ, Егоръ Петровичъ («Фрег. Пал.»). — Ямщикъ. «Мѣщанинъ, имѣющій четыре лошади и панимающійся ямщикомъ у подрядчика-якута», съ которымъ «жилъ въ одной юртѣ». «Объякутился» такъ, что дѣти Б. «совсѣмъ по-русски не говорятъ». Боялся «краснаго звѣря». На вопросъ:—«А что тебѣ «красный звѣрь» сдѣлаеть?» отвѣтилъ:—«Какъ что? По бревнышку всю юрту разнесеть».—«А развѣ разносилъ у кого-нибудь?» — «Никакъ нѣтъ, не слыхаль».—«Да ты видываль краснаго звѣря тутъ близко?»—«Никакъ нѣтъ. Богъ миловаль».

Брагинъ, Андрей Тихоновичъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Чиновникъ, служившій по особымъ порученіямъ при одномъ директорѣ». Съ вечера, послѣ пунша, либеральничаль напрадалую и бранилъ свое начальство, а утромъ являлся къ директору почтительнымъ чиновникомъ. Вечеромъ бранился, что, тогда «какъ дѣло то все въ трехстахъ рубляхъ», «посылаютъ офицера и даютъ ему прогоны и сутокныя по чину».—«Чѣмъ бы отдыхать у себя дома, надо поздравлять начальство! И выходить суета суетъ!» Получивъ «извѣщеніе отъ экзекутора объ отъѣздѣ за границу директора и его жены», зарычалъ какъ бульдогъ».—«Тутъ занимаешься дѣломъ, вдругъ, изволь, провожать директора на станцію». Въ отвѣтъ на замѣчаніе Юхнова («Вы опять, Андрей Тихоновичъ, на начальство роптать!») «язвительно замѣтилъ: — «Что не понравилось вамъ? По-вашему молчи! Ха-ха-ха!» Явившись на вокзалъ провожать уѣзжавшаго за-границу директора, «больше всѣхъ юлилъ», подавая свой букетъ директоршѣ и цѣлуя ея руку»; «директору отвѣшиваль глубокіе поклоны». На вопросъ директора объ интересующемъ его дѣлѣ (о томъ трехсотрублевомъ дѣлѣ, на которое требуется командировка офицера), отвѣчалъ:—«Какъ-же ваше превосходительство, оно у меня: Лязгину назначено двѣсти рублей на командировку да прогонные по чину. Бумага у меня готова». Своему пріятелю, экзекутору, признался послѣ, что «бумаги еще не готовы, хотя» онъ «и сказалъ директору «что написали ихъ».

Бѣловодова, Софья Нинолаевна («Обрывъ»).—«Кузина» Райскаго. «Изъ стариннаго богатаго дома Пахотинныхъ». «На двадцать пятомъ году» «вдова, послѣ недолгаго замужества съ Бѣловодовымъ, который служилъ по дипломатической части».—У нея «возвышенный» «лобъ, молочной бѣлизны»; «волосы темные, почти черные и густая коса, едва сдерживаемая большими булавками на затылкѣ». «Нѣсколько крупныя, благородныя черты лица», на которыхъ лежить «печатъ чистосердечія», «большіе сѣро-голубые глаза, полные ровнаго немерцающаго горѣнія, «съ открытымъ, невиннымъ, какъ у дѣвушки, взглядомъ». «Цвѣтъ лица, плечъ, рукъ»—...«цѣльный, свѣжій цвѣтъ, блистающій здоровьемъ, ничѣмъ не тронутымъ,—ни болѣзнию, ни бѣдами». ...«Гордая шея и спящая сномъ покоя высокая пышная грудь»; «плечи и грудь поражали своей пышностью».—Видъ у нея «стройный, величавый».—«Всегда олимпійское спокойствіе». «Тяжелыя, достоинство, мягкость и увѣренность въ каждомъ мѣрномъ движеніи».—Женщина «дѣйствительно прекрасная собою», обладающая «поразительною красотой». «Когда я въ первый разъ пріѣхала на балъ въ Тюльери,—передавала сама С. Н.—и вошла въ кругъ, гдѣ былъ король, королева и принцы...»—«Всѣ ахнули?»—спросилъ Райскій. «Она кивнула головой». У нея было много «искателей»: «то посланникъ являлся чаще другихъ въ домъ, то недавно отличившійся генераль, а однажды серьезно поговаривали объ одномъ старикѣ, иностранцѣ, потомкѣ королевскаго угасшаго рода».—«Одѣвалась она просто, если разглядѣть подробно все, что на ней было надѣто, но казалась великолѣпно одѣтой. И матерія платья какъ будто особенная, и ботинки не такъ сидятъ на ней, какъ на другихъ».—Платье она обыкновенно носила «шумящее, пестигающееся» («негнущіяся латы платья»); «массивный браслетъ», и «крестикъ, правильно и покойно лежащій на груди». (Воспитаніе С. Н. см. Пахотина-таман). Когда мнѣ было лѣтъ семь,—говорить С. Н.,—за мной, помню, ходила нѣмка Маргарита: она причесывала и одѣвала меня, потомъ будили миссъ Дредсонъ и вели къ таман... Послѣ завтрака меня водили гулять или, въ дурную погоду, ѣздили въ

коляскѣ... Я не шала: миссъ Дредсонъ шла рядомъ и дальше трехъ шаговъ отъ себя не отпускала... «Послѣ обѣда мнѣ позволяли въ большомъ залѣ играть въ мячикъ, прыгать черезъ веревочку, но тихонько, чтобъ не разбить зеркаль и не топтать ногами. Матап не любила, когда у меня раскраснѣются щеки и уши, и потому мнѣ не велѣно было слишкомъ бѣгать. Еще увѣряли, что будто я... она засмѣялась:—языкъ показываю, когда рисую и пишу и даже танцую—и оттого «pas de grimacés»—раздавалось чаще всего». Въ домъ «ѣздилъ танцмейстеръ и училъ: *chasse en avant, chassé à gauche, ten z vous dro t, p s de grimacés*. Еще учили: «*histoire, de geographie, calligraphie, l'orthographie*, еще по русски»...

«Всѣ уроки» С. Н. «учила одинаково, т. е. всѣ дурно. Въ исторіи знала только двѣнадцатый годъ, потому что «*mon oncle, prince Serge*, служилъ въ то время и дѣлалъ кампанію, онъ рассказывалъ часто о немъ; она помнила, что была Екатерина II, еще революція, отъ которой бѣжалъ *m-r de-Querney*, а остальное все ...тамъ эти войны, греческія, римскія, что-то про Фридриха Великаго»—«все это у меня путалось. Но по-русски у *m-r* Ельнина я выучивала почти все, чтѣ онъ задавалъ».—Въ шестнадцать лѣтъ С. Н. «дали особыя комнаты и поселили съ ней» «*ma tante* Анну Васильевну», «а миссъ Дредсонъ уѣхала въ Англію». С. Н. оставили французскаго профессора и учителя по-русски, потому что тогда въ свѣтѣ заговорили, что надо знать по-русски почти такъ же хорошо, какъ по-французски».—*M-r* Ельнинъ «читалъ» съ С. Н. «приносилъ ей книги».—«Какія же книги?» спрашиваетъ Райскій.—«Я теперь забыла». *M-r* Ельнинъ «заставлялъ и С. Н. сочинять, но *matap* велѣла сочинять больше по-французски».—«Въ свѣтѣ знали, что я люблю музыку, говорили, что я буду первоклассная артистка. Прежде *matap* хотѣла взять Гензельта, но услышавши это, отдумала». Когда С. Н. «была еще дѣвочкой» (но ее «уже вывозили»), то «и у нея были и слезы, и трепеть, и краска» «*et tout ce que vous aimez tant*»,—была одна «глупость»—увлеченіе. Она «привыкла», къ Ельнину, учителю русскаго языка, «и, когда онъ манкировалъ, ей было досадно», а когда «однажды онъ заболѣлъ и недѣли три не приходилъ, ей «было жаль его», и она «даже просила пацѣ послать узнать объ его здоровьѣ».—«Когда пацѣ привезъ его въ первый разъ послѣ болѣзни, онъ былъ блѣденъ, молчаливъ... Глаза такіе темныя... Мнѣ стало очень жаль его и я спросила за столомъ, чѣмъ онъ былъ боленъ?.. Онъ взглянулъ на меня съ благодарностью, почти нѣжно... Но *matap*, послѣ обѣда, отвела меня въ сторону и сказала, что это ни на что не похоже».—«Мнѣ стало стыдно, я ушла и плакала въ своей комнатѣ, потомъ ужъ никогда ни о чемъ его не спрашивала».—Иногда Ельнинъ, по словамъ С. Н., «смотрѣлъ очень странно на нее,—такъ, «какъ вы иногда смотрите»,—говоритъ она Райскому... «или сядетъ такъ близко, что испугаетъ меня. Но мнѣ не было... досадно на него... Я привыкла къ этимъ странностямъ; онъ разъ положилъ свою руку на мою: мнѣ было очень неловко. Но онъ не замѣчалъ самъ, чтѣ дѣлаетъ—и я не отняла руки. Даже однажды... когда онъ не пришелъ на музыку, на другой день я встрѣтила его очень холодно». «Мнѣ», какъ глупой дѣвочки, было весело смотрѣть, какъ онъ вдругъ робѣлъ, боялся взглянуть на меня, а иногда, напротивъ, долго глядѣлъ,—иногда даже поблѣднѣетъ».—«Можетъ быть, признается Б., я немало кокетничала съ нимъ, по-дѣтски, конечно, отъ скуки»... Ко дню своихъ именинъ С. Н. «разучивала сонату Бетховена, ту, которою онъ восхищался»...—«Я ждала этого вечера съ нетерпѣніемъ, потому что Ельнинъ не зналъ, что я разучиваю ее для...»—На именинахъ «только я сыграла интродукцію, какъ вижу въ зеркалѣ—Ельнинъ стоитъ позади меня... Мнѣ потомъ сказали, что будто я вспыхнула... «Я играла, играла...»—«съ воодушевленіемъ, горячо, со страстью»... подсказывалъ Райскій».—«Я думаю—да, потому что сначала всѣ слушали молча, никто не говорилъ банальныхъ похвалъ: «*charmant, brawo*», а когда кончила—всѣ закричали въ одинъ голосъ, окружили меня... Но я не обратила на это вниманія, не слыхала поздравленій», я обернулась, только лишь кончила, къ нему...

Онъ протянулъ мнѣ руку и я... Я протянула ему тоже руку и онъ... пожалъ ее!.. И кажется, мы оба покраснѣли...—Въ результатѣ судъ домашняго «арсопага». — «Позвольте васъ спросить, кто вы и что вы?»—тихо спросила маман.—«Ваша дочь», чуть-чуть внятно отвѣтила я. «Не похоже. Какъ вы ведете себя?» —«Я молчала: отвѣчать было нечего...»—*Pu a donc du sentiment là dedans?*», спросила маман. —«Вотъ, послушайте,—обратилась она къ папѣ... какъ вамъ нравится это признаніе?» Въ концѣ концовъ, С. Н. «сдѣлалось дурно». Затѣмъ она «двѣ недѣли не видала» маман.—«Потомъ, когда увидѣлись, я плакала, просила прощенія... Я просила простить и забыть эту глупость и дала слово вперёдъ держать себя прилично».

Райскій называетъ Б. «жертвой хорошаго тона, рода и приличій». По его словамъ, воспитаніе Б.—«систематическое умерщвленіе свободы духа, свободы ума, свободы сердца».

Въ двадцать пять лѣтъ С. Н. была «прекрасно воспитанная» женщина, «образецъ достоинства строгихъ понятій», «comme il faut», доходящая иногда до «высокаго sublime».—По мнѣнію Райскаго, «въ ней нѣтъ ничего» «живого, подвижнаго, требующаго жизни и отзывающагося на нее... ничего, хоть шаромъ покати! Даже нѣтъ апатіи, скуки, чтобъ можно было сказать: была жизнь и убита—ничего! Сіяетъ и блеститъ, ничего не проситъ и ничего не отдаетъ».—«Ни въ одной чертѣ не было никакой тревоги, желанія, порыва». «Напрасно (Райскій), слыша раздирающій вопль на сценѣ, быстро глядѣлъ на нее—что она? Она смотрѣла на это безъ томительнаго, помутившаго всю публику напряженія, безъ навивнаго состраданія. И каррикала на жизнь, комическая сцена, вызвавшая всеобщій продолжительный хохотъ, вызывала у ней только легкую улыбку и молчаливый, обмѣненный съ бывшей съ ней въ ложѣ женщиной, взглядъ». «Въ семействѣ тетки и близкіе старики и старухи часто при ней гадали ей, въ томъ или другомъ искателѣ,—мужа». Шла ли рѣчь о посланникѣ, о генералѣ, о «старикѣ-иностранцѣ, потомкѣ королевскаго угасшаго рода»,—«она молчитъ и смотреть беззаботно, какъ будто дѣло идетъ не о ней». «Напрасно Райскій старался все время «настойчивымъ взглядомъ прочесть ея мысль, душу, все, что крылось подъ этой оболочкой: кромѣ глубокаго спокойствія онъ ничего не прочелъ». «Женщина она или кукла, живетъ или поддѣлывается подъ жизнь?» Она «безукоризненно чиста» и «порочной быть не можетъ». Взглядъ ея «невиненъ»; на лицѣ—«печать чистосердечія»; «дѣвическое, почти дѣтское, невѣдѣніе жизни». Въ глазахъ теплится будто и чувство; кажется, она не безсердечная женщина, но какое это чувство? Какого-то всеобщаго благоволенія, доброты ко всему на свѣтѣ,—такое чувство, если только это чувство, какимъ свѣтятся глаза у людей сытыхъ, беззаботныхъ, всѣмъ удовлетворенныхъ и не вѣдающихъ горя и нужды». «Покойная, неподвижная оболочка красоты сіяетъ ровно, одинаково». Она «никогда не бросаетъ ни на что быстрого, жаждущаго, огненнаго, или наконецъ скучнаго утомленнаго взгляда, никогда не обмолвилась нетерпѣливымъ, неосторожнымъ или порывистымъ словомъ». Ее окружаетъ «ореолъ» «холоднаго сіянія», какого-то «олимпійскаго спокойствія». Она—«просто олимпійская богиня». Вокругъ С. Н.—«шелкъ, бархатъ, фарфоръ». У нея «тысячъ семь» въ годъ карманныхъ денегъ «Десять слугъ не дадутъ ей пожелать и исполняютъ почти ея мысли». «Она не знаетъ, какъ и откуда является готовый обѣдъ»; «у крыльца ждетъ экипажъ и везетъ ее на балъ и въ оперу».—«Вы «живете олимпійскимъ неподвижнымъ блаженствомъ,—говоритъ ей Райскій,—вкушаете нектаръ и амброзію, и благо вамъ!» —«Чего же еще: у меня все есть, — отвѣтила на это С. Н. и ничего мнѣ не надо».—«Вы прекрасная плѣнница въ свѣтскомъ сералѣ»,—говоритъ ей тотъ же Райскій,—«и прозябаете въ своемъ невѣдѣніи».—«Канарейка тоже счастлива въ клѣткѣ и даже поетъ; но она счастлива канареечнымъ, а не человѣческимъ счастьемъ».—«Жизнь» закрыта отъ Б., по выраженію Райскаго, «портѣрой ея окна. «Вы про тѣхъ говорите,—спросила она, указывая головой на улицу:—кто тамъ бѣгаетъ, суетится? Но вы сами сказали, что я не понимаю жизни. Да, я не

знаю этихъ людей и не понимаю ихъ жизни. Мнѣ дѣла нѣтъ!..» «Олимпійская богиня», она «не удостоиваетъ смертныхъ снизойти до нихъ, взглянуть на ихъ жизнь».—Да она «и не хочетъ мѣнять этого невѣдѣнія на... опасное вѣдѣніе» Райскаго. У нея есть «правила», *les principes*, и «не выходить изъ правилъ»,— по ея мнѣнію,—«кажется, это все». Она «покорна своимъ принципамъ». Все что «не нужно—лишнее»; все, что грозитъ «отступленіемъ отъ порядка, отъ формы, отъ правилъ»—не должно быть; даже «цвѣты» въ комнатѣ она собираетъ въ симметрію—иначе войдетъ тетушка Анна Васильевна и, позвонивъ, прикажетъ «дѣвушкамъ въ чепцѣ» сдѣлать это. Ея правило—«мудрость предковъ»;—это «правило предковъ», «правила тетушкины, бабушкины, прабабушкины, прадѣдушкины».—«Вонъ, всѣхъ этихъ полинявшихъ господъ и госпожъ въ робонахъ и фижмахъ»,—говоритъ Райскій, указывая на фамиліные портреты. Это «правила хорошаго тона», «приличія» и т. п. Но Б. непонятно, «отчего то, чѣмъ жило такъ много людей и такъ долго, вдругъ нужно мѣнять на другое».—«*Ma tante*» для нея «авторитетъ».—«Обойдитесь хоть однажды безъ «*ma tante!*» —воскликаетъ Райскій; когда привозятъ «изъ деревни отъ управляющаго деньги» С. Н.—ѣ, «тетушка десять разъ сочтетъ и спрячетъ къ себѣ,—говоритъ С. Н.—а я, какъ институтка, выпрашиваю свою долю и она выдаетъ мнѣ, вы знаете, съ какими представленіями».

Вышла замужъ С. Н. «очень просто» (см. Бѣловодовъ, *Paule*).—«Я была очень счастлива,—сказала Бѣловодова, и улыбка, и взглядъ говорили, что она съ удовольствіемъ глядитъ въ прошлое: она вспомнила свой успѣхъ при французскомъ дворѣ въ Тюльери (см. выше). «Всѣ ахнули?» (когда она явилась въ первый разъ ко двору), сказалъ Р. «Она кивнула головой, потомъ вздохнула, какъ будто жалѣя, что это прекрасное прошлое невозвратимо». «Мы принимали въ Парижѣ; потомъ уѣхали на воды; тамъ мужъ устраивалъ праздники, балы: тогда писали въ газетахъ».—«И вы были счастливы?»—«Да,—сказала она,—счастлива; я никогда не видала недовольной мины у *Paul*, не слыхала»...—«Нѣжнаго душевнаго слова, не видали минуты увлеченія?», вставилъ Р.—«Она задумчиво и отрицательно покачала головой.—«Не слыхала отказа въ желаніяхъ, даже въ капризахъ...—добавила она». «Какое вниманіе, *égard*,—говорила она:—какое уваженіе въ каждомъ словѣ!..»—«Да, я была счастлива,—рѣшительно сказала она:—и уже такъ счастлива не буду!»—«На портретъ» покойнаго мужа она «глядитъ съ кроткой ласкою».—Когда Райскій сказалъ С. Н.—ѣ: «что же вы не спросите меня, кузина, что значить любить, какъ я понимаю любовь?.. Вы не смѣете спросить... Они услышатъ. (Райскій указалъ на портреты предковъ).—Онѣ не велятъ... (Онѣ указалъ въ гостиную на тетокъ)».—«Нѣтъ, онѣ услышатъ!»—сказала она, указывая на портретъ своего мужа во весь ростъ, стоявшій надъ диваномъ, въ готической золоченой рамѣ». По словамъ Райскаго, С. Н. «спитъ» «во блаженномъ успѣніи».—Райскій рѣшилъ «воскресить» ее отъ сна, вызвать «въ жизнь», «въ жизнь страстей», «въ незнакому для нея сторону».—Онѣ разсказываетъ Б., какъ получаютъ «изъ деревни» ея деньги, какъ въ «зной жнетъ беременная баба», какъ «брошенные дома ребятишки» «ползаютъ съ курами и поросятами»... «и жизнь ихъ, если нѣтъ какой-нибудь дряхлой бабушки дома, каждую минуту виситъ на волоскѣ»... «А мужъ бьется тутъ же, въ бороздахъ на пашнѣ..., чтобъ добыть хлѣба, буквально хлѣба, ...и внести въ контору пять или десять рублей), которые потомъ приносятъ вамъ на подносѣ»... При этомъ разсказѣ, «на лицо Б. легла тѣнь непривычнаго безпокойства и недоумѣнія:—«Чѣмъ же я тутъ виновата и чтѣ я могу сдѣлать?—тихо сказала она, смиренно и безъ ироніи».—«Это очень серьезно, чтѣ вы мнѣ сказали, произнесла она задумчиво».—«Если вы не разбудили меня, то напугали. Я буду дурно спать. Ни тетушки, ни *Paul*, мужъ мой, никогда мнѣ не говорили этого—и никто». «Когда-нибудь... мы проведемъ лѣто въ деревнѣ, *cousin*,—сказала она живѣе обыкновеннаго:—пріѣзжайте туда и... мы не велимъ пускать ребятишекъ ползать съ собаками—это прежде всего.—Потомъ попросимъ Ивана Петровича (управляющаго)

не посылать... этихъ бабъ работать... Наконецъ, я не буду брать своихъ карман-ныхъ денегъ... Когда Райскій горячо коснулся и жизни городовъ, С. Н. «нетерпѣливо сказала: *C'est assez, cousin!* Возьмите деньги и дайте туда»... Она указала на улицу». Произвела дѣйствіе и другая попытка Райскаго—попытка пробудить въ ней «страсть». «Она задумчиво слушала» его краснорѣчивую проповѣдь о красотѣ и счастья и «страсти»—«грозы жизни»;—«сомнѣнія, тѣни, воспоминаія проходили по лицу Б.». Райскій сѣлъ близко подлѣ нея: она не замѣчала, погруженная въ задумчивость».—«Вы станете на колѣни,—страстно прильнет губами къ его рукѣ и будете плакать отъ наслажденія...», — закончилъ Райскій свои горячія слова. «Она сѣла на кресло, откинула голову и вздохнула тяжело.—*«Je vous demande une grâse, cousin,»*—сказала она.—«Требуйте, приказывайте!»—говорилъ онъ восторженно.—*«Laissez moi!»* Онъ пошелъ къ двери и оглянулся. Она сидитъ неподвижно: на лицѣ только нетерпѣніе, чтобъ онъ ушелъ. Едва онъ вышелъ, она налила изъ графина въ стаканъ воды, медленно выпила ее и потомъ велѣла отложить карету.. Она сѣла въ кресло и задумалась не шевелясь». Это была «уже не прежняя, покойная и недоступная чувству, Софья». На лицѣ у ней Райскій «успѣлъ прочесть первые, робкіе лучи жизни, мимолетные проблемски нетерпѣнія, потомъ тревоги, страха, и наконецъ, добился вызвать какое-то волненіе, можетъ быть, безсознательную жажду любви».—«Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ ухода Райскаго, «отецъ представилъ Софьѣ графа Милари».

«Графъ Милари былъ у ней разъ шесть, всегда при другихъ, пѣлъ, слушалъ ея игру и разговоръ никогда не выходилъ изъ предѣловъ обыкновенной учтивости, едва замѣтнаго благоуханія тонкой и покорной лести». — Но когда, послѣ этого зашедшій Райскій спросилъ вдругъ:—«Вы влюблены въ этого итальянца, въ графа Милари, да?»—«Улыбка, дружескій тонъ, свободная поза—все исчезло въ ней отъ этого вопроса. Передъ нимъ была холодная, суровая женщина». — «Если вы, *cousin*, дорожите немного моей дружбой»,—говорила она послѣ новаго упоминанія Райскимъ имени Милари:—«и голосъ у ней даже немного измѣнился, какъ будто дрожалъ,—и если вамъ что-нибудь значить быть здѣсь... видѣть меня..., то «не произносите имени».—«Да, это правда, я попалъ: она любитъ его», рѣшилъ Р.—«Она влюблена — какая нелѣпость, Боже сохрани!» думала С. Н., «этому никто и не повѣритъ» и «если она приняла догадку Райскаго неравнодушно, такъ, вѣроятно, затѣмъ, чтобы истребить и въ немъ даже тѣнь подозрѣнія».—«Кухина твоя»,—писалъ Аяновъ Райскому, спустя нѣсколько мѣсяцевъ,—«увлеклась Милари: «играя съ тетками я служилъ, говорю, твоему дѣлу, т. е. пробужденію страсти, въ твоей мраморной кузинѣ, съ тою только разницею, что безъ тебя это дѣло пошло было въ прокъ. Итальянецъ, графъ Милари, должно быть служилъ по этой части, т. е. развивалъ страсти въ женщинахъ, и едва ли не успѣннѣе тебя. Онъ повадился ѣздить въ тѣ же дни и часы, когда мы играли въ карты»: Софья Николаевна и Милари «занимались музыкой, играли, пѣли». «Когда карета твоей кухни, писалъ тотъ же Аяновъ, являлась на островахъ, являлся тогда и Милари верхомъ, или въ коляскѣ, и ѣхалъ подлѣ кареты. Софья Николаевна еще больше похорошѣла, потомъ стала задумываться, немного вышла изъ своего «олимпійскаго» спокойствія и похудѣла».—Она «увлеклась по-своему, не покидая гостиню, а гр. Милари добивался свести это на большую дорогу—и, говорятъ, (это палѣ разболталъ), что между ними бывали живые споры, что онъ бралъ ее за руку, а она не отнимала,—у ней даже глаза туманились слезой, когда онъ недовольный прогнулками верхомъ у кареты и приемомъ при теткахъ, настаивалъ на большей свободѣ, — звалъ въ паркъ вдвоемъ, являлся въ другіе часы, когда тетки спали или бывали въ церкви и, не успѣвая, не показывалъ глазъ по недѣлѣ. А кухня волновалась, «*prenant les choses au sérieux*». Между тѣмъ, графъ серьезныхъ намѣреній не обнаруживалъ».—И тутъ «*Sophie*» совершила «*un faux pas*»,—«*a poussé la chose trop loin*»—написала графу записку: «*venez, comte, je vous attends entre huit et neuf heures personne n'y sera et surtout n'oubliez pas votre portefeuille artistique. Je suis etc. S. B.*» — По

словамъ того же Аянова, «княгиня Олимпіада Измайловна», «гонительница женскихъ пороковъ и поборница добродѣтелей», «сообщила теткамъ свѣдѣнія о графѣ: графъ «изъ новыхъ», «своимъ прежнимъ правительствомъ былъ mal vu». «Во Флоренціи или въ Миланѣ есть у него какая-то нареченная невѣста, тоже кузина». Въ результатѣ этого сообщенія, «тетки разомъ слегли, въ окнахъ спустили шторы; «всѣ обѣдали по своимъ комнатамъ и даже не обѣдаютъ, а только блюда приносятся и уносятся нетронутыми»... Бѣдняжка Sophie убивается сама: «Oui, la faute est à moi—твердитъ она: je me suis compromise, une femme qui se respecte ne doit pas pousser la chose trop loin...se permettre».—«J'ai fais un faux pas»—твердитъ она: «огорчила тетокъ, васъ папа!» Записку»—billet»,—въ которой состоялъ faux pas Б—ой, Милари вернулъ Софьѣ Николаевнѣ съ учтивымъ и почтительнымъ письмомъ». — По объясненію Аянова, «Софья страдаетъ теперь вдвойнѣ: и отъ того, что оскорблена внутренне:—гордости ея красоты и гордости рода нанесенъ ударъ, и отъ того, что сдѣлала... un faux pas, и, можетъ быть, также немного и отъ того чувства, которое ты (Райскій) старался пробудить и устѣль, а я, по дружбѣ къ тебѣ, поддержалъ въ ней»...—«Что будетъ съ ней теперь — не знаю: драма ли, романъ ли это уже докончи ты на досугѣ»...

Бѣловодовъ, Paul («О б р ы в ъ»).—Мужъ Софьи Николаевны; служилъ по дипломатической части. За границей на водахъ «устроивалъ праздники, балы; объ этомъ писали въ газетахъ». «Сѣрые глаза, острый небольшой носъ, иронически сжатые губы и коротко-остриженные волосы, рыжеватые бакенбарды».—О женитбѣ его Софья Ник. Бѣловодова передавала такъ: «Онъ только что воротился изъ-за границы, бывалъ у насъ, рассказывалъ, что дѣлается въ Парижѣ, говорилъ о королевѣ, о принцессахъ, иногда обѣдалъ у насъ и черезъ княгиню сдѣлалъ предложеніе». Оставшись въ первый разъ наединѣ съ С. Н., онъ объяснилъ «почему искалъ ея руки», говорилъ, «что не было никого прекраснѣе и блистательнѣе», и «что онъ никогда не кончилъ бы», говоря о ней, «но боится быть сентиментальнымъ». «Потомъ сѣлъ играть въ карты». На другой день онъ былъ объявленъ женихомъ. «Послѣ свадьбы», «мы поѣхали въ Парижъ: мужу дали порученіе и онъ представилъ меня ко двору». «Мы принимали въ Парижѣ». С. Н. «никогда не слыхала нѣжнаго, задушевнаго слова, не видала минутъ увлеченія», но за то «никогда не видала недовольной мины у Paul, не слыхала отказа въ желаніяхъ, даже въ капризахъ». Такъ, въ Вѣнѣ онъ, за полгода до приѣзда «велѣлъ приготовить отель», а когда отель не понравился Софьѣ Николаевнѣ, Б. нанялъ другой».

В.

В. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ: Вейрихъ, д-ръ.

В. А. К. («Фрег. Пал.»).—Воинъ Андреевичъ Р.-Корсаковъ. См. «Списокъ»—Римскій-Корсаковъ.

В. И. («О б р ы в ъ»).—Знакомый Аянова. У В. И. на вечерѣ Аянова ожидала «здоровая и серьезная партія съ серьезными игроками».

Валентинъ («Слуги»).—«Лакей»; прежде служилъ «буфетчикомъ у господъ». «Человѣчекъ низенькаго роста, плѣшивый, лѣтъ пятидесяти, съ просѣдью на рѣдкихъ волосахъ, оригинальной, даже смѣшной наружности». У него былъ «маленькій, едва замѣтный, величины и цвѣта вишни, носъ, голубые, безъ всякаго оттѣнка, глаза», съ «почти несомнѣнною печатью наивности, граничащей съ глупостью» и «яркій старческий румянецъ на щекахъ». В. носилъ «розовые и голубыя шейныя косынки, вышитыя манишки съ розовой подкладкой, цвѣтные воротнички. Въ карманѣ держалъ миниатюрное зеркальце съ гребенкой» и старался «собрать жидкія космы волосъ съ затылка и висковъ во-едино». Вообще, былъ «кокетливъ: проходя мимо зеркалъ въ комнатахъ, непременно поглядится въ нихъ и иногда улыбнется». Явившись заниматься на мѣсто, «поклонился, ко-

кетливо шаркнувъ ножкой, которую тотчас поднялъ немного, и прижалъ къ другой ногѣ»; «шмыгалъ» «по комнатамъ, какъ воробей, ступая на одну ногу легче, нежели на другую, едва касаясь ею пола»; «дѣлалъ это, чтобъ придать своей походкѣ нѣкоторую грацію». Былъ не только грамотенъ, но даже «прикосновенъ къ литературѣ». Привезъ съ собою «какія-то старыя полуразорванныя книги» («тутъ были и календари» и «книги духовнаго содержанія», и «старый-престарый пѣсенникъ», и «какая-то хрестоматія безъ заглавія»), съ остатками переплета или вовсе безъ переплета; иныя въ листахъ, пожелтѣвшихъ отъ времени и употребленія». Читалъ «нараспѣвъ», «съ амфазомъ, почти всхлипывая стихи». Среди книгъ, на полкѣ, В. хранилъ «тетрадку» съ кривой надписью: «Сенони́мы». Въ ней «попарно, иногда по три слова», «тѣмъ же кривымъ» почеркомъ написаны были однозвучныя слова. Напримѣръ, рядомъ стояли: «эмансипація и конституція», далѣе «конституція и проституція», «тлетворный и нерукотворный», «нумизмать и кастратъ», и такъ безъ конца. По объясненію В., синонимы—«это похожія другъ на друга слова». Этому научилъ его «ученый дьяконъ Еремѣй». —«Вотъ, когда я, рассказывалъ В., завелъ эту самую тетрадку и сталъ записывать туда изъ книгъ непонятныя похожія слова, я и спросилъ его, что, молъ, значать похожія другъ на друга слова? Онъ и говорить «сенони́мы, говорить, это называется». Я такъ и записалъ и заново туда такія слова». Самъ В. «читалъ все больше изъ хрестоматіи Греча или другое что-нибудь, лишь бы звучное и малопонятное ему», и «не любилъ понимать, что читаетъ». —«Если все понимать—такъ и читать не нужно: что тутъ занятнаго!» «Иныя слова понимаешь—и то слава Богу». Когда баринъ, желая прочесть В. что-либо ему понятное, выбралъ изъ хрестоматіи стихи Шишкова, В. замѣтилъ:—«Это каждый мальчишка пойметъ, или деревенская баба!»—«Прочиталъ разъ, понялъ да и бросилъ: что-жъ тутъ занятнаго?»—«Вы, можетъ быть, и Покалипсисъ понимаете?»—ѣдко спросилъ онъ у барина и, получивъ утвердительный отвѣтъ, «завизжалъ пронзительнымъ смѣхомъ». По мнѣнію В., понимать Апокалипсисъ «никто не можетъ». «Дьяконъ или священникъ всю жизнь церковныя книги читаютъ—кому-бы понимать, какъ не священнику? А, вотъ, никто не понимаетъ». «Одинъ только святой схимникъ былъ: онъ въ кіевскихъ пещерахъ спасался,—тотъ понималъ. Одинъ!» Вмѣшательства въ свои дѣла В. не терпѣлъ:—«Это мои дѣла, а не ваши!» говорилъ онъ барину, хотя вообще былъ «очень учтивымъ, исправнымъ, хорошо выдрессированнымъ слугой», «цепьющимъ и честнымъ». Исполнялъ свою должность аккуратно, «очень рѣдко отлучался со двора» и у него «почти не бывало гостей». О самомъ себѣ былъ высококаго мнѣнія и мѣста выбиралъ себѣ такія, гдѣ все «благородно и деликатно и не желалъ жить «съ необразованнымъ мужичьемъ». —«Эту дрянъ,—вѣдь она мужичка,—плетьми мало съѣшь!» отзывался онъ о дѣвушкѣ, которой самъ же надоѣдалъ своими ухаживаньями. «Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ», В. былъ—«отчаянный Донъ-Жуанъ» и «се-ладонъ». «По просьбѣ барышень», посреди сарая, закинувъ голову вверхъ, разряженный въ желтые нанковые панталоны, черную плюсовую жакетку, въ розовомъ галстухѣ и съ желтымъ цвѣткомъ въ петлицѣ», В. «разливался сладкимъ теноромъ»; онъ «закатывалъ глаза подъ лобъ, разводилъ «далеко въ стороны руками и притоптывалъ»: «Во селѣ-селѣ Покровскомъ, среди улицы большой... Разыгралаа-лись, раа-сплясались дѣвки краа-сны межъ соо-бой»... По словамъ дѣвушки, В. ей «прохода не даетъ»: «какъ встрѣтитъ на лѣстницѣ, сейчасъ начнетъ глупые камплицменты говорить, зоветъ на чашку щекотладу,—поди да поди къ пему сюда!» Какія-то невзрачныя женщины,—землячки, по объясненію В., посѣщали его; самъ В. писалъ такія любовныя посланья: «О, милое творенье, прости мнѣ восхищеніе, Лизокъ, голубочка, ангелъ, чмокъ, чмокъ, чмокъ тебя. Приди, серафима моя, на второй дворъ подъ ворота. Принесу гостинцевъ много, много, и подарочекъ, чмокъ! чмокъ!» По словамъ Анны Прохоровой В. «самый низкій мужчина: онъ все таскается подъ окнами у инхъ и кокетничаетъ съ ея мастерицами, мѣшаетъ имъ и дѣлаетъ разныя низости». На дѣвицъ вообще

поглядываль «сладостно, какъ сатиръ»; даже когда у барина бывали въ гостяхъ дамы, особенно молодыя и красивыя, В. какъ-то суетливо лебезилъ и, подавая чай, фрукты, кокетливо поджималъ ножку, шаркалъ, приподнимался на цыпочкахъ, чтобъ придать себѣ росту, взглядываль мимоходомъ въ зеркало, украдкой зачесываль пальцами волосы съ затылка. Когда В. замѣчалъ, что надъ нимъ смѣются, онъ «злобно краснѣлъ и бросалъ» «кругомъ себя гнѣвные взгляды». Когда же, обиженная имъ, дѣвушка пришла жаловаться барину на обхожденіе В., онъ замѣтилъ ей:—«Такія дряни, какъ вы, должны за счастье почитать, если съ ними благородно и деликатно обращается такой кавалеръ!»—«Онъ поднялся на цыпочки и началъ руками собирать съ затылка волосы на макушку». Услыша смѣхъ барина, В. «ошетинился, какъ звѣрь, злобно посмотрѣлъ на него, хотѣлъ что-то сказать, но удержался»:—«Хорошо-съ, я сдѣлаю»,—ядовито сказалъ В.:—будутъ онъ довольны! Если бы она, эта Прохорова, не беспокоила васъ (барина), а со мной поговорила бы благородно и деликатно—я бы и ничего, отсталъ бы! А если она полѣзла къ вамъ, да еще грозить мнѣ, такъ нарочно, на зло ей буду ходить, буду, буду, буду!» «Я же ей, дряни такой: погоди она у меня!»—ворчалъ В., «уходя къ себѣ и потрясая кулаками». Донъ-жуанство В. закончилось полнымъ пораженіемъ: В. «измятый, съ разорваннымъ платьемъ, съ расцарапаннымъ лицомъ, удалился, при общемъ хохотѣ дворни, къ себѣ въ комнату»:—«Въ этомъ разбойничьемъ домѣ я и дня не проживу. Еще убьютъ, чего добраго! Позвольте расчетъ и паспортъ»... «Позвольте мнѣ паспортъ»,—настойчиво повторишь В. «Я сейчасъ извозчика приведу и уѣду». Онъ самъ озабочился прискать себѣ временнаго замѣстителя и, получивъ расчетъ, «протлезился». Однако, на замѣчаніе барина, что, конечно, послѣ этой исторіи, В. «больше за женщинами ухаживать» не станетъ, возразилъ:—«Какъ можно! Стану-съ. Только не съ такимъ необразованнымъ мужичьемъ, какъ здѣсь».

Вальневъ, Петръ Егоровичъ («М а й м ѣ с. в ъ П е т е р б.»).—Важный чиновникъ; небольшого роста, съ маленькимъ лбомъ. «Джентльменомъ онъ не былъ, едва-ли даже понимаетъ это слово, или смѣшиваетъ съ крупнымъ чиномъ». «Въ домашнемъ быту своимъ онъ былъ во всемъ приличенъ», но вкуса въ обстановкѣ не было»; «ладиль какъ бы жениться на богатой, хоть купеческой дочери, и взятыя приданого побольше». Былъ «съ высшими себя почтилень, равныхъ избѣгалъ, а съ низшими наглъ и настойчивъ». «За глаза прозвали его «холопомъ», «нахаломъ», но въ глаза ему ничего не говорили». Онъ всегда былъ озабоченъ, говорилъ всѣмъ, что у него пропасть дѣла и даже увѣрялъ свое начальство, что онъ не спитъ, не ѣстъ, и все дѣлаетъ дѣло». «Выпросилъ себѣ чиновъ, звѣздъ, денегъ—всего, и начальство было въ недоумѣніи, какую пользу принесъ онъ отечеству, дѣлало, при видѣ его, большіе глаза и отпускало все, чего онъ ни попросилъ». Онъ же самъ увѣрялъ, что «на его плечахъ лежитъ цѣлое вѣдомство». Выпрашиваль себѣ командировку, «всегда полегче», «а денегъ на нее побольше, сдать всѣ дѣла свои другимъ, и возится съ этой командировкой цѣлые мѣсяцы; потомъ увѣряетъ всѣхъ и каждого, что, безъ него и безъ его трудовъ, дѣло бы стояло». «Всѣмъ говорилъ, что былъ тамъ-то вице-директоромъ, тамъ помощникомъ управляющаго, здѣсь состоялъ въ такой-то должности, дѣлалъ то-то»... «Но никогда не намекалъ, что сдѣлано имъ путнаго въ томъ, или другомъ мѣстѣ». На счетъ его заслугъ, «никто ничего не могъ отвѣтить», «многіе пожимали плечами», но онъ какъ-то проглатываль это вольнымъ духомъ и храбро шель туда, гдѣ его не знали, увѣрять, что на его плечахъ лежитъ вѣдомство».

Вампоа («Ф р е г. П а л.»).—«Громкое коммерческое имя въ Сингапурѣ». В. ужъ лѣтъ двадцать какъ выѣхаль изъ Китая и поселился здѣсь. Онъ не можетъ воротиться домой, не заплативъ.. взятки». «Претолстый китаецъ, одѣтый, какъ всѣ они, въ коленкоровую кофту, въ синіе шаровары, въ туфляхъ, съ чрезвычайно высокой замшевой подошвой, такъ что на ней едва можно ходить, а побѣждать нѣтъ возможности. Голова, разумѣется, полуобрита спереди, а сзади коса». «Говорилъ по-англійски какъ англичанинъ». У В. «богатые магазины,

домъ и великолѣпная вилла», гдѣ «европейскій комфортъ и восточная роскошь подали» «другъ другу руки». Въ великолѣпномъ саду, окружавшемъ виллу, В. «мастерски, съ умомъ и любовью, расположилъ растенія, какъ картины въ галереѣ»; В. былъ «не только охотникъ, но и знатокъ дѣла».

Вандикъ («Ф р е г. П а л.»).—Голландецъ; проводникъ по Капской колоніи, «образованный кучеръ». Высокій, стройный джентльменъ, очень благообразной наружности, съ самыми приличными бакенбардами, украшенными легкой просѣдью, въ голубой курткѣ, съ чернымъ крепомъ на шляпѣ, съ постоянной улыбкой скромнаго сознанія своихъ достоинствъ». Пришелъ въ отель Вельчъ «съ предлиннымъ бичомъ въ рукахъ».—Онъ зналъ все въ колоніи: горы, лѣса, даже кусты, каждую ферму, фермера, ихъ слугъ, собакъ, но всего болѣе лошадей. Покупать ихъ, продавать, мѣнять, составляло его страсть и профессію. Во время путешествія по колоніи, В. замѣтя пасшуюся на лугу незнакомую ему лошадь, сказалъ:— «Здѣсь (у фермы) мы остановимся и я сбѣгаю узнать чья эта лошадь ходитъ тамъ на лугу: я ее не видалъ никогда». То и дѣло во время поѣздки покупалъ и продавалъ лошадей.

Вандина-сынъ («Ф р е г. П а л.»).—«Мальчикъ лѣтъ шести»; когда отецъ взялъ его «прокатиться, долгомъ считалъ высовывать голову во всѣ отверстія, сдѣланныя въ покрывкѣ экипажа для воздуха, и въ одно изъ нихъ высунулся такъ неосторожно, что выпалъ вонъ, и прямо носомъ. Пустыня огласилась неистовымъ крикомъ». Въ ближайшемъ трактирѣ «шалуна обмыли, дали примочки», и затѣмъ отослали домой.

Ванюшка («Ф р е г. П а л.»).—Человѣкъ князя О.; «молодой малый, безъ всякаго значенія на лицѣ; охотникъ вскакнуть на лошадь и промчатся куда-нибудь безъ дѣли, да за угломъ, особенно на сѣновалѣ, покурить трубку» (II, 7).

Ваня Пшеницынъ («О б л о м о в ѣ»).—См. П ш е н и ц ы н ѣ, В а н я.

Ваня («И. С. П о д ж а б р и н ѣ»).—Пріятель Ив.Сав.; театральнѣйшій всегдашній. Пришелъ звать Поджабрину въ театръ, такъ какъ «Асенкова въ трехъ пьесахъ играетъ».—«Смотри, mon cher, нельзя не быть: что скажутъ наши? Манкировать не должно, а то подумаютъ, что ты хочешь отшатнуться. И то три офицера да вонъ тотъ статскій, знаешь, что еще полы сюртука все сзади расходятся, собрали, говорятъ, партію перехлопать насъ, говорятъ, и въ раекъ своихъ посадятъ; да гдѣ имъ! Слушать любо, какъ нашъ уголъ захлопаетъ: я однажды изъ коридора послушалъ—чудо! Сначала мелкой дробью—па-па-па,—точно ружейный огонь; а тамъ и пошло, и пошло, такъ по коридорамъ гулъ и ходить... Даже кашельдинеръ плюнулъ и отошелъ отъ дверей, а я не вытерпѣлъ, да и самъ давай—браво, браво наши! Квартальный сердито поглядывалъ на меня... да пусть!.. Такъ ѣдемъ? Потомъ поужинаемъ, кутнемъ, а?»

Варвара Николаевна («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. Тетка Райскаго; ходила, покачивая головой, какъ игрушечные коты, и прищуривала глаза. Въ школѣ, читая «Освоб. Іерусалимъ» Тассо, Райскій сравнивалъ Армиду съ В. Н.

Василиса («О б р ы в ѣ»).—«Экономка и довѣренная женщина» Татьяны Марковны. Ей «седьмой десятокъ»; она «ровесница барыни». В. «не то что полная, а рыхлая», «разбухшая» «отъ вѣчнаго сидѣнья въ комнатѣ женщина».—«У меня и костей почти нѣтъ, все однѣ мякоти», говоритъ она про себя, «и точно у ней однѣ мякоти». «Мякоти» В. нажила у себя въ своей комнатѣ, «въ маленькой горенкѣ рядомъ съ кабинетомъ» Татьяны Марковны, «сидя тридцать лѣтъ у окна, между бутылкой съ наливками», «на одномъ стулѣ съ высокою спинкою и кожанымъ, глубоко продавленнымъ, сидѣньемъ», и «глядя на дрова да на колавшихся въ кучѣ сора куръ». «Она не уставала отъ этого вѣчнаго сидѣнья, отъ одной и той же картины изъ окна»; «она даже не охотно разставалась со своимъ стуломъ и, подавъ барынѣ кофе, убравши ея платье въ шкапъ, спѣшила на стулъ за свой чулокъ, глядѣть задумчиво на дрова, на куръ и шептать». «Она какъ тѣнь неслышно «домовничала» въ своемъ уголкѣ, перебирая спицы чулка». «Когда ее спрашивали, отчего она не выходитъ, она говорила, что любить «домовничать».

«Изъ дому выходить для нее было наказаніемъ. Только въ церковь ходила она и то, стараясь робко, какъ-то стыдливо пройти черезъ дворъ, на улицу, какъ будто боялась людского глаза». «Жалуется на одышку»:—«до церкви не дойду—одышка мучаетъ». Она выцвѣла тѣломъ; «лицо у нея задумчивое», глаза «впалые».

В. «молчаливая, серьезная женщина», «чопорная, важная и одна во всей дворнѣ только опрятная»; она «вѣчно шепчетъ что-то про себя». «Съ ранней юности поступила на службу къ барынѣ въ качествѣ горничной, не разставалась съ ней».—«В. да Яковъ только и есть порядочные (т. е. не развратные) во всей дворнѣ», говорила Татьяна Марковна. В. одна знала «исторію» Татьяны Марковны, и барыня одну ее изъ прислуги и дворни называла «полнымъ именемъ» и ее лишь удостоивала «личнымъ приказомъ по домашнему хозяйству», да «барынѣ почти не нужно было отдавать приказанія В.: она сама знала все, что надо дѣлать. А если надобилось что-нибудь экстренное, бабушка не требовала, а какъ бы совѣтовала» В. «сдѣлать то или другое». «Онѣ говорили между собой односложными словами». На праздникъ В. вмѣстѣ съ Яковомъ «командовали всей прислугой и В. «докладывала барынѣ, что надо купить». Она же распредѣляла «одежду людямъ». У нея были «ключи отъ чая, сахара, кофе и прочей провизіи». Она «одна только» вынимала и выкладывала «дорогую старую шаль» Т. М.; доставала «парадное, столовое бѣлье, старинное серебро и хрусталь», «приказывала собирать на столъ», стлала «барынѣ постель», и пила чай и кофе непосредственно послѣ барыни.—«Когда, кто приходилъ посторонній въ домъ и когда въ прихожей не было ни Якова, ни Егорки, что почти постоянно случалось, и В. отворяла дверь, она никогда не могла сказать потомъ, кто приходилъ. Ни имени, ни фамиліи приходившаго она передать никогда не могла, хотя состарѣлась въ городѣ и знала въ лицо послѣдняго мальчишку. Если лѣкарь приходилъ, священникъ, она скажетъ, что былъ лѣкарь или священникъ, но именъ не помнитъ».—«Былъ вотъ этотъ»—начнетъ она.—«Кто такой?» спроситъ Т. М.—«Да вотъ тотъ, что чуть Марѳу Васильевну не убилъ». А этому уже пятнадцать лѣтъ прошло, какъ гость уронилъ ее маленькую съ рукъ.—«Да кто?»—«Вотъ, что послѣ обѣда не кофе, а чаю просить; или:—«тотъ, что диванъ въ гостиной трубкой прожогъ; или: «что на Страстной скоромное жретъ».—«Пожалуйте поскорѣе, тамъ вотъ этотъ гость пришелъ»—«Кто еще?»—«Да вотъ... взлызастый такой...—«Какой взлызастый?»—«Вотъ, что, слышь, плетъми будутъ сѣчь...»—докладываетъ В. о Маркѣ Волоховѣ.—«Что это, В., ты не спросила, какъ его зовутъ?!»—Сказывалъ онъ, да забыла». «Питалась В. однимъ кофе, да чаемъ, хлѣбомъ, картофелью и огурцами, иногда рыбою, даже въ мясоѣдъ», «похлебкою съ грибами и картофелемъ».—«Она и Яковъ были большими постниками и оба набожные».—Когда Т. М., подъ влияніемъ горя, «точно помѣшалась», В., увидѣвъ барыню «не въ себѣ», горько зарыдала и повалилась въ ноги:—«Матушка, Татьяна Марковна», «придите въ себя, сотворите крестное знаменіе!»—вопила она. «Въ это время В. съ Яковомъ почти не выходили изъ церкви, стоя на колѣняхъ». В. «обѣщалась сходить пѣшкомъ къ кіевскимъ чудотворцамъ, если барыня поправится». Когда барыня поправилась, В. «пошла къ о. Василию».—«Она слыхала, что добрые батюшки даже разрѣшаютъ отъ обѣта совѣмъ, по немощи, или замѣняютъ другимъ».—«Какъ я пойду?»—соображала В.:—«У меня и костей почти нѣтъ, все однѣ мякоти. Не дойду, Господи помилуй!»—«Я съ испуга обѣщалась», говорила В. отцу Василию: «думала, барыня помретъ. А она черезъ три дня встала. Такъ за что же я въ эту даль пойду?» «Другое дѣло, кабы барыня маялась въ постели мѣсяца три, да причастили ее и особоровали бы масломъ, а Богъ, по моей грѣшной молитвѣ, поднялъ бы ее на ноги, такъ я бы хоть ползкомъ доползла. А это она и недѣли не хворала!»—«Нельзя ли перемѣнить?» «Я постъ на себя наложила бы: мяса всю жизнь въ ротъ не стану брать, такъ и умру».—«А ты любишь его?»—«Нѣтъ, и смотрѣть-то тошпо».—Когда о. Василий рѣшилъ, чтобы она воздержалась полгода отъ кофе и каждый день питалась мясомъ. В. «вдохнула».—«Да, подумалось ей, и вправду

тяжело: это почти все равно, что въ Кіевъ идти». В. ушла отъ священника «очень озабоченная и съ другого дня послушно начала исполнять новое обща-ніе, со вздохомъ отворачивая носъ отъ кипящаго кофейника, который несли по утрамъ барынѣ».

Василиса («Обыкн. и ст.»).—Кухарка Любецкой.

Василій, о. («Обрывъ»).—Священникъ церкви въ Малиновкѣ. Марешка совѣтовала Райскому послушать «проповѣди о. В. о томъ, какъ надо жить, что надо дѣлать». Когда Василиса пришла къ о. В., «прося рѣшить ея сомнѣнія» (относительно даннаго ею объѣта, сходитъ въ Кіевъ, котораго она, «сидя тридцать лѣтъ на стулѣ», не могла выполнить), онъ сказалъ:—«Если общалась, какъ-же нейти?»—«Надо идти!» Когда же Василиса просила замѣнить ей паломничество:—«Я постъ на себя наложила-бы; мяса всю жизнь въ ротъ не стану брать, такъ и умру».—«А ты любишь его?»—«Нѣтъ и смотрѣть-то тошно! отвыкла отъ него». От. В. «улыбнулся». Онъ «задумался», какъ-бы «облегчить» Василису и, наконецъ, спросилъ, что она любитъ, какую пищу употребляетъ. Узнавъ, что Василиса «до кофе—охотница», сказалъ:—«Ну, такъ—воздержись отъ кофе, не пей!» а питаться ей велѣлъ «мясомъ». Василиса «взглянула на него, не смѣется-ли онъ». «Онъ точно смѣялся, глядя на нее».—«Вѣдь, ты не любишь его, ну, и принеси жертву».—«Какая же польза: оно скоромное, батюшка».—«Ты въ скоромные дни и питайся имъ! А польза та, что мякотей меньше будетъ. Вотъ тебѣ полгода срокъ: выдержи—и объѣтъ исполнишь».

Василій («Обыкн. И ст.»).—Лакей Петра Иваныча.

Василій Андричъ («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомый Бережковой.

Василій Никитичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Учитель Райскаго.

Васильевъ, Степанъ («Обрывъ»).—Староста въ Малиновкѣ.

Васюковъ («Обрывъ»).—Товарищъ Райскаго по школѣ; «тупой презираемый первыми учениками», «ни къ чему невнимательный, сонный, вялый», «не выучившій никогда ни одного урока», В. «былъ предметомъ постоянной пѣжности Райскаго (благодаря игрѣ В. на скрипкѣ). «Каждый день послѣ объѣда», В. «бралъ свою скрипку и, положивъ на нее подбородокъ, водилъ смычкомъ, забывая школу, учителей, щелчки». Во время игры В. становился «прекрасенъ».

Васильевъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова, переведенный «въ Польшу» (I, 1).

Ватрухинъ («Обрывъ»).—Уп. л. Випоторговецъ; его мадеру «въ два съ полтиной мѣдью», которую по словамъ Викентьева, В. «самъ дѣлаетъ», предпочиталъ всему Опенкинѣ.

Ватутинъ, Титъ Никоничъ («Обрывъ»).—См. Титъ Никоничъ В—ъ.

Ведерхель («Фрег. Пал.»).—Еврей.—Англійскій военный докторъ, служившій хирургомъ въ полку ост-индской арміи. «Съ перваго раза заставилъ подозрѣвать, что онъ не англичанинъ». Отзывался о своихъ соотечественникахъ—офицерахъ нелестно и удивлялся «скромности и знанію приличій» со стороны русскихъ. Самъ, «вина не пилъ вовсе», былъ воздерженъ въ пицѣ; прекрасно говорилъ по французски и «былъ самый любезный, образованный человекъ».

Вейнертъ («Фрег. Пал.»).—«Пожилой, русскій нѣмецъ («quasi-русскій»), долго жившій въ Москвѣ, въ качествѣ учителя музыки, или что-то въ этомъ родѣ; получилъ за службу пенсіонъ и удалился, по болѣзни, спачала куда-то въ Германію, потомъ на мысъ Доброй Надежды, ради климата». Былъ «болень, одинокъ» и «въ тоскѣ доживалъ свой вѣкъ». «Любилъ русскихъ» «и со слезами привѣтствовалъ, заглянувшихъ къ нему моряковъ. Пришелъ самъ въ гостиницу и, заставъ русскихъ за обѣдомъ, сказалъ:—«Сдраствуйте, каспода! и прибавилъ: карашо, карашо!» «Онъ по-русски помнилъ нѣсколько словъ, все остальное забыть», но «съ умиленьемъ смотрѣлъ на каждого», «не различая съ кѣмъ ужъ онъ видѣлся, съ кѣмъ нѣтъ, вздыхалъ, жалѣлъ, что уѣхалъ изъ Россіи, просилъ взять его съ собой»; «подъ конецъ обѣда, выпивъ нѣсколько рюмокъ

вина, совсѣмъ ослабѣлъ, плакалъ, говорилъ смѣсью разныхъ языковъ, примѣшивая безпрестанно, карашо, карашо». Когда всѣ разошлись, В. пошелъ къ хозяевамъ гостиницы и «хныкалъ, вздыхалъ», а «около него» «раздавались смѣхъ и разговоры».

Вельчь, mrs («Фрегат Пал.»).—Хозяйка «Welch's hotel» въ Калштатѣ. Довольно грузная старушка, «*non plus ultra* бѣлая, т. е. сѣдая»; постоянно держалась на второмъ планѣ, молча принимала, передаваемые ей Каролиной, фунты и со вздохомъ опускала въ карманъ.

Викентьева, Марья Егоровна («Обрывъ»).—См. Марья Егоровна Викентьева.

Викентьевъ, Николай Андреевичъ («Обрывъ»).—См. Николай Андреевичъ Викентьевъ.

Витбергъ («Превр. судьбы»).—Уп. л. Архитекторъ; задумалъ смѣлый планъ построить храмъ на Воробьевыхъ горахъ». См. въ Спискѣ Витбергъ.

Витуль («Фрегат Пал.»).—Вѣстовой П. А. Тихменева.

Виолончелистъ («Обрывъ»).—Сосѣдъ Райскаго, жившій во флигелѣ (въ Петербургѣ). «Каждое утро и каждый вечеръ видѣлъ Райскій въ окно человѣка, нагнушагося надъ инструментомъ, и слышалъ повтореніе по цѣлымъ недѣлямъ, почти неисполнимыхъ пассажей, по пятидесяти, по ста разъ. И мѣсяцы проходили такъ». «Осель!» отзывался Райскій о В., браня его упрямство, и прижимая ухо къ подушкѣ», чтобы не слышать «несноснаго мычанья». Но однажды Райскій услышалъ «не мычанье», не повтореніе «трудныхъ пассажей». «Сильная рука водила смычкомъ, будто по нервамъ сердца: звуки послушно плакали и хотали, обдавали слушателя точно морской волной, бросали въ пучину и вдругъ выкидывали на высоту и несли въ воздушное пространство.—«Что это такое? Откуда онъ взялъ эти звуки?—думалъ Райскій.—Кто ихъ далъ ему? «Ужели мѣсяцы и годы ослинаго терпѣнія и упорства». [Ср. скрипачъ въ «Об. Ист.», Васюковъ и Райскій въ «Обрывѣ» и любовь къ музыкѣ у Обломова].

Власть («Обрывъ»).—Дворовый Бережковой. См. Кирюшка.

Волковъ («Обломовъ»).—«Знакомый Ильи Ильича. Молодой человекъ, блестящій здоровьемъ, со смѣющимися щеками, губами и глазами. Зависть брала смотрѣть на него». «Онъ былъ одѣтъ и причесанъ безукоризненно, ослѣпляя свѣжестью бѣлыя, перчатокъ и фрака». На вопросъ Обломова, какъ онъ поживаетъ, В. отвѣтилъ: — «Я? Ничего: здорово и весело,—очень весело!» У него всѣ дни заняты обѣдами и вечерами.—«Утро считаешь, надо быть au sou-gant всего, знать новости».—«Слава Богу, у меня служба такая, что не нужно бывать въ должности. Только два раза въ недѣлю посижу, да пообѣдаю у генерала, а потомъ, поѣдешь съ визитами, гдѣ давно не былъ; ну, а тамъ... новая актриса, то на русскомъ, то на французскомъ театрѣ. Вотъ опера будетъ, я абонируюсь. А теперь влюбленъ... Начинается лѣто; Мишѣ обѣщали отпускъ; поѣдемъ къ нимъ въ деревню на мѣсяцъ, для разнообразія. Тамъ охота. У нихъ отличные сосѣди, даютъ bals champêtres. Съ Лидіей будемъ гулять, кататься въ лодкѣ, рвать цвѣты». Приглашалъ Обломова ѣхать на гулянье въ экипажѣ Лидіи и ѣсть устрицъ за счетъ Мишеля. Изумляется, какъ можно не быть въ Екаторингофѣ 1 мая, когда «тамъ всѣ». Обломову похвастался нарочно сшитымъ къ 1-ому мая рейтъ-фракомъ, новыми lacets (перчатками со шнурками, вмѣсто пуговокъ), привезенными изъ Парижа и подаркомъ Мишеля—брелокомъ въ видѣ визитной карточки, съ загнутымъ угломъ. Пристыдилъ Илью Ильича за его шлафрокъ, потому что такіе давно бросили носить». «Тончайшимъ батистовымъ платкомъ», пропитаннымъ «ароматами Востока», «небрежно обмахнулъ «свои лакированные сапоги», но у Обломова, «видя вездѣ пыль», «не положилъ никуда шляпы и остался на ногахъ».

Волочковъ («Обыкновен. Ист.»).—«Знакомый Александра Адуева. «Ничтожное и еще вдобавокъ злое животное», по мнѣнію раздраженнаго Александра.

Вытягушкинъ, Прокофій («Обломовъ»).—Староста Обломова. Доносилъ

«милостивому государю, его благородію, отцу и кормильцу, барской милости», Ильѣ Ильичу, что въ его «вотчинѣ все благополучно: пятую недѣлю нѣтъ дождей»;—«этакіи засухи старики не запомнятъ, писалъ В.: «яровое такъ и пахать, словно полимемъ; озимь ино мѣсто червь сгубилъ, ино мѣсто ранніе морозы сгубили»; подъ Иваловъ день три мужичка ушли; «другіе больно пьютъ и просятъ на оброкъ»; «въ недоимкахъ недоборъ». Послѣ изъявленія преданности, подписался такъ: «староста твой, всенижайшій рабъ П. В. собственной рукой руку приложилъ» и, за неумѣніемъ грамоты, поставилъ крестъ. (См. Д е м к а - К р и в о й).

Въра («О б р ы в ъ»).—Внучка Татьяны Марковны Бережковой, «лѣтъ двадцати двухъ,—можетъ быть, трехъ». У В. «чистыя, тонкія черты, изваянныя точно рукою великаго мастера». «Темные волосы», съ каштановымъ отливомъ лежали густою массою на лбу и на вискахъ, ослѣпительной бѣлизны съ тонкими синими жилками». На лицѣ, бѣломъ, даже блѣдномъ, «блескъ, теплый колоритъ жизни». «Бѣлизна лица матовая, съ мягкими около глазъ и на шеѣ тѣнями». «Глаза темные, точно бархатные, съ темными рѣсницами», «бархатный, черный» «бездонный» взглядъ». Онъ «то манилъ, втягивалъ въ себя, какъ въ глубину, то смотрѣлъ зорко и проницательно»; иногда этотъ взглядъ становился, «по выраженію Райскаго», «русалочнымъ», «глаза будто стеклянными, ничего не выражающими». Когда В. «улыбалась» или «смѣялась»,—«подбородокъ дрожалъ отъ улыбки» или «отъ смѣха».—«По временамъ, въ одну и ту-же минуту на лицѣ появлялось «двойное» выраженіе, но лицо ея «дышало правдою». «Голосъ ея не былъ звонокъ, какъ у Марейники: онъ былъ свѣжъ, молодъ, но тихъ, съ примѣсью грудного шопота». У В. «былъ не слишкомъ тонкій, но стройный при походкѣ волнующійся станъ»; «мяткій, неслышный, будто кошачій шагъ». Въ ней была «какая-то тайна»: «мелькала, не высказывающаяся сразу, прелесть въ лучѣ взгляда, въ внезапномъ поворотѣ головы, въ сдержанной граціи движений», было «что-то неудержимо прокрадывающееся въ душу во всей фигурѣ». Она «заманчива, таинственно-прекрасна, потому что въ ней прелесть... пряталась и раздражала воображеніе». В., по выраженію Райскаго, «вся—мерцаніе и тайна, какъ ночь—полная мглы и искръ, прелести и чудесъ». Это была «тонкая, умная красота», «язвительная красота», «перлъ по красотѣ всего края». «Красота красота и всяческая красота»,—говорилъ восторженный Райскій; «красота довольно рѣдкая»,—по признанію Марка Волохова.—Это было «изящное созданіе, взлѣлянное подъ крыломъ бабушки, въ уютномъ, какъ ласточкино гнѣздышко, уюткѣ... на которое вѣтерокъ не дохнулъ».

Въ «шесть лѣтъ съ небольшимъ» В. была «тоненькая», «смугленькая дѣвочка», «съ темно-карими» «вострыми глазами», «съ бѣленькими зубками и часто съ замаранными руками». «Она ужъ начинала немного важничать, стыдиться шалостей»: «скакнетъ два-три шага по-дѣтеки, и вдругъ остановится и стыдливо поглядитъ вокругъ себя, и пойдетъ плавно». «Если Борисъ тронетъ ее за голову, она сейчасъ поправитъ волосы; если поцѣлуетъ, она тихонько оботрется, схватитъ мячикъ, броситъ его раза два, а если онъ укатился, она не пойдетъ поднять его, а прыгнетъ, сорветъ листокъ и старается щелкнуть». Она упряма: если скажутъ пойдемъ туда, она не пойдетъ, или пойдетъ не сразу, а прежде покачаетъ отрицательно головой, потомъ не пойдетъ, а побѣжитъ и все вприпрыжку. Она не проситъ Райскаго рисовать: а если Марейника попроситъ, она пристальнѣй Марейники смотритъ, какъ рисуютъ, и ничего не скажетъ». «Рисунковъ и карандашей... тоже не проситъ». Когда Райскій играетъ на фортепіано, «Вѣрочка, не сморгнувъ, глядитъ на него во всѣ глаза, положивъ подбородокъ на фортепіано». «Плачетъ В. рѣдко и потихоньку, и если огорчатъ ее чѣмъ-нибудь, она дѣлается молчалива и не скоро приходитъ въ себя; не любитъ, чтобъ ее заставили просить прощенья... она молчитъ-молчитъ, потомъ вдругъ неожиданно придетъ въ себя и станетъ опять бѣгать вприпрыжку»; «побѣжитъ и тайкомъ, быстро, какъ птичка клонетъ, сорветъ вѣтку смородины, проворно спрячетъ въ ротъ и сдѣлаетъ пубы

смирно»; «а еще чаще срываетъ вороняшки, черную, приторно сладкую ягоду, растущую въ канавахъ и строго воспрещенную бабушкой, потому что отъ нея будто бы тошнить». Когда Райскій захотѣлъ посмотрѣть «старый домъ» и бабушка сказала просившейся съ нимъ Марейнкѣ: — «Куда ты, милая? Тамъ страшно—!» Марейнка испугалась,—В. ничего не сказала, но когда Борисъ «пришелъ къ двери дома, она уже стояла крѣпко прижавшись къ ней, боясь, чтобы ее не оттащили прочь и ухватясь за ручку замка». — [Со страхомъ и замираніемъ вошелъ Райскій въ прихожую и боязливо заглянулъ въ слѣдующую комнату]. «Вѣрочка только что ворвалась въ переднюю, какъ бросилась вприпрыжку впередъ и исчезла изъ глазъ, вскидывая далеко пятки и едва глядя по сторонамъ, на портреты.—«Куда ты, Вѣра, Вѣра?—кричалъ Райскій. Она остановилась и глядѣла на него молча, положивъ руку на замокъ слѣдующей двери. Онъ не успѣлъ дойти до нея, а она уже скрылась за дверью». Она «отворила одинъ шкафъ и сунула туда личико, потомъ отворила одинъ за другимъ ящики и также сунула личико». «Она походила на молодую птичку среди этой ветоши и не смущалась ни преслѣдующими взглядами портретовъ, ни сыростью, ни пылью, всѣмъ этимъ печальнымъ запустѣніемъ.—«Здѣсь хорошо, мѣста много!» сказала она, оглядываясь.—«Какъ тамъ хорошо вверху! Какія большія картины, книги!»—Подросши, В., вмѣстѣ съ Марейнкой, воспитывалась въ «пансіонѣ у французженки», m-me Мейеръ.

В. «страстная, нервная натура». — «Докторъ говоритъ, что я нервная, что меня надо беречь, не раздражать», пишетъ сама В. «Докторъ все о нервахъ твердитъ», говоритъ о ней бабушка:—«Не трогайте, не перечьте, берегите!»—«Занятій у нея постоянныхъ не было: читала, какъ и шила, она мимоходомъ и о прочитанномъ мало говорила. «Рисовать» и «играть на фортепьяно» она «не любила»; «иногда брала неопредѣленные безсвязные аккорды и къ нѣкоторымъ долго прислушивалась или когда принесутъ Марейнкѣ кучу нотъ, она брала то тѣ, то другія.—«Сыграй вотъ это,—говорила она:—теперь вотъ это, потомъ это»;—слушала, глядѣла пристально въ окно и болѣе къ проигранной музыкѣ не возвращалась». — «Нѣтъ, я не играю»,—отвѣтила она на вопросъ Райскаго. «Хозяйства» В. «не любила», «рукодѣлій»—то-же; «вышивать» не умѣла. Въ комнатѣ В.—«ничего не было»: «простая кровать съ большимъ занавѣсомъ, тонкое бумажное одеяло и одна подушка. Потомъ диванъ, коверъ на полу, круглый столъ передъ диваномъ, другой маленькій письменный у окна, покрытый клеенкой, на которомъ однако-же не было признаковъ письма, небольшое старинное зеркало» и простой шкафъ съ платьями. И все тутъ. Ни гравюры, ни книги, никакой мелочи». «Цвѣты? да, я люблю ихъ»,—говорила она Райскому. Люблю ихъ вонъ тамъ, въ саду, а не въ комнатѣ, гдѣ надо за ними ходить». — «И природу вообще?» — «Да, этотъ уголокъ, Волгу, обрывъ,—вонъ этотъ лѣсъ и садъ—я очень люблю!»—принесла она и взгляды ея покоились съ очевиднымъ удовольствіемъ на всей лежавшей передъ окнами мѣстности». Она «ни за что не разстанется съ старымъ домомъ»,—говорила Марейнка:—«она тамъ и живетъ, тамъ ей только и хорошо. Она умретъ, если ее увезутъ». Для В. «это—рай, гдѣ она узнала, что живетъ, не прозябаетъ». Она «любила гулять въ глуши», у «обрыва», «по скату берега»,—не тамъ, «гдѣ обыкновенно бываютъ другіе». У обрыва была ея «любимая скамья», гдѣ она любила сидѣть «одна» и «читать», или «мечтать», «думать». Она жила «въ бездѣйствіи», «праздно». «Не лѣнива, а ничего не дѣлаетъ»,—говоритъ о ней бабушка,—«ни спать, ни по канвѣ ни музыки не любить, ни въ гости не ѣздить,—такъ, уродилась такая!». «Но бывали случаи, какъ вдругъ В. охватывалась какой-то лихорадочной дѣятельностью и тогда она кипѣла изумительной быстротой и обнаруживала тѣму мелкихъ способностей, какихъ въ ней нельзя было подозревать: въ хозяйствѣ, въ туалетѣ, въ разныхъ мелочахъ. Такъ, однажды, изъ куска кисеи, часа въ полтора, сдѣлала два чепца, одинъ бабушкѣ, другой—Крицкой, съ тончайшимъ вкусомъ, работая надъ ними со страстью, съ адскимъ проворствомъ и одушевленіемъ; потомъ черезъ пять минутъ забыла объ

этомъ и сидѣла опять праздно». Иногда она какъ-будто прочтетъ упрекъ въ глазахъ бабушки и тогда особенно одолѣетъ ею дикая, порывистая дѣятельность». Она примется помогать Марейнкѣ по хозяйству, и въ пять-десять минутъ, «все порывами», «съ нервнымъ проворствомъ», передѣлаетъ бездну, возьметъ что-нибудь въ руки, быстро сдѣлаетъ, оставитъ, забудетъ, примется за другое, опять сдѣлаетъ, и выйдетъ изъ этого такъ же внезапно, какъ войдетъ». Бабушка иногда жалуется, что ей не управиться съ гостями, ропщетъ на Вѣру за дикость, за то, что В. ей не хочетъ помочь. В. хмурится и очевидно страдаетъ, что не можетъ перемочь себя и, наконецъ, неожиданно явится среди гостей—и съ такимъ веселымъ лицомъ, глаза теплятся такимъ радушіемъ, она принесетъ столько тонкаго ума, граціи, что бабушка теряется до испуга. Ее ставало на цѣлый вечеръ, иногда на цѣлый день, а завтра, точно оборвется: «опять уйдетъ въ себя, и никто не знаетъ, что у ней на умѣ или на сердцѣ».—Подъ вліяніемъ Марка, звавшаго къ «новому труду», В. соглашалась въ «необходимости труда», «она винила себя первая за бездѣйствіе и чертила себѣ, въ недалекомъ будущемъ, образъ простого, но дѣйствительнаго дѣла, завидуя пока Марейнкѣ въ томъ, что та приспособила свой досугъ и свои руки къ домашнему хозяйству, и отчасти къ деревнѣ. Она готовилась пока раздѣлить съ сестрой ея труды—лишь только, такъ или иначе, выйдетъ изъ тяжелой борьбы съ Маркомъ».

В.—«совсѣмъ дикарка... дикая нелюдимка»,—говорила о ней бабушка.—Она «чуждалась общества», «въ гости не ѣздила», однако она «не застѣнчива»; когда Райскій спросилъ ее при первомъ свиданіи:—«Послушайте, В., вы... боитесь меня?» Она не поняла его вопроса и глядѣла на него во всѣ глаза, почти до простодушія, несвойственнаго ея умному и пронизательному взгляду.—«Отчего вы не высказываетесь, скрываетесь?—началъ Райскій:—вы думаете, можетъ быть, что я способенъ... пошутить или небрежно обойтись... Словомъ, вамъ можетъ быть, дико: вы конфузитесь, робѣете...» Она смотрѣла на него съ язвительнымъ удивленіемъ и «онъ въ одно мгновеніе понялъ, что она не конфузится, не дичится и не робѣетъ». — «А я не знаю, чего надо бояться и потому, можетъ быть, не боюсь».—«Никого не боюсь»,—говорила она Райскому, и этого вашего волка—страсти тоже! Не стражайте напрасно.—«В. ничего не боится», говорила Марейнка. У В. гордый, независимый характеръ». «Гордое твореніе», «привыкшее жить своими силами,—хоть погибать, да жить ими». Она «скрытна»: «прячетъ свои тайны, уходитъ въ себя, царствуя безраздѣльно въ своемъ внутреннемъ мірѣ, чуждаясь общества, чувствуя себя сильнѣе всѣхъ окружающихъ». «Она очертила около себя кругъ, и ей не хотѣлось бы выходить изъ него». — «Меня оставляютъ въ покоѣ», «никто не переходитъ за эту черту, я такъ поставила себя и въ этомъ весь мой покой, все мое счастье».—«Я ничего никому не говорю: ни бабушкѣ, ни Марейнкѣ», говоритъ она Райскому. — «Бабушка не смѣетъ спросить ни о чемъ»,—жалуется Татьяна Марковна на В.:—«Нѣтъ, да нѣтъ, ничего не знаю, да не вѣдало». На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мной, а я не знаю, что у ней на умѣ, что она любитъ, что нѣтъ».—В. «не довѣряется мнѣ, прячется, молчитъ, живетъ своимъ умомъ». «Я не видала, чтобы она засмѣялась отъ души или заплакала бы. Если и размѣется, такъ прячетъ улыбку, точно грѣхъ какой. А чуть что не по ней, разстроена чѣмъ-нибудь, сейчасъ въ свою башню спрячется и переживаетъ тамъ и радость, и горе одна».—«Читаетъ—никогда не скажетъ что, и книги не покажетъ, не скажетъ даже, откуда достала». «Она поселилась одна въ старомъ домѣ и не любила, чтобы къ ней приходили въ старыи домъ. Даже бабушка не тревожила ее тамъ, а Марейнку она, безъ церемоніи, удаляла, да та и сама боялась ходить туда». Когда Райскій заставалъ В. тамъ, «она, очевидно, пережидала, не уйдетъ ли онъ и если онъ распологался подлѣ нея, она, посидѣвши изъ учтивости минутъ десять, уходила». И «гулять она любила тоже ходить «одна», не говоря никому куда идти».—«Богъ ихъ знаетъ, гуляютъ гдѣ-нибудь, вѣдь онѣ не говорятъ, куда идутъ», сказала Райскому Марина.—«Никогда?»—«Никогда, и спрашивать не велятъ, гнѣваются».—

«Ты бы спросила ее завтра, Марешенька, гдѣ она была?»—«Разсердится». — «Что же вы не спросите, куда ходитъ она (В.)?» спросилъ Райскій «бабушку». — «Какъ можно спросить: прогнѣваются! иронически замѣтила Татьяна Марковца: на три дня запрутся у себя. Бабушка не смѣй рта разинуть!»—«Бабушка и Марешенька очень безпокоились», сказала Райскій, встрѣтивъ В. послѣ такой прогулки.—«Что это имъ вздумалось? Никогда не безпокоились, а сегодня. Вы бы имъ сказали, что напрасно, что я никого не прошу безпокоиться обо мнѣ». — «Когда я стану погибать, такъ передъ тѣмъ попрошу у васъ или у бабушки позволенія». — По словамъ бабушки, «если В. и больна, такъ не узнаешь ее: ни пожалуется, ни лѣкарства не спроситъ, а только пуще молчитъ». — «Я знаю, что я свободна, и никто не вправе требовать отчета отъ меня». — «Я никого не боюсь, и бабушка знаетъ это и уважаетъ мою свободу», говоритъ В. — «Мой покой, мои досуги, моя комната, мои... красота и любовь... это все мое... и посягнуть на то или на другое, значить, ...посягнуть на чужую собственность или личность». — «Если не буду чувствовать себѣ свободы здѣсь» — говоритъ В. — «то... уѣду отсюда» (изъ своего «рая»). — «Я требую у васъ одного — покоя», говоритъ она Райскому. — «Я имѣю на него право, я свободна, какъ вѣтеръ, никому не принадлежу, никого не боюсь». — «Какая ты красная, Вѣра», сказалъ ей Райскій: — «Вездѣ свобода. Кто это пажужалъ тебѣ про эту свободу?.. это, видно, какой-то диллетантъ свободы. Этакъ нельзя попросить другъ у друга сигары или поднести тебѣ вотъ этотъ платокъ, что ты уронила подъ ноги, не сдѣлавшись крѣпостнымъ рабомъ». В. «не здѣшняя», отзывалась о ней Марешенька. — «Ей все скучно, она часто груститъ, сидитъ, какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь»... «Привязанностей у В., повидимому, не было никакихъ», — «такъ казалось наружно», — а проникать въ душу къ себѣ она не допускала. Она о бабушкѣ и о Марешенькѣ говорила спокойно, почти равнодушно. Марешеньку она любила «какъ ребенка, иногда, пожалуй, какъ собесѣдницу»; даже «немного пренебрегала ею». Узнавъ о сватовствѣ Викентьева, В. «подошла къ Марешенькѣ, пристально и ласково поглядѣла ей въ глаза, потомъ долго цѣловала ей глаза, губы, щеки. Положивъ ея голову, какъ ребенка, на руку себѣ, она любовалась ея чистотой, младенческой красотой и крѣпко сжала въ объятіяхъ». — «Ты должна быть счастлива!» — сказала она съ блеснувшими вдругъ и спрятавшимися слезами. — «А вѣдь она любитъ васъ, бабушка, Вѣра-то? спросилъ Райскій. — «Любитъ!» — съ увѣренностью сказала бабушка: — только по своему. Никогда не показываетъ и не покажетъ! А любить, — пожалуй, хоть умереть готова». — «Покой бабушки мнѣ дорогъ, дороже, нежели, м. б., она думаетъ...» сказала В. Но «бабушки В., какъ будто остерегалась», она слушалась ее, когда та вполне опредѣленно высказывала свою волю. — «Я давно въ долгу передъ ней», — говорила В. Марку. «Когда оно (горе) настанетъ» — говоритъ В. бабушкѣ — «и я не справлюсь одна... тогда я приду къ вамъ и ни къ кому больше, да къ Богу!» — «Сегодня, отсюда я пойду къ ней и расскажу все, рѣшила В. въ роковой вечеръ, въ бесѣдѣ съ Маркомъ. — Тушинъ былъ «другомъ» Вѣры. «Въ каждомъ ея взглядѣ и словѣ обращенномъ къ Тушину, Райскій замѣтилъ прежде всего простоту, довѣріе, ласку, теплоту, какой онъ не замѣтилъ у ней въ обращеніи ни съ кѣмъ, даже съ бабушкой и Марешенькой... Когда она глядѣла на Тушина, говорила съ нимъ, подавала руку — видно было, что они «друзья. Онъ «другъ», «въ лучшемъ и тѣсномъ смыслѣ слова». — «Иванъ Ивановичъ — человѣкъ, какими должны быть всѣ и всегда. Онъ что скажетъ, что задумаетъ, то и исполнитъ. У него мысли вѣрныя, сердце твердое — и есть характеръ. Я довѣряюсь ему во всемъ, съ нимъ не страшно ничего, даже сама жизнь» — говорила В. Райскому. В. «любила» Тушина, «только какъ человѣка», «общечеловѣческимъ чувствомъ, но главнымъ другомъ Вѣры считалась «Наталья Ивановна, жена священника», ея подруга по пансіону». Вѣра «любитъ» ее, по словамъ бабушки, «за то, что характера пѣтъ», «за гнѣбность, за податливость, за то, что та не выходитъ изъ ея воли». «Вѣрочкинъ взглядъ, даже капризъ — для нея святы. Чтѣ та сказала, то только и умно, и хорошо. Ну, Вѣрѣ это»

го и надо: ей не другъ нуженъ, а послушная раба. Вотъ она и есть: отъ этого она такъ и любить ее». Райскій, пріѣхавъ, съ перваго же свиданія «вдругъ», «предъявилъ свои права на ея красоту, свое удивленіе послѣдней, поклоненіе, восторги». В. «сначала небрежно», «а потомъ энергически отмахивалась отъ его настояній». —Онъ запугалъ и оттолкнулъ ее сперва своей «страстью» и тѣмъ, что хотѣлъ «проникнуть въ ея душу». Но, когда потомъ, онъ далъ ей слово, что постарается побѣдить страсть и «все сдѣлаетъ, чтобъ заслужить ея дружбу»,—В., мало-по-малу, «перестала бояться его, довѣрялась ему, не запиралась отъ него на ключъ»; просила смѣло у него книги и даже приходила сама за ними къ нему въ комнату; когда онъ, давая требуемую книгу, не удерживалъ ее, не напращивался въ «руководители мысли», не спрашивалъ о прочитанномъ, она сама иногда говорила ему о своемъ впечатлѣніи, но «тайнъ своихъ» она «не повѣряла», «никакой искренней своей мысли не высказывала,» «не обнаружила желанія, кромѣ одного, которое выразила категорически: это быть свободной».

Вѣра «самоувѣрена», считаетъ себя сильнѣе и «умнѣе» «окружающихъ». В. «всѣ, бояться»,—сдѣлалъ наблюденіе Райскій; она «покорила даже самовластную бабушку». Ее окружало «общее поклоненіе, удивленіе» другихъ. Предъ ней «робѣли» смѣлые мужчины, не смѣя бросить на нее нескромнаго взгляда, рискнуть любовью или комплиментомъ»; къ ней «робко обращались взгляды лучшихъ жениховъ». Тушинъ, «атлетъ по росту и силѣ, повидимому, невѣдающій никакихъ страховъ и опасностей, здоровякъ, робѣлъ предъ красивой слабой дѣвочкой, жался отъ ея взглядовъ въ уголъ, взвѣшивалъ свои слова при ней, очевидно сдерживалъ движенія»...—«Она мудреная такая—Богъ знаетъ—какъ приступить къ ней, какъ посвататься!» говорить бабушка. «Офицеры, совѣтники—давно потеряли надежду понравиться ей, и она съ ними почти никогда не говоритъ».

«Инстинктъ» у В. «шелъ далеко впереди опыта;» «предвидѣнія и предчувствія будущихъ шаговъ жизни даются острымъ и наблюдательнымъ умамъ вообще, женскимъ въ особенности, часто безъ опыта, предтечей которому у тонкихъ натуръ служить инстинктъ. Онъ готовитъ ихъ къ опыту, по какимъ-то намекамъ, непонятнымъ для наивныхъ натуръ, но явнымъ для открытыхъ, острыхъ глазъ»... У В. именно были такіе «открытые, острые глаза, которые способны при блескѣ молніи, разрѣзавшей тучи, схватить весь рисунокъ освѣщенной мѣстности и удержатъ въ памяти». «Она броситъ всего одинъ взглядъ на толпу, въ церкви, на улицѣ и сейчасъ увидитъ кого ей нужно, также однимъ взглядомъ и на Волгѣ она замѣтитъ и судно, и лодку въ другомъ мѣстѣ, и пасущихся лошадей на островѣ, и бурлаковъ на баркѣ, и чайку, и дымокъ изъ трубы въ дальней деревушкѣ. И умъ, кажется, у ней былъ такой же быстрый, ничего не пропускающій, какъ глаза». «Нѣсколько человѣкъ замѣняли ей толпу; тѣ, что другою соберетъ со многихъ встрѣчъ, въ многіе годы и во многихъ мѣстахъ,—давалось ей въ двухъ-трехъ уголкахъ, по ту и другую сторону Волги, съ пяти-шести лицъ, представляющихъ для нея весь людской міръ, и въ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ понятія у нея созрѣли и сложились въ болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ. «Она не теряла изъ вида путеводной нити жизни и изъ мелкихъ явленій, изъ немудреныхъ личностей, толпившихся около нея, дѣлала не мелкіе выводы». «Она по этой простой канвѣ умѣла чертить широкій, смѣлый узоръ болѣе сложной жизни, другихъ требованій, идей, чувствъ, которыхъ не знала, но угадывала, читая за строками простой жизни другія строки, которыхъ жаждалъ ея умъ и требовала натура». «Она брала изъ простой жизни около себя только одно живое, вѣрное, созидая образъ противоположный тому, за немногими исключеніями, что было около».—«У меня оружіе слабое»—говорила она Марку—«и только имѣетъ ту цѣну, что оно мое собственное, что я взяла его въ моей тихой жизни, а не изъ книгъ, не по наслышкѣ»... «Инстинктъ далъ ей въ области «сердечныхъ движеній», если не знаніе, то явное предчувствіе опыта и знанія. «Она знаетъ уже, что значитъ страстный взглядъ. влеченіе къ красотѣ, къ чему это ведетъ и когда и по-

чему поклоненіе, м. б. оскорбительно. Это «не невѣдающая зла невинность, какъ у Марейнки»,—В. «какъ нибудь угадала, или услѣдила, перспективу впечатлѣній, борьбу чувствъ и предузнаетъ ходъ и, м. б., драму страсти, и понимаетъ, какъ глубоко входитъ эта драма въ жизнь женщины»; «не все, конечно, В. знаетъ въ игрѣ или борьбѣ сердечныхъ движеній, но она, однако-же... понимаетъ, что тамъ таится цѣлая область радостей, горя, что умъ, самолюбіе, стыдливость, нѣга участвуютъ въ этомъ вихрѣ и волнуютъ человѣка». Къ «страсти» Райскаго относилась В. съ недовѣріемъ: никакой страсти не было — самолюбіе, воображеніе.—«Онъ не романтикъ»—сказала она Марку о Райскомъ,—«а поэтъ, артистъ.—«Я начинаю вѣрить въ него. Въ немъ много чувства, правды. Я ничего не скрыла бы отъ него, если-бъ у него самого не было ко мнѣ того, что онъ называлъ страстью». — «Вы сочинили себѣ страсть, вы только — умѣете краснорѣчиво говорить о ней, завлекать, играть съ женщиной»,—отвѣтила она Райскому. Въ то же время она обращается не къ кому иному, какъ къ Райскому съ просьбою «не покидать ее». — Отчасти по совѣту Марка она «не показываетъ ему истины», водить его. «Только что-бъ его немного охладить, я рѣшаюсь на эту глупую двойную роль... Лишь отрезвится, я сейчасъ скажу ему первая все и мы будемъ друзья...»—«Кто тебя развилъ такъ, В.?»—спрашиваетъ ее Райскій.—«...Откуда у тебя эти мысли (пониманіе характера увлеченій Райскаго), какъ ты узнала ходъ страстей?»—«Я хода страстей не знаю, но узнала васъ, вотъ и все,» отвѣчаетъ В.—«Кто тебя развиваетъ, ты вотъ что скажи? А ты все уклоняешься отъ отвѣта». — «Да вы сами. Я все изъ вашихъ разговоровъ почерпаю». — Райскій, въ «поэтическихъ», восторженныхъ краскахъ рисовалъ ей «красоту страсти», «одѣвая страсть», въ «фантастическій нарядъ». — «Нѣтъ, ничто въ жизни не даетъ такого блаженства, никакая слава, никакое щекотанье самолюбія, никакія богатства Шехеразады, ни даже творческая сила, ничто... одна страсть!.. Хотѣла бы ты испытать такую страсть, Вѣра?»—Она задумчиво слушала.—«Да, если она такова, какъ вы ее описываете, если столько счастья въ ней...» Она вздрогнула и быстро отворила окно. Маркъ «проповѣдывалъ ей свою теорію «страсти»-«влеченія». — «Я этого не понимаю,—этой птичьей жизни»,—сказала В. Марку.—«Не все ли равно вамъ, съ вашими понятіями о любви, найти себѣ подругу тамъ въ слободѣ или за Волгой въ деревнѣ?»—«Въ область мысли, знанія, В. вступила... недовѣрчивымъ и осторожнымъ шагомъ. Читала она книги въ библиотекѣ стараго дома, сначала отъ скуки, безъ выбора и системы, доставая съ полки, что попадется, потомъ изъ любопытства, наконецъ, нѣкоторыя съ увлеченіемъ. Скоро она почувствовала безцѣльность и бесплодность этого странствія по чужимъ умамъ, безъ руководящей нити. Она хитро наводила на разговоръ Козлова, почти не спрашивая и не показывая вида, что слушаетъ, и особенно никогда ни передъ кѣмъ не хвастаясь, что знаетъ то, или другое, чего не знаютъ окружающіе. Потомъ, съ повѣркой его взгляда, перечитывала книги опять и находила въ нихъ больше смысла и интереса. По просьбѣ молодого священника, возила книги ему и опять слушала, не дѣлаясь семинаристомъ, разсѣянно, его мысли и впечатлѣнія, высказанныя подъ вліяніемъ того или другого автора». Со священникомъ она читала «Спинозу», «Вольтера», «нѣкоторыхъ энциклопедистовъ». «Допли» и «до Фейербаха съ братіей... до социалистовъ и матеріалистовъ». «Послѣ всѣхъ пришелъ Маркъ— и внесъ новый взглядъ во все то, что она читала, слышала, что знала, взглядъ полного и дерзкаго отрицанія всего, отъ начала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и пороковъ. Онъ, съ преждевременнымъ триумфомъ, явился къ ней, предвидя побѣду, и ошибся». Она съ изумленіемъ увидѣла этотъ новый, вдругъ вырвавшійся откуда-то потокъ смѣлыхъ, иногда увлекательныхъ идей, но не бросилась въ него слѣпо и тщеславно, изъ мелкой боязни показаться отсталою, а также пытливо и осторожно стала всматриваться и вслушиваться въ горячую проповѣдь новаго апостола». — «Я слѣпо никому и ничему не хочу вѣрить, не хочу!»—сказала В. Марку:—«Я соглашаюсь съ вами въ томъ, что ка-

жется мнѣ вѣрно и честно, и если нейдѣ рѣшительно на эту вашу жизнь и на опыты, такъ это, п. ч. хочу сама знать и видѣть, куда иду». «Она добиралась въ проповѣди и увлеченіяхъ Марка до чего нибудь вѣрнаго и живого, на что можно опереться, что можно полюбить, что было такъ прочно, необманчиво въ старой жизни, которой, во имя этого, прочнаго, живого и вѣрнаго, она прощала ея смѣшныя вредныя уродливости, ея весь отжившій соръ. Она страдала за эти уродливости и отъ этихъ уродливостей мѣшавшихъ жить, чувствовала нерѣдко цѣпи и готова бы была, ради правды, подать руку пылкому товарищу, другу, пожалуй, мужу,—наконецъ... чѣмъ бы онъ ни былъ для нея,—и идти на борьбу противъ старыхъ враговъ, стирать ложь, мести соръ, освѣщать темные углы смѣло, не слушающая старыхъ, разбитыхъ голосовъ не только Тычковыхъ, но и самой бабушки, тамъ, гдѣ послѣдняя безусловно опирается на старое, вопреки своему разуму,—вывести, если можно, и ее на другую дорогу. Но для этого нужно было ей глубоко и невозвратно убѣдиться, что истина впереди».—Маркъ «манилъ впередъ образомъ какого то громаднаго будущаго, громадной свободы, снятіемъ всѣхъ покрывалъ съ Изиды, и это будущее видѣлъ чуть не завтра, звалъ ее вкусить, хоть часть, этой жизни, сбросить съ себя старое и повѣрить если не ему, то опыту. —«И будемъ какъ боги,» прибавлялъ онъ насмѣшливо». В. «задумывалась надъ всѣмъ, чѣмъ сама жила, и почувствовала новыя тревоги, новые вопросы, и стала еще жаднѣе прислушиваться къ рѣчамъ Марка. У нея даже бывали минуты, впрочемъ рѣдкія, когда она колебалась въ непогрѣшимости своихъ, собранныхъ молча, про себя, наблюденій надъ жизнью, надъ людьми, правилъ, которыми руководствовалося большинство.» «Она шла», вообще, «не самонадѣянно, а, напротивъ, съ сомнѣніями, не ошибается-ли она, не правъ-ли проповѣдникъ, нѣтъ-ли въ самомъ дѣлѣ тамъ, куда такъ пылко стремится онъ, чего-нибудь такого чистаго, свѣтлаго, разумнаго, что могло бы не только избавить людей отъ всѣхъ старыхъ оковъ, но открыть Америку, новый, свѣжій воздухъ, поднять человѣка выше, нежели онъ былъ, дать ему больше, нежели онъ имѣлъ. Она прислушивалась къ обѣщаннымъ имъ благамъ, читала приносимыя имъ книги, бросалась къ старымъ авторитетамъ, сводила ихъ про-себя на очную ставку,—но не находила ни новой жизни, ни счастья, ни правды,—ни чего того, что обѣщалъ, куда звалъ смѣлый проповѣдникъ. А сама все шла за нимъ, увлекаемая жаждой знать, что кроется за этой странной и отважной фигурой. Дѣло пока ограничивалось безпощаднымъ отрицаніемъ всего, во что вѣрить, что любить, на что надѣется живущее большинство. Маркъ клеймилъ это враждой и презрѣніемъ; но В. сама многого не признаетъ въ старомъ свѣтѣ. Она и безъ него знаетъ и видитъ болѣзни: ей нужно знать, гдѣ Америка?»—«Вотъ и весь вашъ отвѣтъ, Маркъ! («опять съ горы потянуло мертвымъ воздухомъ!»)—«кратко» сказала В. Волохову:—«все прочь, все ложь,—а что правда—вы сами не знаете.» «Ей прежде всего бросилась въ глаза зыбкость, односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умышленная ложь пропаганды, на которую тратились живыя силы, дарованія, бойкій умъ и ненасытная жажда самолюбія и самонадѣянности, въ ущербъ простымъ и очевиднымъ готовымъ уже правдамъ жизни, только потому, какъ казалось ей, что онѣ были готовыя.» «Иногда, въ этомъ безусловномъ рвеніи къ какой-то новой правдѣ, видѣлось ей только не у мѣнѣе справитъ ся съ старой правдой, бросающейся къ новой, которая давалась не опытомъ и борьбой всѣхъ внутреннихъ силъ, а гораздо дешевле, безъ борьбы и сразу, на основаніи только слѣплаго презрѣнія ко всему старому, не различавшаго стараго зла отъ стараго добра, и принималась на вѣру отъ непровѣренныхъ ничѣмъ новыхъ авторитетовъ, нивѣсть откуда взявшихся новыхъ людей—безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ.» Какъ «Маркъ ни бился развивать В., давать ей свои совѣты, по кто-то другой,—ея вѣра, по ея словамъ, да какой-то попъ изъ молодыхъ, да Райскій со своей поэзіей, да бабушка съ моралью, а еще болѣе—свои глаза, свой слухъ, тонкое чутье и женскіе инстинкты, потомъ воля—поддерживали ея силу и давали ей оружіе противъ его правды и окрашивали старую, обыкновенную жизнь и правду въ та-

кіо здоровые цвѣта, предъ которыми казалась и блѣдна, и пуста, и фальшива, и холодна та правда и жизнь, какую онъ добывалъ себѣ изъ новыхъ, казалось-бы, свѣжихъ источниковъ».

«Вглядѣвшись и вслушавшись въ проповѣдь Марка, во все, что онъ выдавалъ «за новыя правды, новое благо, новыя откровенія», она съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго—не ново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и не новые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой «цивилизации,» которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи. Отъ этого она только сильнѣе увѣровала въ послѣднее и убѣдилась, что... ученіе это есть единственный, непогрѣшительный, совершеннѣйшій идеалъ жизни, внѣ котораго остаются только ошибки.»—«Молча, глубоко глядѣла она (В. послѣ свиданія съ Волоховымъ) на смотрящій на нее, задумчивый взоръ образа. «Ужели онъ не пойметъ этого никогда и не воротится... сюда... къ этой вѣчной правдѣ?»—«Гдѣ истина?» спросилъ ее Райскій. В. отвѣтила, указывая на церковь:—«Вонъ тамъ... я это до него (до священника) знала...»—У нея «крѣпки», по словамъ Марка, «старыя понятія, мораль, долгъ, правила, вѣра.» [«Вы все еще, какъ цыпленокъ, прячетесь подъ юбки вашей насѣдки-бабушки: у васъ ея понятія о правдивности»]. В. убѣждена, что «у природы есть—законы, у людей—правила», что «любовь налагаетъ долгъ... жизнь налагаетъ другіе долги: безъ нихъ жизни нѣтъ». И даже «счастье ведетъ за собою долгъ». Любовь «соединяетъ людей на цѣлую жизнь», налагая обязанность, «за отданныя другъ другу годы счастья, платить взаимно остальную жизнь.» Жена должна быть «товарищемъ мужа на всю жизнь». «Женщины созданы, прежде всего, для семьи». Когда Маркъ, поцѣловавъ нѣсколько разъ ей руку, «потянулся поцѣловать ее въ щеку, она отодвинулась. Когда Райскій заявилъ ей:—«Мнѣ ничего не нужно: но ты сама должна знать какими другими глазами, какъ не жадными, влюбленными, можетъ мужчина смотрѣть на твою поразительную красоту...»,—В. не дала договорить ему, вспыхнула и быстро встала съ мѣста.—«Какъ вы смѣете говорить это?» сказала она, глядя на него съ ногъ до головы...—«Вы даже не понимаете, я вижу, какъ это оскорбительно! Осмѣлились бы вы глядѣть на меня этими «жадными» глазами, если-бъ около меня былъ зоркій мужъ, заботливый отецъ, строгій братъ?».

У В. остались «старыя прочныя понятія о жизни, о счастье», но «ей по плечу современныя понятія, пробивающіяся въ общественное сознаніе; очевидно, она черпнула» «другихъ идей, даже знанія». «Какъ ни старалась она таиться, но, по временамъ, проговаривалась какимъ нибудь, нечаянно брошеннымъ словомъ, именемъ, авторитетомъ въ той или другой сферѣ знанія». Она стояла «неизмѣримо выше круга, гдѣ жила», «окружавшей ея застарѣлости, деспотизма, грубости нравовъ». «Образъ мыслей ея былъ смѣлъ и свободенъ.» Она поставила задачей «выработать новую жизнь изъ старой». Слушая «проповѣди» Марка, В., «почти незамѣтно для нея самой, повѣрила искренности одностороннихъ и поверхностныхъ увлеченій собесѣдника и отъ недовѣрія перешла къ изумленію и участію.»—«Участіе привлекло меня на вашу сторону... Я изъ любопытства слѣдила за вами, позволила вамъ приходиться къ себѣ, брала у васъ книги—видѣла умъ, какую-то силу...» «Она увлеклась личностью Волохова, влюбилась въ него самого, въ его смѣлость, въ самое это стремленіе къ новому, лучшему, но не влюбила въ его ученіе...» Она осталась вѣрна старымъ, прочнымъ понятіямъ о жизни, о счастье», она «не шла, куда онъ ее звалъ; «боролась и незамѣтно, мало по малу, перешла сама въ активную роль: воротить и его на дорогу, уже испытаннаго добра и правды, увлечь сначала въ правду любви, человеческого, а не животнаго счастья, а тамъ и дальше въ глубину ея вѣры, ея надеждъ...» Она хотѣла «обратить» Марка «въ свою вѣру». «Я горячо приняла вашу судьбу—говоритъ она:—Я страдала не за одинъ темный образъ (вашей) жизни, но и за васъ самихъ, упрямо шла за вами, думала, что ради меня... вы пой-

мете жизнь, не будете блуждать въ одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ...» Она думала, что «введетъ новаго и сильнаго человѣка въ общество. Онъ уменъ, настойчивъ и если будетъ простъ и дѣятеленъ, какъ Тушинъ, тогда... и ея жизнь угадана. Она не даромъ жила.... А тамъ она не знала, что будетъ.» «Она надѣялась, что путемъ неусыпнаго труда, жертвъ, она мало-по-малу совершитъ чудо,—и наградой ея будетъ счастье женщины—быть любимой человѣкомъ, котораго угадало ея сердце», и у нея будетъ «другъ на всю жизнь». «Она была счастлива при этой мысли». Обратитъ Марка въ свою вѣру — «одно условіе моего счастья», говоритъ В.: «другого я не знаю и не желаю.» «Всякій разъ съ этой надеждой сходила она съ обрыва,» съ надеждой, что Маркъ «уступитъ старой. испытанной правдѣ,» что «они подадутъ другъ другу руки навсегда,» и «всякій разъ ошибалась.»—Цѣлый годъ они «спорили.»—«Всякій разъ, какъ мы наединѣ,—говоритъ ей Маркъ,— вы или спорите, или пытаете меня». Цѣлый годъ шла «борьба». Вопросъ о любви, о той «силѣ», которою она «думала побѣдить» Марка, былъ самымъ острымъ вопросомъ для В. «Теоріи любви на срокъ» Марка, она противопоставила вѣру въ «безсрочную» любовь, любовь на «цѣлую жизнь». Жена, по ея убѣжденію, должна быть «на всю жизнь» «товарищемъ мужа», «равнымъ» ему. «В. чувствовала, что сила ея дѣйствуетъ.»—«Съ весны» (это замѣтила и бабушка), съ начала «любви» своей, она, «такая странная, стала: «то повеселѣетъ, то задумается; часто капризничаетъ, иногда вспылитъ». Послѣ удачи съ Маркомъ, «за ея обыкновенной всендневной миной, крылась другая. В. усиливалась и притомъ съ трудомъ, скрадывать какое-то ликованіе, будто прятала блиставшую въ глазахъ, въ улыбкѣ зарю внутренняго удовлетворенія, которымъ, повидимому, не хотѣла дѣлиться ни съ кѣмъ... Недовѣрчивыхъ и недовольныхъ взглядовъ не замѣтно, а въ лицѣ, во всей ея фигурѣ тишина, невозмутимый покой, въ глазахъ появлялся иногда лучъ экстаза, будто она черпнула счастья». «Она была въ какомъ-то ненарушимо тихомъ торжественномъ покоѣ счастья или удовлетворенія, молча чѣмъ то наслаждалась, была добра, ласкова съ бабушкой и Марейнкой, и только въ нѣкоторые дни приходила въ безпокойство, уходила къ себѣ, или въ садъ, или съ обрыва въ рошу... А потомъ опять была равна; покойна».. Она «молиться начала» у «деревянной часовни»: «вся фигура ея, сжавшаяся неподвижно, затаенное дыханіе и немигающій, устремленный на образъ взглядъ—все было молитва». Она молилась передъ свиданіемъ съ Маркомъ о «невѣрующихъ», но прошло свиданіе, и В. «казалась» «такою, какъ всегда», «ничего особеннаго»: «взяла даже какую то работу, на которую и устремила вниманіе», «но бабушка замѣчала, что она продѣваетъ только взадъ и впередъ шелковину», а Райскій видѣлъ, что В. «въ иныя минуты вздрагиваетъ или боязливо поводитъ глазами вокругъ себя, поглядывая.. подозрительно на каждого». Прошло нѣсколько дней, В.—стала снова «не весела». Послѣ бесѣды съ Маркомъ, когда онъ сказалъ уходя, что «постарается не видаться больше» и «не обернется» «на зовъ ея сердца»—она стала «молчалива и грустна». Райскій «чаще прежняго заставлялъ ее у часовни молящуюся». «Она была покойна, смотрѣла свѣтло, съ тихой увѣренностью на лицѣ, съ какою то покорностью судьбѣ. «Посмотри, какимъ миромъ сіяетъ у тебя лицо: гдѣ ты почерпнула этотъ миръ? Тамъ?»—онъ указалъ на часовню.—«Гдѣ же больше?»—«Ты.. не ходишь, кажется, больше туда?—продолжалъ онъ, указывая къ обрыву. Она покачала головою.—«И не пойду»,—тихо сказала она. Однако, когда раздался черезъ минуту призывный выстрѣлъ—«она, какъ будто, испугалась, подняла голову, оцѣпенѣла, все слушая. Глаза у ней смотрѣли широко и неподвижно. Въ нихъ еще стояли слезы. Потомъ отняла у Райскаго руку и рванулась къ обрыву. Она остановилась на подорогѣ, приложивъ руку къ сердцу и опять слушала.»—«Пять минутъ назадъ ты была тверда, В...», сказалъ Райскій. «Она поглядѣла машинально на него, не слушая, и сдѣлала шагъ опять къ обрыву, но повернула назадъ и медленно пошла къ часовнѣ.—«Да, да,—шептала она: я не пойду. Зачѣмъ онъ зоветъ? Ужели въ эти дни совершился переворотъ?..—Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ онъ»... Она стала

на порогъ часовни на колѣни, закрыла руками лицо и замерла неподвижно», но когда раздался другой выстрѣлъ, она стремительно бросилась по лугу къ обрыву. — «Что, ежели онъ возвращается... если моя правда взяла верхъ? Иначе, зачѣмъ зовешь? О Боже!» думала она, «и едва касаясь ногами травы, понеслась по лугу, не оглянувшись назадъ и скрылась за деревьями сада, въ аллеѣ, ведущей къ обрыву». — Она вернулась «угрюмая», «и ни съ кѣмъ не сказала ни слова». — «А я все надѣялась... и надѣюсь еще.. безумная... Боже мой!» ломая руки, думала она. — «На другой день, утромъ рано», В. «дала Маринѣ записку и велѣла отдать (Марку) и принести отвѣтъ. Послѣ отвѣта стала веселѣе и, «попросившись у бабушки», уѣхала къ «Наталѣ Ивановнѣ», чтобъ «избавиться отъ этой горячки». Когда В. вернулась, то у нея были слезы на глазахъ»; «сквозь живой тонъ» Райскій слышалъ будто усталость, видѣлъ напряженіе скрыть истощеніе силъ». — «Она собираетъ послѣднія силенки, чтобы замаскироваться, уйти въ себя— это явно; но и въ себѣ ей уже тѣсно—чаша переполняется и волненіе выступаетъ наружу». Когда Райскій заявилъ, что «черезъ часъ уѣдетъ, она отвѣтила, «сильно схвативъ его за руку»:— «Не смѣйте, я не хочу!» «Вы мнѣ нужны». — «Страсть прекрасна: она кладетъ на всю жизнь долгій слѣдъ и этотъ слѣдъ люди называютъ счастьемъ!»—кто это проповѣдывалъ? А теперь бѣжать: нѣтъ! оставайтесь, вмѣстѣ кинемся въ эту бездну!... Вы меня учили любить, вы преподавали страсть вы развивали ее... — «Страсть прекрасна», твердили вы.— Ну вотъ она, любуйтесь». Райскій «не узналъ прежней В. Лицо блѣдное, исхудалое, глаза блуждали, сверкая злымъ блескомъ, губы сжаты. Съ головы изъ подъ косынки выпадали въ беспорядкѣ на лобъ и виски двѣ-три пряди волосъ, какъ у цыганки, закрывая ей, при быстрыхъ движеніяхъ, глаза и ротъ». — «Страсть—тигръ. Она рветъ меня. Помогите мнѣ жить, дайте той прекрасной страсти, отъ которой тянутся какіе то лучи на всю жизнь».... Дайте этой жизни, гдѣ она? Я, кромѣ огрызающагося тигра, не вижу ничего... Говорите, научите или воротите назадъ, когда у меня еще была сила!» «Гордая» В. «молила» Райскаго «защитить ее» отъ себя самой. — «Будьте подлѣ меня, не пускайте меня, заприте, если нужно, удержите силой... Вотъ до чего я дошла!— съ ужасомъ прошептала она, закинувъ голову назадъ въ отчаянны, какъ будто удерживала стонъ, и вдругъ выпрямилась...» — «Потомъ, тихо начала В. опять:— «никогда объ этомъ никому не поминайте, даже мнѣ самой»... Но, когда дня два Волоховъ не показывался, — нервы ея видимо упали». — «Мнѣ кажется, Вѣра, у тебя есть помощь сильнѣе моей и ты напрасно надѣялась на меня. Ты и безъ меня не пойдешь туда (къ обрыву)... сказалъ Райскій, подходя съ В. къ часовнѣ. «Она сдѣлала утвердительный знакъ головой и сама, кажется, во взглядѣ Христа искала силы, участія, опоры, опять призыва. Но взгляды этотъ, какъ всегда, задумчиво-покойно, какъ будто безучастно, смотрѣлъ на ея борьбу, не помогая ей, не удерживая ее...» В. вздохнула. — «Не пойду!»—подтвердила она тихо, отводя глаза отъ образа. Райскій не прочелъ на ея лицѣ ни молитвы, ни желанія. Оно было подернуто задумчивымъ выраженіемъ усталости, равнодушія, а, можетъ быть, тихой покорности». Вечеромъ грянулъ выстрѣлъ, — «она вздрогнула, быстро опустилась на стулъ и опустила голову». «Въ глазахъ былъ испугъ и тревога». Послѣ долгой борьбы съ самой собой, она «неслышно спустилась съ лѣстницы». «Она не шагала, а неслась». У обрыва ее остановилъ Райскій. «Она окаменѣла на мѣстѣ». — «Вѣра, куда, зачѣмъ?» — «Туда... въ послѣдній разъ, свиданіе необходимо—проститься,—шептала она со стыдомъ и мольбой»... — «Чтобъ разстаться, не надо видѣться,—сказалъ Райскій. — «Надо—и я увижусь! Часомъ или днемъ позже—все равно. Всю дворню, весь городъ зовите, хоть роту солдатъ, ничѣмъ не удержите!»... — «Братъ, заговорила она черезъ минуту нѣжно, кладя ему руку на плечо,—если вы когда нибудь горѣли, какъ на угольяхъ, умирали сто разъ въ одну минуту отъ страха, отъ нетерпѣнія... Когда счастье просится въ руки и ускользаетъ... и ваша душа просится вслѣдъ за нимъ... припомните такую минуту... когда у васъ оставалась одна послѣдняя надежда... искра... Вотъ это—

моя минута! Она пройдет—и все пройдетъ съ ней»...—«Она стала на колѣни подлѣ него»...—«Раздался третій выстрѣлъ. Она рванулась, но Райскій успѣлъ удержать ее за руку... Она начала биться у него на рукахъ, вырываясь, падая, вставая опять».—«Если... вамъ было когда-нибудь хорошо въ жизни, то пустите!.. Вы говорили, «люби, страсть прекрасна!»—задыхаясь отъ волненія, говорила она и вырывалась у него изъ рукъ:—«вспомните... и дайте мнѣ еще одну такую минуту, одинъ вечеръ... Христа ради! шептала она... Подайте и мнѣ эту милостыню... —И Тотъ, Кому мы молились вчера, что это послѣдній вечеръ... послѣдній! Я никогда не пойду съ обрыва больше... «Туда... взглянуть одинъ разъ... на «волка»... проститься... услышать его... м. б.... онъ уступить»... Когда Райскій снесъ ее съ обрыва и отпустилъ, «она быстро обернулась къ нему, обдала его всего широкимъ взглядомъ изступленнаго удивленія, благодарности, вдругъ опустилась на колѣни, схватила его руку и крѣпко прижала къ губамъ...—«Братъ! вы великодушны, Вѣра не забудетъ этого!»—сказала она и, взвизгнувъ отъ радости, какъ освобожденная изъ клѣтки птица, бросилась въ кусты».—Когда она увидѣла Марка и онъ взялъ ее за руку, «тревога ея мгновенно стихла, между ними началась опять «нескончаемая полемика», споръ «въ послѣдній разъ»: о «любви на срокъ» и «любви на всю жизнь». Маркъ требовалъ, чтобъ она «разсталась съ какими-то заученными убѣжденіями». Она отвѣчала: эти убѣжденія—сама жизнь. Я уже вамъ говорила, что живу ими и не могу иначе жить»... В. поняла, что «все кончено», что у нея нѣтъ силъ, ни уйти, ни удержать его! «Еслибъ удержала—что будетъ? не жизнь, а двѣ жизни, какъ двѣ тюрьмы, раздѣленные вѣчной рѣшеткой».—«Мы высказались... отдаю рѣшеніе въ ваши руки!»—проговорилъ глухо Маркъ.. Нѣтъ не могу—слышите, Вѣра, безрочной любви не общаю... Но я люблю васъ теперь больше всего на свѣтѣ! И если вы послѣ всего этого, что говорю вамъ,—кинетесь ко мнѣ... значить вы любите и хотите быть моей»...—«Навсегда вашей?»—спросила она тихо—и сама испугалась повисшей надъ нею тучи. Скажи онъ—«да», она забыла бы о непроходимой «разности убѣжденій», дѣлавшихъ изъ этого «навсегда»—только мостикъ на минуту, чтобъ перебѣжать пропасть и затѣмъ онъ рухнулъ бы самъ въ ту же пропасть»... Онъ молчалъ.—«Не знаю!» сказалъ онъ съ тоской и досадой.. Я знаю только, что буду дѣлать теперь, а не заглядываю за полгода впередъ... Если вы раздѣлите мою любовь, я останусь здѣсь, буду жить тише воды, ниже травы... дѣлать, что вы хотите... чего же еще? Или... уѣдемъ вмѣстѣ!».. вдругъ сказалъ онъ, подходя къ ней. Передъ ней будто сверкнула молнія. И она бросилась къ нему и положила ему руку на плечо. Ей неожиданно отворились двери въ какой-то рай. Цѣлый міръ улынулся ей и звалъ съ собой... «Съ нимъ, далеко гдѣ-нибудь», думала она. Нѣга страсти стукнулась тихо къ ней въ душу. «Онъ колеблется, не можетъ оторваться, и это теперь... Когда она будетъ одна съ нимъ... тогда, м. б. онъ и самъ убѣдится, что его жизнь только тамъ, гдѣ она»... Все это пѣлъ ей какой-то тихій голосъ.—«Уѣхать съ вами!»—повторила она мечтательно, глядя долго и пристально на него:—а потомъ?—«А потомъ... не знаю. Зачѣмъ это «потомъ»?.. Это дало ей силу рѣшиться. «Прощайте, Маркъ!»—вдругъ сказала она блѣдная, почти съ гордостью.—Я рѣшила.. Вы никогда не дадите мнѣ того счастья, какого я хочу. Дѣло кончено». «Оба встали съ мѣста блѣдные, стараясь не глядѣть другъ на друга». «Оба пошли молча по дорожкѣ, все замедляя шагъ, какъ бы чего-то другъ отъ друга ожидая. Обоихъ мучила одна и та же мысленная работа, изобрѣсти предлогъ замедленія. Оба понимали, что каждый со своей точки зрѣнія правъ, но все-таки безумно втайнѣ надѣялись, онъ—что она перейдетъ на его сторону, а она,—что онъ уступить... Но ихъ убивало, что это послѣднее свиданіе, послѣдній разъ, что черезъ пять минутъ, они будутъ чужіе другъ другу навсегда. Имъ хотѣлось задержать эти пять минутъ, уложить въ нихъ все свое прошлое и, еслибъ можно было, заручиться какой-нибудь надеждой на будущее! Но они чувствовали, что будущаго нѣтъ, что впереди ждала неизбѣжная, какъ смерть, одна разлука». «Вѣра припоминала всю жизнь и не нашла ни одной

такой горькой минуты въ ней. У нея глаза были полны слезъ. Теперь ея единственнымъ счастьемъ на мигъ—было бы обернуться, взглянуть на него хоть разъ и поскорѣе уйти навсегда, но, уходя, измѣрить хоть глазами—что она терять. Ей было жаль этого уносящагося вихря счастья, но она не смѣла обернуться: это было-бы все равно, что сказать да на его роковой вопросъ: «Взглянуть одинъ разъ, что онъ—и отвернуться навсегда, — колебалась она, стоя у подъема на крутизну». «Она стояла у подъема на крутизну, какъ будто не могла взойти на нее». «Потомъ... тихо обернулась назадъ и вздрогнула. Маркъ сидѣлъ еще на плетнѣ и глядѣлъ на нее.—«Маркъ, прощай!» вскрикнула она и сама испугалась собственнаго голоса; такъ много было въ немъ тоски и отчаянья». «Маркъ» «принялъ ея отчаянный нервный крикъ прощай, за призывъ—и поспѣшилъ на зовъ».—«Ты воротился... навсегда»?.. сказала В.—«Ты понялъ наконецъ.. о, какое счастье!.. Боже, прости». Она не договорила. Она была у него въ объятяхъ. Поцѣлуй его зажалъ ея вопль. Борьба «кончилась» «не побѣдой того или другого, а взаимнымъ пораженіемъ».

«Туча горя и ужаса», «невыразимой тоски», повисла надъ В.:—«Кончена жизнь!» шептала она съ ужасомъ и видѣла впереди одну голую степь, безъ привязанностей, безъ семьи, безъ всего того, изъ чего соткана жизнь женщины. Предъ ней только одна глубокая, какъ могила пропасть». «Ей хотѣлось бы непроницаемой тьмы, непробудной тишины вокругъ себя, чтобы глазъ ея не касались лучи дня, чтобы не доходило до нея никакого звука. Она будто искала новаго, небывалаго состоянія духа, нѣмоты и дремоты ума, всѣхъ силъ, чтобы окаменѣть; стать растеніемъ, ничего не думать, не чувствовать, не сознавать». «Еслибъ умереть!»—внезапно просіявъ отъ этой мысли, съ улыбкой, съ наслажденіемъ шепнула она. «Съ ужасомъ», съ отчаяньемъ она думала, что «ей предстояло стать лицомъ къ лицу съ бабушкой, и сказать ей:—«Вотъ чѣмъ, я заплатила за твою любовь, попеченія, какъ надругалась надъ твоимъ довѣріемъ... до чего дошла своей волей». Ей въ дремотѣ отчаянья снился взглядъ бабушки, когда она узнала все, брошенная на нее, ея голосъ,—даже не было голоса, а вмѣсто его какіе-то глухіе звуки ужаса и смерти». «Можетъ быть объ умремъ, помѣшаемся»,—сказала она Райскому,—«но я ее не обману, какія-бы ни были послѣдствія, ихъ надо не скрыть, а перенести». «Я замучаюсь, пока она не узнаетъ— а у меня еще много мукъ». «И это не главная», подумала она про себя. Отъ снисходительности бабушки, В. «охватилъ ужасъ». Ей казалось, какъ всегда, когда совѣсть тревожить, что бабушка уже угадала все и ея исповѣдь опоздаетъ».—«Тушинъ смотрѣлъ на В. какими-то особенными глазами». «Не узналъ-ли? не слыхалъ-ли?» шептала ей совѣсть. «Нѣтъ, пусть знаетъ и онъ! Пришли бы хоть новыя муки на смѣну этой ужасной пытки—казаться обманщицей!»—шептало въ ней отчаянье. И она сказала все Тушину. Ей казалось, что Василиса и Яковъ смотрѣли на нее сострадательно, Егорка дерзко, а горничныя насмѣшливо.—«Вотъ она, «новая жизнь!» думала она, потупляя глаза передъ взглядомъ Василисы и Якова, и сворачивая въ сторону отъ Егорки и горничныхъ. А никто въ домѣ, кромѣ Райскаго, не зналъ ничего». Но ей казалось, «...что она читала свою тайну у всѣхъ на лицѣ». Затѣмъ пришло новое мученіе. Когда Тушинъ и Райскій узнали «объ всемъ»—ихъ участіе, полное «уваженія», стало казаться ей «сострадательнымъ великодушіемъ». «Когда Татьяна Марковна (знавшая уже всю правду) смотрѣла на нее съ глубокою нѣжностью», «стала нѣжнѣе», чѣмъ когда либо, «удвоила ласки», «Вѣрѣ думалось», что это «женское глубокое сердце бабушки открылось состраданію: ей жаль карать В., «бѣдную, больную, покаяющуюся», «нищую». Гордость, человѣческое достоинство, права на уваженіе, цѣлость самолюбія—все разбито въ дребезги! Вѣра «ждала» отъ бабушки «и хотѣла «гнѣва, грома», строгаго суда, казни», чтобы бабушка не дарила бы ее лаской и нѣжностью, пока она нѣсколькими годами, работой всѣхъ силъ ума и сердца, не воротила бы себѣ права на любовь этой матери—тогда только успокоилась бы она, тогда настало бы искупленіе. или, по крайней мѣрѣ, забвеніе,

если правда, что «время все стираетъ съ жизни», какъ утверждаетъ Райскій». Въ состраданіи ей чудилось «невольное презрѣніе». У ней пропало даже прошлое пренебреженіе къ чужому мнѣнію. Ей стало больно упасть въ глазахъ даже и «глушцовъ», какъ выражался Маркъ; «ей стало жаль» прошлаго, «общаго поклоненія, теперь утраченнаго!»—«Что-жь, и приму (Христа ради прощеніе родственниковъ), ради Его—и смирюсь!» Но гдѣ же смиреніе? Смиреніе значить—выносить взглядъ укоризны чистой женщины, блѣднѣть подъ этимъ взглядомъ цѣлые годы, всю жизнь, и не смѣть роптать. И не буду!—думала она. Перенесу все... «Она хотѣла молиться и не могла. О чемъ она станетъ молиться?»—«Нельзя жить! Нѣтъ покоя и не будетъ никогда!» «Нельзя жить больше... все погубило!» Она упала безъ надежды встать.—«Молись и ты»—шептала ей бабушка.—«Молитесь вы за меня,—я не могу!»—«Плачь!» говорила бабушка.—«Нѣтъ слезъ, отвѣчала В. Бабушка «спасла В. отъ отчаянья», только «казнивъ себя», признавшись ей, что и она «такая же грѣшница», какъ и В. Исповѣдь бабушки она слушала въ изумленіи, сначала приняла за «героическій поступокъ», за «великодушный замыселъ», чтобы спасти ее, падшую, поднять».—«Зачѣмъ клеветешь на себя? «почти шигѣла» В., дрожа:—«чтобъ успокоить, спасти бѣдную Вѣру? бабушка, бабушка, не лги!» И убѣдившись, что бабушка говоритъ правду, —сказала ей:—«Ты святая женщина. Нѣтъ другой такой матери». В. повѣрила ей, и «стало тепло въ груди, легче на сердцѣ».—Бабушка «встала»,—и она можетъ «встать»; для этого, ей, Вѣрѣ, «надо быть бабушкой въ свою очередь, отдать всю жизнь другимъ и, путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда, начать «новую» жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва... любить людей, правду, добро... Все это вихремъ несло у ней въ головѣ и будто уносило ее самое, на какихъ-то облакахъ. Ей на душѣ становилось свободнѣе, какъ преступнику, которому расковали руки и ноги». «Она внутренно вставала на ноги, будто пробуждалась ото сна, чувствуя, что въ нее льется волнами опять жизнь, что тихо, какъ другъ стучить, миръ въ душу, что душу эту, какъ темный запущенный храмъ, освѣтили опять молитвами и надеждами. Могила обращалась въ цвѣтникъ». «Она теперь только поняла эту усилившуюся къ ней, послѣ признанія, вѣжность и ласки бабушки. Да, бабушка взяла ея неудобноносимое горе на свои старыя плечи, стерла своей виной ея вину и не сочла послѣднюю за «потерю чести». Съ бабушкой онѣ теперь не бабушка съ внучкой, а двѣ подруги, близкія, равныя, неразлучныя».—Она выплакала болѣзнь на груди бабушки.Послѣ этого «мучительныя скорби миновали», хотя «колоритъ и тоны прежней жизни измѣнились». В. «стала другою Вѣрою». Она усердно ушла въ домашнія хлопоты, особенно заботилась о приданомъ Марейньки, и принесла туда свой вкусъ и трудъ. Въ ожиданіи какого-нибудь серьезнаго труда, какой могла дать ей жизнь со временемъ, по ея уму и силамъ, она положила не избѣгать никакого дѣла, какое представится около нея, какъ-бы оно просто и мелко ни было—находя, что, подъ презрѣніемъ къ мелкому, обыденному дѣлу и, подъ мнимымъ ожиданіемъ или избобрѣтеніемъ какого-то новаго, еще небывалаго труда и дѣла, кроется у большей части просто лѣнь или неспособность, или, наконецъ, больное и смѣшное самолюбіе—ставить себя самихъ выше своего ума и силъ. Она рѣшила, что «дѣла» избобрѣтать нельзя, что оно само, силою обстоятельствъ выдвигается на очередь въ данный моментъ, и что такимъ естественнымъ путемъ, рождающееся дѣло только и важно, и нужно. Слѣдовательно, надо зорко смотрѣть около, не лежати праздно несдѣланное дѣло, за которымъ явится на очередь слѣдующее, по порядку, и не бросаться за какимъ-нибудь блуждающимъ огнемъ или «миражемъ»... Не надо пуще всего покладывать рукъ и коснѣть «въ блаженномъ успеніи», въ постоянномъ «отдыхѣ», безъ всякаго труда».—Гордость В. «была сломлена»; «одиночность силъ, при первомъ тяжеломъ опытѣ, оказалась несостоятельною». «Она поплатилась своею гордостью, и вдругъ почувствовала себя, въ минуту бури, безсильною, а, когда буря ушла,—жалкой, безпомощной сиротой и протянула, какъ младенецъ, руки къ людямъ». И внѣшній видъ В. измѣнился. «Безсознатель-

ноо блистаніе молодости и красоты, разливающей яркіе и горячіе лучи вокруг себя, исчезло». Она ходила уже «не прежнимъ ползучимъ шагомъ, не съ волнующимся при походкѣ станомъ, а тихой, ровной поступью»; «горячіе живые тоны въ лицѣ замѣнились прозрачной блѣдностью». «Въ глазахъ ея было меньше блеска». —Томная печаль, глубокая усталость смотрѣла теперь изъ ея глазъ». «Въ улыбкѣ не было гордости, нетерпѣливыхъ, едва сдерживаемыхъ молодыхъ силъ. Кротость и грусть тихо покоились на ея лицѣ и вся стройная фигура ея была полна задумчивой, нѣжной граціи, унылаго покоя» — «Это лилія! гдѣ прежняя Вѣра? Которая лучше: та или эта»? думала Райскій, протягивая ей въ умиленіи руки». Она измѣнилась и къ своимъ близкимъ. Прежде В. дарила довѣріе, какъ будто изъ милости, только своей подругѣ. «Теперь она шла искать помощи съ поникшей головой, съ обузданной гордостью, почувя рядомъ силу сильнѣе своей и мудрость мудрѣе своей самолюбивой воли. Она, послѣ обрыва, «поняла Райскаго», — когда онъ бросилъ ей букетъ померанцевыхъ цвѣтовъ въ окно, — В. «поняла, что этотъ ударъ не могъ быть нанесенъ равнодушной рукою». — «Я повѣрила, что ты любишь меня, — говоритъ она Райскому. Тутъ только представилось мнѣ, что ты вытерпѣлъ въ эти недѣли, вчера»... Когда онъ пришелъ къ ней, полный раскаянія въ своемъ поступкѣ, утромъ послѣ «обрыва» и она услышала его слова, произнесенныя «угасшимъ голосомъ», увидѣла его блѣдное лицо, она, казалось, читала или угадывала смыслъ этого новаго лица, — «новаго Райскаго», — была «въ эту секунду всю свою бурю». Она видѣла на другомъ лицѣ такое же смертельное страданіе, какое жило въ ней самой. — «Братъ, что съ тобой? Ты несчастливъ? — сказала она, положивъ руку ему на плечо, — и въ этихъ трехъ словахъ и въ голосѣ ея — отозвалось, кажется, все что есть великаго въ сердцѣ женщины: состраданіе, самоотверженіе, любовь». — «Едва говоря, очевидно, дѣлая надъ собою усиліе», В. старалась «немного успокоить» его, «впадавшего въ отчаяніе». — «Идя оттуда... хотѣла послать за тобой», — говоритъ В., — чтобы тебѣ первому сказать всю исторію... искупить хоть немного все, что ты вытерпѣлъ... но ты поторопился». «Она требуетъ отъ него, какъ отъ друга и брата, помощи, важной услуги» — «передать все бабушкѣ». Въ теченіи «новой жизни», она «привязалась» къ Райскому: — «Братъ, «если скука опять будетъ одолевать тебя, заглянешь-ли ты сюда, въ этотъ уголокъ, гдѣ тебя теперь понимаютъ и любятъ»? — шепнула она ему при его отъѣздѣ. В. «поняла» и бабушку: «она теперь только почувствовала, какъ глубоко вонзился ножъ и въ ея, и въ чужую, но близкую ей жизнь, какъ страдаетъ за нее эта трагическая старуха». — «Она за что? Она — святая!» В. «заболѣла» отъ мученій; «очнувшись на груди этой своей матери, въ потокахъ слезъ, безъ словъ, въ судорогахъ рыданій, изливала В. свою исповѣдь, раскаяніе, горе, всю вдругъ прорвавшуюся силу страданій». — «Мать моя, прости меня»... шептала она... «Я не слухала васъ... — Богъ покараетъ меня за васъ»... — «Если-бъ я тебя знала, вышла-ли бы я изъ твоей воли»? — Съ бабушкой она теперь — мечтала потомъ В. — не бабушка съ внучкой, а двѣ подруги, близкія, равныя, неразлучныя». «Она даже нечаянно начала ей говорить ты..., когда заговорило прямо сердце, забывшее холодное въ, и она оставитъ за собой это право». — «Бабушка, — сказала она: — ты меня простила, ты любишь меня больше всѣхъ, больше Марейнки, — я это вижу! А видишь-ли, знаешь-ли ты, какъ я тебя люблю? Я не страдала-бы такъ сильно, если-бъ такъ-же сильно не любила тебя! Какъ долго мы не знали съ тобой другъ друга!» «Ты сама чувствуешь, бабушка, что ты сдѣлала теперь для меня: всей моей жизни недостанетъ, чтобы заплатить тебѣ... дай мнѣ только обожать твои святыя сѣдины и благословлять всю жизнь!» — Онѣ поняли обѣ «другъ-друга». Только чувства В. къ Тушину остались неизмѣнны. Тушинъ (когда В. хотѣла открыть ему свою «бѣду», — чтобы не лишиться «прелести его дружбы») невѣрно истолковавъ ея волненіе объяснился ей въ любви. — «Я люблю васъ»... сказалъ онъ. — «Ну, я знаю, отвѣтила В. — «И я васъ тоже... что за новость! «Мы старые друзья»... Нѣтъ Вѣра Васильевна, люблю еще, какъ женщину»... Она вдругъ выпрямилась и окаменѣла,

почти не дыша»...—Бѣдный Иванъ Ивановичъ, и вы! сказала она.—«Боже мой! За что вы будете пить мою чашу»!..—Вы знаете, ...какъ я дорожила вашей дружбой,—сказала В., и скрыть отъ васъ («бѣду»),—это было-бы мукой для меня. Теперь мнѣ легче,—я могу смотрѣть вамъ прямо въ глаза, я не обманула васъ»...—«Я позвала васъ, чтобы... видѣть васъ въ этой тревогѣ. Когда вы тутъ—будто покойнѣе», говорила она ему, вызвавъ его послѣ письма Марка. Во время бесѣды, В. «угадала, что Тушинъ «во второй разъ скатился съ своего обрыва надеждъ», и «ея сердце, женскій инстинктъ, дружба, все бросилось на помощь бѣдному Тушину, и она не дала рухнуть окончательно всѣмъ его надеждамъ, удержавъ одну, какую только могла дать ему въ своемъ положеніи—это безграничное довѣріе и уваженіе». И она довѣрила ему, вмѣсто себя, переговоры съ Маркомъ.

Со «страстью» В. къ Марку все было кончено подъ обрывомъ. Письмо Марка, присланное В. на другой день,—она не прочитала: «посмотрѣла на него съ минуту, подумала—и рѣшительно бросила» «нераспечатаннымъ въ столъ»; «взглянувъ» на второе его письмо, В. «оцѣпенѣла, какъ будто отъ изумленія и съ минуту не брала его изъ рукъ Якова». Когда Яковъ ушелъ, она оперлась локтями на столъ и закрыла руками лицо.—«Какая казнь! Кончится-ли это истязаніе?—шептала она въ отчаяніи». Она глядѣла на этотъ синій пакетъ съ знакомымъ почеркомъ, не торопясь сорвать печать—не отъ страха оглядки, не отъ ужаса звуковъ «тигра». Она, какъ будто со стороны, смотрѣла, какъ ползеть мимо нея этотъ «удавъ» (страсть, по выраженію Райскаго), еще недавно душившій ее страшными кольцами и сверканье чешуи не ослѣпляетъ ея больше». «Знай онъ, (Маркъ), какой переворотъ совершился наверху обрыва, онъ бы, конечно, не написалъ».—«Что дѣлать! Какого отвѣта можетъ онъ ждать, когда мы разошлись навсегда? Ужели вызываетъ?... Нѣтъ, не смѣть!.. А если вызываетъ?.. Она вздрогнула. Она заглянула себѣ въ душу, и тамъ подслушивала, какой могла-бы дать отвѣтъ на его надежду и опять вздрогнула.—«Нельзя сказать этого отвѣта», думала она: эти отвѣты не говорятся... Если онъ самъ не угадалъ его—отъ меня никогда не узнаеть!»—У меня одинъ отвѣтъ: не могу, силъ нѣтъ, ничего нѣтъ во мнѣ!» «ничего не хочу, не осталось въ сердцѣ ничего».—Бабушка? «развѣ ты не знаешь, что тутъ все рѣшено давно»?—сказала она Татьянѣ Марковнѣ.—«Я ничего не хочу, я едва хожу—и если дышу свободно и надѣюсь ожить, такъ это при одномъ условіи,—чтобъ, мнѣ ничего не знать, не слышать, забыть навсегда... А онъ напомнил! Зоветъ туда, манитъ счастьемъ, хочетъ вѣнчаться!.. Боже мой»!..—Она съ отчаяніемъ пожала плечами.—«Бабушка! Я ничего не хочу! Пойми одно: если-бъ онъ какимъ-нибудь чудомъ переродился теперь, сталъ тѣмъ, чѣмъ я хотѣла прежде, чтобъ онъ былъ,—еслибъ сталъ вѣрить во все, во что я вѣрю,—полюбилъ меня, какъ я... хотѣла любить его,—и тогда я не обернулась-бы на его зовъ»... «Я бы не была съ нимъ счастлива: я не забыла-бы прежняго человека, никогда и никогда не повѣрила-бы новому человекѣ. Я слишкомъ тяжело страдала.. Какая страсть устоитъ передъ этими страданіями? Развѣ можно повторять такую ошибку!.. Во мнѣ ничего больше нѣтъ... Пустота—холодъ, и еслибъ не ты—отчаянье»... «Я не жалуюсь тебѣ на него. Никогда не забывай, что я одна виновата во всемъ.. Онъ не знаетъ, что произошло со мной и оттого пишетъ». И въ отвѣтъ на письмо Марка, она написала лаконически: «я не была и не буду счастлива съ вами и послѣ вѣнчанія, я не увижу васъ никогда. Прощайте».

К р и т и к а: 1) «Поэзія прошлаго слилась съ поэзіей вѣчнаго въ образѣ Вѣры. Трагизмъ ея положенія заключается въ томъ, что она не принадлежитъ всецѣло ни прошлому, ни настоящему. Она стоитъ между ними и не хочетъ примирить ихъ, и жаждетъ не созданнаго будущаго».—Передъ бабушкой она искренно готова защищать Волохова, передъ Волоховымъ—бабушку. Если бы она могла соединить новую правду Марка съ тѣмъ вѣчнымъ, чѣмъ она дорожитъ въ прошломъ человечества! Но ни бабушка, ни Волоховъ не понимаютъ ея, и она знаетъ, что они никогда не поймутъ. Вотъ почему она такая скрытная и нелюдимая, не смотря на всю бездну любви, заключенной въ ея сердцѣ». [Мережковскій. Соч. т.

XIII, стр. 259—260]. 2) В.—«типъ новой женщины»,—съ особенной любовью обрисована Гончаровымъ, замѣчаетъ Острогорскій. В., какъ характеръ, гораздо сложнѣе и глубже всѣхъ героинь Гончарова. [«Этюды]. 3) Эта «новая женщина» была встрѣчена съ нескрываемой злобой, нѣкоторыми «литературными судьями». Такъ одинъ изъ нихъ—Нелюбовъ—отмѣчалъ «ничтожество» ея характера, несоотвѣтствіе его съ тѣмъ «значеніемъ и вѣсомъ», которое ему придано въ романѣ». («Р. Вѣстн.» 1869 г.). Другой критикъ, А. К. Головинъ, считаетъ В. «эгоисткой въ душѣ»: «въ цѣломъ романѣ у нея не проявляется ни одной сердечной искры»— («Р. романъ и р. общество»). Эти «образцы критическаго недомыслия» характерны столько же сами по себѣ, сколько и п., ч. они до сихъ поръ воскрешаются, и приводятся, безъ всякихъ комментаріевъ, въ сборникахъ крит. статей о Гончаровѣ, предназначенныхъ для обращенія среди широкаго круга читателей, преимущественно учащихся.

Г.

Г. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Гошкевичъ, О. А.

Г—ичъ («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Гошкевичъ, О. А.

Гарасьна («Обрывъ»).—Дворовый Бережковой.

Гастуринъ, Андрей Герасимовичъ («На родинѣ»).—«Ласковый, баловникъ старичекъ». «Простой, неученый, но добрый, всѣми любимый, деревенскій житель», «сверстникъ и близкій знакомый Якубова. «Не выпускалъ изо рта большой пенковой трубки. Онъ весь почернѣлъ и какъ то прогорѣлъ отъ солнца и отъ табаку». Жилъ «почти безвыѣздно» въ своей деревнѣ; пріѣзжалъ «въ губернский городъ въ три года разъ на дворянскіе выборы, но совсѣмъ не затѣмъ, чтобы «его» выбирали, а, напротивъ, чтобы не выбирали». По словамъ Бравина,—когда мы хотимъ повидаться съ ними (т. е. съ Гастуринымъ и Козыревымъ), стоитъ только написать, что ихъ намѣрены баллотировать: сейчасъ же бросаютъ свои захо-лустья и пріѣдутъ просить, чтобы не выбирали»; пріѣзжая въ городъ, обыкновенно останавливался у Якубова; по утрамъ пилъ чай или кофе въ постели; въ полдень завтракалъ, а «послѣ завтрака опять забирался въ постель». Такъ Г. «заставали и гости»; рѣдко только, въ дни выборовъ, натягивалъ на себя допотопный фракъ, «чтобъ ѣхать въ дворянское собраніе».

Гвоздевъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Купецъ. Хозяинъ ренскогого погреба. Стоя у себя на порогѣ лавки, съ восторгомъ смотрѣлъ вслѣдъ «двумъ прогуливающимся «дѣвицамъ-сиротамъ». Всякій разъ при проходѣ ихъ «онъ низко раскланивался, чѣмъ дѣвицы весьма обижались. Чего-чего онъ ни дѣлалъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе! На Святой недѣлѣ, онъ купилъ гдѣ-то на Невскомъ проспектѣ, въ иностранномъ магазинѣ, яйцо такой чудовищной величины, что ахнулъ весь домъ. Онъ доверху набилъ яйцо конфетами и принесъ къ сестрамъ-дѣвицамъ, чтобы похристоваться съ ними». «Когда у него были занятія въ погребѣ, онъ высылалъ вмѣсто себя мальчика, и тотъ давалъ ему знать немедленно, лишь только сестры показывались на тротуарѣ».

Генераль («Литер. Веч.»).—Военный генераль. Хорошій знакомый Уранова, Сухова и Бебикова, «съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ и въ службѣ, и въ обществѣ». Они четверомъ составляли собой свой «тѣсный кружокъ». Еще не старый, крѣпкій, здоровый человекъ, «съ бодрой осанкой и простымъ, но энергическимъ выраженіемъ лица. Онъ былъ извѣстенъ, какъ отличный боевой генераль и вмѣстѣ хорошій администраторъ по военной части»; считалъ себя принадлежащимъ «къ высшему кругу». Когда Кряковъ заявилъ, что «высшаго круга нѣтъ на свѣтѣ», Г., обращаясь къ Уранову и Сухову, спросилъ:—«Какъ же это такъ нѣтъ! А всѣ твои (Уранова) сегодня гости, мы какого же круга?» «На литературу смотрѣлъ нѣсколько съ боевой точки зрѣнія, читая, что попадется, въ видѣ отдыха, а чаще и вовсе не читая». За ужиномъ,

однако, «похвалилъ» романъ Бебикова, сказавъ:—«Хорошо, очень хорошо! я съ удовольствіемъ слушалъ!»—«Теперь что-то не пишутъ такъ!» Пояснилъ свои слова: «такъ пріятно, плавно, по-русски, чтобы всякій понималъ! Возьмешь книгу или газету—и не узнаешь, русскую или иностранную грамоту читаешь! Объективный, субъективный, эксплуатация, инспирация, конкуренция, интеллигенция—такъ и погоняютъ одно другое! Въмѣсто швейцара пишутъ себѣ портье, вмѣсто хозяйка или покровительница—патронесса! Еще выдумали слово игнорировать!» Во время ужина отмѣчалъ съ неудовольствіемъ въ рѣчахъ собесѣдниковъ иностранныя слова, когда же слышалъ смѣшанную русско-французскую рѣчь, замѣчалъ:—«Что вѣрно пороха не хватило, такъ давай изъ Франціи выписывать!» Къ недостаткамъ, «хвалимало» имъ, романа Бебикова относилъ то, что и въ немъ «попадаются то иностранныя, то мудренныя слова»; но самъ былъ пойманъ Суховымъ, когда обмолвился словомъ—«салютую».—«Это казенное, значитъ, можно», «отвѣчалъ генераль», но тутъ же, увлекшись, опредѣлилъ военное званіе по-французски:—*c'est une vocation comme une autre!*». Въ своемъ комитетѣ, по словамъ Сухова, «все вздорилъ» съ противниками, но мечталъ о томъ, если бы «всѣмъ дружно да мирно идти однимъ путемъ, рука въ руку». Во время спора профессора съ Кряковымъ, когда профессоръ заявлялъ, что сейчасъ перестанетъ говорить, ибо видить «явные знаки цетерпѣнія» со стороны Крякова, Г. вставилъ «мѣткую фразу» и сказалъ «храбро», «по военному»:—«Ничего, продолжайте! вѣдь и поданная къ крыльцу лошадь ржетъ и бьетъ копытомъ отъ петерпѣнія... но на это никто не смотритъ!» Въ концѣ концовъ, подобно Красноперову, возсталъ противъ напускного пренебреженія къ представителямъ военной профессіи.—«Нѣтъ, возставали и возстаютъ,—спорилъ генераль:—гдѣ можно задѣтъ, осмѣять, брызнуть перомъ въ офицера—и брызнуть: Мнѣ случилось самому нерѣдко читать, да и отъ многихъ военныхъ слышалъ—тоже жалуются. Или—говорять—молчать совсѣмъ, какъ будто военныхъ и на свѣтѣ нѣтъ! обходятъ и въ газетахъ, и въ повѣстяхъ, и на сценѣ—это что значитъ? Пренебреженіе! Мы-де васъ и знать не хотимъ». Послѣ защиты военныхъ со стороны Чешнева, «генераль всталъ съ бокаломъ въ рукѣ».—«Хотя я и воинъ, но такъ мужественно и искусно сразиться за военныхъ не сумѣлъ бы. Позвольте выпить за ваше здоровье?—сказалъ онъ». О Кряковѣ, съ которымъ Г. спорилъ, послѣ его ухода, отозвался:—«А я вижу что онъ добрый малый, воля ваша!»

Генераль-Губернаторъ («Фрег. Пал.»).—См. Бонэмъ, сэръ.

Гокейнсы («Фрег. Пал.»).—См. Баніосы.

Горбатова, Марья Павловна («Обыкн. яст.»).—Уп. л. Тетушка Александра; «старая дѣвка», по выраженію Петра Иваныча. Изъ любви къ старшему Адуеву «обрекла себя на незамужнюю жизнь» и чувствуетъ «себя весьма счастливою». Называетъ сама себя «бѣдной страдалицей», «которая удалилась отъ свѣта» и «леть слезы», «вспоминая счастливое время». «Мысль», «что вы сохранили къ намъ ко всѣмъ прежнія чувствованія среди роскоши и удовольствій великолѣпной столицы», «служить бальзамомъ для моего страждущаго сердца», пишетъ она Петру Иванычу. Считаетъ, что ничего не «можетъ быть святѣе дружбы и вѣрности». «Терпѣть» не можетъ «предразсудковъ». «Разсказывала Александру каждый день, за утреннимъ чаемъ, и за ужиномъ, на сонъ грядущій, по интересному факту «изъ «исторіи любви Петра Иваныча къ ней. Въ письмѣ къ Петру Иванычу писала: «По гробъ жизни буду помнить, какъ мы вмѣстѣ гуляючи около нашего озера, вы, съ опасностію жизни и здоровья, влѣзли по колѣно въ воду и достали для меня въ тростникѣ большой желтый цвѣтокъ, какъ изъ стебелька онаго текъ какой-то сокъ и перемаралъ намъ руки, а вы почерпнули картузомъ воды, дабы мы могли ихъ вымыть; мы очень много тогда этому смѣялись. Какъ я была тогда счастлива! Сей цвѣтокъ и нынѣ хранится въ книжкѣ...» И дальше спрашивала:—«А цѣла ли у васъ та ленточка», «что вы вытащили изъ моего комода, несмотря на всѣ мои крики и моленія...»

Горбунъ («Обрывъ»).—Уп. л. знакомый Аянова и Райскаго. Въ письмѣ

къ послѣднему Аяновъ сообщаетъ, что Г. «сбыли за границу вмѣстѣ съ его вѣдомой и теперь въ домѣ стало живѣе».

Горничная Любецной («Обыкн. ист.»). — «Дѣйствовала въ духѣ барышни».

Городничій («На родинѣ»).—Городничій Буинска—маленькій человекъ въ военной или полицейской форменной фуражкѣ и сюртукѣ. «Вбѣжалъ впопыхахъ» на станціонный дворъ и накинулся на хозяина за то, что тотъ не потребовалъ паспорта отъ проѣзжаго (заѣхавшаго въ городъ для смѣны лошадей).—Къ тебѣ вѣхалъ пріѣзжій», «а ты и ухомъ не ведешь, не даешь знать въ полицію! а? Ты знаешь, какъ строго приказано?» говорилъ гнѣвно Г. На оправданіе хозяина, прибавилъ:—«Врешь, врешь, подлець! Ямщикъ сказывалъ, что проѣзжій обѣдать здѣсь будешь. Первымъ твоимъ дѣломъ, подлець, потребовать отъ проѣзжаго видѣ и представить въ полицію». Взявъ, поданный Гончаровымъ, «отпускной университетскій билетъ», «надѣлъ очки, взглянулъ пристально «на проѣзжаго и потомъ на билетъ», и спросилъ:—«А куда изволите ѣхать?» Получивъ отвѣтъ, вернулъ билетъ обратно, замѣтивъ, что «все въ порядкѣ, но относительно хозяина остался при прежнемъ мнѣніи:—«Нѣтъ, нѣтъ, онъ подлець! Онъ долженъ смотрѣть въ оба: мало къ нему кто заѣдетъ! Полиція обо всѣхъ должна знать!»—«можетъ быть, вы зарѣзали вашихъ родителей и бѣжали! «выпалилъ» Г., обращаясь къ Гончарову.

Горошкинъ («Обрывъ»).—Уп. л. По увѣренію Опенкина, онъ отъ Г. «безъ шапки ушелъ», т. к. у Г. его пить «насильно заставляли».

Горюновъ, Миша («Обломовъ»). Уп. л. Пріятель Волкова, только что произведенный въ офицеры.

Графиня («На родинѣ»).—См. Ростина, графиня.

Графъ («Литер. вѣч.»).—Уп. л. Герой романа Бебикова, «красивый, ловкій» и «блестящій молодой человекъ, офицеръ одного изъ первыхъ гвардейскихъ полковъ. [Ср. Лоринъ, герой романа Валуева—«Лоринъ». См. «Списокъ: Валуевъ»].

Гришка («Обыкн. ист.»)—Дворовый Адуевыхъ. «Малый смиренный, работающій, не зубоскаль».

Губернаторы («Обрывъ»).—См. Пафнутаевъ и Поповъ.

Губернаторъ («Фрег. Пал.»).—См. Новичелисъ.

Губернаторъ (Фрег. Пал.)—Начальникъ Лю-чу (Ликейск. острова). «Высокій, сѣдой старикъ, не совѣмъ патриархальной наружности, съ красивымъ носомъ, и вообще» «съ слѣдами сильнаго невоздержанія на лицѣ, съ изломанными чертами синими и красными жилками на носу и около». У Г—а «пучокъ на головѣ былъ проткнутъ золотой шпилькой». Вмѣсто оружія, у него былъ «вѣеръ». По словамъ Г., жители острова бѣгаютъ отъ европейцевъ, п. ч. «европейцы рѣдко заходятъ сюда» и жители «не привыкли видѣть ихъ». Привезъ адмиралу два какіе-то торта, принялъ отъ него подарки и доставилъ на фрегатъ провизію, но на вопросъ, «нельзя-ли завести торговлю»? съ живостью отвѣчалъ:—«Нѣтъ, нѣтъ! у насъ производится... только для самихъ себя», (т. е. то, что отвѣчали адмиралу представители японскаго правительства): «и то рисъ ѣдимъ, мы, старшіе, а низшій классъ питается бобами и другими овощами».

Губернаторы Нагасакъ («Фрег. Пал.»).—См. Мизно Чикогоно и Осоава Бунгоно.

Губернатора-товарищъ («Фрег. Пал.»).—Товарищъ губернатора Ликейскихъ острововъ; «высокій и здоровый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ черной длинной и жидкой, начинающейся съ подбородка, бородою», «съ пучкомъ» на головѣ, который «былъ проткнутъ серебрянной шпилькой».

Губкинъ («И. С. Поджабринъ»).—Уп. л. «Утро въ департаментѣ мается... «послѣ обѣда пишеть, книги сочиняеть».

Д.

Дашенька («Обломовъ»).—«Уп. л. Балетная артистка; въ нее влюбленъ кн. Мишель Тюменевъ и отъ нея, по словамъ Волкова, весь городъ безъ ума, какъ она танцуетъ».

Демна-кривой («Обломовъ»).—«Шуринъ старосты Обломова, Прокофія Вытягушкина. «Писаль со словъ онаго старосты» донесенія изъ деревни барину.

Демьень. («Фрег. Пал.»).—Французъ, содержатель отеля въ Маниллѣ. По словамъ хозяина лавки, «очень хорошій человекъ». Былъ «лѣтъ тридцати-пяти, пріятной наружности, съ добрымъ лицомъ, въ бѣлой курткѣ и соломенной шляпѣ, вѣжливый, но не суетливый»; держалъ себя «очень просто, но съ достоинствомъ, не болтунъ и не хвастунъ, что рѣдко встрѣчаешь въ французѣ». Отель Д. «былъ единственное сборное мѣсто въ Маниллѣ для путешественниковъ, купцовъ и «скиперовъ».

Дворникъ («Поджабринъ»).—Д. дома, гдѣ жилъ Поджабринъ. «Лютъ спать-то: не скоро добудешься», отзывается о немъ мужикъ. На звонки «изо всей мочи» и стукъ въ дверь («такъ, что стекла задребезжали») не откликнулся. —«Признаться, соснулъ маленько», сказалъ Д.—«Диво, какъ я не слыхалъ. Мнѣ только чуть дотронуся до скобки, я и услышу». Продержалъ подъ дождемъ, возвращающагося домой Поджабрина, откликнувшись лишь на его третій звонокъ. —«Кто тутъ?» спросилъ Д.—«Я». —«Да кто ты?»—«Новый жилецъ». —«Какой жилецъ? Чтѣ сегодня переѣхалъ». —«Что-же надо?»—«Какъ чтѣ: пусти поскорѣе. Ты видишь, что я подъ дождемъ». —«Ну вотъ погоди: я за ключомъ схожу». —«Ушелъ и пропалъ». «Явился лишь на третій звонокъ.—Что это такое, Господи! покою совсѣмъ нѣтъ! Должность проклятая,—спать... не дадутъ. Кто тутъ?»—«Да я же, тебѣ говорять!»—«Да, кто ты?»—«Новый жилецъ». —«Ты еще все тутъ? Чтѣ те надо?»—«Какъ чтѣ? Ахъ, ты разбойникъ! пустишь-ли ты меня? я до костей промокъ». —«Ну, вотъ погоди: ключъ возьму». —«Вотъ стой, что-то ключъ не входитъ. Что это, Господи, за должность проклятая, совсѣмъ покою нѣтъ! такъ и есть... не тотъ ключъ взялъ: это отъ сарая». Предложилъ Поджабрину «гдѣ-нибудь» заснуть:—«ишь ты, ключа-то долго теперь искать». —«Ну, вотъ погоди, принесу ключъ». «Черезъ добрыхъ полчаса» отыскалъ ключъ. Когда, осматривая квартиру, Авдѣй увидѣлъ «мокрое пятно на потолкѣ», а Поджабринъ спросилъ: кажется течетъ сверху?—Д. отвѣчалъ, «наклонивъ немного голову въ знакъ согласія»:—«Точно такъ-съ, протекаетъ маленько. Ино бываетъ наверху, ушатъ съ водой прольютъ, оно и каплетъ въ щель». —«Не извольте сумѣваться, поспѣшилъ промолвить Д.:—будете довольны. А это пятно—такъ ничего! не глядите на него—оно дрянъ.—«Другой годъ каплетъ. Вы только, какъ станеть кашать, ведро извольте подставить». Успокоилъ Поджабрина, что «не доглядѣть нельзя»:—«Нѣтъ-съ, услышите: вѣдь оно закаплетъ, словно дождь пойдетъ: такъ и забарабанить».—Первымъ явился поздравить Поджабрина «съ скорымъ вступленіемъ въ законный бракъ», сообщилъ всѣ новости по дому и освѣдомился насчетъ «другой квартирки», которая скоро очистится:—«Выгоняемъ жильца: въ срокъ не платить; славно-бы»...

Дворники («Май мѣс. въ Петерб.»).—Послѣ утренняго чаепитія «принялись мести» улицу, «вздымая пыль, навозъ и другое, что валялось на мостовой. Около нихъ образовались цѣлыя облака, до самой крыши. Домъ и улицы—все утонуло, какъ въ дыму». Кухаркѣ, обзававшей ихъ чертями, одинъ голосъ отвѣтилъ «изъ облака»:—«Какъ-же намъ быть, когда самъ поѣдетъ, дворы и передъ домомъ улицу надо вымести. На окрикъ городского, просунувшаго было на дворъ голову, сказали:—«Сами же велѣли...»—«Такъ я велѣлъ поливать, а вы что дѣлаете, только пыль разводите! Тогда, «одинъ взялъ шайку, другой полоскательную чашку» и «стали поплескивать воду на дворъ и на мостовую». На жалобы прохожихъ, задыхавшихся отъ пыли, отвѣчали:—«Полиція велить! и «ненство-

мели улицу, не заботясь о прохожихъ и проѣзжихъ. У нихъ была одна отговорка: — «полиція такъ велить».

Дворникъ («Обломовъ»).—Д. дома на Гороховой, гдѣ жилъ Обломовъ; пріятель и собутыльникъ по «полпивной» Захара. Послѣ разказа Захара о баринѣ (Обломовѣ), спросилъ:—«неудобно видно»? Когда же Захаръ сочинилъ, что Обломовъ не только ругается, но «такъ и наровить» толкнуть, сказалъ:—«Вишь ты, бойкій баринъ, не даетъ повадки!» «характерный баринъ!» Во время ссоры Захара съ кучеромъ, старался успокоить Захара:—«Ну полно, полно, Захаръ Трофимычъ!» говорилъ Д.,—что онъ тебѣ сдѣлалъ? Когда же дѣло готово было дойти до драки, онъ протянулъ руки между кучеромъ и Захаромъ:—«Полно, полно вамъ! твердилъ Д., унимая ссорившихся. Услыша отъ Захара, что къ его барину ходятъ сочинители и «желая прекратить раздоръ, спросилъ:—Какіе это такіе, братецъ ты мой, сочинители? Чиновники, что-ли такіе»? Послѣ того, какъ Захаръ обозвалъ всѣхъ присутствующихъ, «сколько васъ ни-на-есть»—мерзавцами и быстро пошелъ домой, Д. закричалъ:—«Полно тебѣ! Постой, постой! Захаръ Трофимычъ! Пойдемъ въ полпивную, пожалуйста, пойдемъ».

Джердинъ (Фрег. Пал.).—Уп. л. Одинъ изъ представителей торговой фирмы «Д. и Маттисонъ», занимающей «цѣлый уголь» въ Гонъ-Конгѣ. Воздвигъ свое «огромное торговое заведеніе» и магазины Д., срывъ гору, а еще выше устроилъ «великолѣпную виллу, сдѣлавъ скаты, аллеи, насадилъ всего, что растеть подъ тропиками, и живетъ, какъ бы жилъ въ Англіи»...

Дибичъ («Превр. судьбы»). Генералъ. Хабаровъ засталъ Д. въ царско-сельскомъ дворцѣ «въ слѣдующей» за залой комнатѣ: «Д. барабанилъ пальцами по стеклу и что-то насвистывалъ». «Хабаровъ, постоявъ нѣсколько минутъ, наконецъ кашлянулъ, чтобъ обратить на себя вниманіе генерала».—«Кто ты такой? Какъ сюда зашелъ? Отчего о тебѣ не доложили? обернувшись спросилъ Д., «какъ государь». Взялъ поданные Хабаровымъ документы, «потомъ взглянулъ еще разъ на Хабарова и сказалъ ему:—«Я сегодня увижу государя и узнаю его волю на вашъ счетъ, а теперь, видя ваше положеніе, я догадываюсь, что вамъ нужно вотъ это». «Съ этими словами онъ подошелъ къ столу, досталъ сто рублей и подаль ихъ Хабарову.—«Запишите вашъ адресъ,—сказалъ онъ».—Въ Петербургѣ, явившагося къ нему Хабарова, «принялъ ласково».—«Вотъ что государь велѣлъ мнѣ вручить вамъ». Д. «подаль ему толстый пакетъ».—«Мѣсто почтмейстера» (объ этомъ мѣстѣ просилъ Хабаровъ), которое назначено было для васъ, уже занято, прибавилъ онъ»,—«Но вы получите, когда выздоровѣете совсѣмъ, мѣсто смотрителя работъ при строящемся въ Москвѣ храмѣ Спасителя въ память изгнанія французовъ. Объ этомъ уже писано въ Москву». Когда Хабаровъ «вновь обмундировался и явился» къ Д., тотъ сначала не узналъ его», потомъ сказалъ, «чтобъ онъ немедленно отправился въ Москву, къ мѣсту новаго своего назначенія».

Динакуръ («Фрег. Пал.»).—«Mon seigneur Dinacourt», епископъ-французъ, завѣдующій «христіанами провинціи Джеджианъ въ Китаѣ. «Круглолицый, съ красноватымъ лицомъ и отчасти носомъ», «figure rubiconde», по выраженію француза-миссіонера. Ходилъ «въ китайскомъ платьѣ, съ золотымъ наперснымъ крестомъ»; Гончаровъ встрѣтилъ Д. въ Манилѣ. «Пріѣхалъ «лѣчиться отъ приливовъ крови къ головѣ» и «отдохнуть въ здѣшнемъ климатѣ»; поселился въ испанскомъ монастырѣ». Жаловался, что главное препятствіе для обращенія китайцевъ,—въ буддійскихъ бонзахъ и ученыхъ». На замѣчаніе, что «христіанскимъ миссіонерамъ, скоро предстоятъ новые подвиги въ Японіи, отвѣтилъ:—«A coups de canons, monsieur, à coups des canons!»

Дипломатъ (И. С. Поджабринъ).—См. Шене...

Директоръ («Обрывъ»).—Уп. л. Директоръ школы, гдѣ учился Райскій. «съ злыми и холодными глазами». Подслушавъ однажды разказъ Райскаго, какъ дикіе ловятъ и ѣдятъ людей, какіе у нихъ лѣса, жилища, оружіе и проч., Д. ска-

заль:—«Пустяки молоть, мастеръ», «а на экзаменѣ не могъ разсказать» системы рѣкъ! Вотъ я тебя высѣку, погоди! Ничѣмъ не хочешь серьезно заняться».

Директоръ департамента (М а и м ѣ с. в ѣ П е т е р б.).—Уѣзжая за границу, на вокзалѣ, давалъ вице-директору и чиновникамъ, которые собрались проводить его, «кое-какія наставленія, что дѣлать въ его отсутствіе». Вспомнилъ лишь о командировкѣ офицера (по трехсотъ-рублевому дѣлу съ двумястами рублей прогонныхъ и суточныхъ)—«Такъ, Иванъ Богдановичъ подпишетъ мои распоряженія, офицеръ получитъ деньги и отправится.. Да... да... что еще я хотѣлъ сказать? торопился Д.—«Да, да: я еще что-то хотѣлъ объяснить, да какъ въ этой суматохѣ объяснить! Прощайте, прощайте!»—«Еще я что-то хотѣлъ сказать... говорилъ растерянно Д. На прощанье подаль «руку только вице-директору и своимъ роднымъ».

Добрынинъ («О б л о м о в ѣ»).—Уп. л. Сосѣдъ Обломова по деревнѣ. Тарантьевъ, совѣтовалъ Ильѣ Ильичу написать Д. письмо относительно деревенскихъ дѣлъ.

Добышевъ, Иванъ Ивановичъ («Н а р о д и н ѣ»).—Чиновникъ особыхъ порученія при губернаторѣ, бывший правитель канцеляріи (секретарь). Худощавый брюнетъ». Былъ «главнымъ, хотя не гласнымъ, воротилой въ дѣлахъ» губерніи; безъ Д. губернаторъ, «какъ ребенокъ безъ няньки, не дѣлалъ ни шагу. Цѣлый день, а часто ночью», Д. не отходилъ отъ губернатора, «и чуть-ли не спалъ въ вицъ-мундирѣ». По инициативѣ Д., юному Гончарову было предложено мѣсто секретаря, а Д. «остался все-таки» тѣмъ же «главнымъ воротилой въ дѣлахъ» и постоянно, вдвоемъ съ губернаторомъ», совѣщался о чемъ-то. Всегда «застегнутый на всѣ пуговицы вицъ мундира», Д. «изъ почтенія» отказывался отъ ежедневнаго завтрака у губернатора и не садился за столъ, «оставаясь на ногахъ». Когда губернатора внезапно смѣстили и онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, въ числѣ провожавшихъ его, Д. «не было»: «онъ терся уже около новаго губернатора».

Докторъ («О б р ы в ѣ»).—См. Иванъ Богдановичъ и Петръ Петровичъ.

Докторъ («О б л о м о в ѣ»).—«Низенькій человекъ, съ умѣреннымъ брюшкомъ, съ бѣлымъ лицомъ, румяными щеками и лысиной, которую съ затылка, какъ бахрама, окружали черные густые волосы. Лысина была кругла, чиста и такъ лоснилась, какъ будто была выточена изъ слоновой кости». Лицо Д. «отличалось заботливо-внимательнымъ ко всему, на что онъ ни глядѣлъ, выраженіемъ, сдержанностью во взглядѣ, умѣренностью въ улыбкѣ и скромно-официальнымъ приличіемъ». «Одѣтъ онъ былъ въ покойный фракъ, отворявшійся широко и удобно, какъ ворота, почти отъ одного прикосновенія. Бѣлье на немъ такъ и блистало бѣлизной, какъ будто подъ-стать лысинѣ. На указательномъ пальцѣ правой руки надѣтъ былъ большой массивный перстень съ какимъ-то темнымъ камнемъ». Зашелъ провѣдать Обломова, послѣ посѣщенія сосѣда наверху. Выслушавъ Илью Ильича, «наклонилъ свою лысину и глубоко задумался. Черезъ двѣ минуты, онъ вдругъ приподнялъ голову и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ:—«Если вы еще года два-три проживете въ этомъ климатѣ, да будете все лежать, ѣсть жирное и тяжелое—вы умрете ударомъ». Посовѣтовалъ ѣхать за-границу, «устранять заботы и огорченія», «избѣгать мыслей», т.-е. «умственного напряженія, «страстей» тоже беречься». Рекомендовалъ стараться развлекать себя верховой ѣздой, танцами, умѣреннымъ движеніемъ на чистомъ воздухѣ, пріятными разговорами, особенно съ дамами, чтобъ сердце билось слегка и только отъ пріятныхъ ощущеній»; посовѣтовалъ также нанять виллу, окнами на югъ, побольше цвѣтовъ, чтобъ около были музыка, сада женщины» и т. д. На вопросъ Обломова, сдѣланный съ худо скрываемою досадою («не нужно-ли, еще чего-нибудь?»), Д. задумался и сказалъ:—«Развѣ попользоваться морскимъ воздухомъ: сядьте въ Англіи на пароходъ, да прокатитесь до Америки»...

Докторъ («О б ы к н. и с т.»).—«Невысокаго роста, полный человекъ, съ крестомъ на шеѣ, въ застегнутомъ наглухо фракѣ». «Петербургскій докторъ: онъ не зналъ, что значитъ ходить пѣшкомъ, хотя и предписывалъ больнымъ моціонъ».

Онъ членъ какого-то совѣта, секретарь какого-то общества, и профессоръ, и врачъ нѣсколькихъ казенныхъ заведеній, и врачъ для бѣдныхъ, и непремѣнный посѣтитель всѣхъ консулѳацій; у него огромная практика. Онъ не снимаетъ даже перчатки съ лѣвой руки, не снималъ бы и съ правой, если-бы не надо было щупать пульса; не разстегиваетъ никогда фрака и почти не садится.

Донторъ («Фрег. Пал.»).—Докторъ-японецъ, съ бритой головою, «безъ косички». («Доктора и жрецы» въ Японіи не носили «вовсе волосъ»); при посѣщеніи фрегата, «рекомендовался» русскимъ докторамъ; «говорилъ немного по голландски» и былъ очень живъ.

Дональдъ («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Хозяинъ трактира въ Шанхаѣ. «Плюгавѣйшій изъ англичанъ».

Донкеръ Курціусъ («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Голландецъ; оберъ-гофть (директоръ голландской факторіи въ Нагасакахъ). Прислалъ на фрегатъ своего помощника и просилъ передать, что на другой день явится самъ, но «потомъ даль знать, что нездоровъ». Когда Д. послали съ фрегата въ подарокъ «половину быка», онъ благодарилъ короткою записочкой, въ которой выражалось большое удовольствіе. [Его помощникъ, «опасаясь японцевъ», просилъ говорить не иначе какъ по голландски» (при посѣщеніи фрегата). Такіе же «опасенія» вызвали и мнимую невѣжливость Д.].

Дредсонъ, миссъ («Обрывъ»).—Уп. л. Гувернантка Бѣловодовой. На прогулкѣ «шла рядомъ и дальше трехъ шаговъ отъ себя не пускала» Софью. Когда, однажды, «мальчикъ бросилъ мячикъ», который «покатился» Софѣ въ ноги и она подняла его, и побѣжала отдать мальчугану, Д. пожаловалась матери». Позднѣе «уѣхала въ Англію».

Дрожжовъ, Аванасій Ивановичъ («Обыкн. ист.»).—«Совѣтникъ» «въ губернскомъ правленіи». «Золото, а не человекъ; умретъ, а своего не выдастъ». «Дѣло-ли дѣлать—такъ и кипитъ въ рукахъ». У себя дома онъ «закормитъ, запойтъ; а бостончикъ отъ обѣда до глубокой ночи».

Дудкинъ, князь («И. С. Поджабринь»).—Воображаемый знакомый Поджабрина.

Дьюпинъ («Фрег. Пал.»).—«Широкоплечій, приземистый матросъ, артиллеристъ». «Фаворитъ» Гончарова. «Онъ широкъ не въ однихъ только плечахъ. Его называютъ огневою, потому что онъ смотритъ, между прочимъ, за огнями; и когда крикнуть гдѣ-нибудь въ углу: фитиль! онъ мчится, что есть мочи, по палубѣ подать огня. Специальность его, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что онъ беретъ и приподнимаетъ, какъ подносъ,—кранецъ съ ядрами и картечью, и поставивъ, только ухнетъ, а кранецъ вѣситъ пудовъ пять. Трудно встрѣтить человекъ, крѣпче и плотнѣе сложеннаго». Во время жары, когда многіе приходили въ совершенное отчаяніе, не зная куда дѣться, Д. говорилъ: «тепло, хорошо». На шутивное замѣчаніе:—«Да ты, смотри, не напейся холоднаго послѣ работы», «или на сырости не ложись ночью»:—«Слушаю в. в.», отвѣчаетъ онъ серьезно». Когда Гончаровъ подарилъ ему шерстяные чулки, Д. еще въ тропикахъ надѣлъ ихъ» и «сталъ благодарить:—«Благодарю покорнѣйше, в. в.; теперь хорошо, тепло, говорилъ онъ. «Когда же наступали холода, и пришлось приниматься за байковые сюртуки,—«одинъ Д. находилъ, что «свѣженько, хорошо», а самъ былъ босикомъ. На вопросъ, «что-же ты босикомъ? отвѣчалъ:—«Лучше: ноги не горятъ, да и палубы не затопчешь ногами». Когда Гончаровъ сказалъ Д., что «видѣлъ, какъ японецъ одинъ поворачиваетъ пушку, а васъ тутъ, «десятеро возитесь около одной и на силу двигаете ее», отвѣтилъ:—«Точно такъ, в. в.» «куда намъ! Намедни и я видѣлъ, что волной плеснуло на берегъ, вонъ на ту низенькую ботарею, да и смыло пушку, она и поплыла, а японецъ ѣдетъ подлѣ, да и толкаетъ ее къ берегу. Ужъ такія пушки у нихъ!» Потомъ, подумавъ немного, онъ сказалъ: «Еслибъ пришлось драться съ ними, в. в., неужели намъ ружья дадутъ?»—«А какъ же?»—«По лопарю-бы довольно».

Дьяконъ («Слуги»).—См. Никита, дьяконъ.

Дѣвицы-сироты («Май мѣс. въ Петерб.»).—Двѣ Д., дочери умершаго коллежскаго совѣтника; ни одна не хотѣла принимать на свой счетъ «комплименты» Гвоздева, т. к. обѣ считали себя дворянками, а Гвоздевъ былъ «только купецъ»; изъ за этого Д., на прогулкѣ даже «перебранились» между собою...

Дѣвицы («Обыкн. ист.»).—Знакомыя Александра. Много было хорошенькихъ, но всѣ онѣ очень однообразны. Что одна скажетъ и сдѣлаетъ въ такомъ то случаѣ, смотришь, то же повторить и другая, какъ будто затверженный урокъ. «Не видно ни самостоятельности, ни характера. И движенія, и взгляды—все одинаково: не услышишь самородной мысли, ни проблеска чувства... все покрытъ и закрасилъ одинакій лоскъ».

Дѣвушка («Слуги»).—Явилась съ жалобой на Валентина:—«Не прикажите ему озорничать!»... всѣ знакомые мои, и въ домѣ здѣсь, ...могутъ пожалуй, подумать, что я нарочно слушаю его камплименты». По словамъ Д., всѣ знакомые ея, знаютъ ее «честной, аккуратной дѣвушкой».

Дѣвушка («Фрег. Пал.»).—Дочь хозяйки дома въ Стелленбошѣ (Калская колонія), гдѣ останавливались путешественники. «Молодая дѣвушка, съ булями, совершенно бѣлая, цвѣта топленнаго молока, съ бѣлыми бровями и свѣтлоглубыми, съ бѣлизной глазами».

Дѣвушка («Фрег. Пал.»).—Крестьянка изъ Алданской слободы, очень недурная собой, но «съ болѣзненной блѣдностью на лицѣ». Когда ей сказали:—«Какая же ты красавица!»—отвѣтила:—«Ишь, что выдумали! войдите-ка лучше посмотрѣть, хорошо-ли мы строимъ новую избу?» На вопросъ, кто у нихъ «дѣлаетъ кирпичи», сказала:—«Кто? я дѣлаю, еще отецъ».—«А ты умѣешь дѣлать мужскія работы?»—«Какъ же, и бревна рублю, и пашу».—Когда братъ подтвердилъ слова Д., замѣтила:—«А мнѣ не повѣрили, думаете, что вру: врать не хорошо!»—«Я шью и себѣ, и семьѣ платье, и даже обутки (обувь) дѣлаю».—«Не правда. Покажи башмакъ». Она показала препорядочно сдѣланный башмакъ.—«Здѣсь мѣста привольныя, сказала она: только работай, не лѣнись; рожь славная родится, особенно озимая, конопля; и скотинѣ хорошо—все. Вина нѣтъ, мужикъ не пьетъ; мы славно здѣсь поправились, а пришли безъ гроша. Теперь у насъ корова съ теленкомъ, лошадь; понемногу заводимся. Вотъ новую-то избу хотимъ подъ станокъ (станцію) отдать».

Дѣвчонка («Обломовъ»).—«Дѣвчонка» восьмидесятилѣтней тетки Обломова. «Прислуживала ей» за столомъ, стоя за ея стуломъ», трясая отъ старости головой».

Дѣдь («Фрег. Пал.»).—Старшій штурманскій капитанъ на фрегатѣ. «Три раза ходилъ вокругъ свѣта», и, по словамъ Д., одиннадцать разъ «пересѣкъ экваторъ», т. к. «однажды на самомъ экваторѣ, корабль захватили штили, и «разу три-четыре перетаскивало, то по ту, то по эту сторону экватора». «Общій оракулъ» и любимецъ». «Морской волкъ». Наминалъ собою тѣхъ созданныхъ Куперомъ, лицъ, которые родились и воспитались въ «морѣ, или въ глухихъ гѣсахъ Америки, и на которыхъ природа, окружавшая ихъ, положила неизгладимую печать. И онъ то же съ тринадцати лѣтъ ходитъ въ море и двухъ лѣтъ сряду не жилъ на берегу». «Мѣрялъ и отсчитывалъ узлы; маленькими шажками ходилъ по палубѣ «опредѣляться и ловить солнце». У него все всегда бывало—«отлично»: «несетъ ли попутнымъ вѣтромъ по десяти узловъ въ часъ—«славно, отлично!» говоритъ онъ. Дуетъ ли вѣтеръ прямо въ лобъ и пятитъ назадъ—«чудесно!» восхищается онъ:—«по полтора узла идемъ!» На него не дѣйствуетъ никакая погода. Онъ и въ жаръ и въ холодъ всегда застегнутъ, всегда бодръ: только въ жаръ подбородокъ у него свѣтится, какъ будто вымазанный масломъ; въ качку и не въ качку стоитъ на ногахъ твердо, заложивъ коротенькія руки на спину, или немного пониже, а на ходу шагаетъ маленькими шажками. Его не возмущаетъ ни буря, ни штиль—ему все равно. Близо ли берегъ, далеко ли—ему тоже дѣла нѣтъ. Онъ былъ почти вездѣ, а гдѣ не былъ, такъ не печалится, если не удается побывать». Никогда «онъ на что-нибудь или на кого-нибудь не жаловался».

—«Отлично!» твердить только. А если кто-нибудь при немъ скажетъ или сдѣлаетъ не отлично, такъ онъ посмотритъ только испытующимъ взглядомъ на всѣхъ кругомъ и улыбнется по-своему. «Какъ отцу родному обрадовался», завидя въ туманѣ маякъ и посовѣтоваль, пристававшимъ къ нему съ вопросами, когда кончится каналъ (Британскій) и начнется океанъ?—«положить мѣтку»:—«Когда назадъ пойдемъ, такъ я вамъ и скажу, гдѣ кончится каналъ и гдѣ начало океана».

«Дѣдъ» («Фрег. Пал.»).— С м. в ъ с п и с к ѣ Х а л и з о в ѣ.

Е.

Евсей («Обыкн. Ист.»).—«Камердинеръ» Александра Адуева. Человѣкъ съ «длинной и плотной фигурой». «Онъ могъ-бы, кажется, унести на своихъ плечахъ» повозку «съ ямщикомъ и лошадьми»; «смирный и непылющій». «Считалъ чистку сапогъ главною и чуть-ли не единственною своею обязанностью, и вообще способностью чистить сапоги измѣрялъ достоинство слуги и даже человѣка; самъ онъ чистилъ съ какою то страстью» и съ утра принимался «за сапоги».—«Цѣлое утро чищу, все перечищу, иные раза по три; вечеромъ снимуть—опять вычищу».—«Поди-ка, вычисти, кто этакъ!»—«Я ни у одного изъ господъ такихъ сапогъ не выдывалъ. У Петра Иваныча хуже вычищены, даромъ, что трое лакеевъ!» говоритъ Е.—«Я-ли не усердствовалъ! служилъ вѣрой и правдой! «Я-ли не смотрѣлъ»?—«Въ восемь-то лѣтъ изъ барскаго бѣлья только одна рубашка пропала, а то у меня и изношенные-то цѣлы», докладываетъ онъ Аннѣ Павловнѣ, по возвращеніи изъ Петербурга. Въ Петербургѣ «сильно горевалъ» о разлукѣ съ Аграфеной. Онъ любилъ Аграфену, но то, что она была «первой ключницей» было «всего важнѣе для Евсея». Передъ разлукой «сидѣлъ молча и сильно вздыхалъ».—«Прощайте, прощайте! съ громаднѣйшимъ вздохомъ», говорилъ онъ; «кто-то сядетъ на мое мѣсто», кто-то въ дураки съ вами станетъ играть»? Умолялъ Аграфену, «съ безпокойствомъ и почти съ угрозой», не играть съ Прощкой. —«Будетъ-ли Прощка любить васъ такъ, какъ я»?—«Вы у меня, что синь-порохъ въ глазу! Если-бъ не барская воля, такъ... эхъ!» «Онъ» «крякнулъ и махнулъ рукой». Когда Аграфена отвѣчала ему, что она «не какая-нибудь, не станетъ «всякому вѣшаться на шею», Е. сказалъ радостно:—«Богъ васъ награди за вашу добродѣтель! какъ камень съ плечъ!» Самъ поклялся въ вѣрности Аграфенѣ:—«Да разрази меня на этомъ мѣстѣ Господь, лопни мо глаза! что-бъ мнѣ сквозь землю провалиться, коли я тамъ что-нибудь этакое»... При прощаньи досталъ «изъ кармана засаленную колоду картъ, но, замѣтя Прощку, снова «спряталъ карты въ карманъ».—«Нѣтъ, Аграфена Ивановна, что хотите дѣлайте, а не отдамъ: вы съ нимъ станете играть». Черезъ восемь лѣтъ, «увидя Аграфену, онъ остановился, какъ окаменѣлый, и смотрѣлъ на нее молча съ глупымъ восторгомъ» и довольный «сидѣлъ на старомъ мѣстѣ, между столомъ и печкой».—«Господи, какой покой!» то-ли дѣло здѣсь! вздыхалъ Е., вернувшись домой.

«Просто каторжное житье!» отзывается Е. о Петербургѣ.—«У Петра Иваныча, кухня-то, слышь, разъ въ мѣсяцъ топится, люди-то у чужихъ обѣдаютъ... Эко Господи! ну народецъ! нечего сказать, а еще петербургскіе называются! У насъ и собака каждая изъ своей площадки лакаеть».—«И обычая нѣтъ наѣдаться каждый день до-сыта. Господа кушаютъ, словно украдкой, по одному разу въ день, и то коли успѣютъ, часу въ пятомъ, иной разъ въ шестомъ; а то такъ чего-нибудь перехватятъ, да и тѣмъ кончатъ. Это у нихъ послѣднее дѣло: сначала всѣ дѣла передѣлаютъ, а потомъ и кушать»... Зато «по праздникамъ поѣдутъ господа въ какой-нибудь нѣмецкій трактиръ, да рублей сто, слышь, и проѣдятъ. Когда «у Петра Иваныча соберутся гости: сядутъ за столъ часу въ шестомъ, а встанутъ утромъ въ четвертомъ часу» и «все ѣдятъ». На вопросъ, что ѣдятъ, отвѣчалъ:—«Не узнаешь, что и ѣшь: нѣмцы накладываютъ въ кушанье, Богъ знаетъ, чего: и

въ ротъ-то взять не хочется. И перецъ-то у нихъ не такой; поддиваютъ въ соусъ чего-то изъ заморскихъ склянокъ»... Припомнилъ, какъ «угостилъ» его разъ поваръ Петра Иваныча барскимъ кушаньемъ, такъ три дня тошнило.—«Смотрю, оливка въ кушаньѣ»: «раскусилъ,—глядь— а тамъ рыбка маленькая, противно стало, выплюнулъ, взялъ другую и—тамъ тоже; да во всѣхъ... ахъ, вы, что-бъ васъ, проклятые!»—«И что за кушанье? Сначала горячее подадутъ, какъ слѣдуетъ, съ пирогами, да только ужъ пироги: съ наперстокъ; возьмешь въ ротъ вдругъ штукъ шесть, хочешь пожевать, смотришь—ужъ тамъ ихъ и нѣтъ, и растаяли... Послѣ горячаго вдругъ чего-то сладкаго дадутъ, тамъ говядины, а тамъ мороженаго, а тамъ травы какой-то, а тамъ жаркое... и не ѣль-бы!» «И не дай Богъ, какъ» «плохо!» а холостые господа стола не держатъ». «Въ рѣдкомъ домѣ хлѣбъ пекутъ. А этого тамъ, чтобы капусту запасать, солонину солить, грибы мочить—ничего въ заводѣ нѣтъ».—«Только хороша одна вакса: ужъ вакса, такъ и не наглядись! а запахъ какой: такъ бы и съѣлъ!» Однако, привезъ въ Грачи петербургскіе гостинцы: кому серебряное кольцо, кому березовую табакерку, а Аграфенѣ «бронзовыя серьги», «большой платокъ» и «нѣсколько колодъ играныхъ, но еще почти новыхъ, картъ».

Евсей мать («О бы кн. и ст.»).—Прощаясь съ сыномъ, говорила:—«Вотъ тебѣ образокъ; это мое благословеніе. Помни вѣру, Евсей, не уйди тамъ у меня въ басурманство, а не то проклянута! Не пьянствуй, не воруй; служи барину вѣрой и правдой».

Евсей сестра («О бы кн. и ст.»).—«Босоногая» «дѣвчонка, лѣтъ двѣнадцати».

Егорка («О б р в ѣ»).—Дворовый изъ Малиновки, камердинеръ Райскаго. «Коренастый, мускулистый, длинорукій, какъ орангъ-утангъ, но хорошо сложенный малый». У Е. «усы до плечъ», «хохолъ на лбу», «вѣчно оскаленные зубы» и нахальный взглядъ». Въ день рожденія Мароиньки, «явился-было неслыханнымъ франтомъ, въ подаренномъ ему Райскимъ коротенькомъ пиджакѣ, клѣтчатыхъ, зеленыхъ, почти новыхъ, панталонахъ, и въ кушленныхъ имъ самимъ,—оранжевомъ галстукѣ и голубомъ жилетѣ».—«...Что за чучело, на кого ты похожъ?» строго крикнула на Егорку Татьяна Марковна и назвала его «шутомъ». Онъ всѣхъ «вострѣе» изъ дворни, отзывается о немъ Бережкова. Въ ожиданіи приѣзда Райскаго, «на совѣтѣ», собранномъ бабушкой, «онъ напоминалъ, больше всѣхъ», о привычкахъ... Бориса Павловича, и за это «былъ пожалованъ» къ нему «въ камердинеры». Первый изъ дворни замѣтилъ, что Райскій влюбленъ въ въ Вѣру.—«Экъ, его разбираетъ!» заявилъ онъ, увидя Райскаго плачущимъ въ кабинетѣ: «врѣзались, д. б. въ Вѣру Васильевну.—Е. былъ «героемъ дворни», «былъ ея живой пульсъ». «Онъ своего дѣла, котораго собственно и не было, не дѣлалъ», «но за то совался поминутно въ чужія дѣла. Смотришь, дугу натягиваетъ, и сила есть»; «то сѣно примется помогать складывать на сѣноваль: бросить охапки три и кинетъ вилы, начнетъ болтать и мѣшать другимъ». Но главное его призваніе и страсть—дразнить дворовыхъ дѣвокъ, трепать ихъ, дѣлать имъ всякія шутки». Съ утра Е. уже «скалилъ зубы» и «озорничалъ». Его такъ и прозвали «зубоскаломъ»; большую часть дня, онъ «сидѣлъ все въ дѣвичьей и немилосердно издѣвался надъ горничными». На дворѣ повторялось тоже: «онъ смѣется надъ ними, свищетъ имъ вслѣдъ, схватитъ изъ-за угла или длинной рукою за плечо, или за шею такъ, что бѣдная дѣвка не вспомнится, гребенка выскочитъ у ней, и коса упадетъ на спину».—«Чортъ, озорникъ!»—кричитъ дѣвка, и съ ея крикомъ послышится ворчаніе какой-нибудь старой бабы». «Но ему нейдетъ: онъ подмигиваетъ на проходящую дѣвку глазами кучеру, или Якову» «и опять засвищетъ, захихикаетъ, или начнетъ выдѣлывать такую мимику, что дѣвка бросится бѣжать, а онъ вслѣдъ оскалитъ зубы или свиснетъ». Онъ же «провертѣлъ щель въ деревянной, оклеенной бумагой, перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ коридора и поглядывалъ за нимъ».—«Ну дѣвки, покажу, я вамъ диковинку! сказалъ Е., плюнувъ сквозь зубы въ сторону: «пойдемте, Пе-

Егору Петровна, къ барину, къ Борису Павловичу; въ шелку посмотрѣть; въ театр не надо ходить: какъ онъ тамъ дѣвствуетъ!»—«Что за чортъ не дозвешься ни одной!» сказалъ съ досадою Е., опять плюя сквозь зубы:—«а я тамъ вертѣль-вертѣль буравомъ». Когда же посмотрѣть «театръ» напрашивалась, незваная, Наталья, онъ ей «сказалъ нѣжно»:—«Вы распрекрасная, дѣвица, Наталья Ѳаддеевна:—словно—барышня! Я бы не только въ шелку далъ вамъ посмотрѣть, руку и сердце предложилъ бы—только.. рожу бы вамъ другую». Когда же Наталья обидѣлась и ушла, Е. договорилъ ей вслѣдъ:—«А то вы», «больно на тягеньку своего смахиваете съ рыла-то, на Ѳаддея Ильича!» «И захихикалъ». Однако, «озорство» Е. «во всей женской половинѣ дворни» вызывало «только временныя вспышки» «въ дѣвицахъ», «а потомъ онѣ-же лѣзли къ нему, лишь только онъ назоветъ которую-нибудь Марьей Петровной или Пелагеей Сергѣевной и дружелюбно заговорить съ ней». «Онѣ гурьбой толпились около него, когда онъ въ воскресенье сидѣлъ съ гитарой у воротъ и ласково, но всегда съ насмѣшкой, балагурилъ съ ними. И только тогда бросались отъ него врозь, когда онъ запѣвалъ черезъ-чуръ нецензурную пѣсню, или вдругъ принимался за неудобную для ихъ стыдливости мимику». «Но наединѣ и порознь, смотришь, то та, то другая стоятъ дружески обнявшись съ нимъ, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и вечеромъ, особенно по зимамъ, кому была охота, могъ видѣть, какъ бѣгали женскія тѣни черезъ дворъ и какъ затворялась и отворялась дверь маленькаго чуланчика, рядомъ съ комнатами кучеровъ»; даже Марина, когда Е. скалилъ зубы надъ нею и Савелиемъ, говорила съ досадою:—«Отстань ты, чортъ этакой!» «но потомъ широко» улыбалась, «показывая зубы».

Егорьевъ («На родинѣ»).—«Домашній чиновникъ» губернатора (Углицкаго), «проживавшій у него чѣмъ-то въ родѣ легавой собаки, бѣгавшій съ разными поносками, и иногда *postillon d'amour*».

Егоръ Ильичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомый Бережковой.

Ельнинъ («Обрывъ»).—Уп. л. Учитель русскаго языка Софьи Бѣловодовой. По ея словамъ «il etait tout-à-fait bien»; прекрасно читалъ «и приносилъ ей книги». Былъ такъ приличенъ, что даже «маман» приглашала его на домашнія *soirées musicales dansantes*; былъ хорошо воспитанъ и «игралъ на скрипкѣ»; «восхищался сонатами Бетховена» и Софья въ день своихъ именинъ разучила для него ту, которою онъ восхищался. По словамъ кн. Сержа, Е. «сынъ какого-то лѣкаря, бѣгаетъ по урокамъ, сочиняетъ, пишетъ русскимъ купцамъ французскія письма за границу за деньги и этимъ живетъ». Послѣ «сцены» на именинахъ Софьи (когда Е. растроганный ея игрой, протянулъ ей руку, а «она протянула ему тоже руку и онъ.. пожалъ ее»), Е. отказали отъ дома.

Епископъ («Фрег. Пал.»).—Итальянецъ. Епископъ Гонконскій. Посѣтилъ фрегатъ въ сопровожденіи свиты изъ четырехъ миссіонеровъ.

Епископъ («Фрег. Пал.»).—См. Динакуръ.

Ernestin, m-elle («Обломовъ»).—Уп. л. Гувернантка княженъ, у отца которыхъ былъ управителемъ старикъ Штольцъ. Во время пребыванія въ Верхлѣвѣ, «ходила пить кофе къ матери Андрюши (Штольца) и научила «дѣлать ему кудри». «Она иногда брала его голову, клала на колѣни и завивала въ бумажки до сильной боли, потомъ брала бѣлыми руками и цѣловала такъ ласково».

Ечѣмка («Обрывъ»).—Дворовый Бережковой.

Ефремъ («Обрывъ»).—Огородникъ, у котораго нанималъ квартиру Волоховъ («одинокую стоявшую избушку въ полѣ»).

Eudoxie («Обрывъ»).—Уп. л. См. Кокко.

Ж.

Жандармъ («Обрывъ»).—Принесъ Райскому приглашеніе «пожаловать къ губернатору».

Жозефина («И. С. Поджабринь»).—Пріятельница баронессы Цейхъ; «интересно-блѣдная и задумчивая женщина».

Журналистъ («Обыкн. Ист.»).—«Знакомый» Петра Иваныча; «прислалъ» Александру «для опыта работу».

Журналистъ («Лит. Веч.»):—См. Редакторъ.

З.

Загрусно («Превр. судьбы»).—При выѣздѣ въ Петербургъ, «у шлагбаума, гдѣ была застава», объявилъ себя «польскимъ помѣщикомъ»; пріѣхалъ на перекладной телѣгѣ изъ Варшавы и остановился вмѣстѣ съ Хабаровымъ «въ двухъ чистыхъ комнатахъ».

Зарайскіе («Обыкн. Ист.»).—«Знакомые А. Адуева».

Засѣдатель («Фрег. Пал.»).—Встрѣтился съ Гончаровымъ на Ыргалахской станціи; рѣшилъ, что лучше подождать до свѣта, а то ночью тутъ гористо», и лошади «дѣйствительно измучены». «Ѣхалъ цѣлымъ домикомъ»: вынималъ ихъ погребца «чашку за чашкой, блюдечки, ножи, вилки, соль, маленькіе хлѣбцы, огурцы» и «вино».

Затертый, Исая Ѡмичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Сослуживецъ Мухоярова, приставленный имъ въ «повѣренные Обломову. По словамъ Мухоярова, «честнѣйшая душа», «двѣнадцатый годъ состоитъ на службѣ», «заикается немного, а дѣловой и знающій человекъ». Три года управлялъ большимъ имѣніемъ, да помѣщикъ отпустилъ его, по этой самой причинѣ, что заикается». Поѣхалъ въ Обломовку и, по убѣжденію Ильи Ильича, благодаря З., онъ «отлично устроилъ дѣла», такъ какъ З. «собираетъ справки о бѣглыхъ мужикахъ, выгодно продаетъ хлѣбъ» и даже прислалъ ему полторы тысячи рублей, изъ которыхъ З. «былъ удовлетворенъ прогонами, суточными и вознагражденіемъ за трудъ». «Что касается оброка, то З. писалъ, что денегъ этихъ собрать нельзя, что мужики частью разорились, частью ушли по разнымъ мѣстамъ и гдѣ находятся—неизвѣстно, и что онъ собираетъ на мѣстѣ дѣятельныя справки. О дорогѣ, о мостахъ, писалъ онъ, что время терпитъ, «а мужики охотнѣе предпочитаютъ переваливаться черезъ дорогу и черезъ оврагъ торговаго села, чѣмъ работать надъ устройствомъ новой дороги и мостовъ». З. же распорядился и насчетъ постройки дома: опредѣливъ, вмѣстѣ съ губернскимъ архитекторомъ, количество нужныхъ матеріаловъ, онъ оставилъ старостѣ приказъ, съ открытіемъ весны, возить лѣсъ и велѣлъ построить сарай для кирпича, такъ что Обломову оставалось только пріѣхать весной и, благословясь, начать стройку при себѣ. Къ тому времени предполагалось собрать оброкъ и, кромѣ того, было въ виду заложить деревню, слѣдовательно, расходы было изъ чего покрыть». По отзыву Тарантьева, З. «не первый разъ запускаетъ лапу въ помѣщицьи деньги,—умѣетъ концы прятать».

Затѣй («Фрег. Пал.»).—«Русскій якутъ». Ямщикъ. Упращивалъ Гончарова сѣсть въ телѣгу на станціи, потому что лошадь «коренная у насъ съ мѣста прыгаетъ козломъ, на дорогѣ не остановишь».

Захаръ Трофимычъ («Обломовъ»).—«Знаменитый камердинеръ» Ильи Ильича, «обращавшійся всю жизнь около своего барина». Обломовъ называлъ З. своимъ «мажордомомъ» и «повѣреннымъ въ дѣлахъ»; самъ З. гордо говорил о себѣ, что онъ и «управляющій и мажордомъ». «Пожилой человекъ за пятьдесятъ лѣтъ», «съ голымъ, какъ колѣно, черепомъ». По выраженію кучера, Захара Трофимыча «и ухватить не за что: голова-то, словно тыква... Развѣ вотъ за эти бороды-то, что на скулахъ... тамъ есть за что». Скулы З. украшали «необъятныя широкія, густыя, русыя съ просѣдью бакенбарды, изъ которыхъ каждой стало бы на три бороды». Ходилъ въ «сѣромъ сюртукѣ, и въ сѣромъ же жилетѣ съ мѣдными пуговицами». Въ Петербургѣ З. «не старался измѣнить не только даннаго ему Богомъ образа, но и своего костюма, въ которомъ ходилъ въ деревнѣ. Платье ему шилось по вывезенному имъ изъ деревни образцу. Сѣрый сюртукъ и жилетъ нравились ему и потому, что въ этой полуформенной одеждѣ онъ видѣлъ слабое во-

споминанье ливреи, которую онъ носилъ нѣкогда, провожая покойныхъ господъ въ церковь или въ гости»; «бакенбардами своими онъ дорожилъ потому, что видѣлъ въ дѣтствѣ своемъ много старыхъ слугъ съ этимъ стариннымъ, аристократическимъ украшеніемъ». Самъ З., «отслуживъ въ молодости лакейскую службу въ барскомъ домѣ» и произведенный въ дядьки къ Ильѣ Ильичу, «съ этихъ поръ началъ считать себя только предметомъ роскоши, аристократическою принадлежностью дома, назначеннаго для поддержанія и блеска старинной фамиліи, а не предметомъ необходимости. «Онъ былъ уже не прямой потомокъ тѣхъ русскихъ Калеговъ, рыцарей лакейской безъ страха и упрека, исполненныхъ преданности къ господамъ до самозабвенія, которые отличались всеми добродѣтелями и не имѣли никакихъ пороковъ». «Этотъ рыцарь былъ и со страхомъ и съ упрекомъ. Онъ принадлежалъ двумъ эпохамъ, и обѣ положили на него печать свою. Отъ одной перешла къ нему, по наслѣдству, безграничная преданность къ дому Обломовыхъ, а отъ другой, позднѣйшей, утонченность и развращеніе нравовъ». «Страстно преданный барину, онъ, однако жъ, рѣдкій день въ чемъ-нибудь не солжетъ ему. Слуга стараго времени удерживаль, бывало, барина отъ расточительности и невосдержанія, а Захаръ самъ любилъ выпить съ пріятелями на барскій счетъ; прежній слуга былъ цѣломудренъ, какъ внучъ, а этотъ все бѣгалъ къ кумъ подозрительнаго свойства. Тотъ крѣпче всякаго сундука сбережетъ барскія деньги, а Захаръ норовитъ усчитать у барина, при какой-нибудь издержкѣ, гривенникъ, и непременно присвоитъ себѣ лежащую на столѣ мѣдную гривну или пятакъ. Точно такъ же, если Илья Ильичъ забудетъ потребовать сдачи отъ Захара, она уже къ нему обратно никогда не поступитъ». «Важнѣе суммъ онъ не кралъ, можетъ-быть, потому, что потребности свои измѣрялъ гривнами и гривенниками, или боялся быть замѣченнымъ, но во всякомъ случаѣ, не отъ избытка честности». Самъ З. объяснялъ это просто:—«Какъ не приберешь гривенъ да пятаковъ къ рукамъ, такъ и табаку не на что купить, и куму нечѣмъ потчивать».

Не говорилъ, а хрипѣлъ, «за неимѣніемъ другого голоса, который, по словамъ его, онъ потерялъ на охотѣ съ собаками, когда ѣздилъ со старымъ баринкомъ и когда ему дунуло будто сильнымъ вѣтромъ въ горло». «Глядѣлъ стороной, а въ знакъ неблаговоленія до того стороной, что ему приходилось «видѣть барина впологлаза». Въ Петербургѣ, когда вдругъ на него навалили тяжелую обузу выносить на плечахъ службу цѣлаго дома», «въ душу его залегла угрюмость, а въ нравѣ грубость и жестокость», хотя, несмотря на эту наружную угрюмость и дикость, З. было довольно мягкаго и добраго сердца. Онъ любилъ даже проводить время съ ребятишками». Былъ неопрятенъ, ходилъ постоянно «съ прорѣхой подмышкой, откуда торчалъ клочокъ рубашки».—«Да ужъ такого (сюртука) не сыщешь! сказалъ кучеръ и «выдернулъ проворно всеѣмъ наружу торчавшій изъ подмышки З. клочокъ рубашки». Брилъ «рѣдко» и, хотя мылъ руки и лицо мыломъ, но больше дѣлалъ «видъ, что моетъ; да и никакимъ мыломъ не отмоешь». Когда З. бывалъ «въ банѣ», «то руки у него изъ черныхъ дѣлались «только, часа на два, красными, а потомъ опять, черными».—«У меня руки чисты, замѣтилъ З., показывая Обломову «какія-то двѣ подошвы, вмѣсто рукъ». На полкѣ шкапа въ своей комнатѣ хранилъ вмѣстѣ: «чай, сахаръ, лимонъ, серебро», «тутъ-же» лежала «вакса, щетки и мыло». Когда Обломовъ указалъ З., на пыль и на грязь въ комнатахъ и упрекнулъ въ томъ, что онъ ничего не дѣлаетъ, З. отвѣтилъ «обиженно»:—«Ужъ коли я ничего не дѣлаю...—стараюсь, жизни не жалѣю! И пыль то стираю, и мету почти каждый день».—«Понимаешь-ли ты,—сказалъ Илья Ильичъ:—что отъ пыли заводится моль? Я иногда даже вижу клопа на стѣнѣ!»—«У меня и блохи есть!—равнодушно отозвался Захаръ».—«Развѣ это хорошо? Вѣдь это гадость!—замѣтилъ Обломовъ». «Захаръ усмѣхнулся во все лицо, такъ что усмѣшка охватила даже брови и бакенбарды, которыя отъ этого раздвинулись въ стороны, и по всему лицу до самаго лба расплылось красное пятно».—«Чѣмъ же я виноватъ, что клопы на стѣнѣ есть?—сказалъ онъ съ наивнымъ

удивленіемъ.—Развѣ я ихъ выдумалъ?—«Это отъ нечистоты,—перебилъ Обломовъ.—Что ты все врешь!»—«И нечистоту не я выдумалъ».—«У тебя, вотъ, тамъ, мыши бѣгаютъ по ночамъ—я слышу».—«И мышей не я выдумалъ. Этой твари, что мышей, что кошекъ, что клоповъ, вездѣ много».—«Какъ же у другихъ не бываетъ ни моли, ни клоповъ».—«На лицѣ Захара выразилась недовѣрчивость или, лучше сказать, покойная увѣренность, что этого не бываетъ».—«У меня всего много,—сказалъ онъ упрямо:—за всякимъ клопомъ не усмотришь, въ щелку къ нему не влѣзешь».—«А самъ, кажется, думалъ: «Да и что за спанье безъ клопа?»—«Ты мети, выбирай соръ изъ угловъ—и не будетъ ничего,—училъ Обломовъ».—«Уберешь, а завтра опять наберется,—говорилъ Захаръ».—«Не наберется,—перебилъ баринъ:—не должно».—«Наберется—я знаю,—твердилъ слуга».—«А наберется, такъ опять вымети.»—Какъ это? Всякій день перебирай всѣ углы?—спросилъ Захаръ.—«Да что жъ это за жизнь? Лучше Богъ по душу пошли!»—«Отчего жъ у другихъ чисто?»—возразилъ Обломовъ.—«Посмотри напротивъ, у настройщика: любо взглянуть, а всего одна дѣвка»...—«А гдѣ нѣмцы сору возьмутъ,—вдругъ возразилъ Захаръ.—Вы поглядите-ко, какъ они живутъ! Вся семья цѣлую недѣлю кость гложетъ. Сюртукъ съ плечъ отца переходить на сына, а съ сына на отца. На женѣ и дочеряхъ платишки коротенькія: все поджимаютъ нодъ себя ноги, какъ гусыни... Гдѣ имъ сору взять? У нихъ нѣтъ этого, вотъ, какъ у насъ, чтобъ въ шкапахъ лежала по годамъ куча стараго изношеннаго платья, или набрался цѣлый уголь корокъ хлѣба за зиму... У нихъ и корка зря не валяется: надѣлаютъ сухариковъ, да съ пивомъ и выпьютъ!» «Захаръ» даже сквозь зубы плюнулъ, рассуждая о такомъ скаредномъ житьѣ. — «Когда безъ клопа хозяйство бываетъ! заявилъ онъ възднѣ Штольцу». Въ домѣ Пшеницыной поселился въ углу, «куда никогда не проникалъ ни лучъ свѣта, ни струя свѣжаго воздуха, ни глазъ хозяйки, ни проворная, всесметающая рука Анисьи». Человѣческое жильё онъ обратилъ въ темную нору. «Если З. заставалъ иногда тамъ хозяйку съ какими-нибудь планами улучшеній и очищеній, онъ твердо объявлялъ, что это не женское дѣло разбирать, гдѣ и какъ должны лежать щетки, вакса и сапоги, что никому дѣла нѣтъ до того зачѣмъ у него платье лежитъ въ кучѣ на полу, а постель въ углу за печкой, въ пыли, что онъ носить платье и спать, на этой постели, а не она. А что касается вѣника, досокъ, двухъ кирпичей, днища бочки и двухъ полѣнъ, которые онъ держитъ у себя въ комнатѣ, такъ ему безъ нихъ въ хозяйствѣ обойтись нельзя, а почему—онъ не объяснялъ; далѣе, что пыль и пауки ему не мѣшаютъ и, словомъ, что онъ не суетъ носа къ нимъ въ кухню, слѣдовательно, не желаетъ, чтобъ и его трогали». «Анисью, которую онъ однажды засталъ тамъ, онъ обдалъ такимъ презрѣніемъ, погрозилъ такъ серьезно локтемъ въ грудь, что она боялась заглядывать къ нему. Когда дѣло было перенесено въ высшую инстанцію, на благоусмотрѣніе Ильи Ильича, баринъ пошелъ—было осмотрѣть и распорядиться какъ слѣдуетъ, построже, но, всунувъ въ дверь къ Захару одну голову и поглядѣвъ съ минуту на все, что тамъ было, онъ только плюнулъ и не сказалъ ни слова».

Въ молодости былъ проворнымъ, прожорливымъ и лукавымъ парнемъ. Въ старости, такъ и выглядывалъ «какъ бы съѣсть и выпить и то, чего не поручаютъ»; «заботился» не столько «о томъ, чтобъ баринъ кушалъ больше», сколько тосковалъ, когда баринъ съѣдалъ «до тла все, что ни положить себѣ на тарелку». Лѣнивый отъ природы, онъ былъ лѣнивѣ еще и по своему лакейскому воспитанію. Былъ «еще больше Обломовъ, нежели» самъ Обломовъ; «обыкновенно проводилъ время» на лежанкѣ, «сидя погруженный въ дремоту». На зовъ барина откликался ворчаньемъ, подобнымъ ворчанью «цѣнной собаки» и стукомъ «спрыгнувшихъ ногъ». Онъ «начерталъ себѣ, однажды навсегда, опредѣленный кругъ дѣятельности, за который добровольно никогда не переступалъ». «Онъ утромъ ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги, платье, которое баринъ спрашивалъ, но отнюдь не то, котораго не спрашивалъ, хотъ вѣси оно десять лѣтъ». Потомъ онъ мель—не

всякій день однакожь, —середи́ну комнаты, не добираясь до угловъ, и обтиралъ пыль только съ того стола, на которомъ ничего не стояло, чтобъ не снимать вещей». «Если ему приказывали сдѣлать что-нибудь сверхъ этого, онъ исполнялъ приказаніе неохотно, послѣ споровъ и убѣжденій въ бесполезности приказанія, или невозможности исполнить его, но былъ увѣренъ, что все, что онъ ни дѣлаетъ, иначе и лучше сдѣлано быть не можетъ»; глядѣлъ на другихъ «съ тупымъ высокомеріемъ». Анисьей, приводившей все въ порядокъ, З. остался недоволенъ: — «Это ты что у меня тутъ все будоражишь по своему—а? грозно спросилъ онъ. —«Я нарочно сложилъ все (чай, сахаръ, мыло и ваксу) въ одинъ уголь, чтобы подъ рукой было, а ты разбросала по разнымъ мѣстамъ»? На убѣжденія Анисьи, что онъ напрасно сначала мететь полъ, а потомъ со столовъ сметаетъ: пыль-то опять и насядетъ», З. «яро́стно захрипѣлъ»: — «Ты тутъ пришла указывать?» «Иди къ своему мѣсту!» Когда та же Анисья «ласково говорила ему, что онъ напрасно закрываетъ трубу, а потомъ форточки отворяетъ и стѣдитъ комнаты, З. грубо ее спрашивалъ: — «А какъ-же по твоему? Когда же отворять». — «Экая дура! говорилъ онъ. — Двадцать лѣтъ я дѣлалъ такъ, а для тебя мѣнять стану. Женившись на Анисьѣ, З., вопреки пословицѣ, не переѣнился», но послѣ свадьбы, «блаженствовалъ съ мѣсяцъ»: онъ ничего не дѣлалъ, «деспотически возложивъ на жену свои обязанности». «Воспламенялся усердіемъ» «очень рѣдко», но тогда бѣдамъ и убыткамъ не бывало конца: едва-ли непріятельскій солдатъ, ворвавшись въ домъ, нанесетъ столько вреда. Начинаясь ломка, паденье разныхъ вещей, битые посуды, опрокидыванье стульевъ; кончалось тѣмъ, что надо было выгнать его изъ комнаты, или онъ самъ уходилъ, съ бранью и съ проклятіями». «Быль очень недово́къ»: станеть ли отворять ворота или двери, отворяетъ одну половинку, другая затворяется, побѣжить къ той, эта затворяется». «Сразу онъ никогда не подыметъ съ пола платка, или другой какой-нибудь вещи, а нагнется всегда раза три, какъ будто ловить ее, и ужъ развѣ въ четвертый подыметъ, и то еще иногда уронить опять». «Если онъ несетъ чрезъ комнату кучу посуды, или другихъ вещей, то съ перваго же шага верхнія вещи начинаютъ дезертировать на полъ. Сначала полетитъ одна; онъ вдругъ сдѣлаетъ позднее и бесполезное движеніе, чтобъ помѣшать ей упасть, и уронить еще двѣ. Онъ глядитъ, разиня ротъ отъ удивленія, на падающія вещи, а не на тѣ, которыя остаются на рукахъ, и оттого держитъ поднось косо, а вещи продолжаютъ падать, — и такъ иногда онъ принесетъ на другой конецъ комнаты одну рюмку или тарелку, а иногда, съ бранью и проклятіями, броситъ самъ и послѣднее, что осталось въ рукахъ». Войдя въ дверь съ «подносомъ, который держалъ въ обѣихъ рукахъ», онъ «хотѣлъ ногой притворить дверь, но промахнулся и ударилъ по пустому мѣсту: рюмка упала, а вмѣстѣ съ ней еще пробка съ графина и булка». «Захаръ, съ подносомъ въ рукахъ, наклонился-было поднять булку, но, присѣвъ, вдругъ увидѣлъ, что обѣ руки заняты и поднять нечѣмъ». — «Ну-ка, подними! — съ насмѣшкой говорилъ Илья Ильичъ. — Что жъ ты? Зачѣмъ дѣло стало?» — «О, чтобъ вамъ пусто было, проклятыя! — съ яростью разразился Захаръ, обращаясь къ уроненнымъ вещамъ. — Гдѣ это видано завтракать передъ самымъ обѣдомъ?» — «И, поставивъ поднось, онъ поднималъ съ пола, что уронилъ; взявъ булку, онъ дунулъ на нее и положилъ на столъ». «Проходя по комнатѣ, онъ задѣнетъ то ногой, то бокъ за столъ, за стуль, не всегда попадетъ прямо въ отворенную половину двери, а ударится плечомъ о другую, и обручаетъ при этомъ обѣ половинки, или ховяина дома, или плотника, который ихъ дѣлалъ». «У Обломова въ кабинетѣ переломаны или перебиты почти всѣ вещи, особенно мелкія, требующія осторожнаго обращенія съ ними, — и все по милости Захара. Онъ свою способность брать въ руки вещь прилагаетъ ко всѣмъ вещамъ одинаково, не дѣлая никакого различія въ способѣ обращенія съ той или другой вещью». Велятъ ему нагаръ «снять со свѣчи, или налить въ стаканъ воды: онъ употребитъ на это столько силы, сколько нужно, чтобъ отворить ворота». «Иная вещь, подсвѣчникъ, лампа, транспарантъ, прессъ-папье, стоятъ года три, четыре на мѣстѣ — ничего; чуть онъ возъ-

метъ ее, смотришь—сломалась».—«Ахъ,—скажетъ онъ иногда при этомъ Обломову съ удивленіемъ:—«Посмотрите-ка, сударь, какая диковина: взялъ только въ руки эту штучку, а она и развалилась. Или вовсе ничего не скажетъ, а тайкомъ поставитъ поскорѣй опять на свое мѣсто и послѣ увѣритъ барина, что это онъ самъ разбилъ; а иногда оправдывается тѣмъ, что и вещь должна же имѣть конецъ, хотъ будь она желѣзная, что не вѣкъ ей жить». Въ первыхъ двухъ случаяхъ еще можно было спорить съ нимъ, но когда онъ, въ крайности, вооружался послѣднимъ аргументомъ, то уже всякое противорѣчіе было бесполезно, и онъ оставался правымъ безъ апелляціи». Когда Обломовъ, указывая на сломавшуюся спинку дивана, пенялъ З., что онъ до сихъ поръ не призвалъ столяра, отвѣчалъ:—«Я не ломалъ:—она сама изломалась; не вѣкъ же ей быть: надо когда-нибудь изломаться».

Былъ не только словоохотливъ, но и любилъ «глупыя разсужденія». На упрекъ барина въ томъ, что З. не записываетъ расходовъ и замѣчаніе, «какъ худо быть безграмотнымъ», З. возразилъ:—«Прожилъ вѣкъ и безъ грамоты, слава Богу не хуже другихъ!»—«Вотъ, у Ильинскихъ былъ грамотный то, сказывали люди,—продолжалъ З.:—да серебро изъ буфета и стащилъ». На вопросъ Ольги, здоровъ ли Илья Ильичъ, по собственнымъ словамъ, отвѣтилъ, что здоровъ и прибавилъ: что, молъ, ему дѣлается? На вопросъ, гдѣ Обломовъ обѣдалъ вчера, сказалъ, «что дома, и ужинали, молъ, дома». «Двухъ цыплятъ, молъ, только скушали»...—«Дур-р-р-акъ!—крѣпко произнесъ Обломовъ».—«Что за дуракъ! развѣ это не правда?»—сказалъ Захаръ.—«Вонъ я и кости, пожалуй, покажу»...—«Право, дуракъ!»—повторилъ Обломовъ.—«Ну, что жъ она?»—«Усмѣхнулись. Что жъ такъ мало?» примолвили послѣ.—«Вотъ дуракъ-то!»—твердилъ Обломовъ.—«Ты бы еще разсказалъ, что ты рубашку на меня надѣваешь навыворотъ».—«Не спрашивали, такъ и не сказалъ»,—отвѣчалъ Захаръ.—«Что еще спрашивала?»—«Спрашивали, чтѣ дѣлали эти дни».—«Ну, что жъ ты?»—«Ничего, молъ, не дѣлають, лежать все».—«Ахъ!..—съ сильной досадою произнесъ Обломовъ, поднявъ кулаки къ вискамъ.—«Поди вонъ!»—прибавилъ онъ грозно.—«Если ты когда-нибудь осмѣлишься разсказывать про меня такія глупости, посмотри, чтѣ я съ тобой сдѣлаю! Какой ядъ—этотъ человекъ!»—«Что жъ мнѣ, лгать, что ли, на старости лѣтъ?»—оправдывался Захаръ. Когда Захаръ выдумалъ нелѣпость [про свадьбу Обломова съ Ильинской], а Илья Ильичъ старался внушить ему, что «все это вздоръ, нелѣпость, ложь, клевета», З. равнодушно перебилъ барина:—«Отчего не можетъ быть.—Дѣло обыкновенное—свадьба! Не вы одни, всѣ женятся!» Онъ никакъ не могъ понять о чемъ волнуется Обломовъ. Ожидая къ себѣ пріѣзда Ольги, Обломовъ не въ силахъ былъ выпроводить З. изъ дома.—«Не пойду,—не пойду,—рѣшительно отвѣчалъ Захаръ».—«Нѣтъ, ты ступай!»—настойчиво говорилъ Обломовъ.—«Что за гости въ будни? Не пойду!»—упрямо сказалъ Захаръ.—«Поди же, повеселись, не упрямясь, когда баринъ дѣлаетъ милость, отпускаетъ тебя... ступай къ пріятелямъ!»—«Ну ихъ, пріятелей-то!»—«Развѣ тебѣ не хочется повидаться съ ними?»—«Мерзавцы все такіе, что иной разъ не глядѣлъ бы!»—«Поди же, поди!»—настойчиво твердилъ Обломовъ, и кровь у него бросилась въ голову.—«Нѣтъ, сегодня пѣлый день дома пробуду, а вотъ въ воскресенье, пожалуй!»—равнодушно отпѣкивался Захаръ.—«Теперь же, сейчасъ!»—въ волненіи торопилъ его Обломовъ.—«Ты долженъ...»—«Да куда я пойду семь верстъ кнсеа ѣсть?»—отговаривался Захаръ.—«Ну, поди погуляй часа два: видишь, рожа-то у тебя какая заспанная—провѣтрись!»—«Рожа, какъ рожа: обыкновенно такая бываетъ у нашего брата!»—сказалъ Захаръ, лѣниво глядя въ окно.—«Ну, пожалуйста, поди, погуляй, тебя просятъ! На вотъ двугривенный: выпей пива съ пріятелемъ».—«Я лучше на крыльцѣ побуду:—а то куда я въ морозъ пойду? У воротъ, пожалуй, посижу, это могу».—«Нѣтъ, дальше отъ воротъ,—живо сказалъ Обломовъ:—въ другую улицу ступай, вонъ туда, на лѣво, къ саду... на ту сторону».—«Что за диковина?» думалъ Захаръ: «гулять гонитъ; этого не бывало».—«Я лучше въ воскресенье Илья Ильичъ...» Ушелъ.

лишь тогда, когда Обломовъ выгналъ его, но такъ и не догадался, зачѣмъ Илья Ильичъ его «гулять прогналъ». — «Экая диковина: гулять прогналъ! съ усмѣшкой сипѣлъ онъ про себя». «На другой день З., убирая комнату, нашелъ на письменномъ столѣ маленькую перчатку, долго разглядывалъ ее, усмѣхнулся, и подалъ Обломову. — «Должно быть, Ильинская барышня забыла, — сказалъ онъ». На брань и крикъ Обломова, вырвавшего у З. перчатку, отвѣтилъ: — «Что за дьяволь? Что я выдумываю. Вонъ уже на хозяйской половинѣ говорятъ... — «Что говорятъ?» спросилъ Обломовъ». — «Да что, слышь, Ильинская барышня съ дѣвушкой была». «Брань З. — ничего, только бы «жалкихъ» и «ядовитыхъ» словъ не говорилъ баринъ». Больше всего боялся онъ «жалкихъ словъ» Обломова. Тогда онъ чувствовалъ, не понимая значенія этихъ словъ, что «мигаетъ чаще и чаще и вотъ того и гляди, брызнуть слезы». — «Да, полно вамъ, батюшка, томить-то меня жалкими словами! умолялъ З. — «Ахъ, ты Господи!» Когда же Обломовъ заявлялъ ему, что онъ «огорчилъ барина», З. готовъ былъ «хоть сквозь землю провалиться»; слово благодаръ стелъствуетъ доканало его». — «Я спрашиваю тебя, говорилъ Обломовъ: какъ ты могъ горько оскорбить барина [сравненіемъ Ильи Ильича съ другими], «котораго ты ребенкомъ носилъ на рукахъ, которому вѣкъ служишь, который благодаръ стелъствуетъ тебѣ». «Чѣмъ меньше понималъ онъ, что говорить ему въ патетической рѣчи Илья Ильичъ, тѣмъ грустнѣе становилось ему». «Захаръ тронулся окончательно послѣдними жалкими словами. Онъ началъ понемногу всхлипывать; сипѣнье и хрипѣнье слились въ этотъ разъ въ одну, невозможную ни для какого инструмента ноту, развѣ только для какого-нибудь китайскаго гонга, или индійскаго там-тама». — «Батюшка, Илья Ильичъ! — умолялъ онъ. — Полно вамъ! Что вы, Господь съ вами, такое несчастье! Ахъ ты, Мать Пресвятая Богородица! Какая бѣда вдругъ стряслась неожиданно-негаданно...» «Онъ пересталъ понимать не только барина, но даже самъ себя». Позднѣ, каждый разъ, чуть въ рѣчи Обломова начинали проскальзывать жалкія слова, предлагалъ позвать Анисью и «повелительнымъ шепотомъ говорилъ ей: — поди ты къ барину: что ему тамъ нужно?» Когда Обломовъ называлъ его «ядовитымъ человѣкомъ» — «обидѣлся». — «Я христіанинъ: что-жъ вы ядовитымъ-то браните? Далось: ядовитый! Мы при старомъ баринѣ родились и выросли, онъ и щенкомъ изволилъ бранить и за уши дралъ, а этакого слова не слыхивали, выдумокъ не было! Долго ли до грѣха?» З. затаилъ обиду и послѣ, когда Обломовъ, просматривая счетъ за забранную зелень, замѣтилъ З.: — «Что ты, корова, что ли, чтобъ столько зелени сжевать?» З. отвѣтилъ: — «Нѣтъ! Я ядовитый человѣкъ!» Обидѣлся также на сравненіе его со змѣей». — «Вотъ какую змѣю отогрѣлъ на груди!» — сказалъ о З. Обломовъ. — «Змѣя!» произнесъ З., всплеснувъ руками, и такъ приударилъ плачемъ, какъ будто десятка два жуковъ влетѣли и зажуужжали въ комнату: — «Когда же я змѣю поминалъ?» — повторилъ онъ среди рыданій. — «Да я и во снѣ то ее не вижу, поганную!» Самъ З. «мрачно и высокомерно обращался со всѣми и въ томъ числѣ и съ Анисьей. — «Ахъ ты баба, солдатка этакая, хочешь ты умничать! Да развѣ у насъ въ Обломовкѣ такой домъ былъ? На мнѣ все держалось одною: однихъ лакеевъ, съ мальчишками, пятнадцать человѣкъ! А вашей братьи, бабья, такъ и поименно не знаешь... А ты тутъ... Ахъ ты!» — «Ну-ну-ну! хрипѣлъ онъ, дѣлая угрожающій жестъ локтемъ въ грудь. — «Пошла отсюда, изъ барскихъ комнатъ, на кухню... Знай свое бабье дѣло!» «Небрежно выслушивалъ совѣты жены, но послѣ того, какъ и З. «стало ясно», что Анисья «умнѣе его», гордость его страдала, однако, онъ не переимѣнилъ съ ней своего обращенія. Лишь послѣ смерти Анисьи вспомнилъ, что, когда она была жива, былъ и у него «кусочъ хлѣба» и пожелалъ «царство ей небесное».

З. «былъ убѣжденъ, что они съ бариномъ (Обломовымъ), дѣло дѣлаютъ и живутъ нормально, какъ должно, и что иначе жить и не слѣдуетъ». Онъ не умѣлъ представить себѣ другого барина, кромѣ Ильи Ильича, другого существованія, какъ одѣвать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и въ то же время внутренне благоговѣть передъ нимъ».

«З. на всѣхъ другихъ господъ и гостей, приходившихъ къ Обломову, смотрѣлъ нѣсколькоко высока и служилъ имъ, подавалъ чай и проч., съ какимъ-то снисхожденіемъ, какъ будто давалъ имъ чувствовать честь, которую они подьзуютъ, находясь у его барина. Отказывалъ имъ грубовато:—«Баринъ-де почиваетъ,» говорилъ онъ, надменно оглядывая пришедшаго съ ногъ до головы». На грубости Тарантьева «отвѣчалъ еще грубѣе». Когда Тарантьевъ назвалъ его «старымъ дуракомъ», З. отвѣчалъ, «злобно поглядывая на Тарантьева»:—«А вы заведите-ка прежде своего Захара, да и лайтеся тогда!» «Несмотря на приказаніе Обломова, такъ и не далъ Тарантьеву фрака Ильи Ильича.—«Не дамъ», холодно отвѣчалъ З.—«Пусть прежде принесутъ назадъ жилетъ, да нашу рубашку: пятый мѣсяцъ гоститъ тамъ. Взяли вотъ этакъ же на именины, да и поминай какъ звали; жилетъ бархатный, а рубашка тонкая, голландская: двадцать пять рублѣвъ стоитъ. Не дамъ фрака!» «Наружныя сношенія Обломова съ З. «были всегда какъ то враждѣбны». «Наружно онъ не выказывалъ не только подобострастія къ барину, но даже былъ грубоватъ, фамиллярень въ обхожденіи съ нимъ, сердился на него не шутя, за всякую мелочь».—«Знаешь ты дрыхнуть!—говорилъ Захарь, увѣренный, что баринъ не слышитъ.—Вишь дрыхнетъ, словно чурбанъ осиноый! Зачѣмъ ты на свѣтъ-то Божій родился? Да вставай же ты! говорятъ тебѣ...—заревѣлъ-было Захарь». Съ баринкомъ обращался «точно такъ-же, какъ шаманъ грубо и фамиллярно обходится со своимъ идоломъ: онъ и обметаетъ его, и уронить, иногда, м. б., и ударить съ досадою, но все-таки въ душѣ его постоянно присутствуетъ сознаніе превосходства природы этого идола надъ своею». «Сильнѣе авторитета своего барина, онъ и не подозрѣвалъ на свѣтъ». «Малѣйшаго повода было достаточно, «чтобы вызвать изъ глубины души З.» это чувство (сознаніе превосходства надъ собою природы) Ильи Ильича), заставить его смотрѣть съ благоговѣніемъ на барина, иногда даже удариться отъ умиленія въ слезы»; однако, З. чувствовалъ, что онъ необходимъ Обломову. Когда Илья Ильичъ собрался за-границу, З., «умѣхнувшись», «иронически» спросилъ:—«А кто тамъ сапоги-то съ васъ станутъ снимать! Дѣвки-то, что-ли? [З. былъ убѣжденъ, что «за границей служить господамъ все дѣвки».—«Гдѣ дѣвкѣ сапоги стащить? И какъ она станетъ чулки натягивать на голыя ноги барину?】—Да вы тамъ пропадете безъ меня». Тѣмъ не менѣе, «З. былъ глубоко преданный своему барину слуга». Онъ-бы не задумался сгорѣть или утонуть за него, не считая это подвигомъ, достойнымъ удивленія или какихъ-нибудь наградъ. «Онъ смотрѣлъ на это, какъ на естественное, иначе быть немогущее дѣло, или, лучше сказать, никакъ не смотрѣлъ, а поступалъ такъ, безъ всякихъ умозрѣній». «Теорій у него на этотъ предметъ не было никакихъ». З. умеръ бы вмѣсто барина, считая это неизбѣжнымъ и природнымъ долгомъ», но за то, еслибъ понадобилось, напримѣръ, просидѣть всю ночь возлѣ постели барина, не смыкая глазъ и отъ этого бы зависѣло здоровье, или даже жизнь барина, З. непременно бы заснулъ». Варскіе капризы, «на которые хотя онъ и ворчалъ, и про себя, и вслухъ», онъ «уважалъ внутренно, какъ проявленіе барской воли, господскаго права», видѣлъ въ нихъ «слабые намеки на отжившее величіе». Безъ этихъ капризовъ онъ какъ-то не чувствовалъ надъ собой барина; безъ нихъ ничто не воскрешало молодости его, деревни». «З. любилъ Обломовку, какъ кошка свой чердакъ, лошадь—стойло: собака—кануру, въ которой родилась и выросла. Въ сферѣ этой привязанности у него вырабатывались уже свои особенныя, личныя впечатлѣнія. Напримѣръ, обломовскаго кучера онъ любилъ больше, нежели повара, скотницу Варвару больше ихъ обоихъ». Тараску, буфетчика, онъ терпѣть не могъ, но этого Тараску онъ не промѣнялъ бы на самаго хорошаго человѣка въ цѣломъ свѣтѣ, потому только, что Тараска былъ обломовскій». З. «не самъ выдумалъ свои чувства и отношенія къ Ильѣ Ильичу»: «они перешли отъ отца, дѣда, братьевъ, дворня, среди которой онъ родился и воспитался, и обратились въ плоть и кровь». По этой привычкѣ—онъ ругалъ «барина, при всякомъ удобномъ случаѣ»; жаловался всѣмъ «каждый день», что ему «житья нѣтъ, что этакое дурное барина еще и не слы-

хано: и капризень-то онъ, и скупъ, и сердить, и что не угодишь ему ни въ чемъ, что, словомъ, лучше умереть, чѣмъ жить у него». «Обломовъ мѣшалъ З. «жить тѣмъ, что требовалъ поминутно его услугъ и присутствія около себя, но Илью Ильича З. считалъ «выше всѣхъ помѣщиковъ». «Боже сохрани, чтобъ онъ поставилъ другого какого-нибудь барина, не только даже выше, наравнѣ со своимъ!» «Иногда, вмѣсто сплетни и злословія, онъ вдругъ припимался неумѣренно возвышать Илью Ильича по ланочкамъ и на сходкахъ у воротъ, и тогда не было князя восторгамъ. Онъ вдругъ начиналъ вычислять достоинства барина, умъ, ласковость, щедрость, доброту; и если у барина его недоставало качествъ для панегирика, онъ занималъ у другихъ и придавалъ ему знатность, богатство, или необычайное могущество». — «Да! — говорилъ Захаръ. — У меня-то, слава Богу! баринъ столбовой; приятели-то генералы, графы да князья. Еще не всякаго графа посадить съ собой: иной придетъ да и настоится въ прихожей... Ходятъ все сочинители»... — «Сочинители, по объясненію Захара, данному имъ дворнику — «это такіе господа, которые сами выдумываютъ, — что имъ понадобится, — говорилъ Захаръ». — «Что жъ они у васъ дѣлаютъ?» — спросилъ дворникъ». — «Что? Одинъ трубку спросить, другой хересу... — сказалъ Захаръ, и остановился, замѣтивъ, что почти всѣ насмѣшливо улыбаются». Онъ былъ «словоохотливъ» и отъ скуки, отъ недостатка матеріала для разговора, или чтобъ внушить болѣе интереса слушающей его публикѣ, вдругъ распускалъ про барина какую-нибудь небывальщину». — «Мой то повадился вонъ все къ той вдовѣ ходить, — хрипѣлъ онъ тихо, по довѣренности: — вчера писалъ записку къ ней». Или объявить, что баринъ его такой картежникъ, какого свѣтъ не производилъ; что всѣ ночи до утра бьется въ карты и пьетъ горючую». У воротъ рассказывалъ дворнѣ, будто бы Илья Ильичъ говорилъ ему: — «Тебя, говорить, повѣсить надо, тебя, говорить, сварить въ горячей смолѣ надо, да щипцами калеными рвать; колъ осиновый, говорить, въ тебя вколотить надо!» «А самъ такъ и лѣзетъ, такъ и лѣзетъ». Говорилъ объ этомъ «такимъ голосомъ, какъ будто и самъ убѣжденъ былъ» въ справедливости своихъ словъ: «Это З. дѣлалъ не изъ злости и не изъ желанія повредить барину, а такъ, по той же привычкѣ, доставшейся ему по наслѣдству отъ дѣда его и отца — обругать барина при всякомъ удобномъ случаѣ, но, если же кто-нибудь изъ постороннихъ ставилъ другого какого-нибудь барина не только даже выше, — наравнѣ съ «его баринемъ», это задѣвало «за живое и З.». Тогда онъ готовъ былъ облить ядомъ желчи не только противника своего, но и его барина, и родню барина, которой даже не зналъ, есть ли она, и знакомыхъ». — «Какъ онъ смѣетъ такъ говорить про моего барина?» — возразилъ горячо Захаръ, указывая на кучера. — «Да знаетъ ли онъ, кто мой баринъ-то?» — съ благоговѣніемъ спросилъ онъ». — «Да тебѣ, — говорилъ онъ, обращаясь къ кучеру: — и во снѣ не увидать такого барина: добрый, умница, красавецъ! А твой-то точно некормленная кляча! Срамъ посмотришь, какъ вывзжааете со двора на бурой кобылѣ: точно нищие. Вдлите-то рѣдку съ квасомъ». Позднѣе, (послѣ женитьбы Штольца на Ольгѣ), признался, что онъ пустилъ «клевету» на барина «и людямъ илинскимъ рассказалъ» все онъ самъ, а не Пякита.

Послѣ смерти Ильи Ильича и жены, З. спился и представлялъ изъ себя, по словамъ Штольца, «самый нормальный типъ нишаго, «побирающагося» у церковной паперти. «Все лицо его какъ будто прожжено было багровой печатью, отъ лба до подбородка. Носъ былъ, сверхъ того, подернутъ синевою. Голова совсѣмъ лысая; бакенбарды были, попрежнему, большія, но смятыя и перепутанныя, какъ войлокъ, въ каждой точнѣ положено было по комку снѣга. На немъ была ветхая, совсѣмъ полинявшая шинель, у которой недоставало одной полы: обуть онъ былъ въ старыя стоптанныя галоши на босу ногу». «Штольца онъ не узналъ и, снявъ «мѣховую, совсѣмъ обтертую шапку», захрипѣлъ: — Милосердые господа! Помогите бѣдному, увѣчному въ тридцати сраженьяхъ, престарѣлому вину».

Зашибаевъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Зашелъ въ контору управляющаго домою, чтобъ сказать, что у него нѣтъ денегъ для уплаты за квартиру. Когда управляющій удивленно замѣтилъ, что З. «въ новыхъ панталонахъ», отвѣтилъ «безпечно», «небрежно поглядывая на свой костюмъ»:—«Это товарищъ мой прислалъ: у него двѣ пары». На улыбку управляющаго возразилъ:—«Что-жъ вы смѣтаете, что панталоны у меня есть!.. И всегда будутъ—безъ панталонъ никто не ходитъ. Нечего и хлопотать, откуда они возьмутся»—и «хлопнулъ себя по брюкамъ».

Заѣзжаловъ, Василій Тихонычъ («Обыкн. ист.»).—Уп. л. Помѣщикъ, знакомый отца Адуева-старшаго. «Будучи съ покойнымъ родителемъ вашимъ коротко знакомы и пріятеля, да и васъ самихъ въ дѣтствѣ тѣшилъ не мало и въ домѣ вашемъ частенько хлѣба и соли отвѣдывалъ», писалъ З. Адуеву-старшему и просилъ его похлопотать о своемъ дѣлѣ.

И.

И. Б. («Обрывъ»).—Уп. л. Аяновъ писалъ Райскому, что И. Б. прочать товарищемъ министра.

И. В. («Обрывъ»).—Уп. л. Его, по словамъ Аянова, «прочать въ министры».

И. В. Ф. («Фрег. Пал.»).—Фуругельмъ, Иванъ Васильевичъ.

И. П. («Фрег. Пал.»).—См. въ Спискѣ—Бѣлавенецъ, И. П.

Ивана Петровича-сыновья («Обрывъ»).—Три сына подростка, напоминашіе «собой негодовалыхъ собакъ крупной породы, у которыхъ ужъ лапы и головы выросли, а тѣло еще не сложилось, уши болтаются на лбу и хвостикъ не доросъ до полу. Скачутъ они вездѣ безъ толку и сами не сладятъ съ длинными, не по росту, безобразными лапами; не узнаютъ своихъ отъ чужихъ, лаютъ на родного отца и готовы сжевать брошенную мочалку или ухо родного брата, если попадется въ зубы». Передъ завтракомъ у Бережковой сидѣли они въ укромномъ уголкѣ, и съ юными и глупыми физиономіями смотрѣли, полуразиня ротъ, на всѣхъ, какъ молодые желтоносые воронята, которые, сидя въ гнѣздѣ, безпрестанно раскрываютъ рты, въ ожиданіи корма». Ноги не умѣщались подъ стуломъ, а хватили на середину комнаты, путались межъ собой и мѣшали ходить. Имъ велѣно быть скромными, говорить тихо, а изъ утробы четырнадцатилѣтняго птенца, вмѣсто шепота, раздавался громовой басъ; велѣлъ отецъ сидѣть чинно, держать ручки на брюшкѣ, а на этихъ, еще тоненькихъ ручкахъ ужъ отросли громадные, угловатые кулаки». Они «не знали, бѣдныя, куда дѣться, какъ сжаться, краснѣли, пыхѣли и потѣли», пока ихъ не отпустили въ садъ, «гдѣ они, почувствовавъ себя на свободѣ, начали бѣгать и скакать, только прутья отъ кустовъ полетѣли въ стороны, въ ожиданіи, пока позовутъ завтракать». При входѣ Райскаго птенца, уже стоявшіе въ залѣ «въ ожиданіи корма, «вдругъ вытянули отъ стѣны до оконъ и быстро съ шумомъ повезли назадъ свои скороспѣлыя ноги и выронили изъ рукъ картузы». Отъ нихъ въ комнатѣ было и душно, и тѣсно, и пахло», по выраженію Бережковой, «севрюгой».

Иванъ («Обрывъ»).—Уп. л. Дворовый Викентьевыхъ.

Иванъ («Фрег. Пал.»).—Тунгузъ. Товарищъ Аеоньки.

Иванъ Андрейчъ («Обыкн. ист.»).—«Лѣкаръ».—«Дока такой, что чудо! Лѣкарствъ почти никакихъ не прописываетъ; самъ дѣлаетъ какія-то крохотныя зернышки,—и помогаютъ», отзывается о немъ Анна Павловна.

Иванъ Богдановичъ («Обрывъ»).—Докторъ, лѣчившій «и въ губернаторскомъ домѣ, и въ Малиновкѣ. Послѣ изгнанія Тычкова изъ дома Бережковой, И. Б., пріѣхавъ къ Тычкову, по его приглашенію, старался не смотрѣть на него, а «если смотрѣлъ, то также, какъ и лакей, любопытнѣе». Прописалъ «дѣту и покой»; но отъ предложеннаго завтрака уклонился, сказавъ, «что званъ на фрешти къ къ Бережковой, у которой будетъ и его превосходительство, и всѣ,

и что онъ видѣлъ, какъ архіерей прямо изъ собора уже поѣхалъ, и потому спѣшить».

Иванъ Герасимовичъ («Обломовъ»).—«Съдой экзекуторъ», бывшій сослуживецъ и знакомый Обломова. У И. Г. иногда обѣдалъ Илья Ильичъ и ему онъ думалъ «поручить нанять квартиру». — «Что за страсть убивать время съ этимъ болваномъ?» спрашивалъ Штольцъ у Обломова. По мнѣнію послѣдняго, И. Г. «хорошій человѣкъ, только что не въ голландскихъ рубашкахъ ходитъ». У него въ домѣ Обломовъ любилъ сидѣть съ ногами на диванѣ, курить и слушать какъ канарейки трещать. По признанію Обломова, у И. Г. «какъ-то правильно, уютно въ домѣ. Комнаты маленькія, диваны такіе глубокіе: уйдешь съ головой и не видать человѣка. Окна совсѣмъ закрыты плющами, да кактусами, капареекъ больше дюжины, три собаки, такія добрыя! Закуска со стола не сходить. Гравюры все изображаютъ семейныя сцены. Придешь и уйти не хочется. Сидишь, не заботясь, не думая ни о чемъ, знаешь, что около тебя есть человѣкъ... конечно, немудрый, помѣняться съ нимъ идеей нечего и думать, зато нехитрый, добрый, радушный, безъ претензій, и не уязвить тебя за глаза!»

Иванъ Григорьевъ («Фрег. Пал.»).—Кучеръ князя О., сдѣлавшій кругосвѣтное путешествіе. «Разсказывалъ съ гордостью, какъ король Сандвичевыхъ острововъ, глядя на его бороду и особенное платье, принялъ его за важное лицо и пожалъ ему руку». Былъ и разсудительный и словоохотливый человѣкъ и говорилъ съ важностью авторитета». По мнѣнію И. Г.—«оно ничего: можно и верхомъ ѣхать (изъ Аяна), надо только, чтобъ все заведеніе было въ порядкѣ». По дорогѣ пристально занимался всѣмъ: природой, векшами, скакавшими по деревьямъ, лошадьми; «вглядывался» во все и пріобрѣталъ всякія свѣдѣнія. Ухитрялся говорить «безпрестанно», даже съ якутами, «а какъ, о чемъ—неизвѣстно, но они были «довольны другъ другомъ. Во время переѣзда по болоту «пытался утѣшаться», что «никакая дорога безъ лужъ не бываетъ, сколько онъ ни ѣзжалъ». Увидя появившіяся осинникъ и соснякъ, «несказанно обрадовался:» — «Вонъ осинничекъ, вонъ сосничокъ! говорилъ онъ привѣтливо, указывая на знакомыя деревья. «Былъ услужливъ» и годился на всѣ руки. Когда былъ нуженъ столъ (при переправѣ по Ленѣ на лодкахъ), «обыкновенно говорили Ивану Григорьеву «чтобъ былъ столъ».—«Слушаю», отвѣчалъ Иванъ и отправлялся въ лѣсъ: черезъ четверть часа уже былъ сколоченъ столъ. Въ одной куртѣ не было ни оконъ, ни двери. Сказано Ивану Григорьеву, чтобы была дверь и окно. «Слушаю», сказалъ онъ и окна заткнулъ потниками отъ лошадей, а дверь такъ приладилъ, что на утро отворить было нельзя, а надобно было выколотить». Былъ очень своеобразенъ и съ трудомъ «отступалъ отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій». Везъ съ собою пару кокосовыхъ орѣховъ, по той причинѣ, что въ Москвѣ видѣлъ, какъ «въ лавкѣ за такіе орѣхи просили по пять цѣлковыхъ за штуку» и потому думалъ «сбыть ихъ тамъ. Насчетъ же ихъ вкуса отвѣчалъ: съ величайшимъ презрѣніемъ»:—«Нѣтъ, какое вкусно! Это все пустое!» Вскорѣ послѣ того, какъ баринъ велѣлъ И. Г. выбросить орѣхи, явился съ вопросомъ:—«Не прикажете ли бросить этотъ камень?» Онъ держалъ какой-то красивый, пестрый камень въ рукѣ.—«Какъ можно! это надо показать въ Петербургѣ: это замѣчательный камень изъ Бразиліи...»—«Бѣлья некуда дѣвать», говорилъ Иванъ Григорьевъ: «много мѣста занимаетъ. И что за камень? хоть бы для точила годился!» Всѣ необходимыя вещи и въ томъ числѣ барскій тулупъ заложилъ въ чемоданы и зашилъ, а въ мѣшкѣ при себѣ везъ змѣиную шкуру изъ Бразиліи, п. ч. «думалъ, что шкуру-то можно и выбросить, а тулупчика-то жаль».

Иванъ Ивановичъ («Обрывъ»).—Уп. л. См. Профессора.

Иванъ Ивановичъ («Обрывъ»).—«Какой-то художникъ». На зовъ Профессора пришелъ посмотреть картину Райскаго («Прощаніе Гектора»). На вопросъ Профессора («что ты видишь?»), отвѣчалъ:—«Что? Это не изъ нашихъ (академическихъ).—«Кто же придѣлалъ голову къ этой мазнѣ? Да, голова..

мъ... а ухо не на мѣстѣ. Кто это?» Потомъ заявилъ Райскому:—«Гм! У васъ есть талантъ, это видно. Учитесь; со временемъ...».

Иванъ Иванычъ («Обыкновенный»).—Чиновникъ; «желтая фигура» «съ обтертыми локтями». «Испыгивалъ» Александра при поступленіи его на службу. Вскорѣ И. И. «ему съ почтеніемъ началъ подносить свою табакерку, предчувствуя», что Адуевъ, «подобно множеству другихъ, послуживъ, какъ онъ говаривалъ, безъ году недѣлю, обгонитъ его, сядетъ ему на шею и махнетъ въ начальники отдѣленія, а тамъ чего добраго, въ вице-директоры...». «А я работай за нихъ», говорилъ И. И.

Иванъ Иванычъ («Обыкновенный»).—Русскій учитель Тафаевой.

Иванъ Кузьмичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Дядя Татьяны Марковны; привезъ ей съ Востока старинную шаль, за которую заплатилъ, по словамъ Бережковой, триста червонныхъ. (Эта шаль вынималась и выкладывалась одной только Василисой), и Бережкова надѣвала ее лишь «по большимъ праздникамъ»).

Иванъ Матвѣевичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомый Викентьева и Бережковой. Викентьевъ «попросился» къ нему въ лодку и меньше чѣмъ въ четверть часа выудилъ сазана, котораго привезъ въ подарокъ Татьянѣ Марковнѣ. Въ лодкѣ И. М., забылъ Викентьевъ «книгу и ноты», «все изъ-за того сазана».

Иванъ Матвѣевичъ Мухоморовъ («Обломовъ»).—См. Мухоморовъ, И. М.

Иванъ Петровичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова (I, 1).

Иванъ Петровичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Управляющій имѣніемъ Бѣловодовой.

Иванъ Петровичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Бывшій помощникъ Аянова; по словамъ послѣдняго, И. П. «ни одной чиновницѣ, ни одной горничной проходу не даетъ, т. е. красивой, конечно. Всѣмъ говоритъ любезности, подноситъ конфеты, букеты»...

Иванъ Петровичъ («Обрывъ»).—«Деревенскій политикъ». Ближайшій къ городу помѣщикъ, захватившій «въ городъ съ визитами» и бывшій на парадномъ завтракѣ у Бережковой. «Его гордость и счастье» составляли три сына-подростка, съ которыми онъ пріѣхалъ. Ив. Ив. «всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь изъ гостей рекомендовалъ этихъ четырнадцатилѣтнихъ чадъ, мѣля отъ будущихъ своихъ надеждъ, рассказывалъ подробности о ихъ рожденіи и воспитаніи, какій у кого способности, про остроту, проказы и просилъ проэкзаменовать ихъ, поговорить съ ними по-французски». Въ разговорѣ поддакивалъ Тычкову и былъ того мнѣнія, что «все новое» «не къ добру ведетъ». Дѣйствию «новыхъ правилъ» приписывалъ то, что «венгерцы и поляки бунтуютъ» и «изъ любопытства», «какъ деревенскій житель», которому «лестно послушать просвѣщеннаго человѣка», спрашивалъ Райскаго о шведскомъ королѣ, и о Наполеонѣ, и о туркахъ». Тычковъ замѣтилъ Ив. П., «говорившему за всѣхъ», что всю воду рѣшетомъ не переносишь». Удивлялся, какъ это Ирландія голодаетъ, когда какъ она находится «въ подданствѣ у Англіи, а Англія страна богатая». Задалъ вопросъ:—«Отчего теперича у нихъ [англійскихъ помѣщиковъ] не взять хоть половину хлѣба, скота, да и не отдать туда, въ Ирландію?»—«Что это, братъ, ты проповѣдуешь: бунтъ?» вдругъ сказалъ Ниль Андреичъ.—«Какой бунтъ, ваше превосходительство...? Я только изъ любопытства».—«Ну, если въ Вяткѣ или Перми голодъ, а у тебя возмуть половину хлѣбомъ даромъ, да туда?»—«Какъ это можно! Мы—совсѣмъ другое дѣло».—«Ну, не дай, Боже!» сказалъ Ив. Петр. на замѣчаніе Тычкова, что если его слова услышать мужики; убѣжденъ, что только имъ «дай волю, дай только имъ свободу, ну и пошли въ кабакъ, да и за балалайку: нарѣжется и претъ имо тебя и шапки не ломаетъ!»

Иванъ Саввичъ Поджабринъ.—«Холостой чиновникъ. Служить «изъ чести», безъ жалованья». По словамъ Авдѣя, «пустоголовый». «Ежедневный образъ жизни Ивана Саввича, какъ нынѣшнія драмы, раздѣлялся на три картины. Утро въ должности. Это онъ называлъ серьезными занятіями, хотя иногда

сидѣлъ тамъ, ничего не дѣлая. Обѣдъ въ трактирѣ, часто съ пріятелями. Тогда обѣдали шумно и напивались обыкновенно пьяны. Это называлось к у т и т ь с и считалось дѣломъ большой важности. Вечеръ или въ театрѣ, или въ обществѣ какой-нибудь сосѣдки. Последнее значило у Ивана Саввича и подобныхъ ему ж у и р о в а т ь жизнью. Выше и лучше этого онъ ничего не зналъ. Родители оставили ему небольшое состояніе и познакомили его съ порядочными людьми. Но онъ нашель, что знакомство съ ними—с у х а я м а т е р і я, и мало-по-малу оставилъ ихъ. Книгъ онъ не читалъ, хотя учился въ какомъ-то учебномъ заведеніи. Но духъ науки пронесся надъ его головой, не обѣнивъ ея крыломъ своимъ и не пробудивъ въ немъ любознательности. Какимъ онъ вступилъ въ учебное заведеніе, такимъ и вышелъ, хотя, по заведенному въ этомъ заведеніи похвальному обычаю, получилъ при выходѣ похвальный листъ за п р и л е ж а н і е, у с п ѣ х и и б л а г о н р а в н о е п о в е д е н і е. Сидя дома, «послѣ серьезныхъ занятій», онъ не зналъ, что дѣлать. Для препровожденія времени, онъ то подождетъ ноги подъ себя, то вытянетъ ихъ во всю длину, по ковру, то зѣвнетъ, то потянется, или стряхнетъ въ чашку кофе пепель съ сигары и слушаетъ какъ онъ зашпигитъ»; или «отворялъ вполонину дверь и, сидя «въ живописномъ положеніи», глядѣлъ къ сосѣдкамъ. Это онъ также называлъ «жуировать жизнью».—«Жизнь коротка»,—надо жуировать ею», повторялъ И. С., и не давалъ прохода ни одной хорошенькой женщинѣ». «Службу считалъ сухой матеріей, любовь называлъ жизненнымъ балзамомъ» и твердилъ: «что можетъ быть сладостнѣ любви?»—«Это очень глупо любить», возразилъ онъ же Машѣ, когда она надѣла И. С. Вообще «былъ ловокъ»; съ Машей былъ грубъ, но съ баронессой держался почтительно и «едва осмѣливался дотронуться до ея руки, когда она ему подавала, и не позволялъ себѣ даже малѣйшаго намека на любовь»; даже пріятелямъ, предъ которыми И. С. хвастался своими успѣхами, говорилъ:—«Это такъ, лестное знакомство: я тамъ, можетъ быть, сойду съ хорошими людьми, выиграю по службѣ, а не то, чтобы...» Баронессу (см. Цейхъ) принималъ, какъ аттестовалъ ее дворникъ, за «знатную даму»; о томъ, какъ баронесса продала ему негодную лошадь за семьсотъ рублей, какъ въ ея домѣ И. С. перерядили въ кофту и ночной чепецъ и какъ баронесса не только отказалась отъ уплаты И. С. долга, а сама потребовала отъ него двѣсти рублей, яко-бы должныхъ имъ ей, И. С. рѣшилъ не рассказывать даже пріятелямъ: онъ «былъ обманутъ наружнымъ блескомъ». Однако, не утерпѣлъ и рассказалъ объ этомъ Прасковѣ Михайловнѣ, съ которой познакомился послѣ неудачи съ баронессой.

Иванъ Семеновичъ («О бы к н. и с т.»). — Уп. л. Профессоръ эстетики. «Считался самымъ краснорѣчивымъ профессоромъ». «Гремѣлъ съ кафедръ, а слушатели «трепетали въ восторгѣ отъ его огненнаго взора и слова». См. въ «Спискѣ»—Н а д е ж д и н ь.

Ивановъ («О бы к н. и с т.»).—Сослуживецъ Александра Адуева.

Ивлевы («О б р ы в ь»).—Уп. л. Знакомые Аянова.

Иглевы («Н а р о д и н ь»).—Уп. л. Братья И—вы; дворяне. По словамъ Якубова, у нихъ «до пятисотъ тысячъ дохода»; старшій живетъ роскошно, моетъ, а у младшаго «никто никогда чашки чая не выпилъ. Сидитъ безвыѣздно въ деревнѣ. Самъ по утрамъ пьетъ молоко, а за обѣдомъ ѣстъ вареную говядину съ кислой капустой. А домъ у него старинный, барскій, однѣ оранжереи чего стоятъ! Персики, ананасы свои...» «Все посылаетъ въ городъ на базаръ. На однихъ яблокахъ тысячь пять получить въ годъ. А тронетъ въ саду яблоко мальчишка или баба—такъ вздуетъ».

Игнатій («О бы к н. и с т.»).—Лакей Любецкихъ.

Изюминъ («О бы к н. и с т.»).—«Купецъ». «Охотникъ гонять» голубей; «и по утрамъ и по вечерамъ, въ колпакѣ, въ халатѣ, съ палкой, къ концу которой привязана тряпица, стоитъ на крышѣ и посвистываетъ, размахивая палкой».

Ильинская, Ольга Сергѣевна («О б л о м о в ь»).—См. О л ь г а.

Ильюшка («О б р ы в ь»).—Крѣпостной изъ Малиновки.

Илья («Обрывъ»).—Уп. л. Сослуживецъ Пахотина. По его словамъ графъ «къ Святой опять обошелъ меня (наградой), а Ильѣ дали!»

Илья Ильичъ Обломовъ.—См. Обломовъ И. И.

Ирина («Обрывъ»).—Дворовая Бережковой.

Ирина Пантелѣвна («Обломовъ»).—См. Мухоярова, И. П.

Итальянецъ («Обыкн. и ст.»).—Учитель Тафаевой.

Испанецъ («Фрег. Пал.»). Манильскій знакомый Гончарова. Нѣкогда морякъ, теперь «commandant des Troupes», какъ онъ самъ называлъ себя.

Иченко («Обыкн. и ст.»).—Сослуживецъ Ал. Адуева.

I.

Иеронимъ («Слуги»).—Уп. л. Ксендзъ. См. Матвѣй.

К.

К. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»: Колокольцовъ, А. А.

К. Л. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»: Лосевъ, К.

Кавадзи, Сойемоно-Ками («Фрег. Пал.»).—Второй полномочный японскаго правительства, присланный изъ Едо въ Нагасаки для переговоровъ съ адмираломъ. Переговоры эти были возложены на К. Онъ былъ очень уменъ. «Каждое слово его, взглядъ, даже манеры—все обличало здравый умъ, остроуміе, проницательность и опытность». Слушалъ «съ напряженнымъ вниманіемъ»; въ это время «на лбу, въ мѣняющихся узорахъ легкихъ морщинъ, замѣтно отражалось, какъ собирались въ головѣ у него, одни за другимъ, понятія, и какъ формировался изъ нихъ общій смыслъ того, что ему говорили. Послѣ половины рѣчи, когда, повидимому, онъ схватывалъ главный смыслъ ея, ротъ у него сжимался, складки исчезали на лбу, все лицо свѣтлѣло: онъ зналъ уже, что отвѣчать. Если вопросъ противной стороны заключалъ въ себѣ, кромѣ сказаннаго, еще другой, скрытый смыслъ, у К. невольно появлялась легкая улыбка. Когда онъ самъ начиналъ говорить и говорилъ долго, онъ весь былъ въ своей мысли, и тогда въ глазахъ прямо свѣтился умъ».

Казачокъ («Обломовъ»).—К. изъ дома на Гороховой; малый, лѣтъ пятнадцати. Допытывался какъ баринъ «ругаетъ Захара лысымъ»:—«Чортомъ, что-ли?» Когда К. при всей дворнѣ побилъ Матвѣй Моисеичъ и «назвалъ дуракомъ» (за то, что онъ безъ дѣла торчалъ на дворѣ), К. сказалъ, «озадаченный и сконфуженный»:—«Что вы, Матвѣй Моисеичъ, за что это?» «Постоялъ съ минутой въ какомъ-то недоумѣніи, мигнуть раза-два», «встряхнулъ волосами и пошелъ на лѣстницу, какъ встрепанный».

Калинниковъ («Обломовъ»).—Уп. л. Къ нему далъ порученіе старый Штольцъ сыну. Андрей долженъ былъ доѣхать верхомъ до губернскаго города, получить тамъ отъ К. триста пятьдесятъ рублей и оставить у него лошадь.

Кальяновъ, Иванъ Ивановичъ («Литер. Веч.»).—Сослуживецъ и одинъ изъ главныхъ помощниковъ Бебикова въ «Комиссіи по преобразованіямъ и по другимъ дѣламъ, какія на того возлагались». «Онъ считался столпомъ въ администраціи и правою рукою своего предсѣдателя. Вѣрнѣе, точнѣе и свѣдущѣе по своей части исполнителя, какъ этотъ Ив. Ив., не было даже ни у одного министра. Самъ онъ никогда ничего не придумывалъ и не предлагалъ новаго, но бралъ предложенный ему матеріалъ—проектъ ли закона, новую какую-нибудь мѣру и, вооруженный уставами, положеніями, сводомъ законовъ, указами, инструкціями, органически воплощалъ идею, давая ей плоть и кровь»,—былъ «техникъ-организаторъ» для идей и плановъ Бебикова. Жилъ «дома, за бумагами, а вече-

ромъ дома же, за картами съ двумя-тремя пріятелями, *partie fixe*». На чтеніе «попаль нечаянно», и самъ не могъ надивиться этому. Когда Бебиковъ открылъ К., что пишетъ романъ, не повѣрилъ:—«Хорошъ долженъ быть романъ»,—сказалъ К., «поглядывая на тетрадь.—Пожалуй, отъ него канцелярїи на полгода работы хватить, а дѣлопроизводителю, т. е. вашему покорному слугѣ, опять по ночамъ не спать». Писаніе романовъ К. считалъ «вздоромъ». «Сдавая вступительный экзаменъ въ университетъ, по факультету камеральныхъ наукъ, между прочимъ и изъ словесности, онъ запомнилъ имена Вальтеръ-Скотта, Бальзака, у насъ—Загоскина и Лажечникова. Позднѣе, въ журналахъ, онъ встрѣтилъ имепя Жоржъ Занда, Виктора Гюго, помнилъ, какого шума надѣлала «Капитанская дочка» Пушкина, затѣмъ романы Лажечникова, Лермонтова и Гоголя. Но онъ, ставъ на практическую точку служебныхъ занятій, уже ничего этого послѣ не читалъ—и на романъ смотрѣлъ... просто никакъ не смотрѣлъ. Онъ считалъ это женскимъ или, какъ онъ выражался, бабьимъ дѣломъ, и, нахмураясь, смотрѣлъ, какъ у его сестры, старой дѣвушки, цѣлый уголь, точно дровъ, навалено было русскихъ и французскихъ романовъ». Не повѣрилъ, что «этакій богачъ (Бебиковъ)—и станетъ писать!» Все раздумывалъ о томъ, «насколько хватить всей комиссіи и ему работы», т. к. предполагалъ, что Бебиковъ «готовить сюрпризъ»: собереть всю комиссію, да и прочтетъ какой-нибудь проектъ или идею.—«Охъ, ужъ эти мнѣ идеи!» думалъ К.—«И женщины тутъ; что-жъ это въ самомъ дѣлѣ—ужели такъ-таки романъ и есть?» шепталъ онъ, робко усаживаясь въ третьей шеренгѣ слушателей въ домѣ Уранова. «К. просто не зналъ, какъ ему быть. Надежда на мистификацію рушилась—онъ видѣлъ это ясно: ни пересмотра проектовъ, ни дополнительныхъ штатовъ, никакихъ смѣтъ, ничего такого въ романѣ не было. А все чтѣ было—ему было чуждо и даже противно, въ родѣ какой-то дѣтской забавы». Во время чтенія, К. волновался:—«Что я ему скажу?» раздумывалъ онъ про себя. «А онъ непременно спроситъ—вонъ, то и дѣло поглядываетъ на меня! Сказать коротко, «никуда не годится», это было бы всего удобнѣе и искреннѣе съ моей стороны—да нельзя, если-бъ и хватило духу; надо объяснить, почему не годится. Сказать «очень хорошо»,—я рискнулъ бы и на это, а какъ просить: что именно и почему хорошо? И когда романъ бываетъ хорошъ, когда не хорошъ—чортъ знаетъ!» Но, по мѣрѣ того, какъ чтеніе подвигалось къ концу, К. «становился покойнѣе; онъ даже повеселѣлъ и смѣлѣе поглядывалъ на автора и на присутствующихъ, почти не вслушиваясь въ послѣднія страницы романа, какъ будто онъ пришелъ къ какому-нибудь критическому заключенію». На вопросъ автора, отвѣтилъ:—«Прекрасно: какое перо!» Онъ не зналъ какой эпитетъ прибавить и смѣло замѣтилъ:—«Вотъ у васъ» «сказано, что восточный вѣтеръ нагоняетъ тучи, дождь... а я живу на дачѣ, на Выборгской сторонѣ, такъ-сказать, подъ самымъ восточнымъ вѣтромъ, и всегда замѣчалъ, что онъ именно приносить ясную погоду. Бывало, въ ненастье ждешь его, какъ благодати»... «Авторъ засмѣялся».—«А когда вы живете на дачѣ?»—спросилъ онъ.—«Вотъ на-дняхъ переѣзжаю, на той недѣлѣ, лишь только подуетъ восточный вѣтеръ!»—отвѣтилъ, смѣясь же, К.—«За-то все остальное уже безупречно!»—рискнулъ К. кинуть вслѣдъ уходившему автору, но тотъ, улыбаясь, какъ бомбу, бросилъ ему въ отвѣтъ фразу:—«Мы еще объ этомъ поговоримъ!»—«Вотъ тебѣ разъ!»—размышлялъ К., спускаясь съ лѣстницы:—а я думалъ, что ужъ и отдѣлался! Постой, постой!—вспомнилъ онъ:—у меня еще мелькали какія-то два замѣчанія: одно—ошибка противъ гражданскаго права, а другое... другое... что бишь такое?»—И «очень довольный», «уѣхалъ домой».

Каннингамъ («Ф р е г. П а л.»).—Американскій консулъ въ Шанхаѣ и представитель «знаменитаго Америк. торг. дома «Россель и К^о», «одного изъ лучшихъ» въ Шанхаѣ. «Маленькій бѣлокурый и невидный изъ себя» челоуѣкъ. Къ К. на обѣдъ былъ приглашенъ Гончаровъ (II, 2). «Выстроилъ себѣ дачу гдѣ-то въ горахъ, миль за 80 отъ моря (несмотря на запрещеніе иностранцамъ углубляться внутрь страны). Когда губернаторъ провинці протестовалъ противъ этого»,

К. отвѣчалъ, что католическіе миссіонеры, въ разныхъ мѣстахъ, еще дальше имѣютъ монастыри: пусть губернаторъ выгонитъ ихъ оттуда, тогда и онъ откажется отъ дачи». Когда къ тому-же К. «присталъ губернаторъ, зачѣмъ онъ снаряжаетъ судно, да еще, кажется, съ опіумомъ, въ какой-то шестой портъ¹⁾, чуть-ли не въ самый Пекинъ, когда открыто только пять?»—«А зачѣмъ?»—возразилъ тотъ опять,—у о. Чусана, который не открытъ для европейцевъ, давно стоятъ англійскіе корабли? Выгоните ихъ, и я не пошлю судно въ Пекинъ».

Кантонистъ-писарь («Обрывъ»).—Прохожій; когда Райскій розыскивалъ по городу «учителя»—Козлова, привелъ Бориса Павловича къ тому дому, откуда звонко раздавались азы.—«Вотъ школа, вонъ и учитель самъ сидитъ!» прибавилъ онъ, указывая въ окно на учителя. Когда же Райскій замѣтилъ:—«Да это совсѣмъ не то!» К. сказалъ:—«А то еще на горѣ есть гимназія».

Капитанъ («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»: Унковскій, И. С.

Кармена («Фрег. Пал.»).—Испанецъ изъ Маниллы, товарищъ Авелло; «хотя очень дурно, но за-то очень скоро», говорилъ «по-французски»; «служилъ и по редакціи» газеты, «и по сбору податей».

Каролина («Фрег. Пал.»).—Родственница м-гс Вельчь. Дѣвушка лѣтъ 20, красавица. Она была прекраснаго роста, съ прекрасными глазами и недурными руками. «Сквозь бѣлую, нѣжную кожу сквозили тонкими линиями синія жилки; глаза большіе, темносиніе и лучистые; ротъ маленькій и граціозный, съ вѣчной, одинаковой для всѣхъ улыбкой» (такова была «сила привычки», что даже когда К. «обрѣзала палецъ и заплакала», то лобъ у нея наморщился, глаза выразили страданіе, а ротъ улыбался»). Граціозно «подавала она каждому счетъ, написанный хотя дурной рукой, но прекраснымъ почеркомъ», и «мило говорила:—thank you! когда, взамѣнъ счета, ей подавали кучку фунтовъ». «Привлекала всѣхъ» и около нея было постоянное сборище. Она кругомъ дарила улыбкой, бросая на всѣхъ «убійственный взглядъ».

Карповъ («Фрег. Пал.»).—Поваръ съ фрегата.

Катя («Обломовъ»).—Горничная Ольги Ильинской; прибѣгала съ записками отъ барышни къ Обломову; сопровождала Ольгу, во время ея посѣщенія Ильи Ильича на Выборгской.

Catherine («Обрывъ»).—Уп. л. Кузина Бѣловодовой.

Кеннигштейнъ («Обыкн. и ст.»).—Уп. л. Портной; «на губернатора работаетъ».

Кизель, баронъ («И. С. Поджабринъ»).—Уп. л. Воображаемый знакомый Поджабрина; барона К. онъ назвалъ Аннѣ Павловнѣ въ числѣ своихъ знакомыхъ для того, чтобы «задать тону». Рекомендовалъ его «какъ отличнаго игрока на билліардѣ».

Кирилла Кириллычъ («Обрывъ»). Уп. л. По словамъ Бережковой, «богатъ, здоровехонекъ, весь вѣкъ хи-хи-хи, да ха-ха-ха, да жена вдругъ ушла: съ тѣхъ поръ и повѣсилъ голову,—шестой годъ ходитъ, какъ тѣнь».

Кириловъ, Семень Семеновичъ («Обрывъ»).—Художникъ, учитель Райскаго. «Маленькій, сухощавый человѣчекъ, весь спрятавшійся въ бакенбарды, усы и бороду. Тѣла почти совсѣмъ не было видно, только впалые глаза неестественно блестящіе, да носъ вдругъ рѣзкимъ горбомъ выходилъ изъ чащи, а концомъ опять упирался въ волосы, за которыми не видать было ни щекъ, ни подбородка, ни губъ». «Глядя на эти задумчивые сосредоточенные и горячіе взгляды, на это будто уснувшее, подъ непроницаемымъ покровомъ волосъ, суровое, неподвижное лицо», «не подумаешь, что это вольный, какъ птица, художникъ міра, ищущій свѣтлыхъ сторонъ жизни, а примешь его самого за мученика, за монаха искусства, возненавидѣвшаго и понявшаго только скорби». Искусство для К.—«все». «Ни жизнью, ни искусствомъ», по убѣжденію К., «шутить нельзя». То и другое строго: оттого немного на свѣтѣ и людей, и художниковъ.. «Искусство не любить

¹⁾ См. въ «Спискѣ»: Японія. Примѣчаніе.

барь... Оно тоже избираетъ худородныхъ». «Необходимо работать до тумана, до обморока въ головѣ». «Отдайте искусству все, будьте мудры и вмѣстѣ просты, какъ змѣи и голуби, и, чтобы ни дѣлалось около васъ, куда бы ни увлекла жизнь, въ какую яму ни падали, помните и исповѣдуйте одно ученіе, чувствуйте одно чувство, испытывайте одну страсть—къ искусству! Пусть васъ клянутъ, презираютъ во имя его—идите: тогда только призваніе и служеніе совершатся... говорилъ К. Райскому. Онъ вѣрилъ, что существуетъ «общество художниковъ—это орденъ братства, разсыянный по всему міру и идущій къ одной цѣли!»—«Нельзя наслаждаться жизнью, шалить, ѣздить въ гости, и, между прочимъ, сочинять, рисовать, чертить и ваять». По словамъ Райскаго, К.—«изувѣръ», одинъ изъ послѣднихъ могиантъ: истинный, цѣльный, но не униженный художникъ». Съ К. вмѣстѣ Райскій уѣхалъ за границу. [Ср. Художникъ въ «Портретѣ» Гоголя «Сл. Лит. Тип.», т. 3-й, стр. 72].

Кирюшка («О б р ы в ъ»).—Дворовый Бережковой. «Чуть у которой-нибудь внучки (барыни) «язычекъ зачесется, или брюшко немножко вспучить», «К. или Власть скакали, болтая локтями и ногами, на неосѣдланной лошади, въ городъ, за докторомъ».

Кичибѣ («Ф р е г. П а л.»). — Японецъ; старшій переводчикъ, присланный изъ Едо. У. К. было «круглое, полное и смуглое лицо безъ румянца», съ выдавшимися до-нельзя верхними зубами, съ постоянною, отчасти невольною, по причинѣ выдавшихся зубовъ, улыбкою». По-англійски «не зналъ, и очень жалѣлъ, что «выучился» «по-голландски».—«Я люблю», говорилъ К., ничего не дѣлать, лежать на боку». «Ограниченъ и упрямъ». «Составлялъ *juste milieu* между приверженцами старины и представителями молодой Японіи: у него не было «застарѣлой ненависти къ новому и вѣры въ японскую систему правленія, но ему не угнаться и за новыми. Онъ просто служилъ за жалованье, кому и какъ хотите». «Ему все равно, возьмутъ ли Японію, нѣтъ ли, онъ продолжаетъ улыбаться, показывать свои фортепіано изо рту» и «х и х и к а е т ъ». «Съ своей улыбкой, съ яснымъ взглядомъ и наклоненной головой, просто, безъ вздоховъ и печали, объявилъ, что Сіогунъ, ни больше, ни меньше, какъ *gestorven*—умеръ!» Переводилъ японскую рѣчь на голландскій языкъ «по своему: коротко и отрывисто, передавалъ только мысль, но способъ выраженія, подробности, отгѣнки» у него пропадали. «Если скажутъ что-нибудь рѣзко по-голландски, онъ» «смягчить въ переводѣ на японскій языкъ, или вовсе умолчить». При приѣмѣ адмирала губернаторомъ «лежалъ на полу, «какъ грудка какая-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверхъ дномъ шлюпку». «Хи, хи, хи! слышалось только изъ К.» и онъ «судорожно» подергивался «отъ этого, всѣмъ существомъ его произносимаго, хи». На фрегатѣ, выпрашивая моряковъ (куда идти, воротятся-ли?), «К. извивался, какъ змѣй». Былъ не прочь «посуетиться, поговорить, пошумѣть, побѣгать». Читалъ «крикливымъ, жесткимъ, какъ карканье вороны голосомъ, при чемъ «гримасничалъ и всхлипывалъ».

Кичибѣ-сынъ («Ф р е г. П а л.»).—Кандидатъ въ переводчики.

Кишь («О б р ы в ъ»).—Уп. л. См. Сѣмечкина Дашенька.

Клери Сіѣгу («О б р ы в ъ»).—Уп. л. Гувернантка-француженка Софьи Бѣловодовой.

Княгиня («Л и т е р. в е ч.»).—Героиня романа Бебикова, «блестящая звѣзда большого свѣта по красотѣ, изяществу, уму». [Ср. кн. Искрицкая въ романѣ Валуева «Лоринъ». См. въ «Спискѣ»: Валуевъ и Перечень: «Лит. вечеръ»].

Княгиня («О б л о м о в ъ»).—Уп. л. Жена князя, владѣльца Верхлѣва; «величественная красотой, ростомъ и объемомъ женщина, къ которой, кажется, никогда никто не подходилъ близко, не обнялъ, не поцѣловалъ ее, даже самъ князь, хотя у ней было пятеро дѣтей». Она казалась выше того міра, въ который нисходила въ три года разъ (пріѣзжая въ свое помѣстье); ни съ кѣмъ не говорила, никуда не выѣзжала, а сидѣла въ угольной зеленой комнатѣ съ тремя старушками,

да через садъ, пѣшкомъ, по крытой галлерей, ходила въ церковь и садилась па стулъ за ширмы».

Княгиня («О б р ы в ъ»). — Знакомая Татьяна Марковны. «Востроносая худенькая старушка, въ темномъ платьѣ въ кружевахъ, въ большомъ чепцѣ, съ сухими костлявыми, маленькими руками, переплетенными синими жилами, и со множествомъ старинныхъ перстней на пальцахъ». Жила «въ большомъ темномъ домѣ».

Княжны («О б л о м о в ъ»).—Дѣвочки одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ, высокенькія, стройныя, нарядно-одѣтыя, ни съ кѣмъ не говорившія, никому не кланявшіяся и боявшіяся мужиковъ» (дочери князя, владѣльца Верхлёва).

Князь («О б л о м о в ъ»).—Уп. л. Владѣлецъ Верхлёва; «сѣдой старикъ съ выцвѣтшимъ пергаментнымъ лицомъ, тусклыми на выкатѣ глазами и большимъ плѣшивымъ лбомъ, съ тремя звѣздами, съ золотой табакеркой, съ тростью съ яхонтовымъ набалдашникомъ, въ бархатныхъ сапогахъ». Пріѣзжалъ, «года въ три разъ», въ свой верхлёвскій замокъ.

Ковригинъ («О б р ы в ъ»).—Уп. л. См. Саврасовъ.

Козловъ («Н а р о д и н ѣ»).—Хозяинъ станціонной избышки въ Буинскѣ. «Мужикъ въ красной рубашкѣ, съ большимъ ключомъ на поясъ».

Козлова, Ульяна Андреевна («О б р ы в ъ»).—См. Ульяна Андреевна К о з л о в а.

Козловъ («О б р ы в ъ»).—См. Леонтій Козловъ.

Козыревъ, Федоръ Петровичъ («Н а р о д и н ѣ»). — Ласковый баловникъ-старичокъ; близкій знакомый Якубова. Имѣлъ «слегка рябоватое лицо, темно-сѣрые умные глаза, и «насмѣшливо-добродушную улыбку». Жилъ «почти безвыѣздно въ своей деревнѣ, въ «прелестной усадьбѣ», окруженной садомъ во вкусъ Людовика XIV». «Былъ поклонникомъ Вольтера и всей школы энциклопедистовъ, и самъ смотрѣлъ маленькимъ Вольтеромъ, острымъ, саркастическимъ—какъ многіе тогда поклонники Вольтера. Духъ скептицизма, отрицанія свѣтилъ въ его насмѣшливыхъ взглядахъ, улыбкѣ и сверкалъ въ рѣчахъ». К. «саркастически по-смѣивался и надъ круглыми мѣрами властей, и надъ переполохомъ» (декабрьскія событія 1825 г.). «Онъ не выползалъ изъ своей норы» и не выходилъ изъ халата». Кромѣ «сада и библіотеки, онъ ничего знать не хотѣлъ, ни полей, ни лѣсовъ, ни границъ имѣнія, ни доходовъ, ни расходовъ». По рассказамъ его людей К., въѣзжая на своихъ лошадяхъ въ свое сосѣднее имѣніе, спрашивалъ: «чьи это лошади?». Вообще, онъ рѣдко покидалъ свой домъ и даже въ лежащую, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія, другую деревню, «и въ ту не всякій годъ онъ заглядывалъ»; «въ три года разъ пріѣзжалъ въ губернской городъ на дворянскіе выборы» и останавливался у Якубова. Поутру К. подавали въ постель чай или кофе. Въ полдень онъ завтракалъ и «опять» забирался въ постель; «въ дни выборовъ «натягивалъ на себя екатерининскихъ временъ мундиръ и «панталоны, спрятанные въ высокіе сапоги съ кисточками», надѣвалъ парикъ и, вмѣстѣ съ Якубовымъ и Гастуринымъ, хохоталъ, «оглядывая другъ-друга. На выборы пріѣзжалъ «совсѣмъ не затѣмъ», чтобы его «выбирали, а, напротивъ, чтобы не выбирали». По словамъ предводителя дворянства Бравина, «стоитъ только написать Козыреву и Гастурину, что ихъ намѣрены баллотировать: сейчасъ же оба бросятъ свои захоластья и пріѣдутъ просить, чтобы не выбирали».—Бесѣдой его служили «французскіе писатели», но онъ былъ «такъ остороженъ и деликатенъ, что «умалчивалъ» предъ юношами «о смыслѣ и значеніи ученія мыслителей энциклопедистовъ» и давалъ имъ читать произведенія французской поэзіи, декламируя Расина, Корнеля и «Генріаду» Вольтера.—«Баснями соловья не кормятъ! заканчивалъ онъ «бесѣды и велѣлъ подавать всегда тонкій, изящный обѣдъ».

Коко («О б р ы в ъ»).—Уп. л. Аяновъ писалъ въ письмѣ Райскому, что «К. женился, наконецъ, на своей Еудохіе, за которой чуть не семь лѣтъ, какъ за Ракхилью ухаживалъ!—и уѣхалъ въ свою тьму-тараканскую деревню».

Колчинскій барченко («Обрывъ»). — Такъ Василиса называла Игнатьева.

Колымагинъ, Василій Севастьянычъ («Обломовъ»).—Уп. л. (I, 1).

Комендантъ («Фрег. Пал.»).—Комендантъ залива (de bahia). Испанецъ изъ Маниллы; «высокій, красивый мужчина съ усами». («Я до сихъ поръ имѣю темное понятіе о томъ, что такое commendant de bahia,—писалъ Гончаровъ I, 5).

Конецъ («Обыкн. ист.»).—«Другъ» Петра Ивановича. «Нужный человекъ».

Константинъ Павловичъ («Превр. судьбы»). — Великій князь; «управляя Царствомъ Польскимъ», потребовалъ полкъ, гдѣ служилъ Хабаровъ, на смотръ въ Варшаву и «остался очень доволенъ». — «Этого перевести въ Варшаву, въ мою гвардію», сказалъ К. П., указывая на Хабарова. Когда же послѣдній просилъ «избавить» его отъ «этой чести», т. к. ему нечѣмъ будетъ жить въ Варшавѣ, послѣдовалъ приказъ выдавать Хабарову въ добавокъ къ жалованью по двѣсти рублей въ годъ». Черезъ два года К. П. «согласился» на просьбу Хабарова: «уволить его отъ военной службы для опредѣленія къ другимъ дѣламъ» и далъ ему, кромѣ обыкновеннаго указа объ отставкѣ, «свидѣтельство за собственноручной подписью въ томъ, что онъ своею службою и поведеніемъ заслуживаетъ полное одобреніе и можетъ исполнять всѣ возлагаемыя на него дѣла и порученія».

Копылинъ, князь («Май мѣс. въ Петерб.»). — «Старинный пріятель Чиханова», «богатый князь». Пріѣхалъ къ Чихановымъ и, «обращаясь къ мужу и женѣ», «сказалъ, пожимая имъ руки»:—«Eh bien, mes enfantes, какъ поживаете?» Узнавъ, что они сидятъ «безъ денегъ и на Антоніевой пищѣ», спросилъ:—«Какъ такъ, безъ денегъ и на Антоніевой пищѣ? Что это значитъ?» — «Такъ, князь: вѣдь я у васъ просилъ денегъ, потому что... мы ѣдимъ печенку съ огурцами, приходится такъ», пояснилъ Чихановъ.—«Sauce Madère?» осведомился съ нѣкоторымъ вниманіемъ князь.—«Вы смѣшиваете печенку съ почкой: это двѣ вещи различныя!» сказала Чиханова.—«Печенка, печенка!» повторялъ князь.—«Qu'est ce que c'est que ça?» Когда К. пояснили, что печенка—c'est le foire, а почка—c'est le rognon», сказалъ:—«А, теперь понимаю!» За завтракомъ спросилъ «почти съ отвращеніемъ»:—«Неужели вы ѣдите печенку?» и «посмотрѣлъ на Чихановыхъ какъ-бы съ состраданіемъ, досталъ со вздохомъ изъ кармана своего бумажникъ, отсчиталъ пять сотенныхъ бумажекъ и отдалъ ихъ Чиханову:—«Вотъ вамъ, на первый разъ довольно!»

Коркинъ, графъ («И. С. Поджабринъ»).—Поджабринъ назвалъ его Аннѣ Павловнѣ въ числѣ своихъ знакомыхъ для того, «чтобы задать тону»; рекомендовалъ К., какъ «славнаго молодого человекъ, перваго жуира въ Петербургѣ».

Костяновъ («Обыкн. ист.»).—Старикъ—«душа на распашку»; «жилъ на Пескахъ и ходилъ по своей улицѣ въ лакированномъ картузѣ, въ халатѣ, подпоясавшись носовымъ платкомъ». «Страстный любитель всякихъ церемоній, и веселыхъ, и печальныхъ»; «если случался пожаръ, онъ являлся первый и уходилъ послѣдній. Проходя мимо церкви, въ которой отпѣвали покойника, онъ пробирался сквозь толпу взглянуть мертвому въ лицо и потомъ шелъ провожать его на кладбище». «Любилъ такъ же присутствовать при разныхъ экстраординарныхъ происшествіяхъ, какъ-то: дракахъ, несчастныхъ смертныхъ случаяхъ, провалахъ потолковъ и т. п. и читалъ съ особеннымъ наслажденіемъ исчисленіе подобныхъ случаевъ въ газетахъ». «Читалъ онъ, кромѣ этого, еще медицинскія книги»,— «для того,—говорилъ онъ,—чтобъ знать, что въ человекѣ есть». Игралъ по вечерамъ съ кухаркой «въ свои козыри, или съ Адуевымъ «въ шашки», «а лѣтомъ за городомъ удилъ рыбу». Разговаривалъ онъ «о томъ, о семъ». «Когда шли къ полю, онъ говорилъ о хлѣбѣ, о посѣвѣ; по берегу—о рыбѣ, о судоходствѣ; по улицѣ—дѣлалъ замѣчанія о домахъ, о постройкѣ, о материалахъ и доходахъ... отвлеченностей никакихъ». «Съ мужиками онъ разсуждалъ объ ихъ житѣ-бытѣ,

съ бабами шутилъ и «былъ балагуръ». «На жизнь смотрѣлъ, какъ на хорошую вещь, когда есть деньги, и наоборотъ». Старикъ зналъ кое-что въ хозяйствѣ, такъ напр., «выучилъ Александра дѣлать настойку, варить селянку и рубцы». Возмущался, что билетъ въ концертъ стоитъ пятнадцать рублей:—«Вотъ мошенники, апаемы! ѣздятъ сюда надувать насъ, обирать деньги!»—«Не ѣздите, Александръ Ѳедорычъ, плюньте! Добро бы вещь какая-нибудь: взяли бы домой, на столъ поставили, или съѣлъ; а то послушалъ только, да и на: плати пятнадцать рублей! За пятнадцать рублей можно жеребенка купить!» На замѣчаніе Александра, что «иногда за то, чтобы провести вечеръ съ удовольствіемъ, платять и дороже», отвѣчалъ:—«Провести вечеръ съ удовольствіемъ! Да знаете что: пойдете въ баню, славно проведемъ. Я всякій разъ, какъ соскучусь, иду туда—и любо; пойдешь часовъ въ шесть, а выйдешь въ двѣнадцать, и погрѣешься, и тѣло почешешь, а иногда и знакомство пріятное сведешь: придетъ духовное лицо, либо купецъ, либо офицеръ; заведутъ рѣчь о торговлѣ, что-ли, или о преставленіи свѣта... и не вышелъ бы! а всего по шести гривенъ съ человѣка». У К. было много знакомыхъ и онъ удивлялся, что люди «не знаютъ, гдѣ вечеръ провести».

Красноперовъ, Иванъ Петровичъ («Литер. вечеръ»).—Сослуживецъ и пріятель Уранова, «пріятель Греча и Булгарина»; благодаря знакомству съ послѣдними, былъ приглашенъ Урановымъ, «въ качествѣ литературнаго эксперта», на чтеніе романа Бебикова. «Слушалъ, опустивъ подбородокъ въ широкое жабо галстука, иногда покачивалъ головою или зѣвалъ въ ладонь и разсѣянно поглядывалъ на картины, развѣшенные на стѣнахъ». Когда за ужиномъ Суховъ посоветовалъ К. «не связываться съ редакторомъ и профессоромъ, потому что они—народъ ученый—загоняють», К. отвѣтилъ:—«Пожалуйста! не загоняють! Николай Ивановичъ (Гречъ) и Ѳаддей Венедиктовичъ (Булгаринъ) не чета были нынѣшнимъ, а и тѣ уважали мое мнѣніе». О чемъ бы не заговорилъ, неизмѣнно поминалъ имена Николая Ивановича и Ѳаддея Венедиктовича; оба они, по словамъ К., «были на стражѣ и бдительно охранили правильность и неприкосновенность слога»; при нихъ «бывало, сочинители ходили по стрункѣ и тѣ изъ нихъ (сочинителей) только и выходили въ люди, которые побывали въ ихъ школѣ; «отъ Греча и Булгарина доставалось не мало и Александру Сергѣевичу (Пушкину), когда онъ былъ молодъ и вольничалъ!» А прочіе ходили тише воды, ниже травы», говорилъ К. Ополчался противъ печати, обвинялъ ее «въ подстрекательствѣ», но указывать факты К. «очевидно затруднялся и заворчалъ:—«Чего тутъ указывать, все никуда не годится!»—«Вотъ Николай Ивановичъ или Ѳаддей Венедиктовичъ, тѣ сейчасъ бы указали, за словомъ въ карманъ не полѣзли-бы! Я не цензоръ—что мнѣ!» «Онъ не зналъ, что сказать»; но редактору замѣтилъ, что знаетъ—что у того на умѣ и отъ чего въ журналахъ не пишутъ о религіи.—«Какъ не знать! Всѣ знаютъ! Теперъ этого и не скрываетъ никто, до того дошло! Даже щеголяютъ этимъ: вотъ-моль, какіе мы умные! Иначе какъ бы не напечатать объ упадкѣ религіи и не поддержать ее? А вы только объ упадкѣ курса пишете, да перечите правительству!»—«Да! Такъ, такъ! Не смѣйтесь! ораторствовалъ Красноперовъ:—чуть гдѣ-нибудь учитель выдеретъ ученика за вихорь, по-нашему, по-старому, или вытуритъ директоръ изъ училища лѣнтя, а тотъ сдуру топиться пойдетъ—сейчасъ газеты такъ и завопятъ: «ахти, какой директоръ злодѣй!» Закончилъ по обыкновенію:—«Чтѣ нынѣшніе журналы! Вотъ Николай Ивановичъ и Ѳаддей Венедиктовичъ—тѣ сумѣли бы постоять за порядокъ!» «Самъ К., всѣмъ бы сочинителямъ при полиціи списки завелъ, да выдавалъ бы желтые билеты на жительство». «Правительство ослабѣло, строгости нѣтъ! Вотъ и порядокъ нѣтъ! Страху бы намъ, страху! Вотъ чтѣ нужно, а не свободу печати!.. Далъ-бы я имъ свободу! Сколько зла отъ этого! Боже мой, сколько зла!» «Вездѣ смуты, раздоры». Злобился «на новыхъ умниковъ» (къ нимъ онъ сопричислилъ и Крякова), которые, предсказывалъ онъ, скоро «придутъ» да объявятъ, что «домъ твой»—«не твой», а ихъ; «что все общее». «Будетъ тогда весело». Говорилъ, даже когда его не слушали и настаивалъ на своемъ:—«Я старѣ васъ всѣхъ тутъ и могу го-

ворить»... объяснял К. свою настойчивость. Требовалъ принятія мѣръ относительно «новаго поколѣнія» и грозилъ, что иначе скоро «и у насъ заведутъ коммуны».—«Смотрите-ка, что теперь дѣлается! Старшихъ нѣтъ, перемерли, учить уму разуму некому! Что если-бы они возстали изъ гробовъ!»—«Ихъ теперь посадили бы въ кунсткамеру, а съ ними и васъ!»—сказалъ Кряковъ. «К. разсердился, особенно когда это замѣчаніе встрѣтило смѣхъ даже около него».—«А васъ, милостивый государь, и всѣхъ подобныхъ вамъ сочинителей, которые такъ разсуждаютъ, ужъ, извините, я бы не туда посадилъ!»—горячо замѣтилъ онъ учительскимъ тономъ».—«Сажаютъ, успокойтесь, господинъ Фамусовъ; вы еще не всѣ перевелись на Руси!» «Договорился до того, что бросилъ даже «гостямъ постарше» упрекъ, что и они угождаютъ новому поколѣнію и унижаются передъ нимъ, боясь «показаться отсталыми». Въ концѣ концовъ, «брякнулъ»:—«Вы всѣ сами нигилисты, вотъ что!» На просьбу объяснить, сказалъ:—«Да такъ! Вы сами заодно съ этими новыми. Кто больше, кто меньше... но всѣ, всѣ! Напримѣръ, пные изъ васъ—и я знаю кто—вѣруютъ въ Бога по своему, а не такъ, какъ указываетъ православная церковь; ходятъ разъ въ годъ на исповѣдь, для прийма—говорятъ; другіе исповѣдуютъ противный господствующему строю правительства образъ мыслей и разсуждаютъ объ этомъ подъ рукою съ пріятелями, а сынки слушаютъ да на усъ мотають! Что мудренаго послѣ этого, что они не признають и не уважають ничего и никого!» Требовалъ къ отвѣту: «куда мчится либерализмъ?» «Какъ пріятель Греча и Булгарина», не могъ терпѣть Гоголя и о «Мертвыхъ Душахъ» отзывался: «думалъ, судя по заглавію, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь особенное, романическое, а тамъ плутъ какой-то собиралъ имена, умершихъ послѣ ревизіи, крестьянъ, чтобъ заложить ихъ! Что-жъ тутъ интереснаго?» «Вотъ «Ледяной домъ» Ивана Ивановича Лажечникова... Это романъ! Какъ изольда домикъ сдѣлали, свадьбу тамъ играли, человѣка заморозили». Крякова обзвалъ за глаза «паршивой овцой», и сказалъ:—«Еще приглашаетъ къ себѣ! Кто поѣдетъ къ такому уроду, куда-нибудь въ трущобу, на чердакъ!» Но онъ же, одинъ изъ присутствовавшихъ на вечерѣ, согласился съ Кряковымъ, что романъ Бебикова никуда не годится. Когда псевдонимъ Крякова былъ разоблаченъ, среди общаго смѣха, «только К. угрюмо молчалъ». Въ Павловскѣ, куда собрались всѣ гости, бывшіе на литературномъ вечерѣ,—К. не было.

Крестный («И. С. Поджабринъ»).—Крестный Прасковьи Михайловны. Чиновникъ особыхъ порученій. «Доротный человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, съ анненскимъ крестомъ на шеѣ». Кланялся «бокомъ», поглядывалъ «исподлобья». Расхвалилъ бумагу, присланную изъ департамента, гдѣ служилъ Поджабринъ, за то, что «написанъ цѣлый листъ кругомъ, а точнѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ никакихъ».—«Я нарочно списалъ себѣ эту бумагу... фу-ты, какъ славно написана!» На вечеринкѣ освѣдомился у Поджабрина, «кто теперь министромъ у французовъ?»—«Теперь министерство распущено: никого нѣтъ».—«Стало быть товарищи управляютъ»...—«Тамъ, вѣдь, одно министерство», отвѣтилъ Ив. Саввичъ.—«Какъ, неужели? И одинъ министръ?»—«Нѣтъ-съ, много».—«Много! Какая диковинка!» сказалъ К.

Крестный («Народинъ»).—См. Якубовъ.

Крестянинъ («Обыкновенный»).—Остановился «мимоходомъ посмотрѣть на успѣхъ» рыбной «ловли» Костякова. Посовѣтовалъ ему «позвонить въ колокольчики»: «можетъ, рыба на благовѣсть-то и того... пойдетъ».

Кричная, Полина Карповна («Обрывъ»).—См. Полина Карповна Крицкая.

Крицкіе («Обрывъ»).—Сыновья Полины Карповны, которыхъ она отправляла къ дядѣ на воспитаніе, подалше отъ себя, чтобъ они возрастомъ своимъ не обличали ея лѣтъ. Одному «малюткѣ» было шестнадцать, а другому четырнадцать лѣтъ.

Кряковъ («Литературный»).—Артистъ Императорскихъ театровъ, приглашенный племянникомъ Уранова на литературный вечеръ для того, «чтобъ весело

было». Былъ представленъ въ качествѣ «газетнаго критика». «Героємъ этого вечера» оказался «не авторъ и его романъ, а К. и оригинальные приемы его полемики». [Ср. рѣчи Крякова съ рѣчами Райскаго. См. Кряковъ—«Прототипы»].

Кузнецовъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова (I, 1).

Кузька («Обломовъ»).—Уп. л. См.: Мальчишки.

Кузьма («Обрывъ»).—Лакей Бережковой; вмѣстѣ съ Яковымъ «часа четыре употребилъ на то, чтобъ довести» охмелѣвшаго «Опенкина домой; сами же вернулись только на другой день къ обѣду, такъ какъ провели утро въ слободѣ подъ гостепріимнымъ кровомъ кабака»; чѣмъ ближе подходилъ К. къ дому, тѣмъ строже и внимательнѣе смотрѣлъ вокругъ, нѣтъ-ли безпорядка какого-нибудь, не валяется-ли что-нибудь лишнее, зря, около дома, трогалъ замокъ у воротъ, цѣль-ли онъ».

Кузьма Федотычъ («Обрывъ»).—Купецъ; владѣлецъ лавки «въ деревянныхъ рядахъ». Въ его лавкѣ были «сукна и матеріи, въ другой комнатѣ сыръ и леденцы, и пряности, даже бронза». На вопросъ Бережковой («хорошо-ли торгуете?») отвѣтилъ, «смахивая пыль съ кресла и почтительно подвигая его ей:—«Грѣхъ пожаловаться, сударыня. Только вы рѣдко стали жаловать»...

Купецъ («Народинъ»).—Попутчикъ Гончарова и сосѣдъ по diligенсу во время путешествія изъ Москвы въ Казань. «Сидѣлъ не бокомъ, а прямо и занималъ одинъ почти половину брички». На просьбу сосѣдки подвинуться, отвѣчалъ:—«Куда прикажете подвинуться? Радъ бы выкинуть ноги на дорогу, да боюсь подбереть кто-нибудь, послѣ не найдешь!»

Кучеръ («И. С. Поджабринъ»).—Рубилъ на дворѣ дрова; замѣтя Поджабрина съ Авдѣемъ, отыскивавшихъ дворника, закричалъ:—«Кого вамъ, господа? Дворника что-ли надо?» И съ этими словами вонзилъ топоръ въ бревно, обернулъ его, поднялъ надъ головой и хлопнулъ о-земь. Когда же Поджабринъ и Авдѣй сказали, что они ищутъ дворника, К. «поглядѣлъ на нихъ, потомъ поплевалъ на ладони, взялъ топоръ и опять занесъ его надъ головой».—«Не знаю, не видалъ! отвѣчалъ онъ, тряхнувъ головой, и вонзилъ топоръ въ другое бревно.

Кучеръ («Обломовъ»).—См. Артемій.

Кучеръ («Обломовъ»).—К. изъ дома на Гороховой, гдѣ жилъ Обломовъ, пріятель Захара. Когда послѣдній увѣрялъ собравшихся у воротъ, что Обломовъ «одинъ выпилъ полторы бутылки мадеры, два штофа квасу, да и завалился» спать, К. съ завистью сказалъ:—«Экъ!» Обидѣлъ Захара своей «выходкой», (см. Захаръ), и повздорилъ съ нимъ. Когда же Захаръ не унимался, «выдернулъ проворно, совсѣмъ торчавшій изъ подъ мышки Захара, ключокъ рубашки». На угрозу Захара, что его баринъ «выгладитъ» К. бороду, отвѣчалъ:—«Гораздъ же твой баринъ, коли будетъ чужимъ кучерамъ бороды гладить! Нѣтъ, вы заведите-ка своихъ, да въ тѣ поры, и гладьте, а то больно таровать!» На обѣщаніе Захара показать барину изорванное платье, К. нѣсколько струсилъ и потомъ проговорилъ самъ съ собой «въ раздумьи, флегматически»:—«Ну что за бѣда, коли и скажетъ барину? Баринъ добрый, видно по всему, только обругаетъ. А то, иной, глядитъ, глядитъ, да—и за волосы!»

Кэптенъ («Фрег. Пал.»). — Уп. л. «Американскій кэптенъ въ синей курткѣ», «съ сжатыми кулаками, съ стиснутыми зубами и съ звѣрскимъ взглядомъ своихъ глазъ, цвѣта морской воды». Если заговорить съ нимъ, «онъ сейчасъ разожметъ кулаки, и начнетъ говорить, разумѣется, о томъ, откуда идетъ, куда, чѣмъ торгуетъ, чтѣ выгоднѣе, привозить или вывозить и т. п. Болтовни, острогъ отъ него не жди. [К. видѣлъ Гончаровъ въ толпѣ на улицѣ Маниллы].

Л.

Л. А. П. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»: Поповъ, Левъ.

Лангвагенъ-фонъ, баронъ («Обломовъ»).—Опекунъ Ольги. «Ему было подъ пятьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ очень свѣжъ, только красилъ усы и прихра-

мываль немного на одну ногу». «Одѣтъ былъ въ послѣднемъ вкусѣ и въ петлицѣ фрака носилъ много ленточекъ. Ъздилъ всегда въ каретѣ и чрезвычайно берегъ лошадей: садясь въ экипажъ, онъ прежде обойдетъ кругомъ его, осмотритъ сбрую, даже копыта лошадей, а иногда вынетъ бѣлый платокъ и потретъ по плечу или хребту лошадей, чтобъ посмотреть, хорошо ли онѣ вычищены». «Онъ былъ вѣжливъ до утонченности, никогда не курилъ при дамахъ, не клалъ одну ногу на другую и строго порицалъ молодыхъ людей, которые позволяютъ себѣ въ обществѣ опрокидываться въ креслѣ и поднимать колѣнку и сапоги наравнѣ съ носомъ. Онъ и въ комнатѣ сидѣлъ въ перчаткахъ, снимая ихъ только, когда садился обѣдать». «Знакомаго онъ встрѣчалъ съ благосклонно-вѣжливой улыбкой, незнакомаго— сначала холодно; но когда его представляли ему, холодность замѣнялась также улыбкой, и представленный могъ уже рассчитывать на нее всегда». «Разсуждалъ онъ обо всемъ: и о добродѣтели, и о дороговизнѣ, о наукахъ и о свѣтѣ одинаково отчетливо; выражалъ свое мнѣніе въ ясныхъ и законченныхъ фразахъ, какъ будто говорилъ сентенціями, уже готовыми, записанными въ какой-нибудь курсъ и пущенными для общаго руководства въ свѣтъ». «Связями своими въ свѣтѣ» баронъ пользовался при веденіи процесса (относительно «небольшого имѣнія Ольги, которое какъ-то попало въ залогъ при одномъ подрядѣ, да тамъ и засѣло), давая процессу этому удовлетворительный ходъ»; писать же бумаги и ходить по присутственнымъ мѣстамъ Л. «заставлялъ какого-то чиновника».

Левъ Петровичъ («Обрывъ»). Уп. л. Одинъ изъ знакомыхъ Бѣловодовой; см. Пьеръ, князь.

Леонтій Ивановичъ Козловъ («Обрывъ». — «Сынъ дьякона». Учился сперва «въ семинаріи; потомъ въ гимназіи». Окончилъ университетъ. Учитель древнихъ языковъ въ гимназіи.—«Некрасивъ». «Черты неправильныя, какъ будто все врознь, ни румянца, ни бѣлизны на лицѣ: оно было какое то безцвѣтное. «Лобъ выпуклый». «Руки худыя». Самъ «худъ». «Въ дѣтствѣ вѣчно онъ копался въ книгахъ или тетрадяхъ, какъ будто у него не было дѣтства, не было перва—шалить, рѣзвиться». «Волоса его были всегда растрепаны», «глаза гдѣ-то блуждали». Во время студенчества К. «былъ такъ бѣденъ, какъ нельзя уже быть бѣднѣе. Жилъ въ какомъ то чуланчикѣ, между печкой и дровами, работалъ при свѣтѣ лампы. «Одѣться ему было не во что: одинъ виць-мундиръ и двое брюкъ, изъ которыхъ однѣ нанковые для лѣта,—вотъ весь его гардеробъ». «Виць-мундиръ» «съ полинявшими и отчасти замазавшимися рукавомъ, часто «безъ пуговицы»; «панталоны разорваны»; «сапоги худые». Характеръ его отличался «просотою и цѣлостью. Онъ, по мнѣнію Райскаго, вылился весь окончательно въ назначенный ему образъ, угадалъ свою задачу и окаменѣлъ навсегда».—Л. «изучилъ греческій и латинскій языки». —«По гречески только профессоръ, да протопопъ въ соборѣ лучше его знаютъ!»—отзывались о Л. И. товарищи-студенты. «Учасъ имъ, онъ изучилъ древнюю жизнь». Онъ «ушелъ въ нее всѣмъ своимъ существомъ». Онъ «впадалъ въ пристрастіе къ греческой и латинской грамотѣ и бывалъ иногда сухъ, казался педантиченъ, ...п. ч. «эта грамота» «была ему мила»: «она была одеждой, сосудомъ, облакавшимъ милую, дорогую изученную имъ и привѣтливо открывавшуюся ему старую жизнь, давшую начало настоящей и грядущей жизни». «Фактическія знанія его были обширны и не были стоячимъ болотомъ, не строились, какъ у нѣкоторыхъ изъ усидчивыхъ семинаристовъ въ умѣ строятся кладбища, гдѣ прибавляется знаніе за знаніемъ, какъ строится памятникъ за памятникомъ, и всѣ они поростають травой и безмолвствуютъ; у Леонтія напротивъ, билась въ знаніяхъ своя жизнь, хотя прошлая, но живая. Онъ открытыми глазами смотрѣлъ въ минувшее. За строкой онъ видѣлъ другую строку. Къ древнему кубку придѣлывалъ и пирь, на которомъ изъ него пили; къ монетѣ—карманъ, въ которомъ она лежала». «Разказы» его «о древнемъ бытѣ были живы, вдохновенны». Райскій открылъ въ Л. И., «относительно древней жизни», «страсть», «священный огонь», «глубину пониманія до степени яснovidѣнія, строгость мысли, тонкость анализа». «Когда онъ углубится въ длинные разговоры

съ Райскимъ (о любимомъ предметѣ) или слушаетъ лекцію о древней и чужой жизни, читаетъ старца-классика,—тогда появлялась у него жизнь въ глазахъ и глаза эти у него были умны, оживленны; появлялась «красота».—Это перенесъ онъ и на свою другую любовь. «Погруженный въ созерпаніе жизни древнихъ, въ ихъ мысль и искусство», Л. «умудрился видѣть и любить (въ своей женѣ) какой то блескъ и колоритъ древности, античность формы». «Его поражала линія ея затылка и шея. Голова ея казалась ему похжей на головы римскихъ женщинъ на классическихъ барельефахъ, на камняхъ». «Современной жизни, онъ почти не замѣчалъ». «Вся программа и общественной и единичной жизни у насъ позади: всѣ образцы даны намъ»,—говорилъ Л.:—умѣй напастъ на свою форму, а она готова. Не отступай только—и будешь знать, что дѣлать...—«Какъ не вѣровать въ прогрессъ! говорилъ онъ.—«Мы потеряли дорогу, отстали отъ великихъ образцовъ, утратили многие секреты ихъ бытія. Наше дѣло теперь—понемногу опять взбираться на потерянный путь и... достигать той же крѣпости, того же совершенства въ мысли, въ наукѣ, въ нравахъ, въ правахъ и въ общественномъ хозяйствѣ, дѣльности въ добродѣтеляхъ, и пожалуй, въ порокахъ. Низость, мелочи, дрянъ—все поблѣднѣетъ: выправится человекъ и опять встанетъ на желѣзные ноги... Вотъ и прогрессъ!» «Возьми-ка предметъ изъ исторіи (для романа)... предлагаетъ онъ Райскому. ...«А то далась современная жизнь!.. Муравейникъ, мышьяная возня: дѣло ли это искусства? Это газетная литература!» «Ну ужъ мѣръ (современный)! Эти ваши Наполеоны и Пальмерстоны, выродки старыхъ большихъ людей». Онъ зналъ не только «древніе языки», но «и новые, хотя ни на одномъ изъ нихъ не говорилъ, зналъ всѣ литературы». «Л. былъ классикъ и безусловно читалъ все, что истекало изъ классическихъ образовъ или подходило подъ нихъ. Онъ «уважалъ Корнеля, даже чувствовалъ слабость къ Расину, хотя и говорилъ съ усмѣшкой, что они заняли только тоги и туникъ, какъ въ маскарадѣ, для своихъ маркизовъ: но все же въ нихъ звучали древнія имена дорогихъ ему героевъ и мѣсть». «Въ новыхъ литературахъ, тамъ, гдѣ не было древнихъ формъ, признавалъ только одну высокую поэзію, а тривіального, всенеднежнаго не любилъ; любилъ Данте, Мильтона, усиливался прочесть Клопштока—и не могъ. Шекспиру удивлялся, но не любилъ его; любилъ Гёте, но не романтика-Гёте, а классика, наслаждался римскими элегіями и путешествіями по Италіи больше, нежели Фаустомъ, Вильгельма Мейстера не признавалъ, но зналъ почти наизусть Прометея и Тасса. Онъ шель смотрѣлъ Рафаэля, но авторитета фламандской школы не уважалъ, хотя невольно улыбался, глядя на Теньера». —Л. былъ «библіофилъ», «библіоманъ». Когда Райскій «передалъ ему на попеченіе» бібліотеку отца—«три тысячи томовъ,—Л. «обмеръ» отъ радости.—«Мнѣ взять эти книги!»—сказалъ онъ, когда Райскій подарилъ ему свою бібліотеку. Онъ «смогрѣлъ то на книги, то на Райскаго, потомъ махнулъ рукой и вздохнулъ. —Не шути, Борисъ: у меня въ глазахъ рябитъ... Нѣтъ, vade retro... Не обольщай!»—«Для него (Марка Волохова), пишетъ Л.—«нѣтъ ничего святого въ мѣрѣ. Дай ему хоть эльзевира, онъ и оттуда выдеретъ листы».—На вопросъ Райскаго—«неужели не тянетъ его никуда?»—Л. указалъ на книги:—«мало, что ли»? Л. «принадлежалъ къ породѣ тѣхъ, погруженныхъ въ книги и ничего, кромѣ ихъ, не вѣдающихъ ученыхъ, живущихъ прошлою или идеальною жизнью, жизнью цифръ, гипотезъ, теорій и системъ и не замѣчающихъ настоящей, кругомъ текущей жизни». «Рѣдко гдѣ встрѣтишь теперь небритыхъ, нечесанныхъ ученыхъ, съ неподвижнымъ и вѣчно задумчивымъ взглядомъ, съ одною, вертящеюся около науки рѣчью, съ одностороннимъ, ушедшимъ въ науку умомъ, иногда и здравымъ смысломъ, неловкихъ, стыдливыхъ, убѣгающихъ женщинъ, глубокомысленныхъ, съ забавною разсѣянностью и съ умиленной младенческой простотой,—этихъ мучениковъ, рыцарей и жертвъ науки. И педантъ науки—теперь сталъ анахронизмомъ, потому что ею не удивилъ никого». «Л. принадлежалъ еще къ этой породѣ, съ немногими смятченіями, какія сдѣлало время».

Л. «задумчивъ» и «разсѣянъ» «съ дѣтства»—и самъ сознаетъ, что у него

«есть этотъ грѣхъ». «По разсѣянности», онъ то «забрѣдетъ не въ тотъ переулокъ», то «пересидитъ за обѣдомъ всѣхъ товарищей». «Всѣ ушли, онъ остался одинъ и задумчиво жеваль какое-то пирожное изъ рису. Онъ не замѣтилъ, что Ульяна Андреевна подставила другую, полную миску, съ тѣмъ же рисомъ. Онъ продолжалъ машинально доставать ложкой рисъ и класть въ ротъ». Она тихонько перемѣнила третью, подложивъ еще рису»,—онъ не замѣтилъ. У Татьяны Марковны, онъ ѣлъ «машинально супъ»; «одинъ съѣлъ машинально блюдо майонеза, вздыхая, глядя куда-то въ неопредѣленное пространство».—«Улинька схватила съ окна его фуражку и надѣла на себя». «Гдѣ-жъ она!»—«Кто-нибудь изъ вашихъ унесъ»,—сказала она.—«Не можетъ быть», говорилъ Л., бросая туда и сюда разсѣянные взгляды». Только вышедши съ нею въ садъ и пройдя шаговъ десять по дорожкѣ, онъ взглянулъ случайно на Улиньку и увидѣлъ свою фуражку». Маркъ Волоховъ во время прогулки «сниметъ съ него фуражку»,—а онъ и «не замѣчаетъ этого». Л. «добродушень», «кротокъ», «сердце» у него «теплое». «Онъ имѣлъ причину быть многими недоволенъ,—имъ никто и никогда». Въ школѣ «потѣшались надъ нимъ», «надъ его задумчивостью, разсѣянностью», но онъ съ признательностью вспоминаетъ, что Райскій, во все время школьнаго ученія, «оттаскалъ его за волосы... всего два раза». «Тогда какъ другіе!...,—но Богъ съ нами, съ повѣсами! Они тоже не со зла, а такъ, отъ праздности и вертопрашества». Въ школѣ «дастъ ли ему кто щелчка или дернетъ за волосы, ушипнетъ,—онъ сморщится, и вмѣсто того, чтобы вскочить, броситься и догнать шалуна, онъ когда-то соберется обернуться, и посмотрѣтъ разсѣянно во всѣ стороны, а тотъ ужъ за версту убѣжалъ, а онъ почесываетъ больное мѣсто, опять задумывается, пока новый щелчокъ, или звонокъ къ обѣду, не выведутъ его изъ созерцанія». «То мазпеть его сажей по лицу какой-нибудь шалунъ, Леонтій не догадается и ходитъ съ пятномъ цѣлый день, къ потѣхѣ публики, да еще ему же достанется отъ надзирателя, зачѣмъ выпачкался». «Съѣдятъ ли у него изъ подъ рукъ завтракъ или обѣдъ, онъ не станетъ производить слѣдствія, а возьметъ книгу посерьезнѣе, чтобы заморить аппетитъ, или уснетъ, утомленный голодомъ. Однако, «выросши изъ періода шалостей, товарищи поняли его и окружили уваженіемъ, участіемъ».—«Онъ предобрый», хвалили они его Улинькѣ.—«Рѣдкій могъ не заплакать, разставаясь съ нимъ, и самъ онъ задыхался отъ слезъ, не помня ни щипковъ, ни пинковъ, ни проглоченныхъ насмѣшекъ, ни непроглоченныхъ, по ихъ милости обѣдовъ и завтраковъ»; «потѣшался» надъ нимъ и Маркъ Волоховъ: «то фуражку дорогой сниметъ съ меня»,—пишетъ Л., и наслаждается, если я не замѣчу, то ночью застучитъ въ окно»; но, когда Л. «прихворнетъ»—Маркъ ходитъ, какъ нянька, бѣгаетъ за лѣкарствомъ въ аптеку». Когда Л., послѣ отъѣзда жены, заболѣлъ,—Волоховъ «двѣ noci почти не спалъ совсѣмъ», ухаживая за нимъ.—«Не ругай меня»,—просилъ Л. Райскаго, послѣ своей драмы;—«и не смѣйся надо мной, какъ всѣ они смѣются... эти учителя товарищи... я вижу у нихъ злой смѣхъ на лицахъ, у этихъ сердобольныхъ посѣтителей».

Онъ былъ «застѣнчивъ», «робокъ» и «скромень».—«Пойдемъ»—къ Улинькѣ—«звалъ его Райскій», замѣтивъ его увлеченіе ею. «Нѣтъ, Борисъ, не пойду, —отговаривался онъ:—что мнѣ тамъ дѣлать: вы всѣ любезны, красивы, разговаривать мастера, а я! Что я ей? Она, вонъ, все смѣется надо мной!»—«Да, м. б., она не станетъ смѣяться»...—нерѣшительно сказалъ Райскій:—«когда покороче познакомится съ тобой».—«Станетъ, какъ не станетъ!»—говорилъ Л. съ жалкой улыбкой, оглядывая себя съ головы до ногъ». Когда товарищи соблазняли его «профессорскою каедрой, онъ сперва одушевился, но потомъ:—«Да нѣтъ, куда мнѣ!»—сказалъ онъ, отрезвляясь:—«Профессоръ обязанъ другими должностями. онъ въ совѣтахъ, его зовутъ на экзамены... Рѣчь на актѣ надо читать... Я поте-ряюсь, куда мнѣ! Нѣтъ, буду учителемъ въ провинціи!»—заключалъ онъ рѣшительно и утыкалъ носъ въ книжку или тетради», «считая это скромное назначеніе своимъ призваніемъ». «Достигнувъ цѣли и «устроившись», Л. «принялся за свое дѣло съ усердіемъ и терпѣніемъ вола и осла вмѣстѣ».—«Я... тоже кое что

дѣлаю: нѣсколько поколѣній къ университету приготовилъ», «робко» замѣчаетъ Л., «сомнѣваясь, заслуга ли это».—«Ты думаешь, я схожу въ классъ, а оттуда домой, да и забылъ!.. Ни, ни!—Вотъ, моя академія, говорилъ онъ, указывая на бесѣдку:—«вотъ и портикъ—это крыльцо, а дождь идетъ—въ кабинетъ: наберется ко мнѣ юности, облѣпять меня. Я съ ними разсматриваю рисунки древнихъ зданій, домовъ, утвари,—самъ черчу, объясняю, ...что самъ знаю, всѣмъ дѣлюсь. Кто постарше, съ тѣми впередъ заглядываю, разбираю имъ Софокла, Аристофана. Не все, конечно; нельзя всего: гдѣ наготы много, я тамъ прималчиваю... толкую имъ эту образцовую жизнь, какъ толкую образцовыхъ поэтовъ: развѣ это теперь ужъ не надо никому?—говорилъ онъ, глядя вопросительно на Райскаго».—И представленія Л. о себѣ и требованія его отъ жизни были самыя скромныя.—«Кто ты»? спрашивалъ его Райскій.—«Я—учитель латинскаго и греческаго языка», отвѣчалъ Л. На слова Райскаго, что, хоть онъ уходитъ отъ «жизни»,—«жизнь его достанетъ», Л. возразилъ:—«Что ей меня доставать? Я такой маленькій человекъ, что она меня и не замѣтитъ». «Самъ я буду жить про себя и для себя». «Живу я тихо, скромно... дѣлаю свое дѣло, и ничего знать не хочу, никого не трогаю и меня никто не трогаетъ». ...«Есть у меня книги... Нужды мои не велики, скуки не чувствую, есть жена, она меня любитъ»...—«Этого мало»? Живя «въ чужой», «древней» жизни, онъ былъ «непрактиченъ въ своей жизни». Если-бъ не симпатія товарищей, онъ (студентомъ) не зналъ бы, гдѣ взять книгъ, а иногда бѣлья, платья. Подарковъ онъ не принималъ, п. ч. нечѣмъ было отдарить. Ему находили уроки, заказывали диссертациі и дарили за это бѣлье, платье, рѣдко деньги, а чаще всего книги, которыхъ отъ этого у него накопилось больше, нежели дровъ». Онъ «замѣчалъ пустоту» (при развѣздѣ товарище), «тосковалъ, не зная, по непрактичности своей, что съ собою дѣлать, куда дѣваться». «Наконецъ, надо было и ему хлопотать о себѣ. Но гдѣ ему? Райскій поднималъ на ноги все, профессора принимали участіе, писали въ Петербургъ, и выхлопотали ему желанное мѣсто въ желанномъ городѣ. «Тамъ, на родинѣ, Райскій, съ помощью бабушки и нѣсколькихъ знакомыхъ, устроили его на квартирѣ».—«Если не посмотрѣть за нимъ, онъ мимо рта ложку пронесетъ»,—говорила «Улинька». Онъ «не видитъ, что подъ носомъ дѣлается», «знаетъ наизусть чужую жизнь и не видитъ своей; «сидитъ надъ книгами, воззрится въ одно мѣсто, и не оттащишь его».—Влюбившись въ «Улиньку», «онъ не ревновалъ»,—«по самой простой причинѣ»: «онъ не видалъ, не замѣчалъ и не подозрѣвалъ ничего, что дѣлала она, что дѣлали другіе, «онъ слушалъ, что она говорила ему, не слыхалъ, что говорила другимъ, и вѣрилъ только тому, что видѣлъ и слышалъ отъ нея». Онъ «любилъ» Улиньку «до слѣпоты»—по выраженію Райскаго. Онъ просилъ Райскаго «приходи» «вечеромъ», когда его нѣтъ дома, къ женѣ:—«пожертвуй вечеръ, поволочись немного, пококетничай!»—«Вѣдь ты любишь болтать съ бабами, а она только тобой и бредитъ»... «Эти женщины, право, однѣ и тѣ же во всѣ времена,—продолжалъ онъ:—«Вотъ у римскихъ матронъ, даже у женъ кесарей, консуловъ, патриціевъ—всюду хвостъ цѣлый... Мнѣ—Богъ съ ней: мнѣ не до нея, это домашнее дѣло»... «Спасибо еще французъ Шарль не забываетъ... Болтунъ, веселый—ей и не скучно». «Не будь его она мнѣ покоя бы не дала». «Она ревнуетъ меня къ моимъ грекамъ и римлянамъ».—«Къ моей Улинькѣ, какъ къ женѣ кесаря, не смѣетъ коснуться и подозрѣніе».—«Счастливое дитя! «думалъ Райскій: «спитъ и въ ученomъ снѣ своемъ не чувствуетъ, что подлѣ него, эта, любимая имъ, римская голова полна тьмы», а ея сердце «полно пустоты, и что одной ей безсиленъ онъ преподавать «образцы древнихъ добродѣтелей». Л. увѣренъ, что «Улинька» «заботлива, вѣрна». «Вся ея любовь, всѣ ея заботы, жизнь,—все мое»,—говорилъ онъ Райскому. Она «любилъ меня, какъ дай Богъ, чтобы всякаго такъ любила жена».—«Любовь не протакыхъ»—«Развѣ его можно любить?» говоритъ о Л. Улинька. Для У. онъ лишь «противный уродъ». Л., по ея мнѣнію, «не умѣетъ любить». «Онъ даже и слова о любви не умѣетъ сказать: выпучить глаза на меня—вотъ и вся любовь, точно пень! Далась ему книги, уткнетъ носъ въ нихъ и возится съ ними. Пусть же онъ

и любить его! Я буду для него исправной женой, а любовницей (она сильно потрясла головой)—никогда!»—«Отчего не взяли его (Козлова) съ собой?»—спросилъ «дерзко» и насмѣшливо Маркъ Ульяну Андреевну и М-у Шарля, встрѣтивъ ихъ послѣ купанья:—«Вѣдь и при немъ можно... купаться, онъ не увидитъ. Вонъ бы тутъ, подъ деревомъ, изъ Гомера декламировалъ». Однако, «рядомъ съ книгами, которыми питалась мысль» Л., у него приютилось и сердце»—«Я люблю ее»,—говорилъ онъ женѣ:—«Что, не римская голова?» спрашивалъ онъ указывая на Ульяну Андреевну Райскому; Л. «заглядѣлся на жену и тайное умиленіе медленнымъ лучомъ прошло у него по лицу и застыло въ задумчивыхъ глазахъ. Даже румянецъ пробился на щекахъ. «Онъ самъ не зналъ, что онъ такъ крѣпко связанъ съ жизнью и съ книгами, не подозрѣвалъ, что если бы пропали книги, не пропала бы жизнь, а отними отъ него эту живую «римскую голову», по всей жизни его прошелъ бы параличъ». Когда «Улинька» уѣхала съ m-г Шарлемъ, Л. «заболѣлъ» у него «чуть горячка не сдѣлалась», онъ «убивался горемъ». На слова Райскаго: «Ты самъ шутилъ, бывало, что привыкъ къ ней, что измѣняешь ей для своихъ римлянъ», Л. «горько улыбнулся».—«Вралъ, хвасталъ, не понималъ ничего, Борисъ, не случись этого... я никогда-бы и не понялъ. Я думалъ, что я люблю древнихъ людей, древнюю жизнь, а я просто любилъ... живую женщину; и любилъ книги, и гимназію, и древнихъ, и новыхъ людей, и своихъ учениковъ... и тебя самого... и этотъ городъ, вотъ съ этимъ переулкомъ, заборомъ и съ этими рябинами—потому только, что ее любилъ. А теперь это все опротивѣло, я бы готовъ хоть къ полюсу уѣхать»... «А ты спрашиваешь, принялъ ли бы я ее!»...—«Ея нѣтъ,—вотъ моя болѣзнь!»—«Я не боленъ, я умеръ, и настоящее мое, и будущее—все умерло, п. ч. ея нѣтъ! Поди, вороти ее, приведи сюда—и я воскресну!»... А онъ спрашиваетъ, принялъ ли бы я ее! Какъ же ты романъ пишешь, а не умѣешь понять такого простого дѣла». Л. взглянулъ, наконецъ и на близкую ему жизнь тѣмъ же сознательнымъ и вѣрнымъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ на жизнь древнихъ», и Райскій понялъ, что утѣшить его нечѣмъ». Получивъ письмо объ отъѣздѣ Улиньки и читая его, Л. «корчился на полу». Когда Райскій посоветовалъ ему уничтожить письмо:—«Какъ можно!»—съ испугомъ сказалъ Л., выхватывая письмо и пряча его опять въ ящикъ.—«Вѣдь это единственныя ея строки ко мнѣ,—другихъ нѣтъ у меня... Это одно только и осталось у меня на память отъ нея... добавилъ онъ, глотая слезы».—Но онъ все еще продолжаетъ надѣяться:—«Я все жду... все думаю, не опомнится ли». «Постой, что это?.. Кто-то будто ѣдетъ сюда»,—сказалъ онъ, «привставая и глядя въ окно». Онъ и «ночью пробовалъ вставать»; «все вслушивался въ каждый проѣзжавшій экипажъ по улицѣ, подходилъ къ дверямъ въ волненіи и возвращался въ отчаяніи». Онъ не переѣзжаетъ къ Татьянѣ Марковнѣ, несмотря на ея приглашенія:—«Я жду ее... боюсь, чтобъ безъ меня не пріѣхала». Его соблазнили къ переѣзду только тѣмъ, что «изъ оконъ стараго дома видно, когда ѣдутъ по дорогѣ». Переѣхавъ къ Бережковой, Л. «совался къ окнамъ, отыскивалъ то самое, изъ котораго видна московская дорога». «Ульяна Андр. написала къ хозяйкѣ квартиры, чтобы ей прислали теплый салопъ, оставшійся дома, и дала свой адресъ, а о мужѣ не упомянула». Л. самъ отправилъ салопъ и написалъ ей горячее письмо—съ призывомъ, говорилъ о своей дружбѣ, даже о любви. «Отвѣта не было». Когда Райскій уѣзжалъ въ Петербургъ, Л. «отвелъ его въ сторону. Долго шепталъ онъ ему, прося отыскать жену, далъ письмо къ ней и адресъ ея и успокоился лишь послѣ того, какъ Райскій тщательно положилъ письмо въ бумажникъ».—«Поговори съ ней, и напиши мнѣ»... съ мольбой заключилъ онъ:—«А если она соберется... сюда... ты по телеграфу дай мнѣ знать: я бы поѣхалъ до Москвы, навстрѣчу ей». Оправившись послѣ болѣзни, Л. «началъ понемногу посѣщать гимназію, но на урокахъ впадалъ въ уныніе, былъ разсѣянъ, не замѣчалъ шутокъ, шалостей своихъ учениковъ.—«Козловъ разсохнется и служить уже не можетъ»,—говорилъ о немъ Маркъ. По словамъ Татьяны Марковны, «Богъ далъ Л. ученость, да остроты не далъ». «Онъ какъ младенецъ».—У него

«простая младенческая душа», думаль Райскій. Онъ «ученый, но недогадливый младенецъ».

Леру («Фрег. Пал.»).—Потомокъ французскаго протестанта; хозяйинъ маленькой мызы Клейнбергъ (Капская колонія); вмѣсто обѣда, Л. показалъ пріѣзжимъ «банки со змѣями», «камни», шкуры тигровъ и большую обезьяну, привязанную на длинной веревкѣ къ огромному дереву.

Лесюерь («Фрег. Пал.»).—Судья изъ Устера (Капская колонія), владѣлецъ «лучшаго сада». Англичанинъ французскаго происхожденія; «типъ француза не исчезъ въ немъ: черты, окладъ лица, ясно говорили о его происхожденіи, но въ походкѣ, въ движеніяхъ ужъ поселилась, не то что флегма, а какая-то принужденность». По французски онъ не зналъ ни слова». Моряковъ, посѣтившихъ его домъ, Л. принялъ «въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстукѣ. Онъ молча, церемонно подаль» гостямъ «руки и заговорилъ по-англійски», спрашивая объ «экспедиціи, о фрегатахъ, о числѣ людей и т.п.

Лесюера-зять («Фрег. Пал.»).—Молодой докторъ, говорившій по-англійски и по-нѣмецки; «изъявилъ удивленіе», «что русскіе говорятъ на всѣхъ языкахъ».

Лидія («Обрывъ»).—Уп. л. Кузина Бѣловодовой. Институтка.

Лидія N («Литер. веч.»).—Уп. л. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Бебикова. Мнимая соперница графини. «Прелестная молодая блондинка, въ цвѣтѣ лѣтъ, стройная, граціозная, съ умными глазами». Когда съ ея другомъ, «съ Лизой Ф., разыгрался какой-то романъ (кончившійся потомъ такими послѣдствіями, за которыхъ тетка не захотѣла держать ее у себя), а «свѣтъ» казнилъ Лизу «безпощаднымъ приговоромъ», Л. не могла забыть въ ней «лучшаго, единственнаго друга»; она «объявила отцу и матери, что не покинетъ друга въ бѣдѣ и нуждѣ, когда именно необходимъ другъ» и «удвоила свою нѣжность». Но когда свѣтъ, какъ бумажку къ ея шлейфу», привязалъ къ ея имени имя графа, Л. не выдержала косыхъ взглядовъ, улыбокъ, шопота... Она занемогла. [Ср. въ романѣ Валугева «Лоринъ»: Ольга Николаевна Соболина. См. «Списокъ»: Валугевъ и Перечень: «Лит. вечеръ»].

Лидія («Обломовъ»).—Уп. л. Въ нее «вотъ ужъ три недѣли», какъ влюбленъ Волковъ. Волковъ, приглашая Обломова на перво-майское гулянье въ Екатерингофѣ, говорилъ Ильѣ Ильичу, что «Софія Николаевна съ Л. будутъ только двѣ, напротивъ въ коляскѣ есть скамеечка: вотъ бы вы съ нами...».

Лиза («Обрывъ»).—Уп. л. Улинька живо и съ удовольствіемъ рассказывала, что Л. «застали» «на зарѣ» разговаривающую съ письмоводителемъ черезъ заборъ въ саду».

Лиза («Обыкновенныя ист.»).—Одна изъ героинь романовъ Ал. Адуева; «Антигона», какъ онъ ее называлъ. «Хорошенькая дѣвушка, высокаго роста», граціозная. «Прекрасный профиль, бѣлая шея, стройная талія и маленькая ножка». «Добра и довѣрчива»; подъ влияніемъ любви къ Александру, «похудѣла; глаза у нея немного впали». Отецъ Лизы разстроилъ ея романъ въ самомъ началѣ.

Лиза («Слуги»).—Уп. л. Здоровая мастерица-прачка, предметъ увлеченія Валентина. Изъ-за Л.—Валентинъ «потерпѣлъ пораженіе» и пришелъ домой «измятый», «съ расцарапаннымъ лицомъ».

Лина-Капитолина Чучина («Народинъ»).—Сирота; сестра Чучи, барышня «неопредѣленныхъ лѣтъ, не менѣе 25-ти и не болѣе 30 лѣтъ». Наружности у нея «не было, т. е. женской»: это былъ засохшій цвѣтокъ. «Бѣлокурая съ сѣрыми, прятанными подъ низенькимъ лбомъ глазами, съ хитренькимъ, высматривающимъ взглядомъ», она была некрасива: глаза, смотрящіе исподлобья, нависшій надъ ними лобъ и немножко выдававшійся подбородокъ, сообщали ей видъ моложавой старушонки. Происходила «отъ стариннаго дворянскаго рода», но по фамиліи Л. и ея сестру, «никто никогда не называлъ; въ нѣкоторыхъ домахъ принимали, въ другихъ смотрѣли на нихъ небрежно, ради ихъ бѣдности»; жила «съ нуждой», «въ тѣсной квартиркѣ, въ мезонинѣ маленькаго деревяннаго

домика, пробавляясь маленькой пенсией за службу отца, да некоторыми женскими работами: вышиваньем подушек, вязаньем шарфовъ, дѣланіемъ цвѣтовъ изъ воску, и другихъ ненужныхъ вещей, которыя покупались «знакомыми», «для подарковъ». «Была порядочно воспитана, т. е. умѣла «въ дурномъ переводѣ съ русскаго говорить французскія фразы, прилично сидѣть въ гостиной и держать себя за столомъ». «Въ гостиной Углицкихъ появлялась рѣдко, обѣдала у нихъ, когда не было гостей». «Увертливая и скользкая, какъ ящерица, она все торопилась, бѣжала, въ рукахъ у нея всегда было какое-нибудь дѣло, ей все было некогда. Когда ее останавливаютъ на дорогѣ, она торопливо отвѣчаетъ, не глядя никому прямо въ глаза». Послѣ того, какъ губернаторша приняла ее «подъ свое крыло», Л. «постоянно» и «отлично, до тонкости исполняла порученія Углицкой, какъ бы они сложны ни были, по части женскаго туалета». «Благодаря ей, никогда ни одной, самой богатой губернской львицѣ не удавалось, прежде губернаторши, выписать изъ Москвы что-нибудь новое. Она подъ рукой умѣла сбывать выгодно надѣванные губернаторшины, но еще свѣжія и нарядныя для губернскихъ и уѣздныхъ барынь платья» и т. д. «И все это дѣлала съ наслажденіемъ, проворно, какъ будто все ея счастье, между прочимъ, заключалось въ томъ, чтобы угодить». «Подвижная, живая, какъ ртуть», Л. «была въ постоянныхъ разъѣздахъ по городу, въ суетѣ, въ хлопотахъ». «Всюду втиравшаяся», она «у всѣхъ что-нибудь выпрашивала и знала все, что дѣлается въ каждомъ домѣ, начиная отъ крупныхъ помѣщиковъ, предсѣдателей, до купцовъ и мѣщанъ». Свѣдѣнія ея были до крайности разнообразны (настоящая—газета); «все это съ живыми подробностями передавалось Марьѣ Андреевнѣ (губернаторшѣ) по секрету». «Благодаря Л., у губернаторши въ рукахъ «были нити всей губернской политики», и, губернаторша безъ Л., также не могла обойтись, какъ мужъ ея безъ Добышева». «Съ ранняго утра» Л. «присутствовала въ спальнѣ и будуарѣ Марьи Андреевны. Когда онѣ были вдвоемъ», къ нимъ никто не допускался». «Фаворъ» Углицкой Л. считала «за счастье», потому что, когда замѣтили въ городѣ, какимъ фаворомъ она пользовалась у губернаторши, съ ней перестали обращаться небрежно». «Уклончивая, ласковая до лъстивости», она сама никого не любила: ни губернаторши, ни ея дочери, никого въ городѣ; не было у нея ни птички, ни собачки, ни цвѣтка на окнѣ—никого и ничего». «Самого Углицкаго» немного боялась: она все подозрѣвала, что заговаривая съ ней и глядя ей зорко въ глаза, онъ будто искалъ въ ней чего-то, къ чему прицѣпиться, что-нибудь замѣтить въ ней, обнаружить, поднять на смѣхъ—и уклонялась отъ разговора съ нимъ, отдѣлываясь отъ его шутокъ визгливымъ смѣхомъ». «Сестру свою она втайнѣ презирала («за ея абсолютную ненужность»), но скрывала это, чтобы и другіе въ губернаторскомъ домѣ не заразились тѣмъ же и не свалили ее на ея плечи»; «въ припадкахъ желчи» сестру «обзывала немогучкой» и считала виновницей того, что она сама не можетъ выйти замужъ.—«Безъ нея, безъ этой немогучки,—проговаривалась она по секрету: она, Л., давно была бы замужемъ.—«А какъ посмотрятъ насъ вмѣстѣ, послушаютъ ее, эту Чучу—всѣ прочь идутъ: думаютъ, что и я такая же безпомощная и неумѣлая, и буду въ тягость семьѣ. А у меня золотыя руки!» Съ ихъ помощью Л. «пополняла свой гардеробъ, запаслась на многіе годы, чуть ли не до старости, бѣльемъ, даже двумя лисьими мѣхами», т. к., обыкновенно, на тѣ платья губернаторши, которыя ей нравились, она не находила покупательницы, и платья дарились ей». Спустя нѣсколько лѣтъ, послѣ отъѣзда Углицкихъ, Л. все еще не потеряла надежды на замужество, хотя другіе давно потеряли ее». «Нельзя понять, на чемъ основывались ея надежды найти мужа. Развѣ на томъ, что у нея были золотыя руки».

Лиза Р—ская («На родинѣ»).—Уп. л. Одна изъ «губернскихъ дѣвицъ или барышень, какъ ихъ тогда называли.

Лиза, Ф. («Литер. вѣч»). — Уп. л. «Самая любимая подруга по институту Лидіи Н.; ея «лучшій, по уму и симпатичнымъ качествамъ души и сердца, другъ». «Пріютилась въ семействѣ Лидіи Н., какъ ея лучшій другъ, какъ се-

стра». Въ деревнѣ, куда Л. уѣхала на лѣто къ теткѣ, съ ней «разыгрался какой-го романъ» «съ послѣдствіями»; Л. должна была, вернувшись въ Петербургъ, поселиться «въ глухомъ уединеніи», жить «на маленькой квартирѣ, въ большой нуждѣ». [Въ романѣ Валугева «Лоринъ»—Ширяева. См. въ «Спискѣ»: Валугевъ.]

Лизавета Александровна Адуева («Обыкновенныя исторіи»).—См. Адуева, Л. А.

Лизы-отецъ («Обыкновенныя исторіи»).—Старикъ; «на немъ бѣлая блуза, нанковые панталоны и низенькая шляпа съ большими полями, подбитыми зеленымъ плюшемъ». «Эдипъ»—по опредѣленію Александра, но не представляетъ изъ себя «ничего особеннаго».

Лилина («Литературныя вѣщанія»).—«Извѣстная въ свѣтѣ вдова Л.; «полная, кругленькая невысокаго роста дама, лѣтъ 30-ти, съ голубыми, какъ небо, дѣтскими глазами», съ большимъ и красивымъ, «какъ у здоровой кормилицы лицомъ», на которомъ «разливались широкія пятна румянца». Съ ея губъ не сходила улыбка тоже дѣтская. «Страстная охотница до домашнихъ спектаклей, всякихъ чтеній и концертовъ», «всегда всѣмъ довольная, всѣхъ любившая и всѣми любимая и балуемая», она являлась съ улыбкой «вездѣ, даже на похороны». Эта «стереотипная улыбка» была извѣстна всѣмъ ея знакомымъ. По словамъ Л., она и всѣ ея «знакомыя дамы» читали и знаютъ Гоголя; отъ романа Бебикова была въ восхищеніи. Когда Кряковъ замѣтилъ ей, что если бы она читала Гоголя и другихъ народныхъ писателей, ея глаза смотрѣли бы иначе и не было бы у нея «этой блаженной улыбки»—сконфузилась и смотрѣла въ недоумѣніи вокругъ. Не обидѣлась, когда Кряковъ взялъ ея руку и замѣтилъ, похваливая, что знаетъ другую руку, которая не уступитъ рукѣ Л.—«Чья же эта такая счастливая рука, что удостоилась вашего вниманія? съ кокетливой ироніей спросила Л. («Моей жены, вотъ чья, отвѣтилъ Кряковъ»). Послѣ того какъ псевдонимъ Крякова былъ разоблаченъ, въ день бенефиса артиста, Л. послала ему футляръ съ браслетомъ и на бумажкѣ написала: «Съ одной женской руки на другую, достойнѣйшую, руку супруги знаменитаго артиста—отъ женщины».

Лозгины («Обрывы»).—Уп. л. Братъ Л.—знакомые М. Волохова; старшему изъ нихъ онъ давалъ книги. По словамъ Вѣры, старшій Л. съ книгами Волохова ходилъ въ книжную лавку и говорилъ купцамъ:—«Вотъ бы, какими книгами торговали!» Онъ же забрался въ дѣвичью, да горничнымъ цѣлый день проповѣдывалъ, что глупо ѣсть постное, что Бога нѣтъ и что замужъ выходить нелѣпо». Младшій, Володя Л., «вдругъ объявилъ матери, что онъ не будетъ ходить къ обѣднѣ». Его «высѣкли, стали добираться отчего? На старшаго показали».

Лопаревъ, Миша («На родинѣ»).—Уп. л. «Неуклюжій Миша Лопаревъ», по отзыву губернаторши (Углицкой); кавалеръ Сони на вечерахъ.

Лужинъ, графъ («И. С. Поджабринъ»).—За ужиномъ у баронессы Цейхъ, «облокотясь рукой на спинку стула» Амаліи, «почти лежалъ гр. Л. съ бокаломъ въ рукѣ» и «говорилъ ей что-то тихонько». «Замѣтилъ рѣзко» Поджабрину:—«...Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ вы не пьете? У васъ все тотъ-же бокалъ! Если это такъ продолжится, вы, mille pardons—будете здѣсь лишній». Князю Поскочину сказалъ, что если его дама заснетъ, то князь отвѣчаетъ за нее:—«Откуда хочешь возьми женщину, а то кадрилъ не полна—хоть самъ надѣвай юбку». Когда князь нарядился въ дамскую кофту и чепецъ, заявилъ:—«Если бы бакенбарды долой, ты, князь, былъ-бы совершенно женщиной, только не княгиней, а прюассардкой». Въ переряженномъ Поджабринѣ усмотрѣлъ сходство со своей тетушкой».

Луна («Обломовъ»).—Уп. л. Обломовскій «славный плотникъ». По словамъ отца Обломова:—«Такъ построилъ крыльцо, что оно, хотя и «тогда шаталось, какъ его сдѣлали», да вотъ не развалилось-же, даромъ, что шестнадцать лѣтъ безъ поправки стоитъ».—«Славно тогда сдѣлалъ Лука! Вотъ былъ плотникъ, такъ плотникъ... Умеръ—царство ему небесное, нынче избаловались: не сдѣлаютъ такъ».

Лука Саввичъ («Обломовъ»).—Илья Ивановичъ Обломовъ не могъ безъ

смѣха слушать исторію, о томъ какъ Л. С., катаясь съ горь, себѣ «бровь расшибъ». Самъ Л. С. считалъ, —«это все вонъ Алексѣй Наумычъ выдумалъ: то, чего и не было совсѣмъ! Но всѣ обитатели дома утверждали противное:—«Э, хоромъ подхватили всѣ.—Да какъ же ничего не было? Мы-то умерли развѣ? А лобъ-то, лобъ-то, вотъ и до сихъ поръ рубецъ виденъ». Подъ общій хохотъ Л. С. признавался:—«...Я бы... не того... да все Васька, разбойникъ... салазки старья подсунулъ... онѣ и развѣхались подо мной... я и того...».

Льода («Фрег. Пал.»).—«Толстый и рябой», японецъ-переводчикъ. Лѣстивый, кланяющийся плутъ». «Принадлежалъ къ разряду застарѣлыхъ и закоренѣлыхъ японцевъ», которые «находятъ все старое прекраснымъ, перемѣнъ не желаютъ и все новое считаютъ грѣхомъ». За завтракомъ на фрегатѣ завернулъ въ бумажку конфету и кусочекъ торта», «прибавивъ къ этому и варенья»,—«все спряталъ въ свою обычную кладовую, т. е. за пазуху.—«Дѣтямъ», сказалъ онъ.

Лунины («Обыкн. и ст.»).—«Знакомые» Адуева. По отзыву Петра Ивановича, «люди порядочные». По мнѣнію раздраженнаго Александра, самъ Л. «точно тотъ осель, отъ котораго соловей улетѣлъ за тридевять земель. А она (Лунина)—такъ доброй лисицей смотритъ»...

Лѣсничій («Обрывъ»).—См. Тушинъ, Ив. Ив.

Любецкая, Марья Михайловна («Обыкн. и ст.»).—«Маменька Наденьки»; была одна изъ тѣхъ добрыхъ и нехитрыхъ матерей, которыя находятъ прекраснымъ все, что ни дѣлаютъ дѣтки. Марья Михайловна велитъ, напримѣръ, заложить коляску.—«Куда это, маменька?» спроситъ Наденька.—«Пойдемъ прогуляться: погода такая славная».—«Какъ можно: Александръ Ѳедорычъ хотѣлъ быть». И коляска откладывалась». Или: Марья Михайловна усядется за свой нескончаемый шарфъ» «или углубится въ чтеніе французскаго романа».—«Мама, что-жъ вы не одѣваетесь?»—спроситъ Наденька строго.—«А куда?»—«Да вѣдь мы пойдемъ гулять», Александръ Ѳедорычъ придетъ за нами. Ужъ вы и забыли!—«Да я и не знала».—«Какъ этого не знать!» скажетъ Наденька съ неудовольствіемъ. Мать покидала и шарфъ, и книгу и шла одѣваться». «Можно сказать», что Л. была «послушная мать». Признается сама:—«Я вѣдь цѣлый день за ней, какъ нянька. Я и гувернантку отпустила нарочно, чтобы не было чужихъ». Александра полюбила «какъ родного», заботилась объ его здоровьѣ и сообщала ему всѣ секреты Наденьки. По словамъ Петра Ивановича, Л. «не интересна; съ бородавкой у носа». По мнѣнію Александра, Л. «добрая и почтенная». [Ср. Адуева-мать].

Любецкая, Надежда Александровна («Обыкн. и ст.»).—См. Наденька.

Лягавъ («Обломовъ»).—Уп. л. «Голь окаянная», по отзыву Обломова; Л-а приводилъ въ примѣръ Захару Илью Ильичъ, огорченный необходимостью переѣзда на новую квартиру: «вонъ, Л., возьметъ линейку подъ мышку, да двѣ рубашки въ носовой платокъ, и идетъ...—«Куда, молъ, ты?»—«Переѣзжаю», говоритъ.

Лязгинъ («Маймѣс. въ Петерб.»).—Уп. л. Офицеръ, назначенный въ командировку «по трехъ-сотъ рублевому дѣлу», съ пособіемъ въ двѣсти рублей и «прогонными по чину».

М.

М. З. («Фрег. Пал.»).—Мичманъ Зеленый. См. въ «Спискѣ»: Зеленый.

Маевскіе («Обломовъ»).—Уп. л. Знакомые Ольги Ильинской.

Макаровъ («Фрег. Пал.»).—Музыкантъ съ фрегата. Во время праздника, «по поводу годовщины выхода въ море», подрался съ писаремъ, «хотя былъ трезвъе его». На очной ставкѣ, «хранилъ важную и угрюмую мину».—«За что ты прибилъ его? былъ вопросъ».—«Я не прибилъ, я только ударилъ его въ грудь».—«За что-жъ ты его?»—«Съ кулакомъ къ рождѣ лѣзъ!» отвѣчалъ М. (См.: Писарь).

Мансимъ («С л у г и»).—«Рябоватый, здоровый, крѣпко сложенный, мускулистый», «невысокаго роста». «Отличился черезъ три мѣсяца». Ночью встрѣтилъ барина въ «возбужденномъ состоянїи», а на утро заявилъ, что пальто съ бобровымъ воротникомъ пропало». На слова барина о необходимости заявить о пропажѣ въ полицію, «равнодушно» отвѣтилъ:—«Ваша воля, какъ вамъ угодно!»

Маланья («М а и м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—Прислуга Брагина; когда Брагинъ задалъ ей такой вопросъ:—«Если-бъ ты теперь словила на дворѣ пѣтуха и передала его сосѣдямъ, а полиція предписала бы, во что бы то ни стало, отыскать этого пѣтуха?.. «М. не вдругъ поняла сказанное, и сначала, разиня ротъ; подумала съ минуту, потомъ, кажется, смекнула».—«А какъ она, ваша полиція, отыщетъ его? Я бы взяла и отдала дворнику черезъ задній ходъ...—проворно сказала она».—«Погоди, погоди!»—нетерпѣливо перебилъ ее Брагинъ.—«Квартальному начальство выдало бы десять рублей за этого пѣтуха»...—«Весь пѣтухъ-то не стѣить и тридцати копѣекъ: за что-жъ давать десять-то рублей? Да не отыщетъ она никакъ, ваша-то полиція, когда я отдамъ дворнику черезъ задній ходъ, а десять рублей пропадутъ!..» отвѣчала М.

Маланья Петровна («О б л о м о в ѣ»).—Уп. л. Знакомая стариковъ Обломовыхъ. «Свѣтская дама», по мнѣнію одного изъ Обломовцевъ. По словамъ матери Ильи Ильича,—проказница:—«Чего она не затѣетъ! И олово лить, и воскъ топить, и за ворота бѣгать; дѣвокъ у меня всѣхъ съ пути собьетъ, затѣетъ игры разныя»... Она же «съ горь выдумала кататься»...

Малюевъ («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. См. Саврасовъ.

Мальхинъ («Н а р о д и н ѣ»).—Уп. л. Чиновникъ. Совѣтникъ казенной палаты; «плѣшивый, толстый, да еще взятки беретъ».—«У него полтора ста душъ, доходу отъ должности, говорятъ, тысячь пять получаетъ». По мнѣнію одной барыни, небогатой помѣщицы, къ дочери которой «приглядывался М., онъ «свѣжій, бодрый, такой называется въ соку».—«Брюшко точно есть, но еще танцуетъ», заступился за М. старичекъ.—«Доходы получаетъ по мѣсту»...

Мальчикъ («Ф р е г. П а л.»).—Лицейскъ, М. лѣтъ 16-ти сидѣлъ на фрегатѣ за губернаторомъ и «безпрестанно набивалъ ему трубку», получая за это подачки: «бисквиты» и «наливку, которой подчивали» губернатора.

Мальчишки («О б л о м о в ѣ»).—М. изъ Обломовки; замѣтили, лежащаго, «за околицей, въ канавѣ, у моста», человѣка, и съ ужасомъ приближали въ деревню съ вѣстью о какомъ-то страшномъ змѣѣ, или оборотнѣ, который лежитъ въ канавѣ, прибавивъ, что онъ погнался за ними и чуть не съѣлъ Кузьку». См.: М у ж и к и.

Мамыинъ («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. Откупщикъ.

Мамынина («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. Дочь откупщика. Невѣста; по словамъ Татьяны, «красавица, воспитана въ самомъ дорогомъ пансіонѣ въ Москвѣ. Однихъ брилліантовъ тысячь на восемьдесятъ». М.—у прочила Татьяна Марковна въ невѣсты Райскому.

Мамыщевъ («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. По словамъ Тычкова, «губернаторъ получилъ донесеніе, что въ селѣ у М. не покойно».

Маргарита («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. Нѣмка; «ходила» въ дѣтствѣ за Софьей Бѣловодовой: «причесывала и одѣвала» ее.

Маргарита («Ф р е г. П а л.»).—Уп. л. Какая-то М. въ Маниллѣ, къ которой русскіе моряки ѣздили покупать платки и матерію изъ ананасовыхъ волоконъ.

Марина Антиповна («О б р ы в ѣ»).—«Дворовая, «повѣренная и ближайшая шаяшья фрейлина Вѣры. У М. «изжелта-сѣрые, лукавые и безжизненные глаза» со «скользящимъ быстро по предметамъ, ни на чемъ не останавливающимся, взглядомъ», «широкая, внезапно все лицо и рядъ бѣлыхъ зубовъ освѣщавшая улыбка, какъ будто къ нему вдругъ поднесутъ въ темнотѣ фонарь, также внезапно исчезающая и уступающая мѣсто слезамъ, даже, когда нужно, воплямъ».

«Сложена М. хорошо: талія ея, безъ корсета и кринолина, тонко и стройно покачивалась надъ грязной юбкой, когда она неслась по двору, будго летѣла,» — «почти не перебирая ногами». «Ловка». «Проворна». «Легкій, будго летучій, шагъ». «Какая-то нервная дрожь плечъ и бедръ», «и подвижность, игра во всей фигурѣ, въ щекахъ, и въ губахъ, въ рукахъ». «Она даже не радѣла слишкомъ о своемъ туалетѣ, особенно когда разжаловали ее въ чернорабочія: платье на ней толстое, рукава засучены, шея и руки по локоть грубы отъ загара и отъ работы; но сейчасъ же, за чертой загара, начиналась бѣлая, мягкая кожа». М. «была не то что хороша собой, а было въ ней что-то втягивающее, раздражающее, нельзя назвать чтò именно, что привлекало въ ней многочисленныхъ поклонниковъ». «Богъ знаетъ чтò», — «только кто съ ней поговорить, поглядить на нее, а она на него, даже кто просто встрѣтитъ ее, тотъ поворотитъ со своей дороги и пойдетъ за ней».

«Въ дворню изъ деревни была взята М. дѣвчонкой шестнадцати лѣтъ. Проворствомъ и способностями она превзошла всѣхъ и cadaго и превзошла ожиданія бабушки. Не было дѣла, котораго она не разумѣла, гдѣ другому надо часъ, ей не нужно и пяти минутъ. Другой еще выслушаетъ приказаніе, почешетъ голову, спину, а она ужъ на другомъ концѣ двора, ужъ сдѣлала дѣло, и всегда отлично, и воротилась. Позовутъ-ли ее одѣть барышень, гладить, сбѣгать куда-нибудь, приготовить, купить, на кухнѣ-ли помочь: въ нее всю какъ-будто вложена какая-то молнія, рукамъ дана цѣпкость, глазу вѣрность. Она все замѣтитъ, угадаетъ, сообразитъ и сдѣлаетъ въ одну и ту же минуту». «Она вѣчно двигалась, дѣлала чтò-нибудь, и когда остановится безъ дѣла, то руки хранятъ пріемъ, по которому видно, что она только-что дѣлала чтò-нибудь или собирается дѣлать». «И чиста она была на руку: ничего не стащить, не спрячетъ, не присвоить, не корыстна и не жадна: не съѣстъ тихонько. Даже немного ѣла, все на ходу; моетъ посуду и съѣстъ чтò-нибудь съ собранныхъ съ господскаго стола тарелокъ, какой-нибудь огурецъ, или хлебнетъ стоя щей ложки двѣ, отщипнетъ кусочекъ хлѣба и ужъ опять бѣжитъ». «Татьяна Марковна не знала ей цѣны, и сначала взяла ее въ комнаты, потомъ по просьбѣ Вѣрочки, отдала ей въ горничныя. Въ этомъ званіи М. мало было дѣла, и она продолжала дѣлать все и за всѣхъ въ домѣ. Вѣрочка какъ-то полюбила ее, и она полюбила Вѣрочку и умѣла угадывать по глазамъ, чтò ей нужно, что нравилось, что нѣтъ». «Но... несмотря на все это, бабушка разжаловала ее изъ камерфрейлинь въ дворовыя дѣвки, потомъ обрекла на черную работу, мыть посуду, бѣлье, полы и т. п.» Только ради ея проворства и способностей, она оставлена была при старомъ домѣ и продолжала пользоваться довѣренностью Вѣры, и та употребляла ее по своимъ особымъ порученіямъ». «М. потеряла милости барыни за то, что познала «любовь и ея тревоги», въ лицѣ Никиты, потомъ Петра, потомъ Терентья, и такъ далѣе, и такъ далѣе». «Не было лакея въ дворнѣ, виднаго парня въ деревнѣ, на которомъ бы она не остановила благосклоннаго взгляда. Границъ и предѣловъ ея любвамъ не было». «Будь она въ Москвѣ, въ Петербургѣ, или другомъ городѣ и положеніи, — тамъ опасеніе, страхъ лишиться хлѣба, мѣста, положили бы какую-нибудь узду на ея склонности. Но въ ея обезпеченномъ состояніи крѣпостной дворовой дѣвки, узды не существовало». «Ее не прогонять, куска хлѣба не лишать, а къ стыду можно притерпѣться, какъ скоро однажды навсегда узнаетъ тѣсный кружокъ лицъ, съ которымъ она болѣе или менѣе состояла въ родствѣ, кумовствѣ или нѣжныхъ отношеніяхъ». «Когда Савелій, полюбивъ М., женился на ней, она и не думала мѣнятьсь, и о супружествѣ имѣла темное понятіе. Не прошло двухъ недѣль, какъ Савелій засталъ у себя въ гостяхъ гарнизоннаго унтера. Савелій взялъ возжи «и дворня съ ужасомъ внимала истязанію». «Но этотъ урокъ не повелъ ни къ чему. М. была все та же, опять претерпѣвала истязанія и бѣжала къ барынѣ или же ускользала отъ мужа и пряталась дня три на чердакахъ, по сараямъ, пока не проходилъ первый пылъ. Она была живуча, какъ кошка, и быстро оправлялась отъ побоевъ, сама дружно и безстыдно раздѣляла смѣхъ

дворни надъ ревностью мужа, надъ его стараніями исправить ее, даже надъ побоями».—«Вотъ посмотри, какъ ее мужъ отдѣлалъ!»—обратилась бабушка къ Райскому.—«А за дѣло, негодяйка, за дѣло!»—«Понапрасну, барыня, все понапрасну. Пѣсь его знаетъ, что померещилось ему, чтобъ согнуть ему, проклятому! Я ходила въ кусты, сучьевъ наломать, тутъ встрѣтился графскій садовникъ: дай, говоритъ—я тебѣ помогу, и дотащилъ сучья до калитки, а Савелій выдумалъ»...—«Врешь, врешь, негодяйка!»—строго говорила барыня:—«не даромъ, не даромъ!»—«Вотъ сквозь землю провалиться! Дай Богъ до утра не дожить»...—«Перестань клясться! На той недѣлѣ ты выпросилась ко всенощной, а тебя видѣли въ слободкѣ съ фельдшеромъ»...—«Не я, барыня, дай Богъ околѣть мнѣ на этомъ мѣстѣ»...—«Какъ же Яковъ тебя видѣлъ? Онъ лгать не станетъ!»—«Не я, барыня, должно-быть, чортъ былъ во образѣ моемъ»... Райскій поймалъ М. ночью въ саду съ «садовникомъ» и «солгалъ» Савелію «въ пользу преступной жены», чтобы «не погубить ея». М. встрѣтила сейчасъ же послѣ этого Савелія, «караулившаго» ее:—«Что тебѣ, лѣшій, не спится?»—сказала она и, согнувъ одно бедро, скользнула проворно мимо его:—бродить по ночамъ! Ты бы хоть лошадямъ гривы заплеталъ, благо нѣтъ домового! Срамить меня только передъ господами!—ворчала она, несясь, какъ сильфъ, мимо его, съ тарелками, блюдами, салфетками и хлѣбами въ обѣихъ рукахъ, выше головы, но такъ, что ни одна тарелка не звенѣла, ни ложка, ни стаканъ не шевелились у ней». Это была «распущенная дворовая женщина, въ родѣ горькихъ безнадежныхъ пьяницъ между мужчинами», а Райскій видѣлъ въ ней «безкорыстную жрицу культа», «матеря наслажденій». Подъ конецъ «съ Мариной что-то недоброе случилось. Она ходила какой-то одичалой и задумчивой и валялась съ недѣлю на лежанкѣ, а потомъ слегла, объявивъ, что нездорова, встать не можетъ.—«Богъ караетъ!»—говорилъ Савелій, кряхтя и кутая ее въ теплое одѣяло! Позванная лѣкарка Меланхолиха, «объявила, «что болѣзнь Марины превышаетъ ея познанія. Ее отравили въ клинику, въ сосѣдній городъ, за двѣсти верстъ». [Ср. Савелій].

Маркъ Ивановичъ Волоховъ («О бры въ»).—«Чиновникъ... пятнадцатаго класса»,—рекомендуется Маркъ Райскому.—«Лѣтъ двадцати семи». «Не блондинъ, а блѣдный лицомъ, и волосы блѣдно-русые, закинутые густой гривой за уши и на затылокъ». «У него большой выпуклый лобъ», «открытое, какъ будто дерзкое лицо», «скорѣе худощавое, нежели полное», «далеко выходило впередъ». «Черты лица не совсѣмъ правильныя, довольно крупныя». «Глаза сѣрые»; «взглядъ ихъ «былъ или смѣлый, вызывающій, или, по большей части, холодный и ко всему небрежный». «Усы и борода жидкіе, свѣтлѣе волосъ на головѣ». «Сложенъ крѣпко, точно изъ металла, и пропорціонально». «Руки у него длинныя, кисти рукъ большія, правильныя и цѣпкія». Усѣвшись съ ногами въ кресло (у Козлова) и «сжавшись въ комокъ, М. сидѣлъ неподвиженъ, ноги, руки не шевелились, точно замерли, глаза смотрѣли на все покойно или холодно». «Но подъ этой неподвижностью таилась зоркость, чуткость и тревожность, какъ замѣтна иногда въ лежащей, повидимому, покойно и беззаботно, собакѣ. Лапы сложены вмѣстѣ, на лапахъ покоится спящая морда, хребетъ согнулся въ тяжелое, лѣнливое кольцо: спитъ совсѣмъ, только одно вѣко все дрожить, и изъ-за него чуть-чуть сквозитъ черный глазъ. А пошевелись кто-нибудь около, дунь вѣтерокъ, хлопни дверь, покажись чужое лицо—эти безпечно разбросанныя члены мгновенно сжимаются, вся фигура полна огня, бодрости, лаеетъ, скачетъ...» М.—человѣкъ «умный», по мнѣнію Райскаго и Вѣры; «живой, свободный умъ». Онъ съ «образованіемъ», «говоритъ, что былъ въ одно время съ нами въ университетѣ»,—пишетъ Козловъ Райскому:—только не по одному факультету. Кажется вретъ».—«Чего не знаетъ!»—отзывается о немъ тотъ же Козловъ:—«Все! Кажется, съ большими дарованіями и свѣдѣніями: могъ бы быть полезенъ»... говоритъ о немъ Ватутинъ.—«У него есть и вкусъ и пониманіе» живописи и «вѣрный глазъ». Онъ «проницательная шельма»,—по словамъ Райскаго. У него есть «юморъ». Онъ «соритъ умомъ», обладаетъ самостоятельной волей. «Настой-

чивъ». «Сильный человекъ». У него «есть» умъ, какая-то сила... Но все это идетъ стороной отъ жизни», замѣчаетъ Вѣра. М. «бѣденъ».—«Бездомный такой», по словамъ «бабушки». Ведетъ «бродячую цыганскую жизнь». Живетъ въ одинокой «избушкѣ» у «огородника», спитъ лѣтомъ «на телѣгѣ», подъ «большой рогожей». Въ «комнаткѣ» его «кровать», «на ней» «тоненькій старенькій тюфякъ», тощее ваточное одѣяло, маленькая подушка. На полкѣ и на столѣ десятка два книгъ, на стѣнѣ висѣли два ружья, на единственномъ стулѣ въ беспорядкѣ валялось нѣсколько бѣлья и платья». Потомъ онъ переѣхалъ къ дьячихѣ «Секлетеѣ Бурдалаховой». «Въ образѣ жизни неопрятенъ». «Одѣтъ неряшливо». По словамъ Нила Андреича, «отверженецъ церкви и общества», «врагъ правительства», «подозрительный человекъ»; «Варрава». «Парія». Онъ «объявилъ войну обществу».—«Русскій Карлъ Моръ»,—насмѣшливо называетъ его Райскій.—«Волоховъ—чудо нашего города», пишетъ о немъ Козловъ. «Его здѣсь никто не любить и всѣ боятся». «Онъ «покою никому не даетъ: шалунице непроходимый: я боюсь его», признается затѣмъ Козловъ.—Онъ «благой такой: пушай лучше спать!» говоритъ жена огородника:—«Мужа то вотъ дома нѣтъ, такъ мнѣ и жутко съ нимъ одной. Пушай спать!»—«Развѣ онъ обижаетъ тебя?»—«Нѣтъ, грѣхъ сказать; почто обижать? только чудной такой: я нешто его боюсь».—Василиса характеризуетъ его такъ: «взлысатый такой»... — «Какой «взлысатый?» — Вотъ чтѣ, слышь, плетми сѣчь будутъ». «Въ полку» М. «нагрубилъ командиру и былъ «исключенъ изъ полка». Гдѣ-то онъ «побилъ жида». Однажды, «возвращаясь съ охоты», М., «чтобъ ружье разрядить», сталъ стрѣлять «на выѣздѣ» «по голубямъ». Нилъ Андреичъ, увидѣвъ это, началъ «кричать», «затопалъ ногами, грозилъ пальцами, стучалъ палкой».—«Я далъ ему истощить весь словарь этихъ нѣжностей»,—говоритъ М.:—«выступилъ хладнокровно, а потомъ прицѣлился въ него и—«выстрѣлилъ въ воздухъ». Въ городѣ ходилъ слухъ, распущенный Ниломъ Андреичемъ, что М. стрѣлялъ въ Тычкова. Это «важное дѣло—урокъ старому ребенку»,—заявлялъ самъ М. Полину Карповну онъ «травилъ» собаками, «которыя у нея шлейфъ разорвали». «Поднималъ знамя бунта противъ уѣздной или земской полиціи»...—«Я вамъ когда-нибудь покажу образчикъ... «мужества», говорилъ М. Райскому.—«Вотъ тутъ что-то часто сталъ ѣздить мимо нашихъ огородовъ полицеймейстеръ: это д. б., его превосходительство изволить беспокоиться и посылаетъ узнавать о моемъ здоровьѣ, о моихъ удовольствіяхъ».—«Ну, хорошо же!.. Теперь я воспитываю пару бульдоговъ, еще недѣли не прошло, какъ они у меня, а ужъ на огородахъ у насъ ни одной кошки не осталось... Я ихъ посажу теперь на чердакъ, въ темноту, а когда полковникъ или его свита, изволить пожаловать, такъ мои птенцы и вырвутся... нечаянно, конечно».—Изъ кармана показываетъ кулакъ полицеймейстеру—говоритъ о М. Райскій. «Губернаторъ» «порядочный человекъ», по мнѣнію М.,—только затѣмъ и можетъ «позвать», «чтобъ спихнуть съ крыльца».—М. «дразнить мѣстное начальство», «осаждаетъ» «по ночамъ трактиры».—«Закричимъ «пожаръ»—предлагаетъ онъ Райскому:—«тогда отворять, а мы и войдемъ» (въ трактиръ ночью).—«Потомъ выгонять»—сказалъ Райскій.—«Нѣтъ, ужъ это напрасно: не впустить меня еще можно, а когда я войду, такъ ужъ не выгонишь».—Онъ «не платилъ въ трактирѣ денегъ». Онъ «буянъ», называетъ М. Райскій. «Омаръ»—прозываетъ его Козловъ, т. к. М. «когда читаетъ книгу, то изъ прочитаннаго вырываетъ листикъ и закуриваетъ сигару, или сдѣлаетъ изъ него трубочку и чиститъ ею ногти или уши». М. взялъ у Козлова «Аристофана»,—«да тутъ же при мнѣ», рассказываетъ Козловъ, «вдругъ сзади и вырвалъ страницу».—«Я по поводу испорченныхъ книгъ потребовалъ было объясненій, но онъ мнѣ такое лицо сдѣлалъ, что я не рѣшился продолжать». Къ Козлову М. входитъ не «черезъ калитку», а «перелѣзаетъ черезъ заборъ», «подкрадывается къ окнамъ», и «вдругъ забарабанилъ, что есть мочи, въ стекло».—«Философъ! Отворяй! Слышишь ли ты, Платонъ?» Козловъ жалуется, что М. «ночью стучитъ къ нему въ окна»; даже Ватутину М. «оставилъ кое-какія сувениры»: «ночью будилъ не разъ, окна отво-

рялъ у него въ спальнѣ» (нарочно, зная маленькую слабость старика—боязнь простуды). У того же Ватутина М. «занялъ» «триста рублей», и «не отдасть никогда». По словамъ Татьяны Марковны, онъ «только и дѣлаетъ, что деньги занимаетъ». У Райскаго онъ «съ наслажденіемъ» курить «дорогія сигары». Воруетъ яблоки изъ садовъ; сниметъ съ Козлова «по дорогѣ» шапку и наслаждается, если тотъ не замѣтитъ».—«Безпутный бродяга», опредѣляетъ М. Райскій. М., по словамъ Вѣры, «самъ напрашивается на непріятности»; играетъ жизнью».—«Онъ смѣлый» человѣкъ.—«Чего онъ испугается, этотъ уродъ?» говоритъ Улинька о немъ. Онъ «даже хвастается удалью».—«Если-бъ... въ полицію посадили», говоритъ Вѣра:—«Кажется, только этого не достаешь до вашего счастья».—«Я все равно здѣсь, въ этомъ промозгомъ углу, что Пугачевъ и Стенька Разинъ. Не испугаетесь?»—спрашиваетъ М. Вѣру при первой встрѣчѣ.—«Вы, кажется, хвастаетесь своимъ громкимъ именемъ»—замѣчаетъ ему она. Онъ рассказываетъ «незначительныя новости» о своихъ «подвигахъ и щеголяетъ цинизмомъ».—«Вы рисуетесь эксцентричностью и распущенностью»—говоритъ ему Райскій.—«А, можетъ быть»,—«равнодушно» отвѣтилъ М. Онъ, по словамъ Козлова,—ничего не дѣлаетъ».—«Я «пью» «отъ скуки и праздности», говоритъ Волоховъ о себѣ...—«И я смертельно хочу дѣлать, но, я думаю—не буду».—«Отчего же?»—«Поприща», «арены» для меня нѣтъ... какъ вы, Райскій, говорите».—«У насъ все артисты»—говоритъ М.: «одни лѣпятъ, рисуютъ, брячатъ, сочиняютъ... Другіе ѣздятъ въ палаты, въ правленія—по утрамъ, третью сидятъ у своихъ лавокъ и играютъ въ шашки, четвертые живутъ по помѣстьямъ и продѣлываютъ другія штуки—вездѣ искусство!» Пристать къ нимъ пробовалъ, да не умѣю».—И «я артистъ», бросаетъ онъ Райскому,—«только въ другомъ родѣ. Я такой артистъ, что купцы называютъ «художнику».—«Артистъ sans façon», по опредѣленію Райскаго, который напивается при первомъ знакомствѣ, бьетъ стекла, и т. д. «Праздный, не опредѣлившійся, ни на чемъ не остановившійся человѣкъ»; «праздный повѣса, которому противенъ трудъ и всякій порядокъ»,—«бродячая жизнь, житье на-распашку, на чужой счетъ—вотъ все, что имъ остается, какъ скоро они, однажды, выскочатъ изъ колеи. Они часто грубы, грязны; есть между ними фаты, которые еще гордятся своимъ цинизмомъ и лохмотьями»,—характеризуетъ М. Райскій.—«Наружно очеркъ вѣренъ, почти совершенно»...—удостоверяетъ, выслушавъ эту характеристику, самъ Волоховъ. Но, «вы скажите мнѣ, прежде, отчего я такой?»—задаетъ онъ вопросъ Райскому.—«Вы такъ хорошо сдѣлали очеркъ: замѣкъ передъ вами, приберите и ключъ». Ключъ, по намеку Марка, въ томъ, что онъ имѣетъ «претензію выражать собой и преслѣдовать великую идею»: Онъ «апостоль» «свѣта», «новой науки», «новой жизни». Онъ «проповѣдникъ» «грядущей силы», «зари будущаго», «юныхъ надеждъ». Прежняя «мораль», «вѣра», «правила», «жизнь», «убѣжденія»—«для него не существуютъ». Для него это «мертвечина» Онъ, по словамъ Вѣры, «все отрицаетъ, порицаетъ»: «никого и ничего не уважаетъ»; «ни во-что не вѣритъ». «Клеймитъ старое «враждой и презрѣніемъ».—«Все это годилось прежде, а теперь потекла другая жизнь, гдѣ не авторитеты, не заученныя понятія, а правда пробивается наружу». Онъ почитатель «Фейербаха»; онъ «смѣется надъ религіей»; «атеистъ»; «и вѣчность, и безсмертіе» онъ разрушаетъ, «младенческими химическими и физическими опытами». (У него «мнимая страсть къ изученію природы»). «Порядокъ бытія», по его мнѣнію, «случаенъ». «Люди, по его словамъ, толпятся какъ мошки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мнутъ, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ процессъ жизни, чтобъ завтра дать мѣсто другому такому же столбу». «Человѣкъ—«животѣсс», «животный организмъ», и только. Надо быть «естественнымъ и натуральнымъ»; т. е. надо «слѣдовать» «природнымъ влеченіямъ», «насущнымъ потребностямъ». Это и есть «законы природы»: «природу не передѣлаешь». Надо брать примѣръ съ «природы», съ «животныхъ». «Осталавливаться надъ всѣми явленіями жизни по долгу—значитъ надѣвать путы на ноги... значить, жить «понятіями». «Изъ природнаго влеченія

дѣлають правила и сковываютъ себя по рукамъ и по ногамъ».—«Поймите, Вѣра, хаосъ вашихъ «правилъ» и понятій». Отъ нихъ вѣтъ «мертвымъ воздухомъ». Надо «избавить людей отъ этихъ старыхъ оковъ»—долга, морали, «которыя подергиваютъ жизнь скукой и плѣсенью» и т. п. Нужна «свобода». Однако, «оставляя себѣ одну животную жизнь», М. «проповѣдовалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ дѣламъ». Читаетъ и пропагандируетъ «Прудона и прочихъ». «*La propriété c'est le vol*», по его мнѣнiю—«божественная истина», «обходящая весь мiръ». «Онъ манитъ впередъ образомъ какого-то громаднаго будущаго, громадной свободы, снятиемъ всѣхъ покрывалъ съ Изиды—и это будущее видѣлъ чуть не завтра». М. требуетъ «честности» и «логичности», «правды, добра». «Онъ звалъ къ новому дѣлу, къ новому труду».—«Однако, «новаго дѣла и труда, кромѣ раздачи запрещенныхъ книгъ», Вѣра у него «не видѣла».—Въ этой «раздачѣ» и «проповѣди» онъ и видѣлъ свое «дѣло».—«Мнѣ некогда заниматься разговорами о любви, у меня есть дѣла»—говоритъ онъ Вѣрѣ. «Роль», принятая имъ на себя—«вспрыснуть живой водой мозги», «учить дураковъ». Онъ «кое-кому раздастъ книги», «больше всего молодежи»: изъ семинаріи брали, изъ гимназіи—учитель одинъ». Вѣрѣ, при первой встрѣчѣ, онъ предлагаетъ принести «Прудона съ братіей»:—«У меня все новое есть. Только вы не показывайте бабушкѣ или тупоумнымъ вашимъ гостямъ».—Онъ «цѣлый вечеръ говорилъ съ «мальчикомъ Лозгинымъ, «какъ съ путнымъ, и далъ ему книгъ»; давалъ также книги и мальчишкѣ, сыну стряпчаго» и т. д. По его словамъ: «тутъ было ужъ принялись шевелиться». Да «мальчикъ», «стряпчаго сынъ», «все испортилъ»: попался съ книгой и, подъ розгой», сказалъ, «что книгу взялъ у Марка».—Райскій такъ былъ пораженъ, узнавъ, какія книги М. давалъ мальчикамъ, что «выпучилъ на него глаза». Вѣра говоритъ Марку:—«Вездѣ есть мальчишки, которымъ хочется, чтобъ поскорѣй усы выросли»...—«Вѣдь взрослые не станутъ слушать. И вамъ не стыдно своей роли? Вы вѣрите въ нее, не шутя, призваніемъ?»—По словамъ Райскаго, въ минуту гнѣва,—М. «трактирный либераль».

Сообразно со своими взглядами, М. «усвоилъ условія и формы общежитія, которыя считалъ свободными и разумными». Онъ думалъ, по словамъ Райскаго, что «быть грубымъ—значитъ быть простымъ и натуральнымъ». У него «волчьи» манеры, какъ назвала ихъ Вѣра.—«Вы, какъ клоунъ въ циркѣ, все выворачиваете себя на изнанку»,—замѣчаетъ ему Райскій.—«Вы по уши влюблены»—говоритъ М. Райскому.—«Какъ же это вы видите?»—спросилъ тотъ.—«Да такъ, по рождѣ».—«Она» («бабушка»), говоритъ онъ Райскому,—«старуха хоть куда... Теперь ужъ, думаю, мозги то размягчились?» и т. д. Вѣра, при первой встрѣчѣ, приняла М. за «семинариста», п. ч. тѣ такіе же «неотесанные». Такъ какъ человѣкъ «животное, то « въ чувствахъ (любви) М. видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ даже отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному.—«Я пошелъ бы прямо къ дѣлу, да тѣмъ и кончилъ бы», заявляетъ онъ Райскому, говоря о любви къ Вѣрѣ.—«Любовь», «природное влеченіе», насущная потребность».—«Нечего медлить, сдерживать чувство, допытываться, вмѣсто того, чтобы наслаждаться». Надо «прямо отъ опыта допроситься истины»,—говорилъ онъ Вѣрѣ.—«Посмотрите кругомъ»,—продолжалъ онъ, указывая на «кучку кругъ жившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ».—«Весь вѣкъ живете въ полѣ и въ лѣсу и не видите этихъ опытовъ»... Въ любви нѣтъ никакихъ «долговъ», «правилъ» и «обязанностей».—«Любовь—влеченіе»; «явится новое влеченіе»—надо уступить ему: «не мы виноваты въ этомъ, а природа». Она «хорошо сдѣлала». Иначе значило бы «надѣвать путы на ноги». Надо «виснуть на шеѣ пока виснется, а потомъ разойтись». Единственное «правило» въ любви:—правило свободнаго размѣна, указанное природой». «Свобода съ обѣихъ сторонъ».—«*La propriété c'est le vol*»—поэтому М. беретъ безъ позволенія» яблоки.—«Они мои, а не чужія: в ъ

воруете ихъ у меня», говоритъ онъ хозяйкѣ—Вѣрѣ. Онъ же занимаетъ деньги безъ отдачи, «во имя того... что ему онѣ нужны, а у Райскаго есть». Взявъ пальто Райскаго, чтобы «примѣрить», онъ заявляетъ:—«рады вы, нѣтъ ли,—а я его теперь съ плечъ не сниму,—развѣ украдете у меня».—«Вы вѣдь не долго пронесите свое пальто, а мнѣ оно года на два станетъ».

М. «проповѣдуетъ» «свободу» Вѣрѣ, а «хочетъ быть господиномъ и топаетъ ногой, что Вѣра не покоряется ему рабски». «Онъ говоритъ: «Мнѣ надо не ученицу, а товарища», и «требуетъ вѣры въ свое ученіе».—«Я хочу сама знать и видѣть, куда иду», отвѣчаетъ ему Вѣра.—«То есть хочу разсуждать!» возражаетъ М.—«Чего же вы требуете? что-бы я не разсуждала?»...—«Вѣрьте мнѣ и слушайтесь»,—быль отвѣтъ.—Онъ проповѣдывалъ «честность». «Обмануть» Вѣру, «увлечь, обѣщать «безсрочную любовь», сидѣть съ ней годы, пожалуй,—жениться»—онъ содрогнулся опять при мысли употребить грубый, площадной обманъ».—«Если бѣ хотѣлъ обмануть»,—говоритъ онъ Вѣрѣ,—«то обманулъ бы давно, стало быть, не могу»... Онъ «честно» «предупреждаетъ» ее, что любовь его «на срокъ».—Но, когда М-ку грозила опасность быть высланнымъ куда-нибудь изъ города «за раздачу книгъ», и ему «хотѣлось остаться здѣсь... на неопредѣленное время» (изъ-за Вѣры),—то онъ «сказалъ» «въ полицію», что запрещенныя «книги» «взялъ» у Райскаго.—«Вы бы прежде спросили, позволю-ли я—и честно ли это?»—отвѣтилъ ему Райскій.—«Я—безъ позволенія. А честно ли это, или нѣтъ—объ этомъ послѣ. Что такое честность по-вашему? спросилъ М., нахмурившись».—«Это ни честно, ни нечестно, а полезно для меня».—За то это «логично»:—«вамъ ничего не сдѣлаютъ: вы въ милости у его превосходительства,—продолжалъ Маркъ:—а меня за это упекутъ».—«Надѣюсь—это логика!»—Если, потомъ, какое-нибудь преступленіе сдѣлаете, скажите на меня: я возьму на себя». Когда Райскій отказывается принять вину на себя, М. отвѣтилъ:—«Ну, нечего дѣлать: скажу на Козлова (друга Райскаго). Онъ совсѣмъ залпесневѣлъ: пусть посидитъ на гауптвахтѣ, а потомъ опять примется за грековъ»...—«Нѣтъ, ужъ не примется, когда лишать мѣста и куска хлѣба»,—сказалъ Райскій.—«Пожалуй что и такъ... не логично! Такъ ужъ лучше скажите вы на себя». Узнавъ, что Райскій принялъ на себя вину, М. «и не думалъ благодарить его за эту услугу, а только сказалъ, что такъ и слѣдовало сдѣлать, и что онъ ему, Райскому, уже тѣмъ однимъ много сдѣлалъ чести, что ожидалъ отъ него такого простого поступка, п. ч. поступить иначе, значило бы быть «доносчикомъ и шпиономъ». Позднѣе М. говорилъ Вѣрѣ, что «Райскій порисовался и великодушничалъ, взявъ на себя исторію о книгахъ». Когда М. понадобилось «теплое одѣяло» и т. д.,—онъ «приписываетъ», безъ вѣдома Вѣры, къ ея письму съ подписью «ваша Вѣра», «postscriptum», въ которомъ Вѣра, будто бы, проситъ для «одного несчастнаго изгнанника изъ родины» денегъ, 300 или 220 рублей, осеннее пальто и жилетъ и теплое одѣяло».—Онъ же убѣждаетъ Вѣру «не показывать истины» объ ихъ отношеніяхъ Райскому, а «водитъ» его:—«Дурачить» его «вовсе не совѣстно».—М. «проповѣдовалъ» «логичность»—и въ то же время, «подаваясь вліянію Вѣры, «поступалъ нелогично». Вѣра, «вооруженная своими наблюденіями, логикой и волей», «боролась» и «спорила» съ проповѣдями Марка.—Онъ «топалъ въ ярости ногами, строилъ батареи изъ своихъ доктринъ и авторитетовъ и встрѣчалъ недоступную стѣну»; «онъ свирѣпѣлъ, скалилъ зубы, какъ «волкъ», но проводникомъ ея отповѣдей служили бархатные глаза, какихъ онъ не видалъ никогда, и лба его касалась твердая, но нѣжная рука и онъ, рыча про себя, ложился смиренно у ногъ ея, чуя побѣду и добычу впереди, хотя и далеко». Онъ «понемногу, кое въ чемъ, уступалъ, покорялся нѣкоторымъ ея требованіямъ: пересталъ дѣлать эксцентрическія выходки, не дразнилъ мѣстныхъ власти, сталъ опрятнѣе въ образѣ жизни, не щеголялъ цинизмомъ».—«Если вы раздѣлите мою любовь, я останусь здѣсь, буду жить тише воды, ниже травы... дѣлать, что вы хотите»... Наконецъ, утверждая, что «онъ не вѣритъ» (обряду вѣчанія) и «терпѣть не можетъ» «поповъ», М., въ концѣ концовъ, «приноситъ жерт-

ву»: предлагаетъ Вѣрѣ «обвѣнчаться».—Послѣ разрыва съ Вѣрой, «совѣсть» вонзала свой «ножь все глубже и глубже» въ душу М.:—«Ты не пощадилъ Вѣру «честно», когда она падала въ безсиліи, не сладилъ потомъ логично со страстью, а пошелъ искать удовлетворенія ей, «поддаваясь «нечестно», отвергаемому твоимъ «разумомъ», обряду». Изъ логики честности ты сдѣлалъ двѣ ширмы, чтобы укрываться за нихъ со своей «новой силой».

Онъ «холодный, злой, безъ сердца»—думаетъ Райскій о М. Вѣра находитъ въ М. «какую-то сухость, даже злость ко всему, кромѣ себя». Она зоветъ его «волкомъ». Взглядъ у М. «или смѣлый, вызывающій или, по б. ч., холодный ко всему и пренебрежительный». Смѣхъ «злой», «холодный», «язвительный». М. смѣется «по своему, съ холодною злостью». «Горе его», когда онъ разставался съ Вѣрою, «было не трогательное, возбуждающее участіе, а злое, неуступчивое, вызывающее новые удары противнику за непокорность. Даже это было не горе, а свирѣпое отчаянье. Онъ готовъ былъ изломать Вѣру, какъ ломають чужую драгоценность, съ проклятіемъ: «не доставайся никому». «Онъ шелъ... не оборачиваясь, злобно непокорнымъ звѣремъ, уходящимъ отъ добычи». «Онъ злился отъ гордости и страдалъ сознаниемъ своего безсилія». Послѣ бесѣды съ Тушинымъ, «онъ злился, что уходить неловко, неблаговидно.—«Волкомъ» звала Вѣра тебя въ глаза «шутя»,—говорила совѣсть Марку послѣ разрыва съ Вѣрой:—«теперь... къ хищничеству волка въ памяти у ней останется ловкость лисы, злость на все лающей собаки». Только Козловъ, «боящійся» М., «не можетъ его не любить». «Въ сущности, предобрый»,—отзывается Леонтій про Марка.—«Иногда вдругъ принесетъ бутылку отличнаго вина или съ огорода притащить цѣлый возъ овощей». «Когда прихворнешь, ходитъ какъ нянька, за лѣкарствомъ бѣгаетъ въ аптеку».—Когда Козлова бросила жена и онъ заболѣлъ, М. «двѣ ночи не спалъ совсѣмъ», «сидя около него, п. ч. иначе Козловъ «по ночамъ одинъ». «Онъ и лѣкаря привелъ» и «порошки» давалъ. Узнавъ, что Райскій хочетъ перевести Козлова къ себѣ, М. «схватилъ» Райскаго «за руку» и «сказалъ серьезно»:—«Вотъ теперь дайте руку,—это дѣло, а не слова... Онъ (Козловъ) останется безъ угла и безъ куска... Славная мысль пришла вамъ въ голову».—Тотъ же М. вызывается снова придти черезъ день сидѣть около больного, «смѣнить» Райскаго. Но такъ какъ больной «никого не слушаетъ,—[я ужъ хотѣлъ побить его], говорить М., «плюнувъ съ досады], то онъ «ругаетъ больного». Когда же Козловъ «ночью пробовалъ вставать», «этотъ разбойникъ Маркъ, точно желѣзной ручищей, повалилъ его и велитъ лежать. «Не воротится (Улинька), говорить М., лежи смирно!»—«Боюсь я этого Марка»—жалуется Козловъ. «Когда увидитъ Татьяну Марковну», «Маркушка зубы скалитъ»; но онъ «симпатизируетъ ей. «Она старуха хоть куда: лучше ихъ всѣхъ тутъ, бойкая, съ характеромъ, и былъ когда-то здравый смыслъ въ головѣ. Теперь ужъ, я думаю, мозги-то размягчились?».—Она, по его мнѣнію, «славная старуха»: «Тычкова выгнала».—«Экая здоровая старуха, эта ваша бабушка!»—замѣтилъ М. Райскому:—«Я когда-нибудь къ ней на пирогъ приду! Жаль, что старой дури набито въ ней много». Къ Райскому М. относился насмѣшливо:—«куда ему! (романъ написать). «Онъ неудачникъ», «неизлѣчимый романтикъ»—отзывается М. о Райскомъ. Однако, «съ тѣхъ поръ, какъ онъ вытолкалъ Тычкова», М. «считаетъ его «не совсѣмъ пропащимъ человѣкомъ».—Вѣру М. «уважалъ, но уважалъ противъ воли, какъ въ сраженіи уважаютъ непріятеля, который отлично дерется». Онъ «любитъ» ее. Ради нея остается въ городѣ», «забываетъ «дѣло», «измѣняетъ образъ жизни», «ночи не спитъ». Въ борьбѣ съ Вѣрой, онъ самъ «измѣнился въ лицѣ, похудѣлъ». Однако онъ все настаиваетъ на «любви на срокъ».—«Я думалъ, говоритъ М. Вѣрѣ,—что мы скоро сойдемся и потомъ разойдемся—это зависитъ отъ организмовъ, отъ темпераментовъ, отъ обстоятельствъ». Но «онъ привязанъ къ ней не слѣпо».—«Ваша красота, говоритъ онъ, да умъ, да свобода понятій и держать меня въ плѣну долѣе, нежели со всякой другой». Подъ «безконечной любовью» онъ разумѣетъ безконечную горячку».—Принявъ крикъ Вѣры —«прощай»—за «при-

зывъ» М. «одержаль побѣду» надъ нею; тогда, по его мнѣнію, для нихъ «настало счастье». Онъ полагаетъ, что Вѣра заболѣла потомъ «отъ страсти».—«Можетъ быть вдвоемъ, дѣйствуя за одно, мы отдѣлаемся отъ страсти дешево и уйдемъ по добру и поздорову»,—пишетъ онъ ей,—«а въ одиночку тяжело и скверно».—«Страсть сломаетъ Вѣру», говоритъ М. Тушину.—«Дико бѣжать отъ счастья».—М. «не оцѣнилъ въ время Вѣру» и потерялъ «то, чего никогда уже болѣе не встрѣтитъ на пути». Райскій опредѣляетъ характеръ Марка: «Отъ природы М. былъ пылкимъ, живымъ мальчикомъ. Дома мать, няньки избаловали его... Все это баловство повело къ деспотизму; а когда дядьки и няньки кончились, чужіе люди стали ограничивать дикую волю—ему не понравилось: онъ сдѣлалъ эксцентрическій подвигъ, его прогнали изъ одного мѣста. Тогда ужъ онъ сталъ мстить обществу: благоразуміе, тишина, чужое благостояніе показались грѣхомъ и порокомъ, порядокъ противенъ, люди нелѣпы... И давай тревожить покой мирныхъ людей». «Будущность М., по его собственному мнѣнію, неопредѣленная, неизвѣстная, безъ угла, или безъ «гнѣзда», безъ очага, безъ имущества».—Уѣхавъ послѣ разрыва съ Вѣрой, М. отправился «на время въ Новгородскую губернію къ старой теткѣ, а потомъ намѣренъ проситься опять въ юнкера, съ переводомъ на Кавказъ».

К р и т и к а: 1) М е р е ж к о в с к і й находитъ общую черту у «нигилиста» Волохова, «чиновника» Адуева и «аккуратнаго, добродѣтельнаго нѣмца Штольца»: рассудокъ у нихъ преобладаетъ надъ чувствомъ, расчетъ надъ голосомъ сердца, практичность надъ воображеніемъ, способность къ дѣйствию надъ способностью къ созерцанію. «...М. Волоховъ несмотря на ожесточенный протестъ, скорѣе циникъ, чѣмъ аскетъ, и онъ не прочь отъ удовольствій комфорта—курить съ наслажденіемъ дорогія сигары Райскаго. Волоховъ прямо объявляетъ Вѣрѣ, что матеріальную сторону любви ставитъ выше нравственной; въ конечномъ идеалѣ общечеловѣческаго счастья, за который борется онъ съ такой убѣжденностью, на первомъ планѣ стоятъ матеріальныя блага, тотъ же комфортъ, тѣ же вкусныя сигары барина Райскаго, только доступныя большому числу людей». [Мережковский, Сочин., т. XIII]. 2) «Въ сферахъ, близкихъ къ «дѣтямъ», на «Обрывѣ» взглянули какъ на памфлетъ противъ молодого поколѣнія; въ сферахъ, близкихъ къ «отцамъ», усмотрѣли, напротивъ того, въ Маркѣ Волоховѣ рѣзкое, но вполне вѣрное изображеніе новаго теченія. Есть и среднее мнѣніе, которое утверждаетъ, что Гончаровъ, съ его глубокимъ умомъ, не могъ въ сѣ поколѣніе шестидесятихъ годовъ олицетворить въ образѣ циничнаго буяна, не гнушающагося для личныхъ своихъ нуждъ выманивать деньги подложнымъ письмомъ. Рѣчь, по этому пониманію «Обрыва», идетъ только о нѣкоторыхъ несимпатичныхъ автору элементахъ движенія шестидесятихъ годовъ». [Венгеровъ]. 3) «Меня крайне удивляло, говоритъ самъ Гончаровъ [«Лучше поздно, чѣмъ никогда»], какъ могло молодое поколѣніе принять Волохова на свой счетъ, Волоховъ—будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформъ—и туда уложило всѣ силы! Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это Волоховы! Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всѣхъ отрасляхъ русскаго хозяйства, промышленности, науки, вездѣ пробивая новые пути, вызывая новыя силы! Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій въ освобожденной прессѣ, сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи и цѣли великаго преобразователя! И все это Волоховы! Кому могла придти такая мысль!» 4) Ляцкій отмѣчаетъ «субъективность Гончарова при созданіи образа М. В—а. По мнѣнію названнаго изслѣдователя, «какъ бы то ни было, Маркъ вноситъ съ собою «н о в о е ученіе», но «Гончаровъ дальше «дерзкаго» отрицанія авторитетовъ и проповѣди новой свободы, не выходящей изъ предѣловъ призыва къ свободной любви, не идетъ въ своемъ объясненіи. Онъ связываетъ новое ученіе съ именами Фейербаха. Прудона, но этимъ упоминаніемъ обыкновенно дѣло и кончается; въ чемъ состояла новая правда—такъ и остается невыясненнымъ. Читатель догадывается.

что дѣло здѣсь не въ доброй волѣ Гончарова, а прежде всего, въ томъ, что общественно-политическая сторона ученій этихъ писателей оставалась чужда ему, и даже болѣе того—можно съ увѣренностью сказать, что самъ онъ едва-ли близко вникалъ въ сущность ихъ содержанія. Отсюда понятно, что то, что изъ новой правды молодые умы стремились примѣнить къ общественно-политической сторонѣ русской жизни, шло въ разрѣзъ съ коренными убѣжденіями Гончарова. Оно было ему органически непонятно и потому, останавливаясь на внѣшнихъ, до карикатуры утрированныхъ, признакахъ носителей этой новой правды, онъ лишилъ М. В.—а наиболѣе положительной черты людей его типа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторической основы». «Въ созданіи Марка субъективности Гончарова сама собой пробила наружу, и его личность выразилась при этомъ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ меньше удалось ему придать индивидуальнымъ чертамъ Марка типическое значеніе» [«Гончаровъ», стр. 212—215].

Марья Егоровна Винентьева («Обрывъ»).—Мать Николая Андреича: «почти молодая женщина, лѣтъ сорока съ небольшимъ»; была такая же живая и веселая, какъ онъ, но съ болѣшимъ запасомъ практическаго смысла. Между ею и сыномъ была вѣчная комическая война на словахъ». «Они спорили на каждомъ шагу, за всякіе пустяки,—и только за пустяки. А когда доходило до серьезнаго дѣла, то «М. Е.» другимъ голосомъ и другими глазами, нежели какъ обыкновенно, предъявляла свой авторитетъ» и ставила на своемъ. Между М. Е. и сыномъ происходилъ «видимый разладъ и существенная невидимая гармонія». Они спорили между собою «съ утра до вечера», съ промежутками громкаго смѣха. А когда они были ужъ очень дружны, то молчали, какъ убитые, пока тотъ или другой не прерветъ молчаніе какимъ-нибудь замѣчаніемъ, вызывающимъ непремѣнно противорѣчіе съ другой стороны». Сына М. Е. звала «Николкой» и «волченкомъ», и если уступала ему въ чемъ-либо, такъ «съ бою, и притомъ самаго упорнаго и горячаго»; она раньше сына разобралась насчетъ его чувствъ къ Марейнкѣ» и «молча», про себя, давно все обдумала, взвѣсила, рассчитала—и рѣшила, что эта свадьба—дѣло подходящее». Однако, когда сынъ заявлялъ, что хочетъ жениться съ М. Е. приняла это извѣстіе насмѣшливо и велѣла созвать людей:—«Зови всѣхъ людей: Николай Андреичъ помѣшался!». Разсердилась и «начала въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ»; сдалась только послѣ одного изъ самыхъ бурныхъ разговоровъ.—«Еще что Татьяна Марковна скажетъ!» говорила М. Е. «раздражительно, какъ будто съ досадой уступая». Послѣ объясненія съ сыномъ, она всю ночь «со страху не спала»: «сердце ея чуяло бѣду». Ее страшила какъ взглянетъ Татьяна Марк. на послѣшнее объясненіе сына съ Марейнкой»; во время торжественнаго «сватовства» не выдержала тона и положила конецъ «церемоніи и сватовству».—«Гдѣ имъ было занимать мудрости, вѣдь не жили совсѣмъ, оправдываетъ она Марейнку и сына предъ Татьяной Марковной; предложила ей, послѣ свадьбы «отпустить дѣтей въ Москву, въ Петербургъ и даже за границу», но не возражала, когда бабушка возстала противъ этого «новаго распутства», рѣшительно заявивъ, что не отпуститъ Марейнку, пока жива».

Марья Ивановна («Обыкновенныя ист.»).—«Сосѣдка» Любецкой.

Марья Карповна («Обыкновенныя ист.»).—Сосѣдка Анны Павловны.

Марья Михайловна («Обломовъ»).—Тетка Ольги. «Женщина очень умная, приличная, одѣтая «всегда прекрасно, всегда въ новомъ шелковомъ платьѣ, которое сидитъ на ней отлично, всегда въ такихъ изящныхъ кружевныхъ воротничкахъ; чепецъ тоже со вкусомъ сдѣланъ и ленты прибраны кокетливо къ ея почти пятидесятилѣтнему, но еще свѣжему лицу. На щѣпочкѣ виситъ золотой лорнетъ».—«Позы, жесты ея исполнены достоинства; она очень ловко драпируется въ богатую шаль, такъ кстати обопрется локтемъ на шитую подушку, такъ величественно раскинется на диванѣ. Ее никогда не увидишь за работой: нагибаться, шить, заниматься мелочью нейдетъ къ ея лицу, важной фигурѣ. Она и приказанія слугамъ и служанкамъ отдавала небрежнымъ тономъ, коротко и сухо». «Она иногда читала, никогда не писала, но говорила хорошо, впрочемъ,

больше по-французски». «Въ разговорѣ она не мечтаетъ и не умничаютъ; у ней, кажется, проведена въ головѣ строгая черта, за которую умъ не переходилъ никогда. По всему видно было, что чувство, всякая симпатія, не исключая и любви, входятъ, или входили въ ея жизнь наравнѣ съ прочими элементами, тогда какъ у другихъ женщинъ сразу увидишь, что любовь, если не на дѣлѣ, то на словахъ, участвуетъ во всѣхъ вопросахъ жизни, и что все остальное входитъ стороною, настолько, насколько остается простора отъ любви». «У этой женщины впереди всего шло умѣнье жить, управлять собою, держать въ равновѣсїи мысль съ намѣреніемъ, намѣреніе съ исполненіемъ. Нельзя было заставить ее неприготовленную, врасплохъ, какъ бдительнаго врага, котораго когда ни подкараульте, всегда встрѣтите устремленный на васъ, ожидающій взглядъ». «Стихія ея были свѣтъ, и оттого такъ, осторожность шла у ней впереди каждой мысли, каждаго слова и движенія». «Съ перваго взгляда», видя вмѣстѣ М. М. и Ольгу, «можно было рѣшить, что онѣ тетка и племянница, а не мать и дочь». Ихъ отношенія были «очень просты и покойны: въ нѣжности онѣ не переходили никогда границъ умѣренности, никогда не ложилось между ними и тѣни неудовольствія». «Это происходило «частію отъ характера М. М.», «частію отъ совершеннаго недостатка всякаго повода для обѣихъ—вести себя иначе. Теткѣ не приходило въ голову требовать отъ Ольги что-нибудь такое, чтобъ рѣзко противорѣчило ея желаніямъ; Ольгѣ не приснилось бы во снѣ не исполнить желанія тетки, не послѣдовать ея совѣту»: въ выборѣ платья, въ прическѣ, въ томъ, напримѣръ, поѣхать ли во французскій театръ, или въ оперу». При этомъ М. М. «выражала желаніе, или высказывала совѣтъ, отнюдь не болѣе—а она всегда высказывала его съ умѣренностью до сухости, насколько допускали права тетки, никогда болѣе». «Отношенія эти были такъ безцвѣтны, что нельзя было никакъ рѣшить, есть ли въ характерѣ тетки какія-нибудь притязанія на послушаніе Ольги, на ея особенную нѣжность». «Она ни передъ кѣмъ никогда не открываетъ сокровенныхъ движеній сердца, никому не повѣряетъ душевныхъ тайнъ; не увидишь около нея доброй пріятельницы, старушки, съ которой бы она шепталась за чашкой кофе». «Въ ея отношеніяхъ къ барону не проглядывало ни тѣни какой-нибудь затаявшейся особенной симпатїи» и, когда они оставались наединѣ, то больше молчали, но молчали какъ-то значительно и умно, какъ будто что-то знали «такое, чего другіе не знаютъ, но и только». М. М. «повидимому любить быть съ нимъ вмѣстѣ—вотъ единственное заключеніе, какое можно вывести, глядя на нихъ»; обходилась М. М. съ барономъ, «такъ же какъ и съ другими: благосклонно, съ добротой», но такъ же ровно и покойно». Въ ея домѣ «все было немного чопорно» и «постоянно шелъ живой современный разговоръ». «На разговоры по угламъ, на прогулки Обломова съ Ольгой» М. М. «никакъ не смотрѣла». «Гулять съ молодымъ человѣкомъ, съ франтомъ—это другое дѣло: она бы и тогда не сказала ничего, но, съ свойственнымъ ей тактомъ, какъ-нибудь незамѣтно установила бы другой порядокъ: сама бы пошла съ ними разъ, или два, послала бы кого-нибудь третьяго, и прогулки сами собою бы кончились. Но гулять «съ мсьё Обломовымъ», сидѣть съ нимъ въ углу большой залы, на балконѣ... что жь изъ этого? Ему за тридцать лѣтъ: не станеть же онъ говорить ей пустяковъ, давать какихъ-нибудь книгъ». Притомъ Штольцъ «просилъ М. М. не выпускать Обломова изъ вида, приглашать почаще къ себѣ, втягивать въ прогулки, поѣздки, всячески шевелить его, если-бъ онъ не поѣхалъ за границу».

Марья Онисимовна («Обломовъ»).—Знакомая стариковъ Обломовыхъ.

Марья («Обломовъ»).—Уп. л. Прислуга Ивана Герасимовича.

Марья («Обыкн. ист.») Жена дворника Любецкой.

Марейня («Обрывъ»).—«Двоюродная внучка» Бережковой. «Свѣжая, бѣлокурая, здоровая, склонная къ полнотѣ дѣвушка, «лѣтъ двадцати двухъ».—«Лобъ у нея «нѣжной бѣлизны»; большіе темно-сѣрые», «веселые» глаза; «кругленькія здоровыя щеки», «здороваго цвѣта», «бѣлые тѣсные зубы»; свѣтлорусая, вдвое сложенная на головѣ, коса; «вполнѣ развитая грудь, рель-

ефно отливавшаяся въ тонкой бѣлой блузѣ»; «кругленькая, точно выточенная и крѣпкая небольшая нога».—«Голосъ у нея «пріятный, грудной, звонкій», «дѣтскій». М. «блеститъ красками здоровья». «Въ лѣтнемъ нарядѣ изъ прозрачной ткани», она «кажется какой-то радугой изъ весеннихъ цвѣтовъ, лучей, тепла и красокъ весны». Отъ нея вѣетъ «дыханіемъ херувимской свѣжести».—«Она миленькая», думаетъ о М. Райскій:—«какая простота и прелесть!».

Училась М. «пять лѣтъ» «въ пансіонѣ» «у француженки», М-ме Мейеръ». Она «умѣетъ изъ воску лѣпить цвѣты», и тѣ же цвѣты «рисуетъ съ натуры»; «играетъ на фортепіано». «Поетъ немножко» «русскіе романсы»; «начала»—говоритъ она, «итальянскую музыку, да учитель уѣхалъ. Я пою: Una voce roseo fa, только трудно очень для меня». Она любитъ пѣть: «Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя» и поетъ звонко, чисто... «Безпечно прервала пѣніе и тѣмъ же тономъ, какимъ пѣла, приказываетъ изъ окна Матренѣ собрать съ грядъ салату». Когда М. «соскучится», она «читаетъ» «что попадетъ». «Титъ Никонычъ журналы носитъ», она «повѣсти читаетъ». «Иногда у Вѣрочки возьметъ французскую книгу, какую-нибудь Елену; недавно читала миссъ Еджевортъ ¹⁾, еще «Джонъ Эйръ» ²⁾.—«Это очень хорошо»... «Я двѣ ночи не спала: все читала, не могла оторваться»,—говоритъ М. «Романы читаетъ» «только такіе, гдѣ кончается свадьбой»:—«Я всегда прежде посмотрю, и если печальный конецъ въ книгѣ—я не стану читать».—Она читала «Жуковского», «Пушкина недавно «Мазепу» ³⁾ прочла—но не понравилось:—«жалко Марію». «Горе отъ ума» тоже не понравилось».—«Софья Павловна гадкая, а Чацкаго жаль: пострадалъ за то что умнѣе всѣхъ»; при чтеніи «Кунигунды» у М. «навертывались слезы. «Гадкая книга!»—говорила она:—«что они вытерпѣли бѣдныя». «Гуливеровы путешествія»,—которыя М. нашла въ библіотекѣ (Райскаго), она оставила у себя:—«Я ихъ разъ семь прочла. Забуду немного и опять прочту. Еще «Кота-Мура», «Братя Серапіона», «Песочный человекъ» ⁴⁾, это больше всего люблю».—«Да вонъ у меня,—говоритъ она Райскому, изъ вашихъ книгъ остались нѣкоторыя, да я ихъ не могу одолѣть»... «Шатобриана» ⁵⁾ «Les Martyrs»... Это ужъ очень высоко для меня». Мишле «Téces de l'histoire moderne» ⁶⁾, «римскую исторію, кажется, Жиббона» (Гиббона) ⁷⁾—«я не дочитала... слишкомъ величественно! Это надо только учителямъ читать, чтобъ учить»... М. «смотрѣла на все бодро, зорко», «никогда не задумывалась». «Когда не было никого въ комнатѣ, ей становилось скучно и она шла туда, гдѣ кто-нибудь есть. Если разговоръ на минуту смолкнетъ, ей ужъ неловко станеть, она зѣвнетъ и уйдетъ, или сама заговорить». Но если сядетъ за шитье, то углубится серьезно и молча, долго можетъ просидѣть, сядетъ за фортепіано, непременно проиграетъ все до конца, что предположить; книгу прочтетъ всю и долго рассказываетъ о томъ, что читала, если ей понравится». Она «любитъ хозяйство, и рукодѣліе, и домашнія заботы». «Бабушка часто велитъ ей записывать расходъ и приходъ». «Она знаетъ, сколько засѣвается ржи, овса, когда что поспѣваетъ, куда и когда сплавляютъ хлѣбъ, знаетъ, сколько лѣсу надо мужику, чтобы избу построить».—«Я бы могла и за полевыми работами смотрѣть»,—говоритъ она,—да бабушка не пускаетъ».—«По дому, она мнѣ помощница»,—пишетъ бабушка,—«а до имѣнья я ее не допускаю: не дѣвичье дѣло!» М., по мнѣнію Татьяны Марковны, «будетъ примѣрная хозяйка».—«Я хозяйка здѣсь»,—говоритъ сама М. Райскому:—у меня ключи отъ серебра, отъ кладовой»; она «разливаетъ чай и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ»; «ходитъ за цвѣтами, за птичками». М. «охотница до нарядовъ, украшеній, мелкихъ бездѣлокъ на столѣ, на этажеркахъ». «Въ ея комнатѣ было все уютно, миниатюрно и весело. Цвѣты на окнахъ, птицы, маленькій кіотъ надъ постелью, множество разныхъ коробочекъ, ларчиковъ, гдѣ напрядано было всякаго добра, лоскутковъ, нитокъ, шелковъ, вышиванья: она славно шила шелкомъ и шерстью по канвѣ». «Въ ящикахъ лежали ладонки.

^{1—7)} См. Дополненія.

двойные сросшіея орѣшки, восковые огарочки, въ папкахъ засушено было множество цвѣтовъ, на окнахъ лежали найденные на Волгѣ въ песокъ цвѣтныя камешки, раковинки». «Стѣну занималъ большой шкапъ, съ платями—и все въ порядкѣ, все чисто, прибрано, уложено, завѣшено. Постель была маленькая, но заваленная подушками, съ узорчатымъ шелковымъ на ватѣ одѣяломъ, обшитымъ кисейной бахромой». По стѣнамъ висѣли англійскія и французскія картины, взятыя изъ стараго дома и изображающія семейныя сцены: то старика, уснувшаго у камина, и старушку, читающую библію, то мать и кучу дѣтей около стола, то снимки съ Тенберовскихъ картинъ, наконецъ голову собаки и множество вырѣзанныхъ изъ книжекъ картинъ, съ животными, даже нѣсколько картинокъ модъ. У стѣнки особый «шкапикъ» «для лакомствъ», который она очень «любитъ».—«Ты не хотѣла бы, Марөинька, не правда ли, выпорхнуть изъ этого гнѣздышка? спрашиваетъ Райскій.—«Нѣтъ, ни за что!» качая головой, рѣшительно сказала она.—«Бросить цвѣтникъ, мои комнатки. Вѣдь у меня тутъ все: садъ и грядки, цвѣты... А птицы? кто-же будетъ ходить за ними? какъ можно, ни за что!» «М. любитъ, когда ей дарятъ что-нибудь». Получая отъ Райскаго привезенный имъ подарокъ, М. такъ покраснѣла отъ удовольствія, что щеки у ней во все время, пока разсматривали подарки и говорили о нихъ, оставались красны. Она, какъ часто случается съ дѣтми, отъ сильной радости забыла поблагодарить Райскаго». Когда бабушка напомнила ей, М. «skonфузилась и присѣла». Райскій засмѣялся.—«Какая я дура... присѣдаю сказала она.—«Принимаете вы съ Вѣрочкой отъ меня въ подарокъ все это, да?»—спросилъ Райскій, желая подарить имъ домъ и все свое имѣнье.—«Да... братецъ... весело сказала она, не задумываясь; когда Ватутинъ обѣщалъ принести «косыночку», «модную, изъ козьяго пуха», «поцѣловавъ» его, М. шепчетъ ему:—«Нельзя ли прислать косыночку завтра... Она понадобится». «Бабушка» называетъ ее за это «попросайкой».—«Когда Райскій желалъ знать, что она выберетъ для себя изъ «всего имѣнія», которое онъ дарилъ ей съ Вѣрочкой, М. сказала: «Я садикъ возьму!»—«А кружевъ, бѣлья, серебра?»—«Не надо. Кружева у меня есть свои и серебро тоже. Да я люблю деревянной ложкой ѣсть». «Чашки возьму и чайники (саксонскіе), еще вонъ этотъ диванчикъ возьму и маленькія кресельца, да эту скатерть, гдѣ вышита Діана съ собаками. Еще бы мнѣ хотѣлось взять мою комнатку». Въ старомъ домѣ, гдѣ живетъ Вѣра, М. не любитъ оставаться:—«пойдемте, братецъ, отсюда, здѣсь пустотой пахнетъ. Какъ ей (Вѣрѣ) не страшно одной; я бы умерла... Безстрашная такая, пожалуй на кладбище одна ночью пойдетъ»...—«А ты не ходишь?»—спросилъ Райскій.—«Я днемъ хожу туда, и то съ Агаѣей или мальчишку изъ деревни возьму».—«Въ лѣсъ» ходитъ она также «бoitся»; «не ходитъ съ юрыва, — тамъ страшно, глухо». «Грозы» боится:—«Я всегда прячусь въ постель, задерну занавѣски и, если молнія очень блестящая, то положу большую подушку на голову, а уши заткну, и ничего не вижу, не слышу»... «Натура» у нея «здоровая». «Она любитъ воздухъ; ей нужды нѣтъ загорѣтъ. Она любитъ, какъ ящерица, зной». Никогда не ложится спать безъ ужина. «Люта спать», по выраженію Марини.—«Какъ лягу», говорила сама она:—«такъ сейчасъ засну, даже иногда не успѣю чулокъ снять, такъ и повалюсь». У нея «ни страстей, ни широкихъ движеній, какой-нибудь дальней, трудной цѣли». При одной мысли о «страсти Марөиньки» Райскій засмѣялся.

М. «наивна»; «желанія у М. вращаются въ кругу ея быта: она любитъ, чтобы Святая недѣля была сухая, любить святки, сильный морозъ, чтобы сани скрипѣли и за носъ щипало. Любитъ катанье и танцы, толпу, праздники, прїѣздъ гостей и выѣзды съ визитами—до страсти. Но, несмотря на страсть къ танцамъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ лѣта, поры плодовъ, любитъ, чтобы много вишень уродилось и арбузы вышли большіе, и яблоковъ народилось бы столько, какъ ни у кого въ садахъ».—«Вѣра... не здѣшняя; говоритъ М. «А я—ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо: въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышется легко!

какъ весело, когда съѣдутся знакомые!.. Нѣтъ, нѣтъ, я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки! не хочу никуда. Чтобы я одна дѣлала тамъ, въ Петербургъ, за границей—я бы умерла съ тоски!.. Она была удивлена вопросомъ Райскаго:—«не скучно тебѣ здѣсь?»—«Нѣтъ!» сказала она;—«чего же мнѣ еще нужно?» — «Пошло, скучно!» — повторяла она задумчиво: — «нѣтъ! развѣ здѣсь скучно?» «Бабушка» щедро надѣляетъ ее замѣчаніями и предостереженіями на каждомъ шагу:—«Молода еще шутить надъ бабушкой», — крикнула бабушка сердито М.—«я тебя и за ухо, да въ лапты; нужны нѣтъ, что большая». Когда бабушка «ее ни разу не побранила», это для М. «значило,—что не любить».—«Безъ бабушки—ни шагу», заявляетъ М.:—«Если бабушка умретъ, «тогда и мы съ Вѣрочкой умремъ, п. ч. безъ бабушки»...—она тяжело вздохнула:—«я сама бы ничего не выдумала; чтобы я стала дѣлать безъ бабушки?».—«Что бабушка скажетъ, такъ тому и быть?» спросилъ Райскій—«Да, она лучше меня знаетъ».—М. «боится» бабушки и пугаетъ Райскаго... бабушкой.—«Вы очень боитесь? Сердце бьется?» допытывается она у Райскаго — Бабушка «умная, добрая, она все знаетъ», говоритъ М.: — «Она лучше всѣхъ здѣсь и въ цѣломъ свѣтѣ!». — «Со временемъ изъ тебя можетъ выйти такая же бабушка» — замѣчаетъ М. Райскій:—«Развѣ ты хотѣла бы быть такою?»—«Ахъ, дай Богъ: да гдѣ мнѣ?» М. «смирная», по словамъ Бережковой. Она «скромная», — «Ну, что за хорошенькая», — «небрежно» говоритъ она о себѣ: «толстая, бѣлая! Вотъ Вѣрочка такъ хорошенькая, прелестъ» — «Я многого не понимаю»... «Вѣрочка знаетъ» все.—«Ты, Вѣрочка, будешь еще счастливѣе меня. Посмотри, какая ты красавица, какая умная—мы съ тобой какъ будто не сестры!» Райскій, по ея мнѣнію, «умный-преумный».—«Это не глупо... любить птицъ?» робко спрашивала М. Райскаго:—«Вы не смѣетесь, вы это правду говорите?». «Ахъ, Боже мой! Онъ сочтетъ меня дурочкой... Что бы сказать мнѣ ему такое... самое умное?»—думала М. Она «дѣтски застѣнчива». При первой встрѣчѣ съ Райскимъ, вошла «медленно, со стыдливой неловкостью, съ опущенными глазами, краснѣя».—Послѣ «предложенія» Викентьева, ее долго не могли найти. «Наконецъ, сама бабушка съ Марьей Егоровной отыскали ее за занавѣсками постели въ углу, подъ образами, и вывели ее оттуда, раскраснѣвшуюся, не одѣтую, старающуюся закрыть лицо руками». «Обѣ принялись цѣловать ее и успокаивать. Но она наогрѣвъ отказалась идти къ обѣду и къ завтраку, пока всѣ не перебывали у ней въ комнатахъ и не поздравили по очереди». Точно такъ же она убѣгала и отъ каждаго гостя, который пріѣзжалъ поздравлять, когда вѣсть пронеслась по городу. М.,—по ея словамъ «боится» и Райскаго:—«Вы не простой. Иногда у васъ что-то такое въ глазахъ... Нѣтъ, я не привыкну къ вамъ», —заявила она, но чувствовала къ нему нѣжную симпатію. М. «всѣхъ любить»...—«Я вѣдь васъ всѣхъ люблю... какъ люблю, Господи!.. Да какъ же и когда вы узнаете это; я не умѣю даже сказать» —говоритъ М. Вѣрѣ.—«Богъ тебя любить, дитя мое», —говорила ей бабушка:—«за то, что ты сама всѣхъ любишь, и всѣмъ, кто поглядитъ на тебя, становится тепло и хорошо на свѣтѣ». «Господи!», —воскликнула М. увидѣвъ подарки, сдѣланные ей передъ свадьбой» и «всхлипывая отъ счастья»:—«за что они меня такъ любятъ всѣ? я никому ничего хорошаго не сдѣлала и не сдѣлаю никогда!».—Даже и въ каждомъ лицѣ изъ дворни свѣтилось непритворное дружелюбие, ласка къ ней и лучъ радости, по случаю ея праздника». Прощаясь съ бабами передъ свадьбой, «М. обошла каждую избу, ласкала ребятшекъ, двумъ изъ нихъ вымыла рожицы, нѣкоторымъ матерямъ дала ситцу на рубашонки дѣтямъ, да двумъ дѣвочкамъ постарше на платья, и двѣ пары башмаковъ, сказавъ, чтобы не смѣли ходить босоногія по лужамъ». —«Красавица ты, наша, Божій ангель, награди тебя Господь, провожали ее бабы съ каждаго двора, когда она прощалась съ ними недѣли на двѣ». «Еще въ дѣтствѣ, бывало, узнаетъ она, что у мужика пала корова или лошадь, она влѣзаетъ на колѣни къ бабушкѣ и выпроситъ лошадь или корову. Изба ветхая, или строеніе на дворѣ.

она попросить лѣску». «Умеръ у бабы сынъ, мать отстала отъ работы, сидѣла въ углу, какъ убитая, М. каждый день ходила къ ней и сидѣла часа по два, глядя на нее, и приходила домой съ распухшими отъ слезъ глазами». «Коли мужикъ заболѣвалъ трудно, она приласкается къ Ивану Богдановичу, лѣкарю, и сама вскочить къ нему на дрожки и повезетъ въ деревню». «То и дѣло просить у бабушки чего-нибудь: холста, коленкору, сахару, чаю, мыла. Дѣвкамъ даетъ старыя платья, велитъ держать себя чисто. Къ слѣпому старику носить чего-нибудь лакомага поѣсть, или дать немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ по именамъ, послѣднимъ покупаетъ башмаки, шьетъ рубашонки и крестить почти всѣхъ новорожденныхъ». «Если случится свадьба, М. не знаетъ предѣла щедрости: съ трудомъ ее ограничиваетъ бабушка. Она даетъ бѣлье, обувь, придумаетъ какой-нибудь затѣйливый сарафанъ, истратитъ всѣ свои карманные деньги и долго послѣ того экономничаетъ». «Только пьяницъ, какъ бабушка же, не любила, и однажды даже замахнулась зонтикомъ на мужика, когда онъ, пьяный, хотѣлъ ударить при ней жену». Она сама по-постоянно «кормитъ птицъ». «Голуби и воробьи... «галки», «куры, индѣйки, утки», «гуси» привыкли по утрамъ «получать отъ М. кормъ».—«Всѣ собаки въ деревнѣ знаютъ и любятъ ее». «У ней есть любимыя коровы и овцы». «Коза» «Маша»—«заходитъ въ огородъ»:—«Она меня ищетъ,—говоритъ М.:—«Я ей хлѣбца дамъ.—У нея есть «свой садикъ»—«цвѣтникъ», на огородѣ «свои грядки»: «сама работаетъ», «сама поливаетъ» цвѣты и ухаживаетъ за ними.

М. «сама невинность». Въ первую прогулку съ Райскимъ она, переступая чрезъ канавку, приподняла край платья и юбки такъ, что стала видна «нога въ бѣломъ чулкѣ»—«Ты любишь щеголять, М.: лакированный башмакъ!»—замѣтилъ Райскій. «Онъ думалъ, что она смутится, пойманная врасплохъ, приготовился наслаждаться ея смущеніемъ, смотрѣлъ какъ она быстро и стыдливо броситъ изъ рукъ платье и юбку».—«Это мы съ бабушкой на ярмаркѣ купили»—сказала она, приподнявъ еще немного юбку, чтобы онъ лучше могъ разглядѣть башмаки. — «А у Вѣрочки лиловые... прибавила М. — «Милое дитя», думалъ Райскій, — «тебѣ не надо притворяться стыдливой». Во время «припадка» Райскаго, М. «безпечно принимала и возвращала ласки, почти не замѣчала ихъ, и ничего не чувствовала». — «Какіе вы странные: на себя не похожи! не болитъ ли голова?» спросила она его.—«Не подходи близко, не ласкай меня! Милая сестра!»—сказалъ онъ «очнувшись»—«Какъ же не ласкать, когда вы сами такъ ласковы!»—У нея «святое, стыдливое невѣдѣніе».—«Отчего онъ не велѣлъ подходить близко, вѣдь онъ не чужой? А самъ такъ ласковъ»; «пролежавъ безъ сна съ часъ въ постели, она встала, вытерла лицо огуречнымъ рассоломъ, что дѣлала обыкновенно отъ загара, потомъ перекрестилась и заснула». Когда Райскій спросилъ ее, думаетъ ли она выйти замужъ,—«она покраснѣла».—Скажи мнѣ правду на-ухо, говорилъ онъ—«Да... иногда думаю».—«Когда же иногда?»—«Когда дѣтей вижу». М. «больше всего любить дѣтей». «Мнѣ завидно глядѣть на Надежду Никитишну,—говоритъ она:—«у ней семь человѣкъ... Куда ни обернись, вездѣ дѣти. Какъ это весело! Мнѣ бы хотѣлось побольше маленькихъ братьевъ и сестеръ, или хоть чужихъ дѣточекъ. Я бы и птицъ бросила, и цвѣты, музыку,—все бы за ними ходила. Одинъ шалить, его въ уголъ надо поставить, тотъ просить кашки, этотъ кричить, третій дерется: тому оспочку надо привить, тому ушки пронимать, а этого надо учить ходить... Что можетъ быть веселѣе! Дѣти—такія милыя, граціозныя отъ природы, смѣшныя, добрыя, хорошенькія!».—«Есть больныя (дѣти), а безобразныхъ нѣтъ! Ребенокъ не можетъ быть безобразенъ. Онъ еще не испорченъ ничѣмъ». «Все это говорила она съ жаромъ, почти страстно»... «Она все съ дѣльми»,—замѣчаетъ бабушка:—«Когда они тутъ—ее не отгонишь; поднимутъ шумъ, гамъ, хоть вонъ бѣги». Когда М. «идетъ по деревнѣ, дѣти отъ нея безъ ума: они, завидя ее, бѣгутъ къ ней толпой, она раздастъ имъ пряники, орѣхи, много приведетъ къ себѣ, умоетъ, возится съ ними». М. «всегда весела», «е

всегда слышно и видно въ домѣ. Она то смѣется, то говоритъ громко... «Въ саду слышно, какъ она пѣсенку поетъ наверху, а черезъ минуту слышишь ужъ ея говоръ на другомъ концѣ двора или раздается смѣхъ по всему саду». Она «смѣшлива». «Если станетъ (Николай Андреичъ) смѣшиться»,—заявляетъ она бабушкѣ, послѣ того какъ приняла рѣшеніе держаться «серьезно» и «съ достоинствомъ»:—«Я ужъ не утерплю, бабушка,—засмѣюсь, воля ваша».—Съ Викентьевымъ она «рѣзвится, бѣгаетъ, точно дитя». «Она двумя пальцами взяла за голову рыбу, а когда та стала хлестать хвостомъ взадъ и впередъ, она, съ крикомъ:—«Ай, ой!»—выронила ее на полъ и побѣжала по корридору. Онъ бросился за ней и черезъ минуту оба уже гдѣ-то хохотали, а еще черезъ минуту послышались вверху звуки рѣзаго вальса на фортепіано, съ топотомъ ногъ надъ головой Татьяны Марковны, а потомъ кто-то точно скатился съ лѣстницы, а дальше промчались по двору и бросились въ садъ, сначала М., за ней Викентьевъ, и звонко изъ саду доносились ихъ говоръ, пѣніе и смѣхъ». «Черезъ четверть часа ужъ оба смирно сидѣли, какъ ни въ чемъ не бывало, около бабушки, и весело смотрѣли кругомъ и другъ на друга».—Бабушка сдѣлала М. выговоръ, сказала, что надо «быть пооглядчивѣй», «знать всему мѣру и пору»,—«не бѣгать по двору да по саду, чтобы люди не стали осуждать:—«вонъ скажутъ, дѣвушка ужъ невѣста, а повѣсничаетъ какъ мальчикъ, да еще съ постороннимъ». М. попыталась было стать «серьезной» и церемонной, но попытка окончилась неудачей.—«Полно вамъ Божьи младенцы!»—«сказала Татьяна Марковна, у которой морщины превратились въ лучи и улыбка озарила лицо»:—«Подите, Богъ съ вами, дѣлайте, что хотите».—«У Николая Андреевича «уже крестикъ есть!»—сообщила М. Райскому.—«Такой маленькій!» съ удовольствіемъ прибавила она». «Райскаго, котораго М. не видала съ дѣтства», она всякую ночь видѣла во снѣ, только совсѣмъ не такимъ, какъ онъ есть, а «такимъ румянымъ, не задумчивымъ, а веселымъ»:—«вы будто все шалите, да бѣгаете». Однако, и у М. есть свои «грѣхи» и ее «совѣсть мучаетъ»:—«Послушайте-ка проповѣди отца Василія о томъ, какъ надо жить, что надо дѣлать! А какъ мы живемъ: дѣлаемъ ли хоть половину того, что онъ велитъ?—внушительно говорила она.—Хоть бы одинъ день прожить такъ... и то не удастся! Отречься отъ себя, быть всѣмъ слугой, отдавать все бѣднымъ, любить всѣхъ больше себя, даже тѣхъ, кто насъ обижаетъ, не сердиться, трудиться, не думать слишкомъ о нарядахъ и о пустякахъ, не болтать... ужасъ, ужасъ! Всего не вспомнишь! Я какъ стану думать, такъ и растеряюсь: страшно станеть. Не достанеть всей жизни, чтобы сдѣлать это!»—«И ты часто мучаешься этимъ?» «спросилъ Райскій—«Нѣтъ; иногда, какъ заговорятъ объ этомъ, бабушка побранить... Заплѣчу, и пройдетъ, и опять дѣлаюсь весела, и все, что говоритъ отецъ Василій—будто не мое дѣло! Вотъ что худо!»—«И больше нѣтъ у тебя заботы, счастливое дитя?»—«Какъ будто этого мало! Развѣ вы никогда не думаете объ этомъ?»—съ удивленіемъ спросила она. «Ей было немного стыдно и неловко, что ее считаютъ еще ребенкомъ».—«А, вѣдь, я давно не ребенокъ: мнѣ идетъ четырнадцать аршинъ матеріи на платье: столько же, сколько бабушкѣ—нѣтъ больше».—Послушайте, братецъ,—вы не думайте, что я дитя, п. ч. люблю птицъ, цвѣты: я и дѣло дѣлаю»,.. сказала М.:—«Я бы могла. и за полевыми работами смотрѣть, да бабушка не пускаетъ, что же еще?»—прибавила она, глядя на него во всѣ глаза и думая, выросла ли она хоть немного въ его глазахъ».—«Развѣ я дѣвочка?» обидчиво замѣтила М. бабушкѣ. — «Мнѣ четырнадцать аршинъ на платье идетъ... сами говорите, что я невѣста».—«Правда, ты выросла»,—отвѣчала бабушка:—«да сердце у тебя дѣтское» и «умъ въ скорлупѣ»; хотя ты, «можетъ быть, поумнѣе многихъ умницъ».—«Понятія у нея «раннія, дѣвическія», «дѣтскія», пишетъ бабушка Райскому.—«Она «дѣвочка, и ни разу не высказалась въ ней даже «дѣвица»; быть «дѣвой!» «она рѣшительно не общалась». Она сама сознаетъ, что «многаго не понимаетъ».—«Ты ангель чистоты», восторженно восклицалъ Райскій:—«Ты свѣтла, чиста, прозрачна»...

«Ты вся—солнечный лучь!.. И пусть будеть проклять, кто захочетъ бросить нечистое зерно въ твою душу». «Вѣра» сравниваетъ ее съ бабочкой:—«Вотъ она кто»,—сказала Вѣра, указывая на кружившуюся около цвѣтка бабочку:—«Троньте неосторожно—цвѣтъ крылышекъ пропадетъ, пожалуй, и совсѣмъ крыло оборвете». М. «цѣльная натура», по мнѣнію Райскаго. «Другое воспитаніе, другое возрѣніе, даже дальнѣйшее развитіе нарушило бы строгую опредѣленность ея природы»; оно «дало бы хаосъ, повело бы къ недоумѣніямъ и—много-много, если-бъ разрѣшилось претензіей сѣздить въ Москву, побывать на балѣ въ дворянскомъ собраніи, привезти платье съ Кузнецкаго Моста и потомъ хвататься этимъ до глубокой старости передъ мелкими губернскими чиновницами».

Николай Андреичъ, по мнѣнію М., «хорошенькій, веселый и добрый», «да молодъ: ему всего двадцать три года». Когда Райскій сказалъ:—«такъ, вотъ, кто тебѣ нравится: Викентьевъ?»—«Что вы, Викентьевъ!»—отвѣтила М. задумчиво, какъ будто справляясь сама съ собою: нравится ли онъ ей?»—«Вотъ его двѣ недѣли не видать совсѣмъ, мнѣ и нужды нѣтъ»... Однако, когда доложили, что пришелъ Викентьевъ, «М. немного покраснѣла и поправила платье, косынку и мелькомъ бросила взглядъ въ зеркало». Любовь Марѣ и Викентьева выяснилась лишь послѣ чтенія «Кунигунды», когда они пошли въ садъ слушать соловья. «Соловей лилъ свои трели. М. обняло обаяніе теплой ночи.. Въ ней только что начинала разыгрываться сладость нервнаго раздраженія», по лишь Викентьевъ «нечаянно» сказалъ ей о своей любви, «прижалъ ея руку къ губамъ и осыпалъ поцѣлуями», «въ одну минуту она вырвала руку, бросилась опреметью назадъ, сама перескочила канаву и, едва дыша, пробѣжала аллею сада, вбѣжала на ступени крыльца и остановилась на минуту перевести духъ».—«Я закричу, Николай Андреичъ. Подите домой!» «повелительно» сказала она, «не переставая дрожать», когда онъ продолжалъ свои рѣчи.—«Мы не дѣти, пора перестать шалить». Когда же Викентьевъ, «почти насильно, увелъ ее въ аллею» и сказалъ «пѣжно и рѣшительно»:—«Я не мальчикъ теперь,—я то же взрослый, выслушайте меня, М. В.»,—«она вдругъ перестала вырываться, оставила ему свою руку, которую онъ продолжалъ держать и, съ бьющимся сердцемъ и напряженнымъ любопытствомъ, послушно окаменѣла на мѣстѣ»...—Но и Викентьевъ «вырвалъ у нея секретъ», только заговоривъ о «разлукѣ».—«Скажите мнѣ только слово, можно мнѣ любить васъ? Если нѣтъ,—я уѣду—вотъ прямо изъ сада и никогда»...—М. «вдругъ» заплакала навзрыдъ, и крѣпко схватила его за руку, когда онъ сдѣлалъ шагъ отъ нея»...—«Я васъ любила, м. ъ., да не знала этого», сказала она.—«Вы нечестный: вы заставили бѣдную дѣвушку высказать полневолья, чего она никому, даже Богу, отцу Василію не высказала бы.. А теперь, Боже мой, какой срамъ!»—Я это «сказала бы бабушкѣ на ушко и потомъ спрятала бы голову подъ подушку на цѣлый день. А здѣсь.. одни—Боже мой!». Викентьевъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ тоже «сказать свой секретъ» «на другое ушко бабушкѣ и у ней спросить»: «любить ли его М.?—Узнавъ, что мать Викентьева еще ничего не слышала о его намѣреніи, М. заявила:—«Безъ ея согласія не сдѣлаю ни шагу, какъ безъ согласія бабушки. И если не будетъ этого согласія, ваша нога не будетъ въ домѣ здѣсь, помните это, м-г Викентьевъ,—вотъ что!», М. представляется это объясненіе чѣмъ-то ужаснымъ.—«Какой ужасъ! До чего договорились!»—«Господи, Господи! что скажетъ бабушка!»—думала М., «запершись въ своей комнатѣ и трясясь, какъ въ лихорадкѣ».—«Что мы надѣлали! мучилась она мысленно.—И какъ я перескажу... что мнѣ будетъ за это»...—«Грѣхъ сдѣланъ»,—думала она. «Когда М. и Викентьевъ стали женихомъ и невѣстой, М. встрѣчаетъ его, «краснѣя отъ радости!»—«Сейчасъ... черезъ пять минутъ пріѣдетъ Николай Андреичъ»...—«Дождись! Онъ еще спит!»—сказала бабушка. «Нѣтъ, пріѣдетъ—я ему велѣла!» кокетливо возразила М. Получивъ свадебный подарокъ отъ Викентьева и шутивую записку, М. «засмѣялась, потомъ поглядѣла кругомъ, поцѣловала записку, покраснѣла до ушей

и, спрыгнувъ съ постели, спрятала ее въ свой шкапчикъ, гдѣ у нея хранились лакомства». Объявленные женихомъ и невѣстой, М. и Викентьевъ «не скакали уже». Оба были сдержаннѣе, и только иногда живо спорили или ѣли, или читали вдвоемъ. Но между ними не было мечтательнаго, поэтическаго разнѣна чувствъ, ни оборота тонкихъ изысканныхъ мыслей, съ безконечными оттѣнками ихъ, съ роскошнымъ узоромъ фантазіи—всею этою игрою, этихъ изящныхъ и неистощимыхъ наслажденій развитыхъ умовъ». «Духъ анализа тоже не касался ихъ, и пищею обмѣна ихъ мыслей была прочитанная повѣсть, доходившія изъ столицы новости, да поверхностныя впечатлѣнія окружающей природы и быта». «Ихъ не манила даль къ себѣ; у нихъ не было никакого тумана, никакихъ гаданій. Горизонтъ наблюденій и чувствъ ихъ былъ тѣсенъ». «М. зажимала уши, или уходила вонъ, лишь только Викентьевъ, въ объясненіяхъ своихъ, выйдетъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ выраженій и заговоритъ о любви къ ней языкомъ романа или повѣсти». «Ихъ сближеніе было просто и естественно, какъ указывала натура, сдержанная чистой нравственностью и моралью бабушки. М. до свадьбы не дала ему ни одного поцѣлуя, никакой почти лишней противъ прежняго ласки—и на украденный имъ поцѣлуй продолжала смотрѣть, какъ на дерзость, и грозила уйти, или пожаловаться бабушкѣ». «Но неумышленно, когда онъ не дѣлалъ никакихъ любовныхъ прелюдій, а просто бралъ ее за руку, она давала ему руку, брала сама его руку, опиралась ему довѣрчиво на плечо, позволяла переносить себя черезъ лужи, и даже, шая, ерошила ему волосы, или, напротивъ, возьметъ гребенку, щетку, близко подойдетъ къ нему, такъ что головы ихъ касались, причешетъ его, сдѣлаетъ проборъ и, пожалуй, напмадитъ голову». «Но если онъ возьметъ ее въ это время за талію или поцѣлуетъ, она покраснѣетъ, броситъ въ него гребенку и уйдетъ прочь». «Поэзія, чистая, свѣжая, природная, во всемъ ясная и открытая, билась живымъ родникомъ—въ ихъ здоровьѣ, молодости, открытыхъ, неспорченныхъ сердцахъ». «Передъ вѣнчаніемъ, М. «сіяла, какъ херувимъ,—красотой, всею прелестью расцвѣтшей розы, и въ этотъ день явилась въ ней новая черта, новый смыслъ въ лицѣ, новое чувство, выразившееся въ задумчивой улыбкѣ и въ висѣвшихъ иногда на рѣсницахъ слезахъ. Сознаніе новой жизни, даль будущаго, строгость долга, моментъ торжества и счастья—все придавало лицу и красотѣ ея нѣжную, трогательную тѣнь».—Послѣ свадьбы, пріѣхавъ на проводы Райскаго, М. была «чудо красоты, нѣги, стыдливости». «На каждый взглядъ, на каждый вопросъ, обращенный къ ней, лицо ея вспыхивало и отвѣчало неуловимой нервной игрою ощущеній, нѣжныхъ тоновъ, оттѣнковъ чуткихъ мыслей—всею, объяснившася ей въ эту недѣлю, смысла новой, полной жизни».—«Какой идеалъ жены и матери!.. Милая Марейнка! Какъ счастливъ будетъ мужъ твой!»—сказалъ ей, еще при первой встрѣчѣ, Райскій.

К р и т и к а: «Граціозный образъ М.—самое идеальное и нѣжное воплощеніе всего, что было хорошаго въ старой помѣщичьей жизни. М. живетъ въ родной обстановкѣ такъ же привольно и радостно, какъ птица въ воздухѣ, рыба въ водѣ: ей ничего больше не надо. Это—полная счастливая гармонія съ окружающей природой, не нарушенная не однимъ ложнымъ звукомъ». «Пусть М. кажется намъ неразвитой, глупенькой дѣвочкой, пусть читаетъ только такіе романы, которые непременно кончаются свадьбой, запираетъ лакомства въ особенный шкапчикъ, потому что любитъ ихъ, какъ ребенокъ,—зато какой поэзіей, счастіемъ и добротой вѣетъ въ насъ отъ этого сердца! Всѣ новѣйшія прогрессивныя идеи Райскаго отскакиваютъ, не проникая въ нее. Но развѣ она не напоминаетъ того, что умнѣе всѣхъ идей Райскаго—великую заповѣдь любви?». «Мы, люди большихъ городовъ, кочевой и суетной жизни, оторванные отъ природы, никогда не знавшие патриархальнаго очага—едва ли можемъ себѣ представить всю силу этой первобытной, физической и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечной любви къ родной землѣ. Мы похожи на цвѣты, перенесенные изъ лѣса въ комнату, лишенные корней, опущенные въ воду. Такія счастливыя и здоровыя натуры, какъ М.—это цвѣты, растущіе на волѣ, пустившіе глубоко корни въ родную землю». [М е

режковскій: Сочин., т. XIII, 255]. «Въ галереѣ русскихъ женскихъ типовъ живой, схваченной во всей своей, если можно такъ выразиться, прозаической поэзіи, портретъ Марейнки занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ». [Венгеровъ. Сочин. Гончарова, т. I].

Матабе («Фрег. Пал.»). Одинъ изъ младшихъ переводчиковъ, привозившихъ на фрегатъ провизію. «Не бойкій, невзрачный человѣкъ», съ простымъ, добрымъ и честнымъ лицомъ. По убѣжденію М., Японія не можетъ долго оставаться въ нынѣшнемъ ея положеніи, — «скоро надо ожидать переменъ».

Матѣй («Слуги»).—Крѣпостной польскаго помѣщика на оброкѣ. «Полякъ», но по польски не разговаривалъ. «Это былъ довольно длинный, лѣтъ сорока-пяти человѣкъ, худощавый, даже чахлый, будто только-что вставшій со смертнаго одра: кости да кожа. Небольшая голова, глаза впалые, бѣлесоватые, какъ у чухонца, безъ выраженія; большія, пастежь отворенныя губы, которыхъ онъ, кажется, отъ слабости не могъ сжать, лицо съ повисшими складками—точно пожелтѣвшей отъ ветхости лайки; волосы жидкіе, подъ цвѣтъ старой рогожки». «Говорилъ пещернымъ голосомъ, какъ умирающей». Улыбаясь, обнаруживалъ «блѣдныя десна» и недостатокъ въ нижней челюсти зуба. «Онъ прямо смотрѣлъ» и будто съ трудомъ мигалъ и тяжело дышалъ. Ноги у него, начиная съ колѣнъ, были какъ будто не свои, не натуральныя, а деревянныя, приставленныя вмѣсто оторванныхъ. Руки длинныя не по корпусу, какъ у orangъ-утанга. «По словамъ рекомендовавшаго М., буфетчика, «выходили» М. «мѣста—посмотрять—посмотрять господу на него и не берутъ»: «смѣшной ужъ очень!» «Смѣшной и жалкій». — «Сызмалу, по объясненію самаго М., былъ другой», а такимъ сталъ оттого, что «бить больно бывалъ», въ ту пору, когда, служилъ у своего барина, «вмѣсто денщика». — «Чуть что не потрапишь и начнетъ»: кулаками, по головѣ, и колѣнками то же, а иной разъ саблей ударить, или сапогомъ»... «Иной разъ не въ мочь было ѣздить съ нимъ на перекладной телѣгѣ и велить придти до мѣста пѣшкомъ»... (См. Помѣщикъ польскій). — «Я съ годами и ослабъ», признавался М. «Онъ все какъ-то двоился: когда молчалъ, не двигался, слушалъ что ему говоришь—онъ сохранялъ свой видъ изнеможеннаго, забитаго человѣка. Не сжималъ губъ, отвѣчалъ будто съ трудомъ и еле дышалъ. То вдругъ просыпался точно отъ сна и обнаруживалъ признаки жизни». На вопросъ, много ли онъ страдалъ? молодцовато отговорился: — «Нѣтъ-съ, баринъ, это что за боли: это ничего!—Такія ли бываютъ! Это легко... а тѣ вотъ страшныя!» — «Какія же еще есть такія страшныя боли?» — «Ихъ три, три мученическія муки, — сказалъ онъ съ убѣжденіемъ. — Нашъ ксѣндзь, отецъ Иеронимъ, сказывалъ: «нѣтъ, говоритъ, тяжелѣе этихъ самыхъ мукъ; когда, говоритъ, зубы болятъ, когда женщина родитъ и когда человѣкъ помираетъ». — «А онъ почему же знаетъ, твоей ксѣндзь? Про зубную боль, пожалуй, еще такъ, если у него болѣли зубы. А про роды, или про смерть, какъ онъ можетъ знать: вѣдь онъ не родилъ самъ и не умиралъ тоже?» — «Ксѣндзы все знаютъ! — съ благоговѣніемъ произнесъ М., закрывая глаза: — Все-съ. Знаютъ, зачѣмъ каждый человѣкъ родится на свѣтъ, а когда помираетъ, знаютъ что съ его душой въ шестой и девятый день послѣ смерти дѣлается и по какимъ «мутарствамъ» ходитъ она. Да-съ! — со вздохомъ заключилъ онъ». «Кромѣ церкви, по воскресеньямъ, никуда не отлучался ни шагу» и, когда заболѣлъ, завѣщалъ, съ случаѣ смерти, половину его имущества отдать на церковь...

Былъ «упрямъ какъ волъ» и имѣлъ страсть къ противорѣчіямъ». Несмотря на приказъ, никого не принимать, впустилъ одного господина, п. ч. онъ показался М. «генераломъ» и даму, т. к. «у ней на козлахъ кучеръ въ ливреѣ сидитъ и по русски не говоритъ». Къ «генераламъ», которыхъ М. называлъ «впнералами», «онъ питалъ какое-то суевѣрное почтеніе, или боялся ихъ, какъ большихъ собакъ». Оказался «вѣрнымъ», «хотя и смѣшнымъ, хранителемъ» и «опорою холостого гнѣзда» Гончарова. Былъ «неумолимо аккуратенъ и безпощадно честенъ». Всѣ вещи переписалъ въ «реестръ» и просилъ ба-

рина, если что износится, или разбьется, отмѣчать въ «ерестрикѣ», а если что онъ, М., разобьетъ или потеряетъ, вычитать «изъ его жалованья». Въ каждой копѣйкѣ отдавалъ отчетъ и подавалъ счета, въ которыхъ «ортографія была своеобразная». Оживлялся лишь въ работѣ; но если «вдругъ услышитъ ударъ барабана съ улицы, проходящую мимо музыку—М. «мгновенно бросаю все, что у него въ рукахъ» и исчезалъ. Минуту черезъ десять, онъ возвращался, «почти всегда сіяющій, удовлетворенный». «Другое обстоятельство вызывало жизнь въ М.: это ловля воровъ и расправа съ ними. «Сіяющій .. «блещущій жизнью», онъ доносилъ, что въ домѣ «поймали вора и отколошматили». На вопросъ, «билъ ли и М., отвѣчалъ:—«Самую малость, баринъ: я больше за шею его держалъ, за галстукъ, вотъ такъ, что-бъ не убѣгъ.—«И тебѣ не стыдно, не грѣхъ?»—«А онъ зачѣмъ чужое беретъ, баринъ? Какой у бытокъ тому, кого обокралъ! такъ ему и надо!—энергически подтверждалъ онъ.—«Если-бъ обокрали»,.. на сторожа подумали бы»,..—пояснялъ М. Страхъ передъ убытками» былъ преобладающей чертой у М. Во имя этого страха онъ воздерживался и отъ пищи». «О винѣ и помину не было». Отъ предложенія «употреблять» остатки господскаго завтрака отказался и «денегъ на провизію не бралъ.—«Нѣтъ-съ баринъ, нѣтъ, зачѣмъ стану я вамъ убытокъ дѣлать! Богъ дастъ проживу!» чтобы не нанести «убытка» барину, отказывался даже взять денегъ на перевозку своихъ вещей при поступленіи на службу:—«Какъ можно спервоначалу, еще не заслужилъ, а вамъ убытокъ! отказался и отъ покупки, за барскій счетъ, для себя провизію; онъ и изъ больницы выписался раньше выздоровленія, «чтобы избавить барина отъ убытка платить его замѣстителю». Онъ терпѣливо переносилъ побои, и постоянную голодуху, падалъ силами отъ работы, но не падалъ духомъ; только страхъ убытковъ въ превозмогалъ въ немъ все, и М. на деньги былъ жаденъ»: бралъ вещи въ закладъ и давалъ деньги подъ проценты». Оправдывался тѣмъ, что даже ксендзь, которому онъ исповѣдался, сказалъ:—ничего, говорить, если не жмешь очень! Только на церковь не жалѣй.—«Я что же, говорилъ М.,—самую малость беру: два процента въ мѣсяцъ и впередъ вычитаю только половину».—«Другіе сто на сто беругъ»...—«И господа это дѣлаютъ, тихонько черезъ челоуѣка», прибавлялъ онъ—«Одинъ купецъ—онъ торгуетъ въ лавкѣ, и деньги тоже даетъ»...—«У меня ужъ опять четыреста накопилось!» заявлялъ онъ барину—«тайственнымъ шепотомъ». Единственнымъ желаніемъ М., его «завѣтной мечтою»—было выкупиться на волю.—«...«Прикоплю и выкуплюсь!» говорилъ и онъ и тогда даже глаза у него свѣтились». Когда Гончаровъ, тронутый вниманьемъ, заботливостью и неподкупной честностью М., замѣтилъ:—«Тебѣ цѣны нѣтъ, знаешь ли ты, Матвѣй!» «Онъ понялъ это буквально.—«Баринъ мой сбавилъ цѣну, соглашается теперь на пятьсотъ!—живо, захлебываясь отъ радости, сказалъ онъ.—Приказчику велѣлъ писать ко мнѣ, а я послалъ письмо, что скоро деньги вышлю... Четыреста у меня ужъ есть,—довѣрчиво, шепотомъ прибавилъ онъ:—мѣсяца черезъ три, Богъ дастъ, прикоплю и остальное». Рѣшилъ жениться «на почти старушонкѣ», п. ч. у ней деньги есть, но когда кумъ пропилъ всѣ, скопленные М., деньги, отданные ему на храненіе, онъ далъ общицавшему куму «свои старые сапоги, панталоны, да рубль денегъ». Задумавъ вмѣстѣ съ женой «дѣла дѣлать» и открыть кухмистерскую, убѣжденно говорилъ:—«Безъ хозяйки этихъ дѣловъ нельзя дѣлать! Насчетъ будущей же семейной жизни и дѣтей отозвался:—«Какія, баринъ, дѣти: стану ли я такимъ пустымъ дѣломъ заниматься! Это баловство, тѣфу!» Выкупившись на волю, по большимъ праздникамъ, онъ являлся съ поздравленьями къ барину, «но когда Гончаровъ, «по старой привычкѣ», «хотѣлъ ему подарить на красное яничко».—М., «какъ раненый волкъ, отскочилъ и съ упрекомъ» сказалъ:—«Я не затѣмъ, баринъ, не затѣмъ! Боже оборони! Я молюсь за васъ.. и никогда васъ не забуду!»

Это тотъ самый Матвѣй или Филиппъ (см. «Прототипы»), который «снарядилъ» Гончарова «въ кругосвѣтное плаваніе» и упрасивалъ его не ѣздить

по морю (Фрег. Пал. I).—«Баринъ!» сказалъ онъ встревоженнымъ и умоляющимъ голосомъ: «не ѣздите, Христа ради, по морю!»—«Куда?»—«А куда ѣдете: на край свѣта».—«Какъ же ѣхать?»—«Матросы сказывали, что сухимъ путемъ можно».—«Отчего жь не по морю?»—«Ахъ, Господи! какія страсти разыскиваютъ. Говорятъ: вонъ съ этого бревна, что на верху поперекъ виситъ»... («съ реи») — «въ бурю вѣтромъ пятнадцать человѣкъ въ море снесло; насилу вытащили, одинъ утонулъ. Не ѣздите, Христа ради!».

Матвѣй Матвѣевичъ («Обыкновенныя исторіи»):—Выходить «изъ дому, съ толстой палкой, въ шестомъ часу вечера, и всякому извѣстно, что онъ идетъ дѣлать вечерній моціонъ, что у него безъ того желудокъ не варитъ, и что онъ остановится непременно у окна стараго совѣтника».

Матвѣй Моисеевичъ («Обломовъ»).—«Огромный лакей» изъ дома на Гороховой, гдѣ жилъ Обломовъ. Выбѣжалъ изъ подъѣзда «въ ливрейномъ фракѣ на распашку, съ аксельбантами и въ штиблетахъ». Онъ подошелъ къ казачку, далъ ему сначала оплеуху, потомъ назвалъ дуракомъ». На вопросъ озадаченнаго казачка, за что, отвѣчалъ:—«А! ты еще разговаривать? Я за тобой по всему дому бѣгаю, а ты здѣсь (у воротъ)!» Взялъ казачка «одной рукой за волосы нагнувъ ему голову и три раза методически, ровно и медленно, ударилъ его по шеѣ кулакомъ».—«Баринъ пять разъ звонилъ,—прибавилъ онъ въ видѣ нравоученія:—«а меня ругаютъ за тебя, щенка этакого! Пошелъ!» «И онъ повелительно указывалъ казачку рукой на лѣстницу».

Матвѣя-кумъ («Слуги»).—Матвѣй отдавалъ ему деньги на сохраненіе, а кумъ «все таскалъ ихъ, сначала понемногу, а потомъ взялъ всѣ, и мѣсяца три пропадалъ... все пилъ!».

Матрена-Матрешка («Обрывъ»).—Горничная Марейники. На приказъ барыни, подойти и поцѣловать руку у Райскаго, сказала:—«Оробѣла, барыня, не смѣю!» Когда Егорка «провертѣлъ щель» въ перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора, и звалъ Пелагею и М. «въ щелку посмотреть», какъ тамъ Борисъ Павлычъ «дѣвствуетъ», М. отвѣтила:—«А кто-жъ комнату Марей Васильевны уберетъ? Ты, что ли?» Однако, сдалась и пошла смотрѣть «въ щель». Увидя плачущаго Райскаго, сказала «жалостно»:—«Взаправду плачетъ, сердечный!» Когда Райскій засмѣялся, М., вмѣстѣ съ Пелагеей и Егоркой, «присѣла и за хихикала».

Матрена («Слуги»).—Жена Степана. «Женщина за пятьдесятъ лѣтъ, съ крѣпкими, точно изъ гуттаперчи щеками, носомъ и подбородкомъ». «Глаза глядѣли не прямо, а стороной», «губы» она «поджимала». «Навезла множество всякой всячины». Когда баринъ увидѣлъ въ кухнѣ таракановъ и спросилъ:—«Что это за гадость?»—«отвѣчала съ невозмутимымъ спокойствіемъ,—«это.. тараканы-съ!»—«Мы не съ собой ихъ привезли. Гдѣ ихъ нѣтъ! Гдѣ мы не жили, вездѣ были—что клопы, что тараканы», оправдывалась М. Тараканы оставались все время, пока жила М. въ домѣ». «Русская набожная женщина». «На мнѣ, чай крестъ есть», говоритъ М.—Заняла кіотомъ со священными предметами не только весь передній уголъ своей комнаты, но отчасти даже гардеробную и комнату съ ванной. Однако праздники служили ей болѣе для угожденія «мамонтъ», а не для проявленія благочестія». «Когда М. изъ гостей «приходила домой», отъ нея не святостью пахло». «Однажды вечеромъ явилась» «на-веселѣ» и на замѣчаніе барина «обидчиво отозвалась:—«Нынче Ильинская Пятница: я на Прохоровыхъ заводахъ была!» «Нельзя же: всѣ люди, какъ люди—я точно не человѣкъ!.. По ея словамъ, она, «на старость, горемычная, мыкается-мыкается» съ мужемъ. Говоря это, «пробовала заплакать, но слезъ не было» и М. «утирала сухіе глаза». Была «казначеемъ» Степана и его «поѣдомъ ѣла».—«Дьяволъ баба», называлъ ее Степанъ. Когда онъ запылъ и пропалъ изъ дома, М. не безпокоилась:—«Можно отыскать—да зачѣмъ! говорила она—«Пусть тамъ и остается! Боже оборони, лишь бы не пришелъ! Я его не пушу! Онъ пьяный, злущій, презлущій! Пусть ночуетъ хоть на улицѣ, или въ части... «Хоть-бы сгинулъ, окаянный!»

Матрена Михайловна («Обыкн. Ист.»).—Знакомая Анны Павловны.

Матрось («Фрег. Пал.»).—Пожилой М. съ «Паллады». По словам Шадеева, у М. «отъ солнышка» «шкура со спины сошла»—«на берегу пагшомъ» ходилъ: «солнышко и налекло; теперь и рубашекъ нельзя надѣть». «Сидѣлъ голый» «въ нижней палубѣ» (во время стоянки въ портѣ Ллойдъ), «опершись руками и головой на боченокъ, служившій ему столомъ» и «морщился». На вопросъ, что съ нимъ? отвѣчалъ:—«Да кто его знаетъ, что такое в. в.!».—«Вонъ спина-то какая!» («на спину было страшно взглянуть: она вся была багровая и покрыта пузырями, какъ будто ее окатили кипяткомъ»). Объяснилъ «съ досадой», что въ Тамбовѣ «всегда, бывало, цѣлый день на солнцѣ сидишь и голову подставишь—ничего; ляжешь на травѣ, спину и брюхо грѣешь—хорошо. А здѣсь, Богъ знаетъ, что: солнце-то, словно пластырь!»

Маттисонъ («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Предсѣдатель торговаго дома «М. и Джердинъ». См. выше Джердинъ.

Маховъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова (I, 1).

Маша Пшеницына («Обломовъ»).—См. Пшеницына Маша.

Маша («Обыкн. Ист.»).—Дворовая Адуевыхъ. «Дѣвушка» «проворная и ловкая». «Взята была во дворъ «ходить за бариномъ».

Маша («И. С. Поджабринъ»).—Горничная баронессы. «Тронулась нѣжностями» Поджабрина, который увѣрилъ М., что онъ барскій лакей.—«Вы сами словно какъ баринъ!» твердила М. и обижалась, когда Поджабринъ не спрашивалъ, любить-ли она его. Узнавъ, что передъ ней не камердинеръ, а баринъ, расплакалась:—«Сказали, что вы камердинеръ», что любите меня, а сами баринъ!»—«Извѣстно, баринъ не станетъ любить простую дѣвушку». Бросила Поджабрину, подаренныя ей деньги, «но потомъ пришла и произнесла «робко, почти шопотомъ:—«Я васъ такъ люблю». Когда-же Поджабринъ заявилъ, что «это очень глупо—любить», отвѣтила:—«Что-жъ мнѣ дѣлать! Я не виновата!» На утѣшенія Авдѣя «сказала уныло»:—«Ну, Богъ съ нимъ! и задумчиво побрела домой!»

Машутна («Обрывъ»).—Горничная Бережковой. М. «какъ-то было неловко держать себя въ чистотѣ. Чисто-вымытыми руками она не такъ цѣпко беретъ вещь въ руки и, того-гляди, уронить»; ей «въ чистомъ платѣ тоже не свободно ходить». «Когда ей велятъ причесаться, вымыться и одѣться въ воскресенье, такъ она, по ея словамъ, «точно въ мѣшокъ защита цѣлый день»—М. «кажется, только тогда и была счастлива, когда вся вымажется, растреплется отъ натиранья половъ, мытья оконъ, посуды, дверей, когда лицо, голова сдѣлаются неузнаваемы, а руки до того выпачканы, что если понадобится почесать носъ или бровью, такъ она прибѣгаетъ къ локтю». «Заслышавъ звонъ ключей» барыни, М. «проворно сдерживала съ себя грязный фартукъ, утирала чѣмъ попало, иногда барскимъ платкомъ, а иногда тряпкой, руки. Пошлевавъ на нихъ, она крѣпко приглаживала сухія, непокорныя косички». Держалась всегда «отъ барыни въ тѣни», «стараясь притвориться опрятной».

Масленниковъ («Обрывъ»).—Уп. л. «Добрый» М., товарищъ по школѣ Райсаго.

Мегфоръ («Фрег. Пал.»).—Американецъ, банкиръ въ Маниллѣ; въ его обществѣ Гончаровъ ѣздилъ осматривать канатную фабрику.

Медгорстъ («Фрег. Пал.»).—«Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ миссіонеровъ: онъ живетъ тридцать лѣтъ въ Китаѣ и непрерывно подвизается въ пользу распространенія христіанства: переводитъ европейскія книги на китайскій языкъ. См. въ Спискѣ: Медгорстъ».

Мездровы («Обломовъ»).—Уп. л. По словамъ Волкова, въ домѣ М. объ одномъ говорятъ—объ искусствахъ; только и слышишь: венеціанская школа, Бетховенъ да Бахъ, Леонардо-да Винчи».

Мейеръ («Обрывъ»).—Уп. л. Въ пансіонѣ у m-me М. учился Вѣра

и Марейника. По тысячи двѣсти рублей ас. платила за каждую: «обѣ пять лѣтъ были тамъ», рассказывала Татьяна Марковна.

Мезенскіе («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомые Аянова.

Меланхолиха («Обрывъ»).—«Баба» изъ городской слободы; «простыми средствами лѣчила людей и снимала недуги какъ рукой». «Къ М. отправляли дворовыхъ и другихъ простыхъ людей на вылѣчку». «Послѣ ея лѣченья, много скорчить и на весь вѣкъ въ три погибели, или другой перестанетъ говорить своимъ голосомъ, а только крихтитъ потомъ всю жизнь; кто воротится отъ нея безъ глаза или безъ челюсти,—а все же боль проходила». Такъ какъ М. «практиковала только надъ крѣпостными людьми и мѣщанами, то врачебное управленіе не обращало на нее вниманія». Призванная къ заболѣвшей Маринѣ, М., по тщательномъ освидѣтельствованіи больной, шопотомъ объявила Василисѣ, что болѣзнь Марины превышаетъ ея познанія».

Метлинскій графъ («Обломовъ»).—Уп. л. (II, 8).

Мизно Чикогоно («Фрег. Пал.»).—Второй губернаторъ Нагасаки; «съ лица немудрецъ, но съ сердитымъ выраженіемъ». «Дѣйствовалъ подъ опекой пераго», но когда тотъ уѣхалъ съ полномочными въ Едо», М.-Ч. хотѣлось показать, что онъ и одинъ умѣетъ распоряжаться». «Ужасно обрадовался», узнавъ, что фрегатъ снимается съ якоря и съ радости прислалъ въ подарокъ отъ себя множество картофелю, рыбы, полированный столъ и ящикъ.

Милари, графъ («Обрывъ»).—Красавецъ-итальянецъ. «Мужчина среднихъ лѣтъ, высокій брюнетъ съ задумчивымъ лицомъ. Физиономія не русская» —«Графъ Милари, ma chere amie», «grand musicien et le plus aimable garçon du monde»—рекомендовалъ М. дочери старикъ Пахотинъ. М. былъ у Бѣловодовой «разъ шесть, всегда при другихъ, пѣлъ («онъ очень хорошо поетъ», отзывалась Софья Николаевна), слушалъ ея игру и разговоръ, никогда не выходилъ изъ предѣловъ обыкновенной учтивости, едва замѣтнаго благоуханія тонкой, покорной лести». Однако, влюбленный въ Бѣловодову, Райскій замѣтилъ, что, «когда онъ заговорилъ» о М., у Софьи «пробѣжала какая-то тѣнь по лицу». Райскій «создалъ» изъ этого «тайну» Софьи. Когда же, пытаясь разгадать эту тайну, онъ произнесъ снова имя М., Бѣловодова отвѣтила:—«Если вы, cousin, доржите немного моей дружбой, и если вамъ что-нибудь значить быть здѣсь... видѣть меня..., то «не произносите имени» М. Вскорѣ же «весь Петербургъ» заговорилъ о томъ, что, «когда карета» Бѣловодовой являлась на островахъ, являлся тогда и М. верхомъ или въ коляскѣ, и ѣхалъ подлѣ кареты». Потомъ, кто-то пустилъ слухъ, что Софья «сдѣлала un faux pas». Какой именно никто не зналъ, и Аяновъ «уже самъ началъ сочинять ихъ романъ» (Бѣловодовой и М.). Наконецъ прибавился и фактъ: Софья Николаевна отвѣчала запиской на записку М. Изъ записки (см. Бѣловодова) «сдѣлали слона»; за полученіемъ этой записки обратно и для объясненія съ графомъ былъ отправленъ старикъ Пахотинъ. М. «тонко и лукаво улыбался» при объясненіи, но, на другой день», согласно своему слову, вернулъ записку, вмѣстѣ съ учтивымъ и почтительнымъ письмомъ.

Миліановичъ («Народинъ»).—Уп. л. Чиновникъ канцеляріи губернатора, «сынокъ Марѣи Яковлевны».

Миссіонеръ («Фрег. Пал.»).—Китаецъ, «учившійся въ знаменитомъ римскомъ училищѣ пропаганды». Въ Гонъ-Конгѣ, при посѣщеніи фрегата, на ходился въ свитѣ епископа. «Сохранялъ свой китайскій костюмъ, чтобъ свободнѣе ѣздить по Китаю для сношеній съ тамошними христіанами и для обращенія новыхъ».

Митя («Лит. веч.»).—Племянникъ Уранова, студентъ, пригласившій на вечеръ Крякова. Онъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ домѣ Уранова, весело слушалъ споры за ужиномъ, т. к. одинъ зналъ кто былъ Кряковъ.

Михайло Михалычъ («Обыкн. ист.»).—Уп. л. По отзыву Анны Павловны, хотя «и умнымъ человѣкомъ считается», «а что мясоѣдъ, что страстна

недѣля—все одно жреть».—«Онъ вонъ и бѣднымъ помогаетъ, да будто его милостыни принята Господомъ». Слышь, подалъ разъ старику красенькую, тотъ взять ее, а самъ отвернулся да плюнулъ. «Всѣ кланяются ему и въ глаза-то Богъ знаетъ что наговорять, а за глаза крестятся какъ поминаютъ» его, словно шайтана какого».

Михайловы («Обрывъ»).—Уп. л. Имъ пересказала Нелюбова «сцену» между Софьей и Ельнинымъ. М-ы обвинили мадъ Софьи «въ недостаткъ вниманія» и «бранили, зачѣмъ» она принимаетъ «Богъ знаетъ кого».

Михелька Кернь («Фрег. Пал.»).—Матрость, «скотникъ» съ фрегата. «Неподвижно стоялъ» съ ружьемъ у рѣчки (на о. Батанѣ). На вопросъ, что онъ тутъ дѣлаетъ, «почти не дыша, прошепталъ»:—«Жду дракона, ваше в-дѣ». См. Унтеръ.

Михей Андреевичъ Тарантьевъ («Обломовъ»).—См. Тарантьевъ, М. А.

Мишель, князь («Обломовъ»).—Уп. л. Сынъ владѣльца Вѣрхлѣва; братъ Пьера. Лишь познакомился съ Андрюшей (Штольцомъ), какъ поставилъ его въ позицію и началъ выдѣлывать удивительныя штуки кулаками, попадая ими Андрюшѣ то въ носъ, то въ брюхо; потомъ сказалъ, что это англійская драка».

Michel Раминъ («Обрывъ»).—«Только-что выпущенный кадетъ, съ чуть-чуть пробивающимся пушкомъ на бородѣ». Онъ держалъ себя прямо, мундиръ у него съ иголки: онъ всегда застегнуть на всѣ пуговицы». У М. были такія большія руки, съ такими длинными и красными пальцами, что ни въ какія перчатки, кромѣ замшевыхъ, не входили. Приѣхалъ въ отпускъ и «состоялъ» при Полинѣ Карповнѣ, сопровождая ее вездѣ, таская шаль, мантилью и вѣеръ за ней».—«Je veux former le jeune homme, ce pauvre enfant!» объясняла «оффициально» Крицкая «свои отношенія» къ М. При представленіи Бережковой вытянувъ шею, стоялъ, почти не дыша; «вмѣсто поклона, болтнулся всей фигурой, густо покраснѣлъ, и опять ооченѣлъ на мѣстѣ».—«Dites quelque chose Michel!» сказала вполголоса Крицкая. Но М. покраснѣлъ еще гуще и остался на мѣстѣ». «Былъ одержимъ кадетскимъ аппетитомъ и институтскою робостью». «Полина Карповна стало было его угощать конфетами, но онъ съѣдалъ фунта по три въ одинъ присѣтъ. Когда у Бережковой подали кофе, Крицкая обратилась къ М.:—«Возьмите вашу чашку—вотъ и булки!»—«Я признаюсь ужъ пилъ...—подъ носъ себѣ произнесъ кадетъ, однако, взялъ чашку, выбралъ побольше булку и, откусивъ половину ея, точно отрѣзалъ, опять густо покраснѣлъ». Въ обществѣ постоянно густо краснѣлъ, и «на вопросы» «сиплымъ басомъ» говорилъ:—да-съ, нѣтъ-съ. Увидя вошедшую Марейнку, кадетъ также «густо покраснѣлъ» и «неожиданно басомъ сказалъ:—«Мареа Васильевна! у васъ коза въ огородъ зашла—я видѣлъ! Какъ бы въ садъ не забралась!»

Молочковы («Обрывъ»).—Мужъ и жена—«бодрые; тихіе, задумчивые, хорошенькіе старички», каждому изъ нихъ «по восьмидесяти лѣтъ». «Оба такіе чистенькіе, такъ свѣжо одѣты; онъ выбритъ, она въ сѣдыхъ букляхъ, такъ тихо говорятъ, такъ любовно смотрятъ другъ на друга и такъ хорошо имъ въ темныхъ, прохладныхъ комнатахъ съ опущенными шторами». По словамъ бабушки, «и не слышать ихъ въ городѣ: тихо у нихъ и мухи не летаютъ, сидятъ да шепчутся, да угождаютъ другъ-другу. Вотъ примѣръ всякому: прожили вѣкъ, какъ будто проспали. Ни дѣтей у нихъ, ни родныхъ. Дремлютъ да живутъ!»

Монахъ («Фрег. Пал.»).—Настоятель августинскаго монастыря въ Манилѣ.

Мотька («Обрывъ»).—Дворовой Бережковой; больной. Когда Егорка или Васька прочили ему близкую смерть («у кого грудь ввалилась, волосы изъ дымчатыхъ сдѣлались красными, глаза ушли въ лобъ—тотъ безпремѣнно умереть... Прощай Мотинька: мы тебѣ гробокъ сколотимъ, да полѣпцо въ голову положимъ...»), М. отвѣтилъ:—«Нѣтъ, погоди я тебя еще вздую».

Мотыгинъ («Ф р е г. П а л.»).—«Худощавый рябой матросъ», «другъ Фаддеева. Въ Портъ-смутѣ «вздумалъ поиграть съ портъ-смутской леди, продающей рыбу»; леди «отвѣчала градомъ кулачныхъ ударовъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ глазъ» М-у.

Мужики («О б л о м о в ъ»).—Крестьяне изъ Обломовки; когда мальчишки, замѣтя, лежавшаго въ канавѣ прохожаго, приняли его за страшнаго змѣя или оборотня, и съ ужасомъ прибѣжали въ деревню, М. «поудалѣе, вооружились вилами и топорами, и гурьбой пошли къ канавѣ».—«Куда васъ несетъ?—унимали старики.—Аль шея-то крѣпка? Чего вамъ надо? Не замайте: васъ не гопаютъ». «Но мужики пошли и сажень за пятьдесятъ до мѣста стали окликать чудовище разными голосами: отвѣта не было; они остановились; потомъ опять двинулись». «Въ канавѣ лежалъ мужикъ, опершись головой въ пригорокъ; около него валялись мѣшокъ и палка, на которой навѣшаны были двѣ пары лаптей». «Мужики не рѣшались ни подходить близко, ни трогать». —«Эй! Ты, братъ!—кричали они по очереди, почесывая, кто затылокъ, кто спину.—Какъ тамъ тебя? Эй, ты! Что тебѣ тутъ?» «Прохожій сдѣлалъ движеніе, чтобъ приподнять голову, но не могъ: онъ, повидимому, былъ нездоровъ или очень утомленъ». «Одинъ рѣшился было тронуть его вилой».—«Не замай, не замай!—закричали многіе.—Почемъ знать, какой онъ: ишь, не баеть ничего; можетъ-быть, какой-нибудь такой... Не замайте его, ребята!»—«Пойдемъ,—говорили нѣкоторые:—право-слово, пойдемъ: что онъ намъ, дядя, что ли? Только бѣды съ нимъ!» «И всѣ ушли назадъ, въ деревню, рассказавъ старикамъ, что тамъ лежитъ нездѣшній, ничего не баеть и, Богъ его вѣдаетъ, что онъ тамъ»...—«Нездѣшній, такъ и не замайте!—говорили старики, сидя на завалинкѣ и положивъ локти на колѣнки.—Пусть его себѣ! И ходитъ не-по-что было вамъ!»

Мулатна («Ф р е г. П а л.»).—«Плотная и высокая М.», служанка дома въ Стелленбошѣ, гдѣ останавливались путешественники. «Сросшія брови и маленькій лобъ не мѣшали ей кокетливо играть своими черными, какъ деготь, глазами».

Мурашина («О б л о м о в ъ»).—Уп. л. Дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, невѣста Судьбинскаго.

Мусинскіе («О б л о м о в ъ»).—Уп. л. По словамъ Волкова, у М. «полгорода бываетъ». Это такой домъ, гдѣ обо всемъ говорятъ.

Мухоярова, Ирина Пантелѣева («О б л о м о в ъ»).—Жена Ивана Матвѣевича. Послѣ смерти Обломова, играла первенствующую роль въ домѣ Агафьи Матвѣевны, т. е. «она предоставляла себѣ право вставать поздно, пить три раза кофе, перебивать три раза платье въ день и наблюдать только одно по хозяйству, чтобъ ея юбки были накрахмалены какъ можно крѣпче. Болѣе она ни во что не входила».

Мухояровъ, Иванъ Матвѣевичъ («О б л о м о в ъ»).—Братецъ Пшеницыной, кумъ Тарантьева. По словамъ Агафьи Матвѣевны, «служить въ канцеляріи, гдѣ мужиковъ записываютъ. «Тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидитъ, всѣмъ присутствіемъ вертитъ», говоритъ Тарантьевъ. М. на службу отправлялся «съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, съ толстой палкой и въ резиновыхъ калошахъ, несмотря на сухой и жаркій день». «Онъ былъ лѣтъ сорока, съ прямымъ хохломъ на лбу и двумя небрежно на вѣтеръ пущенными такими же хохлами на вискахъ, похожими на собачьи уши средней величины. Сѣрые глаза не вдругъ глядѣли на предметъ, а сначала взглядывали украдкой, а во второй разъ ужъ останавливались». «Руки своихъ онъ какъ будто стыдился, и когда говорилъ, то старался прятать, или обѣ за спину, или одну за пазуху, а другую за спину. Подавая начальнику бумагу и объясняясь, онъ одну руку держалъ на спинѣ, а среднимъ пальцемъ другой руки, ногтемъ внизъ, осторожно показывалъ какую-нибудь строку или слово и, показавъ, тотчасъ пряталъ руку назадъ, м. б., оттого, что пальцы были толстоваты, красноваты и немного тряслись, и ему не безъ причины казалось несовѣмъ приличнымъ выставять ихъ часто напо-

казъ». «Вицмундиръ на немъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, такъ что нельзя было узнать, есть ли на немъ бѣлье, или нѣтъ; галстукъ завязанъ простымъ узломъ и концы спрятаны внизъ». «Онъ былъ болѣе нежели небреженъ въ платьѣ, въ бѣльѣ: платьѣ носилъ по многимъ годамъ и тратилъ деньги на покупку новаго съ отвращеніемъ и досадой, не развѣшивалъ его тщательно, а сваливалъ въ уголъ, въ кучу. Бѣлье, какъ чернорабочій, мѣнялъ только въ субботу; но что касалось стола, онъ не щадилъ издержекъ». «Въ этомъ отношеніи онъ былъ «великій эпикуреецъ» и кромѣ того отчасти руководствовался своей собственной, созданной имъ, со времени вступленія въ службу, логикой: «не увидятъ что въ брюхѣ—и толковать пустяковъ не стануть; тогда какъ тяжелая цѣпочка на часахъ, новый фракъ, свѣтлые сапоги—все это порождаетъ лишніе разговоры». «отъ этого на столѣ у Пшеницыныхъ являлась телятина перваго сорта, янтарная осетрина, бѣлые рябчики. Онъ иногда самъ обходитъ и обнюхаетъ, какъ лягавая собака, рынокъ, или Милютины лавки, подъ полой принесетъ лучшую пулярку, не пожалѣетъ четырехъ рублей на индѣйку». «Вино онъ бралъ съ биржи и пряталъ самъ, и самъ доставалъ; но на столѣ никогда никто не видалъ ничего, кромѣ графина водки, настоенной смородинымъ листомъ; вино же выпивалось въ свѣтлицѣ». «Когда онъ съ Тарантьевымъ отправлялся на тоню, въ пальто у него всегда спрятана была бутылка высокаго сорта мадеры, а когда пили они въ заведеніи чай, М. приносилъ съ собою ромъ».—У тебя денегъ то лопатую не переворочаешь!» говорилъ М-у Тарантьевъ. По собственному признанью, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ (десятый годъ) «секретаремъ», въ день собираетъ «по цѣлковому, да по трехрублевому», а прежде гривенники, да двугривенные болтались въ карманѣ, а иногда, срамъ сказать, зачастую и мѣдью приходилось собирать». Въ двадцать пять лѣтъ составилъ себѣ лишь такой капиталъ, что можно прожить на Выборгской сторонѣ, не показывая носа на свѣтъ Божій: кусокъ будетъ хорошей... Не жалуясь, хлѣба не переѣшь! говорилъ М. Онъ же мечталъ о большемъ:—«Что это за жизнь!» «Есть, по словамъ М., счастливые, что за одно словцо, —такъ вотъ шепнетъ на ухо другому, или строчку продиктуетъ, или просто имя свое напишетъ на бумагѣ—и вдругъ такая опухоль сдѣлается въ карманѣ, словно подушка, хоть спать ложись». У «М. было тридцать пять тысячъ капитала.—«Что-жъ все тридцать-пять. Когда до пятидесяти дотянешь? Да и съ пятьдесятью въ рай не попадешь»—разсуждалъ онъ.—Женишься, такъ живи съ оглядкой, каждый рубль считай, объ ямайскомъ забудь и думать—что это за жизнь!» Въ мечтахъ у него былъ свой «рай»: квартира на Литейной, ковры, женитьба на богатой, недоступность такая, что «просители и въ лицо почти не видятъ и подойти не смѣютъ. Сядетъ въ карету, въ клубъ! крикнетъ, а тамъ, въ клубѣ-то, въ звѣздахъ руку жмутъ, играетъ-то не по пятачку, а обѣдать-то, обѣдать—ахъ! Про селянку и говорить постыдится: сморщится, да плюнетъ. Нарочно зимой цыплятъ дѣлаютъ къ обѣду, землянику въ апрѣлѣ подадутъ! Дома жена въ блондахъ, у дѣтей гувернантка, ребятишки причесанные, разряженные». «Коренной русской служака», по характеристикѣ Тарантьева. «Золотой человекъ». Учился въ гимназіи, да изъ шестого класса» «взялъ» его «отецъ и опредѣлилъ въ правленіе».—«Что наша наука! Читать, писать, грамматикѣ, ариметикѣ, а дальше и не пошелъ-съ. Кое-какъ приспособился къ дѣлу, да и перебиваюсь по маленьку», признавался онъ Обломову.—«Прошло времячко! жаловался М. Тарантьеву».—«И рожа, слышь не такая, и пальцы, видишь, красны, зачѣмъ водку пьешь». А какъ ее не пить-то? Попробуй! хуже лакея, говорятъ: нынче и лакей этакихъ салогъ не носить, и рубашку каждый день мѣняетъ». Особенно былъ недоволенъ на службѣ «молокососами», которые всюду «гадятъ»: все они перебили, ломаются, читаютъ, да говорятъ по французски и «дѣло смыслятъ».

Съ просителей М. бралъ и серебромъ и мѣдью», предъ начальствомъ былъ «тише воды, ниже травы». Когда ему велѣли подать въ отставку, (за его продѣлку съ Обломовымъ: заемное письмо), онъ «паль предъ стопы» начальства; послѣ увольненія, М. «разными хитростями и поклонами» добился того,

что вновь поступилъ на прежнее мѣсто. На Обломова М. произвелъ впечатлѣніе «положительнаго, дѣловаго» человѣка»; впоследствии Илья Ильичъ измѣнилъ свое мнѣніе и называлъ его «пройдохомъ». По выраженію Тараньева, М. «мастеръ строчить бумаги». Составилъ такой контрактъ Обломову, что Тарантьевъ пришелъ въ восторгъ: не забылъ включить въ условіе о наймѣ квартиры «и огороды, и конюшни, и амбары». По рекомендаціи того же М., въ Обломовку былъ командированъ, чтобы «повысосать немного», сослуживецъ М., Затерый, который уже «не въ первый разъ запускаетъ лапу въ помѣщичьи деньги». Затерый былъ рекомендованъ Ильѣ Ильичу М-вымъ «какъ дѣловой и знающій человѣкъ». На увѣренія Обломова, что онъ (Обломовъ) ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, М. «бросилъ двойной взглядъ на Илью Ильича» и смиренно, «съ покорной усмѣшкой», замѣтилъ:—«Изволили-же чѣмъ-нибудь заниматься: нельзя, чтобъ»... Тарантьеву же отозвался объ Обломовѣ:—«Что за голова! Меня даже смѣхъ взялъ! Прировнялъ Илью Ильича къ «олухамъ», которые «пока не перевелись на Руси». М. сразу опредѣлилъ, что «Илья Ильичъ трусоватъ, никакихъ порядковъ не знаетъ» и въ его голову залетѣло «сокровище», «такая птица»: мысль «оставить Обломова. Однако, во время бесѣды съ Ильей Ильичемъ, М. не сядилъ; лишь послѣ двукратнаго предложенія рѣшился сѣсть, перегнувшись тѣломъ впередъ и поджавъ руки въ рукава». «Проворно вставалъ», всякій разъ когда Обломовъ подходилъ къ нему и «смирненно» отвѣчалъ на вопросы; когда Обломовъ началъ ходить по комнатѣ, М. «стоялъ на своемъ мѣстѣ и, всякій разъ, слегка ворочался всѣмъ корпусомъ въ тотъ уголъ, куда пойдетъ Обломовъ, «пряча руки въ рукава».—Сталъ бы я связываться съ такимъ, если-бъ зналъ! (что Штольцъ съ генераломъ другъ-другу ты говорятъ»), замѣтилъ М. Тарантьеву.—«Законное дѣло! передразнилъ онъ Тараньева:—«Поди-ка скажи тамъ» (начальству):—«языкъ прильпне къ гортани». Однако, когда М. чувствовалъ свою силу, то, на «грозная возраженія» Обломова, отвѣчалъ спокойно:—«Вотъ-съ въ контрактѣ сказано,—извольте прочесть»...—«По закону такъ-съ. Сами изволили подписать: вотъ подпись-съ». На просьбу Обломова дать ему посмотреть контрактъ:—«Вотъ-съ, копію извольте получить, а контрактъ принадлежитъ сестрѣ, —мягко отозвался Ив. Матв., взявъ контрактъ въ руку»; показывая заемное письмо Обломова Штольцу, обратилъ его вниманіе на подпись Ильи Ильича и «на засвидѣтельствованіе маклера».—«Законъ-съ»,—сказалъ онъ:—«мое дѣло сторона!» Когда же Штольцъ, «уѣзжая, пригрозилъ М., что этимъ не кончится дѣло, оправдывался:—«Законное дѣло-съ, а я въ сторонѣ». «Обдѣлывая» «законное дѣло» съ заемнымъ письмомъ Обломова, М., вопреки совѣта Тараньева, не желаетъ дѣйствовать «принудительно».—«Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани! Все испортишь, кумъ, скажешь, что принудили, пожалуй, упомянешь про побои, уголовное дѣло. Нѣтъ, это не годится! А вотъ что можно: предупредительно закусить съ нимъ и выпить: онъ смородиновку-то любить. Какъ въ головѣ зашумить, ты и мигни мнѣ: я и войду съ пшьмецомъ-то. Онъ и не посмотритъ сумму, подпишетъ, какъ тогда контрактъ, а послѣ поди, какъ у маклера будетъ засвидѣствовано, допрашивайся! Совѣстно будетъ такому барину сознаваться, что подписалъ въ нетрезвомъ видѣ; законное дѣло!»—«А какъ удачно пройдетъ, можно годика черезъ два повторить: законное дѣло!» и онъ выпилъ съ кумомъ за здоровье олуховъ!—Когда же «законное дѣло» «не выгорѣло» и М. пришлось изъ-за этого уйти со службы, во всемъ обвинилъ Тараньева:—«Нѣтъ, кумъ, ужъ если въ петлю лѣзть, такъ тебѣ первому: кто уговаривалъ Обломова пить-то? Кто срамилъ, грозилъ»? Выйдя въ отставку, М. женился и сталъ заниматься подрядами, но разорился и, въ концѣ-концовъ, поступилъ на прежнее мѣсто. «Онъ опять началъ ходить пѣшкомъ въ должность и приносить «четвертаки и полтинники и двугривенные, наполняя ими далеко спрятанный сундучокъ».

Мышинскіе («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомые Аянова.

Мѣшечниковъ, Гаврила Ивановичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Чиновникъ въ палатѣ; по словамъ Савелія, М. «пишетъ всѣ бумаги» по дѣламъ Татьяны Марковны.

Н.

Н. Н. («Фрег. Пал.»).— См. Списокъ:— Назимовъ.

Н. Н. М. («Фрег. Пал.»).— См. Списокъ:— Муравьевъ, Н. Н.:

Надежда Васильевна («Обрывъ»).— См. Пахотина, Н. В.

Надежда Никитишна («Обрывъ»).— Уп. л. Марейнкѣ было «завидно глядѣть на Н. Н.: у ней семь человекъ (дѣтей)... Куда не обернись, вездѣ дѣти!»

Наденька Любецкая («Обык. Ист.»).— «Маленькая брюнетка», «восемнадцати лѣтъ». «Она была не красавица и не приковывала къ себѣ мгновенно вниманія. Но если кто пристально вглядывался въ ея черты, тотъ долго не сводилъ съ нея глазъ. Ея фізіономія рѣдко оставалась двѣ минуты покойною. Мысли и разнородныя ощущенія до крайности впечатлительной и раздражительной души ея, безпрестанно смѣнялись однѣ другими, придавая лицу ея ежеминутно новое и неожиданное выраженіе. Глаза, напримѣръ, вдругъ бросяť будто молнію, обожгутъ и мгновенно спрячутся подъ длинными рѣсницами; лицо сдѣлается безжизненно и неподвижно—и передъ вами точно мраморная статуя. Ожидаешь вслѣдъ затѣмъ опять такого же пронзительнаго луча—отнюдь нѣтъ! вѣки поднимаются тихо, медленно—вась озарить кроткое сіяніе взоровъ». Въ движеніяхъ Н. было «много граціи», и въ этой граціи—много тихаго, порывистаго». «Въ разговорахъ тѣ же неожиданныя обороты: то вѣрное сужденіе, то мечтательность, рѣзкій приговоръ, потомъ ребяческая выходка, или тонкое притворство». «Все показывало въ ней умъ пылкій, сердце своеправное и непостоянное». По словамъ ея матери, Н. «такая живая, такая рѣзвушка,—вскочить, запоеť да побѣжить,—вѣтеръ». По мнѣнію влюбленнаго Александра, Н.—«это ангелъ, олицетворенная искренность, женщина какую, кажется, Богъ впервые создалъ во всей чистотѣ и блескѣ». Это «не только чувствующая, это мыслящая дѣвушка... глубокая натура». «Въ разговорѣ у нея» нѣтъ «пошлыхъ общихъ мѣстъ», и, по мнѣнію влюбленнаго Александра, свѣтлымъ умомъ блестятъ ея сужденія, у нея «огонь въ чувствахъ». Отвергнутый Н., Александръ называетъ ее «капризной дѣвочкой, не понимающей ни его, ни самой себя, ни любви». По увѣренію матери, Н. «тайкомъ и мысли ни какой не допустить».—«Дай Богъ всякому такую дочь!» «Н. пользовалась полною свободою, распоряжалась и собою, и маменькою, и своимъ временемъ, и занятіями, какъ хотѣла. Впрочемъ, она была добрая и нѣжная дочь, нельзя сказать—послушная, потому только, что не она, а мать слушалась ея».—«Ахъ, перестаньте, перестаньте загадывать!»—«Не пророчьте: мнѣ что-то страшно дѣлается, когда вы говорите такъ». «Говорять, будто, что было однажды, то ужъ никогда больше не повторится!» По ея словамъ, «нельзя вѣрить самимъ себѣ». Она «гордилась любовью» Александра «и звала его «мой поэтъ», но, «иногда на вздохи и стихи отвѣчала зѣвотой», т. к. «сердце ея было занято, но умъ оставался празденъ». Подъ вліяніемъ любви къ графу она измѣнилась: «нѣтъ небрежности въ обращеніи. Она осмотрительнѣе въ поступкахъ, какъ будто стала разсудительнѣе». «Гдѣ милые капризы, дикость, шалости, рѣзвость? Все пропало. Она стала серьезна, задумчива, молчалива. Ее какъ будто что-то мучить». Она стала «похожа на всѣхъ дѣвиць: такая же притворщица, такъ же лжетъ, такъ заботливо разспрашиваетъ о здоровьѣ... такъ постоянно внимательна, любезна по формѣ». «Въ какіе-нибудь два, три мѣсяца», «эта дѣвушка образовалась въ женщину».

Критика: «Я рисовалъ не Наденьку, а русскую дѣвушку извѣстнаго круга той эпохи, въ извѣстный моментъ. Самъ я никакой одной Наденьки лично не зналъ, или зналъ многихъ». И. Гончаровъ. [«Лучше поздно, чѣмъ никогда»]. «Это дитя природы, вѣчный матеріалъ, изъ котораго жизнь, въ ея внѣшнихъ формахъ, творить все, что хочеть, безъ всякой борьбы во имя какихъ бы

то ни было высшихъ началъ. При благопріятныхъ условіяхъ, изъ нихъ могутъ выработаться добродѣтельныя, но недалекія матери семейства, свѣтскія дамы, отражающія въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, предрассудки и слабыя стороны среды, типичныя классныя дамы; въ мѣщанской средѣ—изъ нихъ по преимуществу вербуются классъ надобѣдающихъ женъ, несносныхъ сплетницъ, мелочныхъ, придирчивыхъ хозяекъ. Безтолковое воспитаніе, при отсутствіи хорошихъ интеллектуальныхъ задатковъ отъ природы, служить опредѣляющей чертой этого типа, [Ляцкій].

Нанамура Тамея («Фрег. Пал.»).—Японецъ, церемоніймейстеръ, «съ широкимъ круглымъ лицомъ, съ плоскимъ и нѣсколько вздернутымъ, широкимъ же арабскимъ носомъ». «Въ его наружности было что-то дикое»; онъ былъ похожъ немного взглядами, голосомъ и движеніями на звѣря («медвѣдя»), но былъ смысленный и распорядительный человѣкъ». Когда вмѣсто полномочныхъ на фрегатъ начали посылать Н. съ секретарями, онъ быстро усвоилъ «роль начальника: «какъ медвѣдь неловко влѣзалъ на мѣсто, гдѣ сидѣли полномочные, сжималъ, по привычкѣ многихъ японцевъ, руки въ кулаки и опиралъ ихъ о колѣни, морщилъ лобъ и говорилъ съ важностью». Получивъ отъ адмирала запечатанный пакетъ, заключающій важныя бумаги», «для передачи полномочнымъ», Н. «преблагополучно доставилъ его по адресу. Но на другой день вдругъ явился, въ ужасной тревогѣ, съ пакетомъ, умоляя взять его назадъ»...—«Какъ взять? Это не водится, да и не нужно, причины нѣтъ! приказалъ отвѣтить адмиралъ.—«Есть, есть», говорилъ Н.,—мнѣ не вѣрно возвращаться съ пакетомъ, и я не смѣю уѣхать отъ васъ. Сдѣлайте милость, возьмите!» Отъ радости, что его просьба была исполнена, Н. «отвязалъ отъ пояса бронзовый флакончикъ для духовъ и подалъ его» взявшему пакетъ.—Услыша игру на піанино, Н. пришелъ въ восторгъ; въ такой же восторгъ привели Н. и подаренныя ему картинки изъ журналовъ, среди которыхъ были изображенія прошлогоднихъ женскихъ модъ. «Женскія фигуры и платья произвели большой эффектъ».

Нарабойси 1-ый («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Японецъ-переводчикъ, двоюродный братъ Н-и 2-го.

Нарабойси 2-ой («Фрег. Пал.»).—Переводчикъ-японецъ, представитель молодой Японіи (см. Съеза). «Молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, говорящій немного по англійски». «Очень скромный, задумчивъ; у него нѣтъ столбняка въ манерахъ» и «самоувѣренности». «У него что-то бродитъ въ головѣ, сознаніе и потребность чего-то лучшаго противъ окружающаго его»; со вздохомъ сознался, что все, видѣнное на фрегатѣ, «приводитъ его въ восторгъ, что онъ хотѣлъ бы быть европейцемъ, русскимъ, путешествовать и заглянуть куда-нибудь, хоть бы на Бонимъ-Сима».

Настасья Ивановна («Обломовъ»).—«Пожилая дѣвушка», дальняя родственница отца Ильи Ильича, состояла въ свитѣ матери Обломова вмѣстѣ съ Пелагеей Игнатьевной и Степанидой Агаповной (такими же дальними родственницами Ильи Ивановича).

Настасья Петровна («Обрывъ»).—Одна изъ знакомыхъ Бережковыхъ, присутствовавшая «на парадномъ завтракѣ» въ Малиновкѣ. Когда Иванъ Петровичъ заговорилъ о туркахъ (они «издревле притѣсняють христіанъ, жгутъ, рѣжутъ, а женщинъ того»...) Н. П., по замѣчанію Тычкова, «покраснѣла», но Тычкову она возразила:—«Что вы, ваше превосходительство... отъ чего мнѣ краснѣть? Я и не слыхала, что говорятъ», сказала Н. П. «бойко», «жеманно поправляя шаль». Тычковъ называлъ ее «плутовкой» и спрашивалъ священника, не жаловалась ли Н. П. на исповѣди на мужа, что онъ»...—«Ахъ, что вы, ваше превосходительство! торопливо перебила» Н. П.

Настасья Ѳадеевна («Обломовъ»).—Знакомая стариковъ Обломовыхъ, пріятельница матери Ильи Ильича.

Наталья Ивановна («Обрывъ»).—Уп. л. Жена священника, подруга Вѣры по пансіону. По словамъ Татьяны Марковны, «добрая, смиренная курица,

лепечеть безъ умолку, поеть, охотница шептаться, особенно съ Вѣрой: такъ и щебечеть, и все на ухо»; неглупа, читаетъ много книгъ и пріодѣтся любить». «Ей только—дарила свое довѣріе Вѣра». Н. И., по характеристикѣ Татьяны Марковны, «послушная раба» Вѣры. «Вѣра любитъ ее за то, что характера нѣтъ», «за гибкость, за податливость, за то, что та не выходитъ изъ ея воли». «Вѣрочкинъ взглядъ, даже капризь—для нея святы. «Что только та сказала, то» для Н. И. «только и умно, и хорошо».

Наталья Оадеевна («Обрывъ»).—Дворовая, «одна изъ плетельщицъ кружевъ у Татьяны Марковны. Когда Егорка «провертѣлъ щель» въ перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора и приглашалъ другихъ дѣвухекъ «въ щелку посмотрѣть», какъ дѣвствуетъ тамъ Борисъ Павлычъ, «любопытная Н. сама напрашивалась»:—«Покажи мнѣ, что тамъ такое!»—«Вы прекрасная дѣвица, Н. О., отвѣтилъ Егорка нѣжно:—«словно—барышня! Я бы не то что въ щелку далъ вамъ посмотрѣть, руку и сердце предложилъ бы—только... рожу бы вамъ другую!» Н. О. «обидилась».—Ругатель! сказала она, уходя изъ комнаты:—право ругатель!»

Наташа («Обрывъ»).—Героиня «старого эпизода» изъ жизни Райскаго, «подруга» его юности. «Масляный портретъ» Н., «скорой рукой набросанный» и едва подмалеванный Райскимъ, хранился у него; «въ заглавіи» старой «тетради» Бориса Павловича стояло: «Наташа».—«Голубь, а не женщина!» называлъ Райскій Наташу, воскрешая ея образъ. «Это былъ чистый, свѣтлый образъ, какъ Перуджиніевская фигура, простодушно и безсознательно жившій и любившій, съ любовью пришедшій въ жизнь и съ молитвой отходящій отъ нея». «И ея болѣзненная, страдальческая жизнь, и преждевременная смерть казались ей—такъ надо. Она полюбила Райскаго «не страстью, а какою-то ничѣмъ не возмутимую, ничего не боящуюся любовью, безъ слезъ, безъ страданій, безъ жертвъ, п. ч. не понимала что такое жертва, не понимала, какъ можно полюбить и опять не любить». «Для нея любить—значило дышать, жить, не любить—перестать дышать и жить». «На вопросы его (Райскаго:—«Любишь ли? Какъ?»)—«Она, сжавъ ему крѣпко шею и стиснувъ зубы, по дѣтски отвѣчала:—«Вотъ такъ! «А на вопросъ:—«Перестанешь ли любить»? говорила задумчиво:—«Когда умру, такъ перестану». Дочь «бѣдной, больной женщины», Н. осталась рано сиротой. Райскій узналъ Н. въ самую опасную минуту, «когда ея невѣдѣнью и невинности готовились сѣти, со стороны одного «благодѣтеля». «Спасая искренно и горячо отъ сѣтей этого б л а г о дѣ т е л я Н.,—Райскій влюбился самъ въ нее; онъ и Н. получили благословеніе «у смертнаго одра матери». «Оба протягивали руки къ брачному вѣнцу—и оба... не устояли». «Гробъ» матери Н. сталъ «между ними и бракомъ». «Глубокій трауръ, вдругъ облекшій ея молодую жизнь, подломилъ и ея хрупкій наслѣдственно-болѣзненный организмъ, въ которомъ еще сильнѣе скорби и недуга, горѣла любовь и волновала нетерпѣніемъ и жадной счастья». «Съ той минуты какъ она полюбила» Райскаго, въ глазахъ и улыбкѣ ея засвѣтился тихій рай: онъ свѣтился два года... «Но ни разу на лицѣ у нея не блеснулъ таинственный лучъ затаеннаго, сдержаннаго упоенія, никогда—потеряннаго, безумнаго взгляда, которымъ выговаривается пожирающее душу пламя»—«въ ней не было признака страсти». «До послѣдней минуты, «похолодѣвшія губы шептали неизмѣнное лю б л ю , рука повторяла привычную ласку»; даже, когда Райскій «исчезалъ на мѣсяцы», «возвращаясь, онъ былъ встрѣчаемъ опять той же улыбкой, тихимъ свѣтомъ глазъ, попотомъ нѣжной, кроткой любви». «Никогда—ни упрека, ни слезы, ни взгляда удивленія или оскорбленія за то, что онъ прежде былъ не тотъ, что завтра будетъ опять иной, чѣмъ сегодня, что она проводитъ дни оставленная, забытая, въ страшномъ одиночествѣ». У ней и въ сердцѣ, и въ мысли не было упрековъ и слезъ, не срывались укоризны съ языка. Она не подозрѣвала, что можно сердиться, плакать, ревновать, желать, даже требовать чего-нибудь именемъ своихъ правъ». У ней было одно желаніе и право: любить». «Она думала и вѣрила, что такъ, а не иначе, надо любить и быть любимой, и что весь

міръ такъ любить и любимъ». «Обида, зло падали въ жизни на нее иногда и съ другихъ сторонъ: она блѣднѣла отъ боли, отъ изумленія, подкашивалась и безсознательно страдала, принимая зло покорно, не зная, что можно отдать обиду, заплатить зломъ». Лишь спустя недѣлю, послѣ того какъ «совѣмъ слегла», Н. написала записку Райскому: «Навѣсти меня милый Борисъ: я умираю. Твоя Н.». Когда же Райскій пришелъ, она просила простить, что «потревожила»:—«Я всего недѣлю какъ слегла: грудь заболѣла». А сама «старалась слабой рукой сжать его руку и не могла». Она не хотѣла, чтобы онъ «скучалъ съ нею», но, въ концѣ-концовъ призналась:—«Я схитрила... шептала она, приложивъ свою щеку къ его щекѣ»:—мнѣ вотъ ужъ третій день легче, а я написала, что умираю... мнѣ хотѣлось заманить тебя... Прости меня!»—«Она не догадывалась объ отжившей любви (со стороны Райскаго) и не поняла-бы никогда причинъ».—«Бѣдная Н.», думалъ позднѣ Райскій:—ты и живая была такъ же блѣдно окрашена въ цвѣта жизни, какъ и на полотнѣ моей картины и на бумагѣ перомъ!»

Начальникъ отдѣленія («О бы к н. И с т.»).—«Пріятель Петра Ивановича». «Крутенекъ». «Точно Юпитеръ громовержецъ; откроетъ ротъ—и бѣжитъ Меркурій съ мѣдной бляхой на груди; шряпнетъ руку съ бумагой—и десять рукъ таянутся принять ее».

Начальникъ порта («Ф р е г. П а л.»).—Начальникъ аянскаго порта. Штабсъ-офицеръ. Подошелъ къ путешественникамъ, «не знаящимъ куда преклонить голову», спросилъ ихъ имена, сказалъ свое, и пригласилъ къ себѣ ужинать, а завтра обѣдать».

Негоціантъ («Ф р е г. П а л.»).—Н. —нѣмецъ изъ Гонъ-Конга. «Грозилъ путешественникамъ «ураганомъ». На вопросъ—«стало быть, лучше уходить въ море?»—отвѣчалъ:—«Богъ знаетъ гдѣ лучше! Послѣдній разъ, во время урагана, потонуло до восьмидесяти судовъ въ морѣ, а на берегу опрокинуло цѣлый домъ и задавило пять человѣкъ; въ гонъ-конгской гавани погбло безъ счета лодокъ, и съ ними до ста человѣкъ».

Негритянка («Ф р е г. П а л.»).—Старая Н., служанка хозяйки дома въ Стелленбошѣ (Капская колонія). «Черная, какъ поношенный атласъ, старуха, съ платкомъ на головѣ; была «не въ своемъ умѣ». Увидя проѣзжихъ, вмѣсто пріѣтствія, «высунула имъ языкъ».

Негритянка («Ф р е г. П а л.»).—Старая Н., торговка апельсинами въ Порто-Прайя. «Болтала немного по англійски и называла Гончарова: с и н ь о р ь ф р а н ц у з ь. О русскихъ она не слыхала». Когда Гончаровъ «рѣшилъ купить» у Н. всю корзину апельсиновъ, она изъ другой корзинки выбрала еще нѣсколько самыхъ лучшихъ апельсиновъ и хотѣла «ихъ «подарить».—«Present, present», твердила она. Когда же покупатель сталъ «вынимать изъ кармана деньги, чтобы заплатить и за эти», «она ужасно разсердилась и взяла-было назадъ и первую корзину».

Нелюбова («О б р ы в ъ»).—Уп. л. Кузина Софьи Бѣловодовой. Во время «сцены» между Софьей и Ельнинымъ «все замѣтила» и пересказала Михайловымъ.

Никита («О б р ы в ъ»).—Уп. л. Лакей Бережковой. Съ Н.—Марина «познала любовь и ея тревоги».

Никита («О б л о м о в ъ»).—Слуга Ильинскихъ, тотъ самый, который, по словамъ Анисьи, былъ виновникомъ болтовни («хорошо если-бъ вашъ баринъ, Илья Ильичъ, посваталъ барышню»). По словамъ Анисьи, «дуракъ»: онъ и за каретой, «когда ѣдетъ, такъ словно спитъ». Приносилъ Обломову на Выборгскую книги и записки отъ Ольги.

Никита («С л у г и»).—Уп. л. Дьяконъ прозванный Еремѣемъ. По словамъ Валентина, Н. «хвастался», что понимаетъ Покалипсисъ (Апокалипсисъ). Прозванный архіереемъ, во время торжественнаго обѣда, къ отвѣту, Н. «не зналъ куда дѣться изъ-за стола: «провалился бы», рассказывалъ онъ, «лучше сквозь землю. И кумебяка, говоритъ, такъ и заперла мнѣ горло...» «А ну-ка, дьяконе,

скажи...» это архіерей-то говорит дьякону: «скажи, говоритъ, что значить блудница, о которой повѣтствуетъ, св. Іоаннъ Богословъ въ Покаліпсѣ...» Вотъ дьяконъ—самъ послѣ сказывалъ—не разжевавши хорошенько, почестъ цѣликомъ цѣлую корку кулебяки съ семгой проглотилъ. Чуть не подавился, весь покраснѣлъ, какъ ракъ. «Ну, говори, коли понимаешь!»—нудилъ архіерей.—«Блудница... святой владыко... это... это...—мямлилъ дьяконъ:— это св. Іоаннъ Богословъ прорекаетъ о заблудшейся западной римской католической церкви...» Такъ Н. и «замолчалъ»: у него дыханіе перехватило». Съ тѣхъ поръ, по словамъ Валентина (см. Архіерей), во всемъ селѣ, всѣ, даже мужики, дьякона Н. и прозвали Еремѣемъ, а подъ сердитую руку и блудницею дразнили».

Никитишна («О бы кн. И ст.»).—Уп. л. Старуха. «Она, говорятъ, многимъ помогаетъ... Она только пошепчетъ на воду, да подышитъ на спящаго человека—все и пройдетъ», рассказываетъ о Н. Анна Павловна.

Николай Андреевичъ Викентьевъ («О б р ы в ъ»).—«Колчинскій барченокъ» какъ называетъ его Василиса. «Помѣщикъ». «У нихъ (съ матерью) четыреста душъ».—«Чиновникъ», «служить у губернатора по особымъ порученіямъ». «Свѣжій, «цвѣтушій» молодой человекъ, двадцати трехъ лѣтъ, «съ темнорусыми, почти каштановыми волосами, съ румяными щеками и съ сѣро-голубыми острыми глазами, съ улыбкой, показывающей рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ». «Средняго роста», «красиво и крѣпко сложенный». «Хорошенькій», по оцѣнкѣ Марѣиньки, «Учился въ Казани, въ университетѣ»; думалъ «пойти въ гусары». «Поетъ», «играетъ», «танцуетъ»; «проказничаетъ» иногда, такъ что его «хотѣли посадить на гауптвахту.—«На все гораздый»,—по словамъ Бережковой. «Бѣхалъ къ вамъ», рассказываетъ онъ Марѣинькѣ,—«а тамъ на рѣкѣ, въ осокѣ, вижу сидитъ въ лодкѣ Иванъ Матвѣичъ. Я попросился къ нему, онъ подѣхалъ, взялъ меня, я и четверти часа не сидѣлъ вотъ какого (сазана) выудилъ. А это вамъ, Марѣя Васильевна, дорогой вонъ тутъ во ржи нарвалъ васильковъ». Бѣздитъ «на заводъ, покупать лошадей», въ Москву—«заказывать гардеробъ и экипажи» для свадьбы. У него есть «катеръ» и всѣ гребцы—пѣсенники». «Веселый» «сорванецъ», «шалунъ и рѣзвый»,—по словамъ «бабушки». Мастеръ передразнивать. Передразнивая Нила Андреевича, Н. А. «сдѣлалъ важную мину, сталъ посреди комнаты, опустилъ бороду въ галстухъ, сморщился, поднялъ палецъ вверхъ и дряблымъ голосомъ произнесъ: «Молодой человекъ! Твои слова потрясаютъ авторитетъ старшихъ». Должно быть, очень было похоже на Нила Андрееча, «п. ч.—даже «бабушка», противъ воли, засмѣялась. Подражая m-r. Шарлю, Н. А. «вышелъ на середину комнаты, сдѣлалъ сладкую мину, корпусъ наклонилъ немного впередъ, руки округлил, шляпу взялъ подъ мышку.—Mille pardons, mademoiselle, de vous avoir dérangée». То «съ головой уйдетъ въ рожъ, перепела передразниваетъ».—«Я—вотъ что сдѣлаю»,—предлагаетъ онъ Марѣинькѣ: «побѣгу впередъ, сяду за кусть и объяснюсь Полинѣ Карповнѣ въ любви голосомъ Бориса Павловича».—Только Марѣинька удержала его отъ этого. Читая вслухъ «Кунигунду», «вставлялъ отъ себя въ романъ цѣлыя тирады или читалъ разными голосами. Когда говорила угнетенная героиня, онъ читалъ тоненькимъ, жалобнымъ голосомъ, а за героя читалъ своимъ голосомъ, обращаясь къ Марѣинькѣ, отчего та поминутно краснѣла и дѣлала ему сердитое лицо». Въ лицѣ грознаго родителя Н. А. представлялъ Нила Андреевича». У него отняли книгу и велѣли сидѣть смирно». Онъ умѣетъ «комически раскланиваться», рассказывать комическій сонъ. Онъ «не посидитъ ни минуты спокойно»:—«живчикъ», по словамъ «бабушки». Придя въ гости къ Бережковой, «онъ не сидѣлъ, не стоялъ на мѣстѣ, то совался къ бабушкѣ, то бѣжалъ къ Марѣинькѣ и силился переговорить обѣихъ. Почти въ одну и ту же минуту лицо его принимало серьезное выраженіе и вдругъ разливалось по немъ смѣхъ и показывались крупные бѣлые зубы, на которыхъ отъ торопливости его говора, или отъ смѣха, иногда вскакивалъ и пропадалъ пузырь». Постоянно «божится». Бабушка называетъ его «верченнымъ». Ему «не сидится»; въ ногахъ такъ и зудитъ», по ея выраженію; онъ

«скачетъ и прыгаетъ по комнатѣ, какъ ртуть, «говоритъ мать Н. А.—ича. Марейнька выбѣжала изъ комнаты. «Онъ бросился» за Марейнькой, черезъ минуту оба уже гдѣ-то хохотали», черезъ минуту еще—«раздались звуки вальса», «потомъ кто-то точно скатился съ лѣстницы, а дальше промчались по двору и бросились въ садъ». Н. А. «нарочно выпачкался въ мукѣ на мельницѣ», чтобы размѣшить Марейньку. «Лѣзетъ на крышу за ея котенкомъ» и т. д. «Живость» проявляется и въ его смущеніи и недоумѣніи. Когда Марейнька, послѣ выговора бабушки, измѣнила обращеніе съ Н. А., онъ вытаращилъ глаза на нее, потомъ на бабушку, потомъ опять на нее, поерошилъ волосы, взглянулъ мелькомъ въ окно, вдругъ сѣлъ и въ ту же минуту вскочилъ:—«Марѣя Васильевна, «заговорилъ онъ: пойдете... смотрѣть: сейчасъ молодые проѣдутъ...» Или: Н. А. «постоялъ минуточку двѣ въ недоумѣніи, почесывая то затылокъ, то брови, потомъ, вмѣсто того чтобы погладить волосы, какъ дѣлаютъ другіе, поерошилъ ихъ, растегнулъ и застегнулъ пуговицу у жилета, вскинулъ лежонько фуражку вверхъ и, поймавъ ее, выпрыгнулъ изъ комнаты, сказавши:—«Я за нотами и книгами,—сейчасъ прибѣгу». «Онъ видѣлъ, что собирается гроза (отъ «бабушки» и матери, послѣ его предложенія» Марейнькѣ) и началъ метаться въ безпокойствѣ, не зная, чѣмъ отвратить ее, онъ поджималъ подъ себя ноги и клалъ церемонно шляпу на колѣни, или вдругъ вскакивалъ, подходилъ къ окну и высовывался изъ него почти до колѣнъ»—Онъ обернулъ шляпу вверхъ дномъ и забарабанилъ по ней пальцами». — «Татьяна Марковна», — обратился онъ наконецъ къ ней, чтобы отвлечь отъ себя «грозу»:—«я не успѣлъ нынче позавтракать, нѣтъ-ли чего?—вдругъ попросилъ онъ:—я голодень...»—«Видите, какой хитрый! сказала Бережкова, ... «Онъ знаетъ мою слабость, а мы думали, что онъ дитя! не поддѣли, не удалось, хоть и проситесь въ женихи!» «Какъ много кушаетъ!» говоритъ о немъ Марейнька:—«недавно большую-пребольшую сковородку грибовъ сѣлъ! Сколько булочекъ скушаетъ за чаемъ! Что ни дай, все скушаетъ»... За это «бабушка его любить».—«Нѣтъ, нѣтъ ничего не хочу!»—говоритъ Н. А., когда «бабушка» предлагаетъ «завтракать»:—я сѣлъ цѣлый пирогъ предъ тѣмъ, какъ ѣхалъ сюда».—«А битаго мяса не станете?»—Вчерашнее жаркое есть, пылота»...—«Вотъ бы пылеленка хорошо»... согласился онъ.—«Буду слушаться»..., общается онъ Татьянѣ Марковнѣ, послѣ предложенія, чтобы смягчить ее:—«даже ничего... не сѣмъ безъ вашего спроса»...

«Горизонтъ наблюденій и чувствъ» Николая Андреича «былъ тѣсенъ». Духъ анализа не касался» его съ Марейнькой; «пищею обмѣна ихъ мыслей была прочитанная повѣсть, доходившія изъ столицы, новости, да поверхностныя впечатлѣнія окружающей природы и людей». Н. А., по мнѣнію Бережковой, «прекрасный», «добрый». Она «любитъ» его и ему вполнѣ довѣряетъ.—«Куда бы вы ни забѣжали вдвоемъ, что бы ни затѣяли», — говоритъ она Марейнькѣ,—«я знаю, что онъ не скажетъ тебѣ ничего непутнаго.» Когда Марейнька замѣчаетъ Н. А.: «вы... нечестный!»—«Нѣтъ, нѣтъ»,—перебилъ онъ и торопливо поерошилъ голову: не говорите этого. Лучше назовите меня дуракомъ, но я честный, честный, честный... Я никому не позволю усомниться...никто не смѣетъ!» Когда Бережкова, отпуская Марейньку «съ женихомъ» въ гости къ матери Н. А., «довольно серьезно замѣтила ему, чтобъ онъ тамъ въ деревнѣ, соблюдалъ тонкое уваженіе къ невѣстѣ и, особенно при чужихъ людяхъ..., не бѣгалъ съ ней тамъ по рощамъ и садамъ, какъ здѣсь, Н. А. «нѣсколько покраснѣлъ отъ этого предостереженія, какъ будто обидѣлся тѣмъ, что въ немъ предполагаютъ недостатокъ такта».—Губернаторъ, «у котораго онъ служить, «его очень любятъ и никогда не посылаетъ на слѣдствія: что, говоритъ, ему грязниться тамъ. разбирать убійства воровства, нравственность испортится! пусть, говоритъ, побудетъ при мнѣ».—На службѣ, какъ самъ Н. А. сказывалъ, «у него никакихъ дѣлъ нѣтъ». «Онъ теперь при губернаторѣ, сообщаетъ Марейнька Райскому,—и когда не у насъ»—тамъ обѣдаетъ, играетъ, танцуетъ»...—«Однимъ словомъ, служить!» сказалъ Райскій. Однако Н. А. не былъ «три недѣли» у Бережковой, п. ч. «никакъ нельзя было,

губернаторъ не выпускалъ никуда; велѣли дѣла канцеляріи приводить въ порядокъ... «Новый правитель канцеляріи поспукаетъ—мы дѣла скрѣпляли, описидѣляли»,—говоритъ онъ:—«Я пять сотъ дѣлъ по листамъ скрѣпилъ. Даже поночамъ сидѣли»... У Н. А. за службу уже «крестикъ есть», но онъ никакъ не могъ не заплакать, разставаясь съ Марѣинькой на нѣсколько дней. При прощаньи съ Райскимъ, у Н. А. «лицо дружески улыбалось ему, а по носу изъ глазъ катилась слеза «съ вишню», какъ замѣтила Марѣинька». «Бабушку» онъ «любитъ» и «боится»,—говоритъ Марѣинька. Пославъ «мать» «сватать за него» Марѣиньку, Н. А. «прошелъ» самъ «не въ комнату, а въ садъ, и выжидалъ, не выглянетъ ли изъ окна его мать. Самъ онъ выглядывалъ изъ-за кустовъ»: «то высунется, то спрячется» чья-то голова. Когда позвали Н. А., онъ прежде долго возился въ передней, будто чистился, оправлялся...—«Милости просимъ, Н. А.!—ядовитого поздоровалась съ нимъ Татьяна Марковна, а мать смотрѣла на него проницески. Онъ быстро взглядывалъ то на ту, то на другую и ерошилъ голову». «Онъ такъ смутился, что сказалъ Татьянѣ Марковнѣ:—«Здравствуйте, Т. М.,—я вамъ привезъ концерты на билетъ». Съ матерью у Н. А. «происходилъ видимый разладъ и существовала невидимая гармонія. Таковъ былъ наружный образъ ихъ отношеній». «Между ею и сыномъ была вѣчная комическая война на словахъ». «Они спорили на каждомъ шагу, за всякіе пустяки,—и только за пустяки. А когда доходило до серьезнаго дѣла, она другимъ голосомъ и другими глазами, нежели какъ обыкновенно, предъявляла свой авторитетъ,—и онъ, хотя сначала протестовалъ, но потомъ сдавался, если требованіе ея было благоразумно». «Этотъ вѣчный споръ шелъ съ утра до вечера между ними, съ промежутками громкаго смѣха. А когда они были ужъ очень дружны, то молчали какъ убитые, пока тотъ или другой не прерветъ молчанія какимъ-нибудь замѣчаніемъ, вызывающимъ непременно противорѣчіе съ другой стороны. И пошло опять». «Любовь его къ матери наружно выражалась также бурно и неистово, до экстаза. Въ припадкѣ нѣжности, онъ вдругъ бросится къ ней, обѣими руками обовьетъ шею и обдѣлпитъ горячими поцѣлуями; тутъ уже между ними произойдетъ буквально драка. Она ловитъ его за уши, деретъ, шиплетъ за щеки, отталкиваетъ, наконецъ кликнетъ толсторукою и толстобедрую ключницу Мавру и велитъ оттащить прочь «волченка». Когда сынъ сообщилъ ей «чуть слышно»:—«жениться хочу».—«Что?» спросила она не вслушавшись?—«Жениться хочу!» «Она взглянула на него быстро.»—«Мавра, Антонъ, Иванъ, Кузьма!—закричала она:—всѣ идите скорѣй сюда—скорѣй!» «Мавра одна пришла.»—«Зови всѣхъ людей: Н. А. помѣшался!»—«Христось съ нимъ—что вы, матушка, испужали до смерти!—говорила Мавра, тыча рукой въ воздухъ.»—«Я не шучу!—подтвердилъ онъ рѣзко:—завтра я долженъ отвѣтъ дать. Что ты скажешь?»—«Велю залпереть тебя... знаешь куда!—шепнула она, видимо озабоченная. «Онъ вскочилъ, и между ними начался одинъ изъ самыхъ бурныхъ разговоровъ. Долго ночью слышали люди горячій споръ, до крика, почти до визга, по временамъ смѣхъ, скаканье его. потомъ поцѣлуи, гнѣвный крикъ барыни, веселый отвѣтъ его—и потомъ гробовое молчаніе; признакъ совершенной гармоніи». «Марья Егоровна, по свойству своихъ отношеній къ сыну, не могла, какъ и онъ, съ своей стороны тоже, уступить, а онъ взять ея согласіе иначе, какъ съ бою, и притомъ самаго упорнаго и горячаго». «По объясненію Н. А. бабушкѣ, онъ высказалъ свою любовь Марѣинькѣ, «ей Богу, нечаянно»:—«Я и не думалъ, и въ голову не приходило.»—«Я бы днемъ ни за какія сокровища не сказалъ вамъ... ей Богу не сказалъ бы»...—говоритъ онъ Марѣинькѣ:—«Я почти не зналъ, что люблю васъ». Все соловей надѣлалъ: онъ открылъ нашъ секретъ».—Соловей, котораго они пошли послушать съ Марѣинькой, «такъ пѣлъ, такъ пѣлъ».—Марѣа Васильевна», шептала чуть слышно Н. А.:—«со мной дѣлается что-то такое», «чего я никогда не испытала... точно все шевелится во мнѣ»...—«Я теперь вскочилъ бы на лошадь и поскакалъ бы во всю мочь, чтобы духъ захватило... или бросился бы въ Волгу и переплылъ на ту сторону»... Подъ вліяніемъ этого настроенія, Н. А. и сказалъ:—«Онъ

(соловей) поеть о моей любви «къ вамъ».—Н. А. «самъ-было испугался своихъ словъ, но вдругъ прижалъ ея руку къ губамъ и осыпалъ ее поцѣлуями».—Затѣмъ, когда Марейника не хотѣла было его слушать, онъ заговорилъ «нѣжнымъ, но рѣшительнымъ тономъ»:—«Я не мальчикъ теперь,—я тоже взрослый, выслушайте меня... «Вы взрослая и потому не бойтесь выслушать меня: я говорю не ребенку»...—«Я такъ сроднился, сблизился съ вами, что если насъ разлучить теперь... Если хотите, разстанемся, вотъ теперь же... «Я сейчасъ же съ этого мѣста уйду и никогда не ворочусь сюда!»—[«Если бы вы не согласились,—говорилъ онъ позже своей матери и «бабушкѣ»:—«уфхаль бы сегодня же отсюда и въ гусары пошелъ бы и долговъ надѣлалъ бы, совсѣмъ пропаль бы»].—«Какъ вы странно говорите!»—замѣтила Марейника: «вы никогда не были такимъ, я васъ никогда такимъ не видала».—«И вы тоже измѣнились», отвѣтилъ онъ Марейникѣ.—«Отчего же это вдругъ случилось?»—«Соловей все объяснилъ намъ: мы оба выросли и созрѣли сію минуту, вотъ тамъ, въ рождѣ... «Въ свое оправданіе», «пилившимъ» его Бережковой и матери, онъ сказалъ «смѣло» и «гроша голову»:—«Вы хотите, чтобъ я поступилъ, какъ послушный, благородный мальчикъ, т. е. съѣздилъ бы къ тебѣ, маменька, и спросилъ твоего благословенія, потомъ обратился бы къ вамъ, Татьяна Марковна и просилъ бы быть истолковательницей моихъ чувствъ, потомъ черезъ васъ получилъ бы да и при свидѣтеляхъ выслушалъ бы признаніе невѣсты, съ глупой рожей поцѣловалъ бы у ней руку»... «развѣ это счастье?». «Если бы надо было опять начать, я опять вызвалъ бы Марейнику въ садъ».—«Соловей пѣлъ, а мы росли; онъ намъ все рассказалъ и,—пока мы съ Марейкой Васильевной будемъ живы,—мы забудемъ многое, все, но этого соловья, этого вечера, шопота въ саду и ея слезъ никогда не забудемъ. Это-то счастье и есть, первый и лучший шагъ его, и я благодарю Бога за него».—Н. А. «любить» Марейнику «со всею веселостью и рѣзвостью жизни»... Они «какъ голуби»,—говоритъ «бабушка»,—«ужъ и не знаю, что они ихъ лучше—онъ или она?» «Божьи младенцы».—«Давно я думаю, что они пара, Марья Егоровна,—говорила Бережкова:—боялась только, что молоды ужъ очень оба. А какъ погляжу на нихъ, да подумаю, такъ вижу, что они никогда старше и не будутъ».—«Съ лѣтами придетъ и умъ, будутъ заботы—и созрѣютъ»,—договорила Марья Егоровна.—Оба они росли у насъ на глазахъ: гдѣ имъ было занимать мудрости, вѣдь не жили совсѣмъ!» Когда Н. А. и Марейника были объявлены женихомъ и невѣстой,—«онъ и Марейника не скакали уже и были сдержаны и только иногда живо спорили, или пѣли, или читали вдвоемъ». Передъ вѣнчаньемъ, «женихъ былъ скромнень, почти робокъ; пропала его рѣзвость, умолкли шутки, онъ былъ растроганъ». Ставъ мужемъ и пріѣхавъ черезъ недѣлю къ Бережковой, Н. А. «ходилъ за Марейникой, какъ пажъ, глядя ей въ глаза, не нужно ли, не желаетъ ли она чего нибудь, не беспокоитъ ли ее что-нибудь». «Счастье ихъ было слишкомъ молодо и эгоистически захватывало все вокругъ. Они никого и ничего почти не замѣчали, кромѣ себя».—«Перспектива ихъ дальнѣйшей жизни «была ясна, проста и обоимъ имъ одинаково открыта».

Николай Ивановичъ («Обрывъ»).—«Попъ», «молодой священникъ» изъ села, за Волгой; мужъ Нат. Ив.—Попъ-то, по словамъ Татьяны Марковны, не бѣдный: своя земля есть», хлѣба, всякаго добра въ волю». Помѣщикъ его любить и ему лошадей подарилъ, экипажъ, даже деревьями изъ оранжерей комнаты у него убираетъ. Попъ умный, изъ молодыхъ—только ужъ очень по свѣтски ведетъ себя: привыкъ тамъ въ помѣщичьемъ кругу. Даже французскія книги читаетъ и покуриваетъ». Вѣра, по просьбѣ молодого священника, возила книги ему и онъ высказывалъ свои мысли и впечатлѣнія, подъ вліяніемъ того или другаго автора». Со священникомъ она читала «Спинозу», «Вольтера», «нѣкоторыхъ энциклопедистовъ». «Дошли» и «до Фейербаха съ братіей... до социалистовъ и материалистовъ». Н. И. въ книгахъ «отмѣчалъ мѣста карандашомъ», прося Вѣру и жену ихъ выписывать: «хотѣлъ, кажется, возражать и напечатать въ журналѣ». По словамъ Вѣры, она «многимъ ему обязана» въ своемъ развитіи.

Ниль Андреичъ Тычковъ («Обрывъ»).—См. Тычковъ, Н. А.
Новинскій, Платонъ, графъ («Обыки. Ист.»).—«Прекрасный мужчина; высокій, стройный блондинъ, съ большими выразительными глазами, съ пріятной улыбкой. Въ манерахъ простота, изящество, какая-то мягкость. Онъ кажется, расположилъ бы къ себѣ всякаго». «Онъ шутитъ умно: въ его шуткахъ—ни малѣйшей принужденности, ни претензіи на остроуміе, а такъ что-то занимательное, какая-то особенная способность забавно рассказать, даже не анекдотъ, а просто повесть, случай, или однимъ неожиданнымъ словомъ серьезную вещь превратить въ смѣшную. Графъ говорилъ обо всемъ одинаково хорошо, съ тактомъ, и о музыкѣ, и о людяхъ и о чужихъ краяхъ»; «говорилъ о литературѣ, какъ будто никогда ничѣмъ другимъ не занимался». «Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ первоклассными русскими литераторами, а въ Парижѣ познакомился съ нѣкоторыми и изъ французскихъ». У него былъ «звучный, свѣжій» голосъ, «который, такъ кажется, и просится въ сердце женщины». Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ, хорошо стрѣлялъ: «въ пятнадцати шагахъ пулю въ пулю такъ и сажаетъ». По словамъ Любецкой-матери, у графа «богатый домъ»; все такъ со вкусомъ, роскошно, а самъ графъ такой добрый, такой обходительный».—«Чего, чего не дѣлаетъ для насъ, какъ Наденьку балуетъ! Смотрите, сколько цвѣтовъ! Все изъ его саду». Для Наденьки графъ былъ «новостью». По ея мнѣнію, «графъ молодой, хорошенкій и прелюбезный»; у него не можетъ быть дурныхъ намѣреній». «Графъ былъ неизмѣнно вѣжливъ къ Александру, звалъ его къ себѣ взглянуть на садъ, приглашалъ раздѣлить прогулку верхомъ, предлагалъ ему лошадь. Въ домѣ Любецкой графъ держалъ себя свободно, какъ дома. Онъ былъ одинаково любезенъ и съ матерью и съ дочерью, не искалъ случая говорить съ одной Наденькой, не бѣжалъ за ней въ садъ, глядѣлъ на нее точно такъ же, какъ и па мать. Внимательность и услужливость графа и его ежедневныя посѣщенія можно было приписать сосѣдству дачъ и радушному приему, который онъ всегда находилъ у Любецкихъ». Петръ Ивановичъ Адуевъ считаетъ его «порядочнымъ человѣкомъ, да и отъ кого ни послышишь—все хвалятъ».

Новичелись, маркизь («Фрег. Пал.»).—Испанецъ. Новый губернаторъ Филиппинскихъ острововъ, «нѣчто въ родѣ вице-короля». Отъ него ждутъ много добраго. Онъ затѣваетъ разныя реформы, но въ «губернаторѣ одинъ недостатокъ: онъ слишкомъ исполненъ своего достоинства, гордится древностью рода и тѣмъ, что жена его—первая дама при королевѣ, отъ этого онъ важничаетъ, какъ пѣтухъ».

Нѣмка («Обрывъ»).—Уп. л. Хозяйка, у которой Райскій навималъ «три порядочныя комнаты», «постоянно оставляя квартиру за собой».

Нянька («Обрывъ»).—Уп. л. Н—а Вѣры и Марейники. «Здоровая баба, съ необъятными, красными щеками и вѣчно смѣющимся—хоть бей ее, ртомъ».

Няня («Обломовъ»).—См. Обломова-Няня.

О.

О. («Фрег. Пал.»)—Князь Оболенскій; совершилъ кругосвѣтное плаваніе на «Діанѣ» и, вмѣстѣ съ Гончаровымъ, возвращался въ Россію черезъ В. Сибирь.

Обломова-мать («Обломовъ»).—По утрамъ спрашивала няньку, «ночнойно ли спалъ Ильюша, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару?» потомъ, брала сына за руку и подводила его къ образу. «Тамъ, вставъ на колѣни» и обнявъ сына «одной рукой, подсказывала ему «слова молитвы», «влагая въ нихъ свою душу». «Отпуская Ильюшу гулять, ласкала его и давала «строгое подтвержденіе нянькѣ, не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное, не пускать его въ оврагъ». См. также Обломовъ, И. И.

Обломова-няня («Обломовъ»).—Няня Ильи Ильича. Старуха. «Цѣлый день, и всѣ дни, и ночи» Н. «наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умилениемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность: этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ-быть, угадала бы давнымъ-давно. Она отвѣчала на разспросы ребенка, почему свѣтъ чередуется съ тѣнями: «оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужъ завидитъ какъ его, такъ и просвѣтлѣетъ». Въ долгіе зимніе вечера, она пашептывала Ильиошѣ «о какой-то невѣдомой сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день-деньской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, такіе, какъ Илья Ильичъ, да красавицы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать». «Тамъ есть и добрая волшебница, являющаяся у насъ иногда въ видѣ щуки, которая изберетъ себѣ какого-нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами, какого-нибудь лѣнтяя, котораго всѣ обижаютъ, да и осыпаетъ его, ни съ того, ни съ сего разнымъ добромъ, а онъ, знай, кушаетъ себѣ да наряжается въ готовое платье, а потомъ женится на какой-нибудь неслышанной красавицѣ, Милитрисѣ Кирбитьевнѣ». Н. «искусно избѣгала въ разсказѣ всего, что существуетъ на самомъ дѣлѣ». Она повѣствовала «о подвигахъ нашихъ Ахилловъ и Улиссовъ, объ удали Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, о Полканѣ-богатырѣ, о Колечицѣ прохожемъ, о томъ, какъ они странствовали по Руси, побивали несмѣтные полчища басурмановъ, какъ состязались въ томъ, кто однимъ духомъ выпьетъ чару зелена-вина и не крикнетъ; потомъ говорила о злыхъ разбойникахъ, о спящихъ царевнахъ, окаменѣлыхъ городахъ и людяхъ; наконецъ, переходила къ нашей демонологіи, къ мертвецамъ, къ чудовищамъ и къ оборотнямъ». «Она съ простотою и добродушиемъ Гомера, съ той же животрепещущею вѣрностью подробностей и рельефностью картинъ, влагала въ дѣтскую память и воображеніе Илладу русской жизни, созданную нашими гомеридами тѣхъ туманныхъ временъ, когда человѣкъ еще не ладилъ съ опасностями и тайнами природы и жизни, когда онъ трепеталъ и передъ оборотнемъ, и передъ лѣшимъ, и у Алеши Поповича искалъ защиты отъ окружавшихъ его бѣдъ, когда и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ лѣсу, и въ полѣ, царствовали чудеса».

Обломовъ, Андрей («Обломовъ»).—Сынъ Ильи Ильича и Агафьи Матвѣевны.

Обломовъ, Илья Ильичъ («Обломовъ»).—Дворянинъ «изъ нѣкогда богатаго и знаменитаго, стараго, но «обдѣвшаго рода», «единственный обладатель» «трехсотъ-пятидесяти душъ» «въ одной изъ отдаленныхъ губерній, чуть не въ Азій, и трехъ или четырехъ «разбросанныхъ деревень». Коллежскій секретарь въ отставкѣ. Родился и воспитывался «въ нѣдрахъ провинціи». До пятнадцати лѣтъ учился «въ пансіонѣ» (у Штольца), потомъ «прослѣдилъ курсъ наукъ до конца», въ Московскомъ университетѣ. Человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ отъ роду [въ началѣ романа], средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица». «Мягкость» была господствующимъ и основнымъ выраженіемъ не лица только, а всей души»; «душа такъ открыто и ясно свѣтилась въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ движеніи головы, руки. И поверхностно-наблюдательный холодный человѣкъ, взглянувъ мимоходомъ на О., сказалъ-бы: Добрякъ долженъ быть, простота! человѣкъ поглубже и посимпатичнѣе, долго вглядываясь въ лицо его, отошелъ бы въ пріятномъ раздумьѣ, съ улыбкой». Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ румяный, ни смуглый, ни положительно-блѣдный, а безразличный, или казался такимъ, можетъ-быть, потому, что О. какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ». Вообще же тѣло его, судя по матовому, черезчуръ блѣлому цвѣту

шей, маленькихъ пухлыхъ рукъ, мягкихъ плечъ, казалось слишкомъ изнѣженнымъ для мужчины». — «Прежде, говорилъ Захаръ, — вы были какъ огурчикъ, а теперь, какъ сидите, Богъ знаетъ, на что похожи». «Движенія» О., «когда онъ былъ даже встревоженъ, сдерживались мягкостью и не лишнюю своего рода граціей». «Настоящій восточный халатъ, безъ малѣйшаго намека на Европу, безъ кистей, безъ бархата, безъ тали» — обычный «домашній костюмъ» О-а — «шелъ къ покойнымъ чертамъ лица его и къ изнѣженному тѣлу». «Онъ любилъ просторъ и при-волье»: находилъ, что сапоги «зудятъ ноги» и потому «дома ходилъ въ туфляхъ». «Эти туфли были длинныя, мягкія и широкія», т. ч., когда онъ, не глядя, опускалъ ноги съ постели на полъ, то непременно попадалъ въ нихъ сразу». На вопросъ Штольца, — «къ какому разряду общества» О. причисляетъ себя, Илья Ильичъ отвѣтилъ: — «Спроси у Захара». Захаръ сказалъ, что Илья Ильичъ — «баринъ». Самъ Илья Ильичъ чувствовалъ, что онъ баринъ. Онъ говорилъ Захару голосомъ оскорбленнаго и неощеннаго по достоинству человѣка: — «Забочусь день и ночь, тружусь, иногда голова горитъ, сердце замираетъ, но ночамъ не спишь, ворочаешься, все думаешь, какъ бы лучше... а о комъ? Для кого? Все для васъ, для крестьянъ; стало-быть, и для тебя». «...Думаю все крѣпкую думу, чтобы крестьяне не потерѣли ни въ чемъ нужды, чтобы не позавидовали чужимъ, чтобы не плакались на меня Господу Богу на страшномъ судѣ, а молились-бы, да поминали меня добромъ». Онъ былъ «воспитанъ ибжно», «ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался». «Развѣ я могу все это дѣлать и перенести?» — говорилъ онъ Захару. — «Изволили же чѣмъ нибудь заниматься», «нельзя-чтобъ»... — «Можно, Иванъ Матвѣичъ: вотъ вамъ живое доказательство — я!» — отвѣтилъ О. Мухоярову. «Онъ не приспособился къ дѣлу», «а сдѣлался просто бариномъ». По словамъ Пшеницыной, «онъ баринъ, онъ сияетъ, блещетъ!» «Онъ можетъ ничего не дѣлать и не дѣлаетъ, ему дѣлаютъ все другіе: у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ». «Старинная связь была не-постребима между» О. и Захаромъ. «Онъ выгналъ трудъ изъ своей жизни». Онъ родился и выросъ въ Обломовкѣ, гдѣ былъ «вѣчный праздникъ», гдѣ сбывали «съ плечъ работу, какъ иго». — «Работай, да работай, какъ лошадь! Къ чему? Я сытъ, одѣтъ...», — разсуждалъ О. самъ съ собою. «Илья Ильичъ кушалъ аппетитно и много, какъ въ Обломовкѣ, ходилъ и работалъ лѣнливо и мало, тоже какъ въ Обломовкѣ. Въ дѣтствѣ ему не позволяли «сдѣлать что-нибудь самому для себя»: — «Зачѣмъ? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что?» — кричали отецъ, и мать, и три тетки. «Онъ только-что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка» и, «какъ бывало нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Ильюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть-что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ». «Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку». «Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобы не слишкомъ беспокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши по утру, умыться и т. п.». «Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть — ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе». «Побѣжить ли онъ съ лѣстницы, или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздастся въ десять отчаянныхъ голо-совъ: — «Ахъ, ахъ! Поддержите, остановите! Упадеть, расшибется... стой, стой!» «Послѣ онъ нашелъ что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать»: — «Эй, Васька! Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!» «О. не могъ себѣ представить, какъ жить безъ халата, безъ Захара и Тарантьева, надѣвать самому чулки и снимать съ себя сапоги». Онъ «не умѣлъ ни встать, ни лечь спать, ни быть причесаннымъ и обутымъ, ни отоѣдать безъ помощи Захара», «не могъ отыскать носового платка въ постели, на которомъ самъ же лежалъ». «Захаръ его будилъ, одѣвалъ, умывалъ», бралъ «со

столика гребенку и щётки», помадилъ «ему голову, дѣлалъ проборъ» и «потомъ причесывалъ щёткой». Онъ гордился тѣмъ, что не похожъ на другихъ. «Низведеніе» его Захаромъ «до степени другого», кровно обидѣло Илью Ильича:—«Я другой!» Да развѣ я мечусь, развѣ работаю? Мало ѣмъ, что ли?»—говорилъ онъ Захару.—«Худошавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать—есть кому! Я ни разу не патянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я беспокоиться? Изъ чего мнѣ?»—«Что такое другой?»—продолжалъ О.:—«Другой есть такой человекъ, который самъ себѣ сапоги чистить, одѣвается самъ, хоть иногда и бариномъ смотреть, да вретъ, онъ и не знаетъ, что такое прислуга; послать некого—самъ сбѣгаетъ за чѣмъ нужно: и дрова въ печкѣ самъ помѣшаетъ, иногда и пыль «ототретъ»... «Онъ гордился тѣмъ, что у него нѣтъ пустыхъ желаній и мыслей, что онъ не мыкается», а можетъ лежа «сохранять свое человѣческое достоинство и покой». «Онъ походитъ, походить по комнатѣ, потомъ ляжетъ и смотреть въ потолокъ», «зѣвнетъ и начнетъ барабанить пальцами по столу». «О. если онъ былъ дома, все лежалъ и все постоянно въ одной комнатѣ»; въ другія комнаты своей квартиры Илья Ильичъ заглядывалъ утромъ развѣ и то не всякій день». «Лежанье у О. «не было ни необходимостью, какъ у больного, или какъ у человека, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было нормальнымъ состояніемъ». Лежа, «онъ «думалъ», «мечталъ», «строилъ планы», «философствовалъ». Онъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ сталъ создавать въ умѣ планъ разныхъ переменъ и улучшеній въ порядкѣ управленія своимъ имѣніемъ». «Нерѣдко сонъ прерывалъ медленный и лѣнивый потокъ его мыслей», и Захаръ «не могъ его добудиться».—«Ну, сдѣлай же такую милость, не мѣшай,—убѣдительно говорилъ О. (Захару), открывая глаза».—«Да, сдѣлай вамъ милость, а послѣ сами же будете гнѣваться, что не разбудилъ»...—«Ахъ, ты, Боже мой! что это за человекъ!»—говорилъ О.—«Ну, дай хоть минутку соснуть; ну, что это такое, одна минута? Я самъ знаю»... Илья Ильичъ вдругъ смолкъ, внезапно пораженный сномъ.—«Знаешь ты дрыхнуть!»—«Экъ, спить-то! сказалъ Захаръ:—словно каменщикъ!» — «Точно комъ тѣста свернулся и лежишь», — говорилъ ему укоризненно Штольцъ. «Баловень, сибаритъ», — называлъ О. Волковъ. «Неисправимый, беззаботный лѣнивонецъ», — по отзыву Пенкина. «Онъ испыталъ чувство мирной радости, что онъ, съ девяти до трехъ, съ восьми до девяти, можетъ пробыть у себя на диванѣ, и гордился, что не надо идти съ докладомъ, писать бумагу, что есть просторъ его чувству, воображенію». Онъ радовался, что у него и «чернила засохли и пера не видать», что онъ можетъ лежать «беззаботенъ какъ новорожденный ребенокъ. Онъ находилъ, что ему къ лицу покой, хотя и скучный, сонный». Штольцъ вовсе не замѣтилъ книгъ въ квартирѣ О. Лежавшая на столѣ, единственная книга («Путешествіе въ Африку»), хотя и была развернута, но страница, на которой О. «остановился», по словамъ Штольца, залпеснѣвъла». На бюро О. «стояла чернильница, но если обмакнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только, съ жужжаньемъ испуганная муха». Когда нужно было писать письмо, Захаръ развелъ квасомъ засохшія чернила и принесъ четвертушку листа, которымъ О. на ночь «закрывалъ стаканъ отъ мухъ». Газетъ Илья Ильичъ не читалъ:—«И нѣтъ надобности»,—говорилъ онъ:—если что нибудь новое, дѣлйй день со всѣхъ сторонъ только и слышишь объ одномъ». Ему приносили «вѣсти извнѣ» Тарантьевъ и Алексѣевъ, позднѣе одинъ Алексѣевъ.—«Ты, философъ, Илья!—замѣтилъ Штольцъ».—«Всѣ хлопчутъ, только тебѣ ничего не надо!»—«Въ одну изъ ясныхъ, сознательныхъ минутъ» у О. «формировалась идея, совсѣмъ противоположная той, которую онъ далъ Захару о другомъ». Самъ Илья Ильичъ въ сознательную минуту говорилъ о себѣ:—«Наше имя легионъ». У О. отсутствовало самолюбіе, «соль жизни».—«Да я какой-то»,—думалъ онъ въ робкомъ уныніи» (подслушавъ разговоръ «франтовъ» въ театрѣ).—«Меня

знаютъ потому, что я другъ Штольца». ...«Я что такое? Обломовъ—бедше ничего. Вотъ Штолецъ—другое дѣло... А я? Я и съ Захаромъ не управлюсь... и съ собой тоже... я—Обломовъ». —«Да, я баринъ, и дѣлать ничего не умѣю!» — признался онъ Мухоярову. О. служилъ «въ департаментъ», но, по его словамъ, не зналъ, «какъ дѣло дѣлается въ департаментахъ», «какъ отворяются двери въ палату; не зналъ, что такое уѣздный судъ». О. не вѣдалъ, сколько у него оброчныхъ, сколько платятъ они. «Я не знаю,—говорилъ онъ Мухоярову,—что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значить бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значить четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что свють и жнутъ, какъ и когда продають». —«Не знаю, богатъ ли я, или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ, или буду нищій—я ничего не знаю!»—заключилъ онъ съ уныніемъ». По словамъ Штольца, свое «умѣнье работать» О. «затерялъ еще въ дѣтствѣ, въ Обломовкѣ, среди тетокъ, мянекъ и дядекъ». Онъ не видѣлъ цѣли своей жизни: — «Какая у меня цѣль! Нѣтъ ея»,—сказалъ О. Ольгѣ. —«Когда не знаешь, для чего живешь, такъ живешь какъ-нибудь, день за днемъ; радуешься, что день прошелъ, что ночь пришла, и во снѣ погрузишь скучный вопросъ о томъ, зачѣмъ жилъ этотъ день, зачѣмъ будешь жить завтра». —«Зачѣмъ жилъ!»—повторила она. —«Развѣ можетъ быть чье-нибудь существованіе ненужнымъ?» —«Можетъ. Напримѣръ, мое»,—сказалъ онъ». «Онъ не ждалъ никого и ничего, ни отъ дня, ни отъ ночи». Позднѣе «скука вѣблась въ его глаза и выглядывала оттуда, какъ немощъ какая-нибудь». О. признавался, что ему «и жить-то лѣнь».

«Больше всего любилъ онъ мечтать». Мать Обломова «любила разговаривать съ домашними «о будущности Ильюши», ставила его героемъ какой-нибудь созданной ею блестящей эпопеи»; родные сулили ему «золотыя горы». «Онъ былъ полонъ разныхъ стремленій, все чего-то надѣялся, ждалъ многого и отъ судьбы, и отъ самого себя. О. мечталъ о будущей службѣ и «жестоко разочаровался въ первый же день своей службы»; мечталъ «о роли въ обществѣ», но скоро ему стало тяжело «пробыть цѣлый день одѣтымъ, потомъ онъ лѣнился обѣдаль въ гостяхъ, кромѣ коротко знакомыхъ, больше холостыхъ домовъ, гдѣ можно снять галстукъ, растегнуть жилетъ и гдѣ можно даже повалиться или соснуть часокъ. Вскорѣ и вечера надоѣли ему: надо надѣвать фракъ, каждый день бриться». «Рѣдко судьба сталкивала его съ женщиной въ обществѣ до такой степени, чтобъ онъ могъ вспыхнуть на нѣсколько дней и почестъ себя влюбленнымъ. Отъ этого его любовныя интриги не разыгрывались въ романы: онъ оставались въ самомъ началѣ и своею невинностью, простотой и чистотой не уступали повѣстямъ любви какой-нибудь пансіонерки на возрастѣ». Въ мечтахъ онъ видѣлъ женщину-божество, жену»; «ему грезилось счастье съ любимой женщиной». Въ мечтахъ онъ «жаждалъ» своего дома, жены и дѣтей. «О., среди лѣниваго лежанья въ лѣнивыхъ позахъ, среди тупой дремоты и среди вдохновенныхъ порывовъ, на первомъ планѣ всегда грезилась женщина, какъ жена, и иногда—какъ любовница». «Въ мечтахъ передъ нимъ носился образъ высокой, стройной женщины, съ покойно-сложенными на груди руками, съ тихимъ, но гордымъ взглядомъ, небрежно-сидящей среди плочей въ боскетѣ, легко-ступающей по ковру, по песку аллеи, съ колеблющейся таліей, съ граціозно-положенной на плечи головой, съ задумчивымъ выраженіемъ—какъ идеаль, какъ воплощеніе цѣлой жизни, исполненной нѣги и торжественнаго покоя, какъ самъ покой». [Онъ и въ Ольгѣ хотѣлъ видѣть идеаль такого покоя]. Онъ жаждалъ испытать «теплоту любви», но «безъ потрясающихъ взрывовъ». —«Страсть! все это хорошо въ стихахъ, да на сценѣ, гдѣ, въ плащахъ, съ ножами, расхаживаютъ актёры, а потомъ идутъ, и убитые, и убійцы вмѣстѣ ужинать...» «Хорошо если бѣ и страсти такъ кончались, а то послѣ нихъ остаются: дымъ, смрадь, а счастья нѣтъ! Воспоминанія—одинъ только стыдъ и рваніе волосъ». «Стыдъ» «до гробовой доски» и «горе» испыталъ онъ послѣ разлуки съ Ольгой. Онъ мечталъ о гордо-стыдливой подругѣ на всю жизнь. О свадьбѣ у него составилъ

свой поэтическій идеаль: «длинное покрывало, померанцевая вѣтка, шопоть толпы», но свадьба, «вѣнецъ счастья» потеряла для него поэзію, когда о ней «заговорили лакеи, кучера». «И все поблекло, отошло». Онъ считалъ нормой любви», тайной цѣлью всякаго и всякой—найти въ своемъ другѣ неизмѣнную фізіономію покоя, вѣчное, ровное теченіе чувства».—«Ахъ, если бы испытать эту теплоту любви, да не испытать ея тревогъ!» восклицалъ О. Онъ двѣнадцать лѣтъ собирался поѣхать въ свою Обломовку, но онъ и во снѣ видѣлъ «чудный, благословенный уголокъ земли, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей», «райское, желанное житіе».—«Боже! Боже!—прошепталъ онъ отъ полноты счастья и очнулся». «Они же грезились ему на яву». Въ минуты счастья, предъ нимъ распахнулась, свѣтлая, какъ праздникъ Обломовка, вся въ блескѣ, въ солнечныхъ лучахъ, съ зелеными холмами, съ серебряной рѣчкой». Онъ любилъ вообразить себя иногда какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Ерусланъ Лазаревичъ ничего не значать»; онъ «воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія». «Или избересть онъ арену мыслителя, великаго художника, всѣ поклоняются ему; онъ пожинаетъ лавры; толпа гоняется за нимъ»... «Услужливая мечта носила его легко и вольно», и она была «ярка, жива и поэтична». «Воображеніе и умъ, проникшись (съ дѣтства) вымысломъ, остались у него въ рабствѣ». Онъ «и знаетъ, что нѣтъ медовыхъ и молочныхъ рѣкъ, нѣтъ добрыхъ волшебницъ, хотя и шутить онъ съ улыбкой надъ сказаніями няни, но улыбка это не искренняя, она сопровождается тайнымъ вздохомъ: сказка у него смѣшалась съ жизнью, и онъ безсознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка». «Онъ невольно мечтаетъ о Милитрисѣ Кирбитьевнѣ; его все тянетъ въ ту сторону, гдѣ только и знаютъ, что гуляютъ, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей; у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ, незаработанномъ платьѣ и поѣсть насчетъ доброй волшебницы». «Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала въ глазахъ, садилась на полудотворенныя губы, пряталась въ складкахъ лба, потомъ совсѣмъ пропадала, и тогда во всемъ лицѣ теплился ровный свѣтъ безопасности. Съ лица безопасность переходила въ позы всего тѣла, даже въ складки плафрока». «Въ петербургской жизни» ему не нравилось «все»: вѣчная бѣготня взапуски, вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиванья другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, шелчки другъ-другу, это оглядыванье съ ногъ до головы, послушаешь о чемъ говорятъ, такъ голова закружится, одурѣешь». Въ свѣтѣ и обществѣ онъ видѣлъ «мертвецовъ, спящихъ людей», хуже его самого. Онъ находилъ, что нѣтъ здѣсь жизни, «а лишь искаженіе нормы, идеала жизни, который указала природа цѣлью человѣку». На вопросъ Штольца—«какой же это идеаль, норма жизни?»—О. не отвѣчалъ, но онъ нарисовалъ Штольцу свой «поэтическій идеаль жизни».—«Нѣтъ, это не жизнь! сказалъ Штолецъ».—«Какъ не жизнь? Чего тутъ нѣтъ? Ты подумай, что ты не увидалъ бы ни одного блѣднаго, страдальческаго лица, никакой заботы, ни одного вопроса о сенатѣ, о биржѣ, объ акціяхъ, о докладахъ, о приѣмѣ у министровъ, о чинахъ, о прибавкѣ столовыхъ денегъ. А все разговоры по душѣ». Жизнь въ его глазахъ раздѣлялась на двѣ половины: «одна состояла изъ труда и скуки—это у него были синонимы; другая изъ покоя и мирнаго веселья». Онъ съ дѣтства не былъ приготовленъ къ жизни, «какъ къ чему то нешуточному». «Дѣйствительность казалась ему какой-то кузницей»: «тутъ вѣчно пламя, трескотня, жаръ, шумъ... когда же пожить?» О. былъ убѣжденъ, что «всѣ ищутъ отдыха и покоя».—«Съ бурями я не управлюсь», писалъ онъ Ольгѣ. Въ молодые годы онъ «никогда не отдавался въ плѣнъ красавицамъ, никогда не былъ ихъ рабомъ, даже очень прилежнымъ поклонникомъ», уже и потому, что къ сближенію съ женщинами ведутъ большіе хлопоты». Больше всего онъ боялся всякихъ хлопотъ. Онъ терялся въ приливѣ житейскихъ заботъ». Необходимость переѣзда на новую квартиру, составляла для О. уже «несчастье», поѣздка въ деревню—подвигъ. Необходи-

мость переѣзда на новую квартиру и поѣздки въ деревню, составляли уже «два несчастья». Онъ просилъ совѣта у всѣхъ приходившихъ къ нему знакомыхъ.— «Я тутъ спину и бока протеръ отъ этихъ хлопотъ»,—жаловался онъ Штольцу.— «И что это за жизнь, все волненія, да тревоги! Когда же будетъ мирное счастье, покой?» Передъ свадьбой онъ «до холодного пота» думалъ, гдѣ взять денегъ. «Взять въ долгъ?» «Какъ можно! А какъ не отдашь въ срокъ? если дѣла пойдутъ плохо, тогда подадутъ ко взысканію, и имя Обломова, до сихъ поръ неприкосновенное... Боже сохрани! Тогда прощай его спокойствіе, гордость... нѣтъ, нѣтъ! Другіе займутъ, да потомъ и мечутся, работаютъ, не спятъ, точно демона впустить въ себя. Да, долгъ—это демонъ, бѣсъ, котораго ничѣмъ не изгонишь, кромѣ денегъ!» «Послѣдствія его—или неисходный трудъ, какъ каторжнаго, или безчестіе».—«Счастье, счастье!—ѣдко проговорилъ онъ. Какъ ты хрупко какъ ненадежно! Покрывало, вѣнокъ, любовь, любовь! А деньги гдѣ? а жить чѣмъ? И тебя надо купить, любовь, чистое, законное благо». Тревоги любви, «любовь-оспа» утомляли его и онъ «все доискивался нормы жизни, такого существованія, которое было бы и исполнено содержанія, и текло бы тихо, день за днемъ, капля по каплѣ, въ нѣмомъ созерцаніи природы и тихихъ, едва ползущихъ явленіяхъ семейной, мирно-хлопотливой жизни. Ему не хотѣлось воображать ее широкой, шумно-несущейся рѣкой, съ кипучими волнами, какъ воображалъ ее Штольцъ».—«Это болѣзнь»,—говорилъ О.:—горячка, скаканье съ порогамъ, съ прорывами плотинъ, съ наводненіями.

«Спокойствіе и апатія» были нормальнымъ состояніемъ О.—«Эхъ ты, мѣшокъ!»—«Не человѣкъ: просто солома!»—говорилъ объ О. Тарантьевъ. Онъ проявлялъ апатію и спокойствіе къ грубости и наглости Тарантьева. Характеръ у него былъ «робкій, апатическій». «Нерѣшительность» О. пугала Ольгу. Онъ вообще не любилъ «сильныхъ средствъ»:—«Какія ты все сильныя средства предлагаешь: нѣтъ, чтобы придержаться середины!»—говоритъ онъ Тарантьеву.—«Вонъ вѣдь ты все какія сильныя средства прописываешь!»—замѣтилъ О. уныло Штольцу. На службѣ Илья Ильичъ вдругъ робѣлъ, самъ не зная отчего, когда начальникъ входилъ въ комнату, и у него сталъ пропадать свой голосъ и являлся какой то другой, тоненькій и гадкій, какъ скоро заговаривалъ съ нимъ начальникъ». Послѣ того, какъ О. отправилъ однажды какую-то нужную бумагу, вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ», «Илья Ильичъ перепугался», «не дождался заслуженной кары, ушелъ домой и прислалъ медицинское свидѣтельство». «При первомъ намекѣ Тарантьева на скандальное дѣло, (на отношенія Обломова къ Агафѣѣ Матвѣевѣ) Илья Ильичъ вспыхнулъ и сконфузился; потомъ пошли на мировую, потомъ выпили всѣ трое, и О. подписалъ заемное письмо, срокомъ на четыре года». «Если онъ чегонибудь и желалъ, то «желалъ, чтобъ это сдѣлалось какънибудь, само собой». Когда на лицо О. «набѣгала изъ души туча заботы, взглядъ туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнѣній, печали, испуга; но рѣдко тревога эта застывала въ формѣ опредѣленной идеи, еще рѣже превращалась въ намѣреніе. Вся тревога разрѣшалась вздохомъ и замирала въ апатіи или въ дремотѣ». «Безъ чужой помощи, мысль или намѣреніе у него не созрѣло бы и, какъ спѣлое яблоко, не упало бы никогда само собою: надо его сорвать». Штольцу удалось продержатъ О. (въ университетѣ) «подъ ферулой мысли науки». Онъ учился по англійски, переводилъ изъ Ся, «запираясь съ учителемъ» занимался математикой, хотѣлъ заглянуть въ германскіе университеты, «хотѣлъ обѣхать чужіе края, чтобъ лучше знать и любить свой. «Вся жизнь есть мысль и трудъ», твердилъ онъ тогда: «трудъ хоть безвѣстный, темный, но непрерывный», чтобы умереть съ сознаниемъ, что сдѣлалъ свое дѣло». И у О. были замыслы «служить, пока станеть сила, потому что Россіи нужны руки и головы для разработыванія неистощимыхъ источниковъ»; «работать, чтобъ слаще отдыхать, а отдыхать—значить жить другой, артистической, изящной стороною жизни, жизни художниковъ, поэтовъ». «Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеоб-

щихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ душѣ плакалъ, въ иную пору, надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленіе куда-то въ даль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ... При Штольцѣ «онъ былъ готовъ на все», а безъ него «гаснулъ». Штольцъ «не давалъ ему заснуть», возился съ нимъ, «какъ съ пьяницей» («чуть съ глазъ долой,—прощай, опять заснулъ!»).—«Съ тобою, я, б. ж. пойду, а одинъ, не сдвинусь съ мѣста! говорилъ О.—Нѣтъ тебя—я гасну, падаю!»—говорилъ О. Ольгѣ. «Охлажденіе овладѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченіе». Въ юные годы, «услышавъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ произведеніи—у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ—и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотрѣвъ, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, и книга лежитъ подле него, недочитанная, непонятая». «Интересы» обитателей Обломовки были сосредоточены на нихъ самихъ, не перекрещивались и не соприкасались ни съ чѣмъ». О., «измѣнивъ службѣ и обществу», «иначе рѣшилъ задачу существованія: открылъ, что горизонтъ его дѣятельности и житья-бытья кроется въ немъ самомъ». Онъ понялъ, что ему досталось въ удѣлъ семейное счастье и заботы объ имѣніи.—«У меня имѣніе на рукахъ,—со вздохомъ сказалъ О.» Судьбинскому.—«Я соображаю новый планъ: разныя улучшенія ввожу. Мучаюсь, мучаюсь»... «Основная идея плана, расположеніе, главныя части—все давно готово у него въ головѣ; остались только подробности, смѣты и цифры». На вопросъ Штольца, почему онъ не женится, О. отвѣчалъ, вздохнувъ:—«Что дѣлать, не судьба,—сказалъ О., вздохнувъ.—Состояніе не позволяетъ».—«Помилуй, а Обломовка? Триста душъ!»—«Такъ что-жь? Чѣмъ тутъ жить, съ женой?»—«И годы не позволяють!»—прибавлялъ О., но онъ съ юности «до того былъ проникнуть семейнымъ началомъ, что и будущая служба представлялась ему въ видѣ какого-то семейнаго занятія, въ родѣ, на примѣръ, записыванья въ тетрадку прихода и расхода, какъ дѣлывалъ его отецъ». «Онъ полагалъ, что чиновники одного мѣста составляли между собою дружную, тѣсную семью, неусыпно пекущуюся о взаимномъ спокойствіи и удовольствіяхъ, что посѣщеніе присутственнаго мѣста отнюдь не есть обязательная привычка, которой надо придерживаться ежедневно, и что слякоть, жара, или просто, нерасположеніе, всегда будутъ служить достаточными и законными предлогами къ нехожденію въ должность». «О начальникъ онъ слышалъ у себя дома, что это отецъ подчиненныхъ, и потому составилъ себѣ самое смѣющее, самое семейное понятіе объ этомъ лицѣ. Онъ его представлялъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ второго отца, который только и дышитъ тѣмъ, какъ бы за дѣло и не за дѣло, сплошь да рядомъ, награждать своихъ подчиненныхъ и заботиться не только о ихъ нуждахъ, но и объ удовольствіяхъ». «Илья Ильичъ думалъ, что начальникъ до того входитъ въ положеніе своего подчиненнаго, что заботливо разспроситъ его: каково онъ почивалъ ночью, отчего у него мутные глаза, и не болитъ ли голова?» «Годы смѣнялись годами», а О. все еще готовился къ поприщу, къ роли; онъ все еще стоялъ у порога своей арены, тамъ же, гдѣ былъ десять лѣтъ назадъ». «Онъ все сбирался и готовился начать жить, все рисовалъ въ умѣ взоръ своей будущности; но съ каждымъ мелькавшимъ надъ его головой годомъ долженъ былъ, что нибудь измѣнять и отбрасывать въ этомъ взорѣ». Онъ вообще ни въ чемъ не любилъ спѣшить. «Онъ, какъ только проснулся, тотчасъ же вознамѣрился встать, умыться и, напившись чаю, подумать хорошенько, кое-что сообразить, записать и вообще заняться» «дѣломъ какъ слѣдуетъ». «Съ полчаса онъ все лежалъ, мучась этимъ намѣреніемъ, но потомъ, разсудивъ, что успеетъ еще сдѣлать это и послѣ чаю, а чай можно пить, по обыкновенію, въ постели, тѣмъ болѣе, что ничто не мѣшаетъ думать и лежать». «Такъ и сдѣлалъ. Послѣ чаю онъ уже приподнялся съ своего ложа и чуть-было не всталъ; поглядывая на туфли, онъ даже началъ спускать къ нимъ ногу съ постели, но тотчасъ же опять подобралъ ее», и остался лежать. Онъ каждый

день все собирался «какъ слѣдуетъ заняться своими дѣлами». — «Вонъ, три часа бьеть! Два часа только до обѣда, что успѣешь сдѣлать въ два часа? — Ничего. А дѣла куча. Такъ и быть, письмо отложу до слѣдующей почты, а планъ набросаю завтра». — «Э, да чортъ съ нимъ совсѣмъ, съ письмомъ-то! Ломать голову изъ-за такихъ пустяковъ!» Онъ разорвалъ письмо на четыре части и бросилъ на полъ». — «Ну, — говорилъ О. Захару, — я теперь прилягу немного: измучился совсѣмъ; ты опусти шторы, да затвори меня поплотнѣе, чтобъ не мѣшали; можетъ-быть, я съ часикъ и усну; а въ половинѣ пятого разбуди». «Захаръ тщетно будилъ О.: — «Оставь меня въ покоѣ! сказалъ онъ важно». «Я велѣлъ тебѣ будить меня, а теперь отмѣняю приказаніе — слышишь-ли? Я самъ проснусь, когда мнѣ вздумается». Деревенскій сосѣдъ извѣщалъ О — а, что его домъ «очень плохъ», но онъ не спѣшилъ съ постройкой новаго». — «Такъ садись, пиши просьбу, завтра и подашь», сказалъ Штольцъ. — «Вотъ ужъ и завтра! началъ О.». — «Какая у нихъ торопливость, точно гонить ктонибудь! Подумаемъ, поговоримъ, а тамъ, что Богъ дастъ!» Собираясь въ гости, «минуть черезъ десять Штольцъ вышелъ одѣтый, обритый, причесанный, а О. меланхолически сидѣлъ на постели, медленно застегивая грудь рубашки и не попадая пуговкой въ петлю. Предъ нимъ, на одномъ колѣнѣ, стоялъ Захаръ съ нечищеннымъ салогомъ, какъ съ какимъ-нибудь блюдомъ, готовясь надѣвать и ожидая, когда баринъ кончитъ застегиванье груди». Онъ и свадьбу съ Ольгой все откладывалъ: сначала на четыре мѣсяца, потомъ на годъ.

«На свою собственность онъ имѣлъ холодное воззрѣніе». Въ свою деревню «онъ не заглядывалъ», не вѣдалъ «хорошенько ни дохода, ни расхода своего, не составляя никогда бюджета». — «Сколько бишь я прошлый годъ получилъ? — спросилъ онъ, глядя на Алексѣева. — Я не говорилъ вамъ тогда?» Алексѣевъ обратилъ глаза къ потолку и задумался. — «Надо Штольца спросить, какъ пріѣдетъ, — продолжалъ О.: — кажется, тысячъ семь, восемь... худо не записывать!» Онъ не считалъ сколько у него «денегъ въ карманѣ». Когда Штольцъ попросилъ Илью Ильича дать ему пятьсотъ рублей «до завтра», О. «началъ шарить по ящикамъ», вспоминая: — «Недавно изъ деревни прислали тысячу, а теперь осталось... вотъ, погоди... — «Вотъ тутъ... десять, двадцать, вотъ двѣсти рублей... да вотъ двадцать... Еще тутъ мѣдныя были»... И, съ помощію Захара, началъ искать на столѣ «двѣ гривны». Но онъ сердился всякій разъ, когда приходилось заразъ платить много денегъ. — «Этакая куча денегъ! Говорилъ, чтобъ понемножку платить — нѣтъ, норовитъ все вдругъ... народецъ!» говорилъ онъ, когда Захаръ принесъ счетъ лавочника. Припоминая, куда вышли деньги, «онъ задумчиво и вопросительно глядѣлъ на Захара. Захаръ угрюмо смотрѣлъ на него. — «Не помнишь ли Анисья? — спросилъ О.» — «Гдѣ дурѣ помнить? Что баба знаетъ? — съ презрѣніемъ сказалъ Захаръ». — «Не припомню! — съ тоской заключилъ Обломовъ: — ужъ не воры ли были?» — «Кабы воры, такъ все бы взяли, — сказалъ Захаръ уходя». «Сначала онъ и не замѣчалъ», въ какіе «попалъ тиски», выдавъ заемное письмо Мухоярову, и только тогда, когда Агафья Матвѣевна заявила, что «истратила послѣднія семь гривенъ и пришла къ нему сказать, что у ней денегъ нѣтъ», «онъ три раза перевернулся на диванѣ отъ этого извѣстія, потомъ посмотрѣлъ въ ящикъ къ себѣ: и у него ничего не было. Сталъ припоминать, куда ихъ дѣлъ, и ничего не припомнилъ; пошарилъ на столѣ рукой, нѣтъ ли мѣдныхъ денегъ, спросилъ Захара, тотъ и во снѣ не видалъ». Онъ и не подозрѣвалъ, что для него Агафья Матвѣевна закладывала свой жемчугъ, что въ домѣ «оставался всего полтинникъ», а въ лавкахъ въ долгъ не вѣрили. — «Надо другой обѣдъ изготовить (для Штольца), рѣшилъ О. — «Сыру швейцарскаго велите фунтъ взять! командовалъ онъ, не зная о средствахъ Агафьи Матвѣевны: — и больше ничего! Я извинюсь, скажу, что не ждали... Да если бѣ можно бульонъ какой-нибудь». — «А вина? — вдругъ вспомнилъ онъ: Она отвѣчала новымъ взглядомъ ужаса. — «Надо послать за лафитомъ, — хладнокровно заключилъ онъ». Своихъ дѣлъ по имѣнію О. «порядочно не зналъ (за него

иногда заботился Штольцъ». «Жизнь мужиковъ въ О—кѣ была запущена. Захаръ ходилъ «точно нищій», «постоянно съ прорѣхой подмышкой, откуда торчалъ клочокъ рубашки». Въ городской квартирѣ «все запылилось, полиняло и вообще лишено было живыхъ слѣдовъ человѣческаго присутствія». — «Грязи-то, грязи на нихъ! Эги Божьей не видно», — замѣтилъ даже, ничего вообще не замѣчавшій, Алексѣевъ, относительно окошекъ жилища Ильи Ильича. Волковъ, увидя лежащую кругомъ пыль, такъ и не присѣлъ у Обломова и «остался на ногахъ». «Зеркала, вмѣсто того, чтобъ «отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями, для записыванія на нихъ, по пыли, какихъ-нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ. На диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубрачная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки». «Если бъ не эта тарелка, да не прислоненная къ постели только что выкуренная трубка, или не самъ хозяинъ, лежащій на ней, то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ». — «Здѣсь таже Обломовка, только гаже, — замѣтилъ Штольцъ», оглядывая новое жилище Ильи Ильича. — «У тебя не хорошо: — какія низенькія комнаты! Окна маленькія, обои старые»... замѣтила Ольга, въ первый разъ увидя квартиру О. на Выборгской. Штольцъ примѣтилъ, что «на ногахъ Ильи Ильича былъ одинъ чулокъ нитяной, а другой бумажный», и «рубашка на-изнанку надѣта»; Захаръ объяснилъ, что «сапоги еще на той недѣлѣ чищены», т. к. «баринъ не выходилъ изъ дому». Самъ О., если гдѣ и бывалъ, то только у Ивана Герасимовича п. ч. у него можно сидѣть съ ногами на диванѣ, курить и слушать, какъ канарейки трещать». По признанію О., у И. Г. — а «какъ-то правильно, уютно въ домѣ. Комнаты маленькія, диваны такіе глубокіе: уйдешь съ головой и не видать человѣка. Окна совсѣмъ закрыты плющами, да кактусами, канареекъ больше дюжины, три собаки, такія добрыя! Закуска со стола не сходитъ. Гравюры все изображаютъ семейныя сцены. Придешь и уйти не хочется. Сидишь, не заботясь, не думая ни о чемъ, знаешь, что около тебя есть человѣкъ... конечно, немудрый, помѣняйся съ нимъ идеей нечего и думать, за то нехитрый, добрый, радушный, безъ претензій, и не уязвить, тебя за глаза». О. давно «отвыкъ» отъ общества; «въ тѣсной толпѣ ему было душно». «Гости къ нему заглядывали не часто», «на минуту». Со всѣми прежними знакомыми у О. «все болѣе и болѣе порывались живыя связи». «Имъ надо было платить взаимностью, принимать участіе въ томъ, что ихъ интересовало. Они купались въ людской толпѣ; всякій понималъ жизнь по-своему, какъ не хотѣлъ понимать ее О., а они путали въ нее и его: все это не нравилось ему, отталкивало его, было ему не по-душѣ». Илья Ильичъ прожилъ восемь лѣтъ въ одномъ домѣ на Горюховой и находилъ, что квартира, занимаемая имъ, вполне соответствовать его образу жизни и пріобрѣтенной привычкѣ». — «Гдѣ сыщешь другую такую?» — говорилъ Обломовъ: — «Квартира сухая, теплая; въ домѣ смирно: обокрали всего одинъ разъ! Вонъ, потолокъ, кажется, и не прочень: штукатурка совсѣмъ отстала, а все не валится», — объяснялъ О. — «Отъ всего близко, говорилъ Обломовъ: тутъ и магазины, и театръ, и знакомые... центръ города, все... — «Что-о? — перебилъ Тарантьевъ. — А давно ли ты ходилъ со двора, скажи-ка, давно ли ты былъ въ театрѣ? Къ какимъ знакомымъ, ходишь ты? На кой чортъ тебѣ этотъ театръ, позволь спросить?» — «Ну, какъ зачѣмъ? Мало ли зачѣмъ!» — «Оно бы и тутъ можно жить, да далеко отъ всего»... подумалъ онъ, послѣ того, какъ Тарантьевъ перевезъ вещи О. «къ своей кумѣ», на Выборгскую. Онъ самъ предпочиталъ «сидѣть на мѣстѣ»: — «И безъ насъ много; мало ли управляющихъ, приказчиковъ, купцовъ, чиновниковъ, у которыхъ нѣтъ угла? Пусть ѣдятъ себѣ!» «Онъ въ жизни совершилъ только одно путешествіе, на долгихъ, среди перинъ, ларцевъ, чемодановъ, окороковъ, булокъ, всякой жареной и вареной скотины и птицы и въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ». «Такъ онъ совершилъ единственную поѣздку изъ своей деревни до Москвы, и эту поѣздку взялъ за норму всѣхъ вообще путешествій. А теперъ, слышалъ онъ, такъ не ѣздить: надо скакать сло-

ми голову!» «Онъ терпѣть не могъ никакихъ переменъ»; онъ привыкъ ко своей комнатѣ, «къ своему халату», къ своему Захару. Онъ все собирался, по такъ и не собрался съѣздить въ Обломовку.

— «Трогаешь жизнь, вездѣ достаешь!» отрывисто восклицалъ О., «ворочаясь съ боку на бокъ». «Онъ терзался, мучился и, часто не находя прямыхъ отвѣтовъ на вопросы, «мысленно отдалялъ» тревожныя событія своей жизни, хоть на недѣлю—такъ какъ этимъ выигрывалась «цѣлая недѣля спокойствія» или успокаивался, что, «можетъ быть», «авось», «какъ-нибудь» все устроится. Въ примирительныхъ и успокоительныхъ словахъ авось, можетъ-быть и какъ-нибудь О. «находилъ всегда, цѣлый ковчегъ надеждъ и утѣшеній, какъ въ ковчегѣ завѣта отцовъ нашихъ». Штольцъ называлъ его «древнимъ». При вѣсти, что скоро и Обломовка «будетъ недалеко отъ большой дороги», О. испугался:—«Ахъ, Боже мой!—сказалъ О.—Этого еще недоставало! Обломовка была въ такомъ затѣнѣннѣ, въ сторонѣ, а теперь ярмарка, большая дорога! Мужики повадятся въ городъ, къ намъ будутъ таскаться купцы—все пропало! Бѣда!» «Штольцъ замѣялся».—«Какъ же не бѣда?—продолжалъ Обломовъ.—Мужики были такъ себѣ, ничего не слышно, ни хорошаго, ни дурного, дѣлаютъ свое дѣло, ни за чѣмъ не тянутся; а теперь развратятся! Пойдутъ чай, кофеи, бархатные штаны, гармоника, смазные сапоги... не будетъ проку!»—«Да, если это, такъ, конечно, мало проку,—замѣтилъ Штольцъ.—А ты заведи-ка школу въ деревнѣ»...—«Не рано-ли?—сказалъ О.:—грамотность вредна мужику: выучи его, такъ онъ, пожалуй, и пахать не станетъ»... На вопросъ Штольца, чтобы сдѣлалъ О., если ему подарили бы триста тысячъ:—«Сейчасъ же въ ломбардъ,—сказалъ Обломовъ:—и жилъ бы процентами».—«Тамъ мало процентовъ; отчего жъ бы куда-нибудь въ компанію, вотъ, хоть въ нашу?»—«Нѣтъ, Андрей, меня не надуетъ».—«Какъ, ты бы и мнѣ не повѣрилъ?»—«Ни за что; не то, что тебѣ, а все можетъ случиться: ну, какъ лопнетъ, вотъ я и безъ гроша. То ли дѣло въ банкъ?» О. не желалъ ѣздить по желѣзной дорогѣ, или на пароходѣ и, собираясь за границу, думалъ о покупкѣ тарантаса. Когда Штольцъ предложилъ дать обломовскимъ мужикамъ «паспорта, да и пустить на всѣ четыре стороны», О. возразилъ:—«Помилуй, этакъ, пожалуй, и всѣ захотятъ». «Въ Обломовкѣ мужики смиренные, домосѣды; что имъ шататься». «Худо быть безграмотнымъ!» сказалъ О. Захару.—«Прожилъ вѣкъ и безъ грамоты, слава Богу, не хуже другихъ!»—возразилъ Захаръ, глядя въ сторону». «Правду говоритъ Штольцъ, что надо завести школу въ деревнѣ!» подумалъ О.—«Вонъ, у Ильинскихъ былъ грамотный-то, сказывали люди,—продолжалъ Захаръ:—да серебро изъ буфета и стащилъ». «Прошу покорнѣйше!» трусливо подумалъ О. «Въ самомъ дѣлѣ, эти грамотеи—все такой безразвѣстный народъ: по трактирамъ, съ гармоникой, да чай... Нѣтъ, рано школы заводить!»... Чертя въ умѣ «планъ устройства имѣнія», онъ «даже придумалъ новую мѣру, построже, противъ лѣни и бродяжничества крестьянъ». Однако, когда Штольцъ замѣтилъ, что О. повторяетъ то, «что бывало у дѣдовъ и отцовъ»:—«Нѣтъ, не то, отвѣтилъ О. почти обидѣвшись:—«Гдѣ же это? Развѣ у меня жена сидѣла бы за вареньями, да за грибами? Развѣ считала бы тальки да разбирала деревенское полотно? Развѣ била бы дѣвокъ по щекамъ? Ты слышишь: ноты, книги, рояль, изящная мебель?»—«Ну, а ты самъ?»—«И самъ я прошлогднихъ бы газетъ не читалъ, въ колымагѣ бы не ѣздилъ, ѣлъ бы не лашу и гуся, а выучилъ бы повара въ англійскомъ клубѣ, или у посланника». Онъ иногда интересовался новостью, пяти-минутнымъ разговоромъ, потомъ, удовлетворенный этимъ, молчалъ», и «закрывъ глаза, думалъ о чемъ-то другомъ». Иногда О. наскучивало «быть одному и онъ чувствовалъ потребность выразиться, говорить, читать, разсуждать, проявить волненіе». Порой, въ «душѣ его» возникало «живое и ясное представленіе о человѣческой судьбѣ и назначеніи». «Увязъ, любезный другъ, по уши увязъ», думалъ О., провожая глазами Судьбинскаго. «И слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ для всего остального міра. А выйдетъ въ люди, будетъ современемъ ворочать дѣ-

лами, и чиповъ нахватаеть... У насъ это называется тоже карьерой! А какъ мало тутъ человѣка-то нужно: ума его, воли, чувства—зачѣмъ это? Роскошь! И прожить свой вѣкъ, и не пошевелится въ немъ многое, многое»... Случалось и то, что О. «исполнится презрѣніемъ къ людскому пороку, ко лжи, клеветѣ, къ разлитому въ міръ злу».—«Гдѣ же человѣчность-то?» задалъ О. вопросъ Пенкину.—«Вы одной головой хотите писать!—почти шишѣль Обломовъ.—Вы, Пенкинъ, думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобъ поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой,—тогда я стану васъ читать и склоню передъ вами голову... сказалъ онъ, улегшись» «спокойно на диванѣ.—Изображаютъ они вора, падшую женщину,—говорилъ онъ:—а человѣка-то забываютъ, или не умѣютъ изобразить. Какое же тутъ искусство, какія поэтическія краски напли вы? Обличайте развратъ, грязь, только, пожалуйста, безъ претензіи на поэзію».—«Человѣка, человѣка давайте мнѣ!—говорилъ Обломовъ:—любите его»...—«Любить ростовщика, ханжу, ворующаго или тупоумнаго чиновника—слышите? Что вы это? И видно, что вы не занимаетесь литературой!—горячился Пенкинъ.—Нѣтъ, ихъ надо карать, извергнуть изъ гражданской среды, изъ общества»...—«Извергнуть изъ гражданской среды!—вдругъ заговорилъ вдохновенно О., вставъ передъ Пенкинымъ.—Это значитъ забыть, что въ этомъ негодномъ сосудѣ присутствовало высшее начало; что онъ испорченный человѣкъ, но все человѣкъ же, то-есть вы сами. Извергнуть! А какъ вы извергнете изъ рукъ человечества, изъ лона природы, изъ милосердія Божія?—почти крикнулъ онъ съ пылающими глазами».—«Вонъ куда хватили!—въ свою очередь, съ изумленіемъ сказалъ Пенкинъ». «О. увидѣлъ, что и онъ далеко хватилъ. Онъ вдругъ смолкъ, постоялъ съ минуту, зѣвнулъ и медленно легъ на диванъ». «Онъ говорилъ съ воодушевленіемъ» тогда, когда извлекалъ изъ воображенія готовяго давно уже нарисованныя картины». Въ юные годы «только поэты задѣли его за живое». Онъ не могъ опредѣлить Штольцу «норму жизни», «идеала счастья», но онъ нарисовалъ ему поэтическую картину своего счастья. Въ дѣловомъ письмѣ онъ никакъ «не могъ сладить съ «которыми» и «что», но когда онъ писалъ письмо Ольгѣ, «у него перо летало по строкамъ, явились и мысли, и языкъ».—«Хоть напечатать въ романѣ гдѣнибудь!» говорилъ Штольцъ. Когда О. рисовалъ тому же Штольцу деревенскія картины, онъ уже мысленно былъ въ деревнѣ», по его лицу разлилось выраженіе покоя». Перечитывая непріятное письмо старосты, онъ углубился болѣе въ «художественное разсмотрѣніе» обстоятельства: «Куда это они ушли, эти мужики?» «Пооди, чай, ночью ушли, по сырости, безъ хлѣба. Гдѣ же они уснутъ? Неужели въ лѣсу? Вѣдь не сидится же! Въ избѣ хоть и скверно пахнетъ, да тепло по крайней мѣрѣ»... рассуждалъ О. «Мысль у него вольно гуляла въ головѣ или праздно дремала».—«Да ты поэтъ, Илья!»—сказалъ Штольцъ.—«Да, поэтъ въ жизни, потому что жизнь есть поэзія. Вольно людямъ исказать ее!» Въ собственной жизни онъ находилъ столько премудрости и поэзіи, что и не исчерпашъ никогда безъ учености». Въ юности «серьезное чтеніе утомляло его. Мыслителямъ не удалось расшевелить въ немъ жажду къ умозрительнымъ истинамъ»... Въ дѣтствѣ онъ считалъ ученѣ «за наказанье, ниспосланное небомъ за наши грѣхи». Онъ довольствовался тѣмъ, что написано въ тетрадкѣ, и докучливаго любопытства не обнаруживалъ даже когда и не все понималъ, что слушалъ и училъ; дальше заданнаго урока, «онъ не заглядывалъ, распросовъ никакихъ не дѣлалъ, и поясненій не требовалъ». Окончивъ университетскій курсъ, О. дальше «не считалъ нужнымъ простираť свои ученія стремленія». «Голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ, политико-экономическихъ, математическихъ или другихъ истинъ, задачъ, положеній и т. п.». «Это было какъ-будто бібліотека, состоящая изъ однихъ разрозненныхъ томовъ по разнымъ частямъ знаній». «У него между наукой и

жизнью лежала дѣлая бездна, которой онъ не пытался перейти. Жизнь у него была сама-по-себѣ, а наука сама-по-себѣ. «Когда же жить?» спрашивалъ онъ самого себя. «Когда же, наконецъ, пускать въ оборотъ этотъ капиталъ знаній, изъ которыхъ большая часть еще ни на что не понадобится въ жизни? Политическая экономія, напримѣръ, алгебра, геометрія—что я стану съ ними дѣлать въ Обломовкѣ?» Онъ росъ шаловливымъ ребенкомъ; няня звала его «юлой». Онъ одинъ бодрствовалъ, когда въ Обломовкѣ воцарялся «какой-то всепоглащающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти». Вокругъ него все дышало «первобытной лѣнью, простотою нравовъ и неподвижностью». «Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу». О., въ дѣтствѣ, во все «пристально» вглядывался, съ любопытствомъ прибѣгалъ даже къ краю оврага, «пользовавшася дурной репутаціей «въ околоткѣ», гдѣ, говорили, водятся «и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри». Вѣра «въ чудесное», «въ призраки», жившая въ Обломовкѣ, укрѣплялась въ мальчикѣ подѣ влияніемъ рассказовъ матери и «сказаній няни»; съ теченіемъ времени, если и пропала самая вѣра въ призраки, то остался какой-то осадокъ страха и безотчетной тоски». «Узнавъ Илья Ильичъ, что нѣтъ бѣды отъ чудовищъ, а какія есть—едва знаетъ, и на каждомъ шагу все ждетъ чего-то страшнаго и боится»; «оставшись въ темной комнатѣ, или увидя покойника, онъ трепещетъ отъ зловѣщей, въ дѣтствѣ зароненной въ душу тоски; смѣясь надъ страхами своими поутру, онъ опять блѣднѣетъ вечеромъ». «Съ лѣтами возвратилась какая-то ребяческая слабость, ожиданіе опасности и зла отъ всего, что не встрѣчалось въ сферѣ его ежедневнаго быта—слѣдствіе отвычки отъ разнообразныхъ внѣшнихъ явленій». «Его не пугала, напримѣръ, трещина потолка въ его спальнѣ: онъ къ ней привыкъ; не приходило ему тоже въ голову, что вѣчно-спертый воздухъ въ комнатѣ и постоянное сидѣнье взаперти чуть ли не губительнѣе для здоровья, нежели ночная сырость; что переполнять ежедневно желудокъ естъ своего рода постепенное самоубійство: но онъ къ этому привыкъ и не пугался». «Онъ не привыкъ къ движенію, къ жизни, къ многолюдству, къ суетѣ». «Въ тѣсной толпѣ ему было душно, въ лодку онъ садился съ невѣрною надеждою добраться благополучно до другого берега, въ каретѣ ѣхалъ, ожидая, что лошади понесутъ и разобьютъ». [Впослѣдствіи «Илья Ильичъ завелъ «пару лошадей», но, изъ свойственной ему осторожности, такихъ, что онѣ только послѣ третьяго кнута трогались отъ крыльца, а при первомъ и второмъ ударѣ одна лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ вторая лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ уже, вытянувъ напряженно шею, спину и хвостъ, двинутся онѣ разомъ и побѣгутъ кивая головами)]. Онъ самъ придумывалъ «свои несчастія». «Теперь, при васъ, я увѣренъ во всемъ:—вашъ взглядъ, голосъ, все говоритъ. Вы смотрите на меня, какъ будто говорите: мнѣ словъ не надо, я умѣю читать ваши взгляды. Но когда васъ нѣтъ, начинается такая мучительная игра въ сомнѣнія, въ вопросы, и мнѣ опять надо бѣжать къ вамъ, опять взглянуть на васъ, безъ этого я не вѣрю. Что это?»—«Эгоизмъ! досказалъ самъ О. отвѣчая Ольгѣ. Онъ впалъ въ раздумье отъ удовлетворенныхъ желаній, отъ полноты счастья» и вдругъ лицо его смрачалось: сомнѣнія одолевали О., онъ «самъ казнилъ себя сознаниемъ»... —«Да, на словахъ вы казните себя, бросаетесь въ пропасть, отдаете полжизни, а тамъ придетъ сомнѣніе, бессонная ночь: какъ вы становитесь нѣжны къ себѣ, осторожны, заботливы, какъ далеко видите впередъ»!.. «Какая истина, и какъ она проста!» подумалъ Обломовъ, но стыдился сказать вслухъ». Онъ постоянно жаловался на свое здоровье.—«Какое здоровье! Плохо! приливы замучили», говорилъ онъ Волкову.—«Ячмени одолѣли, только на той недѣлѣ одинъ сошелъ съ праваго глаза, а теперь, вотъ, садится другой», жаловался О. Штольцу.—«Желудокъ почти не варитъ, подѣ ложечкой тяжесть, изжога замучила», заявилъ онъ «съ жалкой миной», случайно его навѣстившему доктору. Газетъ онъ не читалъ, п. ч., «печать мелка, глаза портитъ». По словамъ доктора, О. долженъ

измѣнить «образъ жизни, мѣсто, воздухъ,—все, все». По опредѣленію Штольца, О. «напалъ свои недуги». Мать боялась выпускать маленькаго Ильюшу по вечерамъ, когда сыро, боялась пускать и на солнышко («Уведи его въ холодокъ; нанечетъ ему головку—будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станеть», говорила она нянькѣ). Въ юности «задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни, или отворить форточку—опять крики:—Ай, куда? Какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься»... Когда въ дѣтской рѣзвости, онъ, «безъ картуза» и шубы, самовольно выбѣгалъ изъ дома, играть въ снѣжки, за нимъ устранилась погоня, «закутывали его въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла, и торжественно несли на рукахъ домой». «Дома отчаялись уже видѣть его, считая погибшимъ; но при видѣ его, живого и невредимаго, радость родителей была неописанна. Возблагодарили Госнода Бога, потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру еще малиной, и продержали дня три въ постели». Позднѣ Илья Ильичъ вычиталъ гдѣ-то, что только утреннія испаренія полезны, а вечернія вредны, и сталъ бояться сырости». Боялся онъ и холода, и сквозняка, и простуды.—«Не подходите, не подходите: вы съ холода!» говорилъ О. Волкову, Пенкину и Судьбинскому, посѣтившимъ его въ день перваго мая.—«Сырости боюсь, теперъ еще не высохло», сказалъ О. въ отвѣтъ на приглашеніе Пенкина ѣхать въ Екатеринбургъ на гулянье.

Штолецъ будилъ О—ва, не давалъ ему «заснуть»; безъ Штольца онъ гаснулъ и «весь по уши ввергался въ свое одиночество и уединеніе». Ольга [уѣзжая, Штолецъ «завѣщалъ О—ва ей, просилъ приглядывать за нимъ, мѣшать сидѣть дома»] мечтала «оживить» Илью И—ча. Но и Ольга оказалась безсильной выгнать О—ва изъ его «болота». — «Камень ожилъ бы отъ того, что я сдѣлала», сказала она.—«...Все бесполезно—ты умерь!».

«Событія его жизни умельчились до микроскопическихъ размѣровъ, но и съ тѣми событіями не справится онъ; онъ не переходитъ отъ одного къ другому, а перебрасывается ими, какъ съ волны на волну; онъ не въ силахъ одному противопоставить упругость воли или увлечься разумомъ вслѣдъ за другимъ». «Свѣтлое сознаніе просыпается все рѣже, и только на мгновеніе будитъ спящія силы. Умъ и воля давно парализованы, и, кажется, безвозвратно». «Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища. Что-то помѣшало ему ринуться на попріище жизни и летѣть по нему на вѣхъ парусахъ ума и воли. Какой-то тайный врагъ наложилъ на него тяжелую руку въ началѣ пути и далеко отбросилъ отъ прямого человѣческаго назначенія»... Онъ сознаетъ также, что ему «не выйти изъ этого сна». — «Пробовалъ прежде, не удалось, а теперъ... зачѣмъ? Ничто не выживаешь, душа не рвется, умъ спитъ покойно! съ едва замѣтной горечью заключилъ онъ». «А между тѣмъ, О. болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ-быть, теперъ уже умершее, или лежитъ оно какъ золото въ нѣдрахъ горы». Онъ пробѣжалъ «мысленно всю свою жизнь: въ сотый разъ раскаяніе и позднее сожалѣніе о минувшемъ подступило къ сердцу. Онъ представилъ себѣ, что бѣ онъ былъ теперъ, если бѣ шелъ бодро впередъ, какъ бы жилъ полнѣе и многостороннѣе, если бѣ былъ дѣятеленъ?» «Страшно стало ему, когда въ душѣ его возникло живое и ясное представленіе о человѣческой судьбѣ и назначеніи» и «параллель между» ними и «собственной его жизнью». «Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за тяжесть мѣшающую всему; и зависть грызла его, что другіе такъ полно и широко живутъ, а у него какъ будто тяжелый камень брошенъ на узкой и жалкой тропѣ его существованія». «Онъ вздыхалъ, проклиналъ себя» («охи и вздохи его достигли даже до ушей Захара»), «искалъ виноватаго и не находилъ». «Отчего это я такой? почти со слезами спросилъ О., и не нашелъ «враждебнаго начала, мѣшающаго ему жить какъ слѣдуетъ, какъ живутъ другіе». Онъ «тер-

зался, мучился», но такъ и не додумался до причины».—«Однако... любопытно бы знать... отчего я... такой?..—сказалъ онъ» «шопотомъ». «Вѣки у него закрылись совсѣмъ.—Да, отчего?.. Должно-быть... это... оттого...—силимся выговорить онъ и не выговорилъ»; «языкъ и губы мгновенно замерли на полусловѣ и остались какъ были полуоткрыты. вмѣсто слова, послышался еще вздохъ, и вслѣдъ затѣмъ начало раздаваться ровное храпѣнье безмятежно спящаго человѣка». «Сонъ остановилъ медленный и лѣнливый потокъ его мыслей». Но когда Штольцъ «будто подставилъ ему зеркало», въ которомъ отразилась вся обломовская жизнь, Илья Ильичъ испугался, узнавъ себя въ немъ». «Слово, произнесенное Штольцемъ, глубоко уязвило Обломова». — «Обломовщина! медленно произнесъ Илья Ильичъ, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складамъ:—Об-ло-мовщина!» «Онъ странно и пристально посмотрѣлъ на Штольца». На другое утро, послѣ бесѣды съ Андреемъ, «О. подошелъ къ своему запыленному столу, сѣлъ, взялъ перо, обмакнулъ въ чернильницу, но чернилъ не было, поискалъ бумаги, тоже нѣтъ». «Онъ задумался и машинально сталъ чертить пальцемъ по пыли, потомъ посмотрѣлъ, что написалъ: вышло Обломовщина». «Онъ проворно стеръ написанное рукавомъ. Это слово снилось ему ночью, написанное огнемъ на стѣнахъ, какъ Балтазару на пиру». «Пришелъ Захаръ, и, найдя Обломова не на постели, мутно поглядѣлъ на барина, удивляясь, что онъ на ногахъ. Въ этомъ тупомъ взглядѣ удивленія написано было: «Обломовщина!» «Одно слово», думалъ Илья Ильичъ: «а какое... ядовитое». «О. задумался надъ словами: «теперь, или никогда!» «Вслушиваясь въ это отчаянное воззваніе разума и силы, онъ сознавалъ и взвѣшивалъ, что у него осталось еще въ остаткѣ воли и куда онъ понесетъ, во что положить этотъ скудный остатокъ». «Идти впередъ, или остаться? Этотъ обломовскій вопросъ былъ для него глубже гамлетовскаго. Идти впередъ—это значить вдругъ сбросить широкій халатъ не только съ плечъ, но и съ души, съ ума; вмѣстѣ съ пылью и паутиной со стѣнъ смести паутину съ глазъ и прозрѣть». И, когда, поздиѣе, Ольга не могла найти имени «злу», сгубившему О., онъ прошепталъ:—«Обломовщина».—«Все знаю, все понимаю, но силы и воли нѣтъ!» говорилъ О. Онъ самъ называетъ себя «дряблымъ, ветхимъ, изнѣженнымъ кафтаномъ». «Слѣтами, волненія и раскаяніе являлись рѣже, и онъ тихо и постепенно укладывался въ простой и широкій гробъ остального своего существованія, сдѣланный собственными руками, какъ старцы пустынные, которые, отворотясь отъ жизни, копаютъ себѣ могилу». «Онъ ужъ пересталъ мечтать объ устройствѣ имѣнія и о поѣздкѣ туда въсѣмъ домомъ». Въ отвѣтъ на зовъ Штольца («Вонъ изъ этой ямы, изъ болота, на свѣтъ, на просторъ..») О. отвѣтилъ «съ мыслью на лицѣ, съ полнымъ сознаниемъ разсудка и воли»:—«Не напоминай, не тревожь прошлаго: не воротишь!»—«Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спаяешь, не составишь двѣ разорванныя половины. Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: попробуй оторвать—будетъ смерть».—«Да ты оглянись, гдѣ и съ кѣмъ ты?»—«Знаю, чувствую... Ахъ, Андрей, все я чувствую, все понимаю, мнѣ давно совѣстно, жить на свѣтѣ! Но не могу идти съ тобой твоей дорогой, если-бъ даже захотѣлъ. Теперь... (онъ опустилъ глаза и промолчалъ съ минуту), теперь поздно».

На Выборгской, въ домѣ вдовы коллежскаго секретаря Пшеницыной [куда «Тарантьевъ перевезъ вещи Обломова и гдѣ Илья Ильичъ рѣшилъ оставаться до пріисканія новой квартиры», ему все напоминало Обломовку. Улица «безъ дѣровъ, съ заборами, съ травой и съ засохшими коленями изъ грязи». «Крапива у заборовъ»; «изъ-за заборовъ выглядывала рябина». «Старый домикъ на дворѣ». «Дворъ величиной былъ съ комнату, такъ что коляска стукнула дышломъ въ уголъ». «Обломовъ сидѣлъ въ коляскѣ наравнѣ съ окнами». «У И. И. было четыре комнаты». «Кабинетъ и спальня Обломова обращены были окнами на дворъ, гостиная къ садику, а зала къ большому огороду, съ калустой и картофелемъ. Въ гостиной окна были драпированы ситцевыми полинявшими занавѣсками».

гѣсками». «По стѣнамъ жались простые, подъ орѣхъ, стулья; подъ зеркаломъ стоялъ ломберный столъ; на окнахъ тѣнились резеда, бархатцы и поготки». «На дворѣ тяжело кудахтаетъ насѣдка», «пищать цыплята», въ комнатахъ «трепчатъ канарейки и чижи». «Онъ не велѣлъ убирать ихъ:—«Деревню напоминають, Обломовку», сказалъ онъ. Вокругъ «тишина идеальная».—«Тихо, хорошо въ этой сторонѣ, только скучно!»—говорилъ О.:—«Въ домѣ у нихъ порядокъ строгій и хозяйство идетъ славно». «Кушанье такое вкусное, подано чисто». «Пирогъ, испеченный Агафьей Матвѣвной, напомнилъ ему пироги, какіе только пеклись въ Обломовкѣ». «Кофе» былъ «славный, сливки густыя, булки сдобныя, рассыпчатыя. Водка, настоенная на смородиновомъ листѣ, «своя, домашняя», «ему очень понравилась». «Встрѣтись въ первый разъ съ Агафьей Матвѣвной О. снисходительно рѣшилъ»:—«У ней простое лицо», д. б., добрая женщина!» Послѣ его воображеніе привлекли локти Пшеницыной:—«Чиновница, а локти, хоть бы графинѣ какойнибудь; еще съ ямочками», подумалъ онъ и «любовался ея полными, круглыми локтями».—«Какая еще свѣжая, здоровая женщина и какая хозяйка! Право бы замужъ ей... говорилъ онъ самъ себѣ и погружался въ мысль... объ Ольгѣ». Съ Агафьей Матвѣвной онъ былъ равнодушно-ласковъ». «Славная, великая хозяйка! отзывался О. о Пшеницыной. Послѣ болѣзни Ильи Ильича (горячки) «онъ каждый день все болѣе и болѣе дружился съ хозяйкой. Когда Штольцъ предостерегалъ О. быть осторожнымъ съ Агафьей Матвѣвной:—«Въ чемъ? Помилуй! защищался смущенный О.».—«Ты говорилъ о ней съ такимъ жаромъ, что, право, я начинаю думать, что ты ее»...—«Любишь, что ли, хочешь сказать? Помилуй! перебилъ О. съ принужденнымъ смѣхомъ». «О любви ему и въ голову не приходило»: «не было у него ни опухоли у сердца. ни разу онъ не волновался тревогой о томъ, увидитъ ли онъ хозяйку или нѣтъ, что она подумаетъ, что сказать ей, какъ отвѣчать на ея вопросъ, какъ она взглянетъ». «Онъ сближался съ Агафьей Матвѣвной какъ-будто подвигался къ огню, отъ котораго становится все теплѣе и теплѣе, но котораго любить нельзя». «Онъ глядѣлъ на нее съ легкимъ волненіемъ, но глаза не блистали у него, не наполнялись слезами, не рвался духъ на высоту, на подвиги. Ему только хотѣлось сѣсть на диванъ и не спускать глазъ съ ея локтей». «Онъ послѣ обѣда охотно оставался и курилъ трубку въ ея комнатѣ, смотрѣлъ, какъ она укладывала въ буфетъ серебро, посуду, какъ вынимала чашки, наливала кофе, какъ, особенно тщательно вымывъ и обтеревъ одну чашку, наливала прежде всѣхъ, подавала ему и смотрѣла, доволенъ ли онъ». «Онъ охотно останавливалъ глаза на ея полной шеѣ и круглыхъ локтяхъ, когда отворялась дверь къ ней въ комнату, и даже, когда она долго не отворялась, онъ потихоньку ногой отворялъ ее самъ и шутилъ съ ней, игралъ съ дѣтьми». «Но ему не было скучно, если утро проходило и онъ не видалъ ея; послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобъ остаться съ ней, онъ часто уходилъ соснуть часа на два; но онъ зналъ, что лишь только онъ проснется, чай ему готовъ, и даже въ ту самую минуту, какъ проснется». «Тоски, бессонныхъ ночей, сладкихъ и горькихъ слезъ—ничего не испыталъ онъ. Сидитъ и курить, и глядитъ, какъ она шьетъ, иногда скажетъ что-нибудь или ничего не скажетъ, а между тѣмъ покойно ему, ничего не надо, никуда не хочется, какъ будто все тутъ есть, что ему надо». «Однажды Илья Ильичъ спросилъ:—«Скажите, что если-бъ я васъ... полюбилъ?» Она усмѣхнулась.—«А вы бы полюбили меня?»—опять спросилъ онъ».—«Отчего же не полюбить? Богъ всѣхъ велѣлъ любить.—«А если я поцѣлую васъ?»—шепнулъ онъ, наклоняясь къ ея щекѣ. Онъ слегка поцѣловалъ ее въ шею».—«Ты ли это, Илья?»—упрекалъ его Штольцъ.—«Ты отталкиваешь меня, и для нея, для этой женщины!.. Боже мой!»—почти закричалъ онъ, какъ отъ внезапной боли.—«Этотъ ребенокъ, что я сейчасъ видѣлъ... Илья, Илья! Бѣги отсюда, пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Какъ ты палъ! Эта женщина... что она тебѣ»...—«Жена!»—покойно произнесъ О.».—«А этотъ ребенокъ—мой сынъ! Его зовутъ Андреемъ, въ память о тебѣ!»—досказалъ О. разомъ и покойно перевелъ духъ, сложивъ съ себя бремя откровенности».

«Его отношенія къ ней были гораздо проще»: для него въ Аг. Матв., въ ея вѣчно движущихся локтяхъ, въ заботливо останавливающихся на всемъ глазахъ, въ вѣчномъ хожденіи изъ шкапа въ кухню, изъ кухни въ кладовую, оттуда въ погребъ, во всезнаніи всѣхъ домашнихъ и хозяйственныхъ удобствъ, воплощался идеалъ того необозримаго, какъ океанъ, и ненарушимаго покоя жизни, картина котораго неизгладимо легла на его душу въ дѣтствѣ, подъ отеческой кровлей». «Какъ тамъ отецъ его, дѣдъ, дѣти, внучата и гости сидѣли или лежали въ лѣнивомъ покое, зная, что есть въ домѣ вѣчно ходящее около нихъ и промышляющее око, и непокладныя руки, которыя обошьютъ ихъ, покормятъ, напоятъ, одѣнутъ и обуютъ и спать положить, а при смерти закроютъ имъ глаза, такъ и тутъ О., сидя и не трогаясь съ дивана, видѣлъ, что движется что-то живое и проворное въ его пользу, и что не взойдетъ завтра солнце, застелютъ небо вихри, понесется бурный вѣтръ изъ концовъ въ концы вселенной, а супъ и жаркое явятся у него на столѣ, а бѣлье его будетъ чисто и свѣжо, а паутина снята со стѣны, и онъ не узнаетъ, какъ это сдѣлается, не дастъ себѣ труда подумать чего ему хочется, а оно будетъ угадано и принесено ему подъ носъ, не съ лѣною, не съ грубостью, не грязными руками Захара... «Его какъ будто невидимая рука посадила, какъ драгоцѣнное растеніе въ тѣнь отъ жара, подъ кровъ отъ дождя и ухаживаетъ за нимъ, лелѣетъ». «Любящее око» зорко сторожило каждое мгновеніе его жизни. Онъ нашель—Милитрису Кирбитьевну, о которой въ дѣтствѣ рассказывала няня. «Илья Ильичъ жилъ какъ будто въ золотой рамкѣ жизни, въ которой, точно въ діорамѣ, только мѣнялись обычные фазисы дня и ночи и время года; другихъ перемѣнъ, особенно крупныхъ случайностей, возмущающихъ со дна жизни весь осадокъ, часто горькій и мутный, не бывало». «Съ тѣхъ поръ, какъ Штольцъ выручилъ Обломовку отъ воровскихъ долговъ брата, какъ братецъ и Тарантьевъ удалились совсѣмъ, съ ними удалилось и все враждебное изъ жизни Ильи Ильича. Его окружали теперь такія простыя, добрыя, любящія лица, которыя всѣ согласились своимъ существованіемъ подпереть его жизнь, помогать ему не замѣчать ея, не чувствовать». «Самъ О. былъ полнымъ и естественнымъ отраженіемъ и выраженіемъ» «покоя, довольства и безмятежной тишины. Вглядываясь, вдумываясь въ свой бытъ и все болѣе и болѣе обживаясь въ немъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ, что ему некуда больше идти, нечего искать, что идеалъ его жизни осуществился, хотя безъ поэзіи, безъ тѣхъ лучей, которыми нѣкогда воображеніе рисовало ему барское, широкое и безпечное теченіе жизни въ родной деревнѣ, среди крестьянъ, дворни». «Онъ смотрѣлъ на настоящій свой бытъ, какъ продолженіе того же обломовскаго существованія, только съ другимъ колоритомъ мѣстности и, отчасти, времени. И здѣсь, какъ въ Обломкѣ, ему удавалось дешево отдѣлываться отъ жизни, выторговать у ней и застраховать себѣ невозмутимый покой». «Онъ торжествовалъ внутренно, что ушелъ отъ ея докучливыхъ, мучительныхъ требованій и грозъ, изъ-подъ того горизонта, подъ которымъ блещутъ молніи великихъ радостей и раздаются внезапные удары великихъ скорбей, гдѣ играютъ ложныя надежды и великолѣпные призраки счастья, гдѣ гложетъ и снѣдаетъ человѣка собственная мысль и убиваетъ страсть, гдѣ падаетъ и торжествуетъ умъ, гдѣ сражается въ непрестанной битвѣ человѣкъ, и уходитъ съ поля битвы истерзанный и все недовольный и не насытимый. Онъ, не испытавъ наслажденій, добываемыхъ въ борьбѣ, мысленно отказался отъ нихъ и чувствовалъ покой въ душѣ только въ забытомъ уголкѣ, чуждомъ движенія, борьбы и жизни». «А если закипитъ еще у него воображеніе, возстанутъ забытыя воспоминанія, неисполненныя мечты, если въ совѣсти зашевелится упреки за прожитую такъ, а не иначе жизнь—онъ спитъ непокойно, просыпается, вскакиваетъ съ постели, иногда плачетъ холодными слезами безнадежности по свѣтломъ, навсегда угаснувшемъ идеалѣ жизни, какъ плачутъ по дорогомъ усопшемъ, съ горькимъ чувствомъ сознанія, что недовольно сдѣлали для него при жизни». «Потомъ онъ взглянетъ на окружающее его, вкуситъ временныхъ благъ и успокоится».

«Никто не зналъ и не видалъ» «внутренней жизни Ильи Ильича: всѣ думали, что О. такъ-себѣ, только лежитъ да кушаетъ на здоровье, и что больше отъ него нечего ждать; что едва-ли у него вяжутся мысли въ головѣ. Такъ о немъ и толковали вездѣ, гдѣ его знали». «О способностяхъ его», о внутренней вулканической работѣ пылкой головы, гуманнаго сердца, зналъ подробно лишь Штольцъ.—«Ты, м. б., думаешь, глядя, какъ я иногда покроюсь совсѣмъ одѣяломъ съ головой, что я лежу какъ пень да сплю, нѣтъ, не сплю я, а думаю»... говорилъ О. Захару. По словамъ Штольца, у О. «ума не меньше другихъ, только зарыть, задавленъ онъ всякою дрянью и заснулъ въ праздности». Ольга угадала доброту, умъ, нѣжность, благородство, осторожность и чистую совѣсть О. «Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... голубь; ты прячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей»... говорила она. «Въ основаніи натуры Обломова лежало чистое, свѣтлое и доброе начало, исполненное глубокой симпатіи ко всему, что хорошо и что только отверзалось и откликалось на зовъ этого простого, нехитраго, вѣчно-довѣрчиваго сердца». «Кто только случайно и умышленно заглядывалъ въ эту свѣтлую, дѣтскую душу—будь онъ мраченъ, золъ—онъ уже не могъ отказать ему во взаимности, или, если обстоятельства мѣшали сближенію, то хоть въ доброй и прочной памяти». Ближе всѣхъ знавшій О—ва, Штольцъ оцѣнилъ его «вѣрное, честное сердце», которое было «какъ колодезь глубоко», его «хрустальную, прозрачную душу». Онъ не понималъ «глубокой бездны души» Ольги, не понималъ, позднѣе, какую побѣду одержалъ онъ надъ сердцемъ Агафьи Матвѣевны, но онъ чутко угадалъ, что «люблю» Ольги «не есть настоящая любовь, а будущая; это только бессознательная потребность любить, которая, за недостаткомъ пищи, за отсутствиемъ огня, горитъ фальшивымъ, негрѣющимъ свѣтомъ, высказывается иногда у женщинъ въ ласкахъ къ ребенку, къ другой женщинѣ, даже просто въ слезахъ, или въ истерическихъ припадкахъ.—«Мнѣ,—писалъ О.,—съ самаго начала слѣдовало бы строго сказать вамъ: «вы ошиблись, передъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали. Подождите, онъ придетъ, и тогда вы оцнетесь; вамъ будетъ досадно и стыдно за ошибку». Въ душѣ у него теплилась вѣра въ дружбу, въ любовь, въ людскую честь, и сколько ни ошибался онъ въ людяхъ, сколько бы ни ошибся еще, страдало его сердце, но ни разу не пошатнулось основаніе добра и вѣры въ него. Тарантьева онъ считалъ «практическимъ человѣкомъ». Онъ повѣрилъ отзыву Тарантьева о Мухояровѣ, повѣрилъ, что Затертый «управлялъ большимъ имѣніемъ», «да помѣщикъ отослалъ его именно, п. ч. заикается». Позднѣе, онъ сталъ хвастаться передъ Штольцемъ, какъ, не сходя съ мѣста, онъ отлично устроилъ дѣла, какъ повѣренный собираетъ справки о бѣглыхъ мужикахъ, выгодно продаетъ хлѣбъ и какъ прислалъ ему полторы тысячи и, вѣроятно, соберетъ и пришлетъ въ этомъ году оброкъ. Штольцъ руками всплеснулъ при этомъ разсказѣ.—«Ты ограбленъ кругомъ!—сказалъ онъ.—Съ трехсотъ душъ полторы тысячи рублей! Кто повѣренный? Чтѣ за человѣкъ?» По словамъ Штольца, «началось съ неумѣнія надѣвать чулки и кончилось неумѣніемъ жить». Ольгѣ онъ не могъ солгать даже въ пустякахъ. «О—ва такъ и подмывало сказать: «былъ (въ палатѣ) и все сдѣлалъ», да онъ знаетъ, что Ольга взглянетъ на него такъ пристально, что прочтеть сейчасъ ложь на лицѣ. Онъ вздохнулъ въ отвѣтъ».—«Ахъ, если бъ ты знала, какъ это трудно!—отвѣтилъ онъ». Онъ даже предъ Мухояровымъ чуть не обнажилъ душу до дна. «Его честное сердце боялось обмануть Ольгу. Когда Ольга «сказала холодно», что онъ «обманулъ ее» («ты опять опускаешься!»):—«Обманулъ! Не грѣхъ тебѣ? Богомъ клянусь, я кинулся бы сейчасъ въ бездну!» Когда Ольга потребовала отъ него смѣлаго и обдуманнаго рѣшенія—станетъ ли его на всю жизнь? «онъ молчалъ».—«Что-жъ, Илья, права я или нѣтъ?»—«Да, внятно и рѣшительно сказалъ онъ: ты права!» Онъ былъ «стыдливъ сердцемъ». Послѣ того, какъ онъ признался Ольгѣ «въ любви», ему стало стыдно. Онъ готовъ былъ взять назадъ неосторожное слово, просить у Ольги прощенья.—«Повѣрьте

миѣ, что это было невольно... я не могъ удержаться... заговорилъ онъ, понемногу вооружась смѣлостью.—Если-бъ громъ загремѣлъ тогда, камень упалъ бы надо мной, я бы все-таки сказалъ. Этого никакими силами удержать было нельзя». Но онъ предложилъ Ольгѣ «забыть все это»:—«Забудьте тѣмъ болѣе, что это неправда». Въ отвѣтъ на намекъ Штольца на отношенія его къ Агафѣѣ Матвѣевны, О. «покраснѣлъ».—«Такъ еще хуже, если тутъ нѣтъ никакой нравственной искры, если это только»...—«Андрей! Развѣ ты зналъ меня безнравственнымъ человѣкомъ?»—«Отчего же ты покраснѣлъ?»—«Оттого, что ты могъ допустить такую мысль». «Самолюбія» у него не было. Онъ говорилъ, сравнивая себя со Штольцемъ:—«Ты другое дѣло, Андрей: у тебя крылья есть: ты не живешь, летаешь; у тебя есть дарованіе, самолюбіе». Онъ и Ольгѣ сказалъ:—«Вы умнѣ меня!» «Онъ втайнѣ поклонялся чистотѣ женщины, признавалъ ея власть и права и приносилъ ей жертвы»; «ни одного пятна, упрека въ холодномъ, бездушномъ цинизмѣ, безъ увлеченія и безъ борьбы, не лежало на его совѣсти. Онъ не могъ слушать ежедневныхъ разсказовъ о томъ, какъ одинъ перемѣнилъ лошадей, мебель, а тотъ—женщину... и какія издержки повели за собой перемѣны... Не разъ онъ страдалъ за утраченное мужчиной достоинство и честь, плакалъ о грязномъ паденіи чужой ему женщины, но молчалъ, боясь свѣта». Послѣ того, какъ О. признался въ любви Ольгѣ, онъ оробѣлъ.—«Я самъ черезъ минуту Богъ знаетъ что далъ бы, чтобъ воротить неосторожное слово»... сказалъ О. при новой встрѣчѣ съ Ольгой; «сердце билось неимоверно, какъ передъ бѣдой». Онъ терзался что «разобидѣлъ» Ольгу своимъ признаньемъ, что далъ Ольгѣ понять, что догадался о ея любви къ нему, да еще, можетъ-быть, догадался невпопадъ. Это уже въ самомъ дѣлѣ была обида, едва ли исправимая. Да если и впопадъ, то какъ неуклюже! Онъ, просто, фатъ». «Онъ могъ спугнуть чувство, которое стучится въ молодое, дѣвственное сердце робко, садится осторожно и легко, какъ птичка на вѣтку: посторонній звукъ, шорохъ—и оно улетитъ», и О. «съ замирающимъ трепетомъ ждалъ» появленія Ольги. «Онъ сходилъ съ ума отъ счастья», но, исполняя «долгъ», прощался со своей любовью. Онъ боялся оскорбить Ольгу «своею страстью».—«Никакихъ я молній не видала у тебя въ глазахъ... ты смотришь на меня большею частью, какъ... моя няня Кузьминична!—прибавила она и засмѣялась», а онъ, чувствуя «бремя отвѣтственности», говорилъ:—«Меня грызеть змѣя: это—совѣсть... Мы такъ долго остаемся наединѣ: я волнуюсь, сердце замираетъ у меня; ты тоже непокойна... я боюсь...—съ трудомъ договорилъ онъ».—«Чего?»—«Ты молода и не знаешь всѣхъ опасностей, Ольга. Иногда человѣкъ не властенъ въ себѣ; въ него вселяется какая-то адская сила, на сердце падаетъ мракъ, а въ глазахъ блещутъ молніи. Ясность ума меркнетъ: уваженіе къ чистотѣ, къ невинности—все уноситъ вихрь; человѣкъ не помнитъ себя; на него дышитъ страсть, онъ перестаетъ владѣть собой—и тогда подъ ногами открывается бездна. Онъ даже вздрогнулъ».—«Одинъ поцѣлуй, «въ залогъ невыразимаго счастья», прошепталъ онъ какъ въ бреду».—«Никогда! Никогда! не подходите! отвѣтила Ольга. Ея «никогда» было для него свято. Вечеромъ, въ паркѣ, когда они сидѣли вдвоемъ на скамейкѣ, «онъ не шевелилъ пальцемъ, не дышалъ. А голова ея лежитъ у него на плечѣ, дыханіе обдаетъ ему щеку жаромъ... Онъ тоже вздрагивалъ, но не смѣлъ коснуться губами ея щеки».

Въ любви къ Ольгѣ О. нашелъ «свой тихій, свѣтлый рай», «позналъ радость и страсти». «На Ольгу онъ перенесъ свой идеалъ жизни», «исполненный нѣти и торжественнаго покоя». «У него «явилась цѣль жизни». «Засіяла жизнь», и онъ чувствуетъ жизнь, ея тихое теченье, ея сладкія струи, плесканье... Онъ впадаетъ въ раздумье отъ удовлетворенныхъ желаній, отъ полноты счастья». «Онъ жилъ въ розовой атмосферѣ съ безоблачнымъ горизонтомъ». «Жизнь, жизнь опять отворяется миѣ!» восклицалъ О. Ольга рѣшила за него обломовскій вопросъ: идти впередъ, или остаться на мѣстѣ». «Засыпалъ онъ съ мыслью о ней (Ольгѣ), шелъ гулять, читать—она тутъ, тутъ». Онъ мысленно велъ съ ней

пескончаемый разговоръ и днемъ и ночью». По временамъ онъ начиналъ вѣрять въ постоянную безоблачность жизни. «Если ему и снятся тяжелые сны, и стучатся въ сердце сомнѣнія, Ольга, какъ ангелъ, стоитъ на стражѣ; она взглянетъ ему своими свѣтлыми глазами въ лицо, добудетъ, что у него на сердцѣ—и все опять тихо, и опять чувство течетъ плавно, какъ рѣка, съ отраженіемъ новыхъ узоровъ неба». Онъ вѣрилъ Ольгѣ, но не вѣрилъ въ себя, не считалъ себя достойнымъ ея любви.—«Я что такое? Обломовъ—больше ничего», говорилъ онъ.—«Этакихъ не любятъ». Онъ вспоминалъ слова Ольги о Штольцѣ.—«Вѣдь она его любитъ» въ ужасѣ подумалъ онъ: сама сказала: какъ друга, говоритъ она; да это ложь, м. б. бессознательная... Дружбы между мужчиной и женщиной не бываетъ». При ней «онъ сходилъ съ ума отъ счастья», но безъ нея его мучила мысль, что любовь Ольги «ошибка», бессознательная ложь.—«Если бы были опытные, старше, тогда бы я благословилъ свое счастье и подаль вамъ руку навсегда», писалъ онъ, исполняя «долгъ» и обливаясь слезами.—«Я хотѣлъ только сказать,—началъ онъ медленно:—что я такъ люблю тебя, такъ люблю, что если бѣ... Онъ медлилъ».—«Ну?—нетерпѣливо спросила она.—«Что если бѣ ты полюбила теперь другого, и онъ былъ бы способенъ сдѣлать тебя счастливой, я бѣ... молча проглотилъ свое горе и уступилъ ему мѣсто». Но, когда Ольга перестала въ него вѣрить» и «рѣшила», что «пора разставаться», «все погрузилось въ сонъ и мракъ около него». «Умъ его утонулъ въ хаосѣ безобразныхъ, нелѣпыхъ мыслей». «Сердце было убито: тамъ на время затихла жизнь». У О. «была горячка»; потомъ, мало-по-малу, мѣсто живого горя заступило нѣмое равнодушіе», но онъ не забылъ Ольги:—«Нѣтъ, Андрей, развѣ ее можно забыть? Это значитъ забыть, что я когда-то жилъ, былъ въ раю». сказалъ онъ Штольцу, спустя годъ послѣ разлуки съ Ольгой. Узнавъ отъ Штольца, что она вышла замужъ, «не испугался, не удивился».—«Давно ли? Счастлива ли? скажи, ради Бога»... Онъ не спросилъ даже, за кого вышла Ольга. «Онъ радовался «отъ души», «радовался ея счастію». По характеристикѣ Штольца, О. «падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ, наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ чести и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ—никогда Обломовъ не поклонится идолу жи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться».

«Илья Ильичъ скончался, повидимому, безъ боли, безъ мученій, какъ будто остановились часы, которые забыли завести. Никто не видалъ послѣднихъ его минутъ, не слышалъ предсмертнаго стона. Апоплексическій ударъ повторился еще разъ, спустя годъ и опять миновалъ благополучно: только Илья Ильичъ сталъ блѣденъ, слабъ, мало ѣлъ, мало сталъ выходить въ садикъ, и становился все молчаливѣе и задумчивѣе иногда даже плакалъ. Онъ предчувствовалъ близкую смерть и боялся ея». «Нѣсколько разъ дѣлалось ему дурно и проходило. Однажды утромъ Агафья Матвѣевна принесла—было ему, по обыкновенію, кофе и—застала его такъ же кротко-покоящимся на одрѣ смерти, какъ на ложѣ сна, только голова немного сдвинулась съ подушки, да рука судорожно прижата была къ сердцу, гдѣ, повидимому, сосредоточилась и остановилась кровь».

К р и т и к а. См. ниже: «Дополненія», стр. 361.

Обломовъ, Илья Ивановичъ («Обломовъ»).— Помѣщикъ. «Батюшка» Ильи Ильича. «Въ сапогахъ домашней работы», въ плисовыхъ панталонахъ, въ коричневой ваточной курткѣ, день-деньской только и знаетъ, что ходить изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ, нюхаетъ табакъ и сморкается. Однообразіе жизни не утомляло И. И.—«Не то что годъ на годъ, день на день не приходится!» говорилъ онъ:—Зачѣмъ это такъ, то-ли бы дѣло, если-бъ каждый день

какъ вчера, вчера какъ завтра». Цѣлое утро сидитъ у окна и неуклонно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ». Послѣ того, какъ разрушилась галерея, велѣлъ обрушившіяся доски и перила оттащить къ сараямъ» и всякій разъ какъ увидитъ ихъ изъ окошка, такъ и озаботится мыслью о поправкѣ: призоветъ плотника, начнетъ совѣщаться какъ лучше сдѣлать, новую галерею выстроить или сломать и остатки; потомъ отпустить его домой, сказавъ:—Поди себѣ, а я подумаю». «Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока углы совсѣмъ не отстали отъ стѣнъ». «Тогда былъ призванъ плотникъ на окончательное совѣщаніе». Когда И. И. кто-то напомнилъ, что вотъ кстати бы ужъ и ворота исправить и крыльцо починить:—«Да, да надо, заботливо отвѣчалъ И. И., и шелъ тотчасъ осмотрѣть крыльцо.—Въ самомъ дѣлѣ, видишь, вѣдь, какъ совсѣмъ расшаталось, говорилъ онъ, качая ногами крыльцо, какъ колыбель».—«Да оно и тогда шаталось, когда его сдѣлали, замѣтилъ кто-то».—«Такъ что-жъ, что шаталось? отвѣчалъ О.—Да вотъ не развалилось-же, даромъ что шестнадцать лѣтъ безъ поправки стоитъ»... «И онъ обращалъ глаза въ другую сторону». Онъ «простеръ свою заботливость даже до того, что однажды, гуляя по саду, собственноручно приподнялъ, кряхтя и охая, плетень и велѣлъ садовнику поставить поскорѣй двѣ жерди: плетень, благодаря этой распорядительности Обломова, простоялъ такъ все лѣто, и только зимой снѣгомъ повалило его опять». «Наконецъ, даже дошло до того, что на мостикъ настлали три новыя доски, тотчасъ же, какъ только Антипъ свалился съ лошадыю въ канаву». Тратить деньги зря О. не любилъ и «какъ ни необходима была вещь», но «деньги за нес выдавались всегда съ великимъ соболѣзнованіемъ и то если издержка была незначительна»; «заплатить за чтонибудь, хоть самонужнѣйшее, вдругъ двѣсти, триста, пятьсотъ рублей, казалось И. И. чуть не самоубійствомъ». Услыхавъ, что одинъ изъ окрестныхъ молодыхъ помѣщиковъ ѣздилъ въ Москву и заплатилъ тамъ за дюжину рубашекъ триста рублей, двадцать пять рублей за сапоги и сорокъ за жилетъ къ свадьбѣ», И. И. перекрестился и сказалъ съ выраженіемъ ужаса, скороговоркой, что «этогого молодца надо посадить въ острогъ». И. И. согласился съ женой, что издержка на отправленіе письма значитъ «сорокъ копѣекъ зря бросать». Онъ зналъ единственное употребленіе капиталовъ—«держатъ ихъ въ сундукѣ». Но И. И. «и не вздумаетъ никогда повѣрить, сколько копень скошено или сжато, и взыскать за упущеніе, а подай-ка ему не скоро носовой платокъ, онъ накричитъ о безпорядкахъ и поставитъ вверхъ дномъ весь домъ». «Какъ всѣ въ Обломовкѣ, сносилъ трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ», не слыхивалъ «о такъ называемой многотрудной работѣ» и въ жизни видѣлъ идеалъ «покоя и бездѣйствія»; не смущался никакими туманными умственными вопросами». Въ чтеніи «не подозрѣвалъ существенной потребности». Сочинителя «почиталъ не иначе, какъ весельчакомъ, гулякой, пьяницей и потѣшникомъ, въ родѣ плясуна», но иногда бралъ «книгу въ руки» и смотрѣлъ на нее, какъ на вещь, назначенную для развлеченія, отъ скуки и отъ нечего дѣлать»; съ равнымъ удовольствіемъ «читалъ третьягодичныя вѣдомости» или новѣйшій сонникъ, или «Россіяду», или трагедіи Сумарокова. Когда И. И. сѣлъ писать отвѣтъ на письмо Филиппа Матвѣевича, «въ домѣ воцарилась глубокая тишина; людямъ не велѣно было топать и шумѣть». —«Баринъ пишетъ! говорили всѣ такимъ робко-почтительнымъ голосомъ, какимъ говорятъ, когда въ домѣ есть покойникъ», а самъ И. И. водилъ по бумагѣ «медленно, криво, дрожащей рукой и съ такой осторожностью, какъ будто дѣлалъ какоенибудь опасное дѣло». Сына отдалъ въ ученіе къ Штольцу, и. ч. понималъ выгоду образованія, но только эту очевидную выгоду», чтобы «соблюсти предписанную форму» и «добыть какънибудь» (подешевле) аттестатъ, въ которомъ бы сказано было, что Ильюша прошелъ всѣ науки и искусства». —«Ученье-то не свой братъ: хотъ кого въ бараній рогъ свернетъ». «Ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни». [Ср. Обломовъ, Илья Ильичъ].

Ойе-Саброски («Фрег. Пал.»).—Банюсь. Ласковый и учтивый, съ дѣтскимъ личикомъ; «шутникъ и хохотунъ». Встрѣтя, въ третій разъ прибывшихъ въ Нагасаки, моряковъ, захохоталъ, частью отъ удовольствія, частью отъ глупости». За обѣдомъ на фрегатѣ, «въ первый разъ видя горчицу, вдругъ, прежде нежели могли предупредить его, съѣлъ ея цѣлую ложку: у него покраснѣлъ лобъ и выступили слезы».

Олимпиада Измаиловна, княгиня («Обрывъ»).—Уп. л. «Гонительница женскихъ пороковъ и поборница добродѣтели». Аяновъ, встрѣтилъ княгиню на лѣстницѣ у Бѣловодовыхъ;—она «несла такое торжественное, важное лицо вверхъ, что Аяновъ «даже не осмѣлился освѣдомиться о ея нервахъ». Послѣ ея визита, «обѣ тетки Бѣловодовой «разомъ слегли». О. И. «вывѣдала» все о прошломъ гр. Милари и рассказала теткамъ Софи.

Ольга Сергѣевна Ильинская («Обломовъ»).—Ей было «двадцать лѣтъ». «О., въ строгомъ смыслѣ, не была красавица, то-есть, не было ни бѣлизны въ ней, ни яркаго колорита щекъ и губъ, и глаза не горѣли лучами внутренняго огня; ни коралловъ на губахъ, ни жемчугу во рту не было, ни миньятюрныхъ рукъ, какъ у пятилѣтняго ребенка, съ пальцами въ видѣ винограда». «Носъ образовалъ чуть замѣтно выпуклую, граціозную линію; губы тонкія и большею частію сжатыя: признакъ непрерывно устремленной на что-нибудь мысли. То же присутствіе горящей мысли свѣтилось въ зоркомъ, всегда бодромъ, ничего не пропускаящемъ взглядѣ темныхъ, сѣро-голубыхъ глазъ. Брови придавали особенную красоту глазамъ: онѣ не были дугообразны, не округляли глазъ двумя тоненькими, нащипанными пальцемъ ниточками—нѣтъ, это были двѣ русыя, пушистыя, почти прямыя полосы, которыя рѣдко лежали симметрично: одна на линію выше другой, отъ этого надъ бровью лежала маленькая складка, въ которой какъ-будто что-то говорило, будто тамъ покоилась мысль». «Сѣро-голубые, ласковые глаза выражали доброту и взглядъ ихъ былъ такъ глубоокъ». Обломову казалось, что О. взглядомъ «добываетъ изъ него все то, что не хочется чтобъ знали другіе». «Если-бъ ее обратить въ статую, она была бы статуя граціи и гармоніи. Нѣсколько высокому росту строго отвѣчала величина головы, величинѣ головы—оваль и размѣры лица; все это, въ свою очередь, гармонировало съ плечами, плечи—со станомъ»... «Кто ни встрѣчалъ ее, даже разсѣянный, и тотъ на мгновеніе останавливался передъ этимъ, такъ строго и обдуманно, артистически созданнымъ существомъ». «Очаровательное дитя», называлъ ее Штольцъ, но только, встрѣтись съ О. за границей, «онъ съ изумленьемъ увидѣлъ, въ какой образъ простоты, силы и естественности выросло это, многообщавшее и забытое имъ, дитя». Обломовъ любовался каждымъ ея движеніемъ». «Боже мой, какая она хорошенькая! Бываютъ же такія на свѣтѣ!» думалъ онъ, глядя на нее почти испуганными глазами. «Эта бѣлизна, эти глаза, гдѣ, какъ въ пучинѣ, темно, и вмѣстѣ блеститъ что-то, душа, должно-быть! Улыбку можно читать, какъ книгу; за улыбкой эти зубы и вся голова... какъ она нѣжно покоится на плечахъ, точно зыблется, какъ цвѣтокъ, дышитъ ароматомъ»... «Ходила О. съ наклоненной немного впередъ головой, такъ стройно, благородно покоившейся на тонкой, гордой шеѣ; двигалась всѣмъ тѣломъ ровно, шагая легко, почти неуловимо». «Ея смѣхъ» «былъ такъ звученъ, такъ искрененъ и заразителенъ, что кто ни послушаетъ этого смѣха, непременно засмѣется самъ, не зная о причинѣ». «Одни считали ее простой, недалней, неглубокой, потому что не сыпались съ языка ея ни мудрыя сентенціи о жизни, о любви, ни быстрыя, неожиданныя и смѣлыя реплики, ни вычитанныя или подслушанныя сужденія о музыкѣ и литературѣ: говорила она мало, и то свое, певажное—и ее обходили умные и бойкіе «кавалеры»; небойкіе, напротивъ, считали ее слишкомъ мудреной и немного боялись. Но Штольцъ «говорилъ съ ней охотнѣе и чаще», «нежели съ другими женщинами», говорилъ «безъ умолка и смѣшилъ ее». Говорить съ другими мужчинами ей было скучно». Штольца «она называла» «другомъ, любила за то, что онъ всегда смѣшилъ ее и не давалъ скучать,

но немного и боялась, потому что чувствовала себя слишком ребенкомъ передъ нимъ». Она не привыкла сидѣть «безъ книги, безъ музыки». Когда прѣхали Штольцъ съ О—мъ, О. «сидѣла одна, подъ лампой, поодаль отъ чайнаго стола, опершись спиной на кресло, и мало занималась тѣмъ, что вокругъ нея происходило». Она любила «музыку, но пѣла чаще втихомолку, или Штольцу, или какой-нибудь пансіонной подругѣ; а пѣла она, по словамъ Штольца, какъ ни одна пѣвица не поетъ». «У О. былъ мягкій, но сильный голосъ, съ нервною дрожью чувства». Послѣ ея пѣнія у Обломова вырвалось только:—«Ахъ!» Онъ не спалъ всю ночь: грустный, задумчивый, проходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ; на зарѣ ушелъ изъ дома, ходилъ по Невѣ, до улицамъ, Богъ знаетъ, что чувствуя, о чемъ думая». Правъ у нея былъ живой», «безпокойный»; языкъ насмѣшливый, «смѣшливый», по ея выраженію; «О. колола Обломова «легкими сарказмами за праздно убитые годы, изрекала суровый приговоръ, казнила его апатію глубже, дѣйствительнѣе, нежели Штольцъ».—«Странно!» сказалъ Обломовъ:—«Вы злы, а взглядъ у васъ добрый!» О. интересовали специальные вопросы» и она предлагала Обломову «изъ желанія знать въ чемъ дѣло» и «увлеклась самымъ вопросомъ».—«Зачѣмъ насъ не учатъ этому!—съ задумчивой досадою говорила она, иногда съ жадностью, урывками, слушая разговоръ о чемъ-нибудь, что привыкли считать ненужнымъ женщиѣ». «Однажды вдругъ приступила къ О—ву съ вопросами о двойныхъ звѣздахъ»; Обломовъ имѣлъ неосторожность сослаться на Гершеля и былъ посланъ въ городъ», долженъ былъ прочесть книгу и рассказывать ей, пока она не удовлетворилась». «Въ Эрмитажѣ Обломовъ долженъ былъ дѣломъ подтверждать ей прочитанное». «Она предлагала эти вопросы не съ женскою разсѣянностью, не по внушенію минутнаго каприза знать то или другое, а настойчиво, съ нетерпѣніемъ, и въ случаѣ молчанія Обломова казнила его продолжительнымъ, испытующимъ взглядомъ». Штольцъ называлъ ее «умницей»; Обломовъ говорилъ ей:—«Вы умнѣе меня!» У нея «кроткій, милый умъ». О. «не хитра, а просто умна». О. было ясно, что письмо къ ней Обломовъ написалъ «совсѣмъ не для того, чтобъ разстаться», что въ этомъ письмѣ какъ въ зеркалѣ видна его «осторожность», «забота» о ней, боязнь за ея счастье, его чистая совѣсть». Она оцѣнила движеніе «честнаго сердца Обломова», «давно предвидѣла» его предложеніе и привыкла къ мысли о будущемъ».—«Съ той минуты, какъ дала тебѣ вѣтку сирени... я мысленно назвала тебя... «Она не договорила».

На жизнь она смотрѣла серьезно: «жизнь—долгъ, обязанность». «Пѣль—жить».—«Развѣ можетъ быть чье-нибудь существованіе не нужнымъ?» говорила она Обломову.—«Въ вашихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ этой вѣткѣ, въ *Casta diva*—все здѣсь»... сказалъ Обломовъ.—«Нѣтъ, не все,—половина,—проговорила Ольга».—«Гдѣ же другая? что послѣ этого еще?»—«Ищите».—«Зачѣмъ?»—«Чтобы не потерять первой», отвѣтила Ольга. «Ее не вели «наильно по избитой дорожкѣ», она шла «по новой тропѣ, по которой ей приходилось пробивать свою колею собственнымъ умомъ, взглядомъ, чувствомъ»... «Природа ее ни чѣмъ этимъ не обидѣла». Въ ней «мелькали не совсѣмъ обыкновенныя черты ума, взгляды»; въ ней не было «лжи»; не искала она «общаго поклоненія; «чувства» въ ней «приходили и уходили свободно»; въ ней не было «ничего чужого, а все свое. и это свое «было смѣло, свѣжо и прочно». «Въ мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ», какъ она узнала Обломова, она «много передумала и испытала, какъ будто прочла большую книгу». Она шла «почти одна своей дорогой»; не тяготѣли «надъ ней, многочисленной опекой, авторитеты семи нянекъ, бабушекъ, тетокъ, съ преданіями рода, фамиліи, сословія, устарѣвшихъ нравовъ, обычаевъ, сентенцій». У нея была «счастливая натура, не перехитренное воспитаніе; она проста и естественна въ проявленіи мысли, чувства и воли, взгляда, слова, поступка. «Ни жеманства, ни кокетства, никакой лжи, никакой мишуры, ни умысла».—«Вы любите Андрея?»—спросилъ ее Обломовъ и погрузилъ напряженный, испытующій взглядъ въ ея глаза».—«Да, конечно, если онъ любитъ меня больше другихъ, я его и

подавно.—отвѣчала она серьезно». «Обломовъ глядѣлъ на нее молча; она отвѣтила ему простымъ, молчаливымъ взглядомъ». Она не знала, что сказать Обломову на его вдругъ вырвавшееся признаніе, но «поняла, что у него слово вырвалось, что онъ невластенъ въ немъ, и что оно истина». Она не знала, что дѣлать, «перемѣнилась съ нимъ, но не бѣгала (въ то время какъ «онъ прятался какъ школьникъ»), не была холодна, а стала только задумчивѣе». О. поняла, что она «виновница превращенія» Обломова, поняла, что въ «дерзости» Ильи Ильича, въ его признаніи не было ничего «дерзкаго».—«Да что же тутъ дерзкаго?» спросила она себя. «Ну, если онъ въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ, почему же не сказать?.. Однако, какъ же это, вдругъ, едва познакомился... Этого никто другой ни за что не сказалъ бы, увидя во второй, въ третій разъ женщину; да никто и не почувствовалъ бы такъ скоро любви. Это только Обломовъ могъ»... «Но она вспомнила, что она слышала и читала, какъ любовь приходитъ иногда внезапно». «На лицѣ ея было разлито дыханіе счастья, но мирнаго, которое, казалось, ничѣмъ не возмутить». На вопросъ Обломова,—«вы влюблены?»—она отвѣтила:—«Влюблена, нѣтъ... я не люблю этого: я васъ люблю! сказала она и поглядѣла на него долго, какъ будто повѣряла и себя, точно ли она любить».—«Я люблю иначе,—сказала она».—«Мнѣ безъ васъ скучно; разставаться съ вами не надолго—жаль, надолго—больно. Я однажды навсегда узнала, увидѣла и вѣрю, что вы меня любите—и счастлива, хоть не повторяйте мнѣ никогда, что любите меня. Больше и лучше любить я не умѣю». «Она какъ будто слушала курсъ жизни не по днямъ, а по часамъ» и вступила «въ сферу сознанія». Нѣсколько часовъ и дней, «много недѣля», сдѣлали на нее глубокое дѣйствіе и изъ дѣвочки О. вдругъ стала—уже женщиной». За мѣсяць знакомства съ Обломовымъ, она многое передумала и перестрадала». Вступленіе въ жизнь ей обошлось «дешево и легко». Она не стыдилась своего сердца, находила, что «стыдиться сердца»—это самолюбіе, только фальшивое», но высказывать своихъ чувствъ не умѣла».—«Умрете... вы,—съ запинкой продолжала она:—я буду носить вѣчный трауръ по васъ и никогда болѣе не улыбнусь въ жизни. Полюбите другую—роптать, проклинать не стану, а про себя пожелаю вамъ счастья... Для меня любовь это—все равно, что... жизнь, а жизнь»... «Она искала выраженія».—«Что жъ жизнь, по-вашему?»—спросилъ Обломовъ».—«Жизнь—долгъ, обязанность, слѣдовательно, любовь—тоже долгъ: мнѣ какъ будто Богъ послалъ ее,—досказала она, поднявъ глаза къ небу:—и велѣлъ любить».

«Она не вдалась въ мечтательность»; вопреки предсказаніямъ Штольца, «не покорилаь внезапному трепету листьевъ, ночнымъ видѣніямъ, таинственному шопоту, когда будто кто-то ночью наклонится надъ ея ухомъ и скажетъ неясное и непонятное».—«Нервы!—повторить она, иногда съ улыбкой (слова Штольца), сквозь слезы, едва пересиливая страхъ и выдерживая борьбу неокрѣпшихъ нервовъ съ пробуждающимися силами». Она встанетъ съ постели, выльетъ стаканъ воды, откроетъ окно, помашетъ себѣ въ лицо платкомъ и отрезвится отъ грѣзы на яву и во снѣ». Живыхъ радостей, страстей она еще не испытала и не понимаетъ, чтò это такое».—«М. б., и я современемъ испытаю»... говоритъ О. и лишь много позднѣе, будучи замужемъ за Штольцемъ, когда мужъ понялъ и освѣтилъ ей значеніе, непонятной для нея самой, грусти, «она, какъ безумная, бросилась къ нему въ объятія, и, какъ вакханка, въ страстномъ забытьѣ, замерла на мгновеніе, обвивъ его шею руками». Полюбивъ Обломова «она только-что начала жить». «Жизнь ея наполнилась такъ тихо, незамѣтно для всѣхъ, что она жила въ своей новой сферѣ, не возбуждая вниманія, безъ видимыхъ порывовъ и тревогъ. Она дѣлала то же, что прежде, для всѣхъ другихъ, но дѣлала все иначе». При первой встрѣчѣ съ О., Обломовъ замѣтилъ, что она самолюбива.—«Самолюбіе вездѣ есть и много», и «это почти единственный двигатель, который управляетъ волей,—повторила она слова Штольца. Ей было досадно, что Илья Ильичъ сначала слушать не хотѣлъ ея пѣнія»; потомъ, когда Обломовъ, вмѣсто комплимента, попросилъ О. спѣть:—«Вотъ онъ, ком-

пленитель, котораго я ждала!—радостно вспыхнувъ, перебила она.—Знаете ли,—съ живостью продолжала потомъ:—если бъ вы не сказали третьяго-дня этого «ахъ» послѣ моего пѣнія, я бы, кажется, не уснула ночь, можетъ-быть, плакала бы».—«Отчего?»—съ удивленіемъ спросилъ Обломовъ. «Она задумалась».—«Сама не знаю,—сказала потомъ».—«Вы самолюбивы; это оттого». Она согласилась, что это такъ.—«Да точно, это самолюбіе!» рѣшительно отвѣтила она. Штольцъ ей сказалъ, «что Обл. «апатиченъ, что ничего его не занимаетъ, что все угасло въ немъ». «Ей захотѣлось посмотрѣть, все ли угасло и она пѣла, пѣла... какъ никогда». Она приняла порученіе Штольца «приглядывать» за Обломовымъ, «мѣшать ему сидѣть дома», и «въ головѣ О. развился уже подробный планъ, какъ отучить Обломова спать послѣ обѣда, да не только спать, она не позволить ему даже прилечь на диванѣ днемъ: возьметъ съ него слово». «Она мечтала, какъ «прикажетъ ему прочесть книги», которыя оставилъ Штольцъ, потомъ читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, писать въ деревню письма, дописывать планъ устройства имѣнія, приготовиться ѣхать за границу—словомъ, онъ не задремлетъ у нея; она укажетъ ему цѣль, заставитъ полюбить опять все, что онъ разлюбилъ, и Штольцъ не узнаетъ его, воротясь». «Онъ будетъ жить, дѣйствовать, благословлять жизнь и ее. Возвратить человѣка къ жизни—сколько славы доктору, когда онъ спасетъ безнадежнаго больного! А спасти нравственно-погибающій умъ, душу?...» Она даже вздрагивала отъ гордаго радостнаго трепета, считала это урокомъ, назначеннымъ свыше». «Она старалась всѣми силами расшевелить Обломова. Когда, послѣ внезапно вырвавшегося у Обломова признанья, онъ просилъ ее «забыть о случившемся», «тѣмъ болѣе, что это неправда»:—«Не-правда? вдругъ повторила она и «выпрямилась». «Глаза ея вдругъ раскрылись широко и блеснули изумленіемъ».—«Какъ неправда? повторила она еще» и «у ней въ горлѣ стояли слезы». О. «не справлялась, подниметъ ли страстный другъ ея перчатку, если бъ она бросила ее въ пасть ко льву, бросится ли для нея въ бездну, лишь бы она видѣла симптомы этой страсти, лишь бы онъ оставался вѣренъ идеалу мужчины, и притомъ мужчины, просыпающагося чрезъ нее къ жизни, лишь бы отъ луча ея взгляда, отъ ея улыбки, горѣлъ огонь бодрости въ немъ и онъ не переставалъ бы видѣть въ ней цѣль жизни». «Она жила и чувствовала жизнь только съ Обломовымъ и уже никого не спрашивала, что ей дѣлать, какъ поступить». «По мѣрѣ того, какъ открывались передъ ней фазисы жизни, то-есть чувства, она зорко наблюдала явленія, чутко прислушивалась къ голосу своего инстинкта и слегка повѣряла съ немногими, бывшими у ней въ запасѣ, наблюденіями и, шла осторожно, пытая ногой почву, на которую предстояло вступить». «Она изучила» Обломова, напередъ «угадывала его мысль»; «она понимала яснѣе его, что въ немъ происходитъ» и, несмотря на свою молодость, «видѣла», что «ей принадлежитъ первая и главная роль въ этой симпатіи, что отъ него можно было ожидать только глубокаго впечатлѣнія, страстно-лѣнливой покорности, вѣчной гармоніи съ каждымъ біеніемъ ея пульса, но никакого движенія воли, никакой активной мысли». «Онъ былъ какой-то Галатеей, съ которой ей приходилось быть Пигмалиономъ».—«Ты думалъ, что я, не понявъ тебя, была-бы здѣсь (въ паркѣ) съ тобою одна, сидѣла бы по вечерамъ въ бесѣдкѣ, слушала и довѣрялась тебѣ? гордо сказала она». «Она мигомъ взвѣсила свою власть надъ нимъ, и ей нравилась эта роль путеводной звѣзды, луча свѣта, который она разольетъ надъ стоячимъ озеромъ и отразится въ немъ». «Она понимала яснѣе его, что въ немъ происходитъ, и потому перевѣсь былъ на ея сторонѣ. Она открыто глядѣла въ его душу, видѣла, какъ рождалось чувство на днѣ его души, какъ играло, и выходило наружу; видѣла, что съ нимъ женская хитрость, лукавство, кокетство—были бы лишнія, потому что не предстояло борьбы» и она «открыла извѣстную страницу книги и позволила (Обломову) прочесть завѣтное мѣсто». Она поняла «свое первенство въ этомъ поединкѣ», то, что ея воля для него законъ. «Что я разъ назвала своимъ, того уже не отдамъ назадъ, развѣ отнимуть. Я это знаю, нужды нѣтъ,

что я молода»... сказала О. Обломову. «Отъ сарказмовъ надъ вялымъ и дряблымъ существованіемъ Обломова, она перешла къ деспотическому проявленію воли, отважно напомнила ему цѣль жизни и обязанностей и строго требовала движенія, безпрестанно вызывала наружу его умъ, то запутывая его въ тонкій, жизненный, знакомый ей вопросъ, то сама шла къ нему съ вопросомъ о чемъ-нибудь неясномъ, недоступномъ ей». «Вся ея женская тактика была проникнута нѣжной симпатіей».

Послѣ встрѣчи съ Обломовымъ, «взглядъ Ольги на жизнь на любовь, на все, сдѣлался еще яснѣе, опредѣленнѣе. Она увѣреннѣе прежняго глядитъ около себя, не смущается будущимъ; въ ней развернулись новыя стороны ума, новыя черты характера. Онъ проявляется то поэтически разнообразно, глубоко, то правильно, ясно, постепенно и естественно». — «Это дитя, Ольга!» — думалъ Штольцъ въ раздумьѣ, — перерастаетъ меня!» «Какъ она созрѣла, Боже мой! какъ разлилась эта дѣвочка! Кто жъ былъ ея учителемъ? Гдѣ она брала уроки жизни? У барона? Тамъ гладко, не почерпнешь въ его щегольскихъ фразѣхъ ничего! Не у Ильи же!..» Штольцъ «съ огнемъ опытности въ рукахъ, пускался въ лабиринтъ ея ума, характера, и каждый день открывалъ и изучалъ всѣ новыя черты и факты, и все не видѣлъ дна, только съ удивленіемъ и тревогой слѣдилъ, какъ ея умъ требуетъ ежедневно насущнаго хлѣба, какъ душа ея не умолкаетъ, все проситъ опыта и жизни». «Она желала сама видѣть и узнать, что видѣлъ и узналъ онъ». У нея «есть воля», «есть какое-то упорство. Штольца едва-едва ставало послѣвѣвать за томительною торопливостью ея мысли и воли». «Если у ней явится какое-нибудь намѣреніе, такъ и дѣло закипитъ. Только и слышишь объ этомъ. Если и не слышишь, то видишь, что у нея на умѣ все одно что она не забудетъ, не отстанетъ, не растеряется, все сообразитъ и добьется чего искала», но «внѣшней силы, рѣзкихъ пріемовъ наклонностей у ней нѣтъ». «Она не испугалась бездны» [«когда человѣкъ не помнитъ себя, когда, по выраженію Обломова, на него дышитъ страсть». — «Ну, что-жъ? Пусть открывается! сказала О.». Она не понимала «самоотверженія Обломова»: — «Я не уступила бы тебя никому; я не хочу, чтобъ ты былъ счастливъ съ другой». Она готова была пойти всюду съ Обломовымъ: — вотъ моя рука и пойдемъ куда хочешь, за границу, въ деревню, даже на Выборгскую сторону». Она требовала отъ Обломова лишь «смѣлаго, сознательнаго рѣшенія». — «Мы не дѣти, и не шутимъ: дѣло идетъ о цѣлой жизни!» «Картина ужаса» не смутила ее, но на вопросъ Обломова, пошла ли бы она другимъ путемъ къ счастью, «твердо отвѣтила: — «Никогда, ни за что!» — «Я не хочу ни чахнуть, ни умирать!..» — «Можно нейти тѣмъ путемъ и любить еще сильнѣе»... — «Отчего же-бъ ты не пошла по этому пути? спросилъ онъ». — «Оттого, что на немъ... впоследствии всегда... разстанутся, — сказала она: — а я... разстаться съ тобой!..» «Она остановилась, положила ему руку на плечо, долго глядѣла на него, и вдругъ», «быстро и жарко обвила его шею руками, поцѣловала, потомъ вся вспыхнула, прижала лицо къ его груди и прибавила тихо: — Никогда!» — «Я жду, ищу одного счастья, и вѣрю, что нашла. Я знаю, что люблю васъ и не боюсь ошибки сказать: — я въ васъ не ошибаюсь!» — «Я мечтательница, фантазерка! говорила она: несчастный характеръ у меня. Отчего другія, отчего Соничка, такъ счастлива?!» «Если Ольгѣ приходилось иногда раздумываться надъ Обломовымъ, надъ своей любовью къ нему, если отъ этой любви оставалось праздное время и праздное мѣсто въ сердцѣ, если вопросы ея не всѣ находили полный и всегда готовый отвѣтъ въ его головѣ и воля его молчала на призывъ ея воли, и на ея бодрость и трепетанье жизни онъ отвѣчалъ только неподвижно-страстнымъ взглядомъ — она впадала въ тягостную задумчивость: что-то холодное, какъ змѣя, вползало въ сердце, отрезвляло ее отъ мечты, и теплый, сказочный міръ любви превращался въ какой-то осенній день, когда всѣ предметы кажутся въ сѣромъ цвѣтѣ». «Она искала, отчего происходитъ эта неполнота, неудовлетворенность счастья? Чего недостаетъ ей? Что еще нужно? Вѣдь это судьба —

назначеніе любить Обломова? Любовь эта оправдывается его кротостью, чистой вѣрой въ добро, а пуще всего нѣжностью, нѣжностью, какой она не видала никогда въ глазахъ мужчины». «Что жъ за дѣло, что на не всякій взглядъ ея онъ отвѣчаетъ понятнымъ взглядомъ, что не то звучитъ иногда въ его голосъ, что ей какъ будто уже звучало однажды, не то во снѣ, не то наяву... Это воображеніе, нервы: что слушать ихъ и мудрить?» «Да наконецъ, если бѣ она хотѣла уйти отъ этой любви—какъ уйти? Дѣло сдѣлано: она уже любила, и скинуть съ себя любовь по произволу, какъ платье, нельзя»

«Умница» Ольга скоро сама сознала, что «любила будущаго Обломова, «любила въ немъ то, что хотѣла». Она поняла, что имъ «пора разстаться»; она плакала не о будущемъ, а о прошломъ, она рыдала и плакала и слезы изливались безотрадно, холодными потоками, какъ осенній дождь, беспощадно поливающий нивы». «Умница пропала—явилась просто женщина, беззащитная противъ горя». — «Прости меня, мой другъ! заговорила она нѣжно, будто слезами: —я не помню, что говорю: я безумная! Забудь все; будемъ попрежнему; пусть все останется какъ было»... — «Ты кротокъ, честень, Илья: ты нѣженъ... голубь; ты прячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю! Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ недостаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!» — «Ты засыпалъ бы съ каждымъ днемъ все глубже—не правда ли? А я? Ты видишь, какая я? Я не состарѣюсь, не устану жить никогда. А съ тобой мы стали бы жить изо-дня-въ-день, ждать Рождества, потомъ масленицы, ѣздить въ гости, танцевать, и не думать ни о чемъ; ложились бы спать и благодарили Бога, что день скоро прошелъ, а утромъ просыпались бы съ желаніемъ, чтобъ сегодня походило на вчера... вотъ наше будущее—да? Развѣ это жизнь? Я зачахну, умру... за что, Илья? Будешь ли ты счастливъ»...

Настойчивость въ намѣреніяхъ и упорство ни на шагъ ни увлекаютъ ее изъ женской сферы». — «Вы лучше всѣхъ женщинъ, вы первая женщина въ мірѣ!» сказалъ ей Обломовъ въ восторгѣ. У нея «все—по женски». «Она доступна чувству состраданія, жалости», «у ней не трудно вызвать слезы; къ сердцу ея доступъ легокъ»; «въ любви она такъ нѣжна; во всѣхъ ея отношеніяхъ ко всѣмъ столько мягкости, ласкового вниманія—словомъ, она женщина!» «Въ ней есть даже робость, свойственная многимъ женщинамъ». Она «сознательно» покорялась Штольцу. «На лицѣ у ней онъ читалъ довѣрчивость къ себѣ до ребячества». Она приняла его «нравственную опеку надъ своимъ умомъ». «Кокетства въ ней не было. Она была выше этой пошлой слабости». У нея было вѣрное пониманіе «истинной, ничѣмъ не навѣянной нравственности». Она не повѣрила Обломову, когда онъ ей писалъ, что ея «настоящее люблю не есть настоящая любовь, а будущая», что она ошиблась: «предъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали»; послѣ разлуки съ Обломовымъ на душѣ ея была «тяжесть»,—стыдъ за прошлое, пытка самолюбія за настоящее—только Штольцъ помогъ ей сбросить эту «тяжесть съ души». Поклоненіе такого человека, какъ Штольцъ, ей нравилось; она умѣла отличить его «дружескую преданность и угожденія отъ нѣжнаго проявленія другого чувства», но «упорно молчала, и не знала, какъ выйти изъ хаоса», «какъ назоветъ то, что чувствуетъ къ Штольцу?» «Если она любитъ Штольца, что же такое была та любовь?—коккетство, вѣтренность, или хуже? Ее бросало въ жаръ и краску стыда при этой мысли. Такого обвиненія она не возведетъ на себя». «Если же то была первая, чистая любовь, что такое ея отношенія къ Штольцу?—Опять игра, обманъ, тонкій расчетъ, чтобъ увлечь его къ замужеству и покрыть этимъ вѣтренность своего поведенія?..» «Ее бросало въ холодъ, и она блѣднѣла отъ одной мысли». «А не игра, не обманъ, не расчетъ—такъ... опять любовь?» «Отъ этого предположенія она терялась: вторая любовь—чрезъ семь-восемь мѣсяцевъ послѣ первой! Кто жъ ей повѣритъ? Какъ она заикнется о ней, не вызвавъ

изумленія, можетъ-быть... презрѣнія! Она и подумать не смѣетъ, не имѣетъ права!» «Нѣтъ, нѣтъ у ней любви къ Штольцу, рѣшала она, и быть не можетъ! Она любила Обломова, и любовь эта умерла, цвѣтъ жизни увялъ навсегда! У ней только дружба къ Штольцу, основанная на его блистательныхъ качествахъ, потомъ на дружбѣ его къ ней, на вниманіи, на довѣріи». «Она отталкивала мысль, даже возможность о любви къ старому своему другу». «О. задумывалась какъ она выйдетъ изъ этого положенія и не видала никакой цѣли, конца». «Она заглушала даже всякій лукавый и льстивый шопотъ сердца». «Не любятъ два раза въ жизни», думала она: «это, говорятъ, безнравственно»; но «не могла совладѣть съ грѣзами воображенія: часто передъ глазами ея, противъ ея власти, становился и сіялъ образъ этой другой любви; все обольстительнѣе, обольстительнѣе, росла мечта роскошнаго счастья, не съ Обломовымъ, не въ лѣнливой дремотѣ, а на широкой аренѣ всесторонней жизни, со всей ея глубиной, со всеми прелестями и скорбями—счастья съ Штольцемъ»... «Тогда-то она обливалась слезами свое прошедшее и не могла смыть. Она отрезвлялась отъ мечты и еще тщательнѣе спасалась за стѣной непроницаемости, молчанія и того дружескаго равнодушія, которое терзало Штольца. Потомъ, забывшись, увлекалась опять безкорыстно присутствіемъ друга, была очаровательна, любезна, довѣрчива, пока опять незаконная мечта о счастьѣ, на которое она утратила права, не напомнитъ ей, что будущее для нея потеряно, что розовыя мечты уже позади, что опалъ цвѣтъ жизни». И когда Штольць сказалъ:—«Выдѣте за меня замужъ, въ ожиданіи, пока онъ (герой) придетъ!»—«Еще не смѣю...—шептала она, закрывая лицо руками, въ волненіи, но счастливая».

О. не знала «логики покорности слѣпой судьбѣ и не понимала женскихъ страстишекъ и увлеченій. Признавъ разъ въ избранномъ человѣкѣ достоинство и право на себя, она вѣрила въ него и потому любила, а переставала вѣрить—переставала и любить, какъ случилось съ Обломовымъ». «Она увѣровала въ Андрея не слѣпо, а съ сознаньемъ, и въ немъ воплотился ея идеаль мужского совершенства. Чѣмъ больше, чѣмъ сознательнѣе она вѣровала въ него, тѣмъ труднѣе было ему держаться на одной высотѣ, быть героемъ не ума ея и сердца только, но и воображенія. А она вѣровала въ него такъ, что не признавала между нимъ и собой другого посредника, другой инстанціи, кромѣ Бога». Но чѣмъ было «счастье ея полнѣе, тѣмъ она становилась задумчивѣе и даже... боязливѣе. Она стала строго замѣчать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, ея остановка на минутахъ счастья». «Она боялась власть во что-нибудь похуже на обломовскую алатію»; «чутко прислушивалась, пыталась себя, но ничего не вышгала, не могла добиться, чего по временамъ просить, чего ищетъ душа, а только просить и ищетъ чего-то, даже будто—страшно сказать—тоскуетъ, будто ей мало было счастливой жизни, будто она уставала отъ нея и требовала еще новыхъ, небывалыхъ явленій, заглядывала дальше впередъ»... «Что жъ это?» съ ужасомъ думала она. «Ужели еще нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нѣтъ дороги... Ужели иѣтъ, ужели ты совершила кругъ жизни? Ужели тутъ все?»... говорила душа ея. Ей стала «знакома грусть души, вопрошающей жизнь о тайнѣ», «какіе-то вопросы» тревожили. «Она боязливо, глядѣла въ даль жизни»; «тамъ видѣла она цѣль утратъ, лишеній, омываемыхъ слезами, неизбѣжныхъ жертвъ, жизнь поста и невольнаго отреченія отъ рождающихся въ праздности прихотей, вопли и стоны отъ новыхъ, теперь невѣдомыхъ имъ чувствъ; снились ей болѣзни, разстройство дѣлъ, потеря мужа»... «Она содрогалась, изнемогала, но съ мужественнымъ любопытствомъ глядѣла на этотъ новый образъ жизни, озирала его съ ужасомъ и измѣряла свои силы»... О. «готовилась, ждала»; она росла все выше и выше». Штольць «съ изумленіемъ увидѣлъ, въ какой образъ простоты, силы и естественности выросло это многообщавшее и забытое имъ дитя, мало-по-малу открывалась передъ нимъ глубокая бездна ея души, которую приходилось ему наполнять и никогда не наполнить». Вдали ему «улыбался

новый образъ, не эгоистки О., не страстно любящей жены, не матери-няньки, увядающей потомъ въ безцвѣтной, никому ненужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое... Ему грезилась мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія»...

Критика. См. ниже: «Дополненія», стр. 364.

Ольга-Оленька («Обломовъ»).—Уп. л. Дочь Андрея и Ольги Штольцевъ.

Ондеръ-толки («Фрег. Пал.»), т. е. младшіе переводчики въ Японіи. См. Садагора, Матабе, Нарабойси и Съоза.

Онисимъ Сусловъ («Обломовъ»).—См. Сусловъ, О.

Опенунъ («Обрывъ»).—Уп. л. О. и дядя Райскаго, опредѣлившій его въ школу. Узнавъ отъ Райскаго, что онъ готовится «въ артисты», сказалъ: «Чортъ знаетъ, что выдумалъ!» Кто-жъ тебя пустить? Ты знаешь ли, что такое артистъ?» Пояснилъ:—«Артистъ это такой человѣкъ, который или денегъ у тебя займетъ или навретъ такой чепухи, что на недѣлю тумана наведетъ».—«Слыхалъ ли ты когда-нибудь, чтобы нарисовалъ картину какой-нибудь князь, графъ, или статую слѣпилъ старый дворянинъ?» Начертилъ карьеру Райскаго: университетъ, служба въ Петербургѣ и, съ помощью родни, зачисленіе въ камеръ-юнкеры и въ тридцать лѣтъ—губернаторство.

Опенкинъ, Акимъ Акимовичъ («Обрывъ»).—Чиновникъ изъ палаты. Лысый съ лиловымъ носомъ. «Райскій помнилъ», какъ О. хаживалъ бывало въ домъ его отца съ бумагами изъ палаты. «Это былъ скромный и тихій человѣкъ изъ семинаристовъ, отвлеченный отъ духовнаго званія женитьбой по любви на дочери какого-то ассессора, не желавшей быть ни дьяконицей, ни даже попадѣй». «Онъ ли пьянствомъ сначала вывелъ жену «изъ терѣнія, она ли характеромъ своимъ довела его до пьянства»—никто не давалъ себѣ труда разбирать, но О. «дома былъ какъ чужой человѣкъ, приходившій туда только ночевать, а иногда пропадавшій по нѣскольку дней».—«Зачѣмъ домой, дабы змѣя лютая язвила меня до утра?» говорить О. Якову.—«Вотъ дастъ вамъ знать жена, пригрозила О. Марина.—Избѣтъ, избѣтъ, яко младенца, Маринушка, отвѣтилъ О. «Татьянѣ Марковнѣ онъ признавался, что бывалъ «иной разъ и самъ» виноватъ: гдѣ бы помолчать, пожалуй, и пронесло бы, а тутъ зло возьметъ, не вытерпишь, и пошло! Сами посудите: сядешь въ уголь, молчишь:—«зачѣмъ сидишь какъ чурбанъ, безъ дѣла?» возьмешь дѣло въ руки: «не трогай, не суйся, гдѣ не спрашиваютъ!» «ляжешь: «что все валяешься?» Возьмешь кусокъ въ ротъ: «только жрешь!» заговоришь: «молчи лучше!» Книжку возьмешь: вырвуть изъ рукъ, да швырнуть на полъ. Вотъ мое житье—какъ передъ Господомъ Богомъ!» Онъ предоставилъ женѣ получать за него жалованье въ палатѣ и содержать себя и двоихъ дѣтей какъ она знаетъ, а самъ изъ палаты прямо шелъ куда-нибудь обѣдать и оставался тамъ до ночи, или на ночь, и на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, шелъ въ палату и скрипѣлъ перомъ, трезвый, до трехъ часовъ. И такъ проживалъ свою жизнь по людямъ». «Къ нему привыкли всѣ въ городѣ, и почти вездѣ, кромѣ чопорныхъ домовъ, принимали его». Онъ виталъ какъ «птица небесная» «вездѣ и нигдѣ», три дня у Горошкиныхъ, или у Пестовыхъ, «ежемѣсячно» заглядывая къ Бережковой, которая принимала его, когда не ждала хорошихъ гостей, т. е. людей поважнѣе въ городѣ. Такъ, какъ «червь пресмыкающійся», прожилъ онъ свою жизнь по людямъ».—Только и свѣта, что въ палатѣ, да по добрымъ людямъ», говорилъ самъ О. Правъ у О. былъ «безобидный». Онъ самъ гордился тѣмъ, что былъ «честнымъ человѣкомъ».—«Я честный человѣкъ, матушка: да или нѣтъ?» спрашиваетъ онъ Бережкову.—Ты только изреки—честный я, или нѣтъ? Обманулъ я, уязвилъ, налгалъ, наклеветалъ, насиплетничалъ на ближняго? изрыгалъ хулу, злобу? Николи!—гордо произнесъ онъ».—Нарушилъ ли присягу вѣрности карю и отечеству? производилъ поборы, извращалъ смыслъ закона, посягалъ на интересъ казны? Николи! Мухи не обидѣлъ, матушка: безвреденъ, яко червь пресмыкающійся»... Въ трезвомъ видѣ Опенкинъ чествовалъ всѣхъ похвалами:—«Татьяна Марковна, высокая и сановитая владычица сихъ мѣстъ! Прости

дерзновенному, ищущему предстать предъ твои очи и облобызать прахъ твоихъ ногъ! Прими подъ гостепріимный кровъ твой странника, притекша издалека вкусить отъ твоея трапезы и укрыться отъ зноя полдневаго!» Онъ разливалъ волны семинарскаго краснорѣчія, переходя нерѣдко въ плаксивый тонъ. Татьяну Марковну О. величалъ—«краснымъ солнышкомъ», Вѣру и Марейнку—«небесными горлицами», Викентьева—любеобильнымъ и надеждами чреватымъ, села Колчина и многихъ иныхъ мѣсть обладателемъ, Марину—«Маринушкой»; обращаясь къ Якову, говорилъ:—«человѣче», или «благочестивый Іаковъ», тогда какъ себи именовалъ «недостойнымъ Іоакимомъ». Всегда былъ «рѣчистый, неутомонный, подъ конецъ пьяный». На предложеніе Бережковой, выпить съ дороги кофе, возразилъ:—«Что, матушка, за кофе: не къ рожѣ мнѣ!» На вопросъ Викентьева:—«Водки?»—отвѣтилъ:—«Съ мѣсяцъ ея не видалъ, забылъ чѣмъ пахнетъ». Просилъ Марейнку «изъ сахарной ручки удостоить поднести рюмочку мадерцы», но не иностранной, «не отъ итальянца»:—«Нѣ надо отъ итальянца! не въ коня кормъ. Она (мADERA) десять рублей стоитъ: не къ рожѣ!» Просилъ Татьяну Марковну:—«Удостой, матушка, отъ Ватрухина, отъ Ватрухина—въ два съ половиной мѣдью!» Когда Марейнка палила О. рюмку, онъ, съ жадностью, одной дрожавшей рукой, осторожно и плотно прижалъ ее къ нижней губѣ, а другую держалъ въ видѣ подноса подъ рюмкой, чтобъ не пролить ни капли, и залпомъ опрокинулъ рюмку въ ротъ, потомъ отеръ губы и потянулся къ рукѣ Марейнки...—«Ручку пожалуйте недостойному, просилъ онъ у Татьяны Марковны и, охмелѣвъ, опускался на колѣни и вопилъ:—Матушка, матушка! дай ножку, благодѣтельница!» По словамъ Викентьева, напивался «живо». Викентьевъ, однажды, такъ «напоилъ О. за завтракомъ», что «къ тремъ часамъ О. былъ готовъ совсѣмъ и спалъ крѣпкимъ сномъ въ пустой залѣ стараго дома». Придя въ домъ Бережковой, О. просиживалъ до поздняго вечера, пока его «безъ церемоніи» не отводили, или не отвозили «на телѣгѣ» домой. [На проводы охмелѣвшаго О. «на другой конецъ города», «Яковъ съ Кузьмой вдвоемъ употребили четыре часа»]. Послѣ обѣда, за которымъ О. пилъ «мADERу отъ Ватрухина», онъ шелъ спать на сѣновалъ; потомъ принимался «за чай съ ромомъ»; за ужиномъ снова пилъ «мADERу» и послѣ «прихлебывалъ холодный чай съ ромомъ». Охмелѣвши, онъ вздыхалъ и сопѣлъ, и «просилъ снова поднести ему рюмочку». Онъ, не переставая, говорилъ «сладенькимъ, дребезжающимъ голосомъ, или оралъ во все горло», или донималъ Татьяну Марковну разказами о прежнемъ житѣ-бытѣ въ городѣ, о многихъ старикахъ, которыхъ всѣ забыли, кромѣ его, о разныхъ событіяхъ добраго стараго времени, наконецъ, о своихъ домашнихъ несчастіяхъ». Когда Марина сказала О., что «барыня почивать хочетъ, пора вамъ домой»,—О. отвѣтилъ:—«Хулу глаголешь, несчастная. Татьяна Марковна не изгоняетъ гостей: гость—священная особа».. Послѣ выговора Татьяны Марковны, упалъ на колѣни и, барахтаясь, кое-какъ поднялся съ пола, но домой не пошелъ. Онъ отправился къ Якову и просилъ «поднести изъ благочестивыхъ рукъ рюмочку ямайскаго». Удовольствовался пивомъ и принялся за разказы «о божественномъ». На слова Татьяны Марковны, что ея домъ «не кабакъ» и что она не велитъ О. «принимать», воскликнулъ:—«Матушка! кабакъ! кабакъ! кто говоритъ кабакъ? Это храмъ мудрости и добродѣтели». Разказывая Якову о «божественномъ», О. «кончилъ пиво», «и сталъ поминутно терять нить исторіи и перепуталъ до того, что Самсонъ у него проглотилъ кита и носилъ три дня во чревѣ».—«Какъ, позвольте, —задумчиво остановилъ его Яковъ»:—«Кто кого проглотилъ?»—«Человѣкъ, тебѣ говорятъ: Самсонъ, то бишь Іона!»—«Да вѣдь китъ большущая рыба: сказываютъ, въ Волгѣ не уляжется», возразилъ Яковъ.—«А чудо-то на что?»—«Проглотилъ, ей Богу, право, проглотилъ,—бормоталъ О. несвязно въ просонѣ».—«Поднеси изъ благочестивыхъ рукъ»..., «чуть внятно лепеталъ онъ, уже засыпая».

Оперъ-толки («Фрег. Пал.»), т. е. старшіе переводчики, см.: Кирибе, Льода и Эйпоске.

Офицеръ («Фрег. Пал.»).—Испанецъ изъ Маниллы. Во время строевого ученя, «съ бамбуковой палькой, какъ коршунъ, вился около» марширующихъ «индйскихъ рекрутовъ». «Палка дѣйствовала неумолимо, удары сыпались то на голыя пятки, то на плечи, иногда на затылокъ провинившагося».

Офицеръ («Обыкн. Ист.»).—Гость Тафаевой.

П.

П. А. («Фрег. Пал.»).—См. въ Слискѣ:—Тихменевъ, П. А.

П. А. Т. («Фрег. Пал.»).—См. выше—П. А.

П. Б., князь («Обрывъ»).—Уп. л. Черезъ него провѣдала княгиня Олимпиада Измаиловна, что графъ Милари «изъ новыхъ», и своимъ прежнимъ правительствомъ былъ mal vu и эмигрировалъ изъ отечества въ Парижъ, гдѣ и проживалъ, а, главное, что у него тамъ, подъ голубыми небесами во Флоренціи, или въ Миланѣ, есть какая-то нареченная невѣста, тоже кузина... что вся ея фортуна перейдетъ въ его родъ изъ того рода, такъ-же, какъ и виды на карьеру» (изъ письма Аянова Райскому).

Павель Саввичъ («Обыкн. Ист.»).—Уп. л. Знакомый Антопа Иваныча—«Есть же скареды такіе», отзывается о П. С. Антонъ Иванычъ.—«Въ иной богачѣльнѣ лучше содержать народъ», чѣмъ «у нихъ въ домѣ», «а въ Москвѣ, на Кузнечномъ мосту, что годъ, то тысячь десять и посадятъ».

Пайсовъ («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Матросъ. Подвѣсился къ одному крючку, вмѣстѣ съ Фадеевымъ и Шведовымъ. См. Шведовъ.

Пантелеймонъ («Обрывъ»).—Уп. л. Дворовый изъ Малиновки.

Пасторъ («Фрег. Пал.»).—«Бѣлокурый, полный» мужчина. Въ гостиницѣ въ Капштатѣ—«въ сѣняхъ, по ступенямъ лѣстницы, въ номерахъ, на крыльцѣ—«вездѣ» были дѣти П. «Настоящій Авраамъ—послѣ божественнаго посѣщенія».

Пасторъ («Фрег. Пал.»).—См. Беттельгеймъ.

Пахотина, Анна Васильевна («Обрывъ»).—Младшая сестра Николая Васильевича. «Высокая, сѣдая, чинная старушка; ходила дома, какъ и сестра, въ шелковомъ темномъ платьѣ, большомъ чепцѣ, на рукахъ со многими перстнями. «Носила сырцовыя букли и большую шаль». Жила вмѣстѣ съ сестрой, Надеждой Васильевной, «уединенно», въ старомъ, длинномъ, въ два этажа, съ гербомъ на фронтонѣ домѣ, гдѣ было все «богато», «чинно», но «безъ комфорта». Въ домѣ тянулась безконечная амфилада комнатъ. «Портреты предковъ» занимали «всю залу». Швейцаръ походилъ на Нептуна; лакеи пожилые и молчаливые, женщины въ темныхъ платьяхъ и чепцахъ. Экипажъ высокій съ шелковой бахромой, лошади старыя, породистыя, съ длинными шеями и спинами, съ поблѣвшими отъ старости губами, при ѣздѣ крупно кивающія головой. А. В. гордилась своей родословной; дорожила «именемъ», «репутаціей и важностью дома, преданіями» рода. Какъ и сестра, А. В. была скупа, но выдавала брату, «субсидіи», не считая «пяти тысячъ карманныхъ денегъ» и чуть не плача платила за него по счетамъ купцовъ. Обѣ сестры знали на какое употребленіе уходятъ у брата деньги, но на это онѣ смотрѣли снисходительно, помня нестрогіе нравы повѣсь своего времени и находя это въ мужчинѣ естественнымъ. Онѣ прощали брату все за то только, что онѣ Пахотинъ. Только онѣ, какъ «нравственные», «женщины», затыкали уши, когда онѣ хвастался «передъ ними своими шалостями». А. В. не могла «видѣть безпорядка: въ комнатѣ Софьи, чуть цвѣты раскинутся въ вазѣ прихотливо», она «звонила дѣвушку и приказывала собрать ихъ въ симметрію»; когда «западалъ вольный лучъ солнца», А. В. находила, «что глазамъ больно, молча указывала на портьеру»—и портьера «закрывала свѣтъ». Любила играть въ карты и Пахотинъ прозвалъ «постояннаго партнера «сестеръ

—Аянова—«женихомъ» А. В. Во время игры она «со слѣпа била» и карты партнера и «свою даму, кладя девятку на чужого валета, когда дама была на рукахъ». Послѣ этого «трефовая дама» ей даже «во снѣ снилась». Нѣкогда, обѣ сестры «блистали въ свѣтѣ», но, по какимъ-то забытымъ причинамъ, остались дѣвами и доживали старость, окруживъ «попеченіями и заботами» Софью. Послѣ того, какъ Софья сдѣлала un faux pas, «обѣ тетки разомъ слегли» и втайнѣ готовились уѣхать на такія воды, какихъ, по выраженію Аянова, старики не запоминаютъ».

Пахотина, маман («Обрывъ»).—Уп. л. Жена Николая Васильевича, мать Софьи; «изъ стараго рода», «красивая», но холодная, «съ деспотическимъ характеромъ». Она «сразу» угадала слабость мужа и прибрала его къ рукамъ. По словамъ Софьи, «маман была строга и серьезна, никогда не шутила, почти не смѣялась, ласкала мало, всѣ слушались въ домѣ: няньки, дѣвушки, гувернантки дѣлали все, что она приказывала и папѣ тоже. Въ дѣтскую она не ходила, но порядокъ былъ такой, какъ будто она тамъ жила». По утрамъ, «прежде пезели поздороваться» съ дочерью, «пристально поглядить» ей «въ лицо», «обернуть» ее раза три, посмотреть все ли хорошо, даже ноги посмотреть, потомъ глядеть», какъ дочь дѣлаетъ «книксъ», и тогда поцѣлуетъ въ лобъ и отпуститъ». «Шалить» Софьѣ не позволяли: маман «не любила» когда у ребенка «раскраснѣются щеки и уши, и потому» ей «не велѣно было слишкомъ бѣгать». Лишь послѣ обѣда, ей позволяли въ большой залѣ играть часъ въ мячикъ, прыгать черезъ веревочку, потихоньку, чтобы не разбить зеркаль и не топтать ногами». Когда Софья на прогулкѣ поймала мячикъ, брошенный мальчикомъ ей въ ноги и «побѣжала отдать ему», «миссъ Дредсонъ сказала маман, и Софью три дня не пускали гулять». Когда заболѣлъ учитель русскаго языка Софьи (Ельнинъ) и, послѣ трехнедѣльнаго отсутствія, его привезъ обѣдать самъ Пахотинъ, маман «разсердилась» и, по словамъ Софьи, «начала сцену съ папѣ». Когда же Софья спросила Ельнина, «чѣмъ онъ былъ боленъ?», П. «послѣ обѣда отвела дочь въ сторону и сказала, что это ни на что не похоже—дѣвицѣ спрашивать о здоровьѣ посторонняго молодого человека, еще учителя», —«и Богъ знаетъ, кто онъ такой, прибавила она». Послѣ игры (на фортепиано Софьи, на ея именинахъ), когда Ельнинъ «протянулъ ей руку» и она «протянула ему тоже руку», П. «не простясь, ушла послѣ гостей къ себѣ». На другое утро, въ присутствіи тетки, дяди и мужа—«всего ареопага, по выраженію Райскаго, П. «тихо» задала вопросъ дочери:—«Позвольте васъ спросить, кто вы и что вы?»...—«Ваша дочь», отвѣтила Софья.—«Не похоже. Какъ вы ведете себя?»—«Что это за сцена разыграли вы вчера: комедію, драму? Чье это сочиненіе, ваше или учителя этого... Ельнина?» Когда же Софья отвѣтила, что она «не играла сцены», а произошло это «нечаянно»:—«Тѣмъ хуже», сказала П.:—il y a donc du sentiment là dedans? Вотъ послушайте, что говоритъ ваша дочь... Какъ вамъ нравится это признаніе?», обратилась она къ мужу. Разъяснила, по справкамъ князя Сержа, Софьѣ, кто такой ея «учитель»: онъ сынъ какого-то лѣкаря, бѣгаетъ по урокамъ, сочиняетъ, пишетъ русскимъ купцамъ французскія письма за границу за деньги, и этимъ живетъ»... Послѣ этого Софья не видала маман «двѣ недѣли». Позднѣе объяснила дочери, что у Ельнина «были дурныя намѣренія, что онъ хотѣлъ вскружить» Софьѣ «голову» «изъ самолюбія, п. ч. серьезныхъ намѣреній онъ имѣть не смѣлъ». П. говорила дочери «какъ ее поразила эта сцена», какъ она чуть не занемогла, какъ это все замѣтила кузина Нелюбова и пересказала Михайловымъ, какъ тѣ обвинили ее въ недостаткѣ вниманія, бранили, зачѣмъ принимали Богъ знаетъ кого».—«Вотъ чему ты подвергла меня!» заключила П., обращаясь къ дочери. Когда же Софьѣ сдѣлалъ предложеніе Бѣловодовъ, онъ «былъ на другой день объявленъ женихомъ», причемъ послѣднимъ «изъ родныхъ» узналъ о помолвкѣ самъ Пахотинъ.

Пахотина, Надежда Васильевна («Обрывъ»).—Старшая сестра Николая Васильевича. «Высокая, сѣдая чинная старушка»; «страдала тикомъ и носила

подъ чепцомъ бархатную шапочку, на плечахъ бархатную, подбитую горностаемъ кацавейку». Подобно сестрѣ (см. Анна Васильевна) «была скупа» и не любила беспорядка». Если оказывалась книга—въ богатомъ переплетѣ, лежащей на диванѣ, на стулѣ», Н. В. ставила ее на полку». Очень любила карты; увидя вошедшихъ Аянова и Райскаго, въ отвѣтъ на поклоны, ласково поглядѣла на нихъ, съ удовольствіемъ высморкалась и сейчасъ же понюхала табаку, зная, что у ней будетъ партія». Во время игры обыкновенно говорила вслухъ, «съ чего она пойдетъ». См. выше—Анна Васильевна.

Пахотинъ, Николай Васильевич («Обрывъ»).—«Очень красивый сановитый старикъ, съ мягкими, почтенными сѣдинами. По виду, его примешь за какого-нибудь «Пальмерстона». Онъ «изъ древняго рода», въ которомъ было много лицъ съ громкимъ значеніемъ». «Засѣдаетъ въ какомъ-то совѣтѣ разъ въ недѣлю, имѣетъ важный чинъ, «двѣ звѣзды» и находится «въ томительномъ ожиданіи третьей». При встрѣчахъ не знавшіе П. «почтительно сторонились». «Никто лучше его не одѣтъ»—«онъ даетъ законы вкуса портному»; «все на немъ сидитъ отлично, ходитъ онъ бодро, благородно, говоритъ съ увѣренностью и никогда не выходитъ изъ себя». Съ нимъ можно было не согласиться, но сбить его трудно. «Судить обо всемъ часто наперекоръ логикѣ, но владѣетъ софизмомъ съ необыкновенной ловкостью». Опытъ, жизнь всегда въ кучѣ людей, множество встрѣчъ и способность знакомиться со всѣми, образовали ему какой-то очень пріятный, мелкій умокъ, и незнающій его съ перваго раза даже положится на его совѣтъ, сужденіе, и потомъ уже, жестоко обманувшись, разглядитъ, что это за чело-вѣкъ». Шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ гвардію, выучась отлично говорить, писать и пѣть по-французски и почти не зная русской грамоты». Онъ имѣлъ «двадцать тысячъ дохода» при готовой квартирѣ, лошадяхъ и экипажѣ. «П. не успѣлъ еще окунуться въ омутъ опасной «жизни», когда, на двадцать пятомъ году, его женили»; жена «прибрала» П. «къ рукамъ» и онъ состоялъ «въ полномъ распоряженіи супруги». Жены П. «боялся»; во время засѣданія «ареопага», по словамъ дочери, онъ «былъ смущенъ и жалокъ» больше нежели обвняемая Софья. О сватовствѣ Бѣловодова онъ узналъ «послѣдній изъ родныхъ». Когда Софья сдѣлала «un faux pas», Николаю Васильевичу «было запрещено (сестрами) выходить изъ дому, чтобъ не проболтался». Онъ, однако «проболтался» Аянову и показалъ записку—«billet»—Софьи къ Милари—entre nous soit dit. Объяснилъ, что —«Sophie n'était pas tout-à fait insensible aux hommages du comte, mais c'est un gentilhomme et elle est trop bien élevée pour pousser les choses... jusqu'à un faux pas». Онъ «плакалъ о своей бѣдной Софьѣ», «возмущался охами и ахами сестеръ», «находилъ, что всего грустнѣе» то, что «Софья убивается сама» и, въ концѣ-концовъ, былъ поставленъ сестрицами своими dans une position très délicate: объясниться съ гр. Милари». Онъ пригласилъ Аянова обѣдать къ себѣ,—когда былъ постъ (по случаю «исторіи съ Софьей») —и, боязливо уплетая перепелокъ, говорилъ:—«Я велѣлъ для васъ сдѣлать обѣдъ,—только не говорите!» Въ глазахъ сестеръ, онъ былъ «пустой, никуда не годный, ни на какое дѣло, ни для совѣта, старикъ и плохой отецъ». «Онъ никогда не называлъ себя старикомъ».—«Женщины,—говорилъ П.:—теперь только и находятъ развлеченіе съ людьми нашихъ лѣтъ». Онъ пересиливалъ годы и природу, но не пересилилъ, и только смотрѣлъ, какъ «наслаждались», «ѣли и пили другіе». Наслажденными онъ «пользоваться не могъ», «у него желудокъ не варилъ», его мучилъ ревматизмъ; онъ чувствовалъ шумъ въ головѣ: «все слышится-то, что колокола звонятъ», или, вмѣсто болтовни кругомъ, П. казалось, что «грызутъ грецкіе орѣхи». По словамъ самого П., у него: и подагра, тикъ, и нервы, и ревматизмъ». Онъ прохлаждалъ себя, макая бисквиты въ шампанское и глотая дижестивныя пилюли вслѣдъ за тѣмъ; на увеселительную прогулку за городъ онъ долженъ былъ надѣвать «шубу» и «бархатную ермолку подъ шляпу». Однако, «онъ ѣздитъ» къ какой-нибудь Armanse, провожаетъ въ театръ, дѣлаетъ ей ужинъ, подарки, сзываетъ молодежь. Онъ не можетъ отказать

себѣ въ удовольствіи, раздѣлить общество «petite Nini». — «Что дѣлать! Ce que femme veut, Dieu veut!» восклицалъ онъ. Райскій познакомился съ П. на вечерѣ у одной хорошенькой актрисы». На его половинѣ, «на диванѣ, можно было найти иногда женскую перчатку, ботинки, въ уборной его—цѣлый магазинъ косметическихъ снадобьевъ»; «готическій каминъ» прикрывался картинами фоблазовскихъ нравовъ», «на столахъ часто утро заставало остатки ужина» и «слышались часто звонкіе голоса». У П. въ комнатахъ всегда было живо и безпорядочно». Сестры П. затыкали уши, когда онъ захочетъ похвастаться передъ ними своими шалостями, или когда кто другой вздумаетъ довести до ихъ свѣдѣнія о какомъ-нибудь его сумасбродствѣ». У него было «старческое тщеславіе имѣть видъ шалуна; знакомые звали его «шалуномъ» и, «завидя» П., начинали уже улыбаться и потомъ фамиллярно и шутливо трясли его руку, звали устроить веселый обѣдъ, рассказывали на ухо пріятную исторію». П. «шутить», рассказывалъ направо и налево анекдоты, говорилъ каламбуры». Въ чопорномъ домѣ сестеръ, онъ такъ «разгулялся однажды» насчетъ будущей свадьбы Анны Васильевны съ Аяновымъ, котораго «прозвалъ женихомъ» сестры, что «былъ вытолканъ обѣими сестрицами въ спину и не получилъ ни гроша субсидіи, за которой явился». Онъ бывалъ всюду: даже хаживалъ и кognито къ Излеру (лѣтній увеселительный садъ). Послѣ смерти жены, почувствовалъ себя на свободѣ, вдругъ спохватился, что молодость его рано захвачена была женитьбой, и что онъ не успѣлъ пожить и пожуировать». Онъ сталъ вознаграждать себя за вѣрность въ супружествѣ сумасбродными связями; мечталъ поѣхать за границу, т. е. въ Парижъ, куда особенно любилъ уноситься воспоминаніями, припоминая 1814 годъ; но въ Парижъ ему хотѣлось «уже не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ золотомъ, и тамъ пожить, какъ жила въ старину». «Онъ съ наслажденіемъ и завистью припоминалъ анекдоты времени революціи» (о похищеніяхъ «повѣсь») и оканчивалъ рассказы вздохомъ сожалѣнія о прошломъ». Въ Парижъ П. не пустили: «образъ его жизни, нравъ, его затѣи» хорошо «были извѣстны». Онъ «похандрилъ и потомъ сдѣлалъ какое-то громадное, дорогое сумасбродство». У П. быстро ушли всѣ наличныя деньги, брильянты жены, наконецъ и большая часть приданнаго дочери». «Онъ успѣлъ нанести смертельный ударъ своему состоянію». «Промотавшись» онъ успокоился и «въ Парижъ не порывался». Сестры «выдавали» П. «пять тысячъ» въ годъ карманныхъ денегъ и «въ разное время субсидіи около такой же суммы, и потому еще къ концу года платили почти столько же по счетамъ портныхъ, мебельщиковъ и другихъ купцовъ». У Аянова онъ занялъ триста рублей; у князя тысячу. Однако, и тогда, когда уже «изсякли источники», П. «изрѣдка, въ годъ разъ, иногда два, сдѣлаетъ дорогую шалость, купить брилліанты какой-нибудь Armance, экипажъ, сервизъ». Онъ былъ весь въ значительныхъ долгахъ и у него осталось «одно постоянное дѣло, постоянное стремленіе, забота, куда уходили его напряженное вниманіе, соображенія, вся его тактика»:—это извлекать отъ обѣихъ своихъ старшихъ сестеръ денежные средства на шалости». Онъ «шутя» проживалъ жизнь, всегда смѣялся, рассказывалъ только веселое, даже драму въ театрѣ смотрѣлъ съ улыбкой, любуясь ножкой или лорнируя la gorge актрисы. По характеристикѣ Райскаго, у П. «погасло артистическое тонкое чувство поклоненія красотѣ. Онъ поклоняется грубо, чувственно». «Когда же паставало невеселое событіе, же обѣдъ, не соблазнительная закулисная драма, а затрагивались нервы жизни, слышался въ ней роковой раскатъ, около него возникалъ важный вопросъ, требовавшій мысли или воли, старикъ тупо недоумѣвалъ, впадалъ въ безпокойное молчаніе и только учащенно жевалъ губами». Такъ было, когда сестры поручили ему «объясниться съ графомъ Милари и выпросить назадъ у него» ту «роковую записку» Софьи, которой самъ П. не придавалъ никакого значенія. «Свѣтъ, опытъ, вся жизнь не дали ему никакого содержанія и оттого онъ боится серьезнаго, какъ огня». При объясненіи съ гр. Милари,—котораго самъ П. представилъ дочери,—у Николая Васильевича «разомъ поднялись всѣ недуги».

Paul («О бры вь»):—Мужъ Бѣловодовой. См.—Бѣловодовъ.

Pauline («О бры вь»):—Уп. л. Одна изъ «пассій» Пахотина.

Пафнутьевъ («О бры вь»):—Уп. л. Губернаторъ, предшественникъ Попова; при немъ «даже дамы не сѣли въ гостяхъ, прежде нежели онъ не сѣдетъ самъ»; взыскивалъ «за одно неуваженіе къ рангу», вспоминалъ Тычковъ о П.

Пашутка («О бры вь»). — Дѣвочка 8—10 лѣтъ; дворовая изъ Малиновки. «Такія дѣвочки не переводились у Бережковой. «Волосы были у П. коротко острижены, платье сдѣлано изъ старой юбки, но такъ, что не разберешь, задомъ или напередъ оно сидѣло на ней; ноги обуты въ большіе, не по лѣтамъ, башмаки». «У ней изъ маленькаго, нѣсколько плутовскаго носса часто свѣтитса кашля. Пробовали ей давать носовые платки, но она изъ нихъ все свивала подобіе куколь, и даже углемъ помѣчала, гдѣ быть глазамъ, гдѣ носу. Ихъ отобрали у нея, и она оставалась съ каплей, которая издали свѣтилась какъ искра». Обязанность П. состояла въ томъ, чтобы, когда «Татьяна Марковна сидѣла въ своей комнатѣ, стоять, плотно прижавшись въ уголкѣ у двери и вязать чулокъ, держа клубокъ подъ мышкой, но стоять смирно, не шевелясь, чуть дыша, и, по возможности не спуская съ барыни глазъ, чтобъ тотчасъ броситься, если барыня укажетъ ей пальцемъ подать платокъ, затворить или отворить дверь, или велитъ позвать кого-нибудь».—«Утри носъ!—слышалось иногда, и дѣвочка утирала носъ передникомъ, или пальцемъ, и продолжала вязать». Въ другое время, П. «шла къ Василисѣ, влѣзала на высокій табуретъ, и молча, не спуская глазъ съ Василисы, продолжала вязать чулокъ, насилу одолевая пальцами длинныя стальные спицы». Чулокъ П. держала такъ высоко, что спицы поминутно высовывались выше головы». «Часто клубокъ вываливался изъ-подъ мышки и катился по комнатѣ».—«Что зѣваешь, подними!—слышался шопотъ». Если-же приходилъ «котъ Сѣрко», и «Василиса отлучалась изъ комнаты, дѣвочка не могла отказать себѣ въ удовольствіи поиграть съ нимъ»; тогда поднималась возня, смѣхъ дѣвочки, игра котъ съ клубкомъ: тутъ часто клубокъ, и самъ котъ летѣли на полъ, иногда опрокидывался и табуретъ съ дѣвочкой». Райскій давалъ П. то «ложку варенья», то яблоко и «ласково гладилъ ее; когда онъ входилъ въ комнату она, быстро взглянувъ на него изъ-за чулка, усмѣхнулась было», и еще быстрѣе погупила глаза подъ суровымъ взглядомъ Василисы». Отъ Волохова П., вмѣстѣ съ Василисой, «заперлись на ключъ».

Пелагея («О бры вь»).—Горничная Бережковой. Когда «Егорка провертѣлъ щель» въ перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора, и приглашалъ дѣвушекъ смотрѣть, какъ тамъ Борисъ Павловичъ «дѣйствуетъ», П. отвѣтила:—Некогда мнѣ, гладить надо». Однако, Егорка убѣдилъ П., и она пошла, вмѣстѣ съ Матреной, «посмотрѣть» «тіатръ» Егорки. Увидя Райскаго, то плачущимъ, то смѣющимся, «чуть ли не въ одно время», Егорка, Матрена и П. «присѣли и всѣ захихикали». Но когда Егорка заявилъ, что Райскаго оттого разбрасаетъ, что онъ «врѣзамшись, д. б., въ Вѣру Васильевну»—П. «ткнула его кулакомъ въ бокъ».—«Что ты врешь, поганецъ!» замѣтила она со страхомъ:—ври да не смѣй трогать барышень! Вотъ узнаетъ барыня... Пойдемте прочь!»

Пелагея Ивановна («Обломовъ»).—Уп. л. Пожилая дѣвушка, дальняя родственница Ильи Ивановича; «состояла въ свѣтѣ матери» Обломова. На вопросъ Ивана Ильича, что значитъ, когда кончикъ носа «чешется», разъяснила:—«Въ рюмку смотрѣть», а когда «съ боку чешется—означаетъ—вѣсти; брови чешутся—слезы; лобъ—кланяться; съ правой стороны чешется мужчинѣ, съ лѣвой—женщинѣ; уши зачешутся значитъ къ дождю, губы—цѣловаться, усы—гостинцы ѣсть, локоть—на новомъ мѣстѣ спать, подошвы—дорога»...

Пенкинъ («Обломовъ»).—Знакомый Обломова. Литераторъ. Черненькій господинъ, заросшій весь бакенбардами, усами и эспаньолкой. Одѣвался «съ умысленной небрежностью». Писалъ «двѣ статьи въ газету каждую недѣлю, потомъ разборы беллетристовъ и сочинилъ повѣсть, «о томъ, какъ въ одномъ

городѣ городничій бьетъ мѣщанъ по зубамъ». По словамъ П., въ его повѣсти ему «удалось показать и самоуправство городничаго и развращеніе нравовъ въ простонародіи; дурную организацію дѣйствій подчиненныхъ чиновниковъ и необходимость строгихъ, но законныхъ мѣръ». — «Не правда ли эта мысль... довольно новая? спросилъ П. Обломова. Признавалъ себя представителемъ «реальнаго направленія»: — «Намъ, — говорилъ П., — нужна одна голая физиологія общества, не до пѣсень намъ теперь». Восхищался современной «вѣрностью» литературы: — «Вѣрность-то, вѣрность какая! До смѣха похоже. Точно живые портреты. Какъ кого возьмутъ, купца ли, чиновника, офицера, будочника — точно живьемъ и отпечатаютъ». Любилъ все, что дѣлаетъ шумъ, и «о чемъ говорить». Необходимымъ элементомъ въ писателѣ считалъ «кипучую злость — желчное гоненіе на порокъ, смѣхъ презрѣнія надъ падшимъ человѣкомъ»... На требованіе Обломова «дать человѣка» и любить его, П. воскликнулъ: — «Любить ростовщика, ханжу, ворующаго, или тупоумнаго чиновника»... — «Нѣтъ, ихъ надо карать, извергнуть изъ гражданской среды, изъ общества»... Восторгался готовящейся къ печати, своей поэмой: «Любовь взяточника къ падшей женщиной» — («Я не могу вамъ сказать, кто авторъ: это еще секретъ»), но восторженно заявилъ, что «въ поэмѣ обнаруженъ весь механизмъ нашего общественнаго движенія, и все въ поэтическихъ краскахъ. Всѣ пружины тронуты, всѣ ступени общественной лѣстницы перебраны. Сюда, какъ на судъ созваны авторомъ и слабый, но порочный вельможа, и цѣлый рой обманывающихъ его взяточниковъ; и всѣ разряды падшихъ женщинъ разобраны... француженки, вѣмки, чухонки, и все, все... съ поразительной животрепещущей вѣрностью». — «Авторъ великъ! Въ немъ слышится то Дантъ, то Шекспиръ! воскликнулъ П., и «вдругъ смолкъ, видя, что, «дѣйствительно, онъ далеко хватилъ» въ своихъ похвалахъ.

Пересвѣтовъ («Обломовъ»). — Уп. л. Чиновникъ, сослуживецъ Судьбинскаго; «получаетъ прибавочныя», «а дѣла-то, по словамъ того же Судьбинскаго, «меньше моего дѣлаетъ, и не смыслить ничего».

Персная, нягиня («Май мѣс. въ Петерб.»). — Пріятельница гр. Рѣшетилловой; «пріѣхала къ послѣдней обѣдать и жаловалась ей, что «измучилась совсѣмъ, дѣлая визиты». — «Представь, я нынче сдѣлала двадцать два визита... это ужасъ! — съ неподдѣльнымъ ужасомъ говорила она». — «Осталось еще визитовъ тридцать! — со вздохомъ добавила она». — «Зачѣмъ ты ихъ дѣлаешь, эти визиты? — спросила графиня. — Ты бы, какъ я, вовсе не ѣздил!» — «Нельзя, нельзя! — строго замѣтила графиня. — Если дѣлать по-твоему — не соберешь у себя на балѣ всѣхъ маменокъ и тетусекъ! Вотъ ты узнаешь, когда будешь вывозить свою Nadine! Хорошо еще, что сегодня въ четырнадцати домахъ не было хозяекъ у себя, я оставила карточки, а въ восьми домахъ приняли — надо было тащиться на лѣстницу! — со вздохомъ прибавила она. — Да... я и забыла сказать тебѣ: представь себѣ, я видѣла во снѣ — гробъ! Что бы это значило? — вдругъ спросила она».

Перевозчица (Фрег. Пал.). — Старая перевозчица на Гон-Конгѣ. Киянка.

Перевозчица («Фрег. Пал.»). — См. Этола.

Пестовъ, графъ (Литер. веч.). — «Свѣтская окаменѣлость, напоминавшая Тугоуховскаго». «Какъ Тугоуховскій (см. «Типы Грибоѣдова»), «онъ боялся оставаться одинъ дома и умереть». Въ гостяхъ «его посаждать въ покойное кресло», «онъ посидитъ, пожуетъ губами, пошепчетъ что-то и задремлетъ». Онъ уже лѣтъ десять смотрѣлъ тусклымъ взглядомъ вокругъ себя, не всегда и не все понимая, что происходитъ. Онъ поминутно забывалъ о чемъ говоритъ, иногда съ кѣмъ говорить, подчасъ не узнавалъ даже родныхъ внуковъ». Зато «помнилъ до мелочей свой вѣкъ, «и служилъ живымъ архивомъ для справокъ: онъ помнилъ всѣхъ современниковъ, крупныя событія и мелкія сплетни, хронологію, анекдоты, даже у кого въ домѣ когда собирались, чей лучше былъ поваръ и т. п.» — «Merci!» — сказалъ онъ Бебикову, по окончаніи чтенія. — «C'est bien

écrit! Vous me donnerez un exemplaire je le mettrai a côté de J. J. Roussau!»—Dites-lui, qu'il écrive cela en français!»—говорилъ С. спутникамъ, которые вели его подъ руку къ выходу».

Пестовы («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомые Опенкина.

Петровъ («Обрывъ»).—Уп. л. Старый докторъ, бросившій давно практику, лѣчившій тетокъ Бѣловодовой.

Петръ Ивановичъ («Обрывъ»). Уп. л. Знакомый Аянова по клубу и передавшій ему кое-какія подробности исторіи «Софьи съ гр. Милари».

Петруша («Слуги»).—«Сынъ» Степана и Матрены, семнадцати лѣтъ; обучался слесарному ремеслу и ходилъ къ отцу и матери только по большимъ праздникамъ; по праздникамъ игралъ въ бабки въ углу двора съ мальчишками, или спалъ дома такъ, что его не добудишься». Отецъ таскалъ П. «за вихры, а П., «во время заповя Степана, запиралъ на ночь двери на ключъ и не пускалъ отца домой. Въ квартирѣ одинъ оставался «боялся» и, сидя на крыльцѣ, принимался плакать.

Петрушка («Обрывъ»).—Лакей Бережковой.

Петръ («Слуги»).—«Блондинъ, лѣтъ тридцати», «представительной наружности», «съ грубоватыми, но правильными чертами лица». «Очень тихій, приличный и расторопный слуга», «подъ пару Антонову». «Отслуживъ свой день, запиралъ» барина «на ночь на ключъ и уходилъ со двора. «Уходилъ раза два, только не водку пить, нѣтъ!» За другимъ, за дѣломъ уходилъ».—За другимъ, за дѣломъ, только не водку пить!»—твердилъ П. Когда баринъ обозвалъ П. «бродягой», вскинулся на него «съ крикомъ, съ азартомъ:—«Какъ вы смѣете называть меня бродягой!» и «продолжалъ кричать и грубить». На предложеніе лечь спать, «кричалъ»:—«лягу и безъ васъ, не дамъ куражиться надъ собой! Я не бродяга, я хожу въ хорошіе люди, не водку пить: нѣтъ, нѣтъ!» Утромъ, какъ ни въ чемъ не бывало, принесъ чай, газеты». Получивъ расчетъ, оторопѣлъ немного, переступилъ съ ноги на ногу» и «тихо сказалъ»:—«Помилуйте, за что же?». Когда узналъ, какъ онъ велъ себя наканунѣ ночью, схватился «руками за голову» и спросилъ:—«Неужели это правда? и я это все сказалъ?». На замѣчаніе барина, что онъ не можетъ держать больше П. у себя, отвѣтилъ «тихо»:—«Это точно-съ». Ушелъ, понурия голову» и, отворяя дверь, еще тише прибавилъ: — «Простите за вчерашнее». Вернувшись, дня черезъ два, за своими пожитками, на вопросъ, за какимъ дѣломъ уходилъ онъ по ночамъ, «откровенно», потупляя глаза, сознался:—«Водку пить-съ!».

Петръ Ивановичъ Адуевъ («Обыкновенная ист.»).—См. Адуевъ, П. И.

Петръ Петровичъ («Маймѣсяцъ въ Петерб.»).—Экзекуторъ, пріятель Брагина. На проводахъ директора, твердилъ какъ сорока:—«Слушаю, ваше превосходительство, все будетъ сдѣлано».

Петръ Петровичъ («Обрывъ»).—Старый докторъ, лѣчившій когда-то Бережкову. Когда Вѣра заболѣла, Татьяна Марковна послала за П. П.

Петръ Сергѣичъ («Обыкновенная ист.»).—Знакомый Адуевой.

Писарь (Фрег. Пал.).—Во время празднества на фрегатѣ «по поводу годовщины выхода въ море», пришелъ къ старшему офицеру съ жалобой на музыканта Макарова; жаловался, что Макаровъ «изломалъ ему спину».—«И больно?»—спросили его.—«Точно такъ-съ, отвѣчалъ онъ съ той улыбой человѣка на-веселѣ, въ которой умѣщаются и обида и удовольствіе: «Писать вовсе не могу, прибавилъ онъ, съ влажными глазами и съ той-же улыбкой, и старался водить рукой по воздуху». На очной ставкѣ съ Макаровымъ, подтвердилъ слова послѣдняго:—точно такъ-съ, въ грудь... (т. е., что Макаровъ ударилъ его въ грудь).—За чтожь ты его?—«Съ кулакомъ къ рожѣ лѣзь!»—отвѣчалъ Макаровъ.—«Ты лѣзь?»—Точно такъ-съ, лѣзь», отвѣчалъ П.

Ріегге, князь (Обрывъ).—Одинъ изъ знакомыхъ Бѣловодовой.

Плотниковъ («Фрег. Пал.»).—Смотритель почтовой станціи; былъ такъ старъ, что, по лѣтамъ его, ему спать ужъ было трудно. Гончаровъ встрѣ-

тилъ его «у берестяной юрты, одиноко стоящей на правомъ берегу Лены. П. былъ «въ мундирѣ и въ шпагѣ». Онъ держалъ руку подъ козырекъ и глазъ не сводилъ съ Гончарова. На вопросъ: вы смотритель?—отвѣчалъ: «Точно такъ, изъ дворянъ». Живя среди якутовъ «объякутился» и «не все по русски понималъ». Разказалъ, «что онъ, по распоряженію начальства, переведенъ на дальнюю станцію, вмѣсто другого смотрителя, Татарина, который поступилъ на его мѣсто; что это несогласно съ его семейными обстоятельствами, и потому онъ просилъ убѣдительно Татарина, выйти въ отставку, чтобы перепроситься на прежнюю станцію, но тотъ не согласился»; умолялъ Гончарова «ходатайствовать по этому дѣлу у начальства».

Полина Карповна Крицкая («Обрывъ»).—Вдова чиновника Палаты. У нея было двое дѣтей, но Крицкая отправила ихъ къ дядѣ на воспитаніе, подалше отъ себя, чтобъ они возрастомъ своимъ не изобличали ея лѣтъ. «Она все вздыхаетъ, вспоминая «несчастное супружество», хотя всѣ говорятъ, что мужъ у ней былъ добрый, смиренный человѣкъ и въ ея дѣла никогда не вмѣшивался. А она называетъ его «тираномъ», говорить, что молодость ея прошла безплодно, что она не жила любовью и счастьемъ».—«Не льщусь этой почестью»,—отвѣтила она, когда Тычковъ предлагалъ ей выйти за него замужъ и «быть генеральшей».—«Вамъ едва ли кто найдетъся подъ пару», сказала П. К. «генералу». Все еще вѣрила, что «часъ ея пробьетъ», и «она полюбитъ и будетъ любить идеальпо». «Она не была сентиментальна, но часто «вздыхала, возводила глаза къ нему, разливаясь въ нѣжныхъ рѣчахъ». Все это дѣлала притворно», прибѣгая къ условнымъ приемамъ кокетства». Говорила, «картава»,—«жарко», «вижу», «bonjour».

Тычковъ называлъ П. К. «старой модницей, прельстительницей, вѣтренницей». Онъ ее журилъ за то, что она «ходитъ въ розовомъ, бантики, да ленточки», а «вѣдь ей давно за сорокъ». Татьяна Марковна звала ее «безстыжей» и сравнивала съ Мариной.—«*Cette femme, quelle horreur!*»—отзывалась П. К. объ Ульянѣ Андреевнѣ. При встрѣчѣ съ П. К., «Райскій съ любопытствомъ глядѣлъ на барыню, набѣленную пудрой, въ локонахъ, съ розовыми лентами на шляпкѣ и на груди, значительно открытой, и въ ботинкѣ пятилѣтняго ребенка, т. ч. кровь отъ этого прилила ей въ голову». «Перчатки» лопнули по швамъ, п. ч. были меньше руки. Райскому, она показала «черномазой старухой, о красотѣ которой забыли всѣ, кромѣ самой П. К.; онъ же именовать ее «эксцентрической барыней»; по его мнѣнію, она «играетъ наивно комедію, не скрывается и не окружаетъ себя туманомъ»; онъ же находилъ, что П. К. не годится и въ романъ: слишкомъ каррикатурна! Никто не повѣритъ...» Татьяна Марковна не совсѣмъ была права, сравнивая ее съ Мариной—«П. К. была покойнаго темперамента: она не искала т. н. «паденія», и измѣны своимъ обязанностямъ на совѣсти не имѣла. «Это было «тупое, безплодное и каррикатурное кокетство сѣдѣющей Калипсо, все ищущей своего Телемака».—«*Je veux le jenne homme, se pauvre enfant!*» «объясняла официально П. К.» «свои отношенія» къ состоящему при ней юношѣ, который сопровождалъ ее вездѣ, «таская шаль, мантілю и вѣеръ за ней». При ней всегда кто-нибудь состоялъ. П. К. старалась заманивать повичковъ, заѣзжихъ студентовъ, прапорщиковъ, молодыхъ чиновниковъ. Она ласкаетъ ихъ, кормитъ, лакомитъ, раздражаетъ ихъ самолюбіе» и подъ рукой распускаетъ слухъ, что тотъ или другой «страдаетъ» по ней.—«*Pauvre garçon!*—говорила она съ жалостью».—Посмотрите, вашъ cousin въ плѣну, не правда-ли, какъ левъ въ сѣтяхъ», указала она вошедшей Вѣрѣ, на Райскаго, который «молча выпутывалъ ноги изъ юбокъ». Когда Борисъ Павловичъ согласился поѣхать къ ней, П. К. «помчала его», глядя торжественно по сторонамъ, сначала по главнымъ улицамъ», «мимо всѣхъ знакомыхъ». Она привезла Райскаго къ себѣ «какъ военную добычу». Она «не знала, гдѣ его посадить», велѣла подать прекрасный завтракъ, «потомъ позвала горничную и хвастливо сказала, что никого не принимаетъ», вошедшему человѣку повторила то же

самое. «Къ вечеру весь городъ зналъ, что Райскій провелъ утро наединѣ съ П. К., что не только шторы были опущены, но и ставни закрыты, что онъ объяснился ей въ любви, умолялъ, плакалъ—и теперь страдаетъ муками любви». П. К. «гордилась своею побѣдой».

Когда-то она была «мѣстной львицей», и молодежь «гонялась» за нею. Она сама смотрѣла на жизнь, какъ на рядъ побѣдъ, считая потеряннымъ день, когда на нее никто не взглянетъ нѣжно или не шепнетъ ей хоть намекъ на нѣжность». Въ первый прїѣздъ Райскаго П. К. его «обливала взглядами», хотя онъ «былъ ранній юноша, успѣла ему сказать» (за десять минутъ, которыя пробыли въ ея домѣ Райскій съ бабушкой), «что у него глаза и ротъ обворожительны, и что онъ много побѣдъ сдѣлаетъ, начиная съ нея...» На прощанье «взяла руками Райскаго за обѣ щеки и поцѣловала въ лобъ». При новой встрѣчѣ, черезъ 14 лѣтъ, она припомнила «два взгляда» Райскаго и поняла причину, почему онъ не хотѣлъ посѣтить ее:—«Ah, le monde est si méchant».—«Чортъ знаетъ, что такое!» думала Райскій, глядя на нее во всѣ глаза. «Такъ? Угадала?»—говорила она.—«Я еще въ первый разъ замѣтила, que nous nous entendons! Эти два взгляда—помните? Voilà, voilà, tenez... Этотъ самый! о, я угадываю его. Райскій замѣялся».—«Да, да: правда? Oh, nous nous convenons! Что касается до меня, я умѣю презирать свѣтъ и его мнѣнія. Не правда-ли, это заслуживаетъ презрѣнія?» Но увидя, у окна квартиры Козлова, «жену Леонтія, которая дѣлала знаки Райскому», П. К. пришла въ ужасъ.—«Вы ѣздите къ этой женщинѣ—возможно-ли? Я компрометирована!» «сказала она».—«Что скажутъ, когда узнаютъ, что я завезла васъ сюда?» Alons de grâce, montez vite et patrons! Она сама увѣряла Райскаго, что онъ «не равнодушенъ къ ней, но скрываетъ или sur le point l'être противится и немного остерегается, mais que tôt on tard cela finira par la et comme elle sera contente, heurese!»—«О, мы будемъ счастливы! Enfin!» будто про себя шепнула она», но такъ, что Райскій слышалъ. «Она заранѣе безъ ума» и отъ альбомовъ Райскаго, и отъ произведеній его музы; въ то время, какъ «Райскому «страхъ какъ хотѣлось пустить въ нее палками и тетрадами»:—«Не конфузьтесь, будьте смѣлѣе, говорила она».—«Вотъ такъ! Я вижу, что вы угадали меня, прибавила она шопотомъ, когда Борисъ Павловичъ «разразился нервнымъ 'хотомъ и сѣлъ подлѣ нея». Послѣ того, какъ Райскій «отомстилъ за П. К. Тычкову, она написала Вѣрѣ восторженное письмо. Она писала, что становится на колѣни «предъ милымъ, благороднымъ, прекраснымъ братомъ!» «Онъ былъ великъ! Скажите ему, что онъ мой рыцарь и навсегда, что я его вѣчная, послушная раба!» «Да, я его люблю, нѣтъ боготворю! Всѣ мужчины должны пасть на колѣни предъ нимъ». Крицкая молила Вѣру «упросить» Райскаго «сдѣлать ея портретъ» и прибавляла: «—Богъ съ нимъ съ портретомъ, но чтобъ мнѣ быть только съ артистомъ, видѣть его, любоваться имъ, говорить, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ!» П. К. «надоѣдала Райскому своими прѣсными нѣжностями»—«Я вся ваша покорная раба, заявила она Борису П-у и была счастлива, что привела его въ «ажитацию».—«Ахъ, вы въ ажитации: это натурально—да, да, я этого хотѣла и добила сь, говорила П. К., торжествуя и обмахиваясь вѣеромъ. «Она «пришла въ экстазъ», услыша его признанье (онъ съ любопытствомъ ждалъ, что будетъ).—«О, я знала, я знала, видите! Не я-ли предсказывала?—ликуя говорила она. «Она сидѣла въ своей красивой позѣ, напротивъ большого зеркала, и молча улыбалась своему гостю, мѣя отъ удовольствія. Она не старалась ни приблизиться, ни взять Райскаго за руку, ни пригласила сѣсть ближе, а только играла и блистала передъ нимъ своей интересной особой, нечаянно показывала «ножку» и съ улыбкой смотрѣла, какъ дѣйствуютъ на него эти маневры». Когда онъ съ «комическимъ экстазомъ» сказалъ:—мнѣ остается только... поцѣловать васъ!...»—«M-r Boris! de grâce—oh! oh!» съ натянутымъ смущеніемъ сказала она:—que voulez-vous—нѣтъ, ради Бога, нѣтъ, пощадите, пощадите!» «Она замахала руками въ притворномъ страхѣ», подняла штору» и, опу-

стивъ томно голову на плечо, шептала сладостно:—«Pitié, pitié!» Когда же Райскій заявилъ, что онъ пошутить:—«Не бойтесь, П. К., вы безопасны, клянусь вамъ...»—«О, не клянитесь! вдругъ вставъ съ мѣста, сказала она съ паѳосомъ и зажмуриваясь»:—«есть минуты страшныя въ жизни женщины.. Но вы великодушны!»—«прибавила она томно, мѣля и клоня голову на сторону:—вы не погубите меня». «Она была даже довольна»; когда Райскій собрался уходить». «Ей до смерти хотѣлось», чтобъ кто-нибудь всегда былъ въ нее влюбленъ, чтобъ объ этомъ знали и говорили всѣ въ городѣ, въ домахъ, на улицѣ, въ церкви, т. е. что кто-нибудь по ней страдаетъ, плачетъ, не спитъ, не ѣстъ, пусть бы даже это была неправда». При новыхъ встрѣчахъ съ Райскимъ, «она дѣлала томные глаза, ловила его взглядъ (Райскій «хмурясь отодвигался отъ нея» и думалъ: «Ну тебя къ чорту!») и раза два начинала тихо:—Je comprends: dites tout! du courage!» Когда вечеромъ, Райскій стоялъ надъ обрывомъ, то вглядываясь мысленно въ новый пробужденный образъ Вѣры, то терзаясь нечеловѣческими муками», къ нему подошла Крицкая:—«Я пришла.. я знаю.. вижу.. вы хотите давно сказать, шептала П. К. таинственно:—но не рѣшаетесь... Du courage! здѣсь никто не видитъ и не слышитъ... Exhécutez vous». Когда же Райскій схватилъ ее за руку и потащилъ къ обрыву.—«Ah, de grâce! Mais pas si brusquement.. qu'est—ce que vous faites.. mais laissez donc!» завопила она въ страхѣ и не на шутку испугалась.—«Пустите, пустите! пищала она не своимъ голосомъ:—«я упаду, мнѣ дурно!».

Поджабринъ, Иванъ Саввичъ («И. С. Поджабринъ»).—См. Иванъ Саввичъ Поджабринъ.

Полковникъ («Обрывъ»).—«Полковникъ гарнизонный», гость Бережковой. «Толстый, коротенькій, съ налившимся кровью лицомъ и глазами, т. ч., глядя на него дѣлалось за человѣка страшно».

Полковникъ («Фрег. Пал.»).—Ирландецъ. Полковникъ испанской службы, очень благообразный, высокій, сѣдой старикъ въ свѣтло-зеленомъ сюртукѣ. Одинъ изъ обитателей номеровъ n-g Демьена въ Мангиллѣ.

Полковникъ («Фрег. Пал.»).—П. ость-индской службы». Высокій, худощавый старикъ, въ синей курткѣ»; былъ «болѣе похожъ на шкипера купеческаго судна». Возвращался черезъ Капиталъ въ Англiю изъ Индiи, прослуживши тамъ «свои лѣта».

Полковница («Фрег. Пал.»).—Жена полковника ость-индской службы; высокая, худощавая женщина, съ блѣднорусыми волосами. Она волосокъ къ волоску расположила скудную свою шевелюру и причесалась почти до мозгу». За обѣдомъ (въ отелѣ m-rs Вельчъ) «поддакивала безпрестанно собесѣднику, твердя: «Yes, y-e-s!». Въ семь минутъ 33 раза произнесла это слово. Говорила по-французски, русскихъ моряковъ разспрашивала о фрегатѣ, о путешествiи, о лондонской церкви; получивъ отвѣтъ, что это «прекрасная церковь, П. сказала «семь разъ»—«Yes... oui, oui»...

Полномочные («Фрег. Пал.»).—П. японскаго правительства, приѣхавшіе изъ Едо въ Нагасаки для переговоровъ съ адмираломъ. По словамъ банюсовъ, П. имѣли полное довѣріе отъ правительства, большія права и «до шести сотъ человѣкъ свиты». «Всѣ четверо полномочныхъ (см. Алао, Кавадзи, Тсуи и Полномочный) были въ широкихъ мантияхъ, изъ богатой, толстой какъ лубокъ, шелковой съ узорами матерiи, которая едва сжималась въ складки; рукава у кисти были чрезвычайно широкіе; спереди отъ самаго подбородка до пояса, висѣлъ изъ той же матерiи нагрудникъ; подъ мантией обыкновенный халатъ и юбка, конечно, шелковые; на головѣ поставлена была на маковку, вверхъ дномъ, маленькая, черная, съ гранью коронка, «изъ папье-маше, прикрѣпленная; пропущенными подъ подбородокъ бѣлыми шнурками». Эта коронка была очень похожа «на дамскія рабочія корзиночки и, пожалуй, на кузовки, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами». При посѣщенiи фрегата П. «вели себя, какъ тонкіе, вѣкъ жившіе въ свѣтѣ люди»: все было ново для нихъ, [они сознавались

въ этомъ на другой день)], но «не показали, ни жестомъ, ни взглядомъ, удивленія или восторга». Они такъ скоро «приглядѣлись къ нашему порядку, что едва можно было замѣтить разницу между ними и европейцами»; смущались въжливостью и внимательностью» русскихъ (за обѣдомъ на фрегатѣ) «и не знали, какъ благодарить».

Полномочный («Фрег. Пал.»).—Четвертый полномочный японскаго правительства; «былъ приданъ только для числа и болѣе важности»; онъ лишь просто «засѣдалъ». Имя его Гончаровъ «забылъ». «Полный и рослый мужичина»; за обѣдомъ на фрегатѣ выпилъ бокала четыре вина и «съ удовольствіемъ ѣлъ баранину». «Кончивъ тарелку, онъ подаль ея челоуѣку самъ: знакъ что желаетъ повторенія».

Помощникъ столоначальника («Обыкн. Ист.»).—Уп. л. «Онъ у всѣхъ беретъ» «взаимы безъ отдачи». «Черезъ двѣ недѣли знакомства» съ Александромъ, взялъ у него двадцать пять рублей и «просилъ еще пятьдесятъ».

Понюшкинъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Чиновникъ; сослуживецъ и сожитель Брагина. Слушая «либеральныя рѣчи» послѣдняго, П. только усмѣхался.

Попадья («Обрывъ»).—См. Наталья Ивановна.

Поповъ («Обрывъ»).—Уп. л. Губернаторъ. Ходилъ «въ старомъ сюртукѣ» и не замѣчалъ «какъ одѣваются у него чиновники»; заботился только, «чтобъ въ Петербургъ никакихъ исторій не доходило». Съ нимъ вмѣстѣ отправился Райскій въ поѣздку по губерніи.

Попъ («Обрывъ»).—См. Николай Ивановичъ.

Поспѣловъ («Обыкн. Ист.»).—«Другъ» Александра. «Молодой челоуѣкъ». «Вышелъ вторымъ кандидатомъ». «Нарочно за сто шестьдесятъ верстъ приѣхалъ въ Грачи» и «скакалъ цѣлыя сутки», «чтобы сказать послѣднее «прости» Александру». Прощаясь, обѣщалъ писать и сохранить дружбу «до гробовой доски». «Но, послѣ перваго же «письма, переписка прекратилась». Въ Петербургѣ получилъ П. прекрасное мѣсто, доволенъ и службой, и начальниками, и товарищами и... всѣми людьми, и своей судьбой». Черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтятся съ Александромъ, пригласилъ его къ себѣ; по приходѣ Адуева, «тотчасъ же предложилъ сѣсть за карты».—«Не играешь? сказалъ онъ съ удивленіемъ».—«Что же ты дѣлаешь?» «Онъ предлагалъ» Адуеву «то сигару, то трубку, жалѣлъ, что» Александръ не играетъ и что ему «скучно», «старался занять» его. «безпрестанно обращался къ нему «и изъ-за картъ рассказывалъ всякій свой удачный и неудачный выходъ». Когда Александръ спросилъ П., «намѣренъ-ли онъ удѣлить» ему «сколько-нибудь времени въ этотъ вечеръ», П. «съ участіемъ разспрашивалъ, не нужно-ли чего Адуеву, «сталъ предлагать» свои «услуги, помощь». Узнавъ, что Александръ «хотѣлъ говорить съ нимъ не о службѣ, не о матеріальныхъ выгодахъ, а о томъ, что ближе къ сердцу, о золотыхъ дняхъ дѣтства, объ играхъ, о проказахъ», «П. вдругъ перемѣнилъ разговоръ, какъ будто считая его пустяками, и началъ серьезно разспрашивать» «о дѣлахъ, о надеждахъ на будущее, о карьерѣ». Когда же Адуевъ «началъ рассказывать о томъ, какъ поступили» съ нимъ «люди»:—«А что?—вдругъ перебилъ П. съ испугомъ:—вѣрно обокрали?» «Онъ думалъ, что Александръ говоритъ «про лакеевъ». Когда Александръ «заговорилъ» о своей «любви, о мученіяхъ, о душевной пустотѣ,—«П. разразился хохотомъ»:—«Полно, полно», «лучше выпей-ка водки, да станемъ ужинать». По мнѣнію Петра Ивановича, П. «челоуѣкъ порядочный»; Александръ разочарованный въ дружбѣ, пазывалъ П. «коварнымъ» и «чудовищемъ». Глядя на него, Адуевъ думалъ, «до чего можетъ окаменѣть челоуѣкъ».

Правитель канцеляріи («Обрывъ»).—Уп. л. «Новый П. канцеляріи, гдѣ служилъ Викентьевъ».

Прасковья Михайловна («И. С. Поджабрины»).—Сосѣдка Поджабрина. По словамъ Поджабрина «недурна», только немного толстовата, или не то, что толстовата, а у ней, д. б., кость широка». Дочь умершаго коллежскаго совѣтника; не беззащитная дѣвушка», хотя и живетъ одна: у ней есть крестный—тоже

коллежскій совѣтникъ. По характеристикѣ крестнаго, П. М., не то, что боизлива, «а того... получила отъ отца фундаментальное воспитаніе. Мать была, правда, баловница—не тѣмъ будь помянута—да умерла рано; а покойный-то отецъ, мой сослуживецъ, коллежскій совѣтникъ,—вотъ ужъ онъ былъ строгъ, не любилъ баловать. Онъ ее и пріучилъ къ аккуратности и воздержанію. Не! будь его, смоталась бы, чисто смоталась бы дѣвка. Да онъ—царство ему небесное—былъ съ правилами челоѣкъ и ей внушилъ». По справкамъ Авдѣя, П. М. живетъ «съ дѣвушкой и кухаркой тихо, скромно», и «въ гостяхъ у нея бываютъ все женщины».—«Я дѣвушка, мнѣ 22-ой годъ, я дочь честныхъ родителей, живу одна, и обо мнѣ никто дурного слова не слыхалъ»,—говоритъ она Поджабрину.—«Я еще съ покойнымъ папенькой жила здѣсь. Слава Богу! про насъ никто не можетъ недобраго слова сказать. Вотъ сегодня въ первый разъ незнакомый мужчина вошелъ безъ позволенія». Однако, изъявила согласіе принимать Поджабрина «по четвергамъ», когда у нея «собираются родные», и взяла съ Поджабрина обѣщаніе, что онъ «никогда, ни словомъ, ни нескромнымъ взглядомъ», не нарушитъ приличій...» Узнавъ, что Поджабринъ читаетъ философскія книги, сказала:—«Ужъ хороши эти философскія книги! я знаю! Мнѣ крестный сказалъ, что философы въ Бога не вѣрують. Вотъ пусти васъ къ себѣ: вонъ вы чтѣ читаете!» Театръ посѣщаетъ рѣдко: «если пьеса такая, гдѣ нѣтъ ничего»... — Вѣдь нынче женщинѣ и въ театръ, не знаяши, нельзя пойти... Богъ знаетъ, что представляютъ!...» Когда Поджабринъ признался П. М. въ любви («лаконической», по его опредѣленію), «зажала уши». На просьбу Поджабрина дать ему отвѣтъ, сказала:—«Я! отвѣтъ! чтобъ я теперь дала отвѣтъ! Вы не щадите моей скромности! Боже мой! Теперь вечеромъ, съ такими объясненіями... Отвѣтъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! лучше подождите хоть до завтра... или нѣтъ! въ среду утромъ, въ 12 часовъ, вы получите отвѣтъ»... Поджабрина, явившагося ранѣе срока, встрѣтила восклицаніемъ:—«Ахъ! Что вы сдѣлали? Вы, вы опозорили меня... Какъ! такъ рано, прежде моего отвѣта! Это ужасно! Приходите въ среду, я васъ жду, а теперь уйдите, уйдите! «Она убѣжала въ спальню и заперлась», но, еще до наступленія среды, весь домъ зналъ, «о скоромъ вступленіи въ законный бракъ» П. М. съ Поджабринымъ. Когда же Поджабринъ намекнулъ ей, что «вѣдь любовь иногда не ждетъ помолвки»:—«Объ этомъ и думать не должно!»—сказала она.

Профессоръ («Л и т. в е ч.»).—«Извѣстный» П. словесности, написавшій «много книгъ по литературѣ». Слушалъ чтеніе романа Бебикова «съ строгимъ офиціальнымъ вниманіемъ, склонивъ немного голову на бокъ и сохраняя приличную случаю мину». Когда Урановъ похвалилъ романъ, П. похвалилъ въ свою очередь:—«И какъ хорошо авторъ читаетъ, какой пріятный голосъ, и манера благородная!» замѣтилъ онъ. На рѣчь Красноперова отвѣчалъ «съ добродушнымъ смѣхомъ», на Крякова хотя и обидѣлся, но съ достоинствомъ молчалъ»; по словамъ П., онъ «не имѣлъ претензіи читать лекцію»; однако, прочелъ ее, заявивъ себя «не поклонникомъ утилитаризма въ искусствѣ». («Какія новости рассказываете! Что мы, пансіонерки, что ли!»—сказалъ Кряковъ въ отвѣтъ на длинную рѣчь П.). По собственнымъ словамъ, «дурную привычку говорить много «пріобрѣлъ на кафедрѣ». По мнѣнію Чешнева, «на критическомъ турнирѣ» П. взялъ изъ его рукъ копье и ратовалъ «побѣдоноснѣе его».

Профессоръ («О б р ы в ь»).—Профессоръ Академіи Художествъ.—«Что это за блинъ? сказалъ онъ, скользя въ взглядомъ по картинѣ (Райскаго), но взглянувъ мелькомъ въ другой разъ, вдругъ быстро схватилъ ее, поставилъ на мольбертъ и вонзилъ въ нее испытующій взглядъ, сильно сдвинувъ брови». «Это вы дѣлали? спросилъ онъ (Райскаго), указавъ на голову Гектора.—«Я-съ».—«И это вы?—П. указалъ на Андромаху.—«Тоже я-съ».—«А это?» спрашивалъ П., «указывая на ребенка».—«Я-же».—«Не можетъ быть»: «Это двое дѣлали, отрывисто отвѣтилъ П. и спросилъ Райскаго, гдѣ онъ учился?» сказалъ, что «у него талантъ, и разразился сильной бранью, узнавъ, что Райскій только разъ десять былъ въ Академіи и съ бюстовъ не рисуетъ».—«Посмотрите: ни одной

черты нѣтъ вѣрной. Эта нога короче, у Андромахи плечо не на мѣстѣ; если Гекторъ выпрямится, такъ она ему будетъ только по брюхо. А эти мускулы, посмотрите»... «Онъ обнажилъ и показалъ колѣно, потомъ руку».—«Вы не умѣете рисовать, сказалъ онъ: вамъ года три надо учиться съ бюстовъ, да анатомію... А голова Гектора, глаза... Да вы ли дѣлали?»—«Я—сказалъ Райскій». «П. пожалъ плечами».

Прохинъ, Андрей Петрович («На р о д и н ѣ»).—Чиновникъ особыхъ прученій при губернаторѣ (Углицкомъ). Полненькій кругленькій сорокалѣтній человѣкъ, средняго роста, съ сѣро-голубыми на выкатѣ глазами, съ одутловатыми отъ вина щеками, вѣчно съ влажнымъ подбородкомъ и руками, такъ что послѣ его рукожатія надо было обтирать руку. Впрочемъ, онъ былъ не неприятной наружности. «Писать онъ былъ великій мастеръ. Его докладныя объяснительныя и оправдательныя записки были шедеврами. Онъ былъ извѣстное перо въ губерніи. Онъ воспиталъ свой стиль въ семинаріи, потомъ въ казанскомъ университетѣ, на хряхѣхъ, періодахъ, тропяхъ, фигурахъ, метафорахъ, свидѣтельствахъ отъ противнаго, подобіяхъ и прочихъ тонкостяхъ риторики. Никогда отъ нихъ не отступалъ и признавался, «что если бѣ и захотѣлъ, то не могъ бы отступить». «Ужъ очень втянулся,—говорилъ онъ».—«Когда возьму перо въ руку, такъ первое является у меня не что писать, а какъ писать? Ядро мысли выдувается на другой страницѣ листа, а на первую просится вступленіе, потомъ занимаетъ меня соображеніе о числѣ посылокъ» и т. д.». «Слогъ у него былъ плавный, текучій, пріятный». «Нигдѣ, что называется, ни сучка, ни задоринки. Такъ и льется рѣчь, какъ тихая рѣка. Ни нечаянныхъ оборотовъ, ни сильныхъ взмаховъ и ударовъ пера, ни поразительныхъ неожиданностей. И какой тонкій, искусный казуистъ онъ былъ! Какъ онъ умѣлъ подсказанный ему Углицкимъ софизмъ развести въ сладкой водѣ фигуръ и троповъ». «Къ сожалѣнію, всѣми качествами его пера и пріятнаго характера не часто приходилось пользоваться. Онъ являлся у губернатора мѣсяца два-три сряду, потомъ мѣсяца на три пропадалъ, запирался дома и... пилъ запоемъ». «Въ пьяномъ образѣ бывалъ свирѣпъ». Въ это время, П. изъ оконъ своего дома «показывалъ прохожимъ языкъ, грозилъ кулакомъ или плевался. Иногда выходилъ въ сѣромъ халатѣ на улицу, въ галошахъ на босу ногу, и шелъ въ кабакъ, если дома не давали пить». Допивался до бѣлой горячки и потомъ конфузился, сознавалъ свое «безобразіе», грустилъ, называлъ самъ себя «скотиной», «свиньей». «Въ немъ таилась заноза противъ всѣхъ знавшихъ иностранные языки. «Знай я ихъ, эти распроклятые языки, — проговаривался онъ за пуншемъ, среди своихъ: — изъ меня бы вышла не та фигура!» Углицкому былъ преданъ: узнавъ, что губернатора уволили, пришелъ въ «возбужденномъ состояніи». — «Что я слымалъ, ваше претосходительство! Ужели это — правда, началъ онъ, подбѣгая къ губернатору и съ паюсомъ складывая руки на груди». — «Какъ: нашъ добрый благородный начальникъ покидаетъ насъ! Нѣтъ, это невозможно! скажите, что это неправда!» Вызвался написать Углицкому «объяснительную записку» и выпросился ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ, но когда Углицкій рѣшилъ отправить П., «какъ куля съ поклажей», обратно, возмутился: — «Вы думаете, я приму ваше предложеніе, расшаркаюсь, поблагодарю и поѣду съ вашимъ холломъ назадъ, домой? Ошибаетесь: я чиновникъ коронный, царскій слуга (онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь); состоялъ при васъ, какъ при губернаторѣ, по лакеемъ вашимъ не былъ, любовныхъ вашихъ записокъ по городу не разносилъ: да! «Я, Прохинъ, не унижусь до этого никогда! нѣтъ, никогда!».

Прохожій («О б л о м о в ѣ»).—Уп. л. «Отставшій отъ проходившей въ городъ артели человѣкъ. Лежалъ, за околицей («Обломовки»), въ канавѣ, у моста», «опершись іслоской въ пригорскъ». Онъ, «повидимому, былъ нездоровъ или очень утомленъ». Его приняли за «оборотня обломовскіе мальчишки».

Прохорова, Анна («С л у г и»).—Хозяйка прачешнаго заведенія. Прислала съ дворникомъ «незапечатанную записку» барину, слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!» «Вашъ лакей Валентъ самый низкій мужчина: онъ все таскается подъ окнами у насъ и какетничаетъ съ моими мастерицами, мѣшаетъ имъ и дѣлаетъ разныя низости: вонъ какую записку онъ подалъ Лизѣ—извольте прочитать. Мы просимъ васъ унять его. Если онъ не перестанетъ какетничать, ходить подъ окна и бросать записки—я тогда приду сама и раздеру ему всю лицо». «Готовая ко услугамъ Анна Прохорова, прачешная хозяйка». «Подъ фразой «раздеру всю лицо»—была другая зачеркнутая редакція: «раздеру ему поганую харю». Должно быть эта фраза показалась ей грубою». «и она изъ учтивости смягчила ее. Къ письму приложенъ былъ клочокъ бумаги, на которомъ, должно быть, рукой Валентина написано было его посланіе къ Лизѣ. (См. Валентинъ).

Прохоръ («О бры въ»).—Кучеръ Бережковой; когда Татьяна Марковна купила въ лавкѣ веревку («чтобъ не вѣшали бабы бѣлье на дерево») и отдала П., онъ долго ее разсматривалъ, все потягивая въ рукахъ каждый вершокъ, потомъ осмотрѣлъ оба конца и спряталъ въ шапку».

Прошка («Обыкн. Ист.»).—Дворовый Адуевыхъ. «Озорникъ: ни одной женщины проходу не дастъ». «Отъ него путнаго слова не добьешься, только и знаетъ, что лѣзетъ съ ручищами»,—говоритъ Аграфена «—Подлѣ него и сидѣть-то тошно—спинья-связней! Онъ, того и гляди, норовитъ ударить чело-вѣка, или сожрать что-нибудь барское изъ-подъ рукъ—и не увидишь».

Пуле («Обыкн. Ист.»).—Французъ, учитель Тафаевой. «Это былъ дорогой французъ. Около него ухаживали и отецъ и мать. Его принимали въ домъ, какъ гостя, обходились съ нимъ очень почтительно».

Пшеницына, Агафья Матвѣвна. («Обломовъ»).—См. Агафья Матвѣвна П.

Пшеницына, Маша («Обломовъ»).—Дочь Агафьи Матвѣвны; «ей платье въ «не напасешься; такъ вотъ на ней все и горитъ, особенно башмаки: не успѣваемъ на рынкѣ покупать», жаловалась на дочь Агафьи Матвѣвна. Впоследствии «вышла замужъ за смотрителя какого-то казеннаго дома».

Пшеницынъ, Ваня («Обломовъ»).—Сынъ Агафьи Матвѣвны. Обломовъ занимался съ нимъ по французски. Когда мать пригрозила съ Вани «снять сапоги», если онъ будетъ плохо учиться, сказалъ:—«Я не люблю учиться по французски»—«Отчего?», спросилъ Обломовъ.—«Да по-французски есть много нехорошихъ словъ, фыркнулъ носомъ Ваня». Позднѣ учился въ гимназій, «кончилъ курсъ наукъ и поступилъ на службу».

Пхайло, Казиміръ Альбертовичъ («Обломовъ»).—Уп. л. (I, 1).

Пьеръ, князь («Обломовъ»).—Уп. л. Сынъ князя, владѣльца Верхлѣва, братъ Мишеля. Преподавалъ Андриушѣ (Штольцу) какъ бьютъ зорю, въ кавалерій и пѣхотѣ, какія сабли гусарскія и какія драгунскія, какихъ мастей лошади въ каждомъ полку и куда непременно надо поступить послѣ ученья, чтобъ не опозориться».

Пьеръ, князь («О бры въ»).—Уп. л. Одинъ изъ знакомыхъ Бѣловодовой. По мнѣнію Райскаго, принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые (какъ и Анна Борисовна и Левъ Петровичъ) «живутъ или воспоминаніями о любви, или любятъ да притворяются».

Р.

Р. К. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Римскій-Корсаковъ.

Райскій, Борисъ Павловичъ («О бры въ»).—«Помѣщикъ», «столбовой дворянинъ»—«Ему около тридцати пяти лѣтъ. Онъ «очень хорошо сложенъ». «Съ перваго взгляда онъ казался моложе своихъ лѣтъ: большой бѣлый лобъ блисталъ свѣжестью, глаза мѣнялись, то загорались мыслию, чувствомъ, веселостью, то задумывались мечтательно и тогда казались молодыми, почти юношескими. Иногда же смотрѣли они зрѣло, устало, скучно, и обличали возрастъ своего хозяина».

Около глазъ собирались даже три легкія морщины, эти неизгладимые знаки времени и опыта. Гладкіе «густые» «черные волосы падали на затылокъ и на уши, а въ вискахъ серебрилось нѣсколько бѣлыхъ волосъ». Носилъ «усы» и «бороду», «Щеки его такъ же, какъ и лобъ, около глазъ и рта, сохранили еще молодые цвѣта, но у висковъ и около подбородка цвѣтъ былъ изжелта-смугловатый»; «въ неумолимой игрѣ тонкихъ губъ и въ улыбкѣ», было «молодое, свѣжее, иногда почти дѣтское выраженіе». По словамъ Татьяны Марковны, Р. въ юности ходилъ на свою мать «красавицу».—Когда онъ снова пріѣхалъ въ Малиновку, спусти 14 лѣтъ, Татьяна Марковна замѣтила:—«Какой ты нехорошій сталъ... Нѣтъ, ничего, живешь! Загорѣлъ только! Усы тебѣ къ лицу.—Зачѣмъ бороду отпускаешь!»—«Какъ вы возмужали и... похорошѣли!»—сказала Ульяна Андреевна, увидѣвъ Р.; «глаза у нея загорѣлись отъ удовольствія»:—«Вы всѣхъ здѣсь съ ума сведете,—меня первую».—«Вы иногда бываете прехорошенькій»,—сказала Маренъка:—«когда смѣтаетесь или что-нибудь живо рассказываете. А вотъ, когда нахмуритесь или смотрите какъ то особенно... тогда вамъ точно восемьдесятъ лѣтъ...»

Р. остался «еще въ дѣтствѣ сиротой», «на рукахъ равнодушнаго, холостого опекуна». Тотъ «отдалъ его сначала на воспитаніе» «двоюродной его бабушкѣ»,—Бережковой. Тамъ, у нея въ имѣніи, онъ «провелъ нѣсколько лѣтъ, а чуть подросъ, опекунъ помѣстилъ его въ гимназію»; потомъ учился въ университетѣ, гдѣ «дѣлили время по утрамъ между лекціями и Кремлевскимъ садомъ». «Въ воскресенье ходилъ въ Никитскій монастырь къ обѣднѣ», «заглядывалъ» «на разводъ» и посѣщалъ кондитеровъ Пеэра и Педотти. По вечерамъ «сидѣлъ» въ «своемъ кружкѣ», т. е. избранныхъ товарищей, горячихъ головъ, великодушныхъ сердець».

«Послѣ университета онъ поступилъ «въ гвардію», «въ гусары», «въ юнкера». «Онъ съ одушевленіемъ скакалъ во фронтѣ, млѣя и горя, съ бѣгающими по спинѣ муралками, при звукахъ полковой музыки, вытягивался, стуча саблей и шпорами, при встрѣчѣ съ генералами, а по вечерамъ въ удалой компаніи на тройкахъ уносился за городъ, на веселые пикники, или бралъ уроки жизни и любви у столичныхъ, русскихъ и не русскихъ «Армидъ», въ томъ волшебномъ царствѣ, гдѣ «гаснетъ въ вѣра въ лучшій край». Онъ «кружился въ свѣтѣ петербургской «золотой молодежи»:—«въ желая, не стараясь, часто бѣгая прочь, онъ извѣдалъ, этотъ «чудесный міръ» и «у него чуть не погасла вѣра въ честь, честность, вообще въ человѣка».—«Но напрасно упрямился онъ оставаться офицеромъ...» «Ему снилась широкая арена искусства, академія или консерваторія, любилъ онъ воображать себя труженикомъ искусства».—«Онъ подалъ просьбу къ переводу въ статскую службу, и былъ посаженъ къ Аянову въ столъ». Но и «статская служба удалась ему не лучше военной». «Онъ оставилъ ее и сталъ ходить въ академію».—«Потомъ—извѣстно, что!»—«съ досадой говорилъ Райскій...»,—«поздно было: какая академія послѣ года петербургской жизни!»—«У меня, видите, есть имѣніе, есть родство, есть связи... Надо было бы все это отдать нищимъ, взять крестъ и идти...»—Такимъ образомъ Р., ни офицеръ, ни чиновникъ, не пробиваетъ себѣ никакого пути трудомъ, связями, будто нарочно, наперекоръ всѣмъ, одинъ остается недорослемъ въ Петербургѣ. Въ кварталѣ прописанъ онъ отставнымъ коллежскимъ секретаремъ».

«Физиономисту трудно бы было опредѣлить по лицу свойства, склонности и характеръ» Р., «п.-ч. лицо это было неуловимо измѣнчиво». «Иногда онъ кажется такъ счастливъ, глаза горятъ, и наблюдатель только-что предположитъ въ немъ открытый характеръ, общительность, и даже болтливость, какъ черезъ часъ, черезъ два, взглянувъ на него, поразится блѣдностью его лица, какимъ-то внутреннимъ и, кажется, неисцѣлимымъ страданіемъ, какъ будто онъ отъ роду не улыбнулся». «Онъ въ эти минуты казался некрасивъ: въ чертахъ лица разладъ, живыя краски лба и щекъ замѣнялись болѣзненнымъ колоритомъ». «Но если покойный духъ жизни тихо опять вѣялъ надъ нимъ, или попросту «находилъ на него счастливый стихъ», лицо его отражало запасъ силы воли, внутрен-

ней гармоніи и самообладанія, а иногда какой-то задумчивой свободы, какого-то идущаго къ этому лицу мечтательнаго оттѣнка, лежавшаго не то въ этомъ темномъ зрачкѣ, не то въ легкомъ дрожаніи губъ». «Еще въ дѣтствѣ «сегодня онъ блѣденъ, молчитъ, какъ убитый,—завтра скачетъ и поетъ, Богъ знаетъ отъ чего». «Нравственное лицо его было еще неуловимѣе» (внѣшняго выраженія). «Бывали какіе-то періоды, когда онъ «обнималъ», по его выраженію, весь міръ, когда чарующей мягкостью открывалъ доступъ къ сердцу и тѣ, кому случалось попадать въ эти минуты, говорили, что добрѣе, любезнѣе его нѣтъ. Другимъ случалось попадать въ несчастную пору, когда у него на лицѣ выступали желтыя пятна, губы кривились отъ нервной дрожи и онъ тупымъ, холоднымъ взглядомъ и рѣзкой рѣчью платитъ за ласку, за симпатію. Тѣ отходили отъ него, унося горечь и вражду, иногда навсегда. Какіе дни—какіе дни—ни другіе, ни самъ онъ не зналъ». «Когда чего-нибудь онъ захочетъ достигнуть, откуда берутся рѣчи, взгляды, какъ играетъ лицо!»—Оттого иные называли его «актеромъ» или «фальшивымъ человѣкомъ».—Другіе считали Р. «честѣйшей натурой, но нервной страстной, огненной и раздражительной». «Итакъ, въ кругѣ, даже близкихъ, знакомыхъ его, не сложилось о немъ никакого опредѣленнаго понятія и еще менѣе образа». Вѣра пишетъ о немъ подругѣ: «Сегодня онъ холоденъ, равнодушенъ, а завтра опять глаза у него блестятъ, и я его боюсь, какъ боится сумасшедшихъ. Хуже всего то, что онъ самъ не знаетъ себя, и потому нельзя положиться на его намѣренія и обѣщанія: сегодня рѣшится на одно, а завтра сдѣлаетъ другое». Р. съ дѣтства—обладаетъ чрезвычайно «острой», «живой наблюдательностью». Отъ него не ускользаетъ «куда порхнула птичка, какая она, куда сѣла, какъ почесала носикъ», «какія это птицы прячутся въ рожъ, какъ летаютъ стрекозы». Онъ «пристально разсматриваетъ мужиковъ», «еще пристальнѣе слушаетъ деревенскую тишину».—Поступивъ въ училище, «онъ прежде всего воззрился въ учителя; какой онъ, какъ говоритъ, какъ нюхаетъ табакъ, какія у него брови, бакенбарды; потомъ сталъ изучать болтающуюся на животѣ его сердоликовую печатку, потомъ замѣтилъ, что у него большой палецъ правой руки раздвоенъ по срединѣ и представляетъ подобіе двойного орѣха». «Потомъ осмотрѣлъ каждаго ученика и замѣтилъ всѣ особенности: у одного лобъ и виски вогнуты внутри головы, у другого мордастое лицо далеко выпятилось впередъ, тамъ вонъ у двоихъ, у одного справа, у другого слѣва, на лбу волосы растутъ вихоркомъ и т. д., всѣхъ замѣтилъ и изучилъ, какъ кто смотритъ». «Ничего не ускользнуло отъ Р., только ускользнуло рѣшеніе задачи». Все «отвлеченное», если не задѣто самолюбіе, не интересуется Р-го. Ему нужны «образы», «картины».—«У него очень «живое» воображеніе. Смотрѣлъ онъ, напр., на Волгу—и «чутко замѣчалъ», какъ «картина эта повторяется у него въ головѣ. Ему интересно самому наблюдать «какъ тамъ расположились горы, попала ли туда вонъ избушка, изъ которой валилъ дымъ»; онъ «повѣрялъ и видѣлъ, что и мели тамъ, и паруса бѣлѣютъ». «Борисъ былъ весь въ картинѣ; задумчивость лежала на лицѣ, ему было такъ хорошо—вѣкъ бы тутъ стоять». «Онъ закроетъ глаза и хочетъ поймать, о чемъ онъ думаетъ, но не поймаетъ; мысли являются и утекаютъ, какъ волжскія струи: только въ немъ точно поетъ ему какой-то голостъ, и въ головѣ, какъ въ какомъ-то зеркалѣ, стоитъ та-же картина, что передъ глазами». «Онъ и знаніе—не зналъ, а какъ будто видѣлъ его у себя въ воображеніи, какъ въ зеркалѣ. готовымъ, чувствовалъ его и этимъ довольствовался». Напр., при изученіи математики, «у него въ головѣ было свое царство цифръ въ образахъ; онъ по-своему строились у него тамъ, какъ солдаты. Онъ придумалъ имъ какіе то свои знаки или фізіономіи, по которымъ онъ становились въ ряды, слагались, множились и дѣлились; всѣ фигуры ихъ рисовались, то знаковыми людьми, то походили на разныхъ животныхъ».—«Въ университетѣ», «какъ въ школѣ у русскаго учителя, онъ не слушалъ законовъ строенія языка, а разсматривалъ все, какъ говоритъ профессоръ, какъ падаютъ у него слова, какъ кто слушаетъ». «Но лишь коснется рѣчь самой жизни, являются на сцену лица, событія, заговариваютъ въ исторіи, въ поэмѣ или романѣ, греки,

римляне, германцы, русскіе—но живыя лица,—у Райскаго ухо невольно открывается: онъ весь тутъ и видитъ этихъ людей, эту жизнь». «Когда зададутъ Теми на диссертацию, Р. терялся, впадалъ въ уныніе, не зная, какъ приступить къ разсужденію, напимѣрь, «Объ источникахъ къ изученію народности, или о древнихъ русскихъ деньгахъ или о движеніи народовъ съ сѣвера на югъ». «Онъ, вмѣсто того, чтобъ разсуждать, вглядывается въ движеніе народовъ, какъ будто оно передъ глазами. Онъ видитъ, какъ туча народа, точнѣе саранча, движется, располагается на бивуакахъ, зажигаетъ костры; видитъ мужчинъ въ звѣриныхъ шкурахъ, съ дубинами, оборванныхъ матерей, голодныхъ дѣтей; видитъ какъ они рѣжуть, истребляютъ все на пути, какъ гибнуть отсталые. Видитъ сѣрое небо, скудныя страны, и даже древнія русскія деньги; видитъ такъ живо, что можетъ нарисовать, но не знаетъ, какъ «разсуждать» объ этомъ: и чего тутъ разсуждать, когда ему и такъ видно?» Одинъ толчокъ—и «фантазія» Р. начинаетъ работать, создавая живыя картины: даже, когда директоръ училища общалъ его высѣчь, Р. «смотрѣлъ, какъ стоялъ директоръ, какъ говорилъ, какіе злые и холодные у него глаза, разбиралъ, отчего ему стало холодно, когда директоръ тронулъ его за ухо, представилъ себѣ, какъ поведутъ его сѣчь, какъ у Севастьянова отъ испуга вдругъ побѣлѣтъ носъ, и онъ весь какъ будто похудѣетъ немного, какъ Боровиковъ задрожитъ, запрыгаетъ и захихикаетъ отъ волненія, какъ добрый Масляниковъ, съ плачущимъ лицомъ, бросится обнимать его и прощаться съ нимъ, точно съ осужденнымъ на казнь. Потомъ, какъ его будутъ раздѣвать и у него похолодѣтъ сначала у сердца, потомъ руки и ноги, какъ онъ не сможетъ самъ лечь, а положить его тихонько сторожъ Сидорычъ...» «Онъ слышалъ мысленно свой визгъ, видѣлъ болтающіяся ноги и вздрогнулъ...» «Р. подошелъ къ «Обрыву», подъ которымъ, по преданію, какой-то портной убилъ жену. Онъ «вспомнилъ это печальное преданіе, и у него плечи немного холодѣли отъ дрожи, когда онъ спускался съ обрыва, въ чащу кустовъ». «Ему живо представлялась картина, какъ ревнивый мужъ, трясясь отъ волненія, пробирался между кустовъ, какъ бросился къ своему сопернику, ударилъ его ножомъ; какъ, можетъ-быть, жена билась у ногъ его, умоляя о прощеніи. Но онъ, съ пѣной у рта, наносилъ ей рану за раной, и потомъ, надъ обоими трупами, перерѣзалъ горло и себѣ». Если попадалась интересная для него книга, Р. «сжимался въ комокъ и читалъ жадно, почти не переводя духа, но внутренно разрываясь отъ волненія, и вдругъ въ неистовствѣ бросалъ книгу и бѣгалъ, какъ потерянный, когда храбрый Ринальдъ, или въ романѣ мадамъ Коттенъ, Малекъ-Адель, изнывали у ногъ волшебницы». Когда являлись интересные для него задача, вопросъ, «воображеніе Р. вспыхивало и онъ путемъ сверкнувшей догадки схватывалъ тѣнь, верхушку истины, дорисовывалъ остальное и уже не шелъ долгимъ опытомъ и трудомъ завоевывать прочную побѣду. Онъ уже былъ утомленъ, онъ шелъ дальше, глаза и воображеніе искали другого, и онъ летѣлъ на крыльяхъ фантазіи черезъ пропасти, горы, океаны, переходимые и переплываемые толпой, мужественно и терпѣливо». «Онъ отталкивалъ наскучившій предметъ прочь, отыскивая вокругъ новаго, живого, поразительнаго, чтобъ въ немъ самомъ все играло, билось, трепетало и отзывалось жизнью на жизнь». Учился онъ «по серьезнымъ предметамъ» плохо:—«садись на мѣсто, пустой малый!» говорилъ ему нерѣдко учитель математики, отчаявшись чего-нибудь отъ него добиться».—«Зато, если задѣто его самолюбіе, затронуты нервы, тогда онъ однимъ взглядомъ въ книгу какъ будто снимаетъ фотографію съ урока, запомнитъ столбцы цифръ, отгадаетъ задачу—и вдругъ блеснетъ, какъ фейерверкъ, и изучитъ весь классъ, иногда и учителя». «Притворяется!»—думаютъ ученики.—«Какія способности у этого лѣнтяя!»—подумаетъ учитель». «Онъ чувствовалъ и понималъ, что онъ не лежебока и не лѣнтяй, а что-то другое, но чувствовалъ и понималъ онъ одинъ, и больше никто,—но не понималъ, что же онъ такое именно, и некому было растолковать ему это, и разъяснить, нужно ли ему учить математику, или что-нибудь другое». «Вокругъ его не было никого, кто напра-

вилъ бы жадные порывы его лобознательности въ определенную колею». «Хозяйственные» вопросы, «денежныя дѣла» совсѣмъ не интересовали Р. Онъ все свое достояніе отдалъ на волю и въ распоряженіе «бабушки» и «опекуна».

«Бабушка все хотѣла показывать ему счеты, объясняла, сколько она откладываетъ въ приказъ, сколько идетъ на ремонтъ хозяйства, чего стоили передѣлки». «—Вѣрочкины и Марейныкины счеты осебо: вотъ смотри,—говорила она:—не думай, что на нихъ хоть копѣйка твоя пошла. Ты послушай...» «Но онъ не слушалъ, а смотрѣлъ, какъ писала бабушка счеты, какъ она глядитъ на него черезъ очки, какія у нея морщины, родимое пятнышко, и лишь доходилъ до глазъ и до улыбки, вдругъ засмѣется и бросится цѣловать ее». «—Ты ему о дѣлѣ, а онъ шалитъ: пустота какая, мальчикъ!—говорила однажды бабушка».—Когда онъ прѣбхалъ къ бабушкѣ уже тридцатипятилѣтнимъ мужчиной, это отношеніе не изменилось. «—Стало-быть, ты не знаешь, куда я твои деньги тратила?»—спросила Татьяна Марковна. «—Не знаю, бабушка, да и не желаю знать!»—отвѣчалъ онъ, приглядываясь изъ окна къ знакомой ему дали, къ синему небу, къ мѣловымъ горамъ за Волгой. «—Представь, Марейныка: я еще помню стихи Дмитріева, что въ дѣтствѣ училъ: «О, Волга пышна, величава, прости, но прежде удостоить свое вниманье къ лирѣ пѣвца незнаемаго въ мірѣ, но воспоеннаго тобой...» «—Ты, Борюшка, прости меня: а ты, кажется, полоумный!»—сказала бабушка». «Въ службѣ названіе пустого человѣка привинтилось въ нему еще крѣпче, чѣмъ въ школѣ». «Отъ него не добились ни одной докладной записки, никогда не прочелъ онъ ни одного дѣла, между тѣмъ вносилъ веселье, смѣхъ и анекдоты въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ. Около него всегда куча народу». «Но мысль о дѣлѣ, если только она не проходила черезъ докладъ, какъ бывало русскій языкъ черезъ грамматику, а сказанная среди шутокъ и бездѣлья, для него какъ-то ясна, лишь бы не доходило дѣло до бумагъ». «Онъ озадачивалъ новизной взгляда чиновниковъ. Столоначальникъ, слушая его, съ усмѣшкой отбиралъ у него какую-нибудь заданную ему бумагу и отдавалъ другому». «—Напишите, пожалуйста, вотъ это предписаніе,—говорилъ онъ:—пока Борис Павловичъ рисуетъ свой проектъ». «Служба», не манила Райскаго; «поглядѣвши вокругъ себя, онъ вывелъ свое оригинальное заключеніе, что служба не есть сама цѣль, а только средство куда-нибудь дѣвать кучу люда, которому безъ нея незачѣмъ бы родиться на свѣтъ. И если-бъ не было этихъ людей, то не нужно было бы и той службы, которую они несутъ».—«Дѣла у насъ, русскихъ, нѣтъ»,—рѣшилъ Райскій,—«а есть миражъ дѣла. А если и бываетъ, то въ сферѣ рабочаго человѣка, въ приспособленіи къ дѣлу грубой силы или грубаго умѣнья, слѣдовательно, дѣло рукъ, плечей, спины: и то дѣло вяжется плохо, плетется кое-какъ; поэтому, рабочій людъ, какъ рабочій скотъ, дѣлаетъ все изъ-подъ палки и норовитъ только отбить свою работу, чтобы скорѣе дорваться до животнаго покоя...» «А не въ рабочей сферѣ—повыше, гдѣ у насъ дѣло, которое бы каждый дѣлалъ, такъ-сказать, облизываясь отъ удовольствія, какъ будто бы ѣлъ любимое блюдо? А вѣдь только за такимъ дѣломъ и не бываетъ скуки! Отъ этого всѣ у насъ ищутъ однихъ удовольствій, и все внѣ дѣла». «—А дѣла нѣтъ, одинъ миражъ!»—злобно твердилъ онъ». «Искусства дались Р-му лучше наукъ», но здѣсь ему не хватало «терпѣнія», «выдержки», «труда». Онъ «пристрастился» въ училищѣ «къ рисованію» и добился «легкаго успѣха». «—Талантъъ, талантъъ! — звучало у него въ ушахъ». «Но чертить зрачки, носы, ливніи лба, ушей и рукъ по сту разъ—ему было до смерти скучно». «Онъ рисуетъ глаза кое-какъ, но заботится лишь о томъ, чтобы въ нихъ повторились учительскія точки, чтобы они смотрѣли точно живые, а не удастся, онъ броситъ все, уныло облокотится на столъ, склонитъ голову и осѣдлаетъ своего любимаго коня, фантазію, или конь осѣдлаетъ его, и мчится онъ въ пространствѣ, среди своихъ міровъ и образовъ». Поступивъ «въ академію», Р. «робко пришелъ туда и осмотрѣлся кругомъ. Всѣ сидятъ молча и рисуютъ съ бюстовъ. Онъ началъ тоже рисовать, но черезъ два часа упелъ и сталъ рисовать съ бюста дома». «Но дома, то сигару закуритъ, то сядетъ съ ногами на дп-

ванъ, почитаетъ, или замечтается, и въ головѣ раздадутся звуки. Онъ за фортепіано и забудется». Или же улетаетъ въ мечты о славѣ». Ему рисовалась темная, запыленная мастерская, съ завѣшеннымъ свѣтомъ, съ кусками мрамора, съ начатыми картинами, съ манекеномъ,—и самъ онъ, въ изящной блузѣ, съ длинными волосами, съ нѣгой и счастьемъ смотреть на свое произведеніе: подъ кистью у него рождается чья-то голова». «Она еще неодушевлена, въ глазахъ нѣтъ жизни, огня. Но вотъ онъ посадить въ нихъ двѣ магическія точки, проведетъ два какихъ-то рѣзкихъ штриха, и вдругъ голова ожила, заговорила, она смотреть такъ открыто, въ ней горятъ мысль, чувство, красота...» «Въ комнату заглядываютъ робко посѣтители, шепчутся...» «Наконецъ, вотъ выставка. Онъ изъ угла смотреть на свою картину, но ея не видать, передъ ней толпа, тамъ проносятъ его имя. Кто-то измѣнилъ ему, назвалъ его, и толпа отъ картины обратилась къ нему». «Онъ сконфузился и очнулся».

«Недѣли черезъ три Р. опять пошелъ въ академію: тамъ опять всѣ молчатъ и рисуютъ съ бюстовъ». Послѣ этого, «онъ не ходилъ мѣсяцевъ шесть, потомъ пошелъ, и тѣ же самые товарищи рисовали... съ бюстовъ».—Р.,—«бросивъ бюсты, рисунки, взявъ кисть». «Полгода онъ писалъ картину» — Гекторъ и Андромаха—и понесъ ее къ профессору. Тотъ посмотрѣлъ. «—Что это за блинъ?—сказалъ, скользнувъ взглядомъ по картинѣ, но взянувъ мелькомъ въ другой разъ, вдругъ схватилъ ее, поставилъ на мольбертъ и вонзилъ въ нее испытующій взглядъ, сильно сдвинувъ брови». Профессора поразила голова Гектора. «—Кто придѣлалъ голову этой мазнѣ?» — спросилъ профессоръ, но подтвердилъ, что у Райскаго «талантъ». «—Вы не умѣете рисовать, сказалъ онъ».—«Ни одной черты вѣрной». Вамъ года три надо учиться съ бюстовъ, да анатоміи». «Учитесь; со временемъ...» «Все учитесь; со временемъ!» думалъ Р. А ему бы хотѣлось—не учась—и сейчасъ».—И послѣ этого онъ «въ академии съ бюстовъ не рисовалъ, между тѣмъ много читалъ, много писалъ стиховъ и прозы, танцовалъ, ѣздилъ въ свѣтъ, ходилъ въ театръ и къ «Армидамъ», и въ это время сочинилъ три вальса и нарисовалъ нѣсколько женскихъ портретовъ. Потомъ, послѣ бѣшеной масленицы, вдругъ очнулся, вспомнилъ о своей артистической карьерѣ и бросился въ академию: тамъ ученики молча, углубленно рисовали съ бюста».

«Музыку Р. любилъ до опьяненія». Онъ любилъ въ училищѣ слушать игру Васюкова. «Послѣ нѣсколькихъ звуковъ, открывалось глубокое пространство, тамъ являлся движущійся міръ, какія-то волны, корабли, люди, лѣса, облака,—все будто плыло и несло мимо него въ воздушномъ пространствѣ. И онъ, казалось ему, все росъ выше, у него занимало духъ, его будто щекотали, или кутались онъ...» «Заиграетъ ли женщина на фортепіано, гувернантка у сосѣдей, Р. бѣжалъ-было передъ этимъ удить рыбу,—но раздались звуки, и онъ замиралъ на мѣстѣ, разинувъ ротъ, и прятался за стуломъ играющей». «Его не стало, онъ куда-то пропалъ, опять его несетъ кто-то по воздуху, опять онъ растеть, въ него льется сила, онъ въ состояніи поднять и поддержать сводъ, какъ тотъ, котораго Геркулесъ смѣнилъ». «Звуки почти до боли ударяютъ его по груди, проникаютъ до мозга—у него уже мокрые волосы, глаза...» «Онъ сталъ было учиться, сначала на скрипкѣ у Васюкова,—но вотъ уже недѣлю водить смычкомъ взадъ и впередъ: а, с, g, тянетъ за нимъ Васюковъ, а смычокъ деретъ ему уши. То захватить онъ двѣ струны разомъ, то рука дрожитъ отъ слабости:—нѣтъ! Когда же Васюковъ играетъ—точно по маслу рука ходитъ». «Двѣ недѣли прошло, а онъ забудетъ то тотъ, то другой палецъ. Ученики бранятся». «Райскій бросилъ скрипку и сталъ просить опекуна учить его на фортепіано». «На фортепіано легче, скорѣй», думалъ онъ. «Съ грѣхомъ пополамъ, онъ одолѣлъ первые шаги»; онъ «не хотѣлъ играть гаммъ, а ловилъ ухомъ мотивы, какіе западутъ въ голову и бывалъ счастливъ, когда удавалось ему уловить ту же экспрессию или силу, какую слышалъ у кого-нибудь и поразился ею». «Часто онъ задумывался, слушая свою игру, и мурашки бѣгали у него по спинѣ». «Вдалекѣ видѣлась уже ему па-

полненная зала, и онъ своей игрой потрясалъ стѣны и сердца знатоковъ. Женщины съ горящими щеками слушали его, и его лицо горѣло стыдливимъ торжествомъ...» «Онъ тихонько утиралъ слезы, катившіяся по щекамъ, горѣлъ, млѣлъ отъ своей мечты». «Скоро онъ перегналъ розовенькихъ уѣздныхъ барышень и изумлялъ ихъ силою и смѣлостью игры, пальцы бѣгали смѣло и обдуманно». «Онъ услышитъ оркестръ, затвердитъ то, что увлекло его и повторяетъ мотивы, упиваясь удивленіемъ барышень: онъ былъ первый, лучше всѣхъ; нѣмецъ-учитель говорить, что способности у него быстрыя, удивительныя, но лѣтъ еще удивительнѣе». Въ зрѣломъ возрастѣ «отъ пера онъ бросался къ музыкѣ и забывался въ звукахъ, прислушиваясь самъ съ любовью, какъ они пѣли ему его же страсть и гимны красотѣ. Ему хотѣлось бы поймать эти звуки, формулировать въ стройномъ созданіи гармоніи». «Изъ этихъ волнъ звуковъ очерчивалась у него въ фантазіи какая-то музыкальная поэма: онъ силился уловить тайну созданія и три утра бился, изведя толстую тетрадь нотной бумаги. А когда сыгралъ на четвертое утро написанное, вышла... полька-редова, но такая мрачная и грустная, что онъ самъ разливался въ слезахъ, играя ее». «Онъ удивился такому скудному результату своихъ роскошныхъ импровизаций, положенныхъ на бумагу, и со вздохомъ сознался, что одной фантазіей не одолѣешь музыкальной техники». «Р. началъ писать и стихи, и прозу, показалъ сначала одному товарищу, потомъ другому, потомъ всему кружку, а кружокъ объявилъ, что онъ талантъ. Тогда Борисъ приступилъ къ историческому роману, написалъ нѣсколько главъ и прочелъ также въ кружкѣ. Товарищи стали уважать его, «какъ надежду», ходили съ нимъ толпой». Они «показали его стихи и прозу гениальнымъ профессорамъ, пророкамъ, какъ ихъ звалъ кружокъ, хвостомъ ходившей за ними». «Одинъ изъ «пророковъ» разобралъ стихи публично на лекціи и сказалъ, что «въ нихъ преобладаетъ элементъ живописи, обиліе образовъ и музыкальность, но нѣтъ глубины и мало силы», однако, предсказывалъ, что съ лѣтами это придетъ, поздравилъ автора тоже съ талантомъ и совѣтовалъ «беречь и лелѣять музу», т.-е., заняться серьезно». «Р., шатаясь отъ упоенія, вышелъ изъ аудиторіи, въ кружкѣ, по этому случаю, былъ трехдневный ревъ». «Другой «пророкъ» прочелъ начало его романа и пригласилъ Р. къ себѣ». «Онъ вышелъ отъ профессора, какъ изъ бани, тоже съ патентомъ на талантъ, и съ кучей старыхъ книгъ, лѣтописей, грамотъ, договоровъ». «— Готовьте серьезнымъ изученіемъ вашъ талантъ,—сказалъ ему профессоръ: у васъ есть будущность». «Р. еще «серьезнѣе» занялся хожденіемъ въ окрестности, проникалъ въ старыя зданія, глядѣлъ, шупалъ, нюхалъ камни, читалъ надписи, но не разобралъ и двухъ страницъ данныхъ профессоромъ хроникъ, а писалъ русскую жизнь, какъ она снилась ему въ поэтическихъ видѣніяхъ, и кончилъ тѣмъ, что очень «серьезно» написалъ шутливую поэму, воспѣвъ въ ней товарища, написавшаго диссертацию «о долговыхъ обязательствахъ» и никогда не платившаго за квартиру и за столъ хозяйкѣ». На бѣду «кто-то сказалъ ему, что при талантѣ не нужно много и работать, что работаютъ только бездарные, чтобы измучить себѣ кропотливое жалкое подобіе могучаго и всепобѣднаго дара природы—таланта». «— У васъ есть страстность, но нѣтъ страсти (къ искусству), сказалъ Р-му Кириловъ. «Творчество» моментами совершенно захватывало Р., и заставляло забывать все... Когда, послѣ «драмы» подъ обрывомъ, Вѣра пришла къ нему, чтобы посоветоваться о письмахъ Марка—и онъ вдругъ замѣтилъ ея «новую красоту»—«Это—лилія! гдѣ прежняя Вѣра? которая лучше: та или эта?»—думалъ онъ, протягивая ей въ умилении руки». «—Погоди, Вѣра!—шепталъ онъ, не слыхавъ ей вопроса и не спуская съ нея широкого, изумленнаго взгляда.—Сядь вотъ здѣсь,—такъ!—говорилъ онъ, усаживая ее на маленькій диванъ». А самъ торопливо сунулся въ уголъ комнаты, порылся тамъ и досталъ рамку съ натянутымъ холстомъ». Онъ, схватилъ «палитру, покрылъ ее красками и, взглядывая горячо на Вѣру, торопливо, какъ будто воруя, переносилъ черты ея лица на полотно. Она повторила ему о письмахъ Марка. Онъ молчалъ и глядѣлъ на нее, будто въ первый разъ

видить». «—Братъ, ты не слушаешь?». «—Да... да... слышу... «письма отъ Марка...» «Ну, что онъ, здоровъ, какъ поживаетъ?... скороговоркой сказалъ онъ». «Она съ удивленіемъ глядѣла на него. Она едва рѣшалась назвать Марка, думая, что дотронется до него этимъ именемъ, какъ каленымъ желѣзомъ,—а онъ о здоровьѣ его спрашиваетъ!» «Поглядѣвъ еще на него, она перестала удивляться. Если бѣ вмѣсто имени Марка, она назвала Карпа, Сидора—дѣйствіе было бы одно и то же. Р. машинально слушалъ и не слышалъ». «Онъ слышалъ только звукъ ея голоса,—погруженный въ работу, видѣлъ только ее, не вникалъ въ ея слова и машинально повторялъ имя». «—Что-жъ ты ничего мнѣ не отвѣчаешь?—спросила она. «—Послѣ, послѣ, Вѣра, ради Бога! Теперь не говори со мной—думай что-нибудь про себя. Меня здѣсь нѣтъ...» «Его самого готовили—къ чему—никто не зналъ. Вся женская родня прочла его въ военную службу, мужская—въ гражданскую, а рожденіе само по себѣ представляло еще третье призваніе—сельское хозяйство. У насъ легко погнаться за всѣми тремя зайцами и поспѣть къ тремъ — миражамъ». «И только одинъ онъ выдался уродъ въ семьѣ и не поспѣлъ ни къ одному, а выдумалъ свой миражъ—искусство. «Сколько насмѣшекъ, пожиманія плечъ, холодныхъ и строгихъ взглядовъ перенесъ онъ на пути къ своему идеалу. И если-бъ онъ вышелъ побѣдителемъ, вынесъ на плечахъ свою задачу и доказалъ «серьезнымъ людямъ», что они стремятся къ миражу, а онъ къ дѣлу—онъ бы и былъ правъ». Но въ результатъ, на вопросъ, не художникъ ли онъ:—«Да, художникъ!—со вздохомъ сказалъ Райскій:—художество мое здѣсь—онъ указалъ на голову и на грудь:—здѣсь образы, звуки, формы, огонь, жажда творчества, и вотъ еще я почти не началъ...»—«Въ васъ погибаетъ талантъ», говорилъ ему Кириловъ: — вы не выбетесь, не выйдете на широкую дорогу. У васъ недостаетъ упорства, есть страстность, да страсти, терпѣнья нѣтъ!» Бросивъ академію, Р. хотѣлъ было писать картину на выставку», но узналъ, что для этого надо «нѣсколько лѣтъ». Тогда Р. пришла серьезная мысль—писать романъ». —«Чортъ съ ними, съ большими картинами!—съ досадой сказалъ Райскій Козлову:—я бросилъ почти живопись. Въ одну большую картину надо всю жизнь положить, а не выразишь и сотой доли изъ того живого, чтó проносится мимо и безвозвратно утекаетъ. Я пишу иногда портреты...»—«Есть одно искусство: оно лишь можетъ удовлетворить современнаго художника: искусство слова, поэзія: оно безгранично. Туда уходитъ и живопись, и музыка—и еще тамъ есть то, чего не даетъ ни то, ни другое...»—Въ романъ все уходитъ». «Только романъ можетъ охватывать жизнь». «Въ романъ укладывается вся жизнь, и цѣликомъ, и по частямъ». «Вотъ пусть эта звѣзда, какъ ее... ты не знаешь? и я не знаю, ну да все равно,— пусть она будетъ свидѣтельницей, что я наконецъ слажу съ чѣмъ-нибудь: или съ живописью, или съ романомъ. Романъ—да! Смѣшай свою жизнь съ чужою, занести эту массу наблюденій, мыслей, опытовъ, портретовъ, картинъ, ощущеній, чувствъ... une mer à boire!» Прошелъ годъ попытокъ, и Р. рѣшаетъ, что его призваніе—скульптура. —«Чтѣ я дѣлаю! На что трачу время и силы? Еще годъ пропалъ! Романъ!—шепталъ онъ съ озлобленіемъ. Затѣялъ писать романъ! И вы, и никто—не остановили меня, не сказали мнѣ, что я—пластикъ, язычникъ, древній грекъ въ искусствѣ! Выдумалъ какую-то «осмысленную и одухотворенную Венеру!» Мое ли дѣло чертить картины нравовъ, быта, осмысливать и освѣщать основы жизни! Психологія, анализъ!» «Мое дѣло—формы, вѣшняя, ударяющая на нервы красота!» «Для романа—нужно... другое, а главное—годы времени! Я не пожалѣлъ бы трудовъ; и на время не поспешилъ бы, если бѣ былъ увѣренъ, что моя сила—въ перѣ!» «Я сохраню впрочемъ эти листки: можетъ-быть... Нѣтъ, не хочу обольщать себя невѣрной надеждой! Творчество мое не ладитъ съ перомъ. Не по натурѣ мнѣ вдумываться въ сложный механизмъ жизни! Я пластикъ, повторяю: мое дѣло только видѣть красоту—и простодушно, «не мудрствуя лукаво», отражать ее въ созданіи...» «Сохраню эти листки затѣмъ развѣ, чтобы когда-нибудь вспоминать, чему я былъ свидѣтелемъ, какъ жили другіе, какъ жилъ я самъ, чтѣ чувствовалъ (или вѣрнѣе ощущалъ), что перенесъ—и... «И послѣ моей

смерти — другой найдетъ мои бумаги»: «засвѣтитъ онъ, какъ я свою лампаду» — «и — можетъ быть напишетъ... «Теперь, хотите ли знать, кто я, что я?... — Скульпторъ!» — «Да, скульпторъ — не ахайте и не бранитесь! Я только сейчасъ убѣдился въ этомъ, долго не понимая намековъ, призывовъ: отчего мнѣ и Вѣра, и Софья, и многія, многія — прежде всего являлись статуями. Теперь мнѣ ясно!» «Онъ съ живостью собралъ всѣ бумаги, кучей, въ беспорядкѣ сунулъ ихъ въ большой старый портфель — сдѣлалъ «ухъ», какъ будто горбатый вдругъ сбросилъ горбъ, и весело потеръ руку объ руку».

Нѣтъ для меня мирной пристани», — говоритъ Р.: — «или горѣніе, или сонъ и скука». — «Если-бъ не было на свѣтѣ скуки!! Можетъ ли быть люте бича?» «Всѣ отъ скуки спасаются какъ отъ чумы», — говорилъ онъ Аянову. — «Скука — его недугъ»; его «одолѣвала хандра, доводившая иногда до свирѣпости»; «тулая и бесплодная скука», которой онъ не «предвидѣлъ конца». Могъ бы онъ заняться дѣломъ: за дѣломъ скуки не бываетъ.» Но дѣла нѣтъ — все «миражъ»... Отъ скуки Р. «пришла въ голову» прежняя мысль писать скуку: «вѣдь жизнь многосторонняя и многообразная, и если», думалъ онъ, «и эта широкая и голая какъ степь, скука лежитъ въ самой жизни, какъ лежатъ въ природѣ безбрежные пески, нагота и скудость пустынь, то и скука можетъ и должна быть предметомъ мысли, анализа, пера или кисти, какъ одна изъ сторонъ жизни: чтѣ жъ, пойду, и среди моего романа вставлю широкую и туманную страну скуки: этотъ холодъ, отвращеніе и злорадіе, которые вторглись въ меня, будутъ красками и колоритомъ... картина будетъ вѣрна»... «Впечатлительность» его постоянно «требовала» новой и новой «пищи». — «Чтѣ за существованіе», размышлялъ онъ: «остановить взглядъ на явленіи, принять образъ на себя, вспыхнуть на минуту и потомъ холодѣть; скучать и насильственно или искусственно подновлять въ себѣ періодическую охоту къ жизни, какъ ежедневный аппетитъ! Тайна умѣнья жить — только тайна длить эти періоды, или, лучше сказать, не тайна, а даръ, невольный, бессознательный. Надо жить какъ-то закрывши глаза и уши — и живетъ долго и прочно. И тѣ и правы, у кого нѣтъ жала въ мозгу, кто близорукъ, у кого туго обоняніе, кто идетъ, какъ въ туманѣ, не теряя иллюзій! А какъ удержишь краски на предметахъ, никогда не взглянуть на нихъ простыми глазами и не увидѣть, что зелень не зелена, небо не сине, что Маркъ не заманчивый герой, а мелкій либераль, Марѣинька сахарная куколка». «Боже мой! зачѣмъ я все вижу и знаю, гдѣ другіе слѣпы и счастливы! Зачѣмъ для меня довольно шороха, вѣтерка, самаго молчанія, чтобъ знать? Проклятое чутье!» Р. былъ вѣчно въ борьбѣ, межъ двухъ огней». Съ одной стороны — жажда «ощущать жизнь», съ другой — «развѣдающій, какъ укусъ, анализъ»... «Съ одной стороны фантазія оболыщаетъ, возводитъ все въ идеалъ: людей, природу, всю жизнь, всѣ явленія, а съ другой — холодный анализъ разрушаетъ все — и не даетъ забываться». «Съ любовью артиста, отдается онъ» каждому «новому и неожиданному впечатлѣнію»; но скоро «иллюзія разлетается, какъ мыльный пузырь». «Онъ не находилъ ни въ чемъ примиренія со своими идеалами, страдалъ отъ уродливостей и томился равнодушіемъ ко всему на свѣтѣ». Онъ «оскорблялся ежеминутнымъ и повсюднымъ разладомъ дѣйствительности съ красотой своихъ идеаловъ и страдалъ за себя и за весь міръ». Р. искалъ «красоты» во всемъ — въ «искусствѣ» («пѣль и двигатель котораго — красота»); въ «жизни», въ другихъ, въ «себѣ самомъ». Будучи «равнодушнѣе ко всему на свѣтѣ, кромѣ красоты, онъ покорялся ей до рабства». «Ко всякому безобразію онъ былъ жестокъ и грубъ», и «холоденъ ко всему, гдѣ не находилъ красоты». «Красота — это тоже мудрость, но созданная не людьми», говорилъ онъ. «Красота — это всеобщее счастье». Это поклоненіе красотѣ выражалось прежде всего въ поклоненіи «высокой, чистой женской красотѣ». «Женская красота, исполненная ума — необычайная сила, говоритъ Р. — «она движетъ міромъ, она дѣлаетъ исторію, строитъ судьбы; она, явно или тайно, присутствуетъ въ каждомъ событіи. «Я поклоняюсь красотѣ, люблю ее тѣломъ и душою», — сказалъ Р. Кирилову: — «И, признаюсь»... — «онъ комически вздох-

нулъ»:—больше тѣломъ»... Изъ поклоненія красотѣ вытекаетъ его теорія «донъ-жуанизма».—«Донъ-жуанизмъ—то же въ людскомъ родѣ, что донъ-кихотство: еще глубже; эта потребность еще прирожденнѣе...—сказалъ онъ.—«Говори мнѣ, что я гадокъ, если я гадокъ, Вѣра, а не бросай камень въ то, чего не понимаешь. Искренній Донъ-Жуанъ чистъ и прекрасенъ; онъ гуманный, тонкій артистъ, типъ, chef-d'oeuvre между человѣками. Такихъ, конечно, не много. Я увѣренъ, что въ байроновскомъ Донъ-Жуанѣ пропадалъ художникъ. Это влеченіе къ всякой видимой красотѣ, всего болѣе къ красотѣ женщины, какъ лучшаго созданія природы, обличаетъ высшіе человѣческіе инстинкты, влеченіе и къ другой красотѣ, невидимой, къ идеаламъ добра, изящества души, къ красотѣ жизни! Наконецъ, подъ этими нѣжными инстинктами, у тонкихъ натуръ кроется потребность всеобъемлющей любви! Въ толпѣ, въ грязи, въ тѣснотѣ, грубѣютъ эти тонкіе инстинкты природы!» На совѣтъ «жениться»—«Ахъ!—почти съ отчаяніемъ произнесъ Райскій.—Вѣдь жениться можно одинъ, два, три раза: ужели я не могу наслаждаться красотой такъ, какъ бы наслаждался красотой въ статуѣ? Р. какъ Діогенъ, ищетъ идеала среди дѣйствительности. «Діогенъ искалъ съ фонаремъ человѣка—я ищу женщины: вотъ ключъ къ моимъ поискамъ! А если не найду въ ней, и боюсь, что не найду, я, разумѣется, не затушу фонаря, пойду дальше... Но, Божей мой! гдѣ кончится мое странствованіе?»—«Долго ходилъ я, какъ юродивый между вами, съ діогеновскимъ фонаремъ»,—писалъ онъ Бѣловодовой,—«отыскивая въ васъ черты нетлѣнной красоты для своего идеала, для своей статуи! Я одолѣвалъ всѣ преграды, переносилъ всѣ муки (вѣдь непременно будутъ преграды и муки—безъ этого нельзя: «въ болѣзняхъ имали родити чадо, сказано», подумалъ онъ)—и все шель своимъ путемъ, къ своему созданію». «Красота» Вѣры поразила и увлекла его. Увидѣвъ Вѣру, онъ «торопливо», снова зажегъ «діогеновскій фонарь». «Онъ чувствовалъ эту красоту нервами, ему было больно отъ нея. Онъ нехотя впился въ нее глазами». Онъ былъ охваченъ «страстной любовью къ Вѣрѣ», и «какъ къ женщинѣ человѣкъ и какъ къ идеалу художникъ». Ему предчувствіе говорило, что это послѣдній опытъ, что въ Вѣрѣ онъ, или найдетъ, или потеряетъ уже навсегда свой идеалъ женщины, разобьетъ свою статую въ куски и потушитъ діогеновскій фонарь». И онъ возвелъ Вѣру въ идеалъ. «Онъ въ чистыхъ формахъ все выливалъ образъ Вѣры, и черта его безсознательно и нецрпнтворно, чертилъ и образъ своей страсти, отражая въ ней, иногда наивно и смѣшно, и все, что было свѣтлаго, честнаго въ его собственной душѣ, и чего требовала его душа отъ другого человѣка и отъ женщины». «Онъ смотритъ, ищетъ, освѣщаетъ темныя мѣста своего идеала, пытается собственный умъ, совѣсть, сердце, требуя опыта, наставленія—чего хотѣлъ и просить отъ нея, чего недостаетъ для полной гармоніи красоты? Прислушивался къ своей жизни, припоминалъ все, что оскорбляло его въ его прежнихъ, несостоявшихся идеалахъ. «Вся женская грубость и грязь, прикрытая нарядами, золотомъ, брилльянтами и румянами,—густыми волнами опять протекла мимо его. Онъ припомнилъ свои страданія, горькія оскорбленія, вынесенныя имъ въ битвахъ жизни: какъ падали его модели, какъ падалъ онъ самъ вмѣстѣ съ ними, и какъ вставалъ опять, не отчаяваясь и требуя отъ женщинъ человѣчности, гармоніи красоты наружной съ красотой внутренней». «Онъ перебиралъ каждый шагъ» Вѣры, какъ судебный слѣдователь, и то дрожалъ отъ радости, то впадалъ въ уныніе». «Онъ мучился тѣмъ, что видѣлъ въ ней, среди лучей, туманное пятно—ложь». Онъ «оскорблялся» каждымъ отступленіемъ отъ идеала». Вѣра была «его мучительница и идолъ, которому онъ лихорадочно дочитывалъ про себя—и молитвы, какъ идеалу, и шепталъ проклятія, какъ живой красавицѣ, кидая мысленно въ нее каменья». По словамъ Аянова, Р. «ухитрился быть» и Донъ-Кихотомъ и Донъ-Жуаномъ вмѣстѣ». Но, отыскивая красоту во «внѣшнемъ» мірѣ, Р. искалъ ее и во «внутреннемъ». Онъ «свои художническія требованія переносилъ въ жизнь, мѣшая ихъ съ общечеловѣческими». Онъ «писалъ» жизнь» съ натуры и тутъ же, невольно и безсознательно, приводилъ въ исполненіе древнее мудрое правило: по-

знавалъ самого себя», съ ужасомъ вглядывался и вслушивался въ дикіе порывы животной, слѣпой натуры, самъ писалъ ей казнь и чертилъ новые законы, разрушалъ въ себѣ «ветхаго человѣка» и создавалъ новаго. И если ужасался, глядясь самъ въ подставляемое себѣ безопадно зеркало зла и темноты, то и невозможно былъ счастливъ, замѣчая, что эта внутренняя работа надъ собой, которой онъ требовалъ отъ Вѣры, отъ живой женщины, какъ человѣкъ, и отъ статуи, какъ художникъ, началась у него самого не съ Вѣры, а давно, прежде когда-то, въ минуты такого же раздвоенія натуры на реальное и фантастическое. Онъ, съ біеніемъ сердца и трепетомъ чистыхъ слезъ, подслушивалъ среди грязи и шума страстей, подземную тихую работу, въ своемъ человѣческомъ существѣ, какого-то таинственнаго духа, затихавшаго иногда въ трескъ и дымъ нечистаго огня, но не умиравшаго, и просыпавшагося опять, зовущаго его, сначала тихо, потомъ громче, и громче, къ трудной и нескончаемой работѣ надъ собой, надъ своей собственной статуей, надъ идеаломъ человѣка». «Радостно трепеталъ онъ, вспоминая, что не жизненные приманки, не малодушные страхи звали его къ этой работѣ, а безкорыстное влеченіе искать и создавать красоту въ себѣ самомъ. Духъ манилъ его за собой, въ свѣтлую, таинственную даль, какъ человѣка и какъ художника, къ идеалу чистой человѣческой красоты». Но не одно «поклоненіе красотѣ» заставляло Р-го «увлекаться» Софьей, Марѣинькой, Вѣрой.—Его принуждала къ этому еще жажда страсти; завлекало «стремленіе развивать», раздражать «любопытство» и «препятствія». «Вездѣ сонъ, тупая тоска»,—думалъ онъ.—«Цѣли нѣтъ, искусство не дается мнѣ, я ничего для него не дѣлаю. Всякое такъ называемое «серьезное дѣло» мнѣ кажется до крайности пошло и мелко. Я бы хотѣлъ разыграть остальную жизнь во что-нибудь, въ какой-нибудь необыкновенный громадный трудъ, но я на это не способенъ,—не приготовленъ: нѣтъ у насъ дѣла! Или, чтобъ она разлетѣлась фейерверкомъ, страстью!»—«Страсть! повторилъ онъ очень страстно. «Ахъ, если-бъ на меня излился ея жгучій зной, сжегъ бы, пожралъ бы артиста, чтобъ я слѣпо утонулъ въ ней и утопилъ эти свои параллельные взгляды, это пытливое, двойное зрѣніе! Надо, чтобъ я не глазами, на чужой кожѣ, а чтобъ собственными нервами, костями и мозгомъ костей вытерпѣлъ огонь страсти, и послѣ—желчью, кровью и пѣтомъ написалъ картину ея, эту геенну людской жизни»; «ея судорогу, ея муки и боли, это самозабвеніе, эту другую жизнь среди жизни, эту хмѣльную игру силъ... это блаженство!...»—«Я хочу обыкновенной, жизненной и животной страсти, со всей ея классической грозой. Да, страсти, страсти!...—оралъ онъ, несясь по саду и впивая свѣжій воздухъ».—«Страсть подай мнѣ,—вопилъ онъ безсонный, ворочаясь въ мягкихъ пуховикахъ бабушки, въ жаркія, лѣтнія ночи:—страсть полную, въ которой я могъ бы погибнуть,—я готовъ—но съ тѣмъ, чтобы ухнуть и захлебнуться ею».

«Очеловѣчить» людей, «пробудить» къ «жизни»,—въ этомъ Р. видѣлъ одну изъ своихъ задачъ вообще.—«Жизнь для себя и про себя—не жизнь, а пассивное состояніе: нужно слово и дѣло, борьба», говорилъ онъ.—«Помилуй, Леонтій; ты ничего не дѣлаешь для своего времени, ты пятишься, какъ ракъ. Оставимъ римлянъ и грековъ—они сдѣлали свое. Будемъ же дѣлать и мы, чтобъ разбудить это (онъ указалъ вокругъ на спящія улицы, сады и дома). Будемъ превращать эти обширныя кладбища въ жилыя мѣста, встряхивать спящіе умы отъ застоя!»—Надо «очеловѣчивать себя и все около себя. Это задача cadaго изъ насъ».—Я «проповѣдывать могу»,—говорилъ онъ:—и искренно, всюду, гдѣ замѣчу ложь, притворство, злость, словомъ, отсутствіе красоты, нужды нѣтъ, что самъ бывало безобразенъ... «Въ горячемъ спорѣ» онъ «бросалъ бомбу въ лагерь неуступчивой старины, въ деспотизмъ своеволія, жадность плантаторовъ, отыскивая въ людяхъ людей, исповѣдуя и проповѣдуя человѣчность». «Онъ добродушно воевалъ съ бабушкой, съ ея старыми «правилами» и предрасудками. Упорнѣе всего пытался онъ «пробуждать» и «очеловѣчивать» Софью, Вѣру, Марѣиньку.—Мнѣ хотѣлось бы разбудить васъ, говорилъ онъ Софьѣ:—вы спите, а не живете. Что изъ этого выйдетъ, я не знаю, но не могу оставаться и равнодушнымъ къ ва-

шему сну», къ «блаженному успенію». Ради этого, онъ всячески старался разрушить «ея правила» и заставить взглядѣться въ жизнь, «поднять портьеру съ окна». — «Что у васъ за страсть преслѣдовать мои бѣдныя правила?» — говорила Софья. — «Потому что они не ваши». — «Чьи же?» — «Тетушкины, бабушкины, дѣдушкины, прабабушкины, прадѣдушкины, вонъ всѣхъ этихъ полинявшихъ господъ и госпожъ въ робронахъ, манжетахъ». — «Онъ указалъ на портреты». — «Вотъ видите, какъ много за мои правила, — сказала она шутливо. — А за ваши?» — «Еще больше! — возразилъ Райскій и открылъ портьеру у окна.» — «Посмотрите, всѣ эти идущіе, ѣдущіе, снующіе взадъ и впередъ, всѣ эти живые, не полинявшіе люди — всѣ за меня! Идите же къ нимъ, кухня, а не отъ нихъ назадъ! Тамъ — жизнь... — Онъ опустил портьеру. — А здѣсь — кладбище». Но разрушая «старыя правила», онъ «не можетъ рассказать с в о и хъ правилъ». «Онъ много разъ принимался за это, — по словамъ Софьи, — и все напрасно»... — «Я только отвѣчаю на вашъ вопросъ: «что дѣлать», — говорилъ онъ: — «и хочу доказать, что никто не имѣетъ права не знать жизни. Жизнь сама тронетъ, коснется, пробудитъ отъ этого блаженнаго успенія — и иногда очень грубо. Научить «что дѣлать» — я тоже не могу, не умѣю. Другіе научатъ». — «Довольно того, что я потревожилъ ваше спокойствіе. Вы говорите, что дурно уснете — вотъ это и нужно: завтра не будетъ, м. б., этого сіянія на лицѣ, но зато оно засіяетъ другой, не ангельской, а человѣческой красотой». — «Что же мнѣ дѣлать, cousin: я не понимаю?» — допытывалась Софья: — «Вы сейчасъ сказали, что для того, чтобы понять жизнь, нужно, во-первыхъ, снять портьеру съ нея. Положимъ, она снята, и я не слушаюсь предковъ: я знаю, зачѣмъ, куда бѣгутъ всѣ эти люди, — она указала на улицу: — что ихъ занимаетъ, тревожитъ: что же нужно, во-вторыхъ?» — «Во-вторыхъ, нужно...» «Онъ всталъ, заглянулъ въ гостиную, подошелъ тихо къ ней и тихо, но внятно сказалъ: — «Любить!» — «Voilà le grand mot! — насмѣшливо замѣтила она». Р. съ воодушевленіемъ, во имя ея «пробужденія», краснорѣчиво проповѣдуетъ ей необходимость «страсти». — «Но зачѣмъ же непремѣнно страсти, — возражала она: — развѣ въ нихъ счастье?» — «Зачѣмъ гроза въ природѣ?... Страсть — гроза жизни... О, если бъ испытать эту сильную грозу! — съ увлеченіемъ сказалъ онъ и задумался». — «Вотъ видите, cousin: все прочее, кромѣ васъ, велитъ бѣжать страстей, а вы меня хотите толкнуть, чтобы потомъ всю жизнь раскаяваться»... — «Нѣтъ, не къ раскаянію поведетъ васъ страсть: она очиститъ воздухъ, прогонитъ міазмы, предразсудки, и дастъ вамъ дохнуть настоящей жизнью... Вы не упадете, вы слишкомъ чисты, свѣтлы; порочны вы быть не можете. Страсть не исказитъ васъ, а только подниметъ высоко». Когда же, «пробужденная» имъ, Софья стала увлекаться графомъ Милари, — Р. замѣтилъ это, — и сталъ «ревновать». «Сердце ноетъ, мучится, терзается, глаза впиваются въ нее съ вопросами, слова кипятъ на языкѣ и не сходятъ. Его уже гложетъ ревность». «Что жъ это? Ужели я, не шутя, влюбленъ?» думалъ онъ. «Нѣтъ, нѣтъ! И что мнѣ за дѣло? вѣдь я не для себя хлопоталъ, а для нея же... для развитія... «для общества». Еще послѣднее усиліе»...» — «Что же: вы бредили страстью для меня — ну, вотъ я страстно влюблена, — смѣялась она. — Развѣ мнѣ не все равно идти туда (она показала на улицу), что съ Ельнинымъ, что съ графомъ? Вѣдь тамъ я должна «увидѣть счастье, упиться имъ!» Р. стиснулъ зубы, сѣлъ на кресло и злобно молчалъ. Она продолжала наслаждаться его положеніемъ». — «Уфъ!» — говорилъ онъ, мучаясь, волнуясь, не отъ того, что его поймали и уличили въ противорѣчїи самому себѣ, не отъ того, что у него ускользала красавица-Софья, а отъ подозрѣнія только, что счастье быть любимымъ выпало другому. Не будь другого, онъ бы покойно покорился своей судьбѣ». Въ результатѣ для «пробужденной» Софьи, — «un faux pas», для Р. — муки «оскорбленнаго самолюбія», «отверженной любви». «А вѣдь есть упорство и у него, у Райскаго! Какія усилія напрягалъ онъ, чтобы... сладить съ кухней — сколько ума, игры воображенія, труда положилъ онъ, чтобы пробудить въ ней огонь, жизнь, страсть... Вотъ куда уходятъ эти силы! Не вноси искусства въ жизнь, шепталъ ему кто-то, а жизнь въ искусство!... Береги его, береги силы!» — «Мар-

винька! я тебя просвѣщу!» обратился онъ къ Марейнкѣ въ первое же свиданіе. Онъ «хочетъ «пробудить» ее, «развивать ее», «учиться, читать вмѣстѣ». — «Птичекъ, цвѣтовъ и всей этой мелочи не станетъ, чтобъ прожить ею цѣлую жизнь», говорилъ онъ: — «Нужны другіе интересы, другія связи, симпатіи...» «Но опыты надъ Марейнкой не подвигались впередъ, и не будь она такая хорошенькая, онъ бы усталъ давно отъ безплодной работы надъ ея развитіемъ». И тутъ средствомъ «пробужденія» должна была служить любовь, «страсть». — «Можетъ быть, одна искра», думалъ онъ: «одно жаркое пожатіе руки вдругъ пробудятъ ее отъ дѣтскаго сна, откроютъ ей глаза, и она внезапно вступитъ въ другую пору жизни...» — «Что же мнѣ дѣлать? — почти въ отчаяніи сказала она». — «Надо любить кого-нибудь, мужчину... — помолчавъ говорилъ онъ, наклоня ея лобъ къ своимъ губамъ». «Онъ поддавался нѣгѣ ея ласкъ, и отвѣтныя его ласки были не ласки брата, а нѣжнѣ; въ поцѣлуй прокрадывался какой-то страстный змѣй...» Встрѣтивъ Вѣру, Р. получилъ отъ нея рѣшительный отпоръ всякимъ попыткамъ «развиванія». Между тѣмъ, онъ положилъ въ всю свою силу, чтобы помочь ей найти искомое, бросилъ бы смена своихъ знаній, опытовъ и наблюденій на такую благодарную и богатую почву»; для Р. — это не миражъ, а «подвигъ очеловѣчиванія, долгъ, къ которому мы всѣ призваны и безъ котораго не мыслимъ никакой никакой прогрессъ». Онъ успѣлъ «пропѣть» Вѣрѣ ради ея «пробужденія» настоящій «гимнъ» страсти — «бурный», восторженный, «краснорѣчивый». — «Страсть — это постоянный хмѣль, безъ грубой тяжести опьяненія, — говорилъ онъ: — «это вѣчныя цвѣты подъ ногами». «На остывшій слѣдъ этой огненной полосы, этой молніи жизни, ложится потомъ покой, улыбка отдыха отъ сладкой бури, благородное воспоминаніе къ прошлому, тишина! И эту-то тишину, этотъ слѣдъ люди и назвали — святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорѣла и потухла...» — «Видишь-ли Вѣра, какъ прекрасна страсть, что даже одинъ слѣдъ ея кладетъ яркую печать на всю жизнь, и люди не рѣшаются сознаться въ правдѣ — т.е. что любви уже нѣтъ, что они были въ чаду, не замѣтили, прозѣвали ее, упиваясь, и что потомъ вся жизнь ихъ окрашена въ тѣ великолѣпные цвѣта, которыми горѣла страсть!... Эта окраска — и есть и любовь, и дружба, и та крѣпкая связь, которая держитъ людей вмѣстѣ иногда всю жизнь...» «Нѣтъ, ничто въ жизни не даетъ такого блаженства, никакая слава, никакое щекотанье самолюбія, никакія богатства Шехерезады, ни даже творческая сила, ничто... одна страсть.» — «Тебѣ на голову валятся камни, а ты въ страсти думаешь, что летятъ розы на тебя, скрежетъ зубовъ будешь принимать за музыку, удары отъ дорогой руки покажутся нѣжнѣ ласкъ матери. Заботы, дразни жизни, все исчезнетъ — одно безконечное торжество наполняетъ тебя — одно счастье глядѣть вотъ такъ... на тебя...» (онъ подошелъ къ Вѣрѣ) — взять за руку (онъ взялъ ее за руку) и чувствовать огонь и силу, трепеть въ организмѣ...» «Она вздрогнула, и онъ тоже». Его «проповѣдь», его «гимнъ» страсти произвели впечатлѣніе на Вѣру. Пришелъ часъ, когда Р. самъ изумился и ужаснулся результатамъ «страсти» въ ней. — «Вы лиса, мягкая, хитрая», — говорила Вѣра ему, какъ бы въ припадкѣ безумія: — «заманить въ западню... тихо, умно, изящно... Вотъ я васъ!» — «Страсть прекрасна: она кладетъ на всю жизнь долгій слѣдъ, и этотъ слѣдъ люди называютъ счастьемъ!...» «Кто это проповѣдывалъ? А теперь бѣжать: нѣтъ! оставайтесь, вмѣстѣ кинемся въ ту бездну! Это ж и з н ь, и т о л ь к о э т о! говорили вы: — вотъ и давайте жить! Вы меня учили любить, вы преподавали страсть, вы развивали ее...» — «Умереть, умереть! зачѣмъ мнѣ это? Помогите мнѣ жить», дайте той прекрасной страсти, отъ которой тянутся какіе-то лучи на всю жизнь... Дайте этой жизни, гдѣ она? Я, кромѣ огрызающагося тигра, не вижу ничего... Говорите, научите, или воротите меня назадъ, когда у меня еще была сила! Не шутите впередъ съ страстью», а научите, «что мнѣ дѣлать теперь — вы, учитель!.. А вы подожгли домъ, да и бѣжать! «Страсть прекрасна, люби, Вѣра, не стыдись!» Чья эта проповѣдь: отца Василья?» «Но Р. не сумѣлъ «погасить зажженнаго дома». — «Развѣ страсть оправдываетъ всякій выборъ?... — спросила однажды Вѣра. — «Всякій, Вѣра. И

тебѣ повторяю то же, что сказалъ Марейнкѣ: «люби, не спрашиваясь никого, достоинъ ли онъ нѣтъ ли—смѣло иди»...—«Я самъ толкну тебя къ избранному, говорилъ Р. другой разъ.—Но когда онъ убѣдился, что у Вѣры дѣйствительно есть «страсть»—къ другому,—онъ пришелъ въ отчаяніе и бѣшенство».—«Боже мой, ужели она до поздней ночи остается на этихъ свиданіяхъ? Да кто, что она такое, эта моя статуя, прекрасная, гордая Вѣра? Она тамъ, можетъ-быть, хохочетъ надо мной, вмѣстѣ съ нимъ... Кто онъ? Я хочу знать—кто онъ?—въ ярости сказалъ онъ вслухъ.—Имя, имя!—«Мщеніе, мщеніе!» Р. самъ наконецъ испыталъ «искреннюю» страсть, которой такъ жаждалъ, но она оказалась далекой отъ его «воображаемой» страсти, которую онъ проповѣдывалъ, которой «пѣлъ гимны». Однажды, придя отъ Вѣры, онъ «легъ на постель и въ нервныхъ слезахъ растопилъ внезапный порывъ волненія».—«Это она—страсть, страсть!—шепталъ онъ, рыдая».—«А вотъ она, эта страсть,—говорилъ онъ:—не угодно ли попробовать! Меня толкаютъ, смѣются—а я все люблю, и какъ люблю! Когда Вѣра настаивала, чтобы Р. уѣхалъ, онъ сталъ умолять ее позволить остаться:—«Дай этотъ грошъ нищему... Христа ради!»—шепталъ онъ страстно, держа ладонь передъ ней:—дай еще этого рая и ада вмѣстѣ! дай жить, не зарывай меня живого въ землю!...—едва слышно договаривалъ онъ, глядя на нее съ отчаяніемъ». Онъ вполнѣ извѣдалъ «боли страсти, среди которой не зналъ ни тихихъ дней, ни ночей, ни одной минуты отдыха!»—«Чѣмъ же это кончится?—не безъ любопытства спросила Вѣра.—«Не знаю. Можетъ-быть, съ ума сойду, брошусь въ Волгу или умру... нѣтъ, я живучъ—ничего не будетъ, но пройдетъ полгода, можетъ-быть, годъ—и я буду жить...» «Вѣра не вѣритъ» его «страсти!»—«Посмотрѣла бы она,—думалъ Р.,—какъ этотъ удавъ тянется передо мной, сверкая изумрудами и золотомъ, когда его грѣетъ и освѣщаетъ солнце, и какъ блѣднѣетъ, ползя во мракѣ, шипя и грозя острыми зубами!» «Слѣдя за ходомъ своей собственной страсти, какъ медикъ за болѣзною, и какъ будто снимая фотографію съ нея, потому что искренно переживалъ ее, онъ здраво заключалъ, что эта страсть—ложь, миражъ, что надо прогнать, разсѣять ее!» «Онъ уже не звалъ болѣе страсть къ себѣ, какъ прежде, а проклиналъ свое внутреннее состояніе, мучительную борьбу, и написалъ Вѣрѣ, что рѣшился бѣжать ея присутствія». «Бѣгство» не удалось; но больше всего любовь Р.—го разжигалась «загадкой», «тайной», желаніемъ «разгадать», «разрѣшить задачу».—Чѣмъ и какъ живетъ эта женщина!—думалъ онъ о Софѣ:—Если не гложетъ ее мука, если не волнуютъ надежды, не терзаютъ заботы,—если она въ самомъ дѣлѣ «выше міра и страстей», отчего она не скучаетъ, не томится жизнью... какъ скучаю и томлюсь я? Любопытно узнать!»—и онъ ломалъ голову, и тратилъ силы на эту задачу. Въ Марейнкѣ его заинтересовало, «способна ли она» «къ дальнѣйшему развитію» или «дошла уже до своихъ геркулесовыхъ столповъ»?—«Вѣдь все-таки она грядущая женщина: какая же она будетъ, какою быть должна?». Въ высшей степени возбудила его любопытство «таинственность» Вѣры.—«Поговорю съ ней раза два, окончательно разрѣшу себѣ задачу, какъ было и съ Бѣловодовой, и съ Марейнкой, и по обыкновенію разочаруюсь—потомъ уѣду!—рѣшилъ онъ». Однако, задача оказывалась гораздо сложнѣе. «Даже красота» Вѣры, «кажется, потеряла свою силу надъ нимъ; его влекла къ ней какая-то другая сила. Онъ чувствовалъ, что связанъ съ ней, не теплыми и многообѣщающими надеждами, не трепетомъ нерва, а какою-то враждебною, разжигающею мозгъ болью, какими-то посторонними, даже противорѣчащими любви связями». «Его мучила» «тайна: какъ она, пропадая куда-то на глазахъ у всѣхъ, въ виду, изъ дома, изъ сада, потомъ появляется вновь, будто со дна Волги, вынырнувшей русалкой, съ свѣтлыми, прозрачными глазами, съ печатью непроницаемости и обмана на лицѣ, съ ложью на языкѣ, чуть не въ вѣнкѣ изъ водяныхъ порослей на головѣ, какъ настоящая русалка!»—Р.—му одно время удалось одолѣть себя. Онъ совсѣмъ было рѣшился уѣхать».—«Побѣда надъ собой была до того вѣрна, что онъ стыдился прошедшей слабости и ему

хотѣлось немного отмстить Вѣрѣ за то, что она поставила его въ это положеніе». Но онъ увидѣлъ таинственное письмо, которое Вѣра «отъ него прятала»,—и настали новыя «муки».—«Отъ кого письмо? Узнать и ухъать—вотъ все, чего онъ добивался. Тутъ хуже всего тайна: отъ нея вся боль!». Онъ «три дня ходить, какъ убитый», «не спалъ три ночи», терзался. Но вотъ онъ услышалъ, что письмо «отъ попады».—«Отъ попады!»—повторилъ онъ, и у него гора съ плечъ свалилась.—А я бился, бился, а ларчикъ открывался просто! Отъ попады! Въ самомъ дѣлѣ: въ одномъ карманѣ и письмо, и отвѣтъ на него! Это ясно! Не показывала она мнѣ—тоже понятно: кто покажетъ чужое письмо, съ чужими секретами?.. Разумѣется, разумѣется! И давно бы сказала: охота мучить! Какой мгновенный переходъ, однако, отъ этой глупой тоски, отъ раздраженія къ спокойствію! Вотъ и опять тишина во всемъ организмѣ, гармонія! Боже, какой чудный вечеръ! Какое блестящее небо, какъ воздухъ теплый, какъ хорошо! Какъ я здоровъ и глубоко покоенъ! Теперь все узналъ, нечего мнѣ больше дѣлать: черезъ два дня уйду!—«Егоръ! принеси чемоданъ!». «Онъ выспался за всѣ три ночи, удивляясь, какъ просто было подобрать этотъ ключъ, а онъ бился трое сутокъ!»—«Да вѣдь всѣ простыя догадки даются съ трудомъ! Вонъ и Колумбъ просто открылъ Америку...» «И остановился, самъ дивясь своему сравненію». «Утромъ онъ всталъ бодрый, веселый, трепещущій силой, нѣгой, надеждами—и отчего все это? Оттого, что письмо было отъ попады!». Но ухъать Р—ому и на этотъ разъ не пришлось; письмо оказалось «не отъ попады»...—Онъ все допытывался, какъ «имя» того, кого любить Вѣра?». «Кого она любить?»—«Таинственная фигура Вѣры манила его все въ глубину фантастической дали. Вѣра шла будто отъ него въ туманѣ покрывала; онъ стремился за ней, касался покрывала, хотѣлъ открыть ея тайны и узнать, что за Изида передъ нимъ». «Онъ только-что коснется покрывала, какъ она ускользнетъ, уйдетъ дальше. Онъ блаженствовалъ и мучился двойными радостями и муками, и человѣка, и художника, не зная самъ, гдѣ является одинъ, когда исчезаетъ другой и когда оба смѣшиваются».—«Ты гордо оттолкнула меня,—говорилъ онъ Вѣрѣ:—и этимъ раздражила самолюбіе, потомъ окружила себя тайнами и раздражила любопытство. Красота твоя, умъ, характеръ сдѣлали остальное— и вотъ передъ тобой влюбленный въ тебя до безумія!»—«Въ любви,—говорилъ Р. Аянову:—я всегда проигрываю».

Когда Р. разстался съ «пробужденной» Софьей, «въ немъ постепенно гасли боли корыстной любви и печали. Не стало страсти, не стало какъ-будто самой Софьи, этой суетной, холодной женщины». «Передъ нимъ, какъ изъ тумана, возникалъ одинъ строгій образъ женской красоты, не Софьи, а какой-то, будто античной, нетлѣнной, женской фигуры. Снилось одна только творческая мечта, развивалась грандіозной картиной, охватывала его все болѣе и болѣе. Онъ, притаивъ дыханіе, погрузился въ артистическій сонъ и наблюдалъ видѣніе, боясьдохнуть».—«Женская фигура съ лицомъ Софьи рисовалась ему блѣлой, холодной статуей, гдѣ-то въ пустынѣ, подъ яснымъ, будто луннымъ, небомъ, но безъ луны... «Она, обративъ каменное лицо къ небу, положивъ руки на колѣни, полуоткрывъ уста, кажется, жаждала пробужденія. И вдругъ изъ за скалъ мелькнулъ яркій свѣтъ... воздухъ заструился, и лучъ озолотилъ блѣдный лобъ статуи; «вѣки медленно открылись и искра пробѣжала по груди. дрогнуло холодное тѣло, блѣдныя щеки зардѣли, лучи упали на плечи».... «Изъ груди вырвался вздохъ—и статуя ожила, повела радостный взглядъ вокругъ...» «И дальше, дальше жизнь волнами вторгалась въ пробужденное созданіе...» Но скоро созданная имъ женщина, мало-по-малу, опять обращалась въ Софью». «Пустыня исчезла; Софья, въ мечтѣ его, была уже опять въ своемъ кабинетѣ, затянута въ свое платье, за сонатой Бетховена, и въ трепетѣ слушала шопотъ блѣднаго, страстнаго Милари». «Но ни ревности, ни боли онъ не чувствовалъ, и только трепеталъ отъ красоты, какъ-будто перерожденной, новой для него женщины, Онъ любовался уже ихъ любовью и радовался ихъ

радостью, томясь жаждой превратить и то, и другое въ образы и звуки. Въ немъ умеръ любовникъ и ожилъ безкорыстный артистъ». То же самое было и съ любовью Р. къ Вѣрѣ. Когда Р. убѣдился въ «паденіи» «пробужденной» Вѣры — онъ пришелъ въ отчаянне и бѣшенство: «Погибай же ты, жалкая самка, тутъ, на днѣ обрыва,—воскликнулъ онъ:—какъ тотъ бѣднѣйшій самоубійца. Вотъ тебѣ мое прощаніе!..» «Онъ хотѣлъ плюнуть съ обрыва—и вдругъ окаменѣлъ на мѣстѣ. Противъ его воли, вопреки ярости, презрѣнія, въ воображеніи—тихо поднимался со дна пропасти и вставалъ передъ нимъ образъ Вѣры, въ такой обольстительной красотѣ, въ какой онъ не видалъ ея никогда!» «У ней глаза горѣли, какъ звѣзды, страстью. Ничего злого и холоднаго въ нихъ, никакой тревоги, тоски; одно счастье глядѣло лучами яркаго свѣта. Въ груди, въ рукахъ, въ плечахъ, во всей фигурѣ струилась и играла полная, здоровая жизнь и сила. Она примирительно смотрѣла на весь міръ. Она стояла на своемъ пьедесталѣ, но не бѣлой, мраморной статуей, а живою, неотразимо-плѣнительной женщиной». «Въ глазахъ его совершилось пробужденіе Вѣры, его статуи, отъ дѣвическаго сна. Ледъ и огонь холодили и жгли его грудь, онъ надрывался отъ мукъ и—все не могъ оторвать глазъ отъ этого неотступнаго образа красоты, сіяющаго гордостью, смотрящаго съ любовью на весь міръ, и съ дружеской улыбкой протягивающей руку и ему...» «Я счастлива!»—слышитъ онъ ея шопотъ». «У ногъ ея, какъ отдыхающій левъ, лежалъ, безмолвно торжествуя, Маркъ; на головѣ его покоилась ея нога... Райскій вздрогнулъ, стараясь отрезвиться».

«Воля» Р. была слаба, а «способность увлекаться» велика, фантазія «неуловимо капризна». Р. даже не признавала «воли». — «Такъ называемая «воля» подшучиваетъ надъ всѣми!—Нѣтъ воли у человѣка,—говорилъ онъ:—а есть параличъ воли: это къ его услугамъ! А то, что называютъ волей—эту мнимую силу, такъ она вовсе не въ распоряженіи господина, «царя природы», а подлежитъ какимъ-то постороннимъ законамъ и дѣйствуетъ по нимъ, не спрашивая его согласія. Она, какъ совѣсть, только и напоминаетъ о себѣ, когда человѣкъ уже сдѣлалъ не то, что надо, или если онъ и бываетъ твердъ волей, такъ развѣ случайно, или тамъ, гдѣ онъ равнодушенъ». Часто «благія намѣренія» Р. не только не исполнялись, а приводили ко злу. Такъ было въ его «исторіи» съ Наташей; спасая искренно и горячо дѣвушку отъ сѣтей «благодѣтеля», «онъ влюбился самъ въ Наташу, Наташа влюбилась въ него—и оба нашли счастье другъ въ другѣ, оба у смертнаго одра матери получили на него благословеніе». «У обоихъ былъ одинъ простой и честный образъ семейнаго союза. Онъ уважалъ ея невинность, она цѣнила его сердце—оба протягивали руки къ брачному вѣнку—и оба... не устояли.—Р. искалъ «грозы», «ада» страсти; Наташа была «кроткимъ ягненкомъ». «Скоро онъ охладѣлъ». Сидя у одра умирающей Наташи, Р. «поблѣднѣлъ». «Образъ умирающей сталъ предъ нимъ нѣмымъ укоромъ». «Онъ вспомнилъ свое забвеніе, небрежность». «Онъ клялъ себя, что не отвѣчалъ цѣлымъ океаномъ любви на отданную ему одному жизнь, что не окружилъ ее оградой нѣжности отца, брата, мужа, далъдохнуть на нее, не только вѣтру, но и смерти».—«Смерть! Боже, дай ей жизнь и счастье и возьми у меня все!»—вопила въ немъ поздняя, отчаянная мольба. Онъ мысленно всходилъ на эшафотъ, самъ клалъ голову на плаху и кричалъ:» —«Я преступникъ!.. если не убилъ, то далъ убить ее». «Черезъ недѣлю послѣ того онъ шелъ съ поникшей головой за гробомъ Наташи, то читая себѣ проклятія за то, что разлюбилъ ее скоро, забывалъ подолгу и по часту, не берегъ, то утѣшаясь тѣмъ, что онъ не властенъ былъ въ своей любви, что сознательно онъ никогда не огорчилъ ее, былъ съ нею нѣженъ, внимателенъ, что, наконецъ, не въ немъ, а въ ней не доставало матеріала, чтобъ поддержать неугасимое пламя». Позднѣе, Р. хотѣлъ было стать «руководителемъ» Марейники; вмѣсто этого съ нимъ случился «припадокъ».—«Боже мой!»—думалъ онъ, внутренне содрогаясь: «полчаса назадъ, я былъ честенъ, чистъ, гордъ; полчаса позже,

этотъ святой ребенокъ превратился бы въ жалкое созданіе, а честный и гордый человекъ въ величайшаго негодяя! Гордый духъ уступилъ бы всемогущей плоти; кровь и нервы посмѣялись бы надъ философійю, нравственностью, развитіемъ! Однако, духъ устоялъ, кровь и нервы не одолѣли: честь, честность спасены... «Чѣмъ?»—спросилъ онъ себя, останавливаясь надъ рытвиной. «Прежде всего... силой моей воли, сознаниемъ безобразія».. началъ было онъ говорить, выпрямляясь.—«Нѣтъ, нѣтъ», долженъ былъ онъ сейчасъ-же сознаться: «это пришло послѣ всего, а прежде чѣмъ? Ангель-хранитель невидимо ограждалъ? бабушкина судьба берегла ее? или..: чтѣ?» Чтѣ бы ни было, а онъ этому загадочному или обязанъ тѣмъ, что остался честнымъ человекомъ. Тайлось ли это или въ ея святомъ, стыдливомъ невѣдѣніи, въ послушаніи проповѣди отца Василія, или, наконецъ, въ лимфатическомъ темпераментѣ—все же оно было въ ней, а не въ немъ...—«О, какъ скверно! какъ скверно!»—твердилъ онъ, перескочивъ рытвину и продираясь между кустовъ на приволжскій песокъ».

То же повторилось и съ Ульяной Андреевной. У Р. были «благія намѣренія»; убѣдившись, что жена Козлова измѣняетъ ему съ Шарлемъ, онъ думалъ: «А вѣдь я другъ Леонтія, старый товарищъ, и терплю, глядя, какъ эта честная, любящая душа награждена за свою симпатію! Ужели я останусь равнодушнымъ?.. Но чтѣ дѣлать: открыть ему глаза, будить его отъ этого, когда онъ такъ вѣритъ, поклоняется чистотѣ этого... «римскаго профиля», такъ сладко спитъ въ лонѣ домашняго счастья—плохая услуга! Чтѣ же дѣлать?» У него мелькнула «счастливая мысль»: онъ вдругъ рѣшилъ «дать Ульянѣ Андреевнѣ урокъ наединѣ: бросить ей громы на голову, плеснуть на нее волной чистыхъ, невѣдомыхъ ей понятій и нравовъ! Она обманываетъ добраго, любящаго мужа и прячется отъ страха: сдѣлаю, что она будетъ прятаться отъ стыда. Да, пробудить стыдъ въ огрубѣломъ сердцѣ—это долгъ и заслуга—и въ отношеніи къ ней, а болѣе къ Леонтію!» «Это уже не миражъ, а истинно честное, даже святое дѣло!» думалось ему. Затѣмъ его поглотилъ процессъ его исполненія. Онъ глубоко и серьезно вникалъ въ предстоящій ему долгъ: какъ, безъ огласки, безъ всякаго шума и сценъ, кротко и разумно уговорить эту женщину побережь мужа, обратиться на другой, честный путь и начать заглаживать прошлое?... Онъ съ полчаса ходилъ по переулку, выжидая, когда уйдетъ m-r Шарль, чтобы упасть на горячій слѣдъ и «бросить громы», или подѣйствовать своимъ вліяніемъ... «Это рѣшить минута,—заклучилъ онъ. Придя къ Козлову, Р. «погрузился въ свою задачу о долгѣ, думалъ, съ чего начать. Онъ видѣлъ, что мягкость тутъ не поможетъ: надо бросить громъ на эту, играющую позоромъ, женщину, назвать по имени стыдъ, который она такъ щедро льетъ на голову его друга». «Онъ молча, холодно осматривалъ ее съ ногъ до головы, даже позволилъ себѣ легкую улыбку презрѣнія». И все кончилось тѣмъ, что онъ «не устоялъ». «Громы умолкли».—«Леонтію!—вдругъ произнесъ онъ, хватаясь за голову:—въ какихъ рукахъ его счастье! Какими глазами взгляну я на него! А какъ тверда была моя воля!»—«Я сдѣлалъ все, чтѣ могъ, все, чтѣ могъ!»—твердилъ онъ:—но вышло не то, чтѣ нужно...—шепнулъ онъ со вздохомъ. И съ этимъ н о, и съ этимъ вздохомъ, пришелъ къ себѣ домой, мало-по-малу оправданный въ собственныхъ глазахъ, и, къ большому удовольствію бабушки, весело и съ аппетитомъ пообѣдалъ съ нею и съ Марвинькой». Убѣдившись, что подъ обрывомъ совершилось «торжество тряпичной страсти», Р. былъ внѣ себя отъ мученій, и отчаянья, и гнѣва.—«Пусть такъ—Вѣра свободна, но какъ она смѣла ругаться надъ человекомъ, который имѣлъ неосторожность пристраститься къ ней, надъ братомъ, другомъ!...—съ яростью шипѣлъ онъ:—о, мщеніе, мщеніе!» Онъ заказалъ свадебный букетъ и бросилъ ей въ окно, когда она вернулась домой. На слѣдующее утро, вспомянувъ про этотъ поступокъ, «онъ сѣлъ на постель, какъ будто не самъ, а подняла его посторонняя сила; посидѣлъ минуты двѣ неподвижно, открывъ ши-

роко глаза, будто не вѣря чему-то, но когда увѣрился, то всплеснулъ руками падъ головой, упалъ опять на подушку, и вдругъ вскочилъ на ноги, уже съ другимъ лицомъ, какого не было у него даже вчера, въ самую страшную минуту». «Другая мука, не вчерашняя, какой-то новый бѣсъ бросился въ него:» — «его терзала мука отчаянія за свой поступокъ». Онъ вошелъ къ Вѣрѣ, «сталъ на колѣни подлѣ нея и прильнулъ къ ея туфлѣ». «Все растопилось у него въ горячихъ слезахъ». «Онъ положилъ лицо въ ея руки и рыдалъ, какъ человѣкъ, все утратившій, которому нечего больше терять». — «Что я сдѣлалъ! оскорбилъ тебя, женщину, сестру! — вырывались у него вопли среди рыданій. — Это былъ не я, не человѣкъ: звѣрь сдѣлалъ преступленіе. Что это такое было! — говорилъ онъ съ ужасомъ, оглядываясь, какъ будто теперь только пришелъ въ себя.» — Тотъ же Р — ий вступился за «женщину», когда ее оскорбляли, въ лицѣ Полины Карповны, и жестоко обличилъ Тычкова.

Р. «честный» человѣкъ — это признаетъ въ немъ и Вѣра. У него есть «простота души». Онъ искрененъ; «искренность глядитъ изъ cadaго его слова». Онъ «откровененъ до болтливости». «Измѣнялись краски волшебнаго узора, который онъ подбиралъ, какъ художникъ и какъ нѣжный влюбленный, измѣнялся безпрестанно онъ самъ, то падая въ прахъ къ ногамъ идола, то вставая и громя хохотомъ свои муки и счастье. Не измѣнялась только нигдѣ его любовь къ добру, его здравый взглядъ на нравственность». «Самъ эстетизмъ, сама «художественность» его природы, дѣлаетъ его иногда жестокимъ. Услышавъ разсказъ о Маринѣ и Савеліи, Р. пришелъ въ восторгъ. — «Это прелесть! — сказалъ онъ. — Это цѣлая драма! И сейчасъ въ головѣ у него быстро возникъ очеркъ народной драмы. Какъ этотъ угрюмый, сосредоточенный характеръ мужика могъ сложиться въ цѣльную, оригинальную и сильную фигуру? Какъ устояла страсть среди этого омута разврата?» «Онъ надивиться не могъ и далъ себѣ слово глуже вникнуть въ источникъ этого характера. И Марина улыбалась ему въ художественномъ очеркѣ. Онъ видѣлъ въ ней не просто распущенную дворовую женщину, въ родѣ горькихъ, безнадежныхъ пьяницъ между мужчинами, а безкорыстную жрицу культа, «матерь наслажденій»...» — «Что же съ ними дѣлать? — спросила бабушка: — надумался ли ты? Не сослать ли ихъ?..» — «Ахъ, нѣтъ; не трогайте, не мѣшайте! — съ испугомъ вступился онъ. — Вы мнѣ испортите эту живую натуральную драму...» — «Ну, скажите на милость: не трогать! Онъ убьетъ ее.» — «Такъ что же! У насъ нѣтъ жизни, нѣтъ драмъ вовсе: убиваютъ въ дракѣ, пьяные, какъ дикари. А тутъ, въ кои-то вѣки завязался настоящій человѣческій интересъ, сложился въ драму, а вы — мѣшать!.. Оставьте, ради Бога! Посмотримъ, чѣмъ разрѣшится... кровью, или...» — «Сомнѣнія, подозрѣнія, оскорбленія сами по себѣ чужды его натурѣ». У него «мягкая» душа; онъ «добръ». Ни мало не задумываясь, онъ даритъ сестрамъ имѣніе; ссужаетъ Волохову деньги; въ отвѣтъ на явно поддѣльную записку Вѣры, посылаетъ «изгнаннику» просимое, между прочимъ потому, что «вѣдь просить тотъ, у кого нѣтъ...»: «богатый не попросилъ бы». И, несмотря на все это, «справедливости, великодушія», «доброты онъ часто «достигалъ мучительнымъ путемъ», — путемъ постоянной «борьбы», «паденій» и «раскаяній». Мировоззрѣніе Р. не было ярко определеннымъ. Онъ самъ «считалъ себя не новѣйшимъ, т.-е. не молодымъ, но отнюдь не отсталымъ человѣкомъ. Онъ открыто заявлялъ, что, вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его «черепашій» шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь, едва обозначившееся десятилѣтіе, дешево отрекаясь и отъ завѣщанныхъ исторію, добытыхъ наукой, и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнью убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей, болѣе или менѣе блестящихъ или остроумныхъ гипотезъ, на которыя бросается жадная юность». «Тамъ, гдѣ не увлекала его фантазія, онъ терпѣливо шелъ за вѣкомъ». «Его занималъ общій ходъ и развитіе идей, побѣды науки, но онъ выжидалъ результатовъ, не дѣлая pas de géants, не спѣша креститься

въ новую вѣру, предлагающую всевозможныя умозрѣнія и часто невозможныя опыты». Вѣра сказала однажды, что, по ея мнѣнію, священникъ, считающій главнымъ и истиннымъ путемъ путь христіанства, правъ.—«Я не думаю, а вѣрю, что онъ правъ. А вы?»—спросила она съ живостью Райскаго. Онъ утвердительно наклонилъ голову». Иногда Р. «невольно поддавался мистическому влеченію вѣрить какимъ-то таинственнымъ, подготовляемымъ въ человѣческой судьбѣ минутамъ, сближеніямъ, встрѣчамъ, наводящимъ человѣка на роковую идею, на мучительное чувство, на преступное желаніе, нужное зачѣмъ-то, для дѣли, невѣдомой до поры-до времени самому человѣку, отъ котораго только непреклонно требуется борьба». «Въ другія, напротивъ, минуты—казалось ему—являются также, невидимо къ-то подготовляемые случаи, будто нечаянно отводящіе отъ какого-нибудь рокового событія, шага, или увлеченія, перешагнувъ черезъ которыя, человѣкъ перешагнулъ глубокую пропасть, замѣчая ее уже тогда, когда она осталась позади». «Вглядываясь въ ткань своей собственной, и всякой другой жизни», «онъ яснѣ видѣлъ эту игру искусственныхъ случайностей, какіе-то блуждающіе огни злыхъ юмановъ, ослѣпленій, заранѣе разставленныхъ пропастей, съ промахами, ошибками, и рядомъ—тоже будто случайныя исходы изъ запутанныхъ узловъ...»—«Я, м. б., и художникъ въ душѣ, искренній художникъ»,—говорилъ онъ Марку:—но я не готовился къ этому поприщу». У Р.—душа «артиста», «поэта», «вносящаго жизнь въ искусство и искусство въ жизнь»,—а именно противъ этого и предостерегалъ Р. его внутренній голосъ. Р. «вѣчно будетъ только чувствовать въ себѣ талантъ, и не сумѣетъ ни угадать своего собственнаго таланта, ни остановиться на немъ и приспособить его къ дѣлу». Онъ вѣчно будетъ «никѣмъ и ничѣмъ недовольнымъ», «не опредѣлившимся, празднымъ, ни на чемъ не остановившимся», «поклонникомъ красоты». Онъ «неудачникъ», по опредѣленію Волохова.

К р и т и к а: 1) Самъ Гончаровъ считалъ, что «неопредѣленность»—главная черта въ характеристикѣ такого типа, какъ Райскій. «Неудачники до безконечности разнообразны: во-первыхъ, всѣ бездарности, посягающія на творческую работу по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности,—суть неудачники. Ихъ—масса, дѣлая армія. Въ искусствахъ—они только замѣтнѣе, потому что искусство доступно всей публикѣ. Ученыя и другія бездарности ей неизвѣстны, онѣ кроются въ своихъ ученыхъ или какихъ-нибудь специальныхъ пріютахъ и извѣстны только въ тѣсномъ кругу, тогда какъ картина, статуя, архитектурныя произведенія ест. смотрятся всѣми». «Во-вторыхъ, дилетанты, недаровитые и даровитые, и даже гени, не совершившіе своего пути...» «Талантливыхъ неудачниковъ—тоже немало. Причины ихъ неудачъ—безконечны. У кого барство и лѣнь, у кого крайняя нищета, или пьянство, у кого образованія или случая не было: но общая причина одна—недостатокъ школы, эстетической подготовки, въ держки». Моему Райскому помѣшалъ тоже сибаритизмъ, или обломовщина». Онъ безспорно талантъ, и, можетъ быть, большой. У него feu sacré есть—онъ въ картинѣ своей видитъ свѣтъ и огонь, жизнь, т.-е. художественную правду, что и Волоховъ даже замѣтилъ въ портретѣ, да къ этой правдѣ надо достигнуть путемъ упорнаго труда, техники, знанія, почти муки, а его на это не хватаетъ, да онъ и рисовать не умѣетъ, не выучился. Пишетъ романъ, а для романа или повѣсти нуженъ не только упорный, усидчивый трудъ, но и масса подготовительной, своего рода черновой, технической работы, какъ дѣлаютъ и живописцы, т.-е. набрасываніе отдѣльныхъ сценъ, характеровъ, чертъ, деталей, прежде, нежели все это войдетъ въ общій планъ, и т. п. Словомъ, не-дилетантская работа требуетъ всего человѣка, какъ думаетъ у меня (въ началѣ Обрыва, кажется, Кириловъ), художникъ, который технически опредѣлилъ картину. Онъ не ремесленникъ, а строгій техникъ-художникъ. Для романиста, повѣствователя нужно и болѣе обширное образованіе, нежели какое было у Райскаго: надо было читать, читать всю жизнь и всѣ литературы, а глав-

ное работать неустанно и такъ или иначе доводить свое дѣло до конца. А Райскій только мечтаетъ о романѣ, а не пишетъ. Неудачникъ, хотя и даровитый: чортъ ли въ немъ?». «Кромѣ того, Р. слишкомъ усердно поклонялся женской красотѣ, поклонялся чувственно, нетрезво, и много фантазіи тратилъ на эти свои поклоненія идоловъ.

«Я ставилъ нерѣдко въ кожу Райскаго своихъ друзей изъ кружковъ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ—и какъ многіе подходили къ этому типу, нерѣдко и самъ влѣзалъ въ него и чувствовалъ себя въ немъ, какъ впору спитомъ халатъ. Р. безспорно—артистическая натура, съ сильными задатками, затерявшаяся въ бездѣльной русской жизни своего времени». [Письмо къ кн. Д. Цертелеву. «Нов. Время», № 12943, Ил. прил., стр. 18. Ср. «Лучше поздно—чѣмъ никогда».]

2) По мнѣнію Мережковскаго (соч. т. XIII, 248—49), «Р.—воплощеніе и развитіе созерцательной стороны обломовскаго типа. Такія мягкія и впечатлительныя и лѣнныя натуры—благодарная почва для художественнаго дилетантизма. Р.—эстетикъ, воспитанный въ духѣ сороковыхъ годовъ. «Равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ красоты», онъ «покорялся ей до рабства, былъ холоденъ ко всему, гдѣ не находилъ ея, и грубъ, даже жестокъ ко всякому безобразію». Но, несмотря на страстное поклоненіе красотѣ, изъ Р. настоящаго художника никогда не выйдетъ, вслѣдствіе той же обломовской лѣни и привычки жить «на всемъ готовомъ». Самъ Райскій сознаетъ свою обломовщину: «я уродъ... я больной, ненормальный человѣкъ, и притомъ я отжилъ, испортилъ, исказилъ... или нѣтъ, не понимая своей жизни». У Р., какъ и у Обломова, есть высокіе помыслы «и слезы о бѣдствіяхъ человѣчества», которые тоже находятся въ непримиримомъ противорѣчьи съ характеромъ и жизнью дилетанта. Характеръ Р. задуманъ широко и сложно. Настроенія его до такой степени измѣнчивы и прихотливы, что въ немъ нельзя ни на чемъ остановиться, ничего предсказать. Онъ созданъ весь изъ тонкихъ переплетенныхъ и запуганныхъ противорѣчій. Поэту, изобразившему подобный характеръ, пришлось бороться съ такими трудностями, какъ живописцу, который задумалъ бы перенести на полотно радугу, ея неуловимую нѣжность тоновъ, мимолетность и безчисленность отбѣнковъ и отблесковъ». 3) См. «Прототины».

Реданторъ («Л и т е р. в е ч.»).—«Реданторъ журнала», приглашенный на вечеръ племянникомъ Уранова, «по просьбѣ дяди». «Довольно полный блондинъ», «средняго роста, среднихъ лѣтъ», «приличной наружности». Слушалъ чтеніе «съ выраженіемъ учтиваго равнодушія». О самомъ произведеніи отзывался «сдержанно»:—«Да... это замѣчательное произведеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ!»—«Да, замѣчательное произведеніе! равнодушно», повторилъ онъ, поддакивая Профессору.—«Хорошо бы немного придать разнообразія, небрежности языку, что называется abandon. А то ужъ слишкомъ гладко, прибранно, стилисто!» Когда же Чешневъ спросилъ: Вы, конечно, охотно приняли бы его на страницы вашего журнала? Р. «задумался и не сразу отвѣчалъ».—«Я не знаю... надо подумать... поговорить съ моимъ сотрудникомъ по части беллетристики,—отвѣчалъ онъ уклончиво».—«Но вѣдь вы находите въ романѣ достоинства?» «О, конечно; но этого мало. Журналъ мой издается въ извѣстномъ направленіи—слѣдовательно все, что входитъ въ него, должно, или отвѣчать этому направленію, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчить ему рѣзко...» Иначе былъ бы не журналъ, а сборникъ, альманахъ».

Радищевъ, Филиппъ Матвѣевичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Пріятель старика Обломова. Написалъ письмо Ильѣ Ивановичу съ просьбой прислать «рецептъ пива, которое особенно хорошо дѣлали въ Обломовкѣ». «Неизвѣстно, дождался ли Ф. М. рецепта».

Рейнгольдъ («Обломовъ»). Уп. л. Знакомый старика Штольца; вмѣстѣ съ нимъ пришелъ въ Россію изъ Саксоніи и нажилъ «четыре-этажный домъ». Процаясь съ сыномъ, уѣзжавшимъ въ Петербургъ, старикъ Штолецъ сказалъ:

—«Ну, а если не станетъ умѣнья, не сумѣешь самъ отыскать вдругъ свою дорогу, понадобится посовѣтоваться, спросить—зайди къ Р.; онъ научить.—О!—прибавилъ онъ»... «это... это... (онъ хотѣлъ похвалить и не нашелъ слова). См. Ш то л ь ц ь.

Рене («О б ы к н. И с т.»).—«Бородатый иностранецъ»; гость Тафаевой.

Реми («Ф р е г. П а л.»).—Еврей. «Пожилой, невысокій брюнетъ, владѣлецъ «французскаго магазина» въ Шанхаѣ, «похожаго на всѣ европейскіе столичные магазины».

Ричардъ («Ф р е г. П а л.»).—Слуга въ отелѣ Вельчь. Малаецъ, «не совсемъ черный, но и не бѣлый, съ краснымъ платкомъ на головѣ». «Поднявъ колоколь, съ большой стаканъ величиною, вровень со своимъ ухомъ, и зажмуривъ глаза, звонилъ изо всей мочи на всѣ этажи и номера, сзывая путешественниковъ къ обѣду». Прислуживая за обѣдомъ, онъ не допустить зова: онъ глазами ловить взглядъ, подбѣгаетъ къ вамъ», приготовляясь слушать», дѣлаетъ «гримасы»; слушая, «поворачиваетъ голову немного въ сторону, а одно ухо къ вамъ; лицо все, особенно лобъ, собирается у него въ складки, губы кривятся въ сторону, глаза устремляются къ потолку. Рѣдко можно встрѣтить фізіономію подвижнѣе этого лица, напоминающаго нашихъ татаръ».

Рокотовъ («О б л о м о в ь»).—Уп. л. На его свадьбу Тарантьевъ просилъ у Обломова дать ему фразъ.

Ростинъ («Н а р о д и н ѣ»).—Помѣщикъ; владѣлецъ двухъ тысячъ душъ; въ молодости соперникъ Якубова.

Рулевой («Ф р е г. П а л.»).—Р. съ русыми, загнутыми кверху усами и строгимъ, не улыбающимся лицомъ. На Пасхѣ, во время стоянки въ Нагасакахъ, вмѣстѣ съ боцманомъ плясалъ «долго и истово», какъ будто работалъ трудную работу. Одинъ, уставъ, останавливался, какъ вкопанный; другой, въ ту же минуту, начиналъ припрыгивать, сначала тихо, потомъ все скорѣе и скорѣе, глядя внизъ и переставляя ноги, одну вмѣсто другой, потомъ быстро падалъ и прыгалъ въ присядку, изрѣдка вскрикивая».

Рѣшетилова, графиня («М а и м ѣ с. в ь П е т е р б.»).—Къ ней ѣздили то русскій архіерей, то католическій прелать, иногда какал-нибудь великосвѣтская барыня съ визитомъ. Графиня одинаково говорила и съ русскимъ преосвященнымъ, и съ католическимъ прелатомъ, и съ великосвѣтской барыней. Услышавъ, напр., она, что въ такой-то церкви православный священникъ будетъ говорить краснорѣчивую проповѣдь, она ѣдетъ туда, выслушаетъ и умилился искренно. Узнаетъ, что готовится говорить католическій прелать, она ѣдетъ въ инославный храмъ и также умиляется, какъ онъ хорошо говорилъ; точно также съ восторгомъ слушаетъ и какого-нибудь алостола изъ свѣтскихъ проповѣдниковъ, нужды нѣтъ, что онъ проповѣдуетъ расколъ. А къ вечеру забудетъ ихъ всѣхъ». «Она не ѣздила, какъ большинство нашихъ барынь, по магазинамъ, а посѣщала музеи, картинныя галереи, мастерскія художниковъ».

Рѣшетилловъ, графъ («М а и м ѣ с. в ь П е т е р б.»).—«Быль чедовѣкъ военный и возраженій на свои приговоры не допускалъ. Только отъ равныхъ себѣ по чину онъ принималъ противныя его взгляду мнѣнія. На низшихъ же смотрѣлъ свысока». Велѣлъ позвать къ себѣ управляющаго домомъ (которому говорилъ то «вы», то «ты») затѣмъ, чтобы узнать, нельзя ли «пристроить» повара, оказавшагося у графа на кухнѣ лишнимъ».

Рѣшетиловой-Гость («М а и м ѣ с. в ь П е т е р б.»).—«Обыкновенный гость граф. Р—ой. «Высокій, лѣтъ «шестидесяти», мужчина, въ бѣломъ батистовомъ жабо, въ черномъ фракѣ, съ прозрачными ногтями, накрахмаленный; держалъ «себя прямо, какъ палка. Онъ былъ ежедневнымъ посѣтителемъ и являлся неизмѣнно къ обѣду». «Когда-то онъ былъ неравнодушенъ къ графинѣ, въ ея дѣвичество, но какъ у него было какихъ-то триста, а у графа, тогда еще подполковника, тысячи три душъ, то онъ скромно уклонился отъ сватовства, предоста-

внѣвъ первому искать руки его предмета, а самъ остался вѣчнымъ обожателемъ графини».

С.

С. («Фрег. Пал.»).—см. въ «Спискѣ»: Савичъ.

Савелій («Обрывъ»).—Мужъ Марины, дворовый изъ Малиновки, вѣдавшій у Бережковой всѣ дѣла «по деревнѣ». Онъ былъ «лѣтъ сорока пяти», «сложенъ плотно, будто изъ однѣхъ широкихъ костей и оттого» казался «толстымъ, хотя жиру у него не было ни золотника». Остриженъ въ скобку, бороду «бриль» рѣдко и у него на губахъ и на подбородкѣ всегда торчала «щетина». «Онъ былъ мраченъ лицомъ, съ нависшими бровями, широкими вѣками, которыя поднималъ медленно и даромъ не тратилъ ни взглядовъ, ни словъ». Даже движеній почти не дѣлалъ. Отъ одного разговора на другой онъ тоже переходилъ трудно и медленно. «Мысленная работа совершается у него тяжело: когда онъ старается выговорить свою мысль, то помогаетъ себѣ бровями, складками на лбу, и отчасти указательнымъ пальцемъ». «На вопросы обступившей его дворни (послѣ возвращенія изъ города, куда С. отвозилъ больную Марину), хотѣлъ что-то сказать, но только поглядѣлъ на всѣхъ, поднялъ выше обыкновеннаго кожу на лбу, сдѣлавъ складку въ палецъ толщиною, потомъ плюнулъ, повернулся спиной и шагнулъ за порогъ своей клѣтушки».—«Честный, распорядительный», «серьезный мужикъ», «золото-мужикъ, называла его Татьяна Марковна; С.—«большія дѣла у меня дѣлаются», говорила она:—«Хлѣбъ продаетъ, деньги получаетъ».—«Удостоившись, въ числѣ прочихъ, благосклоннаго вниманія Марины, С. пошелъ къ барынѣ просить позволенія жениться». «Черезъ двѣ недѣли ровно» (барыня дала ему двѣ недѣли сроку, чтобъ онъ «хорошенько одумался»), пришелъ въ комнаты и сталъ въ углу».—«Позвольте повѣнчаться!» сказалъ С. и предложилъ за Марину «выкупъ». На возраженіе Татьяны Марковны о прошломъ Марины, о томъ, что она «не уймется», отвѣчалъ увѣренно: «Уймется, не будетъ!». Когда же Марина «не унялась», и С. засталъ, черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, у себя въ гостяхъ гарнизоннаго унтеръ-офицера, онъ «поблѣднѣлъ и вопросительно взглянулъ на жену»; «подумалъ немного, потушившись, «потомъ заперъ дверь, медленно засучилъ рукава и, взявъ старую вожжу, изъ висѣвшихъ на гвоздѣ, началъ отвѣшивать медленные, но тяжелые удары по чему ни попало».—«Собака! собака! смерть!» мрачно говорилъ С. на увѣщанія барыни. На вопросъ—«что ты сдѣлаешь дракой? Уймется, чтоли, она?»—отвѣчалъ:—«Все-таки... острастка...» Съ вожжей С. почти не разставался, и точно чутьемъ узнавалъ, гдѣ находится Марина.—«Что тебѣ, лѣпшій, не спится?» говорить ему Марина:—«бродить по ночамъ! Ты бы хоть лошадамъ гривы заплеталъ, благо нѣтъ домового!» Послѣ женитьбы С. измѣнился, началъ худѣть, рѣже показывался въ людской, среди дворни и сильно задумывался. «На жену онъ прежде смотрѣлъ исподлобья, а потомъ почти вовсе не глядѣлъ, но всегда зналъ, въ какую минуту, гдѣ она, что дѣлаетъ». С. падалъ духомъ, молился Богу, сидѣлъ молча, какъ бирюкъ, у себя въ клѣтушкѣ.—«Стигнутъ бы ей проклятой!» «мрачно» говорилъ С. и просилъ Райскаго: отправить Марину въ полицію, или «хоть въ Сибирь» сослать, или «хоша въ рабочій домъ на всю жисть», или «плетями» ее «высѣчь». Между тѣмъ, онъ же впадалъ въ странное противорѣчіе: на ярмаркѣ онъ всѣ деньги истратилъ на жену, купить ей платье, башмаковъ, серьги какія-нибудь. На Святую недѣлю, молча, поведетъ ее подъ качели и столько накупить, и молча-же, насуетъ ей въ руки орѣховъ, пряниковъ, черныхъ стручьевъ, моченыхъ грушъ, что она употчуетъ всю дворню; когда Марина заболѣла, С. «закуталъ ее «въ теплое одѣяло».—«Богъ караетъ!» говорилъ С., кряхтя, но «самъ же отвезъ Марину въ «клинику,

въ сосѣдній городъ, за двѣсти верстъ». Онъ любилъ Марипу, по выраженію Райскаго, «сосредоточенной страстью».

Савелій Нинитичъ («И. С. Поджабринъ»).—Дворникъ.

Саврасовъ («Обрывъ»).—Уп. л. Сотоварищъ Райскаго по школь «С., Ковригинъ, Малюевъ, Чудинъ—первые ученики». Они равно хорошо учатся и изъ математики, и изъ исторіи, сочиняютъ, чертятъ, рисуютъ и языки знаютъ, и все. «Ихъ всѣ уважаютъ, они такъ гордо смотрятъ, такъ покойно спятъ, всегда одинаковы».

Садагора («Фрег. Пал.»).—Японецъ-переводчикъ; «старый, грубый циникъ»,—«нянька, приставленная къ голландцамъ, и гроза ихъ». «Страхъ, какъ походилъ на пожилую дѣвушку съ своей сѣдой косой».

Садовникъ («Обрывъ»).—Уп. л. Графскій С. Онъ, по словамъ городской сплетни все видѣлъ и слышалъ, что происходило въ оранжереѣ между Татьяной Марковной, Ватутинымъ и графомъ Сергѣемъ Ивановичемъ С. «молчалъ, боялся, былъ крѣпостной»; онъ рассказалъ о происшедшемъ лишь женѣ.

Садовника-вдова («Обрывъ»).—Уп. л. «Пьяная баба», подбирающаяся милостыней на паперти Успенья. Отъ нея вывѣдалъ Тычковъ подробности отпошей Татьяны Марковны къ Ватунину.

Самбро («Фрег. Пал.»).—Баніосъ; посѣтилъ фрегатъ на третій день прихода русскихъ въ Нагасаки.

Свининъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова. По словамъ Судьбинскаго, «вѣтренная голова. Иногда, чертъ знаетъ, какія тебѣ итоги выведетъ, перепутаетъ всѣ справки». Потерялъ «важное дѣло» и за это былъ лишень награды «до тѣхъ поръ, пока дѣло не отыщется».

Священникъ («Слуги»).—Уп. л. По словамъ Валентина, С., послѣ обѣдни, за завтракомъ», указалъ Архіерею на «дьякона Никиту, говоря:—«Вотъ», «святой владыка: дьяконъ нашъ Никита похваляется, что понимаетъ» Апокалипсисъ.

Священникъ («Фрег. Пал.»).—«Padre» съ острова Батана.

Севастьяновъ («Обрывъ»).—Уп. л. Товарищъ Райскаго по школь.

Севри [Севрз] («Фрег. Пал.»).—Старожилъ острова Пиля (Бонинъ-Сима), женатый на кривой, пятидесятилѣтней Канацкѣ. Подтвердилъ, что «мореплаватели стараются приобрѣтать все даромъ». По разсказу С., одинъ изъ моряковъ, потерпѣвшій крушеніе при выходѣ изъ порта Ллойдъ, «воротился и получилъ помощь отъ жителей». На прощанье, «поколотилъ и обобралъ поселенцевъ», взявъ «у старика С. двѣ тысячи долларовъ».

Сейоло («Фрег. Пал.»).—Одинъ изъ «второстепенныхъ кафѣрскихъ предводителей», взятый въ плѣнъ англичанами и содержавшійся «подъ крѣпкимъ карауломъ въ мѣстечкѣ Винбергъ» (Калская колонія). «Мужчина лѣтъ тридцати, высокаго роста, верхковъ четырнадцати, атлетическаго сложенія, стройный, темно-коричневаго, матоваго цвѣта. Одѣтъ онъ былъ въ жакеткѣ и синихъ панталонахъ; ноги у него босыя, грудь открыта на распашку. Когда его навѣстили русскіе, онъ привсталъ, сѣлъ на тюфякѣ и протянулъ имъ руку. Привезенные ему въ подарокъ табакъ и сигары С. взялъ и, не поглядѣвъ, что было въ бумагѣ, положилъ подлѣ себя; увидя свой фотографическій портретъ, С. громко захохоталъ» и передалъ его женѣ, но потомъ снова взялъ отъ нея «и сталъ пристально разсматривать». Когда этотъ портретъ подарили его женѣ, С. отъ удовольствія привсталъ и захохоталъ».

Сейоло-жена («Фрег. Пал.»).—Одна изъ семи женъ С., которыя, «по очереди», пріѣзжали къ нему и проводили «съ нимъ недѣли по три, по четыре». Ей было всего лѣтъ девятнадцать или двадцать. У ней круглое смугло-желтое лицо, темно-каріе глаза, съ выраженіемъ доброты, и маленькая, стройная нога». Она была «въ ситцевомъ платьѣ европейскаго покроя, въ чулкахъ и башмакахъ; голова повязана платкомъ. Посѣтившимъ Сейоло путешественникамъ, она «первая подала руку» и «смотрѣла на нихъ, опершись на локоть». Увидя фо-

тографическій портретъ мужа, со смѣхомъ сказала:—«Сейоло! Сейоло! Опять смотрѣла на портретъ и продолжала смѣяться. Получивъ портретъ въ подарокъ, «была очень довольна и съ улыбкой кивала головой».

Секретари («Фрег. Пал.»).—С. нагасакскаго губернатора—«два старика, лѣтъ 70-ти каждый, плѣшивые, съ сѣдыми жиденькими косичками, въ богатыхъ штофныхъ юбкахъ, съ широкой бархатной по подолу обшивкой, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ» и «въ соломенныхъ сандаляхъ». При посѣщеніи фрегата, «тихо плелись, шаркая подошвами, не глядя по сторонамъ», съ опущенными вѣками.

Семень («Обрывъ»).—Дворовый Викентьева. Отъ него Марейнька, черезъ Марину, слышала, что Николай Андреичъ ночью «храпить».

Семень Архипычъ («Обыкн. Истр.»).—Знакомый А. П. Адуевой.

Семень Семенычъ («И. С. Поджабринъ»).—Чиновникъ. Когда Ѳекла Андреевна доложила ему, что новый жилецъ (Поджабринъ) переѣхалъ, С. С. «понюхалъ табуку, поправилъ крестъ въ петлицѣ и молчалъ. Слушалъ, какъ Ѳекла Андреевна рассказывала о томъ, какіе у Поджабринина «стулья и диваны,—красные и зеленые, да прямигкіе».—«Я на одинъ присѣла, пока онъ стоялъ на корридорѣ, такъ и ушла вотъ до этихъ поръ, инда испужалась».—«До какихъ поръ?»—спросилъ С. С. флегматически.—«Вотъ до сихъ». Она показала рукой.—«А гдѣ онъ служить?»—«Не успѣла спросить у человѣка.. вотъ ужъ развѣ.—«Добро, давайте-ка обѣдать,—сказалъ С. С.:—нечего растабарывать».

Семень Семеновичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Чиновникъ. По словамъ Судьбинскаго «только мастеръ пылъ въ глаза пускать». Когда «изъ губерніи поступило представленіе о возведеніи при зданіяхъ, принадлежащихъ «вѣдомству, собачьихъ конуръ, для сбереженія казеннаго имущества отъ расхищенія», С. С. нашель, составленную архитекторомъ, смѣту преувеличенной и «началь наводитъ справки, что можетъ стоять постройка собачьей конуры». Нашель гдѣ-то тридцатью копѣйками меньше—сейчасъ докладную записку».

Serge, prince («Обрывъ»).—Уп. л. Дядя Софьи Бѣловодовой въ 1812 г. «дѣлалъ кампанію» и, благодаря его рассказамъ, Софья «въ исторіи знала только двѣнадцатый годъ».

Сивновъ («Превр. судьбы»).—Купецъ; къ нему пришелъ Хабаровъ въ поискахъ мѣста; С. принялъ его и сказалъ, что онъ радъ имѣть дѣло съ «благороднымъ» человѣкомъ, ему-де такой нуженъ, а то все «плуты да мошенники!» Онъ поставилъ его въ амбарѣ у Смольнаго, куда съ барокъ складывали кули муки, а оттуда, подъ присмотромъ приказчика, развозили ихъ купцамъ, забиравшимъ хлѣбъ въ С.. Когда же «возчики» «понадули» Хабарова и мукой воспользовались въ свою пользу», С. сказалъ:—«Вотъ что, ваше благородіе, нашъ-то простой человѣкъ, приказчикъ, запримѣтилъ бы этихъ самыхъ мужиковъ въ лицо и что они не тово... не отъ хозяина пріѣхали, а сами по себѣ.—При этомъ купецъ не то крякнулъ, не то вздохнулъ.—Я сыщу этихъ самыхъ возчиковъ, а вы намъ не рука!—прибавилъ онъ.—Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей, что вы зажили у насъ! Богъ съ вами, намъ такихъ не надо!»

Сергѣй Ивановичъ («Обрывъ»).—Уп. л. Дядя Райскаго.

Сергѣй Ивановичъ, графъ («Обрывъ»).—Уп. л. «Покойный графъ» С. И., по словамъ Крицкой, сватался къ Татьянѣ Марковнѣ, но «та не хотѣла, и онъ женился на другой». Какъ говорили городскія сплетни, С. И. подстерегъ rendez-vous Татьяны Марковны съ Ватутинымъ. «Соперники дали другъ другу слово: Г.—«молчать обо всемъ», а Ватутинъ—«не жениться».

Сиговъ («На родинѣ»).—Жандармскій «губернскій полковникъ».

Сидорычъ («Обрывъ»).—Сторожъ въ школѣ, гдѣ учился Райскій. Райскаго «пугало и томило обидное состраданіе» С., «и вмѣстѣ трогало своей простотой». Послѣ того, какъ Райскій не выучилъ два урока сряду» и «долженъ былъ остаться безъ обѣда, если не выучитъ ихъ къ утру», С. (когда уже «всѣ

легли спать») тихонько всталъ, вздулъ свѣчу и принесъ Райскому изъ класса книгу.—«Учи, батюшка, сказалъ онъ: пока они спятъ. Никто не увидитъ, а завтра будешь знать лучше ихъ: что они, въ самомъ дѣлѣ, обижаютъ тебя, сироту!»

Силычъ («Обрывъ»).—Безногій старикъ изъ Малиновки. Нищій; «выпрашивалъ луковицу на обѣдъ» и просилъ «на паперти милостыню». Въ день своей помолвки, Марейка ему «оставила рубль мѣдными деньгами», которыми С. «жадно подобралъ» и дрожащими отъ жадности руками, началъ завертывать ихъ въ какіе-то хлопки и тряпки, пряталъ въ карманы, даже взялъ одинъ пятакъ въ ротъ».

Симабара («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Владѣтельный князь.

«Синие очки» («Лит. веч.»).—См. Трухинъ.

Синоура Томотаро («Фрег. Пал.»).

Сначины («Обыкн. Ист.»).—«Знакомые» Алекс. Адуева.

Синявская, графиня («Литер. веч.»).—У ней «былъ изящный профиль, матовая бѣлизна лица, темно-сѣрые умные глаза, и какая-то тонкая, загадочная улыбка, такъ что нельзя было угадать, порицаетъ она ея или одобряетъ что-нибудь, радуется, или смѣется про себя». «За эти умные глаза и загадочную улыбку ея прозвали сфинксомъ. Она была еще молода, и въ особенности моложава, такъ что казалась скорѣе старшею сестрою, нежели матерью своей дочери». Была приглашена на вечеръ по желанію самого Бебикова, «почти не спускала глазъ съ автора, иногда взглядывала на дочь, говорила ей тихо, съ улыбкой, слова два, и опять слушала чтеніе». «Авторъ, отрывая глаза отъ рукописи, каждый разъ прежде всего обращалъ взглядъ на графиню, очевидно справляясь съ ея впечатлѣніемъ». Когда, во время перерыва, Бебиковъ обратился къ ней съ вопросомъ:—«Вы, графиня, конечно, еще ничего теперь не скажете мнѣ?—она отвѣтила:—«И послѣ не скажу—зачѣмъ?—«Развѣ вы не знаете, какъ я цѣню ваше мнѣніе.—«У меня нѣтъ мнѣнія, а только впечатлѣніе.—«Скажите ваше впечатлѣніе.—«Не умѣю, его надо угадать».—«Въ глазахъ сфинкса трудно угадывать, «развѣ измѣнить улыбка ваша: она у васъ добрѣе глазъ...» —Когда чтеніе было закончено, и авторъ снова подошелъ къ С., она «съ улыбкой смотрѣла» на него. «Глаза у нея тоже смѣялись». «Она молча подала ему руку и онъ молча пожалъ ея», потомъ, указывая на дочь, сказала:—«Посмотрите, какъ она взволнована! Вотъ вамъ живое и непритворное впечатлѣніе! Довольны вы?»—«А вы сами что скажете?». «Она улыбнулась по-своему». На замѣчаніе автора, что онъ уже знаетъ ея мнѣніе, онъ его «видѣлъ», отвѣтила:—«Запишите это выраженіе въ романъ»: «видѣлъ мнѣніе! Оно характерично, какъ весь романъ!»

Синявская, графиня («Литер. веч.»).—Дочь предыдущей. Семнадцатилѣтняя «прелестная брюнетка». «У нея съ кистей рукъ не спала, какъ у многихъ подростковъ, краснота молодой крови. Она только-что начала выѣзжать. «Ея свѣтло-каріе глаза сыпали снопы лучей наивной, нескрываемой радости отъ всего, что она тутъ (на вечерѣ у Уранова) видитъ и слышитъ». «Она робко, стороной, бросала застѣнчивые, но любопытные взгляды на все и всѣхъ» и «прильнула близко», почти на колѣни, къ матери. Она была «въ простомъ платьѣ, безъ вѣера, даже безъ перчатокъ, которыя сняла, лишь только сѣла». Во время чтенія «съ восторгомъ смотрѣла» на автора.

Скудельниковъ, Матвѣй Ивановичъ («Литер. веч.»).—«Пожилой беллетристъ», знакомый Уранова по клубу. Урановъ вытащилъ С. «изъ его гнѣзда», пообщавъ «хорошій романъ, хорошее общество, хорошихъ, даже прекрасныхъ дамъ, и хорошій ужинъ»; прїѣхавъ на вечеръ, «какъ сѣлъ, такъ и не пошевельнулся въ креслѣ, какъ будто приросъ или заснулъ. Изрѣдка онъ поднималъ апатичные глаза, взглядывалъ на автора и опять опускалъ ихъ. Онъ, повидимому, былъ равнодушенъ и къ этому чтенію, и къ литературѣ—

вообще ко всему вокруг себя». «При слабыхъ мѣстахъ» романа, С. «гладилъ себя» «по лысой головѣ, какъ будто внутренно одобрялъ себя мыслью, что самъ онъ лучше написалъ бы эти мѣста».—За ужиномъ упорно молчалъ и лишь послѣ того, какъ редакторъ коснулся вопроса о томъ, что «художникъ-писатель долженъ быть объективенъ», С. поднялъ глаза на минуту на редактора, обвелъ взглядомъ прочихъ гостей и опять сталъ смотрѣть на столъ, гдѣ, прямо противъ его носа, лежали въ десертныхъ вазахъ дыня и ананасъ». Услыша, какъ Кряковъ назвалъ Чешнева «шовинистомъ», С. вдругъ взглянулъ широко на Крякова и Чешнева». Въ концѣ ужина, когда хозяинъ обратился къ С. съ вопросомъ о причинѣ его молчанія, онъ отвѣтилъ:—«Я давно хотѣлъ сказать, да не дали...»—«Ну, говорите теперь: что такое?»—«А вотъ дыню и ананасъ забыли, такъ и остались неразрѣзанными!»—сказалъ онъ».—«Всѣ засмѣялись».—«Въ самомъ дѣлѣ! сейчасъ, сейчасъ!»—захлопотался хозяинъ.—«Да что вы о дынѣ, вы о романѣ-то ничего не сказали».—«Я все слушалъ...»—«Ну, и скажите что-нибудь».—«Все скажу».—«Говорите: мы слушаемъ».—«Я не вамъ, я самому автору скажу».—«Что скажете?»—«Все, что здѣсь происходило и что говорили о его романѣ...»—«Нельзя: мало ли что тутъ говорили. Онъ обидится».—«Вы не знаете его, а еще друзья! Все скажу, что дѣлали и говорили...»—«Все?»—«Все, даже и про ананасъ съ дыней не забуду!»

Сланцовъ, Андрей Ивановичъ («На родинѣ»).—Отставной полковникъ. Пріятель и однополчанинъ Углицкаго, съ которымъ жилъ вмѣстѣ «душа въ душу». У С. «за Волгой» «было порядочное имѣнье», но онъ не любилъ деревни и всю зиму гостилъ у Углицкаго. У С. было «то же воспитаніе, нравы, какъ и у его пріятеля, тотъ же «прекрасный тонъ, манеры, щегольство, та же бойкость французской рѣчи на словахъ и та же малограмотность на письмѣ».

Слуга («Фрег. Пал.»).—Слуга въ отелѣ m-rs Вельчъ; «мальчикъ лѣтъ двадцати, угреватый, подслѣповатый; когда онъ появился въ комнатѣ «вдругъ запахло собакой». На приказъ принести воды для бритья, отвѣтилъ:—«Yes, sir», «и не принесть». Послѣ звонка «являлся съ кружкой воды». На приказъ принести щетку, отвѣтилъ тѣмъ же «уес» и обнаружилъ «то же непослушаніе». Въ отвѣтъ на просьбу вставить выбитое стекло въ окнѣ отвѣтилъ:—«yes, sir», но стекло такъ и осталось не вставленнымъ.

Смирновъ («Обыкн. и ст.»).—«Другъ» Петра Иваныча. «Нужный человекъ».

Смотритель станціонный («Фрег. Пал.»).—Смотритель на Мухтуйской станціи. Франтъ. «Форменный сюртукъ у него въ рюмочку; самъ расчесанъ»; «...двумя пальцами взялъ подорожную, согнувъ мизинецъ въ кольцо».

Смотритель станціонный («Фрег. Пал.»).—См. Плотниковъ.

Солдаты («Фрег. Пал.»).—Японцы, составлявшіе свиту баніосовъ, пріѣхавшихъ на фрегатъ: «два старика въ панталонахъ, т. е. ноги у нихъ выше колѣнъ обтянуты синей матеріей, а обуты въ такіе же чулки, какъ у всѣхъ, и потомъ въ сандалии. Коротенькія мантіи были тоже синія». С. «отъ старости едва стояли на ногахъ и плохо видѣли. Сѣдая косичка, въ три волоса, не могла лежать на головѣ и торчала кверху; сквозь рѣдкую косу проглядывала лысина, цвѣта красной мѣди». Во время сѣзда адмирала на берегъ, «по сторонамъ разставлены были, на сажень одинъ отъ другого», взятые на подборъ, помельше ростомъ японцы, въ маленькія, въ формѣ воронокъ, лакированныхъ шапкахъ, съ сонными глазами. Они стояли, откинувшись корпусомъ назадъ, ноги врозь, съ согнутыми колѣнками. На плечахъ у нихъ, казалось, были ружья: надо подозрѣвать такъ, п. ч. самыя ружья спрятаны въ чехлахъ, а, м. б., были одни чехлы безъ ружей».

Сонинъ («Обыкн. и ст.»).—Уп. л. «Знакомый Ал. Адуева. «Всегда дасть хорошій совѣтъ, когда пройдетъ бѣда, а попробуйте-ка обратиться въ нуждѣ...»

такъ онъ и отпустить безъ ужина домой, какъ лисица волка», отзывается о С. раздраженный Александръ.

Сонична («Обломовъ»).—Замужняя подруга Ольги, «авторитетъ» для нея; полюбивъ Обломова, Ольга «уже никого не спрашивала что ей дѣлать, какъ поступить, не ссылалась мысленно на авторитетъ С».

Совѣтникъ («На родинѣ»). Уп. л. По разсказу Якубова, когда С. прѣхалъ въ городъ, то занялъ у него денегъ на мундиръ, «а теперь у него деревенька съ тремя стами душъ, да домикъ» выстроилъ, «женѣ изъ Москвы наряды выписываетъ, ведетъ большую игру». «Лѣтъ десять секретаремъ въ консисторіи пробылъ, тамъ нажилъ, потомъ губернаторъ Тмакинъ переманилъ его къ себѣ въ секретари, дѣльный былъ, а потомъ съѣздивъ въ Петербургъ, подмазалъ гдѣ слѣдуетъ и воротился предсѣдателемъ».—«Хапунъ, пострѣлъ!»—отзывался Якубовъ о С.

Сотрудникъ журнала («Обыкновенныя исторіи»).—Пріятель Петра Ивановича. «Человѣкъ опытный». «Педантъ».

Софья Михайловна («Обыкновенныя исторіи»).—Дочь Марьи Карповны. «Первая любовь» А. Адуева. «Полная и румяная дѣвушка», глаза и все выраженіе лица ея явно говорили: буду любить просто, безъ затѣй, буду ходить за мужемъ, какъ нянька, слушаться его во всемъ и никогда не казаться умнѣе его; да и какъ можно быть умнѣе мужа? Это грѣхъ! Стану прилежно заниматься хозяйствомъ, шить, рожу ему полдюжины дѣтей, буду ихъ сама кормить, нянчить, одѣвать и обшивать».—«Полнота и свѣжесть щекъ ея и пышность груди подтверждали обѣщаніе насчетъ дѣтей». При проводахъ Александра, «слезы на глазахъ и грустная улыбка придавали ей» «не такой прозаической интересъ». Разставаясь С. передала ему на память свои «волосы и колечко»; «но въ отсутствіи Александра вышла замужъ. У нея «ужъ шестой ребеночекъ въ походѣ», «а въ домѣ бѣдность такая, что и не глядѣлъ бы». «Въ покояхъ косяки всѣ покривились; полъ такъ и ходитъ подъ ногами; черезъ крышу течетъ. И поправить-то не на что, а на столъ подадутъ сушу, ватрушекъ, да баранины—вотъ вамъ и все!»—разсказываетъ Антонъ Ивановичъ.

Софья Николаевна («Обломовъ»).—Уп. л. Волковъ, приглашая Обломова на перво-майское гулянье въ Екатерингофъ, говорилъ, что тамъ С. Н. съ Лидіей будутъ въ экипажѣ только двѣ; напротивъ въ коляскѣ скамеечка: вотъ бы вы съ нами».

Старикъ («Обыкновенныя исторіи»).—Гость Тафаевой; «повидимому, отставной военный, съ двумя клочками сѣдыхъ волосъ подъ носомъ и со множествомъ ленточекъ въ петлицѣ».

Старикъ («Фрегатъ Палла»).—Кореецъ; взявъ, написанную русскимъ переводчикомъ по китайски, записку (о доставкѣ на фрегатъ «куръ, зелени, рыбы», въ обмѣнъ на ромъ, полотно и п. предметы) «надулся, какъ пѣтухъ, и съ комическою важностью, съ амфазомъ, нараспѣвъ, началъ декламировать написанное. Это отчасти напоминало мѣрное пѣніе нашихъ нищихъ о Лазарѣ. Потомъ, прочитавъ, старикъ написалъ по китайски въ отвѣтъ, что почтенныхъ куръ у нихъ нѣтъ (моряки, съѣзжавшіе на берегъ, однако, видѣли куръ). Старикъ повторилъ, что провизія берется не даромъ, а въ обмѣнъ, но онъ сказалъ «пудди». Его попросили написать слово по-китайски. «Онъ написалъ: вышло «не знаю». Послѣ объясненій С. «долго и внимательно слушалъ, онъ «вдругъ живо замахалъ рукой, какъ будто догадался, въ чемъ дѣло». С. взялъ русскаго переводчика за рукавъ и, схвативъ кисть, опять написалъ: пудди».

Старушка («Обыкновенныя исторіи»).—Гостья Тафаевой.

Степанида Агаповна («Обломовъ»).—Пожилая дѣвушка, дальняя родственница Ильи Ильича (см. Настасья Ивановна).

Степанида Игнатьевна («И. С. Поджабринь»).—«Верхняя баба», знакомая дворника. Когда Авдѣй пригрозилъ С. И. своимъ баринномъ, отвѣтила:—«Боюсь я твоего барина! что онъ мнѣ дастъ? Эка невидаль! мы сами чинов-

ники».—«Еще ругается! какъ я скажу своему хозяину, такъ онъ тебѣ скорѣе дастъ. Будешь помнить, какъ ругаться, окаянный, каторжникъ, чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки»...

Степанъ («С л у г и»).—«Отпущенный на волю старикъ, лѣтъ 65-ти», еще бодрый, хотя съ нѣскольکو помятымъ лицомъ и мелкими морщинами. Смотрѣлъ добродушно и зорко своими карими глазами. Его взгляды говорилъ: «все сдѣлаю, что прикажете», а чего не прикажете—ни за что не стану дѣлать!» «Прежде жилъ по мѣстамъ поваромъ.—«У важныхъ генераловъ живаль», «въ княжескомъ домѣ жилъ». По собственнымъ словамъ, «состарѣлся» для поварской «службы»: быть «всегда у огня, въ жару» и предпочелъ должность лакея, т. к. она «попрохладнѣе». Хвастался что былъ хорошимъ поваромъ и, дѣйствительно, хорошо готовилъ».—«Я, говорилъ С. съ «самоувѣренностью»—все умѣю: и супы, пюре какіе угодно, и соусъ къ рыбѣ и спаржѣ, пирожное тоже всякое; вафли, кремъ шоколадный или съ ванилью»... По словамъ Матрены,—«ка-бы не пилъ запоемъ, не отпустили бы отъ мѣстовъ». «Его бы обѣими руками держали». «Поживеть-поживеть мѣсяць другой—и откажутъ».—«Бывало, по ея словамъ, когда С. служилъ поваромъ, получить рублей двадцать жалованья, зайдетъ въ трактиръ... и ни копѣйки домой не принесетъ», «а онъ съ двухъ рюмокъ уже пьян!» «Въ кабакѣ «начнетъ угощать всякаго, а что останется — у него вытащатъ». Когда проплетъ деньги, или у него утащатъ ихъ изъ кармана товарищи попойки, мало-помалу перестаетъ пить, ходить дня три, какъ шальной, мелеть про себя несвязный вздоръ и постепенно приходитъ въ себя, принимаетъ свой кроткій образъ, съ добродушнымъ взглядомъ и улыбкой». Получивъ деньги на провизію, для званнаго обѣда, «до ночи не приходилъ». По словамъ Петруши, «всякій разъ задивается, какъ только получить деньги». Брань жены и упреки С. принималъ «равнодушно: лишь встряхнетъ головой, усмѣхнется».—«Да ну, тебя,—замолчишь ли ты, о, чертовка», огрызался С. На угрозу Матрены «огрѣтъ кочергой», отвѣтилъ:—«Ну, чертъ съ тобой, лѣшій тебя дери!» Если же «ему становилось не въ мочь», то уходилъ изъ кухни въ переднюю.—«Господи Боже мой! Что это за дьяволь-баба!»—вздыхалъ С. Иногда, «исполненный усердія», онъ даже пробовалъ помочь женѣ, говоря:—«Дай-ко, я поджарю.—«Я бы тертымъ сахаремъ посыпалъ, да сметанки подлилъ, да лучку тебѣ поджарю; вотъ какъ вкусно будетъ, пальцы оближешь!» Охотно согласился, чтобы жена получала за него жалованье:—«Пожалуй, извольте ей отдавать: она у меня казначей»,—сказалъ С. По праздникамъ, обыкновенно исчезалъ изъ дома, покидая всѣ заботы о домѣ на жену и сына. Когда выпадали праздники по нѣскольکو дней сряду, С. никогда не бывало дома. По словамъ сына, въ пьяномъ видѣ С. «озорничаетъ, дерется съ мамкой, таскаетъ и его за вихри, бьетъ и ломаетъ, что попадется подъ руку». «Изъ кроткаго, смирнаго старика обращается въ звѣря. Послѣ угрозы барина заявить въ полицію о скандалахъ, С. «сталъ на колѣни, скрестилъ руки на груди и голосомъ глубокаго убѣжденія и съ чувствомъ произнесъ:—«Нѣтъ, вы этой низости со мной не сдѣлаете». Позднѣ С. «видали въ Казанскомъ соборѣ просящимъ милостыню». По словамъ Матрены, «все пилъ, пилъ, наконецъ, ослабъ, не могъ выходить, руки и ноги стали трястись, потомъ околѣтели, и онъ умеръ тихо, мирно, принявъ св. Тайнъ, и передъ самой смертью произнесъ:—«Проклятъ тотъ, кто выдумалъ водку пить!».

Степка («О б р ы в ь»).—Дворовый Бережковой, только-что взятый въ лакеи изъ деревни, даже «не умѣвшій стоять прямо на ногахъ».

Стонсъ («Ф р е г. П а л.»).—Англичанинъ. Офицеръ морскихъ войскъ съ корабля «Спартана», стоявшаго въ Шанхаѣ. «Молодой человекъ лѣтъ двадцати»; «безпрестанно ходилъ и въ осажденный (тайпингами) городъ, и въ лагерь».

Столоначальникъ («О б ы к н. И с т.»).—Уп. л. «Картежникъ. Посадить тебя съ двумя такими же молодцами, какъ самъ, а тѣ стакнутся и оставятъ тебя безъ гроша»,—характеризуетъ С. Петръ Ивановичъ Александръ.

Стрекоза («И. С. Поджабринъ»).—Отставной маіоръ; «опекунъ» и «дядя» Анны Павловны. «Низенькій, чрезвычайно толстый пожилой человекъ, съ усами, въ венгеркѣ»; заставъ Анну Павловну у Поджабрина, потребовалъ отъ Ивана Савича объясненія: давно ли онъ знакомъ съ ней, какимъ образомъ познакомился, и предложилъ либо стрѣляться на пистолетахъ, либо отказаться отъ знакомства.

Стуколнинъ, Матвѣй Луничъ («И. С. Поджабринъ»).—Уп. л. Начальникъ отдѣленія, въ которомъ служилъ Поджабринъ. По словамъ крестнаго, два года тому назадъ былъ у нихъ столоначальникомъ и «еще не изъ самыхъ бойкихъ, а такъ себѣ!..».

Судьбинскій («Обломовъ»).—«Старый сослуживецъ» Обломова. Начальникъ отдѣленія. «Господинъ въ темно-зеленомъ фракѣ съ гербовыми пуговицами, гладко выбритый, съ темными, ровно окаймлявшими его лицо, бакенбардами, съ утружденнымъ, но покойно сознательнымъ выраженіемъ въ глазахъ, съ сильно потертымъ лицомъ, съ задумчивой улыбкой». Прежде ходилъ на службу къ десяти часамъ, теперь ѣздитъ къ двѣнадцати.—«Въ двѣнадцать часовъ ѣзжу,—сказалъ онъ Обломову и «сдѣлалъ на послѣднемъ словѣ удареніе. Службу называетъ «дьявольскою»: отъ людей отвыкъ совсѣмъ».—«Адская работа! На представленія изъ губерній положиться нельзя. Надо провѣрить самому списки». Внутренно доволенъ собой и своей служебной «репутацией»:—«Меня очень цѣнятъ, скромно» заявилъ С., «потупя глаза».—«А что-жъ бы я сталъ дѣлать, если бы не служилъ?»—«Надо работать, коли деньги берешь. Начальствомъ тоже доволенъ: «безъ награды не оставляетъ» и даже общается «выдумать» какую-то командировку». Жалуется лишь, что «ни минуты нельзя располагать собою». Сообщилъ Обломову «много» служебныхъ новостей: «въ письмахъ отмѣнили писать покорный слуга,—пишутъ примите увѣреніе, формулярныхъ списковъ не велѣно представлять», «прибавили два стола и двухъ чиновниковъ особыхъ порученій». Сообщая Обломову о потерѣ дѣла Свинкинымъ, «почти шепотомъ» передалъ, что думаетъ объ этомъ директоръ. Передавъ всѣ служебныя новости, подѣлился съ Обломовымъ извѣстіемъ личнаго характера, о томъ, что онъ самъ женится. О невѣстѣ отозвался кратко («да, мила»), но на вопросъ Обломова («что-жъ, хорошая партія»), отвѣтилъ подробно:—«Да, отецъ (невѣсты) дѣйствительный статскій совѣтникъ; десять тысячъ даетъ, квартира казенная. Онъ намъ цѣлую половину отвелъ, двѣнадцать комнатъ; мебель казенная, отопленіе, освѣщеніе тоже: можно жить». «Увязъ», «по уши увязъ!» думалъ Обломовъ о С.

Сурковъ (Обыкновенный Ист.).—Компаніонъ Петра Ивановича по заводу. С. «подъ сорокъ лѣтъ», «онъ добрый малый, но препустой». «Недуренъ собой,—т. е. румяный, гладокъ, высокъ, всегда завитъ, раздушенъ, одѣтъ по картинкѣ». «Самолюбивъ до глупости». «Въ маленькомъ кругу», среди немногихъ, можетъ, пожалуй, прослыть и львомъ и умникомъ». «Въ каждой складкѣ платья, въ каждой бездѣлицѣ «у С. рѣзко проглядывала претензія быть львомъ, превзойти всѣхъ модниковъ и самую моду. Если, напр., мода требовала распашныхъ фраковъ, такъ его фракъ распаивался до того, что походилъ на распостертыя птичьи крылья; если носили откидные воротники, такъ онъ заказывалъ себѣ такой воротникъ, что въ своемъ фракѣ онъ похожъ былъ на пойманнаго сзади мошенника, который рвется вонъ изъ рукъ. Онъ самъ давалъ наставленія своему портному, какъ шить». «Фатъ», по мнѣнію Петра Ивановича. «Господствующая страсть его—женщины». «Воображалъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума». «Со второго дня знакомства съ женщиной», онъ «ужъ начинаетъ звать ее по имени». «Чуть заведется» у него «страстишка», онъ не скупится на «сюрпризы и подарки»; «самъ пустится въ щегольство, начнетъ мѣнять экипажи, лошадей...». Если же «увидитъ, что ему не везетъ, не станетъ тратить деньги даромъ». «Сначала съ ума будетъ сходить отъ ревности и досады, потомъ охладѣетъ». Влюбился въ Тафаеву, и «совсѣмъ одурѣлъ»: «байронствуетъ»,

«ходить угрюмый», потомъ пересталь къ ней ходить и вездѣ объявилъ, «что у нихъ все кончено, что онъ разорвалъ съ ней связь». По словамъ самого С., онъ безъ любви жить не можетъ, но при этомъ «ищетъ связей въ свѣтѣ»:— «Мнѣ, говоритъ, надобно благородную интригу, я безъ любви жить не могу!». По мнѣнію Петра Ивановича, С. «только бы похвастаться,—чтобъ о немъ говорили, что онъ въ связи съ такой-то, что «его видятъ въ ложѣ у такой-то».— «И за моей женой волочился», говоритъ Петръ Ивановичъ.—«Бывало, ужъ я и не забочусь посылать человѣка за билетомъ въ театр: С. непременно привезетъ».—«Гдѣ онъ беретъ и за какія деньги—это его тайна». Нужно ли достать что-нибудь рѣдкое, толпу-ли растолкать, съѣздить-ли осмотрѣть дачу, «достать-ли билетъ, когда нѣтъ никакой возможности»—«вездѣ незамѣнимъ С.»;—«куда ни пошлешь—золото!». «Онъ мастеръ угодить».

Сусловъ, Онисимъ («Обломовъ»).—Уп. л. Крестьянинъ изъ Обломовки. Мужчина солидный, который не уставится во весь ростъ въ своемъ жилищѣ. Не всякій и сумѣетъ войти въ избу къ Онисиму; развѣ только что посѣтитель упроситъ ее стать къ лѣсу задомъ, а къ нему передомъ. «Кажется, курицѣ страшно войти» въ избу Онисима, стоящую на обрывѣ оврага. «Крыльцо висѣло надъ оврагомъ, и чтобъ попасть на крыльцо ногой, надо было одной рукой ухватиться за траву, другой за кровлю избы, и потомъ шагнуть прямо па крыльцо».

Суховъ, Иванъ Ильичъ («Литер. вѣч.»).—Короткій пріятель и любимый застольный товарищъ Уранова «и въ совѣтѣ, и въ англійскомъ клубѣ». «Толстый» С. во время чтенія, «обнаруживалъ кое-какіе знаки нетерпѣнія»: дышалъ громко, то ртомъ, то носомъ, иногда прикрывалъ рукою зѣвоту (то же самое онъ дѣлалъ за ужиномъ, когда споръ становился менѣе оживленнымъ) и пробовалъ заговаривать съ сосѣдями. Послѣ окончанія чтенія, аплодировалъ «отъ удовольствія, что кончилось».—«У меня ноги затекли!—говорилъ онъ», потирая икры». Передъ ужиномъ, по просьбѣ хозяина, громко прочелъ меню, въ которомъ оказались, вымышленные Суховымъ: «патъ изъ крокодила» и «филе изъ слона». За ужиномъ «оживился», но когда Урановъ спросилъ С., читаль-ли онъ «Исторію одного крестьянина», С. отмахнулся:—«Нѣтъ, я не читаю и новыхъ русскихъ авторовъ: пробовалъ да бросилъ». Посовѣтовалъ Красноперову, съ которымъ былъ на «ты», «не связываться» со спорящими Кряковымъ, Профессоромъ и Редакторомъ. (Они загоняютъ тебя! Народъ ученый!). Самъ С. въ спорѣ не принималъ участія и лишь высказался по поводу сцены любви въ романѣ Бебикова:—«Онъ скупенекъ на поцѣлуй, это правда!—сказалъ С.:—нѣтъ, чтобы того... этакъ... (онъ поглядывалъ на Лилину, какъ будто ея присутствіе стѣсняло его)—что-нибудь насчетъ... какъ, напримѣръ, тамъ графъ съ княгиней... въ паркѣ, что ли, въ ея деревнѣ... ну, жаркую сценку... какъ водится... по-человѣчески!..». Уклоняясь отъ спора, С. «подсказывалъ» другимъ, вставляя слова и радовался, когда споръ становился оживленнѣе.—«Соглашался во всемъ съ Чешневымъ, но тутъ-же высказалъ желаніе познакомиться ближе съ Кряковымъ, поѣхать къ нему и пригласить къ себѣ обѣдать».—«Не принимай къ сердцу, что онъ говоритъ»,—тихо сказалъ Уранову С. о Кряковѣ.—«Вѣдь, это антихристъ, но только прелюбопытный малый; какъ бы его къ намъ въ клубъ затащить! Когда Кряковъ заговорилъ особенно бурно, развѣнчивая романъ Бебикова, «тихо, удерживая смѣхъ», С. сказалъ хозяину:—«Пошли за полиціей!». Когда же Кряковъ собирался уходить («Того и гляди, за полиціей пошлютъ!»), С. «весело отвѣтилъ:—«Мы васъ не выдадимъ, вы герой!»—«Ну, наслушались мы сегодня и новой, и старой мудрости», «каково-то спать будетъ? А все-таки весело, превесело здѣсь!—заклучилъ онъ», обращаясь къ своимъ сосѣдямъ.

Схимникъ («Слуги»).—Уп. л. См. Валентинъ.

Сычугъ («Обломовъ»).—По словамъ старосты Обломова, «тверезый мужикъ» и потому староста поставилъ С. «денно и ночью смотрѣть за су-

пильней и бѣлильней, а, чтобы С. «не стянулъ чего господскаго», староста самъ смотрѣлъ за С. также «денно и ночью».

Сьоза («Фрег. Пал.»).—Японецъ-переводчикъ—«Jeune Japon»; «съ завистью» глядитъ «на все европейское» и представлялъ «нѣмую, покорную оппозицію». [Ср. Парадоксъ 2-ой, Эйноске].

Сѣмечина, Дашеньна («Обрывъ»).—Уп. л. Въ письмѣ къ Наташѣ Вѣра сравнивала Райскаго съ Дашенькой С., «которая была однажды влюблена въ испанскаго принца, увидѣвши портретъ въ нѣмецкомъ календарѣ, и не пропускала никого, даже настройщика Киша».

Т.

Т. («Фрег. Пал.»).—См. въ «Спискѣ»—Тырковъ.

Тарасна («Обрывъ»).—Дворовый изъ Малиновки.

Тарась («Обломовъ»).—Уп. л. «Дюжій» кузнецъ; «чуть-было собственноручно не запарился до смерти въ землянкѣ, до того, что надо было отливать его водой».

Тайпиль-Вань («Фрег. Пал.»).—Уп. л. Претендентъ на китайскій престолъ, предводитель тайпинговъ. [тайпингъ—«великое спокойствіе»]. Имя тайпинговъ приняли возставшіе китайцы. Возстаніе началось въ 1849 г. и было подавлено при помощи американскихъ, голландскихъ и англійскихъ инструкторовъ, лишь въ 1863 г. (Ср. «Фрег. Пал.» II, 2).

Тарантьевъ, Михай Андреевич («Обломовъ»).—«Русскій пролетарій». «Землякъ» и одинъ изъ «усердныхъ посѣтителей Обломова». «Сынъ провинціального подьячаго», канцелярскій писецъ въ департаментѣ. По собственнымъ словамъ, въ свое время «былъ гораздъ» «строчить бумаги», «да отвыкъ. Присяду: слеза такъ и бьетъ изъ глазъ». «Человѣкъ лѣтъ сорока, принадлежавшій къ крупной породѣ, высокій, объемистый въ плечахъ и во всемъ туловищѣ, съ крупными чертами лица, съ большой головой, съ крѣпкой коротенькой шей, съ большими на выкатѣ глазами, толстогубый. Бѣглый взглядъ на этого человѣка рождалъ идею о чемъ-то грубомъ и неопрятномъ. Видно было, что онъ не гонялся за изяществомъ костюма. Не всегда его удавалось видѣть чисто обритымъ. Но ему, повидимому, это было все равно: онъ не смущался отъ своего костюма и носилъ его съ какимъ-то циническимъ достоинствомъ». «Его никогда не смущалъ стыдъ за поношенное платье». «Движенія его были смѣлы и размахисты; говорилъ онъ громко, бойко и почти всегда сердито; если слушать въ нѣкоторомъ отдаленіи, точно будто три пустыя телѣги ѣдутъ по мосту».—«Держи языкъ за зубами. Вонъ, вѣдь, ты какой, изъ тебя, какъ изъ пушки, такъ и палить!»—говорилъ Мухояровъ Т—у. «Онъ дѣлалъ много шума», «кричалъ, спорилъ». Появленіе Т. у Обломова составляло «родъ какого-то спектакля».—«Здравствуй, землякъ,—отрывисто сказалъ Т., протягивая мохнатую руку къ Обломову».—«Что это ты лежишь по сю-то пору, какъ колода?»—«Не подходи, не подходи—ты съ холода!»—говорилъ Обломовъ, прикрываясь одѣяломъ».—«Вотъ еще что выдумалъ, съ холода!»—заголосилъ Т.—«Ну, ну, бери руку, коли даютъ! Скоро двѣнадцать часовъ, а онъ валяется!» «Онъ хотѣлъ приподнять Обломова съ постели, но тотъ предупредилъ его, опустивъ быстро ноги и сразу псававъ ими въ обѣ туфли».—«Я самъ сейчас хотѣлъ вставать,—сказалъ онъ, зѣвая».—«Знаю я, какъ ты встаешь: ты бы тутъ до обѣда провалялся. Эй, Захаръ! Гдѣ ты тамъ, старый дуракъ? Давай скорѣй одѣваться барину». Т., несмотря на школу отца [Т. учился года три у священника «по латыни» и приготавливался отцомъ къ хожденію по дѣламъ], какъ «двадцать пять лѣтъ назадъ» опредѣлился въ какую-то канцелярію писцомъ, такъ въ этой должности и дожилъ до сѣдыхъ волосъ». «Въ петербургской службѣ ему нечего было дѣлать съ своею латынью и съ тонкой теоріей

вершатъ по своему произволу правыя и неправыя дѣла; а между тѣмъ онъ посылъ и сознавалъ въ себѣ дремлющую силу, запертую въ немъ враждебными обстоятельствами навсегда, безъ надежды на проявленіе, какъ бывали записки, по сказкамъ, въ тѣсныхъ заколдованныхъ стѣнахъ души зла, лишеныя силы вредить. Можетъ-быть, отъ этого сознанія безполезной силы въ себѣ, Т. былъ грубъ въ обращеніи, недоброжелателенъ, постоянно сердитъ и бранчивъ». — «Дай-ка мнѣ твое имѣнье,—говорилъ Т. Обломову,—такъ обо мнѣ бы услышали въ народѣ!». «Онъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на свои настоящія занятія: на переписыванье бумагъ, на подшиванье дѣлъ и т. п. Ему вдали улыбалась только одна послѣдняя надежда: перейти служить по виннымъ откупамъ». Онъ умѣлъ «прятать концы», но за нимъ все-таки числилось какое-то «дѣло», и Т., «всю жизнь» выскабивалъ «его своими боками». Т. признался Обломову, что ему «нельзя» «въ палату идти»: «враги есть, злобствуютъ на меня, ковы строятъ, какъ бы погубить». Изъ него не выработался «дѣлецъ и крючкотворецъ»; но «теорія дѣятельности и жизни, теорія взятокъ и лукавства», созданная отцомъ», «примѣнялась» Т. «ко всѣмъ мелочамъ», «вкралась во всѣ его пріятельскія отношенія, за недостаткомъ официальныхъ». «Онъ былъ взяточникъ въ душѣ, по теоріи, ухитрялся брать взятки, за нимѣніемъ дѣлъ и просителей, съ сослуживцевъ, съ пріятелей, Богъ знаетъ какъ и за что—заставлялъ, гдѣ и кого только могъ, то хитростью, то назойливостью, угощая себя». Узнавъ «на кухнѣ», что у Ильи Ильича готовится къ обѣду «телятина и говядина, остался недоволенъ». Потребовалъ купить мадеры «изъ англійскаго погреба»; давъ совѣтъ Обломову (переехать «къ кумѣ», на Выборскую), спросилъ шампанскаго. — «Шампанское будетъ?».— «Что я, даромъ-то стану совѣтовать!»—сказалъ онъ. Когда же Обломовъ обратился къ нему съ просьбой научить, что ему дѣлать со старостой, Т. сначала велѣлъ «прибавить еще и портеру къ обѣду». — «Признайся, есть за что и угостить,—говорилъ Т. Мухоярову:—домъ бы сгнилъ, а этакого жильца не дождался». Пріѣхавъ къ Ильѣ Ильичу на дачу, Т. потребовалъ, чтобы Обломовъ заплатилъ «три цѣлковыхъ за извозчика». — «Гдѣ же твой извозчикъ? И за что три цѣлковыхъ?».— «Я отпустилъ его. Какъ за что? И то не хотѣлъ везти: «по песку-то?» говорить. Да отсюда три цѣлковыхъ—вотъ двадцать два рубля!» Обломовъ «досталъ ему четыре цѣлковыхъ. Т. спряталъ ихъ въ карманъ». — «Семь рублей ассигнаціями за тобой,—прибавилъ онъ.—Да дай на обѣдъ!».— «На какой обѣдъ?».— «Я теперь въ городъ не поспѣю: на дорогѣ въ трактирѣ придется; тутъ все дорого: рубль пять сдерутъ! Обломовъ молча вынулъ цѣлковый и бросилъ ему». — «Вели же мнѣ дать чего-нибудь закупить,—сказалъ онъ». — «Вѣдь ты хотѣлъ въ трактирѣ обѣдать?—замѣтилъ Обломовъ». — «Это обѣдать! А теперь всего второй часъ». Разсердившись на Обломова, сказалъ:— «А! Ты попрекаешь меня! Такъ чортъ съ тобой, и съ твоимъ портеромъ и шампанскимъ! На, вотъ, возьми свои деньги... Куда бишь я ихъ положилъ? Вотъ все съ забылъ, куда сунулъ, проклятыя!». «Онъ вынулъ какую-то замасленную бумажку». — «Нѣтъ, не онъ!»—говорилъ онъ.— «Куда это я ихъ?.. Онъ шарилъ по карманамъ». Денегъ онъ такъ и не отдалъ. «Пораженный Обломовымъ въ щеку, Т. мгновенно смолкъ». — «Что это? что это—а? Что это! — блѣдный, задыхаясь, говорилъ онъ, держась за щеку.—Безчестье? Ты заплатишь мнѣ за это!» Однако, Т. «требовалъ отъ всѣхъ незаслуженнаго уваженія, былъ придирчивъ». Онъ «смотрѣлъ на все угрюмо, съ полупрезрѣніемъ, съ явнымъ недоброжелательствомъ ко всему окружающему, готовый бранить все и всѣхъ на свѣтѣ, какъ-будто какой-нибудь обиженный несправедливостью, или непризнанный въ какомъ-то достоинствѣ, наконецъ, какъ гонимый судьбою сильный характеръ, /который недобровольно, неумыло покоряется ей». На жалобу Обломова, что его «съ квартиры гонять»:— «Видно, не платишь: и по дѣломъ!»—отвѣтилъ Т. Онъ же самъ никому не платилъ, хотя бралъ, гдѣ только можно.—Взялъ я когда-то у него, ужъ года два будетъ, пять-

десять рублей взаймы,—разсказываетъ Т. о мнимомъ родственникѣ Алексѣевѣ.— Ну, велики ли деньги пятьдесятъ рублей? Какъ, кажется, не забыть? Нѣтъ, помнѣть: черезъ мѣсяцъ, гдѣ ни встрѣтитъ: «А что-жъ должокъ?» говорить. Надоѣлъ! Мало того, вчера къ намъ въ департаментъ пришелъ: «Вѣрно вы, говорить, жалованье получили, теперь можете отдать». Даль я ему жалованье: пошелъ при всѣхъ срамить, такъ онъ насилу двери нашель. «Бѣдный человекъ, самому надо!» Какъ будто мнѣ не надо! Я что за богачъ, чтобъ ему по пятидесяти рублей отваливать!» У Обломова онъ «взялъ бархатный жилетъ и рубашку голландскую» и они, по выраженію Захара, «пятый мѣсяцъ гостять у Т.»—«А что, Михай Андрейчъ, когда принесете барскую рубашку да жилетъ?..»—мрачно спросилъ Захаръ.—«Какой тебѣ рубашки да жилета?—отговаривался Тарантьевъ:—Давно отдалъ.»—«Когда это?—спросилъ Захаръ.»—«Да не тебѣ ли въ руки отдалъ, какъ вы переѣзжали? А ты куда-то сунуль въ узелъ, да спрашиваешь еще...» Просилъ у Обломова дать надѣть на свадьбу его фракъ. На замѣчаніе Ильи Ильича, что фракъ ему будетъ «не впору», отвѣтилъ:—«Впору; вотъ не впору?—перебилъ Т.—А помнишь, я примѣривалъ твой сюртукъ: какъ на меня спить!» и крикнулъ Захара. Въ другой разъ, увидя «шляпу Обломова, стоявшую на этажеркѣ», сказалъ:—«Ты не носишь шляпу, вонъ у тебя фуражка дай-ка братъ, на лѣто» и, «взявъ шляпу Обломова», примѣривалъ ее. Съ «кума»-Мухоярова онъ получилъ пятьдесятъ рублей [за переѣздъ Обломова въ домъ Пшеницыной] и говорилъ:—«Да, ты скупъ, кумъ: съ тобой надо торговаться: пятьдесятъ рублей за такого жильца!». Онъ завидовалъ Мухоярову, у котораго—«источникъ есть вѣрный, черпай только, не уставай!» (взятки).—«...Тотъ цѣлковый, тотъ два—смотришь, въ день рублей семь и спряталъ. Ни привязки, ни придирки, ни пятень, ни дыму. А подъ большимъ дѣломъ подпишешь иной разъ имя, такъ послѣ и всю жизнь и выскабливаешь боками». «Въ кругу своихъ знакомыхъ игралъ роль большой сторожевой собаки, которая лаетъ на всѣхъ, не даетъ никому пошевелиться, но которая, въ то же время, непремѣнно схватить на лету кусокъ мяса, откуда и куда бы онъ ни летѣлъ».

Т. «былъ человекъ ума бойкаго и хитраго; никто лучше его не разсудитъ какого-нибудь общаго житейскаго вопроса, или юридическаго запутаннаго дѣла: онъ сейчасъ построить теорію дѣйствій въ томъ или другомъ случаѣ и очень тонко подведетъ доказательства». Онъ былъ «мастеръ» говорить, но только говорить; «на словахъ онъ рѣшалъ все ясно и легко, особенно, что касалось другихъ; но какъ только нужно было двинуть пальцемъ, тронуться съ мѣста—словомъ, примѣнить имъ же созданную теорію къ дѣлу и дать ему практическій ходъ, оказать распорядительность, быстроту—онъ былъ совсѣмъ другой человекъ: тутъ его не хватало—ему вдругъ и тяжело дѣлалось, и нездоровилось, то неловко, то другое дѣло случится, за которое онъ тоже не примется, а если и примется, такъ не дай Богъ, что выйdetъ. Точно ребенокъ: тамъ не доглядитъ, тутъ не знаетъ какихъ-нибудь пустяковъ, тамъ опоздаеть, и кончить тѣмъ, что бросить дѣло на половинѣ, или примется за него съ конца и такъ все изгадитъ, что и поправить никакъ нельзя, да еще онъ же потомъ и браниться станетъ.»—«А чортъ съ нимъ!—сказалъ Т. объ Обломовѣ, въ то время, какъ Мухояровъ придумывалъ новое «законное дѣло». «Кто съ нимъ посовѣтуется, тому Т. «въ заключеніи почти всегда нагрубить».—«Что я за совѣтникъ тебѣ достался? Напрасно ты воображаешь...»—отвѣтилъ онъ Обломову, на просьбу научить, что дѣлать». Когда на его совѣтъ—переѣхать на Выборгскую—Обломовъ отвѣтилъ отказомъ, Т. заявилъ:—«А я вотъ посмотрю, какъ ты не переѣдешь. Нѣтъ ужъ, коли спросилъ совѣта, такъ слушайся, что говорить.»—«Вотъ какъ поступи, а то ничего не смыслишь!». Онъ такъ «натурально» разсказывалъ Обломову о томъ, что произойдетъ, когда губернаторъ получитъ просьбу Ильи Ильича, что Обломовъ попросилъ Т. довершить благодѣяніе и написать въ деревню.—«Э! Какія выдумки!—чтобъ я писать

сталъ! Я и въ должности третій день не пишу: какъ сяду, такъ слеза изъ лѣваго глаза и начнеть бить; видно, надуло, да и голова затекаетъ, какъ нагнусь...» На предложеніе Обломова съѣздить въ Обломовку, Т. обидѣлся:—«Я управитель, что ли, твой?» Когда Обломовъ заявилъ, что онъ не позволитъ дерзостей по отношенію къ Штольцу, «Т. побагровѣлъ отъ злости».—«А! если ты меня мѣняешь на нѣмца—сказаль онъ:—такъ я къ тебѣ больше ни ногой». На просьбу Обломова сходить въ палату, чтобы засвидѣтельствовать довѣренность:—«Что я тебѣ за ходатай достался?—отозвался Т.»—«Я тебѣ прибавлю на обѣдъ,—сказаль Обломовъ».—«Туда сапогъ больше избьешь, чѣмъ ты прибавишь».

По убѣжденію Т., «всѣ мошенники натурально пишутъ». Однако, тотъ-же Т. совѣтоваль Обломову писать «натурально» къ губернскимъ властямъ и жаловаться на старосту, прося его превосходительство «принять отеческое участіе» и взглянуть «окомъ милосердія на неминуемое, угрожающее» (Обломову) ужаснѣйшее несчастіе, происходящее отъ буйственныхъ поступковъ старосты», причемъ упомянуть о томъ «крайнемъ раззореніи, которому долженъ подвергнуться» Обломовъ, съ женой и малолѣтними, остающимися безъ всякаго прирѣнія и куска хлѣба, двѣнадцатю человѣками дѣтей».—«Справокъ наводить не стануть, зато будетъ «натурально...»—прибавиль Т., и совѣтоваль одно временно отправить письмо и къ губернатрскому секретарю, «разумѣется, со влженіемъ», и ящикъ съ сигарами сосѣду-помѣщику. Онъ же совѣтоваль Мухоярову, какъ прибрать побольше Обломовскихъ денегъ:—«Ты выведи, какіе-нибудь счеты, какіе хочешь, за дрова, за капусту, ну, за что хочешь, благо Обломовъ теперь передалъ кумѣ хозяйство, и покажи сумму въ расходъ. А Затертый, какъ приѣдетъ, скажемъ, что привезъ оброчныхъ денегъ столько-то и что въ расходъ ушли».—«А какъ онъ возьметъ счеты, да покажетъ послѣ нѣмцу, тотъ сосчитаетъ, такъ, пожалуй, того...»—«Во-на! Онъ ихъ сунетъ куда-нибудь и самъ чортъ не сыщеть. Когда-то еще нѣмецъ приѣдетъ, до тѣхъ поръ забудется...». На опасенія Мухоярова возразиль:—«Трусилвъ ты сталъ, кумъ!»—«Погорачится нѣмецъ, покричитъ, и будетъ съ него. А то еще дѣло!» Но при появленіи Штольца въ домѣ Обломова, Т. «первый проворно переправился за плетень и шагнулъ въ огородъ. Обломовъ такъ и не могъ дозваться къ обѣду Т. Но онъ сразу не понялъ, «какой могоарычъ будетъ» изъ «законнаго дѣла» Мухоярова (заемнаго письма Обломова на имя Пшеницыной) и лишь, послѣ объясненія послѣдняго, пришелъ въ восторгъ.—«А контрактъ-то, контрактъ-то каковъ заключили?—хвастался Т.—Мастерь ты, братъ, строчить бумаги, Иванъ Матвѣвичъ, ѿй-Богу мастеръ! Вспомнишь покойника отца!» не читаль, такъ и подмахнулъ! А тамъ и огороды, и конюшни, и амбары». [Т. же въ самый переѣздъ Ильи Ильича на дачу далъ ему подписать, заготовленный Мухояровымъ, контрактъ насчетъ квартиры въ домѣ Пшеницыной, и «Обломовъ подписалъ, не читая»].—«Законное дѣло!»—въ восторгѣ сказаль Т., узнавъ о проектѣ Мухоярова заготовить «заемное письмо» на имя Пшеницыной и дать его подписать Обломову.—Онъ же согласился «слѣдить» за Обломовымъ и Агафѣей Матвѣвной, и за триста рублей, полученныхъ отъ Мухоярова, былъ свидѣтелемъ «у маклера» «законнаго дѣла» Мухоярова съ Обломовымъ.

«Синонимами мошенника, обманщика, хитреца или разбойника» были въ глазахъ Т. всѣ иностранцы: «французъ, нѣмецъ, англичанинъ». Т. питаль какое-то инстинктивное отвращеніе къ иностранцамъ». «Уважать нѣмца (Штольца)?—съ величайшимъ презрѣніемъ сказаль Т.»—«За что это?». Недаромъ мой отецъ совѣтоваль беречься этихъ нѣмцевъ, а ужъ онъ ли не зналъ всякихъ людей на своемъ вѣку»,—говориль Т. Онъ приводиль въ примѣръ «Ивана Матвѣвича», который «золотой человѣкъ, не чета какому-нибудь выскочкѣ-нѣмцу!».—«Коренной, русскій служака, тридцать лѣтъ на одномъ стулѣ сидитъ, всѣмъ присутствіемъ вертитъ, и деньжонки есть, а извозчика не найметъ;

фракъ не лучше моего; самъ тише воды, ниже травы, говоритъ чуть слышно». По мнѣнію Т., «настоящій «хорошій русскій человѣкъ» «выберетъ что-нибудь одно, да и то еще не спѣша, потихоньку да полегоньку, кое-какъ». Онъ негодовалъ, что Штольцъ шатается по чужимъ землямъ:—«Нечисто! Я бы подь судъ этакихъ»,—говорилъ Т.; услыша отъ Обломова, что Штольцъ «учиться хочетъ, все видѣтъ, знать, Т. сказалъ:—«Учиться! Мало еще учили его? Чему это? Вретъ онъ, не вѣрь ему: онъ тебя въ глаза обманываетъ, какъ малаго ребенка. Развѣ большіе учатся чему-нибудь? Слышите, что рассказываетъ? Станетъ надворный совѣтникъ учиться! Вотъ ты учился въ школѣ, а развѣ теперь учишься? А онъ развѣ (Т. указалъ на Алексѣева) учится? А родственникъ его учится? Кто изъ добрыхъ людей учится? Что онъ тамъ, въ нѣмецкой школѣ, что ли, сидитъ, да уроки учитъ? Вретъ онъ! Я слышалъ, онъ какую-то машину поѣхалъ смотрѣть да заказывать: видно, тиски-то для русскихъ денегъ! Я бы его въ острогъ... Акціи какія-то... Охъ, эти мнѣ акціи, такъ душу и мутятъ!». Акціи онъ считалъ «нѣмецкой выдумкой». По объясненію Т., «это, напримѣръ, мошенникъ какой-нибудь выдумаетъ дѣлать несоразмерные дома и возьмется городъ построить: нужны деньги, онъ и пуститъ въ продажу бумажки, положимъ, по пятисотъ рублей, а толпа олуховъ и покупаетъ, да и перепродаетъ другъ другу. Послышится, что предпріятіе идетъ хорошо, бумажки вздорожаютъ, худо—все и лопнетъ. У тебя останутся бумажки, а денегъ-то нѣтъ. Гдѣ городъ? спросишь: сторѣлъ, говорятъ, не достроился, а изобрѣтатель бѣжалъ съ твоими деньгами. Вотъ онѣ, акціи-то!» Когда онъ узналъ, что Штольцъ взялъ на аренду Обломовку, Т. воскликнулъ «съ яростью», обращаясь къ Мухоярову:—«Нѣтъ, каковъ шельма! «Дай, говоритъ, мнѣ на аренду»,—вѣдь намъ съ тобой, русскимъ людямъ, этого въ голову бы не пришло! Это заведеніе-то нѣмецкой стороной пахнетъ. Тамъ все какія-то фермы, да аренды».

«Никогда не стѣснялся онъ ни чѣмъ присутствіемъ и въ карманъ за словомъ не ходилъ, и вообще постоянно былъ грубъ въ обращеніи со всѣми, не исключая и пріятелей, какъ будто давалъ чувствовать, что, заговаривая съ человѣкомъ, даже обѣдая или ужиная у него, онъ дѣлаетъ ему большую честь».—«Дай-ка, землякъ, «сигару»,—сказалъ Т. Обломову.—«Э! Да это все! тѣ же?—строго спросилъ Т., вынувъ сигару и поглядывая на Обломова.—«Да, тѣ же,—отвѣчалъ Обломовъ машинально».—«А я говорилъ тебѣ, чтобы ты купилъ другихъ, заграничныхъ? Вотъ какъ ты помнишь, чѣмъ тебѣ говорятъ! Смотри же, чтобы къ слѣдующей субботѣ непременно были, а то долго не приду. Вишь, вѣдь, какая дрянь!—продолжалъ онъ, закуривъ сигару и пустивъ одно облако дыма на воздухъ, а другое втянувъ въ себя.—«Курить нельзя». Объяснилъ Обломову, что онъ нарочно раньше пришелъ, «чтобы узнать, какой обѣдъ будетъ».—«Ты все дрянью кормишь меня».—«Дайте-ка табакъ!»—сказалъ онъ Алексѣеву.—«Да у васъ простой, не французскій. Такъ и есть!»—сказалъ онъ, понюхавъ:—«отчего не французскій?». Обломова Т. корилъ:—«Эхъ, братъ Обломовъ, не умѣешь ты жить, а еще помѣщикъ! Какой ты баринъ? По-мѣщански живешь; не умѣешь угостить пріятеля».—«Я бы, на твоёмъ мѣстѣ, «давнымъ-давно заложилъ имѣніе, да купилъ бы другое, или домъ здѣсь, на хорошемъ мѣстѣ: это стоитъ твоей деревни. А тамъ заложилъ бы и домъ, да купилъ бы другой...» Мухоярову Т. хвастался, что «доселѣ онъ благодѣтельствовалъ Обломову».—«Вѣдь безъ меня, братецъ ты мой, онъ бы съ голоду умеръ, или въ тюрьму попалъ. Надзиратель придетъ, хозяинъ домовый что-нибудь спроситъ, такъ, вѣдь, ни въ зубъ толкнуть—все я! Ничего не смыслить...» Онъ называлъ Илью Ильича «мѣшкомъ», «соломою», «пропащимъ человѣкомъ», но ходилъ къ нему «пить, ѣсть, курить хорошія сигары». Алексѣева выбранилъ за какого-то родственника, причѣмъ досталось и самому Алексѣеву:—«Еще этакой свиньи я не видывалъ, какъ вашъ родственникъ»,—сказалъ Т. Когда же Алексѣевъ началъ доказывать, что у него нѣтъ родственника, заявилъ:—«Вотъ,

еще не родственникъ! Такой же, какъ вы, невзрачный и зовуть тоже Васильемъ Николаичемъ. (Алексѣева звали Иваномъ Алексѣевичемъ и онъ также, какъ Т., былъ постояннымъ посѣтителемъ Обломова). Захара Т. называетъ «старымъ псомъ», «старой скотиной», «старой шельмой» и «старымъ чортомъ»; онъ по-ровиль ударить Захара.—«Чай, пропиль, да еще спрашиваешь!»—отвѣчалъ онъ на приставающаго Захара отдать взятыя у Обломова вещи. Но молчалъ, когда тотъ-же Захаръ за обѣдомъ ему вовсе не подавалъ, или сваливалъ на тарелку кушанья, сколько заблагоразсудится. Своей грубостью онъ вывелъ изъ терпѣнья даже Илью Ильича (отзывомъ о Штольцѣ).—«Тарантьевъ!—крикнулъ Обломовъ, стукнувъ по столу кулакомъ:—Молчи, чего не понимаешь!». «Т. выпучилъ глаза на эту, никогда небывалую, выходку Обломова, и даже забыль обидѣться тѣмъ, что его поставили ниже Штольца».—«Вотъ какъ ты нынче, братъ...—бормоталъ онъ, взявъ шляпу:—какая /прить!» Когда выведенный изъ себя Обломовъ далъ Т. оплеуху и выгналъ его изъ дому; Т. завопилъ:—«Батюшки! Разбой! Помогите!»—«Разбойники, душегубцы!»—кричалъ онъ, идучи по двору:—«Заплатишь мнѣ за безчестье!»

Татьяна Марковна Бережкова («Обрывъ»).—«Помѣщица». «Дворянка столбовая». Въ первый прїѣздъ Райскаго (студентомъ), Т. М. было «красавица». «Высокая, не полная и не сухощавая, но живая старушка... даже не старушка, а лѣтъ около пятидесяти женщина, съ черными, живыми глазами и такой доброй и граціозной улыбкой, что, когда и разсердится и засверкаетъ гроза въ глазахъ, такъ за этой грозой опять видно чистое небо». «Надъ губами маленькіе усики; на лѣвой щекѣ, ближе къ подбородку, родимое пятно съ густымъ кустикомъ волосъ. Это придавало лицу ея еще какой-то штрихъ доброты». «Она стригла сѣдые волосы и ходила дома, по двору и по саду съ открытой головой, а въ праздникъ и при гостяхъ надѣвала чепецъ; но чепецъ держался чуть-чуть на маковкѣ, не шель ей и какъ будто готовъ былъ каждую минуту слетѣть съ головы. Она и сама, просидѣвъ пять минутъ съ гостемъ, извинится и сниметъ». «До полудня она ходила въ широкой бѣлой блузѣ, съ поясомъ и большими карманами, а послѣ полудня надѣвала коричневое, по большимъ праздникамъ свѣтлое, точно серебряное, едва гнущееся и шумящее платье, а на плечи накидывала старинную шаль, которая вынималась и выкладывалась одной только Василисой».—«Дядя Иванъ Кузьмичъ съ Востока вывезъ, триста червонныхъ заплатилъ: теперь этакой ни за какія деньги не отыщешь!»—хвасталась она. «На поясѣ и въ карманахъ висѣло и лежало множество ключей, такъ что бабушку, какъ гремучую змѣю, можно было слышать издали, когда она идетъ по двору или по саду». «Накинувъ шаль и задумавшись, она походила на одинъ старый женскій портретъ, бывшій въ старомъ домѣ въ галлерей предковъ». «Иногда вдругъ появлялось въ ней что-то сильное, властное, гордое: она выпрямлялась, лицо озарялась какою-то внезапною строгою или важною мыслию, какъ будто уносившею ее далеко отъ этой мелкой жизни, въ какую-то другую жизнь». «Сидя одна, она иногда улыбалась такъ граціозно и мечтательно, что походила на беззаботную, богатую, избалованную барыню. Или когда, подперевъ бокъ рукою или сложивъ руки крестомъ на груди, смотреть на Волгу и забудеть о хозяйствѣ, то въ лицѣ носится что-то грустное». Черезъ 14-тъ лѣтъ, когда Райскій прїѣхалъ снова навѣстить ее, «она, хотя постарѣла, но постарѣла ровною, здоровою старостью: ни болѣзненныхъ пятенъ, ни глубокихъ нависшихъ надъ глазами и ртомъ морщинъ, ни тусклаго, скорбнаго взгляда!». «Видно, что ей живется крѣпко, хорошо, что она, если и борется, то не даетъ одолевать себя жизни, а сама одолеваетъ жизнь и тратитъ силы въ этой борьбѣ скупю». «Голосъ у ней не такъ звонокъ, какъ прежде, да ходить она теперь съ тростью, но не горбится, не жалуется на недуги. Такъ же она безъ чепца, такъ же острижена коротко, и тотъ же блестящій здоровьемъ и добротой взглядъ озаряетъ все лицо, не только лицо, всю ея фигуру».

Т. М., по воспитанію, была старого вѣка и разваливаться не любила, а держала себя прямо, съ свободной простотой, но и съ сдержаннымъ приличіемъ въ манерахъ», «со сдержаннымъ достоинствомъ барыни», «и ногъ подъ себя, какъ дѣлають нынѣшнія барыни, не поджимала». — «Это стыдно женщину, — говорила она. — Въ кабинетѣ Т. М. стояло старинное», «окованное бронзой и украшенное рѣзбой, бюро съ зеркаломъ, съ урнами, съ лирами, съ геніями». «Т. М. «завѣсила зеркало»: — «Мѣшаетъ писать, когда видишь свою рожу напротивъ, — говорила она». «Еще тамъ былъ круглый столъ, на которомъ она обѣдала, пила чай и кофе, да довольно жесткое, обитое кожей, старинное же кресло, съ высокой спинкой рококо». Въ юности Т. М. была «живой, очень красивою, стройною, немного чопорною дѣвушкой». По городскимъ разсказамъ, «Титъ Никонычъ», «пріѣхавшій» тогда «въ городъ», «любилъ Т. М., а она его»; «а за нее сватался покойный графъ, Сергѣй Ивановичъ». «Въ одну ночь графъ подстерегъ rendez-vous Т. М. съ Ватутинымъ въ оранжереѣ», очень «рѣшительное», — какъ выражалась Крицкая. «Графъ далъ пощечину Титу Никонычу». Тотъ «не вынесъ, сбился съ ногъ графа... и чуть не зарѣзалъ его». «Т. М. остановила его за руку: — «Ты, говорить, дворянинъ, а не разбойникъ — у тебя есть шлага!» — и развела ихъ. Дратся было нельзя, чтобы не огласить ее. Соперники дали другъ другу слово: графъ — молчать обо всемъ, а Ватутинъ — «не жениться»... Вотъ отчего Т. М. осталась въ дѣвушкахъ». — У Т. М. «былъ свой капиталъ, выдѣленный ей изъ семьи, «тысячъ полтора», своя родовая деревенька». Но, послѣ смерти отца и матери Райскаго, — ея племянника и племянницы, — она поселилась въ «маленькомъ имѣніицѣ» Райскаго — «Малиновкѣ» — «съ двумя двоюродными внучками-сиротами, оставленными ей двоюродной племянницей», которую Т. М. «любила, какъ дочь». «Въ столицѣ» Т. М. «никогда не живала». Она не можетъ совершенно понять, какъ Райскій не заботится объ имѣніи, считаетъ его «клочкомъ» земли и т. д. Она думала, что Райскій навсегда поселится въ своей Малиновкѣ. — Иначе — «зачѣмъ онъ пріѣхалъ?» — Она сама называла себя въ шутку его «старостой». — «Позови людей», — приказываетъ она Василисѣ, по пріѣздѣ Райскаго: — «Старостѣ скажи, всѣмъ, всѣмъ: хозяинъ, молъ, пріѣхалъ, настоящій хозяинъ, баринъ!» — «Милости просимъ, балюшка! милости просимъ въ родовое гнѣздо!» — съ шутливо-ироническимъ смиреніемъ говорила она, поддѣлываясь подъ мужицкій ладъ. — «Не оставьте насъ своей милостью: Татьяна Марковна насъ обижаетъ, разоряетъ, заступитесь!.. Ха-ха-ха. — На тебѣ ключи, на вотъ счеты, изволь командовать, требуй отчета отъ старухи: куда все растранижила, отчего избы развалились?.. Поди-ка, въ городъ все малиновскіе мужики подъ окошками побираются... «Да что жъ ты, хозяинъ, молчишь? Что не спрашиваешь отчета?». «Въ большой шнуровой книгѣ» у нея «отмѣчена всякая копѣйка» внука. Она аккуратно посылала ему «счеты», «вѣдомости», «реестры». Узнавъ, что Райскій не читалъ ихъ, Т. М. «вспылила»: — «Я тутъ тружусь, сажу иногда за полночь, пишу, считаю каждую копѣйку, а онъ рвалъ». — «Полно тебѣ: ти, ти, ти, ля, ля, ля!» — передразнила она его. — «Хочешь смотрѣть и принимать имѣніе?» — «Ты этакъ не думаешь ли, что я твоими деньгами пользовалась? Смотри, вотъ тутъ, отмѣчена всякая копѣйка». — Когда же Т. М. услышала, что Райскій хочетъ «уступить все милымъ сестрамъ» «въ приданое», она «сильно расходилась». — «Не бывать этому!» — пылко воскликнула Бережкова: — онѣ не нищія, у нихъ по пятидесяти тысячъ у каждой. Да послѣ бабушки втрое, а можетъ-быть, и побольше останется: это все имъ! Не бывать, не бывать! И бабушка твоя, слава Богу, не нищая! У ней найдется уголь, есть и клочокъ земли, и крышка, гдѣ спрятаться! Богачъ какой, гордецъ, въ даръ жалуетъ! Не хотимъ, не хотимъ! Марейнка! Гдѣ ты? Иди сюда! Вотъ слышишь: братецъ тебѣ жаловать изволить домъ и серебро, и кружева. Ты вѣдь безприданница, нищенка! Присѣдай же ниже, благодари благодѣтеля, поцѣлуй у него ручку. Что же ты? — «Не бери!» — повелительно сказала Т. М. — «Скажи: не

хочу, не надо, мы не нищія, у насъ у самихъ есть имѣніе». Марѣинька, однако, «потихоньку» приняла «подарокъ» отъ Райскаго.—«Ну, вотъ, и конечно,—громко и весело сказала Райскій:—милая сестра! ты не гордая, не въ бабушку!»—«Что конечно?—вдругъ спросила бабушка.—Ты приняла?» Кто тебѣ позволилъ? Коли у самой стыда нѣтъ, такъ бабушка не допуститъ на чужой счетъ жить. Извольте, Борисъ Павловичъ, принять книги, счета, реестры и всѣ крѣпости на имѣніе. Я вамъ не приказчица досталась». «Она выложила передъ нимъ бумаги и книги».—«Вотъ четыреста-шестьдесятъ-три рубля денегъ—это ваши. Въ мартѣ мужики принесли за хлѣбъ. Тутъ по счетамъ увидите, сколько внесено въ приказъ, сколько отдано за постройку и починку службъ, за новый заборъ, жалованье Савелью—все есть».—«Бабушка!»—«Бабушки нѣтъ, а есть Татьяна Марковна Бережкова». Т. М.-нѣ и въ голову никогда не приходило устранить отъ себя управленіе имѣніемъ и не хотѣла она этого. Она-бъ не знала, что дѣлать съ собой. Она хотѣла только поугаать Райскаго—и вдругъ онъ принялъ это серьезно». Сталъ говорить, что «отдастъ все въ чужія руки» или «на школы», «отпустить на волю крестьянъ» и т. п.—«Пожалуй, чего добраго? Отъ него станется, вонъ онъ какой!»—«думала Т. М. «въ страхѣ».—«Такъ и быть,—сказала она:—я буду управлять, пока силы есть. А то, пожалуйста, дядюшка такъ управить, что подь опеку попадешь».—«Она управляла имѣніемъ Райскаго, «какъ маленькимъ царствомъ, мудро, экономично, кропотливо, но деспотически и на феодалныхъ началахъ. Опекуну она не давала сунуть носа въ ея дѣла и, не признавая никакихъ документовъ, бумагъ, записей и актовъ, поддерживала порядокъ, бывшій при послѣднихъ владѣльцахъ, и отзывалась въ отвѣтъ на письма опекуна, что всѣ акты, записи и документы записаны у ней на совѣсти, и она отдастъ отчетъ внуку, когда онъ вырастетъ, а до тѣхъ поръ, по словесному завѣщанію отца и матери его, она полная хозяйка». Она «любила говорить, что безъ нея ничего не сдѣлается»; «напримѣръ, веревку могъ купить всякій. «Но Боже сохрани, чтобъ она повѣрила кому-нибудь деньги». «Хотя она была не скупа, но обращалась съ деньгами съ бережливостью; передъ издержкой задумывалась, была безпокойна, даже сердита немного; но, выдавъ разъ деньги, тотчасъ же забывала о нихъ, и даже не любила записывать; а если записывала, такъ только для того, по ея словамъ, чтобъ потомъ не забыть, куда деньги дѣла, и не испугаться. Пуще всего она не любила платить вдругъ много, большіе куши». Она была «хлопотлива, любила поведѣвать, распорядиться, дѣйствовать, ей нужна была роль. Она вѣкъ свой дѣлала дѣло, и если не было, такъ выдумывала». «Кромѣ крупныхъ распоряженій, у ней жизнь кишела маленькими заботами и дѣлами. То она заставитъ дѣвокъ кроить, шить, то чинить что-нибудь, то варить, чистить. «Дѣлать все самой» она называла смотрѣть, чтобъ все при ней дѣлали». «Она собственно не дотронется ни до чего, а старчески-граціозно подопретъ одной рукой бокъ, а пальцемъ другой повелительно указываетъ, что какъ сдѣлать, куда поставить, убрать». День Т. М. обычно проходилъ такъ: «распорядившись утромъ по хозяйству», она «послѣ кофе, стоя, сводила у бюро счета, потомъ садилась у оконъ и глядѣла въ поле, слѣдила за работами, смотрѣла, что дѣлалось на дворѣ, и посылала Якова или Василису, если на дворѣ дѣлалось что-нибудь не такъ, какъ ей хотѣлось». «Потомъ, если нужно, ѣхала въ ряды и заѣзжала съ визитами въ городъ, но никогда не засиживалась, а только взглянетъ минутъ на пять и сейчасъ къ другому, къ третьему, и къ обѣду домой». «Не то, такъ принимала сама визиты, любила пуще всего угощать завтраками и обѣдами гостей». «Послѣ обѣда», Т. М., зимой, сидя у камина, часто задумчиво молчала, когда была одна. Она сидѣла безпечной барыней, въ красивой позѣ, съ сосредоточенной будто бы мыслью или какимъ-то глубокимъ воспоминаніемъ, и—любила тогда около себя тишину, оставаясь долго въ сумеркахъ одна. Лѣто проводила въ огородѣ и саду: здѣсь она позволяла себѣ, надѣвъ замшевыя перчатки, брать лопатку, или грабельки, или лейку въ руки,

и, для здоровья, вскопаетъ грядку, польетъ цвѣты, очиститъ какой-нибудь кустъ отъ гусеницы, сниметъ паутину съ смородины и, усталая, кончитъ вечеръ за чаемъ, въ обществѣ Тита Никоныча Ватутина, ея стариннаго и лучшаго друга, собесѣдника и совѣтника.

Всѣ въ городѣ «уважали Т. М.». Она знала и «любила» это. «Любила, чтобъ къ ней губернаторъ изрѣдка заѣхалъ съ визитомъ, чтобы прїѣзжее изъ Петербурга важное или замѣчательное лицо непременно побывало у ней, и вице-губернаторша подошла, а не она къ ней, послѣ обѣдни въ церкви поздороваться, чтобъ, когда ѣдетъ по городу, ни одинъ встрѣчный не проѣхалъ и не прошелъ, не поклонясь ей, чтобы купцы засуетились и бросили прочихъ покупателей, когда она явится въ лавку, чтобъ никогда никто не сказалъ о ней дурного слова, чтобы дома всѣ ее слушались». «Любила она, чтобы всякій день кто-нибудь завернулъ къ ней, а въ именины ея всѣ, начиная съ архіерея, губернатора и до послѣдняго повытчика въ палатѣ, чтобы три дня городъ поминалъ ея роскошный завтракъ, нужды нѣтъ, что ни губернаторъ, ни повытчики не пользовались ея искреннимъ расположеніемъ. Но если бы не пришелъ въ этотъ день м-р Шарль, котораго она терпѣть не могла, или Полина Карповна, она бы искренно обидѣлась». «Въ этотъ день она, по всей вѣроятности, втайнѣ желала, чтобы замель на пирогъ даже Маркушка». Т. М. «добрая, гостеприимная хозяйка». Она «еще ни одного человѣка не выпустила отъ себя», «не напичкавъ его чѣмъ-нибудь во всякую пору, утромъ и вечеромъ». У нея въ домѣ «навѣрное можно накормить роту солдатъ».— «Ахъ, бабушка, какъ мнѣ всего хочется!—говорила Вѣра, ласкаясь, какъ кошка, около бабушки:—и чаю, и супу, и жаркого, и вина. И Ивану Иванычу тоже. Скорѣе, милая бабушка». «Она знала, чѣмъ бабушку успокоить».—«Ты, не шутя, ужинать будешь?»—спросила Т. М., смягчаясь, Райскаго, на котораго была «сердита».—«Т. М., я не успѣлъ нынче позавтракать, нѣтъ-ли чего?»—«вдругъ попросилъ» Викентьевъ во время «сватовства», желая отвратить «грозу».—«Видите, какой хитрый!»—сказала Бережкова:—«онъ знаетъ мою слабость». Она «очень любила Викентьева, по словамъ Марейники, за то, что онъ «много кушаетъ... что ни дай, все скушаетъ»...—«Приди Маркушка къ вамъ, вы бы и ему наготовили всего»,—говоритъ Райскій.—«Чего не выдумаетъ; Маркушку угощать!»—отвѣтила Т. М.—«Пришелъ бы ко мнѣ объ ту пору: я бы ему дала обѣдъ!»—Но, когда «Маркушка» пришелъ къ Райскому и «поужиналъ» безъ ея вѣдома, Т. М. спрашиваетъ:—«Отчего ты не разбудилъ меня! Кто вамъ подавалъ, что подавали?»—«Все холодное! Какъ же не разбудить меня! Дома есть мясо, цыплята... Ахъ, Борюшка, срамишь ты меня!»—«Мы сыты и такъ».—«А пирожное?»—спохватилась она:—«вѣдь его не осталось! Что же вы ѣли?»—«Ничего: вонъ Маркъ пуншъ едѣлалъ. Мы сыты». «Сыты! ужинали безъ горячаго, безъ пирожнаго. Я сейчасъ пришлю варенья...» Увидя заснуваго въ комнатѣ Райскаго, Волохова, Т. М. замѣтила:—«Стыдъ, Борисъ Павловичъ, стыдъ: развѣ перинъ нѣтъ въ домѣ?» Черезъ нѣсколько времени пришла Марина и поставила прежде на столъ банку варенья, потомъ втащила пуховикъ и двѣ подушки. Когда Маркъ пришелъ еще разъ:—«Ужъ не Маркушка ли опять?»—съ ужасомъ спросила Т. М.—«Деньги-то не забудь взять съ него назадъ! Да не хочеть-ли онъ трескаться? я бы прислала»... Даже «Опенкина» Т. М. не принимала только тогда, когда ждала «хорошихъ гостей», т. е. людей поважнѣе въ городѣ...—«Нечего дѣлать»,—съ тоской сказала бабушка:—«надо пустить. Чай, голоднехонекъ, бѣдный! Куда онъ теперь въ эту жару потащится? Зато ужъ на цѣлый мѣсяцъ отдѣлаюсь». «Запереть ему совсѣмъ двери было не въ правахъ провинціи вообще и не въ характерѣ Т. М. въ особенности, какъ ни тяготило ее присутствіе пьянаго въ комнатѣ, его жалобы и вздохи». Когда «Опенкинъ «томилъ Бережкову разсказами», «списходительная старушка не рѣшалась напомнить ему о позднемъ часѣ, ожидая, что онъ» самъ «догадается». Сама Т. М. рѣдко выѣзжала изъ дома, но «въ тор-

жественныхъ случаяхъ, напимѣрь, когда ѣхала «въ городъ съ визитами», или въ лавки, дѣлать закупки»,—она приказывала «заложить свою старую, высокую карету», «надѣвала чепчикъ, серебристое платье, турецкую шаль, лакею» приказывала «надѣть ливрею». Она ѣздила на парѣ «сытыхъ лошадей, ѣхавшихъ медленной рысью, въ груди у нихъ что-то отдавалось, точно икота. Кучеръ держалъ кнутъ въ кулакѣ, вожжи лежали у него на колѣняхъ, и онъ изрѣдка подергивалъ ими, съ лѣнивымъ любопытствомъ и зѣвотой поглядывая на знакомые предметы по сторонамъ. Въ такихъ случаяхъ «выѣздъ» Т. М. походилъ на «торжественное шествіе» по городу. Не было человѣка, который бы не поклонился ей. Съ иными она останавливалась поговорить». Она знала всякаго встрѣчнаго, знала, гдѣ кто живетъ, и какъ,—все это бѣгло, на ходу». Въ лавкахъ кущи встрѣчали ее съ поклонами и съ улыбкой». Т. М. въ лавкѣ «пересмотрѣла всѣ матеріи, прицѣнилась и къ сыру, и къ карандашамъ, поговорила о цѣнѣхъ на хлѣбъ и перешла въ другую, потомъ въ третью лавку, наконецъ, проѣхала черезъ базаръ и купила только веревку, чтобъ не вѣшали бабы бѣлье на дерево, и отдала Прохору».

«Т. М. гордилась своимъ родомъ, предками, всегда чувствовала себя «дворянкой». «Ни съ кѣмъ она такъ охотно не пила кофе», «не говорила секретовъ», какъ съ А. И. Тушиной, «находя въ ней» «больше всего глубокое уваженіе... къ своему роду, къ фамильнымъ преданіямъ».—«Ты кто:—сказала Т. М. Тычкову:—ничтожный приказный, рагуену, и ты смѣешь кричать на женщину, и еще на столбовую дворянку».—Когда Крицкая сказала:—«Ахъ, Т. М., это у насъ по-мѣщански, а въ столицѣ...»,—«глаза» у Т. М. «засверкали».—«Это не мѣщане, Полина Карповна!—съ крѣпкой досадой отвѣтила Т. М., указывая на портреты родителей Райскаго, а также Вѣры и Марѣньки, развѣшанные по стѣнамъ:—И не чиновники изъ палаты,—прибавила она, намекая на покойнаго мужа Крицкой».—«Загляни въ старый домъ, на предковъ: постыдись хоть ихъ»,—говорила она Райскому.—«Не огорчай бабушку»,—говоритъ Т. М. студенту-Райскому:—«Дай дожить ей до такой радости, чтобъ увидѣть тебя въ гвардейскомъ мундирѣ; молодцомъ пріѣзжай сюда...»—«Приказныхъ она вообще не любила:—«Писать согнувшись, купаться въ чернилахъ, бѣгать въ палату; кто потомъ за тебя пойдетъ? Нѣтъ, нѣтъ, пріѣзжай офицеромъ, да женись на богатой»,—совѣтовала она Райскому. Богатая невѣста можетъ быть и не дворянка. «Къ намъ изъ Москвы переселился Мамыкинъ, откупщикъ»,—пишетъ она Райскому, 6 лѣтъ спустя:—«у него дочь невѣста, одна, больше дѣтей нѣтъ. Вотъ, если-бъ Богъ благословилъ меня дожидаться такой радости: женить тебя и сдать имѣніе съ рукъ на руки, то я покойно закрыла бы глаза».—По пріѣздѣ Райскаго, она говоритъ ему, что въ красотѣ съ Вѣрочкой и Марѣнькой «развѣ Настенька Мамыкина постоитъ: помнишь, я писала, дочь откупщика?» «Она лукаво подмигнула ему».—«Почему вы знаете, что для меня счастье—жениться на дочери какого-то Мамыкина?»—«Она красавица, воспитана въ самомъ дорогомъ пансіонѣ въ Москвѣ. Однихъ брилліантовъ тысячь на восемьдесятъ... тебѣ полезно жениться... Взять бы богатое приданое, зажилъ бы большимъ домомъ, у тебя бы весь городъ бывалъ, всѣ бы раболѣпствовали передъ тобой, поддержалъ бы свой родъ, связи... И въ Петербургѣ не ударилъ бы себя въ грязь...—мечтала почти про себя Т. М.»—«Богъ съ тобой, что ты, Борюшка? Долго ли такъ до суммы дойти! Рисовать, писать, имѣніе продать. Не будешь ли по урокамъ бѣгать, школьниковъ учить? Эхъ ты! Изъ офицеровъ вышелъ, воиъ теперь въ короткохвостомъ сюртучикѣ ходишь. Вмѣсто того, чтобъ четверкой въ дормезѣ прокатить, притащился на перекладной, одинъ, безъ лакея, чуть не пѣшкомъ пришелъ. А еще Райскій! Загляни въ старый домъ, на предковъ: постыдись хоть ихъ! Срамъ, Борюшка! То ли бы дѣло, съ такими эполетами, какъ у дяди, Сергѣя Ивановича». «Что смѣешься? Я дѣло говорю!»—замѣтила Т. М. «Нажить богатство, выйти въ люди», по мнѣнію Т. М., значить «умѣть жить». Нилъ Андреевъ, по ея сло-

вамъ, «умѣть жить» и вообще «важный», «почтенный» 'человѣкъ». — «Чѣмъ же онъ почтенный?» — спрашиваетъ Райскій. — «Старый, серьезный человѣкъ, со звѣздой!» — «Что значить «серiousный?» — «Говорить умно, учить жить, не запоетъ: ти-ти-ти, да та-та-та. Строгий: за дурное осудить! Вотъ что значить серьезный». — «И богатъ. Говорятъ, что въ карманѣ у себя онъ тоже казенную палату завелъ, да будто родную племянницу обобралъ и въ сумасшедшій домъ заперъ. Есть грѣхъ, есть грѣхъ...» А все-таки, по мнѣнію Т. М., «человѣкъ онъ (Тычковъ) старый, заслуженный, а главное—серiousный». Т. М. очень заботится о томъ, «что скажутъ люди», «что скажетъ Ниль Андреичъ». — «Что скажутъ люди: обѣдалъ у чужихъ», — обижается она на Райскаго: — «лапу да кашу: какъ будто бабушкѣ нечѣмъ накормить». — «Подари сестрамъ на свадьбу кружева, что-ли: да только, чтобъ никто не зналъ, пуще всего Ниль Андреичъ... Надо втихомолку». «Скажутъ—«обираемъ сироту», и т. д.

«Натура» у Т. М. была «феодальная»: «человѣкъ, лакей, слуга, дѣвка— все это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нея человѣкомъ, лакеемъ, слугой, дѣвкой». «Различіе между «людьми» и господами никогда и ничто не могло истребить». «Просить бабушка не могла своихъ подчиненныхъ». «Личнымъ приказомъ она удостоивала немногихъ: по домашнему хозяйству Василисѣ отдавала ихъ, а по деревенскому—приказчику или старостѣ. Кромѣ Василисы, никого она не называла полнымъ именемъ, развѣ уже встрѣтится такое имя, что его никакъ не сожмешь и не обрѣжешь; напимѣръ, мужики: Ѳерапонтъ и Пантелеймонъ такъ и назывались Ѳерапонтомъ и Пантелеймономъ, да старосту звала она Степанъ Васильевъ, а прочіе всѣ были: Матрѣшка, Машутка, Ёгорка и т. д. «Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, челоѣколюбива, но все въ размѣрахъ барскихъ понятій». «Кормила Т. М. людей сытно, плотно, до отвала, щами, кашей, по праздникамъ пирогами и бараниной; въ Рождество жарили гусей и свиней; но нѣжностей въ ихъ столѣ и платьѣ не допускала, а давала, въ видѣ милости, остатки отъ своего стола то той, то другой женщинѣ. Чай и кофе пила, непосредственно послѣ барыни, Василиса, потомъ горничныя и пожилой Яковъ. Кучерамъ, дворовымъ мужикамъ и старостѣ въ праздники подносили по стакану вина, ради ихъ тяжелой работы». Заболѣть-ли кто-нибудь изъ людей,—Т. М. вставала даже ночью, посылала ему спирту, мази, но отсылала на другой день въ больницу, а больше къ Меланхоликъ, доктора же не звала. Между тѣмъ, чуть у которой-нибудь внучки язычокъ зачесется или брюшко немного вспучить, Кирюшка или Власъ скакали, болтая локтями и ногами, на несѣдланной лошади, въ городъ, за докторомъ». Когда же «являлся у Ирины, Матрены или другой дворовой дѣвки, непривилегированный ребенокъ», Т. М. «выслушаетъ донесеніе объ этомъ, молча, съ видомъ оскробленнаго достоинства; потомъ велитъ Василисѣ дать чего тамъ нужно, съ презрѣніемъ глядя въ сторону, и только скажетъ:—«Чтобъ я ее не видала, негодяйку!» «Матрена и Ирина, оправившись, съ мѣсяцъ прятались отъ барыни, а потомъ опять ничего, а ребенокъ отправлялся «на село». Въ дѣвичьей у Т. М. сидѣли три-четыре молодыя горничныя, которыя цѣлый день, не разгибаясь, что-нибудь шили, или плели кружева, потому что бабушка не могла видѣть челоѣка безъ дѣла». При звукѣ ея ключей дворовые «быстро прятали трубки за сапоги, потому что она больше всего на свѣтѣ боялась пожара, и куренье табаку относилась—по этой причинѣ—къ большимъ порокамъ». «Повара и кухарки, тоже слышавъ звонъ ключей, принимались—за ножъ, за уполовникъ или за метлу». Слуховъ «о волѣ» Т. М. побаивалась. — «Сохрани Богъ!» — сказала она, услыша, что мужики у сосѣдей иногда о волѣ заговариваютъ». Т. М. «объ общемъ благѣ слышать не хотѣла:—«Знай всякій себя», — говорила она, но сама «была всегда въ оппозиціи съ мѣстными властями: постой-ли къ ней назначать, или велятъ дороги чинить, взыскиваютъ-ли подати: она считала всякое подобное распоряженіе начальства насиліемъ, бранилась, ссорилась, отказывалась платить». — «Откупа пошли,—разсказывала

она,—а я вздумала велѣть пиво варить для людей, водку гнали дома, не много, для гостей и для дворни, а все же запрещено было; мостовъ не чинила... Отъ меня взятки-то гладки, полицеймейстеръ и озлобился, видишь». Т. М. «не любила полиціи, особенно» этого «полицеймейстера», «видя въ немъ почти разбойника». «Титъ Никонъчъ, попытавшись нѣсколько разъ, но тщетно, примирить ее съ идеей объ общемъ благѣ, ограничился тѣмъ, что мирилъ ее съ мѣстными властями и полиціей». По выраженію Райскаго, Т. М. была «деспотка». «Это отъ привычки командовать крѣпостными людьми»,—объяснялъ Райскій.—«Командовать очень любить»,—говорила о ней и Козлова.—«Необыкновенная вы женщина»,—замѣтилъ ей Райскій.—«Чѣмъ же я необыкновенная?»—«Какъ же: ѣшь дома, не ходи туда, спи, когда не хочется... Зачѣмъ стѣснятъ себя?»—«Чтобъ угодить бабушкѣ»,—отвѣчала Т. М. Она не велитъ Борису Павловичу знакомиться, съ кѣмъ онъ хочетъ, «деньгами мѣшаетъ распоряжаться, какъ вздумается».—«Дайте же денегъ (для Марка)»,—настаивалъ Райскій.—«Нѣту денегъ!»—коротко сказала Т. М.—«Не дамъ: если не добромъ, такъ неволей послушаешься бабушки».—«Какой своеобразный человѣкъ: даже бабушки не слушается»,—думала она о Райскомъ.—«Сравнилъ себя со мной! Когда же курицу яйца учать? Грѣхъ, грѣхъ, сударь!». Въ концѣ-концовъ, она «махнула на Райскаго рукой»: «отъ рукъ отбился», «вышелъ изъ повиновенія».—«Говори не говори, онъ все свое дѣлаетъ! изъ рукъ вонъ».—«Дѣвухкѣ своя воля! Ты не натолкуй ей (Вѣрѣ) еще этого, Борисъ Павлычъ, серьезно прошу тебя... Иногда брякнешь вдругъ, Богъ тебя вѣдаетъ что»,—возражаетъ Т. М., хотя Вѣра «очертила вокругъ себя кругъ: никто не переходитъ за эту черту». Марейнъка «безъ бабушки ни шагу». «Безъ бабушкина спроса» она не смѣетъ даже о замужествѣ мечтать.—«Какъ? и мечтать не можетъ безъ спроса?»—спросилъ Райскій.—«Конечно, не можетъ»,—отвѣчала Т. М.—«Но, вѣдь, это ея дѣло!»—«Нѣтъ, не ея, а пока бабушкино. Пока я жива, изъ повиновенія не выйдетъ».—«Я тебя за ухо, да въ лапти»,—грозитъ Т. М. Марейнъкѣ.—«Зачѣмъ навязывать Марейнъкѣ свою волю и свое счастье?»—спрашивалъ Т. М. Райскій.—«Кто навязываетъ?»—отвѣтила Т. М.:—спроси ее! Если бы онѣ у меня были запуганныя или забитыя, какія-нибудь несчастныя, а ты видишь, что онѣ живутъ у меня, какъ птички, дѣлаютъ, чтò хотятъ».—«Да, это правда, бабушка»,—чистосердечно сказалъ Райскій:—«васъ связываетъ съ ними не страхъ, не цѣпи, не молотъ авторитета, а нѣжность голубиннаго гнѣзда... Онѣ сбожаютъ васъ—такъ... Но вѣдь все дѣло въ воспитаніи: зачѣмъ намагивать имъ старыя понятія, воспитывать по-птичьи? Дайте имъ самимъ извлечь немного соку изъ жизни...»—«Ничего я ни Марейнъкѣ, ни Вѣрочкѣ, не намагивала: о любви и не заикалась никога—боюсь и пикнутъ, а вижу и знаю, что Марейнъка безъ моего совѣта и благословенія не полюбила бы никого».—«Пусть бы она (Вѣра) оставила свою гордость и довѣрилась бабушкѣ: можетъ-быть, хватило бы ума и на другую систему».—«Я,—говоритъ Т. М.,—только, какъ полицеймейстеръ, смотрю, чтобъ снаружи все шло своимъ порядкомъ, а въ дома не вхожу, пока не позовутъ»,—прибавила она.—«Развѣ я мѣшаю Вѣрѣ? стѣсняю ее? Она прячется... Я даже не прошу отъ нея «ключей» (отъ ума и сердца).—«Я сама бы ничего не выдумала: чтò бы я стала дѣлать безъ бабушки?»—говоритъ Марейнъка. И Вѣра, по выраженію Марка, «все еще какъ цыпленокъ, прячется подъ юбки своей насѣдки-бабушки: у нея бабушкины понятія о нравственности» и «правила». Т. М. побаивалась «воровъ», «пожара», «грозы» и т. д. Когда ждали приѣзда Райскаго, Т. М. тревожилась за него: на пути «овраги и разбойники». Она «смерть боится» пожара, и поэтому не выносить, когда «курятъ»; не спитъ спокойно по ночамъ, когда Райскій сидитъ долго при огнѣ: «вдругъ заснетъ!» и не потушить свѣчи!.. Но когда останавливалась надъ городомъ и Малиновкой», «черная туча и разрѣшалась продолжительной, почти тропической грозой—все робѣло, смущалось, весь домъ принималъ, какъ будто передъ нашествіемъ непріятели, оборонительное положеніе,—

Т. М. походила на капитана корабля во время шторма». — «Гасить огни, закрывать трубы, окна, запирайте двери! — слышалась ей команда. — Пооди, Василиса, посмотри, не курятъ-ли трубокъ? Нѣтъ ли гдѣ сквозного вѣтра? Отойти, Марейнка, отъ окна!» — «До конца грозы она «не смыкала глазъ, не раздѣвалась, ходила изъ комнаты въ комнату, заглядывала, чтѣ дѣлають Марейнка и Вѣрочка, крестила ихъ и крестилась сама, и тогда только успокаивались, когда туча, истративъ весь пламень и трескъ, блѣднѣла и уходила въ даль». Она жила для своихъ «внука и внучекъ». Увидя прїѣхавшаго Райскаго, она такъ и всплеснула руками, такъ и прыгнула»: — «Проказникъ ты, Бѣрюшка! и не написалъ, нагрязнулъ: вѣдь ты перепугалъ меня, какъ вошелъ». «Она взяла его за голову, поглядѣла съ минуту ему въ лицо, хотѣла будто заплакать, но только сжала голову, видно раздумала, быстро взглянула на портретъ матери Райскаго и подавила вздохъ». — «Ну-ну-ну... — хотѣла она сказать, спросить — и ничего не сказала, не спросила, а только засмѣялась и проворно отерла глаза платкомъ. — Маленькинъ сыночекъ: весь, весь въ нее!» Во второй (тоже неожиданный) прїѣздъ Райскаго, Т. М. прижала его къ себѣ, и около губъ ея улыбка образовала лучи». — «Борюшка! другъ ты мой». — «Она обняла его раза три. Слезы навернулись у ней и у него. Въ этихъ объятіяхъ, въ голосъ, въ этой, вдругъ охватившей ее радости — точно какъ будто обдало ее солнечное сіяніе — было столько нѣжности, любви, теплоты!» Она «глаза свои проглядѣла», «не спала до полуночи» «цѣлую недѣлю», ожидая его, «хлопотала, красила, убирала комнаты, и новыя рамы вставила, занавѣски купила шелковыя...», «она чуть не сама дѣлала ему постель», «опускала занавѣски, чтобъ утромъ не безпокойно его солнце», «заботливо расправлявала, въ которомъ часу его будить, чтѣ приготовить — чаю или кофе по утру, масла или яицъ, сливокъ или варенья». «Она попробовала рукой, мягка-ли перина, сама поправила подушки повыше и велѣла поставить графинъ съ водой на столикъ, а потомъ раза три заглянула, спитъ ли онъ, не безпокойно ли ему, не нужно ли чего-нибудь». Первое время Т. М. сомнѣвалась, любить ли ее Райскій. Но, получивъ отъ него подарки, она «убѣдилась, что внукъ любить и уважаетъ ее»: «она была тронута до слезъ». — «Меня, старуху, вспомнилъ! — говорила она, сѣвши подлѣ него и трепля его по плечу». — «Кого же мнѣ вспомнить: вы у меня однѣ, бабушка!» — «Да какъ же это, — говорила она: — счета рвалъ, на письма не отвѣчала, имѣніе бросилъ, а тутъ вспомнилъ, что я люблю иногда рано утромъ одна напиться кофе: кофейникъ привезъ, не забылъ, что чай люблю, и чаю привезъ, да еще платье... Ахъ, Борюшка, Борюшка, ну, не странный ли ты человекъ!» Такъ же «нѣжно любить она и Марейнку, «Божьяго младенца», какъ Т. М. называла ее. Она молилась «о ней въ слезахъ, призывая благословеніе на новое счастье и новую жизнь своей внучки», когда Марейнка рассказала про свою любовь къ Викентьеву; «но еще жарче молилась бабушка о Вѣрѣ» и еще больше она любила Вѣру. — «Люблю (Вѣру)», — «вполголоса» отвѣчала бабушка на вопросъ Райскаго: — «охъ, какъ люблю!» — прибавила она со вздохомъ, и даже слезы, было, показались у нея: — «она (Вѣра) и не знаетъ; авось узнаетъ когда-нибудь...» Иногда Райскій видѣлъ у Т. М. другія слезы: Т. М. скучала и роптала: — «Вѣкъ свой одна, не съ кѣмъ слова перемолвить», — жаловалась она: — «внучки разбѣгутся, маюсь-маюсь весь свой вѣкъ — хоть бы Богъ прибралъ меня! Выйдутъ дѣвочки замужъ, останусь, какъ персть» и т. д., но она жила, «вѣрная простымъ, указываемымъ сердцемъ, добродѣтелямъ», «правиламъ», взятымъ изъ «Моисея и Евангелія», и своему «гостепрїимству».

Особаго образованія Т. М. не получила. — «Послушай, чтѣ я хотѣла тебя спросить, — сказала однажды бабушка: — зачѣмъ ты опять въ школу поступилъ?» — «Въ университетъ, бабушка, а не въ школу», — отвѣтилъ Райскій. — «Все равно: вѣдь ты учишься тамъ. Чему? У опекуна учился, въ гимназіи учился, рисуешь, играешь на клавинодахъ, — что еще? А студенты выучатъ тебя только трубку курить, да, пожалуй — Боже сохрани — вино

пить. Ты бы въ военную службу поступилъ, въ гвардію». Узнавъ, что Райскій хочетъ быть артистомъ, воскликнула:—«Какъ—артистомъ?»—«Художникомъ... Послѣ университета въ академію пойду...»—«Что ты, Бдрюшка, перекрестись!»—сказала бабушка, едва понявъ, что онъ хочетъ сказать.—«Это ты хочешь учителемъ быть?»—«Нѣтъ, бабушка, не всѣ артисты—учители, есть знаменитые таланты: они въ большой славѣ и деньги большія получаютъ за картины или за музыку...»—«Такъ ты за свои картины будешь деньги получать или играть по вечерамъ за деньги?.. Какой срамъ!..» «Къ литературѣ Т. М. была довольно холодна, и только охотно слушала, когда Титъ Никонъчъ приносилъ что-нибудь любопытное по части хозяйства, какихъ-нибудь событій, въ родѣ убійствъ, большихъ пожаровъ, или гигиеническихъ наставленій». «Тѣмъ не менѣе, она раздѣляла со многими другими вѣру въ печатное слово вообще, когда это слово было назидательно».—Въ молодости, читая «Кунигунду», она «даже плакала» надъ этимъ романомъ».—По мнѣнію Райскаго, Т. М. принадлежитъ къ людямъ, которымъ «никуда не хочется». «Лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ они живутъ повтореніями, не замѣчая ихъ и все ожидая, что завтра, послѣзавтра, на слѣдующій годъ, случится что-нибудь другое, чего еще не было, любопытное, радостное». Они «не смотря на дно жизни, что лежитъ на немъ, и не уносятся теченіемъ этой рѣки впередъ, къ устью, чтобъ остановиться и подумать, что это за океанъ, куда вынесутъ струи.—«Что Богъ дастъ!»—говоритъ бабушка.—«Разсуждаетъ она о людяхъ, ей знакомыхъ, очень мѣтко, разсуждаетъ правильно о томъ, что дѣлалось вчера, что будетъ дѣлаться завтра, никогда не ошибается; горизонтъ ея кончается—съ одной стороны полями, съ другой—Волгой и ея горами, съ третьей—городомъ, а съ четвертой дорѣгой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ». «У ней не было позыва идти, вникать въ жизнь дальше стѣнъ, садовъ, огородовъ имѣнія и, наконецъ, города. Этимъ замыкается весь міръ». Она «добыла себѣ, какъ будто купила на вѣсь, жизненной мудрости, пробавляется ею и знать не хочетъ того, чего съ нею не было, чего она не видала своими глазами, и не заботится, есть ли тамъ еще что-нибудь, или нѣтъ». Въ своемъ «мірѣ» она, «какъ по нотамъ, играетъ». Она сама думаетъ, что «ошибокъ не дѣлаетъ, знаетъ, какъ, гдѣ ступить, что сказать, какъ и своимъ, и чужимъ добромъ распоряжаться». «Она говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовые сентенціи старой мудрости... и весь наружный обрядъ жизни отправляется у ней по затверженнымъ правиламъ»; ея жизнь «покоится на этихъ простыхъ, прочныхъ основахъ». По мнѣнію Т. М., есть «Богъ и судьба»; «слѣдовательно, двое»,—замѣтилъ Райскій.—«И вотъ шестьдесятъ лѣтъ, со всѣми маленькими явленіями, улеглись въ эту теорію. И какъ ловко пришлось!»—«Ахъ, бабушка!»—сказалъ онъ:—«чего я не захохоту, что принудить меня? или если скажу себѣ, что непременно поступлю такъ, вооружусь волей...»—«Никогда не говори «непремѣнно»,—живо перебила Т. М.:—«Боже сохрани!»». «Т. М. посмотрѣла на него чрезъ очки:—«Ты никакъ съ ума сошелъ: поучись-ка у бабушки жить. Самонадѣянъ очень. Дастъ тебѣ когда-нибудь судьба, за это «непремѣнно»! Не говори этого! А прибавляй всегда: «хотѣлось бы», «Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы»... А то судьба накажетъ за самонадѣянность: никогда не выйдетъ по-твоему...»—«У васъ, бабушка, о судьбѣ такое же понятіе, какъ у древняго грека о фатумѣ: какъ о личности какой-нибудь, какъ будто воплощенная судьба тутъ стоитъ да слушаетъ...»—«Да, да,—говорила бабушка, какъ будто озираясь:—«Кто-то стоитъ да слушаетъ! Ты только не остерегись, забудь, что можно упасть—и упадешь. Понадѣйся безъ оглядки, судьба и обманетъ, вырветъ изъ рукъ, къ чему протягивалъ ихъ! Гдѣ меньше всего ждешь, тутъ и оплеуха...»—«Но когда же счастье? Ужели все оплеухи?»—«Нѣтъ, не все: когда ждешь скромно, сомнѣваешься, не забываешься, оно и упадетъ. Пуще всего не задирай головы и не подымай носа, побаивайся: ну, и дастся. Судьба любить осторожность, оттого и говорить: «береженого Богъ бережетъ»».

«И тутъ не пересаливай: кто слишкомъ трусливо пѣтится, она тоже не любитъ и подстережетъ. Кто воды боится, весь вѣкъ бѣгаетъ рѣки, въ лодку не сядетъ, судьба подкараулитъ: когда-нибудь сядетъ, тутъ и бултыхнется въ воду». — «О, судьба проказница!—продолжала она.—«Когда ищешь въ кошелкѣ гривенника, попадаются все двугривенные, а гривенникъ послѣ всѣхъ придетъ; ждешь кого-нибудь: приходятъ, да не тѣ, кого ждешь, а дверь, какъ на смѣхъ, хлопаешь да хлопаешь, а кровь у тебя кипитъ, да кипитъ. Пропадетъ вещь: весь домъ перероешь, а она у тебя подъ носомъ—вотъ что!». Все это дѣлается такъ, по убѣжденію Т. М., «для того, чтобъ человѣкъ не засыпалъ и не забывался, а помнилъ, что надъ нимъ кто-нибудь, да есть; чтобъ онъ шевелился, оглядывался, думалъ, да заботился. Судьба учить его терпѣнію, дѣлаетъ ему характеръ, чтобъ поворачивался живо, оглядывался на все зоркимъ глазомъ, не лежалъ на боку и дѣлалъ, что каждому опредѣлилъ Господь»...—«То-есть, вы думаете, что къ человѣку приставленъ какой-то невидимый кварталный надзирателемъ, чтобъ будить его?»—«Пути, а, шутя, правду сказалъ»,—замѣтила бабушка. «Она сдѣлала изъ наблюденій и опыта мудрый выводъ, что всякому дается извѣстная линія въ жизни, по которой можно и должно достигать извѣстнаго значенія, выгоды, и что всякому дана возможность сдѣлаться (относительно) важнымъ или богатымъ, а кто прозѣваетъ время и удобный случай, пренебрежетъ данными судьбой средствами, тотъ и пеняй на себя!»—«Всякому»,—говорила она,—«судьба даетъ какой-нибудь даръ: одному, напр., дано много ума или какой-нибудь «остроты» и умѣнья (подъ этимъ она разумѣла талантъ, способности),—зато богатства не дала—и сейчасъ примѣръ приводила: или архитектора, или лѣкаря, или Степку-мужика... Другой красивъ, картинка—зато пѣтый дуракъ... Не зѣвай, и онъ будетъ счастливъ!» «Богъ дурака-повали кормить!» приводила она и пословицу въ подкрѣпленіе:—«найдетъ дуру съ богатствомъ! А есть и такіе, что ни «остроты» судьба не дала, ни богатства, зато дала трудолюбіе: этимъ берутъ! Ну, а кто лежебокой былъ, или прозѣвалъ, загубилъ даръ судьбы—самъ виноватъ!»—«Виноватъ, виноватъ!»—рѣшала она, не слушая апелляціи.—Ужъ если кто несчастенъ, погибаетъ, свихнулся, впалъ въ нищету, въ крайность, какъ-нибудь обиженъ, опороченъ, и поправиться не можетъ, значитъ—самъ виноватъ. Какой-нибудь грѣхъ да былъ за нимъ, или есть: если не порокъ такъ тяжкая ошибка! Вражда, страсти!.. все одинъ и тотъ же врагъ стережетъ насъ всѣхъ!.. Богъ накажетъ иногда, да и проститъ, коли человѣкъ смирится и опять пойдетъ по хорошему пути. А кто все спотыкается, падаетъ и лежитъ въ грязи, значитъ, не прощенъ, а не прощенъ потому, что не одолѣтъ себя, не сладитъ съ виномъ, съ картами, или укралъ, да не отдаетъ краденаго, или гордъ, обидчикъ, золь не въ мѣру, грязенъ, обманщикъ, предатель... Мало ли зла: что-нибудь да есть! А хочетъ, такъ выползетъ опять на дорогу. А если просто слабъ, силенки нѣтъ, значитъ, вѣры нѣтъ: когда есть вѣра, есть и сила». — «Не зѣвай, смотри за собой: упалъ, такъ вставай на ноги, да смотри, нѣтъ-ли лукавства за самимъ? А нѣтъ, такъ помолись—и поправишься. Вонъ, Алексѣя Петровича три губернатора гнали, имѣнье было въ опеку, дошло до того, что никто займы не давалъ, хоть по міру ступай: а теперь выждалъ, вытерпѣлъ, раскаялся—какіе были грѣхи—и вышелъ въ люди»... Когда Райскій назвалъ себя «несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ»:—«Нѣ говори этого никогда!»—боязливо перебила Т. М.:—«судьба подслушаетъ, да и накажетъ: будешь въ самомъ дѣлѣ несчастный! Всегда будь доволенъ, или показывай, что доволенъ». «Она даже боязливо оглянулась, какъ будто судьба стояла у нея за плечами». — «Несчастный! а чѣмъ, позволь спросить?»—заговорила она:—здоровъ, уменъ, имѣніе есть, слава Богу, вонъ какое!—она показала головой въ окна.—«Чего еще: рожна, что ли, надо?» И объяснила, что значитъ—«рожонъ»:—«То, что человѣкъ не чувствуетъ счастья, коли нѣтъ рожна,—сказала она.—«Надо его ударить

бревномъ по головѣ, тогда онъ и узнаеть, что счастье было, и какое оно плохенькое ни есть, а все лучше бревна».—«Эй, Борюшка, не макликай бѣду! Не сладко покажется, какъ бревно ударить по головѣ. Да, да,—помолчавши, съ тихимъ вздохомъ прибавила она:—это такъ ужъ въ судьбѣ человѣческой написано—заснаваться. Пришла и твоя очередь заснаваться: видно, наука нужна. Образумить тебя судьба, помянешь меня!»—«Чѣмъ же, бабушка: рожномъ? Я не боюсь. У меня—никого и ничего: какого же мнѣ рожна ждать».—«А вотъ узнаешь: всякому свой! Иному даетъ на всю жизнь—и несетъ его, тянетъ, точно лямку. Вонъ Кирила Кирилычъ...—бабушка сейчасъ бросилась къ любимому своему способу, къ примѣру:—богатъ, здоровехонекъ, весь вѣкъ хи-хи-хи, да ха-ха-ха, да жена вдругъ ушла: съ тѣхъ поръ и повѣсилъ голову,—шестой годъ ходитъ, какъ тѣнь...»—«Практическая мудрость»—опредѣлил Райскій разсужденія Т. М.; когда же онъ приглядѣлся попристальнѣе, то увидѣлъ, что «сквозь обветшалую и иногда никуда непригодную мудрость» Т. М. «пробивалась живая струя здороваго практическаго смысла, собственныхъ идей, взглядовъ и понятій. Въ тѣхъ случаяхъ, которые не могли почему-либо подойти подъ готовые правила, у бабушки вдругъ выступали собственные силы, и она дѣйствовала своеобразно. «Только когда она пускала въ ходъ собственные силы, то сама будто пугалась немного и безпокойно искала подкрѣпить ихъ какимъ-нибудь бывшимъ примѣромъ». «До прїѣзда Райскаго, жизнь ея покоилась на этихъ простыхъ и прочныхъ основахъ, и ей въ голову не приходило, чтобы тутъ было что-нибудь не такъ, чтобы она весь вѣкъ жила въ какой-то «борьбѣ съ противорѣчїями», какъ говорилъ Райскій». «Если когда-нибудь и случалось противорѣчїе, какой-нибудь разладъ, то она приписывала его никакъ не себѣ, а другому лицу, съ кѣмъ имѣла дѣло, а если никого не было, такъ судьбѣ. А когда явился Райскій и соединилъ въ себѣ и это другое лицо, и судьбу, она удивилась, отнесла это къ непослушанію внука и къ его странностямъ». «Она открыла большіе глаза на его «мудренныя», казавшіяся ей иногда шальными, слова, на его «цыганскіе» поступки, споры.—«Станный, своеобразный человекъ,—говорила она и надивиться не могла, какъ это онъ не слушается ея и не дѣлаетъ, что она указываетъ». «И еще осуждаетъ ее».—«Развѣ можно жить иначе? Титъ Никоничъ въ восхищеніи отъ нея, самъ Нилъ Андреичъ отзывается одобрительно, весь городъ тоже уважаетъ ее, только Маркушка зубы скалитъ, когда увидитъ ее,—но онъ—пропащій человекъ. А тутъ внукъ, свой человекъ, котораго она мальчишкой воспитывала, «отъ рукъ отбился», смѣетъ оправдываться, защищаться, да еще спорить съ ней, обвиняетъ ее, что она не такъ живетъ, не то дѣлаетъ, что нужно!» «Она горячо защищалась, сначала преданїями, сентенціями и пословицами, но когда эта мертвая сила, отъ перваго прикосновенія живой силы анализа, разлеталась въ прахъ, она сейчасъ хваталась за свою, природную логику». «Этого только и ждалъ Райскій, зная, что она сейчасъ очутится между двухъ огней: между стариной и новизной, между преданїями и здравымъ смысломъ—и тогда ей надо было, или согласиться съ нимъ, или отступить отъ старины». «Но бабушка триумфа ему никогда не давала, она сдаваться не любила и кончала споръ, опираясь деспотически на авторитетъ уже не мудрости, а родства и своихъ лѣтъ». «Райскій удивлялся, какъ могло все это уживаться въ ней, и какъ бабушка не замѣчаетъ вѣчнаго разлада старыхъ и новыхъ понятій»;—однако, столкнувшись съ новою жизнью, Т. М. нѣсколько разъ пришлось потерпѣть неудачу съ примѣненїемъ старыхъ правилъ». Такъ, когда Т. М. очень желала «довѣдаться о томъ, что ее такъ безпокойло» [именно, не влюбила ли въ кого Вѣра], «она думала попытать вывести на свѣжую воду внучку—стороной, или «аллегорїей», какъ она выразилась Райскому, т. е. примѣромъ. Она пришла къ «счастливой мысли: вспомнила, что у ней гдѣ-то есть нравоучительный романъ», надъ которымъ она «плакала» въ молодости. «Тема его состояла въ изображеніи гибельныхъ послѣдствїй страсти отъ неповиновенія родителямъ.

Молодой человек и девушка «Кунигунда» любили друг друга, но, разлученные родителями, видѣлись съ балкона издали, перешептывались, переписывались». «Сношенія эти были замѣчены посторонними, девушка потеряла репутацію и должна была идти въ монастырь, а молодой человекъ посланъ отцомъ въ изгнаніе, куда-то въ Америку». Т. М. «вытащила книгу» «изъ подъ хлама» и пожелала, чтобы внучки «попеременно», «по вечерамъ, ... читали ей вслухъ». «При каждомъ словѣ о любви», Т. М. «исподтишка глядѣла» на Вѣру—«что она: волнуется, краснѣетъ, блѣднѣетъ?»—«Замѣчай за Вѣрой»,—шепнула Т. М. Райскому:—какъ она слушаетъ!—«Гадкая книга, бабушка»,—сказала Марейнка:—что они вытерпѣли, бѣдные!..—«А что жъ дѣлать? Вотъ, чтобъ этого не терпѣть»,—говорила бабушка, стороной глядя на Вѣру:—и надо бы было этой Кунигундѣ спроситься у тѣхъ, кто уже пожилъ и знаетъ, что значать страсти. А то вотъ и довели себя до добра:—если бы она спросила отца или мать, такъ до этого бы не дошло. Ты что скажешь, Вѣрочка?»—«Бабушка! за что вы мучили меня цѣлую недѣлю, заставивши слушать такую глупую книгу?»—сказала Вѣра. На вопросъ Райскаго [какъ подѣйствовала прекрасная Кунигунда?] Т. М. «болѣзненно вздохнула въ отвѣтъ. Ей было не до шутокъ; она взяла у него книгу и велѣла Папучкѣ отдать въ людскую. Послѣ этого Т. М. «отрезвилась отъ печатной морали и сама внутренно стыдила себя за прошлое средство».—«Вонъ и хотѣла остеречь ихъ (Марейнку и Викентьева) моралью—и даже правоучительную книгу въ подмогу взяла»,—разсказывала она потомъ Викентьевой:—цѣлую недѣлю читали-читали и только кончили, а они въ ту же минуту почти все это и продѣлали въ саду, что въ книгѣ написано... Вотъ вамъ и мораль!» «Добро бы Вѣра»,—думала она по этому поводу:—а то Марейнка, какъ Кунигунда... тоже въ саду!.. Точно на смѣхъ вышло: это «судьба» забавляется!»—рѣшила Т. М., хотя—и она и Викентьева,—«обѣ знали, къ чему идетъ дѣло» у Марейнки и Николая Андреевича; однако, когда Викентьева пріѣхала, Т. М. «надѣла шумящее шелковое платье съ серебрянымъ отливомъ, турецкую шаль, пробовала было надѣть массивныя брилліантовые серьги»; «одѣвшись, сложивъ руки на руки, украшенныя на этотъ разъ старыми дорогими перстнями, торжественной поступью вошла она въ гостиную и, обрадовавшись, что увидѣла любимое лицо доброй гостыи, чуть не испортила своей важности, но тотчасъ оправилась и стала серьезна». «Обѣ онѣ церемонно раскланялись, и Т. М. посадила гостью на диванъ и сѣла подлѣ нея. Когда Викентьева стала объяснять цѣль посѣщенія, Т. М. отвѣчала «церемонно», «съ несвойственнымъ ей жеманствомъ», но, въ концѣ концовъ, когда Т. М. увидала, что Викентьева не понимаетъ ея пріема и «обижается»,—у нея «пропала вся важность. Морщины разгладились, и радость засіяла въ глазахъ. Она призналась, что «только старый обычай хотѣла поддержать».—«Да видно, не вездѣ пригожи они, эти старые обычаи!..» «Какое сватовство и церемоніи между нами!»—сказала она, сбрасывая мантилью и чепчикъ и обнимая гостью. На своихъ именинахъ, когда пріѣхалъ Ниль Андреичъ, Т. М. сказала Райскому:—«Вотъ, Ниль Андреичъ давно желалъ тебя видѣть... онъ—его преросходительство,—не забудь»,—шепнула она.—«Погоди ѣсть, поговори съ нимъ»,—шептала бабушка:—успѣшь!»—«Я буду и ѣсть, и говорить»,—отвѣчалъ вслухъ Райскій. Т. М. «skonфyзилась и сердито отвернула плечо». Она «была сама не своя» отъ поступковъ Райскаго и «не рада была, что затѣяла позвать гостей». Когда же Райскій заявилъ, что онъ съ «Маркомъ»—«пріятеля», Т. М. стала возражать:—«Не вѣрьте ему, Ниль Андреичъ: онъ самъ не знаетъ, что говорить». «Какой онъ тебѣ пріятель!..»—«Что вы, бабушка! Да не онъ ли у меня ужиналъ и ночевалъ? Не вы ли велѣли ему постлать мягкую постель!..»—«Борисъ Павлычъ! Помилосердствуй, помолчи!»—неистово шептала бабушка.—«Не я, Ниль Андреичъ,—оправдывалась она:—а Борюшка привелъ его ночью. Я и не знала, кто тамъ у него спитъ!»—Когда «обиженная» Тычковымъ, Крицкая уходила отъ Т. М., послѣдняя «останавливала

ее»:—«Ну, не сердитесь на старика: онъ не отъ злого сердца; онъ почтенный такой...»; но когда, въ отвѣтъ на обвиненіе, брошенное Райскимъ, Тычковъ, «задыхаясь отъ злости», допытывался, кто рассказалъ Райскому о немъ,—«Т. М. вдругъ встала съ мѣста...—«Кто сказалъ? Да я сказала, и сказала правду...»—«Татьяна Марковна! Какъ!..—заревѣлъ-было Нилъ Андреичъ.—«Меня 65 лѣтъ Т. М.—й зовутъ. Ну, что «какъ»? И по дѣломъ тебѣ! Что ты лаешься на всѣхъ: напалъ, въ самомъ дѣлѣ, въ чужомъ домѣ на женщину—хозяинъ оставилъ тебя—не по-дворянски поступаешь». Т. М. удержала Райскаго, бросившагося-было къ Тычкову, «такимъ повелительнымъ жестомъ, что онъ «окаменѣлъ и ждалъ, что будетъ». «Она вдругъ выпрямилась, надѣла чепецъ и, завернувшись въ шаль, подступила къ Нилу Андреичу». «Она вдругъ выросла въ фигуру, полную величія, т. ч. даже и на Райскаго напала робость».—«Ты кто?»—сказала она (Тычкову):—«ничтожный приказный, раг-вепи,—и ты смѣешь кричать на женщину и еще на столбовую дворянку! Узнался: урока хочешь! Я дамъ тебѣ одинъ разъ навсегда: будешь помнить». «Отрезвись, встань и поклонись: передъ тобой стоитъ Татьяна Марковна Бережкова! Вонъ, видишь, здѣсь мой внукъ, Борисъ Павлычъ Райскій: не удержи я его, онъ сбросилъ бы тебя съ крыльца, но я не хочу, чтобъ онъ маралъ о тебя руки—съ тебя довольно и лакеевъ!..»—«Люди!»—крикнула она, хлопнувъ въ ладони, выпрямившись во весь ростъ и сверкая глазами. Она походила на портретъ одной изъ величавыхъ женщинъ въ ея родѣ, висѣвшій на стѣнѣ». Райскій увидѣлъ въ ней «другую, незнакомую ему до тѣхъ поръ, женщину», и сказалъ, «робко подойдя къ Т. М.:—«Напрасно вы требовали должной вамъ дани, поклона, отъ этого пня: онъ не понялъ вашего величія. Примите отъ меня этотъ поклонъ, не какъ бабушка отъ внука, а какъ женщина отъ мужчины». Т. М. отвѣтила:—«Принимаю, Борисъ Павлычъ, твой поклонъ, какъ большую честь—и не даромъ принимаю—я его заслуживаю. А вотъ и тебѣ, за твой честный поступокъ, мой поцѣлуй—не отъ бабушки, а отъ женщины...» «Она поцѣловала его въ щеку».—Послѣ этого событія видно было, что внутренно Т. М. не мало озабочена была сама своей «прытью», какъ говорила она, и старалась молча переработать въ себѣ это «противорѣчіе съ собой», какъ называлъ Райскій». «Уважать человѣка сорокъ лѣтъ, называть его «серьезнымъ», «почтеннымъ», побаиваться его суда, пугать имъ другихъ—и вдругъ въ одну минуту выгнать его вонъ! Она не раскаивалась въ своемъ поступкѣ, находя его справедливымъ, но задумывалась прежде всего о томъ, что сорокъ лѣтъ она добровольно терпѣла ложь, и что внукъ ея... былъ.. правъ». «Этого она ни за что не скажетъ ему: молодъ онъ, пожалуй зазнается, а она покажетъ ему вниманію иначе, по-своему, не ставя себя въ затруднительное положеніе передъ внукомъ и не давая ему торжества». «Вотъ отчего она ласковѣе смотрѣла на Райскаго и про себя уважала его больше прежняго». «Но все же ей было неловко—не отъ одного только внутренняго «противорѣчія съ собой», а просто отъ того, что вышла исторія у ней въ домѣ, что выгнала человѣка стараго, «почтеннѣе серьезнаго», «со звѣздой»... «Она вздыхала, но воротить прежняго не желала, а хотѣла бы только, чтобъ это событіе отодвинулось лѣтъ за десять назадъ, превратилось бы какимъ-нибудь чудомъ въ давно прошедшее и забылось совсѣмъ». Однако, и послѣ этого Т. М. говорить, во время спора, Райскому:—«Вотъ Брюшка, мы выгнали Нила Андреича, а онъ бы тебѣ на это отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ—я не сумѣю».

Сначала Т. М. и не догадывалась, что Вѣра м. б. въ кого нибудь «влюблена». «Ужъ не одну ночь не спала я»—говорила она:—«и думаю, отчего Вѣра съ весны такая странная стала? То повеселѣетъ, то задумается: часто капризничаетъ, иногда вспылитъ. Замужъ пора ей—вотъ что!—почти про-себя прибавила Т. М.—Я спрашивала доктора, тотъ все нервы—и что это за нервы такіе? Бывало и доктора никакихъ нервъ не знали. Поясница—такъ и говорили, что поясница болитъ, или подъ ложечкой: отъ этого и лѣчили. А теперь все

пошли нервы! Вонъ, бывало, кто съ ума сойдесть: спятилъ, говорятъ, сердечный—съ горя, что ли, или изъ ума выжилъ, или спился, а нынче говорятъ: мозги какъ-то размягчались...» — Не влюблена ли? — вполголоса сказалъ Райскій—«и раскаялся; хотѣлось бы назадъ взять слово, да поздно». «Въ бабушку точно камнемъ пошало». «— Господи спаси и помилуй!— произнесла она, перекрестившись, точно молнія блеснула передъ ней:—этого горя только не доставало!». «— Пока Вѣра капризничаетъ безъ причины, мечтаетъ одна—Богъ съ ней! А какъ эта змѣя, любовь, заберется въ нее, тогда съ ней не сладить! замѣтила Т. М. «Она (Вѣра) въ экстазѣ, развѣ вы не видите?» сказалъ Райскій. —«Въ экстазѣ!»—со страхомъ повторила Т. М.—«Зачѣмъ ты мнѣ на ночь говоришь: я не усну. Это бѣда—экстазъ въ дѣвущкѣ!». Послѣ этого Т. М. «вышла изъ своей пассивной роли и стала исподтишка пристально слѣдить за Вѣрой. Она задумывалась не на шутку, бросила почти хозяйство, забывала всякіе ключи на столахъ». Т. М. печально поникала головой и не знала, чѣмъ и какъ вызвать Вѣру на откровенность». Сознавши, что это почти невозможно, она ломала голову, какъ бы, хоть стороною, узнать и отвратить бѣду». «Влюблена! въ экстазѣ!» Это казалось ей страшнѣе всякой оспы, кори, лихорадки, и даже горячки. И въ кого бы это было? Дай Богъ, чтобъ въ Ивана Ивановича! Она умерла бы спокойно, если бъ Вѣра вышла за него замужъ». Но «по-женски, проникла въ секретъ ихъ взаимныхъ отношеній и со вздохомъ заключила, что если тутъ и есть что-нибудь, то съ одной только стороны, т.-е. со стороны лѣсничаго, а Вѣра платила ему просто дружбой, или благодарностью, какъ еще вѣрнѣе догадалась Т. М., за «баловство». «Экстазъ» Вѣры прошелъ, но всего обиднѣе и грустнѣе для Т. М. была таинственность; «тайкомъ отъ нея дѣвушка переписывается, можетъ-быть, переглядывается съ какимъ-нибудь вертопрахомъ изъ окна—и кто же? внучка, дочь ея, ея милое дитя, ввѣренное ей матерью: ужасъ, ужасъ! Даже руки и ноги холодѣютъ..., шептала она, не подозрѣвая, что это отъ нервъ, въ которые она не вѣрила». «Она ждала, не откроетъ ли чего-нибудь случай, не проговорится ли Марина? Не проболтается ли Райскій?» Нѣтъ. «Какъ ни ходила она по ночамъ, какъ ни подозрительно оглядывала и спрашивала Марину, какъ ни подсылала Марейнюку спросить, что дѣлаетъ Вѣра: ничего изъ этого не выходило». Для того, чтобы вывѣдать тайну и «остеречь» внучку, Т. М. и придумала читать «Кунигунду»;—чтеніе окончилось неудачей.—«Не наказать (чтеніемъ), а остеречь хотѣла я тебя»,—отвѣтила она Вѣрѣ, чтобъ ты... не провинилась когданибудь... чѣмъ же я остерегу, уберегу, укрою тебя, дитя мое?... скажи, успокой!..»—Она проситъ Вѣру «разсказать ей, облегчить горе, если есть...»—«Когда оно настанетъ—и я не справлюсь одна... тогда я приду къ вамъ—и ни къ кому больше, да къ Богу! Не мучьте меня теперь и не мучьтесь сами... Не ходите, не смотрите за мной...»—«Не поздно ли будетъ тогда, когда горе придетъ?..—прошептала бабушка.—Хорошо,—прибавила она вслухъ:—успокойся, дитя мое! я знаю, что ты не Марейнюка, и тревожить тебя не стану».—«Она поцѣловала ее со вздохомъ и ушла скорыми шагами, понуривъ голову». Когда Райскій вполголоса сказалъ ей, что ему нужно поговорить съ ней, чтобъ она какъ-нибудь незамѣтно отослала людей, она остановила на немъ неподвижный отъ ужаса взглядъ. У ней побѣлѣлъ даже носъ».—«Бѣда?»—спросила она отрывисто».—Она «чувствовала себя глубоко оскорбленной и въ сердцѣ, и въ самолюбіи. Около нея происходитъ что-то таинственное и серьезное, между близкими ей людьми, а ее оставляютъ въ сторонѣ, какъ чужую, или какъ старую, отжившую, ни на что не способную женщину». «Драма» Вѣры кончилась «подъ обрывомъ». На слѣдующее утро, «день рожденія Марейнюки», Т. М. «была такъ весела, безпечна». «Но, съ полудня, она «такъ измѣнилась, такъ во всѣхъ подозрительно всматривалась, во все вслушивалась, что Райскій сравнивалъ ее съ конемъ, который безпечно жевалъ свой овесъ, уходя въ него мордой по уши, и вдругъ услышалъ шорохъ или почувялъ запахъ какого-то неизвѣстнаго и невидимаго врага». Во время разсказа

Райскаго, Т. М. «не пошевелилась, не сказала ни слова», но «когда онъ кончилъ, она встала, выпрямилась медленно, съ напряженіемъ, потомъ такъ же медленно опустила опять плечи и голову, стоя, опершись рукой о столъ. Изъ груди ея вырвался не то вздохъ, не то стонъ». — «Поздно послала она къ бабушкѣ, — шептала она: — Богъ спасетъ ее! Береги ее, утѣшай, какъ знаешь! Бабушки нѣтъ больше!» — «Бабушки нѣтъ у васъ больше... — твердила она разсѣянно, стоя тамъ, гдѣ встала съ кресла, и глядя внизъ. — Поди, поди! — почти гнѣвно крикнула она, вида, что онъ [Райскій] медлитъ: — Не ходи ко мнѣ... не пускай никого, распоряжайся всѣмъ... А меня оставьте всѣ... всѣ!» — Она стояла на своемъ мѣстѣ, какъ прикованная, съ безжизненнымъ, точно спящимъ взглядомъ». «Она нетерпѣливо махнула ему рукой». — «Уйди къ ней, береги ее! бабушка не можетъ, бабушки нѣтъ!» — шептала она. — Всю ночь она провела въ креслѣ «въ безсознательной, мертвой дремотѣ, и оставалась неподвижна». «Утромъ, въ чемъ была наканунѣ и съ открытой головой, съ брошенной на плечи турецкой шалью, она пошла изъ дому, ногой отворяя двери, прошла всѣ комнаты, корридоръ, спустилась въ садъ, и шла, ни на кого не глядя, какъ будто бронзовый монументъ всталъ съ пьедестала и двинулся». Она прошла «къ «обрыву», «стала спускаться» «ровнымъ, медленнымъ и широкимъ шагомъ, неся голову прямо, не поворачиваясь, глядя куда-то въ даль». — «Мой грѣхъ!» — сказала она, будто простонала, положивъ руки на голову», и «вдругъ ускоренными шагами пошла она дальше, вышла къ Волгѣ и стала неподвижно у воды. Вѣтеръ хлесталъ и обвивалъ платье около ея ногъ, шевелилъ ея волосы, рвалъ съ нея шаль — она не замѣчала. У Райскаго замеръ духъ отъ мелькнувшей догадки: хочетъ утопиться! Но она медленно повернулась, шагая крупно и оставляя глубокой слѣдъ на влажномъ пескѣ. «Сознаніе всего другого, кромѣ «бѣды», умерло въ лицѣ; она точно лунатикъ, или покойница». — «Мой грѣхъ!» — повторила она прямо грудью, будтодохнула: — тяжело, облегчи, не снесу! — шепнула потомъ, и опять выпрямилась и пошла въ гору, поднимаясь на обрывъ, одолевая крутизну нечеловѣческой силой, оставляя клочки платья и шали на кустахъ». «Колѣни у ней дрожали; еще минута — и она готова рухнуть на землю, но чей-то голосъ, дающій силу, шепталъ ей: — «иди, не падай — дойдешь!» И старческое безсиліе пропало, она шла опять. Она шла «дальше, дальше, не зная, гдѣ остановится или упадетъ, потерявъ силу. Она вѣритъ, что рядомъ идетъ съ ней другая сила и несетъ ея бѣду, которую не снесла бы она». «Случайно наткнулась она на часовню, въ полѣ, подняла голову, взглянула на образъ — и новый ужасъ, больше прежняго, широко выглянулъ изъ ея глазъ. Ее отшатнуло въ сторону». «Она, какъ раненый звѣрь, упала на одно колѣно, тяжело приподнялась, и ускоренными шагами, падая опять и вставая, пронеслась мимо, закрывъ лицо шалью отъ образа Спасителя, и простонала: — «Мой грѣхъ!» «На другой день Т. М. «не принимала никакой пищи». Когда же Райскій «взялъ кружку молока и рѣшительно подступилъ къ ней, взявъ ее за руки, она поглядѣла на него, какъ будто не узнала, поглядѣла на кружку, машинально взяла ее дрожащей рукой изъ рукъ его и съ жадностью выпила молоко до послѣдней капли, глотая медленными, большими глотками». — «Бабушка, пойдите домой, — не мучайте себя и насъ! — умолялъ онъ: — вы убьете себя». — «Она махнула ему рукой». — «Богъ посѣтилъ, не сама хожу. Его сила носить, — надо выносить до конца. Упаду — подберите меня... — Мой грѣхъ!» — шепнула потомъ и пошла дальше». «Сдѣлавъ шаговъ десять, она обернулась къ нему. Онъ подбѣжалъ къ ней». — «Если не вынесу... умру... — заговорила она и сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ наклонилъ голову». «Онъ сталъ на колѣни передъ ней». «Она прижала его голову къ своей груди, крѣпко поцѣловала ее и положила на нее руку». — «Прими мое благословеніе, — сказала она: — и передай имъ... Марѣинкѣ и... ей, — бѣдной моей Вѣрѣ... слышишь, и ей!...» — «Бабушка! — говорилъ онъ, заливаясь слезами и цѣлуя у ней руку». «Она вырвала руку и пошла дальше, блуждать въ кустахъ, по берегу,

по полю». «На третій день Т. М. ушла, не видали какъ, изъ дома»... Райскій видѣлъ, какъ она медленно возвращалась по полю къ дому. Она останавливалась и озиралась назадъ, какъ будто прощаясь съ крестьянскими избами. Въ ея лицѣ было «новое выраженіе: мѣсто покорнаго ужаса заступило, повидимому, безотрадное сознаніе». Она не замѣчала его и какъ-будто смотрѣла въ глаза своей «бѣдѣ». «Ей на яву снилось, какъ царство ея рушилось, и какъ на мѣстѣ его легла мерзость заустѣнія въ близкомъ будущемъ». По лицу Т. М. потекла медленно слеза и остановилась, какъ-будто застыла. Старуха зашаталась и ощупью искала опоры, готовая упасть... Райскій «бросился къ ней и съ помощью Василисы довелъ до дома, усадилъ въ кресло и бросился за докторомъ. Она смотрѣла, не узнавая ихъ. Василиса горько зарыдала и повалилась ей въ ноги».—«Матушка, Татьяна Марковна!»—вопила она:—«придите въ себя, сотворите крестное знаменіе!»—«Старуха перекрестилась, вздохнула и знакомъ показала, что не можетъ говорить, чтобы дали ей пить». Она легла въ постель, почти машинально, какъ-будто не понимая, чтò дѣлаетъ. Василиса раздѣла ее, обложила теплыми салфетками, вытерла ей руки и ноги спиртомъ, и, наконецъ, заставила проглотить рюмку теплаго вина. Докторъ велѣлъ ее не беспокоить, оставить спать и потомъ дать лѣкарство, которое прописалъ. Утромъ Райскій вошелъ въ ея спальню вмѣстѣ съ Василисой. Она лежала въ томъ же положеніи, какъ цѣлый день вчера». Но когда вошелъ Райскій, Т. М. вдругъ приподнялась и сѣла на постели.—«Вѣра больна?»—спросила она.—«На лицо бабушки, вчера еще мертвое, каменное, вдругъ хлынула жизнь, забота, страхъ». «Широкими, но поспѣшными шагами, съ тревогой на лицѣ, перешла она черезъ дворъ и поднялась къ Вѣрѣ. Усталости какъ не бывало». Къ Т. М. воротилась жизнь»... «Теперь никто не нуженъ: я тутъ!»—сказала Т. М. Она «устроила себѣ помѣщеніе подлѣ постели Вѣры».—«Бабушка нейдетъ, бабушка не любить!»—шептала Вѣра съ тоской, отрезвившись на минуту отъ сна.—«Бабушка не проститъ!»—«Бабушка пришла! Бабушка любитъ! Бабушка простила!»—произнесъ голосъ надъ ея головой... «Т. М. положила Вѣру на постель и прилегла» рядомъ съ ней «своей сѣдою головою». И только, когда Вѣра случайно сказала:—«Богъ покаралъ меня за васъ»—«Чтò ты говоришь, Вѣра?»—«вдругъ въ ужасѣ, блѣднѣя, остановила ее Т. М. и опять стала похожа на дикую старуху, которая бродила по лѣсу и по оврагамъ».—«Милосердуй надъ ней (Вѣрой)!»—молилась Т. М. «почти въ изступленіи»—«и если не исполнилась еще мѣра гнѣва Твоего, отведи его отъ нея—и ударъ опять въ мою сѣдую голову»... Т. М. «страдала невыразимо». Она, «какъ потерянная, слушала» «тихіе стоны Вѣры, не находя въ себѣ силъ утѣшить ее, блѣднѣла и шла молиться».—«Нѣтъ, не забудешь горя. Богъ велитъ казнить себя, чтобы успокоить ее»,—думала бабушка съ глубокимъ вздохомъ», видя, какъ «Вѣра тайно убивается печалью». И, однажды, поздно ночью, пришла Т. М. къ страдающей и тоскующей внучкѣ.—«Я умру, я знаю! Только бы скорѣй, ахъ, скорѣй!»—говорила Вѣра, ворочая лицо къ стѣнѣ». «Т. М. тихо покачала головой.—«Нельзя жить!—съ унылой увѣренностью повторила Вѣра».—«Можно!—съ глубокимъ вздохомъ сказала Т. М.»—«Послѣ... того?..—обернувшись къ ней, спросила Вѣра».—«Послѣ того...» Теперь Вѣра вздохнула безнадежно.—«Вы не знаете, бабушка... вы не такая!..»—«Такая!..—чуть слышно, наклонясь къ ней, прошептала Т. М.—«Вы святая! Вы никогда не были въ моемъ положеніи»...—говорила Вѣра, «какъ-будто просебя.—Вы праведница!»—«Грѣшница!»—чуть слышно прошептала Т. М.—«Всѣ грѣшны... но не такая грѣшная, какъ я...»—«Такая же...»—«Что?!—вдругъ приподнявшись на локоть, съ ужасомъ въ глазахъ и въ голосѣ спросила Вѣра».—«Такая же грѣшница, какъ и ты»... «Вѣра обѣими руками вѣпилась ей въ кофту и прижалась лицомъ къ ея лицу».—«Зачѣмъ клеветешь на себя?—почти шипѣла она, дрожа:—чтобы успокоить, спасти бѣдную Вѣру? Бабушка, бабушка, не лги!»—«Я не лгу никогда»,—шептала, едва осиливая себя, старуха:—ты это знаешь. Солгу ли я теперь? Я грѣшница... грѣшница...—говорила она, сползая

на колѣни передъ Вѣрой и клоня сѣдую голову ей на грудь.—Прости и ты меня!.. Вѣра замерла отъ ужаса. «—Не казни себя для меня!»—просила Вѣра. «Что ты дѣлаешь, зачѣмъ говоришь мнѣ это?... Молчи. Возьми назадъ свои слова! Я не слыхала, я ихъ забуду, сочту своимъ бредомъ»...—«Нельзя, Богъ велитъ!»—говорила старуха, стоя на колѣняхъ у постели и склонивъ голову.—«Встань, бабушка!.. Поди ко мнѣ сюда!..» «Бабушка плакала у ней на груди». «И Вѣра зарыдала, какъ ребенокъ».—«Зачѣмъ сказала ты...»—«Надо! Онъ велитъ смириться,—говорила старуха, указывая на небо:—просить у внучки прощенія. Прости меня, Вѣра, прежде ты. Тогда и я могу простить тебя... Напрасно я хотѣла обойти тайну, умереть съ ней... Я погубила тебя своимъ грѣхомъ...»—«Ты спасаешь меня, бабушка... отъ отчаянія...»—«И себя тоже, Вѣра. Богъ проститъ насъ, но Онъ требуетъ очищенія! Я думала, грѣхъ мой забыть, прощень. Я молчала и казалась праведной людямъ: не правда! Я была—какъ «окрашенный гробъ» среди васъ, а внутри тайлся неомытый грѣхъ! Вотъ онъ гдѣ вышелъ наружу—въ твоёмъ грѣхѣ! Богъ покаралъ меня въ немъ... Прости же меня отъ сердца...»—«Бабушка! развѣ можно прощать свою мать? Ты святая женщина! Нѣтъ другой такой матери... Если бъ я тебя знала... вышла ли бы я изъ твоей воли?..»—«Это мой другой страшный грѣхъ!»—перебила ее Т. М.:—«я молчала и не отвела тебя... отъ обрыва! Мать твоя изъ гроба достаетъ меня за это; я чувствую—она все слыится мнѣ... Она теперь тутъ, между насъ... Прости меня и ты, покойница!»—говорила старуха, дико озираясь вокругъ и простирая руку къ небу.—«Прости и ты, Вѣра—простите обѣ!.. Будемъ молиться».—«Ничего нѣтъ тайнаго, что не вышло бы наружу!»—заговорила Т. М. оправившись:—«Сорокъ пять лѣтъ два человѣка только знали: онъ, да Василиса, и я думала, что мы умремъ всѣ съ тайной. А вотъ—она вышла наружу! Боже мой!»—говорила какъ-будто въ помѣшательствѣ Т. М., вставая, складывая руки и протягивая ихъ къ образу Спасителя:—«если бъ я знала, что этотъ громъ ударитъ когда-нибудь въ другую... въ мое дитя,—я бы тогда же на площади, передъ соборомъ, въ толпѣ народа, исповѣдала свой грѣхъ!»—«Выслушай мою исповѣдь—и осуди строго или прости—и Богъ проститъ насъ...»—«Я не хочу, не должна, не смѣю! Зачѣмъ?..» говорила Вѣра.—«Затѣмъ, чтобъ и мнѣ вытерпѣть теперь то, что я должна была вытерпѣть сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Я укрыла свой грѣхъ. Ты знаешь его, узнаетъ и Борисъ. Пусть внукъ посмѣется надъ сѣдинами старой Кунигунды!»... Т. М. опять походила на старый женскій фамильный портретъ въ галереѣ, съ суровой важностью, съ величіемъ и увѣренностью въ себѣ, съ лицомъ, истерзаннымъ пыткой и съ гордостью, осилившей пытку. Вѣра чувствовала себя жалкой дѣвочкой передъ ней...—«Я не понимала ея! гдѣ была моя хваленая «мудрость передъ этой бездной!» думала она и бросилась на помощь бабушкѣ—помѣшать исповѣди, отвести ненужныя и тяжелыя страданія отъ ея измученной души».—«Я не стану слушать: это мое послѣднее слово!» сказала Вѣра. Т. М. вздохнула, потомъ обняла ее.—«Да будетъ такъ!»—сказала она:—«я принимаю твое рѣшеніе, какъ Божіе прощеніе—и благодарю тебя за пощаду моей сѣдинѣ».

Т. М. «женщина значительная», «съ сильною нравственною властью»: «совершивъ подвигъ, устоявъ тамъ, гдѣ падаютъ ничкомъ мелкія натуры, вынесши и свое, и чужое бремя съ разумомъ и величіемъ, она тутъ же, на глазахъ, обращается опять въ простую женщину, уходитъ въ мелочи жизни, какъ-будто пряча свои силы и величіе, опять до случая, даже не подозрѣвая, какъ она вдругъ выросла, стала героиней, и какой подвигъ совершила».

К р и т и к а: Т. М.—«представительница патриархальнаго быта»—законченный характеръ прошлаго». Ея характеръ—одно изъ лучшихъ созданій Гончарова. Несмотря на старость, въ ней столько-же здоровья, счастья и бодрости, сколько и въ Марейнкѣ». Авторъ не думаетъ идеализировать бабушку: онъ не скрываетъ, что иногда она можетъ быть деспотомъ. Малѣйшее сомнѣніе въ законности крѣпост-

ного права въ ея глазахъ—нелѣпость. «Просить своихъ подчиненныхъ бабушка не могла, это было не въ ея феодальной натурѣ. «Человѣкъ, лакей, слуга, дѣвка—все это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нея «человѣкомъ», лакемъ, слугой и дѣвкой». «Различіе между «людьми» и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрахъ барскихъ понятій». А кругъ феодальныхъ понятій весьма ограниченъ. «Борюшка, ты не огорчай бабушку—упрашивала она племянника, дай дожить ей до такой радости, чтобъ увидѣть тебя въ гвардейскомъ мундирѣ молодцомъ, пріѣзжай сюда... да женись на богатой»... «Но предразсудки и ограниченность поверхностны: это кора стараго могучаго дерева, подъ которой свѣжіе соки: вотъ почему такіе зеленые листья на столѣтнемъ деревѣ. Когда того требуетъ долгъ, бабушка страшиваетъ съ себя все предразсудки, и героическая сила ея простой души напоминаетъ намъ, въ самомъ дѣлѣ, тѣхъ древнихъ женщинъ, съ которыми сравниваетъ ее Гончаровъ. Впрочемъ, трудно сказать, чего больше въ ея сердцѣ—силы или нѣжности». «Состраданіе одно только могло сломить непобѣдимую гордость бабушки, и намъ почти страшно, когда мы видимъ эту величавую старуху униженной, смиренной и робко молодой «у ногъ любимой внучки». (М е р е ж к о в с к і й. Сочин. т. XIII, 256). «Такой цѣльный, прекрасный, положительный женскій образъ, и притомъ, безъ утрировки, съ отрицательными, комическими чертами, со множествомъ уживающихся вмѣстѣ противорѣчій, принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ русской литературы. И если сравненіе этого лица съ цѣлой Россіей и кажется немного претенциознымъ, то нельзя не признать, что въ бабушкѣ писатель чудно соединилъ съ тѣмъ, что внесла въ нее современная дѣйствительность, то лучшее, идеальное, что вообще дается только избраннымъ женскимъ натурамъ: широту и глубину всепрощающей любви и признаніе неизбѣжности совершившихся фактовъ. Въ отживающей бабушкѣ прозрѣваемъ мы тѣхъ лучшихъ русскихъ женщинъ старшихъ поколѣній, которыя не съ брезливой враждой и подозрительностью отнеслись къ юнымъ дочерямъ, а, напротивъ, съ любовью благословили ихъ на новую жизнь и новый трудъ, простивъ ихъ увлеченія, въ коихъ повинны не только онѣ сами, увлекшіяся, но и поколѣнія старшія, не умѣвшія во-время предостеречь и направить своихъ питомцевъ». (О с т р о г о р с к і й, «Этюды»). Наоборотъ, по замѣчанію Е. Ляцкого, «этотъ образъ стоитъ въ положительномъ противорѣчій съ тѣмъ пьедесталомъ, на который возводитъ его Гончаровъ, и съ тѣмъ чувствомъ глубокой симпатіи, какую возбуждаетъ этотъ образъ на первый взглядъ, благодаря особеннымъ свойствамъ писателя». Суммируя отрицательныя черты характера Т. М., тотъ же критикъ замѣчаетъ, что онѣ рисуютъ намъ типъ женщины, едва-ли очень симпатичной, особенно, если взглянуть въ этотъ типъ безпристрастно, отрѣшившись отъ того поэтического ореола, которымъ осѣняетъ его Гончаровъ, не скрывая своей симпатіи къ бабушкѣ». (Гончаровъ, стр. 256). 4) См. также «Прототипы».

Таугай Самва («Ф р е г. П а л.»).—Правитель шанхайскаго округа, командиръ войскъ, сражавшихся противъ тайпинговъ (см. выше: Тайпингъ-Ванъ).

Тафаева, Юлія Павловна («О б ы к н. И с т.»).—«Молодая вдова», лѣтъ двадцати трехъ, двадцати-четырехъ, «съ интересной блѣдностью, съ воздушной таліей, съ маленькой ножкой». «Очень недурно собой», «заурядъ хорошенькая». «Черты лица нѣжныя, тонкія, взглядъ кроткій и всегда задумчивый, частію грустный безъ причины, или, по причинѣ нервъ». «Была слабонервна, но это не мѣшало ей быть вмѣстѣ очень хорошенькой, умной и граціозной женщиной». По словамъ Александра, «очень умная женщина... прекрасно воспитанная», «любить музыку»... «Она была робка, мечтательна, чувствительна, какъ большая часть нервныхъ женщинъ». «На міръ и жизнь она глядѣла не совсѣмъ благосклонно, задумывалась надъ вопросомъ о своемъ существованіи и находила, что она лишняя здѣсь». «Но», «если кто проговаривался «при ней о могилѣ, о смерти,—она блѣднѣла. Отъ ея взгляда ускользала свѣтлая сторона жизни.

Въ саду, въ рошѣ она выбирала для прогулки темную, густую аллею и равнодушно глядѣла на смѣющийся пейзажъ. Въ театрѣ смотрѣла всегда драму, комедию рѣдко, водевиль никогда; зажимала уши отъ доходившихъ до нея случайно звуковъ веселой пѣсни, никогда не улыбалась шуткѣ». Иногда черты лица ея выражали «томленіе нѣги». Видно было, что она внутренно боролась съ какою-нибудь обольстительною мечтою—и изнемогала». «Нервы такъ сильно дѣйствовали, что и самый трепетъ нѣги повергалъ ее въ болѣзненное томленіе: мука и блаженство были у ней неразлучны». «Послѣ такой борьбы долго она была мученица, грустна, потомъ вдругъ впадала въ безсчетно рѣзкое расположеніе духа, не измѣняя, однакоже, своему характеру. По ея словамъ, одинъ Александръ «угадалъ» ее, а «изъ мужчинъ никто, даже мужъ, не могли понять хорошенько» ея «характера». По мнѣнію Александра,—«это женщина въ полномъ развитіи, слабая тѣломъ, но съ энергіей духа—для любви: она—вся любовь!» «Другихъ условій для счастья и жизни она не признаетъ». «Любить»—«это также даръ; а Юлія гений въ этомъ». «Сердце у ней было развито до нельзя, обработано романами и «приготовлено для той романической любви, которая существуетъ въ нѣкоторыхъ романахъ, а не въ природѣ, и которая оттого всегда бываетъ несчастлива, что невозможна на дѣлѣ». Т. «не могла никакъ представить себѣ тихой, простой любви, безъ бурныхъ проявленій, безъ неумѣренной нѣжности». «Она-бы тотчасъ разлюбила человѣка, если-бъ онъ не палъ къ ея ногамъ при удобномъ случаѣ, если-бъ не клялся ей всѣми силами души, если-бъ осмѣлился не сжечь и испепелить ее въ своихъ объятіяхъ, или дерзнулъ-бы, кромѣ любви, заняться другимъ дѣломъ, а не пилъ-бы только чашу жизни по каплѣ въ ея слезахъ и поцѣлуяхъ». Ея мечтательность «создала ей особый міръ»; если «что-нибудь въ простомъ мірѣ совершалось не по законамъ особаго, сердце ея возмущалось, она страдала». Умъ Юліи Павловны «отставалъ отъ сердца». Ея родители сами отступились отъ воспитанія, а положились во всемъ на француза Пуле, нѣмца Шмита и русскаго учителя Ивана Иваныча, которые и обработали «преждевременно и такъ неправильно сердце Юліи и оставили въ покоѣ умъ», не давъ ему никакой здоровой пищи. Во время ученія ей «очень понравилась въ миѳологіи комедія, разыгранная между Вулканомъ, Марсомъ и Венерой». «Она полюбила басню и о Семелѣ и Юпитерѣ, и объ изгнаніи Аполлона, и его проказахъ на землѣ, принимая все это такъ, какъ оно написано, и не подозрѣвая никакого другого значенія въ этихъ сказкахъ». «Французъ» познакомилъ ее «съ новой школой французской литературы». «Онъ давалъ ей читать: «Le manuscrit vert», «Les sept péchés capitaux», «L'âne mort» и цѣлую фалангу другихъ книгъ. Она «съ жадностью» читала эти книги. «Отъ нѣмца у ней въ памяти и осталось только, что ч а с т и ц а «z u» с т а в и т с я н а к о н ц у». «Изъ исторіи она узнала, что былъ Александръ Македонскій, что онъ много воевалъ, былъ прехрабрый... и, конечно, прехорошенькій...» Русскій «учитель принесъ ей» «Карамзина». «Юлія прочла «Бѣдную Лизу, нѣсколько страницъ изъ «Путешествій» и отдала назадъ». «Услужливый кузень» привезъ ей нѣсколько главъ «Онѣгина», «Кавказскаго дѣлника» и проч. «Она» познала сладость русскаго стиха. «Онѣгинъ» былъ выученъ наизусть», а Татьяна взята ею за образецъ». «Итальянецъ и другой французъ довершили ея воспитаніе», «т. е., выучили ее танцовать, пѣть, играть, но музыки не выучили». «Пять лѣтъ» замужества съ Тафаевымъ она провела какъ въ скучномъ снѣ». Какъ далека была ея «обыкновенный мужъ» «отъ тѣхъ героевъ, которыхъ создало ей воображеніе и поэты». Послѣ смерти мужа, «явилась свобода и любовь». Она «любила Александра еще сильнѣе, нежели онъ ее, она даже не сознавала всей силы своей любви и не размышляла о ней. Она любила въ первый разъ». «Всю жизнь я мечтала о такомъ человѣкѣ, о такой любви... и вотъ мечта исполняется... и счастье близко... Это мнѣ кажется сномъ».—«Не награда-ли это за всѣ мои прошедшія страданія?» замѣчаетъ Т. И «для нея настали поэтическія мгновенія жизни», когда она переживала «то сладостную, то мучительную тревожность души, искала сама волненій, выдумывала

вала себѣ и муку и счастье». «Она пристрастилась къ своей любви, какъ; пристращаются къ опиуму, и жадно пила сердечную отраву». Она «поддалась чувству безъ борьбы, безъ усилий, безъ препятствій, какъ жертва». «Въ глазахъ ея все, что ни касается любимаго предмета, все важный фактъ». «Каждое явленіе кругомъ, каждое движеніе мысли и чувства,—все замѣчалось и дѣлилось вдвоемъ». Она не пускала Александра «часто въ театръ», «а къ знакомымъ рѣшительно никогда», ревновала его къ теткѣ, «увидѣвъ, что та «молода и хороша». Если онъ не приходилъ, посылала ему записки,—«въ запискахъ—упреки, допросы и слѣды слезъ».—«Для меня любовь—все». «Я люблю тишину, уединеніе, книги, музыку, но васъ болѣе всего на свѣтѣ», признается она Адуеву. Т. покорно подчинилась всѣмъ его желаніямъ; терзаемая его ревностью, «она тутъ-же должна была оправдываться и откупаться разными пожертвованіями, безусловною покорностью: не говорить съ тѣмъ, не сидѣть тамъ, не подходить туда, переносить лукавыя улыбки и шопотъ хитрыхъ наблюдателей, краснѣть, блѣднѣть, компрометировать себя». «Если она получала приглашеніе куда-нибудь, она не отвѣчая, прежде всего обращала «вопросительный взглядъ на Александра—и чуть онъ наморщитъ брови, она, блѣдная и трепещущая, въ ту же минуту отказывалась. Иногда онъ дасть позволеніе—она соберется, одѣнется, готовится сѣсть въ карету,—какъ вдругъ онъ, по минутному капризу, произноситъ грозное veto! и она раздѣвалась, карета откладывалась». На желаніе Александра жениться на ней, Т. отвѣтила:—«Я буду связана вашей волей; но какая прекрасная цѣль! Заковычайте-же поскорѣй». Пораженная измѣной Александра, она перемѣнилась: «локоны у ней распустились, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, щеки пылали, черты лица странно разложились». Въ гнѣвѣ она угрожала ему:—«Я отомщу вамъ», «я васъ не оставлю», «я не легко разстанусь съ своимъ счастьемъ», «я буду васъ преслѣдовать. Вы никуда не уйдете отъ меня». То она переходила «въ тихій грустный тонъ и молила:—«Сжальтесь надо мной! не покидайте меня; что я теперь безъ васъ буду дѣлать? я не вынесу разлуки. Я умру».—«Ну, не любите меня»,—«исполните ваше обѣщаніе: женитесь на мнѣ, будьте только со мной... вы будете свободны: дѣлайте, что хотите, даже любите, кого хотите, лишь бы я, иногда, изрѣдка видѣла васъ... О, ради Бога, сжальтесь!».

Тафаевъ («Обыкновенныя исторіи»).—Уч. л. Мужъ Юліи Павловны. Сорока пяти лѣтній, «что называется, мужчина видный», «съ почтеннымъ чиномъ, съ хорошимъ состояніемъ, съ крестомъ на шеѣ, словомъ, съ карьерой и фортуной». «Нельзя сказать», «чтобы онъ былъ только простой и добрый человѣкъ». «Онъ въ обиду себя не давалъ», «и въ своей сферѣ считался дѣловымъ человѣкомъ». На вечерахъ иногда игралъ въ карты и «судилъ весьма здраво о «состояніи Россіи, о томъ, чего ей не достаетъ въ хозяйственномъ и промышленномъ состояніи».

Тафаевой гость («Обыкновенныя исторіи»).—Пріѣзжій, «изъ ея стороны, гдѣ жили ея родные». «Пожилой, некрасивый человѣкъ, говорилъ объ урожаѣ да о своемъ сенатскомъ дѣлѣ». Просилъ позволить ему «присоединиться къ обществу» «знакомыхъ» Тафаевой.

Терентій («Обрывъ»).—Лакей Бережковой.

Терентьевъ («Фрег. Пал.», «Черезъ 20-тъ лѣтъ»).—Трюмный унтеръ-офицеръ. «Худошавый, рябой, лихой матросъ», всегда со свисткомъ на груди и съ линькомъ или лопаремъ въ рукахъ. Ѡадеева за то, что тотъ «таскалъ» изъ цистернъ воду, «треснулъ по затылку» и лопаремъ по спинѣ съѣздилъ». См. Ѡадеевъ. (При крушеніи «Діаны» упавшая пушка раздробила Т. ноги).

Тецкая, княгиня («Литер. Веч.»).—Во время чтенія Бебиковымъ романа, «достала какое-то вязанье, съ бѣлыми костяными спицами, и начала работать, впрочемъ, какъ жетца, больше для вида, потому что изъ пяти только одинъ разъ попадала спицею, какъ слѣдуетъ. Она часто опускала руки съ вязаньемъ на колѣни, безпрестанно вздрагивая, будто отъ испуга или отъ внезапной боли,

и сильно мигая. Иногда даже у нея вырывалось нѣчто въ родѣ «аха» или «оха», сопровождаемаго опять вздрагиваніемъ. На это почти никто не обращалъ вниманія; всѣ знали, что у нея «нервы» и привыкли къ этому».—«*Charmant! Charmant!*—говорила она, вздрагивая и мигая:—я очень довольна, и Катъ по-правилось... *Catherine, n'est-ce pas?*»—«Жаль только, что молодой чело-вѣкъ,—продолжала княгиня съ разстановкой:—бросилъ службу; онъ испортилъ всю карьеру и огорчилъ мать!»—замѣтила Т. автору.—«Вѣдь это бываетъ,—замѣтилъ небрежно авторъ». «Да, какъ же: вотъ молодой Ступицынъ—то же самое! Зачѣмъ же описывать дурное! Это надо скрывать!» «Она вздрогнула, а авторъ пожалъ плечами».—«Онъ бы лучше посватался къ другой... какъ ее зовутъ—Лидія?»—говорила она. *Comme elle est gentille, cette petite Lydie; n'est ce pas, Catherine?*—«*Oui, maman, elle est très bien!..*»—«Онъ женится на ней потомъ?»—спросила княгиня.—«Можетъ быть... вѣроятно...»—«А какъ же княгиня... что же она? Одна, въ деревнѣ, съ графомъ... Это ужасно! Зачѣмъ вы вывели княгиню: лучше бы простую!» Она сильно вздрогнула.—«*Attendez donc, еще я хотѣла спросить. Какъ же это Лидія ѣздитъ одна къ этой... потерянной Лизѣ...—шопотомъ прибавила она, чтобъ не слыхала дочь.—Supprimez cela!*» «Она охнула и вздрогнула».

Тецкая, няинна («Л и т е р. в е ч.»).—На лицѣ и во всей фигурѣ ея «по-коилось не нарушимое спокойствіе; ни удовольствія, ни скуки не выражало это лицо. Можно было бы назвать его мраморнымъ изваяніемъ, если бы—когда въ романѣ» (при чтеніи Бебикова) «заходила рѣчь о любви—это лицо не принимало внезапно выраженія ничего не понимающей невинности». Когда читались сцены свиданія молодыхъ людей наединѣ, княжна «разъ шесть напускала на лицо непониманіе невинности, но при входѣ «запоздавшихъ слушателей», «бросила быстрый взглядъ на штатскаго, своего кузена. Послѣ чтенія, въ отвѣтъ на выразительную улыбку кузена, «спросила чуть слышно»:—«*Eh bien?—C'est fait ma cousine!—Où donc?*—Тамъ, въ швейцарской въ вашемъ пальто.—«*Merci!*» То былъ, привезенный кузеномъ, новый романъ Зола—«*La Curée*».

Тимосей («Ф р е г. П а л.»).—Матрость; слуга Гончарова, смѣнившій Ѡадеева (на шкунѣ Востокъ и во время путешествія по В. Сибири). Предъ остано-вкой въ Аянѣ, вмѣстѣ съ багажемъ вытащилъ «зонтикъ, купленный въ Англии и валявшійся гдѣ-то въ углу каюты».—«Жаль оставить, замѣтилъ онъ.—«Ска-залъ, что ни за что не бросить, что эта вещь хорошая и что онъ охотно повезетъ ее черезъ всю Сибирь. Такъ и сдѣлалъ».

Тить Никоновичъ Ватутинъ («О б р ы в ь»).—Старинный и лучший другъ «ежедневный гость», «собесѣдникъ и совѣтникъ» Татьяны Марковны. Помѣщикъ, владѣлецъ двухсотъ пятидесяти душъ или трехсотъ въ губерніи. «Ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ, а онъ имѣлъ видъ сорока-лѣтняго свѣжаго, румянаго челоуѣка, благодаря парикъ и всегда гладко бритому подбородку». «Взглядъ и улыбка у него такъ были привѣтливы, что сразу располагали въ его пользу». Онъ «не душился, не молодился, а былъ какъ-то опрятенъ, изяшно чистъ и благо-роденъ видомъ, манерами, обхожденіемъ. Одѣвался всегда чисто, особенно любилъ бѣлье и блисталъ не вышивками какими нибудь, не фасонами, а бѣлиз-ной». «Все просто на немъ, но все какъ будто сияетъ. Нанковые панталоны вы-глажены, чисты; синій фракъ какъ съ иголки»: Онъ, по мнѣнію Татьяны Марковны, «молодыхъ франтовъ за поясъ заткнетъ». «Слова его, манеры, поступъ, были проникнуты какою-то легкой стыдливостью, скрывалась увѣрен-ность въ собственномъ достоинствѣ и никогда не высказывалась, а какъ-то ви-димо присутствовала въ немъ, какъ будто готовая обнаружиться, когда дойдетъ до этого необходимость». «Онъ сохранялъ всегда учтивость и сдержанность въ словахъ и жестахъ, какъ бы съ кѣмъ близокъ ни былъ». «И губернатору, и прия-телю, и новому лицу онъ всегда одинаково поклонится, шаркнетъ ногой и при-подниметъ ее немного назадъ, соблюдая старинные фасоны вѣжливости». «Прият-но кланяется», по выраженію Татьяны Марковны. Получивъ отъ Райскаго,

привезенные изъ Петербурга, подарки, «Т. Н. смутился, растерялся въ шарканьѣ и благодарственныхъ привѣтствіяхъ». «Передъ дамой онъ никогда не сядетъ и даже на улицѣ говорить безъ шапки, прежде всѣхъ подниметъ платокъ и подвинетъ скамеечку. Если въ домѣ есть дѣвицы, то принесетъ фунтъ конфетъ, букетъ цвѣтовъ, и старается подладить тонъ разговора подъ ихъ лѣта, занятія, склонности, сохраняя утонченную учтивость, смѣшанную съ неизмѣнной почительностью рыцарей стараго времени, не позволяя себѣ нескромной мысли, не только намека въ рѣчи, не являясь передъ ними иначе какъ во фракѣ». Къ Татьянѣ Марковнѣ подходилъ «къ ручкѣ», подносилъ ей «цвѣтокъ или фруктъ». «Дамамъ, по мнѣнію Ватутина, нужно говорить и дѣлать однѣ пріятности». — «Какъ угодно, *se femme que veut!*» соглашался онъ всегда. Несмотря на то, что онъ Вѣру и Марейнку, — «обѣихъ дѣвицъ», «на колѣняхъ качалъ и «обучалъ» грамотѣ вмѣстѣ съ Татьяной Марковной», онъ неизмѣнно называлъ Вѣру—Вѣрой Васильевной, а Марейнку—Марей Васильевной. Безъ ихъ «позволенія» Т. Н. не «смѣлъ» представить имъ подарка. Когда Марейнка хотѣла его поцѣловать, а Викентьевъ «ревновалъ», Т. Н. «заливался застѣнчивымъ смѣхомъ»: — «Къ вашимъ услугамъ, Марей Васильевна!.. сочту себя счастливымъ...» «Несмотря на свои ограниченныя средства, онъ имѣлъ видъ щедрого барина: такъ легко и равнодушно бросалъ онъ сто рублей, какъ будто бросалъ тысячи». Волохову онъ отдалъ триста рублей и не напомнилъ о долгѣ. Марейнкѣ въ день ея рожденія и помолвки подарилъ «роскошный дамскій туалетъ», артистической тонкой работы, съ Севрской фабрики». — «Пять тысячъ рублей ассигнаціями мой дѣдъ заплатилъ въ приданное моей родительницѣ, пояснилъ Райскому Т. Н. Онъ же и Вѣрѣ взялъ смѣлость изготовить въ свое время, при ея замужествѣ, равный этому подарокъ («массивный серебрянный столовый сервизъ», «старой, тоже артистической, работы»). «Не проходило почти дня, чтобы Т. Н. не принесъ какого-нибудь подарка бабушкѣ, или внучкамъ. Въ мартѣ, когда еще о зелени не слышать нигдѣ, онъ принесетъ свѣжій огурецъ, или корзиночку земляники, въ апрѣлѣ горсточку свѣжихъ грибовъ—«первую новинку». — «Вы не перемѣнились, Т. Н.! — замѣтилъ Райскій, встрѣтаясь съ Ватутинымъ, послѣ четырнадцатилѣтней разлуки: — «почти не постарѣли, такъ бодры, свѣжи, и также добры, любезны!» Т. Н. расшаркался, поднявъ немного одну ногу назадъ». — «Слава Богу: только вотъ ревматизмы и желудокъ не совсѣмъ... старость!» «Онъ взглянулъ на дамъ и конфузливо остановился; отъ этого, онъ былъ противникомъ тяжелыхъ и неудобосваримыхъ блюдъ» и настоящимъ «обѣдомъ признавалъ: «легкій супецъ изъ крупы, котлетку, цыпленка, и желе». «Грибы и шампанское на ночь» считалъ также блюдомъ «неудобосваримымъ». «Онъ боялся сырости; Райскій, «по порученію бабушки», привезъ ему изъ Петербурга въ подарокъ «замшевую фуфайку и панталоны», и «кусочъ морского каната класть въ уши, какъ просилъ «самъ Ватутинъ». Любилъ потолковать объ «отмѣнныхъ гигиеническихъ правилахъ» врачей, самъ слѣдовалъ имъ и совѣтовалъ другимъ «не пренебрегать здоровьемъ»: — «Теперь августъ, вечера становятся сыры. »Вы», — говорилъ Вѣрѣ Т. Н., — «дѣлаете продолжительныя прогулки, — это прекрасно, — ничто такъ не поддерживаетъ здоровья, какъ свѣжій воздухъ и моціонъ. Но при этомъ отнюдь не должно позволять себѣ выходить по вечерамъ, съ открытой головой, а равно и безъ ботинокъ на толстой подошвѣ. Особенно дамамъ при нѣжной комплексіи... Всего лучше при этомъ брать съ собою косыночку теплую». — «Не сыро-ли будетъ тамъ?» — замѣтилъ Т. Н. на приглашеніе Бережковой пить вечерній чай въ саду. Онъ самъ «не курилъ табаку». — «Никотинъ очень вредно дѣйствуетъ на легкія и на желудокъ: осадокъ дѣлаетъ и насильственно ускоряетъ пищевареніе. Притомъ... неприятно дамамъ», замѣчалъ Т. Н.

Онъ былъ всегда «одинакій, вѣжливый, любезный» а когда разговоръ принималъ сколько нибудь острый характеръ, уклончиво улыбался и молчалъ. — «Какой странный человѣкъ! Слышите, Т. Н., что онъ говоритъ! обратилась бабушка къ Ватутину, отталкивая Райскаго». — «Пріятно слушать: очень,

очень умно—я ловлю каждое слово!—вмѣшалась Крицкая, которая все ловила взглядъ Райскаго, но напрасно». Т. Н. потупился, потомъ дружески улыбнулся Райскому.—«И я не выжила изъ ума! отозвалась сердито бабушка на замѣчаніе гостя».—«Видно, что Борисъ Павловичъ читалъ много новыхъ, хорошихъ книгъ... уклончиво произнесъ Ватутинъ».—«Слогъ прекрасный! Однако, матушка, сюда самоваръ несутъ, я боюсь... угара». Т. Н. всѣмъ любилъ сказать и сдѣлать «пріятное».—«Какимъ молодцомъ! Какъ возмужали! Васъ не узнаешь!—говорилъ Т. Н. Райскому при встрѣчѣ, сіяя добротой и удовольствіемъ. Онъ и Волохова «принялъ у себя ночью», «накормилъ его» и «пріятно» провелъ съ нимъ время». Онъ подыскалъ оправданіе и Райскому предъ бабушкой, находившей, что въ первый день послѣ своего пріѣзда Борисъ Павловичу «обѣдать слѣдовало дома», а не въ гостяхъ (у Леонтія). Т. Н. объяснилъ, что «Борисъ Павловичъ, вѣроятно, хотѣлъ сдѣлать передъ обѣдомъ моціонъ и зашелъ далеко, и тѣмъ самымъ поставилъ себя въ нѣкотораго рода невозможность попасть къ обѣду». Т. Н. и о Волоховѣ отзывался мягко: «должно быть сбился въ ранней молодости съ прямого пути... Но, кажется, съ большими дарованіями и свѣдѣніями: могъ бы быть полезенъ». Готовя свадебный подарокъ Марейникѣ, онъ считалъ вкусъ «Райскаго порукой», что этотъ подарокъ будетъ благосклонно принятъ дорогой неворожденной».

Учился В. въ кадетскомъ корпусѣ, послѣ «служилъ въ военной службѣ»; наконецъ, «вышелъ въ отставку», пріѣхалъ въ городъ, купилъ маленькій домикъ, съ тремя окнами на улицу, и свилъ себѣ тутъ вѣчное гнѣздо». Въ свою деревню, онъ «никогда не заглядывалъ», не зналъ даже сколько у него душъ и предоставлялъ крестьянамъ дѣлать, что хотятъ и платить ему оброку сколько имъ заблагоразсудится. Никогда онъ ихъ не повѣрялъ. Возьметъ стыдливо призеженные деньги, не считая, положить въ бюро, а мужикамъ махнеть рукой, чтобъ ѣхали куда хотятъ».

Т. Н. былъ «ежедневнымъ гостемъ» въ домѣ Бережковой.—«Это какъ моя семья»,—признался онъ Райскому. Когда, по желанію Татьяны Марковны, онъ вынужденъ былъ уѣхать въ свою деревню, Райскій привезъ его оттуда «чуть живого. «Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, еле двигался, и только увидѣвъ Татьяну Марковну, всю ея обстановку, и себя самого среди этой картины, за столомъ, съ заткнутой за галстукъ салфеткой, или у окна на табуретѣ, подлѣ ея кресель, съ налитой ею чашкой чаю—мало-по-малу пришелъ въ себя и сталъ радоваться, какъ ребенокъ, у котораго отняли и вдругъ опять дали игрушки». «Онъ, отъ радости, вдругъ засмѣется и закроется салфеткой, потретъ руки одна о другую съ жаромъ, или встанетъ и ни съ того, ни съ сего, поклонится всѣмъ присутствующимъ и отчаянно шаркнетъ ножкой. А когда всѣ засмѣются надъ нимъ, онъ засмѣется пуше всѣхъ, сниметъ парикъ и погладитъ себѣ съ изступленіемъ лысину, или потреплетъ, вмѣсто Пашутки, Василису по щелкѣ». «Словомъ, онъ немного одурѣлъ и пришелъ въ себя на третій день». Когда Татьяна Марковна позднѣе рѣшила уѣхать въ свое Новоселово, всѣхъ печальнѣе былъ Т. Н. Онъ «любилъ бесѣдовать съ нею о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ,—кто съ кѣмъ воюетъ, за что; зналъ отчего у насъ хлѣбъ дешевле, и что бы было, если-бъ его можно было возить отсюда за границу». «Онъ любилъ читать, а особенно по части политики и естественныхъ наукъ, пополняя чтеніемъ «свое слабое образованіе». «Зналъ онъ еще наизусть веѣ старинные дворянскіе дома, всѣхъ полководцевъ, министровъ, ихъ біографіи; рассказывалъ, какъ одно море лежитъ выше другого; первый увѣдомитъ, что выдумали англичане и французы и рѣшить, полезно ли это, или нѣтъ». «По словамъ Татьяны Марковны, Т. Н. «умно говорить»:—«Мнѣ не сговорить съ собой»—поговори съ Т. Н.»,—обратилась она къ Райскому. Тотъ же Т. Н. сообщалъ Татьянѣ Марковнѣ, что сахаръ подешевѣлъ въ Нижнемъ, чтобы не обманули купцы, или что чай скоро вздорожаетъ, чтобъ она заблаговременно запаслась». Т. Н. «носилъ Марейникѣ журналы», а Бережковой что нибудь любопытное, по части хозяйства, какихъ нибудь событій, вродѣ

убійствъ, большихъ пожаровъ или гигиеническихъ наставленій». Вѣру и Мароиньку «любилъ, какъ родныхъ дочерей».—«Какая отмѣнная дѣвица!»—отзывается Т. Н. о Мароинькѣ».—«Это распускающаяся, такъ сказать, роза на стебелькѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ коснуться!» «И чмокнулъ умиленно губами». Вѣру онъ называлъ также «отмѣнной дѣвицей». Однако, все происходившее въ Малиновкѣ, ускользнуло отъ его вниманія. Когда, «на другой день, послѣ бессонной ночи», Татьяна Марковна послала съ утра за Т. Н., «онъ пріѣхалъ было веселый, радуясь, что угрожавшая ей» и «Вѣрѣ Васильевнѣ болѣзнь и разстройство миновались благополучно, привезъ громадный арбузъ и ананасъ въ подарокъ, распаркался, разлюбезничался...»—«Обновилъ къ осени фуфайку, поздравьте,—сказалъ онъ: подарокъ дражайшаго Бориса Павловича». «Взглянувъ на Татьяну Марковну, онъ вдругъ остолбенѣлъ и испугался». Послѣ долгой бесѣды съ Татьяной Марковной, Т. былъ «точно убитый». Отъ Татьяны Марковны Т. Н. былъ «въ восхищеніи», взглядъ его выражалъ «обожаніе»; къ ней онъ «питалъ какую-то почтительную, почти благоговѣйную дружбу, но пропитанную такой теплотой, что по тому только, какъ онъ входилъ къ ней, садился, смотрѣлъ на нее, можно было заключить, что онъ любилъ ее безъ памяти», но «въ ея тонѣ было больше живости и короткости». «Она даже брала надъ нимъ верхъ». По ея желанію онъ не принималъ Волохова, безъ ея позволенія ничего не дѣлалъ, а если предпринималъ что безъ ея вѣдома, то «сильно тревожился и боялся грозы».—«Можетъ быть, по своей добротѣ, простить меня, прибавлялъ Т. Н., когда безъ вѣдома Татьяны Марковны онъ притоговилъ свадебный подарокъ Мароинькѣ и Вѣрѣ. О своемъ чувствѣ къ Татьянѣ Марковнѣ онъ молчалъ и «никогда, ни въ отношеніи къ ней, ни при ней, онъ не обнаружилъ, по своему обыкновенію, признака короткости». Онъ послѣдовалъ-бы за Татьяной Марковной на край свѣта», но «послѣ сплетни» (см. Татьяна Марковна), когда Бережкова уѣзжала въ свое Новоселово, Т. Н. было «несовсѣмъ ловко ѣхать съ нею». Послѣ того, какъ Татьяна Марк. «разрѣшила В. пріѣхать къ ней на праздникъ Рождества, и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, пожалуй, и остаться», «онъ вздохнулъ немного отраднѣе и обрадовался предложенію Тушина погостить до тѣхъ поръ у него».

Т. Н., по опредѣленію Райскаго, «остатокъ прошлаго вѣка, живущій подъ знаменемъ вѣчной учтивости, приличною тою, уклончивости, изыскаго смиренія и таковыхъ же манеръ, все всѣмъ прощающій, ничѣмъ не оскорбляющійся и берегущій свое драгоценное здоровье, всѣми любимый и всѣхъ любящій». Райскій видѣлъ въ немъ «идеалъ добраго дяди, хотя, въ минуты хандры, Т. Н. въ его глазахъ являлся «старымъ, отжившимъ бариномъ, ни на что не нужнымъ». Волоховъ далъ Ватутину прозвище—«сахарный маркизь». (Ср. Якубовъ. См. также—«Прототипы»).

Тманинъ («На р о д и н ѣ»).—Губернаторъ, предшественникъ Углицкаго.

Тонеева, Анна Петровна, («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. «Бабушка» «терпѣтъ не можетъ Анну Петровну Т.: даже не похристосовалась съ ней!»

Трухинъ («Л и т. в е ч.»).—Худошавый господинъ въ синихъ очкахъ, («Синіе очки» въ очеркѣ), съ легкой просѣдью, въ бакенбардахъ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, прилично одѣтый». По объясненію Уранова, Т. «служить у Алексѣя Петровича; тотъ прислалъ его на чтеніе вмѣсто себя; онъ говорилъ, что этотъ господинъ все печатное читаетъ; ни слова не пропускаетъ, все знаетъ и ему обстоятельно докладываетъ, такъ что тому ни газетъ, ни журналовъ читать самому не нужно». Кряковъ называлъ Т.: «господиномъ Синековымъ» и «сикофантомъ». За ужиномъ «все молчалъ и слушалъ прилежно, смиренно потупляя взоръ въ тарелку и по временамъ взглядываясь изъ подъ очковъ то въ того, то въ другого изъ собесѣдниковъ. Когда Красноперовъ, напавъ на печать, затруднялся указать примѣры, «гдѣ и какъ» печать поддерживаетъ «вредное направленіе» и «подстрекаетъ», Т. «сказалъ вкрадчиво» редактору:—«Вы

изволите спрашивать подтвержденіе тому, что Иванъ Петровичъ излагали сейчасъ насчетъ распространенія путемъ печати превратныхъ идей»...—«Да-съ!—ствѣтилъ Редакторъ:—не возьмете ли вы на себя трудъ доказать, чѣмъ это подтверждается въ печати?»—«Нѣтъ-съ, нѣтъ... положительнымъ образомъ не подтверждается, это точно-съ...»—Согласился, что печать приноситъ большую пользу:—«Печать горячо преслѣдуетъ кражи, убійства, всякіе скандалы! Сломаютъ ли кружку у церкви, или расхитятъ кассу въ банкѣ—вся пресса дружно и громко предастъ гласности и кражу, и вора; всякія публичныя безобразія, также неисправности администраторовъ, особенно повыше, тоже непременно обличитъ, по косточкамъ разберетъ».—«Но—замѣтилъ Т.—она перѣдко пропускаетъ безъ вниманія очень серьезныя вещи, и это меня иногда удивляло, признаюсь! стѣ безопасности ли, или отъ чего другого? Вотъ въ чемъ мнѣ любопытно бы попросить разъясненія...» Привелъ въ примѣръ волненія среди молодежи:—«Мнѣ только любопытно бы знать,—смирненно продолжали синія очки:—отчего пресса покупила на осужденіе этого поступка по достоинству... не прибавила ни слова отъ себя? Не пожурила, не разъяснила неприличія. Это бы не могло не подѣйствовать на молодые умы благотворно, я полагаю...» Затѣмъ перешелъ на отношеніе печати къ религіи:—«Противнаго религіи въ печати нѣтъ-съ, это правда. Оно и понятно: не позволили бы. Но зато ни одинъ журналъ не ополчается и за религію...—«Упадокъ религіознаго начала въ обществѣ ощутителенъ, а поддержки ему никакой нѣтъ... Напримѣръ, въ журналахъ»,—«на трехъ-четырехъ страницахъ нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминалось имя Божіе. Это очень знаменательно»,—говорилъ Т., обращаясь къ Редактору; при этомъ «послѣшно» прибавилъ, что онъ ничего не заключаетъ, а только хотѣлъ бы «прояснить этотъ вопросъ изъ любопытства». Ради такого же «любопытства», смирненно спросилъ Крякова:—«Изволили вы читать и къ какому роду произведеній, художественныхъ или нехудожественныхъ, вы относите, напримѣръ, романъ французскихъ писателей Эркмана-Шатриана «Исторія одного крестьянина?»—«Высокаго художественнаго достоинства!—отрѣзалъ Кряковъ, мутно поглядѣвъ на него».—«Такъ-съ!—сказалъ С., «потушившись».—«А позвольте мнѣ,—также смиреннымъ голосомъ, передразнивая синія очки, заговорилъ Кряковъ:—въ свою очередь, спросить васъ, отчего именно объ этомъ романѣ спрашиваете вы меня?»—«Относительно художественности... за нимъ, кажется, французы не признаютъ этого качества,—замѣтилъ Т., «потупляясь къ тарелкѣ». (См. въ спискѣ: Эркманъ-Шатрианъ). Когда же Кряковъ обозвалъ Чешнева и всѣхъ присутствующихъ вообще «просто-на-просто «шовинистами, Т. «даже протеръ очки платкомъ и ждалъ отвѣта». Своимъ поведеніемъ обратилъ вниманіе Генерала и тотъ «спросилъ у Сухова, вполголоса:—«Кто это?»».

Трусейкій («Н а р о д и н ѣ»).—Полякъ, присланный въ Симбирскъ изъ западныхъ губерній, послѣ возстанія 1830 г. Столоначальникъ канцеляріи губернатора. «Господинъ съ большими черными бакенбардами, въ синемъ поношенномъ сюртукѣ».

Тсуй, Хизе-но-Кама Сама («Ф р е г. П а л.»).—Первый полномочный японскаго правительства, присланный изъ Едо въ Нагасаки для переговоровъ съ адмираломъ; по виду «самый древній, «отжившій старикъ»; однако, пріѣхавъ на фрегатъ, «онъ оказалъ удивительную бодрость, обошелъ палубы, спустился въ самую нижнюю, въ арсеналь, и не обнаружилъ никакихъ признаковъ усталости».—«Такіе старички есть вездѣ, у всѣхъ націй. Морщины лучами окружали глаза и губы; въ глазахъ, въ голосѣ, во всѣхъ чертахъ, свѣтилась старческая, умная и привѣтливая доброта—плодъ долгой жизни и практической мудрости. Всякому, кто ни увидитъ этого старичка, захотѣлось бы выбрать его въ дѣдушки. Кромѣ того, у него были манеры, обличающія порядочное воспитаніе». «Онъ говорилъ медленно» («губы и языкъ ужъ потеряли силу»); «говоръ его походилъ на тихое и ровное переливанье изъ бутылки въ бутылку жидкости»;

«смотрѣлъ ласково и доброжелательно», дружески, съ улыбкой».—«Мы пріѣхали изъ за многихъ сотенъ, а вы изъ за многихъ тысячъ миль: мы никогда другъ-друга не видали, были такъ далеки между собою, а вотъ теперь познакомились, сидимъ, бесѣдуемъ, обѣдаемъ вмѣстѣ. Какъ это странно и пріятно!»—«промямлилъ» Т. Во время обѣда въ домѣ губернатора былъ «любезнымъ» хозяиномъ, но въ отвѣтъ на желаніе адмирала, сдѣлать «два вопроса по дѣлу», «вынулъ пачку бумаги, тщательно отодралъ одинъ листокъ, высморкался, спрягалъ бумажку въ рукавъ, потомъ кротко возразилъ, что, по японскимъ обычаямъ, при первомъ знакомствѣ, разговоры о дѣлахъ обыкновенно откладываются, что этого требуютъ приличіе и законы гостепрѣимства».

Тушинь, Иванъ Ивановичъ («Обрывъ»).—«Помѣщикъ», «лѣтъ тридцати восьми». «Молодецъ собой», «красивый мужчина», по мнѣнію Райскаго. «Высокій, плечистый, хорошо сложенный», «атлетъ по росту и силѣ». «Съ темными густыми волосами, съ крупными чертами лица, съ большими сѣрыми глазами, простымъ, скромнымъ, даже немного застѣнчивымъ, взглядомъ и съ густой темной бородой. У него были большія загорѣлыя руки, пропорціональныя росту, съ широкими ногтями». По словамъ Райскаго, «рослый, здоровый,—буря ему ни по чемъ, медвѣдей бьетъ, лошадыми править, какъ самъ Фебъ—и красота, красота!» «Сила-то, мышцы-то, ростъ». Пріѣхалъ онъ къ Бережковой одѣтымъ «въ сѣрое пальто съ глухимъ жилетомъ, изъ-за котораго на галстукъ падалъ широкий отложной воротникъ рубашки домашняго полотна. Перчатки бѣлыя, замшевыя, въ рукахъ длинный бичъ, съ серебряной рукояткой».—«Какая простота, чтобъ не сказать больше... во взглядѣ, въ манерахъ», подумалъ Райскій, увидѣвъ Т. Его прозвали, «лѣсничимъ, п. ч. онъ жилъ въ самой чащѣ лѣса, въ собственной усадьбѣ, самъ занимался съ любовью лѣсомъ, растилъ, холилъ, берегъ его съ одной стороны, а съ другой рубилъ, продавалъ и сплавлялъ по Волгѣ. Лѣсу было нѣсколько тысячъ десятинъ, и лѣсное хозяйство устроено и ведено было съ рѣдкою аккуратностью; у него одного въ той сторонѣ устроено былъ паровой пыльный заводъ, и всѣмъ завѣдывалъ, надъ всѣмъ наблюдалъ самъ Т.». «Пыльный заводъ показался Райскому чѣмъ-то небывалымъ по обширности, почти по роскоши строеній»; «удобство и изящество дѣлали его похожимъ на образцовое англійское заведеніе». «Машины изъ блестящей стали и люди были въ своемъ родѣ образцовыми произведеніями». Самъ Т. тамъ показался Райскому «первымъ работникомъ», когда вошелъ въ свою технику, во всѣ мелочи, подробности, лазилъ въ машину, осматривалъ ее, трогая рукой колеса». «Массы лѣсного матеріала отправлялись» отсюда «по водамъ до Петербурга, а за границу». Въ деревнѣ «у Т. Райскій не замѣтилъ пока обыкновенныхъ и повседневныхъ явленій»: «безпорядка, слѣдовъ бѣднаго крестьянскаго хозяйства, избъ на курьихъ ножкахъ, кучъ навоза, грязныхъ лужъ, сгнившихъ колодцевъ и мостиковъ, нищихъ, больныхъ, пьяныхъ, никакой распущенности». «Всѣ строенія глядятъ, какъ новыя, свѣжо, чисто, даже ни одной соломенной кровли нѣтъ».—«Лѣсная усадьба и село,—а крыши соломенные»,—говорилъ Т.:—это даже невыгодно. Лѣсъ свой, какъ же избамъ разваливаться!» «Лѣсъ содержался, какъ паркъ, гдѣ на каждомъ шагѣ видны слѣды движенія, работъ, ухода и науки». Въ имѣніи Тушина «было что то въ родѣ исправительной полиціи для разбора мелкихъ дѣлъ у мужиковъ, да заведенія, въ родѣ банка, больницы, школы». «Рабочая артель» смотрѣла какой то дружиной». «Мужики ходили сами на хозяйевъ, какъ будто занимались своимъ хозяйствомъ».—«Вѣдь они у меня, и свои (крѣпостные), и чужіе на жалованьѣ», сказалъ Т. Райскому. «Дома Т. читалъ статьи по агрономической, и вообще по хозяйственной части, держалъ свѣдущаго нѣмца, специалиста по лѣсному хозяйству, но не отдавался ему въ опеку, требовалъ его совѣтовъ, а распоряжался самъ, съ помощью двухъ приказчиковъ, артелью своихъ и нанятыхъ рабочихъ. Въ свободное время онъ любилъ читать французскіе романы: это былъ единственный отгѣнокъ извѣженности». «Въ промежуткахъ онъ ходилъ на охоту, удилъ рыбу, съ удовольствіемъ посѣ-

щаль холостыхъ сосѣдей, припималъ иногда у себя и любилъ изрѣдка покутить, т.-е. заложить нѣсколько троекъ, б. ч. горячихъ лошадей, понестись съ ватагой пріятелей версть за сорокъ, къ дальнему сосѣду и тамъ пропировать сутокъ трое, а потомъ съ ними вернуться къ себѣ или поѣхать въ городъ, возмутить тишину соннаго города такой громадной пирушкой, что дрогнетъ все въ городѣ, потомъ пропасть мѣсяца на три у себя, такъ что о немъ ни слуху, ни духу. Тамъ онъ опять рубить и сплавляетъ лѣсъ или съ двумя егерями разрѣзываетъ его вдоль и поперекъ, не то объѣзжаетъ тройки кушленныхъ на ярмаркѣ новыхъ лошадей, или залѣзетъ зимой въ труппу лѣса и выжидаетъ медвѣдя, колотить волковъ. Не разъ отъ этихъ потѣхъ Т. недѣли по три лежалъ съ завязанной рукой, съ попорченными ухарской тройкой плечомъ, а иногда съ исцарапаннымъ медвѣжьей лапой лбомъ». «Ему нравилась эта жизнь и онъ не покидалъ ее».

Т.—«это простая русская практическая натура, исполняющая призваніе хозяина земли и лѣса, перваго, самаго джогого работника между своими работниками и вмѣстѣ распорядителя и руководителя ихъ судебъ и благосостоянія». «Въ этой простой, открытой личности не было почти никакого лоска» и никакой «краски». «Это былъ «чистый самородокъ». «Въ немъ крылась безсознательная, природная, почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности. Онъ какъ будто не зналъ, что дѣлалъ, а выходило какъ слѣдуетъ, какъ сдѣлали бы десятки приготовленныхъ умовъ, путемъ размышленія, науки, труда». Онъ «жилъ, не подозрѣвая, что умѣетъ жить, какъ мольеровскій *bourgeois-gentilhomme*, не подозрѣвалъ, что «говоритъ прозой». «При первомъ взглядѣ», Т. могъ показаться «даже немного ограниченнымъ». «Про него нельзя было сказать—«умный человѣкъ», въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно говорятъ о людяхъ, замѣчательно надѣленныхъ этою силою; ни остроуміемъ, ни находчивостью, его тоже упрекнуть было нельзя». «Мнимая «ограниченность» Т», по мнѣнію Райскаго, «есть не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли; и то, и другое, и третье слито у него тѣсно одно съ другимъ и ничто не выдается, не просится впередъ, не сверкаетъ, не ослѣпляетъ, а тянется къ себѣ медленно, но прочно». «Воля служить Т. «послупнымъ орудіемъ умственной и нравственной силы». «Жизнь его совершала свой гармоническій ходъ, какъ будто разыгрывалось стройное музыкальное произведеніе, подъ управленіемъ данныхъ ему природой силъ». «Онъ не былъ самъ творцомъ своего пути, своей судьбы, ему, какъ планетѣ, очерчена орбита, по которой она должна вращаться; природа снабдила ее потребнымъ количествомъ тепла и свѣта, дала нужныя свойства для этого теченія,—и она идетъ неуклонно по начертанному пути».—«Нѣтъ, это не ограниченность въ Тушинѣ», рѣшалъ Райскій: «это—красота души, ясная, великая!—Это само благодушіе природы, ея лучшія силы, положенныя прямо въ готовые, прочныя формы. Заслуга человѣка тутъ—почувствовать и удержать въ себѣ эту красоту природной простоты и умѣть достойно носить ее, т. е. цѣнить ее, вѣрить въ нее, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею». У Т., по словамъ Вѣры, «есть характеръ». «Онъ что подумаетъ, то и исполнить. У него мысли вѣрныя, сердце твердое...» Онъ «никогда не лжетъ». «Глядя на него, слушая его, видя его дѣятельность, распоряженія по хозяйству, отношенія къ окружающимъ его людямъ, къ приказчикамъ, крестьянамъ—ко всѣмъ, кто около него былъ, съ кѣмъ онъ соприкасался, съ кѣмъ работалъ, или просто говорилъ, жилъ вмѣстѣ, Райскій удивлялся до наивности какимъ-то, наружно будто противоположностямъ, гармонически уживавшимся въ немъ: мягкости рѣчи, обращенія—съ твердостью, почти методическою, намѣреній и поступковъ, ненарушимой правильности взгляда, строгой справедливости—съ добротой, тонкой, природной, а не выработанной гуманностью, снисхожденіемъ,—далѣе, смѣси какого-то трогательнаго недовѣрія къ своимъ личнымъ качествамъ, робкихъ и стыдливыхъ сомнѣній въ себѣ—съ смѣлостью и настойчивостью въ распоряженіяхъ, работахъ, поступкахъ, дѣлахъ». Т. «не вѣдаетъ страховъ». «Съ нимъ не страшно ничто, даже сама

жизнь!»—говоритъ Вѣра; призвавъ Т. послѣ своей «бѣды», Вѣра «вдохнула свободнѣе, чувствуя, что подлѣ нея воздвигается какая то сила, встаетъ, въ лицѣ этого человѣка, крѣпкая, твердая гора, которая способна укрыть ее въ своей тѣни и каменными своими боками оградить—не отъ бѣды страха, не отъ физическихъ опасностей, а отъ первыхъ, горячихъ натисковъ отчаянія, отъ дымящейся еще язвы страсти, отъ горькаго разочарованія». Вѣру Т. «обожаютъ», предъ Вѣрою «благоговѣтъ». «И лицо и фигура, и движенія «лѣсничаго» были исполнены глубокой симпатіи къ Вѣрѣ, сдерживаемой какимъ-то трогательнымъ уваженіемъ». «Этотъ атлетъ, повидимому, невѣдающій никакихъ страховъ и опасностей здоровякъ, робѣлъ передъ красивой, слабой дѣвочкой, жался отъ ея взглядовъ въ уголь, взвѣшивалъ свои слова при ней, очевидно сдерживалъ движенія, караулилъ ея взглядъ, не прочтетъ ли въ немъ какого-нибудь желанія, боялся не сказать бы чего лишняго, не промахнуться». Т. хотѣлъ «сдѣлать предложеніе Вѣрѣ, но вмѣсто этого, услышалъ ея рассказъ о «паденіи». «Онъ поблѣднѣлъ. Его вдругъ пошатнуло. Онъ какъ будто потерялъ равновѣсіе и сѣлъ на скамью...—«А я думалъ,—сказалъ онъ со странной улыбкой,—будто стыдясь своей слабости и вставая медленно и тяжело со скамьи:—что меня только медвѣдь свалить съ ногъ».—«Я кланяюсь вамъ по-прежнему, а люблю—извините, къ слову пришлось,—еще больше прежняго, потому что... вы несчастливы». «Напрасно только вы сказали мнѣ вашу тайну, прибавилъ онъ съ уныніемъ, почти съ отчаяньемъ». Когда же «Вѣра отвѣтила ему:—скрыть отъ васъ—это было бы мукой для меня. Теперь мнѣ легче:—я могу смотрѣть прямо вамъ въ глаза, я не обманула васъ...»—«Вотъ это другое дѣло; благодарю васъ, благодарю!»—торопливо говорилъ Т., скрадывая волненіе.—«Вы дѣлаете мнѣ большое добро. Я вижу, что дружба ваша ко мнѣ не пострадала отъ другого чувства, значить, она сильна. Это большое утѣшеніе!» «Вопросъ объ «оскорбленномъ чувствѣ и обманутыхъ надеждахъ» «въ первые дни сильно ломалъ» Т. и, чтобы вынести эту ломку, нужна была медвѣжья крѣпость его организма и вся, данная ему и сбереженная имъ, сила души. И онъ вынесъ эту борьбу». «Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость Вѣры, и эта вѣра, которою держалась его чистая, глубоко-нравственная страсть къ ней, да прелесть ея обаятельной красоты и довѣріе къ ея уму, сердечной честности, заглушали животный эгоизмъ страсти и спасали его не только отъ отчаянія въ горѣ, но и отъ охлажденія къ Вѣрѣ». «Она не виновна, а несчастлива, думалъ онъ. «Т. былъ точно непокоенъ, но не столько отъ оскорбленныхъ чувствъ», «сколько отъ заботы о томъ, что было съ Вѣрою послѣ: кончена ли ея драма, или нѣтъ?» «Не оглянулась ли и она опять назадъ? Не подали ли они другъ другу руки навсегда, чтобы 'быть счастливыми». «Какъ онъ, Т., и какъ сама Вѣра понимаютъ счастье?» «Вопросъ этотъ не переставалъ грызть Т. Ему казалось невѣроятно, чтобы Маркъ устоялъ въ своихъ понятіяхъ и остался только на днѣ обрыва. «Не дуракъ же онъ, не слѣпой!..» «За что-нибудь любила она его... Нѣтъ—любить его нельзя—а влюбилась, увлеклась фальшиво...» думалъ онъ: «онъ опомнится, воротится, и она будетъ счастлива... Дай Богъ! Дай Богъ!» молился онъ за счастье Вѣры, и въ эти минуты блѣднѣлъ и худѣлъ—отъ безнадежности за свое погибающее будущее, безъ симпатіи, безъ счастья, безъ Вѣры, безъ всѣхъ этихъ и... и... и... «Какая же это жизнь?» думалъ онъ. «Той жизнью, какою я жилъ прежде, когда не зналъ, есть ли на свѣтѣ Вѣра Васильевна, жить дальше нельзя. Безъ нея—дѣло станетъ, жизнь станетъ!» Узнавъ, что Вѣра хочетъ порвать съ Маркомъ навсегда, и только не знаетъ, какъ это сдѣлать, «не можетъ сама», Т. «весь просіялъ...»—«И вы подумали обо мнѣ: Т. выдержать и послужить мнѣ», и позвали меня... такъ?»—«Видѣть его, (Марка) чтобы передать ему эти двѣ строки, которыхъ вы не могли написать: вѣдь, это—счастье, Вѣра Васильевна!»—Порученіе это Т. исполнилъ, какъ «рыцарь» и «дипломатъ», «унизивъ Марка холодной вѣжливостью на всѣ его задиранія. Маркъ, какъ ни ускользалъ, а далъ отвѣтъ».—«Вѣра Васильевна «любить меня, какъ «человѣка», какъ друга», говорилъ Т. Бережно-

вой: «--Это ея слова,--цѣнить, конечно, больше, чѣмъ я стою... это большое счастье. Это, вѣдь, значить, что со временемъ... полюбила-бы—какъ добраго мужа...»— «Татьяна Марковна!—заговорилъ онъ, вдругъ» «взявъ высокую ноту, горячо и сильно».—«Вѣдь если лѣсъ мѣшаетъ идти впередъ, его вырубаютъ, море переплываютъ, а теперь вонъ прорываютъ и горы насквозь, и все идутъ смѣлые люди впередъ! А здѣсь, ни лѣса, ни моря, ни горъ—ничего нѣтъ: были стѣны и упали, былъ обрывъ и нѣтъ его! Я бросаю мостъ черезъ него и иду, ноги у меня не трясутся... Дайте же мнѣ Вѣру Васильевну, дайте мнѣ ее!—почти кричалъ онъ:—я перенесу ее черезъ этотъ обрывъ и мостъ—и никакой чортъ не помѣшаетъ моему счастью и ея покою—хоть живи она сто лѣтъ! Она будетъ моей царицей и укроется въ моихъ лѣсахъ, подъ моей защитой, отъ всякихъ грозъ и забудетъ всякіе обрывы, хоть бы ихъ были тысячи!! Что это вы не можете понять меня!» И когда «бабушка» сказала, что ручается за Вѣру: Вѣра, «когда нибудь», «будетъ его женой», Т. «вдругъ точно выросъ, помолодѣлъ, сталъ, чѣмъ былъ прежде».—«Т. человѣкъ съ ногъ до головы», отзывается о немъ Вѣра. Онъ «человѣкъ, какими должны быть всѣ и всегда». «Тушины—наша истинная «партія дѣйствія», наше прочное «будущее», которое выступитъ въ данный моментъ, особенно, когда все это»—оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій—«когда все это будетъ с в о б о д н о, когда всѣ миражи, лѣнь и баловство исчезнуть, уступивъ мѣсто настоящему «дѣлу», множеству «дѣла» у всѣхъ,—когда съ миражами исчезнуть и добровольные «мученики», тогда явятся, на смѣну имъ, «работники», «Тушины» на всей лѣстницѣ общества...».

Тюменевъ, кн. Мишель («Обломовъ»).—Уп. л. Пріятель Волкова, влюбленный въ Дашеньку, для которой Волковъ, за счетъ М., хлопоталъ о букетѣ изъ камелій; за счетъ того же Мишеля, Волковъ звалъ Обломова ѣсть устрицъ.

Тычковъ, Ниль Андреичъ («Обрывъ»).—«Предсѣдатель Палаты въ отставку»; «послѣдній могикианъ, послѣдній изъ генераловъ Тычковыхъ». «Важный старикъ», «съ сросшимися бровями, съ большимъ расплывшимся лицомъ, съ подбородкомъ, глубоко ушедшимъ въ галстукъ, съ величавой благосклонностью въ рѣчи, съ чувствомъ достоинства въ каждомъ движеніи». «На широкъ» къ Татьянѣ Марковнѣ явился во фракъ, со звѣздой». Бережкова напомнила Райскому, что Т.—«его превосходительство», такъ всѣ его титуловали, даже дамы, и всѣ поклонялись «фальшивому пугаль-авторитету» Т. Подчиненные «облизывались» отъ одобренія Нила Андреича; Бережкова также находила «лестными похвалы Т.».—«Человѣкъ почтенный, его всѣ уважаютъ и боятся, даромъ, что онъ въ отставку», говорила Райскому Татьяна Марковна.—«Старый, серьезный человѣкъ, со звѣздой», «говоритъ умно, учитъ жить, не запоетъ: ти-ти-ти, та-та-та». Строгий: за дурное осудить!»—«Одного франта такъ отдѣлалъ, узнавъ, что онъ въ Троицу не былъ въ церкви, что тотъ и языкъ прикусилъ. «Я, говорить, донесу на васъ: это вольнодумство!» И вѣдь донесетъ, съ нимъ шутить нельзя. Двухъ помѣщиковъ подъ опеку подвелъ. Его боятся, какъ огня. А такъ—онъ добрый: ребенка встрѣтитъ—по головѣ погладитъ, букашку на дорогѣ никогда не раздавить, а отодвинетъ тростью въ сторону. «Когда не можешь, говорить, дать жизни, и не лишай»; Марейнька также совѣтовала Райскому обрить бороду, п. ч. Ниль Андреичъ увидитъ—разсердится. Онъ терпѣть не можетъ бороды: говорить, что революціонеры носятъ ее». Викентьевъ, представляя Нила Андреича, «сдѣлалъ важную мину», «опустилъ бороду въ галстукъ, сморщился, поднялъ палецъ вверхъ и дряблымъ голосомъ произнесъ:—«Молодой человѣкъ! твои слова потрясаютъ авторитетъ власти!» Въ Палатѣ прослужилъ пятьдесятъ лѣтъ; дослужился до генерала и въ карманѣ у себя «тоже казенную палату завелъ»: «взятками награбилъ кучу денегъ, «обобралъ и въ сумасшедшій домъ залеръ родную племянницу». Онъ сталъ «богатъ» и «раздулся отъ гордости», выставляя всюду свой «авторитетъ». Т. позволялъ себѣ по какому-то праву оскорблять всѣхъ, говорить имъ грубости, пошлости, глупости; когда Райскій сказалъ, при знакомствѣ, что онъ боится Нила Андреича, тотъ «съ удовольствіемъ засмѣялся».

—«Я страшень только для порока!»—заявилъ Т. На прямой вопросъ Райскаго, — «кто вамъ далъ право быть судьей чужихъ пороковъ?» Т. отвѣтилъ вопросомъ: — «А вы, молодой человѣкъ, по какому праву смѣете мнѣ дѣлать выговоръ? Вы знаете-ли, что я пятьдесятъ лѣтъ на службѣ и ни одинъ министръ не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія». Онъ всѣхъ журилъ: своихъ подчиненныхъ за то, что одинъ «былъ одѣтъ пестро» и, «шутъ-шутомъ», пожаловалъ къ Т. («вмѣсто фрака въ какомъ-то сюртучкѣ на отлетѣ»); другому досталось за то, что вздумалъ корить» за пьянство своего отца-старика»; третьему за знакомство съ Полиной Карповной.—«Какъ теперъ: все еще ходишь!» строго спросилъ Т. Онъ не терпѣлъ «умниковъ въ кургузыхъ одѣянiяхъ» и поглядывалъ «на жакетку» Райскаго, «косился» на его бороду, но не высказывалъ прямо своего неодобренiя, а говорилъ обиняками:—«Такъ изволите видѣть: лишь замѣчу въ молодомъ человѣкѣ этакую прыть», «дескать, я самъ уменъ, никого знать не хочу»—и пожурую, пожурую, не прогнѣвайтесь!» Молодежью Т. вообще былъ недоволенъ:—«Дай волю, они бы и того... готовы насъ всѣхъ заживо похоронить, а сами сѣли бы на наше мѣсто—вотъ, вѣдь, къ чему все клонится!»—«Вы вѣдь изъ новыхъ?» спросилъ онъ Райскаго; упомянувъ о томъ, что мужики о волѣ заговариваютъ», прибавилъ:—«Начинается то не съ мужиковъ».—при этомъ Ниль Андреичъ покосился на Райскаго:—а потомъ зло, какъ эпидемiя разольется повсюду. «Сначала молодецъ, рассуждалъ Т., ко всеобщей перестанетъ ходить: «скучно, дескать», «а потомъ найдеть, что по начальству въ праздникъ ѣздить лишнее; это, говорить, холопство, а послѣ въ неприличной одеждѣ на службу явится, да еще бороду отраститъ и—дальше, и дальше—и дай волю, онъ тебѣ втихомолку доложитъ потомъ, что и Бога-то въ небѣ нѣтъ, что и молиться то не кому». Узнавъ, что Райскiй «прiятель» Марка, сказалъ:—«Такъ вы съ нимъ по ночамъ шатаетесь!» —«А знаете ли вы, что онъ подозрительный человѣкъ, врагъ правительства, отверженецъ церкви и общества?»—«Что это ты проповѣдуешь: бунтъ? вдругъ сказалъ Ниль Андреичъ, перебивая рассужденiя помѣщика (о голодѣ въ Ирландiи и о томъ, что, отчего бы не взять въ Англiи, «хоть половину, хлѣба, скота, да и не отдатъ туда, въ Ирландiю)»—«Ну, какъ услышать тебя мужики? напиралъ Ниль Андреичъ:—а? тогда что?» «Они и теперъ, еще ничего не видя, наострили уши!» Къ «дамамъ» обращался на «ты», а Настасью Петровну называлъ «плутовкой» и грозилъ ей пальцемъ. Полину Карповну именовалъ то Далилой, то Пелагеей Карповной, издѣваясь надъ ея годами и легкомысленнымъ костюмомъ. Полину Карповну въ насмѣшку выставлялъ «образцомъ матерямъ и дочерямъ, «журилъ» за то, что она въ сорокъ лѣтъ «ходитъ въ розовомъ, бантики да ленточки» и въ церкви по сторонамъ глядитъ». Онъ готовъ былъ «пожуричь» и Татьяну Маркову, несмотря на то, что, когда-то, «приносилъ бумаги изъ Палаты къ отцу» Бережковой и при ней «сѣсть не смѣлъ», а по праздникамъ получалъ не разъ изъ ея рукъ подарки». «Наталью Ивановну похвалилъ за то, что она и знаетъ (какъ называются по французски кургузiя одѣянiя), да не говорить».—«Ой, знаешь, матушка! лукаво замѣтилъ Ниль Андреичъ: только при всѣхъ стыдишься сказать. За это хвалю!» Когда Кюрицкая «уѣхала въ слезахъ, глубоко обиженная» Тычковымъ, онъ «съ величавой улыбкой, принималъ общiй смѣхъ одобренiя».—«Ничего, скушаетъ на здоровье!»—«Не ходи раздѣтая при людяхъ: здѣсь не баня!»—«Да не вертись по сторонамъ въ церкви, не таскай за собой молодыхъ ребятъ!» Постоянно говорилъ, что любитъ правду.—«Скажите-ка правду»,—просилъ онъ Райскаго.—«Люблю, когда обо мнѣ правду говорятъ», твердилъ Т. Однако, когда Райскiй высказалъ то, что о Т. знали «весь городъ», «Ниль Андреичъ поблѣднѣлъ».—«Кто, кто передалъ тебѣ эти слухи, говори!» и пригрозилъ упечь «и Райскаго и его весь домъ» въ двадцать четыре часа, куда воронъ костей не заносить». «Т. задыхался отъ злости и не зналъ самъ, что говорилъ».—«Кто, кто ему это сказалъ, я хочу знать! Кто... говори!» «хрипѣлъ онъ». Т. сталъ «багровый»:—«того и гляди, лопнетъ совсѣмъ! замѣтила Татьяна Марковна. Она «остановила его такимъ повелительнымъ жестомъ, что онъ окаменѣлъ

и ждалъ, что будетъ», ворочая «одурѣлыми глазами».—«Я въ Петербургъ напишу... городъ въ опасности... торопливо говорилъ онъ, поспѣшно уходя». Онъ хотѣлъ предложить губернатору «выслать, «за неуваженіе къ рангу», Райскаго изъ города, какъ безпокойнаго человѣка, а Бережкову обязать подпиской не принимать у себя Волохова, но ни губернаторъ, ни вице-губернаторъ, ни совѣтники не завернули къ Т.». Онъ снизошелъ до того, что самъ, будто гуляя, зашелъ дома въ два и получилъ отказъ». «Начать жалобу самому, раскапывать старыя воспоминанія, онъ почему-то не счелъ удобнымъ». Т. «отомстилъ Татьянѣ Марковнѣ и Райскому по своему: «старый сплетникъ» у помѣшанной «пьяной нищенки откопалъ «старую исторію» Бережковой и въ придачу пустилъ по городу слухъ, что, въ день рожденія Марѣиньки, Вѣра гуляла «ночью и наканунѣ» не съ Райскимъ, а съ Тушинымъ».

Тюменевъ, князь («Обломовъ»).—Уп. л. Знакомый Обломова. По словамъ Волкова, въ домѣ Т. «нынѣшнюю зиму, по средамъ, меньше пятидесяти не бывало, а иногда набиралось до ста».—«Какой веселый домъ! На какую ногу поставлень!»—«А дача! Утонула въ цвѣтахъ. Галлерею пристроили, gotique!..».

У.

У., («Фрег. Пал.»).—См. въ Спискѣ: Унковскій.

Углицкая, Марья Андреевна («На родинѣ»).—Жена губернатора. По выраженію Якубова, «прекрасная дамочка», «хотя эта дамочка была увидшая, худощавая, съ впалыми, потухшими глазами, и вовсе не прекрасная собой женщина». «Жила сознаниемъ, что она—первая дама въ губерніи», и важничала среди губернскихъ дамъ». «Въ этомъ то только у нея, кажется, и было утѣшеніе. Прочее все съ лѣтами измѣняло ей, начиная съ мужа». Благодаря Лидѣ, безъ которой губернаторша также не могла обойтись, какъ губернаторъ безъ Добышева», «у нея «въ рукахъ» «были нити всей губернской политики, и она иногда сама пользовалась этими свѣдѣніями, даже передавала кое-что мужу для его служебныхъ соображеній, и иногда озадачивала кого-нибудь безцеремоннымъ намекомъ на секретное семейное событіе, никогда не обнаруживая источника». Съ молодыми людьми обращалась безцеремонно, по начальнически». Была «очень набожная». Узнавъ о томъ, что Чуча отдала голодному татарину «освященную просвирку», всплеснула руками и «зазвонила, по словамъ дочери, во всѣ «сонетки», по приказу У. «позвали людей» и «разослали искать татарина по окрестнымъ улицамъ». «Татарина нашли и привели. Онъ успѣлъ съѣсть только верхнюю, т. е. освященную половину, и закусывалъ лукомъ». «Набожная губернаторша ужаснулась, хотѣла ѣхать къ архіерею, спросить, что дѣлать, не надо ли окрестить татарина и прочее. Но губернаторъ отпустилъ его».

Углицкая, Софья Львовна («На родинѣ»).—Дочь губернатора; «хорошенькая», «граціозная» дѣвушка, «съ отгѣнкомъ легкой прони, которая, какъ скрытая булавка, нѣтъ-нѣтъ, да и кольнетъ. Дитя и вмѣстѣ не дитя: прелесть дѣвушка! Она мило краснѣла. Румянецъ вспыхнетъ и въ ту же секунду спрячется, и опять покажется, глазки блеснутъ и прикроются рѣсницами». «На пути къ губернаторскому кабинету, вспоминаетъ Гончаровъ, «она была для меня какъ спрена для Улисса». «Перекинешься съ ней, сначала двумя-тремя словами, и иногда застоишься, заслушаешься сонаты, или просто засмотришься, какъ она застѣнчиво краснѣетъ и сверкаетъ веселыми агатовыми глазками».

Углицкій, Левъ Михайловичъ («На родинѣ»).—Губернаторъ; у него «были красивыя, правильныя черты лица, живые каріе глаза съ черными бровями, прекрасно очерченный ротъ съ тонкими губами. Взглядъ бѣглый, зоркій, улыбка веселая, немного насмѣшливая. Стройныя, красивыя руки съ длин-

ными прозрачными ногтями. Дома, въ утреннемъ нарядѣ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, манжетами, онъ смотрѣлъ франтомъ». «Онъ былъ представителемъ, *présentable*, по его выраженію», и «красиво губернаторствовалъ въ приемахъ у себя на дому, въ гостиныхъ у губернской знати, на губернаторскихъ выходахъ въ праздники, или въ соборѣ у обѣдни». «Всякій въ толпѣ, не зная его, скажетъ, что это губернаторъ. Когда онъ гулялъ одинъ пѣшкомъ по городу, незнакомые встрѣчные снимали шляпу, узнавая въ немъ «особу». Онъ пуще всего дорожилъ представительностью, и другихъ цѣнилъ по тону, позѣ, манерамъ. Онъ представительность смѣшивалъ съ добродѣтелью и снисходилъ, ради нея, къ чужимъ порокамъ, а къ своимъ и подавно, чувствуя себя *présentable au plus haut degré*.—«*Tres présentable!*»—было у него высшей аттестаціей новаго лица». «Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, учился, кажется, въ пажескомъ корпусѣ, или дома, а вѣрнѣе, должно-быть, нигдѣ не учился». Прошелъ строгую военную школу, сражался, дѣлалъ, что ему приказывали, и «не вложилъ въ дѣло часть самого себя, что-нибудь свое». Изъ войны, походовъ, сраженій, только вынесъ «впечатлѣнія личной отваги, блеска, щегольства, разныхъ веселыхъ авантюръ за границей». «Серьезная, строгая сторона той великой эпохи (1812 года) отъ него «ускользнула». Онъ ея будто не видалъ, жилъ какъ-то внѣ ея. Дома у себя—та же беззаботность и безсодержательность жизни, на широкую ногу, хотя У. былъ «въ долгу, какъ въ шелку». Свои долги онъ раздѣлялъ на «подвижные» и «стереотипные». Сумма «подвижныхъ мелкихъ долговъ мѣнялась, то повышалась, то понижалась: послѣднее случалось, когда займодавецъ попадалъ въ «денежную минуту», узнавалъ, что У. получилъ кушъ. Онъ уплачивалъ, если не все, то хоть часть. Если же долгъ затягивался, то, послѣ извѣстнаго срока, причислялся къ стереотипнымъ. Правда, онъ возлагалъ упованіе на наслѣдство послѣ какой-то богатой бездѣтной тетки въ Петербургѣ,—но это наслѣдство было проблематическое, въ родѣ ожиданія приѣзда богатаго дяди изъ Америки». У У.—аго «дѣланіе долговъ было приведено въ систему, но все, что доставлялось въ губернаторскій домъ изъ лавокъ, оплачивалось немедленно». «Ничѣмъ этимъ, какъ и мелкими долгами, онъ не грѣшилъ».—«*Это mauvais genre*,—говорилъ онъ».—Крупныхъ доходовъ по службѣ У. гнушался не менѣе, хотя «зловычный Яновъ» рассказывалъ, что «откущику не везетъ» въ «карточной игрѣ... съ губернаторомъ». «Въ дѣлахъ по своей должности былъ очень чутко, наблюдателемъ и зорокъ». «По одному намеку въ началѣ протокола онъ зналъ о чемъ говорится дальше, нужды нѣтъ, что въ правленіи слушалъ чтеніе въ полъ-уха». «Толпу просителей приметъ живо, бойко, разберетъ и отпустить въ какіе-нибудь полчаса. Осмотритъ тюрьму, какой-нибудь госпиталь—все это на ходу, мимоѣздомъ, до завтрака, а между завтракомъ и обѣдомъ дѣлаетъ или принимаетъ визиты». «Но для дѣлъ онъ не сдѣлалъ ничего, ни дурного, ни хорошаго, какъ и его предмѣстники. Были, правда, у него порывы»: «разогнать немного тьму, прижать взяточничество, замѣстить казнокрадковъ порядочными людьми, но онъ былъ не геркулесъ, чтобы очистить эти авгиевы конюшни. Гдѣ ему? У него вдругъ загорится порывъ, вспыхнетъ и скоро остынетъ». У него «идеи, намѣренія вспыхивали внезапно, какъ искры»; «снаружи дѣло такъ и кипѣло у него и около него,—и все-таки ничего новаго, живого, интереснаго во всей административной машинѣ не было. У него была тьма способностей, но живъ, бодръ, зорокъ и очень подвиженъ былъ онъ самъ, а дѣло оставалось такимъ же, какъ онъ его засталъ». У. «бѣгло говорилъ по-французски, а русской рѣчью владѣлъ мастерски, безъ книжнаго краснорѣчія», но былъ безграмотный или, по меньшей мѣрѣ, полуграмотный. Ни порусски, ни по-французски онъ не напишетъ двухъ-трехъ строкъ грамматически правильно. Орѳографія и синтаксисъ отсутствовали. Для переписки, даже для писанія простыхъ интимныхъ писемъ, ему нуженъ былъ секретарь или секретари». Рѣчь «лилась у него, умно, блестяще, съ искрами юмора, съ нежиз-

данными ловкими оборотами, остроумными сравненіями, антитезами». «Онъ былъ виртуозъ-разказчикъ»^{*)}). Онъ отлично пользовался—не приобретенными систематическимъ путемъ, а всячески нахватаемыми знаніями почти во всемъ и обо всемъ. А нахвталъ онъ знанія не изъ книгъ, не въ школѣ, а съ живыхъ людей, на ходу, въ толпѣ безчисленныхъ знакомыхъ во всѣхъ слояхъ общества. У него, въ памяти, какъ у швеи въ рабочемъ ящикѣ, были лоскутки всякихъ знаній, и онъ быстро и искусно выбиралъ оттуда нужный въ данную минуту клочокъ. Чтò западало ему въ память, то и оставалось тамъ навсегда и служило ему вѣрно. У него развился взглядъ и вкусъ и въ литературѣ, и въ искусствахъ, особенно въ живописи». «Апломбъ въ разговорѣ» «у него былъ удивительный; онъ отважно врѣзывался въ разговоръ, какъ рубака въ непріятельскій строй, и отлично уклонялся, когда натыкался на недолимую преграду». «Особенно мастерски владѣлъ онъ софизмомъ, какъ отличный дуэлистъ шпагой, и спорить съ нимъ, поставить его въ границы строгой логики, было мудрено: онъ не давался». «Анекдоты У. изобиловали и кощунствомъ. Между тѣмъ, ложась спать, онъ снималъ съ груди тонкую металлическую, вершка въ два величиной, икону и прикладывался къ ней».

У. всѣ любили, благодаря его любезному характеру, его свѣтскости, тону, обходительности. Дамы были отъ него безъ ума». Съ женой у него происходили «жестокія сцены». Въ «наукѣ страсти нѣжной» онъ «былъ великій стратегъ и тактикъ въ ней». Онъ, какъ и Казанова, его прототипъ, не годился въ Отелло, Ромео, даже въ Донъ-Жуаны, а прямо въ Фобласы. Онъ не зналъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ, страстныхъ изліяній, слезъ и мукъ разлуки, ревности—всего того, чѣмъ красна человѣческая любовь. И если иногда прибѣгалъ къ этому, то единственно какъ къ средству для достиженія желаемой, извѣстной и скорой развязки». (Похожденія У. и послужили причиной его отставки. См. Списокъ—Загряжскій). Уѣзжая изъ города, онъ самъ разболтался о нѣжномъ прощаньѣ въ каретѣ съ «дамой сердца».—«Вамъ жаль ее?»—«Мнѣ!—онъ засмѣялся.—Я смотрю теперь на нее—вотъ какъ на этого барана!—сказалъ сѣдой фатъ, указывая на кучку лежавшихъ въ тѣни около дороги барановъ».

Улинька («Обрывъ»).—См. Ульяна Андреевна.

Улита («Обрывъ»).—Одна изъ дворовыхъ Бережковой. «Была какимъ-то гномомъ: она гнѣздилась вѣчно въ подземельномъ царствѣ, въ погребахъ и подвалахъ, т. ч. сама вся пропиталась подвальной сыростью». «Платье было влажно, носъ и щеки постоянно озябшіе, волосы всклокочены и покрыты беспорядочно смятымъ бумажнымъ платкомъ. Около пояса грязный фартукъ, рукава засучены». «Ее всегда увидишь, что она, или возникаетъ, какъ изъ могилы, изъ погреба, съ кринкой, съ горшкомъ, корытцемъ, или съ полдюжиной бутылокъ между пальцами въ обѣихъ рукахъ, или опускается внизъ, въ подвалы и погреба, прятать провизію, вино, фрукты и зелень». «На солнышкѣ ее почти не видать, и все она таится во тьмѣ своихъ холодниковъ: видно въ глубинѣ подвала только ея лицо съ синевато-краснымъ румянцемъ, все прочее сливается съ мракомъ домашнихъ пещеръ». Съ родными, жившими тутъ-же въ деревнѣ, она не видалась по мѣсяцамъ; даже когда, по случаю праздника, «весь домъ смотрѣлъ парадно», только У. въ эти дни «еще глубже» «опускалась въ свои холодники и подвалы», и не успѣвала надѣтъ ничего, чтò дѣлало бы ее непохожею на вчерашнюю или завтрашнюю У.».

Ульяна Андреевна Козлова («Обрывъ»).—Жена Леонтія Ивановича, дочь «эконома «какого-то казеннаго заведенія въ Москвѣ». Въ юности Улинька была «чрезвычайно бойкая, всегда порхавшая, дѣвушка», «съ кошачьимъ проворствомъ движеній», съ рѣзвой рѣчью и звонкимъ смѣхомъ. У ней былъ

^{*)} Съ его словъ записана Гончаровымъ исторія, легшая въ основу разказа «Превръ судьбы».

граціозный ротъ съ хорошимъ подбородкомъ. Особенно профиль былъ правиленъ, линія его строга и красива». «У нея чисто-римскій профиль»,—какъ казалось Козлову; Леонтій видѣлъ и любилъ «въ ней какой-то блескъ и колоритъ древности, античность формы». «Его поражала линія ея затылка и шеи» «Голова ея казалась ему похожей на головы римскихъ женщинъ на барельефахъ, на камеяхъ: съ строгимъ, чистымъ профилемъ, съ такими же каменными волосами, немигающимъ взглядомъ и застывшимъ въ чертахъ лица смѣхомъ». Райскій не могъ отвести «глазъ отъ ея профиля»: «ему видѣлась также «римская камей» «во всей прелести этихъ молящихъ глазъ, полуоткрытыхъ, горячихъ губъ». «Волосы рыжеватые, немного потемнѣе на затылкѣ, но чѣмъ шли выше, тѣмъ свѣтлѣе, и верхняя половина косы, лежавшая на маковкѣ, была золотисто-красноватаго цвѣта: отъ этого у нея на головѣ, на лбу, отчасти и на бровяхъ, тоже немного рыжеватыхъ, какъ будто постоянно горѣлъ лучъ солнца». Около носа и на щекахъ роились веснушки и не совсѣмъ пропадали даже зимою. Изъ подъ нихъ пробивался пунцовый пламень румянца. Но веснушки скрадывали огонь и придавали лицу тѣнь, безъ которой оно казалось какъ-то слишкомъ ярко освѣщено и открыто». Оно имѣло еще одну особенность: постоянно лежашій смѣхъ въ чертахъ, когда и не было чему, и не расположена она была смѣяться». У нея постоянно «скакали зубы». Она живо и съ удовольствіемъ могла рассказать всѣмъ о томъ, какъ ея подруга, Лизу, застали «на зарѣ, разговаривающей съ писмоводителемъ черезъ заборъ въ саду, или о «той барынѣ (я имя, отчество, фамилію скажетъ), къ которой ѣздитъ все баринъ въ каретѣ и выходитъ отъ нея часу во второмъ ночи».—«Экъ, жреть: и не взглянетъ!»—подумала она, глядя на студента Козлова, и не выдержала, принялась хохотать».—«Эта рисовая каша житья не давала Козлову. У. А. увѣряла, что онъ (студентомъ) «незамѣтно съѣлъ три тарелки», и «что за кашей и за кашу влюбился въ нее». «Смѣхъ будто застылъ у нея въ лицѣ и шелъ больше къ нему, нежели слезы, да едва ли кто видалъ ихъ «на немъ». Она умѣла «ограничиваться и «насмѣшливымъ наблюденіемъ», «а, когда не хватало терпѣнія, уходила въ другую комнату разражаться смѣхомъ», или дѣлать такъ, что «смѣхъ» былъ далеко запрятанъ въ черты ея лица.—«Не торопитесь, дождайте»,—сказала она Козлову:—«хотите еще?»—Когда Козловъ признался ей, что онъ «очень бѣденъ», и показывалъ ей «полинявшій и отчасти замаслившійся вицъ-мундиръ», онъ разглядѣлъ «далеко запрятанный, въ черты ея лица, смѣхъ».—«Вы смѣетесь надо мной?»—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—«И не думала»,—равнодушно сказала она:—«Что за рѣдкость—изношенный мундиръ? Мало-ли я ихъ вижу!» Она, дѣйствительно, не смѣялась и не хотѣла смѣяться, только смѣялось у нея лицо». Она даже сама сбѣгала за нитками и иглкой и пришила Козлову недостающую пуговицу къ вицъ-мундиру».

Годы пощадили У. А.: «въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ она казалась только «расцвѣтшей, развившейся и прекрасно сложившейся физически женщиной». «Бойкость выглядывала изъ ея позы, глазъ, всей фигуры. А глаза по-прежнему метали «искры», тотъ-же у нея пунцовый румянецъ, веснушки, тотъ-же веселый, безпечный взглядъ, и, кажется, та-же дѣвичья рѣзвость».—«Моя рыжая Клеопатра»,—называлъ ее мужъ. Онъ же называлъ ее Тарквиніею Лукреціею, хотя и прибавлялъ, что У. А. любитъ лакомиться не такъ, какъ та!» По мнѣнію Райскаго, «эта римская голова полна тьмы, а сердце—пустоты», и Леонтій одной У.—Ѣ А.—Ѣ «безсиленъ преподавать образцы римскихъ добродѣтелей». Она «проворно» болтала по-французски, но «къ книгамъ» была «холодна»:—«дать ей (французскую) книгу, половины не понимаетъ»,—говорилъ мужъ:—по-русски о сию пору съ ошибками пишетъ. Увидитъ греческую печать, говорить, что хорошо-бы этакой узоръ на ситецъ и ставить книги вверхъ дномъ, а по-латыни заглавія не разбереть. Opera Horatii—переводить: Гораціевы оперы!» Слушая отзывы товарищей о студентѣ-Козловѣ, что онъ «предобрый», «преумный» и «высокой нравственности»:—«Добрый,—думала

она:—собакъ не бьетъ! Какая же это доброта, коли онъ ничего подарить не можетъ!»—«Умный!—продолжала она штудировать его»:—«ѣсть третью тарелку рисовой каши и не замѣчаетъ! Не видитъ, что всѣ кругомъ смѣются надъ нимъ». «Высоконравственный!».. Она подумала надъ этимъ эпитетомъ, почесала себѣ пальцемъ темя, осмотрѣла разсѣянно свои ногти и зѣвнула».—«На немъ, кажется, и рубашки нѣтъ: не видать! Хороша нравственность!—заклЮчила она».—«Нѣтъ, ты у меня «умный, добрый, высокой нравственности!»—сказала она, со своимъ застывшимъ смѣхомъ въ лицѣ, и похлопала мужа по лбу».—«Да, вы теперь умны стали, и тоже, я думаю, «высокой нравственности»,—замѣтила она Райскому. —«Шалунъ!»—прибавила она пѣвучимъ голосомъ». О трудѣ У. А. была также невысокаго мнѣнія:—«Ну, ужъ выдумаютъ: трудъ!—съ досадой отозвалась (на слова Райскаго) У. А.—Состояніе есть, собой молодецъ! только бы жить, а они—трудъ! Чтò это, право, скоро всѣ на Леонтія будутъ похожи: тотъ уткнетъ носъ въ книги и знать ничего не хочетъ».—«Она управляла отцомъ и студентами», позднѣе «управляла» также мужемъ». Когда Козловъ освѣдомился у Райскаго, на какомъ условіи тотъ отдаетъ ему свою бібліотеку, и спросилъ шуточно:—«Не хочешь ли изъ жалованья вычитать, я все продамъ, заложу себя и жену...»—«Пожалуйста, только не меня...—вступилась» У. А.:—я и сама сумѣю заложить или продать себя, если захочу». Она сумѣла, несмотря на небольшія средства мужа, устроить такъ жизнь, что у нея «на все хватаетъ». «Въ дѣвчествѣ она принимала подарки отъ студентовъ-поклонниковъ: одинъ изъ ея поклонниковъ-студентовъ «подарилъ ей парижскія ботинки и серьги»; другіе, кто дарилъ матерію на платье, подъ предлогомъ благодарности о продовольствіи [отецъ Улиньки «держалъ столъ» для приходящихъ студентовъ], кто доставалъ ложу, носили ей конфеты».—«Бери, когда дарятъ!»—«живо» сказала У. А., когда Райскій предложилъ Козлову свою бібліотеку въ вѣчное и потомственное владѣніе». Мужъ звалъ ее «взяточницей»:—«Отъ купцовъ на праздники и къ экзамену родители явятся съ гостинцами—я ихъ вонъ гоню отсюда, а она ихъ приметъ со двора», жаловался Леонтій Райскому.

«Студенты всѣ влюблялись въ нее по очереди, или нѣсколько человекъ въ одно время». Райскій былъ въ ихъ числѣ.—«Вамъ ли стыдить меня? Я постыдилась бы за другого. А, вы! помните?» сказала ему У. А., встрѣтаясь съ Борисомъ Павловичемъ, спустя много лѣтъ. Райскій, по взглядамъ, какіе она обращала къ нему, видѣлъ, что въ ней улыбаются старыя воспомнанія, и что она не только не хоронитъ ихъ въ памяти, но передаетъ глазами и ему».—«Я не студентъ, а вы не дѣвочка! упрекнулъ онъ ее». Онъ хотѣлъ «бросить камень» «въ эту холодную безсердечную статую», напомнить ей о долгѣ, о стыдѣ и... «громы умолкли» предъ прелестью «этихъ молящихъ глазъ, полуоткрытыхъ горячихъ губъ». «Своихъ поклонниковъ У. А. «водила за носъ»; «про любовь одного разсказывала другому и смѣялась надъ первымъ, потомъ надъ вторымъ». «Соперниковъ она учила, что и какъ говорить, когда спросятъ о ней». «Если кто, бѣгало, станетъ ревновать ее къ другимъ, она начнетъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ дѣломъ невозможнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла казаться строгой, бранила волокитъ за то, что увлекаютъ и потомъ бросаютъ неопытныхъ дѣвицъ». «Она порицала и осмѣивала подругъ и знакомыхъ, когда онѣ увлекались». Когда Райскій замѣтилъ, что «мужъ ее такъ любитъ», она возразила:—«Куда ему? Умѣетъ онъ любить! Онъ даже и слова о любви не умѣетъ сказать: выпучить глаза на меня—вотъ и вся любовь! точно пень! Далась ему книги, уткнетъ носъ въ нихъ и возится съ ними! Пусть же онъ и любитъ его!» Она увѣряла Райскаго, что отдала Леонтію «всю жизнь, пожертвовала собой: ему покойно, больше ничего не надо...»—«Кто его оскорбляетъ!»—«Что вы мнѣ мораль читаете!» говоритъ она Райскому.—«Я буду для него исправной женой, а любовницей (она сильно потрясла головой)—никогда!» Со студентомъ подарившимъ ей «парижскія ботинки», она стала ласковѣе: шепталась съ

нимъ, убѣгала въ садъ и приглашала къ себѣ по вечерамъ пить чай». Другіе узнали, и стали дарить ей, и она «стала со всѣми одинаково любезна». Своего будущаго мужа, она и не замѣчала. «Она замѣтила только, что у него то на вицъ-мундирѣ пуговицы нѣтъ, то панталоны разорваны, или худые сапоги. «Да еще странно казалось ей, что онъ ни разу не посмотрѣлъ на нее пристально; а глядѣлъ, какъ на стѣну, на скатерть».—«Какой смѣшной, этотъ Козловъ у васъ!—говорила она; но когда пришивала оторвавшуюся пуговицу, къ вицъ-мундиру Леонтія, то «щека ея была у его щеки, и ему надо было удерживать дыханіе, чтобъ не дышать на нее»; «потомъ она крѣпко прижалась щекой къ его груди, около самаго сердца, и откусила нитку».—«Что жъ стоите? Скажите merci, да поцѣлуйте ручку!»—«Ахъ, какой, сказала она повелительно, и прижала крѣпко свою руку къ его губамъ, все съ тѣмъ-же проворствомъ, съ какимъ пришивала пуговицу». «Она знала, что онъ «принималъ за чистую монету всякій ея взглядъ, всякое слово» и когда онъ объявилъ, что «женится на ней», У. А. обѣщала написать къ нему, когда придетъ время выходить замужъ. Онъ принялъ это не шутя. «Лѣтъ черезъ пять» (У. А. «уѣзжала куда-то и воротилась въ Москву», «больная, худая»), она написала Леонтію, спрашивала, помнитъ ли онъ ее и свои старыя намѣренія». Онъ «ѣздилъ въ Москву, гдѣ жила У. А. «у бѣдной тетки» и «пріѣхалъ оттуда женатымъ на У. А.». Мужа она называла «дуракомъ» и «уродомъ». Она призналась Райскому, что никогда не любила Леонтія:—«Такихъ не любятъ». На вопросъ, зачѣмъ она шла за-мужъ, У. А. отвѣтила:—«Это другое, совсѣмъ другое дѣло: онъ взялъ я и вышла. Куда-жъ мнѣ было дѣться!»—«Чѣмъ онъ (Леонтій) несчастливъ?—вспыхнувъ спросила У. А.: поищите ему другую такую жену». «Онъ одѣтъ, обутъ, ѣсть вкусно, спитъ покойно, знаетъ свою латынь: чего ему еще больше? И будетъ съ него! А любовь не про такихъ!»—«Мнѣ тошно жить, здѣсь такая скука»... жаловалась У. А. тому же Райскому:—«я захвораю, умру».

«О сношеніяхъ» У. А. съ м-г Шарлемъ, «знали всѣ кромѣ мужа».—«Вы ѣздите къ этой женщинѣ—возможно ли, говорила Крицкая Борису Павловичу.—«Я компрометирована. Что скажутъ, когда узнаютъ, что я завезла васъ сюда? Allons, de grâces, montez vite et partons! Cette femme, quelle horreur». Татьяна Марковна не терпѣла У. А. Узнавъ, что Райскій гулялъ съ Козловой, Бережкова сказала:—«Вотъ, нашель съ кѣмъ гулять! У ней есть провожатый м-г Шарль». Сама У. А. поспѣшила заявить Райскому, только что пріѣхавшему въ Малиновку:—«Не вѣрьте, это все глупости—ничего нѣтъ». Когда Райскій какъ-то упомянулъ имя м-г Шарля, она возразила:—«Шарль! Кто это вамъ напѣлъ? Противная бабушка ваша?—вздорь! вздорь!» У. А., по выраженію мужа, «за словомъ въ карманъ не пойдетъ»; на возраженіе Райскаго, что онъ самъ слышалъ (какъ «за заборомъ, въ садикѣ Козлова», когда Леонтія не было дома, звучалъ смѣхъ и «будто раздался поцѣлуй»), У. А. отвѣтила:—«Это все пустое,—вамъ померещилось! М-г Шарль придетъ, спроситъ сухарь, стаканъ краснаго вина—выпьетъ и уйдетъ». Она умѣла «таиться», притворяться и лгать» и, когда лгала и «таилась», взглядъ ея дѣлался «русалочьимъ», а глаза «прозрачны, какъ вода».—Когда Райскій, жалѣя Леонтія, замѣтилъ:—«Вы его обманываете цѣлую жизнь, каждый день, увѣряете его въ любви».—«Никогда я не увѣряю, да онъ и не спрашиваетъ! Видите, и не обманываю», отвѣтила она. Послѣ того, какъ Райскій сталъ уклоняться отъ встрѣчъ, У. А. была оскорблена. Она «сказала мужу, что другъ его знать ее не хочетъ, не замѣчаетъ, какъ будто она была мебель въ домѣ, пренебрегаетъ ею, что это ей очень обидно и что виноватъ во всемъ мужъ, который не умѣетъ привлечь въ домъ порядочныхъ людей и заставить уважать жену».—«Поговори хоть ты,—жаловалась она:—отложи свои книги, займись мною!» И Козловъ самъ просилъ Райскаго:—«Ты бы ее побаловалъ, Борисъ Павловичъ...»—«Поволочись немного, кокетничай! Вѣдь ты любишь болтать съ бабами! А она только тобой и бре-

днѣ». «Схитрила» она и покидая мужа: «сказала, что хочет повидаться съ родными въ Москвѣ», «выманила у мужа паспортъ», и «укатила съ Шарлемъ, котораго «вызвали зачѣмъ-то въ Петербургъ». Она лишь «съ дороги» написала письмо Леонтію, чтобы онъ ее не ждалъ, что она не воротится, что не можетъ жить съ нимъ, зачахнетъ здѣсь».

Райскій сравнилъ У. А. съ «простодушной нимфой», ищущей встрѣчи съ сатиромъ».—«Каково-то мнѣ жить, жить безъ любви!» сказала она Райскому, при видѣ котораго «у нея глаза загорѣлись отъ удовольствія». «Она бросила бѣглый взглядъ на лицо, на костюмъ Райскаго, и потомъ лукаво и смѣло глядѣла ему прямо въ глаза».—«Вы всѣхъ здѣсь съ ума сведете, меня первую.. Помните? начала она, и глазами договорила воспоминаніе. Она пристально разглядывала Райскаго, и даже мужъ ей замѣтилъ:—«что ты усталила на него глаза?» Когда Райскій «сказалъ ей рѣзко»:—«А стыдъ, куда вы дѣли его, У. А.?»—«Стыдъ... стыдъ... шептала она, обливаясь румянцемъ»: «Стыдъ я топлю въ поцѣлуняхъ».—«Да, мое время проходить...» сказала она со вздохомъ».—«Немного мнѣ осталось... что это, какъ мужчины счастливы: они долго могутъ любить...—«Вы теперь уже не влюбитесь въ меня—нѣтъ? говорила сна» Райскому. Когда Леонтія спросилъ У. А., чѣмъ онъ сможетъ отдарить Райскаго (за книги):—«тебя, что ли, отдамъ?»—«добавилъ онъ нѣжно».—«Отдай: я пойду, возьмите меня! сказала она, вдругъ сверкнувъ взглядомъ, какъ будто огнемъ». Она бредила Райскимъ и ея «бредъ» слышалъ даже Козловъ. Она встрѣтила его «съ распростертыми объятіями».—«Для меня вы все тотъ же милый студентъ, шалунъ, а я для васъ та же послушная дѣвочка!» «Съ блескомъ на рыжеватой маковкѣ и бровяхъ, съ огнистымъ румянцемъ, ярко проступавшимъ сквозь веснушки», она смотрѣла ему прямо въ лицо лучистыми, горячими глазами, съ безпечной радостью, отважной рѣшимостью, и затаеннымъ смѣхомъ». «Онъ попалъ будто въ клѣтку тигрицы, которая, сидя въ углу, слѣдитъ за своей жертвой: и только онъ брался за ручку двери, она ужъ стояла передъ нимъ, прижавшись спиною къ замку, и глядя на него своимъ смѣющимся взглядомъ безъ улыбки. Въ отвѣтъ на молчаніе, холодъ, сухіе взгляды, и «легкую улыбку презрѣнія» Райскаго, она лънула къ нему.—«Развѣ вы все отдали Вѣрѣ: да? шептала она».—«Вѣрѣ,—вдругъ спросилъ онъ, отгаливая ее.—«Такъ—я все знаю—молчите. Забудьте на минутку свою милую».—...Хоть на часъ будьте мой—весь мой,... чтобъ никому ничего не досталось! И я хочу быть—вся ваша... вся!—страстно шептала она, кладя голову ему на грудь».—«Я ждала этого, видѣла васъ во снѣ, бредила вами, не знала какъ заманить. Случай помогъ мнѣ—вы мой, мой, мой!—говорила она, охватывая его руками за шею и цѣлуя воздухъ». «Она бросилась къ двери, заперла и положила ключъ въ карманъ и смотрѣла на Райскаго «съ дерзкимъ торжествомъ, сверкая смѣющимися глазами». «Райскій молча дивился красотѣ ея римскаго профиля». Она увѣряла, что «любить» его и «все вѣрна милому студенту Райскому». «Она играла своимъ позоромъ». Когда же Райскій вздумалъ вдругъ пробудить «давно уснувшій стыдъ», «она вздрогнула», «руки у ней упали неподвижно, она взглянула на Райскаго мутно, сильно оттолкнула его, повела глазами вокругъ себя, схватилась обѣими руками за голову и испустила крикъ, т. ч. Райскій испугался», «потомъ оставалась минутъ пять въ забытьѣ, наконецъ пришла въ себя...» «и вдругъ дико, бѣшено стиснула его руки за шею, прижала руки къ груди и прошептала:—«Вы мой... мой! не говорите мнѣ страшныхъ словъ».—«Вы мой теперь: никому не отдамъ васъ!» Она торжествовала. Райскій «избѣгалъ ходить» въ домъ Леонтія: «его угрызало воспоминаніе о томъ, какъ онъ великодушно исполнилъ свой долгъ», а У. А., «внутренно торжествующая», каждый разъ встрѣчала его «страстными взглядами и съ затаеннымъ смѣхомъ въ неподвижныхъ чертахъ». Вскорѣ Райскій, гуляя съ Волоховымъ, увидѣлъ купающихся, неподалеку другъ отъ друга, м-г Шарля и У. А.; «оба хотѣли спрятаться, но Маркъ закричалъ имъ.—«Никто не боится!» отвѣтила У. А., выходя нехотя (изъ-за кустовъ) и

«стараясь не глядѣть на Райскаго». Когда Борисъ Павловичъ, по порученію Леонтія, посѣтилъ У. А. въ Петербургѣ,—она его не приняла.

Унтеръ («Ф р е г. П а л.»).—Когда, на о. Батаѣ, матросы увидѣли «какое-то животное («съ змѣинымъ жаломъ, на двухъ ножкахъ», какъ утверждалъ одинъ изъ матросовъ, «и съ двумя стрѣлками во рту», по описанію другого), У. «заключилъ, подумавши»:—«это драконъ, ваше в-дѣ!»—«Дня три караулилъ его, да все схватить нельзя: часто да ненадолго выходитъ. Сегодня удалось только ударить его вѣсломъ по спинѣ...».

Уранова—племянникъ («Л и т е р. в е ч.»).—См. М и т я.

Урановъ, Григорій Петровичъ («Л и т е р. в е ч.»).—Пріятель и сослуживецъ Бебикова Вдовецъ. «Съ утра до вечера онъ обыкновенно жилъ въ толпѣ, никогда не былъ и не умѣлъ быть одинъ. Все, что дѣлалось въ свѣтѣ—болѣе или менѣе касалось и его». «Онъ и совѣтъ свой, въ которомъ служилъ, любилъ пстому, что онъ занималъ у него три утра въ недѣлю. Онъ называлъ его утреннимъ клубомъ, въ отличіе отъ вечерняго, т. е. англійскаго клуба. Въ свободныя утра, онъ или самъ ѣхалъ, или къ нему ѣхали съ визитами; потомъ онъ обѣдалъ у знакомыхъ, или у него обѣдали знакомые. Онъ щеголялъ гастрономическими обѣдами, на которые приглашалъ тонкихъ знатоковъ изъ гастрономовъ-пріятелей. Вечера—тоже въ свѣтѣ, или у себя, а больше въ клубѣ, за картами. Лѣтомъ «перевѣзжалъ по неволѣ» куда нибудь, больше на острова, чтобы не удалиться отъ города». «Такъ называемую природу, лѣсъ, горы, озера и прочее, онъ терпѣть не могъ».—«Нашли какую рѣдкость—хорошій воздухъ! Еще рекомендуютъ, какъ лѣкарство!—ворчалъ онъ сердито, нюхая воздухъ въ аллеяхъ слагинскаго парка.—А чѣмъ воздухъ дуренъ въ клубѣ, или хоть въ нашемъ совѣтѣ, если только не садиться близко къ Петру Өомичу, да къ Семену Яковлевичу (ср. А я н о в ъ). Искусствомъ не интересовался. Когда зашла рѣчь о древнихъ произведеніяхъ скульптуры, и Чешневъ находилъ ихъ неподражаемыми, У. замѣтилъ:—«Теперь все это машинами стали дѣлать на фабрикахъ,—magnifique—et pas cher!» Въ романѣ Бебикова нашелъ «грандіозныя картины», хотя романовъ не читалъ вовсе (когда рѣчь зашла объ извѣстномъ романѣ Эркмана-Шатріана «Исторія крестьянина», У. все «добивался» у Сухова, читалъ ли его тотъ, и спрашивалъ, что тамъ такое описывается?). Одобрилъ рѣчь-лекцію Профессора («Дѣло! дѣло! именно такъ!»), выяснявшаго и объяснявшаго значеніе романа вообще, хотя къ литературѣ былъ совершенно равнодушенъ; это, однако, по его словамъ, не значило, что онъ былъ равнодушенъ» къ Бебикову и «его произведенію». Онъ счелъ себя даже «обиженнымъ», когда Бебиковъ не пригласилъ его «въ свой «домашній кружокъ» послушать чтеніе романа и «торжествовалъ», послѣ того, какъ «авторъ обѣщалъ прочесть свое произведеніе въ его, Уранова, домѣ. «Собственно романомъ» У. «мало интересовался», но «слухъ о романѣ произвелъ сенсацію въ свѣтѣ, сталъ событіемъ дня, и поэтому сталъ и для него событіемъ». «Прежде и старательнѣе всего, У. позаботился о меню ужина, (онъ называлъ себя «авторомъ» этого меню) и о томъ, чтобы общество слушателей имѣло и авторитетныхъ представителей литературнаго міра (въ число этихъ представителей онъ включилъ и Красноперова, «предполагая въ немъ знатока литературы», п. ч. тотъ былъ когда-то пріятелемъ Греча и Булгарина), онъ же просилъ племянника «помочь, чтобы весело было». «Хорошъ или дуренъ романъ, будутъ довольны слушатели и авторъ слушателями», для У: было—«дѣло совсѣмъ не въ томъ. А въ томъ, что вся эта процедура займетъ у него цѣлую недѣлю: развѣзды, приглашенія и, наконецъ, желанный вечеръ, проведенный по-зимнему, далеко за полночь, и потомъ ужинъ до утра! Кроме того, послѣ долго будутъ говорить, что авторъ читалъ первый разъ, почти публично, у него, у У—а!»

Въ качествѣ «гостепріимнаго хозяина, во время перерыва, приглашалъ каждого «освѣжиться шампанскимъ, а автору, принесъ какой-то флаконъ съ утоляющими жажду лепешками, купленный въ англійскомъ магазинѣ».—«Въ

Лондонъ, въ парламентъ у всякаго оратора непременно есть въ карманѣ такой флаконъ!—объяснилъ онъ.—Я буду возить съ собой въ совѣтъ!» Кряковъ, «какъ рублемъ подарилъ» «гостепріимнаго» У., когда на его убѣжденіе отужинать (У. «почти силою толкалъ» въ столовую» «упрямыхъ», въ томъ числѣ и Крякова), сказалъ:—«Хорошо, хорошо, это кстати», я проголодался».—«И прекрасно, отвѣтилъ У., пожимая ему руку: «я очень радъ». За ужиномъ больше молчалъ, но «внушительно замѣтилъ» Красноперову:—«Что ты! что намъ за надобность угождать, вѣдь мы не ребята; чего намъ заискивать у новаго поколѣнія. Мы его не боимся и ничего не ждемъ отъ него дурного. Вонъ онъ (У. указалъ на племянника) тоже новое поколѣніе: что жъ, дурень, что ли? Въ большинствѣ и всѣ они такіе, и дай Богъ, чтобъ были такіе». Обидѣлся за отсутствующаго автора, и «учтиво» замѣтилъ Крякову, что никто не проситъ восхищаться романомъ, тѣмъ болѣе, что онъ и не напечатанъ, а прочтенъ «по довѣрію, въ надеждѣ на снисхожденіе». Предложилъ поднести Бебикову старинный кубокъ, хранившійся у него въ шкапѣ и написать на кубкѣ имена всѣхъ присутствующихъ на вечерѣ. Послѣ рѣшительнаго отказа Крякова присоединить свою подпись, «началъ немного беспокоиться и поглядывать съ недоумѣніемъ то на Крякова, то на своего племянника (который привелъ Крякова»). Поведеніе Крякова смущало У.: «ему было какъ-то неловко и, въ концѣ концовъ, онъ «твердо заявилъ», въ отвѣтъ на рѣчи Крякова:—«Позвольте не согласиться съ вашимъ отзывомъ»: «романъ не скучный... Мы всѣ на лицо и всѣ скажемъ противное». Однако, на парадоксъ Крякова, «что въ жизни есть—все нужно!»—У. «добродушно улыбнулся» и замѣтилъ:—«Нѣтъ, тутъ есть и правда!» Когда тотъ же Кряковъ назвалъ романъ Бебикова «протестомъ аристократизма и милитаризма противъ демократіи», «противъ человѣческихъ правъ, личной свободы, равенства», У. призналъ и это «очень любопытнымъ». Когда же Кряковъ обозвалъ всѣхъ присутствующихъ повиннистами, У. съ недоумѣніемъ поглядывалъ на сосѣдей.—«Что это еще такое? шепотомъ спросилъ генераль у Сухова. Тотъ спросилъ о томъ же у Уранова. У—ъ у Чешнева», но какъ хозяинъ, старался «загладить дурное впечатлѣніе и, на слова Сухова («А все-таки весело, превесело здѣсь!») тихо сказалъ:—«Да, весело: только какъ мнѣ придется раздѣливаться». Но въ отвѣтъ на заявленіе Крякова, «того и гляди, за полиціей пошлютъ»,—отвѣтилъ, «почти обидчиво»:—«Не беспокойтесь, вы здѣсь въ полной безопасности!» Прощаясь съ Кряковымъ, заявилъ:—«Я самъ приѣду къ вамъ съ визитомъ, благодарить васъ за посѣщеніе», но послѣ ухода Крякова сказалъ, показывая на Сухова:—«Мы поѣхали бы—вотъ съ нимъ!»—«если бъ это было въ городѣ. Но, конечно, онъ не серьезно приглашалъ насъ, да еще въ Павловскъ! Ты, Митя, завези ему просто наши карточки». Послѣ того, какъ открылось, что Кряковъ былъ не кто иной, какъ переодѣтый артистъ Имп. Театровъ», У. въ день бенефиса артиста поднесъ ему большой старинный серебряный кубокъ, предназначавшійся Бебикову.

Устинья («Обрывъ»).—Кухарка эконома, отца Улиньки. «Нескладная баба, съ такимъ лицомъ, которое какъ будто чему нибудь сильно удивилось когда-то, да такъ на всю жизнь и осталось съ этимъ удивленіемъ». У. была «постоянный предметъ вниманія и развлеченія гостей».

Устинья («И. С. Поджабринь»).—Кухарка Прасковьи Михайловны».

Учитель («Обломовъ»).—Уп. л. Учитель-нѣмецъ: приѣзжалъ «года въ три разъ», вмѣстѣ съ княземъ, въ Верхлѣво и «точилъ на станкѣ табакерки и пуговицы».

Учитель математики («Обрывъ»).—Уп. л. У Райскаго. При объясненіи, «иное слово» скажетъ коротко и густо, точно оборветъ, другое растянеть, будто пропоетъ, вдругъ словъ десять посыплются «какъ орѣхи». Писалъ на доскѣ «проворно и крѣпка цифры»; «часто бился» съ Райскимъ и почти каждый разъ со вздохомъ прибавлялъ:—«Садись на свое мѣсто, ты пустой малый!» Когда же

Райскій, «путемъ сверкающей въ головѣ «догадки», доходилъ «скорѣе всѣхъ» до рѣшенія задачи, У. восклицалъ:—«Ну, не пустой ли малый».—«Не умѣетъ сдѣлать задачи указаннымъ, слѣдовательно, облегченнымъ путемъ, а безъ правилъ наобумъ говорить. Глупѣ насъ съ тобой выдумывали правила!»

Учитель музыки («Обрывъ»).—Уп. л. Нѣмецъ; «прежде всего искорвалъ Райскому руки и началъ напѣвать, слѣдя за каждымъ ударомъ по клавишу: а-а-у-у-о-о».

Учитель музыки («Обломовъ»).—Уп. л. Учитель княжескихъ дѣтей изъ Верхлёва; «напивался отъ воскресенья до воскресенья».

Учитель рисованія («Обрывъ»).—Уп. л. Когда У. «недѣли на двѣ посадилъ классъ рисовать зрачки», Райскій не утерпѣлъ, придѣлалъ къ зрачку носъ и даже началъ было тушевать усы, но У. засталъ его и сначала дернулъ за вихорь, потомъ, взглянувшись, сказалъ:—Гдѣ ты учился?—«Нигдѣ, былъ отвѣтъ».—«А хорошо, братъ, только, видишь, что значитъ впередъ забѣгать: лобъ и носъ—хоть куда, а ухо, вонъ гдѣ, посадилъ, да и волосы, точно мочало, вышли». Когда Райскій попросилъ позволенія срисовать копию женской головки, висѣвшей въ учительской квартирѣ:—«А если стекло разобьешь? сказалъ У., однако, далъ ему головку».

Ф.

Фермеръ («Фрег. Пал.»).—Голландецъ, фермеръ изъ Капской колоніи. «Высокій, съ просѣдью, старикъ, съ нависшими бровями, въ длинной суконной курткѣ, закрывавшей всю поясницу, почти въ такомъ же длинномъ жилетѣ, въ широкихъ нанковыхъ, падавшихъ складками около ногъ, панталонахъ. Отъ дома и отъ него такъ и повѣяло Поль Поттеромъ, Міерисомъ, Теньеромъ». «На крыльцѣ лежало безчисленное множество тыквъ».—«Радъ такимъ гостямъ издалика!»—«неторопливо, безъ увѣреній, безъ суеты, кратко» привѣтствовалъ Ф. русскихъ путешественниковъ. «Смотрѣлъ такъ кротко и ласково, что у него улыбались всѣ черты лица». Угостилъ гостей отличнымъ завтракомъ, состоявшимъ изъ произведеній своей фермы.

Фертовъ («Литер. вѣч.»).—«Необходимое лицо», «и по службѣ, и по всякимъ другимъ дѣламъ для Бебикова. «Представительная салонная фигура». Высокій, красивый и отлично одѣтый господинъ, лѣтъ сорока, свѣтлоокій блондинъ, съ проборомъ посреди головы, съ бакенбардами, струями падавшими къ плечамъ, съ изящными манерами». Былъ «вѣрнымъ эхомъ городскихъ новостей и слуховъ, особенно въ высшихъ сферахъ». Бебикову «добывалъ особенныя, предварительныя, справки по дѣламъ, дѣлалъ развѣдки, *lâtait le terrain* въ томъ или другомъ вѣдомствѣ,—не путемъ бумажныхъ отношеній, а лично: былъ употребляемъ для компромиссовъ, улаживалъ пути, устранялъ, своимъ ловкимъ и пріятнымъ характеромъ, недоразумѣнія и т. д.». На литературномъ вечерѣ у Уранова «рѣялъ, какъ зефиръ, между слушателями и, наклонясь то къ тому, то къ другому, особенно къ дамамъ, ронялъ по нѣскольку словъ восторженныхъ похвалъ о романѣ».

Ферстфельдъ («Фрег. Пал.»).—Докторъ изъ Стелленбоша (Капская колонія); узнавъ, что пріѣхали русскіе, пришелъ посмотреть:—«Никогда, говорить, не видалъ». Ф. «говорилъ по-французски и откровенно объяснялъ, что онъ такъ много слышалъ и читалъ о русскихъ, что не могъ превозмочь любопытства и пришелъ познаться».—«Я занимаюсь немного естественными науками, геологіей, и неестественными: френологіей; люблю также этнографію. Поэтому мнѣ очень интересно взглянуть на русскій типъ»,—замѣтилъ Ф. Русскій типъ, однако, открылъ въ спутникахъ Гончарова «не русскаго происхожденія».—«Онъ ожидалъ, кажется, увидѣть богатырей, а, можетъ-быть, людей немного

звѣрской наружности, и удивился, когда узналъ», что у насъ много ученыхъ, есть литература».—«Да, русскіе сильны: о! о нихъ много-много слуху!»—говорилъ Ф.

Фогъ («Ф р е г. П а л.»).—Владѣлецъ магазина въ Шанхаѣ. «Высокій, черноволосый мужчина». Еврей.

Французъ («О б р ы в ъ»).—Уп. л. Эмигрантъ, жившій у тетки Бережковой. Сравнивая игру Райскаго на фортепіано съ игрою Ф., Татьяна Марковна находила, что Райскій играетъ «не хуже».

Французъ («О б ы к н. И с т.»).—Учитель Тафаевой. См. Т а ф а е в а.

Х.

Хабаровъ, Леонтій («П р е в р. с у д ь б ы»).—Отставной штабсъ-ротмистръ. Служилъ въ военной службѣ въ Царствѣ Польскомъ. «Отецъ привезъ Х., почти прямо изъ корпуса, въ полкъ», «отдалъ его на руки начальства и, оставивъ сыну пятьсотъ рублей», «уѣхалъ». Молодой Х. скоро свыкся въ полку со своими товарищами» и производилъ также на начальство выгодное впечатлѣніе. Онъ былъ очень исправенъ по службѣ: не гулялъ, не пилъ, словомъ, былъ трезвымъ и исправнымъ офицеромъ. «Только денегъ у него было немного, вся бѣда заключалась въ томъ», что «жить офицерскимъ жалованьемъ ему трудно было и въ деревнѣ даже, гдѣ стоялъ ихъ полкъ. Онъ сталъ ухитряться, какъ бы вести свои дѣла такъ, чтобы не затынаться въ долги и поддержать свое достоинство офицера. Для этого онъ купилъ за сто пятьдесятъ рублей, разумеется, ассигнаціями, молодую лошадь, выѣздилъ ее отлично и сбывъ въ другой полкъ уже за тысячу рублей». «Онъ служилъ усердно, узналъ толкъ въ лошадяхъ, выѣзжалъ ихъ, сбывалъ въ другіе полки и жилъ почти припѣваючи». На смотре, въ Варшавѣ, куда потребовали полкъ, Х. замѣтилъ великій князь Константинъ Павловичъ.—«Этого перевести въ Варшаву, въ мою гвардію»,—сказалъ великій князь. «Когда полковой командиръ объявилъ» Х. «объ этой милости, надѣясь его обрадовать, онъ встрѣтилъ, къ удивленію, одно гробовое молчаніе офицера».—«Вы, кажется, Х., не рады этому случаю?—спросилъ онъ».—«Какъ не радоваться: только жить мнѣ нечѣмъ будетъ здѣсь! Я бы попросилъ избавить меня отъ этой чести». «Полковой командиръ доложилъ объ этомъ великому князю. Послѣдовалъ приказъ выдавать Х. вдобавокъ къ жалованью по двѣсти рублей въ годъ». «Онъ промаячилъ еще кое-какъ года два, потомъ донесъ своему начальству, что онъ не можетъ существовать въ столицѣ, и просилъ уволить его отъ военной службы, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ». «Кромѣ обыкновеннаго указа объ отставкѣ, великій князь далъ ему свидѣтельство за собственноручной подписью въ томъ, что онъ своею службою и поведеніемъ заслуживаетъ полное одобреніе и можетъ исполнять всѣ возлагаемыя на него дѣла и порученія». Съ «этими документами» Х. и отправился въ Петербургъ «просить мѣста городничаго въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ». «Министръ принялъ его очень любезно и адресовалъ его къ директору департамента». «Его имя и адресъ записали и велѣли время отъ времени навѣдываться». «Кто-то надумилъ его просить или искать (въ другомъ вѣдомствѣ) мѣста смотрителя какого-нибудь казеннаго заведенія»; «наконецъ, по чьему-то совѣту, онъ обратился къ почтовому вѣдомству, выразивъ желаніе опредѣлиться почтмейстеромъ въ какой-нибудь уѣздный городъ». Но для Х. «не оказалось никакого мѣста». Послѣ долгихъ поисковъ, онъ поступилъ «управляющимъ домомъ къ одному богатому человѣку», но такъ какъ онъ былъ «очень исправенъ» и «усердствовалъ», то «нажилъ себѣ много враговъ» и, въ концѣ концовъ, хозяинъ распростился съ Х. (См. Хозяинъ). Купецъ, къ которому поступилъ Х., также расстался съ нимъ «за неисправность», хотя Х. «былъ самый исправный» служака. Послѣ этого, онъ нанялся «за рубль въ сутки» въ чернорабочіе и, вмѣстѣ съ дру-

гими, «потянулъ лямку». Такъ проработалъ онъ дней двѣнадцать, и «отъ непривычнаго труда», «ладони у него покрылись мозолями». Въ Царскомъ Селѣ, куда Х. отправился, самъ не зная, зачѣмъ,—онъ увидѣлъ Государя и, «сравнившись съ силами», «разсказалъ» «исторію всего того, что онъ претерпѣлъ въ Петербургѣ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ военную службу; какъ онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ записанъ кандидатомъ, гдѣ именно, какъ сначала секретари, потомъ швейцары отгоняли его отъ дверей, потомъ разсказалъ о частныхъ своихъ занятіяхъ, наконецъ, перешелъ къ работѣ у шпиля и въ заключеніе показалъ свои дрожащія, покрытыя мозолями руки». «Потрясенный нравственными впечатлѣніями, встрѣчей съ государемъ и словами его и Диблча, вслѣдствіе всего испытаннаго имъ, онъ заболѣлъ нервной горячкой и пролежалъ больной около шести недѣль». Государь пожаловалъ Х. «пять тысячъ рублей ассигнаціями», и, «по выздоровленіи», ему было обѣщано Дибичемъ мѣсто смотрителя работъ при строящемся въ Москвѣ храмѣ Спасителя». Х. вскорѣ тамъ и «устроился».

Хагивари-Матаса («Ф р е г. П а л.»).—Старшій изъ баніосовъ. При вторичномъ свиданіи съ Гончаровымъ, потупился, какъ быкъ, и «подалъ» «кулакъ».

Хатьновы («Обрывъ»).—Уп. л. Знакомые Аянова.

Хозаровы («Обыкновенныя Ист.»).—«Знакомые» Александра. По отзыву Петра Ивановича, «люди порядочные»; по мнѣнію раздраженнаго Александра, Х—ы «цѣлая семья животныхъ!»—«Одинъ расточаетъ вамъ въ глаза лезть, ласкаетъ васъ, а за глаза... я слышалъ, что онъ говоритъ обо мнѣ. Другой сегодня съ вами рыдаетъ о вашей обидѣ, а завтра зарыдаетъ съ вашимъ обидчикомъ; сегодня смѣется съ вами надъ другимъ, а завтра съ другимъ надъ вами».

Хозяинъ дома («Превръсудьбы»).—Богатый человѣкъ; къ нему поступилъ управляющимъ Хабаровъ. Когда на Хабарова посыпались жалобы отъ жильцовъ (за его чрезмѣрное усердіе), хозяинъ не слушалъ и только смѣялся надъ жаловавшимися и одобрялъ распоряженія управляющаго. «Но, наконецъ, все это до того надоѣло ему, что онъ рѣшился, или какъ-нибудь помирить этого черезчуръ усерднаго управляющаго съ врагами его, или пожертвовать управляющимъ»:—«Не гнать же изъ-за него всѣхъ жильцовъ!»—думалъ онъ.—«Вы отлично распорядитесь!»—сказалъ онъ, пригласивъ Хабарова къ себѣ.—«Но войдите и въ мое положеніе: не проходитъ дня, чтобы кто-нибудь на васъ не пожаловался!»—«Онъ засмѣялся». Когда же въ домѣ случился пожаръ (отъ поджога), Х. на другой день «пригласилъ къ себѣ Хабарова»:—«Я знаю, что вы не виноваты,—сказалъ онъ:—всѣ думали, что вы новая метла, а вы исправный и честный человѣкъ, оттого всѣ и напали на васъ и чуть-было не сожгли, какъ не даромъ говорить въ домѣ. Тутъ надо не такого человѣка, какъ вы, а собаку! Такого я и сыщу! А пока прощайте и извините меня! Вотъ вамъ заработанные вами сто рублей».

Хозяйка («Превръсудьбы»).—У нея жилъ «на хлѣбахъ» Хабаровъ. Когда онъ заболѣлъ, Х. ходила за нимъ, какъ родная.

Хозяинъ («Ф р е г. П а л.»).—«Молодой, высокій, блѣлокурый, очень красивый французъ», «изысканно одѣтый». Хозяинъ лавки въ Манилѣ. Въ его «европейскомъ магазинѣ» «царствовалъ такой эклетизмъ, что ни за что не скажешь, чѣмъ торгуетъ Х. Тутъ стояло двое-трое столовыхъ часовъ, коробка съ перчатками, нѣсколько ящиковъ съ виномъ, фортеціано; лежали матерія, висѣли золотыя цѣпочки, тѣснились въ кучѣ этажерки, красивые столики, шкапы и диваны, на окнахъ вазы, на столѣ какая-то машина, потомъ бумага и духи». Явился въ магазинъ, минулъ черезъ пять, послѣ прихода покупателей, «и удивился», найдя ихъ «тутъ». На прощанье просилъ «удостоить посѣщеніемъ» магазинъ, если понадобится путешественникамъ—«мѣбель».

Хозяйка («Ф р е г. П а л.»).—Жена предъидущаго. «Немолодая, невысокая, очень некрасивая француженка, одѣтая еще изысканнѣе», чѣмъ ея мужъ.

Вмѣстѣ съ мужемъ, снабдила путешественниковъ «практическими свѣдѣніями», «прибавивъ, въ видѣ украшенія», что въ Маниллѣ всего человѣкъ шесть французовъ, да очень мало американскихъ и англійскихъ негоціантовъ, а то все испанцы; что они все спятъ да ѣдятъ; что сама она католичка, но терпитъ и другія религіи, даже лютеранскую, и что хотѣла бы очень побывать въ испанскихъ монастыряхъ, но туда женщинъ не пускаютъ; она этомъ при вздохнула «изъ глубины души». На вопросъ: «а много-ли монаховъ въ Маниллѣ?»—отвѣтила:—«On ne voit que ça, m-r».

Хозяйка («Ф р е г. П а л.»).—Хозяйка фермы въ Капской колоніи. «Африканская Коробочка».

Хохловъ, Иванъ Ивановичъ («М а и м ѣ с. в ѣ П е т е р б.»).—Управляющій домою; «титуплярный совѣтникъ». «Не любилъ соваться впередъ со своимъ знаніемъ и образованіемъ», но у него былъ какой-то особый нюхъ на «благодѣльныхъ и благонамѣренныхъ жильцовъ»; онъ умѣлъ отговаривать «молодежь обоюга пола, стриженныхъ дѣвицъ въ синихъ очкахъ и длинноволосыхъ юношей, отъ найма квартиры» въ домѣ. «Онъ всѣмъ умѣлъ быть полезенъ и всѣмъ угождалъ, и никогда не разставался со своими шутками и со своей улыбкой». Когда гр. Рѣшетиловъ прислалъ за Х., чтобы пристроить повара, оказавшагося лишнимъ на графской кухнѣ, онъ не растерялся:—«Отчего-же, можно!—подумавъ, отозвался Х.:—«Мѣсто готово, хоть сейчас!»—«Только тамъ денегъ не платятъ»,—замѣтилъ Ив. Ив., со своей неизмѣнной улыбкой:—«Заставятъ поработать вашего повара съ мѣсяцъ или около того, потомъ и откажутъ:—«Не хорошо, молъ, не годится,—скажутъ ему и дадутъ что-нибудь изъ милости, что вздумаютъ, въ вознагражденіе». «Все это, кажется, И. И. выдумалъ, т.-е. «мѣсто для повара, гдѣ денегъ не платятъ», чтобъ графъ не приставакъ къ нему со своимъ предложеніемъ. По крайней мѣрѣ, идучи отъ графа къ себѣ домой, онъ усиленно чему-то улыбался».

Ц.

Цейхъ, Амалія, баронесса («И. С. П о д ж а б р и н ѣ»).—По словамъ Маши, «прехорошенькая, особенно утромъ, какъ съ постели встаетъ». Поджабринъ, при встрѣчѣ съ А., былъ пораженъ «ея красотою». Послѣ покупки у нея лошади Поджабринымъ, «выразительно посмотрѣла на него» и «сдѣлалась разговорчива». Получивъ отъ Поджабрина двѣ тысячи рублей въ долгъ «на четыре дня», «поблагодарила нѣжнымъ пожатіемъ руки и влажнымъ взглядомъ», но денегъ не вернула. Когда же онъ заикнулся и хотѣлъ напомнить о долгѣ, зажала ему ротъ «хорошенькой ручкой». На просьбу Поджабрина вернуть деньги, Ц. отвѣчала:—«Я заняла! Опомнитесь!..» «Напротивъ, я хотѣла спросить васъ, скоро-ли вы мнѣ отдадите семьсотъ рублей за лошадь?».

Ч.

Чемневъ («О б л о м о в ѣ»).—Уп. л. «Помѣщикъ семи душъ», гостившій въ Обломовкѣ.

Чеченинъ («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. По словамъ Марейники, «пріѣхалъ въ отпускъ» къ отцу «и съ самаго начала объявилъ, что ему надо приданое во сто тысячъ, а самъ хуже Мотьки: маленькій, кривоногій, и все курить!»

Чешневъ, Дмитрій Ивановичъ («Л и т е р. В е ч.»).—Старикъ. «Послѣдній изъ могиканъ», по выраженію Крякова. У. Ч. были «рѣдкія и мягкія сѣдины, благодушное, почти женское выраженіе лица и умные, пронизательные глаза, которые иногда прищуривались, иногда покрывались задумчивостью. Закинувъ немного назадъ голову, съ большимъ, открытымъ лбомъ, онъ слушалъ внима-

тельно чтеніе, какъ-будто вокругъ никого и ничего не было». Во время чтенія авторъ удѣлялъ особое вниманіе Ч. «По своей впечатлительности онъ былъ до крайности чутокъ» и ощущалъ пріятное и непріятное, «какъ тепло и холодъ». На критику Крякова романа Бебикова обидѣлся, словно былъ «лично оскорбленъ». Послѣ рѣзкаго отвѣта Крякова, «взглянулъ на него какъ-будто съ состраданіемъ». «Не говорилъ, а пѣлъ» и «съ тоской» отзывался о жизни «безъ идеала», т.-е. «безъ цѣли»; высоко ставилъ поэзію, и, когда Кряковъ назвалъ «ерундой» стихи Пушкина, замѣтилъ ему:—«Вы можете принять девизъ Данте—оставь всякую надежду на поэзію». Для Ч. «отрѣшиться отъ фантазій»—значило «оборвать всѣ цвѣты, погасить солнечные лучи... обратиться въ тьму кромѣшную». «Въ раздумьѣ слушалъ рѣчи Крякова, поникалъ головой и шепталъ:—«Боже мой, будетъ-ли конецъ этому дикому разгулу!» Рѣчи Крякова назвалъ «ребячествомъ», но когда тотъ-же Кряковъ заявилъ, что «это не ребячествомъ, а социализмомъ называется»,—высказался вполнѣ [отъ себя и имени всѣхъ присутствующихъ на вечерѣ:—«Вы всѣ это думаете и чувствуете.—Это общій отвѣтъ нашему собесѣднику, г. Крякову»]: «Пусть,—сказалъ Ч.,—космополиты мечтаютъ о будущемъ отдаленномъ сліяніи всѣхъ племенъ и національностей въ одну человѣческую семью, пусть этому суждено когда-нибудь и исполниться, но до тѣхъ поръ, и даже для этой самой цѣли—если-бъ такова была, въ самомъ дѣлѣ, конечная цѣль людского бытія—необходимо каждому народу переработать всѣ соки своей жизни, извлечь изъ нея всѣ силы, весь смыслъ, всѣ качества и дары, какими онъ надѣленъ, и принести эти національные дары въ общечеловѣческой капиталъ! Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ богаче будетъ этотъ вкладъ и тѣмъ глубже и замѣтнѣе будетъ та черта, которую онъ прибавитъ къ всемірному образу человѣческаго бытія». «Онъ въ раздумьѣ поникъ головой». По мнѣнію Ч., русскій народъ исполняетъ «свою великую и національную, и человѣческую задачу», и «въ ней ровно и дружно работаютъ всѣ силы великаго народа, отъ царя до пахаря и солдата! Когда все тихо, покойно, всѣ, какъ муравьи, живутъ, работаютъ, какъ-будто въ разбродъ; думаютъ, чувствуютъ про себя и для себя; говорятъ, пожалуй, и на разныхъ языкахъ; но лишь только явится туча на горизонтѣ, загремитъ война, постигнетъ Россію зараза, голодъ—смотрите, какъ соединяются всѣ нравственные и вещественныя силы, какъ все сливается въ одно чувство, въ одну мысль, въ одну волю—и какъ вдругъ всѣ, будто подъ наитіемъ Св. Духа, мгновенно поймутъ другъ друга и заговорятъ однимъ языкомъ и одною силою! Баринъ, мужикъ, купецъ—всѣ идутъ на одну общую работу, на одно дѣло, на одинъ трудъ, несутъ милліоны и копѣйки... и умираютъ, если нужно—и какъ умираютъ! Передъ вами уже не графы, князья, военные или стужскіе, не мѣщане или мужики, а одна великая, будто изъ несокрушимой мѣди вылитая статуя—Россія». Когда-же Кряковъ назвалъ Ч. и всѣхъ присутствующихъ «просто-на-просто шовинистами», отвѣтилъ «тихо и почти печально»:—«Нѣтъ, я не ослѣпляюсь условными сентиментами и не поддаюсь ходячему, дешевому патриотизму. Я могъ-бы, въ свою очередь, назвать васъ псевдо-либераломъ».—«Нѣтъ, я этого не сдѣлаю!—мягко перебилъ» Ч. Крякова:—«вы гость здѣсь, и ваша личность неприкосновенна».—«Но оставляя личность въ сторонѣ, я не могу молчать предъ псевдо-либерализмомъ, ноты котораго, извините, звучали въ вашихъ рѣчахъ. Этотъ псевдо-либерализмъ точитъ корни того истиннаго либерализма, который одинъ ведетъ къ прогрессу. Онъ избралъ своимъ девизомъ разрушеніе гражданственности, цивилизаціи, онъ не останавливается ни передъ какими средствами—даже пожарами, убійствами... и не знаетъ самъ, чего хотѣть, и мчится... куда?—задумчиво спросилъ какъ-будто самого себя Чешневъ, поникая головою». «...Онъ мчится мало-по-малу къ той безднѣ,—заключилъ онъ:—отъ которой, умирая, отвернулся и Герценъ, и куда отчаянно бросился маніакъ Бакунинъ, увлекая за собой Панургово стадо...».

Чиновникъ департамента («Обыкновен. Ист.»).—Уп. л. «На улицѣ

какъ-будто этакія» лица «и не встрѣчаются, и не выходятъ на Божій свѣтъ; тутъ (въ департаментѣ), кажется, они родились, выросли, срослись съ своими мѣстами, тутъ и умрутъ».

Чиновникъ («Фрег. Пал.»).—Негръ. Приѣхалъ на корабль (въ Порто-Прайя) «въ форменномъ фракѣ съ галунами»; «освѣдомился о здоровьѣ людей, потомъ объ имени судна, о числѣ людей, о цѣли путешествія, и все это тщательно, но съ большимъ трудомъ, съ гримасами, записалъ въ тетрадь», выводя «каракули».

Чиновникъ («Фрег. Пал.»).—Испанецъ; молодой чиновникъ, какіе есть, кажется, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ цѣлаго міра: безъ дѣла, скужающій, не знающій, куда дѣваться, словомъ, лишний». Гончаровъ встрѣтилъ его на табачной фабрикѣ въ Маниллѣ. Ч. «шелъ-было вонъ», но, когда Гончаровъ показалъ ему «записку»-пропускъ,—«воротился»—и такъ, отъ нечего дѣлать—повелъ его къ альфорадору. Послѣ бесѣды съ послѣднимъ, началъ «длинную какую-то рѣчь по-французски», прибавляя «къ каждому слову»: «*Je vous parle franchement, vous comprenez?*» «Говорилъ онъ о злоупотребленіяхъ, да тутъ-же кстати и о строгости», намекая, что «официально, обыкновеннымъ путемъ, трудно сдѣлать что-нибудь, что надо «просто придти», такъ все (т.-е. сигары съ фабрики) и получишь за ту же цѣну». Въ фабричномъ магазинѣ, гдѣ нашлась всего лишь «одна пачка сигаръ», Ч. «шепталъ, отворачиваясь въ сторону, что надо придти «прямо и просто», а куда все не говорилъ», прибавляя «только свое: «*Je vous parle franchement, vous comprenez?*» На вопросъ:—«да не надо-ли подарить кого-нибудь?»—«*Non, non!*»—сильно заговорилъ онъ, но вы знаете сами, злоупотребленія, строгости... но это ничего; вы можете все достать... васъ принималъ у себя губернаторъ—оно такъ, я видѣлъ васъ тамъ: но все-таки надо придти... просто: *vous comprenez?*» [Смыслъ этихъ таинственныхъ рѣчей былъ, кажется, тотъ, что нужно, помимо официальныхъ фактуръ и заказовъ, обратиться къ кому-либо изъ фабричныхъ служащихъ, или «прямо и просто» придти въ магазинъ и заказать, сколько ему нужно, т. к. въ такомъ случаѣ деньги за товаръ поступаютъ не въ пользу администраціи фабрики]. Лишь дѣйствуя «прямо и просто», по совѣту Ч., Гончаровъ получилъ желаемое изъ магазина, въ которомъ раньше не оказывалось вовсе сигаръ.

Чиханова («Май мѣс. въ Петерб.»).—Жена Чиханова; всегда «была какъ-то въ тѣни и жила своей собственной жизнью». Во время безденежья, «сидя на Антоніевой пищѣ», заѣхала «въ Гостинный дворъ и къ портнихѣ-французженкѣ; потомъ одѣлась скромно, но прилично», и «въ черномъ платьѣ, съ подвязанной щекой, будто отъ зубной боли», «поѣхала къ знакомымъ богатымъ барышнямъ кланяться на бѣдность, и добыла «рублей двѣсти».

Чихановъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Человѣкъ съ пѣвучимъ теноромъ и масляними глазками; когда-то «служилъ въ военной и гражданской службѣ, вертѣлся въ большомъ свѣтѣ, жилъ долгами, но былъ всегда франтовски одѣтъ, принятъ въ лучшихъ салонахъ. Его называли «*ci-devant jeune homme*», «ловкимъ малымъ», а кое-гдѣ и «пустымъ человѣкомъ». Но ему дѣла ни до чего не было, онъ хлопоталъ только о томъ, какъ бы прожить весело день». За квартиру «просилъ отложить плату до слѣдующей трети», а самъ появлялся въ театрѣ, «въ первыхъ рядахъ», обѣдалъ во французскомъ ресторанѣ. Князю Копылипу, приѣхавшему къ Ч. завтракать, «выставилъ рядъ закусокъ и винъ (взятыхъ въ долгъ) и сказалъ:—«Это «только для васъ, князь, и при васъ мы только позволяемъ себѣ такую роскошь!»—«Сидимъ безъ денегъ, и на Антоніевой пищѣ...», «мы ѣдимъ печенку съ огурцами... приходится такъ...—что дѣлать!»—«Денегъ нѣтъ, чтобъ ѣсть, какъ порядочные люди ѣдятъ!» Занявъ у князя пятьсотъ рублей, «какъ ни въ чемъ не бывало», рассказывалъ анекдоты, дѣлалъ удачныя карикатуры общихъ знакомыхъ; словомъ, весь «ожилъ». Когда князь уѣхалъ, Ч. «энергически потрясъ сотенными бумажками; одну отдалъ женѣ, а остальные

спряталъ въ карманъ».—«Ну, теперь недѣли на двѣ разжились! «Онъ захохоталъ».

Чубукъ («Н а р о д и н ѣ»).—Сторожъ канцеляріи губернатора. «Прямой какъ палка», съ полинявшими галунами.

Чудинь («О б р ы в ѣ»).—Уп. л. См. Саврасовъ.

Чуринь («Н а р о д и н ѣ»).—Уп. л. Одинъ изъ пріятелей Якубова.

Чуча, («Н а р о д и н ѣ»).—Сестра Лины. Имя—«Чуча»—«передѣлали» изъ ея фамиліи—Чучина,—п. ч. настоящее имя, Аполлинарія, сокращенію «не поддавалось». У нея была всегда неизмѣнная широкая улыбка, открытые настежь глаза, вѣчно ласковый взглядъ; «у нея установилась одна мина навсегда и для всѣхъ» и «для граціи она виляла «таліей и турнурой». «Въ критическія минуты», Ч. прижимала «ладони къ вискамъ», «охала и ахала». Сестра дала Ч. прозвище—«немогучка», за полную безпомощность и неумѣлость. Когда губернаторша приняла сестеръ Чучиныхъ [см. Лина] «подъ свое крыло», Ч. «исполнила какія-нибудь несложныя порученія: сказать что-нибудь горничной, принести изъ другой комнаты ту или другую вещь, пойти въ кабинетъ къ Углицкому, передать что-нибудь, или просто посмотрѣть, кто тамъ у него. Если же пошлютъ ее, напримѣръ, въ лавку, да дадутъ два-три порученія, купить то, отрѣзату аршинъ такой-то матеріи, заѣхать къ портнихѣ и т. п., она наполовину перепутаетъ, наполовину забудетъ». Одно время, въ будніе дни, она «разливала чай», но тогда, «точно домовою тѣшилса надъ ней. У нея чашки скользили изъ рукъ, ложечки летѣли на полъ, поднимался звонъ, громъ. То она нальетъ чаю въ сахарницу; кому вовсе не положить, кому переложить сахаръ. Ее удалили отъ этой обязанности». «И другое шло не лучше». Во время болѣзни Сонечки, Ч. «чуть не надѣлала бѣды: накапала въ рюмку, вмѣсто миндальныхъ капель, какого-то спирта, которымъ надо было натирать горло». «Къ ея счастью, больной показался противень запахъ, и она не приняла». Однажды, по обыкновенію, послѣ обѣдни, губернаторша передала, «за отсутствіемъ Лины, Чучѣ просвирку, чтобы она, по дорогѣ пѣшкомъ домой, отдала просвирку какому-нибудь нищему или нищей, да спросила бы прежде, не ѣли ли они что-нибудь утромъ, такъ какъ просвирка освященная».—«Отдала самому бѣдному!—хвасталась, съ сіяющими глазами, Ч., пришедши домой, за завтракомъ.—«Ничего, говоритъ, со вчерашняго дня не ѣлъ: вотъ, говоритъ, только на копѣечку луку кушилъ, хотѣлъ-было поѣсть...» У него изъ-за пазухи и лукъ торчитъ... Я и отдала... «Смотри же, говорю: прежде вотъ это скушай: это благословенная просвирка!..» Какъ онъ благодарилъ! «Спасибо, говоритъ, спасибо... кланяется до земли, даже ермолку снялъ».—«Какую ермолку?»—«Онъ татаринъ,—вразумила Чуча».—«Татарину освященную просвирку!» «Губернаторша всплеснула руками». «Ч. «оказалась неспособною ни къ какимъ порученіямъ, кромѣ одного—сидѣть въ гостиной, съ вѣчнымъ вышиваньемъ въ рукахъ какой-то безконечной тесьмы, не то для звонка, не то для каймы къ портьерѣ». На обязанности ея лежало «занимать гостей», до прихода хозяйки или хозяина. Она слушала гостей «съ сіяющимъ лицомъ»; «ей было весело, что она» «умѣетъ занимать». Но и тутъ Ч. постоянно доставалось. То она попроситъ гостя «подождать чуточку», п. ч. Марья Андреевна «сейчасъ, сейчасъ будетъ» и прибавитъ:—«Она теперь въ буфетѣ, по хозяйству, поваръ пришелъ. Она заказываетъ, что обѣдать сегодня... и бранить его...—добавляетъ Ч. шепотомъ, все улыбаясь:—сейчасъ кончить».—«Бранить? За что?»—«Вчера столько петрушки въ супъ навалили, что ѣсть нельзя». «Еще ее немного вышкололи, старались преподать нѣсколько темъ для занятій гостей, а то она прежде доходила до геркулесовыхъ столовъ въ дѣлѣ нескромности». Однажды, «боясь» что гостя, «пожалуй», «разсердится и уйдетъ», Ч. «начала рассказывать жестокую семейную сцену между Углицкимъ и женой».—«Левъ Михайловичъ такъ разсердились, такъ кричали... ужасъ, ужасъ!—шепчетъ она.—У Марьи Андреевны сдѣлалась истерика... Левъ Михайловичъ кричали, что лучше застрѣлиться... Сонечка заперлась у себя въ комнатѣ, плакала... ахъ!»—«Да изъ-за чего, изъ-за чего? Говорите скорѣй!—настаивала гостя».—«Еще вчера...—

начала было Ч. и прикусила языкъ». «Въ дверяхъ явилась сама Марья Андреевна». «Она изъ-за портьеры слышала кое-что изъ разговора и послѣшила помѣшать продолженію». «Когда никого не было около Углицкой, Ч. должна была сидѣть въ комнатѣ около нея. Губернаторша зѣвнетъ, и она зѣвнетъ, подставитъ скамеечку». — «Почитайте, Чуча, вонъ изъ той книги, что въ спальнѣ». «Ч. почитаетъ, но и тутъ перепутаетъ слова, не тамъ дѣлаетъ ударенія, гдѣ надо». «Однажды Углицкая попросила Ч. «почитать путешествіе какого-то іеромонаха по св. мѣстамъ». «Она и читаетъ въ одной главѣ: «сей ядовитый полдецъ...» — «Я рассказывала Софья Львовна, изъ своей комнаты слышу голосъ татап: „Ахъ, какая гадость! Какія выраженія! Вы, Чуча, должны были пропустить. Сонечка, послушай, какая гадость!» Я посмотрѣла въ книгу, а тамъ сказано: «сей ядовитый полдецъ»: это говорилось про скорпіона».

III.

Шарль — м-г («О б р ы в ъ»). — Французъ; учитель гимназіи, товарищъ по службѣ Козлова. Копируя м-г Шарля, Викентьевъ «вышелъ на середину комнаты, сдѣлалъ сладкую мину, корпусъ наклонилъ немного впередъ, руки округлилъ, пляпу взялъ подъ мышку и произнесъ: — Mille pardons, mademoiselle, de vous avoir dérangée». Татьяна Марковна его «терпѣть не могла». Весь городъ говорилъ объ отношеніяхъ Ульяны Андреевны къ м-г Ш., но она просила Райскаго не вѣрять, когда ему будутъ «шептать этотъ вздоръ». По ея словамъ, м-г Ш. «товарищъ мужа: они тамъ сидятъ, читаютъ вмѣстѣ до глубокой ночи... Чѣмъ я тутъ виновата? А по городу, Богъ знаетъ, что говорятъ...» Волоховъ насмѣшливо представилъ Райскому м-г Шарля. Съ нимъ вмѣстѣ въ Москву уѣхала Ульяна Андреевна. «Болтунъ, веселый», по отзыву Леонтія.

Шведовъ («Ф р е г. П а л.). — Уп. л. Матросъ съ Паллады. По рассказу Оадеева, Ш. подвѣсился вмѣстѣ съ нимъ и Паисовымъ «къ одному крючку», «сорвался съ койки» и такъ «голову ушибъ», что «сидитъ да стонетъ».

Швейцары («М а и м ѣ с. в ъ П е т е р б.»). — «Одинъ пузатый, плѣшивый», — «другой въ военномъ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ». Во время разборки утренней почты спорили: — «Кто его знаетъ, по-французски это или по-другому; кому это письмо, а кому другое? — говорилъ военный швейцаръ». «— Ужъ я вамъ тысячу разъ твердилъ, — замѣтилъ статскій: — это по-французски, а это по-аглички». «На это замѣчаніе военный только погладилъ свою голову и ничего не сказалъ, а самъ, кажется, думалъ: «Богъ знаетъ, что ты тамъ скажешь». «Статскій высокомерно поглядѣлъ на военного, разобралъ все по порядку, но все перепуталъ, такъ что потомъ пришлось все перебирать опять». Потомъ оба вновь завели споръ «о томъ, чьи гости важнѣе — графа или графини». «— У моего-то графа вонъ какіе, всѣ въ звѣздахъ! А одинъ гость ѣздитъ, махонькій такой: чего-чего на немъ нѣтъ! У васъ такихъ не бываетъ!» «— У насъ-то?! — съ презрѣніемъ отозвался статскій: — да у насъ такія бываютъ княгини и графини, что намъ и во снѣ не видать!»

Шениъ («Ф р е г. П а л.). — Богатый мужикъ, жившій «особнякомъ, на юру», на Жербинской станціи; благодаря своему богатству, «отдѣлался» отъ ямской повинности. На приглашеніе Гончарова придти, Ш. рапортовался больнымъ; когда же, черезъ «полторы сутки», Гончаровъ «сталъ записывать имена ямщиковъ, и Ш. тоже въ книжку», «они такъ перепугались, а чего — и сами не знали, что сейчасъ же привели лошадей».

Шене («И. С. П о д ж а б р и н ъ»). — Дипломатъ; Ш. встрѣтилъ Поджабрина на ужинѣ у Цейхъ, причемъ Ш., «открывъ немного ротъ, смотрѣлъ съ любопытствомъ, какъ Ив. Сав. кланялся, говорилъ и какъ сѣлъ».

Шлепковъ («Н а р о д и н ъ»). — Уп. л. Капитанъ, бывшій однополчанинъ

Углицкаго и Сланцова. По словамъ Углицкаго, «такъ отшлепываетъ въ банкъ, что иногда всѣ деньги изъ полка соберутся у него, — и потомъ у него же занимаются». Ш. «отшлепаль» Сланцова такъ, что тотъ проигралъ ему всѣ деньги Углицкаго.

Шлеппе, Иванъ Богдановичъ («М а й м ѣ с. въ П е т е р б.»).—Вице-директоръ департамента; «нѣмецъ». Человѣкъ тихій и добрый». По словамъ Брагина, «мякушка». «— И лѣнивый какой — ужасъ! Плохо не клади бумаги, гдѣ стоитъ вице-директоръ—сейчасъ подпишетъ!» отзывался о Ш. экзекуторъ. Приѣхалъ на вокзалъ «для приличія» проводить уѣзжавшаго за границу директора. На «наставленія» директора отвѣчалъ: «— Да, да, будетъ исполнено, все будетъ!»...

Шмитъ («О б ы к н. и с т о р і я»).—«Нѣмецъ». Учитель Тафаевой. См. Т а ф а е в а.

Шмитъ («Об р ы в ъ»).— Уп. л. Золотыхъ дѣль мастеръ. Ему заказала Вѣра porte-bouquet и у него же купилъ Райскій «дамскіе часы съ эмалевой доской, съ цѣпочкой» (подарки Марейникѣ въ день ея рожденія).

Штольцъ, Андрей Ивановичъ («О б л о м о в ъ»).— Другъ и ровесникъ Обломова. «Нѣмецъ только вполовину, по отцу»; «вѣру онъ исповѣдывалъ православную, природная рѣчь его была русская». Ему уже за тридцать лѣтъ (въ началѣ романа). «Онъ весь составленъ изъ костей, мускуловъ и нервовъ, какъ кровная англійская лошадь. Онъ худощавъ; щекъ у него почти вовсе нѣтъ, т. е. есть кость да мускуль, но ни признака жирной округлости; цвѣтъ лица ровный, смугловатый и никакого румянца; глаза, хотя немного зеленоватые, но выразительные»; взглядъ «открытый». «Отъ Ш. вѣяло какой-то свѣжестью и силой». «Движеній лишннихъ у него не было. Если онъ сидѣлъ, то сидѣлъ спокойно, если же дѣйствовалъ, то употреблялъ столько мимики, сколько было нужно». Выросъ въ селѣ Верхлѣвѣ и получилъ трудовое, практическое воспитаніе» подъ руководствомъ отца. Восьми лѣтъ онъ сидѣлъ съ отцомъ за географической картой, разбиралъ по складамъ Гердера, Вилланда, библейскіе стихи и подводилъ итоги безграмотнымъ счетамъ крестьянъ, мѣщанъ и фабричныхъ, а съ матерью читалъ священную исторію, училъ басни Крылова и разбиралъ по складамъ Телемака». «Оторвавшись отъ указки, бѣжалъ разорять птичьи гнѣзда съ мальчишками, и нерѣдко, среди класса, или за молитвой, изъ кармана его раздавался пискъ галчатъ». Нерѣдко онъ исчезалъ изъ дома на полсутки» и его приводили «безъ сапогъ, съ разорваннымъ платьемъ и съ разбитымъ носомъ, или у него самого или у другого мальчишки». Онъ «полсутки ходилъ такимъ чистенькимъ, благовоспитаннымъ мальчикомъ, а къ вечеру, иногда и къ утру, опять кто-нибудь притащитъ выпачканнаго, растрепаннаго, неузнаваемаго или мужики привезутъ на возу съ сѣномъ, или, наконецъ, съ рыбаками приѣдетъ онъ на лодкѣ, заснувши на неводу». Однажды онъ «пропалъ на недѣлю» и потомъ его «нашли преспокойно спящаго въ своей постели, а подъ кроватью лежало чье-то ружье и фунтъ пороху и дробл. «— Гдѣ ты пропадалъ? Гдѣ взялъ ружье?» «засыпала мать вопросами». «— Что ты молчишь?» «— Такъ! только и было отвѣтомъ». Въ дѣтствѣ онъ былъ сильнымъ, свѣжимъ ребенкомъ, живымъ и бойкимъ и притомъ такимъ понятливымъ, что скоро сталъ читать «Телемака», какъ сама его учительница-мать и «играть съ ней въ четыре руки». Маленькому князю (который поставилъ Андрея «въ позицію и началъ выдѣлывать удивительныя штуки кулаками, попадая Андрюшѣ то въ носъ, то въ брюхо», сказавъ, что это англійская драка), Андрей, благодаря своей «свѣжести и съ помощью мускулистыхъ рукъ, разбилъ носъ и по англійскому и по русскому способу, безъ всякой науки».—«Онъ и по ночамъ на Ивана Купала въ лѣсу одинъ шатается», говорили о Ш. деревенскіе сосѣди». Въ четырнадцать лѣтъ, онъ «сдѣлался репетиторомъ» «въ маленькомъ пансіонѣ отца и сталъ получать жалованье, по десяти рублей въ мѣсяцъ». Вмѣстѣ съ отцомъ, онъ ѣздилъ, самъ правя лошадью, то «на фабрику», то «въ поля», то «въ городъ, къ купцамъ, въ присутственныя мѣста», или отправлялся смотрѣть, «какъ добываютъ поташъ, или деготь, топятъ сало». «Частенько, одинъ, въ те-

лѣжкѣ, или верхомъ, съ сумкой у сѣдла», онъ отправлялся «съ порученіями отца въ городъ, и никогда не случалось, чтобъ онъ забылъ что-нибудь, переимчивъ, не доглядѣлъ, даль промахъ»; лишь однажды, еще въ дѣтствѣ, онъ пропалъ на недѣлю изъ дома и забылъ приготовить переводъ изъ Корнелія Непота на нѣмецкій языкъ». Послѣ того какъ отецъ «вывелъ его за ворота», и безъ выученнаго урока не велѣлъ показываться, А. ушелъ изъ дома и «возвратился черезъ недѣлю съ готовымъ переводомъ». «Ему некогда было расплываться въ мечтахъ», но въ годы студенчества («Отецъ рѣшилъ, что сынъ его долженъ быть въ университетѣ» и отправилъ Андрея въ Москву), Ш., вмѣстѣ съ Обломовымъ, собиравъ ноги на Везувіѣ, спуститься въ Геркуланъ». Онъ взялъ Обломова за руку и сказалъ: «— Дадимъ обѣщаніе не умирать, не увидавши ничего этого». Онъ самъ желалъ отыскать свою дорогу: «— Я пойду къ нему (Рейнгольду за совѣтомъ), когда у меня будетъ четырехъ-этажный домъ, а теперь обойдусь и безъ него». «— Дѣтей воспитаешь, сами достанутъ; умѣй направить ихъ такъ»,... говорилъ онъ позднѣе Обломову. Передъ нимъ «были открыты всѣ карьеры»: онъ могъ «служить», «торговать», или «сочинять», но еще самъ не зналъ, что избрать, къ чему у него «больше охоты»? «— Да я посмотрю, нельзя ли вдругъ по всѣмъ», сказалъ Андрей отцу, уѣзжая въ Петербургъ. «Онъ пошелъ своимъ свободнымъ путемъ и уѣхалъ за границу, чтобы «во имя науки» смиренно сидѣть на студенческихъ скамьяхъ въ Боннѣ, въ Іенѣ, въ Эрлангенѣ». Мать, своими пѣснями и нѣжнымъ шопотомъ, потомъ княжескій разнохарактерный домъ, далѣе университетъ, книги и свѣтъ — все это отводило Андрея отъ прямой, начертанной отцомъ колеи: русская жизнь рисовала свои невидимые узоры и изъ цвѣтной таблицы дѣлала яркую, широкую картину... «Отъ отца онъ наслѣдовалъ нѣмецкій языкъ», русской рѣчи учился «у матери и изъ книгъ, въ университетской аудиторіи и въ играхъ съ деревенскими мальчишками, въ толкахъ съ ихъ отцами и на московскихъ базарахъ».

«У него была спѣсивая увѣренность въ своихъ силахъ». Самолюбіе онъ называлъ почти единственнымъ двигателемъ, который управляетъ волей». «Онъ былъ бодръ тѣломъ, п. ч. былъ бодръ умомъ». «Трудъ» онъ считалъ образомъ, содержаніемъ, стихіей и цѣлью своей жизни». Онъ и за границей во время отдыха, работаетъ или ѣдетъ осматривать какія-нибудь копи, какое-нибудь образцовое имѣніе». «— Ахъ, если-бъ прожить лѣтъ двѣсти, триста! сколько можно было передѣлать дѣла!» говорилъ Ш. «— Когда-нибудь перестанешь же трудиться, — замѣтилъ Обломовъ». «— Никогда не перестану. Для чего? — Когда удвоишь свои капиталы,—сказалъ Обломовъ. «—Когда учетверю ихъ, и тогда не перестану». «—Такъ изъ чего же,—заговорилъ Обломовъ, помолчавъ:—ты бьешься, если цѣль твоя не обезпечитъ себя навсегда и удалиться потомъ на покой, отдохнуть?...» «— Деревенская обломовщина! — сказалъ Ш.» «— Или достигнуть службой значенія и положенія въ обществѣ, и потомъ въ почетномъ бездѣйствіи наслаждаться заслуженнымъ отдыхомъ...» «— Петербургская обломовщина! — возразилъ Ш. «— Такъ когда же жить? — съ досадой на замѣчанія Ш. возразилъ Обломовъ. — Для чего же мучиться весь вѣкъ? — Для самого труда, больше ни для чего». Онъ говорилъ, что человѣкъ созданъ самъ устраивать себя и даже мѣнять свою природу», что нѣтъ человѣка, который не умѣлъ бы чего-нибудь...» Выше всего онъ ставилъ настойчивость въ достиженіи цѣлей». «Это было признакомъ характера въ его глазахъ, и людямъ съ этой настойчивостью онъ никогда не отказывалъ въ уваженіи, какъ бы ни были не важны ихъ цѣли». «— Это люди!» говорилъ онъ и «самъ шелъ къ своей цѣли, отважно пагая черезъ всѣ преграды»; но онъ «не бросится на стѣну, на авось. Онъ измѣритъ бездну или стѣну, и если нѣтъ вѣрнаго средства одолѣть, онъ отойдетъ, что бы тамъ про него ни говорили». По его мнѣнію, «надо вооружаться твердостью и терпѣливо, настойчиво идти своимъ путемъ», а если настанетъ трудная минута, надо склонить голову и смиренно пережить трудную минуту, «и опять потомъ

улыбнется жизнь, счастье...» «— Мы не Титаны съ тобой», говорилъ онъ Ольгѣ: «— Мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами». «Не видали, чтобы онъ задумывался надъ чѣмъ-нибудь болѣзненно и мучительно; повидимому, его не пожирала угрызения утомленнаго сердца; не болѣлъ онъ душой, не терялся никогда въ сложныхъ, трудныхъ, или новыхъ обстоятельствахъ, а подходилъ къ нимъ, какъ къ бывшимъ знакомымъ, какъ будто онъ жилъ вторично, проходилъ знакомыя мѣста». «Что ни встрѣчалось, онъ сейчасъ употреблялъ тотъ приемъ, какой былъ нуженъ для этого явленія, какъ ключница сразу выберетъ изъ кучи висящихъ на поясѣ ключей тотъ именно, который нуженъ для той или другой двери». Но надъ вопросомъ, «любить ли она, Ольга, или нѣтъ? онъ задумался «съ мучительнымъ волненіемъ, почти до кроваваго пота, чуть не до слезъ...» Когда, въ отвѣтъ на его признанья, Ольга «потупилась и молчала, «ему въ душу пахнуло ужасомъ», и онъ чувствовалъ, что у него холодѣетъ лобъ и дрожатъ руки и ноги». Предъ «бездной», каменной стѣной», воздвигшейся между нимъ, Обломовымъ, Ш. отступилъ. «Ш. измѣнился въ лицѣ и ворочалъ изумленными глазами вокругъ себя», когда «предъ нимъ вдругъ «отверзлась бездна», воздвиглась «каменная стѣна», и Обломова какъ будто не стало, какъ будто онъ пропалъ изъ глазъ его, провалился... Онъ «только почувствовалъ ту жгучую тоску, которую испытываетъ человѣкъ, когда спѣшитъ съ волненіемъ, послѣ разлуки, увидѣть друга, и узнаетъ, что его давно уже нѣтъ, что онъ умеръ». «— Погибъ! — машинально, шопотомъ сказалъ онъ».

Ш.—«не мечтатель». Онъ «дѣловой человѣкъ» и ведетъ «трудовую жизнь». «Онъ служилъ, вышелъ въ отставку», «занялся своими дѣлами», «нажилъ домъ и деньги»: (послѣ смерти отца онъ получилъ «тысячъ сорокъ»); «онъ туристъ и негоціантъ». Въ его домѣ «шкалъ съ минералами, раковинами, чучелами птицъ, съ образцами разныхъ глинъ, товаровъ и прочаго»; онъ участвуетъ въ какой-то компаніи, отправляющей товары за границу», ведетъ «компанейскія дѣла», на блюдетъ за своимъ и чужими имѣньями, (Обломова, Ольги), возится съ повѣренными и подрядчиками. Подъ его надзоромъ Обломовка стала давать Ильѣ Ильичу «порядочный доходъ». Самъ Ш. «безпрестанно въ разъѣздахъ, выучилъ Европу, какъ свое имѣніе», «видѣлъ Россію вдоль и поперекъ». «Какъ онъ успѣваетъ, Богъ вѣсть», но онъ «возился съ Обломовымъ, какъ съ пьяницей»: вводилъ его (въ университетѣ) «подъ ферулу мысли и науки», «приглядывалъ за нимъ, мѣшалъ «ему сидѣть дома», выручалъ его «отъ воровскихъ долговъ». Ольгѣ, «милому ребенку», онъ забрасывалъ «летучіе уроки»: «новую, смѣлую мысль, мѣткое наблюденіе надъ жизнью». За границей онъ для нея «повторялъ свою работу: ѣхалъ съ ней смотрѣть зданіе, мѣсто, машину, читать старое событіе на стѣнахъ, на камняхъ».

Ш., по мнѣнію О.,—«умъ, сила, умѣнье управлять собой, другими, судьбой. Куда ни придетъ, съ кѣмъ ни сойдется—смотришь, ужъ овладѣлъ, играетъ, какъ будто на инструментѣ». Ольга видѣла въ немъ идеалъ мужского совершенства. У него «блестящія качества». Въ дѣтствѣ онъ скоро приобрѣлъ «авторитетъ надъ молодыми князьями. Надъ Ольгой онъ имѣлъ неоспоримый вѣсъ и авторитетъ», «и онъ зналъ, что имѣетъ этотъ авторитетъ». Онъ былъ «руководителемъ» Ольги; она вѣрила ему, какъ матери». Позднѣе, выйдя замужъ за Ш., Ольга увѣровала въ него не слѣпо, но съ сознаниемъ». Обломовъ любилъ искренно его одного, «вѣрилъ ему одному»; даже Захаръ, смотрѣвшій «на всѣхъ другихъ господъ и гостей, приходившихъ къ Обломову, нѣсколько свысока», выражалъ радость пріѣзду Штольца:—«Андрей Ивановичъ!»—прохрипѣлъ онъ радостно». Позднѣе, при встрѣчѣ со Ш. Захаръ суетился, ловилъ руку Ш. и, не поймавъ, поцѣловалъ полу его платья». Тарантьевъ звалъ его «нѣмцемъ» и «продувнымъ».—«Это что: продувной! Видали мы продувныхъ!..»—«Сталъ бы я связываться съ такимъ, если-бъ зналъ!»—отвѣтилъ Мухояровъ. «При появленіи Штольца [въ домѣ Обломова] Тарантьевъ первый проворно переправился черезъ плетень и шагнулъ въ огородъ; за нимъ скрылся въ бесѣдку Иванъ Матвѣевичъ и исчезъ въ свѣтлицу».

«Въ обществѣ, въ которомъ Ш. состоялъ акціонеромъ,—понадобится обществу послать въ Бельгію или Англію агента—посылаютъ его; нужно написать какойнибудь проектъ или приспособить новую идею къ дѣлу—выбираютъ его».—«Что это за господинъ былъ сейчасъ въ ложѣ Ильинскихъ?—спросилъ одинъ изъ франтовъ у другого».—«Это Обломовъ какой-то,—небрежно отвѣчалъ другой».—«Что это за Обломовъ?»—«Это... помѣщикъ, другъ Штольца».—«А!—значительно произнесъ другой.—Другъ Штольца». Поклоненіе такого человѣка какъ Ш. нравилось Ольгѣ. «Онъ ѣздитъ въ свѣтъ»; «у него всюду связи, знакомства». По словамъ Мухоморова, Ш. «съ генераломъ другъ другу ты говорятъ». «Онъ умѣлъ поддерживать на одной высотѣ свое достоинство и больше всего боялся скакать «на конькѣ чувства, не проскакать тонкой черты, отдѣляющей міръ чувства отъ міра лжи и сентиментальности, міръ истины отъ міра смѣшного, или, скача обратно, не заскакать на песчаную, сухую почву жѣсткости, умничанья, недоувѣрія, мелочи». Ольга считала Ш. «безконечно добрымъ, балующимъ ее другомъ», но и она признавала, что Обломовъ былъ еще добрѣе и проще. Ш. являлся ирривымъ, «остороумнымъ собесѣдникомъ», обнаруживалъ «тончайшую игру ума, даже лукавство, огонь»; былъ «немного насмѣшливъ»; бесѣдуя съ Ольгой смѣшилъ ее такъ, что иногда даже ей было какъ будто досадно, что она не можетъ не засмѣяться». Въ его сарказмахъ было «жало». «Ядовитое слово»—«Обломовщина», такъ глубоко уязвившее Илью Ильича, пустилъ Ш. [На вопросъ знакомаго литератора: «что это такое?» Ш. объяснилъ значеніе этого слова, и собравшись «съ мыслями и памятью», рассказалъ ему о жизни и гибели Обломова]. Онъ владѣлъ «искусствомъ рассказывать» «собираетъ всѣ мельчайшія черты» и «ткать тончайшее кружево». Онъ любилъ «и новости, и свѣтъ, и науку, и всю жизнь». Его интересовало, «что въ Верхлѣвѣ пристань хотятъ устроить и предположено шоссе провести», а «въ городѣ ярмарку учреждаютъ». Онъ радовался, что «и на Обломовку пали лучи солнца, и она скоро будетъ станціей дороги, что обломовскіе мужики пойдутъ работать на насыпь, и по чугункѣ побѣжить обломовскій хлѣбъ. Ш. былъ «вѣрнымъ и глубокимъ наблюдателемъ явлений жизни» и его не пугала «заря новаго счастья»; онъ безъ грусти прощался со старой Обломовкой. [«Прощай старая Обломовка! ты отжила свой вѣкъ!»]. Вдали ему видѣлись школы, грамота [«А тамъ.. школы, грамота, а дальше...»] Обломова, котораго онъ называлъ «древнимъ», Ш. совѣтовалъ «дать мужикамъ паспорта и отпустить на всѣ четыре стороны», завести въ деревнѣ школу. Сына Ильи Ильича Ш. хотѣлъ вести, «куда не могъ идти» его отецъ и, вмѣстѣ съ Андреемъ «приводить въ дѣло «юношескія мечты». «Въ медовые годы брака» Ш. «мечталъ по своему, и ему «вдали» «улыбнулся новый образъ, не эгоистки и «не страстно-любимой жены, не матери-няньки, увядающей потомъ въ безцвѣтной, никому не нужной жизни, а что-то другое, высокой, почти небывалое... Ему грезилась мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія». «Онъ искалъ равновѣсія практическихъ сторонъ жизни съ тонкими потребностями духа». Онъ понялъ самъ и далъ понять Ольгѣ «хрустальную, прозрачную душу» Обломова, его «природное золото»—«честное, вѣрное сердце». Отъ его пронизательнаго, зоркаго глаза не укрылась «грусть души (Ольги), вопрошающей о ея тайнахъ», но онъ никакъ не могъ понять, что Обломовъ «присосъ къ ямѣ, больнымъ мѣстомъ», что «попробуй оторвать—смерть будетъ».

Ш. работалъ, читалъ, «учился», «шелъ въ кругъ людей (за границей) знакомиться, сталкиваться съ новыми или замѣчательными людьми». «Утомленный, послѣ дневной сутолоки и «внѣшней бѣготни», онъ любилъ сѣсть около рояля и отдохнуть подъ звуки голоса» Ольги. «Часто, отрываясь отъ дѣлъ, или изъ свѣтской толпы, съ вечера, съ бала», онъ «ѣхалъ посидѣть на широкомъ диванѣ Обломова и въ лѣнливой бесѣдѣ отвести и успокоить встревоженную, или усталую душу, и всегда испытывалъ то успокоительное чувство, какое испытываетъ человѣкъ, приходя изъ великолѣпныхъ залъ подъ собственный скромный

кровь, или возвратясь отъ красотъ южной природы въ березовую рощу, гдѣ гулялъ еще ребенкомъ». Послѣ женитьбы, Ш. жилъ «въ океанѣ книгъ и нотъ» «и отъ его жилища вѣяло теплой жизнью, чѣмъ-то раздражающимъ умъ и эстетическое чувство; вездѣ присутствовала или дремлющая мысль, или сияла красота человѣческаго дѣла». Ш. любилъ и воспоминанія о прошломъ.—«Сколько глупостей!—сказалъ Обломовъ, вспоминая годы студенчества.—«Глупостей!—съ упрекомъ повторилъ Ш». Съ Обломовымъ, («въ которомъ каждая черта, каждый шагъ, все существованіе было вопиющимъ протестомъ противъ его жизни), онъ былъ близокъ: ихъ связывало дѣтство и школа». Онъ не забылъ Обломова и послѣ смерти Ильи Ильича заботился объ его сынѣ. Въ домѣ Ш. нашли себѣ мѣсто «грубые атрибуты простой жизни» въ Верхлѣвѣ: высокая конторка, какая была у отца Андрея, замшевыя перчатки; висѣлъ въ углу клеенчатый плащъ». Но въ минуту «счастья», въ его памяти воскресла только благоухающая комната его матери, варьяціи Герца, княжеская галерея, голубые глаза, каштановые волосы подъ пудрой—и все это покрывалъ какой-то нѣжный голосъ Ольги...» «Вся дѣловая жизнь» «заслонилась въ глазахъ его счастьемъ». [Эти «варьяціи Герца, мечты и рассказы матери, галерея и будуаръ въ княжескомъ замкѣ» и обратили «узенькую нѣмецкую колею», которая предназначалась Андрею отцомъ, въ широкую дорогу]. «Онъ пошелъ своимъ свободнымъ и, какъ казалось ему, простымъ путемъ, и былъ внутренно гордъ и счастливъ всякій разъ, когда ему случалось замѣтить кривизну на своемъ пути и сдѣлать прямой шагъ». Онъ шелъ твердо, бодро; жилъ по бюджету, стараясь тратить каждый день, какъ каждый рубль съ ежеминутнымъ никогда не дремлющимъ контролемъ издержаннаго времени, труда, силъ души и сердца». Кажется и печалью и радостями онъ управлялъ какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ, или какъ обращался съ дурной и хорошей погодой. Онъ распускалъ зонтикъ, пока шелъ дождь, пока длилась скорбь, да и страдалъ безъ робкой покорности, а больше съ досадою, съ гордостью, и переносилъ терпѣливо только потому, что причину всякаго страданія приписывалъ самому себѣ, а не вѣшалъ какъ кафтанъ на чужой гвоздь». «И радостью онъ наслаждался какъ сорваннымъ по дорогѣ цвѣткомъ, пока онъ не увялъ въ рукахъ, не допивая чаши никогда до той капельки горечи, которая лежитъ въ концѣ всякаго наслажденія». «Судьба не любитъ, говорилъ онъ, когда не цѣнять ея даровъ». Больше всего онъ боялся того, что отрываетъ человѣка отъ жизни»—воображенія «всякой мечты», или, если входилъ въ ея область, то входилъ, какъ входящій въ гротъ, съ надписью: *ma solitude, mon hermitage, mon heros*, зная часъ и минуту, когда выйдешь отсюда». «Мечтѣ, загадочному, таинственному не было мѣста въ его душѣ. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было въ глазахъ его оптической обманъ, то или другое отраженіе лучей и красокъ на сѣткѣ органа зрѣнія, или же, наконецъ, фактъ, до котораго еще не дошла очередь опыта». «У него не было и того дилетантизма, который любитъ порыскать въ области чудеснаго, или подонкихотствовать въ полѣ догадокъ и открытій за тысячу лѣтъ впередъ. Онъ упрямо останавливался у порога тайны, не обнаруживая ни вѣры ребенка, ни сомнѣнія фата, а ожидалъ появленія закона, а съ нимъ и ключа къ ней». «Ужели туманъ, грусть, какія то сомнѣнія, вопросы могутъ лишить насъ нашего блага?...—сказалъ онъ Ольгѣ». Онъ хотѣлъ жить просто, хотя «и зналъ, что это мудрено и трудно». [Онъ и съ Ольгой говорилъ «охотнѣе и чаще, нежели съ другими женщинами, потому что она, хотя безсознательно, но шла простымъ, природнымъ путемъ жизни и, по счастливой натурѣ, здравому не пережитренному воспитанію, не уклонялась отъ естественнаго проявленія мысли, чувства, воли]. Онъ любилъ и Обломова «такъ прочно и горячо, п. ч. «никогда не встрѣчалъ сердца чище, свѣтлѣе и проще». Постоянной задачей Ш-а былъ простой, т. е. прямой, настоящій взглядъ на жизнь». Жизнь онъ «воображалъ широкой, шумно-несущейся рѣкой, съ кипучими волнами». Онъ желалъ, чтобы она была «постояннымъ горѣніемъ», и «говорилъ, что ровное и медленное горѣніе лучше бурныхъ пожаровъ, какая бы поэзія ни пылала въ нихъ».—

«Идеаль бытія, стремленій человѣка», онъ видѣлъ въ строгомъ пониманіи отпавленій жизни». Онъ говорилъ, что «нормальное назначеніе человѣка прожить четыре времени года, т.-е. четыре возраста, безъ скачковъ, и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно». «Отъ отца своего онъ перенялъ смотрѣть на все въ жизни, даже на мелочи, не шутя», но у него не было «педаггической строгости». Онъ «не налагалъ педанггическихъ оковъ на чувство, даже давалъ законную свободу, стараясь только не терять «почвы изъ-подъ ногъ», задумчивымъ мечтамъ, хотя, отрезвляясь отъ нихъ, по нѣмецкой своей натурѣ, или почему-нибудь другому, не могъ удержаться отъ вывода и выносилъ какую-нибудь жизненную замѣтку». Онъ дорожилъ своимъ «бытомъ», «здоровой нормальной жизнью». — «Вонъ изъ этой ямы, изъ болота, на свѣтъ, на просторъ, гдѣ есть здоровая, нормальная жизнь!» — «Гдѣ ты? Что сталъ? Опомнись!» — говорилъ Ш. Обломову». На Агафью Матвѣевну онъ смотрѣлъ взглядомъ пренебреженія, почти презрѣнія; онъ не называлъ ее по имени. «Эта женщина... что она тебѣ?...» — спросилъ онъ Обломова. Въ другой разъ, (послѣ того, какъ взглядъ пренебреженія, почти презрѣнія, который онъ кидалъ на нее, говоря съ ней, невольно смѣнился взглядомъ любопытства, даже участія) Ш., подозрѣвая что-то, повторилъ тотъ же вопросъ: — «Ты-ли это, Илья?» — «Боже мой! — почти закричалъ онъ отъ внезапной боли. — Этотъ ребенокъ, что я сейчасъ видѣлъ... Илья, Илья! Бѣги отсюда, пойдемъ, пойдемъ скорѣе! Какъ ты палъ! Эта женщина... что она тебѣ?...» — «Жена, покойно произнесъ Обломовъ». Ш. окаменѣлъ». Такъ же тонко и осторожно, какъ за воображеніемъ, слѣдилъ онъ за сердцемъ. Здѣсь, часто отступаясь, онъ долженъ былъ сознаваться, что сфера сердечныхъ отпавленій была еще terra incognita. Онъ былъ, по выраженію Ольги, «стыдливъ сердцемъ». «Не растлѣлось у него воображеніе, не испортилось сердце». Онъ «любился безкорыстно» Ольгой «и она была въ его глазахъ» только прелестный, подающій большія надежды ребенокъ. Онъ ждалъ отъ нея многого впереди, но далеко впереди и «не прочилъ никогда ее себѣ въ подруги». Онъ увидѣлъ «въ выросшей и созрѣвшей Ольгѣ, не только роскошь расцвѣтшей красоты, но и силу, готовую на жизнь и жаждущую разумѣнія и борьбы съ жизнью». У него было умѣнье обходиться съ женщинами; [его поклоненіе Ольгѣ было исполнено «ума и страсти»; онъ былъ «героомъ» Ольги, «не ума ея и сердца только, но и воображенія], но онъ искусно берегся при встрѣчахъ съ ними «всѣхъ мукъ и пытокъ любви». «Юношей онъ инстинктивно берегъ свѣжесть силъ своихъ, потомъ сталъ рано уже открывать, это эта свѣжесть рождаетъ бодрость и веселость, образуетъ ту мужественность, въ которой должна быть закалена душа, чтобъ не блѣднѣть передъ жизнью, какова бы она ни была, смотрѣть на нее, не какъ на тяжкое иго, крестъ, а только какъ на долгъ и достойно вынести битву съ ней». — «Береги силы!» — отвѣтилъ онъ Ольгѣ въ отвѣтъ на ея страстный порывъ». Ему были чужды траты силы «въ борьбахъ души со страстью» и «онъ шутилъ легкомысленно, слушая рассказы, какъ иные теряютъ разумъ, чахнутъ отъ разныхъ причинъ, между прочимъ... отъ любви», хотя и былъ убѣжденъ, что любовь съ силою Архимедова рычага движетъ міромъ» «Онъ искалъ и вдалекѣ, и вблизи, въ воображеніи и глазами, примѣровъ простого, честнаго, но глубокаго и неразрывнаго сближенія съ женщиной, и не находилъ; если казалось и находилъ, то это только казалось, потомъ приходилось разочаровываться, и онъ грустно задумывался и даже отчаявался», хотя и не перемѣнилъ выработаннаго убѣжденія, что «любовь движетъ міромъ». Онъ ясно видѣлъ «гдѣ ложь?» и не находилъ гдѣ истина? хотя много мыслительной заботы посвятилъ онъ и сердцу и его мудренымъ законамъ». «Онъ пророчески вглядывался въ даль и тамъ, какъ въ туманѣ, появлялся ему образъ чувства, а съ нимъ и женщины, одѣтой его цвѣтомъ и сіяющей его красками, образъ такой простой, но свѣтлый, чистый». — «Мечта! мечта! — говорилъ онъ, отрезвляясь, съ улыбкой, отъ празднаго раздраженія мысли». «Но очеркъ этой мечты противъ воли жилъ въ его памяти». Онъ видѣлъ, «что его идеаль женщины и жены недосыгаемъ» и «не тяготился холостой жизнью». «Онъ,

и среди увлеченія, чувствовалъ землю подъ ногой и довольно силы въ себѣ, чтобъ, въ случаѣ крайности, рвануться и быть свободнымъ. Онъ не ослѣплялся красотой и потому не забывалъ, не унижалъ достоинства мужчины, не былъ рабомъ, «не лежалъ у ногъ» красавицъ, хотя не испытывалъ огненныхъ радостей». «У него не было идоловъ, зато онъ сохранилъ силу души, крѣпость тѣла, зато онъ былъ цѣломудренно-гордъ; отъ него вѣяло какою-то свѣжестью и силой, передъ которой невольно смушались и незастѣнчивыя женщины». «Онъ зналъ цѣну этимъ рѣдкимъ и драгоценнымъ свойствамъ и такъ скупо тратилъ ихъ, что его звали эгоистомъ, безчувственнымъ. Удержанность его отъ порывовъ, умѣнье не выйти изъ границъ естественнаго, свободнаго состоянія духа клеймили укоромъ и тутъ же оправдывали, иногда съ завистью и удивленіемъ, другого, который со всего размаха летѣлъ въ болото и разбивалъ свое и чужое существованіе». — «Страсти, страсти все оправдываютъ, — говорили вокругъ него: — а вы въ своемъ эгоизмѣ бережете только себя: посмотримъ, для кого». — «Для кого-нибудь да берегу, — говорилъ онъ задумчиво, какъ-будто глядя въ даль, и продолжалъ не вѣрять въ поэзію страстей, не восхищался ихъ бурными проявленіями и разрушительными слѣдами». «Онъ не хотѣлъ порывистой страсти», но «ему хотѣлось-бы, однако, чтобъ чувство потекло по ровной колеѣ, вскипѣвъ сначала горячо у источника, чтобъ черпнуть и упиться въ немъ, и потомъ всю, всю жизнь знать, откуда бьетъ этотъ источникъ».

Полюбивъ Ольгу, Ш. понялъ «всѣ муки и пытки любви», которыя «заразъ собрались и разыгрались надъ нимъ». Вопросъ, «любить ли она или нѣтъ?» сталъ «главнымъ вопросомъ», уже не любви, а жизни», «съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что началъ жить не одинъ, а вдвоемъ», что «при ней онъ привыкъ вслухъ думать, чувствовать». «Бракъ для него былъ не формой, не содержаніемъ, не средствомъ, а цѣлью». Въ Ольгѣ онъ нашелъ, хотя и не полный, идеалъ своего счастья. «Нашелъ свое», думалъ онъ, глядя влюбленными глазами на деревья, на небо, на озеро, даже на поднимавшійся съ воды туманъ. «Дождался! Столько лѣтъ жажды чувства, терпѣнія, экономіи силъ души! Какъ долго я ждалъ—все награждено: вотъ оно, послѣднее счастье человѣка!» — «Ольга—моя жена!» — страстно вздрогнувъ, прошепталъ онъ. — «Все найдено, нечего искать, некуда идти больше!» Любовь ея была для Ш. «опорой въ жизни» и грусть, — мятежные вопросы, общій недугъ челоуѣчества» ему были не страшны. — «Все это страшно, когда челоуѣкъ отрывается отъ жизни, когда нѣтъ опоры. А у насъ...» Онъ боялся лишь одного: что-бы грусть Ольги не явилась признакомъ какой нибудь болѣзни»: — «Вотъ горе, передъ которымъ я упаду безъ защиты, безъ силы...» — сказалъ онъ Ольгѣ. Послѣ женитьбы онъ «видѣлъ, что прежній идеалъ его женщины и жены недосыгаемъ, но онъ былъ счастливъ и блѣднымъ отраженіемъ его въ Ольгѣ: онъ не ожидалъ никогда и этого». «Онъ былъ глубоко счастливъ своей наполненной, волнующейся жизнью, въ которой цвѣла неуядаемая весна, и ревниво, дѣятельно, зорко воздѣлывалъ, берегъ и лелѣялъ ее».

К р и т и к а: 1) Добролюбовъ находилъ, что «отдавая дань своему времени», Гончаровъ вывелъ и противоядіе Обломову—Штольца. Но, по поводу этого лица, мы должны еще разъ повторить наше постоянное мнѣніе, — что литература не можетъ забѣгать слишкомъ далеко впередъ жизни. Штольцевъ, людей съ цѣльнымъ, дѣятельнымъ характеромъ, при которомъ всякая мысль тотчасъ же является стремленіемъ и переходитъ въ дѣло, еще нѣтъ въ жизни нашего общества (разумѣемъ образованное общество, которому доступны высшія стремленія; въ массѣ, гдѣ идеи и стремленія ограничены очень близкими и немногими предметами, такіе люди безпрестанно попадаютъ). Самъ авторъ сознавалъ это. говоря о нашемъ обществѣ: «вотъ, глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!» Должно явиться ихъ много, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но теперь пока для нихъ нѣтъ почвы. Оттого-то изъ романа Гончарова мы и видимъ только, что Штолецъ—челоуѣкъ дѣятельный, все о чемъ-то хлопочетъ, бѣгаетъ, приобретаетъ

таеть, говорить, что жить—значить трудиться, и пр. Но что онъ дѣлаетъ, и какъ онъ ухитряется дѣлать что-нибудь порядочное тамъ, гдѣ другіе ничего не могутъ сдѣлать,—это для насъ остается тайной. Онъ мигомъ устроилъ Обломовку для Ильи Ильича:—какъ? это мы не знаемъ. Онъ мигомъ уничтожилъ фальшивый вексель Ильи Ильича:—какъ? это мы знаемъ. Поѣхавъ къ начальнику Ивана Матвѣевича, которому Обломовъ далъ вексель, поговорилъ съ нимъ дружески—Ивана Матвѣевича призвали въ присутствіе и не только что вексель велѣли возвратить, но даже и изъ службы выходить приказали. И по дѣломъ ему, разумѣется; но, суда по этому случаю, Штольцъ не доросъ до идеала общественнаго русскаго дѣятеля. Да и нельзя еще: рано. Теперь еще,—хотя будь семи пядей во лбу, а въ замѣтной общественной дѣятельности, можешь, пожалуй, быть добродѣтельнымъ откупщикомъ Муразовымъ, дѣлающимъ добрыя дѣла изъ десяти милліоновъ своего состоянія, или благороднымъ помѣщикомъ Костанжоголо,—но далѣе не пойдешь... И мы не понимаемъ, какъ могъ Штольцъ въ своей дѣятельности успокоиться отъ всѣхъ стремленій и потребностей, которыя одолѣвали даже Обломова, какъ могъ онъ удовлетвориться своимъ положеніемъ, успокоиться на своемъ, одинокомъ, исключительномъ счастіи... Не надо забывать, что подъ нимъ болото, что вблизи находится старая Обломовка, что нужно еще расчищать лѣсъ, чтобы выдти на большую дорогу и убѣжать отъ обломовщины... Дѣлалъ-ли что-нибудь для этого Штольцъ, что именно дѣлалъ и какъ дѣлалъ,—мы не знаемъ. А безъ этого мы не можемъ удовлетвориться его личностью... Можемъ сказать только то, что онъ не тотъ человѣкъ, который «сумѣетъ, на языкѣ, понятномъ для русской души, сказать намъ это всемогущее слово «впередь!» [Добролюбовъ. «Что такое обломовщина?»].

2) Венгеровъ считаетъ Штольца «апоеозомъ адуевщины», ея «квинтъ-эссенціей». «Если для Адуева «дѣло» и дѣятельность одно и то же, то для Штольца дѣло и приобрѣтеніе денегъ—одно и то же». [Соч., т. VI, стр. 92]. 3) Штольцъ—это, собственно говоря, «вѣчно двигающійся Обломовъ». Обломовъ въ томъ смыслѣ, что вся его дѣятельность, всѣ его усилія уходятъ на то, чтобы создать себѣ удобное и привольное положеніе въ жизни, а жизнь его въ сущности, сколько ни старается ее идеализировать Гончаровъ, жизнь пустая, лишенная всякихъ высшихъ цѣлей и въ этомъ смыслѣ обломовская (или даже ниже того), потому что И. И. чувствуетъ пустоту своей жизни, а Штольцъ втянулся въ свою съ полнѣйшимъ самоуслажденіемъ. Вообще попытка Гончарова выставить идеальнаго дѣловаго человѣка, кончилась почти также печально, какъ и болѣе ранняя попытка въ этомъ родѣ Гоголя». [О. Миллеръ, «Русск. пис. послѣ Гоголя», т. II, стр. 17—18]. 4) «Меня, писалъ самъ Гончаровъ, упрекали за это лицо—и съ одной стороны справедливо. Онъ слабъ, блѣденъ—изъ него слишкомъ голо выглядываетъ идея. Это я самъ сознаю. Но меня упрекали, зачѣмъ я ввелъ его въ романъ? Отчего нѣмца, а не русскаго поставилъ я въ противоположность Обломову?» «Я могъ бы отвѣтить на это, что, изображая лѣнь и апатію во всей ея широтѣ и закоренѣлости, какъ стихійную русскую черту, и только одно это, я, выставивъ рядомъ русскаго же, какъ образецъ энергіи, знанія, труда, вообще всякой силы, впалъ бы въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, т.-е. съ своей задачей—изображать застои, сонъ, неподвижность. Я разбавилъ бы цѣлостность одной, избранной мною для романа стороны русскаго характера». «Но я молча слушалъ тогда порицанія, соглашаясь вполне съ тѣмъ, что образъ П. блѣденъ, не реаленъ, не живой, а просто идея». «Особенно, кажется, славянофилы, и за нелестный образъ Обломова, и всего болѣе за нѣмца—не хотѣли меня, такъ сказать, знать. Покойный Ѳ. И. Тютчевъ, однажды ласково, съ свойственною ему мягкостью, упрекая меня, спросилъ, «зачѣмъ я взялъ Штольца!» Я повинился въ ошибкѣ, сказавъ, что сдѣлалъ это случайно: подъ руку, молъ, подвернулся!» «Между тѣмъ, кажется, помимо моей воли—тутъ ошибки собственно не было, если принять во вниманіе ту роль, какую играли и играютъ до сихъ поръ въ русской жизни и нѣмецкій элементъ, и нѣмцы. Еще доселѣ они

у насъ учителя, профессора, механики, инженеры, техники по всѣмъ частямъ. Лучшія и богатѣя отрасли промышленности, торговыхъ и другихъ предпріятій въ ихъ рукахъ». «Это, конечно, досадно, но справедливо—и причины этого порядка дѣлъ истекаютъ все изъ той же обломовщины (между прочимъ, изъ крѣпостного права), главный мотивъ которой набросанъ мною въ «Снѣ Обломова». («Лучше поздно»).

Штольцъ, Иванъ Богдановичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Отецъ Андрея, учитель Обломова. Сынъ нѣмецкаго бюргера изъ Саксоніи. «Былъ агрономъ, технологъ, учитель. У отца своего, фермера, онъ взялъ практическіе уроки въ агрономіи, на саксонскихъ фабрикахъ изучилъ технологию, а въ ближайшемъ университетѣ, гдѣ было около сорока профессоровъ, получилъ званіе къ преподаванію того, что кое-какъ успѣли ему растолковать сорокъ мудрецовъ». «Дальше онъ не пошелъ, а упрямо поворотилъ назадъ, рѣшивъ, что надо дѣлать дѣло, и возвратился къ отцу. Тотъ далъ ему сто талеровъ, новую котомку, и отпустилъ на всѣ четыре стороны». «Съ тѣхъ поръ Иванъ Богдановичъ не видалъ ни родины, ни отца. Шестъ лѣтъ пространствовалъ онъ по Швейцаріи, по Австріи и вмѣстѣ съ Рейнгольдомъ (см.) «пришелъ въ Россію»; «двадцать лѣтъ живетъ въ Россіи и благословляетъ свою судьбу». Въ Верхлѣвѣ, гдѣ Ш. былъ управляющимъ княжескаго имѣнья, завелъ «маленькій пансіонъ». По словамъ Тарантьева, «пріѣхалъ въ нашу губернію въ одномъ сюртукѣ, да въ башмакахъ, а тутъ вдругъ сыну наслѣдство оставилъ...» («Всего тысячъ сорокъ», по словамъ Обломова); по собственному признанію у него «есть нѣкоторый капиталъ». «Дѣльный и строгій нѣмецъ, крѣпкій старикъ». Провожая сына, окончившаго уже университетъ, говорилъ: «—...Я, вѣроятно, еще проживу лѣтъ двадцать, развѣ только камень упадетъ на голову. Лампада горитъ ярко, и масла въ ней много». Какъ таблица на каменной скрижали, была начертана открыто всѣмъ и каждому жизнь» Ш. На жизнь, «даже на мелочи», онъ смотрѣлъ «не шутя», ко всему относился съ педантической строгостью». «Онъ не щадилъ и въ глаза, и за глаза, до ннерветтеровъ» (Обломовыхъ), за то, что они баловали Илью Ильича. Своему сыну далъ «трудоое, практическое воспитаніе». Съ восьми лѣтъ «сидѣлъ» съ Андреемъ за географической картой, разбиралъ съ нимъ Гердера, Вилланда, библейскіе стихи «и заставлялъ подводить итоги безграмотнымъ счетамъ мѣщанъ, фабричныхъ и крестьянъ». Рассказывалъ сыну «сто разъ», «поплеывая, за трубкой», «между брюквой и картофелемъ, между рынкомъ и огородомъ», «о жизни въ Саксоніи». Если сынъ исчезалъ изъ дома и его кто нибудь притаскивалъ «выпачканнаго, растрепаннаго, неузнаваемаго» или мужики привозили «его на возу съ сѣномъ, или, наконецъ, съ рыбаками пріѣдетъ онъ на лодкѣ, заснувши на неводу»—И. Б. «ничего», «еще смѣется».—«Что за ребенокъ, если ни разу носу себѣ или другому не разбилъ? говорилъ Ш. «со смѣхомъ». Когда однажды Андрей «пропалъ на недѣлю», И. Б. «ничего—ходить по саду да курить».—«Вотъ, если бѣ Обломова сынъ пропалъ,—сказалъ онъ на предложеніе жены поѣхать, поискать Андрея:—такъ я бы поднялъ на ноги всю деревню и земскую полицію, а Андрей придетъ. О, добрый буршъ!» Вернувшася сына спросилъ: готовъ ли у него переводъ изъ Корнелія Непота на нѣмецкій языкъ», «взялъ его одной рукой за воротникъ, вывелъ за ворота, надѣлъ ему на голову фуражку и ногой толкнулъ сзади такъ, что спиць съ ногъ».—«Ступай, откуда пришелъ,—прибавилъ онъ:—и приходи опять съ переводомъ, вмѣстѣ одной, двухъ главъ, а матери выучи роль изъ французской комедіи, что она задала; безъ этого не показывайся!» Когда сынъ «подросъ, Ш. «сажалъ его съ собой на рессорную телѣжку, давалъ вожжи и велѣлъ везти на фабрику, потомъ въ поля, потомъ въ городъ, къ купцамъ, въ присутственныя мѣста, потомъ посмотрѣть какую-нибудь глину, которую возьметъ на палець, понюхаетъ, иногда лизнетъ, и сыну дастъ понюхать, и объяснить, какая она, на что годится. Не то, такъ отправятся посмотрѣть, какъ добываютъ поташъ, или деготь, топятъ сало». Онъ частенько отправлялъ Андрея одного, въ телѣж-

къ, или верхомъ, съ сумкой у сѣдла, съ порученіемъ въ городъ; «выслушавъ отчетъ Андрея, онъ давалъ сыну два-три рубля, смотря по важности порученія». Отлично учившагося Андрея, И. Б. сдѣлалъ репетиторомъ «въ своемъ маленькомъ пансіонѣ»; онъ «положилъ ему жалованье, какъ мастеровому, по десять рублей въ мѣсяцъ» и заставлялъ въ полученіи «расписываться въ книгѣ».—«Добрый буршъ будетъ, добрый буршъ!»—говорилъ И. Б., видя самостоятельные шаги маленькаго Андрея.—«*Recht gut, mein lieber Junge!*»—хвалилъ онъ сына, «трепля широкой ладонью по плечу». Когда же Андрей отказался отъ всякой посторонней помощи и заявилъ, что онъ попробуетъ и «служить, и торговать» и сочинять вмѣстѣ, «отецъ захохоталъ изо всей мочи и началъ трепать сына по плечу такъ, что и лошадь не выдержала бы».—«О!»—сказалъ Ш. про Рейнгольда:—«Это... это...» «Онъ хотѣлъ похвалить, но не нашелъ слова».—«Ну!»—сказалъ отецъ (при прощаньи)—«Ну!»—сказалъ сынъ».—«Все?—спросилъ отецъ».—«Все!»—отвѣчалъ сынъ». «Они посмотрѣли другъ на друга молча, какъ будто пронзали взглядомъ одинъ другого насквозь». «Между тѣмъ, около собралась кучка любопытныхъ сосѣдей посмотрѣть, съ разинутыми ртами, какъ управляющій отпустить сына на чужую сторону». «Отецъ и сынъ пожали другъ другу руки».

«Онъ былъ въ университетѣ и рѣшилъ, что сынъ его долженъ быть также тамъ—нужды нѣтъ, что это будетъ не нѣмецкій университетъ, нужды нѣтъ, что университетъ русскій долженъ будетъ произвести переворотъ въ жизни его сына и далеко отвести отъ той колеи, которую мысленно проложилъ отецъ въ жизни сына». Штольцъ «сдѣлалъ это очень просто: взялъ колею отъ своего дѣда и продолжилъ ее, какъ по линейкѣ, до будущаго своего внука, и былъ покоенъ». «Впрочемъ, онъ не былъ педантъ въ этомъ случаѣ и не сталъ бы настаивать на своемъ; онъ только не умѣлъ бы начертать въ своемъ умѣ другой дороги сыну». «Онъ мало объ этомъ заботился. Но когда сынъ «воротился изъ университета и прожилъ мѣсяца три дома, отецъ сказалъ, что дѣлать ему въ Верхлѣвѣ больше нечего, что вонъ ужъ даже Обломова отправили въ Петербургъ, что, слѣдовательно, и ему пора». «А отчего нужно ему въ Петербургъ, почему не могъ сынъ остаться въ Верхлѣвѣ и помогать управлять имѣніемъ—объ этомъ старикъ не спрашивалъ себя; онъ только помнилъ, что когда онъ самъ кончилъ курсъ ученья, то отецъ отослалъ его отъ себя». «И онъ отослалъ сына—таковъ обычай въ Германіи».—«Образованъ ты хорошо: предъ тобой всѣ карьеры открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять, пожалуй—не знаю, что ты избереешь, къ чему чувствуешь больше охоты», напутствовалъ Ш. Андрея; отправилъ сына верхомъ до губернскаго города. Онъ далъ ему на дорогу сто рублей ассигнаціями и велѣлъ въ городѣ получить долгъ или же продать лошадь на ярмаркѣ. Онъ же распорядился привязать къ сѣдлу «двѣ сумки: въ одной лежалъ клеенчатый плащъ» и «толстые, подбитые гвоздями сапоги, да нѣсколько рубашекъ изъ верхлѣвскаго полотна, вещи купленные и взятыя по настоянію» И. Б., «въ другой лежалъ изящный фракъ тонкаго сукна, мохнатое пальто, дюжина тонкихъ рубашекъ и ботинки, заказанныя въ Москвѣ, въ память наставленій матери». Провожая сына, говорилъ:—«До Москвы доѣхать тебѣ станетъ рублей сорокъ, оттуда въ Петербургъ—семьдесятъ пять; останется довольно. Потомъ—какъ хочешь. Ты дѣлалъ со мною дѣла, стало-быть знаешь, что у меня есть нѣкоторый капиталецъ; но ты прежде смерти моей на него не рассчитывай!»

Штольцъ («Обломовъ»).—Уп. л. Мать Андрея. Русская дворянка; до замужества жила гувернанткой въ богатомъ домѣ и имѣла случай быть за границей; «проѣхала всю Германію» и смѣшала всѣхъ нѣмцевъ въ одну толпу людей, «способныхъ только на черную работу, на труженическое добываніе денегъ, на пошлый порядокъ, скучную правильность жизни и педантическое отправление обязанностей». На всю нѣмецкую націю она смотрѣла, какъ на толпу патентованныхъ мѣщанъ, не любила грубости, самостоятельности и кичли-

вости, съ какими нѣмецкая масса предъявляетъ вездѣ свои тысячелѣтнѣмъ выработанныя бюргерскія права, какъ корова носить свои рога, не умѣя кстати ихъ спрятать». «На ея взглядъ, во всей нѣмецкой націи не было и не могло быть ни одного джентельмена. Она въ нѣмецкомъ характерѣ не замѣчала никакой мягкости, деликатности, снисхожденія, ничего того, что дѣлаетъ жизнь такъ пріятною въ хорошемъ свѣтѣ, съ чѣмъ можно обойти какое нибудь правило нарушить общій обычай, не подчиниться уставу». «Нѣтъ, такъ и ломаютъ эти невѣжи, такъ и напираютъ на то, что у нихъ положено, что заберутъ себѣ въ голову, готовы хоть стѣну пробить лбомъ, лишь бы поступить по правиламъ». — «Какъ ни наряди нѣмца», думала она; «какую тонкую и бѣлую рубашку онъ ни надѣнетъ, пусть обуется въ лакированные сапоги, даже надѣнетъ желтыя перчатки, а все онъ скроенъ какъ будто изъ сапожной кожи; изъ-подъ бѣлыхъ манжетъ все торчатъ жесткія и красноватыя руки, и изъ-подъ изящнаго костюма выглядываетъ, если не булочникъ, то буфетчикъ. Эти жесткія руки такъ и просятъ приняться за пило, или много-много—что за смычокъ въ оркестрѣ». Была недовольна трудовымъ, практическимъ воспитаніемъ сына и, «если бы только не положительное запрещеніе» мужа не мѣшать ему, она бы держала его (сына) возлѣ себя». Она учила Андрея «священной исторіи и баснямъ Крылова, позднѣе съ нимъ читала «Телемака» и играла съ нимъ въ четыре руки. Она любила видѣть Андрея «чистенькимъ, благовоспитаннымъ мальчикомъ». Въ сынѣ ей мерещился «идеаль барина»—«такого, на какихъ она наглядѣлась въ русскомъ богатомъ домѣ, и тоже за границей, конечно, не у нѣмцевъ». «Она съ безпокойствомъ смотрѣла» на исчезновеніе Андрюши изъ дома и плакала, когда его доставляли домой «выпачканнаго, растрепаннаго, неузнаваемаго». — «Помилуй, Иванъ Богданычъ,—жаловалась она:—«не проходитъ дня, чтобъ онъ безъ синяго пятна воротился, а намедни носъ до крови разбилъ». «Она выплакала глаза», «когда Андрей пропалъ на недѣлю». Позднѣе она приходила въ ужасъ отъ мысли, что ея сынъ сдѣлается такимъ же нѣмецкимъ бюргеромъ, изъ какихъ вышелъ отецъ», «будетъ чуть не самъ ворочать жернова на мельницѣ, возвращаться домой съ фабрикъ и полей, какъ отецъ его: въ салѣ, въ навозѣ, съ красно-грязными, загрузѣвшими руками, съ волчьимъ аппетитомъ!» «Она бросалась стричь Андрюшѣ ногти, завивать кудри, шить изящныя воротнички и манишки; заказывала въ городѣ курточки; учила его прислушиваться къ задумчивымъ звукамъ Герца, пѣла о пвѣтахъ, о поэзіи жизни, шептала о блестящемъ призваніи, то воина, то писателя, мечтала съ нимъ о высокой роли, какая выпадаетъ инымъ на долю...» Она возненавидѣла даже телѣжку, на которой Андрюша ѣздилъ въ городъ, и клеенчатый плащъ, который подарилъ ему отецъ, и замшевыя зеленыя перчатки—всѣ грубые атрибуты простой жизни». «Она забывалась лишь за фортепяно, за варьяціями Герца». Когда молодой Ш, вернулся въ Верхлѣво, послѣ окончанія университета, его матери уже не было на свѣтѣ».

Штукинъ («Превр. судьбы»).—Сожитель Хабарова по квартирѣ. На работу, которую ему доставилъ Хабаровъ, (по подъему «большого камня для какого-то монумента), являлся «не всякій день аккуратно», а, «заработавъ не большія деньги, предавался любимому занятію—пьянству».

Э.

Эйноске («Фрег. Пал.»).—Японецъ. Старшій переводчикъ, присланный изъ Едо. «Похожъ на европейца и носить на лицѣ слѣдъ мысли и образованія. Черты лица правильныя, взглядъ смѣлый»; «говоритъ по-англійски очень мало, но понимаетъ почти все. Онъ научился у голландцевъ»; учится немного и по-французски. При переводѣ «старается» все объяснить «до тонкостей». Когда Э. сказали, что пора отмѣнить «стѣснительные законы относительно иностран-

цевъ», онъ очень умно и основательно отвѣчалъ:—«Вы понимаете, отчего у насъ эти законы таковы (тутъ онъ показалъ рукой, каковы они, т. е. стѣснительны, но сказать не смѣлъ); нѣтъ сомнѣнія, что они должны измѣниться. Но корабли европейскіе,—прибавилъ онъ,—начали посѣщать, прилежно и во множествѣ, Нагасаки всего лѣтъ десять, а потому не было надобности мѣнять». На предложеніе съѣздить хоть въ Шанхай, чтобы «увидѣть образчикъ европейскаго города», Э. отвѣчалъ:—«О, да, мнѣ бы хотѣлось больше: я желалъ бы объѣхать вокругъ свѣта. Эта мысль оболыщаетъ меня». На пригласеніе съѣздить въ Россію, Э. «живо» отвѣтилъ:—«Въ Россію, нѣтъ,—тамъ женщинъ нѣтъ». Съ пріѣздомъ Кавадзи, у котораго Э. состоялъ переводчикомъ, «зазнался»: «едва слушалъ другихъ полномочныхъ» и «не скрывалъ, что онъ выросъ»; въ то время, когда Кавадзи не пріѣзжалъ на фрегатъ, Э. «сидѣлъ на стулѣ развалившись», «часто просилъ шампанскаго» и однажды «такъ напился, съ четырехъ бокаловъ, что вздумалъ-было разсуждать самъ, а не переводить того, что ему говорили». «За шесть дней» знакомства съ американцами «выучился пить шампанское», и, какъ «человѣкъ опытный, успѣшилъ растолковать» уполномоченнымъ «свойства этого вина»; однако, самъ «подпилъ» на фрегатѣ и, «смѣсью англійскаго, голландскаго и французскаго языковъ съ нагасакскимъ нарѣчіемъ, извинялся, что много пилъ; въ подтвержденіе этого забылъ на фрегатѣ свою мантилю на собачьемъ мѣху».

Эзенкуторъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—См. Петръ Петровичъ.

Эзенкуторъ («Обломовъ»).—См. Иванъ Герасимовичъ.

Экономъ («Обрывъ»).—Уп. л. Отецъ Улиньки. Экономъ какого-то казеннаго заведенія въ Москвѣ; «держалъ, между прочимъ, столъ для приходящихъ студентовъ, давая за рубль съ четвертью мѣдью три, и за полтинникъ четыре блюда», причемъ «щи, лапша, макароны, блины и т. п.» готовились изъ «казенной капусты, крупы и муки». Всѣмъ въ домѣ и самимъ Э. управляла Улинька.

Этола («Фрег. Пал.»).—«Перевозчица въ Гон-Конгъ». «Дѣвушка лѣтъ пятнадцати, родомъ изъ Макао, блѣдная, съ черными, хотя узенькими, но прекрасными глазами. Объявила цѣну перевозки съ берега на фрегатъ въ два шиллинга; говорила по-англійски, но на всѣ почти вопросы, обращенные къ ней, отвѣчала лишь:—«Два шиллинга».

Ю.

Юлія Павловна Тафаева («Обыкн. Ист.»).—См. Тафаева, Ю. П.

Юхновъ («Май мѣс. въ Петерб.»).—Чиновникъ, сослуживецъ Брагина.

Я.

Яковъ («Обрывъ»).—Пожилой дворовый изъ Малиновки, дворецкій Бережковой; «вмѣстѣ съ Василисой, Я. исполнялъ «по дому всѣ нужныя дѣла». Барыня назначила его дворецкимъ за то только, что онъ смиренъ, пьетъ умеренно, т. е. мертвецки не напивается, и не курить; притомъ онъ усерденъ къ церкви». Я. «неохотникъ былъ говорить». «Когда и барыня спроситъ его, такъ онъ еле отвѣтитъ, какъ-будто ему было Богъ знаетъ какъ тяжело жить на свѣтѣ, будто гнетъ какой-нибудь лежалъ на душѣ, хотя ничего этого у него не было». Я. «только служилъ за столомъ, лѣнливо обмахивалъ вѣткой мухъ, лѣнливо и задумчиво мѣнял тарелки». Онъ всегда былъ «задумчивъ», и «сонно смотрѣлъ по сторонамъ», даже сидя «праздно» въ передней. Былъ «набоженъ».

Озорного Егорку унималь:—«Полно тебѣ, не грѣши!» «Полно Бога гнѣвить!» по утрамъ, «съ крыльца молился на крестъ собора»; даже во хмелю, возвращаясь домой изъ кабака, Я. «все искалъ по сторонамъ глазами, не покажется ли церковный крестъ вдалькѣ, чтобъ помолиться на него».—«Только Василиса да Я. и есть (во дворѣ) порядочные!»—отзывалась Татьяна Марковна. Когда-же она заболѣла, Я. даль объѣтъ, «если барыня придетъ въ себя и выздоровѣетъ», «поставить большую позолоченную свѣчу къ мѣстной иконѣ въ приходской церкви». «Любилъ поговорить о божественномъ и вышить тоже любилъ». «...Тупо и углубленно слушалъ эпизоды изъ священной исторіи» захмѣлѣвшаго Опенкина и «даже досталъ въ людской и принесъ бутылку пива, чтобы заохотить собесѣдника къ разсказу». Когда-же Опенкинъ «перепуталъ разсказъ до того», что «Самсонъ у него проглотилъ кита», Я. «задумчиво остановилъ его:—«Какъ... позвольте...» «...кто кого проглотилъ?»—«Да вѣдь китъ большущая рыба: сказываютъ, въ Волгѣ не уляжется...» «Не другую-ли какую рыбу проглотилъ человекъ?»—изъявилъ Я. сомнѣніе» и все допытывался: проглотилъ «кто кого!» Услыша храпъ Опенкина, Я. повелъ его домой, вмѣстѣ съ Кузьмой, но самъ вернулся лишь на другой день къ обѣду, проведя утро подъ гостеприимнымъ кровомъ кабака». Объѣтъ свой онъ выполнилъ: «водрузилъ», за ранней обѣдней, «позолоченную свѣчу къ мѣстной иконѣ» («взявъ на свѣчу денегъ изъ лампадной суммы, отпускаемой ему на руки барыней»), «но у него оказался излишекъ». «Крестяны поминутно, онъ вышелъ изъ церкви и прошелъ въ свободу, гдѣ оставилъ и излишекъ, и пришелъ домой въ е с е л ы м и н о г а м и, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и на носу». На вопросъ барыни (—Что съ тобой, Я.?), «отвѣчалъ, набожно склонивъ голову на сторону и сложивъ руки горстями на груди»:—«Сподобился, сударыня!» «Онъ объявилъ и Василисѣ, что «с подобился выполнить объѣтъ», и ходилъ все утро, «полный благочестиваго веселья».

Ягорскій («На родинѣ»).—Уп. л. По словамъ матери Кати, «женихъ хоть куда! И Катѣ нравится, изъ себя видный, славно танцуетъ, по-французски говоритъ, такъ и сыплетъ»...

Якубовъ Петръ Андреевичъ, («На родинѣ»).—Крестный Гончарова, «отецъ-баловникъ». «Одинокій холостякъ». Учился «въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, и въ царствованіе Екатерины выпущенъ во флотъ, въ морскую артиллерію». «Участвовалъ въ кампаніи противъ французовъ», потомъ «вышелъ въ отставку» и «пріѣхалъ на Волгу, въ свое имѣніе, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, съ владимірскимъ крестомъ». «Сельскаго хозяйства онъ не понималъ и не любилъ», и, «спустя нѣкоторое время, вступилъ въ гражданскую службу совѣтникомъ, кажется, губернскаго правленія». «Онъ сблизился съ тогдашнимъ дворянскимъ кругомъ и рѣшительно завоевалъ себѣ общую симпатію и уваженіе. Это былъ чистый самородокъ честности, чести, благородства и той прямоты души, которою славятся моряки, и притомъ съ добрымъ, теплымъ сердцемъ. Все это хорошо выражается англійскимъ словомъ «джентльменъ», котораго тогда еще не было въ русскомъ словарѣ. Въ обращеніи онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, а съ дамами до чопорности вѣжливъ и любезенъ». «Онъ былъ вездѣ принятъ съ распростертыми объятіями, его ласкали, не давали быть одному. И у себя онъ давалъ часто обѣды, на которыхъ нерѣдко присутствовали и дамы». «У него даже былъ свой романъ», но Я. уступилъ своему сопернику, потому что тотъ «могъ устроить лучше судьбу» любимой дѣвушки (См.—Ростинъ). Старѣясь, Я. началъ все больше замыкаться, «точно остерегался общества, пятился отъ знакомыхъ, а незнакомыхъ вовсе не принималъ». «Главной причиной была, конечно, старческая усталость, «отвычка» отъ людей, какъ онъ говорилъ, но тутъ наполовину было и дѣйствительно боязнъ. Онъ, какъ и многіе тогда, былъ запутанъ тѣмъ переполохомъ, который произвело четырнадцатое декабря во всемъ русскомъ обществѣ». Я. «сталъ избѣгать встрѣчъ, даже съ близкими его знакомыми. Отъ прочихъ

онъ скрывался, сколько могъ».—«На старости лѣтъ отвыкъ отъ людей, да и пострѣловъ тутъ не мало—отзывался онъ о губернской аристократіи, обо всѣхъ отставныхъ и служащихъ говорилъ съ «брезгливостью»:—«Нашему брату, дворянину, грязно съ ними уживаться,—отзывался онъ». Поборы и взятки, которыми жило все губернское чиновничество, Я. «презиралъ», и отъ этого «онъ бросилъ свою гражданскую губернскую службу».

«Старые дворянскіе роды онъ ставилъ высоко, къ другимъ сословіямъ относился только снисходительно».—«Здравствуй, старина!—говорилъ онъ просто, въ отвѣтъ на почтительный поклонъ какого-нибудь купца, или:—здравствуй, отецъ!—привѣтствовалъ онъ священника. Напротивъ, съ людьми своего круга, онъ, при встрѣчѣ на улицѣ, здоровался, съ близко знакомыми фамиллярно, дружески, перекидывался нѣсколькими словами, шуткой, передъ менѣе знакомыми вѣжливо приподнималъ фуражку, а передъ дамами обнажалъ всю голову». Онъ «зналъ отлично» «исторію состоянія каждаго изъ губернскихъ тузовъ», «источники и количество доходовъ» крупныхъ дворянскихъ состояній, подробности про «чиновниковъ» и «дѣльцовъ». Онъ «былъ баринъ въ душѣ», природный аристократъ. Между прочимъ, онъ былъ сынъ своего вѣка, крѣпостникъ». «Онъ непробудно жилъ и умеръ на лонѣ крѣпостного права и пользовался послѣднимъ—не какъ всѣ помѣщики, а никогда не злоупотребляя своими правами». «Дохода и разныхъ продуктовъ съ земли своей онъ получалъ столько, сколько «привезетъ староста». Въ дворнѣ у него, кромѣ своего кучера, повара и двухъ-трехъ лакеевъ съ семействами, были еще столяры, портные, сапожники. Онъ отпускалъ ихъ по городу на оброкъ, не справляясь, гдѣ и какъ они живутъ, что зарабатываютъ. Онъ не получалъ съ нихъ ни гроша, и только, когда понадобятся ему сапоги, онъ велитъ своему сапожнику сшить, заплативъ, что стоитъ товаръ. Понадобится починка или заказъ новой мебели—то же самое». «Домашней крѣпостной прислугѣ—а тогда другой, наемной, не было,—жалованья не полагалось, но каждый праздникъ онъ дарилъ дворнѣ «кучки серебряныхъ рублей».—«Это,—скажетъ,—Васькѣ, это Миткѣ, это Гришкѣ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ»,—прибавитъ въ заключеніе. Самъ никогда лично не давалъ, а черезъ дѣтей и близкихъ. Своихъ дворовыхъ называлъ: «Митка», «Васька». «Услыхавъ однажды обращеніе къ человѣку: «Петръ, пожалуйста, принеси мнѣ...», онъ обернулся отъ окна и съ живостью замѣтилъ:—«Какъ это» «пожалуйста» хорошо!». «Онъ былъ вспыльчивъ» и грозенъ до комизма, но «гнѣвъ Я. бывалъ всегда мгновенной, быстро потухавшей вспышкой». Сидитъ онъ, бывало, за столомъ: случится иногда, что супъ пересоленъ или жаркое пережарено:—«Малый!—закричитъ онъ грозно:—подай палку!»—«У него была дубинка съ круглой головкой, сопровождавшая его въ прогулкахъ. «Малый», иногда лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, «приносилъ дубинку».—«Поди, дай Акимкѣ (повару)!—приказывалъ Я.:—и скажи, что онъ отвѣдаетъ этого кушанья, если опять пересолить супъ». Точно также, когда слуга доложить о приходѣ гостя, «энергически, молча» покажетъ человѣку «два кулака» и самъ не выйдетъ; но когда гость пройдетъ къ нему прямо въ кабинетъ, радушно его встрѣтитъ.—«Эй, малый!—крикнетъ онъ человѣку:—скажи, чтобъ намъ дали закуску сюда да позавтракать что-нибудь». [У Я. былъ свой отличный поваръ и кромѣ того особый кондитеръ]. Слугѣ потомъ не было ни выговора, ни замѣчанія». «Отъ мгновенныхъ вспышекъ его не оставалось никакого дыма, какъ отъ пороха. Провинится человѣкъ, не угодитъ ему, разсердитъ, обыкновенно, пустяками какими-нибудь, онъ затопаетъ, подниметъ оба кулака, иногда сложитъ ихъ вмѣстѣ, и, грозя, кричитъ:—«Дьяволъ твою душу побери! Я тебѣ голову проломаю!» «Въ эти минуты тому, кто не знаетъ его коротко, онъ покажется страшенъ. Но въ одну минуту гнѣвъ погасалъ, какъ молнія, и никогда ни одному слугѣ онъ не только «голова не проломалъ», но никто не видалъ, чтобы онъ тронулъ кого-нибудь челчкомъ, даже чтобы мальчишку взялъ за ухо или за волосы. У него въ ру-

кахъ и пріемовъ для драки не было». Случайно поселившись во флигелѣ Гончаровскаго дома, Я. скоро сталъ членомъ семьи: онъ крестилъ у Гончаровыхъ «четверыхъ дѣтей» и потомъ принялъ участіе въ воспитаніи крестниковъ. «Это занимало его, наполняло его жизнь. Добрый морякъ окружилъ себя «дѣтьми, принялъ ихъ «подъ свое крыло», «а мы,—вспоминаетъ Гончаровъ,—привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія». См.: «Прототипы». Ср. В а т у т и н ѣ.

«Я. былъ вполне просвѣщенный человѣкъ. Образование его не ограничивалось техническими познаніями въ морскомъ дѣлѣ, приобретенными въ морскомъ корпусѣ. Онъ дополнялъ его непрестаннымъ чтеніемъ—по всѣмъ частямъ знанія, не жалѣлъ денегъ на выписку изъ столицъ журналовъ, книгъ, брошюръ. Какъ, бывало, прочтаетъ въ газетѣ объявленіе о книгѣ, которая, по заглавію, покажется ему интересною, сейчасъ посылаетъ требованіе въ столицу». «Романовъ и вообще беллетристики онъ не читалъ и зналъ всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ представителей литературы больше по наслышкѣ. Выписывалъ онъ книги историческаго, политическаго содержанія и газеты». У него были серьезныя техническія познанія въ чистой и прикладной математикѣ. Особенно ясны и неопѣненны были,—вспоминаетъ Гончаровъ,—его бесѣды о математической и физической географіи, астрономіи, вообще космографіи, потомъ навигаціи. Онъ познакомилъ меня съ картой звѣзднаго неба, наглядно объяснялъ движеніе планетъ, вращеніе земли, все то, чего не умѣли или не хотѣли сдѣлать мои школьные наставники. Я увидѣлъ ясно, что они были дѣти передъ нимъ въ этихъ техническихъ, преподаваемыхъ мнѣ имъ урокахъ. У него были нѣкоторые морскіе инструменты, телескопъ, секстантъ, хронометръ. Между книгами у него оказались путешествія всѣхъ кругосвѣтныхъ плавателей, съ Кука до послѣднихъ временъ». Въ молодости принадлежалъ къ масонской ложѣ, но на разспросы отвѣчалъ «нехотя». «Крутыхъ мѣръ» правительства «не одобрялъ»:—«Простого выговора не стѣить,—сквозь зубы бормоталъ онъ, бросая газету:—а его на поселеніе!» Но «страха ради» молчалъ и раскланывался въ неизвѣстномъ ему лично тайнымъ совѣтникомъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга.

Ямщикъ («Ф р е г. П а л.»).—Звали его Дормидономъ. «Горе одолѣло» Д. Разказалъ Гончарову, что у него «сначала, лѣтъ двадцать-пять назадъ, отца убили...». «Потомъ моя хозяйка умерла: ну, Богъ съ ней! Божья власть, а все горько!» «Потомъ сгорѣла изба»,—продолжалъ онъ,—«а въ ней восьмилѣтняя дочь... Женится я вдругорядъ, прижилъ два сына; жена тоже умерла. Съ сгорѣвшей избой у меня пропало все имущество, да еще украли у меня однажды тысячу рублей, въ другой разъ тысячу-шестьсотъ. А какъ наживалъ-то! какъ копилъ! Вотъ какъ трудно было!» Д. «не унываетъ, еще возитъ проѣзжихъ, сбываетъ сѣно на пріиски—и ничего».—«Вонъ, слышите колоколецъ?»—спросилъ онъ.—«Это мой Васютка засѣдателя везетъ».—«Эй, малый, вези по старой дорогѣ»,—крикнулъ онъ весело:—«что намъ новую-то проминать своими боками!»

Яновъ («Н а р о д и н ѣ»).—«Чиновникъ особыхъ порученій; человѣкъ образованный, собесѣдникъ веселый, неистощимый на анекдоты и «злослычный». «Предмѣстникъ Углицкаго употреблялъ его по письменной части, такъ какъ онъ писалъ скоро, живо и хорошо, но долженъ былъ удалить его отъ писанія. Онъ въ дѣловыя бумаги допускалъ остроты и юморъ. Губернаторъ ему однажды замѣтилъ, что въ дѣловыхъ письмахъ къ важнымъ лицамъ надо писать имена ихъ полностью, напримѣръ: не Егоръ Петровичъ, а Георгій, не Ефимъ, а Евѣимій Ивановичъ, не Сергій, а Сергій, и т. д., а къ неважнымъ лицамъ можно-де писать просто. Я. принялъ это къ свѣдѣнію и пошелъ писать: къ какому-нибудь министру въ Петербургъ—«Федорей Павловичъ», «Михалій Ивановичъ», а къ простымъ, напротивъ, вмѣсто Аѳанасій Степановичъ, писалъ «Аѳанасъ Степа-

новичъ» и т. п. Нѣсколько такихъ бумагъ успѣли проскочить въ Петербургъ и возбудили тамъ вниманіе. Потомъ, въ одной дѣловой бумагѣ, говоря о какомъ-то умершемъ чиновникѣ, написалъ, что «покойный былъ безпокойнаго нрава». За эти остроты отъ писанія бумагъ его устранили. Тотъ-же Я. рассказывалъ «въ губернаторской канцеляріи, при другихъ», какъ онъ ѣздилъ по губерніи, для предварительнаго осмотра мѣстъ, предъ губернаторской поѣздкой, и какъ пальцы его перчатки всегда набивали золотыми. На вопросъ, за что ему давали, Я. отвѣчалъ:—«Какъ-же: за то, что не смотрѣлъ и не видалъ ничего».—«Я даже думалъ,—говорилъ Я.,—не отдать-ли назадъ, да... передумалъ! Вѣдь это не взятка—фи, какъ можно! Я не способенъ ни прижать, ни пожаловаться, и если-бъ нашелъ неисправность, самъ замѣтилъ-бы и посовѣтовалъ исправить. А тутъ просто суютъ въ руки лишнія деньги, да еще нажитыя, очевидно, несправедливо. Какъ же ихъ не отобрать и не спрятать въ карманъ, тѣмъ болѣе, что перчатки разорвались, не выдержали бы...»—«И рассказчикъ, и всѣ слушатели смѣялись».

Янцень («Фрег. Пал.»).—«Буфетчикъ» съ фрегата.

Ясиро («Фрег. Пал.»).—Сынъ Кичибе, «кандидатъ въ переводчики».

Ө.

Өаддеевъ, Семень («Фрег. Пал.»).—Молодой, коренастый, гладко-стриженный матросъ; «младенецъ съ исполинскими кулаками». «Числился при адмиральской каютѣ, съ откомандированіемъ» «въ вѣстовые» къ Гончарову. «Лицо у Ө. «всегда было обращено нѣсколько стороной къ предмету, на который онъ смотрѣлъ»; при торжественномъ приѣмѣ адмирала, въ домѣ губернатора Нагасаки, Ө. стоялъ «на вытяжкѣ» у крыльца, «весь въ красномъ, въ ливреѣ», но его лицо «глядѣло на сторону». «Это лицо было кругло и бѣло, безъ всякихъ отмѣтинъ и примѣтъ». «Русые волосы, бѣлые глаза, бѣлое лицо, тонкія губы—все это напоминало скорѣе Финляндію, нежели Кострому, его родину». «Смѣтливость и «себѣ на умѣ» были не послѣдними его достоинствами, которыя прикрывались у него наружною неуклюжестью костромитянина и субординаціею матроса». По утрамъ, подавая Гончарову умыться, «съ костромскимъ добродушіемъ» говорилъ:—«На, вотъ, ваше высокоблагородіе, мойся скорѣе, чтобъ не застали да не спросили, гдѣ взялъ (прѣсную воду), а я пока достану тебѣ полотенце рожу вытереть!» На приказаніе скорѣе подать одежду отвѣчалъ:—«Успѣешь, ваше высокоблагородіе»:—«вотъ, на, прежде умойся».—«Поди, ваше высокоблагородіе, обѣдать, я давно зову тебя, да не слышишь»,—звалъ Ө., являясь въ каюту «съ фуражкой въ рукѣ». Во время бури, когда Гончаровъ спросилъ Ө., не принесетъ-ли онъ ему въ каюту «чего-нибудь поѣсть въ тарелкѣ?»—отвѣтилъ:—«Отчего не принести, ваше высокоблагородіе, изволь, принесу!»—«Вотъ тебѣ!»—сказалъ онъ и сѣлъ подлѣ, на полу, «держа тарелки». На вопросъ, что онъ принесъ, Ө. отвѣчалъ:—«Тутъ все есть, всякія кушанья». [На тарелкѣ лежали и курица съ рисомъ, и горячій паптетъ, и жареная баранина, «и все было прикрито вафлей»].—«Помилуй, вѣдь это ѣсть нельзя. Недоставало только, чтобъ ты мнѣ супъ налилъ сюда!»—«Нельзя было»,—отвѣчалъ онъ простодушно:—«того гляди, прольешь». Гончарову говорилъ всегда «ты», употребляя въ «уже въ готовыхъ фразахъ: в а ш е в ы с о к о б л а г о р о д і е , или воля ваша и т. п.—Былъ «дѣятельный, способенъ и силенъ»; работу справлялъ «въ три приѣма»—«не спрашивайте какъ».—Но то, что столичному слугѣ «стало бы на два утра работы», у Ө—а отнимало полчаса времени. Въ каютѣ Гончарова навелъ быстро порядокъ, причемъ книги «расположилъ на комодѣ въ углу полукружіемъ и перевязалъ, на случай качки, веревками такъ, что нельзя было вынуть ни одной безъ его-же чудовищной

силы и ловкости». Рядомъ съ книгами положилъ сапоги; при переходѣ Гончарова въ новую каюту, Θ . «мигомъ устроилъ» все. «Доска-ли нейдетъ—мигомъ унесетъ ее, отпилитъ лишнее, и ужъ тамъ, какъ она ни упрямься, а онъ втиснетъ ее въ свое мѣсто. Ему нужды нѣтъ, если отъ этого что-нибудь расползется врозь: онъ и то поправитъ, и опять нужды нѣтъ, если доска треснетъ. Онъ одинъ придѣлалъ полки, устроилъ кровать, вбилъ гвоздей, сдѣлалъ вѣшалку и потомъ принялся разбирать вещи по порядку, съ тою только разницею, что сапоги положилъ уже не съ книгами, какъ прежде, а выстроилъ ихъ длиннымъ рядомъ на комодѣ и бюро, а ваксу, мыло, щетки, чай и сахаръ разложилъ на книжной полкѣ». — «Ближе доставать», — сказалъ онъ. «Книги поставилъ» на верхнія полки, куда рукой достать было нельзя, и такъ плотно уставилъ, что вынуть книгу не было никакой возможности». «Иногда онъ, не зная назначенія какой-нибудь вещи, бралъ ее въ руки и долго рассматривалъ, стараясь угадать, чтò бы это такое было, и уже ставилъ по своему усмотрѣнiю. Попался ему одеколонъ: онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, наконецъ, налилъ себѣ немного на руку: — «Укусъ», — рѣшилъ онъ, сунувъ склянку куда-то подальше въ уголъ». Во время плаванiя, увидя на перчаткахъ пятна отъ морской сырости, былъ пораженъ «круглой, правильной формой пятень». — «Да это какъ нарочно сдѣлано», — отвѣчалъ онъ. — «А галстуки тоже нарочно съ пятнами?» — Θ . стороной посмотрѣлъ на галстуки. — «И они въ пятнахъ», — сказалъ онъ про себя: — «что за чудо!» Хотя «десница» у Θ . была разрушительная, но онъ былъ «ловокъ и цѣпокъ», «какъ кошка»; изловчился какъ-то обманывать бдительность трюмнаго унтеръ-офицера и изъ-подъ носа у него таскалъ изъ цистернъ каждое утро по кувшину воды. «Барину» своему вообще оказывалъ «любезности». По утрамъ, несмотря на запретъ, приносилъ кувшинъ прѣсной воды. — «Доставъ», — говорилъ онъ радостно, каждый разъ, вбѣгая съ кувшиномъ въ каюту». Послѣ сѣзда на берегъ привезъ и поставилъ въ каютѣ великолѣпный цвѣтокъ: горный тюльпанъ, величиной съ чайную чашку, съ розовыми листьями и темнымъ коричневымъ мхомъ внутри, на длинномъ стеблѣ. На вопросъ, откуда онъ его взялъ: — «Въ Африкѣ, на горѣ доставъ», — отвѣчалъ Θ .; онъ же приносилъ съ берега разныя раковины: — «Извольте посмотрѣть, какія есть хорошiя», — говорилъ онъ, выбирая изъ ящика то рогатую, то красную, то синюю съ пятнами. — «Вотъ эта, вотъ эта; а эта какая славная!» И онъ сунулъ ее къ носу барина. Отъ нея запахло падалью. — «Что это такое?» — «Это я чистилъ: тамъ улитки были», — сказалъ онъ: — «да видно, прокисли». «Несмотря на запретъ, онъ таскалъ раковины каждый день кучами, потому что всѣ такъ дѣлали». — «У всѣхъ господъ есть, а у васъ только нѣтъ», — сказала онъ, вымѣнявъ у корейцевъ тростниковую шляпу для Гончарова. «Всякая неудача, приключившаяся кому-нибудь, полученный толчокъ, даже имъ самимъ», радовали Θ . Когда его другъ, Мотыгинъ, получилъ «отъ портсмутской леди» синякъ около глаза, «пуще всѣхъ радовался Θ .». Когда онъ, вмѣстѣ съ Паисовымъ и Шведовымъ, всѣ трое «подвѣсились къ одному крючку» и упали, Θ . «улыбался» при одномъ воспоминанiи. На вопросъ: о чемъ онъ смѣется, — отвѣчалъ: — «Да смѣхъ такой...» — «Ну, говори, чтò?» — «Шведовъ треснулся головой о палубу». — «Гдѣ? какъ?» — «Съ койки сорвался: мы трое подвѣсились къ одному крючку, крючокъ сорвался, мы всѣ и упали: я ничего, и Паисовъ ничего, упали просто и встали, а Шведовъ голову ушибъ — такой смѣхъ! Теперь сидитъ, да стонетъ». Увидя барина въ ваннѣ, въ безпомощномъ положенiи [испортились жолоба у ваннъ и вода залила весь номеръ], Θ . «предался необузданной радости». «Напрасно онъ кусалъ губы — подавленный смѣхъ вырывался наружу», а, черезъ часъ, Θ . «на дворѣ разсказывалъ анекдотъ о купаньѣ двумъ своимъ товарищамъ». Когда за кражу воды для умыванья, ему «сильно досталось», Θ . воротился съ пустымъ кувшиномъ, «срошила рукой затылокъ, чесалъ спину и чему-то хохоталъ, хотя сквозъ смѣхъ преглядывала нѣкоторая принужденность. — «Э! лѣшiй, чортъ, какую затрепину дать!» — сказалъ онъ, наконецъ, глядя то спину, то голову. — «Кто, за что?» —

«Терентьевъ, чортъ этакій! увидалъ, сволочъ! Я зачерпнулъ воды-то, ужъ и на трапъ пошелъ, а онъ откуда-то и подвернулся, вырвалъ кувшинъ, вылилъ воду назадъ, да какъ треснетъ по затылку, я на трапъ, а онъ сзади вдогонку лопа-ремъ по спинѣ съѣздилъ!» И опять засмѣялся». Смѣялся онъ и тогда, когда на о. Батанѣ, заболѣли матросы, «поѣвши «какихъ-то стручковъ»:—«Смѣхъ какой!»—сказалъ Ө.:—«Наши ребята»,—продолжалъ онъ,—«наѣлись какихъ-то стручковъ, словно бобы, и я одинъ съѣлъ—ничего, годится, только ротъ совсѣмъ свело, не разожмешь, а у нихъ животы подвело, ихъ съ души рветъ: теперь стонуть».—«Еще мы нашли»,—продолжалъ Ө.,—«какіе-то... орѣхи не орѣхи, похожи и на яблоки, одни красныя, другія зеленыя. Мы съѣли по штукѣ красной—кисло таково; хотѣли-было зеленое попробовать, да тутъ ребята-то и схватили, застонали—смѣхъ! И съ господами смѣхъ»,—прибавилъ онъ, стараясь не смѣяться:—«въ буруны попали; какъ стали приставать, шлюпку повернуло, всѣхъ валъ и покрылъ, всѣ словно купались... да вотъ они!»—прибавилъ онъ, указывая въ окно». Когда его потребовали къ «вахтенному», «Ө. сдѣлался очень серьезень и пошелъ, а по возвращеніи былъ еще серьезнѣе».—«Что же ты не смѣешься, кажется, не одному Шведову досталось?» Онъ молчалъ.—«А Паисову досталось?»—Онъ опять разразился хохотомъ.—«Досталось, досталось и ему!»—весело сказалъ онъ».

Ө. не дѣлалъ «никакихъ сближеній, не задавалъ себѣ» никакихъ задачъ и смотрѣлъ «съ обычнымъ равнодушіемъ» и на невиданныя имъ земли, и чужіе народы». Онъ ничѣмъ «не поражался» и глядѣлъ «съ непростительнымъ равнодушіемъ въ окно, какъ волны вставали и падали, разсыпаясь пѣной и брызгами».—«Ужъ такое сердитое!»—говорилъ Ө.—«Господи! какъ тепло, хорошо ходить-то по палубѣ: мы всѣ сапоги сняли»,—отвѣчалъ онъ съ своимъ равнодушіемъ, не спрашивая ни себя, «и никого другого объ этомъ внезапномъ теплѣ въ январѣ».—«Тепло, хорошо!»—говорилъ онъ подъ тропиками. Когда фрегатъ приближался къ Мадерѣ и показались уже очертанія острова, Гончаровъ пенялъ Ө., что онъ не разбудилъ его, и спросилъ:—«Мадера видна?»—«Мадера?»—сказалъ Ө., глядя, «такъ тонко, какъ дай Богъ хоть какому дипломату».—«Онъ смотрѣлъ на стѣну съ обычнымъ равнодушіемъ».—«Берегъ виденъ»,—отвѣчалъ онъ, помолчавъ:—«ужъ съ седьмого часа».—«Что-жъ ты не пришелъ мнѣ сказать?»—«Воды горячѣе не было—бриться»,—«да и сапоги не чищены»,—отвѣтилъ Өаддеевъ. Когда-же, однажды, скуки ради, Гончаровъ спросилъ Ө.:—«Гдѣ мы?»—«Онъ косо и подозрительно поглядѣлъ, предвидя, что вопросъ сдѣланъ не даромъ. —«Не могу знать»,—говорилъ онъ, оглядывая съ своимъ равнодушіемъ стѣны. —«Это глупо не знать, куда пріѣхалъ».—Онъ молчалъ. —«Говори-же». —«Почемъ я знаю?»—«Что-жъ ты не спросишь?»—«На что мнѣ спрашивать?»—отвѣчалъ Ө.; услыша въ ночной тишинѣ близкіе взмахи веселъ и увидя, приближающуюся къ фрегату, лодку, произнесъ равнодушно:—«Опять чухны, ваше в—діе!»—Къ пріѣзду на фрегатъ японцевъ отнесся совершенно равнодушно. —«Чтѣ тамъ такое рядомъ въ каютѣ?»—«Извѣстно чтѣ, японецъ!»—отвѣчалъ Ө.—«Зачѣмъ они пріѣхали?»—«А кто ихъ знаетъ?»—«Ты бы спросилъ». —«А какъ я его спрошу? намъ съ нимъ говорить-то все равно, какъ свинѣ съ курицей». Это равнодушіе было «родня тому спокойствію, или той безпечности, съ которой другой Өаддеевъ, гдѣ-нибудь на берегу, по веревкѣ, съ топоромъ, взбирается на колокольню и чинить шпицъ, или сидитъ, съ кистью, на дощечкѣ и болтается въ воздухѣ, наверху четырехъэтажнаго дома, оборачиваясь, въ размахахъ веревки, спиной, то къ улицѣ, то къ дому. Посмотрите ему въ лицо: есть-ли сознаніе опасности?—Нѣтъ. Онъ лишь старается при толчкѣ упереться ногой въ стѣну, чтобъ не удариться колѣнкой. А внизу третій Өаддеевъ, который держитъ веревку, не очень заботится о томъ, каково тому вверху: онъ зѣваетъ, съ своей стороны, по сторонамъ». «Съ этимъ-же равнодушіемъ» «Ө. (а этихъ Өаддеевыхъ легионъ) смотреть и на новый прекрасный берегъ, и на невиданное имъ дерево, чело-

мѣка—словомъ, все отскакиваетъ отъ этого спокойствія, кромѣ одного, ничѣмъ не сокрушаемаго стремленія къ своему долгу—къ работѣ, къ смерти, если нужно. Однако, на вопросъ:—«откуда мы пріѣхали сюда?»—Ө. устремилъ на Гончарова глаза, «съ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, понять».—«Откуда пріѣхали?»—повторилъ онъ вопросъ.—«Ну, да?»—«Изъ Англіи».—«А Англія-то гдѣ?»—Онъ еще больше косо сталъ смотрѣть на барина. «Вопросъ былъ теменъ для него».—«Гдѣ Франція, Италія?»—«Не могу знать».—«Ну, гдѣ Россія?»—«Въ Кронштадтѣ»,—проворно сказалъ онъ.—«Въ Европѣ, а теперь мы пріѣхали въ Африку, на южный ея край, на мысъ Доброй Надежды».—«Слушаю-съ».—Однажды лишь выразилъ желаніе съѣхать на берегъ.—«Позвольте и мнѣ съ вами, ваше высокоблагородіе»,—сказалъ онъ.—«Куда?»—«Да въ Африку-то»,—отвѣчалъ онъ,—помня урокъ.—«Что ты станешь тамъ дѣлать?»—«А вонъ на ту гору охота влѣзть!» На всякій обычай, не похожій на свой, на учрежденіе, онъ смотрѣлъ, какъ на ошибку, съ большимъ недоброжелательствомъ, и даже съ презрѣніемъ.—«Сволочь эти ассей!» (такъ называютъ матросы англичанъ отъ употребляемаго безпрестанно въ англійской рѣчи—*I say* (я говорю, послушай)). «Онъ глумился, увидѣвъ на часахъ шотландскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ яркій, блестящій костюмъ, то-есть въ юбку изъ клѣтчатой шотландской матеріи, но безъ панталонъ, и потому съ голыми колѣнками!»—«Королева разсердилась: штановъ не дала»,—говорилъ онъ съ хохотомъ, указывая на голыя ноги солдата. Только во пользу одной шерстяной матеріи, называемой «англійской кожей» и употребляемой простымъ народомъ на платье, онъ сдѣлалъ исключеніе, и то потому, что панталоны изъ нея стоили всего два шиллинга», но онъ презрѣніемъ обдалъ «англійскаго купца, нужды нѣтъ, что тотъ смотрѣлъ совершеннымъ джентльменомъ». «По одному лицу, по голосу Ө., можно было догадываться, что онъ третируетъ купца *en canaille*, какъ какого-нибудь продавца баранокъ въ Чухломѣ.—«Врешь, не то показываешь»,—говорилъ онъ, швыряя штуку матеріи.—«Скажи ему, ваше высокоблагородіе, чтобы далъ той самой, которой отрѣзалъ Терентьеву да Кузьмину».—Купецъ подавалъ другой кусокъ.—«Не то, сволочь, говорятъ тебѣ!» И все въ этомъ родѣ. Это была «вовсе не брань», а такъ, своя «манера выражаться». Ө. и своему товарищу—«матросику», говорилъ:—«Ну, ты, разговаривай у меня, сволочь!» и показывалъ кулакъ».

«Онъ внесъ на чужіе берега свой костромской элементъ и не разбавилъ его ни каплей чужого». Англичанъ онъ звалъ «ассеями», индійцевъ—«цыганами», малайцевъ—«чухнами». У китайца-кули въ Гонъ-Конгѣ «вырвалъ корзину» и понесъ самъ; потомъ, «какъ мандаринъ, усѣлся-было въ лодку и ухватилъ обѣими руками корзину. Лодочникъ не хотѣлъ везти, ожидая окончанія дѣла. Ө. пошелъ-было съ корзиной опять на берегъ—его не пускаютъ.—«Позволь, в. в., я ихъ рѣшу»,—сказалъ онъ, взявъ одной рукой корзину, а другою энергически расталкивая китайцевъ, и выбрался на берегъ». «Онъ, точно медвѣдь среди стаи собакъ, отбивался отъ китайцевъ, колотя ихъ по протянутымъ къ нему рукамъ». «Онъ никому спуску не давалъ, не уступалъ дороги. Если толкнуть его, онъ не преминетъ отвѣтить кулакомъ, или задираетъ ребятишекъ» (во время прогулокъ въ городахъ). Съ туземцами Ө. объяснялся на особомъ языкѣ, и они понимали другъ друга. Ө. съ ними во время торгова «спорить», «сердиться»:—«Черти этикіе: съ ними не сообразишь!»—говорилъ онъ, воротясь:—«вчера полшильника просилъ, а теперь хочеть шиллинкъ (шиллингъ).—«Да какъ ты тамъ говоришь съ ними?»—«По-англичански».—«Какъ ты спросишь?»—«А вотъ, возьму въ руки вещь, да и спрошу: *о ма чъ?*» (*how much?* что стоитъ?). Однажды явился на фрегатъ, нагруженный коробками. Объяснилъ, что ихъ «китаецъ далъ... то бишь, японецъ».—«Зачѣмъ?»—«Не могу знать».—«Зачѣмъ же ты бралъ, когда не знаешь?»—«Отчего не взять? Онъ сказалъ: на, вотъ, возьми, отнеси домой, господамъ».—«Какъ же онъ тебѣ сказалъ, на какомъ языкѣ?»—«По-своему».—«А ты понимаешь?»—«Понялъ, ваше

высокоблагородіе. Чего не понять? говорить, да даетъ коробки, такъ значить: отнеси господамъ». У корейцевъ онъ «вымѣнялъ за пустую бутылку» огромную тростниковую шляпу». Началь учиться грамотѣ, но предпочелъ прописи, написанныя Гончаровымъ, «преуродливымъ азамъ» Агапки, который взялся «помочь» Ө. писать «за двѣ чарки водки».

Өаддей Ильичъ («Обрывъ»).—Уп. л. «Тянька Наталы Өадевны».

Өедосья («Обрывъ»).—Горничная Бережковой.

Өедосья Петровна («Обыкновенныя Истории»).—Уп. л. Знакомая Анны Павл. Адуевой.

Өекла Андреевна («И. С. Поджабрины»).—Экономка чиновника (Семена Семеныча). «Набожная женщина»; во время переѣзда Поджабрина, оставалась у окна и наблюдала, пересказывая «все своему чиновнику».

Өеклушна («Обрывъ»).—Уп. л. «Испорченная»; за ея лепетомъ, «по цѣлымъ часамъ, съ болѣзненнымъ любопытствомъ» слѣдилъ Райскій въ юности. Ее изобразилъ онъ «въ пещерѣ» на своей картинѣ.

Өеодоровъ («Фрегата»).—Матросъ съ фрегата, «сигнальщикъ»; «фаворитъ» Гончарова. Отличался «крайней простотой» и былъ «очень не боекъ отъ природы, что показывало и лицо его». Однажды «ошибся и, вмѣсто повѣстки къ зарѣ, заигралъ повѣстку къ молитвѣ».—«Что ты заигралъ?»—спросилъ офицеръ. Молчаніе.—«Что ты заигралъ?»—«Ошибся!»—отвѣчалъ Ө.:—«забылъ».—«А ѣсть не забываешь?»—«Никакъ нѣтъ-съ».—«Сколько разъ въ день?»—«Два раза».—«Когда?»—«За обѣдомъ и за ужиномъ».—«А за завтракомъ?»—«И за завтракомъ».—«Стало-быть, сколько же разъ?»—«Два раза».—«Какъ два раза: обѣдъ?»—«Точно такъ».—«Ужинъ?»—«Ужинъ».—«И завтракъ?»—«Точно такъ-съ».—«Сколько же разъ?»—«Два раза...»—«А за завтракомъ?»—«Это не ѣда, это каша». Въ другой разъ офицеръ приказалъ Ө. смотрѣть «въ трубу, на луну» и сказать, какъ скоро онъ увидитъ «тамъ трехъ-четырехъ человекъ». Ө. «сталъ смотрѣть и долго смотрѣлъ».—«Что же ты ничего не говоришь?»—«Да тамъ всего только двое, ваше благородіе».—«Что-жь они дѣлаютъ».—«Ничего-съ».—«Ну, смотри».—«Что-жь это за люди?»—Ө. молчалъ.—«Говори-же!»—«Каинъ и Авель»,—отвѣчалъ онъ.—«Вотъ еще замѣть эти двѣ звѣзды и помни, какъ ихъ зовутъ: вотъ эту—Венера, а ту—Юпитеръ».—«Слушаю-съ».—«И если что-нибудь съ ними случится, донеси».—«Слушаю-съ».—И онъ серьезно сталъ смотрѣть въ ту сторону». Когда, черезъ минуту, Гончаровъ спросилъ его, въ какихъ мѣстахъ онъ бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ «вышли изъ Англій», Ө. молчалъ.—«Говори же!»—«На Надеждѣ (мысль Доброй Надежды).—«А до этого?»—«Забылъ».—«Вспомни!»—Онъ молчалъ.—«Гдѣ же?»—Молчаніе.—«Ну, припомни названія разныхъ винъ, такъ доберешься».—Молчаніе.—«Какія же есть вина?»—«Пѣнное».—«Ну, а французскія?»—«Ренское».—«А мадера?»—«Точно-съ, есть и мадера. Мы и сами тамъ были»,—добавилъ онъ.—«А что же звѣзды?»—вдругъ спросилъ офицеръ. Ө. безпокойно оглянулся: хватъ—одной нѣтъ; она уже скрылась за горизонтъ.—«Гдѣ же?»—«Только одна осталась».—«А гдѣ другая?»—«Не могу знать».—«А какъ ее зовутъ?»—Молчаніе.—«Ну, какъ?»—«Мадера»,—подумавъ, сказалъ Ө.—«А другую?»—«Питеръ»,—сказалъ онъ». Услыша, какъ дышитъ китъ, Ө. сказалъ:—«Это не китъ, это все водяные: ихъ тутъ много!..»—прибавилъ онъ, съ пренебреженіемъ махнулъ рукой на бездну и, повернувшись къ ней спиной, самъ вздохнулъ немного легче кита».

Өома Өомичъ («Обломовъ»).—Уп. л. Вице-директоръ. По характеристикѣ Судьбинскаго, «такой мнительный: все хочетъ самъ», но «служить съ нимъ пріятно»: безъ наградъ не оставляетъ; кто и ничего не дѣлаетъ, и тѣхъ

не забудеть. Какъ вышелъ срокъ—за отличіе, такъ и представляетъ; кому не вышелъ срокъ къ чину, къ кресту—деньги выхлопочеть». Судьбинскому обѣщаль «выдумать командировку, нарочно» для него, съ прогонами на пять лошадей и суточными по три рубля.

Өерапонть («Обрывъ»).—Уп. л. Дворовый изъ Малиновки.

С П И С О К Ъ

лицъ, именъ и предметовъ.

Авванумъ (1801—1866).—Архимандритъ Александро-Невской Лавры, въ мѣрѣ Дмитрій Семеновичъ Честной, извѣстный ориенталистъ и переводчикъ духовныхъ книгъ на тибетскій и китайскій языки. Знаніе восточныхъ языковъ А. послужило причиной его командировки въ Японію вмѣстѣ съ экспедиціей графа Путятина на «Палладъ».—Характеристику А. Гончаровъ далъ въ своихъ воспоминаніяхъ «Черезъ двадцать лѣтъ», V. См. также А. Лиденъ. «Записки». Р. Ст. 1905, IV.

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ (1817—1860).—Однокурсникъ Гончарова по моск. университету. Гончаровъ упоминаетъ о немъ въ «Воспоминаніяхъ» («Въ Университетѣ»). Объ А.—вѣ см. «Слов. Лит. Типовъ» V, 94.

Анненковъ, Павелъ Васильевичъ (1813—1887).—Критикъ и беллетристъ, близкій къ кружку Бѣлинскаго. Позднѣе редактировалъ первое исправное изданіе сочиненій Пушкина; седьмой дополнительный томъ этого изданія цензуровалъ Гончаровъ. Другъ Тургенева, А. былъ также расподожень и къ Гончарову и пользовался довѣріемъ послѣдняго. См. «Лит. Воспомин. А—а, Спб. 1909 г. стр. 520—521 и ниже: «Тургеневъ». См. также «Сл. Л. Тип.» в. в. 7—8, стр. 163.

Арефьевъ, Александръ. Штабъ-лѣкарь. Состоялъ старшимъ врачомъ на «Палладъ».

Атней, журналъ Е. Ѳ. Корша, выходившій въ Москвѣ 1858—59 г. г. Въ А. 1858 г. Гончаровъ напечаталъ отрывокъ изъ романа «Обломовъ». Объ А. Чернышевскій, сочин. т. III, стр. 564—66.

Атласовъ, Владиміръ Васильевичъ († 1711).—Устюженскій крестьянинъ, отважный покоритель Камчатки. Уп. «Фрег. Пал.», II, 9.

Бальзакъ, Оноре (1799—1850). Его романъ «Шагреновая кожа» («Reau de Chagrin»), вышедшій въ Парижѣ въ 1830 г., обѣщаль привезти Ал. Адуевъ Любецкой («Обыкн. Ист.» I, 5).

Баратаевъ, князь Михаилъ Петровичъ (1784—1856).—Симбирскій предводитель дворянства; участникъ заграничныхъ походовъ, 1807—1809 г. г., учредитель въ Симбирскѣ масонской ложи «Ключъ къ добродѣтели», авторъ капитальнаго труда по нумизматикѣ: «Нумизматическіе факты грузинскаго царства». Спб. 1844 г. Привлекался къ дѣлу декабристовъ, но послѣ трехнедѣльнаго ареста въ Спб. былъ выпущень. Арестъ Б. нисколько не отразился на его дальнѣйшей служебной карьерѣ: Б. вскорѣ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и пользовался довѣріемъ Николая I. Б—а, подъ фамиліей Бравина, вывелъ Гончаровъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («На родинѣ»). Сопоставляя фактическую правду о кн. Баратаевѣ съ «правдоподобіемъ» Гончарова, М. Суперанскій приходитъ къ заключенію, что въ изображеніи Гончарова, Бравинъ производитъ впечатлѣніе довольно ничтожной фигуры», тогда какъ его прототипъ, кн. Баратаевъ—былъ «замѣчательный человекъ своего времени». Гончаровъ часто встрѣчался съ кн. Барат. въ Симбирскѣ и общеніе съ нимъ, какъ съ человекомъ

глубокообразованнымъ и проникнутымъ гуманно-прогрессивными идеями, не могло не оказать вліянія на впечатлительнаго юношу. «Вѣстн. Евр.» 1907, № 2, стр. 572—73. О кн. Б—ѣ см. «Словарь русск. пис. и ученыхъ», ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 124—126.

Бенедиктовъ, Владиміръ Григорьевичъ (1807—1860).—Поэтъ, близкій человѣкъ къ дому Майковыхъ. Гончаровъ зналъ лично Б. «какъ умнаго, симпатичнаго человѣка» и считалъ его «значительнымъ талантомъ», «последнимъ могиканомъ старой риторической школы». Въ спорѣ съ Бѣлинскимъ, не терпѣвшимъ стиховъ Б., Гончаровъ «объяснилъ обиліемъ фантазіи натяжки и преувеличенія во многихъ стихотвореніяхъ» Б. и указывалъ «на мастерство стиха».—На отъѣздъ Гончарова въ кругосвѣтное плаваніе Б. написано «поэтическое и дружеское напутствованіе» (См. сочин. Б—а, изд. Т-ва М. Вольфъ, т. I, стр. 302). Б—у адресовано письмо Гончарова: «Плаваніе въ атлантическихъ тропикахъ» («Фрег. Паллада», II, 3).

Бенкендорфъ, Александръ Христофоровичъ, графъ (1783—1844).—Шефъ-жандармовъ, генераль-адъютантъ; вмѣстѣ съ Чернышевымъ былъ главнѣйшимъ дѣйствующимъ лицомъ въ Комитетѣ, собранномъ для суда надъ декабристами; за «особую ревность и усердіе» въ 1832 г. возведенъ въ графское достоинство. Въ воспоминаніяхъ («На родинѣ») Гончаровъ писалъ: «До тѣхъ поръ я видалъ жандармовъ въ Москвѣ, у театральныхъ подъѣздовъ, въ крестныхъ ходахъ, на гуляньяхъ, въ ихъ высокихъ каскахъ съ конской гривой, на рослыхъ лошадяхъ. Ни о какихъ штабъ-офицерахъ, назначенныхъ въ каждую губернію, и о роли ихъ я не имѣлъ понятія. Отъ губернатора я въ первый разъ услышалъ и о важности шефа ихъ, графа Бенкендорфа, и о начальникѣ штаба, тогда еще полковникѣ Дуббельтѣ—и обо всемъ, что до нихъ касается, а еще болѣе о томъ, что они сами до всего касаются» (IV).

Бетлингъ, Оттонъ Карловичъ (1815—1904).—Академикъ. Объ его изслѣдованіяхъ по якутскому языку, «О языкѣ якутовъ», говоритъ Гончаровъ («Фрег. Пал.», II, 8).

Библиотека для чтенія (1834—1865).—Ежемѣсячный журналъ, издававшійся въ Петербургѣ А. Ф. Смирдинымъ, съ 1849 г. В. П. Печалкинымъ и въ 1863 г. перешедшій въ собственность П. Д. Боборыкина. Редакторами «Б. для чтенія» были: О. И. Сенковскій, позднѣе А. В. Дружининъ, А. Ф. Писемскій и П. Д. Боборыкинъ. Гончаровъ напечаталъ въ журналѣ очеркъ изъ «Фрег. Пал.»—«Аягъ» (1858 г.).

Бичи, Фредерикъ (1796—1856).—Англійскій изслѣдователь и путешественникъ, спутникъ Франклина и Пэрри въ экспедиціяхъ къ сѣв. полюсу. Плавалъ по Берингову проливу. Объ его описаніи путешествія по Тихому океану и Берингову проливу упоминаетъ Гончаровъ («Фрег. Пал.» I, 8).

Бодянской, Осипъ Максимовичъ (1808—1877).—Знаменитый славистъ, профессоръ по кафедрѣ славянскихъ литературъ въ моск. университетѣ; со товарищъ Гончарова по университету. Гончаровъ характеризуетъ Б. «какъ замѣчательную личность» («Воспомин.», I). Біографія Б. и литература о немъ см. Н. Ф. Сумцовъ. Словарь русск. пис. и ученыхъ», ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 51—75.

Болдыревъ, Алексій Васильевичъ (1780—1842).—Профессоръ по кафедрѣ восточныхъ языковъ, ректоръ моск. университета (1832—1837). См. Словарь профессоровъ моск. университета.

Болтинъ, Александръ. Спутникъ Гончарова и «большой его пріятель», состоялъ въ чинѣ мичмана на «Палладѣ».

Боткинъ, Василій Петровичъ (1810—1869).—Авторъ «Писемъ объ Испаніи», другъ Бѣлинскаго. Бѣлинскій сообщалъ въ письмѣ къ Боткину о «небываломъ успѣхѣ» гончаровской «Обыкновенной Ист.». Къ «Обрыву» Б. отнесся холодно и называлъ его «длинной, многословной ралсодіей утомительной до тошноты». О героѣ романа Райскомъ онъ отзывался: «Райскій есть просто нелѣпость». По замѣчанію Ч. Вѣтринскаго, Б. «быть можетъ, узпавалъ себя въ Рай-

скомъ, въ этомъ диллетантѣ 40-хъ годовъ, бесплодно растратившемъ свою жизнь въ эпикурейскомъ отношеніи и къ наукѣ, и къ искусству, и къ жизни». Догадка тѣмъ болѣе справедливая, что въ опубликованномъ въ 1912 г. письмѣ Гончарова къ Д. Н. Цертелеву, Гончаровъ называлъ Б. однимъ изъ «талантливымъ неудачниковъ», послужившихъ прототипомъ Райскому. Б., по словамъ Гончарова, «писалъ критическія статьи очень умныя, тонкія, но такъ мало, что такъ и лѣзетъ, за свою лѣнь въ неудачники. Ему мѣшало богатство и сибаритизмъ» («Новое Вр.» Ил. прилож. № 12943, стр. 18. Письмо въ извлеченіи приведено выше. См. Райскій). О Боткинѣ: Ч. Вѣтринскій (В. Е. Чешинъ) «Въ сороковыхъ годахъ». М. 1899, стр. 128—95. Сочиненія В. П. Боткина, 2 т. Изд. журнала «Пантеонъ Литерат.». Спб. 1893 г. Объ «эпикурейцѣ» Б., умѣвшемъ вытянуть до капли всю сладость испанскаго неба и воздуха, женщины и ашельсиновъ», говорится въ «Фрег. Пал.», I, 2.

Брюлловъ, Карлъ Павловичъ (1799—1852).—Художникъ. Въ «Замѣткахъ о личности Бѣлинскаго» Гончаровъ упоминаетъ о «тріумвиратѣ изъ Кукольника», Б. и Глинки, который примиривалъ въ обществѣ».

Булгаринъ, Ваддей Венедиктовичъ (1789—1857).—«Булгаринъ имѣетъ рѣдкое свойство походить наружно и на человѣка, и вмѣстѣ на свинью. Художникъ схватилъ это, какъ нельзя лучше—и, кромѣ свиньи и человѣка, изобразилъ и Булгарина», писалъ Гончаровъ М. М. Кирмалову, посылая ему въ подарокъ статуэтку Булгарина. Въ письмахъ къ тому же корреспонденту Гончаровъ даетъ рѣзкій отзывъ объ издававшейся Булгаринимъ «Сѣверной Пчелѣ», называя газету «подлымъ болотомъ». Ср. письмо 1849 г. Кирмаловымъ «Вѣстн. Евр.». 1907, II, стр. 585—886.

Бутаковъ, Иванъ. Слутникъ Гончарова во время его «путешествія по казенной надобности» и «большой пріятель». На «Палладѣ» состоялъ лейтенантомъ.

Бѣлавенецъ, Иванъ Петровичъ (1829—1879).—На фрегатѣ «Паллада» состоялъ лейтенантомъ; авторъ многихъ ученыхъ трудовъ по девіаціи. Б. обязана своимъ возникновеніемъ Кронштадтская магнитная обсерваторія и постановка компаснаго дѣла на научныхъ основаніяхъ; какъ специалистъ, Б. пользовался большою извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей. Списокъ ученыхъ работъ и біографію Б. см. въ статьѣ М. Меншикова. «Сл. р. пис. и ученыхъ», т. V, стр. 360—64; см. «Фрег. Палл.» и «Черезъ 20 лѣтъ».

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ (1811—1848).—Знакомство Б. съ Гончаровымъ, несмотря на то, что они оба были студентами Моск. универс., произошло лишь въ 46 году, когда Гончаровъ, черезъ Панаева, передалъ Бѣлинскому свою «Обыкновенную исторію» для предполагаемаго альманаха «Левіаеанъ». Гончаровъ въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ читалъ Б. свою первую повѣсть. По словамъ Панаева, «Б. все съ болѣе и болѣе возростающимъ участіемъ и любопытствомъ слушалъ чтеніе Гончарова и по временамъ привскакивалъ на своемъ стулѣ, съ сверкающими глазами, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя особенно ему нравились». Сообщая позже Боткину о неслыханномъ успѣхѣ повѣсти «въ Питерѣ», Б. прибавлялъ: «дѣйствительно, талантъ замѣчательный. Мнѣ кажется, что его особенность, такъ сказать, личность заключается въ совершенномъ отсутствіи семинаризма, литературщины и литераторства, отъ которыхъ не умѣли и не умѣютъ освободиться даже гениальные русскіе писатели. Я не исключю и Пушкина. У Гончарова нѣтъ и признаковъ труда, работы; читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный рассказъ. Я увѣренъ, что тебѣ повѣсть эта сильно понравится. А какую пользу принесетъ она обществу! Какой она страшный ударъ нанесетъ романтизму, мечтательности, провинціализму!».. (Пыпинъ. Бѣлинскій, 2 изд., стр. 525). Въ статьѣ: «Взглядъ на р. литерат. 1847 г.» Б. мѣтко опредѣлили сущность таланта Гончарова. См. Приложение 5-ое.

Отмѣчая несходство взглядовъ и натуръ Бѣлинскаго и Гончарова, Е. Ляцкий замѣчаетъ, что вліяніе Бѣлинскаго на общія представленія Гончарова объ искус-

ствѣ; о роли литературы въ общественномъ развитіи, о критикѣ не подлежитъ сомнѣнію». «Оно сказалось въ романахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заходитъ рѣчь о томъ, чѣмъ должна быть литература и какъ искусство, и какъ орудіе общественнаго прогресса. Признаки вліянія Бѣлинскаго можно усматривать и въ характеристикѣ одного изъ второстепенныхъ лицъ «Обрыва»—художника Кирилова, и въ либеральныхъ рѣчахъ Райскаго, и въ неожиданной горячей бесѣдѣ Обломова съ Пенкинымъ. До Бѣлинскаго Гончаровъ едва ли вложилъ бы въ уста Обломова эти для его времени замѣчательныя слова: «Вы думаете, что для мысли не надо сердца!» «Нѣтъ, она оплодотворится любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобы поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой,—тогда я стану васъ читать и склоню предъ вами голову»... Литературныя сужденія подобнаго рода не явились случайно, какъ бы навѣяанныя извнѣ, они были восприняты Гончаровымъ при самомъ началѣ его сознательной творческой дѣятельности, совпавшей съ расцвѣтомъ ранней эстетической теоріи Бѣлинскаго. Эти идеи прочно вошли въ умственную природу Гончарова, словно выросли въ него и онъ остался имъ вѣренъ на всю послѣдующую жизнь. Онъ однѣ и тѣ же и въ «Обыкновенной Исторіи», и въ сценахъ писательства Александра Адуева, и въ художественныхъ вспышкахъ Обломова, и въ порывахъ Райскаго, — такими же остаются онѣ и въ «Литературномъ вечерѣ» и въ «Милліонѣ терзаній». Онѣ проходятъ черезъ всю исторію творчества Гончарова, гдѣ онъ остается вѣренъ основному принципу отыскивать въ человѣкѣ, прежде всего, человека и уже потомъ изображать его какъ общественное явленіе» (Е. Ляцкій. Гончаровъ). Воспоминаніямъ о великомъ критикѣ посвящены Гончаровымъ его «Замѣтки о личности Б.».

Вавилонка—вмѣстѣ съ Сосновкой была наслѣдственной отчиной рода Обломовыхъ; находилась въ одной верстѣ отъ Сосновки (см. Обломовка).

Валуевъ, графъ Петръ Александровичъ (1815—1890).—Съ 1862 по 1864 г. министръ внутреннихъ дѣлъ и до 1881 г. предсѣдатель комитета министровъ. Авторъ «Думъ русскаго», вызванныхъ паденіемъ Севастополя, романовъ «Лоринъ» и «Княжна Татьяна» (Спб., 1882 и 1890 г.г.). Читеніемъ Валуевскаго «Лорина» навѣявъ «Литературный вечеръ» Гончарова. См. «И. А. Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ гр. В—у 1877—1822 г.г.». Спб. 1906. Выдержки изъ дневниковъ В—а: «Вѣстн. Евр.» 1907, №№ 1 и 2. Ист. Сборникъ «О минувшемъ». Спб. 1909 г. (См. также ниже «Лоринъ»).

Ваннуверъ, Джорджъ (1758—1797).—Англійскій мореплаватель, участникъ экспедиціи Кука. Авторъ Путешествія и открытій въ С. Тихомъ Океанѣ. Лондонъ. 1798 г. Имя В. носитъ одинъ изъ острововъ Британской Колумбіи. О немъ упоминаетъ Гончаровъ («Фрег. Пал.», II, 6).

Вейрихъ, Генрихъ. Докторъ медицины; состоялъ младшимъ врачомъ на «Палладѣ». «Умѣренный и скромный нашъ спутникъ, нѣмецъ», говоритъ Гончаровъ о В. «Фрег. Пал.», I, 4. Принадлежалъ къ «ученой партіи», противопологавшейся артистической партіи экипажа «Паллады».

Верхлево, село, принадлежавшее нѣкогда фамиліи Обломовыхъ и давно перешедшее въ другія руки. Находилось въ пяти верстахъ отъ Обломовки. Въ В. жилъ его управляющій—старикъ Штольцъ.

Витбергъ, Александръ Лаврентьевичъ (1787—1855).—Архитекторъ, авторъ проекта храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ, въ память Отечественной войны. Записки Витберга («Русск. Стар.», 1872 г.) написаны Герценомъ подъ диктовку В. Упоминается въ разсказѣ «Превратность судьбы». О немъ: Т. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. Спб. 1906. Т. II, стр. 106—125; Герценъ. «Былое и Думы» т. I.

Віельгорскій, графъ Михайлъ Юрьевичъ (1788—1856).—Композиторъ, пріятель Жуковскаго. Гончаровъ считалъ В. «талантливымъ неудачникомъ». См. выше: Райскій.

Востокъ, паровая шкуна, купленная русскимъ правительствомъ въ Англіи и снявшаяся съ якоря въ Портсмутѣ вмѣстѣ съ фрегатомъ «Паллада», подъ командой Римскаго-Корсакова. На «В.» Гончаровъ совершилъ плаваніе по Охотскому морю до Аяна («Фрег. Пал.», II, 7).

Врангель, Фердинандъ Петровичъ, баронъ (1796—1870).—Адмиралъ; путешественникъ, авторъ книгъ: «Очерки путешествія отъ Ситхи до Петербурга». Спб. 1837 г. и «Путешествія по сѣвернымъ берегамъ Сибири». Спб. 1841. «Имя этого писателя и путешественника живо сохраняется въ памяти сибиряковъ, а книгу его непременно найдете въ Сибири у всѣхъ образованныхъ людей» («Фрег. Пал.», II, 8).

«Вѣстникъ Европы» (1869—1909).—Журналъ «исторіи литературы и политики, основанный М. М. Стасюлевичемъ. Въ 1869 г. на страницахъ «В. Е.» появился полностью «Обрывъ», позднѣе (1872) «Милліонъ терзаній», «Изъ университетскихъ воспоминаній», 1887 г., № 4, «На родинѣ» 1888 г., № 1 и 2 и «Нарушеніе воли» 1889 г. № 3. Журналъ продолжается подъ редакціей К. К. Арсеньева въ изданіи М. М. Ковалевскаго.

Галль, Василій (1788—1844).—Англійскій путешественникъ, первый изслѣдователь Кореи и Ликейскихъ острововъ (Лиу-Киу). Путешествіе Г. издано въ Лондонѣ 1818 г.

Геденштромъ, Матвѣй Матвѣевичъ († 1845).—Тобольскій почтмейстеръ, авторъ книгъ: «Отрывки о Сибири» и «Поѣздка въ Якутскъ». Спб. 1830 г. О «чуждачествахъ Г. въ его книгахъ» упоминаетъ Гончаровъ. «Фрег. Пал.», II, 8.

Герингъ, Эдуардъ Николаевичъ (1796—1855).—Лекторъ нѣмецкаго языка московскаго университета. Гончаровъ въ «Воспом.» отмѣчаетъ Г. въ числѣ молодыхъ профессоровъ и адъюнктовъ, «замѣчательно умныхъ, образованныхъ и прекрасныхъ людей».

Герценъ, Александръ Ивановичъ (1812—1870).—Сотоварищъ Гончарова по университету (старше его на одинъ курсъ). Гончаровъ съ Г. видѣлся «только одинъ разъ мелькомъ, когда Г. былъ короткое время въ Петербургѣ, проѣздомъ за границу («Воспом.»). Гончаровъ высоко ставилъ «всестороннее образованіе», талантъ и блестящее остроуміе Г. («Замѣтки о личности Бѣлинскаго»). «Правильная подготовка» Г. возводила его образованность на степень учености», писалъ въ томъ же очеркѣ Гончаровъ.

Глинка, Михаилъ Ивановичъ (1804—1857).—Знаменитый композиторъ, родоначальникъ русской музыки. Въ «Замѣткахъ о личности Бѣлинскаго Гончаровъ упоминаетъ о триумвиратѣ Г—и, Кукольника и Брюллова.

Говоруха-Отрокъ, Юрій Николаевичъ (1855—1901).—Беллетристъ (псевдонимъ «Юрко») и критикъ (псевдонимы: Ю. Николаевъ, Ю. Елагинъ), сотрудникъ «Моск. Вѣд.» и «Русск. Вѣстн.». Его статья о Гончаровѣ «Русск. Вѣстникъ» 1892 г., № 1, стр. 330 и д. «Литер. крит. очерки».

Голиновъ, Иванъ Ивановичъ (1735—1801).—Историкъ, авторъ книги «Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ». Спб. 1788 г. Въ 1790—97 г.г. вышло 18 томовъ «Дополненій» къ «Дѣяніямъ». Гончаровъ въ дѣтствѣ увлекался этой книгой.

Голицынъ, князь Сергѣй Михайловичъ. Попечитель моск. университета 1832—1835 г.г., назначенный на постъ попечителя «къ собственному удивленію». Ср. «Воспомин.» Гончарова, I.

Головинъ, Василій Михайловичъ (1776—1831).—Извѣстный путешественникъ и изслѣдователь. Болѣе 1½ года протомился въ плѣну у японцевъ. См. его путеш., изданное въ Спб. 1816 г. и новое изданіе ред. журн. «Сѣверъ». Спб., 1889 г. Уп. въ «Фрег. Пал.», II, 1. Ср. ниже «Японія» и «Приложеніе» Гончаровъ—путешественникъ». Именемъ Г. названы заливъ въ Беринговомъ морѣ, проливъ на Курильскихъ островахъ и мысъ въ Америкѣ.

Голсвачова-Панаева, Евдонія Яковлевна (1820—1899). — Дочь артиста Брянскаго, жена Ив. Ив. Панаева, авторъ романовъ (псевдонимъ Н. Станицкій) «Семейство Тальниковыхъ», «Въ петербургскомъ полусвѣтѣ», «Три страны свѣта», «Мертвое озеро» (послѣдніе два романа написаны совмѣстно съ Н. А. Некрасовымъ). Въ воспоминаніяхъ Г.-П. нѣсколько бѣглыхъ строкъ удѣлено Гончарову и необычайному успѣху его «Обыкн. Ист.». См. «Воспоминанія Г.-П.». Спб. 1890 г., стр. 188.

Голохвастовъ, Дмитрій Павловичъ (1796—1849). — Помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа (при кн. Голицынѣ и гр. Строгановѣ), позднѣе попечитель. Историкъ. Герценъ, которому Г. приходился двоюроднымъ братомъ, далъ блестящую характеристику «надежнаго товарища» Голицына («Былое и думы», т. I, 438—453). «Мѣсто въ университетѣ было совсѣмъ не по немъ; свой холодный формализмъ, свое педанство онъ употребилъ на мелочное пансіонное управленіе студентами; такого вмѣшательства начальства въ жизнь аудиторіи, такого педельства на большомъ размѣрѣ не было при самомъ Писаревѣ (см.). И тѣмъ хуже, что Г. сдѣлался въ нравственномъ отношеніи то, что были Панинъ и Писаревъ для волость и плутовецъ». Эта характеристика вполне сходится съ отрицательной характеристикой Г., сдѣланной Гончаровымъ («Воспоминанія», I). См. также Т. Пасекъ. «Изъ дальнихъ лѣтъ», т. 1—2.

Гончарова, Авдотья Матвѣевна (1787—1851). — Мать писателя, урожденная Шахторина; 19-ти лѣтъ вышла замужъ за пятидесятилѣтняго Александра Ивановича Гончарова. О ней говоритъ Гончаровъ въ «Воспоминаніяхъ» (II). Получивъ извѣстіе о кончинѣ матери, Иванъ Алекс. писалъ сестрѣ (Кирмаловой): «горжусь, благодарю Бога за то, что имѣлъ подобную мать. Ни о чемъ и ни о комъ у меня мысль такъ не свѣтла, воспоминаніе такъ не свято, какъ о ней».

Гончарова, Анна Александровна (1818—1898). — Младшая сестра писателя, по мужу Музалевская. Шесть писемъ къ ней Ив. Ал.—а опубликованы въ выдержкахъ въ статьѣ М. Суперанскаго «Вѣстн. Евр.» 1908, XII, 439—444. Остальные письма не уцѣлѣли, т. к., вѣрная завѣщанію Гончарова, А. А. сожгла ихъ; уцѣлѣвшія письма находились у ея пріемной дочери.

Гончарова, Александра Александровна (1815—?). — Сестра Ив. Ал., въ замужествѣ Кирмалова. Письма къ ней Гончарова опубликованы въ «Вѣстн. Евр.», 1907, № 2.

Гончарова, Елизавета Карловна, урожденная Рудольфъ, жена брата писателя (Николая Александровича). По свидѣтельству сына, она изображена въ «Обрывѣ», въ образѣ Ульяны Андреевны, а въ «учителѣ Козловѣ» Елиз. Карл. узнала черты своего мужа. По свидѣтельству другихъ лицъ, знавшихъ Г—у, въ Ульянѣ Андреевнѣ отражены лишь немногія черты Г—ой, но вообще она не пользовалась симпатіями со стороны родственниковъ мужа. «Вѣстн. Евр.» 1908, XI, 18—19.

Гончаровъ, Александръ Ивановичъ (1754—1819). — Отецъ писателя. Отъ второго брака А. И. (1804 г.) съ Авдотьей Матвѣевной Шахториной родились сыновья: Николай и Иванъ, дочери: Елена и Марія (умершія въ дѣтствѣ), Александра и Анна.

Гончаровъ, Александръ Николаевичъ (1843—1907). — Племянникъ писателя; его далеко не безпристрастныя воспоминанія объ И. А. Г—ѣ напечатаны М. Ѳ. Суперанскимъ въ «Вѣстн. Европы» 1908, XI, (тамъ же его біографія); авторъ многихъ беллетристическихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Книжкахъ Недѣли» 1895—99 г. «Воспоминанія» А. Н. дополнены его женой, Елизаветой Александровной, урожденной Уманецъ «Вѣстн. Евр.» 1908, XII.

Гончаровъ, Иванъ Ивановичъ († 1790). — Дѣдъ писателя. Началъ службу полковымъ писаремъ въ Оренбургскомъ краѣ и дослужился до чина капитана. Оставилъ послѣ себя «Лѣтописецъ» — погодныя записи о событіяхъ семейной жизни, — хранящіяся нынѣ въ симбирской архивной комиссіи. См. «Вѣстн. Евр.»

1907, II, стр. 575—576. Отъ третьяго брака И. И. Гончарова съ Вассой Стефановой родился Александръ Ивановичъ Гончаровъ—отецъ писателя.

Гончаровъ, Николай Александровичъ (1808—1872).—Старшій братъ писателя; учился вмѣстѣ съ нимъ въ Моск. коммерческомъ училищѣ и позднѣе Моск. университетѣ. Служилъ въ Симбирскѣ учителемъ гимназіи и состоялъ редакторомъ «Симб. Губ. Вѣдом.». Письма Ив. А. къ брату опубликованы кн. В. М. Чегодаевой «Ил. Нов. Время» 1912 г., №№ 13017.

Гошкевичъ, Осипъ Ивановичъ. Спутникъ Гончарова во время плаванія на «Палладъ»; чиновникъ мин. ин. дѣлъ азіатскаго департамента, прикомандированный къ экспедиціи гр. Путятина въ качествѣ переводчика.

Грачи — деревня Адуевыхъ («Об. Ист.»). См. Приложение: «Мѣсто дѣйствія».

Гречъ, Николай Ивановичъ (1787—1867). — Издатель «Сына Отеч.» и «Сѣв. Пчелы», составитель хорошо извѣстной русской грамматики. Г., «усерднаго бойца за правильность русской рѣчи», поминаетъ Гончаровъ въ очеркѣ «Черезъ 20-ть лѣтъ».

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ (1795—1829).—Разборъ грибоѣдовской комедіи, сдѣланный Гончаровымъ, явился полной переоцѣнкой установившихся воззрѣній на характеры Чацкаго и Софьи (Ср. «Сл. Лит. Типовъ» вып. VI, стр. 37—50 и 64—66).

Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ (1822—1890).—Авторъ «Деревни», «Антоня Горемыки», сотрудникъ «Современника» и «Отеч. Запис.». Познакомился съ Гончаровымъ въ кружкѣ Майковыхъ. Въ «Литер. воспоминаніяхъ» (сочин. Г—ича, Спб., 1896 г., т. XII, стр. 296—97) Г—ичъ писалъ: «во всей русской литературѣ не найдется человѣка счастливѣе Гончарова. Бранью осыпали Пушкина и Гоголя»; Гончаровъ же «во всю свою жизнь слышалъ однѣ только похвалы». «...Въ безусловномъ поклоненіи произведеніямъ Гончарова скрывается доля какого-то непонятнаго лицемѣрія, — боязнь смѣло высказать свое мнѣніе». Г—ичъ признаетъ «изо всего написаннаго Гончаровымъ» дѣйствительно прекраснымъ литературнымъ произведеніемъ лишь «Сонъ Обломова». Извѣстное столкновеніе Гончарова съ Тургеневымъ Г—ичъ объясняетъ тѣмъ, что, вмѣстѣ съ ростомъ извѣстности Тургенева, «Гончаровъ сталъ явно ему недоброжелательствовать и отъ него отдаляться». Исторія съ авторомъ «Зап. Охотника» лучше всего доказываетъ, въ какой степени успѣхи Тургенева тревожили Гончарова». Ср. ниже: Тургеневъ.

Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ (1822—1864).—Въ статьѣ о Тургеневѣ, Г., мимоходомъ касаясь вышедшаго «Обломова», отмѣчалъ построеніе романовъ Гончарова «по сухимъ догматическимъ темамъ». Ср. Перечень: «Обломовъ», «Обыкн. Исторія». Сочин. А. Григорьева, Спб., 1876 г., т. I, стр. 420. Гончаровъ считалъ Гр. «менѣе удачнымъ», чѣмъ Добролюбовъ, послѣдователемъ Вѣлинскаго («Зам. о личн. Вѣл.»).

Григорьевъ, Константинъ Никифоровичъ. Якутскій губернаторъ; выведенъ въ статьѣ «По Вост. Сибири» подъ именемъ Игорьева. Письмо къ нему Гончарова «Руск. Стар.» 1911 г., № 10.

Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ (1794—1863).—Профессоръ Моск. университета, позднѣе директоръ Педаг. института и академикъ. По выраженію Гончарова, считался универсальнымъ ученымъ: читалъ когда-то лекціи высшей алгебры, занялъ было кафедру философіи, потомъ «назначенъ былъ читать исторію русск. литературы». Это былъ настоящій типъ профессора-чиновника, педагога карьериста, для котораго профессура была не дѣлю служенія наукъ, а средствомъ для звѣздъ, орденовъ и чиновъ. Въ тяжелыя времена гоненій на чистую науку, имѣющую въ самой себѣ ясную и опредѣленную дѣль, такіе типы, какимъ былъ Д., имѣютъ извѣстный успѣхъ на іерархической лѣстницѣ».

Данилевскій, Григорій Петровичъ (1829—1890). — Первый романъ Д. «Бѣглые въ Новороссіи» (1862); «Девятый валъ» (1874); «Мировичъ» (1879);

«На Индію при Петрѣ» (1880); «Княжна Тараканова» (1883); «Черный годъ» (1888). Съ 1881 г. былъ главнымъ редакторомъ «Правит. Вѣстн.». Сослуживецъ Гончарова по цензурному вѣдомству, въ которомъ Д. состоялъ членомъ Главн. Упр. по дѣламъ печати.

Двигубскій, Иванъ Алексѣевичъ (1771—1839).—Докторъ медицины; профессоръ Моск. университета по кафедрѣ ботаники и ректоръ (читалъ также лекціи по физикѣ и технологіи), авторъ многихъ научно-популярныхъ работъ и издатель журнала «Новый магазинъ естественной исторіи», выходившаго въ теченіе десяти лѣтъ (1820—1829).

Декампъ, Амедей. Лекторъ французской словесности въ Московскомъ университетѣ (до 1837 г.). О немъ: «Словарь профес. Моск. универс.». М. 1855 г., стр. 294. Гончаровъ упоминаетъ о Д. въ «Воспомин.».

Державинъ, Гавріиль Романовичъ (1743—1816).—Первой книгой, попавшейся Гончарову «внѣ классовъ», были сочиненія Д., которыя онъ «и переписывалъ и училъ наизусть» (Автобіографія).

Дибичъ, графъ, Иванъ Ивановичъ (1785—1831).—Генераль-адъютантъ, близкій человѣкъ къ Императору Александру I. Упом. въ разсказѣ «Превратность судьбы».

«**Диана**»—фрегатъ, пришедшій на смѣну «расхлябавшейся» «Палладѣ». О гибели Д. у береговъ Японіи во время землетрясенія см. «Черезъ двадцать лѣтъ» гл. VI и «Морск. Сб.», 1855 г., VI.

Добролюбовъ, Николай Александровичъ (1836—1861).—Критикъ, одинъ изъ руководителей «Современника» 1858—61 г.г. см. «Что такое обломовщина?» Сочиненія Д.—а, изд. 7-ое, т. II, стр. 407—435. По свидѣтельству Л. Н. Майкова («Русск. Ст.», 1900, I, стр. 11) статья Д. (появившаяся въ «Соврем.» тотчасъ послѣ окончанія печатанія романа въ «Отеч. Зап.») явилась полной неожиданностью для Гончарова «и привела его въ восхищеніе. Гончаровъ («Лучше поздно—чѣмъ никогда») утверждалъ, что ею вполне исчерпанъ вопросъ о томъ, что такое обломовщина, что возвращаться къ нему нечего, и что другому критику остается только говорить о женщинахъ романа, или же просто задаться его порицаніемъ». Добролюбова, равно какъ и Бѣлинскаго, Гончаровъ считалъ «тонкимъ критическимъ истолкователемъ».

Дружининъ, Александръ Васильевичъ (1824—1864).—Авторъ «Полиньки Саксъ», критикъ, сотрудникъ «Современника» и позднѣе редакторъ «Библиотеки для чтенія», основатель Литературнаго фонда. Сочиненія Д.—а 8 т. Спб., 1865 г. О немъ см. С. Венгеровъ. Сочиненія, т. VI (тамъ же бібліографія, стр. 217—233).

Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ (1792—1862).—Воспитанникъ горнаго корпуса; перешелъ въ корпусъ жандармовъ и въ 1835 г. занялъ должность начальника штаба. Позднѣе управлялъ третьимъ отдѣленіемъ и былъ членомъ главнаго управленія цензуры. Умеръ генераль-майоромъ. См. выше: Бенкендорфъ. Уп. въ Воспоминаніяхъ («На родинѣ»).

Дудышкинъ, Степанъ Семеновичъ (1820—1866).—Журналистъ, завѣдующій критическимъ отдѣломъ «Отеч. Зап.» (послѣ Бѣлинскаго и В. Майкова) и соредакторъ журнала. Д. былъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ Майковыхъ. О немъ: А. Старчевскій. «Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ». «Ист. Вѣстн.» 1886 г., № 2, стр. 360—386.

Дымокъ («Обрывъ»).—Имяніе Тупина.

Ежемѣсячныя сочиненія—журналъ, издававшійся въ Спб. I. I. Ясинскимъ (1900—1903).—Въ журналѣ были напечатаны письма Гончарова къ П. И. Капнисту («Е. С.» 1903 г., № 1).

Жанлисъ, графиня (1746—1831).—Французская романистка, авторъ многихъ романовъ и «нравственныхъ» повѣстей, очень популярная и въ Россіи. Гончаровъ читалъ въ дѣтствѣ романы Ж. въ «чудовищныхъ переводахъ» («Автобіографія»).

Заблоцкій-Десятовскій, Михаилъ Пареевичъ († 1858).—Извѣстный статистикъ и метрологъ, хорошій знакомый Майковъхъ и Гончарова. На З.-Д. указываетъ Старчевскій («Ист. Вѣстн.» № 2, стр. 378), какъ на одно изъ лицъ, послужившихъ прототипомъ для Адуева-младшаго.

Завойко, Василій Степановичъ (1809—1865).—Путешественникъ и администраторъ; совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ плаваній, и поступилъ на службу русско-американской компаніи; былъ правителемъ Охотска (охотская факторія); по его инициативѣ былъ перенесенъ портъ изъ Охотска въ Аянъ и обращено вниманіе на изслѣдованіе Амура. Восточная война застала З. командиромъ Петропавловскаго порта и губернаторомъ Камчатки. О немъ: «Фрег. Пал.» II, 7.

Загряжскій, Александръ Михайловичъ. Симбирскій губернаторъ; его вывелъ Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ «На родинѣ» подъ именемъ Углицкаго; рассказъ того же Углицкаго послужилъ канвою для очерка «Превратность судьбы». По отзыву историка города Симбирска, «былъ очень недуренъ собою, строенъ, всегда щеголь, воспитанія свѣтскаго, хорошій актеръ и неисправимый ловелась. Избалованный дешевыми побѣдами, онъ задумалъ устроить интригу съ дочерью одного изъ наиболѣе уважаемыхъ лицъ симбирскаго общества, и даже, какъ говорятъ, ходилъ къ ней на свиданіе, нарядившись старухой, причемъ такъ хорошо загримировался, что, самъ отецъ, встрѣтивъ случайно эту старуху, не узналъ, кто она, и указалъ ей, какъ пройти къ дочери. Самъ же виновникъ началъ хвастаться своею интригою, дворянство узнало и дружно ополчилось противъ него; стали грозить ему общимъ скандаломъ и даже кулачною расправою. Положеніе Загряжскаго, не только, какъ губернатора, но и какъ человѣка, оказалось невозможнымъ, и онъ долженъ былъ далеко не почетно удалиться изъ Симбирска» (П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. С. 1898 г.).

Зеленый, Павелъ Алексѣевичъ. Мичманъ на «Палладѣ». «Молодой З.» «драгоценный спутникъ». Его характеристика у Гончарова («Фрег. Пал.» I, 4).

Зибольтъ, Филиппъ (1796—1866).—Нѣмецкій естествоиспытатель и знатокъ Японіи, прожившій въ ней въ качествѣ врача индо-голландской компаніи въ то время, когда Я. была закрыта для иностранцевъ. Авторъ многихъ изслѣдованій, касающихся флоры, фауны и жизни Японіи. Изъ книги З. Гончаровъ показывалъ японцамъ изображеніе мѣстныхъ видовъ: людей, зданій, пейзажей и прочаго». Путешествіе З. въ Японію издано по русски Плюшаромъ въ обработкѣ В. М. Строева. Спб. 1855 г. Переводъ изъ З. «Нидерландцы и русскіе въ Японіи». «Морск. Сб.». Мартъ, 1855 г. («Фрег. Пал.», II, 1).

Ивашковскій, Семень Мартыновичъ († 1850).—Профессоръ Моск. университета по кафедрѣ греческой словесности.

Игорьевъ («По Вост. Сибири»).—См. въ спискѣ Григорьевъ.

«Иллюстрированный Альманахъ». Былъ изданъ въ видѣ приложенія къ «Современнику» 1848 г., но вышелъ вслѣдствіе цензурныхъ осложненій въ 1849 г.; по требованію цензуры первоначальное заглавіе—«И.-А.»—было измѣнено и альманахъ названъ «Литературнымъ сборникомъ». (См. Панаева-Головачева. «Воспом.», стр. 193). Въ «И. А.» появился «Сонъ Обломова».

Императорская Гавань въ Приморской области, на сѣв. берегу Японскаго моря, образующаго здѣсь заливъ съ нѣсколькими удобными бухтами. Въ И. Г., во избѣжаніи захвата неприятелемъ, былъ затопленъ фрегатъ «Паллада». «Какой этотъ берегъ? Что за бухта?.. Что это за край: гдѣ мы? Самъ не знаю, да и никто не знаетъ: кто тутъ бывалъ и кто пойдетъ въ эту дичь и глушь? («Фрег. Пал.», II, VI. Эти слова Гончарова объясняются тѣмъ, что И. Г. и заливъ Императора Николая были только что тогда открыты (1853 г.) лейтенантомъ Бошнякомъ. См. «Морск. Сб.». 1859 г.

Инчбальдъ-Симпсонъ, Елисавета (1753—1821).—Англійская артистка и писательница. Ея романъ «A simple Story» (1791) пользовался большимъ

успѣхомъ. Въ 1848 г. «Отеч. Записки» помѣстили переводъ этого романа, причемъ въ рукописи романъ былъ названъ «Обыкновенной Исторіей»; узнавъ объ этомъ Гончаровъ писалъ издателю журнала, А. А. Краевскому: «такое заглавіе, мнѣ кажется, неудобнымъ, какъ для меня, такъ и для Вашего журнала: для меня потому, что довольно и одинокихъ заглавій, чтобъ подать поводъ къ нелѣпому сравненію обоихъ романовъ, причемъ выводъ окажется конечно не въ мою пользу: романъ миссъ Инчвальдъ несравненно выше моего. Для чего же давать возможность ставить на одну доску два сочиненія совершенно различныя по достоинству и содержанію, во вредъ одного изъ нихъ, когда можно избѣжать этого». Редакція согласилась съ Гончаровымъ и романъ вышелъ подъ заглавіемъ «Простая Исторія».

Иннокентій (1797—1879).—Въ мірѣ Иванъ Евсѣевичъ Веніаминовъ; извѣстный просвѣтитель алеутовъ, первый епископъ Камчатки, впоследствии митрополитъ московскій. Епископомъ Камчатскимъ И. пробылъ около 27 лѣтъ и за это время сдѣлалъ многое для края. Ср. «Фрег. Пал.» II, 7 и біографію И., написанную И. Барсуковымъ. М., 1883 г.

Іакинфъ, о. (1777—1853).—Архимандритъ, въ мірѣ И. Бичуринъ; былъ начальникомъ духовной русской миссіи въ Китаѣ и получилъ большую извѣстность какъ знатокъ Китая и китайскаго языка. Его труды «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвѣщеніе». Спб., 1840 и «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи». Спб. 1848 г. цитируются Гончаровымъ въ очеркахъ «Фрег. Паллада».

Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ (1818—1885).—Юристъ, философъ, и историкъ; дѣятельный участникъ крестьянской реформы; профессоръ Московскаго и затѣмъ Спб. университетовъ. Однимъ изъ учителей, подготовившихъ К. въ университетъ, былъ Бѣлинскій, съ которымъ позднѣе К. связывали дружескія отношенія. Принималъ участіе въ «Отеч. Зап.» и «Современникъ». Его капитальный трудъ: «Задачи этики» выдержалъ рядъ отдѣльныхъ изданій и вошелъ въ «Сочиненія К—а». Спб. 1902. Два письма Гончарова къ К. «Русская Мысль» 1895 г., № 2.

Капнистъ, графъ, Петръ Ивановичъ (1830—1898).—Сослуживецъ Гончарова по цензурному вѣдомству, позднѣе (1868—1874 г.г.) редакторъ «Прав. Вѣстн.»; авторъ многихъ стихотвореній (см. сочиненія К—а въ 2-хъ т. М. 1901 г.); его же перу принадлежитъ характеристика печати и литер. 60-хъ годовъ, представленная Императору Александру II. Письма къ нему Гончарова «Ежем. Сочиненія», 1903 г., № 1.

Каменецкій, Титъ Алексѣевичъ (1790—1844).—Директоръ Моск. коммерческаго училища и позднѣе профессоръ университета по кафедрѣ географіи и статистики. Гончаровъ отзывается о немъ какъ о рутинерѣ и педантѣ. Ср. Приложение: Автобіографія.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ (1766—1826).—По поводу предстоящаго празднованія столѣтней годовщины К., «близкаго сердцамъ нашимъ» праздника, Г., за подписью «любитель литературы», помѣстилъ въ «Голосѣ» 1866 г., № 321 особую замѣтку. Перепечатка ея въ ст. А. А. Мазона «Р. Ст.» 1912 г., № 6, стр. 495—497.

Каратыгинъ, Петръ Андреевичъ (1802—1879).—Артистъ имп. театровъ.

Каронъ, Франсуа († 1764).—Путешественникъ; долгое время жилъ на Мадагаскарѣ. Онъ одинъ изъ первыхъ въ своей книгѣ «Описаніе могущественной Японской Имперіи», изданной на гол. языкѣ въ Амстердамѣ (1656 г.), познакомилъ съ Японіей европ. читателей. Русск. перев. «Описаніе Японы» сдѣлалъ Коровинымъ и Горлицкимъ. Спб. 1734 и 1768 г.г. Выдержки изъ него приведены въ «Фр. Пал.», II. 1.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ (1818—1887).—Публицистъ; принадлежалъ къ кружку Бѣлинскаго и сотрудничалъ въ «Моск. Набл.» и «Отеч. Зап.». Съ 1845—1850 г.г. занималъ кафедру философіи въ Моск. ун-в., съ 1851 г. ста-

новится во главѣ «Моск. Вѣдом.», съ 1856 г. началъ изданіе «Русск. Вѣстн.». О немъ: К. Невѣдѣнскій. К—ъ и его время. Спб. 1888 г. Н. Любимовъ. М. Н. К—ъ. Спб., 1889 г.

Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ (1775—1842).—Профессоръ Моск. унив., читавшій во время студенчества Гончарова р. исторію и статистику. Преподаваніе К. было живое, чуждое всякой схоластики, но «читалъ онъ медленно, вяло и пожалуй, если вслушиваться глубоко въ его рѣчь, то и скучно. Точно какъ старый дядька нехотя мямлитъ въ сотый разъ сказку дѣтямъ, чтобы усыпить ихъ. Нѣкоторые и засыпали или, по крайней мѣрѣ, дремали подъ его однообразный, монотонный говоръ».

Кемпферъ, Энгельбертъ (1651—1716).—Путешественникъ-голландецъ; посѣтилъ Японію, гдѣ провелъ два года. Его книгой «Исторія Японіи», вышедшей въ началѣ XVIII столѣтія, пользовался Гончаровъ во время путешествія. («Фрег. Пал.» II, 1).

Кетчеръ, Николай Христофоровичъ (1809—1886).—Переводчикъ Шекспира, близкій человекъ къ кружку Герцена и Бѣлинскому. См. Герценъ «Былое и думы»; Пыпинъ—«Бѣлинскій»; Т. Пассекъ—«Изъ дальнихъ лѣтъ», т. I.

Киндяковна—деревня въ 4-хъ верстахъ отъ Симбирска,—любимое мѣсто прогулокъ симбирцевъ. Киндяковская роща и рядомъ съ ней знаменитый Гончаровскій обрывъ съ барской усадьбой (См. «Новь» 1898 г., № 19. «Нива» 1898 г., № 40). Отсюда съ вершины крутого ската къ Волгѣ открываются картины, описанныя въ «Обрывѣ»: «съ одной стороны, Волга съ крутыми берегами и заволжьемъ; съ другой—широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкается далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны видны села, деревни и часть города» («Обрывъ» I). По утвержденію родственниковъ Гончарова, мѣста, зарисованныя въ романѣ, находились не въ Киндяковкѣ, а въ Симбирскѣ, въ Гончаровскомъ саду, расположенномъ на томъ же горномъ берегу Волги. («Вѣстн. Евр.» 1908, XI, стр. 22).

Кирмалова, Александра Александровна. См. Гончарова, А. А.

Кирмалова, Дарья Леонтьевна. Жена племянника Ив. Алекс.—Виктора Михайловича Кирмалова. Выдержки изъ довольно оживленной переписки Гончарова съ К—й приведены въ статьѣ М. Ѳ. Суперанскаго. «Вѣстн. Евр.» 1908, XII. [† 1912 г.].

Кирмаловъ, Владиміръ Михайловичъ. Племянникъ писателя. Его характеристика въ «Восп. А. Н. Гончарова», «Вѣстн. Евр. 1908, XI, стр. 33—34. См. также извлеченія изъ писемъ Ив. А. Гончарова А. А. Кирмаловой. «Вѣстн. Евр.» 1908, XII.

Кирмаловъ, Михаилъ Михайловичъ. Мужъ сестры писателя, Алекс. Алекс.; ардаговскій помѣщикъ, владѣлецъ Хухорева. См. письма Гончарова къ Кирмаловой, «В. Евр.», 1908, XII.

Кистеръ, Ѳедоръ Ивановичъ (1772—1849).—Лекторъ нѣмецкаго языка въ Моск. университетѣ; содержатель извѣстнаго въ свое время (20-ые и 30-ые годы прошл. ст.) пансіона и составитель долгое время популярныхъ учебниковъ нѣм. языка, напр., «Другъ дѣтей», который выдержалъ множество изданій. Характеристика К. дана Гончаровымъ въ «Воспоминаніяхъ».

Клапротъ, Юлій Генрихъ (1783—1835).—Ориенталистъ и путешественникъ; одно время состоялъ адъютантомъ Импер. Акад. Наукъ по кафедрѣ азиатскихъ языковъ, но вскорѣ занялъ ту же кафедру въ Парижской Академіи. Объ его трудѣ «Aperçu général de trois royaumes, traduit de l'original japonais-chinois, P. 1833 («Фрег. Пал.» II, 6).

Клюшниковъ, Иванъ Петровичъ (1811—1895).—Поэтъ кружка Станкевича, авторъ широко извѣстныхъ пьесъ: «Жизнь» (отвѣтъ на стансы Пушкина, приписываемый митрополиту Фларету), «Любителю музыки» и др. Сотоварищъ Гончарова по университету.

Колокольцовъ, Александръ Александровичъ (1833—1904). — «Отличный пріятель» Гончарова и спутникъ въ кругосвѣтномъ путешествіи; состоялъ въ чинѣ мичмана на «Палладѣ»; былъ переведенъ на «Диану» крушеніе которой у береговъ Японіи описано въ очеркѣ Гончарова («Черезъ 20-ть лѣтъ»). Позднѣе состоялъ членомъ адмиралтействъ-совѣта и начальникомъ Обуховскаго Сталелит. завода, который при К. сталъ однимъ изъ первыхъ заводовъ въ Россіи.

Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ (1809—1841).—См. «Замѣтки о личности Бѣлинскаго».

Колчино («О б р ы в ъ»).—Имѣніе Викентьевыхъ.

Константинъ, Павловичъ (1779—1831).—Второй сынъ императора Павла I. Уп. въ очеркѣ «Превратность судьбы».

Коршъ, Евгенийъ Ѳедоровичъ (†1897).—Журналистъ, издатель и редакторъ «Атеней», воспитанникъ Моск. университета и членъ кружка Бѣлинскаго.

Коттень, Марія (1770—1807). — Французская писательница, авторъ въ свое время популярныхъ и въ Россіи романовъ «Мальвина», «Матильда» и др. Гончаровъ читалъ въ дѣтствѣ романы К. въ «чудовищныхъ переводахъ» (Автобіографія).

Краевскій, Андрей Александровичъ (1810—1889).—Журналистъ; издатель «Отеч. Запис.», «Голоса»; въ теченіи 1852—62 г. арендаторъ «Спб. Вѣдомостей». Письма (46) Гончарова къ К. опубликованы въ «Отчетѣ Публ. Библиотеки» за 1889 г. Спб., 1893. «Р. Ст.», 1911 г., № 10; 1912 г., № 6.

Красовъ, Василій Ивановичъ (1810—1855).—Поэтъ, членъ кружка Станкевича, сотоварищъ Гончарова по Моск. университету. Стихотворенія К. изданы въ М. 1860 г., въ настоящее время изданіе представляетъ большую рѣдкость, т. к. весь почти заводъ погибъ отъ пожара. Біографія К. въ «Словарѣ профес. унив. Св. Владиміра». (К. недолгое время занималъ мѣсто адъюнкта русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ).

Крашенинниковъ, Степанъ Петровичъ (1713—1755).—Извѣстный путешественникъ, изслѣдователь Камчатки. Его «Описаніе земли Камчатки» выдержало три изданія (Спб. 1755, 1786, 1818). Гончаровъ читалъ путешествія К. въ дѣтствѣ.

Крюднеръ, Николай, баронъ. Состоялъ лейтенантомъ во время плаванія Гончарова на «Палладѣ». Его характеристика (Б. К.)—«Фрег. Пал.» I, 4.

Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ (1796—1881).—Профессоръ латинскаго языка Моск. универс., авторъ многихъ извѣстныхъ трудовъ по палеологіи («Несторъ, первый писатель р. исторіи, церковной и гражданской») и составитель учебниковъ по латинскому языку. Гончаровъ въ «Воспом.» отмѣчаетъ К. въ числѣ молодыхъ профессоровъ, «замѣчательно умныхъ, образованныхъ и прекрасныхъ людей».

Кукъ, Джемсъ (1728—1779).—Знаменитый мореплаватель. Гончаровъ читалъ въ дѣтствѣ «куковы путешествія». То была, изданная въ 1790 г. въ Спб. на русскомъ языкѣ, книга: «Описаніе жизни и всѣхъ путешествій англійскаго мореходца капитана Кука».

Куртнеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ (1795—1876). — Лекторъ французскаго языка въ Моск. университетѣ, авторъ многихъ учебниковъ.

Лазаревскій, Василій Матвѣевичъ (1817—1890).—Знакомый Гончарова. Письмо къ нему Гончарова въ извлеченіяхъ приведено въ «Вѣстн. Евр.» 1907, II, 590. Членъ совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, беллетристъ и переводчикъ Шекспира.

Лазаревъ, Андрей Петровичъ (1787—1849).—Вице-адмиралъ. Въ 1822—1823 г. совершилъ кругосвѣтное плаваніе: «Плаваніе вокругъ свѣта на шлюпѣ Ладога». Спб. 1832 г.

Лазаревъ, Михайлль Петровичъ (1788—1851). — Адмиралъ; дѣятельный участникъ севастопольской кампаніи; въ молодости три года провелъ на Аляскѣ,

въ 1822—25 г.г. на «Крейсерѣ» совершилъ кругосвѣтное путешествіе. См. Д. Завалишинъ. «Круг. плаваніе фрегата «Крейсеръ», №№ 5—11; «Др. и Нов. Россія», 1877 г. Именемъ Л. названъ заливъ у вост. береговъ Кореи. Уп. «Фрег. Пал.».

Лаперузъ (1741—1788). — Французскій мореплаватель, изслѣдователь Японскаго моря и Сахалина; одинъ изъ проливовъ названъ именемъ Лаперуза. Погибъ во время путешествія около острова Ваникоро. Уп. въ «Фрег. Пал.» II, 4.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ (1814—1841).—Однокурсникъ Гончарова по Моск. универс. Гончаровъ «не успѣлъ познакомиться» съ Л., но онъ помнилъ «смуглаго, одутловатаго юношу, съ чертами лица какъ будто восточнаго происхожденія, съ черными выразительными глазами». Онъ казался апатичнымъ, говорилъ мало и сидѣлъ всегда въ лѣнливой позѣ, полулежа, опершись на локоть» («Воспоминанія»).

Литературный сборникъ. См. выше: Иллюстр. Альманахъ.

Литке, Федоръ Петровичъ, графъ (1797—1882).—Адмиралъ; совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ плаваній. Его «Путешествіе на военномъ шлюпѣ Сеньявинъ въ 1826—1827 г.г.» (Спб. 1835 г.) удостоено Демидовской преміи. Впослѣдствіи былъ президентомъ Академіи Наукъ и основателемъ Геогр. Общества. Уп. Фрег. Пал.» II, 8.

Лоринъ—романъ въ 2-хъ частяхъ графа П. А. Валуева, Спб. 1882 г. Изд. книгопрод. К. К. Ретгера, подъ фирмой Шмицдорфъ. Роману предпослано слѣдующее предисловіе издателя: «Романъ «Л.» написанъ. 6 ч. въ 1876 г. и оконченъ въ 1878; но я только въ ноябрѣ прошлаго 1881 г. получилъ отъ автора изъясненіе согласія на его изданіе». Пересказъ содержанія романа Бебикова, сдѣланный Гончаровымъ въ «Литер. вечерѣ», близко совпадаетъ съ содержаніемъ «Л.». Главныя дѣйствующія лица тамъ и тутъ почти тождественны — Графъ — Графъ Лоринъ (у Валуева); княгиня—кн. Искрицкая; Лидія N—Ольга Николаевна Соболина; Лиза Ф.—Ширяева; баронъ—бар. Рингшталъ. Въ общихъ чертахъ Гончаровъ замѣчательно выпукло отразилъ фізіономію валуевского романа съ его блѣдными образами, расплывчатыми характеристиками и утомительно длинными отступленіями. См. «Списокъ»: Валуевъ и «Перечень»: «Лит. вечеръ».

Лосевъ, Константинъ. Капитанъ морской артиллеріи и спутникъ Гончарова во время его путешествія на «Палладѣ».

Лукьянова, Варвара Лукинишна. Гувернантка дѣтей А. А. Кирмаловой, впослѣдствіи классная дама въ Спб. Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. По словамъ М. Э. Суперанскаго, Л. играла «замѣтную роль» въ жизни Гончарова и есть основаніе предполагать, что она была героиней одного изъ старыхъ эпизодовъ въ жизни автора «Обрыва» (Соч. IX, 135). Ср. Воспоминанія Потанина «Ист. Вѣстн.» 1903, № 4 и письмо Гончарова къ Троицкому «Вѣстн. Евр.» 1908, XII, стр. 454—455.

«Лунныя ночи»—рукописный альманахъ Майковыхъ 1839 г. См. Перечень: «Счастливая ошибка».

«Лѣтописецъ». Рукописная книга въ старинномъ переплетѣ, хранящаяся теперь въ Музеѣ Симбирской архивной комиссіи. Состоитъ изъ списковъ религіозной литературы, сдѣланныхъ рукою дѣда писателя. Въ началѣ книги, на нѣсколькихъ листахъ, помѣщается «Лѣтописецъ» или погодная записъ фактовъ политической жизни, рѣдкихъ явленій природы и семейныхъ событій. Записи послѣднихъ приведены полностью М. Э. Суперанскимъ въ «Вѣстн. Евр.» 1908 г., XI, стр. 575—77. Подъ 1812 годомъ рукою отца писателя занесено: «1812 г. іюня 6-го дня родился сынъ Иванъ, а именинникъ іюня 24 дня». Дата записи сходится съ метрическими книгами Симбирской Вознесенской церкви. См. «Вѣстн. Евр.» 1908 г., XII, стр. 26, Примѣчаніе. Установленіе этой даты особенно цѣнно, т. к. метрическое свидѣтельство Гончарова сгорѣло, а біографы считали годомъ его рожденія то 1812, то 1813, то 1814 г.г., то 6 іюня, то 6 іюля.

Майнова, Евгенія Петровна (1803—1880).—Супруга Ник. Апол., урожденная Гусятникова, писательница. Авторъ стихотвореній въ «Библ. для чтенія» 1841—42 г.г., повѣсти «Женщина» и др.

Майнова, Екатерина Павловна (1836).—Супруга Влад. Ник., писательница. Сотрудничала въ «Семейн. Вечерахъ».

Майновъ, Аполлонъ Николаевичъ (1821—1897).—Извѣстный поэтъ. Первое стихотвореніе М., напечатанное въ «Одесск. Альманахъ», отмѣтилъ еще Бѣлинскій (Соч. т. IV, ред. Венгерова), давшій позднѣе сочувственный отзывъ о стихотв. М—а (Слб. 1842). Гончаровъ преподавалъ А. Н. русскую словесность. См. М. Златковскій, біографическій очеркъ. Слб. 1888.

Майновъ, Валеріанъ Николаевичъ (1823—1847).—Извѣстный критикъ, заступившій въ «Отеч. Зап.» мѣсто Бѣлинскаго; ученикъ Гончарова. Гончаровъ написалъ некрологъ М—а («Крит. Опыты» В. Н. М—а, стр. III—VIII, изд. ред. журнала «Пантеонъ Литературы» Слб. 1891 г.). О немъ: К. К. Арсеньевъ, «Крит. статьи», т. 2. Л. Майковъ въ «Крит. Опыт.», И. С. Тургеневъ—«Воспоминанія».

Майновъ, Владиміръ Николаевичъ (1826—1885).—Издатель дѣтскихъ журналовъ: «Подсѣжники» и «Семейные вечера».

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ (1839—1900).—Извѣстный изслѣдователь исторіи р. литературы, впоследствии академикъ и вице-президентъ Академіи Наукъ, редакторъ собраній сочиненій Батюшкова, Пушкина (т. I, академ. изданія). См. сборникъ «Памяти Л. Н. М—а. Слб. 1902 г.; тамъ же перечень его ученыхъ трудовъ. По словамъ М., онъ знавалъ Гончарова «съ самого ранняго дѣтства» и въ его рукахъ хранятся рукописи его раннихъ литературныхъ опытовъ и большой запасъ его писемъ»,—«писемъ очень замѣчательныхъ въ біографическомъ и чисто-литературномъ отношеніяхъ», но, разумѣется, прибавляетъ М., изъ уваженія къ памяти стараго друга нашей семьи я не нарушу его заглобнаго желанія и никогда не позволю себѣ сдѣлать эти матеріалы достояніемъ печати (Л. Н. Майковъ. «Ссора И. Гончарова съ И. С. Тургеневымъ», «Русск. Стар.» 1900, I, стр. 7).

Майковъ, Николай Аполлоновичъ (1794—1873).—Извѣстный художникъ; отецъ Апол., Валер., Владим. и Леонида М—выхъ. По характеристикѣ Гончарова, Н. А. жилъ «какъ живали артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ и почти ничѣмъ другимъ». Домъ его кишѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферъ мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга 30-хъ и 40-хъ годовъ—всѣ толпились въ необширныхъ, неблестящихъ, но пріютныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга... Старикъ Майковъ радовался до слезъ всякому успѣху всѣхъ, не говоря уже о друзьяхъ, въ сферѣ интеллектуальнаго или артистическаго труда, всякому движенію впередъ во всемъ, что доступно было его уму и образованію. Сыновьямъ М—а и его женѣ была близка литература; сестра Н. А—а была замужемъ за литераторомъ П. П. Свинынымъ, а дочь послѣдняго явилась «настоящей литературной женою А. О. Писемскаго». Въ домѣ М—ыхъ Гончаровъ былъ своимъ близкимъ человѣкомъ; здѣсь издавался рукописный журналъ «Лунныя ночи», читали свои новыя произведенія и Гончаровъ и Писемскій. Ср. Григоровичъ. «Лит. Восп.» Сочин. т. XII, изд. 1896 г., стр. 296. А. Старчевскій. «Ист. Вѣстн.» 1886 г., № 2.

Максимовъ, Алексій Михайловичъ (1813—1861).—Артистъ Слб. Императорскихъ театровъ, одинъ изъ лучшихъ исполнителей роли Чацкаго.

Максимовъ, Сергій Васильевичъ (1831—1901).—Писатель; авторъ широко извѣстныхъ книгъ: «Годъ на сѣверѣ», «Тюрьмы и сыльные», «Куль хлѣба и его похождение», «Бродячая Русь Христа-ради», «Крылатые слова». «Воспоминанія М—а о «литературной экспедиціи», снаряженной морскимъ вѣдом-

ствомъ въ 1854 г., въ которой принималъ участіе М., отправившись на сѣверъ Россіи, «Р. Мысль», 1890 г., февраль.

Мартыновъ, Александръ Евстафьевичъ (1816—1860).—Артистъ Императорскихъ театровъ. См. «Сл. Лит. Тип.» V. 101. О немъ: Н. Долговъ. А. Е. М.—ъ. Спб. 1910 г., Изд. Р. Театр. Общ.

Медгорсть (Медгерсть), Вальтеръ Генри (1796—1857).—Англійскій мисіонеръ; долго (30 лѣтъ) прожилъ въ Шанхаѣ, посѣщая Яву, Борнео и китайское побережье. Составилъ японскій, кит.-англ. и англ.-кит. словари, переводилъ свящ. книги съ европейскихъ языковъ на кит. и редактировалъ малайскій переводъ Новаго Завѣта. Ср. «Фрег. Пал.», II, 2.

Мерзляковъ, Алексій Ѳедоровичъ (1778—1830).—Профессоръ русск. словесности Моск. университета, поэтъ и критикъ. Гончаровъ не засталъ въ университетѣ М., но считалъ его «человѣкомъ умнымъ, даровитымъ, старой школы». «Воспом.», I.

Малиновка.—Имѣніе Райскаго, около г. Симбирска.

Монаховъ, Ипполитъ Ивановичъ (1841—1877).—Артистъ Спб. императорскихъ театровъ. Его бенефисъ въ 1871 г. («Горе отъ ума»—Чацкій) явился вѣдшимъ поводомъ для этюда Гончарова «Милліонъ терзаній». О дружбѣ Гончарова съ М. «Вѣстн. Евр.» 1908, XI. Воспомин. А. Н. Гончарова.

Миллеръ, Орестъ Ѳедоровичъ (1833—1889).—Профессоръ Спб. университета, ученикъ Никитенки, въ домѣ котораго онъ познакомился съ Гончаровымъ. Ср. И. Шляпкинъ. «О. Ѳ. М.—ъ» при 1-омъ томѣ «Русск. пис. послѣ Гоголя», стр. VI, изд. 4-ое, Т-ва Вольфъ. Б. Глинскій «О. Ѳ. М.—ъ». Спб. 1890 г. Публичные лекціи, читанныя М., легли въ основу его статьи о Гончаровѣ. («Р. пис. послѣ Гоголя», т. II).

Морской Сборникъ, ежемѣсячный журналъ, начатый въ 1848 г. морскимъ вѣдомствомъ. Первый изъ русскихъ журналовъ, освобожденный отъ цензуры, когда во главѣ морского вѣдомства всталъ вел. князь Константинъ Николаевичъ; по распоряженію вел. князя была снаряжена въ 1854 г. «литературная экспедиція» для ознакомленія съ окраинами Россіи. Въ этой экспедиціи приняли участіе: Аѳанасьевъ-Чужбинскій командированный для изученія Малороссіи; Гончаровъ («Фрегатъ Паллада») отправился вокругъ свѣта; Григоровичъ въ Средиземное море («Корабль Ретвизанъ»); Данилевскій на югъ Россіи; Максимовъ на Бѣлое море («Годъ на сѣверѣ»); Островскій на верховье Волги («Волга отъ ея истока до Нижняго»); Писемскій въ Астрахань и на побережье Каспійскаго моря (см. его «Путевые очерки», «Морскія поѣздки» и рядъ этнографическихъ очерковъ: «Астрах. армяне, татары и проч. сочиненія, т. V, изд. 1883 г.); Потѣхинъ, А. А. отправился для изслѣдованія Поволжья. Произведенія этихъ писателей украшали страницы «М. Сб.». Гончаровъ въ журналѣ 1855—1856 г.г. напечаталъ отдѣльныя главы «Фрегатъ Паллады».

Московскій Университетъ основанъ въ 1755 г. Гончаровъ вступилъ въ 1831 г. въ число студентовъ У. по словесн. факульт. и окончилъ курсъ въ 1834 г. Воспоминаніямъ о «республикѣ наукъ» посвященъ Гончаровымъ особый очеркъ «Въ Университетѣ». «Благороднѣй, чище, выше этихъ воспоминаній, писалъ Гончаровъ, у меня, да пожалуй и у всякаго студента, въ молодости не было. Сверстниками Гончарова по университету были: Лермонтовъ, Аксаковъ, К., Бѣлинскій, Бодянский, Герценъ, Кетчеръ, Ключниковъ, Красовъ, Огаревъ, Пассекъ, Сатинъ, Станкевичъ. Гончаровъ только «слыхалъ» о нихъ, но «не былъ съ ними знакомъ». Знакомство съ ними (за исключеніемъ Лермонтова) произошло много позднѣе, послѣ окончанія университетскаго курса. Ср. «Воспоминанія», I; «Замѣтки о личности Бѣлинскаго», «Автобіографія».

«Московскія Вѣдомости»—періодическое изданіе при Моск. университетѣ. Основаны въ 1756 г. Съ 1863 г. арендаторами М. В. явились профессора М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ. Въ 1865 г. написана Гончаровымъ «Записка о

Моск. Вѣд.», опубликованная въ «Русск. Вѣстникѣ» 1889 г., кн. III, стр. 141—142.

Московское Коммерческое училище. Основано на средства моск. купечества въ 1804 году. Гончаровъ поступилъ въ М. К. У. полнымъ пансіонеромъ въ августѣ 1822 года и пробылъ въ немъ до сентября 1830 года, когда былъ уволенъ вслѣдствіе прошенія матери. Мотивы увольненія Гончарова приведены были въ прошеніи слѣдующіе: трудная болѣзнь брата Николая (обучавшагося въ томъ же училищѣ) и необходимость безотлучнаго нахожденія при братѣ, а также «разстройство коммерческихъ дѣлъ». Изъ опубликованныхъ въ 1912 г. (Новое Время, ил. прил.) писемъ Гончарова къ брату видно, что школьныя впечатлѣнія оставили въ Гончаровѣ не добрую память. (Ср. ниже Автобіографія Гончарова).

Мочаловъ, Павелъ Степановичъ (1800—1848).—Артистъ моск. императ. театровъ.

Музалевская, Анна Александровна. См. Гончарова, Анна А—а.

Музалевскій, Петръ Авксентьевичъ († 1877).—Мужъ сестры писателя, Анны Александровны; былъ врачомъ въ Симбирскѣ, гдѣ оставилъ по себѣ добрую память. Раззорившись (отдавъ всѣ скопленные деньги на желѣзно-дорожное предпріятіе какому-то хищнику Алаеву), М. переселился въ Москву, гдѣ прожилъ вѣкъ, существуя лишь маленькой пенсіей.

Мунго-Паркъ. См. Паркъ - Мунго.

Муравьевъ-Амурскій, графъ Николай Николаевичъ (1809—1866).—Генераль-губернаторъ В. Сибири, первый изслѣдователь Амура, предпринявшій (въ 1854 г.) поѣздку къ устью рѣки. Объ этой поѣздкѣ «Записки Спб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.». Спб. 1857 г., № 3. «Р. Ст.» 1891 г., т. 74 (Воспом. А. Е. Баранова). О немъ: И. Барсуковъ «Н. Н. М.-А.». М. 1891 г.

Надеждинъ, Николай Ивановичъ (1804—1856).—Профессоръ Моск. унив., по кафедрѣ изящныхъ искусствъ и археологіи; издатель «Телескопа» и «Молвы». По воспоминаніямъ Гончарова, Н. «былъ самый симпатичный и любезный человекъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію, и искусство Греціи и Рима». («Въ университетѣ»). Н. выведенъ подъ именемъ Ивана Семеновича въ «Обыкн. Ист.». Ср. Е. А. Бобровъ. Гончаровъ о Надеждинѣ «Извѣст. отд. р. языка и словесн. Акад. Наукъ». Спб. 1909 г., т. XIV, кн. I.

Никитенко, Александръ Васильевичъ (1803—1877).—Профессоръ Спб. университета, академикъ, писатель и цензоръ. Одинъ изъ ближайшихъ людей къ Гончарову. По ходатайству Н., Гончаровъ былъ причисленъ къ цензурному вѣдомству. Съ семействомъ Н. связывали Гончарова самыя тѣсныя отношенія. См. «Записки и дневникъ Н.», 2 т. Спб. 1904 г., изд. 2-е, М. Пирожкова.

Новоселово («Обрывъ»).—Имя Т. М. Бережковой.

Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ (1795—1869).—Писатель; въ 1854—58 г.г. министръ народнаго просвѣщенія, въ вѣдомствѣ котораго состояла тогда цензура. Письмо къ Н—ву Гончарова «Русск. Арх.» 1899 г., № 1.

«Нива», журналъ, издаваемый А. Ф. Марксомъ съ 1870 г. Въ 1888 г. въ «Н.» появились «Слуги», въ 1892 г. «Май мѣсяцъ въ Петербургѣ», въ 1893 г., «Превратность судьбы», въ 1899 г., въ видѣ бесплатнаго приложенія къ «Н.», было дано «полное собраніе сочиненій Г.» въ 12-ти томахъ.

Обломовка—наслѣдственная отчина рода Обломовыхъ; состояла изъ двухъ деревень Сосновки и Вавиловки, удаленныхъ другъ отъ друга на версту. «Въ Сосновкѣ была господская усадьба и резиденція». Обѣ деревни извѣстны были подъ общимъ именемъ Обломовки (Обл. I, 9). «Я всюду унесу почву родной Обломовки, и никакіе океаны не смоютъ ея», писалъ Гончаровъ во «Фрег. Пал.» I, 2.

Оболенский, Василий Иванович (1790—1847).—Адъюнктъ Моск. универс. по кафедрѣ древней (греческой) словесности. О немъ: «Словарь профес. Моск. унив.». М. 1855 г., стр. 157—160.

Одоевский, князь Владимиръ Федоровичъ (1804—1869).—Извѣстный писатель и общественный дѣятель. Его характеристика, сдѣланная Гончаровымъ, см. «Райский»—Критика. О немъ: Н. П. Сакулинъ «Князь В. Ф. О—ский». М. 1913 г., 2 т.

Озеровъ, Владиславъ Александровичъ (1770—1816).—Съ трагедіями О. Гончаровъ познакомился еще въ дѣтствѣ («Автобіографія»).

Оливуца, сорока четырехъ пушечный фрегатъ. Временно входилъ въ составъ экспедиціи гр. Путятина, подъ командой кап.-лейт. Н. Н. Назимова. Былъ командированъ изъ Петропавловска для встрѣчи «Паллады» (въ портъ Ллойдъ) и въ концѣ мая 1854 г. вернулся обратно въ Петропавловскъ («Морск. Сборн.», окт., 1854).

Островский, Александръ Николаевичъ (1823—1886).—Гончаровъ считалъ талантъ Островскаго «огромнымъ» («Лучше поздно, чѣмъ никогда»). Отзывъ Гончарова о «Грозѣ» см. «Отчетъ о 4-мъ присудж. нагр. гр. Уварова». Спб., 1860 г.

Острогорский, Викторъ Петровичъ (1840—1902).—Педагогъ и литераторъ. Среди «этюдовъ» О. о русскихъ писателяхъ—«этюды» о Гончаровѣ. Спб., 1888 г. Письма къ нему Гончарова, «Юбилейный сборникъ Лит. фонда». Спб., 1910 г.

«Отечественныя Записки» (1818—1884).—Основаны П. Свиньинимъ въ видѣ сборника историческаго содержанія. Съ 1820 — 1830 г.г. выходили ежемесячно; въ 1839 г. право на изданіе «О. Зап.» приобрѣлъ А. Краевскій. Въ 1855 г. на страницахъ «От. Зап.» появились главы «Фрегата Паллады» («Ликейскіе острова» и «Манилла»); въ 1859 г. въ № 1—4 былъ напечатанъ полностью «Обломовъ». Въ 1861 г. «Эпизоды изъ жизни Райскаго».

Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ († 1840).—Профессоръ Московск. университета по кафедрѣ минералогіи, сельскаго хозяйства и физики; послѣднюю П. трактовалъ съ точки зрѣнія натуръ-философіи. Былъ однимъ изъ первыхъ приерженцевъ въ Россіи Шеллинга.

«Паллада». Пятидесяти-двухъ пушечный парусный фрегатъ. Экипажъ «П.», во время ея отплытія къ берегамъ Японіи, состоялъ изъ 450 нижнихъ чиновъ и 20 офицеровъ, подъ командой капитанъ-лейтенанта И. С. Унковскаго. (И. С. У.; «капитанъ» въ очеркахъ Гончарова). Офицерами «П.» состояли: капитанъ-лейтенантъ К. Н. Посыеть. (П., К. Н. П., П—тъ); лейтенанты: В. А. Римскій-Корсаковъ (В. А., К. Р.-К.), А. А. Бутаковъ, (А. А. Б.), П. А. Тихменевъ (Ш. А.; П. А. Т.), баронъ Н. Крюднеръ (Б. К.), С. Тырковъ (Т.), Н. Н. Савичъ (С.), Шварцъ, И. П. Бѣлавенецъ (И. П. Б.), А. А. бар. Шлипенбахъ (Б. Ш.); мичманы: П. Анжу, Болтинъ (Б.), П. А. Зеленый (З.; М. З.), А. А. Колокольниковъ (К.); артиллеріей завѣдывалъ капитанъ К. И. Лосевъ (К. И. Л.; Л.); штурманами были: капитанъ А. А. Хализовъ («Дѣдъ»), поручикъ Левъ Поповъ (Л. А. П.); подпоручикъ И. Е. Моисеевъ. Въ составъ экипажа «П.» входили также «содержатель по шкиперской части подп. Истомино, корабельный инженеръ Зарубинъ, унтеръ-цейхвахтеръ Плюшкинъ и врачи: Арефьевъ (А.) и Г. Вейрихъ (В.). Кроме того на кораблѣ находились: секретарь адмирала Гончаровъ, переводчикъ О. И. Гопшкевичъ (О. А., О. А. Г., Г—ичъ) и архимандритъ Аввакумъ.

Въ Портсмутѣ на П. сѣлъ начальникъ экспедиціи, адмиралъ Путятинъ, лично производившій въ Англіи приготовленія къ продолжительному плаванію

«Съ самыми лучшими чувствами симпатіи и добрыхъ воспоминаній обращаюсь я постоянно къ этой эпохѣ плаванія по морьямъ, къ кругу этихъ отличныхъ людей, и встрѣчаюсь съ ними всегда, какъ будто не разставался никогда», писалъ позднѣе Гончаровъ («Черезъ 20 лѣтъ»). А между тѣмъ, несмотря на истекшіе почти 60 лѣтъ со дня появленія гончаровскихъ очерковъ «П.», имена этихъ «отличныхъ людей» печатаются въ текстѣ съ сокращеніями и путаницей

инициаловъ, при чемъ эти инициалы нерѣдко варьируются на протяженіи двухъ томовъ, то обозначая въ видѣ одной буквы лишь фамилію, то, въ видѣ двухъ,—имя и отчество, или чинъ и фамилію (М. З.—мичманъ Зеленый или Б. К.—баронъ Крюднеръ).

Осенью 1852 г. «П.» была готова къ дальнему плаванію: на ней отправлялась экспедиція адмирала Путятина для установленія торговыхъ сношеній съ Японіей (для экспедиціи къ русскимъ владѣніямъ въ Америкѣ—такъ указывалась официально цѣль путешествія). 7 окт. 1852 г. «Паллада» снялась съ якоря и вышла въ море. Путь ея лежалъ: черезъ Финскій заливъ, Зундъ, Каттегатъ и Скагерракъ въ Нѣмецкое море; отсюда черезъ Британскій каналъ на Спидгейтскій рейдъ (Портсмутъ), гдѣ «П.» была введена въ докъ; изъ Англии фрегатъ вышелъ въ сопровожденіи купленной тамъ шкуны «Востокъ».

Плаваніе по Атлантическому океану (съ заходомъ на о. Мадеру и острова Зеленаго мыса) продолжалось до середины марта 1853 года. Отсюда послѣ мѣсячной остановки на мысѣ Доброй Надежды, фрегатъ взялъ путь къ о. Явъ (Анжерскій рейдъ); зайдя на Сингапуръ и въ Гон-Конгъ, «П.» бросила якорь въ портъ Ллойдъ (остр. Бонинъ-Сима), гдѣ ее ожидалъ корветъ «Оливуца» и транспортъ¹⁾ американской компаніи «Князь Меншиковъ»; во главѣ этихъ судовъ и шкуны «Востокъ», (см.) послѣ десятидневнаго плаванія, «П.» вошла на рейдъ Нагасака. Переговоры съ японцами шли медленно. Губернаторъ Нагасака, получивъ письмо отъ адмирала, отвѣтилъ, что «увидѣлъ письмо съ удовольствіемъ и хорошо понялъ и что постарается все исполнить. Принять адмирала, безъ позволенія, не смѣетъ, но что послалъ уже курьера въ Едо и отвѣтъ надѣется получить скоро».

Три мѣсяца простояла «П.» на нагасацкомъ рейдѣ въ ожиданіи полномочныхъ японскаго правительства.

Тревожныя вѣсти изъ Европы (приготовленія къ восточной войнѣ) и недостатокъ провизіи заставили «П.» сняться съ якоря и идти къ Сѣвѣльнымъ островамъ, откуда была послана за бумагами и письмами шкуна по р. Янсекиану въ Шанхай. Изъ Шанхая дошли до фрегата первыя извѣстія о близкомъ разрывѣ Россіи съ западными державами. Во избѣжаніе захвата англійскими судами «П.» слѣшно вышла въ море и черезъ четверо сутокъ бросила якорь на томъ же нагасацкомъ рейдѣ. Болѣе мѣсяца простояла «П.» въ Нагасакахъ. Сношенія съ японцами и прибывшими уполномоченными наладились, но подписаніе торговаго договора зависѣло не отъ нихъ, а отъ рѣшенія правительства въ Едо. Въ виду полной неизвѣстности, что дѣлается въ Европѣ, начальникъ экспедиціи не сталъ засиживаться въ Нагасакахъ и снялся съ якоря, объявивъ японцамъ, что воротится «не раньше весны». «Паллада» взяла курсъ на Ликейскіе острова (портъ Напа-Кіянъ) и отсюда на Маниллу. Изъ Маниллы «П.» направила путь къ острову Гамильтону, куда долженъ былъ придти транспортъ съ вѣстями изъ Шанхая. Въ пути бурей раскачало мачты у фрегата и «П.» вынуждена была, зайдя въ Батанъ (гдѣ ее ждала шкуна), идти въ портъ Піо-Квинто для починки. Привезенныя транспортомъ въ бухту острова Гамильтона извѣстія изъ Шанхая не заключали ничего новаго: говорилось о приготовленіяхъ къ войнѣ, но не о начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ и потому не было основанія прерывать начавшіеся переговоры съ Японіей. Въ Гамильтонѣ эскадра вновь раздѣлилась. «Князь Меншиковъ» былъ посланъ въ Шанхай взять бумаги и почту изъ Европы; шкуна «Востокъ» отправлена въ портъ Напа-Кіянъ для сношенія съ экспедиціей Перри, а «Оливуца» получила назначеніе идти въ Камчатку. «Паллада»-же снова взяла курсъ на Нагасаки²⁾.

¹⁾ Фрегатами и назывались военные корабли, имѣвшие одну закрытую батарею и одну открытую; корветъ—имѣлъ одну открытую батарею; шкуна—небольшое судно съ артиллеріей на верхней палубѣ; транспортъ—грузовое судно.

²⁾ Нѣсколько медленно были почтовые сообщенія: восточная война началась въ ноябрѣ 1853 г., а въ началѣ апрѣля 1854 г. до Шанхая и Маниллы дошли лишь вѣсти о разрывѣ Россіи съ державами.

Въ Нагасакахъ все еще не было получено отвѣта изъ Едо: японцы затягивали переговоры. Послѣ недѣльной стоянки, въ Едо было послано письмо адмирала съ приглашеніемъ японскимъ полномочнымъ прибыть въ Аниву для дальнѣйшихъ переговоровъ, а «П.» вышла въ море и, обогнувъ острова Гото и Чу-Сима, направилась къ берегамъ Кореи, куда должны были придти шкуна и транспортъ. Въ Татарскомъ проливѣ, въ бухтѣ глухого манчжурскаго берега, «П.» встрѣтила шкуну и транспортъ, получила извѣстія о начавшейся уже войнѣ³⁾ и приказъ идти къ русскимъ берегамъ, чтобы тамъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Обратный путь «П.» намѣчался кругомъ береговъ Америки, но штормы и ураганы избили фрегатъ. «П.» отслужила свой вѣкъ, состарилась. На смѣну ей уже шли фрегаты «Діана» и «Аврора». Послѣ долгихъ поисковъ первый изъ нихъ встрѣтился съ «П.» у восточнаго берега Сибири. Попытка ввести глубокоосидающій фрегатъ въ устье Амура не удалась. Тогда «П.» подъ конвоемъ отвели въ Императорскую гавань (въ Татарскомъ проливѣ) и, во избѣжаніе захвата фрегата непріателемъ, его разоружили. Отъ «П.» осталось лишь одно днище. Такъ закончилось «кругосвѣтное плаваніе» «П.» (съ октября 1852 г. по сентябрь 1854 г.) и самое существованіе фрегата. Ср. «Черезъ двадцать лѣтъ» Гончарова и «Записки А. Линдена, бывшаго гардемаринномъ на «П.» и очевидцемъ ея послѣднихъ дней («Р. Ст.» 1905 г., апрѣль).

Палласъ, Петръ-Симонъ (1741—1811).—Извѣстный естествоиспытатель и путешественникъ; прибылъ въ Россію по приглашенію Императрицы Екатерины II и занялъ мѣсто адъюнкта Академіи Наукъ. Съ научной цѣлью посѣтилъ Кавказъ, Крымъ и Закаспійскій край. Его «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства» (Спб., 1773—78) читалъ Гончаровъ въ дѣтствѣ.

Паркъ-Мунго (1771—1806).—Англійскій путешественникъ. Его путешествіе по центральной Африкѣ читалъ Гончаровъ въ дѣтствѣ (Автобіографія).

Пассекъ, Вадимъ Васильевичъ (1809—1842).—Членъ кружка Герцена; учился вмѣстѣ съ Гончаровымъ въ Моск. университетѣ. О немъ: А. Герценъ. «Былое и думы»; Т. Пассекъ, «Изъ дальнихъ лѣтъ», Спб. 1906. Т. I и II. «*Reau de chagrin*» («Обыкн. ист.»).—См. Вальзакъ.

Перри (1794—1858).—«Американскій командоръ», начальникъ экспедиціи въ Японію, эскадру котораго встрѣтила «Паллада» въ портѣ Прайя; первый изъ европейцевъ заключилъ съ японцами договоръ, на основаніи котораго Японія открывала американцамъ гавани: Симодо и Хакодате.

Петербургъ.—Съ 1835 г. Гончаровъ поселился въ Спб., покидая его для кругосвѣтнаго путешествія и для кратковременныхъ отлучекъ лѣтомъ на родину, или за границу. Послѣдніе 30 лѣтъ Гончаровъ провелъ въ Петербургѣ, проживая въ одной и той же квартирѣ (Моховая, 3), состоявшей изъ трехъ комнатъ. Къ фасаду этого дома теперь прибита мраморная доска съ надписью: «Въ этомъ домѣ жилъ 30 лѣтъ и скончался 15-го сентября 1891 г. И. А. Гончаровъ». Въ Петербургѣ же, на Никольскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, находится и могила писателя. Столичное городское управленіе, по случаю исполнившагося 100 лѣтія со дня рожденія Гончарова, рѣшило наименовать именемъ Гончарова одну изъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ и одинъ изъ новыхъ училищныхъ домовъ, а также поставить памятникъ на могилѣ писателя, взамѣнъ теперешняго ветхаго деревянаго креста.

Писаревъ, Александръ Александровичъ (1780—1848).—Генераль-маіоръ, писатель и попечитель московскаго университета. По выраженію Герцена,

³⁾ Экспедиція занималась въ это время описаніемъ береговъ Кореи. Корейскій берегъ былъ совершенно не обследованъ въ ту пору и не имѣлъ сколько-нибудь сносной карты. «Единственный уголокъ міра, укрывшійся до нашего времени отъ пытливаго вниманія мореплавателей», такъ называлъ Корею «Морск. Сборн.», помѣщая отчетъ о работахъ моряковъ «Пал.» и, составленную ими, карту («М. Сб.», Янв., 1855 г.). Именами участниковъ «Пал.» названы заливъ и мысы корейскаго берега: мысъ М. Шварца, бухта Волтина: ими же названъ одинъ изъ заливовъ Лазаревскимъ, въ честь адмирала М. П. Лазарева.

«остригъ студентовъ и основательно научилъ застегивать виць-мундирные сюртуки». О «военномъ управленіи» П. университетомъ, см. «Былое и думы», I, 444. О П—ѣ Сухомлиновъ, «Исторія російской академіи», т. 7-й.

Писаревъ, Дмитрій Ивановичъ (1840—1868).—Въ двухъ своихъ статьяхъ 1861 г.: «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ» и «Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова» П. называлъ трехъ названныхъ романистовъ «важнѣйшими представителями русской поэзіи», но отношеніе критика къ творчеству Гончарова, отрицательное, ибо Гончаровъ «творитъ для процесса творчества, не заботясь о степени важности тѣхъ предметовъ, которые онъ воспѣваетъ». См. Приложение: «Гончаровъ въ критикѣ».

Писемскій, Аленсѣй Теофилактовичъ (1820—1881).—Первое произведеніе П. «Боярщина» было запрещено цензурой (напечатано лишь въ 1858 г.); въ 1850 г. появился въ «Москв.» его «Тюфякъ», въ 1851 г. «Богатый женихъ», въ 1855 г. «Плотничья артель», въ 1858 г. «Тысяча душъ». Письма къ П—ому Гончарова: «Новь» 1891 г. №№ 13, 14. О немъ: С. Венгеровъ. Сочиненія, т. VI (тамъ же библиографія). Сочиненія Писемскаго, Спб. 1896 г. (2-ое изд., изданы въ 22 томахъ. 3-е изд. дано въ видѣ приложенія къ «Нивѣ» 1910—1911 г.г.).

Побѣдоносцевъ, Петръ Васильевичъ (1771—1843).—Профессоръ рос. словесности въ московскомъ университетѣ. О немъ упом. Гончаровъ въ своихъ «Воспомяніяхъ».

«**Подснѣжникъ**», журналъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, издававшийся Влад. Н. Майковымъ (1858—1860). Гончаровъ принималъ участіе въ «П.», помѣстивъ въ №№ 2 и 3 (1858 г.) два очерка подъ общимъ заглавіемъ: «Два случая изъ морской жизни». Оба эти очерка не вошли въ изданіе «Фрегата Паллады» и на существованіе ихъ впервые обратилъ вниманіе А. А. Мазонъ въ «Русск. Ст.», 1912 г., № 6, стр. 515—516.

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ (1800—1875).—Историкъ и журналистъ; профессоръ московскаго университета по кафедрѣ р. исторіи. «Читалъ онъ скучно, вспоминаетъ Гончаровъ, безцвѣтно, монотонно и невнятно, но былъ очень щекотливъ, когда замѣчалъ въ комъ-нибудь невниманіе къ себѣ. Онъ не скупился на разговоры, засаждая третье-курсныхъ студентовъ, пойманныхъ въ невнимательномъ отношеніи къ лекціи, какъ школьниковъ, повторять послѣднее сказанное имъ слово. Въ его характерѣ и во взглядѣ на науку, «было кое-что напускное». И студенты отлично понимали, какъ дѣлалъ его паеосъ, его патриотическое воодушевленіе». Они чувствовали, что «онъ человѣкъ себѣ на умѣ». О немъ: Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды». М. П. П—а. Спб. 1890—1910 г.г., 22 т.

Полевой, Николай Алексѣевичъ (1796—1846).—Журналистъ, подробнѣе о немъ см. «Сл. Л. Тип.». Вв. VII—VIII, стр. 226—227. Уп. въ «Замѣткахъ о личности Вѣлинскаго».

Полонскій, Леонидъ Александровичъ (1833—1913).—Журналистъ, сотрудникъ «С.-Петербургскихъ Вѣдом.», «Библ. для чтенія», «Голоса», «Вѣстн. Европы» и др. изданій по вопросамъ иностранной и внутренней политики, редакторъ-издатель газеты «Страна» (1880—83 г.г.). Подъ псевдонимомъ Л. Лукьянова П. напечатаны беллетристическіе очерки: «Сумасшедшій музыкантъ», «Оттепель», повѣсти «Надо жить», «Анна» и др. Письмо къ П—ому Гончарова (по поводу пушкинскаго праздника) «Страна», 1880 г., № 45. Извлеченія изъ этого письма см. ниже: «Пушкинъ».

Посеть, Константинъ Николаевичъ (1819—1909).—Принималъ въ чинѣ лейтенанта участіе въ экспедиціи Путятина на «Палладѣ». Уже въ то время былъ извѣстенъ своими военными трудами, изъ которыхъ одинъ («Вооруженіе военныхъ флотовъ») былъ отиѣченъ демидовской преміей. Позднѣе былъ министромъ путей сообщенія и членомъ Госуд. Совѣта.

Пыпинъ, Александръ Николаевичъ (1833—1905).—Академикъ; авторъ трудовъ: «Общ. движеніе въ Россіи при Алекс. I», изд. 4-ое, Спб., 1908 г.;

«Характеристика лит. мнѣній отъ 1820 до 50-хъ г.г.», 3-е изд., Спб., 1906 г.; «Исторія р. этнографіи», Спб., 1891 г., 4 т.; «Ист. р. литературы», Спб. 1902 г., 4 т., 2-ое изд.; «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», 2-ое изд., Спб., 1908 г. и многихъ изслѣдованій по исторіи литературы и общественности; сотрудникъ «Современника» и редакторъ Некрасова 1865—66 г.г., съ 1867 г. ближайшій сотрудникъ «Вѣстн. Евр.»—Письмо къ П—у Гончарова, см. въ книгѣ Е. Ляцкого, И. А. Гончаровъ, Спб., 1912 г.

Путятинъ, графъ, Евфимій Васильевичъ (1803—1883). — Адмиралъ. Въ 1852 г. получилъ командировку въ Японію для заключенія торговаго договора. Секретаремъ П—а былъ назначенъ Гончаровъ (см. Перечень: «Фрегатъ Паллада»). Позднѣе (1861 г.) не долгое время занималъ должность министра народнаго просвѣщенія. О немъ: Бар. Шиллингъ — «Восп. стар. моряка», «Р. Арх.» 1892 г., № 5—6; А. Линденъ, «Записки», «Русск. старина», 1905 г., № 4.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ (1799—1837).—Гончаровъ считалъ великаго поэта своимъ учителемъ (Пушкинъ «былъ нашъ учитель и я воспитался, такъ сказать, его поэзіей...»). («Лучше, поздно, чѣмъ никогда»). «Пушкина, вспоминалъ Гончаровъ, я увидѣлъ впервые въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только что начиналъ читать его и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ». (А. Θ. Кони: «Гончаровъ о П—ѣ», «Русск. Стар.», 1899 г., № 5). «Я не спускалъ съ него (Пушкина) глазъ», писалъ Гончаровъ въ другомъ мѣстѣ («Воспомин.»). Въ годы студенчества Гончаровъ былъ свидѣтелемъ посѣщенія Пушкинымъ московскаго университета. «Для меня точно солнце озарило всю аудиторію: я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я питался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благотворный елей, падали строфы его созданій («Евгенія Онѣгина», «Полтавы» и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекшіеся поэзіей, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе» («Воспом.»). Вторая мимолетная встрѣча съ Пушкинымъ въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Смирдина, глубоко врѣзалась въ память Гончарову. По цитованному уже разсказу А. Θ. Кони, Гончаровъ запомнилъ и «дѣловой видъ» поэта и его лицо «матовое съ сѣрыми книзу русыми бакенбардами». Пушкинъ, прибавляетъ Гончаровъ, былъ въ это время для молодежи все, всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него..

«Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ «переводчикомъ», въ департаментѣ внѣшней торговли. Работы было немного—и я для себя,—безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надо всѣмъ господствовалъ онъ. Въ моей скромной чиновничьей комнатѣ на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ, и горько, горячо, не владѣя собою, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножемъ рѣзала сердце и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобъ тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣна—лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ, горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это невѣрно, по смерти матери, да, матери... ..Черезъ три дня появился портретъ Пушкина съ подписью: «погасъ огонь на алтарѣ»..., но цензура и полиція поспѣшили его запретить и уничтожить...» (Изъ письма къ А. Θ. Кони. «Русск. Стар.» 1899 г., май, стр. 265—66).

Гончаровъ «въ поклоненіи своемъ» Пушкину «остался вѣренъ ему навсегда, несмотря на позднѣйшее знакомство съ корифеями французской, швейцарской и англійской литературъ» (Автобіографія Г—а). И въ «Милльонѣ терза-

ній» и въ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», Гончаровъ повторяетъ мысль, «что Пушкинъ—отецъ, родоначальникъ русскаго искусства, какъ Ломоносовъ—отецъ науки въ Россіи. Въ Пушкинѣ кроются всѣ сѣмена и зачатки, изъ которыхъ развились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ, какъ въ Аристотелѣ крылись сѣмена, зародыши и намеки почти на всѣ послѣдовавшія вѣтви знанія и науки». Гончаровъ считалъ себя «питомцемъ школы великаго поэта», вскормленнымъ его поэзіей и сохранилъ «въ себѣ навсегда обаяніе его генія» («Нарушеніе воли»). Герои Гончарова—Александръ Адуевъ и Райскій—также хорошо знаютъ и любятъ Пушкина. Цитаты изъ Пушкина не рѣдкость и въ «Обыкновенной Исторіи» и въ «Обрывѣ».

Въ 1856 г. Гончарову по должности цензора пришлось пропускать въ печать» дополнительный томъ анненковскаго изданія сочиненій Пушкина и на дѣлѣ засвидѣтельствовать свою любовь къ великому поэту. (О мытарствахъ, которыя испытали изданія сочиненій Пушкина, см. «Сл. Л. Типовъ», вып. 7 и 8, стр. 303). Гончаровъ, первый изъ цензоровъ Пушкина, призналъ, что «уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій». Ср. ниже—«Цензурное вѣдомство».

Когда (6-го іюня 1880 г.) Петербургъ вмѣстѣ съ Москвою праздновалъ открытіе всероссійскаго памятника Пушкину, Гончаровъ былъ избранъ председателемъ торжественнаго обѣда. Уклоняясь по болѣзни отъ этой чести, онъ писалъ редактору газеты «Страна», Л. А. Полонскому: «медикъ немедленно высылаетъ меня отсюда (изъ Спб.) и я послѣ завтра уѣзжаю, если только буду въ силахъ сдѣлать и это. «Не случись этой невзгоды со мной, счелъ бы святою своею обязанностью, безъ всякихъ напоминаній, у подножія памятника, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ другими писателями, поклониться памяти нашего общаго великаго образца и учителя въ искусствѣ, и моего особенно. Объясню послѣднія два слова. Я по лѣтамъ своимъ старше всѣхъ современныхъ писателей; принадлежу къ лучшей порѣ расцвѣтанія пушкинскаго генія, когда онъ такъ обаятельно дѣйствовалъ на общество, особенно на молодыя поколѣнія. Старики еще ворчали и косились на него, тогда какъ мы всѣ падали на колѣни предъ нимъ. Первымъ прямымъ учителемъ въ развитіи гуманизета, вообще въ нравственной сферѣ былъ Карамзинъ, а въ дѣлѣ поэзіи мнѣ и моимъ сверстникамъ, 15—16-лѣтнимъ юношамъ приходилось питаться Державинымъ, Дмитриевымъ, Озеровымъ, даже Херасковымъ, котораго въ школѣ выдавали тоже за поэта. И вдругъ Пушкинъ! Я узналъ его съ «Онѣгина», который выходилъ тогда періодически, отдѣльными главами: Боже мой! Какой свѣтъ, какая волшебная даль открылась вдругъ—и какія правды—и поэзіи, и вообще жизни, при томъ современной, понятной, хлынули изъ этого источника, и съ какимъ блескомъ, въ какихъ звукахъ! Какая школа изящества, вкуса, для впечатлительной натуры! Лермонтовъ и Гоголь не были, собственно, моими учителями, я уже самъ созрѣвалъ тогда и пописывалъ, Бѣлинскій регулировалъ весь тогдашній хаосъ вкусовъ эстетическихъ и другихъ понятій и проч., тогда мой взглядъ на этихъ героевъ пера сталъ опредѣленнѣе и строже. Явилась сознательная критика, а чувство къ Пушкину оставалось то же». «Страна», 1880 г., № 45. перепечатка въ Сборн. «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину». Спб. 1880 г., стр. 79—81.

Радклиффъ, Анна (1764—1823).—Англійская писательница, авторъ романовъ-ужасовъ: «Удольфскія тайны», «Лѣсной романъ» и др. Гончаровъ въ дѣтствѣ познакомился съ романами Р., читая ихъ «въ чудовищныхъ переводахъ» (Автобіографія).

Римскій-Корсаковъ, Воинъ Андреевичъ (1822—1871).—Братъ извѣстнаго русскаго композитора, спутникъ Гончарова по кругосвѣтному плаванію; былъ на фрегатѣ «Палладѣ», при ея отправленіи, старшимъ лейтенантомъ, затѣмъ командовалъ шкуной «Востокъ»; впослѣдствіи былъ директоромъ Морского Корпуса и умеръ въ чинѣ адмирала.

Россійско-Американская компанія (1781—1867).—Частная компанія для производства пушного промысла въ Аляскѣ и на о. Вост. Океана, ставила себѣ также задачей: открытіе новыхъ земель, установленіе торговыхъ сношеній съ туземцами и ихъ просвѣщеніе. Подобная же компанія вскорѣ возникла и въ Иркутскѣ; въ 1798 г. обѣ компаніи соединились и приняли названіе «Р. А. К.» и образовали одно акц. общество. Вскорѣ компаніи была дана жалованная грамота и привилегіи. Во главѣ управленія дѣлами, стоялъ главный правитель, утверждаемый правительствомъ. Во главѣ отдѣловъ (всѣхъ отдѣловъ было шесть) стояли начальники правители конторъ. «Р. А. К.» имѣла въ своемъ распоряженіи всѣ морскія промыслы; ея вѣдѣнію были подчинены всѣ колоніальныя дѣла. Она вела оживленныя сношенія съ Америкой и Англіей, и имѣла свой флотъ, совершавшій даже кругосвѣтныя плаванія. Одно изъ компанейскихъ судовъ «Кн. Меншиковъ» участвовало временно въ экспедиціи гр. Путятина въ Японію. Съ уступкой Аляски С.-Штатамъ и прекращеніемъ привилегій, прекратилась и дѣятельность «Р. А. К.».

Ролленъ, Шарль (1661—1741).—Французскій историкъ, авторъ «Древней» и «Римской исторіи». Переводъ «Всемирной исторіи» Р., сдѣланъ В. К. Третьяковскимъ. «Исторію Р.» читалъ въ дѣтствѣ Гончаровъ.

Рудольфъ, Аделаида Карловна, впослѣдствіи въ замужествѣ Дмитріева. Ея черты находили въ Вѣрѣ «Обрывъ». По характеристикѣ, сдѣланной ея сестрой Елисаветой Карловной, Ад. Карл. очень нравилась Гончарову своей серьезностью, начитанностью и свѣтлымъ и правдивымъ умомъ. Онъ одно время увлекался ею и проводилъ цѣлыя часы въ разговорахъ съ ней. Она поразила его своею силой воли и характера, и ея черты находили впослѣдствіи въ его Вѣрѣ, героинѣ «Обрыва».

Рудольфъ, Елисавета Карловна, въ замужествѣ Гончарова (жена племянника писателя). Ея дополненія къ воспоминаніямъ мужа «Вѣстн. Евр.», 1908, XII.

Рудольфъ, Эмилиа Карловна. Младшая сестра предыдущихъ. По словамъ Елис. Карл. Рудольфъ, была беззаботное, веселое существо, любила заниматься хозяйствомъ, кормить куръ и коровъ». У нея хранился «календарь, на которомъ сдѣлана Ивановъ А—чемъ надпись: «Кузинѣ миленькой,—кузинѣ маленькой,—кузинѣ пьющей молоко». «Вѣстн. Евр.», 1908, XII. Ея черты нашли отраженіе въ Марѣинкѣ.

«Русская Рѣчь» (1879—1882).—Ежемесячный журналъ, издававшійся въ Спб. Н. А. Навроцкимъ. Гончаровымъ были напечатаны въ «Р. Р.»: «Лучше поздно, чѣмъ никогда» (1879 г.) и «Литературный вечеръ» (1880 г.).

«Русскій Вѣстникъ» (1856—1887)—ежемесячный журналъ, издававшійся М. Н. Катковымъ въ Москвѣ. Въ 1856—57 г. Гончаровъ помѣстилъ въ «Р. В.» двѣ главы изъ «Фрег. Паллады».

«Русское Обозрѣніе», журналъ, выходившій въ Москвѣ (1890—1898) подъ редакціей кн. Д. Цертелева и позднѣе, А. А. Александрова. Въ «Р. О.» Гончаровъ напечаталъ: «По Восточной Сибири» 1891 г., № 1; послѣ смерти Гончарова, въ «Р. О.» появился очеркъ «Намѣренія, задачи и идея романа «Обрывъ», 1895 г., № 1 (въ собр. сочин. Гончарова не вошелъ).

«Русское Слово» (1859—1866).—Ежемесячный журналъ, издававшійся гр. Г. Кушелевымъ-Безбородко и позднѣе Благосвѣтловымъ и закрытый по Высочайшему повелѣнію. Въ 1861 г. въ «Р. С.» появились статьи Д. И. Писарева о Гончаровѣ. См. выше, Писаревъ.

Савичъ, Никаноръ Никаноровичъ. Во время кругосвѣтнаго плаванія Гончарова на «Палладѣ», былъ лейтенантомъ. «Лихой морякъ» называетъ Гончаровъ С., уже умершаго, въ своихъ воспоминаніяхъ «Черезъ двадцать лѣтъ». О немъ: «Фрег. Палл.», I, 4.

Сабуровъ, Александръ Матвѣевичъ (1800—1831).—Артистъ Имп. моск. театровъ.

Садовскій (Ермиловъ), Провъ Михайловичъ (1818—1872).—Артистъ моск. Имп. театровъ. См. В. Родиславскій. «Русск. Вѣстн.» 1872 г., № 7.

Самойлова, Вѣра Васильевна въ замужествѣ Мичурина († 1880). — Артистка, лучшая исполнительница Софьи въ ком. «Горе отъ ума».

Сатиновъ, Василій Васильевичъ (1813—1887).—Артистъ Спб. Императорскихъ театровъ. Воспом. С—а «Р. С.», 1875 г., № 1; тамъ же «Сорокалѣтіе арт. дѣят. С—а».

Сатинъ, Николай Михайловичъ (1814—1873).—Поэтъ и переводчикъ (Байрона, Шекспира, Гёте); другъ Герцена, Огарева и Бѣлинскаго; сотоварищъ Гончарова по московскому университету. Отрывки изъ воспоминаній С. см. Сборникъ «Починъ». Спб. 1895 г.

Семевскій, Михаилъ Ивановичъ (1837—1892).—Писатель, основатель журнала «Русская Старина» (1870 г.). См. В. Тимошукъ. С., основатель истор. журнала «Русск. Ст.» Спб. 1895 г. Письмо къ С—ому Гончарова: «Русск. Стар.» 1891 г., № 8.

Симбирскъ—основанъ въ 1648 году. Въ С., 6 іюня 1812 года, родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Въ С. же прошли его дѣтскіе годы, до поступленія въ московское коммерческое училище; вспоминая дѣтскіе дни, Г. писалъ: «Домъ у насъ, что называется, полная чаша, какъ впрочемъ было почти у всѣхъ семейныхъ людей въ провинціи, имѣвшихъ по близости деревню. Большой дворъ, даже два двора, со многими постройками: людскими конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичникомъ и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки—все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня». «Меня, вспоминаетъ Гончаровъ, нерѣдко манили куда-то вдаль широкіе разливы Волги, со множествомъ плавающихъ, какъ лебеди, бѣлыхъ парусовъ. Я цѣлые часы мечтательно, еще ребенкомъ, взглядывался въ эту широкую пелену водъ». По окончаніи университетскаго курса (1834 г.) Гончаровъ вновь пріѣхалъ въ Симбирскъ—«на родину, домой, къ своимъ». «Обломовщина», знакомая ему съ дѣтства, вновь пахнула на него. «И по пріѣздѣ домой, по окончаніи университетскаго курса, меня обдало тою же «Обломовщиной», какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ же, большею частью, деревянные, посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки съ мезонинами, съ садиками, иногда съ колоннами, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, безконечные заборы; тѣ же деревянные тротуары, съ недостающими досками, та же пустота и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли»... «Родимый городъ не представлялъ никакого простора и пищи уму, никакого живого интереса для свѣжихъ, молодыхъ силъ»; тѣмъ не менѣе на службѣ въ Симбирскѣ Гончарову пришлось пробыть около года, плывя «по теченію мѣстной жизни». Въ 1849 г. послѣ четырёхъ надцатилѣтняго отсутствія, Гончаровъ вновь посѣтилъ С.; не надолго заглянулъ онъ въ родной городъ и 1862 г.—Впечатлѣніями С—а навѣяны картины и сцены и въ «Обломовѣ» и въ «Обрывѣ». Ср. выше Киндяковка, «Обломовъ», «Обрывъ», «Об. Ист.». Въ 1868 г. въ С—ѣ, въ изданіи губернскаго статистическаго комитета, вышелъ «Сборникъ истор. и статист. матеріаловъ; для этого сборника, по просьбѣ редакціи, Гончаровъ доставилъ свою автобіографію (см. ниже, Прил. 4-ое). Въ симбирской архивной комисіи хранятся гончаровскія рукописи и книги.

Въ 1902 г. та же комиссія возбудила ходатайство о разрѣшеніи всероссійской подписки на памятникъ Гончарову, но ходатайство было отклонено мин. внутреннихъ дѣлъ: «въ виду незначительности времени прошедшаго послѣ смерти Гончарова», т. к. «извѣстность его какъ писателя и заслуги его на этомъ поприщѣ едва ли пріобрѣли настолько распространенное во всѣхъ слояхъ населе-

нія значеніе, чтобы было своевременнымъ возбуждать вопросъ о почтеніи его памяти сооруженіемъ памятника путемъ повсемѣстнаго въ Имперіи сбора пожертвованія». Отъ стараго дома Гончаровыхъ въ С—ѣ не уцѣлѣло слѣда. Этотъ домъ былъ уступленъ Ив. Александровичемъ брату Николаю въ полную собственность и вскорѣ же проданъ новымъ владельцамъ и перестроенъ. Въ 1907 г. нынѣшніе собственники дома, наследники К. И. Юргенса, помѣстили на фасадѣ черную гранитную доску съ барельефомъ писателя, работы Б. М. Микѣшина, и съ надписью: «Здѣсь родился Иванъ Александровичъ Гончаровъ». Въ 1912 г. въ С. была открыта «Гончаровская выставка», сборъ съ которой предназначался на памятникъ писателю.

«Складчина»—сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая Самарской губерніи. Спб. 1874. Гончаровъ былъ членомъ редакціоннаго комитета «С.» и напечаталъ въ «Сборникѣ» свои воспоминанія: «Черезъ двадцать лѣтъ».

Смирдинъ, Александръ Филипповичъ (1795—1857).—Извѣстный книгопродавецъ, издатель «собраній сочиненій русскихъ авторовъ. Въ лавкѣ Смирдина Гончаровъ встрѣтилъ Пушкина. См. А. Ф. Кони, «Русск. Стар.» 1899 г. № 5.

Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ (1793—1868).—Профессоръ древностей и римской словесности при московскомъ университетѣ и цензоръ. Извѣстенъ своими трудами по русской исторіи и народной словесности («Русскіе въ своихъ пословицахъ», «Лубочныя картинки»). Сочиненія его изданы подъ заглавіемъ «Старина р. земли». М. 1871 г., т. I. См. «Биогр. Словарь профессор. Московск. Унив.». М. 1855. Его «Дневникъ», «Р. Арх.» 1902 г., №№ 6—10.

«Современникъ» (1836—1866).—Журналъ Пушкина, продолжавшійся П. А. Плетневымъ; въ 1847 г. во главѣ изданія встали Некрасовъ и Панаевъ; въ «С.» же перенесъ свою дѣятельность Бѣлинскій. Въ 1862 г. журналъ былъ временно приостановленъ; въ 1866 г. закрытъ навсегда. Въ первыхъ книгахъ обновленнаго «С.» были напечатаны: «Бѣдные люди» Достоевскаго, очерки Тургенева («Разказы охотника»), «Кто виноватъ? Герцена и др. Въ № 3—4 появилась «Обыкн. Исторія»; въ 1848 г. «Ив. Сав. Поджабринъ»; въ 1849 г. въ «Литер. Сборн. Совр.» помѣщенъ «Эпизодъ изъ неоконченнаго романа»; «Сонъ Обломова»; въ 1855 и 1856 г.г. въ журналѣ печатались VII и VIII гл. «Фрег. Паллады». Здѣсь же (1860 г.) появились пять главъ «Обрыва», подъ заглавіемъ «С. Н. Бѣловодова».

Соловьевъ, Николай Ивановичъ (1831—1874).—Критикъ; сотрудникъ «Отеч. Записокъ» и позднѣе «Русск. Вѣстн.». Его статья о Гончаровѣ въ «Собраніи критическихъ статей С.» «Искусство и жизнь». М. 1869 г., т. 3-ій, стр. 258—297.

Солоницынъ, Владиміръ Андреевичъ († 1844).—Правитель канцеляріи департамента виѣшней торговли, гдѣ служилъ Гончаровъ въ 40-хъ годахъ, и помощникъ редактора «Библ. для чтенія» (Сенковскаго), близкій человекъ къ дому Майковыхъ. Старчевскій указываетъ на С., какъ одного изъ прототиповъ Адуева и Антона Ивановича. «Ист. Вѣстн.», 1886, № 2, стр. 378. См. «Прототипы».

Солоницынъ, Владиміръ Апполоновичъ. Племянникъ предъидущаго С—а, знакомый Гончарова. На него указываетъ Старчевскій, какъ на лицо, послужившій Гончарову прототипомъ для Адуева-племянника. «Ист. Вѣстн.», 1886 г., № 2, стр. 378.

Сосницкій, Иванъ Ивановичъ (1794—1877).—Артистъ Импер. театровъ.

Сосновка («Обломовъ»). См. Обломовка.

Станкевичъ, Николай Владиміровичъ (1813—1840).—О немъ упоминаетъ Гончаровъ въ своихъ Воспоминаніяхъ «Въ Университетѣ». См. выше, Моск. Университетъ, стр. 307. Сочиненія и Переписка С. М. 1857. Сочиненія. М. 1890. См. Анненковъ. Н. В. С—ѣ. Сочиненія и переписка. Герценъ «Былое и Думы».

Старчевскій, Адальбертъ Викентьевичъ (1818—1901).—Журналистъ, редакторъ «Библ. для Чтенія», издатель первой дешевой газеты «Сынъ Отеч.», знакомый Майковыхъ и Гончарова. См. Его воспоминанія о Дудышкинѣ, гдѣ го-

ворится и о Гончаровѣ, «Ист. Вѣстн.», 1886 г., № 2. «Воспоминанія стараго литератора», «Ист. Вѣстн.», 1888 и 1889 г.г., № 10.

Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ (1826—1911).—Профессоръ исторіи въ Спб. университетѣ (1859—61 г.г.), извѣстный общественный дѣятель, редакторъ-издатель «Вѣстн. Европы» и душеприказчикъ Гончарова. Въ письмѣ къ Троицкому, Гончаровъ называетъ С. «идеальнымъ, честнымъ, просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ редакторомъ». Ст., по словамъ Гончарова, «выталкивалъ» его съ такою энергіей за границу, съ какой онъ издаетъ свой журналъ. Онъ и велѣлъ мнѣ не только приготовить первую уже давно написанную мною, но дописать вторую, еще несуществующую половину моего романа («Обрыва») и представить все ему къ январю будущаго (1869) года. Письма Гончарова къ С—у вошли въ 4-ый томъ изданія: «М. М. С—чь и его современники».

Строгановъ, графъ, Сергій Григорьевичъ (1794—1882).—Генераль-отъ-кавалеріи; былъ попечителемъ моск. учебнаго округа 1835—1847 г.г.

Строевъ, Сергій Михайловичъ (1815—1840).—Историкъ; учился вмѣстѣ съ Гончаровымъ на словесномъ отдѣленіи московскаго университета.

Стасовъ, Владиміръ Васильевичъ (1824—1906).—Художественный критикъ; завѣдующій художественнымъ отдѣленіемъ Имп. Публичной библіотеки. Вслѣдствіе просьбы С., обратившагося къ Гончарову съ предложеніемъ передать для храненія въ Библіотекѣ его рукописи, Гончаровъ передалъ черновыя рукописи «Обломова», «Лит. Вечера», и нѣкоторыхъ главъ «Обрыва». См. характерное письмо Гончарова къ С—у, «Русск. Стар.», 1912 г., № 6, стр. 524—27.

Сулье (Soulié) Мельхіоръ-Фредерикъ (1800—1847).—Французскій романистъ и драматургъ. Его «Mèmoires du diable» (1838 г) читала Н. М. Любецкая.—«Ахъ, какой пріятный авторъ С.! Какъ мило описываетъ!—говорила Любецкая.» («Обыкн. Ист.», I, 5).

Сэй (Сей), Жанъ-Баптистъ (1767—1832).—Французскій экономистъ. Переводы сочиненій С. на русскій языкъ начали появляться въ 20-хъ годахъ XIX стол. Обломовъ, по словамъ Штольца, принесъ ему однажды на именины свой переводъ изъ С., съ посвященіемъ Штольцу (II, 4).

«Съверная почта» (1861—1868).—Оффиціозная газета, издававшаяся министерствомъ внутр. дѣлъ. Составителемъ ея программы и первымъ главнымъ редакторомъ былъ А. В. Никитенко (см. его «Дневникъ», II), мечтавшій о проведеніи въ общество примирительныхъ началъ. Съ половины 1862 г. до половины 1863 г., главнымъ редакторомъ «С. П.» состоялъ Гончаровъ, помѣстившій въ газетѣ много своихъ статей безъ подписи. Въ 1869 г. «С. П.» была преобразована въ «Правительственный Вѣстникъ». Гончаровъ считалъ «С. П.» газетою не для чтенія, а для узнанія оффиціальныхъ новостей и кое-какихъ статистическихъ свѣдѣній. «Вѣстн. Евр.», 1908, XII, стр. 431.

«Телескопъ»—журналъ, издававшійся въ Москвѣ Н. И. Надеждинымъ. Въ 1832 г. Гончаровъ-студентъ помѣстилъ въ «Т—ѣ» переводъ двухъ главъ романа Е. Сю «Атаръ Гюль» (№ 15).

Терновскій, Петръ Матвѣевичъ (1798—1874).—Протоіерей; профессоръ богословія моск. универс.

Тихменевъ, Петръ.—Лейтенантъ. Спутникъ и большой пріятель Гончарова («Фрег. Паллада»).

Толстая, графиня, Александра Андреевна (1817—1904).—Двоюродная тетка Льва Николаевича Толстого; камеръ-фрейлина. «Воспоминанія А. А. Т—й и переписка со Л. Н. Толстымъ» изданы Обществомъ Толстовскаго музея. Спб. 1911. Письма къ ней Гончарова: «Вѣстн. Евр.», 1905 г., № 4.

Толстая, Елизавета Александровна. См. ниже—«Прототипы»—Ольга.

Толстая, графиня, Софія Андреевна, урожденная Бахметева, жена поэта Алексѣя Константиновича Толстого.

Толстой, Левъ Николаевичъ (1828—1910).—Гончаровъ называлъ Т. «великимъ реалистомъ» («Лучше поздно, чѣмъ никогда»). Онъ, по словамъ Гонча-

рова, по своему понялъ, о чемъ хлопочуть новые реалисты, и, обладая тѣмъ, чего имъ не достаетъ, преподавалъ манеру, какъ можно творчески, силою фантазій, стать очень близко къ природѣ и правдѣ (ib.). «Онъ (Толстой) накладываетъ, какъ птицеловъ сѣтъ, огромную рамку на людскую толпу, отъ верхняго слоя до нижняго, и ничто изъ того, что попадаетъ въ эту рамку, не ускользаетъ отъ его взгляда, анализа и кисти».

Гончаровъ постоянно отмѣчалъ «громадный» талантъ Толстого, «съ которымъ соперничать трудно», называлъ его «величайшимъ художникомъ», мыслящимъ и мудрствующимъ одними образами и становящимся слабымъ, когда онъ «становится на сознательную почву мысли, философіи, переставая изображать». Толстого, какъ мыслителя, Гончаровъ не понималъ и отвергалъ.

Толстой, Теофиль Матвѣевичъ (1809—1881).—Композиторъ, музыкальный критикъ, авторъ романа «Болѣзни воли». Гончаровъ относилъ его къ числу талантливыхъ неудачниковъ. См.: Райскій,—критика. Сочиненія Т—о изданы ред. «Дѣла», 2 т. Спб. 1874 г.

Трегубовъ, Николай Николаевичъ. Крестный отецъ Гончарова, выведенный имъ въ «Воспоминаніяхъ» подъ именемъ Якубова (см. стр. 284). Отставной морякъ; въ метрическомъ свидѣтельствѣ Гончарова записанъ надворнымъ совѣтникомъ (см. «Р. Ст.», 1911 г., № 10).

Трейгульдъ, Карль († 1878).—Слуга Гончарова. О немъ и его семьѣ см. «Вѣстн. Евр.» 1908 г., XI и XII, стр. 444.

Трейгульдъ, Александра Ивановна.—Жена Карла Т—а. Экономка-«нянька» Гончарова, оставшаяся въ услуженіи у Ив. Алекс. послѣ смерти мужа. Ей и ея тремъ дѣтямъ завѣщалъ Гончаровъ все свое состояніе (около 40 т. р.).

Тройницкій, Александръ Григорьевичъ (1807—1871).—Товарищъ министра внутр. дѣлъ и позднѣе членъ Госуд. Совѣта, одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Гончарова. Письма къ Т—ому «Вѣстн. Евр.», 1908, XII, 445—455.

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ (1818—1883).—Знакомство Гончарова съ Т. относится къ половинѣ 40-хъ годовъ, но болѣе тѣсное сближеніе обоихъ писателей послѣдовало въ 1855 году. По разсказу Л. Н. Майкова, «въ то время дружескія связи ихъ были настолько тѣсны, что они не только читали другъ другу свои уже написанныя, но еще не напечатанныя произведенія, но и сообщали на общій судъ программу сочиненій, только что задуманныхъ; такъ, по всему вѣроятію, не позже 1857 года Гончаровъ показывалъ Т. программу романа, которому предполагалось дать заглавіе: «Эпизоды изъ жизни Райскаго» и который былъ въ послѣдствіи названъ «Обрывомъ», а Тургеневъ въ 1858 году прочелъ Гончарову «Дворянское гнѣздо» и далъ понятіе о содержаніи романа «Наканунъ». Выслушавъ «Дворянское гнѣздо», Гончаровъ высказалъ автору мысль о сходствѣ этого произведенія съ сюжетомъ, задуманнаго имъ «Райскаго», и Тургеневъ,—какъ утверждалъ въ послѣдствіи Иванъ Александровичъ—не только согласился съ этимъ замѣчаніемъ, но и рѣшился исключить изъ своего романа одно мѣсто, слишкомъ живо напоминавшее одну изъ сценъ въ будущемъ романѣ Гончарова. Необыкновенный успѣхъ «Дворянскаго гнѣзда», появившагося одновременно съ «Обломовымъ», вызвалъ рядъ личныхъ и письменныхъ объясненій между Гончаровымъ и Тургеневымъ. Въ 1859 г. оба писателя обмѣнялись такими письмами:

«Вы,—писалъ Гончаровъ Тургеневу,—скользите по жизни поверхностно, это—правда; но по литературной стезѣ вы скользите менѣе поверхностно... Я, напримѣръ, рою тяжелую борозду въ жизни, потому что другія свойства заложены въ мою натуру и въ мое воспитаніе. Но оба мы любимъ искусство, оба—смѣю сказать—понимаемъ его, оба тщеславны, а вы, сверхъ того, не чужды въ вашихъ стремленіяхъ и нѣкоторыхъ страстей... которыхъ я лишенъ по большей цѣльности характера, по другому воспитанію и еще... не знаю почему—по лѣтн, вѣроятно, и по скромности мнѣ во всемъ на роду написанной доли. У меня есть упорство, потому что я обреченъ труду давно, я моложе васъ тронуть былъ

жизнью и оттого затрагиваю ее глубже, оттого служу искусству, какъ запряженный воль, а вы хотите добывать призы: какъ на *course de clocher*»...

Скажу очень смѣлую вещь: сколько вы ни пишете еще повѣстей и драмъ, вы не опередите вашей «Илиады», вашихъ «Записокъ охотника»: тамъ нѣтъ ошибокъ; тамъ вы просты, высоки, классичны, тамъ лежатъ перлы вашей музы: рисунки и звуки во всемъ ихъ блистательномъ совершенствѣ! А «Фаустъ», а «Дворянское гнѣздо», а «Ася» и т. д.? И тамъ радужно горятъ ваши линіи и раздаются звуки. Зато остальное, зато созданіе—его нѣтъ, или оно скудно, призрачно, лишено крѣпкой связи и стойкости, потому что для зодчества нужно упорство, спокойное, объективное обозрѣваніе и постоянный трудъ, терпѣніе, а этого ничего нѣтъ въ вашемъ характерѣ, слѣдовательно, и въ талантѣ. «Дворянское гнѣздо»... Про него я ничего не скажу, но вотъ мнѣніе одного господина, на-дняхъ высказанное въ одномъ обществѣ. Этотъ господинъ, между прочимъ, сказалъ: «Когда впечатлѣніе (отъ романа) минуетъ, въ памяти остается мало; между лицами нѣтъ органической связи, многія изъ нихъ лишнія, не знаешь, зачѣмъ рассказывается исторія барыни (Варвары Павловны), потому что, очевидно, автора занимаетъ не она, а картинки, силуэты... а не сущность, не связь и цѣлостность взятаго круга жизни... Сообщаю вамъ эту рецензію учителя (онъ—учитель) не потому, чтобы она была безусловная правда, а потому, что она хоть отчасти подтверждаетъ мой взглядъ на ваши произведенія».

На письмо Гончарова Тургеневъ отвѣтилъ: «...Скажу безъ ложнаго смиренія,—писалъ онъ, между прочимъ,—что я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что говорилъ «учитель» о моемъ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Но что же прикажете дѣлать? Не могу же я повторять «Записки охотника» *ad infinitum*! А бросить писать—тоже не хочется. Остается сочинять такія повѣсти, въ которыхъ не претендуя ни на цѣльность, ни на крѣпость характеровъ, ни на глубокое и всестороннее проникновеніе въ жизнь, я могъ бы высказать, что мнѣ приходитъ въ голову. Будутъ прорѣхи, спитыя бѣлыми нитками, и т. д. Какъ этому горю помочь? Кому нуженъ романъ въ эпическомъ значеніи этого слова, тому я не нуженъ; но я столько же думаю о созданіи романа, какъ о хожденіи на головѣ: чтобы я ни писалъ, у меня выйдетъ рядъ эскизовъ. *E. sempre bene*! Но вы, вѣдь, и въ этомъ сознаніи увидите дипломатію; думаетъ же Толстой, что я «чихаю, и пью, и сплю—ради фразы». Берите меня, каковъ я есть, или совсѣмъ не берите; и не требуйте же, чтобы я передѣлался, а главное—такимъ Талейраномъ, что у, у! А, впрочемъ, довольно объ этомъ. Вся эта возня ни къ чему не ведетъ: всѣ мы умремъ и будемъ смердѣть послѣ смерти!...».

Послѣ обмѣна этими письмами (приведенными здѣсь въ выдержкахъ), отношенія какъ-будто возстановились, но не улеглась подозрительность Гончарова. Въ вышедшемъ вскорѣ «Наканунѣ» Гончаровъ вновь усмотрѣлъ «заимствованіе» у него. На письмо Гончарова, съ язвительнымъ намекомъ «о пристальномъ вниманіи», съ которымъ якобы Тургеневъ выслушивалъ «сочиненія другихъ», послѣдній потребовалъ третейскаго суда. Судьи—Дудышкинъ, Дружининъ, Анненковъ—вынесли рѣшеніе, что произведенія Тургенева и Гончарова, какъ возникшія на одной и той же русской почвѣ, должны были тѣмъ самымъ имѣть нѣсколько схожихъ положеній, случайно совпадать въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ, что оправдываетъ и извиняетъ обѣ стороны». Гончаровъ, казалось «остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ экспертовъ», но Тургеневъ «въ послѣднемъ словѣ», обращенномъ къ Гончарову, заявилъ, что, оставаясь поклонникомъ таланта Гончарова, онъ прекращаетъ съ нимъ дружескія отношенія». Примиреніе между ними послѣдовало лишь въ 1864 г., но и оно не могло возстановить вполне прежнихъ добрыхъ ихъ отношеній. Гончаровъ неблагоприятно отзывался и о тургеневскомъ «Дымѣ», въ которомъ не находилъ «ни одного живого штриха, никакой мѣткой особенности, ничего, напоминающаго фizioномію, живое лицо» (Изъ письма Тройницкому «Вѣстн. Евр.» 1908, XII, стр. 451. Все это онъ высказалъ самому Тургеневу (*Ibidem*). «Гончаровъ все говорилъ мнѣ о Тургеневѣ», замѣ-

часть Достоевскій, встрѣтившійся съ Гончаровымъ за границей. «Р. Арх.» № 9, 1902 г. Характерно, что такой, бесспорно расположенный къ Гончарову, человекъ, какъ Л. Н. Майковъ, замѣчаетъ, что «подборъ мелкихъ фактовъ и ихъ сопоставленіе по времени могутъ, къ сожалѣнію убѣдить» въ томъ, «что успѣхи Тургенева, дѣйствительно приводили автора «Обломова» въ тревогу».

Ср. Анненковъ. Шестъ лѣтъ переписки съ Тургеневымъ. Литер. воспомин. Спб. 1909 г. Ср. Л. Н. Майковъ, «Русск. Стар.», 1900 г., тамъ же письма Гончарова п Тургенева, № 1; Е. А. Ляцкій, «Современникъ», 1912 г., № 3.

Тунбергъ, Карлъ (1743—1823).—Естествоиспытатель и путешественникъ, шведъ; служилъ врачомъ на м. Добрая Надежда и ѣздилъ вмѣстѣ съ посольствомъ въ Японію, результатомъ этого путешествія явилось сочиненіе Т. «Флора Японіи», вышедшее въ Лейпцигѣ на нѣм. яз. Кромѣ научныхъ работъ Т., издано на шведскомъ языкѣ 4-хъ-томное описаніе его путешествій; о послѣднемъ и упоминаетъ Гончаровъ («Фрег. Пал.», II, 3).

Тырковъ, Сергѣй. Состоялъ во время путешествія Гончарова на «Палладъ» лейтенантомъ.

Тютчевъ, Федоръ Ивановичъ (1803—1873).—Первыя стихотворенія Т. въ печати относятся къ 1822 г., но до 1854 г. его немногочисленные стихи, разбѣянные по журналамъ и альманахамъ, не были собраны. Некрасовъ въ своей статьѣ «О русск. второстепенныхъ поэтахъ», («Соврем.», 1850 г.) впервые далъ оцѣнку тютчевскаго таланта, поставивъ стихи Т. «рядомъ съ лучшими произведеніями русскаго поэтическаго гениа». Въ 1854 г. та же редакція «Современника», при помощи И. С. Тургенева, издала первое собраніе стихотвореній Т., положивъ этимъ начало извѣстности поэта. Гончаровъ считалъ Т. «почти гениемъ по лирическому паѳосу [письмо Г—а къ Цертелеву]. О Тютчевѣ: И. С. Аксаковъ. Біографія О. И. Т—а. М. 1886 г. Сочиненій Т—а. Спб. 190 г.

Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ, графъ (1786—1855).—Министръ народнаго просвѣщенія. Посѣтилъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ моск. университетъ. Ср. Воспоминанія Гончарова. О немъ: «Сл. Лит. Типовъ», вып. 7—8, «Списокъ», стр. 246.

Унковскій, Иванъ Семеновичъ († 1886).—Капитанъ-лейтенантъ, командиръ фрегата «Паллада», впоследствии адмиралъ.

Унтеръ-цейхвахтеръ («Фрег. Пал.»).—Классный чиновникъ морского вѣд., завѣдывавшій матеріалами по артил. части. Такимъ У.-Ц. былъ на «Палладѣ» во время плаванія Гончарова, кол. секрет. Василій Плюшкинъ.

Фетъ-Шеншинъ, Аванасій Аванасьевичъ (1820—1892).—Письма Гончарова къ Фету «Русск. Арх.», 1900 г., № 5.

Фонвизинъ, Денисъ Ивановичъ (1745—1792).—Гончаровъ познакомился въ дѣтствѣ съ «Недорослью», но, какъ узнаемъ изъ автобіографіи, «Бригадира» въ руки дѣтямъ не давали.

Хализовъ, Александръ Александровичъ.—На «Палладѣ», во время путешествія Гончарова, состоялъ старшимъ флотскимъ штурманомъ. На кораблѣ ему дали прозвище «дѣдъ». О немъ, какъ объ умершемъ, пишетъ Гончаровъ въ своемъ очеркѣ «Черезъ двадцать лѣтъ». Его характеристика: «Фрег. Пал.», I, 1.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ (1733—1807).—Гончаровъ читалъ Х. въ дѣтствѣ, но «одолѣть не могъ, несмотря на дѣтскую неразборчивость». «Автобіографія».

Шварцъ, Сергѣй.—Лейтенантъ, спутникъ Гончарова во время его кругосвѣтнаго путешествія.

Шлипенбахъ, баронъ, Александръ.—Спутникъ Гончарова по путешествію и «большой пріятель»; былъ лейтенантомъ на «Палладѣ».

Цензурное вѣдомство. Съ 1856 г. начинается служба Г. въ цензурномъ вѣдомствѣ. «Мнѣ удалось, наконецъ, провести Г. въ цензора. Къ первому января смѣняють трехъ цензоровъ, наиболѣе нелѣпыхъ. Г. замѣнитъ одного изъ нихъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы не быть похожимъ на него. Онъ уменъ съ большимъ тактомъ, будетъ честнымъ и хорошимъ цензоромъ. А съ другой стороны, это и его

спасеть отъ канцеляризма, въ которомъ онъ погибаетъ». (Никитенко, Дневн., I, 467).

Въ 1857 г. Гончарову было поручена цензура дополнительнаго тома сочиненій Пушкина. (О мытарствахъ въ цензурномъ вѣдомствѣ редактора-издателя П. В. Анненкова. См. «Сл. Лит. Типовъ», вв. 7—8, стр. 304—305). Гончаровъ, считавшій себя ученикомъ Пушкина, вошелъ въ Цензурный Комитетъ со слѣдующимъ любопытнымъ докладомъ:

«Представляя при семь VII томъ сочиненій Пушкина въ Цензурный Комитетъ,—писалъ Гончаровъ,—для препровожденія на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры, на основаніи Высочайшаго Повелѣнія, изъясненнаго въ предложеніи Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 16 февраля 1852 года, № 232, честь имѣю присовокупить слѣдующія замѣчанія: Въ этомъ томѣ, раздѣленномъ на два отдѣла, стихотворный и прозаическій, собраны цѣлыя сочиненія и отрывки, большею частью, напечатанные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и альмахахъ, какъ видно изъ находящихся подъ каждой статьей замѣтокъ издателя. Нѣкоторые же хотя и не были напечатаны, но ходили по рукамъ въ рукописяхъ и давно извѣстны въ публикѣ наравнѣ съ напечатанными».

Отмѣтивъ мѣста, которыя могутъ возбуждать сомнѣнія въ цензурномъ отношеніи, Гончаровъ просилъ принять въ соображеніе: 1) что со времени кончины Пушкина прошло около двадцати лѣтъ и что эпоха его дѣятельности относительно современнаго литературнаго движенія можетъ считаться минувшею; 2) что большая часть изъ собранныхъ въ представляемомъ нынѣ томѣ его сочиненій были уже напечатаны, а не напечатанныя давно извѣстны и ходятъ по рукамъ въ рукописяхъ: при томъ многія затронутыя имъ лица или сошли со сцены, или скрыты подъ вымышленными именами, и личности и намеки поступили въ число литературныхъ преданій и, наконецъ, 3) что уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады и осторожности при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій, которыя и въ этомъ отношеніи могли бы, до значительной степени составить исключеніе противъ другихъ писателей, я полагаю бы испросить разрѣшенія Главнаго управленія цензуры на одобреніе VII тома сочиненій Пушкина въ печать безъ всякихъ измѣненій, о чемъ и имѣю честь представить на благоусмотрѣніе цензурнаго комитета. Цензоръ И. Гончаровъ. 6 апрѣля 1857 г.»

С.-Петербургскій цензурный комитетъ, найдя донесеніе Гончарова «вообще заслуживающимъ уваженія», представилъ рукопись тома и донесеніе Гончарова на благоусмотрѣніе главнаго управленія цензуры. Главное управленіе постановило разрѣшить къ печатанію седьмой томъ Пушкина съ нѣкоторыми исключеніями. Списокъ доклада И. А. Гончарова находится въ пушкинскомъ музеѣ Императорскаго Алекс. лица; въ печати докладъ воспроизведенъ г. П. Щ. въ газетѣ «Голосъ Земли», № 20—1912 г.

Послѣ того, какъ второе изданіе тургеневскихъ «Запис. охотника» встрѣтило цензурныя затрудненія, Г. далъ о «Запискахъ» такой отзывъ: «Эта книга—говоритъ И. А. Гончаровъ—обратила на себя вниманіе тѣмъ, что въ ней мѣстами какъ бы выражалось желаніе улучшенія быта крестьянъ, и второе изданіе ея до времени было приостановлено. Такъ какъ великое дѣло улучшенія крестьянъ, по Высочайшей волѣ, приводится нынѣ въ исполненіе, то книга Тургенева не только потеряло всякое сомнительное значеніе, но она скорѣе можетъ подтвердить необходимость принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. «Записки охотника» вовсе не имѣютъ жестокости въ изображеніяхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами: въ этомъ отношеніи книга эта далеко уступаетъ всему, что появилось въ одно съ нею время и позже ея. Авторъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго озлобленія и раздраженія двухъ классовъ между собою, напримѣръ, мягкостью и художественностью изображеній придаетъ имъ характеръ комизма и тонкой, едва уловимой ироніи. Притомъ въ «Запискахъ охотника» нѣтъ преднамѣренныхъ желчныхъ описаній отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ: авторъ говоритъ о нихъ мимоходомъ, когда они попадаютъ случайно подъ руку. Вообще же и болѣе

всего онъ рисуетъ типическія лица изъ разныхъ классовъ народонаселенія, и имѣетъ въ виду только поэтически-вѣрное воспроизведеніе характеровъ, мѣстностей, пейзажей безъ всякихъ натянутыхъ стремленій выставить одни въ дурномъ, другіе въ выгодномъ свѣтѣ. Книга его прочтена всеми, и на всѣхъ производитъ благородное, художественное впечатлѣніе. Поэтому второе изданіе ея было бы справедливымъ вознагражденіемъ ей права вновь появиться въ кругу изящной отечественной литературы и стать на ряду съ лучшими ея произведеніями».

Въ 1858 г. Г. помогаль князю Вяземскому въ составленіи записки о необходимости дѣйствовать по цензурѣ въ смягчительномъ духѣ¹⁾. Однако, въ томъ же 1858 г. Н. Θ. Щербина сочинилъ такую «Молитву современныхъ русскихъ писателей»: «О, ты, кто принялъ имя Слова! Мы просимъ твоего покровя:—избави насъ отъ похвалы позорной «Сѣверной Пчелы и отъ цензуры Гончарова».

Съ передачей цензурнаго комитета изъ вѣденія мин. нар. просв. въ мин. вн. дѣлъ (1862 г.) и его преобразованіемъ, Гончаровъ остался на службѣ до 1873 г. въ цензурномъ вѣдомствѣ, сначала въ должности цензора, потомъ членомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати. См. К. А. Военскій. Гончаровъ-цензоръ. «Р. В.», 1906 г.

Хухорево — имѣніе «ардаатовскихъ родственниковъ Гончарова-Кирмаловыхъ, Симбирской губ., Ардаатовскаго уѣзда. Въ письмахъ Гончаровъ въ шутку именуетъ его Кухаревымъ. («Вѣстн. Евр.», 1908, XII, стр. 436).

Цертелевъ, Дмитрій Николаевичъ (1852—1911).—Поэтъ и философъ, редакторъ «Русскаго Обзорія». Въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу, гр. А. К. Толстой проситъ свести Ц. съ Гончаровымъ (1874 г.). Сб. «Памяти Вѣлинскаго», 373. Письмо къ нему Гончарова (объ «Обрывѣ»), «Новое время», 1912 г., № 12,943. Ил. Прил. Перепечатано въ извлеченіи ниже, см. Райскій—Критика.

Шевыревъ, Степанъ Петровичъ (1806—1864).—Профессоръ русской словесности московскаго университета. Критикъ, поэтъ и переводчикъ. Во времена студенчества Гончаровъ засталъ Ш. еще молодымъ, свѣжимъ человѣкомъ, принесшимъ на кафедру «свой тонкій и умный критическій анализъ чужихъ литературъ, начиная съ древнѣйшихъ, индійской, еврейской, арабской, греческой—до новѣйшихъ западныхъ литературъ».

Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ (1788—1863).—Знаменитый артистъ.

«Юнговы ночи» — см. Юнгъ.

Юнгъ, Эдуардъ (1681—1765). — Англійскій поэтъ, представитель сентиментальнаго направленія; усердно переводился въ Россіи. Въ русскомъ переводѣ «Юнговы ночи въ стихахъ» выдержали нѣсколько изданій.

Энигартгаузенъ, Карлъ (1752—1803). — Нѣмецкій писатель-мистикъ. Его «Ключъ къ таинствамъ природы» (СПб. 1804) читалъ Гончаровъ въ дѣтствѣ.

Эркманъ-Шатрианъ. Подъ этимъ псевдонимомъ писали два французскіе писателя Эркманъ (1882) и Шатрианъ (1826—1890); ихъ романы и, въ особенности, «Исторія крестьянина», имѣли большой успѣхъ и въ Россіи. Перепечатка вышедшаго отд. изд. романа въ русскомъ переводѣ въ теченіе продолжительнаго времени встрѣчала затрудненія со стороны цензуры.

Японія.—Свѣдѣнія о ней, во время отправления экспедиціи на «Палладѣ», были необыкновенно скудны. Гончаровъ упоминаетъ лишь объ имѣвшихся въ его распоряженіи старыхъ книгахъ: Кемпфера, Зибольта, Карона, Гагенара и одного неизвѣстнаго автора, при чемъ Каронъ и Гагенаръ писали о Я. въ XVII вѣкѣ, а Кемпферъ въ началѣ XVIII-го. (См. въ «Спискѣ» эти имена). Немудрено поэтому, что приближаясь къ тридцатому государству, Гончаровъ заноситъ въ свой дневникъ: «вотъ, этотъ запертой ларецъ, съ потеряннымъ ключомъ, страна, въ которую заглядывали до сихъ поръ съ тщетными усиліями, склонить и золотомъ, и оружіемъ, и хитрой политикой на знакомство» («Фрег. Пал.», II, 1). Познакомиться съ Я. первымъ удалось лишь однимъ португальцамъ, корабль ко-

¹⁾ Никитенко. Дневникъ I, 506.

торыхъ случайно занесла буря (въ 1542 г.) на одинъ изъ японскихъ острововъ. Вслѣдъ за португальцами потянулись въ Я. иезуиты-миссіонеры, но вскорѣ же послѣдовалъ указъ, которымъ «весь португальскій родъ» изгонялся изъ Я. навсегда; на смѣну португальцамъ въ Я. явились предприимчивые голландцы, основавшіе свою факторію. Но голландцы, одни захватившіе въ свои руки торговлю съ Я., были отрѣзаны отъ страны; имъ отвели пустынный островокъ близъ Нагасаки, съ которыми и производили они торговлю. Попытки установить непосредственныя сношенія Россіи съ Я. начались еще при Екатеринѣ II, но встрѣтили отпоръ со стороны Я. Объявленіе Сахалина русскимъ владѣніемъ еще болѣе обострило отношенія, и экспедиція (1810 г.) Головина въ Я. закончилась плѣномъ ея начальника. Установленіе торговыхъ сношеній съ Я. началось съ экспедиціи гр. Путятина на «Палладъ», хотя самый договоръ былъ подписанъ лишь въ январѣ 1855 г.; нѣсколько ранѣе, упоминаемый въ очеркахъ Гончарова, командоръ Перри (судно его встрѣтила «Пал.» въ портѣ Прайя) заставилъ замкнутую Я. войти въ сношенія съ С. Штатами.¹⁾

Сами японцы, какъ и китайцы, произвели на Гончарова впечатлѣніе «истощенной, непроходимо заглохшей нивы», хотя они надежились китайцевъ къ воздѣлыванію» (II, 6); «съ упрямствомъ Галлилея, онъ утверждалъ, что японцы «отрѣзанные ломти китайской семьи; ея дѣти, ушедшіе на острова» (II, I)²⁾. Государственное устройство Я., насколько съ нимъ успѣлъ познакомиться путешественникъ, произвело на него впечатлѣніе хитросозданной и глубокообдуманной системы, несокрушимой «безъ внѣшняго вліянія»; и гибельной для государства; ибо она парализуетъ силы народонаселенія; только при условіи паденія этой системы, Гончаровъ считалъ возможнымъ пробужденіе Я. и очеловѣченіе японцевъ; падеть эта система, и Я. «быстро очеловѣчится, и теперь сколько залоговъ на успѣхъ», прибавляетъ Гончаровъ. По незначительнымъ признакамъ, суммируя ихъ (недаромъ же Гончаровъ былъ такимъ мастеромъ въ обобщеніяхъ), онъ увидѣлъ, что кажущаяся неподвижность Я. не есть признакъ полного застоя и чутко угадалъ, что «реформа уже начинается». Начинается «выбрасываніемъ старыхъ, сгнившихъ корней, сорныхъ травъ» новая жизнь на «уснувшемъ и обезсилѣвшемъ Востокѣ» (II, 6). О начавшемся пробужденіи Дальняго Востока, Гончаровъ заявилъ въ то самое время, когда у насъ этимъ Востокомъ мало кто интересовался и еще меньше раздумывалъ объ его загадочныхъ судьбахъ.

¹⁾ Въ 1869 г. послѣ революціи, начались въ Я. реформы и феодальный строй былъ уничтоженъ; въ 1889 г. Я. стала конституціонной страной.

²⁾ Современные ученые (Д. Н. Анучинъ, Бельцъ, Бринкли и др.) въ образованіи японской народности различаютъ нѣтъ наслоеній: 1) полумифическіе коропокгуро (б. м. америк. проис.); 2) айны—первые поселники Нипона; 3) малайцы 4) корейцы-маньчжурцы; 5) собственно японцы, выходцы изъ южнаго Китая, но не китайцы, а выходцы какого-то особаго племени (Японскій языкъ даетъ также указаніе на наличность въ японск. народности тюркскихъ элементовъ).

ИРИНГОНА
ЗЕМСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА.

ПЕРЕЧЕНЬ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ ¹⁾ И. Д. ГОНЧАРОВА

И

ВХОДЯЩИХЪ ВЪ НИХЪ ТИПОВЪ, ОБРАЗОВЪ,

ЛИЦЪ И ИМЕНЪ ²⁾.

¹⁾ Произведенія въ «Перечнѣ» расположены въ алфавитномъ порядкѣ и выдѣлены жирнымъ шрифтомъ.

²⁾ Лица, имена и предметы, см. также «Списокъ».

ПЕРЕНЕД

ПОСРЕДСТВОМ К. А. ТОМАСОВА

ПОСРЕДСТВОМ К. А. ТОМАСОВА

ИМП. А. КАРЛ

□

Автобіографіи Гончарова см. ниже Приложеніе 4-ое. Автобіографическое значеніе имѣютъ: «Нарушеніе воли», «Лучше поздно, чѣмъ никогда», «Замѣтки о личности Бѣлинскаго, а также «Воспоминанія», «Слуги стараго вѣка»; много автобіографическихъ чертъ и во «Фрег. Пал.», но въ нихъ нужно искать «не голой правды, а правдоподобія» (см. ниже: «На родинѣ»).

Воспоминанія раздѣляются на два очерка: 1) «Въ университетѣ; 2) На родинѣ» (см. ниже).

Въ университетѣ. Первая часть «Воспоминаній». Подзаголовокъ: «какъ насъ учили 50 лѣтъ назадъ». Печатаея свой очеркъ въ «Вѣстн. Евр.» (1888 г., кн. IV), Гончаровъ сопровождалъ его такимъ примѣчаніемъ: «авторъ не помнитъ съ точностью, когда были писаны имъ настоящія замѣтки. Но изъ нѣкоторыхъ подробностей текста можно, почти съ увѣренностью, заключить, что эти замѣтки были набросаны имъ въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ».

См. въ «Спискѣ»:

Аксаковъ, К. С. — Боянскій, М. О. — Болдыревъ, А. В. — Бѣлинскій, В. Г. — Герингъ, Э. Н. — Герценъ, А. И. — Голицынъ, кн. С. М. — Голохвастовъ, Д. П. — Давыдовъ, И. И. — Двигубскій, И. А. — Декампъ, Амедей. — Ивашковскій, С. М. — Каченовскій, М. Т. — Кистеръ, Ф. И. — Куртнеръ, Ф. Ф. — Лермонтовъ, М. Ю. — Мерляковъ, А. Ф. — Надеждинъ, Н. И. — Оболенскій, В. И. — Панинъ, гр. А. Н. — Побѣдоносцевъ, П. В. — Погодинъ, М. П. — Пушкинъ, А. С. — Снегиревъ, И. М. — Станкевичъ, Н. М. — Строевъ, С. М. — Терновскій, П. М. — Уваровъ, С. С. — Шевыревъ, С. П.

Иванъ Саввичъ Поджабринъ, очеркъ. Самъ Гончаровъ называетъ его «легкимъ юмористическимъ очеркомъ». (Автобіографія). Напечатанъ въ «Современникѣ» 1848 г.

Авдѣй. — Амалия, баронесса. — Анна Павловна. — Бурминъ. — Вася. — Дипломатъ. — Дудкинъ, князь. — Жозефина. — Кизель, баронъ. — Крестный. — Кучеръ. — Лужинъ, князь. — Маша. — Мужикъ. — Поджабринъ. — Прасковья Михайловна. — Семень Семеновичъ. — Стрекоза, маіоръ. — Стуколкинъ. — Устинья. — Цейхъ. — Шене. — Фекла Андреевна.

Замѣтки о личности Бѣлинскаго написаны по просьбѣ А. Н. Пыпина, работавшаго надъ составленіемъ біографіи Бѣлинскаго («Вѣстн. Евр.», 1876 г., Отд. изд. Бѣлинскій. Спб. 1877 г. 2 т.; второе изданіе. Спб. 1910 г. Изд. «Космосъ», 1 т.). Замѣтки Г—а появились въ печати въ 1881 г., войдя въ составъ «Четырехъ очерковъ», изданныхъ Глазуновымъ.

См. въ «Спискѣ»:

Бенедиктовъ, В. В. — Боткинъ, В. П. — Брюловъ, К. П. — Бѣлинскій, В. Г. — Герценъ, А. И. — Глинка, М. Н. Гоголь, Н. В. — Григоровичъ, Д. В. — Григорьевъ, А. А. — Добролюбовъ, Н. А. — Достоевскій, Ф. М. — Дружининъ, А. В. — Жоржъ-Зандъ. — Каратыгинъ, П. А. — Кольцовъ, А. В. — Кукольникъ, Н. В. — Лермонтовъ, М. Ю. — Мочаловъ, П. С. — Панаевъ, И. И. — Полевой, Н. А. — Пушкинъ, А. С. — Солмогубъ, гр.

Литературный вечеръ. Напечатанъ въ журналѣ «Русская Рѣчь», 1880 г. Посылая «Лит. Веч.» Валугеву, Гончаровъ писалъ, что «статья родилась по инициативѣ и подъ вліяніемъ валугевскаго пера, т. е. вызвана романомъ Валугева «Лоринъ». Между чтеніемъ въ домѣ Валугева и чтеніемъ у гончаровскаго Уранова существуетъ несомнѣнная связь, подкрѣпляемая перепиской Гончарова съ Валугевымъ. Е. А. Ляцкій («Современникъ», 1912 г., № 3) даетъ нѣсколько характерныхъ сопоставленій произведенія Бебикова («Лит. Веч.») съ валугевскимъ романомъ «Лоринъ». «Если, замѣчаетъ онъ, въ «Л. В.» получилась сатира на мертвое,

съ точки зрѣнія искусства, произведеніе и на тотъ кругъ людей, который былъ въ немъ изображенъ, то это случилось помимо воли Гончарова. Это сдѣлалъ талантъ, который имѣлъ надъ Гончаровымъ больше власти, чѣмъ его трезвыя намѣренія и практическіе взгляды, это сдѣлала правда искусства, которую онъ не могъ измѣнить на рискую перестать быть художникомъ». Критика обошла почти полнымъ молчаніемъ «Л. В.». Венгеровъ считаетъ его «совершенно слабымъ произведеніемъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ страницъ. Безъ заманчивой подписи Гончарова, никакой журналъ не напечаталъ бы «Лит. вечера». (Сочин. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 64). Е. А. Лядкій видитъ въ «Лит. Веч.» «конкретный случай, художественно рассказанный въ чертахъ тщательно обдуманнаго, художественной интуиціей внушеннаго обобщенія («Гончаровъ», стр. 157).

Atmand. — Баронъ. — Бебиксвъ. — Генераль. — Графъ. — Кальяновъ. — Княгиня. — Красноперовъ. — Кряковъ. — Лидія Н. — Лиза Ф. — Лилина. — Пестовъ. — Профессоръ. — Редакторъ. — «Синіе очки». — Снявская. — Скудельниковъ. — Суховъ. — Тецкія, княг. и княжна. — Уранова племянникъ (Митя). — Урановъ. — Фертовъ. — Чешневъ.

Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки. Напечатаны въ журналѣ «Русская Рѣчь» 1879 г., № 6. Самъ Гончаровъ, называя замѣтки «критическимъ анализомъ» своихъ книгъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на авторское предисловіе къ собранію своихъ сочиненій. «Я опоздалъ съ этимъ предисловіемъ скажутъ мнѣ; но если оно покажется лишнимъ и теперь—«то лучше поздно, чѣмъ никогда»—могу отвѣтить на это». Въ изд. «Нивы» «Критическія замѣтки» Гончарова предисланы его сочиненіямъ (т. I, стр. 29—90), но ни въ одномъ собраніи сочиненій Г—а не перепечатано то «обширное предисловіе», которое авторъ готовилъ къ отдѣльному изданію «Обрыва», хотя на него не разъ ссылается Гончаровъ въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ». Это предисловіе («Намѣренія, задачи и идея романа «Обрывъ») было напечатано въ журналѣ «Русск. Обозр.» 1895 г., январь. Изъ этого предисловія, написаннаго въ 1870 г. и передѣланнаго въ 1875 г., и возникли «критическія замѣтки», подъ названіемъ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

Май мѣсяцъ въ Петербургѣ, очеркъ. Появился въ печати послѣ смерти автора «Сборникъ Нивы», 1892 г., № 2.

Архипъ. — Брагинъ. — Вальневъ. — Гвоздевъ. — Дворники. — Директоръ-департамента. — Дѣвицы-сироты. — Зашибаевъ. — Копылинъ, князь. — Лягинъ. — Маланья. — Перская, кн. — Понюшкинъ. — Петръ Петровичъ (экзекуторъ). — Понюшкинъ. — Швейцары. — Шлеппе. — Хохловъ. — Чихановы. — Юхновъ.

Милліонъ терзаній, очеркъ. Появился безъ подписи автора въ «Вѣстн. Евр.» 1872 г., № 3. Внѣшнимъ поводомъ для очерка послужилъ бенефисъ актера Монахова, появившагося въ роли Чацкаго въ ком. «Горе отъ ума». По мнѣнію Венгерова, въ этомъ «небольшомъ этюдѣ, на пространствѣ немногихъ страницъ, разсѣяно столько ума, вкуса, глубокомыслія и проницательности, что его нельзя не причислить къ лучшимъ плодамъ творческой дѣятельности Гончарова. Въ немъ брошенъ совершенно новый взглядъ на характеръ Чацкаго, взглядъ, который вытѣснилъ прежніе взгляды на Чацкаго Пушкина и Бѣлинскаго». [Сочин., т. V, стр. 64—65].

См. въ «Спискѣ»:

Гоголь. — Грибоѣдовъ. — Каратыгинъ. — Ленскій. — Максимовъ. — Мартыновъ. — Монаховъ. — Мочаловъ. — Орловъ. — Пушкинъ. — Сабуровъ. — Садовскій. — Самойловъ. — Сосницкій. — Фонвизинъ. — Щепкинъ.

«На родинѣ». Второй очеркъ «Воспоминаній»; въ предисловіи къ очерку Гончаровъ прямо заявляетъ, что желаетъ, чтобы въ воспоминаціяхъ «искали не голую правды, а правдоподобія». «Это не мемуары какіе-нибудь, гдѣ описываются историческія лица, событія, и гдѣ требуется строгая фактическая правда... Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда,

и, пожалуй, если хотите, все правда. Фонъ этихъ замѣтокъ, лица, сцены, б. ч., типически вѣрны съ натурой, а инныя взяты прямо съ природы. По одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности или событія, фантазія старается угадывать или дорисовывать остальное.. Все описываемое въ нихъ не столько было, сколько бывало.. (Вступленіе). Написанъ очеркъ въ Усть Наровѣ, гдѣ Гончаровъ проводилъ лѣто и датированъ 11-мъ августа 1887 г. Напечатанъ въ «Вѣстн. Евр.» 1888 г., №№ 1 и 2.

Алтаевъ. — Барыня. — Бравинъ. — Гастуринъ. — Городничій. — Графиня. — Добышевъ. — Егорьевъ. — Иглевы. — Козловъ. — Козыревъ. — Лопаревъ. — Лиза Р—ская. — Лина. — Лопаревъ. — Мальхинъ. — Миліановъ. — Прохинъ. — Ростинъ. — Сланцовъ. — Тмакинъ. — Углицкіе. — Шлепковъ. — Чубукъ. — Чуринъ. — Чуча. — Ягорскій. — Якубовъ. — Ямщикъ. — Яновъ.

Нарушеніе воли, очеркъ. Написанъ въ 1889 году, напечатанъ тогда же въ «Вѣстн. Европы». Въ этомъ очеркѣ Гончаровъ завѣщаетъ и проситъ исполнить «послѣднюю волю писателя», «каandidата въ покойники»: «не печатать ничего», что онъ самъ не напечаталъ при жизни, или на что не передалъ права изданія и въ томъ числѣ и писемъ.

«Пусть письма мои остаются собственностью тѣхъ, кому они писаны, и не переходятъ въ другія руки, а потомъ предаются уничтоженію». «У меня есть своего рода «pudeur» являться на позоръ свѣту съ такимъ хламомъ. И я прошу пощады этому чувству, т. е. «pudeur». На основаніи этого завѣщанія, такой близкій къ Гончарову человекъ, какъ Л. Н. Майковъ (см. Списокъ, выше стр. 306) отказался сдѣлать достояніемъ печати хранящіеся въ его семействѣ матеріалы, а сестра писателя, А. А. Музалевская, исполняя волю брата, предала сожженію его письма. Однако, даже Майковъ сдѣлалъ исключеніе для нѣкоторыхъ писемъ Гончарова, освѣщающихъ его личность и его взгляды на искусство. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ М. М. Стасюлевичъ, редакторъ «Вѣстн. Евр.» и душеприказчикъ Ив. Ал., давшій на страницахъ своего журнала мѣсто извлеченіямъ изъ переписки Гончарова. Въ настоящее время уже опубликована часть переписки Гончарова, извлечены изъ архива документы, касающіеся его цензурской дѣятельности и воспроизведены статьи Гончарова изъ газетъ.

Опубликованы письма Гончарова къ Валугеву, къ Н. Н. и А. Н. Гончаровымъ, Кавелину, Капнисту, Кирмаловой, Краевскому, Лазаревскому, Музалевской, Норову, Острогорскому, Писемскому, Полонскому, Пыпину, Романченко, гр. Толстой, Тургеневу, Стасюлевичу, Фету, Цертелеву и др. См. въ «Спискѣ»: Валугевъ, Кавелинъ и т. д.

Обыкновенная исторія романъ въ двухъ частяхъ. Первое изъ напечатанныхъ произведеній Гончарова. Какъ и всѣ послѣдующіе романы Гончарова, создавалось въ теченіи долгихъ лѣтъ; еще въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ г.г. «Об. И.» была уже извѣстна въ кружкѣ Майковыхъ, но только въ 1846 г. авторъ рѣшился представить свой трудъ черезъ Панаева Бѣлинскому. Въ 1847 г. на страницахъ «Современника» появился гончаровскій романъ¹⁾, тогда же (мартъ, 1874 г.) въ письмѣ къ В. П. Боткину, Бѣлинскій писалъ: «повѣсть Гончарова произвела въ Питерѣ фуроръ—успѣхъ неслыханный. Всѣ мнѣнія слились въ ея пользу» Пыпинъ. Бѣлинскій). Позднѣе въ статьѣ «Взглядъ на русскую литер. 1847 года» Бѣлинскій привѣтствовалъ первое произведеніе Гончарова какъ одно «изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы» и назвалъ талантъ Гончарова «сильнымъ». Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ, между прочимъ, языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жа-

¹⁾ Въ томъ же 1847 г. въ печати появляются: «Бѣдные люди» Достоевскаго, «Разсказы Охотника» Тургенева, «Кто виноватъ?» Герцена, «Антонъ Горемыка» и «Деревня» Григоровича, «Полинька Саксъ» Дружинина.

ловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядей и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежать къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, не идущаго къ дѣлу, это не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную самую по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера». Единственный упрекъ, который дѣлаетъ Бѣлинскій Гончарову, это—«неудачный», «или лучше сказать, испорченный эпилогъ». По мнѣнію критика, «придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, п. ч. она неестественна и ложна». Объясненіе этому Бѣлинскій видѣлъ въ томъ, что «авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ — на почвѣ сознательной мысли»—и пересталъ быть поэтомъ» (тогда какъ «въ талантѣ Гончарова—поэзія агентъ первый, главный и единственный») Сочиненія Бѣлинскаго, т. XI. Изд. Солдатенкова.

Н. И. Коробка отмѣчаетъ въ романѣ «выступленіе на сцену новаго слоя русской интеллигенціи, раньше почти незнакомаго русской художественной литературѣ. Всомогущество чиновничества, сказавшееся въ половинѣ 20-хъ годовъ, послѣ крушенія аристократической интеллигенціи и развившейся въ царствованіе Николая I, выдвигаетъ въ романѣ героя-чиновника. Чиновникъ явился, положимъ, обычнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашей литературѣ, но онъ по традиціи, установившейся еще съ конца XVIII вѣка, является «крапивнымъ сѣменемъ», изображается въ комическихъ чертахъ. Литература только снисходитъ до его изображенія или бичуетъ его. Въ «Обыкновенной исторіи» впервые чиновникъ является «героемъ» романа, на которомъ сосредоточено вниманіе автора. Этотъ фактъ самъ по себѣ говоритъ объ измѣненіи самаго положенія чиновника въ обществѣ. Чиновникъ началъ выступать на первый планъ. Романъ указываетъ и откуда является этотъ новый чиновникъ. Изъ дворянскихъ усадебъ средней руки, пройдя черезъ университетъ, является новый русскій культурный чиновникъ, къ которому уже литература не можетъ относиться какъ къ «крапивному сѣмени», существу низшаго порядка, какъ еще изображалъ Гоголь. Здѣсь сказывается начавшееся превращеніе части дворянства въ чиновничество. Начиная съ половины 20-хъ годовъ, можно замѣтить приливъ въ Петербургѣ молодыхъ дворянъ изъ провинціи, стремившихся въ столицу «искать счастья», искать «арены дѣятельности»; «счастьемъ» въ этихъ случаяхъ считалась чиновничья карьера, ареной дѣятельности—служба въ канцеляріяхъ. Такимъ молодымъ дворяниномъ, пріѣхавшимъ «искать счастья» былъ Гоголь и его герой Тентетниковъ. Они оба не ужились въ канцеляріяхъ, но уже скоро Гончаровъ (хотя не дворянинъ, но усвоившій многія черты быта средняго дворянства) и его герой Адуевъ уживаются и превращаются въ типичныхъ представителей культурнаго чиновничества. «Обыкновенная исторія» это—исторія превращенія въ одномъ индивидуумѣ настроеній, созданныхъ патріархально-помѣщичьимъ укладомъ жизни, въ настроенія, созданныя буржуазно-чиновничьими; нельзя не видѣть, что въ первыхъ больше человѣчнаго, чѣмъ во-вторыхъ». [Н. И. К о р о б к а. Личность въ р. обществѣ].

Самъ Гончаровъ считалъ, что три его романа, особенно «Обломовъ» и «Обрывъ», тѣсно и послѣдовательно связаны между собою, какъ связаны отразившіяся въ нихъ, какъ въ капли воды, періоды русской жизни». Гончаровъ видѣлъ «не три романа, а одинъ». Такое же мнѣніе раздѣляетъ и Д. С. Мережковскій, признавая три Гончаровскіе романа «однимъ цѣлымъ». (Сочин. Мережковскаго, т. XIII, стр. 246). «Об. Ист.»—первое произведеніе Гончарова—

громадный ростокъ, только что пробившійся изъ земли, еще не окрѣпшій, зеленый, но переполненный свѣжими соками. Потомъ, на могучемъ отросткѣ, одинъ за другимъ, распускаются два великолѣпныхъ цвѣтка—«Обломовъ» и «Обрывъ». Всѣ три произведенія—одинъ эпосъ, одна жизнь, одно растеніе. Когда приближаешься къ нему, видишь, что по его колоссальнымъ лепесткамъ разсыпана цѣлая роса едва замѣтныхъ капель, драгоценныхъ художественныхъ мелочей. И не знаешь, чѣмъ больше любоваться—красотой ли всего гигантскаго растенія или же этими мелкими каплями, въ которыхъ отражаются солнце, земля и небо». По поводу одинаковаго заглавія романа «Об. Ист.» и романа англійской писательницы Инчбальдъ («A Simple Story») см. письмо Гончарова Краевскому «Русск. Стар.» 1911 г. № 10 и въ «Спискѣ»: Инчбальдъ.

Агашка. — Аграфена. — Адуева, Анна Павловна. — Адуева, Лизавета Александровна. — Адуевъ, Александръ Федоровичъ. — Адуевъ, Петръ Ивановичъ. — Александра Васильевна. — Александръ Степанычъ. — Антонъ Иванычъ. — Артистъ. — Архипычъ. — Василиса. — Василій. — Военный. — Волочковъ. — Горбатова, Марья Павловна. — Горничная. — Гришка. — Доктора. — Дрожжовъ, Аванасій Ивановичъ. — Дѣвицы. — Дѣвки. — Евсей. — Журналистъ. — Зарайскіе. — Иванъ Ивановичъ. — Иванъ Ивановичъ. — Иванъ Андреичъ. — Иванъ Семенычъ. — Ивановъ. — Игнатій. — Изюминъ. — Итальянецъ. — Иченко. — Кенигштейнъ. — Костюковъ. — Коневъ. — Лиза. — Любецкая, Марія Михайловна. — Любецкая, Надежда Александровна (Наденка). — Лунина. — Марья Мартиновна. — Марья Ивановна. — Марфа. — Матвѣй Матвѣевичъ. — Матрена Михайловна. — Маша. — Марья Карповна. — Михайло Михайлычъ. — Начальникъ отдѣленія. — Никитишна. — Новинскій, Платонъ, графъ. — Нянька Лизы. — Офицеръ. — Павелъ Саввичъ. — Петръ Сергѣичъ. — Пожилой человѣкъ. — Помощникъ столоначальника. — Пospѣловъ. — Прошка. — Пуле. — Рене. — Сестра Евсея. — Семенъ Архипычъ. — Скачины. — Смирновъ. — Сонины. — Сотрудникъ журнала. — Софья Михайловна. — Старикъ. — Старушка. — Столоначальникъ. — Сурковъ. — Тафаева, Юлія Павловна. — Тафаевъ. — Французъ. — Хозаровы. — Чиновники. — Шмитъ. — Федосья Петровна. — Федоровъ.

Обломовъ, романъ въ 4-хъ частяхъ. Задуманъ былъ еще въ 1847 г. Черезъ два года въ печати явился отрывокъ изъ романа, «Сонъ Обломова», но въ цѣломъ видѣ романъ появился лишь въ 1858 г. на страницахъ «Отеч. Записокъ»¹⁾. Такимъ образомъ, десятилѣтній промежутокъ отдѣлялъ окончаніе романа отъ его первыхъ набросковъ. Это обстоятельство дало поводъ А. А. Григорьеву заявить, что ...«Обломовъ» опоздалъ, по крайней мѣрѣ, пятью или шестью годами. Въ «О.» Гончаровъ остался тѣмъ же чѣмъ былъ въ «Обыкн. Ист.» и построенъ его «О.» по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ «Обыкн. Ист.» Въ подробностяхъ своихъ онъ—если хотите—еще выше «Обыкн. Ист.», психологическимъ анализомъ еще глубже; но наше сознаніе, сознаніе эпохи шло впередъ, а сознаніе автора «Обыкн. Ист.» застряло въ Японіи». Польстилъ «О.» только весьма небольшому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія наша собственная натура, наши существенно-бытовые черты, и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи. Возрѣнія этого небольшого кружка тоже далеко отстали отъ вопросовъ эпохи» [Григорьевъ, А. А. Сочиненія, т. I, стр. 420]. Добролюбовъ въ своей статьѣ «Что такое Обломовщина?» отмѣчалъ также, что «первая часть романа», «чуждая текущихъ интересовъ настоящей минуты, многимъ показалась скучною». Наоборотъ, по свидѣтельству А. М. Скабичевскаго, «нужно было жить въ то время, чтобы понять какую сенсацію возбудилъ романъ въ публикѣ и какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ онъ на все общество. Онъ, какъ бомба, упалъ въ интеллигентную среду». Однако, появленіе «Обл.» вовсе не было такимъ внезапнымъ явленіемъ. «Десять лѣтъ ждала наша публика романа Гончарова. Задолго до появленія его въ печати, о немъ говорили какъ о

¹⁾ Одновременно съ «Обломовымъ» въ «Современникѣ» печатаются: «Дворянское гнѣздо» Тургенева, а въ «Библ. для чтенія»—«Горькая судьбина» Писемскаго и «Воспитанница» Островскаго.

произведеніи необыкновенномъ. Къ чтенію его приступили съ самыми обширными ожиданіями», писалъ Добролюбовъ. Тотъ же критикъ въ «Современникъ» 1859 г. отмѣчалъ необычайно-тонкій и глубокій психическій анализъ, проникающій весь романъ Гончарова. Та публика, говорилъ критикъ, которая любитъ внѣшнюю занимательность дѣйствія, нашла утомительною первую часть романа потому, что до самаго конца ея герой все продолжаетъ лежать на томъ же диванѣ, на которомъ застаеъ его начало первой главы. Тѣ читатели, которымъ нравится обличительное направленіе, недовольны были тѣмъ, что въ романѣ осталась совершенно нетронутою наша официально-общественная жизнь. Короче—первая часть романа произвела неблагопріятное впечатлѣніе на многихъ читателей. «Кажется, не мало было задатковъ на то, чтобы и весь романъ не имѣлъ успѣха, по крайней мѣрѣ въ нашей публикѣ, которая такъ привыкла считать всю поэтическую литературу забавой и судить художественныя произведенія по первому впечатлѣнію. Но на этотъ разъ художественная правда скоро взяла свое. Послѣдующія части романа сгладили первое непріятное впечатлѣніе у всѣхъ, у кого оно было, и талантъ Гончарова покорилъ своему неотразимому вліянію даже людей, всего менѣе ему сочувствовавшихъ. Тайна такого успѣха заключается, намъ кажется, сколько непосредственно въ силѣ художественнаго таланта автора, столько же, и въ необыкновенномъ богатствѣ содержанія романа».

По мнѣнію Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, «знаменитый романъ не только повѣствуетъ объ Обломовѣ и другихъ лицахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ яркую картину «обломовщины», и эта послѣдняя, въ свою очередь, оказывается двойкою: 1) обломовщиною бытовою дореформенною, крѣпостническою, которая для насъ—уже прошлое, и 2) обломовщиною психологическою, не упраздненною вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ и продолжающеюся при новыхъ порядкахъ и условіяхъ. Это растяженіе типа, это распространеніе картины обломовщины за грань эпохи не только заставляетъ насъ думать, что старина живуча, что прошлое осчастливило послѣ себя свои пережитки, свое наслѣдіе и завѣщаніе, но, кромѣ того, внушаетъ намъ рядъ иныхъ мыслей, относящихся уже не къ смѣнѣ эпохъ, а къ психологіи и психопатологіи русскаго національнаго уклада. Обломовъ—типъ національный, обломовщина—явленіе специфически-русское, и Гончаровъ, создавая эти художественныя «понятія», продолжалъ дѣло Гоголя—исслѣдованіе «порчи «русскаго человѣка», «искривленія» нашей національной фізіономіи». Все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ глубокой неувядающей интересъ классическому произведенію Гончарова». Трагизмъ пошлости, спокойный будничныи трагизмъ—основная тема «Обломова». «Пошлость, торжествующая надъ чистотой сердца, любовью, идеалами—вотъ для Гончарова основной трагизмъ жизни». [Мережковскій, сочин. т. XIII]:

Аверка. — Агаѣя Матвѣевна Пшеницына. — Александръ Наумичъ. — Акулина. — Алексѣевъ. — Анися. — Андрюшка. — Антипъ. — Бабушка. — Ваня (Пшеницынъ) — Васильевъ. — Волковъ. — Вытягушкинъ. — Горюновъ. — Дашенька. — Дворникъ. — Демка-кривой. — Дѣвчонка. — Ernestine, m-lle. — Иванъ Герасимовичъ. — Иванъ Матвѣевичъ (Мухояровъ). — Ильинская, Ольга Сергѣевна, — Ирина Пантелѣевна. — Затертый. — Захаръ. — Калининковъ. — Катя. — Княжны. — Кузнецовъ. — Кучеръ. — Лангвагенъ, баронъ. — Лидія. — Лука. — Лука Саввичъ. — Лагаевъ. — Маевскіе. — Марья Михайловна. — Матвѣй Моисеевичъ. — Маховъ. — Мама. — Медровы. — Метлинскій, графъ. — Михай Андреевичъ Тарантьевъ. — Мишель, кн. — Мурашкина. — Мусинскіе. — Мухояровъ, Ив. Матв. — Настасья Ивановна. — Настасья Ѳаддеевна. — Никита. — Обломовъ, Илья Ильичъ. — Обломы: Андрей, Илья Ивановичъ, Обломова-мать, тетка и няня. — Овчинниковъ. — Олешкинъ. — Ольга (Ильинская). — Пелагея Игнатьевна. — Пенкинъ. — Пересвѣтовъ. — Пшеницына, Агаѣя Матвѣевна.—Пьеръ, кн. — Радичевъ. — Рейнгольдъ. — Свинкинъ. — Семень Ѳаддеевичъ. — Соничка. — Софья Николаевна. — Степанида Агаповна. — Судьбинскій. — Сусловъ. — Тарантьевъ, Михай Андр. — Татьяна Ивановна. — Тюменевъ. — Чекменевъ. — Штольцы. — Ѳома Ѳомичъ.

Обрывъ, романъ въ пяти частяхъ. Первые планы романа относятся еще на 1849 г. когда Гончаровъ «послѣ четырнадцати лѣтняго отсутствія пріѣхалъ

повидаться съ родственниками на Волгу» («Лучше поздно, — чѣмъ никогда»); «тутъ толпой хлынули ко мнѣ, вспоминалъ Гончаровъ, старыя, знакомыя лица, я увидѣлъ еще неотжившій патріархальный бытъ и вмѣстѣ новыя побѣги, смѣсь молодого со старымъ». Съ 1860 г. начинаютъ печататься въ журналахъ («Современникъ» и «Отеч. Записки») «Эпизоды изъ жизни Райскаго». Въ полномъ видѣ романъ появляется лишь въ 1869 г. въ «Вѣстн. Европы» (пять книгъ журнала январь—май). Появленіе въ печати «Обрыва» совпадаетъ съ появленіемъ романа Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ» («Заря») и выходомъ послѣдняго тома «Войны и миръ».

Авдотья. — Агафья. — Агашка. — Алексѣй Петровичъ. — Анна Борисовна. — Анна Васильевна. — Антонъ. — Андрушка. — Арина. — Агтапсе. — Афирья. — Аяновы. — Basil. — Бережкова, Татьяна Марковна (Бабушка). — Боровиковъ. — Бочковъ. — Бурдалахова, Секлетія. — Бѣловодовы. — В. И. — Варвара Николаевна. — Ватрухинъ. — Василій, о. — Василій Андреевичъ. — Василій Никитичъ. — Василиса. — Васька. — Ватутинъ. — Власъ. — Викентьевы. — Викторъ. — Волоховъ, Маркъ. — Вѣра. — Гараська. — Горбунъ. — Горошкинъ. — Графъ. — Губернаторъ. — Дама. — Даша. — Директоръ. — Докторъ. — Дредсонъ. — Егоръ Ильичъ. — Егоръ Прохорычъ (Егорка) — Ельнинъ. — Еремка. — Eudoxie. — Ефремъ. — Жандармъ. — И. Б. — Иванъ. — Иванъ Богданычъ. — Иванъ Ивановичъ. — Иванъ Кузьмичъ. — Иванъ Петровичъ. — Иванъ Матвѣвичъ. — Ивлевы. — Илья. — Ильющка. — Ирина. — Catherine. — Кириловъ. — Кирилла Кирилловичъ. — Кирюша. — Кишъ. — Slegu, m-me. — Княгиня. — Князь: Пьеръ, Б. П.; Н. В.; К. Р. — Козловъ. — Коко. — Крицкіе. — Кузьма. — Лозгинъ, Володя. — Левъ Петровичъ. — Лидія. — Лиза. — Лѣсничій. — Мамыкинъ. — Манѣвъ. — Мамыщевъ. — Маргарита. — Марина Антиповна. — Марья Васильевна. — Марья Егоровна. — Марья Петровна. — Марейнка. — Масленниковъ. — Матрена. — Машутка. — Мейеръ. — Милари, гр. — Michel. — Михайловъ. — Молочковъ. — Мотька. — Мѣшечниковъ. — Надежда Васильевна. — Надежда Николаевна. — Настасья Петровна. — Наталья Ивановна. — Наталья Фаддеевна. — Нелюбовъ. — Никита. — Nini. — Нянька. — Нѣмка. — Опекунъ. — Опенкинъ. — Откупщикъ. — Paul. — Pauline. — Пантелеймонъ. — Пахотины. — Пашутка. — Пелагея. — Пестовъ. — Петруша. — Петръ. — Piegge, кн. — Попадья. — Поповъ. — Правитель канцеляріи. — Предводителъ. — Профессоръ. — Прохоръ. — Райскій. — Савелій. — Саврасовъ. — Садовникъ. — Севастьяновъ. — Семень. — Семень Васильевичъ. — Сергѣй Ивановичъ. — Serge. — Сидорычъ. — Силычъ. — Степанъ Васильевичъ. — Сѣмечкина, Дашенька. — Танцмейстеръ. — Тараска. — Терентій. — Токеева. — Тушинъ. — Тычковъ. — Улинька. — Ульяна Андреевна (Козлова). — Устинья. — Учителя. — Хатьковъ. — Чеченинъ. — Чиновникъ. — Чудинъ. — Шарль. — Шмидтъ. — Эмигрантъ-французъ. — Фаддей Ильичъ. — Фодосья. — Феклушка.

По восточной Сибири. «Я, дорогой, отъ скуки, набрасывалъ на станціяхъ въ записную книжку бѣглыя замѣтки о видѣнномъ», писалъ Гончаровъ во «Фрег-Пал.» (II, 9). Эти замѣтки, написанныя во время передвиженія по восточной Сибири, были напечатаны въ «Русск. Обзорѣніи» 1891 г., № 1. Въ собраніе сочиненій онѣ не вошли.

Превратность судьбы, очеркъ. Послѣднее произведеніе Гончарова, написанное за нѣсколько недѣль до кончины. Авторская дата: «20 августа 1891 года». Дѣйствіе очерка относится къ 20-ымъ годамъ XIX столѣтія.

Александръ Павловичъ, императоръ. — Витбергъ. — Дибичъ. — Загрусско. — Константинъ Павловичъ. — Сивковъ. — Углицкій. — Хабаровъ. — Хозяйка. — Хозяинъ дома. — Штукинъ.

Счастливая ошибка. Самое раннее изъ извѣстныхъ произведеній Гончарова; появилось въ 1839 г. «для немногихъ» въ рукописномъ сборникѣ майковскаго литературнаго кружка «Лунныя ночи». Представляетъ эскизъ къ «Обыкн. Исторіи». Произведеніе это любопытно не столько само по себѣ, сколько потому, что указываетъ, что идея «Обыкн. Ист.» уже въ 1839 г. занимала Гончарова и ея образы тревожили его воображеніе. А. А. Мазонъ, опубликовавшій повѣсть (въ чешскомъ филологическомъ журналѣ: *Casopis pro moderní filologii v Praze*. 1911) замѣчаетъ, что въ этой повѣсти лежитъ зародышъ

большей части позднѣйшихъ произведеній Гончарова»: «Егоръ (герой эскиза) и Александръ Адуевы—это родные братья, столь похожіе другъ на друга характеромъ, что ихъ даже нельзя различить», а Егоръ Адуевъ въ тоже время «родной братъ Обломова» и въ его словахъ уже слышится рѣчь Обломова».

Слуги стараго вѣна—эскизы. Подзаголовокъ: «изъ домашняго архива». Распадаются на четыре отдѣльныхъ очерка 1) «Валентинъ»; 2) «Антонъ»; «Степанъ съ семьей» и 4) «Матвѣй»; напечатаны въ журналѣ «Нива» 1888 г. Очеркамъ предпослано любопытное въ автобиографическомъ отношеніи предисловіе («вмѣсто предисловія»).

Акимъ. — Антонъ. — Архіерей. — Валентинъ. — Василій. — Дьяконъ Еремѣй (Никита). — Егоровъ. — Иеронимъ, ксендзъ. — Лиза. — Максимъ. — Матвѣй. — Матвѣя-кумъ. — Матрена. — Петруша. — Петръ. — Прохорова. — Священникъ. — Степанъ. — Схимникъ.

«Фрегатъ Паллада», очерки путешествія въ 2-хъ томахъ. «Очерки» составились изъ ряда писемъ, адресованныхъ къ друзьямъ (Майковымъ, В. Г. Бенедиктову и др.), написанныхъ во время плаванія. Очерки въ томъ видѣ, какъ они обыкновенно печатаются, не имѣютъ хронологическаго порядка, такъ напр., первый вступительный очеркъ написанъ позднѣе всѣхъ и носитъ авторскую помѣтку: «іюнь 1854 г. на шкунѣ Востокъ». Всѣхъ очерковъ—17. Появленіе очерковъ въ печати относится къ 1855 г., когда Гончаровъ вернулся въ Спб., при чемъ они печатались въ разныхъ журналахъ и потомъ дополнялись и перерабатывались для отдѣльнаго изданія. Первымъ былъ напечатанъ очеркъ IV-ый 2 тома «Ликейскіе острова» въ «Отеч. Зап.» 1855 г. Затѣмъ появился въ «Морск. Сб.» очеркъ «Отъ Маниллы до береговъ Сибири» и «Манилла», «Отеч. Зап. 1855 г., «Русскіе въ Японіи въ концѣ 1853 и началѣ 1854 годовъ» печатались въ «Морск. Сб.» 1855 г. и тогда же вышли отд. изд. и т. д. Въ 1858 г. появилось полное изданіе очерковъ подъ заглавіемъ «Фр. Пал.». См. въ «Спискѣ»: «Паллада» и Приложение 3-ье: «Мѣсто дѣйствія».

А. — А. А. Б. — А. о. — Аввакумъ, о. — Адмиралъ. — Авелло. — Агапка. — Александра. — Альфордоръ. — Атласовъ. — Ача. — Аюнька. — Б. Б. К. — Б. Ш. — Б—инъ. — Баба-Городзай. — Базилю-донъ. — Банюсы. — Бенъ. — Беттельгеймъ. — Бонемъ. — Буфетчикъ. — Бушковъ. — В. — В. А. К. — Вампоа. — Вандикъ. — Ванюшка. — Ведерхедъ. — Вейнертъ. — Вельчь. — Витулъ. — Г. — Г—ичъ. — Генераль-губернаторъ. — Губернаторъ. — Губернаторъ-Демьень, м-г. Джердинъ. — Динакуръ. — Докторъ. — Дональдъ. — Донкеръ. — Дормидонтъ. — Дюпинъ. — Дѣвушка. — «Дѣдъ». — Загѣй. — Засѣдатель. — Епископъ. — И. В. Ф. — И. П. — И. П. Б. — Иванъ. — Иванъ Григорьевъ. — Испанецъ. — Испанка. — К. — К. Л. — Кавадзи. — Канингамъ. — Капитанъ. — Кармена. — Каролина. — Кичибе. — Комендантъ. — Кроунъ. — Кузьминъ. — Кэптенъ. — Л. А. П. — Леру. — Льода. — М. З. — Мальчишка. — Маргарита. — Матабе. — Маттисонъ. — Матросъ. — Мерфоръ. — Мизно Чикогоно. — Миссионеры. — Михелька Кернъ. — Монахъ. — Мотыгинъ. — Н. Н. — Н. Н. М. — Накамура. — Нарабойси. — Начальникъ порта. — Негоциантъ. — Негритянка. — Новичелисъ. — О. А. — Ососаво Бунгоно. — П. — П—тъ. — П. А. — П. А. Т. — Паисовъ. — Пасторъ. — Перевозчицы. — Писаръ. — Плотниковъ. — Полковникъ. — Полномочные. — Приказчикъ. — Р. К. — Реми. — Ричардъ. — Рулевой. — С. — Садагора. — Самбро. — Священникъ. — Севри. — Сейоло. — Секретари. — Симабара. — Синсура. — Слуги. — Смотритель станціонный. — Старикъ. — Стоксъ. — Съоза. — Т. — Тайтинъ-Ванъ. — Таутай Самква. — Терентьевъ. — Тимосей. — Тсуй. — Ферстфельдъ. — Фогъ. — Шейнъ. — Хагивари-Матаса. — Чиновникъ. — Шведовъ. — Эйноске. — Этола. — Янценъ. — Ясиро. — Эадеевъ. — Феодоровъ.

Художникъ—первоначальное названіе «Обрыва». Подъ названіемъ «Художникъ» романъ былъ извѣстенъ въ гончаровскомъ кружкѣ.

«Эпизоды изъ жизни Райснаго». Подъ такимъ заглавіемъ печатались въ «Современникѣ» 1860 г. и «Отечеств. Зап.» 1861 г. отрывки изъ неоконченнаго еще «Обрыва»: «Софья Николаевна Вѣловодова», «Бабушка» и «Портретъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ГОНЧАРОВА.
- 2) СВОДЪ НАРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ИМЕНЪ И ВЫРАЖЕНІЙ.
- 3) МЪСТО ДѢЙСТВІЯ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ГОНЧАРОВА.
- 4) АВТОБІОГРАФІЯ.
- 5) ГОНЧАРОВЪ ВЪ КРИТИКѢ.
- 6) ГОНЧАРОВЪ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.
- 7) ГРУППИРОВКА ТИПОВЪ.
- 8) ПРОТОТИПЫ.
- 9) ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Главнѣйшіе источники для изученія Гончарова ¹⁾.

а) **Сочиненія Гончарова.** До 1883 г., когда право собственности на всѣ сочиненія Гончарова, было приобрѣтено книгоиздательской фирмой И. Глазунова, отдѣльныя произведенія писателя выдержали по нѣсколько изданій: «Обыкновенная Исторія». Спб. 1848, 1858, 1862 и 1868 г. (четыре изданія); «Обломовъ». Спб. 1859 г. и 1862 г. (два изданія). «Фрегатъ Паллада». Спб. 1858, 1862, 1879 г. (три изданія); «Обрывъ». Спб. 1870; «Четыре очерка». Спб. 1881 г. Первое изданіе (И. Глазунова) полного собранія сочиненій Г. появилось въ 8 т. Спб. 1884 г. ²⁾. Второе изд. дополнено девятымъ томомъ («Воспоминанія») Спб. 1889 г. Третье: 9 т. Спб. 1896 г. Четвертое изданіе въ 12 т. Спб. 1899 г. дано было въ видѣ «Приложенія» къ журналу «Нива». Пятое изданіе (той же фирмы), Спб. 1912 г. 9 т., менѣе полно, чѣмъ изданіе приложенное къ «Нивѣ» и, какъ всѣ предъидущія, лишено всякихъ комментарий ³⁾. Кромѣ перечисленныхъ изданій, томы сочиненій, содержащіе очерки «Фрегатъ Паллада», поступали въ отдѣльную продажу; «Милліонъ терзаній» и «Обломовъ» вышли также въ отдѣльныхъ изданіяхъ, войдя въ составъ «Классной Библіотеки», издаваемой фирмой Глазунова, подъ редакціей А. Н. Чудинова.

б) Автобіографіи.

См. ниже—Приложеніе 4-ое.

в) Библіографія:

Венгеровъ, С. А. Сочиненія, изд. «Прометей». Спб. 1911 г., т. VI, стр. 234—253.

¹⁾ Въ настоящій сводъ не внесены изслѣдованія, касающіяся отдѣльныхъ произведеній Гончарова и его взаимоотношеній къ отдѣльнымъ лицамъ. Первые стмѣнены въ «Перечнѣ» подъ рубрикой, соответствующей произведеніямъ.

²⁾ О полномъ изданіи своихъ сочиненій Гончаровъ подумывалъ еще въ 1874 г. (см. Сборникъ «Памяти Бѣлинскаго», стр. 379, письмо Гончарова къ М. М. Стасюлевичу), но его желаніе осуществилось лишь послѣ того, какъ книгопродавецъ Глазуновъ приобрѣлъ у Гончарова за сорокъ тысячъ рублей право на изданіе его сочиненій.

³⁾ По указанію С. А. Венгерова (Сочин., т. VI, стр. 234—2) не вошли слѣдующія произведенія Г—а: «Счастливая ошибка», повѣсть (см. «Перечень»), «По Восточной Сибири» («Русск. Об.», 1891 г., № 1), «Намѣренія, задачи и идея «Обрыва» (Ibidem, 1895 г., № 1), статьи по литературнымъ вопросамъ изъ «Современника», некрологъ В. Майкова (Соврем., 1847 г.), отзывъ о «Грозѣ» Островскаго (см. списокъ: Островскій), письмо по поводу «Пушк. праздника» («Моск. Вѣд.», 1880 г., № 146); замѣчанія на переводъ К. Р. «Гамлета», «Нов. Вр.», 1902 г., № 9361; «Записка о «Моск. Вѣд.», «Русск. Вѣстн.», 1889 г., № 3, анонимныя статьи изъ «Сѣверной Почты» 1862—63 г.г. и «Голоса» (послѣднія приведены А. А. Мазономъ, «Р. Стар.», 1911 г., № 10), а также литературный дебютъ Гончарова въ «Телескопѣ», — переводъ романа Евгенія Сю. Не вошла и переписка Гончарова, см. выше, «Перечень» — «Нарушеніе воли».

- Венгеровъ, С. А.** Источники для словаря русских писателей. Спб. 1910 г., т. II.
Ляцкий, Е. А. Изъ литературы о Гончаровѣ въ книгѣ «Гончаровъ». Спб. 1912 г. Изд. «Огни».
Языковъ, Д. Д. Обзоръ трудовъ русск. писателей. Спб. 1909 г., вып. XI.

г) Біографія:

- Венгеровъ, С. А.** Біогр. очеркъ Гончарова, при сочиненіяхъ Г—а. Спб. 1899 г., изд. А. Маркса, т. I.
Ляцкий, Е. А. Гончаровъ. Изд. 2-ое. Спб. 1912 г.
Мазонъ, А. А. Матеріалы для біографіи Г—ва. «Русск. Стар.» 1911 г., №№ 3, 10, 11; 1912 г., № 1, 6.
Майновъ, Л. Н. Ссора между Г—ымъ и Тургеневымъ. «Русск. Ст.» 1900 г., №
Сакулинъ, П. Н. Новая глава изъ біографіи Г—а. «Голосъ Мин.» 1913 г., № 11.
Соловьевъ, Е. А. И. А. Гончаровъ (біограф. бібліотека Павленкова). Спб. 1895 г.
Суперанскій, М. Ѳ. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи. «Вѣстн. Евр.» 1907 г., № 2; 1908 г., №№ 11 и 12. «Воспитаніе Г—а». «Р. Школа». 1912 г., №№ 5—8. «Г—ъ за границей». «Ист. Вѣстн.» 1912 г., № 6. Гончаровская выставка въ Симбирскѣ. Симб. 1912 г.
Филоновъ, А. Очеркъ при собраніи сочиненій Г—а. Спб. 1899 г., т. I. Матеріалы для біографіи Г—а. «Литер. Вѣстн.» 1901 г., № 6. Памятная книжка Симбирской губ. на 1868 г., стр. 312—321.

д) К р и т и к а:

- Айхенвальдъ, Ю. И.** Силуэты р. писателей. М. 1909 г., т. I.
Анненскій, И. Ѳ. Книга отраженій. Спб. 1906 г.
Арсеньевъ, К. К. Критическіе этюды. Спб. 1888 г., т. II.
Буренинъ, В. П. Критическіе этюды. Спб. 1888 г.
Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія, изд. К. Солдатенкова, т. XI.
Венгеровъ, С. А. Гончаровъ. Литерат. портретъ. Сочин. В—а. Спб. 1912 г. Изд. «Прометей», т. VI.
Веселовскій, Алексѣй Ник. Западное вліяніе въ русск. литературѣ. 4-ое изд. М. 1910.
Вѣтринскій, Ч. И. А. Гончаровъ. Изд-во «Нижегородскій Ежегодникъ», Н.-Новгородъ. 1912.
Григорьевъ, А. А. Сочиненія. Спб. 1876 г., т. I («Тургеневъ и его дѣятельность»)
Добролюбовъ, Н. А. Сочиненія. Спб. Изд. 7-ое, т. II.
Дружининъ, А. В. Сочиненія. Спб. 1865 г., т. VII.
Зелинскій, В. Русская крит. литература о произвед. Гончарова. М.
Золотаревъ, С. А. Очерки по истории русской литературы 40—60-хъ годовъ. Натуральная школа. Спб. 1911 г.
Коробка, Н. И. Опытъ обзора р. литерат. XIX вѣка. Спб. 1907 г.
Лемке, М. К. Эпоха цензурныхъ реформъ. Спб. 1904 г. и «Очерки по ист. русск. цензуры и журналистики XIX стол. Спб. 1904.
Ляцкий, Е. А. Гончаровъ. Спб. 1912 г., 2-ое изд.
Мережковскій, Д. С. «Вѣчные спутники». Спб. 1906 г. и въ «Сочин. М—аго», изд. «Т-ва М. О. Вольфъ», Спб. 1912 г., т. XIII.
Миллеръ, О. Ф. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Изд. 5-ое, т. II.
Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Ист. русск. интеллигенціи. 2 изд. М. 1907 г., т. II и въ Сочин. О.-К. Спб. 1910 г., т. VII.

- Острогорскій, В. П.** Этюды о русских писателяхъ. 2-ое изд. Спб., 1910 г.
Писаревъ, Д. И. Сочиненія. Спб. 1906 г., т. I.
Покровскій, В. И. Сборникъ ист. литер. статей о Гончаровѣ. М. 1905 г.
Протопоповъ, М. М. Г—ъ. «Русск. Мысль» 1891 г., № 11.
Скабичевскій, А. М. Сочиненія, 3-е изд. Спб. 1903 г., т. I и II.
Чернышевскій, Н. Г. Сочиненія, т. II. Спб. 1906 г.
Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія, т. II, 3-е изд. Спб. 1904 г.

е) Характеристика эпохи:

- Барсуновъ, Н. М.** Жизнь и труды М. П. Погодина.
Головинъ, К. Ѳ. Русский романъ и русск. общество. Спб. 1904 г., 2 изд.
Ивановъ-Разумникъ, А. И. Ист. р. общ. мысли. Спб. 1908 г. (2-е изд.), т. I.
Кирпичниковъ, А. И. Очерки по ист. новой р. литературы. М. 1903 г.
 (2 изд.).
Пыпинъ, А. Н. Бѣлинскій. Спб. 1908 г., изд. 2-ое.
Чешихинъ, В. Е. Литер. и крит. движеніе въ 60-хъ годахъ XIX ст. «Ист. р. литер.», ред. Овс.-Куликовского, т. 3.

ж) Воспоминанія:

- Боборынинъ, П. Д.** Изъ воспоминаній. «Р. Вѣд.». 1891 г.
Военскій, К. А. Гончаровъ-цензоръ (неизд. матеріалы). «Р. Вѣстн.». 1905 г., № 4.
Головачева-Панаева, А. Я. Воспоминанія. Спб. Изд. Губинскаго.
Гончаровъ, А. Н. Воспоминанія (опубликованы М. Суперанскимъ) въ «В. Евр.» 1908 г., № 11 и 12).
Григоровичъ, Д. В. «Литературныя воспоминанія». Сочин., т. XII. Спб. 1896 г.
И. К. «Изъ воспоминаній объ И. А. Г—ѣ». «Русск. Обозр.», 1898 г., № 3.
Кони, А. Ѳ. Отрывки изъ личныхъ воспоминаній о Г—вѣ. «Р. Слово». 1911 г., № 295.
Линденъ, А. М. Записки, «Русск. Стар.», 1905 г., № 4.
Никитенко, А. В. Записки. Спб. 1904 г., изд. 2-ое М. Пирожкова.
Панаевъ, И. И. Сочиненія, т. VI. Спб. 1896 г.
Потанинъ, Г. Н. Воспом. объ И. А. Г—ѣ. «Ист. Вѣстн.», 1903 г. № 4. ¹⁾
Спасская, В. Встрѣча съ И. А. Г—ымъ. «Русск. Стар.», 1912 г., № 1.
Щ. П. Г—ъ цензоръ Пушкина. «Голосъ земли», 1912 г., № 20.
Шпицеръ, С. Восп. о Г—ѣ. «Биржев. Вѣд.», 1907 г., № 10151 ²⁾.
Шпицеръ, С. «Послѣдніе годы Г—а». «Бирж. Вѣд.», вечерн. вып., 5 июня 1912 г. «Ист. Вѣстн.». 1911 г., № 11. Отд. изд. Спб. 1912 г.
Штакеншнейдеръ, Е. А. «Изъ записокъ». «Р. Вѣстн.», 1901 г., №№ 5 и 7.
Шумахеръ, А. Д. Воспоминанія. «Вѣстн. Евр.». 1899 г., № 3.

¹⁾ Неточности въ «Воспоминаніяхъ» отмѣчены въ статьѣ М. Ѳ. Суперанскаго, «Вѣстн. Евр.», 1907 г.; II, стр. 578—79.

²⁾ Возраженія на нихъ М. М. Стасюлевича и А. Ѳ. Кони, «Вѣстн. Евр.», 1907 г., № 11.

Сводъ нарицательныхъ именъ и выражений.

Вещественные знаки... невещественныхъ отношеній («Обыкн. Ист. I, 2).

Деревянная жизнь! («Обыкн. Ист., I, 2).

Жизнь хуже ста смертей (Эта жизнь хуже...) А. Адуевъ, «Об. Ист.»,

I, 6.

Занрой клапанъ! (т. е. умѣрь свои чувства, «Обыкн. Ист.», I, 3).

Истуканное равнодушіе («Обыкн. Ист.», II, 4).

Крокодила объѣлся («Литер. вечеръ»).

Неудачникъ («Обрывъ. См. выше—Райскій»).

Обломовщина («Обломовъ»).

Обнатуренный («Фрег. Пал., II, 9).

Опухоль въ нарманъ («Обломовъ»).

Сахарный марнизъ («Обрывъ»—Волоховъ о Ватутинѣ).

Секретъ супружескаго счастья («Об. Ист., I, 6).

Синіе очки («Литер. веч.»).

Сухое занятіе (Служба—занятіе сухое, въ которомъ не участвуетъ душа)...

А. Адуевъ, «Обыкн. Ист.», I, 2).

Трактирный либераль («Обрывъ», IV, 14).

Фабрика бумагъ (А. Адуевъ о канцеляріи, «Обыкн. Ист.», I, 2).

Чернорабочій въ искуствѣ («Обыкн. Ист.», I, 2).

Черныя подозрѣнія («Обыкн. Ист.», I, 3).

Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Гончарова.

На родинѣ:

- Аянь:** «Фрег. Пал.», II, 7.
Витима: «Фрег. Пал.», II, 8.
Деревня: Грачи.—«Об. Ист.», I, 1; II, 6.—Обломовка, I, 9.—Верхлёво (Облом. I, 9; II, 1).—Малиновка («Обрывъ», I, 7—11; II, 1—22; II, 1—23; IV, 1—15; V, 1—24).
Киренскъ: «Фрег. Пал.», II, 8.
Иркутскъ: «Фрег. Пал.», II, 9.
Москва: «Обрывъ» I, 12. «Изъ университетскихъ воспоминаній».
Олекма: «Фрег. Пал.», II, 8.
СПБургъ: «Ив. Сав. Поджабринь».—«Об. Ист.», I, 2—6; II, 1—5.—Эпиграммъ.—«Литературный вечеръ».—«Слуги».—«Превратность судьбы».—«Май мѣсяцъ въ Петербургѣ». «Обрывъ» I, 1—6; II, 13—18.
Симбирскъ: «На родинѣ».
Янутскъ: «Фр. Пал.», II, 8.

За границей:

- Англія** (Лондонъ, Портсмутъ): «Фрег. Пал.», I, 1.
Батанъ, островъ: Ib., I, 8; II, 6.
Бонинъ-Сима острова (портъ Ллойдъ): Ib., I, 8.
Гамильтонъ, островъ: Ib., II, 6.
Гонъ-Конгъ: Ib., I, 7.
Доброй Надежды, мысъ (Самонсбей, Саймонстоунъ, Капштадтъ, Капская колонія): Ib., I, 4.
Зеленаго Мыса острова (г. С.-Яго и Порто-Прайя): Ib., I, 3.
Камигуинъ, островъ (портъ Піо-Квинто): Ib., II, 6.
Китай (Сѣдельные острова, Шанхай): II, 2.
Корея: Ib., II, 6.
Ликейскіе острова (г. Чуди, портъ Напа-Кіянъ): Ib., II, 4.
Мадера, островъ (г. Фунчалъ): Ib., I, 2.
Филиппинскіе острова (Манилла): Ib., II, 5.
Сингапуръ: Ib., I, 6.
Ява, островъ (Анжеръ): Ib., I, 5.
Японія (Нагасаки): Ib., II, 1, 3 и 6.

Автобіографія.

«И. А. Гончаровъ родился въ Симбирскѣ въ 1812 г. ¹⁾; первоначальное образованіе получилъ въ дѣтствѣ въ небольшихъ частныхъ пансіонахъ ²⁾ и, между прочимъ, у одного священника за Волгой, въ помѣщицьемъ селѣ. Здѣсь, у жены священника, нѣмки ³⁾, принявшей православіе, онъ положилъ основаніе изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ, а найденныя въ бібліотекѣ священника сочиненія Ломоносова, Державина и другихъ, также описанія нѣкоторыхъ путешествій заронили въ немъ первыя—охоту къ чтенію, а послѣднія—желаніе, конечно, тогда еще неясное и безсознательное, видѣть описанныя въ путешествіяхъ дальнія страны ⁴⁾. До поступленія въ Московскій университетъ, не руководимый почти никѣмъ въ выборѣ чтенія, онъ читалъ все, что попадалось подъ руку, между прочимъ, произведенія французскихъ беллетристовъ господствовавшей тогда школы и переводилъ на русскій языкъ романъ «Атаргюль», отрывокъ изъ котораго былъ помѣщенъ въ журналѣ «Телескопъ» за 1832 г. Но скоро, однако, онъ отрезвился отъ вліянія современной французской литературы, какъ чтеніемъ образцовъ англійской и нѣмецкой литературъ, такъ и знакомствомъ съ древними историками и поэтами въ университетѣ, въ словесномъ отдѣленіи, слушая съ жадностью увлекательныя лекціи, исторіи иностранныхъ литературъ, исторіи изящныхъ искусствъ и археологіи—профессоровъ Шевырева и Надеждина, римскихъ и греческихъ древностей—Снегирева и Ивашковскаго; исторіи всеобщей и русской—Каченовскаго и Погодина, русской словесности—профессора Давыдова ⁵⁾. Продолжая изучать новѣйшіе языки, между прочимъ, англійскій, а также древній латинскій и отчасти греческій, и руководствуясь лекціями ученыхъ и даровитыхъ профессоровъ, Гончаровъ, систематически, съ

¹⁾ Метрическое свидѣтельство Гончарова было затеряно и потому годъ и мѣсяцъ рожденія писателя не былъ установленъ, хотя, и въ первой, и во второй автобіографіи, Гончаровъ самъ называлъ годомъ своего рожденія 1812 годъ. Біографы Гончарова относили дату его рожденія, то къ 6 іюля 1812 г., то къ 6 іюля 1813 г. Съ опубликованіемъ М. Θ. Суперанскимъ «Лѣтописца» (см. «Списокъ») и выписей изъ метрическихъ книгъ симбирской Вознесенской церкви («Вѣстн. Евр.» 1908, XI, XII) дата—6 іюня 1812 года—можетъ считаться точно установленной.

²⁾ Въ біографіяхъ Гончарова говорится лишь о пансіонѣ священника за Волгой. А между тѣмъ, въ приводимомъ отрывкѣ изъ письма Гончарова къ брату, онъ самъ даетъ характеристику этихъ пансіоновъ.

³⁾ Біографы Гончарова почему-то именуютъ ее француженкой.

⁴⁾ Въ первой автобіографіи Гончаровъ подробнѣе останавливается на авторахъ книгъ, прочитанныхъ въ дѣтствѣ: «...первыя книги, попавшіяся Гончарову въ руки, въѣ классовъ, были сочиненія Державина, которыя онъ и переписывалъ, и училъ наизусть, потомъ Фонвизина «Недоросль» («Бригадира» не давали), Озерова и Хераскова (послѣдняго и тогда одолѣть онъ не могъ, несмотря на дѣтскую неразборчивость), далѣе, нѣсколько дѣтскихъ книжекъ естественной исторіи, наконецъ путешествіе Кука вокругъ свѣта и Крашенинникова въ Камчатку. Тутъ же, находя въ лакейской дома у себя сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ, Бовѣ Королевичѣ и другія, читалъ и ихъ. И такъ, чтеніе продолжалось безъ системы, безъ указанія, съ поглощеніемъ всего болѣе романовъ (Коттегъ, Жанлисъ, Ратклифъ въ чудовищныхъ переводахъ), путешествій, списаній неслыханныхъ происшествій, всего, что болѣе дѣйствуетъ на воображеніе».

⁵⁾ Объ «увлекательныхъ лекціяхъ» Давыдова Гончаровъ совершенно иначе называется въ своихъ «Воспомяніяхъ». Ср. Давыдовъ въ «Спискѣ».

помощью критическаго анализа, изучилъ образцовыя произведенія иностранныхъ и отечественныхъ писателей. Между тѣмъ, съ другой стороны, живое непосредственное вліяніе на общество Карамзина и Пушкина, бывшаго тогда, въ зенитѣ своей славы, не могло не подѣйствовать благотворно и на кругъ молодыхъ студентовъ Московскаго университета, въ томъ числѣ и на него.

«Кончивъ курсъ, Гончаровъ въ 1835 году перешелъ на службу въ Петербургъ, въ министерство финансовъ, гдѣ вскорѣ занялъ должность переводчика иностранной переписки, и продолжалъ заниматься литературою, т.-е. читать, переводить, дѣлать извлеченія, преимущественно изъ нѣмецкихъ и англійскихъ писателей, для себя, въ видѣ упражненій, пока безъ намѣренія печатать. Онъ сблизился съ нѣкоторыми домами, любившими литературу, и пробовалъ силы въ домашнихъ сборникахъ, составляемыхъ изъ сочиненій небольшого круга друзей ¹⁾. Около двухъ тогдашнихъ журналовъ, «Библіотеки для чтенія» и «Отечественныхъ Записокъ», группировалось все, что было даровитаго въ литературѣ. Гончаровъ познакомился съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, сначала просто въ качествѣ любителя, а, потомъ, отдалъ на судъ Бѣлинскаго первый свой романъ «Обыкновенная исторія», который былъ помѣщенъ въ возобновленномъ, послѣ смерти Пушкина, подъ редакціею Панаева и Некрасова, журналѣ «Современникъ» въ 1847 г. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ легкій юмористическій очеркъ «Иванъ Саввичъ Поджабринъ». Въ 1849 году, въ изданномъ подъ редакціею «Современника» литературномъ сборникѣ ²⁾, напечатанъ былъ отрывокъ изъ романа «Обломовъ», подъ заглавіемъ «Сонъ Обломова».

«Въ 1852 году бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія ³⁾ неожиданно предложено было Гончарову мѣсто секретаря при начальникѣ экспедиціи, снаряженной правительствомъ для обозрѣнія россійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ и для заключенія торговаго трактата съ Японіей. Онъ съ радостью принялъ предложеніе, которое вдругъ пробудило его завѣтную, почти покинутую мечту о дальнемъ путешествіи. По возвращеніи, послѣ двухъ съ половиной лѣтъ плаванія по морямъ и путешествія отъ Охотскаго моря черезъ Сибирь, Гончаровъ въ 1855 и 1856 годахъ напечаталъ описаніе этого путешествія по частямъ въ «Морскомъ Сборникѣ», «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ 1857 году издалъ отдѣльною книгою въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Фрегатъ Паллада», которое въ 1862 году вышло вторымъ изданіемъ, всего въ числѣ шести тысячъ экземпляровъ. Между тѣмъ, онъ перешелъ на службу министерства народнаго просвѣщенія на должность цензора въ 1856 году, которая почти не оставляла ему свободнаго времени для прочихъ занятій. Усидчивая работа вмѣстѣ съ петербургскимъ климатомъ вредно подѣйствовали на его здоровье и принудили прибѣгнуть къ пособію минеральныхъ водъ.

«Во время четырехмѣсячныхъ каникулъ за границею онъ успѣлъ докончить давно начатый романъ «Обломовъ», который появился въ печати въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1859 г. и въ томъ же году отдѣльною книгою, а потомъ, въ 1862 году, вторымъ изданіемъ. Въ 1862 году, Гончаровъ назначенъ былъ главнымъ редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная почта», а въ слѣдующемъ—перешелъ на должность члена совѣта того же министерства по дѣламъ печати. Послѣ романа «Обломовъ» онъ напечаталъ три отрывка изъ неоконченнаго и неизданнаго романа «Райскій» въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ», подъ заглавіемъ «Софья Николаевна Бѣловодова», «Портретъ» и «Бабушка».

¹⁾ См. въ «Спискѣ»: Майковы и «Лунныя ночи».

²⁾ См. въ Спискѣ: «Иллюстр. Альманахъ».

³⁾ А. С. Норовымъ.

Ранѣ этой автобіографіи, напечатанной въ «Сборникѣ Истор. матеріаловъ Симбирской губерніи» (Симбирскъ 1868 г.)¹⁾, появилась въ печати автобіографія Гончарова въ «Русск. Худ. Листкѣ» Тимма за 1859 г.²⁾, написанная по просьбѣ редакціи журнала. На просьбу брата, Н. А. Гончарова,—бывшаго въ 1864 г. редакторомъ «Симб. Губ. Вѣдомостей» — прислать біографію для «Памятной книжки Симб. губ.», Иванъ Александровичъ отмѣтилъ, что братъ можетъ перепечатать «цѣликомъ, не прибавляя ни одной буквы», автобіографію изъ «Худ. Листка». Однако, т. к. въ Симбирскѣ могло не оказаться номера стараго журнала, Гончаровъ сообщалъ брату почти то же самое, что было напечатано въ «Листкѣ», кратко упоминая о своей литературной дѣятельности и послѣ 1859 г. Въ письмѣ къ брату, лишь недавно опубликованномъ и являющемся цѣннымъ дополненіемъ къ автобіографіи, Гончаровъ писалъ: «Скажу тебѣ откровенно, меня удивляетъ немного это помѣщеніе біографій, да еще подробныхъ, въ мѣстномъ календарѣ сочинителей, особенно такихъ, напримѣръ, какъ твой возлюбленный братецъ... Другое дѣло—Карамзинъ... Ты вдругъ требуешь полной моей біографіи, съ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на развитіе во мнѣ—чего? охоты писать? Вонъ ты упомянулъ и о томъ, что забылъ фамилію какой-то чиновницы, содержавшей пансіонъ, куда насъ возили учиться читать и писать: да, это въ самомъ дѣлѣ жаль—какая потеря для потомства и человѣчества вообще, что оно не узнаетъ, гдѣ учился выводить азы такой великій человѣкъ, какъ я? Ужъ ежели вспомнишь фамилію, такъ не забудь прибавить, что она была рябая, какъ терка, злая и стегала ремнемъ по пальцамъ тѣхъ, кто писалъ криво, или высовывалъ языкъ, когда писалъ. Объ училищѣ³⁾ я тоже не упомянулъ ничего въ біографіи, потому что мнѣ тѣ же л о в с п о м и н а т ь о н е м ѣ , и, если-бъ пришлось вспоминать, то надо бы было помянуть лихомъ, а я этого не могу, и потому о немъ ни слова. По милости тупого и оффиціального рутинера, Тита Алексѣевича⁴⁾ мы кисли тамъ 8 лѣтъ, 8 лучшихъ лѣтъ, безъ дѣла! да, безъ дѣла. А онъ еще задержалъ меня четыре года въ младшемъ классѣ, когда я былъ тамъ лучше всѣхъ, потому только, что я былъ молодъ, т. е. малъ, а зналъ больше всѣхъ. Онъ хлопоталъ, чтобъ было тихо въ классахъ, чтобъ не шумѣли, чтобъ не читали чего-нибудь лишняго, не принадлежащаго къ классамъ, а не хватало его ума на то, чтобы оцѣнить и прогнать бездарныхъ и безтолковыхъ учителей, какъ Алексѣй Логиновичъ, который молотъ самъ не зналъ, отъ старости и отъ пьянства, что и, какъ, а только дрался линейкой, или Христіанъ Ивановичъ, вбивавшій два года склоненія и спряженія французскаго и нѣмецкаго, которыя самъ плохо зналъ; Гольтеповъ⁵⁾, заставлявшій наизусть долбить исторію Шрекка и ни разу не потрудившійся живымъ словомъ поговорить съ учениками о томъ, что тамъ написано. И какая программа: два года на французскія и нѣмецкія склоненія и спряженія, да на древнюю исторію и дроби; слѣдующіе два года на синтаксисъ, на среднюю исторію (по Кайданову, или Шрекку) да алгебру до уравненій, итого четыре года на то, на что много двухъ лѣтъ! А тамъ еще четыре года на такъ называемую словесность иностранную и русскую, т. е. на долбленіе тощихъ тетрадокъ нѣмца Валентина, плохо знавшаго по-французски Тита и отжившаго ритора Карецкаго! А потомъ вершина образованія—это quasi-естественныя науки у того же пьянаго Алексѣя Логиновича, т. е. тощія тетрадки, да букашки изъ домашняго сада, и лягушки, и камешки съ Дѣвичьяго поля; да самъ Титъ Алексѣевичъ препода-

1) Перепечатана въ статьѣ М. О. Суперанскаго «Вѣстн. Евр.» 1907 г., № 2, стр. 579, 582.

2) Приведена съ сопоставленіемъ второй автобіографіи въ статьѣ А. А. Мазона «Русск. Стар.» 1911 г., № 10, стр. 35—41.

3) См. «Списокъ»: «Моск. Коммерч. Училище».

4) Директоръ училища—Т. А. Каменецкій.

5) Преподаватель и секретарь совѣта—Никита Гольтеповъ.

давалъ премудрость, т. е. математику 20-лѣтнимъ юношамъ и хлопоталъ пуще всего, чтобъ его боялись!

Нѣтъ, мимо это милое училище! Съ благодарностью упомяну о Ѳ. С. Троицкомъ ¹⁾, у котораго жена-нѣмка, знавшая и по-французски, положила основаніе иностраннымъ языкамъ, да тамъ же я нашелъ нѣсколько книгъ, которыя и заронили во мнѣ охоту къ чтенію. А затѣмъ все сдѣлали: во-первыхъ, университетъ, т. е. Надеждинъ, Шевыревъ, Каченовскій, Погодинъ, Давыдовъ, потомъ вліяніе Пушкина и Карамзина, господствовавшаго въ обществѣ, наконецъ, Петербургъ живая современная литература». [«Новое Время». Ил. Прилож. 1912 г.]. Дополненіемъ къ автобіографіи являются также очерки и эскизы: «Воспоминанія», «Замѣтки о личности Бѣлинскаго», «Лучше поздно — чѣмъ никогда», «Слуги». Ср. Перечень: «Воспоминанія».

¹⁾ Ѳ. С. Троицкій—тотъ самый священникъ изъ села за Волгой, о которомъ анонимно упоминаетъ Гончаровъ въ своей автобіографіи.

Гончаровъ въ критикѣ.

При оцѣнкѣ перваго гончаровскаго романа Бѣлинскій указалъ на особенности таланта и творчества Гончарова. Эти особенности, отмѣченныя Бѣлинскимъ (художественная изобразительность и объективность), легли въ основу послѣдующихъ оцѣнокъ гончаровскаго таланта и творчества.

Опредѣляя свойства таланта Гончарова, Бѣлинскій писалъ: «Онъ—поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство—и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самого таланта и составляетъ его силу; у Гончарова нѣтъ ничего кромѣ таланта, онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ, художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собой другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны».

«Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своей способностью рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ». «Главная сила таланта Гончарова— всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ, на примѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева»... «Въ талантѣ Гончарова—поэзія агентъ первый, главный и единственный»... [Бѣлинскій. «Взглядъ на русск. литерат. 1847 г.»].

Любопытно сопоставить характеристику творчества Гончарова, данную Бѣлинскимъ, съ характеристикой Добролюбова. Высказывая свои взгляды по поводу Обломова, Добролюбовъ признавалъ, что «въ отношеніи къ Гончарову болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому автору, критика обязана изложить общіе результаты, выводимые изъ его произведеній. Есть авторы, которые сами на себя берутъ этотъ трудъ, объясняясь съ читателемъ относительно цѣли и смысла своихъ произведеній. Иные и не высказываютъ категорически своихъ намѣреній, но такъ ведутъ весь рассказъ, что онъ оказывается яснымъ и правильнымъ олицетвореніемъ ихъ мысли. У такихъ авторовъ каждая страница бьетъ на то, чтобы вразумить читателя, и много нужно недогадливости, чтобы не понять ихъ... За то плодомъ чтенія ихъ бываетъ болѣе или менѣе полное (смотря по степени таланта автора) согласіе съ идеею, положенною въ основаніе произведенія. Остальное все улетучивается черезъ два часа по прочтеніи книги. У Гончарова совсѣмъ не то. Онъ вамъ не даетъ, и повидимому не хочетъ дать, никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служитъ для него

не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямою цѣлью сама по себѣ. Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа: это ужъ ваше дѣло. Ошибетесь—пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе и ручается только за его сходство съ дѣйствительностью; а тамъ ужъ ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ: онъ къ этому совершенно равнодушенъ. У него нѣтъ и той горячности чувства, которая инымъ талантамъ придаетъ наибольшую силу и прелесть». «Талантъ его неподатливъ на впечатлѣнія. Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваться и вслушиваться, задумается... Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько... Но вотъ онъ начинаетъ чертить что-то... Вы холодно всматриваетесь въ неясныя еще черты... Вотъ онѣ отдѣляются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе... и вдругъ, неизвѣстно какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаютъ предъ вами и роза, и соловей, со всей своей прелестью и обаяньемъ. Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чуется ароматъ розы, слышатся соловьиные звуки... Пойте лирическую пѣсню, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходить въ сторону: болѣе онъ ничего не прибавить... «И напрасно было бы прибавлять,—думаетъ онъ,—если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ, то что могутъ вамъ сказать слова?»...—«Въ этомъ умѣннѣе охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его — заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ превосходитъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей. Изъ нея легко объясняются всѣ остальные свойства его таланта. У него есть изумительная способность—во всякій данный моментъ остановить летучее явленіе жизни, во всей его полнотѣ и свѣжести, и держать его предъ собою до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается полной принадлежностью художника. На всѣхъ насъ падаетъ свѣтлый лучъ жизни, но онъ у насъ тотчасъ же и исчезаетъ, едва коснувшись нашего сознанія. И за нимъ идутъ другіе лучи, отъ другихъ предметовъ, и опять столь же быстро исчезаютъ, почти не оставляя слѣда. Такъ проходитъ вся жизнь, скользя по поверхности нашего сознанія. Не то у художника: онъ умѣетъ уловить въ каждомъ предметѣ что-нибудь близкое и родственное своей душѣ, умѣетъ остановиться на томъ моментѣ, который чѣмъ-нибудь особенно поразилъ его. Смотря по свойству поэтическаго таланта и по степени его выработанности, сфера, доступная художнику, можетъ суживаться или расширяться, впечатлѣнія могутъ быть живѣе или глубже; выраженіе ихъ—страстнѣе или спокойнѣе. Нерѣдко сочувствіе поэта привлекается какимъ-нибудь однимъ качествомъ предметовъ, и это качество онъ старается вызывать и отыскивать всюду, въ возможно полномъ и живомъ его выраженіи поставляетъ свою главную задачу, на него по преимуществу тратитъ свою художественную силу. Такъ являются художники, сливающіе внутренней міръ души своей съ міромъ внѣшнихъ явленій и видящіе всю жизнь и природу подъ призмой господствующаго въ нихъ самихъ настроенія. Такъ, у однихъ все подчиняется чувству пластической красоты, у другихъ, по преимуществу, рисуются нѣжныя и симпатичныя черты, у иныхъ, во всякомъ образѣ, во всякомъ описаніи отражаются гуманныя и соціальныя стремленія, и т. д. Ни одна изъ такихъ сторонъ не выдается особенно у Гончарова. У него есть другое свойство: спокойствіе и полнота поэтическаго міросозерцанія. Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно или увлекается всѣмъ одинаково. Онъ не поражается одной стороною предмета, однимъ моментомъ событія, а вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ совершенія всѣхъ моментовъ явленія, и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ. Слѣдствіемъ этого явленія, конечно, въ художникѣ болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, болѣе отчетливая въ очертаніи даже мелочныхъ подробностей, и равная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа».

По мнѣнію Добролюбова, эти подробности имѣютъ «обаятельное значеніе», и «Гончаровъ является передъ нами прежде всего художникомъ, умѣющимъ выразить полноту явленій жизни. Изображеніе ихъ составляетъ его призваніе, его наслажденіе; объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ-ли это высшій идеалъ художнической дѣятельности или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ художникѣ слабость воспримчивости? Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ, безъ оградъ и поясненій. Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это— нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей, даже въ чувствахъ. Приписывать автору слабую степень воспримчивости потому только, что впечатлѣнія не вызываютъ у него лирическихъ восторговъ, а молчаливо кроются въ его душевной глубинѣ— несправедливо. Напротивъ, чѣмъ скорѣе и стремительнѣе высказывается впечатлѣніе, тѣмъ чаще оно оказывается поверхностнымъ и мимолетнымъ. Примѣровъ мы видимъ множество на каждомъ шагу въ людяхъ, одаренныхъ неистощимымъ запасомъ словеснаго и мимического хаоса. Если человекъ умѣетъ выдержать, взлелѣять въ душѣ своей образъ предмета и потомъ ярко и полно представить его,—это значить, что у него чуткая воспримчивость соединяется съ глубиною чувства. Онъ до времени не высказывается, но для него ничто не пропадаетъ въ мірѣ. Все, что живетъ и движется вокругъ него, все, чѣмъ богата природа и людское общество, у него все это — «какъ-то чудно живетъ въ душевной глубинѣ». Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, отражаются и по волѣ его останавливаются, застываютъ, отливаются въ твердыя недвижныя формы всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту. Онъ можетъ, кажется, остановить самую жизнь, навсегда укрѣпить и поставить предъ нами самый неуловимый мигъ ея, чтобы мы вѣчно на него смотрѣли, поучаясь или наслаждаясь». [Н. А. Добролюбовъ. «Что такое Обломовщина?»].

Дружининъ, сравнивая творчество Гончарова съ творчествомъ фламандцевъ—Доу, Ванъ-деръ Нэера и Остада—замѣчалъ, что «простой и даже скупой на вымыселъ, подобно тремъ сейчасъ названнымъ великимъ людямъ, Гончаровъ, подобно имъ, не выдаетъ всей своей глубины поверхностному наблюденію. Но, подобно имъ, онъ является глубже и глубже съ каждымъ внимательнымъ взглядомъ, подобно имъ, онъ ставитъ предъ наши глаза цѣлую жизнь данной сферы, данной эпохи и даннаго общества, для того, чтобы, подобно имъ же, навсегда остаться въ теоріи искусства и освѣщать яркимъ свѣтомъ моменты дѣйствительности, имъ уловленной». (Статья Дружинина написана въ 1859 г.).

На объективномъ изображеніи «художнически созданнаго міра» останавливается и А. А. Григорьевъ, находя, что «талантъ» Гончарова «неизмѣримо выше» его возрѣній.

Этого таланта не отрицали у Гончарова даже принципиальные противники его возрѣній. Объективность изображеній Гончарова и его художественный талантъ были всѣми признаны: на этомъ сошлись Бѣлинскій и Добролюбовъ, Чернышевскій и Дружининъ, Ап. Григорьевъ и Писаревъ и, позднѣйшіе критики, М. М. Протопоповъ и С. А. Венгеровъ. Протопоповъ указываетъ, «что объективность этого таланта прежде всего представляется въ вашихъ глазахъ» («Р. Мысль» 1891 г., № 1). С. А. Венгеровъ называетъ Гончарова «корифеемъ объективнаго романа» (Сочиненія, т. V).

Критики расходились въ оцѣнкѣ этой «объективности», но не въ признаніи ея, какъ главнаго свойства гончаровскаго таланта и творчества. Бѣ-

линскій видѣлъ въ ней «силу» Гончарова; Добролюбовъ полагалъ, что затруднителенъ категорическій отвѣтъ на вопросъ: составляетъ ли объективное творчество идеалъ художественной дѣятельности или недостатокъ? наоборотъ, Писаревъ, отдавая «дань удивленія таланту, направленному «на мелочи», не придавалъ значенія гончаровскому творчеству, лишенному «общественнаго интереса» (Соч. Писарева, т. I). За такое именно несоотвѣтствіе формы и содержанія, другой критикъ, Н. В. Шелгуновъ, не обинуясь, назвалъ Гончарова «талантливой безталантностью» («Дѣло» 1869 г., № 8). А. М. Скабичевскій, варьируя Писарева, въ свою очередь отмѣчалъ слабость мысли Гончарова («недостатокъ мыслительности», не соотвѣтствующій его изобразительнымъ способностямъ»).

Объективность творчества Гончарова признавалась и подчеркивалась всѣми названными критиками. Взглядъ на Гончарова какъ на объективнаго писателя перешелъ въ учебники, сталъ общимъ взглядомъ. Однако, новѣйшіе изслѣдователи сдѣлали успѣшную попытку новой постановки, казалось, давно рѣшеннаго вопроса.

Въ своихъ критико-біографическихъ очеркахъ, посвященныхъ Гончарову, Е. А. Ляцкій, подводя итоги «объективности» гончаровскихъ изображеній, открываетъ въ каждомъ изъ произведеній писателя отраженіе его личности, а въ біографическія черты. «Изученіе творчества Гончарова въ его цѣломъ, говоритъ названный критикъ, приводитъ насъ къ глубокому убѣжденію въ томъ, что передъ нами одинъ изъ наиболѣе субъективныхъ писателей, для котораго раскрытіе его «я» было важнѣе изображенія самыхъ животрепещущихъ и интересныхъ моментовъ современной ему общественной жизни. Первое давало содержаніе, второе опредѣляло національный колоритъ и форму. Гончаровъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ творческихъ натуръ, которыя совмѣщали въ своей дѣятельности въ сознательномъ гармоническомъ сочетаніи запросы современности съ индивидуальными стремленіями своего «я», имѣющаго всегда нѣчто независимое, органически вырастающее изъ психологическихъ корней личности, какъ особь, какъ характеръ. Доказательство этой мысли должно выяснитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то сплошное недоразумѣніе между Гончаровымъ и критикой, которое едва ли возможно объяснить съ иной точки зрѣнія, чѣмъ наша. Требованія, предъявлявшіяся критикой къ писателю, котораго она признавала безстрастнымъ и безпристрастнымъ изобразителемъ общественной жизни, были своего рода Прокрустовымъ ложемъ для Гончарова, сторонившагося отъ этой жизни и рисовавшаго только свою жизнь и то, что къ ней приростало» (Е. А. Ляцкій. «Гончаровъ», стр. 54). Характеризуя свойства дарованія Гончарова, тотъ же критикъ замѣчаетъ: «это былъ глубокій, своеобразный и капризный талантъ. Онъ владѣлъ писателемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ писатель имъ. На Гончаровѣ было бы удобнѣ всего построить теорію самодовлѣющаго таланта, который творитъ, не всегда справляясь съ міросозерцаніемъ писателя, инстинктивно захватываетъ шире и глубже намѣреній автора и подчасъ становится съ нимъ въ непримиримое противорѣчіе. Творчество отражаетъ эту борьбу сознательнаго начала съ инстинктомъ и обнаруживается въ романахъ страницами неровныхъ штриховъ и раздраженной или ослабѣвшей мысли. На нашихъ глазахъ прошло и проходитъ не мало непонимающихъ себя художниковъ, у которыхъ, не въ примѣръ Гончарову, сознательная мысль, замыкаясь въ узкую тенденцію, брала верхъ надъ талантомъ, и ихъ творчество выходило болѣзненнымъ и блѣднымъ. Выступая иногда слишкомъ рано на поприще общественной борьбы, они недостаточно чутко прислушивались къ органическимъ влеченіямъ своихъ еще не установившихся идеаловъ и направляли работу своей кисти въ такія области, для которыхъ художественное содержаніе было и большою роскошью и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ въ суровой борьбѣ отвлеченныхъ идей. По счастью для Гончарова, талантъ его былъ настолько великъ, что въ большинствѣ слу-

чаевъ одерживалъ верхъ надъ чуждыми ему публицистическими порывами. Талантъ этотъ былъ ограниченъ и жизнененъ вездѣ, гдѣ Гончаровъ чувствовалъ «свой грунтъ и свою ниву», но онъ же оказывался блѣднымъ и малосодержательнымъ, когда писатель брался за изображеніе мало знакомой ему набѣгавшей «новой жизни».

За этой борьбой идей и таланта остается свое особенное значеніе. Гончаровъ прошелъ по межѣ двухъ эпохъ нашей сознательно-исторической жизни. Старое, какъ дремучій лѣсъ, съ подгнившими корнями, ломалось здѣсь и тамъ, падало и давило молодые побѣги, но они веселой, зеленой волной охватывали его по опушкамъ, проростали между стволовъ, взбирались на старые пни—и уже готовились торжествовать свою побѣду... Гончарову жаль было таинственной задумчивости и величавыхъ рѣчей стараго лѣса; ими было проникнуто его творчество, все сотканное изъ яркихъ золотыхъ лучей, прорвавшихся въ сумракъ неподвижности и покоя—и онъ боязливо косился на молодые и дерзновенные побѣги... Этотъ моментъ борьбы, съ шатаніемъ старыхъ устоевъ и проблесками новой жизни, сдѣлалъ Гончарова типичнымъ выразителемъ переходной эпохи, для насъ—самой знаменательной во всей исторіи нашего общественнаго развитія. Чуткій и наблюдательный во всемъ, что онъ разсматривалъ въ конечномъ итогѣ прошлаго, Гончаровъ ярко характеризовалъ общественный идеалъ Чацкаго, его стремленіе къ свободѣ отъ всевозможныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, но современная жизнь, казалось ему, настолько ушла впередъ отъ того-другого «фамусовскаго», идеала, что въ ней оставались, по его выраженію, только «кое-какіе живые слѣды» стараго міросозерцанія, мѣшавшіе «обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ». Однако, творчество самого же Гончарова, въ объединенномъ смыслѣ, показало, что такихъ слѣдовъ въ русской жизни осталось немало». [Е. Ляцкій. Гончаровъ, стр. 304—305].

За отсутствіемъ матеріаловъ—воспоминаній и переписки—Е. А. Ляцкій въ своемъ изслѣдованіи о Гончаровѣ, могъ лишь «условно предположить», что, если «въ Петрѣ Ивановичѣ Адуевѣ выразилась дѣловая служебная сторона личности Гончарова, въ Обломовѣ—домашній обиходъ, отвѣчавшій его склонности къ мечтательному покою и ревнивому обереганію личной жизни отъ толчковъ и вторженій извнѣ,—то въ образѣ Райскаго нашелъ себѣ выраженіе наиболѣе важный и возвышенный элементъ—воплощеніе художественной природы писателя». [«Гончаровъ», стр. 232]. Сохранившаяся переписка Гончарова съ Е. А. Толстой, опубликованная лишь въ 1913 г., дала П. Н. Сакулину опору для вывода, что «въ Гончаровѣ одновременно жили и Штольць, и Обломовъ, и Райскій: у него складъ ума (и міросозерцанія)—Штольца, характеръ Обломова, а художественныя свойства таланта—Райскаго [П. Н. Сакулинъ «Новая глава изъ біогр. Гончарова», «Голосъ Мин.» № 11--1913 г., стр. 58].

Ю. И. Айхенвальдъ указываетъ на «то глубокое недоразумѣніе, въ силу котораго Гончарова нерѣдко называютъ писателемъ объективнымъ». По мнѣнію Айхенвальда, «въ свои романы Гончаровъ свою натуру перенесъ всецѣло и нисколько не отрѣшился отъ себя, когда живописалъ другихъ людей. У него и помину нѣтъ о той строгой объективности, которая подавляетъ въ художникѣ его сочувствія и неприязни и безъ всякаго замѣтнаго посредничества ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ жизнью и людьми. Мы слишкомъ ясно видимъ, кого и что онъ любитъ, кому онъ отказываетъ въ своей симпатіи; напр., рисуя фигуры Волохова и Тушина онъ не скрываетъ, къ которой изъ нихъ лежитъ его сердце; онъ явно раздѣляетъ «бабушкину мораль», и не писатель-объективистъ провожаетъ Вѣру въ обрывѣ этой лирической мольбою: «Боже, прости ее, что она обернулась!» Такой же лиризмъ, конечно, спокойный, сказывается у него и въ описаніи любви Адуева и Наденьки, и на многихъ другихъ страницахъ. Гончаровъ необычайно субъективенъ въ произведеніяхъ своего пера, онъ и не пытается достигнуть писательскаго безпристрастія, и, даже, не умѣя индивидуализировать слога, заставляетъ свои персонажи говорить пластическимъ язы-

комъ самого автора: вѣдь молодой Адуевъ и Райскій, Штольцъ въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ съ Ольгой, Обломовъ въ своихъ тирадахъ противъ столичной жизни—всѣ они выражаются одинаково и всѣ они употребляютъ тѣ же красивыя, стройныя, образныя фразы, которыя спокойно и медлительно текутъ изъ устъ самого писателя на тѣхъ многочисленныхъ страницахъ, гдѣ онъ прерываетъ нить непосредственнаго дѣйствія для своихъ разсужденій и характеристикъ. Иногда гончаровская рѣчь или отдѣльная фраза, неосторожно вложенная въ уста какого-нибудь героя, даже рѣзко поражаетъ своимъ несоотвѣтствіемъ говорящему лицу, вспомните, напр.: «какъ Татьяна Марковна въ «Обрывѣ» опредѣляетъ —остроту: «острота фальшива, принарядится краснымъ словомъ, смѣхомъ, ползетъ, какъ змѣй, въ уши, нарочитъ подкрасться къ уму и помрачить его»—развѣ этой бабушкины рѣчи? Если возникла все-таки по отношенію къ Гончарову иллюзія объективнаго творчества, то это объясняется лишь тѣмъ, что онъ былъ объективенъ, т. е. спокоенъ, какъ человѣкъ (а не какъ художникъ!), что внутренній міръ его, котораго онъ ничѣмъ и не старался заслонить, самъ то былъ тихъ и созерцателенъ, сторонился огня и страсти, жизнь переносилъ легко и окрашивалъ ее въ свѣтлыя и мирныя краски. Прирожденную безмятежность духа не будемъ смѣшивать съ художественной объективностью. [А й х е н в а л ь д ь. «Силуэты р. писат.», т. I, 263—64].

Д. С. Мережковскій отмѣчаетъ въ Гончаровѣ «наибольшую способность символизма», которой онъ «обладаетъ вмѣстѣ съ Гоголемъ». «Каждое его произведеніе—художественная система образовъ, подъ которыми скрыта вдохновенная мысль. Читая ихъ, вы испытываете то же особенное, ни съ чѣмъ не сравнимое чувство широты и простора, которое возбуждаетъ грандіозная архитектура—какъ-будто входите въ огромное, свѣтлое и прекрасное зданіе. Характеры—только часть цѣлаго, какъ отдѣльные статуи и барельефы, размѣщенные въ зданіи,—только рядъ символовъ, нужныхъ поэту, чтобы возвысить читателя отъ созерцанія частнаго явленія къ созерцанію вѣчнаго». «Способность философскаго обобщенія характеровъ чрезмѣрно сильна въ Гончаровѣ; иногда она прорываетъ какъ остріе живую художественную ткань романа и является въ совершенной наготѣ; напр., Штольцъ—уже не символъ, а мертвая аллегорія. Противоположность такихъ типовъ, какъ практическая Марейнка и поэтическая Вѣра, какъ эстетикъ Райскій и нигилистъ Волоховъ, какъ мечтательный Обломовъ и дѣятельный Штольцъ—развѣ это не чистѣйшій и, притомъ, произвольный, глубоко реальный символизмъ! Самъ Гончаровъ въ одной критической статьѣ признается, что бабушка въ «Обрывѣ» была для него не только характеромъ живого человѣка, но воплощеніемъ Россіи. Вспомните ту гениальную сцену, когда Вѣра останавливается на минуту передъ образомъ Спасителя въ древней часовнѣ и тропинкой, ведущей, къ «Обрыву», къ бесѣдкѣ, гдѣ ждетъ ее Маркъ Волоховъ. Вѣра, какъ идеальное воплощеніе души современнаго человѣка, колеблется и недоумѣваетъ, гдѣ же правда—здѣсь, въ кроткихъ, строгихъ очахъ Спасителя, въ древней часовнѣ, или тамъ, за «Обрывомъ», въ злобной, страшной и обязательной проповѣди новаго человѣка?» «И такого поэта наши литературные судьи считали отживающимъ типомъ эстетика, точнымъ, но неглубокимъ бытописателемъ помѣщичьихъ нравовъ! Но когда отъ реалистической критики, отъ столь прославленныхъ ею бытовыхъ комедій и романовъ не останется ни слѣда, произведенія Гончарова, мало понятныя въ нашъ вѣкъ художественнаго матеріализма, возродятся въ полной, идеальной красотѣ. Онъ одинъ изъ величайшихъ въ современной европейской литературѣ творцовъ человѣческихъ душъ, художниковъ-символистовъ». [М е р е ж к о в с к і й, т. XIII, стр. 240—241].

Гончаровъ-путешественникъ.

Первое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ было совершено въ 1803—1806 г.г. на корабляхъ—«Надежда» (капитанъ Крузенштернъ¹⁾ и «Нева» (капитанъ Лисянскій²). Во главѣ экспедиціи стоялъ чрезвычайный полномочный посолъ, Н. П. Резановъ³); по его инициативѣ и была снаряжена экспедиція, имѣвшая цѣлью установленіе торговыхъ сношеній съ Японіей. Резановъ везъ съ собою подарки и грамоту Императора Александра I-го «его Тензинкубоскому Величеству,—Самодержавнѣйшему Государю обширной Имперіи Японской, превосходнѣйшему императору и повелителю».

Посольство Резанова не достигло намѣченной цѣли: Резанову не удалось завязать сношеній съ замкнутой страной⁴), тѣмъ не менѣе «первое путешествіе россиянь кругомъ свѣта» явилось само себѣ выдающимся событіемъ и вызвало рядъ живыхъ описаній и отчетовъ⁵). Оно положило начало непосредственному участію и русскихъ мореплавателей въ тѣхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, которыя уже давно производили европейцы. Кругосвѣтныя путешествія на утлыхъ парусныхъ судахъ сами по себѣ не могли не считаться событіемъ, подвигомъ⁶). Такъ и смотрѣли на подобныя экспедиціи современники.

Промежутокъ почти въ 50 лѣтъ отдѣлялъ первое кругосвѣтное путешествіе

¹⁾ Крузенштернъ, Иванъ Федоровичъ (1770—1846).—Адмиралъ. Авторъ «Путешествія вокругъ свѣта». См. ниже примѣчаніе 5-ое.

²⁾ Лисянскій, Юрій Федоровичъ (1784—1837).—Сотоварищъ Крузенштерна по Морскому Корпусу, авторъ «Путешествія вокругъ свѣта». См. Прим. 5-ое.

³⁾ Резановъ, Николай Петровичъ (1764—1807).—Государственный дѣятель; камергеръ. Послѣ пятимѣсячной стоянки въ Нагасакахъ, онъ долженъ былъ возвратиться обратно въ Россію; эта неудача имѣла слѣдствіемъ нападеніе русскихъ моряковъ на Сахалинъ и объявленіе острова русскимъ владѣніемъ.

⁴⁾ Въ этомъ случаѣ счастливѣе Резанова оказался поручикъ Адамъ Лаксманъ, отправленный въ Японію черезъ Охотскъ иркутскимъ губернаторомъ еще при Екатеринѣ II. Японское правительство, которое не желало вести переговоровъ съ Резановымъ, готово было вступить въ сношенія съ Лаксманомъ, но у послѣдняго для веденія переговоровъ не было полномочій отъ русскаго правительства. См. путешествіе Лаксмана, изданное В. Берхомъ («Путешествіе въ Японію А. Л.—а». Отрывки изъ исторіи географ. открытій Россіянъ», Спб. 1822 г.). О посольствѣ Л. см. К. А. Военскій. «Р. посольство въ Японію въ началѣ XIX в.». «Русск. Стар.» 1895 г., №№ 7 и 10.

⁵⁾ Крузенштернъ, И. Ф. Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 г.г., по повелѣнію Императора Александра I на корабляхъ «Надеждѣ» и «Невѣ». 3 ч. Спб. 1809 1813 г. Резановъ, Н. П. Первое путешествіе Россіянъ около свѣта («Отеч. Зап.», 1822, 23, 24 и 25 г.г.); Ратмановъ, кап. лейт. «Записки» журналъ «Яхта», 1876 г. Лисянскій, Ю. Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 г.г. на кораблѣ «Невѣ», 2 ч. Спб. 1812 г.; Шмелинъ, Ф. «Журналъ перваго путешествія Россіянъ вокругъ земного шара», 2 ч. Спб. 1816—18 г.г. И. Федоровъ. О путешествіи на Сахалинъ и въ Японію (Опубликовано въ «Русск. Арх.» 1913 г., кн. 10).

⁶⁾ Вторая экспедиція въ Японію В. М. Головина на шлюпѣ Діана закончилась плѣномъ Головина японцами. Тѣмъ же Головинымъ въ 1817—19 г.г. было совершено на шлюпѣ Камчатка новое путешествіе вокругъ свѣта (Спб. 1822 г.). Въ этомъ путешествіи участвовали бар. Врангель и Литке; но самымъ замѣчательнымъ по научнымъ результатамъ явилось путешествіе вокругъ свѣта на шлюпѣ «Синявинъ» Ф. П. Литке. См. въ Спискѣ: Литке, Ф. П.

отъ экспедиціи снаряженной на «Палладъ». За это время сдѣлано было много. Кругосвѣтное путешествіе не казалось уже «Магеллановымъ путемъ», полнымъ загадокъ и опасности. Но цѣль и средства передвиженія оставались еще тѣ же: «Паллада» отправлялась въ ту же замкнутую для европейцевъ Японію, съ тою же цѣлью, какъ и первыя русскія кругосвѣтныя экспедиціи. Далекое путешествіе предпринималось на старомъ парусномъ фрегатѣ, въ то самое время, когда «ни на одной военной верфи уже не строили большихъ парусныхъ судовъ; даже старыя передѣлывались на паровыя, такъ какъ», писалъ Гончаровъ, «паруса остались на долю мелкихъ судовъ и небогатыхъ промышленниковъ».

Гончаровъ и его спутники являлись послѣдними путешественниками, «въ смыслѣ аргонавтовъ». Все это не могло не внушать опасеній за исходъ кампаніи; но, кромѣ этихъ опасеній, возникали сомнѣнія и другого порядка: неувѣренность въ собственныхъ силахъ:—«выдержитъ ли непривычный организмъ массу суровыхъ обстоятельствъ,—этотъ крупный поворотъ отъ мирной жизни къ постоянному бою съ новыми и рѣзкими явленіями бродячаго быта?»

Гончаровъ былъ первымъ русскимъ писателемъ-художникомъ, вступившимъ на бортъ военного корабля. Официально онъ значился въ свитѣ адмирала Путятина; однако, не официальное назначеніе, для исполненія секретарскихъ обязанностей при начальникѣ экспедиціи, привело Гончарова на фрегатъ. Онъ самъ, по собственному желанію, сталъ «аргонавтомъ», «пѣвцомъ» *ex officio* похода». «Страстишка къ морю» жила съ юности въ душѣ Гончарова («На родинѣ», III). Мысль путешествовать, «какъ хмель туманила голову» и, во имя осуществленія ея, онъ долженъ былъ добиваться официального назначенія, ибо иначе ему не нашлось бы мѣста на военномъ кораблѣ.

Отправляясь въ путешествіе, Гончаровъ былъ хорошо знакомъ съ современной литературой о тѣхъ странахъ, которыя онъ долженъ былъ посѣтить. Ссылки на русскіе и иностранныя авторовъ, цитаты изъ описаній путешествій и изслѣдованій часто встрѣчаются въ очеркахъ «Фр. Пал.»⁷⁾, но Гончаровъ не желалъ идти по проторенному пути; писатель-художникъ не хотѣлъ сообщать въ своихъ письмахъ-очеркахъ «голыхъ фактовъ», «безъ освѣщенія ихъ свѣтомъ воображенія». Онъ искалъ ключа къ этимъ фактамъ, уразумѣнія ихъ психологіи и причинной связи. По своимъ воззрѣніямъ, Гончаровъ былъ «постепеновцемъ». Комфортъ и цивилизація—оба эти понятія—были для него почти синонимами, ибо первое было неизбѣжнымъ разумнымъ слѣдствіемъ второго». Подобно Райскому, онъ не считалъ себя «отсталымъ человѣкомъ». Онъ вѣрилъ въ прогрессъ, досадовалъ на его черепашій шагъ, привѣтствовалъ видоизмѣненія, но не ломку жизни, «праздновалъ естественное, но не насильственное рожденіе новыхъ ея требованій», находя «здравый смыслъ» и житейскую мудрость подъ старыми заученными правилами. Эти мудрость и смыслъ онъ отыскивалъ и у ликейцевъ и у японцевъ, съ особенной тщательностью выдѣляя черты «новыхъ требованій»—естественное рожденіе у нихъ новой жизни. На черепашій ходъ прогресса онъ досадуетъ при соприкосновеніи съ китайцами на ихъ «заглохшей нивѣ»; онъ даже готовъ произвести «ломку» жизни, лишь бы скорѣе приобщить Японію къ общему ходу міровыхъ событій (съ помощью русскаго «воздѣйствія»). Но Гончарова занимали не столько сами по себѣ «явленія новой жизни», сколько разгадка «смысла» этихъ явленій. Онъ даже боялся внезапно наплыва новыхъ впечатлѣній, до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ къ нимъ «ключъ». Въ своихъ письмахъ къ друзьямъ, онъ прежде всего спѣшитъ заявить, что не претендуетъ на передачу голой правды, а

⁷⁾ Гончаровъ упоминаетъ и цитируетъ сочиненія Бетлингга: Бичи, Ванкувера, бар. Врангеля, Головина, Зибольта, о. Іакинава, Карона, Кемпфера, Клапрота, Крашенникова, Лазаревыхъ, Литке, Тунберга, описаніе путешествій Кука и Лаперуза. [См. эти имена въ «Спискѣ»]. Если свѣдѣнія Гончарова и его спутниковъ объ Японіи были крайне скудны и основывались, большей частью, на старыхъ сочиненіяхъ, то это происходило отъ полнаго незнакомства европейцевъ вообще съ замкнутой Японіей. Спустя 50 сличкомъ лѣтъ, къ началу русско-японской войны, оригинальная и переводная литература объ Японіи оказалась въ Россіи также крайне скудной.

лишь «на правдоподобіе». Къ очеркамъ «Фр. Пал.» вполне приложимы позднѣйшія слова Гончарова, сказанныя имъ по поводу его «Воспоминаній»: «Это не мемуары какіе-нибудь, гдѣ описываются историческія лица, и гдѣ требуется строгая фактическая правда... Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда, и, пожалуй, если хотите, все правда. Фонъ этихъ замѣтокъ, лица, сцены, большую частью, типически вѣрны съ натурой, а инья взяты прямо съ натуры. По одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности или событія, фантазія старается угадывать или дорисовывать остальное... Все описываемое въ нихъ не столько было, сколько бывало... (Вступленіе). Въ своихъ очеркахъ Гончаровъ-путешественникъ остается тѣмъ же Гончаровымъ художникомъ, медленно, но вѣрно повѣряющимъ свои впечатлѣнія, «какъ скупецъ втихомолку повѣряетъ каждый спрятанный грошъ». Фактическая сторона гончаровскихъ очерковъ давно устарѣла—теперь такъ не плаваютъ: и парусные фрегаты давно уже сданы въ архивъ, и описываемыя Гончаровымъ страны уже стали не тѣ: нѣтъ ни недвижнаго «древняго Китая, ни замкнутой Японіи, на идиллическихъ Ликейскихъ островахъ хозяйничаютъ японцы, а на Люсонѣ вьется американскій флагъ. Не менѣе устарѣла и публицистическая сторона очерковъ. По очеркамъ путешествія еще яснѣе, чѣмъ по остальнымъ гончаровскимъ произведеніямъ, видно насколько его талантъ былъ выше его возрѣній. Фактическая и «публицистическая» сторона очерковъ—наиболѣе слабое ихъ мѣсто, но она не болѣе какъ рама къ тѣмъ полотнамъ, на которыхъ ярко и мастерски зарисована вереница образовъ, сценъ и картинъ. Рама давно обветшала, но полотно, зарисованная смѣлой кистью настоящаго мастера, пережили его самого; даже нѣкоторая полинялость, блеклость ихъ фона и красокъ, сообщаетъ имъ особую прелесть.

«Плаваніе по казенной надобности», какъ называлъ самъ Гончаровъ свое путешествіе, его не удовлетворяло; его идеаль путешествія—«не пріѣхать и осматривать, а жить и смотрѣть на все, не «насилуя наблюдательности», ибо нужно, «чтобы впечатлѣнія нежданно и незванно сами собирались въ душу». Однако, подъ холодомъ и стужей впечатлѣнія собирались туго и, лишь черезъ три мѣсяца, уже приближаясь къ о. Мадерѣ, «ему показалось, что онъ только и началъ путешествовать». Другими словами, это значило, что Гончаровъ, наконецъ, нашелъ «искомый результатъ путешествія»—ключъ къ фактамъ. И только тогда, вмѣсто прежнихъ жалобъ и стоновъ, впервые падаютъ на страницы гончаровскаго путевого дневника, такія восторженныя слова: «Какъ прекрасна жизнь, между прочимъ потому, что человѣкъ можетъ путешествовать! Cogito, ergo sum—путешествую, слѣдовательно, наслаждаюсь, перевелъ я на этотъ разъ знаменитое изреченіе» (I, 21).

Этотъ найденный ключъ—параллель между чужимъ и своимъ:—«Увижу новое, чужое и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Параллель между чужимъ и своимъ онъ всюду стремится провести въ своихъ очеркахъ, прикидывая всѣ новыя явленія на свой русскій аршинъ. Причина ясна: «мы такъ глубоко росли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я не заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ся». «Дѣйствительно, океаны не смыли почву родной Обломовки»: Гончаровъ твердо укрѣпился на ней. Еще въ Англии передъ нимъ все мелькали «родныя и знакомыя крыши, окна, лица, обычаи»; рядомъ съ силуэтомъ англичанина возставалъ знакомый образъ обломовца. Чужое всюду у него сравнивается со своимъ: войны англичанъ съ кафрами съ нашими кавказскими; рѣка Вусунъ съ нашей Окою (II, 2); маленькія коронки на головахъ японскихъ уполномоченныхъ съ «кузовками, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами (II, 3); китайскіе базары и толкотня на нихъ поразили Гончарова сходствомъ съ нашими старыми базарами; въ японскихъ обычаяхъ онъ такъ же нашелъ сходство съ русскими

старыми нравами» (II, 3). На гуляньѣ, «въ обѣтованной» Маниллѣ, Гончаровъ не зналъ гдѣ онъ: «подъ Новинскимъ или въ Екатеринбургѣ 1 мая?» Подъ тропиками ему вспомнились «Чекуши» (окраина Петербурга) и «чухонскій пейзажъ». На Мадерѣ онъ почувствовалъ «ту-же свѣжесть и прохладу волжскаго воздуха, который пьешь, какъ чистѣйшую ключевую воду». Въ Индійскомъ океанѣ фрегатъ напомнилъ ему видъ какой-то отдаленной степной русской деревни (I, 147). Быть, нравы и психика населенія этой «деревни» среди океана особенно, привлекали вниманіе путешественника. Добрая треть его очерковъ крутосвѣтнаго плаванія посвящена воспроизведенію образовъ, нравовъ и быта уголка деревенской и крѣпостной Руси, какимъ въ сущности и являлась «Паллада» съ ея пятисотеннымъ населеніемъ. Вопросъ, изъ какихъ элементовъ сложился русскій человекъ, занималъ Гончарова больше, чѣмъ самая поэзія моря».

Онъ наблюдаетъ за Фаддеевымъ, видя въ немъ, не единичное лицо, а представителя общаго русскаго типа, за которымъ стоитъ легіонъ такихъ-же Фаддеевыхъ. Гончаровъ очутился на фрегатѣ среди того-же хорошо извѣстнаго ему міра, однихъ и тѣхъ же взаимоотношеній: среди господъ и слугъ, дворянской и крѣпостной Россіи, среди знакомой ему дѣятельной лѣни и лѣнивой дѣятельности. «Эта лѣнь характерная черта русскаго человека; она разлита въ атмосферѣ и событія приостанавливаются надъ моей головой», пишетъ Гончаровъ, послѣ пребыванія въ Англии, когда фрегатъ, стоя на рейдѣ, былъ уже готовъ выйти въ море. «Видно мнѣ на роду написано быть самому лѣнивымъ и заражать лѣнью все, что приходится въ соприкосновеніе со мною». Но это была именно дѣятельная лѣнь: не прекращающаяся умственная дѣятельность, соединенная съ полнымъ покоемъ, съ физическимъ недѣланіемъ. Гончаровъ жалуется на свою лѣнь, но ему не лѣнь тонко и вдумчиво разбираться въ своихъ переживаніяхъ; ему не лѣнь собирать и копить впечатлѣнія, вглядываться въ черты окружающихъ, требующія «тонкаго анализа и особеннаго опредѣленія, какъ вглядывался онъ въ духовный міръ Евсеевъ и Захаровъ; послѣдній образъ уже жилъ на фрегатѣ въ творческомъ воображеніи Гончарова; ему не лѣнь старательно, вдумчиво повѣрять свои впечатлѣнія и вѣрять ихъ бумагѣ, отсылая друзьямъ тѣ письма и очерки, изъ которыхъ составилось за два года два объемистыхъ тома «Фрегатъ Паллада». «Дѣятельная лѣнь» Гончарова была вовсе не знакома Обломову, въ которомъ усматривали нѣкоторое сходство съ самимъ Гончаровымъ и, во всякомъ случаѣ, не Адуевъ-дядя, черты котораго отыскивали такъ-же въ самомъ Гончаровѣ, могъ открыть въ «практичности англичанъ, неприятную сторону», заключающуюся въ томъ, что, «жизнь всѣхъ и каждого сложилась и дѣйствуетъ», какъ машина».

Во время плаванія, жизнь на кораблѣ и берегъ неизмѣнно привлекали вниманіе Гончарова. Среди моря мысленно онъ жилъ на берегу и даже во снѣ любилъ видѣть «береговые сны, а не морскіе ужасы». Гончаровъ такъ и не постигъ поэзіи моря», несмотря на то, что «очарованіе природы» всегда дѣйствовало на его поэтическое чувство и онъ отдавался ея чарамъ, съ «трепетной покорностію, какъ чувству любви».

Море скорѣе напугало его, чѣмъ плѣняло. Въ сѣверныхъ моряхъ онъ не увидѣлъ ничего, «кромѣ холода, бури и сырости». Атлантическій океанъ онъ называлъ— «неизмѣреннымъ омутомъ, соленымъ, скучнымъ, безбрежнымъ и однообразнымъ». Индійскій океанъ показался путешественнику еще хуже, чѣмъ Атлантическій, ибо тамъ и тутъ былъ «безпорядокъ»—буря; даже картина вдругъ разыгравшейся тропической грозы не плѣнила его воображенія. Тихій океанъ вызвалъ такое восклицаніе:—«Тихій! Сколько разъ онъ доказывалъ противоположное бѣднымъ плавателямъ, въ томъ числѣ и намъ, какъ будто мы выдумали это названіе» (I, 8). Лишь подъ тропиками онъ «въ первый разъ понялъ, что значитъ синее море»: не устанешь любоваться, глядя на роскошное сіяніе красокъ на необозримомъ, окружающемъ насъ полѣ водъ» (I, 3); но и тутъ «берегъ сдѣлался господствующею» «мыслью». Описывая тропическую, душно-сладкую, роскошную ночь,

среди океана, онъ прибавляетъ: «Боже мой! Даромъ пропадаютъ здѣсь эти (на морѣ) ночи: ни серенада, ни вздоховъ, ни шопота любви, ни пѣнья соловьевъ». — «Безпорядокъ! Безобразіе!» — отвѣчаетъ онъ на вопросъ капитана и спѣшитъ уйти въ свою каюту отъ невиданнаго зрѣлища (грозы въ тропикахъ). — «Какъ ни привыкнешь къ морю, а всякій разъ, какъ надо сниматься съ якоря, переживаешь минуты скуки: недѣли и мѣсяцы подъ парусами — не удовольствіе, а необходимое зло» (II, 3). «Все плавать, да плавать!» — восклицаетъ Гончаровъ въ другомъ мѣстѣ (I, 5). Ему жаль было покидать Калскую колонію: «въ ней было привольно, мы пригрѣлись къ этому мѣсту». «Другіе говорятъ, что если они плаваютъ долго въ морѣ, имъ хочется берега, а поживуть на берегу, хочется моря. Мнѣ совсѣмъ не такъ: если мнѣ гдѣ-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни». На него «напала тоска», когда онъ завидѣлъ «фрегатъ, вооруженный», «совсѣмъ готовый выйти въ море» (I, 4). За три мѣсяца стоянки въ Нагасакахъ, съ рѣдкими сѣздами на берегъ, Гончаровъ совсѣмъ «отвыкъ отъ моря». «Какъ улыбаются мнѣ теперь картины сухопутнаго путешествія, если-бы вы знали, особенно по Россіи!» Кругосвѣтный путешественникъ, уже на полпути, почувствовалъ потребность «полѣчиться берегомъ» отъ дальняго плаванія (II, 6).

Бури, «бѣшенныя страсти» — «не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа — для выдѣлки спокойствія и счастья въ лабораторіи природы». Гончаровъ не любилъ ихъ и, вмѣсто восторговъ предъ зрѣлищемъ тропической грозы, уходилъ къ себѣ въ каюту. Иныя «невиданныя на сѣверѣ чудеса» заставляли шире распахиваться его душу «для страстныхъ и нѣжныхъ впечатлѣній». То были: «спокойствіе и счастье природы»; для Гончарова «покой неба и моря — не мертвый и сонный покой: это покой какъ будто удовлетворенной страсти, въ которомъ небо и море, стдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любятъ взаимно въ объятіяхъ другъ друга». Именно спокойствіе и счастье природы навѣяло ему рядъ лирическихъ гимновъ — тѣхъ «стихотвореній въ прозѣ», которыя такъ красятъ гончаровскіе очерки «Паллады». Счастья въ «жизни», путешественникъ за моремъ не нашелъ. Кипучая жизнь Лондона не увлекла, не прельстила Гончарова. Онъ охотно разставался съ Англійей, съ этимъ всемірнымъ рынкомъ и его картиной суеты и движенія, съ колоритомъ дыма, угля, пара и копоти, желалъ скорѣе сбыть «черты этого образа». Какъ и Райскій Гончаровъ пробылъ въ Англии всего днѣ недѣли — и не успѣлъ даже ахнуть отъ изумленія, — подавленный грандіознымъ оборотомъ общественного механизма жизни («Обрывъ», V, 25). Изъ Англии Райскій поспѣшилъ въ «веселый Парижъ», тотъ-же Парижъ тянулъ къ себѣ и Гончарова. Примѣръ «эпикурейца» Боткина, весело путешествовавшего по Испаніи, улыбался ему, а фрегатъ уносилъ «путешественника по казенной надобности» все дальше отъ родины.

Сингапуръ — одинъ изъ всемірныхъ рынковъ и объевропеившійся Гон-Конгъ ему одинаково пришлись не по душѣ. — «Я радъ, что былъ въ Сингапурѣ, но оставилъ его безъ сожалѣнія; и если возвращусь туда, то безъ удовольствія, и только по-неволю» (I, 6). — «Нѣтъ, Индія не по намъ! (Ib.); о Гон-Конгѣ Гончарову даже и «сказать было нечего», онъ лишь «каждый день ѣздилъ на берегъ, ходилъ по взморью и нетерпѣливо ожидалъ дня отъѣзда» (I, 7).

Мечта о томъ, что, переплывя океанъ, онъ ступитъ «ногою на тѣ острова, гдѣ гуляетъ въ первобытной простотѣ дикарь» — не сбылась; подобіе первобытной простоты не плѣнило Гончарова. Ему показалось скучно съ этими дѣтьми, какими были въ его глазахъ ликейцы и корейцы. Китай и Японія произвели на него впечатлѣніе истощенной, непроходимой «заглохшей нивы», но японцы, по его мнѣнію, были «надежнѣе китайцевъ къ воздѣланію». На островахъ Зеленаго мыса онъ нашелъ «царство дремоты», — той дремоты, которая сковываетъ энергію, умъ, чувство, и обращаетъ все живое въ подобіе камня, нѣчто превосходящее даже полудремотное царство просыпавшейся Обломовки. «Забутый» «древній уго-

локъ на Лю-Чу» произвелъ на Гончарова «сильное впечатлѣніе», ибо здѣсь «все какъ родилось, такъ, кажется, и не мѣнялось цѣлыя тысячелѣтія». «Это не жизнь дикарей, грязная, грубая, лѣнивая и буйная, но и не царство жизни духовной: нѣтъ слѣдовъ просвѣтленнаго бытія». Манилла—мечта Гончарова, «обѣтованная земля», обманула путешественника: онъ ждалъ отъ нея «чего-то больше». Восторгаясь «союзомъ сѣвернаго и южнаго неба», красотой неизмѣнной природы на Люсонѣ, гдѣ «все такъ ярко, такъ обворожительно, фантастически-прекрасно», онъ тѣмъ не менѣе прибавляетъ: «и при всемъ томъ ни за что не остался бы я жить среди этой природы»; даже «самый роскошный дуголокъ міра» (берега Суматры и Явы) не плѣнилъ путешественника; прощаясь съ «роскошными влажными берегами», Гончаровъ лишь восклицаетъ:—«Дай Богъ никогда не возвращаться подъ ваши деревья, подъ жгучее небо и на болотистые пары! Довольно взглянуть одинъ разъ: жарко и какъ разъ лихорадку схватишь» (I, 5). Отсюда, какъ выводъ: «Одна природа да животная, хотя и своеобразная. Жизнь не наполняетъ человѣка, не поглощаетъ вниманія,—остается большая пустота. Для того даже, чтобы испытать глубже новое, непохожее ни на что свое, нужно, чтобы тутъ же рядомъ, для сравненія, была параллель другой развитой жизни» (II, 4).

Красота юга не заслоняетъ думъ о сѣверѣ и онѣ все чаще и чаще посѣщаютъ путешественника.—«Все захочешь на сѣверъ, пусть тамъ, кромѣ снѣга, не приснится ничего! Не нашимъ нервамъ выносить эти жаркія ласки и могучія изліянія силъ здѣшней (манильской) природы». Послѣ красокъ Маниллы и Люсона Гончарова вдругъ «прихватила немного болѣзнь, которую нѣмцы называютъ Heimweh. Просто домой хочется. Дастъ ли Богъ силъ выдержать» (II, 6). «И морская поэзія надоѣсть, и тропическое небо, и яркія звѣзды: поманешь и майскія петербургскія ночи» (II, 5). Гончаровъ, подобно Райскому, уѣхавшему въ Римъ, «не вралъ въ чужую почву, все чувствовалъ себя гостемъ и пришельцемъ»; его какъ Райскаго тянуло назадъ, домой. Ему хотѣлось бы набраться этой вѣчной красоты природы... и «унести ее съ собою туда, въ свою Малиновку» («Обрывъ» V, 25).

Приводимъ «журналъ» путешествія Гончарова: 1852 г. 7-го Октября—выходъ въ море «Паллады» съ кронштадтскаго рейда. 20 Ноября приходъ въ Портсмутъ. До 6-го Января 1853 г. стоянка и починка фрегата въ докѣ. Съ 6-го Января по 18-ое—переходъ по Атлантическому океану. 18-го Января пребываніе на о. Мадеръ (½ сутокъ). Съ 18 по 25 Января.—Атлант. океанъ; съ 25 по 27-ое—Портъ Прайя (остр. Зеленаго мыса). Съ 27-го Января по 10-е Марта—плаваніе по Атлант. океану. Съ 10 Марта по 12 Апрѣля—мысъ Доброй Надежды (Самонсбей). Съ 12 Апрѣля по 17 Май—Индійскій океанъ; съ 17 по 20-ое Мая—Ява (Анжерскій рейдъ); 20—24—Зондское море; съ 24 Мая по 2 іюня—Сингапуръ.—Южно-Китайское море. Съ начала Іюня до 26 Іюня—Гонъ-Конгъ; съ 26 Іюня по 26 Іюля—Восточно-Китайское море; съ 7 по 22 Іюля—Тихій океанъ; съ 22 Іюля по 3 Августа Портъ Ллойдъ (о. Бонинъ-Сима); съ 3 по 10-ое—В. Кит. море; съ 10 Августа по 11 Ноября—Нагасаки (три мѣсяца); съ 11—14 ноября—В. Китайское море; съ 14 Ноября по 6 Декабря—Сѣдельные острова; съ 6 по 10 Декабря—В. Кит. море; съ 10 Декабря по 24 Января 1854 г.—Нагасаки; съ 24—31 Января—В. Китайское море; 31 Января по 9 Февраля—Ликейскіе острова (Лиу-Киу); съ 9 по 16 Февраля—Тихій океанъ, Ю.-Китайское море; съ 16 Февраля—27 Февраля о. Люсонъ (Манилла); 27 Февраля по 9 Марта Ю.-Китайское море; 9—10 Марта—о. Батанъ; 10—11 Марта—Кит. море; 11—19 Марта—Пио-Квинто; съ 19 Марта по 2 Апрѣля—В. Кит. море; 2—7 Апрѣля—о. Гамильтонъ; 7—9 Апрѣля—В. Кит. море; 9—15 Апрѣля—Нагасаки; съ 15—21 Апрѣля.—Японское море; 21 Апрѣля—у вост. береговъ Кореи; 18—21 Мая—Татарскій проливъ; съ 21 Мая до половины Іюля—бухта «на вост. берегу (Импер. гавань). Съ половины Іюля на шкунѣ «Востокъ»; 12 Августа—Аянъ.

Иностранныя названія всюду приняты въ той транскрипціи, которой пользовался Гончаровъ въ своихъ «очеркахъ».

Группировка (классовая) гончаровских типов и образовъ.

Военные:

- а) офицеры: Генераль.—«Дѣдъ».
- б) отставные: Ватуинъ.—Райскій.—Хабаровъ.—Якубовъ.
- в) нижніе чины: Дьюпинъ.—Фаддеевъ.—Федоровъ.
- г) юнкеръ (въ отставкѣ): Волоховъ.

Дворяне:

- а) столичныя: Бѣловодовы.—Лангвагенъ, бар.—Лилина.—Любецкія.—Марья Михайловна.—Новинскій, гр.—Ольга Ильинская.—Пахотины.—Райскій.
- б) помѣстныя: Адуева.—Бережкова.—Викентьевы.—Вѣра.—Гастуринъ.—Козыревъ.—Марейника.—Обломовъ.—Тушинъ.

Духовенство:

Василій, о.—Николай Ивановичъ («попъ»).

Крестьяне:

- а) дворовыя: Аграфена.—Анисья.—Василиса.—Евсей.—Егорка.—Захаръ.—Марина.—Савелій.—Яковъ.
- б) отпущенные на оброкъ: Антонъ.—Матвѣй.
- в) вольно-отпущенныя: Авдѣй.—Анисья.—Валентинъ.—Степанъ.

Разночинцы:

Волоховъ.—Козловъ.—Костяковъ.

Чиновники:

- а) крупныя («генералы»): Адуевъ, П. И.—Аяновъ.—Бебиковъ.—Вальневъ.—Кальяновъ.—Суховъ.—Тычковъ.—Урановъ.—Фертовъ.—Чешневъ.
- б) среднія: Адуевъ, Алекс.—Брагинъ.—Добышевъ.—Прохинъ.—Судьбинскій.
- в) «причисленные и состоящіе»: Волковъ.—Поджабринъ.
- г) канцелярскіе: Алексѣевъ.—Мухояровъ.—Тарантьевъ.

Представители науки, искусства и личной инициативы:

- Актеры: Анна Павловна.—Кряковъ.
- Врачи: См. въ Словарѣ: Доктора.
- Литераторы: Адуевъ, Ал.—Литераторъ.—Пенкинъ.—Райскій.—Скудельниковъ.—[Бебиковъ].
- Педагоги: Ельнинъ.—Козловъ.—См. также въ «Словарѣ»: Учителя.
- Предприниматели: Адуевъ, П. И. (заводчикъ).—Тушинъ.—Штольцъ.
- Ученые: Иванъ Семеновичъ.—Профессоръ («Лит. веч.»).
- Художники: Кириловъ.—Райскій.—Профессоръ.

ПРОТОТИПЫ.

«Никто моихъ сочиненій личностями не упрекнетъ»... «Все требуетъ коренной пере-дѣлки: прежде всего слѣдуетъ исключить все личное, всѣ портреты, замѣнивъ ихъ ти-пами».

(Изъ письма Гончарова Валлеву по поводу «Лит. Вечера»).

«Цѣликомъ съ природы не пишется—иначе ничего не выйдетъ, никакого эффекта. Все равно, что сырую говядину на столъ подать».

(Изъ письма Гончарова Д. Л. Кирмаловой).

Адуевъ-дядя («Обыкн. Ист.»).—Мнѣніе о томъ, что въ Петръ Александровичъ Адуевъ Гончаровъ выразилъ свои собственные взгляды, отразивъ свое міросозерцаніе, было высказано въ статьѣ Алкандрова (А. М. Скабичевского) «Невскій Сборникъ» 1867 г. «О воспитательномъ значеніи повѣстей Тургенева и Гончарова»; по мнѣнію С. А. Венгерова, «общественныя теченія, воспроизведенныя въ романахъ Гончарова, такъ понятны и освѣщены авторомъ, какъ понятны и освѣтилъ бы ихъ Адуевъ-дядя. Если бы Адуеву дать талантъ и заставить его разработать сюжеты, легшіе въ основу «Обыкн. Ист.», «Обл.» и «Обрыва», онъ ихъ непременно обработалъ-бы такъ, какъ разработалъ ихъ Гончаровъ. Общественная философія Гончарова, его взгляды на фазисы русской жизни 1840—60-хъ годовъ, поскольку они отразились на подборѣ и группировкѣ воспроизведенныхъ имъ общественныхъ явленій, — все это есть самая полная адуевщина, полный кодексъ адуевской морали и адуевской житейской мудрости [Сочин., т. IV, стр. 84]. По мнѣнію Е. Ляцкого, оба Адуевы «тождественны въ своей сущности и писаны съ одного лица, только въ разные періоды его жизни» («Гончаровъ», стр. 174). Тотъ же Е. А. Ляцкій называетъ «Об. Ист.» не романомъ, а «художественной автобіографіей». [Какъ на литературный курьезъ укажемъ на утверждение «старого русскаго журналиста» А. Старчевскаго, будто бы прототипомъ П. И. Адуева послужили Гончарову: Владиміръ Андр. Солоницынъ и Андр. Паре. Заблоцкій-Десятовскій. Съ личностью послѣдняго «близко познакомилъ автора» Михаилъ Паре. Забл.-Десятовскій. «Изъ двухъ героевъ положительныхъ и черствыхъ, притомъ не послѣднихъ эгоистовъ, мечтавшихъ только о томъ, какъ бы выйти въ люди, составить капиталецъ и сдѣлать хорошую партію, Ив. А. выкроилъ (?) своего героя», «Ист. Вѣстн.» 1886 г., № 2, стр. 378].

Адуевъ-племянникъ. По цитованному выше мнѣнію Е. А. Ляцкого, «Об. Ист.» можно назвать не романомъ, а художественной автобіографіей (См. выше Адуевъ-дядя). Гончарова занимала, когда онъ писалъ романъ, «не послѣдовательность въ развитіи тѣхъ или иныхъ общественныхъ типовъ, какъ онъ наблюдалъ ихъ въ окружающей жизни, а собственные воспоминанія, попытка разобратъся въ томъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ и чѣмъ сталъ, успокоившись отъ напрасныхъ стремленій «безплоднаго романтизма юношескихъ порывовъ». («Гончаровъ», стр. 174). Старчевскій утверждалъ, что типъ Адуева-племянника «составленъ» изъ Влад. Ашполон. Солоницына и Мих. Паре. Заблоцкаго-Десятовскаго, но тотъ же Старчевскій заявляетъ, что прощаніе съ матерью, приготовленіе къ отъѣзду и первое впечатлѣніе, произведенное Петербургомъ — это описаніе — отъѣзда и приѣзда въ столицу самого Гончарова.

Антонъ Ивановичъ («Об. Ист.»).—Старчевскій утверждаетъ, что и это

лицо ему «хорошо знакомо», и «материаломъ послужилъ», во 1-хъ Вл. Андр. Солоницынъ, а во 2-хъ дѣйствительный Антонъ Ивановичъ, знакомый Дудышкина. цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, завѣдывавшій дѣлами Новинскихъ, торговцевъ мѣхами»...

Бабушка («Обрывъ») — Россія. «А за ними (героями) стояла и сильнѣе ихъ влекла его (Райскаго) къ себѣ — еще другая, исполинская фигура, другая великая «бабушка»-Россія — заключительныя слова «Обрыва». О бабушкѣ-Россіи Гончаровъ пишетъ Тройницкому, въ то время, когда еще создавался «Обрывъ»; сообщая о своемъ трудѣ, въ которомъ переложены въ образы и (его) убѣжденія и правила и впечатлѣнія, Гончаровъ прибавляетъ: «невольнo, безсознательно, — im Schez und unbewusst ich sprach, was ich gefühlet, — какъ говорить Гейне, — высказалась тамъ и объяснилась и мнѣ самому — и любовь къ людямъ, и къ Россіи, и, кажется, сама Россія выглядываетъ оттуда на меня, въ видѣ одной бабушки и добродушно смѣется надъ моими усиліями сказать ей «люблю» («Вѣстн. Евр.» 1908, XII, стр. 453). Та же мысль проводится въ позднѣйшемъ письмѣ Гончарова гр. Валугеву: «въ бабушкѣ (какъ клочокъ неба въ прудѣ) отразилась сильная, властная, консервативная часть Руси, которой эта старуха есть миниатюрная аллегорія». («Письма Гончарова къ Валугеву», стр. 51). Въ Б. «отражены многія черты матери писателя». [Суперанскій. «Р. Школа», №№ 5—6, стр. 17].

Бебиновъ («Литер. вечеръ»). — См. въ «Спискѣ» — Валугевъ и въ «Перечнѣ» — Литературный вечеръ.

Бравинъ см. «Списокъ»: Баратаевъ.

Ватулинъ, Титъ Никоновичъ («Обрывъ»). — По мнѣнію М. Э. Суперанскаго, «наатурой для образа, хотя нѣсколько смѣшного, но крайне симпатичнаго джентльмена, послужилъ крестный Гончарова — Трегубовъ (Якубовъ)»; «по сохранившемуся въ потомствѣ преданію, отношенія Трегубова къ матери писателя были нѣсколько аналогичны отношеніямъ Тита Никон. къ Татьянѣ Марковнѣ. [«Русск. Школа» 1912 г., № 5—6, стр. 11].

Вѣра («Обрывъ»). Ср. въ «Спискѣ» Рудольфъ, Аделаида Карловна.

Егорка («Обрывъ»). — По свидѣтельству самого Гончарова, Е., Марина и Савелій «дѣйствительные портреты тогдашней дворни». [«Лучше поздно — чѣмъ никогда»].

Иванъ Семеновичъ («Обыкн. Ист.»). — Профес. Надеждинъ. См. ст. проф. Е. А. Боброва «Изв. отд. р. языка и словесн. Ак. Наукъ». Спб., 1909, т. XIV, кн. I.

Игорьевъ («По Восточной Сибири») см. въ «Спискѣ» — Григорьевъ.

Марина («Обрывъ»). — См. выше — Егорка.

Маркъ Волоховъ («Обрывъ»). — Самъ Гончаровъ объяснял, что «въ первоначальномъ планѣ Обрыва, набросанномъ въ 1848 и 1850 годахъ, на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще не существовавшего, у меня былъ предложенъ сосланный, по неблагонадежности, подъ присмотръ полиціи, выключенный изъ службы, или изъ школы, либераль за грубость, за неповиновеніе начальству, за то, наконецъ, что споетъ какую-нибудь русскую марсельезу или проврется дерзко про власть. Такихъ бывало не мало, лѣтъ тридцать тому назадъ». «Но какъ романъ развивался вмѣстѣ съ временемъ и новыми явленіями, то и лица, конечно, принимали въ себя черты и духъ времени событій. Отъ этого и предположенный зародышъ неблагонадежнаго превратился къ концу романа уже въ рѣзкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-гдѣ въ обществѣ. Въ 1862 году, когда я ѣздилъ вновь по Волгѣ, прожилъ лѣто на родинѣ, былъ въ Москвѣ, мнѣ уже ясно опредѣлилось это лицо». [«Лучше поздно — чѣмъ никогда»]. А. Н. Гончаровъ находилъ черты В — а въ своемъ двоюродномъ братѣ — Влад. Мих. Кирмаловѣ см. «Списокъ». Скабичевскій указываетъ на одного «нигилиста», знакомаго Гончарову по дому Майковыхъ. (Изъ воспомин. о пережитомъ «Р. Бог.» 1907 г., VII, стр. 51).

Марейнка («Обрывъ»).—Ср. Рудольфъ, Эмилія Карловна.

Матвѣй («Слуги»).—Филиппъ, слуга Гончарова, упоминаемый и во «Фрег. Пал.» I, 1.

Козловы («Обрывъ»). Въ лицѣ учителя Козлова и его жены Ульяны Андреевны, по словамъ А. Н. Гончарова, будто бы выведены его отецъ и мать (см. «Списокъ»: Гончаровы, Ник. Алекс. и Елис. Карловна).

Кряковъ («Литер. вечеръ»).—Ср. Райскій въ «Обрывѣ». Е. А. Ляцкій, сопоставляя Крякова съ его прототипомъ Райскимъ, замѣчаетъ, что кряковскіи рѣчи, хотя и въ менѣе категорической формѣ, слыхала еще Софья Бѣловодова отъ Райскаго, умолявшаго ее отдернуть толстыя гардины, раскрыть окно, пустить къ себѣ свѣтъ дня и шумъ жизни [«Гончаровъ», стр. 164].

Няня («Сонъ Обломова»).—Аннушка—няня самого писателя. Въ письмахъ къ сестрѣ, А. А. Кирмаловой, у которой проживала старая Аннушка, Гончаровъ шлетъ поклоны нянѣ и не разъ вспоминаетъ о ней съ нѣжностью. Въ 1862 г., когда Ив. Ал. посѣтилъ Симбирскъ, онъ просилъ привезти туда и «старую Аннушку», съ которой тогда-же снялъ фотографію.

Обломовъ. Прототипомъ его считаютъ гоголевскаго Тентетникова. Ср. Добролюбовъ. «Что такое обломовщина?» Григоровичъ, Д. «Воспоминанія Сочин.», т. XII. М. Суперанскій по этому поводу даетъ справку по существу: «второй томъ великаго произведенія Гоголя опубликованъ уже по смерти автора, въ 1855 г., тогда какъ «Сонъ Обломова» появился въ печати еще при жизни Гоголя въ 1849 году. Указывали также еще при жизни Гончарова на сходство самого автора съ Обломовымъ. Противъ этого утвержденія горячо возражаетъ Венгеровъ (Сочин., т. V, стр. 62—63). Ляцкій, отмѣчая въ характеристикѣ Обломова не мало автобиографическихъ чертъ, замѣчаетъ, что «отъ Обломова до Гончарова—разстояніе гораздо большее, чѣмъ отъ обоихъ Адуевыхъ. «Кромѣ общей медлительности и лѣни, общей вялости, мы не видимъ у Обломова крупныхъ чертъ, роднящихъ этотъ образъ съ самимъ Гончаровымъ»; «по отношенію къ Гончарову Обломовъ только часть, близкая, кровная, но не важнѣйшая («Гончаровъ»), стр. 181 и 183). Ср. ниже стр. 349.

Ольга («Обломовъ»).—Прототипомъ ея явилась Елизавета Васильевна Толстая (1829 г.—1877 г.), знакомая Майковыхъ. Въ ихъ домѣ, еще въ 1843 году, Гончаровъ познакомился съ Т. Черезъ двѣнадцать лѣтъ, Гончаровъ снова встрѣтился съ Т. и между ними завязался романъ и оживленная переписка. Романъ кончился неудачно для Гончарова: Т. вскорѣ же вышла замужъ за ярославскаго помѣщика Александра Ил. Мусина-Пушкина, но образъ Т. павѣялъ писателю, напечатанную лишь въ 1913 г., «Исповѣдь» (Pouir et contre) и «Обломова». Послѣднее произведеніе, по выраженію Гончарова, писалось «во имя Ваше», т. е. во имя Т—ой. «Обломовъ» по мѣрѣ писанія не только прочитывался Елизаветѣ Васильевнѣ, но и «творился во имя ея». П. Н. Сакулинъ даетъ рядъ любопытныхъ сопоставленій изъ переписки Гончарова съ Толстой и изъ «Обломова», между Ольгой и ея прототипомъ—Е. В. Толстой. [«Новая глава изъ біогра. И. А. Гончарова», «Голосъ Мин.» № 11, стр. 45—65].

Райскій («Обрывъ»).—Въ числѣ «талантливыхъ неудачниковъ», послужившихъ прототипомъ для Райскаго, самъ Гончаровъ называлъ В. П. Боткина, кн. Одоевскаго и др. Е. А. Ляцкій отмѣчаетъ въ Р. много автобиографическихъ чертъ.

Савелій («Обрывъ»).—См. выше—Егорка.

Снудельниковъ («Лит. вечеръ»).—Въ «пожиломъ беллетристѣ» отражены нѣкоторыя внѣшнія черты самого Гончарова. См. письма Гончарова къ Валугеву.

Углицкій—Александръ Мих. Загряжскій. См. «Списокъ».

Янубовъ («Воспоминанія»). Подъ именемъ Я. Гончаровъ вывелъ «драмо съ натура» своего крестнаго отца—старога моряка Трегубова.

Дополненія и поправки.

Къ стр. 7—292:

Бичуринъ («Обломовъ»).—Уп. л. Знакомый Штольца, влюбленный въ Ольгу.

Брашинъ («На родинѣ»).—Уп. л. Близкій пріятель Углицкаго; вмѣстѣ съ послѣднимъ отличался по части «разказовъ и анекдотовъ» въ полупьяной компаніи.

Лангвагенъ, баронъ («Обломовъ»).—Къ напечатанному (стр. 103) надо прибавить: «баронъ не додѣлалъ дѣла; онъ вздумалъ посвататься за Ольгу». Ольга ему «отказала; онъ огорчился и уѣхалъ».

Литераторъ («Обломовъ»).—Пріятель Штольца. «Полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ будто съ сонными глазами». Ему разказалъ Штолецъ исторію гибели Ильи Ильича.—«Причина... какая причина! сказалъ Штолецъ:—Обломовщина!»—«Обломовщина! съ недоумѣніемъ повторилъ литераторъ. Что это такое?» «Сейчасъ разкажу тебѣ: дай собраться съ мыслями и памятью. А ты запиши: м. б. кому пригодится». «И онъ разказалъ ему, что здѣсь написано». (Заключительныя слова романа «Обломовъ»).

Мамынина («Обрывъ»).—Напечатано: «по словамъ Татьяны; надо: «по словамъ Татьяны Марковны» (272 стр.).

Мина («Обломовъ»).—Уп. л. По словамъ Ильи Ильича, онъ «гаснулъ и губилъ силы съ М.: платилъ ей больше половины своего дохода и воображалъ, что любить ее.

Обломовъ, Илья Ильичъ, къ стр. 166.

Критика: 1) «...О. не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ. Главное здѣсь не О., а обломовщина. Онъ бы, можетъ быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подъ другими условіями, нежели подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что вообще не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ О. Въ самомъ дѣлѣ,—раскройте, напр., «Онѣгина», «Героя нашего времени», «Кто виноватъ», «Рудина», или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда»,—въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами О.». [«Н. Добролюбовъ», «Что такое Обломовщина?»]. 2) «О.—ребенокъ, а не дрянной развратникъ; онъ—соня, а не безправственный эгоистъ или эпикуреецъ времени паденія. Онъ безсиленъ на добро, но онъ положительно неспособенъ къ злему дѣлу, чистъ духомъ, не извращенъ житейскими софизмами, и, несмотря на всю свою жизненную бесполезность, законно завладѣваетъ симпатіею всѣхъ окружающихъ его лицъ, повидимому, отдѣленныхъ отъ него цѣлою бездною». «По практичности, по силѣ воли, по знанію жизни онъ далеко ниже своей Ольги и Штольца, людей хорошихъ и современныхъ; по инстинкту правды

и теплотѣ своей натуры онѣ ихъ, несомнѣнно, выше». [Дружининъ, соч. Т. VII].

3) «У Гончарова физическій Обломовъ заслоняетъ собою Обломова души, и тѣ общія черты, которыми авторъ рисуетъ постепенное, духовное замираніе и оцѣпѣніе своего героя, расплываются предъ нами въ туманѣ. Если среда, въ которую насъ переноситъ сонъ Обломова, и объясняетъ многое въ его судьбѣ и характерѣ, то все-же, кромѣ среды, существуетъ и самъ человѣкъ, и вотъ личную драму этого человѣка, который отказался не только отъ живой дѣятельности, но даже и отъ книгъ и газетъ, который не живетъ, а лежитъ,—драму этого человѣка Гончаровъ мало уяснилъ и показалъ ее почти исключительно съ ея внѣшней стороны, и его Обломовъ вышелъ наименѣе интереснымъ и глубокимъ изъ всѣхъ многочисленныхъ разновидностей обломовскаго типа. То, что есть въ исторіи о погибшемъ Обломовѣ горестнаго и грустнаго, относится къ И. простому, къ чистому и благородному человѣку, а вовсе не къ жертвѣ общества или сраженному герою какой-нибудь непосильной борьбы,—къ тому Обломову, который вослѣдъ Гончарову находилъ поэзію въ самой жизни и который, со своей лѣнью и безпомощностью, несравненно симпатичнѣе и милѣе дѣятельнаго и дѣловитаго Штольца». [Айхенвальдъ, «Силуэты», р. пис. т. I].

4) Е. А. Ляпкинъ отмѣчаетъ отличіе Ильи Ильича первой половины романа отъ Ильи Ильича второй половины. Это два типа, равно свойственные русской жизни, близко родственные, но не вполне одинаковые. Первый—съ несомнѣннымъ трагическимъ началомъ сознанія своего безсилія—такъ и умираетъ, не сдѣлавъ ничего полезнаго и высокаго въ жизни, къ чему стремился такъ пламенно, но—увы!—платонически; его тревога не утихаетъ съ годами,—она можетъ перейти въ тихую жалобу, въ покаяніе Рудина, но ни на минуту не станетъ пошлой и плоской. Сильное возбужденіе, страсть, негодованіе могутъ воспламенить ихъ пожаромъ, правда, на одно мгновеніе, но въ это мгновеніе они могутъ явиться героями, способными пожертвовать собой, во имя идеи или за улыбку красавицы, смотря по моменту. Вторая категорія О.—иного свойства. Если у нихъ и было какое-либо міросозерцаніе, въ смыслѣ извѣстныхъ «умственныхъ» идей и нравственныхъ требованій, то это міросозерцаніе уснуло у нихъ раньше, чѣмъ глаза успѣли заплыть жиромъ отъ вѣчнаго сна, и въ груди появилась одышка отъ неподвижной жизни. Проза будничной домашней жизни, низменность желаній, не выходящихъ изъ круга инстинктовъ пищеваренія и элементарнаго животнаго довольства—вотъ атмосфера, изъ которой никогда не выгнать ихъ на свѣтъ Божій никакіе Штольцы и Ольги Ильинскія. Пошляки Маниловы—ихъ ближайшіе родственники, если они одарены благожелательно настроенной душой, но никакъ не «коптители неба» Тентетниковы, всю жизнь собирающіеся заняться большимъ сочиненіемъ о Россіи, словно О., въ первой части романа, съ своимъ грандіознымъ планомъ переустройства Обломовки». 5) «О. не даетъ намъ впечатлѣнія пошлости. Въ немъ нѣтъ самодовольства, этого главнаго признака пошлости. Онъ смутится въ постороннемъ обществѣ, надѣлаетъ глупостей, неловко солжетъ даже; но не будетъ ни ломаться, ни позировать. Въ самомъ дѣлѣ, отчего его жизнь такая пустая не даетъ впечатлѣнія пошлости? Посмотрите, въ чемъ его опасенія: въ мнительности, въ страхѣ, что кто-нибудь нарушитъ его покой; радости—въ хорошемъ обѣдѣ, въ довольныхъ лицахъ вокругъ, въ тишинѣ, порой—въ поэтической мечтѣ». «А назовете ли вы его сибаритомъ, лѣнливцемъ, обжорой? Нѣтъ и нѣтъ. Развѣ онъ поступитъ чѣмъ-нибудь изъ своего обломовскаго чтобъ кусокъ у него былъ послаще или постель помягче? Вездѣ онъ одинъ и тотъ же О.: въ гостиной Ильинскихъ съ барономъ и въ своемъ старомъ халатѣ съ Алексѣевымъ, трюфели ли онъ ѣстъ, или яичницу на заплатахъ на скатерти». «Отнимите у О. средства, онъ все же не будетъ ни работать, ни льстить, въ немъ останется то же вѣками выработавшееся лѣнливое, но упорное сознаніе своего достоинства. Можетъ-быть, съ жалобами, капризами, можетъ-быть, съ пристрастіемъ къ рюмочкѣ, но навѣрно, безъ алчности и безъ зависти, съ мягкими манерами и великодушіемъ прирожденнаго О.». «Въ О. есть крѣпко сидя-

щее сознание независимости—никто и ничто не вырветъ его изъ угла; ни жадность, ни тщеславие, ни даже любовь. Каковъ ни есть, а все же здѣсь нашъ русскій *homme*. «О. консерваторъ; нѣтъ въ немъ заскоружности суетвѣрій, нѣтъ крѣпостнической программы, вообще никакой программы, но, онъ консерваторъ всѣмъ складомъ, инстинктами и устоями. Вчерашній день онъ помнитъ и любить; знаетъ онъ, что завтрашній день будетъ лучше, робко, пожалуй, о немъ мечтаетъ, но иногда даже въ воображеніи жмурится и ежится отъ этого блеска и шума завтрашняго дня». [И. А. Анненскій. Книга отраженій, т. I].

б) Овсяннико-Куликовскій называетъ О. «эпигономъ», или, пожалуй, вырождкомъ людей 40-хъ годовъ. Эти послѣднія составляли цвѣтъ интеллигенціи своего времени. О.—не только не «цвѣтъ», но его, строго говоря, даже трудно причислить къ настоящей интеллигенціи... «...«Самое рѣзкое отличіе О—ва отъ идеалистовъ 40-хъ годовъ это то, что онъ крѣпостникъ, но—«необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что Илья Ильичъ, будучи несомнѣннымъ крѣпостникомъ, по убѣжденію, привычкамъ и по самой натурѣ, однако же не можетъ быть причисленъ къ тѣмъ, которые хотѣли и пытались отстаивать крѣпостное право,—къ крѣпостникамъ-политикамъ, составлявшимъ партію. И если бы О. могъ вообще преодолѣть свою лѣнь и косность и сдѣлаться адептомъ какой нибудь «партіи», то онъ примкнулъ бы къ либераламъ, къ людямъ прогресса. За это ручается его дружба со Штольцемъ, въ особенности тѣ чувства, которыя питаетъ къ нему Штольцъ, несомнѣнный человекъ движенія и прогресса (хотя и съ не вполне ясной программой). О.—крѣпостникъ, но не злостный, не воинствующій. Крѣпостническія тенденціи, въ смыслѣ определенной политической программы, не согласовались бы съ его кротостью, мягкостью, благодушіемъ, прекраснородіемъ, въ особенности же—съ его обломовщиной. Эта обломовщина, какъ особый строй души, такъ сильна въ немъ, что онъ охотно отдалъ бы всѣхъ своихъ 300 Захаровъ и всѣ свои права и прерогативы помѣщика и дворянина, лишь бы спокойно лежать на диванѣ, лишь бы «жизнь его не трогала», лишь бы нашлось какое-нибудь «промышляющее о немъ око». [Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. «Ист. р. Инт.»].

Овосаво-Бунгоно-Ками-Сама («Фрег. Пал.»).—Нагасакскій губернаторъ. «Высокій, худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ, строгимъ и довольно умнымъ выраженіемъ въ лицѣ». При пріемѣ адмирала, былъ «въ полупарадномъ костюмѣ»: «въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, *repasée*, съ темными, тоненькими полосками. Мантилья его покроемъ отличалась отъ другихъ. У всѣхъ прочихъ спина и рукава гладкіе: послѣдніе у кисти руки широки; все вмѣстѣ похоже на мантильи нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія то надставки, въ родѣ маленькихъ крыльцевъ». Говорилъ «съ достоинствомъ» и съ «холодной важностью и строгостью въ лицѣ», «глядя полусурово, но съ любопытствомъ» на путешественниковъ, стараясь «поддержать свое, истинно японское, достоинство». Когда же адмиралъ сказалъ, что онъ, для ускоренія дѣла, самъ пойдетъ въ Едо, «его японское превосходительство смутился» и «снизшелъ съ высоты своего величія, какъ-то иначе сталъ сидѣть, смотрѣть; потомъ склонилъ немного голову на лѣвую сторону, и съ умильной улыбкой, мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ говорилъ тихо и долго» о томъ, что «японскому глазу больно видѣть чужія суда въ двухъ портахъ Японіи, кромѣ Нагасакъ» и т. п. Вмѣстѣ съ уполномоченными уѣхалъ въ Едо.

Овчининъ («Обломовъ»).—Уп. л. Отъ имени О., явился къ Ильѣ Ильичу Алексѣевъ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ О. и затѣмъ на гулянье въ Екатерингофъ. По словамъ Алексѣева, О. «велѣлъ сказать», чтобы Обломовъ нанялъ коляску.

Олешинъ («Обломовъ»).—Уп. л. Бывшій сослуживецъ Обломова, полудившій «превосходительство». По мнѣнію Обломова и Судьбинскаго, «онъ добрый малый», «характеръ мягкій, ровный». «Бывало, вспоминалъ Обломовъ, запутаешь въ бумагѣ, не доглядишь, не то мнѣніе или законы подведеши въ запискѣ, ничего: велитъ только другому передѣлать. Отличный человекъ!» По сло-

намъ Судьбинскаго,—«такой обязательный», «и нѣтъ этого», «чтобъ выслужиться, подгадить, подставить ногу, опередить... все дѣлаетъ, что можетъ».

Ольга («Обломовъ»).—Къ стр. 175.

Критика: 1) «Ольга, по своему развитію, представляетъ высшій идеалъ, какой только можетъ теперь русскій художникъ вызвать изъ теперешней русской жизни. Оттого она, необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли, поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться даже въ ея поэтической правдѣ и сказать: «такихъ дѣвушекъ не бываетъ». Но, слѣдя, за нею во все продолженіе романа, мы находимъ, что она постоянно вѣрна себѣ и своему развитію, что она представляетъ не сентенцію автора, а живое лицо, только такое, какихъ мы еще не встрѣчали. Въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣтетъ обломовщину... «Она начинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное преобразование... Долго и упорно, съ любовью и нѣжною заботливостью, трудится она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любя въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе, она дѣлаетъ для него все: пренебрегаетъ даже условными приличіями, ѣдетъ къ нему, одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутациі. Но она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ же всякую фальшь, проявляющуюся въ его натурѣ, и чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и почему это ложь, а не правда. Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, о которомъ мы говорили выше, и потому увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывши себя, жертвуя собою, и т. д.—Нѣтъ,—отвѣчаетъ она,—неправда: если-бъ вы думали только о моемъ счастіи и считали необходимою для него разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ». Онъ говоритъ, что боится ея несчастія, если она современемъ пойметъ, что ошиблась въ немъ, разлюбить и полюбить другого. Она спрашиваетъ въ отвѣтъ на это: «гдѣ же вы тутъ видите несчастіе мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другого и, значить, мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ беспокоитесь». Эта простота и ясность мышленія заключаютъ въ себѣ задатки новой жизни, не той, въ условіяхъ которой выросло современное общество... Потому,—какъ воля Ольги послушна ея сердцу! Она продолжаетъ свои отношенія и любовь къ Обломову, несмотря на всѣ постороннія непріятности, насмѣшки, и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ его рѣшительной дрянности». «Она бросила Обломова, когда перестала въ него вѣрить; она оставитъ и Штольца, ежели перестанетъ вѣрить въ него. А это случится, ежели вопросы и сомнѣнія не перестанутъ мучить ее, а онъ будетъ продолжать ей совѣты—принять ихъ какъ новую стихію жизни и склонить голову. Обломовщина, хорошо ей знакома, она сумѣетъ различить ее во всѣхъ видахъ, подъ всѣми масками, и всегда найдетъ въ себѣ столько силъ, чтобы произнести надъ нею судъ беспощадный». [Добролюбовъ, «Что такое Обломовщина?»]. 2) Дружининъ считаетъ «созданіе Ольги Ильинской»,—«краеугольнымъ камнемъ всей обломовской драмы». «Даже оставивши въ сторонѣ всю прелесть исполненія, всю художественность, съ которою обработано лицо О.—мы не найдемъ достаточныхъ словъ, чтобы высказать свое благотворное вліяніе этого персонажа на ходъ романа и развитіе типа Обломова. Обломовы выдають всю прелесть, всю слабость и весь грустный комизмъ своей природы именно черезъ любовь къ женщинѣ. Безъ О. Ильинской и безъ ея драмы съ Обломовымъ не узнать бы намъ Ильи Ильича такъ, какъ мы его теперь знаемъ, безъ Ольгина взгляда на героя мы до сихъ поръ не глядѣли бы на него надлежащимъ образомъ». [Соч. т. VII]. 3) «О. представляетъ намъ въ высшей степени привлекательный, художественно обрисованный образецъ женщины, которая не удовлетворяется однимъ личнымъ счастьемъ, однимъ личнымъ чувствомъ люб-

ви». [О. Миллеръ]. 4) «О.—это одна изъ русскихъ миссіонерокъ». «О.—миссіонерка умѣренная, уравновѣшенная. Въ ней не желаніе пострадать, а чувство долга. Для нея любовь есть жизнь, а жизнь есть долгъ». «Миссія у ней скромная—разбудить спящую душу. Влюбилась она не въ Обломова, а въ свою мечту». «Робкій и нѣжный Обломовъ, который относился къ ней такъ послушно и такъ стыдливо, любилъ ее такъ просто, былъ лишь удобнымъ объектомъ для ея дѣвической мечты и игры въ любовь». «Но О.—дѣвушка съ большимъ запасомъ здраваго смысла, самостоятельности и воли, главное. Обломовъ первый, конечно, понимаетъ химеричность ихъ романа, но она первая его разрываетъ». [И. А. Анненскій]. 5) «Незаурядная сила и ясность ума, цѣльность натуры, вѣчное стремленіе впередъ—къ разумной работѣ—вотъ тѣ черты, которыя ставятъ О. выше другихъ, даже лучшихъ женщинъ ея времени и вмѣстѣ съ тѣмъ являются главнымъ основаніемъ того, что въ лицѣ О.—и обломовщина встрѣтила судью и противника гораздо болѣе послѣдовательнаго, чѣмъ Штольцъ». «Натура изящно-женственная, она вмѣстѣ съ тѣмъ одарена мужскимъ умомъ и мужскимъ стремленіемъ къ дѣлу, къ работѣ». «Въ противоположность фигурѣ Штольца, въ О. нѣтъ ничего искусственнаго, апріорнаго. Это живое лицо прямо взято изъ жизни. Въ художественномъ отраженіи, въ поэтическомъ обобщеніи— оно явилось психологическимъ типомъ, объединяющимъ лучшія стороны русской образованной женщины, сильной умомъ, волею и внутреннею свободою...» [Овсяннико-Куликовскій. «Ист. р. инт.», т. I].

Соничка («Обломовъ»).—Къ стр. 116. «Никакъ не ожидала» «такого поступка: за кого онъ ее считаетъ, что позволилъ себѣ такую дерзость?..» Такъ Соничка въ мазуркѣ отвѣчала какому-то корнету, хотя сама изъ всѣхъ силъ хлопотала, чтобъ вскружить ему голову». «Сказала своему жениху про корнета, что она дурачила его, что онъ мальчишка, что она нарочно заставляла ждать его на морозѣ, пока она выйдетъ садиться въ карету». «За границей отъ пріѣзжихъ изъ Россіи Ольга слышала, что пріятельница ея перешла на третью любовь».

Штольцъ, Андрей Ивановичъ («Обрывъ»).—Надворный совѣтникъ въ отставкѣ и т. д. стр. 272.

Къ стр. 292—360:

Вилландъ, Христофоръ-Мартинъ (1733—1813).—Нѣмецкій поэтъ. Штольцъ въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, по складамъ разбиралъ Гердера, В. (стр. 272).

Гердеръ, Іоганнъ Готфридъ (1744—1803).—Нѣмецкій поэтъ. См. выше—Вилландъ.

Гофманъ, Теодоръ-Амедей (1776—1822).—Извѣстный нѣмецкій писатель. Авторъ «Кота Мурра», «Серапіоновыхъ братьевъ». Въ 30—40-хъ годахъ Г. пользовался огромной популярностью въ русскомъ обществѣ. Сочиненія Г. переводились въ журналахъ. Сочиненія Г. собраны на р. языкѣ въ изд. «Вѣстн. Иностр. Литер.» (Пантелѣева) 8 т. Спб. 1896.

Казанова, Джованни (1725—1798).—Авантюристъ-венецианецъ, «герой» всякаго рода похиженій и авторъ многочисленныхъ мемуаровъ. См. стр. 257.

Пальмерстонъ, лордъ Генри-Джонъ-Темплъ (1784—1865).—Англійскій государственный дѣятель. «Наполеонъ и П.», по мнѣнію Леонтія, «выродки старыхъ большихъ людей» (104).

Прудонъ, Пьеръ-Жозефъ (1809—1865).—Французскій экономистъ. Къ стр. 117.

Ринальдъ (Ринальдо-Ринальдини)—романтическій разбойникъ, герой (и названіе) романа Хр. Вульпіуса (1797), вызвавшего рядъ подражаній.

Спиноза, Бенедиктъ (1632—1677).—Знаменитый философъ. Къ стр. 61.

Телеманъ, сочиненіе Фенелона (1651—1715).—Штольцъ читалъ въ дѣтствѣ Т. (272).

Фейербахъ, Людвигъ (1804—1872).—Философъ. Ф. читала Вѣра вмѣстѣ со священникомъ (61).

Фламандская школа. Расцвет искусства во Фландрии относится къ началу XVII столѣтія, когда явился гений Рубенса, создавшій многочисленныхъ учениковъ и «Ф. школу». Гончаровъ часто упоминаетъ о Ф. ш. Адуевъ П. «имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ, фламандской школы»—это его вкусъ (стр. 26). Леонтій Козловъ «авторитета Ф. ш. не уважалъ», хотя невольно улыбался, глядя на Теньера» (104). Отъ дома фермера «такъ и повѣяло Поль Поттеромъ, Міерисомъ, Теньеромъ (264). Дружининъ сравнивалъ творчество самого Гончарова съ творчествомъ Доу, Ванъ-деръ-Нэера и Остада (347).

Фоблазь (Фобласъ) — герой романа Лувье-де-Кувре (1760 — 1797) «Любовныя приключенія кавалера Ф.». Русскій переводъ. Спб. 1903 г. Изд. журн. «Вѣстн. Иностран. Литер.». Имя Ф. стало нарицательнымъ.

Шатобріанъ, Франсуа-Огюсть (1768 — 1848). — Авторъ «Генія христіанства» («Эпизоды» изъ этого сочиненія: «Рене», «Атала»). Маренивка не могла одолѣть «Les Martyrs» Ш. (123).

Шреккъ, Іоганнъ (1733—1808). — Нѣмецкій историкъ. Его «Всемирную исторію для дѣтей» «долбилъ» Гончаровъ въ училищѣ. [Стр. 343].

Эльзевиръ — фамилія семьи знаменитыхъ голландскихъ издателей, которые довели до высокаго совершенства технику печатнаго дѣла (XVII вѣкъ). Имя Э. носятъ ихъ изданія (болѣе 1500 названій), высоко цѣнимыя библіофилами. Ср. стр. 104.

Эджевортъ, Марія (1767 — 1849). — Англійская романистка, ея романы дидактическаго направленія отличались жизненностью. Э. имѣла успѣхъ въ Россіи. Маренивка читала миссъ Э. (стр. 123).

ПЕРЕВОДЪ.

Ниже данъ переводъ иностранныхъ выраженій, встречающихся въ текстѣ Словаря:

Аяновъ,—стр. 39:—Бѣловодова сдѣлала ложный шагъ.

— стр. 40:—Да, говорилъ Аяновъ, она, не отдавая себѣ отчета сдѣлала ложный шагъ. 2) т. е., что Софья зашла слишкомъ далеко.

Бѣловодова,—стр. 45:—безъ гримасъ—раздавалось чаще всего. Въ домъ ѣздилъ танцмейстеръ и училъ: впередъ, влѣво, держитесь прямо, безъ гримасъ! Еще учили исторіи, географіи, каллиграфіи, ортографіи, еще по русски. Стр. 46: ... И у нея были и слезы, и трепетъ и краска, и все то, что вы такъ любите... 2) Слѣдовательно, здѣсь есть настоящее чувство? Стр. 48: С. Н. нетерпѣливо сказала:—Довольно, кузень. 2) А кухня волновалась, принимала дѣло въ серьезъ между тѣмъ графъ серьезныхъ намѣреній не обнаруживалъ и тутъ Софья совершила ложный шагъ,—зашла слишкомъ далеко—написала графу записку: приходите, графъ, я Васъ жду между 8—9-ью часами; никого не будетъ, и особенно не забудьте (взять съ собой) вапъ артистическій портфель. Остаюсь и проч. С. Б. Стр. 49. «Бѣдняжка Софья убивается сама: «да, это ошибка съ моей стороны, твердитъ она: я скопрометирована; уважающая себя женщина не должна заходить такъ далеко... позволить себѣ... Я совершила ложный шагъ, твердитъ она»

Вельчь,—стр. 55: ...Старушка до крайности бѣлая, т. е. сѣдая.

Волковъ,—стр. 55: «даютъ пикники».

Генераль,—стр. 72: «опредѣлили военное званіе по французски: это званіе, какъ всякое другое».

Динакуръ,—стр. 75: 1) Его Преосвященство Д. 2) Краснолицая фигура, по выраженію француза. 3) ...отвѣтилъ: пущечными выстрѣлами, пущечными выстрѣлами.

Ельнинъ,—стр. 81: ...совершенно подходящій человѣкъ; 2) ...на домашніе музыкально-танцовальныя вечера...

Копылинъ,—стр. 99: Печенка! печенка! повторялъ князь. Что же это такое?

Леонтій Ивановичъ,—стр. 104: Нѣтъ, ступай обратно...

Лузинъ,—стр. 110: ...тысячу извиненій—вы будете здѣсь лишній».

Маркъ Волоховъ,—стр. 116: Безцеремонный артистъ; стр. 117: «Собственность—есть кража», по его мнѣнію, божественная истина.

Милари,—стр. 134:—Графъ М. большой музыкантъ и самый любезный молодой человѣкъ общества... 2) Софья сдѣлала ложный шагъ.

Мишель Раминъ,—стр. 135: ...Я хочу изъ этого бѣднаго ребенка воспитать молодого человѣка; 2) Скажите-же что нибудь, Мишель! сказала вполголоса Крицкая.

Николай Андреевичъ,—стр. 143: Тысяча извиненій, мадемуазель, за безпокойство!

П. Б.,—стр. 177: Своимъ прежнимъ правительствомъ былъ подозрѣваемъ.

Пахотина,—стр. 178:—Тѣмъ хуже, сказала П.:—Слѣдовательно, здѣсь есть настоящее чувство?

Пахотинъ,—стр. 179: Это между нами; 2) Софья не была совершенно равнодушна къ похваламъ графа, но онъ джентельменъ, и она слишкомъ хорошо воспитана... чтобы довести дѣло до ложнаго шага; 3) въ концѣ концовъ, былъ поставленъ сестрицами своими въ очень шекотливое положеніе: объясниться съ гр. Милари. Стр. 180: «Что хочетъ женщина—хочетъ Богъ, 2) лорнируя грудь актрисы.

Пестовъ,—стр. 182:—Прекрасно написано! Вы мнѣ дадите экземпляръ, я его поставлю рядомъ съ Ж.-Ж. Руссо!» 2) «Скажите ему, чтобъ онъ это написалъ по французски.

Полина Нарповна,—стр. 184: Эта женщина, какой ужасъ! отзывалась П. К. объ Ульянѣ Андр. 2) Я хочу воспитать молодого человѣка изъ этого бѣднаго ребенка. Стр. 185:—«Ахъ, свѣтъ такъ золь! 2) Я еще въ первый разъ замѣтила, что мы понимаемъ другъ-друга. Эти два взгляда—помните? Вотъ, вотъ, этотъ самый!» 3) «Да, да: правда? О, мы понимаемъ другъ друга! 3)»—«Скорѣ садитесь и ѣдемъ! 4) Она сама увѣряла Райскаго, что онъ равнодушенъ къ ней, но скрываетъ и немного остерегается, но что, поздно или рано, кончится этимъ и она будетъ такъ довольна и счастлива. 5)»—«О, мы будемъ счастливы! Наконецъ-то! 6) Борисъ, Борисъ! пожалуйста! 7) Что вы хотите? Нѣтъ, ради Бога!»—Стр. 186: Состраданіе! Состраданіе! 2) Я понимаю: говорите все! Смѣлѣй! 3) Смѣлѣй! Здѣсь никто не видитъ и не слышитъ. Я жду... 4) Ахъ, пожалуйста, не такъ сильно! Что вы дѣлаете? Но оставьте же, завопила она.

Полковница,—стр. 186: Твердя: да, да... 2) Отвѣтила семь разъ: да, да..

Райскій,—стр. 197: неисчерпаемое море; стр. 201:—Вотъ великое слово! намѣшливо замѣтила она.

Редакторъ,—стр. 209: ...больше, что называется, небрежности.

Сюза,—стр. 220: Японецъ переводчикъ, представитель молодой Японіи.

Титъ Никоновичъ,—стр. 245:—«Какъ угодно: такъ хочетъ женщина».

Тецкая, нягъ,—стр. 245:—«Какъ она мила, эта маленькая Лидія, не такъ ли, Екатерина?»—«Да, мама, она очень мила». 2) — «Подождите же... 3)»—«Вычеркните это».

Тецкая, княжна,—стр. 245:—«Ну что?—Это уже сдѣлано, кузина.—«Гдѣ же?» 2) «Новый романъ Зола «Приходъ».

Углицкій,—стр. 256: Въ высшей степени представительный; 2) Очень представительный.

Ульяна Андреевна,—стр. 266: Скорѣ садитесь и ѣдемъ! Эта женщина, какой ужасъ!

Урановъ,—стр. 262: Великолѣпно и не дорого.

Хозяйна,—стр. 267: Тамъ только ихъ и видно!

Чиновникъ,—стр. 269: «Я говорю откровенно, вы понимаете?»

Шарль,—стр. 271: Тысячу извиненій, мадемуазель, за безпокойство.

О П Е Ч А Т К И:

Стр. 179. Напечатано: gentilhomme; надо: gentilhomme.

Стр. 184. Напечатано: Je veux le jeune...; надо: Je veux former le jeune...

Стр. 185. Напечатано: que nous nous entendons; надо: que nous nous entendons; и далѣе надо читать: Alons, de grâçe, montez vite et partons!

ТИПЫ ГОНЧАРОВА

VII томъ (§—10 выпуски) «Словаря Литературныхъ Типовъ»

Редакція Н. Д. Носкова.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. И. А. Гончаровъ (біографическая канва)	5
II. Характеристики всѣхъ типовъ, образовъ и лицъ	7
Агафья Матвѣевна.—Н. Н.	Марейнька.—С. П.
Адуевъ, Александръ.—Н. С.	Мухояровъ.—Н. Н.
Адуевъ, Петръ Ивановичъ.—Н. С.	Наденька.—Н. С.
Аяновъ.—С. П.	Обломовъ.—Н. Н.
Бѣловодова.—С. П.	Ольга.—Н. Н.
Ватутинъ.—Н. Н.	Райскій.—С. П.
Волоховъ.—С. П.	Тарантьевъ.—Н. Н.
Вѣра.—С. П.	Татьяна Марковна.—С. П.
Евсей.—Н. С.	Тафаева.—Н. С.
Захаръ.—Н. Н.	Тычковъ.—Н. Н.
Козловъ.—С. П.	Тушинъ.—С. П.
Крицкая.—Н. Н.	Ульяна Андреевна.—Н. Н.
Марина.—С. П.	Штольць.—Н. Н.
III. Списокъ лицъ, именъ и предметовъ (историко-литерат. справки).	293
IV. Перечень произведеній и входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ и лицъ	325
V. Приложенія:	
1) Источники для изученія Гончарова	336
2) Сводъ нарицательныхъ именъ и выражений	339
3) Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Гончарова	340
4) Автобіографія	341
5) Гончаровъ въ критикѣ	345
6) Гончаровъ - путешественникъ	351
7) Грушировка типовъ	357
8) Прототипы	358
9) Дополненія и поправки	361

Дж. 40 км.

СЛОВАРЬ Литературныхъ типовъ.

Редакція Н. Д. Носкова.

Тургеневъ.
Лермонтовъ.
Гоголь.
Аксаковъ.
Грибоедовъ.
Пушкинъ.
Гончаровъ.
Островскій.

Въ составъ выпусковъ входятъ:
1) Биографическая канва; 2) Подробныя характеристики въ освѣщеніи автора и критики; библиографія; 3) краткія характеристики всѣхъ второстепенныхъ образовъ и лицъ; 4) Перечень произведеній съ историко-литературными справками; 5) Сводъ нарицательныхъ именъ; 6) Группировка типовъ; 7) Источники для изученія писателя; 8) Списокъ лицъ, именъ и предметовъ (историко-литер. справки).

Герценъ.
Толстой.
Достоевскій.
Писемскій.
Салтыковъ.
Успенскій.
Чеховъ.

Контора: Петроградъ Тверская, 14.

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 24 выпуска съ доставкой и перес.
ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ рубля.**

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магазинахъ и въ конторѣ Н. Печковской (Москва); желающіе пользоваться разсрочкой обращаются непосредственно въ контору издательства «С. Л. Т.» (СПБургъ, ~~Тверская~~ кая, 14).

Разсрочка: 12 руб. при подпискѣ и по 3 рубля послѣ выхода 12, 15, 18 и 21 выпусковъ. Или 1 рубль задатокъ, при полученіи первыхъ 14-ти по 1 рублю и при полученіи каждаго изъ послѣдующихъ по 90 коп. наложеннымъ платежомъ (наложенный платежъ по 10 коп. за счетъ заказчика). Вышедшіе выпуски могутъ быть высланы вмѣстѣ или отдѣльно, въ сроки, указанные заказчикомъ.

Переплеты (по 1 переплету на 3 выпуска) по 75 к., съ пересылкой на томъ (три выпуска). Крышка (одна на 3 выпуска) по 60 коп. безъ пересылки. Переплеты и крышки изъ англійскаго колленкора съ золотымъ тиснениемъ: Два шагреновые переплета 1—10 на выпуски по 1 р. 60 коп.

ЦѢНА ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ:

- Выпуски 1 — 2. «Типы Тургенева» — 2 рубля.
Выпускъ 3. «Типы Лермонтова» — 1 рубль.
Выпускъ 4. «Типы Гоголя» — 1 рубль 25 коп.
Выпускъ 5. «Типы Аксакова» — 1 рубль.
Выпускъ 6. «Типы Грибоедова» — 1 рубль.
Выпуски 7 — 8. «Типы Пушкина» — 2 рубля.
Выпуски 9 — 10. «Типы Гончарова» — 2 рубля.
Выпуски 11 — 12. «Типы Островскаго» (печатаются).
Выпускъ 13. «Типы Герцена» (печатаются).

Складъ для книгопродавцевъ. „ПРОМЕТЕИ“ Петроградъ Поварской, 10.

Пет. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“ Кавалергардская 40.